

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

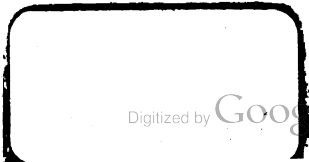
Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 07920040 2

INDEXED

ВРЕМЯ

ВРЕМЯ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ М. ДОСТОЕВСКАГО

ТОМЪ I

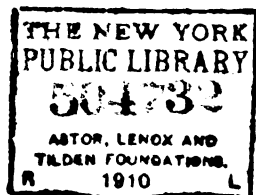

ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ СЪЮЗНА ПРАВА

1861

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 1 декабря 1860 года

Ценсоръ Е. Волковъ

УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ НЕУДАВШАГОСЯ ЛИТЕРАТОРА

РОМАНЪ

(ПОСВЯЩАЕТСЯ М. М. ДОСТОВЕВСКОМУ)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

Прошлаго года, двадцать втораго марта, вечеромъ, со мной случилось престрашное происшествіе. Весь этотъ день я ходилъ по городу и искалъ себѣ квартиру. Старая была очень сыра, а я тогда уже начиналъ дурно кашлять. Еще съ осени хотѣлъ переѣхать, а дотянулъ до весны. Въ цѣлый день я ничего не могъ найти порядочнаго. Во первыхъ хотѣлось квартиру особенную, не отъ жильцовъ, а во вторыхъ хоть одну комнату, но непременно большую, разумѣется вѣстѣ съ тѣмъ и какъ можно дешево. Я замѣтилъ, что въ тѣсной квартирѣ даже и мыслямъ тѣсно. Я же, когда обдумывалъ свои будущія повѣсти, всегда любилъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Кстатн: мнѣ всегда пріятнѣе было обдумывать мои сочиненія и мечтать какъ они у меня напишутся, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ писать ихъ и, право, это было не отъ лѣности. Отчего-же?

Еще съ утра я чувствовалъ себя нездоровымъ, а къ закату солнца мнѣ стало даже и очень не хорошо: начиналось что-то въ родѣ лихорадки. Къ тому-же я цѣлый день былъ на ногахъ и усталъ. Къ вечеру, передъ самыми сумерками, проходилъ я по Вознесенскому Проспекту. Я люблю мартовское солнце въ Петербургѣ, особенно закатъ, разумѣется въ ясный, морозный се-

черь. Вся улица вдругъ блеснетъ, обливая яркимъ свѣтомъ. Всѣ дома какъ-будто вдругъ засверкають. Сѣрые, желтые и грязно-зеленые цвѣта ихъ потеряють на мигъ всю свою угрюмость; какъ-будто на душѣ проясѣть, какъ-будто вздрогнешь, или кто-то подтолкнетъ тебя локтемъ. Новый взглядъ, новая мысль... Удивительно, что можетъ сдѣлать одинъ лучъ солнца съ душой человѣка!

Но солнечный лучъ потухъ; морозъ крѣпчалъ и начиналъ пощипывать за носъ; сумерки густѣли; газъ блеснулъ изъ магазиновъ и лавокъ. Поравнявшись съ кондитерской Миллера, я вдругъ остановился какъ вкопанный и сталъ смотрѣть на ту сторону улицы, какъ-будто предчувствуя, что вотъ сейчасъ со мной случится что-то необыкновенное; и въ это-то самое мгновеніе, на противоположной сторонѣ, я увидѣлъ старика и его собаку. Я очень хорошо помню, что сердце мое сжалось отъ какого-то непріятнѣйшаго ощущенія, и я самъ не могъ рѣшить, какого рода было это ощущеніе.

Я не мистикъ; въ предчувствія и гаданья почти не вѣрю; однако со мною, какъ можетъ быть и со всѣми, случилось въ жизни нѣсколько происшествій, довольно необыкновенныхъ. Напримеръ хоть этотъ старикъ: почему при тогданней моей встрѣчѣ съ нимъ, я тотчасъ почувствовалъ, что въ тотъ-же вечеръ со мной случится что-то не совсѣмъ обыденное? Впрочемъ я былъ боленъ; а болѣзненные ощущенія почти всегда бываютъ обманчивы.

Старикъ своимъ медленнымъ, слабымъ шагомъ, переставляя ноги какъ-будто палки, какъ-будто не стигая ихъ, сторбничалъ и слегка ударяя тростью о плиты тротуара, приближался къ кондитерской. Въ жизнь мою не встрѣчалъ я такой страшнѣйшей, желѣзной фигуры. И прежде, до этой встрѣчи, когда мы стояли съ нимъ у Миллера, онъ всегда болѣзненно поражалъ меня. Его высокій ростъ, сторбленная спина, мертвенное восьмидесятилѣтнее лицо, старое пальто, разорванное по швамъ, изломанная, круглая, двадцатилѣтняя шляпа, прикрывавшая его обнаженную голову, на которой уцѣлѣлъ, на самомъ затылкѣ, клочекъ уже не сѣдыхъ, а бѣложелтыхъ волосъ; всѣ движенія его, дѣлавшіяся какъ-то безсмысленно, какъ-будто по заведенной пружинѣ, — все это невольно поражало всякаго, встрѣчавшаго его въ первый разъ. Дѣйствительно, какъ-то странно было онъ

дѣтъ такого отжившаго свой вѣкъ старика; одного, безъ пристрастия, тѣмъ болѣе, что онъ былъ похожъ на сумасшедшаго, убившаго отъ своихъ надзирателей. Поражала меня тоже его необыкновенная худоба: тѣла на немъ уже почти не было и какъ-будто на кости его была наклеена только одна кожа. Большіе, но тусклые глаза его, вставленные въ какіе-то синіе круги, всегда глядѣли прямо передъ собою, никогда въ сторону и никогда ничего не види, — я въ этомъ увѣренъ. Онъ хотѣ и смотрѣть на васъ, но шолъ прямо на васъ же, какъ-будто передъ нимъ пустое пространство. Я это нѣсколько разъ замѣчалъ. У Миллера онъ началъ являться недавно, неизвѣстно откуда и всегда выѣзжалъ съ своей собакой. Никто никогда не рѣшался съ нимъ говорить изъ посѣтителей кондитерской и онъ самъ ни съ кѣмъ изъ нихъ не заговаривалъ.

— И за чѣмъ онъ таскается къ Миллеру, и что ему тамъ дѣлать? думалъ я, стоя по другую сторону улицы и непреодолимо къ нему приглядываясь. Какая-то досада, — слѣдствіе болѣзни и усталости, — закипала во мнѣ. — Объ чѣмъ онъ думаетъ? — продолжалъ я про себя, — что у него въ головѣ? Да и думаетъ ли еще онъ объ чѣмънибудь? Лицо его до того умерло, что ужъ рѣшительно ничего не выражаетъ. И откуда онъ взялъ эту гадкую собаку, которая не отходитъ отъ него, какъ-будто составляетъ съ нимъ что-то цѣлое, неразъединимое и которая такъ на него похожа?

Этой несчастной собакѣ, кажется, тоже было лѣтъ всемѣсятъ и это непременно должно было быть. Во-первыхъ она была такъ стара, какъ не бываютъ никакія собаки, а во-вторыхъ, отчего же мнѣ, съ перваго же раза какъ я ее увидалъ, тотчасъ же пришло въ голову, что эта собака не можетъ быть такою, какъ всѣ собаки; что она — собака необыкновенная; что въ ней непременно должно быть что-то фантастическое, заколдованное; что это, можетъ быть, какой-нибудь Мефистофель въ собачьей видѣ и что судьба ея какими-то таинственными, невѣдомыми путями соединена съ судьбою ея хозяина. Глядя на нее, мы бы тотчасъ же согласились, что навѣрно прошло уже лѣтъ двадцать, какъ она въ белѣдній разъ бѣла. Худа она была какъ скелетъ, или — (чего же лучше?) — какъ ея господинъ. Шерсть на ней почти все вылезла, тоже и на хвостѣ, который висѣлъ какъ волосъ; всегда крѣпко поджатый. Длинноухая голова

угрюмо свѣшивалась внизъ. Въ жизнь мою я не встрѣчала такой противной собаки. Когда оба они шли по улицѣ, господинъ впереди, а собака за нимъ слѣдомъ, то ея носъ прямо касался помы его платья, какъ-будто къ ней приклеившій. И походка ихъ и весь ихъ видъ нуть не проговаривали тогда съ каждымъ шагомъ :

• Стары-то мы стары, Господи, какъ мы стары! •

Помню, мнѣ еще пришло однажды въ голову, что старикъ и собака, какъ-нибудь выкарабкались изъ какой-нибудь страшицы Гоффмана, иллюстрированнаго Гаварни, и разгуливаютъ по бѣлому свѣту въ видѣ ходячихъ афишекъ къ изданью. — Я вернулъ черезъ улицу и вошелъ вслѣдъ за старикомъ въ кандитерскую.

Въ кандитерской старикъ аттестовалъ себя пристрастно и Миллеръ, стоя за своимъ прилавкомъ, началъ уже, въ послѣднее время, дѣлать недовольную гримасу при входѣ незваного посетителя. Во-первыхъ странный гость никогда ничего не спрашивалъ. Каждый-разъ онъ прямо проходилъ въ уголъ къ печкѣ и тамъ садился на стулъ. Если же его мѣсто у печки бывало занято, то онъ, постолявъ нѣсколько времени въ безмысленномъ недоумѣннн противъ господина, занявшаго его мѣсто, уходилъ, какъ-будто озадаченный, въ другой уголъ къ окну. Тамъ выбиралъ какой-нибудь стулъ, медленно усаживался на немъ, снималъ шляпу, ставилъ ее подлѣ себя на полъ, тростъ клалъ вездѣ шляпы и затѣмъ, откинувшись на спинку стула, оставался неподвиженъ въ продолженіе трехъ или четырехъ часовъ. Никогда онъ не взялъ въ руки ни одной газеты, не произнесъ ни одного слова, ни одного звука; а только сидѣлъ, смотря неподвижно передъ собою во всѣ глаза, но такимъ тупымъ, безжизненнымъ взглядомъ, что можно было побиться объ закладъ, что онъ ничего не видитъ изъ всего окружающаго и ничего не слышитъ. Собака же, покругившись раза два или три на одномъ мѣстѣ, угрюмо укладывалась у ногъ его, втыкала свою морду между его сапогами, глубоко вздыхала и вытянувшись во всю свою длину на полу, тоже оставалась неподвижною на весь вечеръ, точно умирала на это время. Казалось, эти два существа цѣлый день лежать гдѣ-нибудь мертвые и, какъ зайдетъ солнце, вдругъ оживаютъ единственно для того, чтобъ дойти до кандитерской Миллера и тѣмъ исполнить какую-то таинственную, не-

кому неизвестную обязанность. Насидѣвшись часа три-четыре, старикъ наконецъ вставалъ, бралъ свою шляпу и отправлялся куда-то домой. Поднималась и собака и, опять поджавъ хвостъ и свѣсивъ голову, медленнымъ прежнимъ шагомъ, машинально слѣдовала за нимъ. Посѣтители кондитерской наконецъ начали вслѣдствіи обходить старика и даже не сѣли съ нимъ рядомъ, какъ-будто онъ влушалъ имъ омерзѣніе. Онъ же ничего этого не замѣчалъ.

Посѣтители этой кондитерской были большею частию нѣмцы. Они собирались сюда со всего Вознесенскаго проспекта; — все хозяева различныхъ заведеній: слѣсаря, булочники, красильщики, шляпные мастера, сѣдельники, — все люди патриархальныя въ нѣмецкомъ смыслѣ слова. У Миллера вообще наблюдалась патриархальность. Часто хозяинъ подходилъ къ знакомымъ гостямъ и садился вмѣстѣ съ ними за столъ, причѣмъ осушалось известное количество пунша. Собаки и маленькія дѣти хозяина тоже выходили иногда къ посѣтителямъ, и посѣтители ласкали и дѣтей и собакъ. Всѣ были между собою знакомы и всѣ взаимно уважали другъ друга. И когда гости углублялись въ чтеніе нѣмецкихъ газетъ, за дверью, въ квартирѣ хозяина, трещалъ августинъ, наигрываемый на дребезжащихъ фортепіанахъ старшей хозяйской дочкой, бѣлокуренькой нѣмочкой въ локонахъ, очень похожей на бѣлую мышку. Вальсъ принимался съ удовольствіемъ. — Я ходилъ къ Миллеру въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца читать русскіе журналы, которые у него получались.

Войдя въ кондитерекую, я увидѣлъ, что старикъ уже сидитъ у окна, а собака лежитъ, какъ и прежде, растянувшись у ногъ его. Молча сѣлъ я въ уголъ и мысленно задалъ себѣ вопросъ: «зачѣмъ я воиждѣ сюда, когда мнѣ тутъ рѣшительно нечего дѣлать, когда я боленъ и нужнѣе было бы спѣшить домой, выпить чаю и лечь въ постель? Неужели въ самомъ дѣлѣ я здѣсь только для того, чтобъ разглядывать этого старика?» Досада вала меня. «Что мнѣ за дѣло до него» думалъ я, вспоминая то странное, болѣзненное ощущеніе, съ которымъ я глядѣлъ на него еще на улицѣ. «И что мнѣ за дѣло до всѣхъ этихъ скучныхъ нѣмцевъ? К чему это фантастическое настроеніе духа? К чему эта дешовая тревога изъ пустяковъ, которую я замѣчаю въ себѣ въ послѣднее время и которая мѣшаетъ мнѣ жить и глядѣть ясно на жизнь, о чемъ уже замѣтилъ мнѣ одинъ глубоко-

мысленный критикъ, съ негодованіемъ разбирая мою послѣднюю повѣсть? Но раздумывая и сѣтуя, я все-таки оставался на мѣстѣ, а между тѣмъ болѣзнь одолевала меня все болѣе и болѣе и мнѣ, наконецъ, стало жаль оставить теплую комнату. Я взялъ Франкфуртскую газету, прочелъ двѣ строки и задремалъ. Нѣмцы-мнѣ не жѣшались. Они читали, курили и только изрѣдка, въ полчася разъ, сообщали другъ другу, отрывочно и въ полголоса, какую-нибудь новость изъ Франкфурта, да еще какой-нибудь вицъ или шарфезинъ знаменитаго нѣмецкаго остроумца Сафара; послѣ чего, съ удвоенною національною гордостью, вновь погружались въ чтеніе.

Я дремалъ съ полчаса и очнулся отъ спянаго озноба. Рѣшительно надо было идти домой. Но въ ту минуту одна нѣмая сцена, происходившая въ комнатѣ, еще разъ остановила меня. Я сказалъ уже, что старикъ, какъ только усаживался на своемъ стулѣ, тотчасъ же упирался куда-нибудь своимъ взглядомъ и уже не сводилъ его на другой предметъ во весь вечеръ. Случалось и мнѣ попадаться подъ этотъ взглядъ, безсмысленно упорный и ничего не различающій: ощущение было прескверное, даже невыносимое, и я обыкновенно какъ можно скорѣе перемѣнялъ мѣсто. Въ эту минуту жертвой старика былъ одинъ маленькій, кругленькій и чрезвычайно опрятный нѣмецъ, съ стоячими, туго накрахмаленными воротничками и съ необыкновенно краснымъ лицомъ, пріѣзжій гость, купецъ изъ Риги, Адамъ Ивановичъ Шульцъ, какъ узналъ я послѣ, короткій пріятель Миллеру, но не знавшій еще старика и многихъ изъ посѣтителей. Съ наслажденіемъ ночитывая *Dogfbarbieg* и попивая свой пуншъ, онъ вдругъ, поднявъ голову, замѣтилъ надъ собой неподвижный взглядъ старика. Это его озадачило. Адамъ Ивановичъ былъ человѣкъ очень обидчивый и щекотливый, какъ и вообще всѣ «благородные» нѣмцы. Ему показалось страннымъ и обиднымъ, что его такъ пристально и безцеремонно разсматриваютъ. Съ подавленнымъ негодованіемъ отвелъ онъ глаза отъ неделикатнаго гостя, пробормоталъ себѣ что-то подъ-носомъ и молча закрылся газетой. Однако не вытерпѣлъ и минуты черезъ двѣ подозрительно выглянулъ изъ-за газеты: тотъ же упорный взглядъ, тоже безсмысленное разсматриваніе. Смолчалъ Адамъ Ивановичъ и въ этотъ разъ. Но когда тоже обстоятельство повторилось и въ третій, онъ вспыхнулъ и пошелъ

своею обязанностію защитить свое благородство и не уронить передъ благородной публикой прекраснѣйшій городъ Ригу, котораго вѣроятно считалъ себя представителемъ. Съ нетерпѣливымъ жестомъ бросилъ онъ газету на столъ, энергически стукнувъ палочкой, къ которой она была прикрѣплена, и пылая собственнымъ достоинствомъ, весь красный отъ пунша и отъ амбиціи, въ свою очередь уставился своими маленькими, воспаленными глазками на досаднаго старика. Казалось, оба они, и вѣнецъ и его противникъ, хотѣли пересилить другъ друга магнитическою силою своихъ взглядовъ и выжидали, кто раньше сконфузится и опуститъ глаза. Стукъ палочки и эксцентрическая позыція Адама Ивановича, обратили на себя вниманіе всѣхъ посѣтителей. Всѣ тотчасъ же отложили свои занятія и съ важнымъ, безмолвнымъ любопытствомъ наблюдали обоихъ противниковъ: сцена становилась очень комическою. Но магнитизмъ вызывающійхъ глазокъ красненькаго Адама Ивановича совершенно пропалъ даромъ. Старикъ, не заботясь ни о чемъ, продолжалъ прямо смотрѣть на взбѣсившагося г-на Шульца и рѣшительно не замѣчалъ, что сдѣлался предметомъ всеобщаго любопытства, какъ будто голова его была на лунѣ, а не на землѣ. Терпѣнію Адама Ивановича наконецъ дошлось и онъ разразился.

— Зачѣмъ вы на меня такъ внимательно смотрите? — прокричалъ онъ понѣмьки, рѣзкимъ, пронзительнымъ голосомъ и съ угрожающимъ видомъ. Но противникъ его продолжалъ молчать, какъ будто не понималъ и даже не слышалъ вопроса. Адамъ Ивановичъ рѣшился заговорить по-русски.

— Я васъ спросить, зачѣмъ вы на мнѣ такъ пристально смотрите? — прокричалъ онъ съ удвоенною яростію. — Я ко двору извѣстенъ, а вы неизвѣстенъ ко двору! — прибавилъ онъ, вскочивъ со стула. Но старикъ даже и не пошевелился. Между вѣщами раздался ропотъ негодованія. Самъ Миллеръ, привлеченный шумомъ, вошелъ въ комнату. Выскнувъ въ дѣло, онъ подумалъ, что старикъ глухъ, и нагнулся къ самому его уху.

— Каспадивъ Шульцъ васъ пресмалъ пристально не взирайтъ на него, — проговорилъ онъ какъ можно громче, пристально всматриваясь въ невиннаго посѣтителя.

Старикъ машинально взглянулъ на Миллера и, вдругъ, въ лицѣ его, доселѣ неподвижномъ, обнаружились признаки какой-то тревожной мысли, какого-то безпокойнаго волненія. Онъ за-

суетился, нагнулся крѣпко къ своей шляпѣ, торопливо схватилъ ее вмѣстѣ съ палкой, воднялся со стула и съ какой-то жалкой улыбкой, — униженной улыбкой бѣдняка, котораго гонять съ занятаго имъ по ошибкѣ мѣста, приготовился выйдти изъ комнаты. Въ этой смиренной, покорной торопливости бѣднаго, дряхлаго старика было столько вызывающаго на жалость, столько такого, отчего иногда сердце точно перевертывается въ груди, что вся публика, начиная съ Адама Ивановича, тотчасъ же перемѣнила свой взглядъ на дѣло. Было ясно, что старикъ не только не могъ коге-нибудь обидѣть, но самъ каждую минуту цѣпмалъ, что его могутъ отсюда выгнать, какъ нищаго.

Миллеръ былъ человекъ добрый и сострадательный.

— Нѣтъ, нѣтъ, — заговорилъ онъ, ободрительно трепля старика по плечу, — сидитъ! Аверъ геръ Шульцъ очень просилъ васъ прележно не взирать на него. Онъ у двора извѣстенъ.

Но бѣднякъ и тутъ не понялъ; онъ засуетился еще больше прежняго, нагнулся поднять свой платокъ, старый, дырявый, свиной платокъ, выпавшій изъ шляпы, и сталъ кликать свою собаку, которая лежала не шевелясь на полу и повидимому крѣпко спала, заслонивъ свою морду обѣими лапами.

— Азорка, Азорка! — прошамкалъ онъ дрожащимъ, старческимъ голосомъ, — Азорка!

Азорка не пошевелился.

— Азорка, Азорка! — тоскливо повторялъ старикъ, слышимъ и задышающимся голосомъ. Онъ пошевелилъ собаку палкой, но та оставалась въ прежнемъ положеніи.

Палка выпала изъ рукъ его. Онъ нагнулся, сталъ на оба колѣна и обѣими руками приподнялъ морду Азорки. Бѣдный Азорка! онъ былъ мертвъ. Онъ умеръ неслышно, у ногъ своего господина, можетъ быть отъ старости, а можетъ-быть и отъ голода. Старикъ съ минуту глядѣлъ на него, какъ пораженный, какъ будто не понимая, что Азорка уже умеръ; потомъ тихо склонился къ бывшему слугѣ и другу и прижалъ свое блѣдное лицо къ его мертвой мордѣ. Прошла минута молчанья. Всѣ мы были тронуты... Наконецъ бѣднякъ приподнялся. Онъ былъ очень блѣденъ и дрожалъ, какъ въ лихорадочномъ ознобѣ.

— Можно шшшш сдѣлать, — заговорилъ сострадательный Миллеръ, желая хоть чѣмъ-нибудь утѣшить старика. Шшшш означало чучулу. — Можно кароши сдѣлать шшшшш; Федоръ

Карловичъ Кригеръ: отлично сдѣласть шушель; Фодоръ Карловичъ Кригеръ велики майстеръ сдѣлать шушель, твердилъ Миллеръ, подывая съ земли палу и подавая ее старику.

— Да, я отлично сдѣласть шушель, скромно подхватилъ самъ геръ Кригеръ, выступая на первый планъ. Это былъ длиннѣйшій, худощавый и добродѣтельный нѣмецъ, съ рыжими, ключковатыми волосами и очками на горбатомъ носу.

— Фодоръ Карловичъ Кригеръ имѣеть велики талантъ, чтобъ сдѣлать всяки превосходны шушель, — прибавилъ Миллеръ, начинающій приходить въ восторгъ отъ своей идеи.

— Да, я имѣю велики талантъ, чтобъ сдѣлать всяки превосходны шушель, — снова подтвердилъ геръ Кригеръ, и я вамъ даромъ сдѣлаю изъ ваша собачка шушель, прибавилъ онъ въ припадкѣ великодушнаго самоотверженія.

— Нѣтъ, я вамъ заплачу за то, что вы сдѣлаю шушель! — неслышимо вскричалъ Адамъ Ивановичъ Шульцъ, вдвое раскрасившійся, въ свою очередь сгорая великодушіемъ и невинно считая себя причиною всѣхъ несчастій. Старикъ слушалъ все это, видимо не понимая и по прежнему дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Погодите! выпейте одну рюмку кароши коньякъ! — вскричалъ Миллеръ, видя, что загадочный гость порывается уйти.

Подали коньякъ. Старикъ машинально взялъ рюмку, но руки его тряслись и прежде чѣмъ онъ донесъ ее къ губамъ, онъ расплескалъ половину и, не выпивъ ни капли, поставилъ ее обратно на подносъ. За тѣмъ улыбнувшись какой-то странной, совершенно не подходящей къ дѣлу улыбкой, ускореннымъ, неровнымъ шагомъ вышелъ изъ кондитерской, оставивъ на мѣстѣ Аверку. Всѣ стояли въ изумленія; слышались восклицанія.

— Шверногъ! вась-окуръ-вйне-гешихте! — говорили нѣмцамъ, вышуча глаза другъ на друга.

А я бросался вслѣдъ за старикомъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кондитерской, поверотя отъ нея на право, есть переулокъ, узкій и темный, обставленный огромными домами. Что-то подтолкнуло меня, что старикъ непремѣнно повернулъ сюда: Тутъ второй домъ на право строился и весь былъ обставленъ лѣсами. Заборъ, окружавшій домъ, выходилъ чуть не на средину переулка; къ забору была приложена деревянная настилка для проходящихъ. Въ темномъ углу, составленномъ заборомъ и домомъ, я нашелъ старика. Онъ сидѣлъ на приступкѣ деревяннаго

тротуара и обѣими руками, опершись локтями въ каѣна, под держивалъ свою голову. Я сѣлъ подлѣ него.

— Послушайте, сказала я, почти не зная съ чего и начать, — не горюйте объ Аворкѣ. Идите, я васъ отвезу домой. Успокойтесь. Я сейчасъ схожу за извозникомъ. Гдѣ вы живете?

Старикъ не отвѣчалъ. Я не зналъ на что рѣшиться. Продолжить не было. Вдругъ онъ началъ хватать меня за руку.

— Душно! — проговорилъ онъ хриплымъ, едва слышимымъ голосомъ, — душно!

— Идите къ вамъ домой! — вскричалъ я, приподнявшись и насильно приподымая его; — вы выпьете чаю и ляжете въ постель... Я сейчасъ приведу извозника. Я позову доктора... нѣтъ, я дамъ вамъ одинъ докторъ...

Я не помню, что я еще говорилъ ему. Онъ-было хотѣлъ приподняться, но подвѣсившись немного, опять упалъ на землю и опять началъ что-то бормотать, тѣмъ же хриплымъ, удушливымъ голосомъ. Я нагнулся къ нему еще ближе и слушалъ.

— На Васильевскомъ Островѣ, — хрипѣлъ старикъ, — въ шестой линіи... въ ше-стой ли-ніи.

Онъ замолчалъ.

— Вы живете на Васильевскомъ? Но вы не туда пошли; это будетъ налѣво, а не направо. Я васъ сейчасъ довезу...

Старикъ не двигался. Я взялъ его за руку: рука упала, какъ мертвая. Я взглянулъ ему въ лицо, дотронулся до него, — онъ былъ уже мертвый. Мнѣ казалось, что все это происходитъ со мною во снѣ.

Это приключеніе стоило мнѣ большихъ хлопотъ, въ продолженіе которыхъ прошла сама собою моя лихорадка. Квартиру старика отыскали. Онъ однакоже жилъ не на Васильевскомъ острову, а въ двухъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ умеръ, въ домѣ Клугена, подлѣ самой кровлею, въ пятомъ этажѣ, въ отдѣльной квартирѣ, состоявшей изъ одной маленькой прихожей и одной большой, очень низкой комнаты, съ тремя щелями за подобіе оконъ. Жилъ онъ ужасно бѣдно. Мебели было всего столъ, два стула и старыи — старыи диванъ, твердый какъ камень и въ котораго со всѣхъ сторонъ высовывалась мочала; да и то оказалось хозайское. Печь, по видимому, уже давно не топилась; свѣчей тоже не отыскалось. Я серьезно теперь думаю, что старикъ выдумалъ ходить къ Миллеру единственно для того, чтобъ по-

дѣтъ при свѣдѣхъ и догрѣться. На столѣ стояла пустая глиняная кружка и лежала старая, черствая корка хлѣба. Денегъ не было, нѣ было ни копейки. Даже не было другой перемены бѣды, чтобъ похорошеть его; кто-то далъ ужъ свою рубашку. Ясно, что онъ не могъ жить такимъ образомъ, совершенно одинъ и вѣрно кто-нибудь, хоть царѣдка, царѣцалъ его. Въ столѣ отыскался его паспортъ. Покойникъ былъ изъ иностранцевъ, но русскій подданный, Иеремія Смитъ, машинистъ, семидесяти восьми лѣтъ отъ роду. На столѣ лежали двѣ книги: краткая географія и новый зачетъ въ русскомъ переводѣ, исчерченный карандашомъ на поляхъ и съ отмѣтками ногтемъ. Книги эти я приобрѣлъ себѣ. Спрашивали жильцовъ, хозяина дома, — никто объ немъ почти ничего не зналъ. Жильцовъ въ этомъ домѣ множество, почти все мастеровые и мѣщки, содержательницы квартиръ со столомъ и прислугою. Управляющій домомъ, изъ благородныхъ, тоже ничего не могъ сказать о бывшемъ своемъ постояльцѣ, кромѣ развѣ того, что квартира ходила по шести рублей въ мѣсяцъ, что покойникъ жилъ въ ней четыре мѣсяца, но за два послѣднихъ мѣсяца не заплатилъ ни копейки, такъ что приходилось его сгонять съ квартиры. — Спрашивали: не ходилъ ли къ нему кто-нибудь? Но никто не могъ дать объ этомъ удовлетворительнаго отвѣта. Домъ большой; мало-ли людей ходитъ въ такой моевъ ковецъ? всѣхъ не запомнишь. Дворникъ, служившій въ этомъ домѣ лѣтъ пять и вѣроятно могшій хоть что-нибудь разъяснить, ушелъ, двѣ недѣли передъ этимъ, къ себѣ на родину, на побывку, оставивъ вѣсто себя своего племянника, молодого парня, еще не узнаваемаго лично и половины жильцовъ. Не знаю навѣрно, чѣмъ именно кончились тогда всѣ эти справки, но наконецъ старика похоронили. Въ эти дни, между другими хлопотами, я ходилъ на Васильевскій островъ, въ шестую линію, и только прійдя туда, усмѣхнулся самъ надъ собою: что могъ я увидать въ шестой линіи, кромѣ ряда, обыкновенныхъ домовъ? Но зачѣмъ же, думать я, старикъ, умирая, говорилъ про шестую линію и про Васильевскій островъ? не въ бреду-ли?

Я осматривалъ опустѣвшую квартиру Смита и мнѣ она понравилась. Я оставилъ ее за собою. Главное, была большая комната, хоть и очень низкая, такъ что мнѣ въ первое время все казалось, что я задѣну потолокъ головою. Впрочемъ я скоро привыкъ. За шесть рублей въ мѣсяцъ и нельзя было достать лучше.

Особнякъ соблазнилъ меня; оставалось только похлопотать на счетъ прислуги, такъ-какъ совершенно безъ прислуги нельзя было жить. Дворникъ на первое время обѣщался приходить хоть по разу въ день, прислужить мнѣ въ какомъ-нибудь крайнемъ случаѣ. А кто знаетъ, думалъ я, можетъ быть кто-нибудь и навѣдается о старикѣ! Впрочемъ прошло уже пять дней, какъ онъ умеръ, а еще никто не приходилъ.

ГЛАВА II

Въ то время, именно годъ назадъ, я еще сотрудничалъ по журналамъ, писалъ статьи и твердо вѣрилъ, что мнѣ удастся написать какую-нибудь большую, хорошую вещь. Я сидѣлъ тогда за большимъ романомъ; но дѣло все-таки кончилось тѣмъ, что я — вотъ засѣлъ теперь въ больницѣ и, кажется, скоро умру. А коли скоро умру, то къ чему-бы, кажется, и писать записки?

Вспоминается мнѣ неволью и непрерывно весь этотъ тяжелый, послѣдній годъ моей жизни. Хочу теперь все записать и если-бы я не изобрѣлъ себѣ этого занятія, мнѣ кажется, я бы умеръ съ тоски. Всѣ эти прошедшія впечатлѣнія волнуютъ иногда меня до боли, до муки. Подъ перомъ они примутъ характеръ болѣе успокоительный, болѣе стройный; менѣе будутъ походить на бредъ, на кошмаръ. Такъ мнѣ кажется. Одинъ механизмъ письма чего стоитъ; онъ успокоитъ, расхолодитъ, расшевелитъ во мнѣ прежнія авторскія привычки, обратитъ мои воспоминанія и больныя мечты въ дѣло, въ занятіе... Да, я хорошо выдумалъ. Ктому-жъ и наслѣдство фельдшеру; хоть окна облѣпить моими записками, когда будетъ зимнія рамы вставлять.

Но впрочемъ я началъ мой рассказъ, невзвѣстно почему, изъ среднихъ. Коли ужъ все записывать, то надо начинать сначала. Ну, и начнемъ сначала. Впрочемъ не велика будетъ моя автобіографія.

Родился я не здѣсь, а далеко отсюда, въ — ской губерніи. Должно полагать, что родители мои были хорошіе люди, но оставили меня свротою еще въ дѣтствѣ, и выросъ я въ домѣ Николая Сергѣевича Ихменева, мелкопомѣстнаго помѣщика, который принялъ меня изъ жалости. Дѣтей у него была одна только дочь, Наташа, ребенокъ тремя годами моложе меня. Мы росли съ ней

какъ братъ съ сестрой. О мое милое дѣтство! какъ глупо тосковать и жалѣть о тебѣ на двадцатьпятый годъ жизни и, умирая, вспомнить только объ одномъ тебѣ съ восторгомъ и благодарностію! Тогда на небѣ было такое ясное, такое непетербургское солнце и такъ рѣзко, весело билась наши маленькія сердца. Тогда кругомъ были поля и лѣса, а не груда мертвыхъ камней, какъ теперь. Что за чудный былъ садъ и паркъ въ Васняевскомъ; гдѣ Николай Сергѣичъ былъ управляющимъ; въ этотъ садъ съ Наташей ходили гулять, а за саломъ былъ большой, съ лѣсомъ, гдѣ мы, дѣти, оба разъ заблудились... Золотое, прекрасное время! Жизнь сказывалась впервые, таинственно и заманчиво, и такъ сладко было знакомиться съ нею. Тогда за каждымъ кустомъ, за каждымъ деревомъ какъ-будто еще кто-то жилъ, для насъ таинственный и невѣдомый; сказочный міръ сливался съ дѣйствительнымъ; и когда, бывало, въ глубокихъ долипахъ густѣлъ вечерній паръ и съдыми, извилистыми космами цѣплялся за кустарникъ, лѣпившійся по каменистымъ ребрамъ нашего большого оврага, мы съ Наташей, на берегу, держась за руки, съ беззастѣнчивымъ любопытствомъ заглядывали въ глубь и ждали, что вотъ-вотъ выйдетъ кто-нибудь къ намъ или откликнется изъ тумана съ овражьяго дна, и няинны сказки окажутся настоящей, законной правдой. Разъ, потомъ, уже долго спустя, я какъ-то напомнилъ Наташѣ, какъ достали намъ тогда однажды «Дѣтское Чтеніе», какъ мы тотчасъ же убѣжали въ садъ, къ пруду, гдѣ стояла подъ старымъ густымъ кленомъ наша любимая зеленая скамейка, усѣлись тамъ и начали читать «Альфонса и Далинду» — волшебную повѣсть. Еще и теперь я могу вспомнить эту повѣсть безъ какого-то страннаго сердечнаго движенія, и когда я, годъ тому назадъ, припомнилъ Наташѣ двѣ первыя строчки: «Альфонсъ, герой моей повѣсти, родился въ Португаліи; Донъ-Рамиръ его отецъ и т. д.», я чуть не заплакалъ. Должно быть это вышло ужасно глупо и потому-то, вероятно, Наташа такъ странно улыбнулась тогда моему восторгу. Впрочемъ тотчасъ же спохватилась, (я помню это), и для моего утѣшенія сама принялась вспоминать про старое. Слово за словомъ и сама разчувствовалась. Славный былъ этотъ вечеръ; мы все перебрали, — и то, когда меня отсылали въ губернскій городъ въ пансіонъ — Господи, какъ она тогда плакала! — и нашу послѣднюю разлуку, когда я уже на всегда разставался

отъ Васильевскимъ. Я уже кончалъ тогда съ моимъ пансіономъ и отправлялся въ Петербургъ готовиться въ университетъ. Миѣ было тогда семнадцать лѣтъ, ей пятнадцать. Наташа говорить, что я былъ тогда такой неслладный, такой долговязый и что на меня безъ смѣху смотреть небыло. Въ минуту прощанья я отвелъ ее въ сторону, чтобъ сказать ей что-то ужасно важное; но языкъ мой какъ-то вдругъ ошмѣлся и завязъ. Она припоминаетъ, что я былъ очень блѣденъ и дрожалъ. Разумѣется нашъ разговоръ не склеился. Я не зналъ, что сказать, а она, пожалуй, и не поняла-бы меня. Я только горько заплакалъ, да такъ и уѣхалъ, ничего не сказавши. Мы свидѣлись уже долго спустя, въ Петербургѣ. Это было года два тому назадъ. Старикъ Ихменевъ прѣхалъ сюда хлопотать по своей глѣбѣ, а я только что выскочилъ тогда въ литературу.

ГЛАВА III

Николай Сергѣевичъ Ихменевъ происходилъ изъ хорошей фамиліи, но давно уже обѣдѣвшей. Впрочемъ, послѣ родителей ему досталось пратораста душъ хорошаго имѣнія. Лѣтъ двадцати отъ роду онъ распорядился поступить въ гусары. Все шло хорошо; но на шестомъ году его службы случилось, ему, въ одинъ несчастный вечеръ, проиграть все свое состояніе. Онъ не спалъ всю ночь. На слѣдующій вечеръ онъ снова явился къ карточному столу и поставилъ на карту свою лошадь, — послѣднее, что у него осталось. Карта взяла, за ней другая, третья и черезъ полчаса онъ отыгралъ одну изъ деревень своихъ, сельцо Ихменевку, въ которомъ числилось пятьдесятъ душъ по послѣдней ревізіи. Онъ забастовалъ и на другой же день подалъ въ отставку. Сто душъ погибли безвозвратно. Черезъ два мѣсяца онъ былъ уволенъ поручикомъ и отправился въ свое сельцо. Никогда въ жизни онъ не говорилъ потомъ о своемъ проигрышѣ и, не смотря на известное свое добродушіе, непрямѣнно-бы рассорился съ тѣмъ, кто-бы рѣшился ему объ этомъ напомнить. Въ деревнѣ онъ прилежно занялся хозяйствомъ и, тридцать пяти лѣтъ отъ роду, женился на бѣдной дворяночкѣ, Аннѣ Андреевнѣ Шумиловой, совершенной безприданницѣ, но получившей образованіе въ губерскомъ благородномъ пансіонѣ, у эмигрантки

Монъ-Резенъ, чѣмъ Анна Андревна гордилась всю свою жизнь, хотя никто никогда не могъ догадаться: въ чемъ именно состояло это образование. Хозяиномъ сдѣлался Николай Сергѣичъ превосходнымъ. У него учились хозяйству сосѣди-помѣщики. Прошло нѣсколько лѣтъ, какъ вдругъ въ сосѣднее имѣние, село Васильевское, въ которомъ считалось девяностъ душъ, пріѣхалъ изъ Петербурга помѣщикъ, князь Петръ Александровичъ Валковскій. Его пріѣздъ произвелъ во всемъ околоткѣ довольно сильное впечатлѣніе. Князь былъ еще молодой человѣкъ, хотя и не первой молодости, имѣлъ не малый чинъ, значительныя связи, былъ красивъ собою, имѣлъ состояніе и, наконецъ, былъ вдовецъ, что особенно было интересно для дамъ и дѣвицъ всего уѣзда. Разсказывали о блестящемъ пріемѣ, сдѣланномъ ему въ губернскомъ городѣ губернаторомъ, которому онъ приходился какъ-то сродни; о томъ, какъ всѣ губернскія дамы «сошли съ ума отъ его любезностей» и проч. и проч. Однимъ словомъ, это былъ одинъ изъ блестящихъ представителей вѣошаго петербургскаго общества, которые рѣдко появляются въ губерніяхъ, и, появляясь, производятъ чрезвычайный эффектъ. Князь однако же былъ не изъ любезныхъ, особенно съ тѣми, въ комъ не нуждался и кого считалъ хоть немного ниже себя. Съ своими сосѣдами по имѣнію онъ не заблагодаразсудилъ познакомиться, чѣмъ тотчасъ-же нажилъ себѣ много враговъ. И потому всѣ чрезвычайно удивились, когда вдругъ ему вздумалось сдѣлать визитъ къ Николаю Сергѣичу. Правда, что Николай Сергѣичъ былъ однимъ изъ самыхъ ближайшихъ его сосѣдей. Въ домѣ Ихменевыхъ князь произвелъ сильное впечатлѣніе. Онъ тотчасъ-же очаровалъ ихъ обоихъ; особенно въ восторгѣ отъ него была Анна Андревна. Немного спустя, онъ былъ уже у нихъ совершенно запросто, ѣздилъ каждый день, приглашалъ ихъ къ себѣ, острилъ, разсказывалъ анекдоты, игралъ на скверномъ ихъ фортепяно, пѣлъ. Ихменевы не могли надивиться: какъ можно было про такого дорогаго, милѣйшаго человѣка говорить, что онъ гордый, спѣсивый, сухой эгоистъ, о чемъ въ одинъ голосъ кричали всѣ сосѣди? Надобно думать, что князю дѣйствительно понравился Николай Сергѣичъ, человѣкъ простой, прямой, безкорыстный, благородный. Впрочемъ, вскорѣ все объяснилось. Князь пріѣхалъ въ Васильевское, чтобы прогнать своего управляющаго, одного блуднаго нѣшца, человѣка

амбиціоннаго, агронома, одареннаго почтенной сѣдницей, очками и горбатымъ носомъ, но, при всѣхъ этихъ преимуществахъ, кравшаго безъ стыда и цензуры и сверхъ того замучившаго нѣсколькихъ мужиковъ. Иванъ Карловичъ былъ наконецъ поймавъ и уличенъ на дѣлѣ, очень обидѣлся, много говорилъ про нѣмецкую честность; но, не смотря на все это, былъ прогнанъ и даже съ нѣкоторымъ безславіемъ. Князю нуженъ былъ управитель, и выборъ его палъ на Николая Сергѣича, отличнѣйшаго хозяина и честнѣйшаго человѣка, въ чемъ конечно не могло быть и малѣйшаго сомнѣнія. Кажется, князю очень хотѣлось, чтобъ Николай Сергѣичъ самъ предложилъ себя въ управляющіе; но этого не случилось, и князь въ одно прекрасное утро сдѣлалъ предложеніе самъ, въ формѣ самой дружеской и покорнѣйшей просьбы. Ихменевъ сначала отказывался; но значительное жалованье соблазнило Анну Андревну, а удвоенныя любезности просителя разсѣяли и всѣ остальные недоумѣнія. Князь достигъ своей цѣли. Надо думать, что онъ былъ большимъ знатокомъ людей. Въ короткое время своего знакомства съ Ихменевымъ, онъ совершенно узналъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло, и понялъ, что Ихменева надобно очаровать дружескимъ, сердечнымъ образомъ, надобно привлечь къ себѣ его сердце, и что безъ этого деньги не много сдѣлають. Ему же пужень былъ такой управляющій, которому онъ могъ-бы слѣпо и навсегда довѣриться, чтобъ ужъ и не забѣжать никогда въ Васильевское, какъ и дѣйствительно онъ расчитывалъ. Очарованіе, которое онъ произвелъ въ Ихменевѣ, было такъ сильно, что тотъ искренно повѣрилъ въ его дружбу. Николай Сергѣичъ былъ одинъ изъ тѣхъ добрѣйшихъ и наивно-романтическихъ людей, которые такъ хороши у насъ на Руси, чтобы ни говорили о нихъ, и которые, если ужъ полюбить кого (иногда Богъ знаетъ за что), то отдаются ему всей душой, простирая иногда свою привязанность до комическаго.

Прошло много лѣтъ. Имѣніе князя процвѣтало. Сношенія между владѣтелемъ Васильевскаго и его управляющимъ совершались безъ малѣйшихъ неприяностей съ обѣихъ сторонъ и ограничивались сухой дѣловой перепиской. Князь, не вмѣшиваясь нисколько въ распоряженія Николая Сергѣича, давалъ ему иногда такіе совѣты, которые удивляли Ихменева своею необыкновенною практичностью и дѣловитостью. Видно было,

что онъ не только не любилъ тратить лишняго, но даже умѣлъ наживать. Лѣтъ пять послѣ посвященія Васильевскаго, онъ пригласилъ Николаю Сергѣичу довѣренность на покупку другого, превосходнѣйшаго имѣнiя въ четыреста душъ, въ той-же губерши. Николай Сергѣичъ былъ въ восторгѣ; успѣхи князя, слухи объ его удачахъ, о его возвышенiи онъ принималъ къ сердцу, какъ—будто дѣло шло о родномъ его братѣ. Но восторгъ его дошелъ до послѣдней степени, когда князь дѣйствительно показалъ ему въ одномъ случаѣ свою чрезвычайную довѣренность. Вотъ какъ это произошло... Впрочемъ здѣсь я нахожу необходимымъ упомянуть о нѣкоторыхъ особенныхъ подробностяхъ изъ жизни этого князя Валковскаго, отчасти одного изъ главнѣйшихъ лицъ моего разсказа.

ГЛАВА IV

Я упоминалъ уже прежде, что онъ былъ вдовъ. Женатъ былъ онъ еще въ первой молодости и женился на деньгахъ. Отъ родителей своихъ, окончательно разорившихся въ Москвѣ, онъ не получилъ почти ничего. Васильевское было заложено и перезаложено; долги на немъ лежали огромные. У двадцати—двухъ лѣтняго князя, принужденнаго тогда служить въ Москвѣ, въ какой-то канцелярiи, не оставалось ни копейки, и онъ вступалъ въ жизнь какъ «голякъ—потомокъ отрасли старинной». Бракъ на перерѣзлой дочери какого-то купца—откупщика спасъ его. Откупщикъ конечно обманулъ его на приданомъ, но все-таки на деньги жены можно было выкупить родовое имѣнiе и подняться на ноги. Купеческая дочка, доставшаяся князю, едва умѣла писать, не могла склеить двухъ словъ, была дурна лицомъ и имѣла только одно важное достоинство: была добра и безотвѣтна. Князь воспользовался этимъ достоинствомъ вполне: послѣ перваго года брака, онъ оставилъ жену свою, родившую ему въ это время сына, на рукахъ ея отца—откупщика въ Москвѣ, а самъ уѣхалъ служить въ —ю губернiю, гдѣ выхлопоталъ, черезъ покровительство одного знатнаго петербургскаго родственника, довольно видное мѣсто. Душа его жаждала отличiй, возвышенiй, карьеры, и разсчитавъ, что съ своею женой онъ не можетъ жить ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, онъ рѣ-

инился, въ ожиданіи лучшаго, начать свою карьеру съ провинціи. Говорятъ, что еще въ первый годъ своего сожительства съ женою, онъ чуть не замучилъ ее своимъ грубымъ съ ней обхожденіемъ. Этотъ слухъ всегда возмущалъ Николая Сергѣича и онъ съ жаромъ стоялъ за князя, утверждая, что князь неспособенъ къ неблагородному поступку. Но лѣтъ черезъ семь умерла наконецъ княгиня, и овдовѣвшій супругъ ея немедленно переѣхалъ въ Петербургъ. Въ Петербургѣ онъ произвелъ даже нѣкоторое впечатлѣніе. Еще молодой, красавецъ собою, съ состояніемъ, одаренный многими блестящими качествами, несомнѣннымъ остроуміемъ, вкусомъ, нестоющимъ веселостію, онъ явился не какъ искатель счастья и покровительства, а гордо и самостоятельно. Разказывали, что въ немъ дѣйствительно было что-то обаятельное, что-то покоряющее, что-то сильное. Онъ чрезвычайно нравился женщинамъ, и связь съ одной изъ свѣтскихъ красавицъ доставила ему скандальную славу. Онъ сыпалъ деньгами, не жалѣя ихъ, не смотря на врожденную расчетливость, доходившую до скупости, проигрывалъ кому нужно въ карты и не морщился даже отъ огромныхъ проигрышей. Но не развлеченій онъ пріѣхалъ искать въ Петербургъ: ему надо было окончательно стать на дорогу и упрочить свою карьеру. Онъ достигъ этого. Графъ Наинскій, его знатный родственникъ, который не обратилъ бы и вниманія на него, еслибъ онъ явился обыкновеннымъ просителемъ, пораженный его успѣхами въ обществѣ, нашолъ возможнымъ и приличнымъ обратить на него свое особенное вниманіе и даже удостоилъ взять въ свой домъ, на воспитаніе, его семилѣтняго сына. Къ этому-то времени относится и поѣздка князя въ Васильевское и знакомство его съ Ихменевыми. Наконецъ, получивъ черезъ посредство графа значительное мѣсто при одномъ изъ важнѣйшихъ по-сольствъ, онъ отправился за границу. Далѣе слухи о немъ становились нѣсколько темными: говорили о какомъ-то непріятномъ происшествіи, случившемся съ нимъ за границей, но никто не могъ объяснить, въ чемъ оно состояло. Извѣстно было только, что онъ успѣлъ прикупить четыреста душъ, о чемъ уже упоминалъ. Воротився онъ изъ-за границы уже много лѣтъ спустя, въ важномъ чинѣ, и немедленно занялъ въ Петербургѣ весьма значительное мѣсто. Въ Ихменевкѣ носились слухи, что онъ вступаетъ во второй бракъ и родится съ какимъ-то знатнымъ, богатымъ и сильнымъ доможъ. «Смотрить въ вельможи!» го-

писалъ Николай Сергѣичъ, потирая руки отъ удовольствія. Я былъ тогда въ Петербургѣ, въ университетѣ, и помню, что Ижменевъ нарочно писалъ ко мнѣ и просилъ меня справиться: справедливы-ли слухи о бракѣ? Онъ писалъ тоже князю, прося у него для меня покровительства; но князь оставилъ письмо его безъ отвѣта. Я зналъ только, что сынъ его, воспитывавшійся сначала у графа, а потомъ въ лицей, окончилъ тогда курсъ наукъ девятнадцати лѣтъ отъ роду. Я писалъ объ этомъ къ Ижменевымъ, а также и о томъ, что князь любитъ своего сына безъ памяти, балуетъ его, разсчитываетъ уже и теперь его будущность. Все это я узналъ отъ товарищей студентовъ, знакомыхъ мелодому князю. Въ это-то время Николай Сергѣичъ въ одно прекрасное утро получилъ отъ князя письмо, чрезвычайно его удивившее...

Князь, который до сихъ поръ, какъ уже упомянулъ я, ограничивался въ сношеніяхъ съ Николаемъ Сергѣичемъ одной сухой, дѣловой перепиской, писалъ къ нему теперь самымъ подробнымъ, откровеннымъ и дружескимъ образомъ о своихъ семейныхъ обстоятельствахъ: онъ жаловался на своего сына, писалъ, что сынъ огорчаетъ его дурнымъ своимъ поведеніемъ; что конечно на шалости такого мальчика нельзя еще смѣть слишкомъ серьезно (онъ видимо старался оправдать его), но что онъ рѣшился наказать сына, поугатъ его, а именно: сослать его на нѣкоторое время въ деревню, подъ присмотръ Ижменева. Князь писалъ, что вполне полагается на «своего добрейшаго, благороднѣйшаго Николая Сергѣевича и въ особенности на Анну Андреевну», просилъ ихъ обоихъ принять его вѣтрогона въ ихъ семейство, поучить въ удивленіи умъ-разуму, полюбить его, если возможно, а главное исправить его легкомысленный характеръ и «внушить спасительныя и строгія правила, столь необходимыя въ человѣческой жизни.» Разумѣется, старикъ Ижменевъ съ восторгомъ принялся за дѣло. Явился и молодой князь; они приняли его какъ родного сына. Вскорѣ Николай Сергѣичъ горячо полюбилъ его, не менѣе чѣмъ свою Наташу; даже потомъ, уже послѣ окончательнаго разрыва между княземъ-отцомъ и Ижменевымъ, старикъ съ веселымъ духомъ вспоминалъ иногда о своемъ Алешѣ, — такъ привыкъ онъ называть князя Алексея Петровича. Въ самомъ дѣлѣ это былъ пріятнѣйшій мальчикъ: красавчикъ собою,

слабый и нервный, как женщина, но вместе с тем веселый и простодушный, с душою отвертатою и способною къ благороднѣйшимъ ощущеніямъ, съ сердцемъ любящимъ, правдивымъ и признательнымъ, онъ сдѣлался идоломъ въ домѣ Ихменевыхъ. Несмотря на свои девятнадцать лѣтъ, онъ былъ еще совершенный ребенокъ. Трудно было представить, за что его могъ сослать отецъ, который, какъ говорили, любилъ его безъ памяти? Говорили, что молодой человекъ въ Петербургѣ жилъ праздно и вѣтренно, служить не хотѣлъ и огорчалъ этимъ отца. Николай Сергѣичъ не спрашивалъ Алешу, потому что князь Петръ Александровичъ видимо умалчивалъ въ своемъ письмѣ о настоящей причинѣ изгнанія сына. Впрочемъ поносились слухи про какую-то непростительную вѣтренность Алеши: про какую-то связь съ одной дамой, про какой-то вызовъ на дуэль; про какой-то невѣроятный проигрышъ въ карты; доходили даже до какихъ-то чужихъ денегъ, имъ будто-бы растраченныхъ. Былъ тоже слухъ, что князь рѣшился удалить сына вовсе не за вину, а вслѣдствіе какихъ-то особенныхъ, эгзотическихъ соображеній. Николай Сергѣичъ съ негодованіемъ отвергалъ этотъ слухъ, тѣмъ болѣе, что Алеша чрезвычайно любилъ своего отца, котораго не зналъ въ продолженіе всего своего дѣтства и отрочества; онъ говорилъ объ немъ съ восторгомъ, съ увлеченіемъ; видно было, что онъ вполне подчинился его влиянію. Алеша болталъ тоже иногда про какую-то графиню, за которой волочились и онъ и отецъ вместе, но что онъ, Алеша, одержалъ верхъ, а отецъ на него за это ужасно разсердился. Онъ всегда рассказывалъ эту исторію съ восторгомъ, съ дѣтскимъ простодушіемъ, съ звонкимъ, веселымъ смѣхомъ; но Николай Сергѣичъ тотчасъ же его останавливалъ. Алеша подтверждалъ тоже слухъ, что отецъ его хочетъ жениться.

Онъ выжилъ уже почти годъ въ изгнаніи, въ извѣстные сроки писалъ къ отцу почтительныя и благоразумныя письма и наконецъ до того сжился съ Васильевскимъ, что когда князь на лѣто самъ пріѣхалъ въ деревню (о чемъ заранѣе увѣдомилъ Ихменевыхъ), то изгнанникъ самъ сталъ просить отца позволить ему какъ можно долѣе остаться въ Васильевскомъ, увѣряя, что сельская жизнь—настоящее его назначеніе. Всѣ рѣшенія и увлеченія Алеши происходили отъ его чрезвычайной, слабонервной восприимчивости, отъ горячаго сердца, отъ легкомыслія, дохо-

дланного иногда до безсмыслицы; отъ чрезвычайной способности немедленно подчиняться всякому вѣншему влиянію и отъ совершеннаго отсутствія воли. Но князь какъ-то подозрительно выслушалъ его просьбу... Вообще Николай Сергѣичъ съ трудомъ узнавалъ своего прежняго «друга»: князь Петръ Александровичъ чрезвычайно измѣнился. Онъ сдѣлался вдругъ особенно враждебно къ Николаю Сергѣичу; въ провѣркѣ счетовъ по лѣтшю, выразилъ какую-то отвратительную жадность, скудость и невѣжливую мнительность. Все это ужасно огорчало добрейшаго Ихменева; онъ долго старался не вѣрить самому себѣ. Въ этотъ разъ все дѣлалось обратно въ сравненіи съ первымъ посвященіемъ Васильевского, четырнадцать лѣтъ тому назадъ: въ этотъ разъ князь перезнакомился со всѣми сосѣдами, разумеется изъ важнѣйшихъ; къ Николаю же Сергѣичу онъ никогда не ѣздилъ и обращался съ нимъ какъ-будто съ своимъ подчиненнымъ. Вдругъ случилось непонятное происшествіе: безъ всякой видимой причины, послѣдовалъ ожесточенный разрывъ между княземъ и Николаемъ Сергѣичемъ. Подслушаны были горячія, обидныя слова, сказанныя съ обѣихъ сторонъ. Съ негодованіемъ удалился Ихменевъ изъ Васильевского, но исторія еще этимъ не кончилась. По всему околожку вдругъ распространилась отвратительная сплетня. Увѣряли, что Николай Сергѣичъ, разгадавъ характеръ молодого князя, имѣлъ намѣреніе употребить всѣ недостатки его въ свою пользу; что дочь его Наташа (которой уже было тогда семнадцать лѣтъ) сумѣла влюбить въ себя двадцатилѣтняго юношу; что и отецъ и мать этой любви покровительствовали, хотя и дѣлали видъ, что ничего не замѣчаютъ; что хитрая и «безнравственная» Наташа околдовала наконецъ совершенно молодого человѣка, невиданнаго въ цѣлый годъ, ея стараніями, почти ни одной настоящей благородной дѣвicy, которыхъ такъ много зрѣеть въ почтенныхъ домахъ сосѣднихъ помѣщиковъ. Увѣряли наконецъ, что между любовниками уже было условлено обвѣнчаться, въ пятнадцати верстахъ отъ Васильевского, въ селѣ Григорьевѣ, повидимому тихонько отъ родителей Наташи, но которые однако же знали все до малѣйшей подробности и руководили дочь гнусными своими совѣтами. Однимъ словомъ, въ цѣлой книгѣ не умѣстятъ всего, что угадыва кумушки обоого пола успѣли насплетничать по поводу этой исторіи. Но удивительнѣе всего, что князь повѣрилъ

всему этому совершенно и даже вѣрился въ Васильевское единственно по этой причинѣ, вслѣдствіе какого-то анонимнаго доноса, присланнаго къ нему въ Петербургъ изъ провинціи. Конечно всякій, кто зналъ хоть сколько нибудь Николая Сергѣича, не могъ бы, кажется, и одному слову повѣрить изъ всѣхъ вводимыхъ на него обвиненій; а между тѣмъ, какъ водится, всѣ суетлись, всѣ говорили, всѣ оговаривались, всѣ покачивали головами и... осуждали безвозвратно. Ихменевъ же былъ слишкомъ гордъ, чтобъ оправдывать дочь свою передъ кумушками, и настрого запретилъ своей Аннѣ Андреевнѣ вступать въ какія бы то ни было объясненія съ сосѣдями. Сама же Наташа, такъ оклеветанная, даже еще цѣлый годъ спустя, не знала почти ни одного слова изъ всѣхъ этихъ наговоровъ и сплетней: отъ нея тщательно скрывали всю исторію, и она была весела и невинна, какъ двѣнадцатилѣтній ребенокъ.

Тѣмъ временемъ ссора шла все дальше и дальше. Услужливые люди не дремали. Явились доносчики и свидѣтели, и князь успѣлъ наконецъ увѣрить, что долготѣнее управленіе Николая Сергѣича Васильевскаго далеко не отличалось образцовою честностью. Мало того: что три года тому назадъ, при продажѣ рощи, Николай Сергѣичъ утаилъ въ свою пользу двѣнадцать тысячъ серебра; что на это можно представить самыя ясныя; законныя доказательства передъ судомъ, тѣмъ болѣе, что на продажкѣ рощи онъ не имѣлъ отъ князя никакой законной довѣренности, а дѣйствовалъ по собственному соображенію, убѣдивъ уже потомъ князя въ необходимости продажи и предъявивъ за рощу сумму несравненно меньше дѣйствительно полученной. Разумѣется, все это были однѣ клеветы, какъ и оказалось впоследствии, но князь повѣрилъ всему и при свидѣтеляхъ назвалъ Николая Сергѣича воромъ. Ихменевъ не стерпѣлъ и отвѣчалъ равносильнымъ оскорбленіемъ; произошла ужасная сцена. Немедленно начался процессъ. Николай Сергѣичъ, за неимѣніемъ кой-какихъ бумагъ, а главное, не имѣя ни покровителей, ни опытности въ хожденіи по такимъ дѣламъ, тотчасъ же сталъ прогнѣваться въ своей тяжбѣ. На имѣніе его было наложено зѣнщеніе. Раздраженный старикъ бросилъ все и рѣшился наконецъ переѣхать въ Петербургъ, чтобы лично хлопотать о своемъ дѣлѣ, а въ губерніи оставилъ за себя опытнаго довѣреннаго. Кажется, князь скоро сталъ понимать, что онъ напрасно оскорбилъ

Ихменева. Но оскорбленіе съ обѣихъ сторонъ было такъ сильно, что не оставалось и слова на миръ, и раздраженный князь употреблялъ все усилія, чтобъ повернуть дѣло въ свою пользу, т. е. въ сущности отнять у бывшего своего управляющаго послѣдній кусокъ хлѣба.

ГЛАВА V

И такъ Ихменевы переѣхали въ Петербургъ. Не стану описывать мою встрѣчу съ Наташей послѣ такой долгой разлуки. Во все эти четыре года я не забывалъ ее никогда. Конечно я самъ не понималъ вполне того чувства, съ которымъ вспоминалъ о ней; но когда мы вновь свидѣлись, я скоро догадался, что она суждена мнѣ судьбою. Сначала, въ первые дни послѣ ихъ пріѣзда, мнѣ все казалось, что она какъ-то мало развилась въ эти годы, совсѣмъ какъ-будто не переѣздила и осталась почти такой же дѣвочкой, какъ и была до нашей разлуки. Но потомъ каждый день я угадывалъ въ ней что-нибудь новое, до тѣхъ поръ мнѣ совсѣмъ незнакомое, какъ-будто нарочно скрытое отъ меня, какъ-будто дѣвушка нарочно отъ меня пряталась, — и что за наслажденіе было это отгадываніе! Старикъ, переѣхавъ въ Петербургъ, первое время былъ раздраженъ и жолченъ. Дѣла его шли худо; онъ негодовалъ, выходилъ изъ себя, возился съ дѣловыми бумагами, и ему было не до насъ. Анна же Андрияна ходила какъ потерянная и сначала ничего сообразить не могла. Петербургъ ее пугалъ. Она вздыхала и трусила, плакала о вѣрномъ житіи-бытіи, объ Ихменевкѣ, о томъ, что Наташа на возрастѣ, а объ ней и подумать некому, и пускалась со мной къ пристрастнымъ откровенностямъ, за неизвѣніемъ кого другаго, болѣе способнаго къ дружеской довѣренности.

Вотъ въ это-то время, не задолго до ихъ пріѣзда, я кончилъ мой первый романъ, тотъ самый, съ котораго началась моя литературная карьера и, какъ новичокъ, сначала не звалъ, куда его сплутъ. У Ихменевыхъ я объ этомъ ничего не говорилъ; онъ-же чужь со мной не поссорился за то, что я живу праздно, т. е. не служу и не стараюсь приискать себѣ мѣста. Старикъ горько и даже жолчно укорялъ меня, разумеется изъ отеческаго ко мнѣ участія. Яже просто стыдился сказать имъ, чѣмъ занимаюсь. Ну

накъ, въ самое дѣло, объявить прямо, что не хочу служить, а хочу сочинять романы? а потому до времени ихъ обманывалъ, говорилъ, что мѣста мнѣ не дають, а что я нишу изъ всѣхъ свѣтъ. Ему некогда было повѣрить меня. Помню, какъ однажды Наташа, наслушавшись нашихъ разговоровъ, таинственно отвела меня въ сторону и со слезами умоляла подумать о моей судьбѣ, допрашивала меня, выпытывала: что я именно дѣлаю? и когда я и передъ ней не открылся, взяла съ меня клятву, что я не сгублю себя какъ лѣнтяй и праздношатайка. Правда, я хоть не признался и ей, чѣмъ занимаюсь, но помню, что за одно одобрительное слово ея о трудѣ моемъ, о моемъ первомъ романѣ, я бы отдалъ всѣ самые лестные для меня отзывы критиковъ и цѣнителей, которые потомъ о себѣ слышалъ. И вотъ вышелъ наконецъ мой романъ. Еще за долго до появленія его поднялся шумъ и гамъ въ литературномъ мѣрѣ. Б. обрадовался какъ ребенокъ, прочитавъ мою рукопись. Нѣтъ! если я былъ счастливъ когда-нибудь, то это даже и не вовремя первыхъ употребительныхъ минутъ моего успѣха, а тогда, когда еще я не читалъ и не показывалъ никому моей рукописи: въ тѣ долгія ночи, средь восторженныхъ надеждъ и мечтаній и страстной любви къ труду; когда я сидѣлъ съ моею фантазійю, съ лицами, которыхъ самъ создалъ, какъ съ родными, какъ-будто съ дѣйствительно существующими; любилъ ихъ, радовался и печалился съ ними, а подъ-часъ даже и плакалъ самыми искренними слезами надъ несчастливимъ героемъ моимъ. И описать не могу, какъ обрадовались старики моему успѣху, хотя сперва ужасно удивились: такъ странно ихъ это поразило! Анна Андревна, на примѣръ, никакъ не хотѣла повѣрить, что новый, прославляемый всѣми писатель — тотъ самый Ваня, который и т. д. и т. д., и все качала головою. Старикъ долго не сдавался и сначала, при первыхъ слухахъ, даже испугался; сталъ говорить о потеряннѣйшей служебной карьерѣ, о безпорядочномъ поведеніи всѣхъ вообще сочинителей. Но непрерывные новые слухи, объявленія въ журналахъ и наконецъ нѣсколько похвальныхъ словъ, услышанныхъ имъ обо мнѣ отъ такихъ лицъ, которымъ онъ съ благоговѣніемъ вѣрилъ, заставили его измѣнить свой взглядъ на дѣло. Когда же онъ увидѣлъ, что я вдругъ очутился съ деньгами, и узналъ, какую плату можно получать за литературный трудъ, то и послѣднія сомнѣнія его разсѣялись. Быстрый въ переходахъ отъ се-

мнѣнія къ полной, восторженной вѣрѣ; радуясь какъ ребенокъ своему счастью, онъ вдругъ ударился въ самыя необузданныя надежды, въ самыя ослѣпительныя мечты о моей будущности. Каждый день создавалъ онъ для меня новыя карьеры и планы и чего-чего не было въ этихъ планахъ! Онъ даже началъ выказывать мнѣ какое-то особенное, до тѣхъ поръ небывалое ко мнѣ уваженіе. Но все-таки, помню, случалось, сомнѣнія вдругъ опять осаждали его, часто среди самаго восторженнаго фантазирования, и снова сбивали его съ толку.

«Сочинитель, поэтъ! какъ-то странно... Когда же поэты выходишь въ люди, въ чины? Народъ-то все такой щелкопёръ, неважный!»

Я замѣтилъ, что подобныя сомнѣнія и всё эти щекотливыя вопросы приходили къ нему всего чаще въ сумерки (такъ памятны мнѣ всё подробности и все то золотое время!). Въ сумерки нашъ старикъ всегда становился какъ-то особенно нервный, впечатлительный и мнительный. Мы съ Наташей ужъ знали это и заранее посмѣивались. Помню, я ободрялъ его анекдотами про генеральство Сумарокова, про то, какъ Державину прислали табакерку съ червоицами, какъ сама императрица посетила Ломоносова; рассказывалъ про Пушкина, про Гоголя.

— Знаю, братецъ, все знаю, возражалъ старикъ, можетъ быть слышавшій въ первый разъ въ жизни всё эти исторіи. — Гм! Послушай, Ваня, а вѣдь я все-таки радъ, что твоя страсть не стихами писана. Стихи, братецъ, вздоръ; ужъ ты не спорь, а мнѣ довѣрь старику; я добра желаю тебѣ; чистый вздоръ, правильное употребленіе времени! Стихи гимназистамъ писать; стихи до сумасшедшаго дома вашу братью молодежь доводить... Положимъ, что Пушкинъ великъ, кто объ этомъ! А все-таки стишки и ничего больше; такъ, эфемерное что-то... Я впрочемъ его и читалъ-то мало... Проза другое дѣло! тутъ сочинитель даже поучать можетъ, — ну тамъ о любви къ отечеству упомянуть, или тамъ, вообще про добродѣтели... да! Я, братъ, только не умѣю выразиться, но ты меня понимаешь; любя говорю. А ну-ка, ну-ка прочти! заключилъ онъ съ нѣкоторымъ видомъ покровительства, когда я наконецъ принесъ книгу и всё мы, послѣ чаю, усѣлись за круглый столъ: — прочти-ка, что ты тамъ настроилъ; много кричать о тебѣ! посмотримъ, поемотримъ!

Я развернулъ книгу и приготовился читать. Въ тотъ вечеръ

только что вышел мой романъ въ печати, и я, доставъ наконецъ экземпляръ, приближалъ къ Ихменевымъ читать свое сочиненіе.

Какъ я горевалъ и досадовалъ, что не могъ имъ прочесть его раньше, по рукописи, которая была въ рукахъ уздавателя! Наташа даже плакала съ досады, ссорилась со мной, не пререкала меня, что чужіе прочтутъ мой романъ раньше, чѣмъ она... Но вотъ, наконецъ мы сидимъ за столомъ. Старикъ состроилъ физиономію необыкновенно серьезную и критическую. Онъ хотѣлъ строго, строго судить, «самъ увѣриться». Старушка тоже смотрѣла необыкновенно торжественно; чуть-ли она не надѣла къ чтенію новаго чепчика. Она давно уже примѣтила, что я смотрю съ безжелезной любовью на ея безцѣнную Наташу; что у меня духъ занимается и темнѣетъ въ глазахъ, когда я съ ней заговариваю и что и Наташа тоже какъ-то яснѣе, чѣмъ прежде, на меня поглядываетъ. Да! пришло наконецъ это время, пришло въ минуту удачъ, золотыхъ надеждъ и самаго полного счастья, все вмѣстѣ, все разомъ пришло! Примѣтила тоже старушка, что и старикъ ея какъ-то ужъ слишкомъ началъ хвалить меня и какъ-то особенно взглядываетъ на меня и на дочь... и вдругъ испугалась: все-же я былъ не графъ, не князь, не владѣтельный приицъ, или по крайней мѣрѣ, коллежскій совѣтникъ изъ правовѣдовъ, молодой, въ орденахъ и красивый собою! Анна Андревна не любила желать вполонну.

— Хвалить человѣка, думала она обо мнѣ, а за что мнѣ вѣстиво. Сочинитель, поэтъ... Да вѣдь чтожъ такое сочинитель?

ГЛАВА VI

Я началъ имъ мой романъ въ одинъ присѣсть. Мы начали сейчасъ послѣ чаю, а прѣсидѣли до двухъ часовъ по полумочи. Старикъ сначала нахмурился. Онъ ожидалъ чего-то менестижнее высокаго, такого, чего бы онъ пожалуй и самъ не могъ понять, но только непременно высокаго; а вмѣсто того, вдругъ такія будни и все такое извѣстное, — вотъ точь въ точь какъ то самое, что обыкновенно кругомъ совершается. И добро бы большой или интересный человѣкъ былъ герой, или изъ историческаго что-нибудь, въ родѣ Рославлева или Юрія Милослав-

саго; а то: выставленъ какой-то маленький, забытый и даже глуповатый чиновникъ, у котораго и пуговицы на ввинуидирѣ обсынались; и все это такимъ простымъ слогомъ описано, ни дать ни взять какъ мы сами говорить... Странно! Старушка вопросительно взглядывала на Николая Сергѣича и даже нежно го надулась, точно чѣмъ-то обидѣлась: «Ну стоитъ, право, такой вздоръ печатать и слушать, да еще и деньги за это даютъ», написано было на лицѣ ея. Наташа была вся вниманіе, съ жадностію слушала, не сводила съ меня глазъ, всматривалась въ мои губы, какъ я произношу каждое слово, и сама шевелила за мною своими хорошенькими губками. И чтожь? прежде чѣмъ я дочель до половины, у всѣхъ моихъ слушателей текли изъ глазъ слезы. Анна Андревна искренно плакала, отъ всей души сожалѣя моего героя и пренаивно желая хоть чѣмъ-нибудь помочь ему въ его несчастіяхъ, что понималъ я изъ ея восклицаній. Старикъ уже отбросилъ всѣ мечты о высокомъ: «Съ перваго шагу видно, что далеко кулику до Петрова дня; такъ-себѣ, просто рассказецъ; за-то сердце захватываетъ, говорилъ онъ:—за-то становится понятно и памятно, что кругомъ происходитъ; за то познается, что самый забытый, послѣдній человѣкъ есть тоже человѣкъ и называется братъ мой!»—Наташа слушала, плакала и подъ столъ украдкой крѣпко пожимала мою руку. Кончилось чтеніе. Она встала; щечки ея горѣли, слезинки стояли въ глазахъ; вдругъ она схватила мою руку, подаловала ее и выбѣжала вонъ изъ комнаты. Отецъ и мать переглянулись между собою.

— Гм! вотъ она какая восторженная, проговорилъ старикъ, пораженный поступкомъ дочери: — это ничего впрочемъ, это хорошо, хорошо, благородный порывъ! Она добрая дѣвушка... бормоталъ онъ, смотря вскользь на жену, какъ-будто желая оправдать Наташу, а вмѣстѣ съ тѣмъ, почему-то, желая оправдать и меня. Но Анна Андревна, не смотря на то, что во время чтенія сама была въ вѣкоторомъ волненіи и тронута, смотрѣла теперь такъ, какъ будто хотѣла выговорить:

— Она конечно, Александръ Македонскій герой, но за-чѣмъ же етуля ломать? и т. д.

Наташа воротилась скоро, веселая и счастливая, и проходя мимо, потихоньку ущипнула меня. Старикъ принялся было опять «серьезно» оцѣнивать мою повѣсть, но отъ радости не выдержалъ характера и увлекся:

— Ну, братъ Ваня, хорошо, хорошо! утѣшил! такъ утѣшилъ, что я даже и не ожидалъ. Не высокое, не великое, это видно... Вотъ у меня тамъ «Освобожденіе Москвы» лежитъ, въ Москвѣ же и сочинилъ, — ну такъ оно съ первой строки, братецъ, видно, что, такъ-сказать, орломъ воспарилъ человѣкъ... Но знаешь ли, Ваня, у тебя оно какъ-то проще, понятнѣе. Вотъ именно за то и люблю, что понятнѣе! Родилъ какъ-то оно; какъ будто со мной самимъ все это случилось. А то что высокое-то? И самъ бы не понималъ. Слогъ бы я выправилъ: я вѣдь хвалю, а что ни говори, все-таки мало возвышеннаго... Ну да ужъ теперь поздно: напечатано. Развѣ во второмъ изданьи?.. А что, братъ, вѣдь и второе изданіе чай будетъ? Тогда опять деньги... Гм!

— И неужели вы столько денегъ получили, Иванъ Петровичъ? замѣтила Анна Андревна. — Гляжу на васъ и все какъ-то не вѣрится. Ахъ ты, Господи, вотъ вѣдь за что теперь деньги-то стали давать!

— Знаешь, Ваня? продолжалъ старикъ, увлекаясь все болѣе и болѣе: — это хоть не служба, за то все-таки карьера. Прочтутъ и высокія лица. Вотъ, ты говорилъ, Гоголь вспоможеніе ежегодное получаетъ и за границу посланъ. А что еслбъ и ты? а? или еще рано? Надо еще что-нибудь сочинить? Такъ сочиняй, братъ, сочиняй поскорѣе! Не засыпай на лаврахъ. Чего глядѣть-то! — И онъ говорилъ это съ такимъ убѣжденнымъ видомъ, съ такимъ добродушіемъ, что недоставало рѣшимости остановить и расхолодить его фантазію.

— Или вотъ, напримѣръ, табакерку дадутъ... Что жъ? Намилость вѣдь нѣтъ образца. Поощрить захотятъ. А кто знаетъ, можетъ и ко двору попадешь, прибавилъ онъ полупонотомъ и съ впечательнымъ видомъ, прищуривъ свой лѣвый глазъ: — или нѣтъ? или еще рано ко двору-то?

— Ну ужъ и ко двору! сказала Анна Андревна, какъ-будто обидѣвшись.

— Еще немного, и вы произведете меня въ генералы, отивчалъ я, смѣясь отъ души. Старикъ тоже засмѣялся. Онъ былъ чрезвычайно доволенъ.

— Вамъ превосходительство, не хотите-ли кушать? — закричала рѣвая Наташа, которая тѣмъ временемъ собрала намъ поужинать.

Она захохотала, подбѣжала къ отцу и крѣпко обняла его своими горячими ручками :

— Добрый, добрый папаша!

Старикъ разчувствовался.

— Ну, ну, хорошо, хорошо! Я вѣдь такъ, просто говорю. Генераль не генераль, а пойдемте-ка ужинать. Ахъ, ты чувствительная! прибавилъ онъ, потрепавъ свою Наташу по раскрасѣвшейся щекѣ, что любилъ дѣлать при всякомъ удобномъ случаѣ: — я, вотъ видишь-ли, Ваня, любя говорилъ. Ну, хоть и не генераль (далеко до генерала!), а все таки извѣстное лицо, сочинитель!

— Нынче, папаша, говорить: писатель.

— А не сочинитель? Не зналъ я. Ну, положимъ хоть и писатель; а я вотъ что хотѣлъ сказать: камергеромъ конечно не сдѣлаютъ за то, что романъ сочинилъ; объ этомъ и думать печего; а все-таки можно въ люди пройти; ну, сдѣлаться какимъ-нибудь тамъ аташе. За границу могутъ послать, въ Италію, для поправленія здоровья, или тамъ для усовершенствованія въ наукахъ что-ли; деньгами помогутъ. Разумѣется надо, чтобъ все это и съ твоей стороны было благородно; чтобъ за дѣло, за настоящее дѣло деньги и почести брать, а не такъ чтобы какъ-нибудь тамъ, по протекціи...

— Да ты не загордись тогда, Иванъ Петровичъ, прибавила смѣясь Анна Андревна.

— Да ужъ поскорѣй ему звѣзду, папаша, а то что, въ самомъ дѣлѣ, аташе да аташе!

И она опять ущипнула меня за руку.

— А эта все вало мной подсмѣивается! вскричалъ старикъ, съ восторгомъ смотря на Наташу, у которой разгорѣлись щечки, а глазки весело сіяли, какъ звѣздочки. — Я, дѣтки, кажется, и вправду далеко зашолъ, въ Альнаскаръ записался; и всегда-то я былъ такой... а только знаешь, Ваня, смотрю я на тебя: какой-то ты у насъ совсѣмъ простой...

— Ахъ, Боже мой! Да какому же ему быть, папочка?

— Ну, нѣтъ, я не то. А только все-таки, Ваня, у тебя какое-то этакъ лицо... то есть совсѣмъ какъ-будто не поэтическое... Этакъ, знаешь, блѣдные они, говорятъ, бываютъ поэты-то, ну и съ волосами такими, и въ глазахъ, этакъ, что-то... знаешь, тамъ Гете какой-нибудь или проч.... я это въ Аббад-

донѣ читалъ... а что? Опять совралъ что-нибудь? Ишь,, шалунья, такъ и заливается падо мной! Я, друзья мои, не ученый, только чувствовать могу. Ну, лицо не лицо, — это вѣдь еще не велика бѣда лицо-то; для меня и двое хорошо, и очень нравится,.. Я вѣдь не къ тому говорилъ,.. А только будь честенъ, Ваня, будь честенъ, это главное; живи честно, не возмечтай! Передъ тобою дорога широкая. Служи честно своему дѣлу; вотъ что я хотѣлъ сказать, вотъ именно это-то я и хотѣлъ сказать!

Чудное было время! Всѣ свободные часы, всѣ вечера проводилъ я у нихъ. Старикъ приносилъ вѣсти о литературномъ мѣрѣ, о литераторахъ, которыми онъ вдругъ, неизвѣстно почему, началъ чрезвычайно интересоваться; даже началъ читать критическія статьи Б., про котораго я много наговорилъ ему и котораго онъ почти не понималъ, но хвалилъ до восторга и горько жаловался на враговъ его, писавшихъ въ «Сѣверномъ Трутнѣ». Старушка зорко слѣдила за мной и Наташей; но не услѣдила она за нами! Между нами уже было сказано одно словечко, и я слышалъ наконецъ, какъ Наташа, потупивъ головку и полураскрывъ свои губки, почти шопотомъ сказала мнѣ: да. Но узнали и старики; погадали, подумали; Анна Андревна долго качала головою. Странно и жутко ей было. Не вѣрила она мнѣ.

— Вѣдь вотъ хорошо удачи, Иванъ Петровичъ, говорила она: а вдругъ не будетъ удачи, или тамъ что-нибудь; что тогда? хоть бы служили вы гдѣ!

— А вотъ что я скажу тебѣ, Валя, рѣшилъ старикъ, надумавшись: — я и самъ это видѣлъ, замѣтилъ и, признаюсь, даже обрадовался, что ты и Наташа... ну, да чего тутъ! Видишь, Ваня; оба вы еще очень молоды и моя Анна Андревна права. Подождемъ. Ты, положимъ, талантъ, даже замѣчательный талантъ... ну, не гений, какъ объ тебѣ тамъ сперва прокричали, а такъ, просто талантъ (я еще вотъ сегодня читалъ на тебя эту критику въ «Трутнѣ»; слишкомъ ужъ тамъ тебя худо третируютъ; ну да вѣдь это что жъ за газета!). Да! такъ видишь: вѣдь это еще не деньги въ ломбардѣ, талантъ-то; а вы оба бѣдные. Подождемъ годика, этакъ, полтора или хоть годъ: пойдешь хорошо, утвердишься крѣпко на своей дорогѣ, — твоя Наташа; не удастся тебѣ, — самъ разсуди!.. Ты человекъ честный; подумай!..

На этомъ и остановились. А черезъ годъ вотъ что было:

Да, это было почти ровно черезъ годъ! Въ ясный сентябрскій день, передъ вечеромъ, вошелъ я къ моимъ старикамъ больной, съ замрениемъ въ душѣ и упалъ на стулъ чуть не въ обморокъ, такъ что даже они перепугались на меня глядя. Но не оттого закружилась у меня тогда голова и тосковало сердце такъ, что я десять разъ подходилъ къ ихъ дверямъ и десять разъ возвращался назадъ, врежда чѣмъ вошло, — не оттого что не удалась мнѣ моя карьера и что не было у меня еще ни славы, ни денегъ; не оттого, что я еще не какой-нибудь «каташе» и далеко было до того, чтобы меня послали для поправленія здоровья въ Италию; а оттого, что можно прожить десять лѣтъ въ одинъ годъ, и прожила въ этотъ годъ десять лѣтъ и моя Наташа. Беаконечность легла между нами... И вотъ, помню, сидѣлъ я тогда передъ старикомъ, молчалъ и доламывалъ раскѣпанной рукой и безъ того уже обломанная поля моей шляпы; сидѣлъ и ждалъ, неизвѣстно зачѣмъ, когда выйдетъ Наташа. Костюмъ мой былъ жалокъ и куда на мнѣ сидѣлъ; лицомъ я осунулся, похудѣлъ, пожелтѣлъ, — а все-таки далеко не похожъ былъ я на поэта, и въ глазахъ моихъ все-таки не было ничего великаго, о чемъ такъ хлопоталъ когда-то добрый Николай Сергѣичъ. Старушка смотрѣла на меня съ непритворнымъ и ужъ слишкомъ торопливымъ сожалѣніемъ, а сама про себя думала:

— Вѣдь вѣтъ этакой-то чуть не сталъ женихомъ Наташи, Господи помилуй и сохрани!

— Чтѣ, Иванъ Петровичъ, не хотите-ли чаю? (самоваръ кипѣлъ на столѣ) — да каково, батюшка, поживаете? больные вы какіе-то вовсе, спросила она меня жалобнымъ голосомъ, какъ теперь ее слышу.

И какъ теперь вижу: говоритъ она мнѣ, а въ глазахъ ея видна и другая забота, таже самая забота, отъ которой затуманился и ея старикъ и съ которой онъ сидѣлъ теперь надъ простывающей чашкой и думалъ свою думу. Я зналъ, что ихъ очень освабощаетъ въ эту минуту процессъ съ княземъ Валковскимъ, повернувшійся для нихъ не совсѣмъ хорошо, и что у нихъ случилось еще повѣя непріятности, разстроившія Николая Сергѣевича до болѣзни. Молодой князь, изъ-за котораго началась вся исторія этого процесса, мѣсяцевъ пять тому назадъ, нашолъ случай побывать у Ихменевыхъ. Старикъ, любившій своего милого Алешу, какъ роднаго сына, почти каждый день вспоминавшій

о немъ, принявъ его съ радостію. Анна Андревна вспомнила про Васильевское и расплакалась. Алеша сталъ ходить къ нимъ чаще и чаще, потихоньку отъ отца; Николай Сергѣичъ, честный, открытый, прямодушный, съ негодованіемъ отвергъ всё предосторожности. Изъ благородной гордости онъ не хотѣлъ и думать: что скажетъ князь, если узнаетъ, что его сынъ опять принять въ домъ Ихменевыхъ, и мысленно презиралъ всё его нелѣпныя подозрѣнія. Но старикъ не зналъ, достанетъ-ли у него силъ вынести новыя оскорбленія. Молодой князь началъ бывать у нихъ почти каждый день. Весело было съ нимъ старикамъ. Цѣлые вечера и далеко за полночь просиживалъ онъ у нихъ. Разумѣется, отецъ узналъ наконецъ обо всемъ. Вышла гнуснѣйшая сплетня. Онъ оскорбилъ Николая Сергѣича ужаснымъ письмомъ, все на ту же тему, какъ и прежде, а сыну положительно запретилъ посѣщать Ихменевыхъ. Это случилось за двѣ недѣли до моего къ нимъ прихода. Старикъ загрустилъ ужасно. Какъ! его Наташу, невинную, благородную, замѣшивать опять въ эту грязную клевету, въ эту низость! Ея имя было оскорбительно произнесено уже и прежде обидѣвшимъ его человѣкомъ... И оставить это все безъ удовлетворенія! Въ первые дни онъ слегъ въ постель отъ отчаянія. Все это я зналъ. Вся исторія дошла до меня въ подробности, хотя я, больной и убитый, все это послѣднее время, недѣли три, у нихъ не показывался и лежалъ у себя на квартирѣ. Но я зналъ еще... нѣтъ! я тогда еще только предчувствовалъ, зналъ да не вѣрилъ, — что, кромя этой исторіи, есть у нихъ теперь что-то, что должно беспокоить ихъ больше всего на свѣтѣ, и съ мучительной тоской къ нимъ приглядывался. Да, я мучился; я боялся угадать, боялся вѣрить и всѣми силами желалъ удалить роковую минуту. А между тѣмъ я и пришолъ для нея. Меня точно тянуло къ нимъ въ этотъ вечеръ!

— Да, Ваня, спросилъ вдругъ старикъ, какъ-будто опомнившись, — ужъ не былъ-ли болѣнь? что долго не ходилъ? Я виноватъ передъ тобой: давно хотѣлъ тебя навѣстить, да все какъ-то того... — И онъ опять задумался.

— Я былъ нездоровъ, отвѣчалъ я.

— Гм, нездоровъ! повторилъ онъ пять минутъ спустя. — То-то, нездоровъ! Говорилъ я тогда, предостерегалъ, — не слушался! Гм. Нѣтъ, братъ, Ваня: муза видно исаковъ вѣку сидѣла на чердакѣ голодная, да и будетъ сидѣть. Такъ-то!

Да, не въ духѣ былъ старикъ. Не было-бъ у него своей равны на сердцѣ, не заговорилъ бы онъ со мною о голодной музѣ. Я всматривался въ его лицо: оно пожелтѣло, въ глазахъ его выражалось какое-то недоумѣніе, какая-то мысль, въ формѣ вопроса, котораго онъ не въ силахъ былъ разрѣшить. Былъ онъ какъ-то порывистъ и непривычно жолченъ. Жена взглядывала на него съ безпокойствомъ и покачивала головою. Когда онъ, разъ, отвернулся, она кивнула мнѣ на него украдкой.

— Какъ здоровье Натальи Николаевны? она дома? спросилъ я заботченную Анну Андрееву.

— Дома, батюшка, дома, отвѣчала она, какъ-будто затрудняясь моимъ вопросомъ. Сейчасъ сама выйдетъ на васъ поглядѣть. Шутка-ли! три недѣли не видать! Да чтой-то она у васъ какая-то стала такая, — не сообразишь съ ней никакъ: здоровая-ли, больная-ли, Богъ съ ней!

И она робко посмотрѣла на мужа.

— А что? ничего съ ней, отозвался Николай Сергѣичъ вѣроятно и отрывисто: — здорова. Такъ, въ лѣта входитъ дѣвица, перестала младенцемъ быть, вотъ и все. Кто ихъ разберетъ, эти дѣвичьи печали, да капризы?

— Ну, ужъ и капризы! подхватила Анна Андреевна обидчивымъ голосомъ.

Старикъ смолчалъ и забарабанилъ пальцами по столу. — Боже, неужели ужъ было что-нибудь между ними? подумалъ я въ страхѣ.

— Ну, а что, какъ тамъ у васъ? — началъ онъ снова. — Что Б. все еще критику пишетъ?

— Да, пишетъ, отвѣчалъ я.

— Эхъ, Ваня, Ваня! заключилъ онъ, махнувъ рукой. — Что ужъ тутъ критика!

Дверь отворилась и вошла Наташа.

ГЛАВА VII

Она несла въ рукахъ свою шляпку и войдя положила ее на фортепiano; потомъ подошла ко мнѣ и молча протянула мнѣ руку. Губы ея слегка пошевелились; она какъ-будто хотѣла мнѣ что-то сказать, какое-то привѣтствіе, но ничего не сказала.

Три недѣли, какъ мы не видались. Я глядѣлъ на нее съ недоумѣнiемъ и страхомъ. Какъ перемѣнилась она въ эти три недѣли! Сердце мое защемило тоской, когда я разглядывалъ эти шалыя, блѣдныя щеки, губы, запекшiйся какъ въ анхорадеѣ, и глаза, сверкавшiе изъ подъ длинныхъ, темныхъ рѣсницъ горичешнымъ огнемъ и какой-то страстной рѣшимостью.

Но Боже, какъ она была прекрасна! Никогда, ни прежде, ни послѣ, не видалъ я ея такую, какъ въ этотъ роковой день. Та-ли, та-ли эта Наташа, та-ли это дѣвочка, которая, еще только годъ тому назадъ, не спуская съ меня глазъ и шевеля за мною губками, слушала мой романъ и которая такъ весело, такъ безопасно хохотала и шутила въ тотъ вечеръ съ отцомъ и со мною за ужиномъ? Та-ли это Наташа, которая тамъ, въ той комнатѣ, наклонивъ головку и вся загорѣвшись румянцемъ, сказала мнѣ: да.

Раздался густой звукъ колокола, призывавшаго къ вечерни. Она вздрогнула; старушка перекрестилась.

— Ты къ вечерни собиралась Наташа, а вотъ ужъ и благовѣстять, сказала старушка. — Сходи Наташенька, сходи, помолись, благо близко! Да и прошлась-бы за одно. Что заперти-то сидѣть? Смотри, какая ты блѣдная; ровно сглазили.

— Я... можетъ быть... не пойду сегодня, проговорила Наташа медленно и тихо, почти шопотомъ. — Я... нездорова, прибавила она и поблѣднѣла какъ полотно.

— Лучше-бы пойдти, Наташа; вѣдь ты-же хотѣла давеча и шляпку-вотъ принесла. Помолись, Наташенька, помолись, чтобъ тебѣ Богъ здоровья послалъ, уговаривала Анна Андревна, робко смотря на дочь, какъ-будто боялась ея.

— Ну, да; сходи; а ктому-жъ и пройдемся, прибавилъ старикъ, тоже съ безпокойствомъ всматриваясь въ лицо дочери: — мать правду говорить. Вотъ Ваня тебя и проведить.

Мнѣ показалось, что горькая усмѣшка промелькнула на губахъ Наташи. Она подошла къ фортепiано, взяла шляпку и надѣла ее; руки ея дрожали. Всѣ движенiя ея были какъ-будто безсознательны, — точно она не понимала, что дѣлала. Отецъ и мать пристально въ нее всматривались.

— Прощайте! чуть слышно проговорила она.

— И, ангелъ мой, что прощаться, далекий-ли путь! На тебя хоть вѣтеръ подуетъ; смотри, какая-ты блѣдненькая! Ах!

да вѣдь я и забыла (все-то я забываю!) — ладонку я тебѣ кончила; молитву зашила въ нее, ангелъ мой; монашенка изъ Кіева научила прошлаго года; пригодная молитва; еще давеча зашила. Надѣнь, Наташа. Авось Господь Богъ тебѣ здоровья пошлетъ. Одна ты у насъ.

И старушка вынула изъ рабочаго ящика натѣльный золотой крестикъ Наташи; на той-же ленточкѣ была привѣшена только что сшитая ладонка.

— Носи на здоровье! прибавила она, надѣвая крестъ и крестя дочь: — когда-то я тебя каждую ночь такъ крестила, на сонъ грядущій, молитву читала, а ты за мной причитывала. А теперь ты не та стала, и не даетъ тебѣ Господь спокойнаго духа. Ахъ, Наташа, Наташа! Не помогаютъ тебѣ и молитвы мои материнскія! — И старушка заплакала.

Наташа молча поцаловала ея руку и ступила шагъ къ дверямъ; но, вдругъ, быстро воротилась назадъ и подошла къ отцу. Грудь ея глубоко волновалась.

— Папенька! перекрестите и вы... свою дочь, проговорила она задыхающимся голосомъ и опустилась передъ нимъ на колѣни. Мы всѣ стояли въ смущеніи отъ неожиданнаго, слишкомъ торжественнаго ея поступка. Нѣсколько мгновеній отецъ смотрѣлъ на нее, совсѣмъ потерявшись.

— Наташенька, дѣточка моя, дочка моя, милочка, что съ тобою! вскричалъ онъ наконецъ, и слезы градомъ хлынули изъ глазъ его. — Отчего ты тоскуешь? Отчего плачешь и день и ночь? Вѣдь я все вижу; я ночей не сплю, встаю и слушаю у твоей комнаты!... Скажи мнѣ все, Наташа, откройся мнѣ во всемъ старику, и мы...

Онъ не договорилъ, поднялъ ее и крѣпко обнялъ. Она судорожно прижалась къ его груди и скрыла на его плечѣ свою голову.

— Ничего, ничего, это такъ... я нездорова..., твердила она, задыхаясь отъ внутреннихъ, подавленныхъ слезъ.

— Да благословить же тебя Богъ, какъ я благословляю тебя, дитя мое милое, безцѣнное дитя! сказалъ отецъ. — Да пошлетъ Онъ тебѣ навсегда миръ души и оградить тебя отъ всякаго горя. Помолись Богу, другъ мой, чтобъ грѣшная молитва моя дошла до Него.

— И мое, и мое благословеніе надъ тобою! прибавила старушка, заливаясь слезами.

— Прощайте! прошептала Наташа. У дверей она остановилась, еще разъ взглянула на нихъ, хотѣла было еще что-то сказать, но не могла и быстро вышла изъ комнаты. Я бросился вслѣдъ за нею, предчувствуя недоброе.

ГЛАВА VIII

Она шла молча, скоро, потупивъ голову и не смотря на меня. Но пройдя улицу и ступивъ на набережную, вдругъ остановилась и схватила меня за руку.

— Душно! прошептала она: — сердце тѣснить... душно!

— Воротись, Наташа! вскричалъ я въ испугѣ.

— Неужели-жъ ты не видишь, Ваня, что я вышла *совсѣмъ*, ушла отъ нихъ и никогда не возвращусь назадъ? сказала она, съ невыразимой тоской смотря на меня.

Сердце упало во мнѣ. Все это я предчувствовалъ, еще идя къ нимъ; все это уже представлялось мнѣ, какъ въ туманѣ, еще можетъ быть задолго до этого дня; но слова ея поразили меня какъ громомъ.

Мы печально шли по набережной. Я не могъ говорить; я соображалъ, размышлялъ и потерялся совершенно. Голова у меня закружилась. Мнѣ казалось это такъ безобразно, такъ невозможно!

— Ты винишь меня, Ваня? сказала она наконецъ.

— Нѣтъ, но... но я не вѣрю; но этого быть не можетъ!.. отвѣчалъ я, не помня, что говорю.

— Нѣтъ, Ваня, это ужъ есть! Я ушла отъ нихъ и не знаю, что съ ними будетъ... не знаю, что будетъ и со мною!

— Ты къ *нему*, Наташа? да?

— Да, отвѣчала она.

— Но это невозможно! вскричалъ я въ изступленіи: — знаешь ли, что это невозможно, Наташа, бѣдная ты моя! вѣдь это безуміе. Вѣдь ты ихъ убьешь и себя погубишь! Знаешь ли ты это, Наташа?

— Знаю; но что-же мнѣ дѣлать, не моя воля, сказала она,

и въ слезахъ ея слышалось столько отчаянья, какъ будто она шла на смертную казнь.

— Возвотись, возвратись, пока не поздно, умолять я ее, и тѣмъ горячѣе, тѣмъ настойчивѣе умолялъ, чѣмъ больше самъ сознавалъ всю безполезность моихъ увѣщаній и всю нецѣлѣность ихъ въ настоящую минуту. — Понимаешь ли ты, Наташа, что ты сдѣлаешь съ отцомъ? Обдумала ль ты это? Вѣдь его отецъ врагъ твоему; вѣдь князь оскорбилъ твоего отца, заподозрилъ его въ грабежѣ денегъ; вѣдь онъ его воромъ назвалъ. Вѣдь они тягаются... Да что! это еще послѣднее дѣло, а знаешь ли ты, Наташа.... (о Боже, да вѣдь ты все это знаешь!) — знаешь ли, что князь заподозрилъ твоего отца и мать, что они сами, нарочно, сводили тебя съ Алешей, когда Алеша гостилъ у васъ въ деревнѣ? Подумай, представь себѣ только, каково страдалъ тогда твой отецъ отъ этой клеветы. Вѣдь онъ весь посѣдѣлъ въ эти два года, — взгляни на него! А главное: ты вѣдь это все знаешь, Наташа, Господи Боже мой! Вѣдь ужъ я не говорю, что стоятъ имъ обоимъ тебя потерять на вѣки! Вѣдь ты ихъ сокровище, все, что у нихъ осталось на старости. Я ужъ и говорить объ этомъ не хочу: сама должна знать; а главное, что отецъ считаетъ тебя напрасно оклеветанною, обиженною этими гордецами, неотомщенной! Теперь же, именно теперь все это вновь разгорѣлось, усидилась вся эта старая, наболѣвшая вражда изъ за того, что вы принимали къ себѣ Алешу. Князь опять оскорбилъ твоего отца, въ старикѣ еще злоба кипитъ отъ этой новой обиды, и вдругъ, все, все это, всѣ эти обвиненія окажутся теперь справедливыми! Всѣ, кому дѣло извѣстно, оправдаютъ теперь князя и обвинять тебя и твоего отца. Ну, что теперь будетъ съ нимъ? Вѣдь это убьетъ его сразу! Стыдъ, позоръ и отъ кого-же? черезъ тебя, его дочь, его единственное, безцѣнное дитя! А мать? да вѣдь она не переживетъ старика... Наташа, Наташа! что ты дѣлаешь? возвратись! опомнись!

Она молчала; наконецъ взглянула на меня, какъ-будто съ упрекомъ, и столько пронзительной боли, столько страданія было въ ея взглядѣ, что я понялъ, какою кровью и безъ моихъ словъ обливается теперь ея раненное сердце. Я понялъ, чего стоило ей ея рѣшеніе и какъ я мучилъ, рѣзалъ ее моими безполезными, поздними словами; я все это понималъ и все-таки не могъ удержать себя и продолжалъ говорить:

— Да вѣдь ты же сама говорила сейчасъ Аннѣ Андреевнѣ, что, *можетъ быть*, не пойдешь изъ дому... ко всенощной. Стало-быть ты хотѣла и остаться; стало-быть не рѣшилась еще совершенно?

Она только горько улыбнулась въ отвѣтъ. И къ чему я это спросила? вѣдь я могъ понять, что все уже было рѣшено невозвратно. Но я тоже былъ вѣвъ себя.

— Неужели жъ ты такъ его полюбила? вскричалъ я, съ замираемъ сердца смотря на нее и почти самъ не понимая, что спрашиваю.

— Что мнѣ отвѣчать тебѣ, Ваня? ты видишь: онъ велѣлъ мнѣ придти, и я здѣсь, жду его, — проговорила она съ той же горькой улыбкой.

— Но послушай, послушай только, — началъ я опять умолять ее, хватаясь за соломенку: — все это еще можно поправить, еще можно обдѣлать другимъ образомъ, совершенно другимъ какимъ-нибудь образомъ! Можно и не уходить изъ дому. Я тебя научу какъ сдѣлать, Наташечка. Я берусь вамъ все устроить, все, и свиданія и все... Только изъ дому—то не выходи!.. Я буду переносить ваши письма; отчего же не переносить? Это лучше, чѣмъ теперешнее. Я сумѣю это сдѣлать; я вамъ угожу обоимъ; вотъ увидите, что угожу... сами увидите... И ты не погубишь себя, Наташенька, какъ теперь... А то вѣдь ты совсѣмъ себя теперь губишь, совсѣмъ! Согласись, Наташа: все пойдетъ и прекрасно и счастливо; и любить вы будете другъ друга, сколько захотите. А когда отцы перестанутъ ссориться (потому что они непременно перестанутъ ссориться) — тогда...

— Полно, Ваня, оставь, прервала она, крѣпко сжавъ мою руку и улыбувшись сквозь слезы. — Добрый, добрый Ваня! добрый, честный ты человекъ! И ни слова-то о себѣ! Я же тебя оставила первая, а ты все простилъ, только объ моемъ счастьѣ и думаешь. Письма намъ переносить хочешь...

Она заплакала.

— Я вѣдь знаю; Ваня, какъ ты любилъ меня, какъ до сихъ поръ еще любишь, и ни однимъ—то упрекомъ, ни однимъ горькимъ словомъ ты не упрекнулъ меня во все это время! А я, я!.. Боже мой, какъ я передъ тобой виновата! Помнишь, Ваня, помнишь и наше время съ тобою? Охъ, лучше бъ я не знала, не встрѣчала бъ его никогда!.. Жила бъ я съ тобой, Ваня, съ тобой, добренькой

ты мой, голубчикъ ты мой!.. Нѣтъ, я тебя не стою! Видишь, я какая: въ такую минуту, тебѣ же напоминаю о нашемъ прошломъ счастьи, а ты и безъ того страдаешь! Вотъ ты три недѣли не приходилъ: клянусь же тебѣ, Ваня, ни одного разу не приходила мнѣ въ голову мысль, что ты меня проклялъ и ненавидишь. Я знала, отчего ты ушелъ: ты не хотѣлъ намъ мѣшать и быть намъ живымъ укоромъ. А самому тебѣ развѣ не было тяжело на насъ смотрѣть? А какъ я ждала тебя, Ваня, ужъ какъ ждала! Ваня, послушай, если я и люблю Алешу какъ безумная; какъ сумасшедшая, то тебя, можетъ быть, еще больше, какъ друга моего, люблю. Я ужъ слышу, знаю, что безъ тебя я не проживу; мнѣ ты надобенъ, мнѣ твое сердце надобно; твоя душа золотая!.. Охъ, Ваня! какое горькое, какое тяжелое время наступаетъ! — Она залилась слезами. Да, тяжело ей было!

— Ахъ, какъ мнѣ хотѣлось тебя видѣть! — продолжала она, подавивъ свои слезы. — Какъ ты похудѣлъ, какой ты больной, блѣдный; ты въ самомъ дѣлѣ былъ нездоровъ, Ваня? Что жъ я, и не спрошу! все о себѣ говорю: ну какже теперь твой дѣла съ журналистами? Что твой новый романъ, подвигается ли?

— До романаовъ ли, до меня ли теперь, Наташа! Да и что мои дѣла! ничего; такъ себѣ, да и Богъ съ ними! А вотъ что; Наташа: это онъ самъ потребовалъ, чтобъ ты шла къ нему?

— Нѣтъ; не онъ одинъ; больше я. Онъ; правда, говорилъ, да я и сама... Видишь, голубчикъ, я тебѣ все разскажу: ему сватаютъ невесту, богатую и очень знатную; очень знатнымъ людямъ родня. Отецъ непремѣнно хочетъ, чтобъ онъ женился на ней, а отецъ, вѣдь ты знаешь, — ужасный интригантъ; былъ всѣмъ пружинами въ ходъ пустилъ; и въ десять лѣтъ такого случая не нажить. Свази, деньги... А она, говоритъ, очень хороша собою; да и образованіемъ и сердцемъ всѣмъ хороша; ужъ Алеша увлекается ею. Да къ тому же отецъ и самъ его хочетъ поскорѣй съ плечъ домой обвить, чтобъ самому жениться, а потому, непременно и во что бы то ни стало, положивъ расторгнуть нашу связь. Онъ боится меня и моего вліянія на Алешу!..

— Да развѣ князь, прерываетъ я ее съ удивленіемъ, про такую любовь знаетъ? вѣдь онъ только подозрѣвалъ, да и то не наверняка.

— Знаетъ, все знаетъ.

— Да ему что сказали?

— Алеша же все в рассказаль, недавно. Онъ мнѣ самъ говорилъ, что все это рассказаль отцу.

— Господи! что жъ это у васъ происходитъ! Самъ же все и рассказаль, да еще въ такое время?

— Не види его, Ваня, перебила Наташа, — не смѣйся надъ нимъ! Его судить нельзя какъ всѣхъ другихъ. Будь справедливъ. Вѣдь онъ не таковъ, какъ вотъ мы съ тобой. Онъ ребенокъ; его и воспитали не такъ. Развѣ онъ понимаетъ, что дѣлаетъ? Первое впечатлѣніе, первое чужое вліяніе способно его отвлечь отъ всего, чему онъ за минуту передъ тѣмъ отдавался съ клятвою. У него нѣтъ характера. Онъ вотъ поклялся тебѣ, да въ тотъ же день, также правдиво и искренно, другому отдается; да еще самъ первый къ тебѣ придетъ рассказать объ этомъ. Онъ и дурной поступокъ, пожалуй, сдѣлаетъ; да обвинить-то его за этотъ дурной поступокъ нельзя будетъ, а развѣ что пожалѣть. Онъ и на самопожертваніе способенъ и даже знаешь на какое! да только до какого-нибудь новаго впечатлѣнія: тутъ ужъ онъ опять все забудетъ. *Такъ и меня забудетъ, если я не буду постоянно при немъ.* Вотъ онъ какой!

— Ахъ, Наташа, да можетъ быть это все неправда, только слухи одни. Ну, гдѣ ему, такому еще мальчику, жениться?

— Соображенія какія-то у отца особенныя, говорю тебѣ.

— А почему жъ ты знаешь, что невѣста его такъ хороша и что онъ и ею ужъ увлекается?

— Да вѣдь онъ мнѣ самъ говорилъ.

— Какъ! самъ же и сказалъ тебѣ, что можетъ другую любить, а отъ тебя потребовалъ теперь такой жертвы?

— Нѣтъ, Ваня, нѣтъ! Ты не знаешь его, ты мало съ нимъ былъ; его надо короче узнать и ужъ потомъ судить. Цѣтъ сердца на свѣтѣ правдивѣе и чище его сердца! Чтожъ? лучше чтоль, еслибъ онъ лгалъ? А что онъ увлекся, такъ вѣдь стоитъ только мнѣ недѣлю съ нимъ не видаться, онъ и забудетъ меня и полюбить другую, а потомъ какъ увидитъ меня, то и опять у ногъ моихъ будетъ. Нѣтъ! это еще и хорошо, что я знаю, что не скрыто отъ меня это; а то бы я умерла отъ подозрѣнія. Да, Ваня! я ужъ рѣшилась: *если я не буду при немъ всегда, постоянно, каждое мгновеніе, онъ разлюбитъ меня, забудетъ и броситъ.* Ужъ онъ такой: его всякая другая за собой увлечь можетъ. А что же я тогда буду дѣлать? я тогда умру... да что умереть! я бы и рада

теперь умереть! А вотъ каково жить-то мнѣ безъ него? вотъ что хуже самой смерти, хуже всѣхъ мукъ! О Ваня, Ваня! Вѣдь есть же что-нибудь, что я вотъ бросила теперь для него и мамы и отца! Не уговаривай меня: все рѣшено! Онъ долженъ быть подле меня каждый часъ, каждое мгновение; я не могу воротиться. Я знаю, что погибла и другихъ погубила... Ахъ, Ваня! вскричала она вдругъ и вся задрожала: — что если онъ въ самомъ дѣлѣ ужъ не любитъ меня! Что если ты правду про него сейчасъ говорилъ, (я никогда этого не говорилъ) что онъ только обманываетъ меня и только кажется такимъ правдивымъ и искреннимъ, а самъ злой и тщеславный! Я вотъ теперь защищаю его передъ тобой; а онъ, можетъ быть, въ эту же минуту съ другою, и смѣется про себя... а я, я, низкая, бросила все и хожу по уликамъ, ищу его. . Охъ, Ваня!

Этотъ стонъ съ такою болью вырвался изъ ея сердца, что вся душа моя запыла въ тоскѣ. Я понялъ, что Наташа потеряла уже всякую власть надъ собой. Только слѣпая, безумная ревность въ послѣдней степени могла довести ее до такого сумасброднаго рѣшенія. Но во мнѣ самомъ разгорѣлась ревность и прорвалась изъ сердца. Я не выдержалъ: гадкое чувство увлекло меня.

— Наташа, сказала я, — одного только я не понимаю: какъ ты можешь любить его послѣ того, что сама про него сейчасъ говорила? Не уважаешь его, не вѣришь даже въ любовь его, и идешь къ нему безъ возврата, и всѣхъ для него губишь? Чтожъ это такое? Измучаетъ онъ тебя на всю жизнь, да и ты его тоже. Слишкомъ ужъ любишь ты его, Наташа, слишкомъ! Не понимаю я такой любви.

— Да, люблю; какъ сумасшедшая, отвѣчала она; поблѣднѣвъ какъ-будто отъ боли. — Я тебя никогда такъ не любила, Ваня. Я вѣдь и сама знаю, что съ ума сошла и не такъ люблю какъ надо. Не хорошо я люблю его... Слушай, Ваня: я вѣдь и прежде знала и даже въ самые счастливые минуты наши предчувствовала, что онъ дастъ мнѣ однѣ только муки. Но что же дѣлать, если мнѣ теперь даже муки отъ него—счастье? Я развѣ на радость иду къ нему? Развѣ я не знаю впередъ, что меня у него ожидаетъ и что я перенесу отъ него? Вѣдь вотъ онъ клялся мнѣ любить меня, всѣ обѣщанія давалъ; а вѣдь я ничему не вѣрю и его обѣщаній, ни во что ихъ не ставлю и прежде не ставила,

хоть и знала, что онъ мнѣ не лгалъ, да и солгать не можетъ. Я сама ему признала, сама, что не хочу его ничѣмъ связывать. Съ нимъ это лучше: привади никто не любитъ, я первая. А все таки я рада быть его рабой, добровольной рабой; деревенскія отъ него все, все, только бы онъ былъ со мной, только бы я глядѣла на него! Кажется, пусть бы онъ и другую любилъ, только бы при мнѣ этого было, чтобъ и я тутъ подлѣ была... Экая низость, Ваня! — спросила она вдругъ, смотря на меня какими-то горячешнымъ, воспаленнымъ взглядомъ. Одно мгновение мнѣ казалось, будто она въ бреду; — вѣдь это низость, такія желанія? Что жъ? сама говорю, что низость, а если онъ броситъ меня, я побѣгу за нимъ на край свѣта, хоть и отталкивать, хоть и прогонять меня будетъ. Вотъ ты уговариваешь теперь меня воротиться; — а что будетъ изъ этого? Ворочусь, а завтра же онѣтъ уйду, принажетъ и уйду; свиснетъ, кликнетъ меня, какъ собачку, а я побѣгу за нимъ... Муки! не боюсь я отъ него никакихъ мукъ! я буду знать, что отъ него страдаю... Охъ, да вѣдь этого не расскажешь, Ваня!

«А отецъ, а мать?» подумалъ я. Она какъ-будто ужъ и забыла про нихъ.

— Такъ онъ и не женится на тебѣ, Наташа?

— Обѣщаль, все обѣщаль, Онъ вѣдь для того меня и зоветъ теперь, чтобъ завтра же обѣщанья потихоньку, за городомъ; да вѣдь онъ не знаетъ, что дѣлаетъ. Онъ, можетъ быть, какъ и вѣщаютъ-то не знаетъ. И какой онъ мужъ? Смѣшно, право. А женится, такъ несчастливъ будетъ, попрекать начнетъ... Не хочу я, чтобъ онъ когда-нибудь въ чемъ-нибудь попрекнулъ меня. Все ему отдамъ, а онъ мнѣ пускай ничего. Чтожъ, когда онъ несчастливъ будетъ отъ женитьбы, ваять же его несчастнымъ дѣлать?

— Нѣтъ, это какой-то чадъ, Наташа, сказалъ я. — Чтожъ ты теперь примешь къ нему?

— Нѣтъ, онъ обѣщанья сюда придетъ, ваять меня; мы уже виделись... — и она жадно посмотрѣла вдаль, но никого еще не было.

— И его еще нѣтъ! И ты первая пришла! вскричала я съ негодованіемъ. Наташа какъ-будто поматнула отъ удара. Лицо ея блѣднѣнно искажилось.

— Онъ, можетъ быть, и совсѣмъ не придетъ, проговаривалъ

она съ горькой, тяжелой усмѣшкой. — Третьяго дня онъ писалъ, что если я не дамъ ему слова придти, то онъ поневоѣ долженъ отложить свое рѣшеніе — ѣхать и обвиняться со мною; а отецъ увезетъ его къ невѣстѣ. И такъ просто, такъ натурально написалъ, какъ будто это и совсѣмъ ничего... Что, если онъ и вправду поѣхалъ къ ней, Ваня? — Я не отвѣчалъ. Она крѣпко стиснула мнѣ руку — и глаза ея засверкали.

— Онъ у ней, проговорила она чуть слышно. — Онъ надѣялся, что я не приду сюда, чтобъ поѣхать къ ней, а потомъ сказать, что онъ правъ, что онъ заранѣе увѣдомлялъ, а я сама не пришла. Я ему надоѣла, вотъ онъ и отстаетъ... Охъ, Боже! сумасшедшая я! Да вѣдь онъ мнѣ самъ въ послѣдній разъ сказалъ, что я ему надоѣла... Чего жъ я жду!

— Вотъ онъ! закричалъ я, вдругъ увидѣвъ его вдали на набережной.

Наташа вздрогнула, вскрикнула, взглядываясь въ приближавшагося Алешу, и вдругъ, бросивъ мою руку, пустилась къ нему. Онъ тоже ускорилъ шаги и черезъ минуту она была уже въ его объятіяхъ. На улицѣ, кромѣ насъ, никого почти не было. Они цаловались, смѣялись; Наташа смѣялась и плакала, все вмѣстѣ, точно они встрѣтились послѣ безконечной разлуки. Краска залила ея блѣдныя щеки; она была какъ иступленная... Алеша замѣтилъ меня и тотчасъ же ко мнѣ подошелъ.

ГЛАВА IX

Я жадно въ него всматривался. хотъ и видѣлъ его много разъ до этой минуты; я смотрѣлъ въ его глаза, какъ будто его взглядъ могъ разрѣшить всѣ мои недоумѣнія, могъ разъяснить мнѣ: чѣмъ, какъ этотъ ребенокъ могъ очаровать ее, могъ зародить въ ней такую безумную любовь, — любовь до забвенія самого перваго долга, до безразсудной жертвы всѣмъ, что было для нея, до сихъ поръ, самой полною святыней? Князь взялъ меня за обѣ руки, крѣпко пожалъ ихъ, и его взглядъ, кроткій и ясный, проникъ въ мое сердце.

Я почувствовалъ, что могъ ошибаться въ заключеніяхъ моихъ, на его счетъ ужъ потому одному, что онъ былъ врагъ мой. Да, я не любилъ его и, какось, я дикогда не могъ его полюбить, —

только одинъ я, можетъ быть, изъ всѣхъ его знавшихъ. Многое въ немъ мнѣ упорно не нравилось, даже изящная его наружность и, можетъ быть, именно потому, что она была какъ-то ужь слишкомъ изящна. Впослѣдствіи я понялъ, что и въ этомъ судилъ пристрастно. Онъ былъ высокъ, строенъ, тонкъ; лицо его было продолговатое, всегда блѣдное; бѣлокурые волосы, большіе голубые глаза, кроткіе и задумчивые, въ которыхъ вдругъ, порывами, блистала иногда самая простодушная, самая дѣтская веселость. Полныя небольшія пунцовыя губы его, превосходно обрисованныя, почти всегда имѣли какую-то серьезную складку; тѣмъ неожиданнѣе и тѣмъ очаровательнѣе была вдругъ появлявшаяся на нихъ улыбка, до того наивная и простодушная, что вы сами, вслѣдъ за нимъ, въ какомъ бы вы ни были настроеніи духа, ощущали несмеленную потребность, въ отвѣтъ ему, точно также какъ и онъ, улыбнуться. Одѣвался онъ неизысканно, но всегда изящно; видно было, что ему не стоило ни малѣйшаго труда это изящество во всемъ, что оно ему прирожденно. Правда, и въ немъ было нѣсколько пехорошихъ замашекъ, нѣсколько дурныхъ привычекъ хорошаго тона: легкомысліе, самодовольство, вѣжливая дерзость. Но онъ былъ слишкомъ ясенъ и простъ душою и самъ, первый, обличалъ въ себѣ эти привычки, каялся въ нихъ и смѣялся надъ ними. Мнѣ кажется, этотъ ребенокъ никогда, даже и въ шутку, не могъ бы солгать, а еслибъ и солгалъ, то, право, не подозревая въ этомъ дурнаго. Даже самый эгоизмъ былъ въ немъ какъ-то привлекателенъ, именно потому, можетъ быть, что былъ откровененъ, а не скрытъ. Въ немъ ничего не было скрытнаго. Онъ былъ слабъ, довѣрчивъ и робокъ сердцемъ; воли у него не было никакой. Обидѣть, обмануть его было бы и грѣшно и жалко, также какъ грѣшно обмануть и обидѣть ребенка. Онъ былъ не по лѣтамъ наивенъ и почти ничего не понималъ въ дѣйствительной жизни; впрочемъ и въ сорокъ лѣтъ ничего бы, кажется, въ ней не узналъ. Такіе люди какъ бы осуждены на вѣчное несовершенство. Мнѣ кажется, не было человѣка, который бы могъ не полюбить его; онъ заласкался бы къ вамъ, какъ дитя. Наташа сказала правду: онъ могъ бы сдѣлать и дурной поступокъ, принужденный къ тому чѣмъ пибудь сильнымъ вліяніемъ; но, сознавъ послѣдствія такого поступка, я думаю, онъ бы умеръ отъ раскаянія. Наташа инстинктивно чувствовала, что будетъ его

госпожой, владычицей; что онъ будетъ даже жертвой ея! Она предвкусала наслажденіе любить безъ памяти и мучить до боли того, кого любишь, именно за то что любишь, и потому-то, можетъ быть, и поспѣшила отдаться ему въ жертву первая. — Но и въ его глазахъ сіяла любовь, и онъ съ восторгомъ смотрѣлъ на нее. Она съ торжествомъ взглянула на меня. Она забыла въ это мгновеніе все — и родителей, и покинутый домъ, и прошанье, и подозрѣнія... Она была счастлива.

— Ваня! вскричала она, я виновата передъ нимъ и не стою его! Я думала, что ты ужъ и не придешь, Алеша. Забудь мои дурныя мысли, Ваня. Я заглажу это! прибавила она, съ безконечною любовью смотря на него. Онъ улыбулся, поцаловалъ у ней руку и не выпуская ея руки сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Не вините и меня. Какъ давно хотѣлъ я васъ обнять, какъ роднаго брата; какъ много она мнѣ про васъ говорила! Мы съ вами до сихъ поръ едва познакомились и какъ-то не сошлись! Будемъ друзьями и... простите насъ, прибавилъ онъ вполголоса и немного покраснѣвъ, но съ такой прекрасной улыбкой, что я не могъ не отозваться всѣмъ моимъ сердцемъ на его привѣтствіе.

— Да, да, Алеша, подхватила Наташа, онъ нашъ, онъ нашъ братъ, онъ уже простилъ насъ и безъ него мы не будемъ счастливы. Я уже тебѣ говорила... Охъ, жестокія мы дѣти, Алеша! Но мы будемъ жить втроемъ... Ваня! продолжала она, и губы ея задрожали: — вотъ ты воротисься теперь къ нимъ, домой; у тебя такое золотое сердце, что хоть они и не простятъ меня, но видя, что я ты простилъ, можетъ быть, хоть немного смягчатся надо мною. Расскажи имъ все, все, своими словами изъ сердца; найди такія слова... Защити меня, спаси; передай имъ всѣ причины, все какъ самъ понялъ. Знаешь ли, Ваня, что я бы, можетъ быть, и не рѣшилась на это, еслибъ тебя не случилось сегодня со мною! Ты спасеніе мое: я тотчасъ же на тебя понадеялась, что ты съумѣешь имъ такъ передать, что покрайней мѣрѣ этотъ первый-то ужасъ смягчишь для нихъ. О Боже мой, Боже!.. Скажи имъ отъ меня, Ваня, что я знаю, что простить меня ужъ нельзя теперь: они простятъ, Богъ не проститъ; но что если они и проклянутъ меня, то я все-таки буду благословлять ихъ и молиться за нихъ всю мою жизнь. — Все мое сердце у нихъ! Ахъ, зачѣмъ мы не всѣ счастливы! Зачѣмъ, зачѣмъ!.. Боже! что это

я такое сдѣлала! вскричала она вдругъ, точно опомнившись и, вся задрожавъ отъ ужаса, закрыла лицо руками. Дядца обнялъ ее и молча крѣпко прижалъ къ себѣ. Прошло нѣсколько минутъ молчанія.

— И вы могли потребовать такой жертвы! — сказалъ я, съ упрекомъ смотря на него.

— Не видите меня! повторилъ онъ, увѣряю васъ, что теперь всѣ эти несчастія, хоть они и очень сильны, — только на одну минуту. Я въ этомъ совершенно увѣренъ. Нужна только твердость, чтобъ пережить эту минуту; тоже самое и она мнѣ говорила. Вы знаете: всему причиною эта семейная гордость, эти совершенно ненужныя ссоры, какія-то тамъ еще тяжбы!.. Но... (я объ этомъ долго размышлялъ, увѣряю васъ)... все это неминуемо должно прекратиться. Мы всѣ сойдемся опять и тогда уже будемъ совершенно счастливы, такъ что даже и старики наши помирятся, на насъ глядя. Почему знать, можетъ быть, именно нашъ бракъ послужитъ началомъ къ ихъ примиренію! Я думаю, что даже и не можетъ быть иначе. Какъ вы думаете?

— Вы говорите: бракъ. Когда же вы обвѣчиваетесь? спросилъ я, взглянувъ на Наташу.

— Завтра или послѣ завтра; по крайней мѣрѣ послѣ завтра — навѣрно. Вотъ видите, я и самъ еще нехорошо знаю и, по правдѣ, ничего еще тамъ не устроилъ. Я думалъ, что Наташа, можетъ быть, еще и не придетъ сегодня. Кому же отецъ непременно хотѣлъ меня везти сегодня къ невѣстѣ (вѣдь мнѣ сватаютъ невѣсту; Наташа вамъ сказывала? да я не хочу). Ну, такъ я еще и не могъ разсчитать всего навѣрное. Но все-таки мы навѣрно обвѣчимся послѣ завтра. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, такъ кажется, потому что вѣдь нельзя же иначе. Завтра же мы выѣдемъ по Цковской дорогѣ. Тутъ у меня недалеко, въ деревнѣ, есть товарищъ, лицейскій, очень хорошій человекъ; я насъ, можетъ быть, познакомлю. Тамъ въ селѣ есть и священникъ, а впрочемъ навѣрно не знаю, есть ли нѣтъ. Надо было заранѣе справиться, да я не успѣлъ... А впрочемъ, по настоящему это мелочи. Было бы главное-то въ виду. Можно вѣдь изъ сосѣдняго какого-нибудь села пригласить священника; какъ вы думаете? — Вѣдь есть же тамъ сосѣднія села! Одно жаль: что я до сихъ поръ не успѣлъ ни строчки написать туда; предполо-

дети бы надо. Пожалуй моего пріятеля нѣтъ теперь и дома... Но — это послѣдняя вещь! Быда бы рѣшимость, а тамъ все само собою устроится, не правда ли? А покаместъ, до завтра идти хотѣ до послѣ завтра, она пробудетъ здѣсь у меня. Я найду особую квартиру, въ которой мы и веротаясь будемъ жить. Я ужъ не пойду жить къ отцу, — неправда ли? Вы къ намъ придетѣ; я правдо устроится. Но мнѣ будутъ ходить наши лицейскіе; я заведу вечера...

Я съ недоумѣніемъ и тоскою смотрѣлъ на него. Наташа умоляла меня взглядомъ не судить его строго и бытьнисходительнѣе. Она слушала его рассказы съ какою-то грустною улыбкой, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-будто и любовалась имъ, также какъ любовуются мидымъ, веселымъ ребенкомъ, слушаая его неразумную, но милую болтовню. Я съ упрекомъ поглядѣлъ на нее. Мнѣ стало невыносимо тяжело.

— Но вашъ отецъ? спросилъ я, — твердо-ли вы увѣрены, что онъ васъ проститъ?

— Непремѣнно; чтожъ ему останется дѣлать? То есть онъ, разумеется, проклянетъ меня сначала; я даже въ этомъ увѣренъ. Онъ ужъ такой; и такой со мной строгій. Пожалуй еще будетъ кому-нибудь жаловаться; употребитъ, однимъ словомъ, отцовскую власть... Но вѣдь все это не серьезно. Онъ меня любитъ безъ памяти; посердится и проститъ. Тогда всѣ помирятся и всѣ мы будемъ счастливы. Ея отецъ тоже.

— А если не проститъ? подумали-ль вы объ этомъ?

— Непремѣнно проститъ, только можетъ быть не такъ скоро. Ну чтожъ? Я докажу ему, что и у меня есть характеръ. Онъ все бранитъ меня, что у меня нѣтъ характера, что я легкомысленный. Вотъ и увидитъ теперь, легкомысленъ-ли я или нѣтъ? Вѣдь слѣзаться семейнымъ человѣкомъ не шутка; тогда ужъ я буду не мальчикъ... то есть я хотѣлъ сказать, что я буду такой же, какъ и другіе... ну, тамъ семейные люди. Я буду жить своими трудами. Наташа говоритъ, что это гораздо почетнѣе, чѣмъ жить на чужой счетъ, какъ мы всѣ живемъ. Еслибъ вы только знали, сколько она мнѣ говоритъ хорошаго! Я бы самъ этого никогда не выдумалъ; — не такъ я росъ, не такъ меня воспитали. Правда, я и самъ знаю, что я легкомысленъ и почти ни къ чему не способенъ; но знаете ли, у меня третьяго дня явилась удивительная мысль. Теперь хотѣ и не время, но я вамъ расскажу, потому

что надо же и Наташѣ услышать, а вы намъ дадите совѣтъ. Вотъ видите: я хочу писать повѣсти и продавать въ журналы, также какъ и вы. Вы мнѣ поможете съ журналистами, не правда ли? Я рассчитывалъ на васъ и вчера всю ночь обдумывалъ одинъ романъ, такъ; для пробы, и знаете ли: могла бы выйти припенленькая вещица. Сюжетъ я взялъ изъ одной комедіи Скриба... Но я вамъ потомъ расскажу. Главное, за него дадутъ денегъ... вѣдь вамъ же платять?

Я не могъ не усмѣхнуться.

— Вы смѣетесь, сказалъ онъ, улыбаясь вслѣдъ за мною. — Нѣтъ, послушайте, прибавилъ онъ съ непостижимымъ простодушіемъ: — вы не смотрите на меня, что я такой кажусь; право, у меня чрезвычайно много наблюдательности; вотъ вы увидите сами. Почему же не попробовать?. Можетъ и выйдетъ чтонибудь... А впрочемъ вы, кажется, и правы: я вѣдь ничего не знаю въ дѣйствительной жизни; такъ мнѣ и Наташа говорить; это впрочемъ мнѣ и всѣ говорятъ; какой же я буду писатель? Смѣйтесь, смѣйтесь, поправляйте меня; вѣдь это для нея же вы сдѣлаете, а вы ее любите. Знаете ли, я вамъ правду скажу: я не стою ея; я это чувствую; мнѣ это очень тяжело и я не знаю, за что это она меня такъ полюбила? А я бы, кажется, всю жизнь за нее отдалъ! Право, я до этой минуты ничего не боялся, а теперь боюсь: что это мы затѣвасмъ! Господи! неужели жъ въ человѣкѣ, когда онъ вполне преданъ своему долгу, не достанетъ умнѣнья и твердости исполнить свой долгъ? Помогайте намъ хоть вы, другъ нашъ! вы одинъ только другъ у насъ и остались. А вѣдь я что понимаю одинъ-то? Простите, что я на васъ такъ рассчитываю; я васъ считаю слишкомъ благороднымъ человекомъ и гораздо лучше меня. Но я исправлюсь, будьте увѣрены, и буду достоинъ васъ обоихъ.

Тутъ онъ опять пожалъ мнѣ руку и въ прекрасныхъ глазахъ его просіяло доброе, прекрасное чувство. Онъ такъ довѣрчиво протягивалъ мнѣ руку, такъ вѣрилъ, что я ему другъ!

— Она мнѣ поможетъ исправиться, продолжалъ онъ. — Вы впрочемъ не думайте чего-нибудь очень хулаго, не сокрушайтесь слишкомъ объ насъ. У меня все-таки много надеждъ, а въ матеріальномъ отношеніи мы будемъ совершенно обезпечены. И, напримѣръ, если не удастся романъ (я, по правдѣ, еще и давеча подумалъ, что романъ глупость, а теперь только такъ про него раз-

сказалъ, чтобъ выслушать ваше рѣшеніе) — если не удастся рожавъ, то я вѣдь въ крайнемъ случаѣ могу давать уроки музыки. Вы не знали, что я знаю музыку? Я не стыжусь жить и такимъ трудомъ. Я совершенно новыхъ идей въ этомъ случаѣ. Да крокъ того у меня есть много дорогихъ бездѣлушекъ, туалетныхъ вещицъ; к чему онѣ? Я продамъ ихъ и мы знаете сколько времени проживемъ на это! Наконецъ, въ самомъ крайнемъ случаѣ я, можетъ быть, дѣйствительно займусь службой. Отецъ даже будетъ радъ; онъ все гонитъ меня служить, а я все отговариваюсь вездоровьемъ. (Я, впрочемъ куда-то ужъ записать). А вотъ какъ онъ увидитъ, что женитьба принесла мнѣ пользу, оцѣнивала меня, и что я дѣйствительно началъ служить, — обрадуется и проститъ меня...

— Но, Алексѣй Петровичъ, подумали ль вы, какая исторія выйдетъ теперь между вашимъ и ея отцомъ? Какъ вы думаете, что сегодня будетъ вечеромъ у нихъ въ домѣ? — И я указалъ ему на помертвѣвшую отъ моихъ словъ Наташу. Я былъ безжалостенъ.

— Да, да, вы правы, это ужасно! отвѣчалъ онъ, я уже думалъ объ этомъ и душевно страдалъ... Но что же дѣлать? Измѣнить невозможно. Вы правы: хоть только бы ея-то родители насъ простили! А какъ я ихъ люблю обоихъ, если бъ вы знали! вѣдь они мнѣ все равно, что родные, и вотъ чѣмъ я имъ влачусь!.. Охъ, ужъ эти ссоры, эти процессы! Вы не повѣрите, какъ это намъ теперь непріятно! И за что они ссорятся? Всѣ мы такъ другъ друга любимъ, а ссоримся! Помирились бы, да и дѣло съ концомъ! Право, я бы такъ поступилъ на ихъ мѣстѣ... Страшно мнѣ отъ вашихъ словъ. Наташа, это ужасъ что мы съ тобой затѣваемъ! Я это и прежде говорилъ... Но послушайте, Иванъ Петровичъ, можетъ быть все это уладится къ лучшему; какъ вы думаете? Вѣдь помирятся же они наконецъ! Мы ихъ помиримъ. Это такъ, это непремѣнно; они неустоятъ противъ нашей любви... Пусть они насъ проклинаятъ, а мы ихъ все-таки будемъ любить; они и не устоятъ. Вы не повѣрите, какое иногда бываетъ доброе сердце у моего старика! Онъ вѣдь это такъ только смотритъ изподлобья, а вѣдь въ другихъ случаяхъ онъ преразсудительный. Еслибъ вы знали, какъ онъ мягко со мной говорилъ сегодня, убѣждалъ меня! А я вотъ сегодня же противъ него иду; это мнѣ очень грустно. А все изъ за этихъ негодныхъ пред-

равсудковъ! просто — сумасшествіе! Ну что, еслибъ онъ на нее посмотрѣлъ хорошенько и побылъ съ нею хоть полчаса? вѣдь онъ тотчасъ же все бы намъ позволилъ. — Говоря это, Алеша вѣжно и страстно взглянулъ на Наташу.

— Я тысячу разъ съ наслажденіемъ воображалъ себѣ, продолжалъ онъ свою болтовню: — какъ онъ полюбитъ ее, когда узнаетъ, и какъ она ихъ всѣхъ изумитъ. Вѣдь они всѣ и не видывали никогда такой дѣвушки! Отецъ убѣжденъ, что она просто какая-то интригантка. Моя обязанность возстановить ея честь, и я это сдѣлаю! Ахъ, Наташа! тебя всѣ полюбятъ, всѣ; нѣтъ такого человѣка, который бы могъ тебя не любить, прибавилъ онъ въ восторгѣ. — Хоть я не стою тебя совсѣмъ, но ты люби меня, Наташа, а ужъ я... ты вѣдь знаешь меня! Да и много ль нужно намъ для нашего счастья! Нѣтъ, я вѣрю, вѣрю, что этотъ вечеръ долженъ принести намъ всѣмъ и счастье, и ширь и согласіе! О, будь благословенъ этотъ вечеръ! Такъ-ли, Наташа? Но что съ тобой? Боже мой, что съ тобой?

Она была блѣдна, какъ мертвая. Все время, какъ разглагольствоваль Алеша, она пристально смотрѣла на него; но взгляды ея становилсь все мутнѣе и неподвижнѣе, лицо все блѣднѣе и блѣднѣе. Миѣ казалось, что она наконецъ ужъ и не слушала, а была въ какомъ-то забытьи. Восклиданіе Алеши какъ-будто вдругъ разбудило ее. Она очнулась, осмотрѣлась и вдругъ — бросилась ко миѣ. Она вся дрожала, какъ-будто въ испугѣ. Наскоро, точно торопясь и какъ-будто прячась отъ Алеши, она вынула изъ кармана письмо и подала его миѣ. Письмо было къ старикамъ и еще наканунѣ написано. Отдавая миѣ его, она пристально смотрѣла на меня, точно приковалась ко миѣ своимъ взглядомъ. Во взглядѣ этомъ было отчаяніе; я никогда не забуду этого страшнаго взгляда. Страхъ охватилъ и меня; я видѣлъ, что она теперь только вполнѣ почувствовала весь ужасъ своего поступка. Она силилась миѣ что-то сказать; даже начала говорить и вдругъ упала въ обморокъ. Я успѣлъ поддержать ее. Алеша поблѣднѣлъ отъ испуга; онъ теръ ей виски, цаловалъ руки, губы. Минуты черезъ двѣ она очнулась. Недалекъ стояла пзвощичья карета, въ которой пріѣхаль Алеша; онъ подозвалъ ее. Садясь въ карету, Наташа, какъ безумная, схватила мою руку, поднесла ее къ губамъ своимъ, и горячая слезинка обожгла мои пальцы. Карета тронулась. Я еще долго стоялъ на мѣстѣ,

провожаи ее глазами. Все мое счастье погибло въ эту минуту и жизнь переломилась надвое. Я больно это почувствовалъ... Медленно пошелъ я назадъ, прежней дорогой, къ старикамъ. Я не зналъ, что скажу имъ, какъ войду къ нимъ? Мысли мои шевелились, ноги подкашивались. . . . .

И вотъ вся исторія моего счастья; такъ кончилась и разрешилась моя любовь. Буду теперь продолжать прерванный рассказъ.

ГЛАВА X

Дней черезъ пять послѣ смерти Смита я переѣхалъ на его квартиру. Весь тотъ день мнѣ было невыносимо грустно. Погода была невзастная и холодная; шелъ мокрый снѣгъ, попламъ съ дождемъ. Только къ вечеру, на одно мгновение, проглянуло солнце и какой-то заблудшій лучъ, вѣрно изъ любовиства, заглянулъ и въ мою комнату. Я сталъ раскаиваться, что переѣхалъ сюда. Комната впрочемъ была большая, но такая низкая, закопченная, затхлая и такъ неприятно пустал, несмотрѣ на кой-какую мебель. Тогда же подумалъ я, что непременно сгублю въ этой квартирѣ и послѣднее здорovie свое. Такъ оно и случилось.

Все это утро я возился съ моими бумагами, разбирая ихъ и приводя въ порядокъ. За немѣнѣемъ портфели я перевезъ ихъ въ подушечной наволочкѣ; все это скомкалось и перевишалось. Потомъ я засѣлъ писать. Я все еще писалъ тогда мой большой романъ; но дѣло онять повалилось изъ рукъ; не тѣмъ была полна голова...

Я бросилъ перо и сѣлъ у окна. Смеркалось, а мнѣ становилось все грустнѣе и грустнѣе. Разныя тяжолыя мысли осаждали меня. Все казалось мнѣ, что въ Петербургѣ я наконецъ погибну. Приближалась весна; такъ бы и ожилъ кажется, думалъ я, вырвавшись изъ этой скорлупы на свѣтъ Божій, дохнувъ запахомъ свѣжихъ полей и лѣсовъ; а я такъ давно не видалъ ихъ!.. — Помню, пришло мнѣ тоже на мысль, какъ бы хорошо было, еслибъ какимъ-нибудь волшебствомъ или чудомъ совершенно забыть все, что было, что прожилося въ послѣдніе годы; все забыть, освѣжить голову и опять начать съ новыми

снѣтами. Тогда еще я мечталъ объ атомѣ и надѣялся на воскресеніе. — «Хоть бы въ сумасшедшій домъ поступить, что ли» рѣшилъ я наконецъ, «чтобъ перевернулся какъ-нибудь весь мозгъ въ головъ и расположился по новому, а потомъ опять выдечиться.» Была же жажда жизни и вѣра въ нее... Но, помню, я тогда же засмѣялся. «Что же бы дѣлать пришлось послѣ сумасшедшаго-то дома? Неужели опять романы писать?»..

Такъ я мечталъ и горевалъ, а между тѣмъ время уходило. Наступала ночь. Въ этотъ вечеръ у меня было условлено свиданіе съ Наташей; она убѣдительно звала меня къ себѣ запиской еще наканунѣ. Я вскопчилъ и сталъ собираться. Я спѣшилъ; мнѣ и безъ того хотѣлось вырваться поскорѣй изъ квартиры хоть куда-нибудь, хоть на дождь, на слякоть.

По мѣрѣ того, какъ наступала темнота, комната моя становилась какъ-будто просторнѣе, какъ-будто она все болѣе и болѣе расширялась. Мнѣ вообразилось, что я каждую ночь въ каждомъ углу буду видѣть Смита: онъ будетъ сидѣть и недвижно глядѣть на меня, какъ въ кондитерской на Ивана Адамыча, а у ногъ его будетъ Азорка. И вотъ въ это-то мгновеніе случилось со мной происшествіе, которое сильно поразило меня.

Впрочемъ надо сознаться всею откровенно: отъ разстройства ли нервъ, отъ новыхъ ли впечатлѣній въ новой квартирѣ, отъ недавней ли хандры, но я мало по малу и постепенно, съ самаго наступленія сумерекъ, сталъ впадать въ то состояніе души, которое такъ часто приходитъ ко мнѣ теперь, въ мой бодрѣзны, по ночамъ, и которое я называю *мистическимъ ужасомъ*. Это — самая тяжкая, мучительная боязнь чего-то, чего я самъ опредѣлить не могу, чего-то непостижимаго и несуществующаго въ порядкѣ вещей, но что непременно, можетъ быть, сію же минуту осуществится, какъ бы въ насмѣшку всѣмъ доводамъ разума, придетъ ко мнѣ и станетъ передо мною, какъ неотразимый фактъ, ужасный, безобразный и неумолимый. Боязнь эта возрастаетъ обыкновенно все сильнѣе и сильнѣе, несмотря ни на какіе доводы разсудка, такъ что наконецъ умъ, несмотря на то, что пріобрѣтаетъ въ эти минуты, можетъ быть, еще большую ясность, тѣмъ не менѣе лишается всякой возможности противодействовать ощущеніямъ. Его не слушаютъ, онъ становится бесполезенъ, и это раздвоеніе еще болѣе усиливаетъ пугливую тоску ожиданія. Мнѣ кажется, такова отчасти тоска людей,

болшихся мертвецовъ. Но въ моей тоскѣ неопредѣленность опасности еще болѣе усиливаетъ мученія.

Помню, я стоялъ спиной къ дверямъ и бралъ со стола шляпу, и вдругъ въ это самое мгновеніе мнѣ пришло на мысль, что когда я обернусь назадъ, то непременно увижу Смита: сначала онъ тихо растворитъ дверь, станетъ на порогъ и оглядитъ комнату; потомъ тихо, склонивъ голову, войдетъ, станетъ передо мной, уставится на меня своими мутными глазами и вдругъ затѣнетъ мнѣ прямо въ глаза долгимъ, беззубымъ и неслышимымъ смѣхомъ, и все тѣло его заколышется и долго будетъ колыхаться отъ этого смѣха. Все это привидѣніе чрезвычайно ярко и отчетливо нарисовалось внезапно въ моемъ воображеніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ вдругъ установилась во мнѣ самая полная, самая неотражимая увѣренность, что все это непременно, минуемо случится, что это ужъ и случилось, но только я не вижу, потому что стою задомъ къ двери, и что именно въ это самое мгновеніе, можетъ быть, уже открывается дверь. Я быстро оглянуся, и чтоже? — дверь дѣйствительно отворилась, тихо, неслышно, точно такъ, какъ мнѣ представлялось минутою назадъ. Я вскрикнулъ. Долго никто не показывался, какъ будто дверь отворилась сама собой; вдругъ на порогѣ явилось какое-то странное существо: чья-то глаза, сколько я могъ различить въ темнотѣ, разглядывали меня пристально и упорно. Холодъ пробѣжалъ по всемъ моимъ членамъ. Къ величайшему моему ужасу, я увидѣлъ, что это ребенокъ, дѣвочка, и еслибъ это былъ даже самъ Смитъ, то я онъ бы, можетъ быть, не такъ испугалъ меня, какъ это странное, неожиданное появленіе незнакомаго ребенка въ моей комнатѣ, въ такой часъ и въ такое время.

Я уже сказалъ, что дверь она отворилась такъ неслышно и медленно, какъ-будто боялась войти. Появившись, она стала на порогъ и долго смотрѣла на меня съ изумленіемъ, доходящимъ до столбняка; наконецъ тихо, медленно ступила два шага впередъ и остановилась передо мною, все еще не говоря ни слова. Я разглядѣлъ ее ближе. Это была дѣвочка лѣтъ двѣнадцати или тринадцати, маленькаго роста, худая, блѣдная, какъ-будто только-что встала отъ жестокой болѣзни. Тѣмъ ярче сверкали ее большіе, черные глаза. Лѣвой рукою она придерживала у груди старый, дырявый платокъ, которымъ прикрывала свою, еще дрожащую отъ вечерняго холода, грудь. Одежду на ней

можно было, вполне назвать рубищем; густые черные волосы были неприглажены и включены. Мы простояли так минуты две, упорно разсматривая друг друга.

— Где дѣдушка? спросила она наконецъ едва слышимымъ и хриплымъ голосомъ, какъ-будто у ней болѣла грудь или горло.

Весь мой мистическій ужасъ соскочилъ съ меня при этомъ вопросѣ. Спрашивала Смитъ; неожиданно проявились слѣды его.

— Твой дѣдушка? да вѣдь онъ уже умеръ! сказалъ я вдругъ, совершенно не приготовившись отвѣчать на ея вопросъ, и тотчасъ раскаялся. Съ минуту стояла она въ прежнемъ положеніи и вдругъ вся задрожала, но такъ сильно, какъ будто въ ней приготовлялся какой-нибудь опасный нервическій припадокъ. Я схватился было поддержать ее, чтобъ она не упала. Черезъ нѣсколько минутъ ей стало лучше, и я мѣно зналъ, что она употребляетъ надъ собой неестественныя усилія, срывая нередко свою волненію.

— Прости, прости меня, дѣвочка! прости, дитя мое! говорилъ я: — я такъ вдругъ объявилъ тебѣ, а можетъ быть, это еще и не то... бѣдненькая!.. Кого ты видишь? старика, который тутъ жилъ?

— Да, — прошептала она съ усиленіемъ, и съ безпомощности смотрѣла на меня.

— Его фамилія была Смитъ? да?

— Д-да!

— Такъ онъ... ну да, такъ это онъ и умеръ... Только ты не печалься, голубчикъ мой. Чтожь ты не приходила? ты теперь откуда? Его похоронили вчера; онъ умеръ вдругъ, скоропостижно... Такъ ты его внучка?

Дѣвочки не отвѣчала на мои скорые и безпорядочные вопросы. Молча отвернулась она и тихо пошла изъ комнаты. Я былъ такъ пораженъ, что ужъ и не удерживалъ и не разспрашивалъ ея болѣе. Она остановилась еще разъ на порогѣ и, полуоборотившись ко мнѣ, спросила:

— Азорка тоже умеръ?

— Да, и Азорка тоже умеръ, отвѣчалъ я, и мнѣ показался страннымъ ея вопросъ: точно и она была увѣрена, что Азорка непременно долженъ былъ умереть вмѣстѣ съ старикомъ. Вы-

слушать мой отвѣтъ, дѣвочка неслышно вышла изъ комнаты, осторожно притворивъ за собою дверь.

Черезъ минуту я выбѣжалъ за ней въ погоню, ужасно догадав, что далъ ей уйти! Она такъ тихо вышла, что я и не слышалъ, какъ отворила она другую дверь на лѣстницу. Съ лѣстницы она еще не успѣла сойти, думать я и остановился въ сѣняхъ прислушаться. Но все было тихо и не слышно было никакихъ шаговъ. Только хлопнула гдѣ-то дверь въ нижнемъ этажѣ и опять все стало тихо.

Я сталъ поспѣшно спускаться внизъ. Лѣстница прямо отъ моей квартиры, съ пятого этажа до четвертаго, шла винтовая; съ четвертаго же начиналась прямая. Это была грязная, черная и всегда темная лѣстница, изъ тѣхъ, какія обыкновенно бываютъ въ капитальныхъ домахъ съ маленькими квартирами. Въ ту минуту на ней уже было совершенно темно. Ошупывая сойдя въ четвертый этажъ, я остановился, и вдругъ меня какъ-будто подтолкнуло, что здѣсь, въ сѣняхъ, кто-то былъ и прятался отъ меня. Я сталъ ошупывать рукави; дѣвочка была тутъ въ самомъ углу и, оборотившись къ стѣнѣ лицомъ, тихо и неслышно плакала.

— Простунай, чего жъ ты боишься? началъ я. — Я такъ испугалъ тебя; я виноватъ. Дѣдушка, когда умеръ, говорилъ о тебѣ; это были послѣднія его слова... У меня и книги остались; вѣрно твои. Какъ тебя зовутъ? гдѣ ты живешь? Онъ говорилъ, что въ шестой линіи...

Но я не окончилъ. Она вскрикнула въ испугъ, какъ-будто оттого что я знаю, гдѣ она живетъ, оттолкнула меня своей худенькой, костлявой рукой и бросилась внизъ по лѣстницѣ. Я въ ней; ея шаги еще слышались изънизу. Вдругъ она прекратилась... Когда я выскочилъ на улицу, ея уже не было. Пробѣжавъ вплоть до Вознесенскаго проспекта, я увидѣлъ, что все мои поиски тщетны: она исчезла. Вѣроятно гдѣ нибудь спряталась отъ меня, подумалъ я, когда еще сходила съ лѣстницы.

ГЛАВА XI

Но только-что я ступилъ на грязный, мокрый тротуаръ проспекта, какъ вдругъ столкнулся съ однимъ прохожимъ, который молъ повиданному въ глубокой задумчивости, впустилъ глаза въ

земли, скоро и куда-то торопясь. Къ величайшему моему изумленію, я узналъ старика Ихменева. Это былъ для меня вечеръ неожиданныхъ встрѣчъ. Я зналъ, что старикъ, дня три тому назадъ, крѣпко прихворнулъ, и вдругъ я встрѣчаю его въ такую сырость на улицѣ. Ктому же онъ и прежде почти никогда не выходилъ въ вечернее время, а съ тѣхъ поръ какъ ушла Наташа, то естъ почти уже съ полгода, сдѣлался настоящимъ домошникомъ. Онъ какъ-то не по обыкновенному мнѣ обрадовался, какъ человекъ, нашедшій наконецъ друга, съ которымъ онъ можетъ раздѣлять свои мысли, схватилъ меня за руку, крѣпко сжалъ ее и, не спросивъ куда я иду, потащилъ меня за собою. Былъ онъ въ тотъ-то встревоженъ, торопливъ, порывистъ. — Куда же это онъ ходилъ? подумалъ я про себя. Спрашивать его было излишне; онъ сдѣлался страшно мнительнъ и иногда въ самомъ простомъ вопросѣ или замѣчаніи видѣлъ обидный намекъ, оскорбленіе.

Я оглядѣлъ его вкосо: лицо у него было больное; въ послѣднее время онъ очень похудѣлъ; борода его была съ недѣлю небритая. Волосы, совсѣмъ посѣдѣвшіе, въ беспорядкѣ выбивались изъ подъ скомканной шляпы и длинными космами лежали на воротникѣ его стараго изношеннаго пальто. Я еще прежде замѣтилъ, что въ нѣсколько минутъ онъ какъ-будто забывался; забывалъ напримѣръ, что онъ не одинъ въ комнатѣ, разговаривалъ самъ съ собою, жестикулировалъ руками. Тяжело было смотрѣть на него:

— Ну что, Ваня, что? заговорилъ онъ, куда шолъ? А я вотъ, братъ, вышелъ; дѣла. Здоровъ ли?

— Вы-то здоровы ли? отвѣчалъ я, — такъ еще недавно была болѣзнь, а выходите.

Старикъ не отвѣчалъ, какъ-будто не разслушалъ меня.

— Какъ здоровье Анны Андревны?

— Здорова, здорова... Немножко впрочемъ и она хвораетъ. Загрустила она у меня что-то... о тебѣ поминала: зачѣмъ не приходишь. Да ты вѣдь теперь-то къ намъ, Ваня? аль нѣтъ? Я, можетъ, тебѣ помѣшалъ, отвлекаю тебя отъ чего-нибудь? спросилъ онъ вдругъ, какъ-то недовѣрчиво и подозрительно въ меня всматривался. Мнительный старикъ сталъ до того чутокъ и раздражителенъ, что отвѣчай я ему теперь, что шолъ не къ нимъ, онъ бы непременно обидѣлся и холодно расстался со мной. Я по-

спѣшилъ отвѣчать утвердительно, что я именно шоль провѣдать Анну Андревну, хотя и зналъ, что опоздаю, а можетъ, и со-всѣмъ не успѣю попасть къ Наташѣ.

— Ну вотъ и хорошо, сказалъ старикъ, совершенно успокоенный моимъ отвѣтомъ, это хорошо... и вдругъ замолчалъ и задумался, какъ будто чего-то не договаривая.

— Да, это хорошо! машинально повторилъ онъ, минути черезъ пять, какъ бы очнувшись послѣ глубокой задумчивости.
— Гм... видишь, Ваня, ты для насъ былъ всегда какъ бы роднымъ сыномъ, Богъ не благословилъ насъ съ Анной Андревной... сыномъ... и послалъ намъ тебя; я такъ всегда думалъ, Старуха тоже... да! и ты всегда велъ себя съ нами почтительно, вѣжливо, какъ родной, благодарный сынъ. Да благослови тебѣ Богъ за это, Ваня, какъ и мы оба, старики, благословляемъ и любимъ тебя... да!

Голосъ его задрожалъ; онъ переждалъ съ минутой.

— Да... ну, а что? не хворалъ ли? Чтоже долго у насъ не былъ?

Я рассказалъ ему всю исторію съ Смитомъ, извиняясь, что смятовское дѣло меня задержало, что кромѣ того я чуть не заболѣлъ и что за всѣми этими хлопотами къ нимъ, на Васильевскій (они жили тогда на Васильевскомъ) было далеко идти. Я чуть было не проговорился, что все-таки нашолъ случай быть у Наташи и въ это время, но во время замолчалъ.

Исторія Смита очень заинтересовала старика. Онъ сдѣлался внимательнѣе. Узнавъ, что новая моя квартира сыра и, можетъ быть, еще хуже прежней, а стоитъ шесть рублей въ мѣсяцъ, онъ даже разгорячился. Вообще онъ сдѣлался чрезвычайно порывистъ и нетерпѣливъ. Только Анна Андревна умѣла еще ладить съ нимъ въ такія минуты, да и то не всегда.

— Гм... это все твоя литература, Ваня! вскричалъ онъ почти со злобою; довела до чердака, доведетъ и до кладбища! говорилъ я тебѣ тогда, предрекалъ!.. а что Б. все еще критику пишетъ?

— Да вѣдь онъ уже умеръ, въ чахоткѣ. Я вамъ, кажется, ужъ и говорилъ объ этомъ.

— Умеръ, гм... умеръ! да такъ и слѣдовало. Чтожъ, оставилъ что-нибудь женѣ и дѣтямъ? вѣдь ты говорилъ, что у него тамъ жена, чтоль, была... И на что эти люди жеманятся!

— Ничего, ничего не оставила. — отбѣчалъ я.

— Ну, такъ и есть! вскричала она съ такимъ увлеченіемъ, какъ-будто это дѣло близко, родственно до него касалось и какъ-будто умершій Б. былъ его братъ родной. — Ничего! то-то ничего! а анастасъ, Валя, я вѣдь это заранѣе предугадывала, что такъ съ нимъ кончится, еще тогда, когда, помнишь, ты мнѣ его все расхваливала. Легко сказать: ничего не оставила! Гм... славу заслужила. Положимъ, можетъ быть, и бессмертную славу, но вѣдь слава не кормитъ. Я, братъ, и о тебѣ тогда же все предугадала. Ваня: хвалилъ тебя, а про себя все предугадалъ. Такъ умеръ Б.? Да и какъ не умереть! И житье хорошо и... мѣсто хорошее, смотри!

И онъ быстрымъ, невольнымъ жестомъ руки указалъ мнѣ на туманную перспективу улицы, освѣщенную слабо мерцающими въ сырой мглѣ фонарями, на грязные дома, на сверкающія отъ сырости плиты тротуаровъ, на угрюмыхъ, сердитыхъ и промокшихъ прохожихъ, на всю эту картину, которую обхватывала черной, какъ-будто залитый тушью куполь петербургскаго неба. Мы выходили ужъ на площадь; впереди нами во мракъ вставала памятникъ, освѣщенный снизу газовыми рожками и еще даждь подымалась темная, огромная масса Исакія, видимо отблѣвшааяся отъ мрачнаго колорита неба.

— Ты вѣдь говоришь, Ваня, что онъ былъ человекъ хороший, великодушный, симпатичный, съ чувствомъ, съ сердцемъ. Ну, такъ вотъ они всѣ таковы, люди-то съ сердцемъ, симпатичнее-то твое! Только и умѣютъ, что сыротъ размножать! Гм... да и умирать-то я думаю ему было весело!.. Э-э-эхъ! Убѣхалъ бы куда-нибудь отсюда, хоть въ Сибирь!.. Что ты, дѣвочка? спросила она вдругъ, увидѣвъ на тротуарѣ ребенка, просившаго милостыню.

Это была маленькая, худенькая дѣвочка, лѣтъ семи-восьми не больше, одѣтая въ грязныя отребья; маленькія ножки ея были обуты, на босу-ногу, въ дырявыя башмаки. Она силилась прикрыть свое дрожащее отъ холоду тѣло какимъ-то дѣтскимъ подобіемъ крошечнаго капота, изъ котораго она давно уже успѣла вырости. Тощее, блѣдное и больное ея личико было обращено къ намъ; она робко и безмолвно смотрѣла на насъ и съ какимъ-то покорнымъ страхомъ отказа протягивала намъ свою дрожащую ручонку. Старикъ такъ и задрожалъ весь, увидя

ее, и такъ быстро къ ней обернулся, что даже ее испугалъ. Она вздрогнула и отшатнулась отъ него.

— Что, что тебѣ дѣвочка? вскричалъ онъ. — Что? преснишь? да? вотъ, вотъ тебѣ... вѣдьми, вотъ!

И онъ, суетясь и дрожа отъ волненія, сталъ искать у себя въ карманѣ и вынулъ двѣ или три серебряныя монетки. Но ему показалось мало; онъ досталъ порт-моне и, вынувъ изъ него рублевую бумажку, — все, что тамъ было, — положилъ деньги въ руку маленькой нищей.

— Христосъ тебя да сохранить, маленькая... дихя-ты мое! ангелъ Божій да будетъ съ тобою!

И онъ нѣсколько разъ дрожавшею рукою перекрестилъ бѣдняжку; но вдругъ, увидавъ, что и я тутъ и смотрю на него, наскоро перекрестилъ ее послѣдній разъ, нахмурился и скорыми шагами пошелъ далѣе.

— Это я, видишь, Ваня, смотрѣть не могу, началъ онъ послѣ довольно продолжительнаго сердитаго молчанія, — какъ эти маленькія, невинныя созданія дрогнуть отъ холоду на улицѣ... изъ за проклятыхъ матерей и отцовъ. А впрочемъ какая же мать и вышлетъ такого ребенка на такой ужасъ, если ужъ не самая несчастная!.. Должно быть, тамъ въ углу у ней еще сидятъ сироты, а это старшая; сама больна, старуха-то; и... ги! не княжескія дѣти! Много, Ваня, на свѣтѣ... не княжескихъ дѣтей! ги!

Онъ помолчалъ съ минуту, какъ-бы затрудняясь чѣмъ-то.

— Я, видишь, Ваня, обѣщавъ Аннѣ Андревнѣ, началъ онъ, не много путаясь и сбиваясь: — обѣщавъ ей... т. е. мы согласились вмѣстѣ съ Анной Андревной сиротку какую-нибудь на воспитаніе взять... такъ, какую-нибудь; бѣдную то есть и маленькую, въ домъ, совсѣмъ; понимаешь? А то скучно намъ, старикамъ, однимъ-то, ги... только, видишь? Анна Андревна что-то противъ этого возставать стала. Такъ ты поговори съ ней, атакъ, знаешь, не отъ меня, а какъ бы съ своей стороны... урезони ее... понимаешь? Я давно тебя собирался обѣщать просить... чтобъ ты уговорилъ ее согласиться, а мнѣ какъ-то неловко, очень-то просить самому... ну, да что е пустякъ толковать! мнѣ же дѣвочка? и не мужа; тамъ, для утѣхи... чтобъ голосъ чей-нибудь дѣвчій слышать... а впрочемъ, по правдѣ, я видѣю для старухи это дѣлаю; ей же веселѣе будетъ,

чимъ съ однимъ то мной. Но все это вздоръ! Знаешь, Ваня, этакъ мы долго не дойдемъ; возьмемъ—на извозника; идти далеко, а Анна Андревна насъ ждетъ.

Было половина восьматого, когда мы приѣхали къ Аннѣ Андревнѣ.

ГЛАВА XII

Старики очень любили другъ друга. И любовь, и долговременная свычка связали ихъ неразрывно. Но Николай Сергѣичъ, не только теперь, но даже и прежде, въ самые счастливыя времена, былъ какъ-то несообщителенъ съ своей Анной Андревной, даже иногда суровъ, особливо при людяхъ. Въ иныхъ натурахъ, съ сердцемъ и съ душой, нѣжно и тонко чувствующихъ, бываетъ иногда какое-то упорство, какое-то цѣломудренное нежеланіе высказываться и высказывать даже милому себѣ существу свою нѣжность, не только при людяхъ, но даже и на единѣ; на единѣ еще больше; только зарѣдка прорывается въ нихъ ласка, и прорывается тѣмъ горячѣе, тѣмъ порывистѣе, чѣмъ дольше она была сдержана. Таковъ отчасти былъ и старикъ Ихменевъ съ своей Анной Андревной, даже съ молодю. Онъ уважалъ ее и любилъ безпредѣльно, не смотря на то, что это была женщина только добрая и ничего больше не умѣвшая, какъ только любить его, и ужасно досадовалъ на то, что она въ свою очередь была съ нимъ, по престога своей, даже иногда слишкомъ и неосторожно наружу. Но послѣ ухода Наташи, они какъ-то нѣжнѣе стали другъ къ другу; они болѣзненно почувствовали, что остались одни на землѣ. И хотя Николай Сергѣичъ становился иногда чрезвычайно угрюмъ, тѣмъ не менѣе оба они, даже на два часа, не могли разстаться другъ съ другомъ, безъ тоски и безъ боли. О Наташѣ они какъ-то безмолвно условились не говорить ни слова, какъ-будто ея и на свѣтѣ не было. Анна Андревна не осмѣливалась даже намекать о ней ясно при мужѣ, хотя это было для нея очень тяжело. Она давно уже простила Наташу въ сердцѣ своемъ. Между нами какъ-то установилось, чтобъ съ каждымъ приходомъ моимъ, я приносилъ ей извѣстія о ея милотѣ, позабвенномъ дитяти.

Старушка становилась больна, если долго не получала извѣ-

стѣй, а когда я приходилъ съ ними, интересовалась самую малѣйшею подробностію, разспрашивала съ судорожнымъ любопытствомъ, «отводила душу» на моихъ разказахъ и чуть не умерла отъ страха, когда Наташа однажды заболѣла, даже чуть было не пошла къ ней сама. Но это былъ крайній случай. Сначала она даже и при мнѣ не рѣшалась выражать желаніе увидѣться съ дочерью и почти всегда послѣ нашихъ разговоровъ, когда бывало уже все у меня выспросить, считала необходимою какъ-то сжаться передо мною и непремѣнно подтверждать, что хоть она и интересуется судьбою дочери, но все-таки Наташа такая преступница, которую и простить нельзя. — Но все это было напускное. Бывали случаи, когда Анна Андревна тосковала до изнеможенія, плакала, называла при мнѣ Наташу самыми милыми именами, горько жаловалась на Николая Сергѣича, а при немъ начинала *намекать*, хоть и съ большою осторожностію, на людскую гордость, на жестокосердіе, на то, что мы не умѣемъ прощать обидъ и что и Богъ не проститъ не прощающихъ, но дальше этого при немъ не высказывалась. Въ такія минуты старикъ тотчасъ же черствѣлъ и угрюмѣлъ, молчалъ нахмурившись, или вдругъ, обыкновенно чрезвычайно неловко и громко, заговаривалъ о другомъ, или наконецъ уходилъ къ себѣ, оставляя насъ однихъ и давая такимъ образомъ Аннѣ Андревнѣ возможность вполне излить передо мной свое горе въ слезахъ и сѣтованіяхъ. Точно также онъ уходилъ къ себѣ всегда при моихъ посѣщеніяхъ, бывало только что успѣть со мною поздороваться, чтобъ дать мнѣ время сообщить Аннѣ Андревнѣ всѣ послѣднія новости о Наташѣ. Такъ сдѣлалъ онъ и теперь.

— Я промокъ, сказалъ онъ ей, только что ступивъ въ комнату, — пойду-ка къ себѣ, а ты, Ваня, тутъ посиди. Вотъ съ нимъ исторія случилась, съ квартирой; расскажи-ка ей. А я сейчасъ и ворочусь...

И онъ поспѣшилъ уйдти, стараясь даже и не глядѣть на насъ, какъ будто совѣстясь, что самъ же насъ сводилъ вмѣстѣ. Въ такихъ случаяхъ, и особенно когда возвращался къ намъ, онъ становился всегда суровъ и жолченъ и со мной и съ Анной Андревнѣй, даже придирчивъ, точно самъ на себя злился и догадывалъ за свою мягкость и уступчивость.

— Вотъ онъ какой, сказала старушка, оставившая со мною въ послѣднее время всю чопорность и всѣ свои заднія мысли: —

всегда-то онъ такъ со мной; а вѣдь знаетъ, что мы всѣ его кит-рости понимаемъ. Чего жъ бы передо мной выды-то на себя на-пускать! Чужая я ему, что-ли? Такъ онъ и съ дочерью. Вѣдь простить-то могъ бы, даже, можетъ быть, и желаетъ простить, Господь его знаетъ. По ночамъ плачетъ, сама слышала! А наружу крѣпится. Гордость его обумала... Батюшка, Иванъ Петровичъ, рассказывай поскорѣе: куда онъ ходилъ?

— Николай Сергѣвичъ? Не знаю; я у васъ хотѣлъ спросить.

— А я такъ и обмерла, какъ онъ вышелъ. Больной вѣдь онъ, въ такую погоду, на ночь глядя; ну, думаю, вѣрно за-чѣмъ-нибудь важнымъ; а чему-жъ и быть-то важнѣе извѣстнаго вамъ дѣла? думаю я это про себя, а спросить-то и не смѣю. Вѣдь я теперь его ни о чемъ не смѣю спрашивать. Господи Боже, вѣдь такъ и обомлѣла и за него и за нее. Ну какъ, ду-маю, къ ней пошолъ; ужъ не простить-ли рѣшился? Вѣдь онъ все узналъ, всѣ послѣднія извѣстiя объ ней знаетъ; я навѣрное полагаю, что знаетъ, а откуда ему вѣсти приходятъ, — не при-думаю. Больно ужъ тосковалъ онъ вчера, да и сегодня тоже. Да что же вы молчите! Говорите, батюшка, что тамъ еще слу-чилось? Какъ ангела божiя ждала васъ, всѣ глаза высмотрѣла. А какъ по немъ-то тосковала; три часа вѣдь онъ ходилъ; въ пятомъ вначалѣ вышелъ. — Ну, что же, оставляетъ злодѣй-то Наташу?

Я тотчасъ же рассказалъ Аниѣ Андревнѣ все, что самъ зналъ. Съ ней я былъ всегла и вполне откровененъ. Я сообщилъ ей, что у Наташи съ Алешей дѣйствительно какъ-буато идетъ на разрывъ и что это серьезнѣе, чѣмъ прежнія ихъ несо-гласiя; что Наташа прислала мнѣ вчера записку, въ которой умоляла меня придти къ ней сегодня вечеромъ, въ девять ча-совъ, а потому я даже и не предполагалъ сегодня заходить къ нимъ; завелъ же меня самъ Николай Сергѣвичъ. Рассказалъ и объяснилъ ей подробно, что положенiе теперь вообще критиче-ское; что отецъ Алеши, который недѣли двѣ какъ воротился изъ отъѣзда, и слышать ничего не хочетъ, строго взялся за Алешу; но важнѣе всего, что Алеша, кажется, и самъ не прочь отъ невѣсты и слышно, что даже влюбился въ нее. Прибавилъ я еще, что записка Наташи, сколько можно угадывать, написана ею въ большемъ водненiи; пишетъ она, что сегодня вечеромъ все рѣшится, а что? — неизвѣстно; странно тоже, что пишетъ

отъ вчерашняго дня, а назначаетъ придти сегодня, и часъ опредѣлила: девять часовъ. А потому я непременно долженъ идти, да и поскорѣе.

— Иди, види, батюшка, непременно иди! захлопотала старушка; — вотъ только онъ выйдетъ, ты чайку выпей... Ахъ, самоваръ-то не несутъ! Матрена! что-жъ ты самоваръ? разбойница, а не дѣвка!.. Ну, такъ чайку-то выпьешь, найди предлогъ благовидный, да и ступай. А завтра непременно ко мнѣ и все расскажи; да пораньше забѣги. Господи! ужъ не вышло ли еще какой бѣды! ужъ чего бы, кажется, хуже теперешняго! Вѣдь Николай-то Сергѣичъ все ужъ узналъ, сердце мнѣ говоритъ, что узналъ. Я-то вотъ черезъ Матрену много узнаю, а та черезъ Агашу, а Агаша-то крестница Марьи Васильевны, что у князя въ домѣ проживаетъ... ну, да вѣдь ты самъ знаешь. Сердить былъ сегодня ужасно мой, Николай-то. Я было то да се, а онъ чуть было не закричалъ на меня, а потомъ словно жалко ему стало, говоритъ: денегъ мало. Точно-бы онъ изъ за денегъ кричалъ. Ну, да вѣдь ты наши обстоятельства знаешь. Послѣ обѣда пошолъ было спать. Я заглянула къ нему въ щелочку (щелочка такая есть въ дверяхъ; онъ и не знаетъ про нее), а онъ-то, голубчикъ, на колѣняхъ передъ кивотомъ Богу молится. Какъ увидѣла я это, у меня и ноги подкосились. И чаю не пилъ и не спалъ, взялъ шапку и пошолъ. Въ пятомъ вышелъ. Я и спросить не посмѣла: закричалъ бы онъ на меня. Часто онъ кричать вачалъ, все больше на Матрену, а то и на меня; а какъ закричить, у меня тотчасъ ноги мертвѣютъ и отъ сердца отрывается. Вѣдь только блажить, знаю, что блажить, а все страшно. Богу цѣлый часъ молилась, какъ онъ ушолъ, чтобъ на благую мысль его навелъ. — Гдѣ же записка-то ея, покажи-ка!

Я показала. Я зналъ, что у Анны Андревны была одна любимая, завѣтная мысль, что Алеша, котораго она звала то злодѣемъ, то безчувственнымъ, глупымъ мальчишкой, женится наконецъ на Наташѣ и что отецъ его, князь Петръ Александровичъ, ему это позволить. Она даже и проговаривалась передо мной, хотя въ другіе разы раскаивалась и отпиралась отъ словъ своихъ. Но ни за что не посмѣла бы она высказать свои надежды при Николаѣ Сергѣичѣ, хотя и знала, что старикъ ихъ подозреваетъ въ ней и даже не разъ попрекалъ ее косвеннымъ образомъ. Я думаю, онъ окончательно бы проклялъ Наташу и выр-

валъ ее изъ своего сердца на вѣки, еслибъ узналъ про возможность этого брака.

Всѣ мы такъ тогда думали. Онъ ждалъ дочь всѣми желаніями своего сердца, но онъ ждалъ ее одну, раскаявшуюся, вырвавшую изъ своего сердца даже воспоминаніе о своемъ Алешѣ. Это было единственнымъ условіемъ прощенія, хоть не высказаннымъ, но, глядя на него, понятнымъ и несомнѣннымъ.

— Безхарактерный онъ, безхарактерный мальчишка, безхарактерный и жестокосердый, я всегда это говорила, начала опять Анна Андревна. — И воспитывать его не умѣли, такъ, вѣтрогонъ какой-то вышелъ; бросаетъ ее за такую любовь, Господи Боже мой! что съ ней будетъ, съ бѣдняжкой! И что онъ въ новой-то своей нашолъ, удивляюсь!

— Я слышалъ, Анна Андревна, возразилъ я, что эта невеста очаровательная дѣвушка, да и Наталья Николаевна про нее тоже говорила...

— А ты не вѣрь! перебила старушка. Что за очаровательная! для васъ щелкоперовъ всякая очаровательна, только бы юпка болталась. А что Наташа ее хвалить, такъ это она по благодарству своему дѣлаетъ. Не умѣетъ она удержать его; все ему прощаетъ, а сама страдаетъ. Сколько ужъ разъ онъ ей измѣнялъ! Злодѣи жестокосердые! А на меня, Иванъ Петровичъ, просто ужась находить. Гордость всѣхъ обуяла. Смирить бы хоть мой то себя, простилъ бы ее, мою голубку, да и привелъ бы сюда. Обняла бъ ее, посмотрѣла бъ на нее! Похудѣла она?

— Похудѣла, Анна Андревна.

— Голубчикъ мой! А у меня, Иванъ Петровичъ, бѣда! Всю ночь, да весь день сегодня проплакала... да что! послѣ расскажу! — Сколько разъ я заикалась говорить ему издалека, чтобъ простилъ-то; прямо-то не смѣю, такъ издалека, ловкимъ этакимъ манеромъ заговаривала. А у самой сердце такъ и замираетъ: разсердится, думаю, да и проклянетъ ее совсѣмъ! Проклятія-то я еще отъ него не слыхала., такъ вотъ и боюсь, чтобъ проклятія не вложилъ. Тогда вѣдь что будетъ? Отецъ проклялъ, и Богъ покараетъ. Такъ и живу, каждый день дрожу отъ ужаса. Да и тебѣ, Иванъ Петровичъ, стыдно; кажется, въ нашъ домъ взросъ и отеческія ласки отъ всѣхъ у насъ видѣлъ: тоже выдумалъ, очаровательная! Да тебѣ-то что? какая очаровательная! А вотъ Марья Васильевна ихняя лучше

говорить. (Я вѣдь согрѣшила, да ее разъ на кофей и позвала, когда мой на все утро по дѣламъ уѣзжалъ). Она мнѣ всю подноготную объяснила. Князь-то, отецъ-то Алешинъ, съ графиней-то въ непозволительной связи находился. Графиня давно, говорятъ, попрекала его: что онъ на ней не женится, а тотъ все отлынивалъ. А графиня-то эта, когда еще мужъ ея былъ живъ, ззорнымъ поведеніемъ отличалась. Умеръ мужъ-то, — она за границу: все итальянцы, да французы пошли, бароновъ какихъ-то у себя завела; тамъ и князя Петра Александровича подцѣпила. А падчерица ея, перваго ея мужа, откупщика дочь, межъ тѣмъ росла, да росла. Графиня-то, мачиха-то, все прожила, а Катерина Федоровна межъ тѣмъ подросла, да и два милліона, что ей отецъ-откупщикъ въ ломбардѣ оставилъ, подросли. Теперь, говорятъ, у ней три милліона; князь-то и смекнулъ: вотъ бы Алешу женить! (не промахъ! своего не пропустить). Графъ-то, придворный-то, знатный-то, помнишь, родственникъ-то ихній, тоже согласенъ; три милліона не шутка. Хорошо, говорятъ, поговорите съ этой графиней. Князь и сообщаетъ графинѣ свое желаніе. Та и руками и ногами: безъ правилъ, говоритъ, женщина, буянка такая! Ее ужъ здѣсь не всѣ, говорятъ, принимаютъ; не то что за границей. Нѣтъ, говоритъ, ты, князь, самъ на мнѣ женись, а не бывать моею падчерицѣ за Алешей. А дѣвица-то, падчерица-то, души, говорятъ, въ своей мачихѣ не слышать; чуть на нее не молится и во всемъ ей послушна. Кроткая, говорятъ, такая, ангельская душа! Князь-то видитъ, въ чемъ дѣло, да и говоритъ: ты, графиня, не безпокойся. Имѣнье-то свое прожила в долги на тебѣ неоплатные. А какъ твоя падчерица выйдетъ за Алешу, такъ ихъ будетъ пара: и твоя невинная, и Алеша мой дурачокъ; мы ихъ и возьмемъ подъ начало и будемъ сообща опекать; тогда и у тебя деньги будутъ. А то что, говоритъ, за меня замужъ тебѣ идти? Хитрый человекъ! масонъ! Такъ полгода тому назадъ было, графиня не рѣшалась, а теперь, говорятъ, въ Варшаву ѣздили, тамъ и согласились. Вотъ какъ я слышала. Все это Марья Васильевна мнѣ рассказала, всю подноготную, отъ вѣрнаго человека сама она слышала. Ну, такъ вотъ что, тутъ: денежки, милліоны, а то что — очаровательная!

Разсказъ Анны Андревны меня поразилъ. Онъ совершенно согласовался со всѣмъ тѣмъ, что я самъ недавно слышалъ отъ самаго Алеши. Разсказывая, онъ храбрился, что ни за что не же

нится на деньгахъ. Но Катерина Федоровна поразила и увлекла его. Я слышалъ тоже отъ Алеши, что отецъ его самъ, можетъ быть, женится, хоть и отвергаетъ эти слухи; чтобъ не раздражить до времени графини. Я сказалъ уже, что Алеша очень любилъ отца, любовался и хвалился имъ и вѣрилъ въ него, какъ въ оракула.

— Вѣдь не графскаго же роду и она, твоя очаровательная-то! продолжала Анна Андревна, крайне раздраженная моею похвалою будущей невѣстѣ молодого князя. — А Наташа ему еще лучше бѣ была партія. Та откупщица, а Наташа-то изъ стариннаго дворянскаго дома, высокоблагородная дѣвица. Старикъ-то мой вчера (и забыла вамъ рассказать), суплучокъ свой отперъ, кованный, — знаете? да дѣлый вечеръ противъ меня сидѣлъ, да старыя грамоты наши разбиралъ. Да серьезный такой сидитъ. Я чулокъ вяжу, да и не гляжу на него, боюсь. Такъ онъ видитъ, что я молчу, рассердился, да самъ и окликнулъ меня и дѣлый-то вечеръ мнѣ нашу родословную толковалъ. Тамъ вотъ и выходитъ, что мы-то, Ихменевы-то, еще при Иванѣ Васильевичѣ Грономѣ дворянами были, а что мой родъ, Шумиловыхъ, еще при Алексѣѣ Михайловичѣ извѣстенъ былъ; и документы есть у насъ, и въ исторіи Карамзина упомянуто. Такъ вотъ какъ, батюшка, мы видно тоже не хуже другихъ съ этой черты. Какъ началъ мнѣ старикъ толковать, я и поняла, что у него на умѣ. Знать и ему обидно, что Наташой пренебрегаютъ. Богатствомъ только и взяли передъ нами. Ну, да пусть тотъ, разбойникъ-то, Петръ-то Александровичъ, о богатствѣ хлопочетъ; всѣмъ извѣстно: жестокосердая, жадная душа. Въ изъезыты, говорятъ, тайно въ Варшавѣ записался? правда-ли это?

— Глупый слухъ, отвѣчалъ я, невольно заинтересованный устойчивостью этого слуха. По извѣстіе о Николаѣ Сергѣичѣ, разбиравшемъ свои грамоты, было любопытно. Прежде онъ никогда не хвалился своею родословною.

— Все злодѣи жестокосердые! продолжала Анна Андревна: — ну, что же она, мой голубчикъ, горюетъ, плачетъ? Ахъ, пора тебѣ идти къ ней! Матрена, Матрена! разбойникъ, а не дѣвка!.. Не оскорбляли ея? говори же, Ваня!

Что было ей отвѣчать? Старушка заплакала. Я спросилъ, какая у ней еще случилась бѣда, про которую она мнѣ давеча собиралась рассказать?

— Ахъ, батюшка, мало было оди́хъ бѣдъ, такъ видно еще не вся чаша выпита! Помнишь, голубчикъ, или не помнишь? Былъ у меня медальончикъ, въ золото оправленный, такъ для сувенира сдѣлаю, а въ немъ портретъ Наташечки, въ дѣтскихъ лѣтахъ; восьми лѣтъ она тогда была, ангельчикъ мой. Еще тогда мы съ Николаемъ Сергѣичемъ его проѣзжему живописцу заказывали, да ты забылъ, видно, батюшка! Хорошій былъ живописецъ, купидономъ ее изобразилъ: волосики свѣтленькіе такіе у ней тогда были, взбитые; въ рубашечкѣ кисейной представилъ ее, такъ что и тѣлице просвѣчиваетъ и такая она вышла хорошенькая, что и наглядѣться нельзя. Просила я живописца, чтобъ крылушки ей подрисовалъ, да не согласился живописецъ. Такъ вотъ, батюшка, я, послѣ ужасовъ-то нашихъ тогдашнихъ, медальончикъ изъ шкатулки и вынула, да на грудь себѣ и повѣсила на шнуркѣ, такъ и носила возлѣ креста, а сама-то боюсь, чтобъ мой не увидалъ. Вѣдь онъ тогда же все ея вещи приказалъ изъ дому выкинуть или сжечь, чтобъ ничто и не напоминало про нее у насъ. А мнѣ-то хоть бы на портретъ ея взглянуть; иной разъ поплачу на него глядя, — все легче становится, а въ другой разъ, когда одна остаюсь, не начинаюся, какъ будто ее самое цалую; имена нѣжныя ей прибираю, да и на ночь-то каждый разъ перекрещу. Говорю съ ней вслухъ, когда одна остаюсь, спрошу что-нибудь и представляю, какъ-будто она мнѣ отвѣтила, и еще спрошу. Охъ, голубчикъ Ваня, тяжело и рассказывать-то! Ну, вотъ я и рада, что хоть про медальонъ-то онъ не знаетъ и не замѣтилъ; только хватъ вчера утромъ, а медальона и нѣтъ, только шнурочикъ болтается, перетерся, должно быть, а я и обронила. Такъ и замерла. Искать; искала-искала, искала-искала, — нѣтъ! сгинулъ да пропалъ! И куда ему сгинуть? Навѣрно, думаю, въ постели обронила; все перерыла, — нѣтъ! Коли сорвался, да упалъ куда-нибудь, такъ можетъ, кто и нашелъ его, а кому найти, кромѣ него или Матрены? Ну, на Матрену и думать нельзя; она мнѣ всей душой предапа... (Матрена, да ты скоро-ли самоваръ-то?) Ну, думаю, если онъ найдеть, что тогда будетъ? Сижу себѣ, грущу, да и плачу-плачу, слезъ удержать не могу. А Николай Сергѣичъ все ласковѣй, да ласковѣй со мной; на меня глядя груститъ, какъ будто и онъ знаетъ, о чемъ я плачу, и жалѣетъ меня. Вотъ и думаю про себя: почему онъ можетъ знать? Не сыскалъ-ли онъ и въ са-

момъ дѣлѣ медальонъ, да и выбросилъ въ форточку. Вѣдь въ сердцахъ онъ на это способенъ; выбросилъ, а самъ теперь и грустить, — жалѣеть, что выбросилъ. Ужь я и подъ окошко, подъ форточкой искать ходила съ Матрeной, — ничего не нашла. Какъ въ воду кануло. Всю ночь проплакала. Первый разъ я ея на ночь не перекрестила. Охъ, къ худу это, къ худу, Иванъ Петровичъ, не предвѣщаетъ добра; другой день, глазъ не осушая, плачу. Васъ-то ждала, голубчика, какъ ангела божія, хотъ душу отвести...

И старушка горько заплакала.

— Ахъ, да, и забыла вамъ сообщить! заговорила она вдругъ, обрадовавшись, что вспомнила: — слышали вы отъ него что-нибудь про сиротку?

— Слышалъ, Анна Андревна, говорилъ онъ мнѣ, что будто вы оба надумались и согласились взять бѣдную дѣвочку, сиротку, на воспитаніе. Правда-ли это?

— И не думала, батюшка, и не думала! И никакой сиротки не хочу! Напоминать она мнѣ будетъ горькую долю вашу, наше несчастье. Кромѣ Наташи, никого не хочу. Одна была дочь, одна и останется. А только что жъ это значить, батюшка, что онъ сиротку-то выдумалъ? Какъ ты думаешь, Иванъ Петровичъ? Мнѣ въ утѣшеніе, что ль, на мои слезы глядя, азь чтобъ родную дочь даже совсѣмъ изъ воспоминанія изгнать, да къ другому дѣтищу привязаться? Что онъ обо мнѣ дорогою говорилъ съ вами? Какоеъ онъ вамъ показался, — суровый, сердитый? Тс! идетъ! послѣ, батюшка, доскажете, послѣ!.. Завтра-то прити не забудь...

ГЛАВА XIII.

Вошелъ старикъ. Онъ, съ любовитствомъ и какъ-будто чего-то стыдась, оглядѣлъ насъ, нахмурился и подошелъ къ столу.

— Что жъ самоваръ, спросилъ онъ, — неужели до сихъ поръ не могли подать?

— Несутъ, батюшка, несутъ; ну, вотъ и принесли, захопота-ла Анна Андревна.

Матрена, тотчасъ же какъ увидела Николая Сергѣича, и

явилась съ самоваромъ, точно ждала его выхода, чтобъ подать. Это была старая, испытанная и преданная служанка, но самая своевольная ворчунья изъ всѣхъ служанокъ въ мирѣ, съ настойчивымъ и упрямымъ характеромъ. Николая Сергѣича она боялась и при немъ всегда прикусывала языкъ. Зато вполнѣ вознаграждала себя передъ Анной Андревной, грубила ей на каждомъ шагу и показывала явную претензію господствовать надъ своей госпожой, хотя въ тоже время душевно и искренно любила ее и Наташу. Эту Матрену я зналъ еще въ Ихменевкѣ.

— Гм... вѣдь неприятно, когда промокнуешь; а тутъ тебѣ и чаю *не зѣтая* приготовить, ворчалъ въ полголоса старикъ. Анна Андревна тотчасъ же подмигнула мнѣ на него. Онъ терпѣть не могъ этихъ таинственныхъ подмигиваній и хотѣ въ эту минуту и старался не смотрѣть на насъ, но по лицу его можно было замѣтить, что Анна Андревна именно теперь мнѣ на него подмигнула и что онъ вполнѣ это знаетъ.

— По дѣламъ ходилъ, Ваня, заговорилъ онъ вдругъ. Дрянная такая завелась. Говорилъ я тебѣ? меня совсѣмъ осуждаютъ. Доказательствъ, вишь, нѣтъ; бумагъ нужныхъ нѣтъ; справки вѣрны выходятъ... Гм...

Онъ говорилъ про свой процессъ съ княземъ; этотъ процессъ все еще тянулся, но принималъ самое худое направленіе для Николая Сергѣича. Я молчалъ, не зная, что ему отвѣчать. Онъ подозрительно взглянулъ на меня.

— А что жъ! подхватилъ онъ вдругъ, какъ-будто раздраженный нашимъ молчаніемъ: — чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. Подлецомъ меня не сдѣлаютъ, хотъ и рѣшатъ, что я долженъ завлатить. Со мной моя совѣсть, и пусть рѣшаютъ. По крайней мѣрѣ, дѣло кончено; развяжутъ, разорятъ... Брошу все и уѣду въ Сибирь.

— Господи, куда ѣхать! да зачѣмъ бы это въ такую даль! не утерпѣла не сказать Анна Андревна.

— А здѣсь отъ чего близко? грубо спросилъ онъ, какъ бы обрадовавшись возраженію.

— Ну, все-таки... отъ людей... проговорила было Анна Андревна, и съ тоскою взглянула на меня.

— Отъ какихъ людей? вскричалъ онъ, переводя горячій взглядъ отъ меня на нее и обратно, — отъ какихъ людей? отъ грабителей, отъ клеветниковъ, отъ предателей? Такихъ вездѣ

много; не беспокойся, и въ Сибири найдемъ. А не хочешь со мной ѣхать, такъ пожалуй и оставайся; я не насылю.

— Батюшка, Николай Сергѣичъ! да на кого жь я безъ тебя останусь! закричала бѣдная Анна Андревна. Вѣдь у меня; промѣ тебя, въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ ник...

Она замкнулась, замолчала и обратила ко мнѣ испуганный, молящій взглядъ, какъ бы прося заступленія и помощи. Старикъ былъ раздражонъ, но всему придирался; противорѣчить ему было нельзя.

— Полюте, Анна Андревна, сказалъ я, въ Сибири совсѣмъ не такъ дурно, какъ кажется. Если случится несчастье, и вамъ надо будетъ продать Ихменевку, то намѣреніе Николая Сергѣича даже и очень хорошо. Въ Сибири можно найти порядочное частное мѣсто, и тогда...

— Ну, вотъ покрайней мѣрѣ хоть ты, Иванъ, дѣло говоришь. Я такъ и думалъ. Брошу все и уѣду!

— Ну, вотъ ужъ и не ожидала! вскрикнула Анна Андревна, веселеснувъ руками: — и ты, Ваня, туда же! Ужъ отъ тебя-то, Иванъ Петровичъ, не ожидала... Кажется, промѣ ласки вы отъ насъ ничего не видали, а теперь...

— Ха-ха-ха! А ты чего ожидала! Да чѣмъ же мы жить-то здѣсь будемъ, подумай! Деньги прожаты, послѣднюю копейку добиваемъ! Ужъ не прикажешь-ли къ князю Петру Александровичу пойти, да прощенія просить?

Услышавъ про князя, старушка такъ и задрожала отъ страха. Чайная ложечка въ ея рукѣ звонко задребезжала о блюдечко.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, подхватилъ Ихменевъ, разгорачая самъ себя съ злобною, упорною радостію: — какъ ты думаешь, Ваня, вѣдь право пойти! На что въ Сибирь ѣхать? А лучше я вотъ завтра разведѣнусь, причешусь, да приглажусь; Анна Андревна манишку новую приготовить (къ такому лицу ужъ нельзя иначе!), перчатки для полнаго бонтонау купить, да и поѣдти къ его сіятельству: батюшка, ваше сіятельство, кормилецъ, отецъ родной! прости и помилуй, дай кусокъ хлѣба, — жена, дѣти маленькія!.. Такъ ли Анна Андревна? этого ли хочешь?

— Батюшка... я ничего не хочу! такъ, съ дуру сказала; прости, коли въ чемъ досадила, да только не кричи; проговорила она, все больше и больше дрожа отъ страха.

Я увѣренъ, что въ душѣ его все было и перевертывалось въ эту минуту, глядя на слезы и страхъ своей бѣдной подруги; я увѣренъ, что ему было гораздо больнѣе, чѣмъ ей; но онъ не могъ удержаться. Такъ бываетъ иногда съ добрейшими, но слабонервными людьми, которые, не смотря на всю свою доброту, увлекаются до самоаслажденія собственнымъ горемъ и гнѣвомъ, ища высказаться во чтобы то ни стало, даже до обиды другому, невинному и преимущественно всегда самому ближнему къ себѣ человѣку. У женщины напимѣръ бываетъ иногда потребность чувствовать себя несчастною, обиженною, хоть бы не было ни обиды, ни несчастій. Есть много мужчинъ, похожихъ въ этомъ случаѣ на женщинъ и даже мужчинъ не слабыхъ, въ которыхъ вовсе не такъ много женственнаго. Старикъ чувствовалъ потребность ссоры, хотя самъ страдалъ отъ этой потребности.

Пошлю, у меня тутъ же мелькнула мысль: ужь и въ самомъ дѣлѣ не сдѣлалъ ли онъ передъ этимъ какой-нибудь выходки, въ родѣ предположеній Анны Андревны? Чего добраго, не надоумилъ ли его Господь и не ходилъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ къ Наташѣ, да одумался дорогой, или что-нибудь не удалось, сорвалось въ его напѣреніи, — какъ и должно было случиться, — и вотъ онъ поротился домой, разсерженный и униженный, стыдился своихъ недавнихъ желаній и чувствъ, ища на комъ сорвать сердце за свою же *слабость* и выбирая именно тѣхъ, кого наиболѣе подозрѣвалъ въ такихъ же желаніяхъ и чувствахъ. Можетъ быть, желая простить дочь, онъ именно воображалъ себѣ восторгъ и радость своей бѣдной Анны Андревны и, при неудачѣ, *разумлется* ей же первой и доставалось за это.

Но убитый видъ ея, дрожавшей передъ нимъ отъ страха; тронулъ его. Онъ какъ-будто устыдился своего гнѣва и на минуту сдержалъ себя. Мы всѣ молчали; я старался не глядѣть на него. Но добрая минута тянулась не долго. Во что бы ни стало надо было высказаться, хотя бы взрывомъ, хотя бы пренятіемъ.

— Видишь, Ваня, сказалъ онъ вдругъ, мнѣ жалъ, мнѣ не хотѣлось бы говорить, но пришло такое время, и я долженъ объясниться откровенно, безъ закорючекъ, какъ слѣдуетъ всякому прямому человѣку... понимаешь, Ваня? Я радъ, что ты пришолъ, и потому хочу громко сказать при тебѣ же, такъ чтобы и другіе слышали, что весь этотъ вздоръ, всѣ эти слезы, вздохи, несчастія мнѣ наконецъ надоѣли. То, что я вырвалъ изъ сердца моего,

можетъ—быть, съ кровью и болью, никогда опять не воротится въ мое сердце. Да! я сказалъ и сдѣлаю. Я говорю про то, что было полгода назадъ, понимаешь, Ваня! — и говорю про это такъ откровенно, такъ прямо именно для того, чтобъ ты никакъ не могъ ошибиться въ словахъ моихъ, — прибавилъ онъ, воспаленными глазами смотря на меня и видимо избѣгая испуганныхъ взглядовъ жены. — Повторяю: это вздоръ; я не желаю!.. Меня именно бѣситъ, что меня, какъ дурака, какъ самаго низкаго подлца все считаютъ способнымъ имѣть такія низкія, такія слабыя чувства... думаютъ, что я съ ума схожу отъ горя... Вздоръ! я отбрасываю, я забылъ старыя чувства! для меня вѣтъ воспоминаній... да! да! да! и да!..

Онъ вскочилъ со стула и ударилъ кулакомъ по столу такъ, что чашки зазвенѣли.

— Николай Сергѣичъ! неужели вамъ не жаль Анну Андреевну? посмотрите, что вы съ ней дѣлаете, сказалъ я, не въ силахъ удержаться и почти съ негодованіемъ смотря на него. Но я только къ огню подлилъ масла.

— Не жаль! закричалъ онъ, задрожавъ и поблѣднѣвъ, не жаль, потому что и меня не жалѣютъ! Не жаль, потому что въ моемъ же домѣ составляются заговоры противъ поруганной моей головы, за развратную дочь, достойную проклятія и всѣхъ наказаній!..

— Батюшка, Николай Сергѣичъ, не проклинай!.. все, что хочешь, только дочь не проклинай! вскричала Анна Андреевна.

— Проклянута! кричалъ старикъ вдвое громче, чѣмъ прежде: — потому что отъ меня же, обиженнаго, поруганнаго, требуютъ, чтобъ я шолъ къ этой проклятой и у ней же просилъ прощенія! Да, да, это такъ! Этими мучатъ меня каждодневно, денно и пощно, у меня же въ домѣ, слезами, вздохами, глупыми намеками! хотятъ меня разжалобить... Смотри, смотри, Ваня, прибавилъ онъ, поспѣшно вынимая дрожащими руками изъ бокового своего кармана бумаги: — вотъ тутъ выписки изъ нашего дѣла; по этому дѣлу выходитъ теперь, что я воръ, что я обманщикъ, что я обокралъ моего благодѣтеля!.. я ошельмованъ, опозоренъ изъ за нее! вотъ, вотъ, смотри, смотри!..

И онъ началъ выбрасывать изъ бокового кармана своего сюртука разныя бумаги, одну за другою, на столъ, нетерпѣливо отыскивая между ними ту, которую хотѣлъ мнѣ показать; но

нужная бумага, какъ нарочно, не отыскивалась. Въ нетерпѣніи онъ рванулъ изъ кармана все, что захватилъ въ немъ рукой, и вдругъ — что-то звонко и тяжело упало на столъ... Анна Андревна вскрикнула. Это былъ потерянный медальонъ.

Я едва вѣрилъ глазамъ своимъ. Кровь бросилась въ голову старика и залила его щеки; онъ вздрогнулъ. Анна Андревна стояла, сложивъ руки, и съ мольбою смотрѣла на него. Лицо ея просіяло свѣтлою, радостною надеждою. Эта краска въ лицѣ, это смущеніе старика передъ нами... да, она не ошибалась; она понимала теперь, какъ пропалъ ея медальонъ!

Она поняла, что онъ нашолъ его, обрадовался своей находкѣ и, можетъ быть, дрожа отъ восторга, ревниво спрятавъ его у себя отъ всѣхъ глазъ; что гдѣ-нибудь одинъ, тихонько отъ всѣхъ, онъ съ безпредѣльною любовью смотрѣлъ на личико своего возлюбленнаго дитяти, — смотрѣлъ и не могъ насмотрѣться; что, можетъ быть, онъ также, какъ и бѣдная мать, заперался одинъ отъ всѣхъ разговаривать съ своей безцѣвной Наташей, выдумывать ея отвѣты, отвѣчать на нихъ самому; а ночью, въ мучительной тоскѣ, съ подавленными въ груди рыданиями, ласкалъ и цаловалъ милый образъ и, вмѣсто проклятій, призывалъ прощеніе и благословеніе на ту, которую не хотѣлъ видѣть и проклиналъ передъ всѣми.

— Голубчикъ мой, такъ ты ее еще любишь! вскричала Анна Андревна, не удерживаясь болѣе передъ суровымъ отцомъ, за минуту проклинавшимъ ея Наташу.

Но лишь только онъ услышалъ ея крикъ, безумная ярость сверкнула въ глазахъ его. Онъ схватилъ медальонъ, съ силою бросилъ его на полъ и съ бѣшенствомъ началъ топтать ногою.

— Навѣки, навѣки будь проклята мною! хрипѣлъ онъ, задыхаясь: — Навѣки, навѣки!

— Господи! закричала старушка, — ее, ее! мою Наташу! ея личико... топчетъ ногами! ногами!.. тиранъ! безчувственный, жестокосердый гордецъ!

Услышавъ вопль жены, безумный старикъ остановился, какъ вкопанный, какъ-будто въ ужасѣ отъ того, что сдѣлалось. Вдругъ онъ схватилъ съ полу медальонъ и бросился вонъ изъ комнаты, но, сдѣлавъ два шага, упалъ на колѣна, оперся руками на стоявшій передъ нимъ диванъ и, въ изнеможеніи, склонилъ свою голову.

Онъ рыдалъ, какъ дитя, какъ женщина. Рыданья тѣснили грудь его, какъ-будто хотѣли ее разорвать. Грозный старикъ въ одну минуту сталъ слабѣе ребенка. О, теперь уже онъ не могъ проклинать; онъ уже не стыдился никого изъ насъ и, въ судорожномъ порывѣ любви, опять покрывалъ безчисленными поцелуями портретъ, который за минуту назадъ топталъ ногами. Казалось, вся нѣжность, вся любовь его къ дочери, такъ долго въ немъ сдержанная, стремилась теперь вырваться наружу съ неудержимою силою, и силою порыва, разбивала все существо его.

— Прости, прости ее! восклицала, рыдая, Аиwa Андревна, склонившись надъ нимъ и обнимая его. — Вороти ее въ родительскій домъ, голубчикъ, и самъ Богъ, на страшномъ судѣ своемъ, зачтетъ тебѣ твое смиреніе и милосердіе!..

— Нѣтъ, нѣтъ! Ни за что, никогда! восклицалъ онъ хриплымъ, задумавшимъ голосомъ: — Никогда! Никогда!

ГЛАВА XIV

Я пришолъ къ Наташѣ уже поздно, въ десять часовъ. Она жила тогда на Фонтанкѣ, у Семеновскаго моста, въ грязномъ «капитальномъ» домѣ купца Колотушкина, въ четвертомъ этажѣ. Въ первое время послѣ ухода изъ дому, она и Алеша жили въ прекрасной квартирѣ, небольшой, но красивой и удобной, въ третьемъ этажѣ, на Литейной. Но скоро ресурсы молодого князя истощились. Учителемъ музыки онъ не сдѣлался, но началъ занимать и вошелъ въ огромные для него долги. Деньги онъ употреблялъ на украшеніе квартиры, на подарки Наташѣ, которая возставала противъ его мотовства, журила его, иногда даже плакала. Чувствительный и проищательный сердцемъ, Алеша, иногда цѣлую недѣлю обдумывавшій съ наслажденіемъ какъ-бы ей что подарить и какъ-то она приметъ подарокъ, дѣлавшій изъ этого для себя настоящіе праздники, съ восторгомъ сообщавшій мнѣ заранѣ свои ожиданія и мечты, впадалъ въ уныніе отъ ея журьбы и слезъ, такъ что его становилось жалко, а впоследствии между ними бывали изъ-за подарковъ упреки, огорченія и ссоры. Кромѣ того Алеша много проживалъ денегъ тихонько отъ Наташи; увлекался за товарищами, измѣнялъ ей;

близилъ къ разнымъ Жозефинамъ и Мишиамъ; а между-тѣмъ онъ все-таки очень любилъ ее. Онъ любилъ ее какъ-то съ му-чениемъ; часто онъ приходилъ ко мнѣ разстроенный и грустный, говоря, что не стоитъ мизинчика своей Наташи; что онъ грубъ и золъ, не въ состояннн понимать ее и недостовиъ ея любви. Онъ былъ отчасти правъ; между ними было совершенное неравенство; онъ чувствовалъ себя передъ нею ребенкомъ, да и она всегда считала его за ребенка. Со слезами каялся онъ мнѣ въ знакомствѣ съ Жозефиной, въ тоже время умоляя не говорить объ этомъ Наташѣ; и когда, робкій и трепещущій, онъ отпраивался, бывало, послѣ всѣхъ этихъ откровенностей, со мною къ ней (непремѣнно со мною, увѣряя, что боится взглянуть на нее послѣ своего преступленія и что я одинъ могу поддержать его); то Наташа съ перваго же взгляда на него уже знала, въ чемъ дѣло. Она была очень ревнива и, не понимая какимъ образомъ, всегда прощала ему всѣ его вѣтренности. Обыкновенно такъ случалось: Алеша войдетъ со мною, робко заговорить съ ней, съ робкою вѣжностью смотритъ ей въ глаза. Она тотчасъ же угадаетъ, что онъ виноватъ, но не покажетъ и вида, никогда не заговоритъ объ этомъ первая, ничего не выспытываетъ, напротивъ тотчасъ же удвоитъ къ нему свои ласки, станетъ вѣжливѣе, веселѣе, — и это не была какая-нибудь игра или обдуманная хитрость съ ея стороны. Нѣтъ; для этого прекраснаго созданія было какое-то безкомечное наслажденіе прощать и миловать; какъ-будто въ самомъ процессѣ прощенія Алеша она находила какую-то особенную, утонченную прелесть. Правда, тогда еще дѣло касалось одиѣхъ Жозефинъ. Видя ее кроткую и прощающую, Алеша уже не могъ утерпѣть и тотчасъ же самъ во всемъ каялся, безъ всякаго спроса, — чтобъ облегчить сердце и «быть по-прежнему», говорилъ онъ. Получивъ прощеніе, онъ приходилъ въ восторгъ, иногда даже плакалъ отъ радости и умиленія, цаловалъ, обнималъ ее. Потомъ тотчасъ же развеселялся и начиналъ съ ребяческою откровенностью рассказывать всѣ подробности своихъ похаживаній съ Жозефиной, смѣялся, хохоталъ, благословлялъ и восхвалялъ Наташу, и вечеръ кончался счастливо и весело. Когда прекратились у него всѣ деньги, онъ началъ продавать вещи: не настоящую Наташи, отыскана была маленькая, но дешовая квартира на Фонтанкѣ. Вещи продолжали продаваться; Наташа продала даже свои платья и стала искать работу; когда Алеша

узналъ объ этомъ , отчаянію его не было предѣловъ : онъ вrockлиналъ себя, кричалъ, что самъ себя презираетъ, а между-тѣмъ ничѣмъ не поправилъ дѣла. Въ настоящее время прекратились даже и эти послѣдніе ресурсы; оставалась только одна работа, но плата за нее была самая ничтожная.

Съ самаго начала , когда они еще жили вмѣстѣ , Алеша сильно поссорился за это съ отцомъ. Тогдашнія намѣренія князя женить сына на Катеринѣ Федоровнѣ Филимоновой, падчерицѣ графини , были еще только въ проэктѣ , но онъ сильно настаивалъ на этомъ проэктѣ; онъ возилъ Алешу къ будущей невѣстѣ, уговаривалъ его стараться ей понравиться, убѣждалъ его и строгостями и резонами; но дѣло разстроилось изъ-за графини. Тогда и отецъ сталъ смотрѣть на связь сына съ Наташей сквозь пальцы, предоставляя все времени, и надѣялся, зная вѣтренность и легкомысліе Алеши, что любовь его скоро пройдетъ. О томъ же, что онъ можетъ жениться на Наташѣ, князь, до самаго послѣдняго времени, почти пересталъ заботиться. Что же касается до любовниковъ, то у нихъ дѣло отлагалось до формальнаго примиренія съ отцомъ и вообще до переменны обстоятельствъ. Впрочемъ Наташа видимо не хотѣла заводить объ этомъ разговоровъ. Алеша проговорился мнѣ тайкомъ, что отецъ какъ-будто немножко и радъ былъ всей этой исторіи : ему нравилось во всемъ этомъ дѣлѣ униженіе Ихменева. Для формы же онъ продолжалъ изъяслять свое неудовольствіе сыну: уменьшилъ и безъ того небогатеодержаніе его (онъ былъ чрезвычайно съ нимъ скупъ), грозилъ отнять все; но вскорѣ уѣхалъ въ Польшу, за графиней, у которой были тамъ дѣла, все еще безъ устали преслѣдуя свой проэктъ сватовства. Правда, Алеша былъ еще слишкомъ молодъ для женитбы; но невѣста была слишкомъ богата и упустить такой случай было невозможно. Князь добился наконецъ цѣли. До насъ дошли слухи, что дѣло о сватовствѣ пошло наконецъ на ладъ. Въ то время, которое я описываю, князь только-что воротился въ Петербургъ. Сына онъ встрѣтилъ ласково, но упорность его связи съ Наташей неприятно наумила его. Онъ сталъ сомнѣваться, трусить. Строго и настоятельно потребовалъ онъ разрыва; но скоро догадался употребить гораздо лучшее средство и повезъ Алешу къ графини. Ея падчерица была почти красавица, почти еще дѣвочка, но съ рѣдкимъ сарказмомъ, съ ясной, испорочной душой, весела, умна, нѣжна.

Князь рассчиталъ, что все-таки полгода должны были взять свое, что Наташа уже не имѣла для его сына прелести новизны и что теперь онъ уже не такими глазами будетъ смѣтрѣть на будущую свою невѣсту, какъ полгода назадъ. Онъ угадалъ только отчасти... Алеша дѣйствительно увлекся. Прибавлю еще, что отецъ вдругъ сталъ необыкновенно ласковъ къ сыну (хотя все-таки не давалъ ему денегъ). Алеша чувствовалъ, что подъ этой лаской скрывается непреклонное, неизмѣнное рѣшеніе, и тосковалъ, — не такъ впрочемъ какъ-бы онъ тосковалъ, если бъ не видалъ ежедневно Катерины Федоровны. Я зналъ, что онъ уже пятый день не показывался къ Наташѣ. Идя къ ней отъ Ихменевыхъ, я тревожно угадывалъ, чтобы такое она хотѣла сказать мнѣ? Еще издали я различилъ свѣтъ въ ея окнѣ. Между нами уже давно было условлено, чтобъ она ставила свѣчку на окно, если ей очень и непремѣнно надо меня видѣть, такъ что если мнѣ случалось проходить близко (а это случалось почти каждый вечеръ), то я все-таки, по необыкновенному свѣту въ окнѣ, могъ догадаться, что меня ждуть и что я ей нуженъ. Въ послѣднее время она часто выставляла свѣчу...

ГЛАВА XV

Я засталъ Наташу одну. Она тихо ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, сложа руки на груди, въ глубокой задумчивости. Потухавшій самоваръ стоялъ на столѣ и уже давно ожидалъ меня. Молча и съ улыбкою протянула она мнѣ руку. Лицо ея было блѣдно, съ болѣзненнымъ выраженіемъ. Въ улыбка ея было что-то страдальческое, пѣжное, терпѣливое. Голубые, ясные глаза ея стали какъ-будто больше чѣмъ прежде, волосы какъ-будто гуще, — все это такъ казалось отъ худобы и болѣзни.

— А я думала, ты ужь не придешь, сказала она, подавая мнѣ руку: — хотѣла даже Мавру послать къ тебѣ узнать; думала, не заболѣлъ-ли опять?

— Нѣтъ, не заболѣлъ, меня задержали, сейчасъ расскажу. Но что съ тобой, Наташа? что случилось?

— Ничего не случилось, отвѣчала она какъ-бы удивленная. — А что?

— Да ты писала... вчера написала, чтобъ пришлѣть, да еще

назначила часъ, чтобъ не раньше, не позже; это какъ-то не по обыкновенному.

— Ахъ, да! Это я его вчера ждала.

— Что жъ онъ, все еще не былъ?

— Нѣтъ. Я и думала; если не придетъ, такъ съ тобой надо будетъ переговорить, прибавила она, помолчавъ.

— А сегодня вечеромъ ожидала его?

— Нѣтъ, не ждала; онъ вечеромъ тамъ.

— Что же ты думаешь, Наташа, онъ ужь совѣмъ никогда не придетъ?

— Разумѣется придетъ, отвѣчала она, какъ-то особенно серьезно взглянувъ на меня.

Ей не правилась скорость моихъ вопросовъ. Мы замолчали, продолжая ходить по комнатѣ.

— Я все тебя ждала, Ваня, начала она вдовъ съ улыбкой, и знаешь, что дѣлала? Ходила здѣсь взадъ и впередъ и стихи наизусть читала; помнишь,—колокольчикъ, зимняя дорога: «Самоваръ мой кипить на дубовомъ столѣ»... мы еще вмѣстѣ читали:

Улеглася метелица; путь озаренъ,
Ночь глядитъ миллионами тусклыхъ очей ..

.....

— И потомъ:

То вдругъ слышится мнѣ — страстный голосъ воевъ,
Съ колокольчикомъ дружно звеня:
• Ахъ, когда-то, когда-то мой милый придетъ,
• Отдохнуть на груди у меня!
• У меня-ли не жизнь! чутъ заря на стеклѣ
• Начинаетъ лучами съ моровомъ играть,
• Самоваръ мой кипить на дубовомъ столѣ,
• И трещить моя печь, озаря въ углѣ
• За цвѣтной занавѣской кровать....

— Какъ это хорошо! Какіе это мучительные стихи, Ваня! и какая фантастическая, раздающаяся картина. Канва одна и только намѣченъ узоръ,—вышивай что хочешь. Два ощущенія: прежнее и послѣднее. Этотъ самоваръ, этотъ ситцевой занавѣсъ, — такъ это все родное... Это какъ въ мѣщанскихъ домикахъ въ уѣздномъ нашемъ городкѣ; я и домъ этотъ какъ-будто вижу: новый, изъ бревень, еще досками не обшитый... А вѣтомъ другая картина:

То вдругъ слышится мнѣ — тотъ же голосъ поеть,
Съ колокольчикомъ грустно звеня :

• Гдѣ-то старый мой другъ? я боюсь, онъ войдетъ

«И, ласкаясь, обвинитъ меня!

• И за жизнь у меня! — И тѣсна, и темна,

• И свучна моя горница; дуетъ въ окно...

• За окошкомъ растеть только вишня одна,

• Да и та за промерзлымъ стекломъ не видна,

• И, быть можетъ, погибла давно.

• Что я жизнь! Поднялъ пестрый полога цвѣтъ;

• Я больная брожу и не ѣду къ роднымъ,

• Побранить меня нѣ-кому — милаго нѣтъ...

• Лишь старуха ворчить... — — —

— «Я больная брожу»... эта «больная», какъ тутъ хорошо поставлено! «Побранить меня нѣ-кому», — сколько нѣжности, нѣги въ этомъ стихѣ и мученій отъ воспоминаній, да еще мученій, которыя самъ вызвалъ, да и любишься ими... Господи, какъ это хорошо! Какъ это бываетъ!

Она замолчала, какъ-будто подавляя начинавшуюся горловую спазму.

— Голубчикъ мой, Ваня! сказала она мнѣ черезъ минуту, и вдругъ опять замолчала, какъ-будто сама забыла, что хотѣла сказать, или сказала такъ, безъ мысли, отъ какого-то внезапнаго ощущенія.

Между тѣмъ мы все прохаживались по комнатѣ. Передъ образомъ горѣла лампадка. Въ послѣднее время Наташа становилась все набожнѣе и набожнѣе и не любила, когда объ этомъ съ ней заговаривали.

— Что, завтра праздникъ? спросилъ я, — у тебя лампадка горитъ.

— Нѣтъ, не праздникъ... да чтожъ, Ваня, садись! должно быть усталъ. Хочешь чаю? вѣдь ты еще не пилъ?

— Сядемъ, Наташа. Чай я пилъ.

— Да ты откуда теперь?

— Отъ имѣ. — Мы съ ней всегда такъ называли родной домъ.

— Отъ нихъ? Какъ ты успѣлъ? Самъ зашелъ? Звали?..

Она засыпала меня вопросами. Лицо ея сдѣлалось еще блѣднѣе отъ волненія. Я рассказалъ ей подробно мою встрѣчу съ старикомъ, разговоръ съ матерью, сцену съ медальономъ, — раз-

сказалъ подробно и со всѣми отѣнками. Я никогда ничего не скрывалъ отъ нея. Она слушала жадно, ловя каждое мое слово. Слезы блеснули на ея глазахъ. Сцена съ медальономъ сильно ее взволновала.

— Постой, постой, Ваня, говорила она, часто прерывая мой рассказъ: — говори подробнѣе, все, все, какъ можно подробнѣе; ты не такъ подробно рассказываешь!...

Я повторилъ второй и третій разъ, поминутно отвѣчая на ея безпрерывные вопросы о подробностяхъ.

— И ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что онъ ходилъ ко мнѣ?

— Не знаю, Наташа, и мнѣнія даже составить не могу. Что онъ груститъ о тебѣ и любить тебя, это ясно; но что онъ ходилъ къ тебѣ, это... это...

— И онъ цаловалъ медальонъ? перебила она; что онъ говорилъ, когда цаловалъ?

— Безсвязно, одни восклицанія; называлъ тебя самыми нѣжными именами, звалъ тебя...

— Звалъ?

— Да.

Она тихо заплакала.

— Бѣдные! сказала она. — А если онъ все знаетъ, прибавила она послѣ нѣкотораго молчанія, — такъ это не мудро. Онъ и объ отцѣ Алеши имѣетъ большія извѣстія.

— Наташа, сказалъ я робко, пойдемъ къ нимъ...

— Когда? спросила она, поблѣднѣвъ и чуть-чуть привставъ съ кресель. Она думала, что я зову ее сейчасъ.

— Нѣтъ, Ваня, прибавила она, положивъ мнѣ обѣ руки на плечи и грустно улыбаясь: — нѣтъ, голубчикъ; это всегдашній твой разговоръ, но... не говори лучше объ этомъ.

— Такъ неужели жъ никогда, никогда не кончится этотъ ужасный раздоръ! вскричалъ я грустно. — Неужели жъ ты до того горда, что не хочешь сдѣлать первый шагъ! Онъ за тобою; ты должна его первая сдѣлать. Можетъ-быть, отецъ только того и ждетъ, чтобъ простить тебя... Онъ отецъ; онъ обиженъ тобою! Уважь его гордость; она законна, она естественна! Ты должна это сдѣлать. Попробуй, и онъ проститъ тебя безъ всякихъ условій.

— Безъ условій! это невозможно; и не упрекай меня, Ваня,

напрасно. Я объ этомъ дни и ночи думала и думаю. Послѣ того, какъ я ихъ покинула, можетъ-быть, не было дня, чтобъ я объ этомъ не думала. Да и сколько разъ мы съ тобой же объ этомъ говорили! Вѣдь ты знаешь самъ, что это невозможно!

— Попробуй!

— Нѣтъ, другъ мой, нельзя. Если и попробую, то еще больше ожесточу его противъ себя. Безвозвратнаго не воротишь, и знаешь, чего именно тутъ воротить нельзя? Не воротишь этихъ дѣтскихъ, счастливыхъ дней, въ которые отецъ зналъ меня. Еслибъ онъ и простилъ, то все-таки онъ бы не узналъ меня теперь. Онъ любилъ еще дѣвочку, большого ребенка. Онъ любовался моимъ дѣтскимъ простодушіемъ; лаская, онъ еще гладилъ меня по головкѣ, также какъ когда я была еще семилѣтней дѣвочкой и, сидя у него на колѣняхъ, пѣла ему мои дѣтскія пѣсенки. Съ перваго дѣтства моего до самаго послѣдняго дня, онъ приходилъ къ моей кровати и крестилъ меня на ночь. За вѣсяцъ до нашего несчастья онъ купилъ мнѣ серги, тихонько отъ меня (а я все узнала), и радовался какъ ребенокъ, воображая, какъ я буду рада подарку, и ужасно рассердился на всѣхъ и на меня первую, когда узналъ отъ меня же, что мнѣ давно уже извѣстно о покупкѣ серегъ. За три дня до моего ухода, онъ примѣтилъ, что я грустна, тотчасъ же и самъ загрустилъ до болѣзни и, — какъ ты думаешь? — чтобъ развеселить меня, онъ придумалъ взять билетъ въ театръ!.. ей Богу онъ хотѣлъ этимъ излечить меня! Повторяю тебѣ, онъ зналъ и любилъ дѣвочку и не хотѣлъ и думать о томъ, что я когда-нибудь тоже стану женщиной.... Ему это и въ голову не приходило. Теперь же, еслибъ я воротилась домой, онъ бы меня и не узналъ. Если онъ и проститъ, то кого же встрѣтитъ теперь? Я ужъ не та, ужъ не ребенокъ, я много прожила. Если я и угожу ему, — онъ все-таки будетъ вздыхать о прошедшемъ счастьи, тосковать, что я совсѣмъ не та, какъ прежде, когда еще онъ любилъ меня ребенкомъ; а старое всегда лучше кажется! съ мученіями вспоминается! О, какъ хорошо прошедшее, Ваня! — вскричала она, сама увлекаясь и прерывая себя этимъ восклицаніемъ, съ болью вырвавшимся изъ ея сердца.

— Это все правда, сказалъ я, что ты говоришь, Наташа. Значитъ ему надо теперь узнать и полюбить тебя вновь. А главное: узнать. Чтожъ? онъ и полюбить тебя. Неужели жъ ты ду-

маешь, что онъ не въ состояніи узнать и понять тебя, онъ, онъ, такое сердце!

— Охъ, Ваня, не будь несправедливъ. И что особеннаго во мнѣ понимать? Я не про то говорила. Видишь, что еще: отеческая любовь тоже ревнива. Ему обидно, что безъ него все это началось и разрѣшилось съ Алешей, а онъ не зналъ, проглядѣлъ. Онъ знаетъ, что и не предчувствовалъ этого, и несчастныя послѣдствія нашей любви, мой побѣгъ, приписываетъ именно моей «неблагодарной» скрытности. Я не пришла къ нему съ самаго начала, я не каялась потомъ передъ нимъ въ каждомъ движеніи моего сердца, съ самаго начала моей любви; напротивъ, я затаила все въ себѣ, я пряталась отъ него и, увѣрю тебя, Ваня, втайнѣ ему это еще обиднѣе, оскорбительнѣе, чѣмъ самыя послѣдствія любви, — то, что я ушла отъ нихъ и вся отдалась моему любовнику. Положимъ, онъ встрѣтилъ бы меня теперь какъ отецъ горячо и ласково; но сѣмя вражды останется. На второй, на третій день начнутся огорченія, недоумѣнія, попреки. Ктому же онъ не проститъ безъ условій. Я, положимъ, скажу и скажу правду, изъ глубины сердца, что понимаю, какъ его оскорбила, до какой степени передъ нимъ виновата. И хоть ниѣ и больше будетъ, если онъ не захочетъ понять, чего мнѣ самой стоило все это счастье съ Алешей, какія я сама страданія перенесла, но я подавлю свою боль, все перенесу, — но ему и этого будетъ мало. Онъ потребуетъ отъ меня невозможнаго вознагражденія: онъ потребуетъ, чтобъ я прокляла мое прошедшее, прокляла Алешу и раскаялась въ моей любви къ нему. Онъ захочетъ невозможнаго, — воротить прошедшее и вычеркнуть изъ нашей жизни послѣдніе полгода. Но я не проклянупу никого, я не могу раскаяться... Ужь такъ оно пришло, такъ случилось... Нѣтъ, Ваня, теперь нельзя. Время еще не пришло.

— Когда же придетъ время?

— Не знаю... Надо какъ-нибудь выстрадать вновь наше будущее счастье; купить его какими-нибудь новыми муками. Страданіемъ все очищается... Охъ, Ваня, сколько въ жизни боли!

Я замолчалъ и задумчиво смотрѣлъ на нее.

— Что ты такъ смотришь на меня, Алеша, то бишь — Ваня? проговорила она ошибался и улыбнувшись своей ошибкѣ.

— Я смотрю теперь на твою улыбку, Наташа. Гдѣ ты взяла ее? у тебя прежде не было такой.

— А что же въ моей улыбкѣ?

— Препнее дѣтское престодушіе, правда, въ ней еще есть... Но когда ты улыбаешься, точно въ тоже время у тебя какъ-нибудь сильно заболитъ на сердцѣ. — Вотъ ты похудѣла, Наташа, а волосы твои стали какъ-будто гуще... Что это у тебя за платье? Это еще у нихъ было сдѣлано?

— Какъ ты меня любишь, Ваня! отвѣчала она, ласково взглянувъ на меня. Ну, а ты, что ты теперь дѣлаешь? Какъ твои-то дѣла?

— Не замѣнились; все романъ пишу; да тяжело, не дается. Вдохновеніе выдохлось. Съ плеча-то и можно бы написать, пожалуй и занимательно бы вышло; да хорошую идею жаль портить. Эта изъ любимыхъ. А къ сроку непременно надо въ журналъ. Я даже думаю бросить романъ и придумать повѣсть поскорѣе, такъ, что-нибудь легонькое и граціозное и отнюдь безъ врачнаго направленія... Это ужь отнюдь... Всѣ должны веселиться и радоваться!..

— Бѣдный ты труженникъ? А что Смитъ?

— Да Смитъ умеръ.

— Не приходилъ къ тебѣ? Я серьезно говорю тебѣ, Ваня; ты боленъ, у тебя нервы разстроены, такіа все мечты. Когда ты мнѣ рассказывалъ про наемъ этой квартиры, я все это въ тебѣ замѣтила. Что квартира, сыра, нехороша?

— Да! У меня еще случилась исторія, сегодня вечеромъ... Впрочемъ я потомъ расскажу.

Она меня уже не слушала и сидѣла въ глубокой задумчивости.

— Не понимаю, какъ я могла уйти тогда отъ нихъ; я въ горячкѣ была, — проговорила она наконецъ, смотря на меня такимъ взглядомъ, которымъ не ждала отвѣта. Заговори я съ ней въ эту минуту, она бы и не слышала меня.

— Ваня, сказала она чуть слышнымъ голосомъ, я просила тебя къ себѣ за дѣломъ.

— Что такое?

— Я расстаюсь съ нимъ.

— Разсталась или расстаешься?

— Надо попятить съ этой живиью. Я и звала тебя, чтобъ выразить все, все, что накопилось теперь и что я скрывала отъ тебя до сихъ поръ. — Она всегда такъ начинала со мной, повѣ-

ря мнѣ свои тайныя намѣренія и всегда почти выходило; что всѣ эти тайны я давно уже зналъ отъ нея же.

— Ахъ, Наташа, я тысячу разъ это отъ тебя слышалъ! Конечно вамъ жить вмѣстѣ нельзя; ваша связь какая-то странная; между вами нѣтъ ничего общаго. Но... достанетъ ли силъ у тебя?

— Прежде были только намѣренія, Ваня; теперь же я рѣшилась совѣсть. Я люблю его безконечно, а между тѣмъ выходить, что я ему первый врагъ; я гублю его будущность. Надо освободить его. Жениться онъ на мнѣ не можетъ; онъ не въ силахъ пойти противъ отца. Я тоже не хочу его связывать. И потому я даже рада, что онъ влюбился въ невѣсту, которую ему сватаютъ. Ему легче будетъ разстаться со мною. Я это должна! Это долгъ... Если я люблю его, то должна всѣмъ для него пожертвовать, должна доказать ему любовь мою, это долгъ! Не правда ли?

— Но вѣдь ты не уговоришь его.

— Я и не буду уговаривать. Я буду съ нимъ попрежнему, войди онъ хоть сейчасъ. Но я должна приискать средство, чтобъ ему было легко оставить меня безъ угрызений совѣсти. — Вотъ что меня мучитъ, Ваня; помоги. Не присовѣтуешь ли чего-нибудь?

— Такое средство одно, сказалъ я: — разлюбить его совѣсть и полюбить другого. Но врядъ ли и это будетъ средствомъ. Вѣдь ты знаешь его характеръ? Вотъ онъ къ тебѣ пять дней не ѣздитъ. Предположи, что онъ совѣсть оставилъ тебя; тебѣ стоитъ только написать ему, что ты сама его оставляешь, и онъ тотчасъ же прибѣжитъ къ тебѣ.

— За что ты его не любишь, Ваня?

— Я!

— Да, ты, ты! Ты ему врагъ, тайный и явный! Ты не можешь говорить о немъ безъ мщенія. Я тысячу разъ замѣчала, что тебѣ первое удовольствіе унижать и чернить его! Именно чернить, я правду говорю!

— И тысячу разъ уже говорила мнѣ это. Довольно, Наташа; оставимъ этотъ разговоръ.

— Я бы хотѣла переѣхать на другую квартиру, заговорила она опять, послѣ нѣкотораго молчанія. — Да ты не сердись, Ваня...

— Чтожъ., онъ придетъ и на другую квартиру, а я ей Богу не сержусь.

— Любовь сильна; новая любовь можетъ удержать его. Если воротится ко мнѣ, такъ только развѣ на минуту, какъ ты думаешь?

— Не знаю, Наташа, въ немъ все въ высшей степени ни съ чѣмъ несообразно, онъ хочетъ и на той жениться и тебя любить. Онъ какъ-то можетъ все это виѣстѣ дѣлать.

— Еслибъ я знала навѣрно, что онъ любитъ ее, я бы рѣшилась... Ваня! Не тай отъ меня ничего! Знаешь ты что-нибудь, чего мнѣ не хочешь сказать, или нѣтъ?

Она смотрѣла на меня безпокойнымъ, выпытывающимъ взглядомъ.

— Ничего не знаю, другъ мой, даю тебѣ честное слово; съ тобой я былъ всегда откровененъ. Впрочемъ я вотъ что еще думаю; можетъ-быть, онъ вовсе не влюбленъ въ падчерницу графини такъ сильно, какъ мы думаемъ. Такъ, увлечение...

— Ты думаешь, Ваня? Боже, если бъ я это знала навѣрно! О, какъ бы я желала его видѣть въ эту минуту, только взглянуть на него. Я бы по лицу его все узнала! И нѣтъ его! нѣтъ его!

— Да развѣ ты ждешь его, Наташа?

— Нѣтъ, онъ у ней; я знаю; я посылаю узнавать. Какъ бы я желала взглянуть и на нее... Послушай, Ваня, я скажу вздоръ, но неужели жъ мнѣ никакъ нельзя ее увидѣть, нигдѣ нельзя съ нею встрѣтиться? Какъ ты думаешь?

Она съ безпокойствомъ ожидала что я скажу.

— Увидать еще можно. Но вѣдь только увидеть, — мало.

— Довольно бы того хотъ увидеть, а тамъ я бы и сама угадала. Послушай: я вѣдь такъ глупа стала; хожу-хожу здѣсь, все одна, все одна, — все думаю; мысли какъ какой-то вихрь; такъ тяжело! Я и выдумала, Ваня: нельзя ли тебѣ съ ней познакомиться? Вѣдь графиня (тогда ты самъ рассказывалъ) — хвалила твой романъ; ты вѣдь ходишь иногда на вечера къ княжю Р...; она тамъ бываетъ. Сдѣлай, чтобъ тебя ей тамъ представили. А то, пожалуй, и Алеша могъ бы тебя съ ней познакомиться. Вотъ ты бы мнѣ все и рассказавъ про нее.

— Наташа, другъ мой, объ этомъ послѣ. А вотъ что: неужели ты серьезно думаешь, что у тебя достанетъ силъ на разлуку? Посмотри теперь на себя: неужели ты покойна?

— Дос-та-нетъ! отвѣчала она чуть слышно. Все для него! Вся жизнь моя для него! Но знаешь, Ваня, не могу я перенести, что онъ теперь у нея, обо мнѣ позабылъ, сидитъ возлѣ нея, рассказываетъ, смѣется, помнишь, какъ здѣсь бывало сидѣлъ... Смотритъ ей прямо въ глаза; онъ всегда такъ смотреть; — и въ мысль ему не приходитъ теперь, что я вотъ здѣсь... съ тобой.

Она не dokonчила и съ отчаяніемъ взглянула на меня.

— Какъ же ты, Наташа, еще сейчасъ, только сейчасъ говорила...

— Пусть мы вмѣстѣ, всѣ вмѣстѣ разстанемся! перебила она съ сверкающимъ взглядомъ. Я сама его благословлю на это... Но тяжело, Ваня, когда онъ самъ, первый, забудетъ меня? Ахъ, Ваня, какая это мука! Я сама не понимаю себя: умомъ выходить такъ, а на дѣлѣ не такъ! Что со мною будетъ!

— Полно, полно, Наташа, успокойся!..

— И вотъ уже пять дней, каждый часъ, каждую минуту... воснѣ ли, сплю ли — все объ немъ, объ немъ! Знаешь, Ваня: пойдѣмъ туда, проводи меня!

— Полно, Наташа.

— Нѣтъ, пойдѣмъ! Я тебя только и ждала, Ваня! Я уже три дня объ этомъ думаю. Объ этомъ-то дѣлѣ я и писала къ тебѣ... Ты меня долженъ проводить; ты не можешь отказать мнѣ въ этомъ... Я тебя ждала... три дня... Тамъ сегодня вечеръ... онъ тамъ... пойдѣмъ!

Она была какъ въ бреду. Въ прихожей раздался шумъ; Мавра какъ-будто спорила съ кѣмъ-то.

— Стой, Наташа, кто это? спросилъ я; слушай!

Она прислушалась съ недовѣрчивою улыбкою и вдругъ страшно поблѣднѣла.

— Боже мой! Кто тамъ? — проговорила она чуть слышнымъ голосомъ.

Она хотѣла было удержать меня, но я вышелъ въ прихожую къ Маврѣ. Такъ и есть! Это былъ Алеша. Онъ объ чемъ-то разпрашивалъ Мавру; та сначала не пускала его.

— Откудава такой явился? говорила она, какъ власть имѣющая. — Что? гдѣ рыскалъ? Ну ужь или, види! А меня тебѣ не подмаслить! Ступай-ка; что-то отвѣтишь?

— Я никого небоюсь! Я войду! говорилъ Алеша, не много аврочемъ сконфузившись.

— Ну, ступай! — прытокъ ты больно!

— И пойду! А! и вы здѣсь! сказалъ онъ, увидѣвъ меня: — какъ это хорошо, что и вы здѣсь! Ну вотъ и я; видите; какъ же мнѣ теперь...

— Да просто войдите, отвѣчалъ я, чего вы бонтесь?

— Я ничего не боюсь, увѣряю васъ; потомучто я ей Богу виноватъ. Вы думаете, я виноватъ? Вотъ увидите, я сейчасъ оправдаюсь. Я не боюсь. Наташа, можно къ тебѣ! вскрикнулъ онъ съ какой-то выдѣланныю смѣлостію, остановясь передъ затворенною дверью.

Никто не отвѣчалъ.

— Чтожъ это? спросилъ онъ, съ безпокойствомъ.

— Ничего, она сейчасъ тамъ была, отвѣчалъ я; развѣ что вибудъ...

Алеша осторожно отворилъ дверь и робко окинулъ глазами комнату. Никого не было.

Вдругъ онъ увидалъ ее въ углу, между шкапомъ и окномъ. Она стояла тамъ, какъ-будто спрятавшись, ни жива ни мертва. Какъ вспомню объ этомъ, до сихъ поръ не могу не улыбнуться. Алеша тихо и осторожно подошелъ къ ней.

— Наташа, что ты? Здравствуй, Наташа, робко проговорилъ онъ, съ какимъ-то испугомъ смотря на нее.

— Ну, чтожъ, ну.., ничего!.. отвѣчала она въ ужасномъ смущеніи, какъ-будто она же и была виновата. Ты.., хочешь чаю?

— Наташа, послушай... говорилъ Алеша совершенно потерявшись. Ты, можетъ быть, увѣрена, что я виноватъ... Но я не виноватъ; я нисколько не виноватъ! Вотъ видишь ли, я все тебѣ сейчасъ расскажу.

— Да зачѣмъ же это? прошептала Наташа; нѣтъ, нѣтъ, не надо... лучше дай руку и... кончено... какъ всегда... И она вышла изъ угла; румянецъ сталъ показываться на щекахъ ея.

Она смотрѣла внизъ, какъ-будто боясь взглянуть на Алешу.

— О Боже мой! вскрикнулъ Алеша въ восторгѣ; если бъ только былъ виноватъ, я бы не смѣлъ, кажется, и взглянуть на нее послѣ этого! Посмотрите, посмотрите! кричалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, — вотъ: она считаетъ меня виноватымъ; все про-

тивъ меня, всё видимость противъ меня! я пять дней не ѣжу! Есть слухи, что я у невѣсты — и чтожъ? она ужъ прощаетъ меня! она ужъ говоритъ: «дай руку и кончено!» Наташа! голубчикъ мой, ангелъ мой! Я не виноватъ, и ты знай это! Я не виноватъ ни на столечко! напротивъ! напротивъ!

— Но... но вѣдь ты теперь *тамъ*... тебя теперь *туда* звали... какъ же ты здѣсь? ко... который часъ?..

— Половина одиннадцатаго! Я и былъ тамъ... Но я сказался больнымъ и уѣхалъ и — это первый, первый разъ въ эти пять дней, что я свободенъ, что я былъ въ состояніи урваться отъ нихъ и пріѣхать къ тебѣ, Наташа. То есть я могъ и прежде пріѣхать, но я нарочно не ѣхалъ! А почему? ты сейчасъ узнаешь, объясню; я затѣмъ и пріѣхалъ, чтобъ объяснить; только ей Богу въ этотъ разъ я ни въ чемъ передъ тобой не виноватъ, ни въ чемъ! ни въ чемъ!

Наташа подняла голову и взглянула на него... Но отвѣтный взглядъ его сіялъ такою правдивостью, лицо его было такъ радостно, такъ честно, такъ весело, что не было возможности ему не повѣрить. Я думалъ, они вскрикнутъ и бросятся другъ другу въ объятія, какъ это уже нѣсколько разъ прежде бывало при подобныхъ же примиреніяхъ. Но Наташа, какъ-будто подавленная счастьемъ, опустила на грудь голову и вдругъ... тихо заплакала. Тутъ ужъ Алеша не могъ выдержать. Онъ бросился къ ногамъ ея. — Онъ цаловалъ ея руки, ноги; онъ былъ какъ въ изступленіи. Я придвинулъ ей кресла. Она сѣла. Ноги ея подкашивались.

ФЕДОРЪ ДОСТОЕВСКІЙ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ЧУДЕСНОЕ БѢГСТВО

ЖАКА КАЗАНОВЫ ИЗЪ ВЕНЕЦІАНСКИХЪ ТѢМНИЦЪ (ПЛОМБЪ) (*)

(ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ЕГО МЕМУАРОВЪ)

Книга Жака Казановы «*Mémoires de Jacques Casanova de Seingalt*» совершенно неизвѣстна на Русскомъ языкѣ. Между тѣмъ французы цѣнятъ Казанову, какъ писателя, даже выше Лесажа. Такъ ярко, такъ образно рисуется онъ характеры, лица и нѣкоторыя событія своего времени, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, и такъ просто, такъ ясенъ и занимателенъ его рассказъ! Подробный разборъ сочиненія Казановы завелъ бы насъ слишкомъ далеко. Объ его книгѣ мало сказать нѣсколько словъ. Большой же о ней статьи мы въ настоящее время въ нашемъ журналѣ помѣстить не можемъ. Но чтобы познакомить читателей съ этой замѣчательной книгой, мы выберемъ изъ нея одинъ только эпизодъ: *Заключение и чудесное бѣгство Жака Казановы изъ Венеціанскихъ темницъ*. Этотъ эпизодъ издавъ былъ имъ особою книгой, и потомъ уже вошелъ въ его мемуары. Прибавимъ, что этотъ отрывокъ не даетъ точнаго понятія о всей книгѣ, да и характеръ Казановы рисуется въ немъ только съ одной стороны, правда, съ самой лучшей. Личность Казановы одна изъ самыхъ замѣчательныхъ своего вѣка. Казанова выражаетъ собою всего тогдашняго человѣка извѣстнаго сословія, со всѣми тогдашними мѣтніями, уклопеніями, вѣрованіями, идеалами, нравственными понятіями, со всѣмъ этимъ особеннымъ взглядомъ на жизнь, такъ рѣзко отличающимся отъ взгляда нашего девятнадцатаго столѣтія. По крайней мѣрѣ, мы убѣждены, что доставляемъ чи-

---

(*) Пломбы — тюрьмы подъ свинцовыми крышами дворца дожовъ въ Венеціи.

тателямъ занимательное чтеніе. Прибавимъ еще, что бѣгство Казановы изъ Венеціанскихъ пломбъ надѣлало тогда большаго шуму въ Европѣ и доставило ему чрезвычайную извѣстность. Изъ этихъ темницъ бѣжать почти невозможно. Это разсказъ о торжествѣ чловѣческой воли надъ препятствіями непреоборимыми. Правда, этотъ разсказъ, представленный въ видѣ отрывка, много теряетъ въ силѣ и занимательности. Перевести же всю книгу невозможно. Она извѣстна нѣкоторыми эксцентричностями, откровенное изложеніе которыхъ справедливо осуждается принятою въ наше время нравственностію. Одинъ только эпизодъ во всей книгѣ не заключаетъ въ себѣ этихъ эксцентричностей. Его-то мы и представляемъ теперь нашимъ читателямъ. *Ред.*

I

Подъ Пломбами. — Землетрясеніе

. . . . Я возвратился домой безъ всякаго страха и, простившись съ своей хозяйкой и ея дочерью, легъ спать. Это было въ ночь на 25 іюля 1755 года.

Чуть разсвѣло, ужасный мессеръ-Гранде стоялъ уже у моей постели. Проснувшись, увидѣть его, услышать обычный вопросъ — а ли Жакъ Казанова, было дѣломъ одной минуты. На отвѣтъ мой, что я и есть самый Казанова, онъ велѣлъ мнѣ встать, одѣться, передать ему всю мою переписку и идти съ нимъ.

— Отъ кого даете вы мнѣ это приказаніе?

— Отъ трибунала.

Могущество нѣкоторыхъ словъ на чловѣческую душу необъяснимо. Еще наканунѣ, опираясь на свою невинность, я такъ гордился своимъ безстрашіемъ, и вотъ слово трибуналъ обдаетъ меня холодомъ и оставляетъ во мнѣ одну только матеріальную способность пассивно повиноваться.

Бюро мое было отперто; бумаги лежали возлѣ, на столѣ.

— Берите, сказалъ я вѣстнику ужаснаго трибунала, показывая на бумаги, покрывавшія столъ.

Наполнивъ ими цѣлый мѣшокъ, онъ отдалъ его сбиру и сказалъ мнѣ, чтобъ я вручилъ ему и переплетенные манускрипты, которые должны были у меня находиться. Я понялъ тутъ, что былъ преданъ

бездѣльникомъ Мануцци, который втерся ко мнѣ подъ предлогомъ продать для меня эти книги. Это были: *Соломонова ключица*, *Zecor-ben*, *Picatrix*, длинное *Разсужденіе о планетныхъ часахъ* и необходимыя заклинанія для желающихъ бесѣдовать со всевозможными духами (*). Кто зналъ, что у меня были эти книги, считалъ меня, къ крайнему моему удовольствію, великимъ магикомъ.

Мессеръ-Гранде отобралъ также книги, лежавшія на ночномъ столикѣ, — Петрарку, Аріоста, Горація, Военнаго философа, Картезианскаго Придверника и Аретина, о которомъ очевидно донесъ ему Мануцци, потому что мессеръ-Гранде и его потребовалъ. Шпіонъ этотъ смотрѣлъ такимъ честнымъ человѣкомъ — качество необходимое въ шпіонѣ.

Между-тѣмъ какъ мессеръ-Гранде рылся въ манускриптахъ, книгахъ и письмахъ, я одѣвался машинально, ни скоро, ни медленно; выбрился, вычесался, надѣлъ кружевную рубашку и новое платье: и все это я дѣлалъ безъ всякой мысли и совершенно молча. Мессеръ-Гранде, не упускавшій меня ни на минуту изъ вида, насколько не мѣшалъ мнѣ наряжаться, какъ-будто бы я шолъ на свадьбу.

Когда мы вышли, я очень удивился, увидя человѣкъ сорокъ солдатъ въ передней: какъ видите, мнѣ дѣлали честь, считая ихъ необходимыми для арестованія такой особы какъ я, между-тѣмъ какъ по пословицѣ: *ne Hercules quidem contra duos*, было бы довольно и двухъ. Странно, что въ Лондонѣ, напримѣръ, гдѣ все храбры, достаточно одного полицейскаго, чтобъ арестовать человѣка, тогда какъ въ моемъ милomъ отечествѣ, гдѣ все трусы, нужно для этого тридцать. Ужъ не оттого ли это, что трусь, который нападаетъ, долженъ болѣе трусить, чѣмъ трусь, на котораго нападаютъ, отчего иногда естественнѣйшій трусь становится при случаѣ храбрымъ. Дѣйствительно, въ Венеціи часто видишь, какъ иной самъ одинъ защищается противъ двадцати сбировъ, да еще уходитъ, поколотивъ ихъ порядкомъ. Я помню, какъ разъ въ Парижѣ я помогъ одному изъ своихъ друзей вернуться изъ рукъ сорока полицейскихъ, да еще какъ мы ихъ отдѣлали!

Мессеръ-Гранде велѣлъ мнѣ сѣсть въ гондолу, и самъ сѣлъ возлѣ меня съ четырьмя сбирами. Когда мы пріѣхали къ нему на

(*) Казанова въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ объясняетъ, какъ достались ему эти книги.

квартиру, онъ предложилъ мнѣ кофею, отъ котораго я отказался, а потомъ заперъ меня въ своей комнатѣ. Въ ней я проспалъ четыре часа сряду, просыпаясь каждые четверть часа.

Къ тремъ часамъ вошелъ ко мнѣ караульный офицеръ и сказалъ, что имѣетъ приказаніе отправить меня *подъ пломбы*. Я пошелъ за нимъ, не говоря ни слова. Мы сѣли въ гондолу, и послѣ тысячи поворотовъ въ маленькихъ каналахъ, вошли въ большой *canal-grande*, и пристали къ тюремной набережной. Перейдя множество лѣстницъ, мы вступили на крытый мостъ, соединяющій тюрьмы съ дожескимъ дворцомъ поверхъ канала и называющійся *rio di Palazzo*. За этимъ мостомъ есть галлерей: мы и ту прошли. Потомъ мы миновали комнату и вошли въ другую, гдѣ онъ представилъ меня какому-то господину, судя по платью патрицію, который, окинувъ меня взглядомъ, сказалъ только: *Equello, mettetilo in deposito* (*).

Господинъ этотъ былъ секретарь инквизиторовъ, *мудрый Доминикъ Кавалли*; по видимому ему стыдно было говорить при мнѣ по-венеціански, потому-что онъ отдалъ приказаніе на тосканскомъ нарѣчій.

Мессеръ-Гранде передалъ меня тогда сторожу Пломбъ; онъ былъ уже тутъ съ огромной связкой ключей. Въ сопровожденіи двухъ солдатъ мы вошли съ нимъ по двумъ маленькимъ лѣстницамъ въ галлерей, потомъ въ другую, отдѣленную отъ первой запертою дверью, потомъ еще въ одну галлерей, въ концѣ которой онъ отперъ еще одну дверь, за которой я увидѣлъ грязный чердакъ, длиною въ шесть туазовъ, шириною въ два, едва освѣщавшійся сверху слуховымъ окномъ. Я принялъ этотъ чердакъ за свою тюрьму, но ошибся; потому что, выбравъ огромный ключъ, тюремщикъ отперъ претолстую дверь, обитую съ двухъ сторонъ желѣзомъ, вышиною въ три съ половиною фута, съ круглой дырой посрединѣ, дюймовъ восьми въ діаметрѣ, и велѣлъ мнѣ войти въ ту самую минуту, когда я разсматривалъ одну желѣзную машину, крѣпко ввинченную въ толстую перегородку. Эта машина имѣла видъ подковы, толщиною была въ дюймъ и дюймовъ пяти въ діаметрѣ отъ одного конца до другаго. Я раздумывалъ про себя, на что бы могла годиться такая машина, какъ вдругъ услышалъ голосъ тюремщика:

— Я вижу, сударь, сказалъ онъ мнѣ улыбаясь, что вамъ любопытно знать, на что эта вещь полезна: я могу удовлетворить васъ.

(*) Посадить его въ депо.

Когда ихъ превосходительства изволятъ приказать удавить кого-нибудь, то его сажаютъ на табуретъ сѣною къ этому ошейнику, а голову его принаравливаютъ такъ, чтобъ ошейникъ охватывалъ половину шеи. Шолковая полоса, въ видѣ полотенца, облегающая другую половину, продѣвается въ эту дыру и два конца ея прикрѣпляются къ вороту. Потомъ кто-нибудь начинаетъ вертѣть колесо, до тѣхъ поръ пока пациентъ не отдастъ душу Господу, такъ-какъ духовникъ не отходитъ отъ него до послѣдняго издыханія.

— Все это славно придумано, и я полагаю, что вамъ обыкновенно предназначается честь вертѣть колесо?

Онъ ничего не отвѣчалъ, и давъ мнѣ знакъ войти (что я и сдѣлалъ, согнувшись чуть не въ двѣ погибели), заперъ меня, а потомъ спросилъ черезъ рѣшотчатую дыру двери, что мнѣ приготовить къ обѣду.

— Объ этомъ я еще не думалъ, отвѣчалъ я.

Онъ ушелъ, заперевъ тщательно всѣ двери.

Убитый горемъ и безчувственный ко всему, я облокотился на подоконникъ передъ рѣшоткой. Вся-то она была въ два фута въ вышину и ширину, и состояла изъ шести желѣзныхъ прутьевъ, въ дюймъ толщиною, положенныхъ на крестъ и составлявшихъ такимъ образомъ шестнадцать пятидюймовыхъ квадратовъ. Это отверстіе могло бы хорошо освѣщать тюрьму мою, еслибъ не четвероугольная матица, восемнадцати дюймовъ шириною: она входила въ стѣну ниже слухового окна, бывшаго передо мною, и заслоняла свѣтъ въ отвратительномъ чердакѣ. Тюрьма моя была вышиною не болѣе пяти футовъ; согнувшись, я обошелъ ее кругомъ и увидѣлъ, что она состояла три четверти квадрата изъ двухъ туазовъ. Четвертая четверть была нѣчто въ родѣ алькова, въ которомъ было мѣста не болѣе какъ для одной кровати; но я не нашолъ ни кровати, ни стола, ни стула и никакой другой мебели, кромѣ развѣ жбана, для извѣстнаго употребленія, и доски, прикрѣпленной къ стѣнѣ на четыре фута отъ пола. На нее я положилъ свой плащъ изъ пу-де-суа, новое платье, такъ дурно обновленное мною, и шляпу, обшитую испанскими кружевами съ великолѣпнымъ бѣлымъ перомъ. Жара была страшная, и инстинктъ машинально привелъ меня къ рѣшоткѣ, единственному мѣсту, на которое я могъ облокотиться. Мнѣ нельзя было видѣть слухового окна, но я видѣлъ свѣтъ, мерцавшій въ чердакѣ, и огромной величины крысь, которыя преспокойно тамъ прогуливались. Эти отвратительныя твари, одинъ видъ которыхъ при-

подить меня въ содроганіе, нисколько не боясь, подходили къ моей рѣшоткѣ. Я поспѣшилъ закрыть внутреннимъ ставнемъ круглую дыру моей двери, потомучто ихъ посѣщеніе привело бы меня просто въ ужасъ. Въ глубокой задумчивости, облокотясь на подоконникъ, я простоялъ восемь часовъ, молча и безъ всякаго движенія.

Услышавъ, какъ часы били двадцать одинъ часъ (*), я сталъ пробуждаться и испытывать нѣкоторое безпокойство, потомучто никто ко мнѣ не являлся ни съ кушаньемъ, ни съ мебелью, необходимою для того, чтобъ провести ночь. Мнѣ казалось, что должны же были они принести мнѣ — ну хоть стулъ, да хлѣба съ водою. Я не чувствовалъ, правда, аппетита, да вѣдь они этого не могли знать. Въ жизнь свою я еще не ощущалъ такой горечи и сухости во рту. Мнѣ казалось однако, что къ вечеру непременно кто-нибудь да явится; но когда я услышалъ, что часы били двадцать-четвертый часъ, мною овладѣло бѣшенство, я сталъ толкаться въ дверь, топать ногами, ругаться и кричать что было во мнѣ мочи. Болѣе часу провелъ я въ этихъ шумныхъ упражненіяхъ, не видя никого, не имѣя даже надежды на то, чтобъ кто-нибудь могъ слышать мои крики. Погруженный въ темноту, я затворилъ ставень рѣшотки изъ боязни, чтобъ крысы не забрались ко мнѣ, и растянулся на полу. Такая жестокая забывчивость казалась мнѣ неестественною, и я рѣшилъ, что варвары-инквизиторы осудили меня на смерть. Нечего было долго раздумывать о томъ, что я могъ сдѣлать для навлеченія на себя такого наказанія; потомучто при самомъ совѣстливомъ разборѣ моихъ поступковъ, я не нашолъ ни одного, на которомъ могъ бы остановиться. Я кутилъ, игралъ, громко и смѣло говорилъ, думалъ только о томъ, какъ бы повеселѣе пожить; но гдѣ же тутъ государственное преступленіе? А со мной обходились какъ съ преступникомъ. Бѣшенство и отчаяніе заставляли меня наконецъ проklinать ужасный деспотизмъ, тяготѣвшій надо мною, въ выраженіяхъ, которыя я не повторю здѣсь изъ приличія; пусть лучше угадаетъ ихъ читатель. Однако, не смотря на все мое раздраженіе, не смотря на голодь, начинавшій уже сказываться, на жажду, мучившую меня, и на жесткость пола, на которомъ я лежалъ, истощенная природа взяла свое — и я заснулъ.

Мое крѣпкое тѣлосложеніе нуждалось въ снѣ; а въ молодомъ и

(*) По итальянскому счисленію.

здоровомъ человѣкѣ эта сильная нужда заставляетъ забывать всѣ другія, и въ этомъ смыслѣ конечно сонъ есть благодѣтель человѣческаго рода.

Полночный колоколъ разбудилъ меня. Какъ ужасно пробужденіе, когда оно заставляетъ жалѣть о ничтожныхъ грезахъ. Я не могъ себѣ представить, чтобъ я могъ провести три часа, не чувствуя ни малѣйшей боли. Лежа на лѣвомъ боку, я протягиваю правую руку за платкомъ, который, помнится, я положилъ съ этой стороны. Ощупываю: Боже! что я почувствовалъ, когда рука моя вдругъ наткнулась на другую, холодную какъ ледъ руку! Ужась пробѣжалъ дрожью по всему моему тѣлу, и волосы встали у меня дыбомъ.

Никогда въ жизнь свою я не только не испытывалъ такого ужаса, но и не воображалъ себя способнымъ къ нему. Три или четыре минуты я провелъ въ какомъ-то оцѣпѣненіи, безъ движенія, безъ способности мыслить. Пришедши немного въ себя, я подумалъ, что рука, которой я коснулся, существовала только въ моемъ разстроенномъ воображеніи, и въ этой надеждѣ снова принимаю ощущивать и снова встрѣчаю ту же руку. Уничтоженный, подавленный ужасомъ, я громко вскрикиваю и съ силой отталкиваю холодную руку.

Успокоившись немного и обрѣтя снова способность разсуждать, я останавливаюсь на мысли, что во время моего сна послѣ меня положили трупъ: я былъ увѣренъ, что его небыло, когда я заснулъ.

— Это вѣроятно, думалъ я, тѣло какого-нибудь несчастнаго, котораго удавили, и они хотятъ предупредить меня, что и я подвергнусь такой же участи. Эта мысль приводитъ меня въ бѣшенство, страхъ уступаетъ мѣсто изступленію; я въ третій разъ допрогиваюсь до холодной руки, ощупываю ее, чтобъ увѣриться во всей жестокости этого факта, и желая встать, опираюсь на лѣвый локоть и вижу, что это я держу свою лѣвую руку! Омертвѣвъ отъ тяжести моего тѣла и отъ жесткости пола, на которомъ я лежалъ, она лишилась теплоты, движенія и чувствительности.

Это происшествіе, не смотря на весь свой комизмъ, не только не развеселило меня, но подало поводъ къ самымъ мрачнымъ размышленіямъ. Я увидѣлъ себя въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ложь казалась истинною, а истина ложью; гдѣ здравый смыслъ долженъ терять половину своей силы, а истощенная фантазія обрекала рассудокъ въ жертву безплодной надежды или ужаснаго отчаянія. Я принялъ твердую рѣшимость наблюдать за собою и въ первый разъ въ

жизни, на тридцатомъ году, призвалъ на помощь себя философію, стѣмена которой давно таились въ душѣ моей, только я не ощущалъ до сихъ поръ въ ней особенной нужды.

Я думаю, что бѣольшая часть людей умираютъ, никогда не мысливъ, не столько по слабоумію, сколько потому, что толчокъ, необходимый для возбужденія умственной способности, не порождался никакимъ особеннымъ событіемъ среди ихъ обыденныхъ привычекъ.

Послѣ перечувствованныхъ мною ощущеній, о снѣ не могло быть и помину; но зачѣмъ также и вставать, если нельзя держаться прямо, и потому я принялъ единственное благоразумное рѣшеніе — сидѣть, и сидѣлъ я такимъ образомъ до восьми часовъ. Мерцаніе новорожденного дня начинало уже являться, солнце должно было встать въ девять часовъ; мнѣ хотѣлось скорѣе дожидаться дня, потому что предчувствіе, которое я считалъ непреложнымъ, говорило мнѣ, что меня выпустятъ. Я не скрывалъ отъ себя, что горѣлъ желаніемъ мести. Я уже видѣлъ себя во главѣ людей, готовыхъ уничтожить угнетавшій меня Совѣтъ Десяти. Я былъ въ какой-то лихорадкѣ бѣшенства; зная виновниковъ моего несчастья, я въ воображеніи уничтожалъ самый корень зла. Я уже вводилъ правило, по которому надлежало повиноваться лишь только закону и быть судимымъ въ силу законовъ: однимъ словомъ, я строилъ воздушные замки. Таковъ всегда человѣкъ, движимый сильною страстію: ему и не въ домекъ, что движетъ имъ не разумъ, а сильнѣйшій изъ враговъ его — гнѣвъ.

Я ждалъ менѣе, чѣмъ думалъ: это было первою причиною успокоенія. Въ половинѣ девятаго глубокое молчаніе тюрьмы, адъ живаго человѣчества, было прервано скрежетомъ замковъ въ корридорахъ, которыми нужно было дойти до меня.

— Надумались-ли вы наконецъ? что вамъ приносить къ обѣду? крикнулъ мнѣ грубо тюремщикъ черезъ рѣшотку.

Это еще хорошо, если грубость какого-нибудь подлеца проявляется только подъ маскою насмѣшки. Я отвѣчалъ ему, что хочу супу съ рисомъ, или похлебки, жаркого, хлѣба, вина и воды. Я замѣтилъ, что грубіяны были озадаченъ тѣмъ, что я нисколько ему не жаловался. Онъ ушелъ и черезъ четверть часа опять забѣжалъ ко мнѣ, чтобъ сказать, что ему удивительно, почему я не требую себѣ кровати и прочей необходимой мебели. — Если вы думаете, прибавилъ онъ, что васъ посадили сюда на одну только ночь, то вы сильно ошибаетесь.

— Такъ принесите мнѣ все, что нужно.

— Куда же мнѣ идти за вещами? Вотъ карандашъ и бумага, запишите все, что вамъ требуется.

Я записываю ему, гдѣ онъ долженъ достать мнѣ рубашки, чулки и прочее бѣлье, кровать, столъ, стулъ; наконецъ книги, отобранныя отъ меня мессеръ-Гранде, бумагу, перья и пр. Когда я прочелъ ему списокъ всѣхъ этихъ предметовъ, потомучто болванъ не зналъ грамоты, онъ закричалъ:

— Вычеркните, ради Бога вычеркните книги, бумагу, перья, зеркало, бритвы, потомучто все это у насъ запрещенный плодъ, и дайте мнѣ денегъ на обѣдъ.

У меня было три секина; я далъ ему одинъ и онъ вышелъ. Впрочемъ онъ оставался еще цѣлый часъ въ корридорахъ, услуживая, какъ я узналъ впоследствии, семерымъ другимъ арестантамъ, которые содержались въ тюрьмахъ, отдаленныхъ одна отъ другой, во избѣжаніе всякаго сообщенія.

Къ полудню тюремщикъ явился вновь, въ сопровожденіи пяти солдатъ, прислуживавшихъ государственнымъ арестантамъ. Чтобъ внести мебель, которую я требовалъ, и обѣдъ, онъ долженъ былъ отпереть тюрьму. Постель поставили въ альковъ, обѣдъ на маленькій столикъ, вмѣстѣ съ приборомъ, состоявшимъ изъ одной костяной ложки, которую онъ купилъ на мои деньги; вилки, ножи и всякіе острые инструменты были запрещены.

— Приказывайте теперъ, сказалъ онъ мнѣ, чего вамъ готовить къ завтрашнему обѣду; я могу приходить сюда только разъ въ день, какъ разсвѣтеть. Его превосходительство, синьоръ секретарь приказалъ вамъ сказать, что онъ пришлетъ вамъ хорошихъ книгъ, а тѣ, что вы потребовали, запрещены.

— Поблагодарите его за ту милость, что онъ посадилъ меня одного.

— Я исполню ваше желаніе, но вы дурно дѣлаете, что такъ насмѣхаетесь.

— Вовсе не насмѣхаюсь, потому что думаю, что лучше сидѣть одному, чѣмъ съ злодѣями, которыхъ здѣсь довольно.

— Помилуйте, сударь, съ какими злодѣями? Это вы напрасно говорите. Здѣсь все господа чистые, но которыхъ все-таки нужно отдѣлать отъ общества, а почему — про то знаютъ одни ихъ превосходительства. Васъ посадили одного, чтобъ строже наказать васъ, а вы еще хотите, чтобъ я благодарилъ ихъ отъ васъ.

— Я этого не зналъ.

Этотъ глупецъ говорилъ правду, и я скоро въ ней убѣдился. Я испыталъ, что человѣкъ, запертый въ одиночествѣ, не можетъ ничѣмъ заниматься; что такой человѣкъ, посаженный въ тѣмное мѣсто, гдѣ онъ видитъ только разъ въ день того, кто приносить ему пищу, гдѣ онъ не можетъ ходить иначе, какъ согнувшись — есть самое несчастнѣйшее существо. Онъ готовъ идти въ адъ, лишь бы найти тамъ общество. И такъ сильно это чувство, что я чуть было не пожелалъ имѣть товарищемъ разбойника, проказоннаго, медвѣдя. Уединеніе подъ замкомъ ужасно; но, чтобъ повѣрить этому, надо можетъ быть убѣдиться на опытѣ, а этого опыта я не пожелаю и врагу своему. Еслибы въ моемъ положеніи былъ писатель, да дали бы ему чернилъ и бумаги, его несчастье уменьшилось бы на девять десятыхъ; но мои палачи и не подумали о томъ, какъ бы облегчить мою участь.

Когда тюремщикъ ушолъ, я подвинулъ столъ къ отверстію, чтобъ получить немного свѣта, и сѣлъ обѣдать; но я могъ проглотить только нѣсколько ложекъ супу. Я чувствовалъ себя больнымъ, потому что не ѣлъ двое сутокъ. День провелъ я, сидя въ креслѣ, безъ вспышекъ бѣшенства и подготавливая свой умъ къ чтенію обѣщанныхъ книгъ. Всю ночь я не могъ сомкнуть глазъ, потому что крысы подняли страшную возню, а часы св. Марка такъ гудѣли, что мнѣ казалось, они у меня въ комнатѣ. Это двойное мученіе еще было не такъ велико, и я боюсь, что многіе изъ моихъ читателей не поймутъ той пытки, о которой я скажу сейчасъ: это тысячи блохъ, которыя такъ и скакали по моему тѣлу. Онѣ сосали мнѣ кровь съ какою-то жадностію, съ невыразимымъ остервененіемъ: ихъ безпрерывныя наколы возбуждали во мнѣ конвульсивныя, спазмодическія судороги, отравляли всю кровь во мнѣ.

На разсвѣтѣ Лоранъ (такъ звали тюремщика) пришолъ перестлать мнѣ постель, вымести комнату, а одинъ изъ сбировъ подаль мнѣ воды умыться. Я хотѣлъ выйти на чердакъ, но Лоранъ мнѣ сказалъ, что это запрещено. Онъ подаль мнѣ двѣ большущія книги, которыя я не открылъ при немъ, изъ страха, что не сдержу первого порыва негодованія, которое онѣ могли возбудить во мнѣ, а шпионъ вѣрно пересказалъ бы все это господамъ своимъ. Онъ ушолъ, оставивъ мнѣ кушанье и два разрѣзанныхъ лимона.

Оставшись одинъ, я сталъ ѣсть супъ, пока онъ не простылъ еще; потомъ подошолъ къ отверстію съ книгою и съ удоволь-

ствіемъ увидѣлъ, что читать будетъ можно. Смотрю на титулъ и вижу: *мистическій градъ сестры Маріи во Іисусъ, нареченной Аграда*. Такого я еще и не слыхивалъ. Вторая книга была сочиненіе какого-то іезуита, именовъ Каравита. Этотъ лицемѣръ, какъ и всѣ они, учреждалъ новое *поклоненіе святому сердцу Господа нашего Іисуса Христа*. Изъ всѣхъ частей тѣла нашего Божественнаго Спасителя, по мнѣнію автора, должно было обожать преимущественно сердце. Я не сталъ читать этой книги. *Мистическій градъ* за то заинтересовалъ меня.

Нужда чѣмъ-нибудь заниматься заставила меня провести цѣлую недѣлю за этимъ образцомъ нелѣпости, за этимъ порожденіемъ поврежденнаго мозга. Я боялся проговориться тюремщику объ этой милой книгѣ; но чувствовалъ, что самъ начинаю сходить съ ума. Чуть забудусь сномъ, и сейчасъ ядъ сестры Аграды начинаетъ дѣйствовать на мой разумъ, слабѣвшій отъ унынія, дурной пищи, недостатка воздуха и движенія и отъ ужасной неизвѣстности о моей участи. Мнѣ снились чудовищные сны, и я самъ снѣлся надъ ними, когда, пробудясь, вспоминалъ о нихъ. Будь у меня необходимые матеріалы, я бы сталъ ихъ записывать и, можетъ-быть, произвелъ бы твореніе почудовищнѣе того, которое съ такимъ искусствомъ выбралъ для меня синьоръ Кавалии.

Девять или десять дней спустя, я очутился безъ денегъ. А Лоранъ пристааетъ.

— Нѣтъ у меня денегъ.

— Гдѣ же прикажете взять ихъ?

— Нигдѣ.

Мое молчаніе и лаконизмъ всего болѣе не нравились этому грубому, жадному, болтливому и любопытному человѣку.

На другой день онъ сказалъ мнѣ, что трибуналь назначилъ мнѣ пятнадцать су въ день, что кассиромъ будетъ онъ, но что каждый мѣсяць онъ будетъ подавать мнѣ счетъ, и что если что скопится, то я воленъ буду употребить эти деньги на что угодно.

— Ты будешь мнѣ приносить два раза въ недѣлю *Лейденскую Газету*.

— Нельзя; запрещено.

Семдесятъ-пять ливровъ въ мѣсяць были для меня слишкомъ достаточны, потомучто я ничего не ѣлъ: ужасная жара и разслабленіе отъ недостатка пищи совершенно разстроили мнѣ нервы. Стояли каникулы: сила солнечныхъ лучей, падавшихъ вертикально

на тюрьму мою, постоянно держала меня въ какой-то банѣ, до того, что потъ, лившійся съ моего бѣднаго тѣла, смачивалъ полъ справа и слѣва отъ кресла, на которомъ я принужденъ былъ сидѣть совершенно-голый.

Я высидѣлъ уже болѣе двухъ недѣль въ этомъ пеклѣ и еще ни разу не имѣлъ желудочныхъ очищеній. Около этого невѣроятнаго времени, природа должна была взять свое, и я думалъ, что насталъ уже мой послѣдній часъ. Геморроидальныя вены до того распухли, что малѣйшее прикосновеніе къ нимъ причиняло мнѣ острыя, невыносимыя боли. Заточенію моему я обязанъ развитіемъ этой несносной болѣзни, отъ которой я уже не могъ въ послѣдствіи вылечиться.

Въ тотъ же день меня схватила сильнѣйшая лихорадка, и я слегъ въ постель. Я ничего не сказалъ Лорану; но на утро увидя, что я не дотронулся ни до одного кушанья, онъ самъ спросилъ меня, здоровъ ли я.

— Здоровъ.

— Неправда, сударь, потомучто вы вовсе не кушаете. Вы больны, и увидите все милосердіе трибунала, который даромъ пришлетъ къ вамъ доктора, хирурга и лекарствъ.

Онъ вышелъ и часа черезъ три воротился безъ своихъ прислѣшниковъ, со свѣчею въ рукѣ и показывая дорогу какому-то серьезному господину: это былъ докторъ. Я лежалъ въ самомъ жару лихорадки, которая уже три дня меня была. Онъ подошелъ ко мнѣ и сталъ разспрашивать: я сказалъ, что съ духовникомъ и докторомъ я говорю всегда глазъ-на-глазъ. Докторъ велѣлъ Лорану выйдти; но такъ-какъ этотъ аргусъ не послушался его, то онъ ушелъ, сказавъ, что я болѣнъ при смерти. Я только этого и хотѣтъ; потомучто жизнь, выпавшая мнѣ теперь на долю, не составляла для меня блага. Я даже чувствовалъ нѣкоторое наслажденіе при мысли, что мои безжалостные преслѣдователи по смерти моей, можетъ-быть, сознаютъ всю безчеловѣчность своего обхожденія со мною.

Часа четыре спустя, я снова услышалъ шумъ замковъ и засововъ, и докторъ вскорѣ вошелъ ко мнѣ, со свѣчею, но уже одинъ: Лоранъ оставался въ корридорѣ. Я чувствовалъ такую сильную истому, что начиналъ вкушать дѣйствительный покой. Благодарственная природа избавила истинно-больнаго человѣка отъ мученій скуки. Я очень былъ радъ, что негодяй сторожъ оставался въ корридорѣ, потомучто послѣ его объясненія желѣзнаго ошейника, онъ мнѣ сталъ противенъ.

Въ четверть часа я рассказал обо всемъ доктору.

— Если вы хотите выздоровѣть, не предавайтесь печали и тоскѣ.

— Пропишите, какъ это сдѣлать, въ рецептѣи снесите его единственному аптекарю, который съумѣетъ приготовить лекарство. Я же заболѣлъ отъ лекарствъ г. Кавалли, приславшаго мнѣ *Исусово сердце и мистическій градъ*.

— Пожалуй, что эти два зелья и были причиною вашей лихорадки и геморроя: я васъ не оставляю.

Онъ ушелъ, сдѣлалъ самъ мнѣ лимонадъ и приказалъ мнѣ больше пить его. Ночь я продремалъ, и мнѣ все снились разныя мистическія глупости.

На другой день онъ опять пришелъ съ Лораномъ и съ фельдшеромъ, который пустилъ мнѣ кровь. Онъ оставилъ мнѣ лекарство, съ предписаніемъ принимать его вечеромъ, и бутылку бульону.

— Я выпросилъ, сказалъ онъ мнѣ, — позволеніе перенести васъ на чердакъ; тамъ поменьше жару и воздухъ не такъ душень.

— Я отказываюсь отъ этой милости, потомучто боюсь крысъ, которыхъ вы еще не знаете, а я увѣренъ, что они будутъ ползать у меня на постели.

— Экая напасть! А я сказалъ г. Кавалли, что онъ чуть не умиралъ васъ своими книгами; онъ поручилъ мнѣ отобрать ихъ отъ васъ и вручить вамъ Бозѣціа. Вотъ онъ.

— Очень вамъ благодаренъ; онъ лучше Сенеки; онъ мнѣ поможетъ.

— Оставляю вамъ ячменной воды и необходимый инструментъ; позаимитесь-ка имъ отъ скуки.

Онъ сдѣлалъ мнѣ всего четыре визита и вылечилъ: въ остальномъ помогъ мой темпераментъ, и аппетитъ явился. Въ началѣ сентября, я уже былъ совсѣмъ на ногахъ и страдалъ только отъ жара, насѣкомыхъ и скуки, такъ-какъ не всегда же я могъ читать Бозѣціа.

Разъ Лоранъ сказалъ мнѣ, что мнѣ позволено выйти изъ тюрьмы, чтобъ вымыться, между-тѣмъ какъ у меня выметутъ полъ и постелятъ постель. Я воспользовался этой милостію, въ надеждѣ погулять минутъ десять по чердаку; а такъ какъ я шагалъ скоро, то крысы не смѣли меня беспокоить. Въ этотъ же день Лоранъ подалъ мнѣ счетъ моимъ деньгамъ, изъ котораго оказывалось, что у меня накопилось тридцать ливровъ, которые я впрочемъ не могъ

положить себѣ въ карманъ. Я оставилъ ихъ у него, сказавъ, чтобъ онъ велѣлъ служить на нихъ молебны, будучи совершенно увѣренъ, что онъ сдѣлаетъ изъ нихъ другое употребленіе, а когда онъ поблагодарилъ меня, съ видомъ довольнаго человѣка, то я могъ побойться, что онъ самъ будетъ попомъ. Я продолжалъ поступать такъ каждый мѣсяцъ и никогда не видалъ квитанціи въ заказанныхъ молебнахъ. Можетъ-быть Лоранъ и хорошо дѣлалъ, что совершалъ жертвоприношенія въ кабакъ: мои деньги хоть кому-нибудь да приносили пользу.

Я жилъ изо-дня-въ-день, каждый вечеръ надѣясь, что на слѣдующій день меня выпустятъ; но ежедневно обманутый въ ожиданіи, я рѣшилъ въ своей бѣдной головѣ, что это непремѣнно случится перваго октября, въ день, которымъ начиналось царство новыхъ инквизиторовъ. Соображаясь съ такимъ наивѣрнѣйшимъ расчетомъ, заключеніе мое должно было продолжаться до тѣхъ поръ, пока сидятъ на мѣстахъ своихъ настоящіе инквизиторы; и вотъ почему мнѣ казалось, что я еще не вижу секретаря, который безъ этого обстоятельства уже давно былъ бы у меня, чтобъ видѣть меня, снять допросъ и наконецъ — чтобъ произнестъ надо мною приговоръ.

Послѣднее число сентября я не спалъ всю ночь. Я съ сильнѣйшимъ нетерпѣніемъ ждалъ появленія слѣдующаго дня, совершенно увѣренный, что меня наконецъ выпустятъ. Царство злодѣевъ, лишившихъ меня свободы, оканчивалось; но вотъ насталъ и день, вотъ пришелъ и Лоранъ въ обычный часъ и не принесъ мнѣ ничего новаго. Пять или шесть дней сряду я томился бѣшенствомъ и отчаяніемъ, и тутъ-то я рѣшилъ, что по причинамъ, для меня неразгаданнымъ, рѣшено было держать меня всю жизнь въ заключеніи. Эта отвратительная мысль заставила меня разсмѣяться, потомучто я чувствовалъ, что въ моей волѣ оставаться рабомъ только до тѣхъ поръ, какъ мнѣ придетъ фантазія съ опасностію жизни прекратить мое заключеніе. Я зналъ, что мнѣ всегда удастся или бѣжать, или быть убитымъ, *deliberata morte ferocior*.

Въ началѣ ноября я серьезно рѣшился силою выйти изъ мѣста, гдѣ меня насильно удерживали, и эта мысль стала моею единственною мыслию. Я началъ ломать голову, придумывая средство привести мой проектъ въ исполненіе, и выдумалъ ихъ съ сотню, одинъ смѣлѣе другаго; и всякій разъ какое-нибудь новое средство заставляло меня покидать то, на которомъ я было уже остановился.

Между-тѣмъ какъ воображеніе мое предавалось такимъ труднымъ работамъ, случилось странное происшествіе, давшее мнѣ почувствовать жалкое состояніе, въ которомъ находился мой разумъ.

Я стоялъ разъ передъ чердакомъ, смотря на слуховое окно и на матицу, заслонявшую мнѣ свѣтъ. Вдругъ я вижу, что эта матица не качается, а перевертывается на правую сторону и потомъ медленно и непрерывно снова принимаетъ свое прежнее положеніе, опускается на прежнее мѣсто. Потерявъ въ тоже время и самъ свое равновѣсіе, я убѣдился, что это отъ землетрясенія. Лоранъ и сбирь, вышедшіе въ эту минуту изъ тюрьмы моей, говорили, что и они чувствовали тоже колебаніе. И въ такомъ находился я тогда расположеніи духа, что это происшествіе обдало меня радостію, которую я конечно не высказалъ и скрылъ. Пять или шесть секундъ спустя, колебаніе повторилось, и я уже не выдержалъ: *Un' altra, un' altra, gran Dio! ma più forte* (*), вскричалъ я. Сбирамъ показалось это восклицаніе страшнымъ кошунствомъ, и они въ ужасѣ разбѣжались.

Оставшись одинъ, я сталъ размышлять о томъ, что могъ же вѣдь быть разрушенъ однимъ хорошимъ ударомъ дожескій дворецъ и что тогда и я могъ быть свободенъ: по моимъ расчетамъ это громадное зданіе, рушившись, должно было меня здрава и невредима выбросить прямо на площадь св. Марка, гдѣ при дурныхъ шансахъ я могъ быть раздавленъ огромными массами обломковъ. Въ моемъ положеніи свободу считаютъ за все, жизнь — за такіе пустяки, о которыхъ и говорить много не стоитъ; въ сущности же я начиналъ сходиться ума.

Эти подземные удары были слѣдствіемъ того землетрясенія, которое тогда же разрушило Лиссабонъ.

II

Разныя случайности. — Товарищи. — Приготовляю свое бѣгство. — Перемена тюрьмы

Читатель не пойметъ моего бѣгства изъ такого мѣста какъ пльмбы, если я не опишу ему пльмбъ.

(*) Еще, еще разъ, великій Боже, во послѣднѣ!

Пломбы, тюрьмы для содержанія государственныхъ преступниковъ, суть нечто иное, какъ чердаки дожескаго дворца и называются они такъ потому, что дворцовая крыша вся состоитъ изъ широкихъ свинцовыхъ листовъ. Въ эти тюрьмы нельзя попасть иначе какъ черезъ дворцовыя ворота, или черезъ тюремныя пристройки, или черезъ тотъ мостъ, о которомъ я уже говорилъ и который называется *мостомъ вздохомъ*. Войти въ эти тюрьмы можно только черезъ залу, гдѣ собираются государственные инквизиторы. Ключъ отъ нихъ постоянно хранится у одного секретаря, который отдаетъ его тюремщику только на время, ежедневно утромъ, чтобъ накормить заключенныхъ. Это кормленіе происходитъ вмѣстѣ съ зарею, потому что позже тюремщики и сбира, проходя черезъ залу, слишкомъ бы уже бросались въ глаза публикѣ, имѣющей дѣло до Совѣта Десяти.

Эти тюрьмы расположены подъ двумя скатами дворцовой кровли: три изъ нихъ на западной сторонѣ, и моя была въ этомъ числѣ, а четыре на восточной. Водосточная труба съ западной стороны спускается на дворцовый дворъ; другая же прямо выходитъ на каналъ, называющійся *Rio di Palazzo!* Съ восточной стороны тюрьмы свѣтлая и въ нихъ можно держаться прямо, — выгода, которой не было въ моей тюрьмѣ. Полъ моей кельи приходился прямо надъ потолкомъ залы инквизиторовъ, гдѣ они собирались только по ночамъ послѣ засѣданія Совѣта Десяти.

Совершенно ознакомившись съ мѣстностью и однообразными привычками инквизиторовъ, я увидалъ, что единственное средство къ бѣгству, единственное по крайней мѣрѣ относительно успѣха, состояло въ томъ, чтобъ проломить полъ въ тюрьмѣ моей. Но для этого нужны были инструменты, а достать ихъ было чрезвычайно трудно въ мѣстѣ, гдѣ запрещены всякія сношенія, гдѣ не дозволены ни посѣщенія, ни переписка съ кѣмъ бы то ни было. Подкупить сбира, — нужны были большія деньги, а у меня ихъ не было. Предположивъ, что тюремщикъ и два сбира согласились бы быть удушенными, потому что другаго оружія кромѣ рукъ у меня не было, оставался еще третій сбиръ, который всегда караулилъ дверь въ галерею, всегда запиралъ эту дверь на ключъ и не иначе отворялъ товарищу; какъ получивъ отъ него лозунгъ. Не смотря на всѣ эти препятствія, я только и думалъ, что о своемъ бѣгствѣ, а такъ-какъ Боэцій не давалъ мнѣ никакихъ средствъ, то я пересталъ читать его. Но увѣренный, что средство къ побѣгу существуетъ, я только и думалъ, какъ бы отыскать его.

Я всегда былъ того мнѣнія, что если человѣкъ вобьетъ себя въ голову достичь какой-нибудь цѣли и если онъ ничѣмъ другимъ не будетъ заниматься, какъ только этой цѣлью, то онъ достигнетъ ея, не смотря на всѣ затрудненія. Онъ сдѣлается великимъ визиремъ, даже папою, если примется за это заранѣе и если хватить у него ума и упорства; потому что человѣкъ, въ преклонныхъ лѣтахъ, на примѣръ, оставленный счастиемъ, ни на что уже не годенъ, а безъ счастья нельзя ни на что надѣяться. Кто хочетъ успѣха, рассчитывай на счастье и презирай неудачи; но за то какъ труденъ этотъ политическій расчетъ!

Въ половинѣ ноября Лоранъ сказалъ мнѣ, что къ мессеръ-Гранде поступилъ одинъ арестантъ, что новый секретарь, по имени Бузинельо, приказалъ ему, Лорану, посадить его въ самую северную тюрьму, и что слѣдовательно онъ его посадить со мною. Онъ увѣрялъ меня также, что докладывалъ секретарю, что я считаю за милость уединенное заключеніе, но что онъ отвѣчалъ ему, что въ четыре мѣсяца я вѣроятно стану умнѣе. Эта новость не огорчила меня, а узнавъ, что существуетъ уже новый секретарь, я даже обрадовался. Этотъ господинъ Пьетро Бузинельо былъ хороший человѣкъ: я знавалъ его въ Парижѣ, въ то время какъ онъ отправлялся въ Лондонъ въ качествѣ резидента Республики.

Въ тотъ же день послѣ обѣда защолкали замки, и Лоранъ въ сопровожденіи двухъ солдатъ ввелъ ко мнѣ одного горько плакавшаго молодого человѣка. Снявъ съ него наручники, онъ заперъ его вмѣстѣ со мною и ушелъ, не сказавъ ему ни слова. Я лежалъ на постели, и онъ не могъ меня видѣть. Удивленіе его забавляло меня. Видѣя счастье быть на семь или на восемь дюймовъ ниже меня, онъ могъ держаться прямо, — и принялся разсматривать мое кресло, думая вѣроятно, что оно стоитъ здѣсь для его собственнаго употребленія. Взглянувъ потомъ на подоконникъ и увидя на немъ Бозѣція, онъ взялъ его, раскрылъ и бросилъ съ досадою, вѣроятно потому, что латинскій текстъ былъ не при немъ писанъ. Продолжая осматривать тюрьму, онъ пошелъ на лѣво оцупью и останавливаясь въ удивленіи передъ моимъ платьемъ; сталъ подвигаться потомъ къ алькову и, протянувъ руку, наткнулся прямо на меня и почтительно попросилъ извиненія. Я пригласилъ его сѣсть, и наше знакомство сдѣлано.

— Кто вы такой? спрашиваю я.

— Меня зовутъ Маджіори, я изъ Виенцы. Мой отецъ, кучеръ

по ремеслу, посылааь меня въ школу до одиннадцати лѣтъ, гдѣ меня научили читать и писать; потомъ я пять лѣтъ пробылъ ученикомъ у одного парикмахера и хорошо выучился этому искусству. Затѣмъ я поступилъ въ камердинеры къ графу Х. Я служилъ у него года два, какъ вышла изъ монастыря его единственная дочь. Мнѣ велѣли её причесывать, и мало-по-малу я влюбился въ нее, а она въ меня. Мы столько разъ клялись принадлежать только одинъ другому, столько разъ доказывали другъ другу всю силу нашей взаимной любви, что положеніе молодой графини открыло нашу тайну. Одна старая и набожная служанка первая замѣтила наши шашни и положеніе моей любовницы и объявила ей, что доложить объ этомъ отцу ея. Впрочемъ моей подругѣ удалось уговорить ее молчать, подъ тѣмъ предлогомъ, что пусть лучше отецъ все узнаетъ отъ ея духовника, которому она на недѣлѣ откроется. Она сейчасъ же меня объ этомъ увѣдомила, и вмѣсто исповѣди, мы рѣшились бѣжать. Ей удалось захватить нѣкоторую сумму денегъ и кой-какіе брилліанты ея покойной матери, и въ эту ночь мы должны были быть на дорогѣ въ Миланъ. Но вчера послѣ обѣда графъ позвалъ меня и, вручивъ мнѣ письмо, велѣлъ немедленно ѣхать въ Венецію и отдать его по адресу въ собственныя руки. Говорилъ онъ мнѣ съ такою добротою и такъ покойно, что я не могъ возмимѣть нималяйшаго подозрѣнія на счетъ участи, которая мнѣ готовилась. Я пошелъ за плащомъ и еще дорогой попрощался съ своей жонущкой, увѣривъ ее, что скоро буду назадъ. Она была дальновиднѣе меня, и предчувствуя можетъ-быть, что быть со мной бѣдѣ, упала въ обморокъ. Приѣхавъ сюда, я спѣшу отдать роковое письмо. Отвѣта велѣли дожидаться, и лишь только я получилъ его, какъ сейчасъ же отправился въ трактиръ, чтобъ подкрѣпить себя и потомъ немедленно ѣхать домой. Но вотъ, когда я вышелъ изъ трактира, меня останавливаютъ, сажаютъ подъ караулъ, гдѣ я пробылъ до той самой минуты, какъ меня повели сюда. Какъ вы думаете, сударь, я могу считать молодую графиню своей женою?

— Не совѣмъ.

— Но природа...

— Природа, когда слушаютъ только ее одну, доводитъ человека до разныхъ глупостей, за которыя сажаютъ его подъ пломбы.

— Такъ я подъ пломбами?

— Вмѣстѣ со мной.

Бѣдный юноша началъ безутѣшно плакать. Онъ былъ прехорошенькій мальчикъ, откровенный такой, честный и влюбленный до послѣдней возможности. Я внутренно прощалъ графиню и во всемъ обвивая старика графа, ея отца; пастухъ, путившій волка въ овчарню, не долженъ жаловаться, если стада его убудетъ. Плача и причитывая, молодой человекъ не думалъ о себѣ; всѣ его помыслы веселись къ его подругѣ. Онъ думалъ, что тюремщикъ придетъ еще и принесетъ ему постель и пищу, но я его разувѣрилъ и предложилъ свою провизію. Бѣсть онъ не могъ, потому что слишкомъ страдалъ. Вечеромъ я уступилъ ему свой тюфякъ, на которомъ онъ провелъ всю ночь; хоть по всѣмъ примѣтамъ онъ былъ очень опрятенъ, я не хотѣлъ положить его вмѣстѣ со мною, боясь съ его стороны восторженныхъ сновидѣній. Онъ не сознавалъ ни вины своей, ни необходимости, въ которую былъ поставленъ графъ предать его публичному наказанію, для спасенія чести какъ своей дочери, такъ и всего своего семейства.

На другой день ему принесли тюфякъ и обѣдъ въ пятнадцать су, назначенный ему трибуналомъ въ видѣ милости и благодѣянія, такъ какъ слово справедливость чуждо организациі этого ужаснаго учрежденія. Я сказалъ тюремщику, что моего обѣда достанетъ для насъ обоихъ, а сумму, назначенную для молодаго человека, онъ можетъ употребить на извѣстные молебны. Онъ былъ этимъ очень доволенъ, и сказавъ ему нѣсколько любезностей насчетъ того, что онъ сидитъ со мною, тюремщикъ позволилъ намъ погулять полчаса по чердаку. Я нашолъ, что эти прогулки будутъ полезны какъ для моего здоровья, такъ для моего побѣга, который и былъ совершенъ мною одиннадцать мѣсяцевъ спустя. Въ одномъ углу этого притона крысь, я увидѣлъ множество старой поломанной мебели, наваленной по обѣимъ сторонамъ двухъ большихъ ящиковъ, а спереди цѣлый ворохъ разныхъ бумагъ, сшитыхъ въ тетради. Я взялъ на удачу штукъ двадцать и увидѣлъ, что это все уголовные процессы, прелюбопытные и презанимательные. Я читалъ теперь то, что въ свое время было величайшею тайною. Тутъ были и странные отвѣты на вопросы о растлѣніи дѣвицъ, о влюбчивости чиновниковъ, состоявшихъ при женскихъ консерваторіяхъ, влюбчивости, перешедшей извѣстные предѣлы; несовсѣмъ скромныя исторіи о духовникахъ, тоже перешедшихъ извѣстные предѣлы съ своими духовными дочерьми, о школьныхъ учителяхъ, уличенныхъ въ безнравственныхъ поступкахъ съ своими воспитанниками, объ олекунахъ, соблазнив-

шихъ своихъ опекаемыхъ красавицъ. Были тутъ дѣла старыя, случившіяся два или три столѣтія назадъ, дѣла, которыхъ слогъ и нравы доставили мнѣ истинное удовольствіе. Между валявшеюся мебелью я увидѣлъ утюгъ, жаровню, лопатку для загребанія угольевъ въ каминѣ, щипцы, старыя подсвѣчники, глиняные горшки и даже клестирную трубку. Я заключилъ изъ этого, что содержался здѣсь какой-нибудь знатный господинъ, которому употребленіе всѣхъ этихъ вещей было дозволено. Но меня болѣе всего заинтересовалъ прямой дверной засовъ, толщиною въ дюймъ, длиною же фута въ полтора. Впрочемъ я ничемъ не попользовался, потому что намѣреніе мое еще недостаточно созрѣло, чтобъ я могъ на что-нибудь рѣшиться.

Въ одно утро, уже къ концу мѣсяца, увели отъ меня моего товарища, и Лоранъ мнѣ сказалъ, что его заключать въ тюрьмы, называемыя *Четырмя-Тюрьмами*. Тюрьмы эти находятся въ той же оградѣ, что и обыкновенныя тюрьмы, и принадлежать государственнымъ инквизиторамъ. Тамошніе арестанты имѣютъ ту выгоду, что могутъ призывать къ себѣ тюремщика каждый разъ, какъ понадобится. Они безъ оконъ, но за то освѣщаются лампами: огня нечего бояться, потому что онѣ всѣ мраморныя. Я потомъ уже узналъ, что бѣдный Маджіори просидѣлъ тамъ пять лѣтъ, а потомъ сосланъ былъ на десять на о. Чериго. Не знаю, вышелъ ли онъ оттуда. Онъ былъ для меня хорошимъ товарищемъ и послѣ него я снова впалъ въ уныніе. Къ-счастію, меня не лишили моихъ ежедневныхъ прогулокъ по чердаку. Я сталъ тщательно осматривать все, что въ немъ заключалось. Одинъ изъ ящиковъ былъ набитъ прекрасной писчей бумагой, картономъ, нечинеными перьями и мотками тонкихъ веревокъ; другой ящикъ былъ заколоченъ. Кусокъ мрамора черный, полированный, толщиною въ дюймъ, длиною въ шесть и шириною въ три дюйма, остановилъ мое вниманіе. Я поднялъ его, самъ хорошенько не зная зачѣмъ, и спряталъ у себя въ тюрьмѣ, прикрывъ его рубашками.

Спустя недѣлю послѣ выхода Маджіори, Лоранъ сказалъ мнѣ, что по всѣмъ вѣроятностямъ я въ скоромъ времени обзаведусь новымъ товарищемъ. Этотъ Лоранъ, который въ сущности былъ естественный болтунъ, приходилъ въ страшную досаду оттого, что я никогда не предлагалъ ему никакихъ вопросовъ. Онъ вообразилъ, что это происходитъ оттого, что я считаю его сущимъ невѣждой, человѣкомъ ничего незнающимъ, и почувствовалъ себя оскорбленнымъ въ самолюбіи. Желая доказать, что я ошибаюсь, онъ принялся

самъ болтать безъ моихъ распросовъ. «Я полагаю, сударь, что теперь у васъ будутъ часто гости, потому что во всѣхъ другихъ шести тюрьмахъ сидятъ теперь уже по два человѣка, которыхъ нельзя отправить въ *Четыре-Тюрьмы*». Такъ-какъ я ничего не отвѣчаю на это, то онъ продолжалъ. «Туда, сударь, отправляютъ всякую сволочь: они сидятъ тамъ и сами не знаютъ, произнесенъ ли надъ ними приговоръ или нѣтъ, а онъ давно ужъ опубликованъ. Арестанты же, порученные моему надзору, въ Пломбахъ, какъ вы на примѣръ, сударь, люди самые знатные, и ихъ преступленія такіа, что для всѣхъ должны оставаться тайною. Еслибъ вы только знали, сударь, кто такіе ваши товарищи-сосѣди, вы удивились бы, потому что вы, сударь, человѣкъ умный; по извините ужъ, сударь... вы знаете, что и съ умомъ можно насидѣться здѣсь безъ... вы понимаете. Пятьдесятъ су въ день вещь хорошая... У насъ отпускается три ливра на гражданина, четыре на дворянина и восемь на иностраннаго графа; слава Богу, я кое-что знаю; черезъ мои же руки все переходить».

Тутъ онъ началъ выхвалять самого себя; оказывалось, что всѣ его качества были отрицательныя. «Я не воръ, ни предатель, ни лунъ, ни злой человѣкъ, ни грубъ, какъ всѣ мои предшественники; а если случится выпить лишній стаканчикъ, то я становлюсь только лучше. Еслибъ отецъ мой посылалъ меня въ школу, я былъ бы грамотный и, можетъ-быть, былъ бы самъ теперь мессеръ-Граде: по вышло иначе, я не виноватъ. Синьоръ Андрей Діодо уважаетъ меня, а жена моя, которой только двадцать четыре года, — она вамъ всякій день готовитъ кушанье, — такъ она ходитъ къ нему поболтать, когда захочетъ; и онъ ничего, безъ церемоніи съ нею, принимаетъ ее даже лежа въ постели, а такой милости не видать и другому сенатору. У васъ перебивается много гостей, но все ненадолго; потому что чуть секретарь сниметъ съ нихъ показанія, такъ и маршъ дальше: то въ Четыре-Тюрьмы, то въ какую-нибудь крѣпость, а то и на Левантъ, а иностранцевъ высылаютъ за границу; потому что правительство не хочетъ присвоивать себѣ власть надъ подданными другаго государя, развѣ только они состоятъ на службѣ республики. Милосердіе трибунала, сударь, безпримѣрно, и нѣтъ другаго въ свѣтѣ, который бы доставлялъ столько удобствъ своимъ арестантамъ. Находятъ безчеловѣчнымъ, что онъ не позволяетъ ни писать, ни принимать посѣщеній; но это глупо, потому что писать и видѣться съ разными лицами значитъ — терять время. Вы ска-

жете, пожалуй, что вамъ дѣлать нечего, но у насъ—то дѣла много — вотъ что!»

Въ этомъ родѣ была первая рѣчь, которою почтилъ меня этотъ палачъ, и, признаюсь, позабавила меня. Я увидѣлъ, что этотъ человѣкъ, будь онъ поменьше глупъ, былъ бы гораздо злѣе. Я рѣшился воспользоваться его глупостію.

На другой день ко мнѣ привели новаго товарища, съ которымъ обошлись также какъ съ Маджіори. Изъ этого я заключилъ, что мнѣ необходимо купить другую костяную ложку, потому что мнѣ приходилось разыгрывать роль хозяина дома, такъ—какъ въ первый день заключенія арестанту ничего не давали.

Новый товарищъ мой отвѣсилъ мнѣ пренизкій поклонъ, потому что борода моя, успѣвшая уже вырости на четыре дюйма, внушала ко мнѣ почтеніе, еще болѣе чѣмъ ростъ мой. Лоранъ часто давалъ мнѣ ножницы, чтобъ обрѣзать ногти, но ему было запрещено подъ страхомъ жестокаго наказанія дотрогиваться до бороды моей. Не знаю причины этому, но я наконецъ привыкъ къ бородѣ, какъ при-
выкають ко всему на свѣтѣ.

Мой новый гость былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, почти моего роста, сгорбленный, худой, съ большимъ ртомъ и прескверными зубами. Маленькіе глазки подъ рыжими бровями—придавали ему видъ совы; и все это завершалось маленькимъ парикомъ изъ чернаго волоса, распространявшимъ пренепріятный запахъ деревяннаго масла, и платьемъ грубаго сѣраго сукна. Онъ принялъ мой обѣдъ, но былъ на сторожѣ и цѣлый день не сказалъ мнѣ ни одного слова: я тоже молчалъ, въ полной увѣренности, что онъ скоро заговоритъ. Это на другой же день и случилось.

Рано поутру принесли ему постель и полный мешокъ бѣлья. Тюремщикъ спросилъ и его, что онъ прикажетъ подать себѣ къ обѣду и денегъ.

— Нѣту денегъ.

— Полноте, такой богачъ, да денегъ нѣту?

— Ни одного су нѣтъ.

— Ладно, въ такомъ случаѣ я принесу вамъ сухарей съ водою. Такъ ужъ заведено у насъ.

И точно, онъ ушелъ и черезъ полчаса возвратился съ полутора фунтами сухарей и кружкой воды, поставилъ все это передъ старикомъ и, заперевъ дверь, вышелъ.

Оставшись одинъ съ этимъ скелетомъ и услышавъ, что онъ вздыхаетъ, я почувствовалъ къ нему жалость и прервалъ молчаніе.

— Не вздыхайте, синьоре, вы будете обѣдать со мною; но мнѣ кажется, вы поступили чрезвычайно неосмотрительно, не взявши съ собою денегъ.

— Есть они у меня, да не надо показывать этимъ аспидамъ.

— Хороша предусмотрительность, если съ нею остаешься на хлѣбъ и на водѣ. — Знаете ли вы покрайней мѣрѣ, за что вы здѣсь сидите?

— Знаю и сейчасъ вамъ скажу, если хотите.

Зовутъ меня Сквальдо Нобили. Отецъ мой былъ крестьянинъ: онъ отдалъ меня въ ученіе грамотѣ и послѣ смерти своей оставилъ мнѣ маленькій домишко и клочекъ земли около него. Самъ-то я изъ Фріула, за день ходьбы отъ Удино. Такъ-какъ одинъ ручей, Корно по названію, часто затоплялъ мои владѣнія, то я и рѣшился продать ихъ и переселиться въ Венецію, что и сдѣлалъ, тому уже теперь лѣтъ десять будетъ. У меня составилось такимъ образомъ восемь тысячъ ливровъ хорошими секинами, и я, зная, что всякій человекъ пользуется благоразумной свободой въ этой благополучной республикѣ, увѣрилъ себя, что могу зашибить копейку, пустивъ въ ходъ свой капиталъ, и началъ отдавать деньги подъ вѣрные залого. Это занятіе я предпочелъ всякому другому, потому что увѣренъ былъ въ своей бережливости, ловкости и умѣнціи. Я нанялъ маленькій домикъ не подалеку отъ королевскаго-канала, снабдилъ его приличною мебелью и, живя одиноко и покойно, въ теченіе двухъ лѣтъ нажилъ десять тысячъ ливровъ, не считая своего капитала и не смотря на то, что истратилъ на собственныя нужды двѣ тысячи. Продолжая такимъ образомъ, я видѣлъ, что я на хорошей дорогѣ и что со временемъ составлю себѣ состояньишко. Но вотъ разъ дернуло меня дать одному жиду два секина подъ разныя книги, изъ которыхъ одна называлась: *Премудрость Харона*. Тутъ-то я уразумѣлъ, сударь мой, какъ хорошо быть грамотнымъ; потому что эта книга, государь мой, — можетъ быть вы ея и не знаете, — стоитъ всѣхъ книгъ на свѣтѣ, ибо содержитъ въ себѣ все, что нужно знать человеку. Она очищаетъ его отъ всѣхъ предрасудковъ, всосанныхъ съ дѣтства. Съ Харономъ нѣтъ болѣе ада и всѣхъ ужасовъ будущей жизни: глаза отверзаются, дорога къ счастью открыта и самъ становишься мудрымъ. Достаньте себѣ эту книгу и смѣйтесь надъ дураками, которые будутъ вамъ говорить, что она запрещена.

Эта странная рѣчь дала мнѣ сразу понять, съ кѣмъ я имѣю дѣло. Что касается до Харона, то я читалъ его, хоть и не зналъ, что онъ былъ переведенъ на итальянскій языкъ. Товарищъ мой продолжалъ:

— Избавленный Харономъ отъ разныхъ сомнѣній, которыя еще могли шевелиться въ моемъ сердцѣ, и отъ ложныхъ впечатлѣній, отъ которыхъ такъ трудно бываетъ отстать, я пустилъ свои обороты такъ, что въ шесть лѣтъ зашибъ десять тысячъ секиновъ. Не удивляйтесь этому, потому что въ этомъ богатомъ городѣ отъ игры, разврата и праздности сходятъ всѣ съ ума и у всѣхъ постоянная нужда въ деньгахъ: умные богатѣютъ, когда глупцы разоряются.

Года три тому назадъ, одинъ графъ, Серимано по имени, попросилъ меня взять у него пятьсотъ секиновъ, пустить ихъ въ оборотъ и давать ему за это половину барышей. Взялъ онъ у меня простую росписку, въ которой я обязывался возвратить ему всю сумму по востребованію. По прошествіи года, я принесъ семьдесятъ пять секиновъ, что составляло интересъ въ пятнадцать на сто: выдавая квитанцію, онъ сталъ ценить мнѣ за малость суммы. Напрасно: я вѣдь не нуждался въ его деньгахъ. На второй годъ я сдѣлалъ тоже самое единственно изъ великодушія, но тутъ ужъ у насъ вышла размолвка, и онъ потребовалъ назадъ свои пятьсотъ секиновъ. — Хоть сейчасъ, отвѣчалъ я ему, только я вычту полтораста секиновъ, которые вы уже получили.

Онъ вспылилъ и сталъ со мною судиться. Ловкій адвокатъ взялся за мое дѣло и протянулъ его два года. Мѣсяца три тому назадъ, пошли у насъ толки о мировой, только я не согласился и, опасаясь насилія, прибѣгнулъ къ помощи аббата Джюстиніани, ходатая по дѣламъ маркиза ди Монталегре, испанскаго посланника. За небольшую сумму онъ нанялъ для меня домикъ на Листъ, безопасный отъ всякихъ нечаянныхъ нападеній. Мнѣ ничего не стоило отдать деньги графу Сериману, только я хотѣлъ вычестъ изъ нихъ сто секиновъ, въ которые мнѣ обошелся процессъ съ нимъ. Съ недѣлю тому назадъ, являются ко мнѣ оба адвоката: мой и графскій. Я имъ показываю кошелекъ съ двумястами пятьюдесятью секинами, и говорю, чтоя готовъ хоть сейчасъ отдать имъ эти деньги, но ужъ ни копейки больше. Они ушли надувшись и не сказавъ мнѣ ни слова: пусть ихъ себѣ дуются, подумалъ я. Дня три тому назадъ, аббатъ Джюстиніани далъ мнѣ знать, что посланникъ соизволилъ дать позволеніе государственнымъ инквизиторамъ сдѣлать въ моемъ домѣ обыскъ.

Такъ-какъ мой домъ принадлежалъ къ иностранному посольству, то я этому не хотѣлъ вѣрить, и вмѣсто того, чтобъ принять необходимы въ этомъ случаѣ предосторожности, я припряталъ только деньги и смѣло ждалъ инквизиторскаго визита. На разсвѣтѣ явился ко мнѣ мессеръ-Гранде, потребовалъ отъ меня триста пятьдесятъ секиновъ и на отвѣтъ мой, что у меня нѣтъ ни копейки, взялъ меня и посадилъ сюда.»

Мнѣ стало гадко не столько отъ того, что я очутился въ обществѣ такого негодяя, сколько потому, что онъ считалъ меня своимъ ровней. Черезъ три дня, послѣ обѣда Лоранъ пришолъ за нимъ, чтобъ отвести его къ секретарю. Онъ наскоро одѣлся и, вмѣсто своихъ, налѣтъ мои башмаки. Черезъ полчаса онъ воротился весь въ слезахъ, хныкая вынулъ изъ башмаковъ своихъ два кошелька съ тремястами пятьюдесятью секинами и, ведомый Лораномъ, понесъ ихъ къ секретарю. Немного спустя онъ опять воротился, взявъ свой плащъ и ушолъ. Лоранъ мнѣ сказалъ, что его выпустили. Я подумалъ, и не безъ основанія, что ему вѣроятно пригрозили пыткой, иначе онъ не призналъ бы за собою долга и не заплатилъ бы его.

Въ день новаго 1756 года я получилъ въ подарокъ обновку. Лоранъ принесъ мнѣ халатъ на лисьемъ мѣху, шолковое ватное одѣяло и мѣшокъ на медвѣдѣ для ногъ. Все это было принято мною съ восторгомъ, потому что мнѣ также трудно было переносить теперь холодъ, какъ прежде жаръ. Онъ сказалъ мнѣ также, что секретарь назначилъ мнѣ шесть секиновъ въ мѣсяцъ, что я могу покупать на нихъ какія я хочу книги и даже подписаться на газету и что всѣмъ этимъ я обязанъ г. Брагадини. (*) Спросивъ у Лорана карандашъ, я написалъ на клочкѣ бумаги: «Благодарю трибуналъ за великодушіе, а г. Брагадини за милость».

Надобно было быть въ моемъ положеніи, чтобъ почувствовать все, чѣмъ наполнилась душа моя. Въ первомъ порывѣ чувствительности я все простилъ моимъ мучителямъ и даже чуть было не отказался отъ своего намѣренія бѣжать: такъ гибокъ бываетъ человекъ, когда несчастіе угнететъ и унизитъ его. Лоранъ сказалъ мнѣ, что г. Бригадини являлся къ тремъ инквизиторамъ, что онъ плакалъ передъ ними и на колѣняхъ просилъ у нихъ милости передать мнѣ этотъ знакъ своей неизмѣнной любви, если только я еще въ живыхъ, и растроганные инквизиторы не могли отказать ему.

(*) Его благодѣтель, о которомъ много говорилось въ предыдущихъ главахъ.

Я сейчас же записалъ тѣ книги, которыя мнѣ имѣть хотѣлось.

Разъ утромъ, когда я прогуливался по чердаку, глаза мои снова остановились на засовѣ, о которомъ я уже упоминалъ, и я увидѣлъ, что онъ можетъ служить отличнымъ оборонительнымъ и наступательнымъ оружіемъ. Я поднялъ его, спряталъ подъ халатъ и унесъ въ свою келью. Оставшись одинъ, я сейчасъ же досталъ кусокъ чернаго мрамора, о которомъ уже говорилъ, и скоро увѣрился, что онъ можетъ быть славнымъ оселкомъ; потому что поточивъ немного засовъ на этомъ камнѣ, я замѣтилъ, что онъ началъ заостриваться.

Съ любопытствомъ принялся я за эту совершенно новую для себя работу. Мнѣ хотѣлось имѣть у себя хоть какое-нибудь орудіе, и, можетъ быть подстрекаемый тщеславіемъ, что вотъ дескать я смастерю себѣ его безъ всякихъ нужныхъ для этого инструментовъ, а можетъ быть и раздражаемый разными затрудненіями, потому что мнѣ приходилось точить въ темнотѣ, не зная, на что опереть камень кромѣ лѣвой руки своей, и безъ капли масла для смачиванія и размягченія желѣза, я рѣшился испытать себя на этой трудной работѣ. Слюною я замѣнилъ масло и работалъ восемь дней, чтобъ отшлифовать восемь граней, оканчивавшихся однимъ остриемъ: каждая изъ нихъ была въ полтора дюйма длиною. Такимъ образомъ мой засовъ превратился въ восьмигранный стилетъ. Нельзя себѣ представить труда и усталости, которые я вытерпѣлъ, и того терпѣнія, съ которымъ я отбывалъ эту неприятную работу. — Правая рука одервенѣла у меня до того, что я не могъ владѣть ею. Ладонь была вся надсажена и покрыта широкими ранами.

Тѣмъ не менѣе я гордился своимъ произведеніемъ, и самъ не зная еще къ чему оно мнѣ послужить, сталъ отыскивать средство какъ его припрятать, чтобъ не могли найти его при самомъ тщательномъ обыскѣ. Перебравъ тысячу средствъ, болѣе или менѣе ненадежныхъ, я остановился на своемъ креслѣ, и мнѣ удалось припрятать въ немъ свое произведеніе такъ, что я остался доволенъ. Такимъ образомъ Провидѣніе помогло мнѣ положить начало бѣгству, которое сдѣлалось удивительнымъ, если нечудеснымъ. Признаюсь, я горжусь имъ; но гордость моя происходитъ не отъ успѣха, потому что онъ все-таки былъ дѣломъ счастья: я горжусь тѣмъ, что, найдя дѣло возможнымъ, я имѣлъ мужество предпринять его, не смотря на всѣ неблагоприятные шансы, которые при дурномъ исходѣ только ухудшили бы мое положеніе и можетъ быть на всегда лишили бы меня свободы.

Продумавъ три или четыре дня о томъ, какъ употребить мнѣ мой засовъ, превращенный мною въ отличный ломъ толщиною въ трость и длиною въ двадцать дюймовъ, я рѣшилъ, что самое лучшее пробить имъ полъ подъ мою постелью.

Я былъ увѣренъ, что комната подъ моей тюрьмою была та самая, въ которой я видѣлъ г. Ковалли. Я зналъ кромѣ того, что комнату эту отпирали каждое утро, и не сомнѣвался въ томъ, что какъ-скоро дыра будетъ пробита, мнѣ было бы очень легко въ нее спуститься съ помощію простынь, изъ которыхъ я свилъ бы себѣ веревку и привязалъ бы ее къ ножкѣ постели. Тамъ я спрятался бы подъ большимъ столомъ трибунала, а утромъ, какъ только отпрутъ двери, вышелъ бы оттуда и, прежде чѣмъ бы меня хватились, пользовался бы уже свободою. Я сообразилъ также, что пожалуй въ этой залѣ стоитъ часовая, но своимъ ломомъ я бы отъ него отдѣлался. Полъ могъ быть двойной и даже тройной. Это — важное обстоятельство, потому что какимъ образомъ помѣшать собирамъ мести полъ въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ моей работы? Запретить имъ значило возбудить подозрѣніе, тѣмъ-болѣе, что я самъ требовалъ, чтобъ ради блохъ они выметали у меня соръ ежедневно. Самая метла уже обнаружила бы имъ мою работу. Надобно было найти средство избѣжать этого неудобства.

Я началъ съ того, что запретилъ мести полъ, не сказавъ имъ почему. Черезъ недѣлю Лоранъ спросилъ меня о причинѣ. Я налегъ на неудобство пыли, отъ которой я будто такъ закашливался, что со мною могъ случиться какой-нибудь сербезный припадокъ.

— Я прикажу поливать полъ, отвѣчалъ онъ мнѣ.

— Это будетъ еще хуже, потому что отъ сырости можетъ случиться воспаленіе легкихъ.

Такой отвѣтъ доставилъ мнѣ недѣлю отсрочки, послѣ которой болванъ снова велѣлъ мести у меня полъ. Онъ приказалъ вынести постель на чердакъ и зажечь еще свѣчку подъ тѣмъ предлогомъ, чтобъ полъ мели какъ можно тщательнѣе. Я увидѣлъ тутъ, что мерзавецъ возымѣлъ подозрѣніе; но я принялъ самое равнодушное выраженіе, а самъ только и думалъ, какъ бы искуснѣе начать свое смѣлое предпріятіе.

На другой день утромъ я нарочно укололъ себѣ палецъ, выпачкалъ платокъ кровью, легъ въ постель и сталъ ждать Лорана. Когда онъ пришолъ, я сказалъ ему, что со мной сдѣлался такой сильный кашель, что у меня непременно порвался какой-нибудь сосудъ, въ

груди, потому что я всю ночь прохаркалъ кровью. Вотъ посмотрите и приведите ко мнѣ доктора. Докторъ пришолъ, приказалъ мнѣ пустить кровь и прописалъ рецептъ. Я сказадь ему, что всему причиною Лоранъ, приказавшій насильно мести мою комнату. Онъ сдѣлалъ ему выговоръ, и къ величайшему моему удовольствію, рассказалъ, что одинъ молодой человекъ недавно умеръ отъ этой же причины, прибавивъ, что для легкихъ ничего не можетъ быть вреднѣе пыли. Лоранъ распинался, божась, что онъ приказывалъ мести для моей же пользы и увѣрялъ, что въ другой разъ этого не будетъ. Я внутренно смѣялся надъ этой комедіей; докторъ какъ-будто ставнудся со мною, а по довольнымъ лицамъ сбировъ я заключилъ, что они будутъ мести тюрьмы только у тѣхъ, которые ихъ принудятъ къ тому кулаками.

Когда докторъ ушолъ, Лоранъ сталъ просить у меня извиненія, увѣряя, что всѣ его арестанты были въ добромъ здоровьѣ, хотя онъ и мелъ у нихъ довольно часто.

— Но это дѣло не шуточное, прибавилъ онъ, и я ихъ предупреджу, потому что я люблю ихъ всѣхъ, какъ родныхъ дѣтей своихъ.

Кровоупусканіе принесло мнѣ пользу; оно возвратило мнѣ сонъ и избавило меня отъ спазмодическихъ судорогъ, начинавшихъ прищипать мнѣ опаснія. Апетитъ возвратился и я съ каждымъ днемъ входилъ въ силу; но минута работы еще не настала. холодъ былъ еще слишкомъ силенъ и руки мои индѣвли отъ соприкосновенія съ желѣзомъ. Предпріятіе мое требовало большой предусмотрительности. Необходимо было избѣгать всего, что могло быть легко угадано.

Длиныя зимнія ночи приводили меня въ отчаяніе, потому что мнѣ приходилось сидѣть въ потьмахъ въ продолженіе цѣлыхъ девятнадцати часовъ, а въ пасмурные дни, которые нерѣдки въ Венеціи, свѣтъ, проникавшій въ окно, былъ недостаточенъ для чтенія. Умъ мой, незанятый ничѣмъ постороннимъ, постоянно работалъ надъ однимъ моимъ освобожденіемъ, а извѣстно, что мозгъ, труящійся только надъ одною мыслию, легко доходитъ до мономаніи. Обладаніе сквернѣйшимъ ночникомъ сдѣлало бы меня счастливымъ, но какъ доставить себѣ это наслажденіе? чтобъ смастерить себѣ лампу, мнѣ нужно было имѣть много вещей: чашку или плошку, свѣтильню, масло, кремь, огниво, трутъ и стѣрныя спички. За чашку могло пойти пожалуй блюдо, въ которомъ для меня дѣлали яичницу. Подъ предлогомъ, что обыкновенное масло было для меня противно, я приказалъ

себѣ покупать для салата Луккского оливковаго масла; изъ бумажной вязаной куртки можно было надѣлать свѣтиленъ. Притворившись страдающимъ зубною болью, я попросилъ у Лорана цемзы, но тутъ же прибавилъ, что простой кремень, если его положить на день въ укусу, будетъ столько же полезенъ и непремѣнно уймешь зубную боль. Лоранъ отвѣчалъ мнѣ, что у меня превосходный укусу, что я могъ самъ положить въ него кремень, и выбросилъ мнѣ изъ кармана три или четыре кремня. Толстая стальная пряжка отъ пояса пошла у меня за огниво. Стоило достать теперь только сѣры и трута, и тутъ-то я сталъ ломать голову. Счастье помогло мнѣ.

У меня было нѣчто въ родѣ сыпи, которая, подсохнувъ, оставила на рукахъ красныя пятна, причинявшія мнѣ нѣкоторую боль. Я попросилъ Лорана спросить у доктора лекарства и онъ принесъ мнѣ записку, прочитанную секретаремъ и въ которой докторъ предписывалъ мнѣ слѣдующее:

День діэты и четыре унціи сладкаго миндаля, и все пройдетъ; или унцію сѣрнаго цвѣта; но это средство опасно.

— Какая тутъ опасность, сказалъ я Лорану; купите мнѣ этой мази или лучше простой сѣры. У меня здѣсь есть коровье масло, и я самъ себѣ сдѣлаю мазь. Если есть сѣрные спички, то подавайте хоть ихъ.

У него они были въ карманѣ, и онъ мнѣ ихъ отдалъ.

Какъ мало нужно въ горѣ, чтобъ доставить радость и утѣшеніе. Но въ моемъ положеніи эти спички были не пустяками. Для меня это было цѣлое сокровище.

Послѣ этого я долго ломалъ голову надъ тѣмъ, какъ достать труту,—единственный предметъ, котораго у меня не доставало, а спросить его не было никакого предлога. Вдругъ я вспомнилъ, что заказывая платье портному, я просилъ его положить труту подъ мышки, чтобъ сберечь матерію отъ пота. Это платье, совершенно новое, было передо мною, и сердце у меня сильно забилося: портной могъ не исполнить моего приказанія. Я колебался между страхомъ и надеждою. Мнѣ стоило сдѣлать одинъ шагъ, чтобъ увѣриться въ этомъ, но шагъ этотъ былъ рѣшительный, и я не смѣлъ его сдѣлать. Наконецъ я подхожу къ платью и чувствую себя почти недостойнымъ этой милости, бросаюсь на колѣна и съ жаромъ молю Бога о томъ, чтобъ портной не позабылъ моего приказанія. Послѣ такой жаркой молитвы, я беру платье, распарываю подкладку и нахожу трутъ! Радость моя походила на бредъ...

Имѣя теперь все подъ рукою, я скоро смастерилъ себѣ лампу. Пусть воображать то наслажденіе, которое я испыталъ, создавъ такъ—сказать свѣтъ среди мрака и преступивъ запрещеніе моихъ безжалостныхъ гонителей. Не было болѣе ночей для меня, да зато не было и салата, очень любимаго мною; но нужда сберечь масло для лампы заставила меня отказаться отъ этого кушанья. Тогда же я назначилъ первый понедѣльникъ великаго поста для начала трудной работы пробиванія пола, потому что среди карнавальнаго неурядицы, я очень боялся разныхъ неожиданныхъ визитовъ, и въ этомъ отношеніи поступилъ не глупо.

Въ послѣднее воскресенье на масляницѣ, слышу вдругъ звяканье засововъ и вижу Лорана съ толстымъ мужчиной, котораго я сейчасъ узналъ за жида Габріеля Шалона, извѣстнаго по своему умѣнью находить деньги для молодыхъ людей, вовлекая ихъ въ разные предосудительные поступки.

Мы знали другъ друга, и потому поздоровались какъ знакомые. Сообщество это не могло быть мнѣ пріятно, но меня не спрашивали. Онъ приказалъ Лорану сходить къ нему на домъ, чтобъ принести оттуда обѣдъ, постель и все необходимое, но тюремщикъ отвѣчалъ ему, что поговорить съ нимъ объ этомъ завтра.

Жидъ этотъ былъ вѣтренъ, болтливъ, невѣжда и глупъ во всемъ, что не касалось ремесла его. Началъ онъ съ того, что сталъ поздравлять меня съ тѣмъ, что не кого другого, а меня наградили его сообществомъ. Въмѣсто всякаго отвѣта я предложилъ ему половину обѣда, отъ котораго онъ отказался, сказавъ, что любить ѣсть какъ слѣдуетъ и лучше подождать, чтобъ поужинать дома.

— Когда?

— Нынче вечеромъ. Вѣдь слышали, когда я спрашивалъ о постели, онъ мнѣ сказалъ, что поговорить объ этомъ завтра. Кажется, это ясно значить, что я въ ней не нуждаюсь. Неужели вы находите вѣроятнымъ, чтобъ могли оставить безъ пищи такого человѣка какъ я?

— Со мною тоже самое сдѣлали.

— Согласенъ, но между нами есть маленькая разница. А потомъ скажу вамъ по секрету, что инквизиторы промахнулись, арестовавъ меня; я увѣренъ, что они обдумываютъ теперь, какъ поправить свой промахъ.

— Они, можетъ быть, назначутъ вамъ пенсію; потому что съ такимъ важнымъ человѣкомъ какъ вы надо поступать осторожно.

— Вы разсуждаете справедливо. На здѣшней биржѣ нѣтъ другаго меня, и пять мудрецовъ воспользуются тѣми совѣтами, которые я далъ имъ. Арестъ мой составляетъ странное событіе, которое совершенно случайно послужитъ къ вашему счастью.

— Какимъ же это образомъ?

— И мѣсяца не пройдетъ, какъ я васъ отсюда выпущу. Я уже знаю, съ кѣмъ и какъ говорить.

— Я разсчитываю на васъ.

— Можете, можете.

Этотъ глупый плутъ считалъ себя весьма важной особой. Онъ вздумалъ разсказать мнѣ о томъ, что говорили про меня въ городѣ; но сообщая мнѣ одиѣ глупыя бредни такихъ же глущцовъ какъ и самъ, онъ надобѣлъ мнѣ до смерти, и я схватился поскорѣе за книгу. Глупецъ имѣлъ безстыдство просить меня не читать, потомучто у него страсть была разговаривать; но онъ говорилъ только для себя.

Я не смѣлъ зажечь ночника при этомъ болванѣ; къ вечеру онъ рѣшился принять отъ меня хлѣба и кипрсакаго вина. Потомъ онъ принужденъ былъ довольствоваться моимъ тюфякомъ, неизмѣнною постелью всѣхъ новопривывающихъ.

На другой день ему принесли кровать и обѣдъ изъ дома. И онъ два мѣсяца сидѣлъ у меня на шеѣ, потомучто прежде чѣмъ осудить его въ Четыре-Тюрьмы, секретарю пришлось съ нимъ много разъ видѣться, чтобъ разъяснить разныя плутни и принудить его отказаться отъ многихъ беззаконныхъ сдѣлокъ. Увидя наконецъ, что не было возможности скоро отъ него отдѣлаться, я рѣшился зажечь лампу, взявъ съ него обѣщаніе держать это въ тайнѣ. Онъ молчалъ, но только пока былъ со мною, потомучто Лоранъ узналъ объ этомъ; но къ счастью, не придалъ этому никакой важности.

Этотъ неучъ былъ въ-самомъ дѣлѣ мнѣ въ тягость, хоть потому уже что мѣшалъ мнѣ читать. Онъ былъ требователенъ, суевѣренъ, большой невѣжда, фаифаронъ, трусъ и приходилъ иногда въ отчаяніе. Онъ хотѣлъ, чтобъ я охалъ и ахалъ, когда ему становилось страшно, или онъ плакалъ и безпрестанно повторялъ мнѣ, что отъ этого ареста пострадаетъ его репутація. Онъ не хотѣлъ сознаться въ скупости, но я принудилъ его къ этому, заставивъ разъ проговориться, что еслибъ инквизиторы давали ему по сту секиновъ за каждый день заключенія, то онъ цѣлую жизнь свою провелъ бы подъ пломбами.

Онъ былъ талмудистомъ, какъ и всѣ теперешніе евреи, и желалъ

меня увѣрить, что онъ былъ очень знающъ въ своей вѣрѣ и очень твердъ въ ней; но я умѣлъ вызвать у него улыбку согласія, когда разъ сказалъ ему, что онъ отступилъ бы отъ Моисея, еслибъ папа сдѣлалъ его кардиналомъ.

Толстый до безобразія, этотъ жидъ проводилъ три четверти своей жизни въ постель, и такъ-какъ онъ часто всхрапывалъ днемъ, то сердился, что не можетъ спать ночью; тѣмъ болѣе, что самъ я спалъ очень крѣпко. Ему случилось однажды разбудить меня среди самаго сладкаго покоя.

— Чего вамъ нужно! закричалъ я, вскакивая на постели.

— Любезный другъ, я не могу спать; сдѣлайте милость, поговоримте немного.

— И вы еще называете меня другомъ, несносный человѣкъ! Я вѣрю, что безсонница вещь мучительная; но если вы осмѣлитесь въ другой разъ лишить меня единственнаго блага, которымъ я наслаждаюсь, я встану и задушю васъ.

Эти слова я проговорилъ съ бѣшенствомъ.

— Простите меня великодушно и вѣрьте, что это больше не случится.

Очень можетъ быть, что я и не задушилъ бы его, но вѣрно то, что онъ ввелъ меня въ сильное искушеніе стать его убійцею.

Я былъ очень радъ, что не начиналъ своей работы передъ его появленіемъ, тѣмъ болѣе радъ, что онъ велѣлъ выметать. Въ первый разъ что онъ этого потребовалъ, сбирьы разсмѣшили меня, увѣряя его, что я умру отъ этого. Онъ настоялъ впрочемъ на своемъ, и я принужденъ былъ притвориться больнымъ: благоразуміе требовало уступить.

Въ страстную среду Лоранъ предупредилъ насъ, что послѣ обѣда придетъ секретарь, сдѣлать намъ обычный визитъ по случаю праздниковъ Пасхи, съ тѣмъ чтобы вселить спокойствіе въ душу тѣхъ, которые захотѣли бы причаститься св. таинъ, а также и для того, чтобъ узнать, нѣтъ ли жалобъ на тюремщика. — Такимъ образомъ, сударь, прибавилъ Лоранъ, если вы имѣете что противъ меня, жалуйтесь. Одѣньтесь сполна, такой ужъ этикетъ у насъ. Я приказалъ Лорану попросить ко мнѣ на завтрашній день духовника.

Я одѣлся какъ должно, жидъ сдѣлалъ тоже, только заранѣе прощаясь со мною: такъ онъ былъ увѣренъ въ томъ, что его сейчасъ же выпустятъ, лишь только секретарь поговоритъ съ нимъ.

— Мое предчувствіе, сказалъ онъ мнѣ, никогда меня не обманываетъ.

— Поздравляю васъ ; только не рассчитывайте безъ хозяина.

Онъ меня не понялъ.

Секретарь пришолъ въ самомъ дѣлѣ, и какъ только отворилась дверь, мой жидъ немедленно выбѣжалъ и бросился передъ нимъ на колѣни. Минуть съ пять только и слышны были, что его плачь и стенанія, потомучто секретарь не сказалъ ему ни слова. Наконецъ онъ возвратился, и Лоранъ объявилъ, что теперь моя очередь. Съ восьми-мѣсячною бородою, въ платьѣ, сшитомъ для любви и для лѣта, я въ такой холодъ представлялъ изъ себя довольно жалкую фигуру. Я дрожалъ, что мнѣ очень было не по сердцу, потомучто секретарь могъ приписать это страху. Принужденный низко наклониться, чтобъ выйти изъ своей двери, я такимъ образомъ отдалъ поклонъ ему, и, выпрямившись, смотрѣлъ на него спокойно, безъ неумѣстной гордости. Секретарь тоже молчалъ, такъ что оба мы представляли изъ себя двѣ статуи. Минуты черезъ двѣ, видя, что отъ меня не добьется ни слова, секретарь слегка кивнулъ головою и вышелъ. Возвратившись въ тюрьму, я поскорѣе раздѣлся и бросился на постель, чтобъ согрѣться. Жидъ удивился тому, что я ничего не сказалъ секретарю, а между-тѣмъ мое молчаніе было ужъ конечно выразительнѣе его подлыхъ криковъ.

Въ великій четвергъ какой-то іезуитъ пришолъ меня исповѣдовать, а въ пятницу священникъ изъ церкви Св. Марка приобщилъ меня Св. Тиннъ. Исповѣдь моя показалаь очень лаконическою милому чаду Игнатія, такъ что онъ заблагоразсудилъ сдѣлать мнѣ увѣщаніе прежде чѣмъ *отпуститъ* меня.

— Молитесь ли вы Богу? спросилъ онъ меня.

— Съ утра до вечера и съ вечера до утра ; потомучто въ моемъ положеніи все, что происходитъ во мнѣ, волненія, порывы, все, до самыхъ заблужденій разсудка, должно быть ничѣмъ инымъ, какъ молитвой перелъ окомъ божественной мудрости, видящей мое сердце.

Иезуитъ слегка улыбнулся и отвѣчалъ мнѣ цѣлою рѣчью, болѣе метафизической чѣмъ моральной и ужъ вовсе не соответствовавшей моимъ словамъ. Я опровергъ бы его на всѣхъ положеніяхъ, еслибъ онъ не удивилъ меня однимъ предсказаніемъ, которое сильно меня озадачило. — Такъ-какъ черезъ насъ, сказалъ онъ мнѣ, вы узнали религію, то и пребывайте въ ней какъ мы, молитесь, какъ мы, и знайте, что вы выйдете отсюда только въ день того свя-

таго, котораго считаете своимъ патрономъ. Послѣ этихъ словъ, онъ далъ мнѣ отпущеніе и вышелъ. Впечатлѣніе, оставленное во мнѣ этимъ человѣкомъ, невѣроятно: что ни дѣлалъ, я не могъ отъ него освободиться. Я сталъ ужъ перебирать всѣхъ святыхъ въ календарѣ.

Этотъ іезуитъ былъ духовникомъ г. Фламино Корнеро, стараго сенатора и одного изъ тогдашнихъ государственныхъ инквизиторовъ. И потому, предполагая, что предсказаніе моего іезуита происходило изъ дѣйствительнаго знанія дѣла, я очень обрадовался. Но какой же это святой? спрашивалъ я себя. Это очевидно не Жакъ Компостельскій, имя котораго я носилъ, потому что въ самый праздникъ этого святаго меня арестовали. Открывъ календарь и отысканная самага ближайшаго, я встрѣтилъ Георгія, святаго не безъизвѣстнаго, но о которомъ я никогда не думалъ. Я остановился наконецъ на Св. Маркѣ, котораго праздникъ приходился 25 числа, и на покровительство котораго я, въ качествѣ венеціанца, могъ рассчитывать. Съ этихъ поръ я сталъ ему особенно молиться, но напрасно; прошолъ и его день, а я попрежнему оставался въ заперти. Тогда я обратился къ Св. Іакову брату І. Х., котораго празднуютъ прежде Св. Филиппа; но обманувшись снова въ расчетѣ, я прибѣгъ къ Св. Антонію, который совершаетъ, какъ говорятъ, въ Падуѣ по тринадцати чудесъ ежедневно. Все напрасно, хотя предсказаніе іезуита и сбылось, потому что я вышелъ изъ пломбѣвъ въ день всѣхъ Святыхъ, и если у меня былъ хоть одинъ, то онъ непременно долженъ былъ находиться въ числѣ ихъ въ этотъ день, такъ-какъ они всѣ празднуются.

Недѣли черезъ двѣ послѣ Пасхи меня избавили отъ нестерпимаго еврея, который вмѣсто вышуска на волю угодилъ въ Четыре-Тюрьмы.

Лишь только остался одинъ, я со всею дѣятельностію принялся за работу. Нужно было торопиться, а то пожалуй еще посадятъ какого-нибудь товарища, который, какъ и жилъ, потребуеетъ, чтобъ выметали. Началъ я съ того, что отставилъ постель и, засвѣтивъ ночникъ, легъ животомъ на полъ съ ломомъ въ рукахъ и съ сафеткой для подбиранія осколковъ, по мѣрѣ того какъ я буду взламывать доски. Дѣло состояло въ томъ, чтобъ уничтожить доску, продавливая ея остриемъ моего инструмента. Сначала кусочки, которые я выколупывалъ, были величиною съ пшеничное зерно, но потомъ они стали больше.

Доска была изъ лиственницы, шириною въ шестнадцать дюйм-

мовъ. Я почалъ ее съ того мѣста, гдѣ она соединялась съ другою, и такъ-какъ не было ни гвоздей, ни какихъ-либо другихъ желѣзныхъ связей, то работа шла какъ по маслу. Потрудившись часовъ шесть, я завязалъ салфетку, чтобы высыпать изъ нея на другой день осколки за кучей бумагъ на чердакъ. Осколки всѣ вмѣстѣ были объемомъ вчетверо больше той дыры, изъ которой они вышли. Постель свою я поставилъ на прежнее мѣсто, а соръ высыпалъ изъ салфетки на другой день, но такъ, что его нельзя было замѣтить.

На другой день, продолбивъ первую доску, которая оказалась толщиною въ два дюйма, я встрѣтилъ другую, по моему мнѣнію такую же какъ и первая. Мучимый страхомъ, чтобъ не привели ко мнѣ новыхъ жильцовъ, я удваивалъ усилія и въ три недѣли справился съ тремя досками, изъ которыхъ состоялъ полъ; но тутъ, я счелъ себя погибшимъ, потомучто встрѣтилъ цѣлый слой мелкихъ мраморныхъ осколковъ, слой, извѣстный въ Венеціи подъ именемъ *terrazzo marmorin*. Это обыкновенный способъ мощенія всѣхъ венеціанскихъ домовъ, сколько-нибудь достаточныхъ, потомучто даже и большіе господа предпочитаютъ *terrazzo* самому лучшему паркету. Я былъ въ отчаяніи, увидавъ, что ломъ мой не беретъ этой мастики. Я уже совершенно падалъ духомъ, какъ вдругъ вспомнилъ, что Аннибалъ, по Титу Ливію, проложилъ себѣ дорогу черезъ Альпы, прорубая утесы топорами и другими инструментами и размягчая камень предварительно укусомъ. Я плохо вѣрилъ этому, однако вылилъ на твердый грунтъ цѣлую бутылку укусу и на другой день, ужь отъ укусу ли или оттого, что отдохнувъ я употребилъ болѣе силы и терпѣнія, только я увидѣлъ, что одолѣю и это препятствіе. Главное состояло тутъ не въ томъ, чтобъ раскалывать мраморъ, а остриемъ моего инструмента толочь цементъ, соединявшій куски его. Впрочемъ вскорѣ я замѣтилъ, что главный трудъ заключался на одной поверхности. Въ четыре дня вся эта мозаика была разрушена, между-тѣмъ какъ ломъ мой даже и не притупился.

Подъ этимъ слоемъ я встрѣтилъ еще одну доску, но я ожидалъ этого... Она, по моему мнѣнію, должна была быть послѣднею. Я началъ долбить ее съ нѣкоторымъ затрудненіемъ, потому что отверстіе мое имѣло уже десять дюймовъ глубины, и ломъ мой дѣйствовалъ уже не такъ свободно.

25 іюня, день, въ который только одна Венеціанская Республика празднуетъ чудесное появленіе Св. Марка въ дожеской церкви подъ эмблематическимъ видомъ крылатаго льва, — въ этотъ день, около

трехъ часовъ пополудни, въ то самое время, когда я, совершенно голый, весь въ поту, растянувшись на полу, работалъ надъ окончаніемъ отверстія, при свѣтѣ ночника, — я вдругъ съ смертельнымъ ужасомъ услышалъ ржавый звукъ засововъ и замковъ. Вотъ была ужасная минута! Въ мигъ я задуваю лампу, и, оставивъ ломъ въ дырѣ, бросаю въ нее сафетку со всеми щепками и соромъ и поскорѣе ставлю постель на прежнее мѣсто, а самъ бросаюсь на нее, ни живъ ни мертвъ, въ ту самую минуту какъ отворялась дверь тюрьмы моей. Еще двѣ секунды, и Лоранъ все бы замѣтилъ.

— Ахъ, сударь, у васъ здѣсь жарко какъ въ печкѣ. Встаньте и благодарите Бога: онъ посылаетъ вамъ превосходнаго товарища.

— Войдите, войдите, ваше сіятельство, обратился онъ къ несчастному, который за нимъ слѣдовалъ.

Этотъ болванъ, нисколько не стѣняясь моею наготою, вводитъ ко мнѣ сіятельнаго господина, который старается не смотрѣть на меня, между-тѣмъ какъ я стараюсь отыскать рубашку.

Новоприбывшій думалъ, что вошелъ въ пекло. — Гдѣ я? закричалъ онъ. Куда меня привели? Боже, какой жаръ! Какая вонь! Съ кѣмъ я здѣсь. Лоранъ поспѣшилъ его вывести и попросилъ меня также выдти на чердакъ. Обращаясь къ новому арестанту, онъ прибавилъ, что онъ пойдетъ за его постелью и за необходимыми для него вещами, а до своего возвращенія проситъ насъ побыть на чердакѣ; что въ это время тюрьма очистится отъ дурнаго запаха, который происходитъ отъ худо-потушенной свѣтильни. Я удивился, услышавъ послѣднія слова его! Я вспомнилъ, что задувъ ночникъ, я не загасилъ свѣтильни. Такъ-какъ Лоранъ меня объ этомъ не спрашивалъ, я разсудилъ, что ему все извѣстно и что измѣнить мнѣ могъ только жидъ. Какъ же я радъ былъ, что ему не о чемъ болѣе было насплетничать!

Но въ эту минуту за то исчезло во мнѣ то отвращеніе, которое я чувствовалъ къ Лорану.

Накинувъ рубашку и халатъ, я вышелъ на чердакъ. Мой новый товарищъ записывалъ тамъ карандашемъ тѣ вещи, которыя долженъ былъ принести ему тюремщикъ. Увидѣвъ меня, онъ воскликнулъ:

— А! это Казанова!

Я сейчасъ же узналъ въ немъ аббата графа Фераноло, изъ Брешии, человѣка лѣтъ пятидесяти, милаго, богатаго и очень-любимаго хорошимъ обществомъ. Онъ обнялъ меня и когда я ему сказалъ,

что я ждалъ увидѣть скорѣе всю Венецію подъ шломбами, чѣмъ его, онъ не могъ удержать слезъ своихъ. Мы таки оба поплакали.

Лишь только мы остались одни, я предупредилъ его, что когда принесутъ ему его постель, я предложу ему свой альковъ, но что я заранѣе прошу его не принимать этой вѣжливости. Я просилъ его также не требовать, чтобъ выметали, обязываясь сказать ему причину послѣ. Общая хранить все сказанное мною въ тайнѣ, онъ изъявилъ мнѣ свое удовольствіе, что посаженъ со мною. Онъ сказалъ мнѣ также, что въ городѣ всѣ старались угадать причину, за что я сижу подъ шломбами. Одни предполагали, что я былъ главою новой секты; другіе, что М-ше Меммо жаловалась инквизиторамъ на то, что я совращаю къ атеизму сыновей ея; третьи увѣряли, что Антоніо Конаульмеръ, государственный инквизиторъ, посадилъ меня, какъ нарушителя общественнаго покоя, такъ-какъ я осмивалъ комедіи аббата Кіара и будто-бы нарочно хотѣлъ ѣхать въ Падую, чтобъ убить его.

Всѣ эти обвиненія имѣли нѣкоторое основаніе, дававшее имъ нѣкоторый видъ вѣроятности, но на самомъ-дѣлѣ были совершенно-ложны.

Къ вечеру принесли хорошую постель, прекрасное бѣлье, духовъ, славный ужинъ и превосходныхъ винъ. Аббатъ заплатилъ свою обычную дань, т. е. ничего не ужиналъ; за то я ѣлъ за двоихъ.

Какъ только Лоранъ простился съ нами и заперъ насъ до завтра, я немедленно полѣзъ за своей лампой, изъ которой салфетка вытянула все масло. Я много этому смѣялся, потомучто мнѣ сейчасъ представилось, что свѣтильня могла зажечь салфетку, черезъ это могъ произойти пожаръ, а за нимъ суматоха во всемъ зданіи. Исправивъ и засвѣтивъ снова ночникъ, мы провели ночь въ приятной бесѣдѣ. Вотъ исторія его заключенія:

«Вчера, въ три часа пополудни, мы сѣли въ гондолу, М-ше Алессандри, графъ Мартиненго и я, и поѣхали въ Падую, чтобъ посмотреть оперу и сейчасъ же возвратиться домой. Во время второго акта, мой злой геній соблазнилъ меня войти въ игорную залу, гдѣ я имѣлъ несчастіе увидѣть австрійскаго посланника графа Розенберга, съ поднятою маскою, и возлѣ него синьору Руццини, мужъ которой отправляется въ Вѣну посланникомъ Республѣки (*).

(*) Известно, что венеціанскіе патриціи не смѣли ни бѣть въ одномъ домѣ съ иностраннымъ посланникомъ, ни говорить съ нимъ.

Я поклонился имъ обоимъ и хотѣлъ уже выйти, какъ посланный громко сказалъ мнѣ: *Вы очень счастливы, что можете улаживать за такую милую дамою. Особа, которую я представляю, превращаетъ для меня самую лучшую страну въ мірѣ въ канутью каторгу. Скажите этой дамѣ, прошу васъ, что законы, запрещающіе мнѣ говорить съ ней здѣсь, не имѣютъ силы въ Вльмъ, гдѣ я увижу ее въ будущемъ году, и тамъ-то я объявляю ей войну.* Снѣбора Руццини, догадавшись, что дѣло идетъ о ней, спросила меня, что говоритъ графъ; я перевелъ ей слово въ слово. *Отпачайте ему,* сказала она, *что я прижимаю объявленіе войны, и вы увидите, кто изъ насъ лучше поведетъ ее.* Я вовсе не считалъ преступленіемъ передать этотъ отвѣтъ, который былъ только комплиментомъ. Послѣ оперы, поужинавъ слегка, мы отправились въ обратный путь и прибыли домой въ полночь. Я уже хотѣлъ лечь спать, какъ явился посланный съ письмомъ, въ которомъ мнѣ предписывалось быть къ часу въ Буссолѣ, гдѣ снѣборъ Бузинельо, секретарь Совѣта-Десяти, будетъ ждать меня. Удивленный такимъ предписаніемъ, предсказывающимъ всегда недоброе, и сердясь на то, что не могу послушаться, я отправился въ назначенный часъ и мѣсто; а г. секретарь, не удостоивъ меня даже и словомъ, приказалъ посадить меня сюда.»

Конечно проступокъ графа Фераноло не составляетъ никакого преступленія, но есть законы, преступить которые можно самымъ невиннымъ образомъ и по которымъ преступившіи ихъ тѣмъ не менѣе подвергается наказанію. Я поздравилъ его съ тѣмъ, что онъ по-крайней-мѣрѣ знаетъ свое преступленіе, и сказалъ ему, что черезъ недѣлю его выпустятъ и сошлютъ на полгода въ Брешию. — Я не думаю просидѣть здѣсь цѣлую недѣлю, сказалъ онъ мнѣ. — Я не спорилъ съ нимъ, а онъ все-таки прошелъ чрезъ мое пророчество. Я рѣшился быть для него хорошимъ товарищемъ, чтобъ сколько-нибудь умѣрить горечь его заключенія, и такъ вошелъ въ его положеніе, что совершенно забылъ мое собственное.

На другой день, съ зарею, Лоранъ принесъ кофей и корзину со всѣмъ необходимымъ для хорошаго обѣда. Аббатъ мой пришелъ въ изумленіе, потому что никакъ не могъ понять, чтобъ можно было ѣсть въ это время. Намъ дали съ часъ погулять по чердаку, потомъ снова заперли и уже на цѣлый день. Блохи страшно насъ кусали, и онъ спросилъ меня, почему я запрещаю мести полъ. Мнѣ нельзя было оставить его въ увѣренности, что мнѣ могла нравиться

вѣстота, или что кожа моя была грубѣе чѣмъ у него: я все разсказалъ и все показалъ ему. Онъ очень досадовалъ на то, что какъ-будто вынанилъ у меня это важное признаніе; но уговаривалъ меня продолжать, и въ этотъ же день, если можно, кончить отверстіе; онъ хотѣлъ даже помочь мнѣ спуститься и выдернуть потомъ веревку, но самъ бѣжать не рѣшался изъ боязни ухудшить свое дѣло. Я показалъ ему модель машины, посредствомъ которой надѣялся отцѣпить потомъ простыни, послужившія мнѣ веревками. Это была небольшая палка съ длинной ниткой на концѣ. Палкой этой прикрѣплялись простыни къ моей кровати, такъ-что спустившись внизъ, мнѣ стоило только дернуть нитку, чтобъ упала палка, а вмѣстѣ съ нею и простыни. Удоставившись въ дѣйствительности этого средства, онъ замѣтилъ мнѣ, что предосторожность эта была крайне-необходима, потомучто, еслибъ простыни оставались висѣющими, онъ первый открыли бы мое бѣгство. Товарищъ мой былъ убѣжденъ, что я долженъ пріостановить работу, чтобъ какъ-нибудь не попасться съ нею, тѣмъ болѣе, что за мое бѣгство Моранъ поплатится жизнью. Мысль купить свободу цѣною жизни такой презрѣнной твари нисколько меня не смущала. Я сдѣлалъ бы тоже самое, еслибы мое бѣгство стоило жизни всѣмъ собирамъ Республѣики, а ужъ и подавно инквизиторамъ.

Веселость моя не мѣшала однако моему товарищу впасть по временамъ въ печальное раздумье. Онъ былъ влюбленъ въ синьору Алессандри, которая была пѣвицей и любовницей или женой его друга Мартиненго, и онъ надѣялся на счастье. Но чѣмъ счастливѣе любовникъ, тѣмъ несчастнѣе становится онъ, если его разлучаютъ съ любимымъ предметомъ. Онъ вздыхалъ, плакалъ и привнался, что любить женщину, соединившую въ себѣ все добродѣтели. Я утѣшалъ его.

Недѣля, предсказанная ему мною, прошла скоро. Я потерялъ этого милого товарища, но мнѣ некогда было жалѣть объ этомъ. Ему возвращалась свобода, и я былъ доволенъ. Я не просилъ его помѣтать о моихъ планахъ: малѣйшее сомнѣніе въ этомъ оскорбило бы его прекрасную душу. Всю недѣлю, что онъ провелъ со мною, онъ питался только супомъ, плодами и канарійскимъ виномъ: за него въ я, и къ величайшему его удовольствію. Разставаясь, мы жалились другъ другу въ вѣчной дружбѣ.

На другой день Моранъ принесъ счетъ моимъ деньгамъ. У меня накопилось четыре сенина, и онъ очень разчувствовался, когда я

сказалъ ему, что дарю ихъ женѣ его. Съ моей стороны это былъ благодарность за ночникъ, но я не намекалъ ему объ этомъ.

Принявшись снова за работу и продолжая ее безъ устали, я совершенно окончилъ ее къ 23 августа. Такое промедленіе произошло очень-естественнымъ образомъ. Подтачивая послѣднюю доску чрезвычайно тщательно, чтобъ довести ее до крайней тонины, я приложилъ наконецъ глазъ къ маленькой дырочкѣ, чрезъ которую долженъ былъ увидѣть инквизиторскую залу. Я ее и увидѣлъ, но увидѣлъ тутъ же, возаѣ, и какую-то поверхность дюймовъ въ восемь. Эта была, чего я всегда боялся, одна изъ балокъ, поддерживавшихъ потолокъ. Я принужденъ былъ увеличить свое отверстие къ противуположной сторонѣ, потомучто балка до того загоразивала проходъ, что моей довольно объемистой особѣ невозможно было пролѣзть. И такъ, я увеличилъ его на четверть, переходя отъ страха къ надеждѣ, потому что могло случиться, что пространство между двухъ балокъ будетъ недостаточно. Когда я увеличилъ отверстие, другая маленькая дырочка показала мнѣ, что Богъ благословилъ мою работу. Я тщательно заткнулъ объ дырочки, изъ страха, чтобъ не упало что-нибудь въ залу, или чтобъ не замѣтили свѣта отъ моего ночника, потомучто тогда я бы погибъ.

Я опредѣлилъ себѣ бѣжать въ ночь на канунѣ св. Августина, затѣмъ что зналъ, что по случаю этого праздника собирался большой совѣтъ и что слѣдовательно не будетъ никого въ Буссоля, смежной съ комнатою, чрезъ которую я необходимо долженъ былъ проходить. Все это должно было произойти 27 числа, но 25 мною случилось такое несчастіе, что я до-сихъ-поръ еще не могу вспомнить о немъ безъ содроганія, хотя столько-лѣтъ раздѣляютъ теперь это происшествіе отъ настоящей минуты.

Ровно въ полдень я услышалъ звукъ засововъ и обмеръ; такъ сильно забилось вдругъ во мнѣ сердце (и что всего страннѣе—дюйма на четыре ниже того мѣста, гдѣ оно обыкновенно находится), что я уже ждалъ послѣдней минуты. Уничтоженный, я бродящу на кресло и жаду, что будетъ. Лоранъ, войдя на чердакъ, приставилъ свое лицо къ рѣшеткѣ и закричалъ мнѣ радостнымъ голосомъ: — Поздравляю васъ съ доброй вѣсточкой, сударь.

Подумавъ сначала, что дѣло шло о моемъ освобожденіи, я вадрогнулъ, потомучто почувствовалъ, что открытіе моей работы могло повлечь за собою уничтоженіе моего поманіанія.

Входитъ Лоранъ и говоритъ, чтобъ я шло за нимъ.

— Погоди, я одышуся.

— Ничего, вы вѣдь только перейдете изъ этой скверной трущобы въ другую тюрьму, свѣтленькую и новенькую, гдѣ изъ двухъ оконъ будете видѣть половину Венеціи. Въ ней можно будетъ стоять.

Я не могъ выдерживать долѣе. Я чувствовалъ, что силы оставляютъ меня. — Дайте скорѣе укусу, сказалъ я ему, и подите къ г. секретарю, скажите ему, что я благодарю трибуналь за эту милость, но умоляю его оставить меня здѣсь.

— Полноте смѣшнить-то, сударь; или вы сошли съ ума? чело-вѣка хотять вытащить изъ ада и посадить въ рай, а онъ и руками и ногами! Вздоръ, сударь, вздоръ! нужно слушаться... вставайте-ка. Обоирились о мою руку и пойдите, а я прикажу перенести ваше платье и книги.

Видя, что сопротивленіе бесполезно, я встаю и чувствую великое облегченіе, слыша, какъ онъ велитъ одному изъ сборовъ захватить и мое кресло: въ немъ былъ мой ломъ; а вмѣстѣ съ нимъ во мнѣ воспресала и надежда. Мнѣ такъ хотѣлось унести также съ собою и мое отверстіе, стоявшее мнѣ столькихъ напрасныхъ трудовъ и надеждъ. Вотъ ужъ могу сказать, что выйдя изъ этого ужаснаго мѣста скорби, я оставилъ въ немъ всю мою душу.

Опершись на плечо Лорана, который думалъ развеселить меня своими глупыми шутками, я прошелъ два узкіе корридора и, перешагнувъ черезъ три ступени, вступилъ въ очень-свѣтлую залу. Въ самомъ концѣ ея, на лѣво, была маленькая дверь, чрезъ которую мы вошли въ другой корридоръ футовъ двухъ шириною и двѣнадцати длиною, и тамъ-то въ углу находилась моя новая тюрьма. Она была объ одномъ окнѣ и то за рѣшеткой, которое смотрѣло не на улицу, а въ корридоръ, освѣщенный двумя тоже рѣшетчатыми окнами, изъ которыхъ можно было любоваться прекраснымъ видомъ до самаго Лидо. Впрочемъ въ эту тяжолоую для меня минуту я не обратилъ на все это ни малѣйшаго вниманія. Послѣ уже я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что изъ моего окна, когда оно было отворено, можно было дышать свѣжимъ и чистымъ воздухомъ, умѣрявшемъ нѣсколько невыносимый жаръ, что было блаженствомъ для несчастнаго, привужденнаго дышать тюремной температурой, да еще въ такое время года.

Читатель легко повѣритъ мнѣ, что всѣ эти наблюденія сдѣланы были мною въ послѣдствіи. Лишь только я вошелъ въ новую тюрьму

свою, Лоранъ приказалъ поставить туда мое кресло, а самъ ушелъ, сказавъ мнѣ, что пришлетъ скоро мои остальные вещи.

Я сидѣлъ на креслѣ безъ движенія, какъ статуя, въ ожиданіи грозы, но безъ всякаго страха. Отчаяніе мое было только сдѣлано ствiемъ горькой мысли, что всѣ труды мои, всѣ искусныя комбинаціи, стоившія мнѣ такихъ умственныхъ усилій, пропали совершенно даромъ. Я сожалѣлъ о нихъ, но не рассказывалъ и старался не думать о будущемъ.

III

Мшение Лорана. — Вхожу въ сношенія съ другимъ арестантомъ; отцомъ Вальви; его характеръ. — Условиваюсь съ нимъ о повѣзгѣ; какимъ образомъ. — Хитрость, которую изобрѣдаю, чтобъ переслать ему мой лонъ. — Успѣхъ. — Ко мнѣ сажаютъ отвратительнаго товарища; портретъ его.

Я все еще былъ погруженъ въ эти черныя мысли, когда два ебира принесли мою постель. Они тотчасъ же ушли за остальными вещами, и прошло болѣе двухъ часовъ, прежде чѣмъ я увидѣлъ человеческое лицо, хотя дверь моей новой тюрьмы была отворена. Такое необычное замедленіе пораждало во мнѣ цѣлый рой мыслей, но я не могъ остановиться ни на одной изъ нихъ. Я зналъ только, что опасность была большая, и увѣренность въ ней заставляла меня дѣлать усилія, чтобъ привести мой разсудокъ въ состояніе покоя, необходимаго для встрѣчи всевозможныхъ несчастій.

Наконецъ я услышалъ поспѣшныя шаги и скоро увидѣлъ передъ собою Лорана, обезображеннаго гнѣвомъ, блѣднаго, съ пѣной у рта. Началъ онъ съ того, что сталъ требовать, чтобъ я выдалъ ему говоръ или инструменты, которыми я проламывалъ полъ, и чтобъ назвалъ того ебира, который досталъ мнѣ ихъ. Я отвѣчалъ ему, не трогаясь съ мѣста и очень хладнокровно, что не знаю, о чемъ онъ говорить. Онъ велѣлъ меня обыскать; но вставъ съ рѣшительнымъ видомъ; я грохусь собирамъ, и раздѣвшись до гола, говорю имъ: — Исполняйте свою обязанность, но не смѣйте до меня дотрогиваться.

Стали шарить въ моей постели, вытряхать матрацы, щупать подушку кресла; ничего не нашли.

— Вы не хотите сказать, гдѣ инструменты, которыми вы проделали дыру; но мы знаемъ средство заставить васъ говорить.

— Если я въ самомъ-дѣлѣ сдѣлаю гдѣ-нибудь дыру, то я скажу, что всѣ средства къ тому доставлены вами и что я вамъ все возвратилъ.

При этой угрозѣ, заставившей улынуться прислуживавшихъ сбировъ, которыхъ вѣроятно онъ успѣлъ чѣмъ-нибудь оскорбить, онъ затопалъ ногами, сталъ рвать на себѣ волосы и вышелъ, какъ сумасшедшій. Сбирь скоро возвратились съ остальными моими вещами, за исключеніемъ моего оселка и ночника. Вышедши изъ коридора и заперевъ дверь, онъ заперъ и окна, чрезъ которыя доходилъ до меня свѣжій воздухъ. Я чуть не задохся отъ этого, но почти не обратилъ на это вниманія, радуясь, что такъ дешево отдѣлался. Не смотря на всю свою оытность, онъ къ счастью не догадался опрокинуть кресла. Ломъ оставался при мнѣ, и я горячо благодарилъ за это Бога, ибо чувствовалъ, что ему предназначено рано или поздно быть орудіемъ моего избавленія.

Ночь провелъ я безсонную и отъ жара и отъ волненія. На разсвѣтѣ пришелъ Лоранъ и принесъ мнѣ, вмѣсто вина, какой-то кислятины и вонючей воды. Остальное было въ такомъ же родѣ: высохшій салатъ, тухлая говядина и хлѣбъ чорствый, какъ солдатскій сухарь. Вычищать въ комнатѣ, онъ ничего не вычищалъ, и когда я попросилъ его открыть окна, онъ даже не хотѣлъ меня и выслушать; за то одинъ сбиръ вездѣ колотилъ желѣзной палкой, стѣны, полъ и всего болѣе у меня подъ кроватью. Я смотрѣлъ на все это совершенно равнодушно, но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ удалось замѣтить, что онъ не трогалъ потолка. Вотъ откуда я выйду изъ этого ада, сказалъ я самъ себѣ. Но чтобъ выполнить это намѣреніе, нужны были комбинаціи, независѣвшія отъ меня, потомучто я ничего не могъ сдѣлать незамѣтнымъ образомъ. Тюрьма была новецдѣнская; магішная цараница бросилась бы сторожамъ въ глаза.

День я провелъ несноснымъ образомъ, потомучто жара была не выносимая, и сверхъ-того я не могъ дотронуться ни до одного кушанья. Отъ постоянной испарины и недостатка пищи я до того ослабѣлъ, что не могъ ни читать, ни ходить. На другой день такой же обѣдъ. Вонь отъ телятины, принесенной мнѣ этимъ негодяемъ, заставила меня отшатнуться. — Развѣ тебѣ вѣрно уморить меня съ голоду и съ жару? сказалъ я ему. Онъ заперъ тюрьму и не отпечалъ мнѣ ни слова. На третій-день тоже самое. Я прошу у него карандаша и бумаги, чтобъ написать секретарю: нѣтъ отвѣта.

Въ отчаяніи, я начинаю ѣсть супъ, потомъ, смочивъ хлѣбъ кирскимъ виномъ, стараюсь подкрѣпить себя, чтобъ на-завтра отмстить за все Лорану, вонзивъ ему доль въ сердце. Я былъ въ такомъ бѣшенствѣ, что это мнѣ казалось совершенно въ порядкѣ вещей. Ночь успокоила меня и на утро, лишь только явился палачъ мой, я сказалъ ему, что убью его, какъ только мнѣ возвратятъ свободу. Онъ засмѣялся моей угрозѣ и вышелъ, не разжимая рта.

Я начиналъ думать, что это онъ все дѣлаетъ по приказанію секретаря, которому уже вѣроятно обо всемъ наябедничалъ. Я не зналъ, что дѣлать: я колебался между терпѣніемъ и отчаяніемъ; положеніе мое было ужасно. Я просто умираю отъ истощенія. Наконецъ на восьмой день, громовымъ голосомъ, съ бѣшенствомъ въ сердцѣ и въ присутствіи сборовъ, я приказалъ ему, назвавъ его подлымъ палачемъ, принести мнѣ счетъ моимъ деньгамъ. Онъ сухо отвѣчалъ мнѣ, что принесетъ его завтра. Тутъ, въ то самое время, какъ онъ собирался уже уходить, я беру ушаты, стоявшій у меня для извѣстнаго употребленія и не вычищаемый уже съ недѣлю, и хочу самовольно опрокинуть его въ корридоръ. Онъ сейчасъ же приказалъ сбирѣ взять его у меня и, чтобъ очистить воздухъ во время этой не совѣтъ благоуханной операціи, открылъ окно, которое тотчасъ же и заперъ, какъ-только работа была окончена, а я, не смотря на всѣ свои крики, остался въ зачумленной атмосферѣ. Полагая, что онъ велѣлъ вылить изъ ушата единственно потому, что я много ругалъ его, я приготовился на-завтра обойтись съ нимъ еще суровѣе. Но лишь-только онъ явился, весь гнѣвъ мой пропалъ, потому что прежде чѣмъ подать мнѣ счетъ, онъ вручилъ мнѣ полную корзину апельсиновъ, присланную мнѣ г. Брагадини, вмѣстѣ съ большою бутылкою чистой воды и жирнымъ цыпленкомъ, зажареннымъ очень аппетитно. Сверхъ-того, одинъ изъ сборовъ немедленно открылъ два окна. Когда онъ представилъ мнѣ счетъ, я бросилъ взглядъ на одинъ итогъ и сказалъ ему, чтобъ остатокъ онъ отдалъ женѣ своей, за исключеніемъ одного секина, который я приказалъ ему раздѣлить прислуживавшимъ мнѣ сбирамъ. Это маленькое великодушіе расположило въ мою пользу этихъ несчастныхъ, которые за то очень меня благодарили.

Лоранъ, оставшись нарочно наединѣ со мною, началъ говорить мнѣ слѣдующимъ образомъ. — Вы мнѣ ужъ сказали, сударь, будто отъ меня получили нужные инструменты для вашей работы, и потому я объ этомъ не хочу и говорить больше; но отбѣдайте боже-

скую милость; скажите мнѣ, кто далъ вамъ все необходимое для лампы?

— Вы сами.

— О, о! Это уже черезъ-чуръ! Я не думалъ, чтобъ умъ за-ключался въ наглости.

— Я говорю правду. Вы дѣйствительно своими собственными руками принесли мнѣ всѣ необходимые материалы: масло, кремень, сѣрные спички; остальное у меня было.

— Правда, правда. Но можете ли вы также легко меня увѣрить, что я доставилъ вамъ инструменты для вашего проклятаго отвер-стiя?

— Конечно, потому что все это я дѣйствительно получалъ отъ васъ.

— Господи, Боже мой! да что же это такое? Скажите же, когда я вамъ доставилъ топоръ?

— Все скажу и скажу правду, только не иначе, какъ въ при-сутствiи секретаря.

— Не хочу больше ничего знать и вѣрю вамъ на слово. Прошу васъ только, молчите; потому что, сами знаете, я человѣкъ бѣдный; жена, дѣти...

И онъ ушелъ, схвативъ голову обѣими руками.

Я чрезвычайно обрадовался, отыскавъ наконецъ средство дер-жать въ страхѣ этого негодяя, которому впрочемъ я все-таки ставлю жизни. Я увидѣлъ, что его собственный интересъ требовалъ, чтобъ я молчалъ о происшедшемъ.

Я приказалъ Лорану купить сочиненiя Мафои: воздержка эта ему очень не нравилась, но онъ не смѣлъ мнѣ выразить этого. Онъ только спросилъ меня, на что мнѣ покупать себѣ новыя книги, когда у меня ихъ и безъ того много.

— Это все уже прочтено; мнѣ нужно новаго.

— Я вамъ устрою такъ, что вамъ будутъ давать книги на про-читанiе, если только и вы не покуситесь своими. А денежки ваши такимъ образомъ будутъ цѣлы.

— Можетъ быть, романы какiе-нибудь; я не люблю ихъ.

— Нѣтъ, ученые книги. А если вы думаете, что вы здѣсь одни съ крѣпкой головою, то ошибаетесь.

— Увидимъ. Вотъ книга, которую я даю на прочитанiе крѣпкой головѣ; принесите и вы мнѣ что-нибудь новое.

Я ему далъ *Rationarium* Пето: минутъ черезъ пять онъ при-

вась итѣ первый томъ Вольфа. Довольный этимъ, я сказалъ ему, что обойдусь и безъ Мафеи, чему онъ очень обрадовался.

Радуюсь не столько этому назидательному чтенію, сколько возможности завязать сношенія съ кѣмъ-нибудь, кто могъ бы помочь мнѣ въ задуманномъ бѣгствѣ, планъ котораго ужъ мелькалъ въ головѣ моей, я открылъ книгу, лишь-только Лоранъ вышелъ; и къ крайнему моему восторгу прочелъ на одномъ листкѣ парафраза этихъ словъ Сенеки: *Calamitosus est animus futuri anxius* (*), — парафраза, состоявшій изъ шести стиховъ. Я сейчасъ же придѣлалъ къ нимъ шесть другихъ и—вотъ способъ, какимъ образомъ мнѣ удалось написать ихъ. Я прежде еще отростилъ ноготь на мизинцѣ, чтобъ употреблять его какъ ухвертку: онъ былъ очень длиненъ. Я очинилъ его и сдѣлалъ перомъ. У меня не доставало чернилъ, и я уже думалъ уюлотъ себя и писать кровью, какъ вспомнилъ; что сокъ изъ сливъ мнѣ можетъ замѣнить чернила, а сливы у меня были. Кромѣ этихъ шести стиховъ, я написалъ еще каталогъ всѣмъ бывшимъ у меня книгамъ и всунулъ его подъ переплетъ этой же книги. Надо знать, что въ Италіи книги обыкновенно переплетаются такимъ образомъ, что когда ихъ открываешь, въ переплетѣ находишь сумку. Тамъ, гдѣ напечатанъ былъ титулъ, я написалъ: *Latet* (**). Съ нетерпѣніемъ ждалъ я отвѣта, и потому на другой же день, какъ только явился Лоранъ, я сказалъ, что уже читалъ эту книгу и прошу о другой. Черезъ минуту у меня былъ второй томъ.

Не успѣлъ я остаться одинъ, какъ тотчасъ же открылъ книгу и нашолъ въ ней вложенный листокъ, исписанный полатынѣ и содержащій слѣдующія слова: «Насъ двое въ одной и той же тюрьмѣ и оба мы ощущаемъ величайшее удовольствіе оттого, что невѣжество скупого тюремщика доставляетъ намъ преимущество, безпримѣрное въ этомъ мѣстѣ. Я, пишущій эти строки, Марино Бальби, венеціанскій дворянинъ, въ монашескомъ чинѣ; а товарищъ мой — графъ Андрей Аскино, изъ Удины, главнаго города Фріуля. Онъ проситъ меня увѣдомить васъ; что всѣ его книги, списокъ которымъ вы найдете въ переплетѣ этого тома, къ вашимъ услугамъ; но предостерегаемъ васъ, милостивый государь, что намъ необходима крайняя осторожность, чтобъ скрыть отъ Лорана наши маленькія сношенія.»

(*) Человѣкъ, думающій о будущихъ несчастіяхъ, очень несчастливъ.

(**) Спрятано.

Въ нашемъ полуженіи, не могло быть ничего удивительнаго; что мы попали на одну и ту же мысль — сообщить другъ другу каталогъ вашей тонней бібліотеки и выбрать для этой цѣли книжный переплетъ: мысль эта вытекала изъ простаго здраваго омысла. Но мнѣ показался страннымъ намекъ на осторожность въ летучемъ листкѣ. Казалось невозможнымъ, чтобъ Лоранъ не открылъ книги; и тогда онъ конечно увидѣлъ бы листокъ, а не зная грамоты, спросилъ бы прочесть его кого-нибудь другого, и все было бы открыто въ самомъ началѣ. Это внушило мнѣ подозрѣніе, что корреспондентъ мой былъ очень вѣтренъ.

Прочитавъ каталогъ, я написалъ, кто я такой, какими образомъ былъ арестованъ, упомянулъ о моемъ невѣдѣніи касательно преступленія, за которое меня наказываютъ; и о надеждѣ скоро быть свободнымъ. На это Бальби отвѣчалъ мнѣ посланіемъ въ шестнадцать страницъ. Графъ Аскино вовсе не писалъ. Монахъ разсказывалъ всѣ свои несчастія. Содержался онъ уже четыре года за то, что пользовался благосклонностію трехъ дѣвицъ, отъ которыхъ у него было трое дѣтей. Это бы еще ничего, но онъ имѣлъ наивность окрестить ихъ подъ своимъ именемъ. Въ первый разъ онъ отдался выговоромъ отъ настоятеля; во второй ему погрозили наказаніемъ, а въ третій его посадили. Настоятель его монастыря присылалъ ему каждое утро обѣдъ. Онъ говорилъ мнѣ въ письмѣ своемъ; что настоятель и весь трибуналъ — тираны, потому что не имѣютъ никакого авторитета надъ его совѣстью; что будучи увѣренъ, что трое дѣтей были дѣйствительно его дѣти, онъ разсудилъ, что, какъ честный человекъ, онъ не могъ имъ отказать въ тѣхъ выгодахъ, какія могло дать имъ его имя. Въ заключеніе онъ говорилъ мнѣ, что ему нельзя было не признать публично дѣтей своихъ, потому что клевета могла приписать ихъ кому-нибудь другому, а это повредило бы репутаціи трехъ честныхъ дѣвицъ, отъ которыхъ онъ имѣлъ ихъ; сверхъ-того онъ никакъ не могъ задушить въ себѣ голоса природы, который говорилъ ему въ пользу этихъ невинныхъ созданій. Оканчивалъ онъ слѣдующими словами: «Конечно настоятель мой никогда не впадаетъ въ подобный грѣхъ, потому что бываетъ пѣженъ только съ своими учениками.»

Всего этого было довольно, чтобъ показать мнѣ, съ кѣмъ я имѣлъ дѣло. Оригиналь, чувственный человекъ, дурной логикъ, злой, глуповатый, неосторожный, неблагодарный, — все это выдавалось изъ письма его. Такъ, сказавъ мнѣ, что онъ былъ бы очень несчастливъ

безъ семидесятилѣтняго графа Аскино, у котораго были важныя и деньги; онъ на цѣлыхъ двухъ страницахъ отдалъ его, описать его недостатки и смѣшныя стороны. Въ свѣтъ я не отвѣчалъ бы такому человѣку, но подъ пломбами мнѣ необходимо было пользоваться веѣмъ и всѣми. Я нашолъ подъ спинкой переплета карандашъ, перья и бумаги, что дало мнѣ возможность писать не стѣсняясь.

Онъ описывалъ мнѣ также исторію всѣхъ арестантовъ, бывшихъ подъ пломбами, а также и тѣхъ, которые содержались въ его время, т. е. въ послѣдніе четыре года. Онъ писалъ мнѣ, что Николаемъ зовутъ того сбира, который втайнѣ покупалъ для него все нужное и называлъ ему по именамъ арестантовъ; а чтобъ убѣдить меня въ этомъ, онъ рассказывалъ мнѣ все, что зналъ о моемъ отверстіи. Онъ сообщалъ мнѣ, что меня перевели въ другую тюрьму для того, чтобъ посадить на мое мѣсто патриція Приули, и что Лоранъ цѣлые два часа бился надъ тѣмъ, чтобъ задѣлать мою работу, что онъ заставилъ молчать подъ страхомъ жизни и смерти столяра, слесаря и всѣхъ сбировъ. Еще одинъ день, говорилъ Николай, и Казанова бѣжалъ бы самымъ гениальнымъ образомъ, а Лоранъ былъ бы повѣшенъ; потому что хотя Лоранъ, прибавлялъ Николай, и пришолъ въ изумленіе при видѣ отверстія, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что это онъ доставилъ мнѣ всѣ нужные инструменты для такой трудной работы. — Николай сказалъ мнѣ, продолжалъ мой корреспондентъ, что г. Брагадини обѣщалъ ему тысячу секиновъ, если онъ дастъ вамъ средство къ побѣгу; но что Лоранъ, узнавъ объ этомъ, надѣется получить эту награду безъ всякаго риска, дѣйствуя черезъ жену свою на г. Діего. Ни одинъ изъ сбировъ не смѣетъ проронить слова о случившемся изъ страха, чтобъ Лоранъ, выпутавшись изъ бѣды, не прогналъ за это болтуна. Онъ просилъ меня рассказать въ подробности все происшествіе и какимъ образомъ я досталъ себѣ инструменты и положиться на его молчаніе.

Я нисколько не сомнѣвался въ его любопытствѣ, но много въ его молчаніи, тѣмъ-болѣе что и просьба-то его выказывала всю его нескромность. Я счелъ нужнымъ однако побережь его, потому что онъ казался мнѣ способнымъ предпринять все, что я ни велю ему; для возвращенія свободы. Я принялся отвѣчать ему, но вдругъ возымѣлъ подозрѣніе, заставившее меня приостановить отсылку письма. Мнѣ пришло на мысль, что вся эта переписка могла быть только хитростію со стороны Лорана, чтобъ добиться, отъ кого я досталъ инструменты и куда они дѣвались. Чтобы удовлетворить Балъ-

бы, не compromетируя себя, я написалъ ему, что отверстіе я сдѣлалъ рѣзкимъ ножомъ, принадлежавшимъ мнѣ и что этотъ ножъ я воткнулъ подъ подоконникъ въ корридорѣ. Не прошло и трехъ дней, какъ эта невинная ложь совершенно успокоила меня, потому что Лоранъ не дѣлалъ обыска въ подоконникъ, что ужъ непременно бы случилось, еслибъ письмо мое было перехвачено. Ктому же отецъ Бальби писалъ ко мнѣ, что онъ такъ и думалъ, потому что Лоранъ сказалъ ему, что меня не обыскивали при вступленіи въ тюрьму. Лоранъ не получалъ на это никакого приказанія, и это, можетъ-быть, спасло бы его, еслибъ мнѣ удалось бѣжать, потому что онъ утверждалъ, что принимая человѣка изъ рукъ начальника сборовъ, онъ предполагалъ его уже обысканнымъ. Мессеръ-Гранде, съ своей стороны, сказалъ будто бы, что, взявъ меня прямо съ постели, онъ былъ совершенно увѣренъ, что при мнѣ не было никакого оружія, и все это пожалуй могло бы ихъ спасти. Монахъ кончалъ письмо свое просьбою прислать ему мой ножъ чрезъ Николая, на котораго я могъ совершенно положиться.

Легковѣрность и вѣтренность этого монаха казались мнѣ непонятными. Я отвѣчалъ ему, что не чувствую въ себѣ никакого расположенія довѣриться Николаю и что мой секретъ былъ такого свойства, что я не могу изложить его на бумагѣ. Письма его меня однакоже занимали. Въ одномъ изъ нихъ онъ говорилъ о причинѣ, вследствие которой держали подъ пломбами графа Аскино, не смотря на его немощное состояніе, такъ-какъ онъ былъ толщины непомѣрной, а вследствие сломанной и худо-вправленной ноги, не могъ почти двигаться.

Такъ-какъ подозрѣнія мои совершенно исчезли, я разсуждалъ слѣдующимъ образомъ:

Я во что бы то ни стало хочу свободы. Мой ломъ — превосходное орудіе, но я не могу имъ ничего сдѣлать, такъ-какъ каждое утро всю тюрьму мою, за исключеніемъ потолка, свидѣтельствуютъ желѣзной палкой. Если я хочу выйти отсюда, то могу выйти только черезъ потолокъ, а выйти черезъ потолокъ значить — пробить потолокъ, чего я не могу сдѣлать снизу, потому что на это потребуется не день и не два. Мнѣ нуженъ товарищъ: онъ можетъ бѣжать вмѣстѣ со мною. Выбора у меня не было, и я поневолѣ долженъ былъ остановиться на монахѣ. Ему было тридцать восемь лѣтъ, и хотя онъ былъ недалекаго ума, но я полагалъ, что любовь къ свободѣ, врожденная въ каждомъ человѣкѣ, придастъ ему рѣши-

мость исполнить мои инструкціи. Нечего было дѣлать, нужно было во всемъ ему открыться и выдумать средство переслать ему мой ломъ. Это были два самые затруднительные пункта.

Я началъ съ того, что спросилъ его, желаетъ ли онъ быть свободнымъ и чувствуетъ ли въ себѣ расположеніе добыть свободу вмѣстѣ со мною. Онъ отвѣчалъ, что какъ онъ, такъ и его товарищъ готовы на все, чтобъ только расторгнуть свои цѣпи; но что бесполезно ломать голову надъ неисполнимыми планами. На цѣлыхъ четырехъ страницахъ онъ расписалъ мнѣ всѣ затрудненія, представлявшіяся его бѣдному уму; жалкій человекъ, онъ не замѣчалъ ни одной стороны, являвшей сколько-нибудь благопріятныя шансы. Я отвѣчалъ ему, что общія затрудненія не беспокоили меня, что выдуманная мной планъ, я занимался только частными и что эти частныя затрудненія всѣ были побѣждены; я кончилъ тѣмъ, что давалъ ему честное слово освободить его изъ заключенія, если онъ только дастъ обѣщаніе въ точности исполнять все, что я ни предложу ему.

Онъ обѣщалъ.

Я объяснилъ ему, что у меня есть ломъ въ двадцать дюймовъ длиною; что имъ онъ проломитъ потолокъ своей тюрьмы, чтобъ изъ нея выйти; потомъ въ верхней комнатѣ проломитъ стѣну, которая насъ раздѣляла, и черезъ это отверстіе очутится прямо надъ мною; потомъ проломитъ мой потолокъ и поможетъ мнѣ выйти. — Когда же вы все это сдѣлаете, ваша работа кончится, моя встанетъ; я выведу васъ на свободу, васъ и графа Аскино.

Онъ отвѣчалъ мнѣ, что когда мы выйдемъ изъ нашихъ тюремъ; мы все-таки останемся въ тюрьмѣ; разница будетъ только въ размѣрахъ, но что положеніе наше будетъ рѣшительно тоже самое; что мы очутимся тогда на чердакахъ, которые запираются тремя толстыми дверьми.

— Знаю я это, почтенный отецъ, отвѣчалъ я ему, но въ томъ-то и штука, что убѣжимъ мы не черезъ двери. Планъ мой сдѣланъ, и я увѣренъ въ успѣхѣ. Я прошу васъ только быть точнымъ исполнителемъ и воздерживаться отъ возраженій. Выдумайте только самое лучшее средство, какъ бы мнѣ переслать къ вамъ мой ломъ, не возбудивъ подозрѣній. А пока прикажите тюремщику купить штукъ еорокъ литографій, изображающихъ святыхъ, чтобъ оклеить ими всю вашу тюрьму. Эти священныя картинки не возбуждаютъ подозрѣнія въ Лоранъ, а васъ послужатъ для того, чтобъ замаскировать

отверстїе , которое вы сдѣлаете въ потолокъ. Вамъ понадобится нѣсколько дней для сдѣланїя этого отверстїя , и Лоранъ во время своихъ утреннихъ визитовъ не будетъ видѣть работы , сдѣланной вами на канувѣ , потомучто она будетъ закрыта картиной. Если вы мнѣ возразите , зачѣмъ я самъ всего этого не дѣлаю , то я скажу вамъ , что не могу , потомучто я подозрителенъ для тюремщика , и мое возраженіе конечно будетъ найдено вами благоразумнымъ.

Хотя я и просилъ его подумать о наилучшемъ средствѣ переслать ему мой ломъ , однако и самъ сильно ломалъ надъ этимъ головою. Меня озарила вдругъ счастливая мысль , которою я и воспользовался. Я приказалъ Лорану купить мнѣ библію in-folio , которая только-что тогда явилась. Я надѣялся уложить ломъ подъ корешокъ переплета этой огромной книги и такимъ-образомъ переслать его монаху , но когда онъ принесъ мнѣ ее , я увидѣлъ , что инструментъ мой выходитъ изъ подъ корешка на два дюйма.

Корреспондентъ мой уже успѣлъ увѣдомить меня , что комната его вся была оклеена литографїями , а я сообщилъ ему мысль о библіи и о томъ затрудненїи , которое представляла ея несоразмѣрность съ ломомъ. Обрадованный случаемъ блеснуть умомъ , онъ подсмѣялся надъ скудостью моего воображенїя и писалъ мнѣ , что мнѣ стоитъ только завернуть ломъ въ мою лисью шубу и такимъ образомъ переслать ее имъ , что Лоранъ уже говорилъ имъ о моей прекрасной шубѣ и что графъ Аскино не возбудитъ никакого подозрѣнїя , если пожелаетъ ее видѣть , чтобъ купить для себя такую же.

— Присылайте мнѣ ее только совершенно свернутую : Лоранъ не будетъ ее развертывать.

Я былъ увѣренъ , что будетъ , во первыхъ потому , что свернутую шубу не такъ удобно нести , какъ развернутую ; но не желая смущать его и въ тоже время намѣреваясь доказать ему , что я не такъ вѣтренъ какъ онъ , я написалъ ему , чтобъ онъ ее потребовалъ. Когда Лоранъ на другой день спросилъ ее у меня , я отдалъ ее ему свернутую , но безъ лома. Черезъ четверть часа онъ принесъ мнѣ ее обратно , говоря , что господамъ она очень понравилась.

Монахъ написалъ мнѣ послѣ этого прежалобное письмо , въ которомъ сознавался въ винѣ своей , подавъ мнѣ такой дурной советъ , но тутъ же прибавилъ , что я еще виноватѣе за то , что послушался его. Ломъ , какъ полагалъ онъ , для насъ погибъ , потомучто Лоранъ принесъ мнѣ шубу развернутую. И такъ все , по его мнѣнїю , погибло. Я утѣшилъ его , сказавъ всю правду , и просилъ

его быть впередъ осмотрительнѣе въ своихъ секретяхъ. Наконецъ — должно было чѣмъ-нибудь кончить, и я твердо рѣшился переслать ему ломъ въ своей библии, только употребивъ одно прибавочное средство. Нужно было, чтобъ Лоранъ не смотрѣлъ на концы библии, и я вотъ что придумалъ.

Я сказалъ Лорану, что хочу ради Михайлова дня поѣсть макаронъ съ сыромъ, но желая вмѣстѣ и отблагодарить ту особу, которая ссужала мнѣ книги, хочу самъ для нея приготовить большое блюдо этого кушанья. Лоранъ тутъ же сказалъ мнѣ, что эта особа желаетъ также прочесть большую книгу, которая стоила три секина. Между нами это уже было условлено.

— Хорошо, сказалъ я ему, я пошлю книгу вмѣстѣ съ макаронами; принесите мнѣ самое большое блюдо, какое только есть у васъ; потому что я хочу все это сдѣлать по-барски.

Онъ обѣщалъ. Я завернулъ свой ломъ въ бумагу и засунулъ его подъ самый корешокъ библии, стараясь, чтобъ концы его выходили изъ переплета съ обѣихъ сторонъ. Я думалъ, что если поставлю на библию большое блюдо съ макаронами, облитыми до самыхъ краевъ растопленнымъ масломъ, то Лоранъ не замѣтитъ концовъ лома, потому что все его вниманіе будетъ сосредоточено на краяхъ блюда, чтобъ какъ-нибудь не пролить масла и не испачкать книги. Я увѣдомилъ обо всемъ отца Бальби, прося его осторожно принимать блюдо, а главное — брать и блюдо и библию вмѣстѣ, а не порознь.

Въ назначенный день Лоранъ пришолъ ранѣе, чѣмъ обыкновенно, съ полною мискою дымящихся макаронъ и со всеми необходимыми спеціями для ихъ приправы. Я растопилъ огромный кусокъ масла и, наложивъ макаронъ на блюдо, полилъ ихъ по самымъ краямъ масломъ. Блюдо было огромное и гораздо-больше книги, на которую я поставилъ его. Все это я приготовилъ у себя въ тюрьмѣ, между-тѣмъ какъ Лоранъ ждалъ въ корридорѣ.

Когда все было готово, я осторожно поднялъ библию и блюдо, стараясь, чтобъ спинкою книга уперлась въ грудь Лорана, и приказалъ ему вытянуть руки, смотрѣть, чтобъ масломъ не запачкать книги и поскорѣе пести все это по назначенію. Передавая ему эту драгоценную для меня вещь, я пристально смотрѣлъ ему въ глаза, и съ величайшимъ наслажденіемъ замѣтилъ, что онъ не сводилъ ихъ съ краевъ блюда. Онъ тутъ же сказалъ мнѣ, что лучше было бы снести сначала блюдо, а потомъ уже книгу; но я возразилъ ему;

что тогда подарокъ потеряетъ цѣну, и что нужно нести все вмѣстѣ или ничего. Онъ сталъ еще жаловаться на то, что я налилъ слишкомъ много масла, и что если онъ пролетѣть его, то нисколько не отвѣчаетъ за порчу книги.

Я былъ увѣренъ въ успѣхѣ, потому что концы лома были подъ блюдомъ совершенно-незамѣтны. Я слѣдилъ за нимъ глазами до тѣхъ-поръ пока онъ не скрылся въ тюрьмѣ монаха, который, высморкавшись три раза, подалъ мнѣ условный знакъ, что все доставлено благополучно. Тоже самое подтвердилъ и Лоранъ нѣсколько минутъ спустя.

Отецъ Бальби скоро принялся за работу и черезъ недѣлю пробилъ въ потолокъ достаточное отверстіе, которое онъ постоянно маскировалъ картинками. 8 октября онъ писалъ мнѣ, что всю ночь проработалъ надъ раздѣлявшей насъ стѣною, изъ которой могъ вынуть только одинъ кирпичъ. Онъ говорилъ, что чрезвычайно трудно отдѣляются кирпичи одинъ отъ другаго, но общалъ мнѣ все-таки продолжать, хотя и увѣрялъ, что мы не успѣемъ, а только ухудшимъ наше положеніе. Я отвѣчалъ ему, что я увѣренъ въ противномъ, и просилъ его вѣрить мнѣ и упорствовать въ трудѣ.

Увы! Я вовсе не былъ увѣренъ въ успѣхѣ, но нужно было дѣйствовать такъ или все оставить.

Работа его была трудна только въ первую ночь; чѣмъ больше онъ работалъ, тѣмъ ему становилось легче. 16 октября, въ десять часовъ утра, въ то время какъ переводилъ Горація, я услышалъ топотъ надъ моей головою и три легкіе удара. Это былъ условный знакъ въ томъ, что мы не обманулись. Онъ работалъ до вечера, и поутру писалъ ко мнѣ, что если потолокъ мой состоитъ только изъ двухъ досокъ, то работа его будетъ окончена къ вечеру. Онъ прибавлялъ, что дыру онъ старается дѣлать круглую, какъ я и просилъ его, и что онъ не станетъ окончательно пробивать потолокъ. Это было особенно важно, потому что малѣйшая царапина на немъ могла все открыть.

«Углубленіе, писалъ онъ мнѣ, будетъ доведено до того, чтобъ черезъ четверть часа можно было окончить работу.»

Я назначилъ минуту моего побѣга на завтра въ ночь. Я надѣялся, что при помощи товарища я проработаю надъ отверстіемъ въ крышѣ дожескаго дворца не болѣе трехъ или четырехъ часовъ. А потомъ на крышѣ я ужъ воспользовался бы всѣмъ, что представить мнѣ случай, чтобъ спуститься на землю.

Но судьба сберегла для меня еще не одно затруднение. Въ этот самый день, именно въ понедѣльникъ, въ два часа пополудни, въ то самое время какъ отецъ Бальби работалъ, я услышалъ, какъ отворилась дверь въ комнатѣ, смежной съ моею тюрьмою. Я почувствовалъ, какъ кровь остановилась въ моихъ жилахъ, однакожь во мнѣ осталось еще на столько присутствіе духа, чтобъ стукнуть два раза: это былъ нашъ условный знакъ тревоги, по которому отецъ Бальби долженъ былъ немедленно перейти черезъ проломанную стѣну, войти въ свою тюрьму и привести ее въ порядокъ. Не прошло и минутъ, какъ Лоранъ входитъ ко мнѣ и просить у меня извиненія въ томъ, что долженъ посадить ко мнѣ одного негодяя. Это былъ человекъ отъ сорока-до пятидесяти лѣтъ, низенькій, худенькій, скверненькій, дурно одѣтый, съ чернымъ круглымъ парикомъ на головѣ. Между-тѣмъ какъ я осматривалъ его, два сбира развѣзывали ему руки. Я не сомнѣвался, что это былъ плутъ первой руки, потому что онъ и глазомъ не мигнулъ, когда Лоранъ назвалъ его негодяемъ.

— Трибуналь, отвѣчалъ я Лорану, властенъ дѣлать что ему угодно.

Лоранъ, приказавъ привести ему соломенный тюфякъ, сказалъ, что трибуналь ассигнуетъ ему десять су въ день; затѣмъ онъ вышелъ, заперевъ насъ вѣстѣ.

Въ отчаяніи отъ этой помѣхи, я сталъ разсматривать моего товарища. Плоское лицо его уже предсказывало въ немъ плута. Я думалъ, какъ бы заставить его говорить, но онъ самъ началъ, и началъ съ того, что сталъ благодарить меня за то, что я велѣлъ привести ему матрацъ. Желая задобрить его, я сказалъ ему, что онъ будетъ обѣдать со мною: онъ поцѣловалъ мнѣ руку, но все-таки спросилъ, будетъ ли онъ пользоваться тогда своими десятью су. Я отвѣчалъ ему утвердительно. Тогда онъ бросился передо мною на колѣни и, вынувъ изъ кармана огромныя чѣтки, началъ обводить глазами всѣ углы тюрьмы нашей.

— Чего вы ищете?

— Извините меня, милостивый государь; я ищу, нѣтъ ли гдѣ здѣсь образка Пресвятой Дѣвы, потому что я христіанинъ. Хотѣлъ бы одно только маленькое распятыце. Я никогда еще не чувствовалъ такой необходимости подвергнуть себя покрову святаго Франциска Ассизскаго, имя котораго я такъ недостойно ношу.

Я чуть-чуть не разохотался. Конечно не надъ его набожностью

потому что совѣсть и вѣра суть такія свойства, которыя никто не можетъ контролировать, но надѣ оборотомъ его рѣчи. Я разсудилъ, что онъ принялъ меня за жида, и посѣщилъ дать ему поскорѣе каноны Богородицѣ, къ лику которой онъ немедленно приложился и, отдавая мнѣ книгу, сказалъ скромно, что отецъ его, алгвазилъ при каторжныхъ работахъ, не выучилъ его грамотѣ.

— Я, прибавилъ онъ, богомолецъ святыхъ чѣтокъ.

И онъ сталъ мнѣ разсказывать о разныхъ чудесахъ, которыя я всѣ выслушалъ съ ангельскимъ терпѣніемъ. Онъ просилъ моего позволенія помолиться по чѣткамъ Пресвятой Дѣвѣ. Какъ только онъ кончилъ, я спросилъ его, обѣдалъ ли онъ; онъ отвѣчалъ, что умираетъ съ голоду. Я отдалъ ему все, что у меня было, и онъ сталъ уже не ѣсть, а пожирать, выпилъ все мое вино, и когда захмѣлѣлъ, началъ сперва плакать, а потомъ говорить обо всемъ вѣривъ и вкось. На вопросъ мой о причинахъ его заключенія онъ отвѣчалъ мнѣ слѣдующее:

«Единственная забота моя была всегда о славѣ Божьей и нашей святой республики, а потомъ о точномъ повиновеніи ея законамъ. Я постоянно наблюдалъ за кознями разныхъ плутовъ, ремесло которыхъ состоитъ въ обманѣ, въ оскорбленіи правъ ихъ государя и въ утаиваніи ихъ преступныхъ замысловъ. Я постоянно тщился открывать ихъ тайны и вѣрно обо всемъ доносилъ мессеру Гранде. Правда, мнѣ всегда платили за это, но деньги не доставляли мнѣ такого наслажденія, какъ сознаніе быть полезнымъ для славы Св. Марка. Мнѣ всегда смѣшонъ былъ предрасудокъ, будто есть что-то постыдное въ ремеслѣ шпіона. Это имя щекочетъ уши только тѣхъ, которые не любятъ правительства; потому что шпіонъ — другъ государственного блага, бичъ преступниковъ и вѣрноподанный своего государя. Когда дѣло шло о долгѣ, чувство дружбы, имѣющее нѣкоторое вліяніе на другихъ, не имѣло на меня никакого, а благодарность и подавно. Я часто божился, что буду нѣмъ какъ гробъ, чтобъ только узнать отъ кого-нибудь важный секретъ, и религиозно доносилъ о немъ. Это впрочемъ пустячки, потому что духовникъ мой, святой іезуитъ, увѣрилъ меня, что я могу это дѣлать, не только потому, что я вовсе не имѣлъ намѣренія быть нѣмымъ какъ гробъ, но и потому еще, что когда дѣло идетъ объ общественномъ благѣ, то какая ужь тутъ клятва. Я чувствую, что въ ревности своей продалъ бы роднаго отца и заставлялъ молчать природу. Три недѣли тому назадъ я наблюдалъ на

Изола, маленькомъ островкѣ, гдѣ я имѣлъ жительство, за странной дружбой пятерыхъ самыхъ значительныхъ особъ въ городѣ. Я зналъ, что они были недовольны правительствомъ за перехваченную и конфискованную контрабанду, которая нѣкоторымъ изъ нихъ стоила тюрьмы. Первый капелланъ, австрійскій подданный, былъ тоже замѣшанъ въ заговоръ. Они собирались по вечерамъ въ одномъ трактирѣ, въ комнатѣ обь одной кровати: тамъ они пили, разговаривали и потомъ расходились. Рѣшившись открыть заговоръ, я имѣлъ присутствіе духа спрятаться подь кровать. Къ вечеру пришли мои голубчики и стали разговаривать; между прочимъ они выразили мнѣніе, что городъ Изола не подлежитъ вѣдомству Св. Марка, но скорѣе Триестскаго княжества, потомучто ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться частію венеціанской Истріи. Капелланъ сказалъ главѣ заговора, нѣкому Пьетро Патто, что еслибъ онъ вмѣстѣ съ другими подписался подь прошеніемъ, то онъ, капелланъ, самъ бы лично отпратился къ императорскому послу, и что императрица не только завладѣла бы городомъ, но еще и наградила бы ихъ. Всѣ изъявили согласіе, а капелланъ обязался завтра же отправиться сюда съ прошеніемъ, чтобъ вручить его посланнику.

«Я рѣшился разстроить эти богомерзкіе планы, хотя одинъ изъ заговорщиковъ былъ мой кумъ и это духовное родство имѣло для меня большее значеніе, чѣмъ еслибъ онъ былъ моимъ роднымъ братомъ.

«Когда заговорщики удалились, я очень легко вышелъ изъ своей засады. Въ ту же ночь я отправился въ лодкѣ и на другой день до полудня прибылъ сюда. Я попросилъ записать имена шестерыхъ заговорщиковъ и принесъ ихъ секретарю трибунала, изложивъ въ тоже время въ разказѣ все, что слышалъ. Онъ приказалъ мнѣ на другой день рано утромъ отправиться къ мессеру-Гранде, который дастъ мнѣ челоуѣка; съ нимъ я долженъ буду воротиться на Изолу, чтобъ показать ему капеллана, который вѣроятно еще тамъ. Послѣ этого, сказалъ знаменитый секретарь, вы уже ни во что не вмѣшивайтесь. Я исполнилъ въ точности его приказаніе.

«Послѣ обѣда кумъ мой позвалъ меня побрить его, потомучто я ремесломъ цирюльникъ. Когда бритье кончилось, онъ поднесъ мнѣ стаканчикъ превосходнаго *рефоско* и нѣсколько ломтиковъ колбасы и выпилъ дружески со мною. Тогда чувство кумовства вдругъ овладѣло мною, я взялъ его за руку и со слезами умолялъ его оставить всякія сношенія съ капелланомъ, а главное — не подписывать

извѣстной ему бумаги. Онъ отвѣчалъ, что никакихъ особенныхъ сношеній съ нимъ не имѣлъ, и божился, что не знаетъ, о какой бумагѣ я говорю ему. Тутъ я засмѣялся и сказалъ ему, что пошутилъ, внутренно проклиная себя за излишнюю нѣжность, заставившую меня сдѣлать такой огромный промахъ. На другой день и человекъ и капелланъ скрылись, а когда я черезъ недѣлю прибылъ сюда и отправился къ мессеру-Гранде, то онъ безъ церемоніи посадилъ меня сюда; и вотъ я теперь съ вами, милостивый государь. Благодареніе Св. Франциску за то, что нахожусь въ обществѣ добраго христіанина, заключеннаго здѣсь по причинамъ, которыя я не хочу знать, потомучто не любопытенъ. Зовутъ меня Сорадачи, а жена моя — рожденная Легрензи, дочь секретаря Совета Десяти; она презрѣла всѣ прадразсудки и вышла за меня, не взирая на всѣ препятствія. Она теперь сокрушается, не зная ничего о моей участи. Но я надѣюсь, что просижу здѣсь недолго, потомучто очевидно я здѣсь для того только, чтобъ секретарю удобнѣе было меня допрашивать »

Я испугался, увидя себя въ обществѣ такого чудовища. Но сознавши, что положеніе мое было щекотливо и что я долженъ быть осторожнѣе съ этимъ человекъ, я съезуитничалъ, притворился растроганнымъ, жалѣлъ его и, восхваляя его патріотизмъ, предсказывалъ ему, что онъ недолго просидитъ здѣсь. Онъ скоро заснулъ, а я, воспользовавшись этимъ, рассказалъ все отцу Бальби, доказавъ ему необходимость пріостановить наши работы до болѣе удобнаго времени. На другой день я приказалъ Лорану купить деревянное распятіе, образъ Богородицы и Св. Франциска и принести мнѣ двѣ бутылки святой воды. Сорадачи потребовалъ отъ него свои десять су, и Лоранъ съ видомъ презрѣнія далъ ему двадцать. Я приказалъ ему купить вчетверо больше обыкновеннаго вина, чесноку и соли, до которыхъ былъ страшный охотникъ мой новый товарищъ. Когда тюремщикъ ушелъ, я искусно вынулъ изъ книги отвѣтъ Бальби. Онъ писалъ мнѣ, что все погибло и то-и-дѣло повторялъ, какое счастье для насъ, что Лоранъ посадилъ Сорадачи въ мою, а не въ ихъ тюрьму; потомучто въ послѣднемъ случаѣ Лоранъ не нашолъ бы его въ тюрьмѣ, все открылось бы и вѣроятно колоды (*) сдѣлались бы ихъ удѣломъ.

Изъ разсказа Сорадачи я не сомнѣвался, что его будутъ допра-

(*) Тоже тюрьмы въ подвальномъ этажѣ дворца Дожей.

шивать. Основываясь на этомъ, я рѣшился поручить ему два письма, которыя, будучи отданы по адресу, не могли нисколько компрометировать меня, но напротивъ могли быть мнѣ полезны, если, какъ я былъ увѣренъ, негодяй передастъ ихъ секретарю, чтобъ доказать ему свою вѣрность.

Я употребилъ два часа для написанія карандашомъ этихъ писемъ. На другой день Лоранъ принесъ мнѣ распятіе, два образа и святой воды, и я, накормивъ хорошенько моего товарища, сказалъ ему, что ожидаю отъ него услуги, отъ которой зависитъ все мое счастье.

— Я рассчитываю, сказалъ я ему, на вашу дружбу и смѣлость: вотъ два письма, которыя прошу васъ отдать по адресу, лишь только вы выйдете на свободу. Все мое счастье зависитъ теперь отъ вашей добросовѣстности, но вы должны припрятать эти письма, потомучто если ихъ перехватятъ у васъ, мы оба погибли. Вы должны дать мнѣ клятву предъ этимъ распятіемъ и этими образами въ томъ, что не измѣните мнѣ.

— Я готовъ, государь мой, поклясться вамъ въ чемъ хотите; я слишкомъ много вамъ обязанъ, чтобъ измѣнить вамъ.

И потомъ слезы, рыданія и разныя жалкія слова: онъ почитаетъ себя несчастнымъ, потомучто его считаютъ способнымъ измѣнить человѣку, за котораго онъ радъ и въ огонь и въ воду. Я зналъ, что все это значить, но игралъ комедію. И потому, снабдивъ его рубашкой и колпакомъ, я обнажилъ себѣ голову, и сталъ диктовать ему страшную клятву, украсивъ ее разными заклинаніями, не имѣвшими здраваго смысла, но зато способными вселить ужасъ въ его суевѣрную душу. Потомъ уже я вручилъ ему свои письма. Онъ самъ вывалялся зашить ихъ въ жилетку. Я согласился.

Я нравственно былъ убѣжденъ, что онъ при первомъ же случаѣ передастъ мои письма секретарю, и потому, писавъ ихъ, употребилъ все свое искусство, чтобъ изъ тона ихъ нельзя было узнать о моей хитрости. Они способны были возбудить ко мнѣ уваженіе трибунала, а можетъ быть и снисходительность его. Одно было адресовано г. Брагадини, другое аббату Гримани. Я говорилъ въ нихъ, чтобъ они не беспокоились о моей участи, потомучто я надѣюсь скоро быть на свободѣ; что, увидя меня, они найдутъ, что наказаніе послужило мнѣ въ пользу, потомучто во всей Венеціи никто, можетъ быть, такъ не нуждался въ исправленіи, какъ я.

IV

Измѣна Сорадачи. — Средства, употребленные мною, чтобы его одурaczyć. — Отецъ Бальби счастливо оканчиваетъ свою работу. — Выхожу изъ тюрьмы. — Разсужденія некстати графа Аскино. — Минуты передъ вѣгствомъ.

Уже два или три дня прошло съ тѣхъ поръ, какъ Сорадачи имѣлъ мои письма, какъ вдругъ пришелъ Лоранъ, послѣ объѣда, и потребовалъ его къ секретарю. Такъ-какъ онъ пропалъ на нѣсколько часовъ, то я уже думалъ, что онъ не воротится; но, къ величайшему моему изумленію, къ вечеру его опять привели ко мнѣ. Лишь только Лоранъ вышелъ, мой гадкій товарищъ сказалъ мнѣ, что секретарь заподозрилъ его въ томъ, что онъ предупредилъ капеллана, потомучто тотъ не ходилъ къ посланнику, и что при немъ не нашли никакой бумаги. Онъ прибавилъ, что послѣ долгаго допроса, его посадили въ очень тѣсную тюрьму, гдѣ онъ пробылъ нѣсколько часовъ; что потомъ его снова связали и связаннаго снова повели къ секретарю, который хотѣлъ, чтобы онъ сдѣлалъ полное признаніе. Уставъ его допрашивать, секретарь позвалъ наконецъ сбировъ, и его опять привели ко мнѣ.

Его разсказъ очень опечалилъ меня, потомучто я ясно увидѣлъ, что этотъ несчастный еще долго пробудеть со мною. Считаю нужнымъ увѣдомить отца Бальби объ этой помѣхѣ, я написалъ ему ночью; я съ давнихъ поръ привыкъ уже довольно сносно писать въ темнотѣ.

На другой день, желая увѣриться, что я не ошибся въ своихъ подозрѣніяхъ, я попросилъ шпіона отдать мнѣ письмо къ г. Брагадини для того, чтобы кое-что прибавить.

— А послѣ вы опять его зашьете.

— Это опасно, возразилъ онъ, потомучто Лоранъ можетъ придти, и тогда мы погибли.

— Ничего. Отдавайте письма.

Тогда пегодай бросился къ погамъ моимъ и сталъ божиться, что когда его вторично привели къ допросу передъ страшнаго секретаря, то его проняла такая дрожь и такую нестерпимую тяжесть почувствовалъ онъ на спинѣ своей, именно въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ защиты были письма, онъ никакъ не могъ утаить истины

отъ секретаря. Тогда, продолжалъ онъ, секретарь позвонилъ, вошелъ Лоранъ, ему развязали руки, сняли съ него жилетъ и, подпорвавъ подкладку, вынули письма. Секретарь прочелъ ихъ и положилъ въ ящикъ своего бюро. — Секретарь сказалъ мнѣ, прибавилъ онъ, что онъ бы узналъ, еслибъ эти письма я снесъ по адресу, и что тогда онъ долженъ былъ бы проститься съ жизнію.

Я показалъ видъ, что со мной сдѣлалось дурно; потомъ, закрывъ лицо руками, я бросился на колѣна передъ образомъ Богородицы и торжественнымъ голосомъ молилъ ее о наказаніи злодѣя, преступившаго такія страшныя клятвы. Послѣ этого я легъ въ постель, лицомъ къ стѣнѣ, и имѣлъ терпѣніе пролежать такъ цѣлый день, не дѣлая ни малѣйшаго движенія, не произнося ни одного слова и нисколько не обращая вниманія на плачь, крики и раскаяніе этого отъявленнаго негодяя. Я отлично подготовилъ и сыгралъ роль въ той комедіи, которая уже созрѣла въ головѣ моей. Ночью я написалъ отцу Бальби, чтобъ онъ ровно въ девятнадцать часовъ приступилъ къ окончанію своей работы и работалъ ровно четыре часа, ни одной минутой болѣе или менѣе. Свобода наша, писалъ я ему, зависитъ отъ этой точности, и вамъ нечего опасаться.

Было 25 октября, и приближалось время, когда я долженъ былъ или довершить свое намѣреніе или оставить его навсегда. Государственные инквизиторы, а также и секретарь, отправлялись ежегодно, въ первыя три числа ноября, за городъ, на твердую землю. Лоранъ, пользуясь отсутствіемъ своихъ начальниковъ, напивался каждый вечеръ пьянъ и, просыпая обыденный часъ, являлся въ пломбы довольно поздно утромъ.

Зная это, я уже изъ одного благоразумія долженъ былъ избрать именно это время для своего бѣгства, потому что его замѣтили бы очень поздно. Но оставалось справиться съ моимъ товарищемъ. Мнѣ пришло на мысль, что единственное средство сдѣлать его безвреднымъ для себя и заставить молчать заключалось въ томъ, чтобъ совершенно потрясти его слабый мозгъ, произвести хаосъ въ его головѣ, однимъ словомъ — сдѣлать такъ, чтобъ онъ совсѣмъ одурѣлъ.

Утромъ, когда Лоранъ ушелъ, я позвалъ Сорадачи ѣсть супъ. Подлецъ лежалъ въ то время и жаловался Лорану на разныя болѣзни. Самъ онъ ни за что не подошелъ бы ко мнѣ, еслибъ я не позвалъ его. Приподнявшись съ тюфяка, онъ бросился къ ногамъ моимъ, сталъ цѣловать ихъ и говорилъ, заливаясь горячими сле-

знаю, что если я не прощу его, онъ умретъ, къ вечеру же умретъ, потомучто уже чувствуетъ послѣдствіе моихъ проклятій и мщенія, которое я готовилъ ему. Онъ уже чувствовалъ рѣзъ въ животѣ, а во рту у него открылись язвы. Онъ показалъ мнѣ его, и я въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ сильную бѣловатую сыпь, въ родѣ молочницы; незнаю, была ли она у него наканунѣ. Мнѣ вовсе не было надобности изслѣдовать, говорилъ ли онъ правду; благоразуміе всего было повѣрить ему и обнадежить его въ моемъ прощениі. А для этого надо было начать съ того, чтобъ заставить его ѣсть и пить. Плутъ по всей вѣроятности хотѣлъ надуть меня, но такъ-какъ я самъ собирался надуть его, то дѣло заключалось въ томъ, кто лучше проведетъ другого. Я подготовилъ для него такую атаку, противъ которой ему трудно было защищаться.

Скорчивъ вдохновенный видъ, я вдругъ сказалъ ему:

— Садись и ѣшь супъ, а потомъ я возвѣщу тебѣ твое счастье. Знай, что сегодня ночью мнѣ было видѣніе, въ которомъ мнѣ велѣно простить тебя. Ты не умрешь, но выйдешь отсюда вмѣстѣ со мною.

Озадаченный этими словами и, вмѣсто стула, стоя на колѣняхъ, онъ ѣлъ со мною супъ; потомъ сѣлъ на тюфякъ и сталъ меня слушать. Вотъ что я говорилъ ему:

— Огорченный до глубины души твоею чудовищною измѣною, я цѣлую ночь не спалъ, потомучто изъ-за этихъ писемъ я теперь всю жизнь свою проведу въ тюрьмѣ. Единственное утѣшеніе мое было въ увѣренности, что ты умрешь здѣсь, передъ моими глазами, черезъ три дня. Полный этого чувства, недостойнаго христіанина, потомучто Богъ заповѣдалъ намъ прощать, я вздремнулъ отъ усталости и вовремя этого забытья имѣлъ чудесное видѣніе. Въ этомъ видѣніи предсказывалось мнѣ, что невидимая сила, для освобожденія меня отъ сюда, проломитъ крышу тюрьмы нашей, и я выйду изъ нея невредимымъ. Голосъ, предвѣщавшій мнѣ это, упоминалъ и твое имя. «Ты возьмешь съ собою, сказано мнѣ было, и Сорадачи и будешь беречь его, если только онъ отринетъ ремесло шпиона. Передай ему все это.» Послѣ этихъ словъ видѣніе исчезло, и я проснулся.

Все это я говорилъ серьезнымъ тономъ и вдохновеннымъ голосомъ, а между-тѣмъ наблюдалъ физиономію Сорадачи, который совершенно ошалѣлъ. Тогда я взялъ часословъ и сталъ молиться образу Мадонны, прикладываясь къ нему отъ времени до времени.

Черезъ часъ, Сорадаци, не открывавшій до-сихъ-поръ рта, вдругъ спросилъ меня, въ которомъ часу разверзится потолокъ тюрьмы?

— Это совершится въ девятнадцать часовъ, — время, назначенное въ моемъ видѣннѣи.

— Это былъ простой сонъ.

— Я увѣренъ, что нѣтъ. Способенъ ли ты отречься отъ своего подлаго ремесла?

Вмѣсто всякаго отвѣта онъ заснулъ и проснулся не ранѣе какъ черезъ два часа. Проснувшись, онъ спросилъ меня, нельзя ли ему не давать теперь клятвы, которую я отъ него требовалъ. — Можешь не давать ея до тѣхъ-поръ, отвѣчалъ я, пока не явится мой избавитель, чтобъ вывести меня отсюда; но если и тогда ты не отречешься отъ своего подлаго ремесла, за которое сидишь теперь здѣсь и которое доведетъ тебя рано или поздно до висѣлицы, я оставляю тебя здѣсь.

Я слѣдилъ за нимъ, и мнѣ удалось подмѣтить на его гадкой рожѣ улыбку удовольствія, потомучто онъ былъ увѣренъ, что никакого избавителя не будетъ. Онъ, казалось, сожалѣлъ обо мнѣ. Я нетерпѣливо ждалъ условнаго часа: вся эта комедія безконечно забавляла меня; я былъ увѣренъ, что приходъ избавителя совершенно собьетъ его съ послѣдняго толку. Я былъ также увѣренъ, что все это случится, развѣ только Лоранъ позабылъ передать книгу, чего впрочемъ съ нимъ никогда не случалось.

За часъ до назначенной минуты, мнѣ захотѣлось обѣдать. Я пилъ одну воду, а Сорадаци выдудилъ все вино, какое только у меня было, а за десертомъ съѣлъ весь чеснокъ. Чеснокъ былъ для него лучше всякихъ конфетъ, и это еще болѣе его раздражило. Въ ту самую минуту, какъ часы били девятнадцать, я бросился на колѣна и страшнымъ голосомъ велѣлъ ему сдѣлать тоже. Онъ повиновался мнѣ, смотря на меня блуждающими глазами. Когда же я услышалъ небольшой шумъ шаговъ, я сказалъ: — Избавитель идетъ! и распростершись ницъ, кулакомъ заставилъ его принять тоже положеніе. Тутъ я услышалъ сильный стукъ отъ ломки потолка, и имѣлъ терпѣніе пролежать на животѣ цѣлую четверть часа. Въ другое время я расхохотался бы при видѣ этой неподвижно-распростертой дубины; но теперь я не хохоталъ, потомучто видѣлъ необходимость совершенно свести съ ума этого подлаго чловѣка. Его развращенная душа не могла войти въ кругъ чловѣческихъ ощущеній иначе, какъ путемъ ужаса. Лишь только я поднялся, я

приказалъ ему сдѣлать тоже самое и три съ половиною часа перебиралъ съ нимъ чѣтки, читая разныя молитвы. Иногда онъ засыпалъ, болѣе отъ усталости, чѣмъ отъ однообразія молитвы, но не прерывалъ меня. Иногда онъ бросалъ украдкой взглядъ на потолокъ, и недоумѣніе изображалось тогда на лицѣ его, что было въ высшей степени смѣшно. Когда я услышалъ бой двадцати-трехъ съ половиною часовъ, я сказалъ ему голосомъ наполовину торжественнымъ, наполовину набожнымъ. — Пади ницъ! Избавитель уходитъ! — Бальби возвратился въ свою келью, и мы уже ничего не слышали. Поднявшись съ полу и поглядѣвъ на Сорадаци, я увидѣлъ на лицѣ его смущеніе и ужасъ. Это меня обрадовало. Мнѣ захотѣлось заговорить съ нимъ, чтобъ увидѣть, какъ онъ будетъ разсуждать. Онъ проливалъ обильныя слезы, и слова его были невыразимо странны; въ мысляхъ не замѣчалось ни послѣдовательности, ни связи. Говорилъ онъ о своихъ грѣхахъ, о набожности, о ревностномъ поклоненіи св. Марку, о долгѣ къ республикѣ, и этимъ-то достоинствамъ онъ приписывалъ милость, которой онъ удостоился отъ Пресвятой Дѣвы. Скорчивъ постное лицо, я долженъ былъ выслушать длиннѣйшій разсказъ о разныхъ чудесахъ, про которыя онъ узналъ отъ молоденькой жены своей, а она отъ своего духовника, еще очень молодого доминиканца. Онъ сказалъ мнѣ также, что не знаетъ, что я буду дѣлать съ такимъ невѣждой, какъ онъ.

— Ты будешь у меня въ услуженіи на всемъ готовомъ, такъ что тебѣ не нужно уже будетъ быть шпиономъ.

— Но намъ нельзя будетъ оставаться въ Венеціи?

— Конечно, нѣтъ. Мы убѣжимъ въ государство, которое не будетъ во владѣніяхъ св. Марка. Можешь ли ты мнѣ дать клятву въ томъ, что откажешься отъ своего сквернаго ремесла? и если дашь клятву, то не преступишь ли ее въ другой разъ?

— Ужь если даю клятву, такъ стало быть буду ей вѣренъ. Это ужъ такъ; но согласитесь, что безъ моего клятвопреступленія, вамъ не видать милосердія Св. Дѣвы. Я, не сдержавшій клятвы, виновникъ вашего счастья, и потому вы должны любить меня и быть довольны моею измѣной.

— А ты любишь Іуду предателя?

— Нѣтъ.

— Стало-быть ты видишь, что предатель возбуждаетъ ненависть, между тѣмъ какъ всѣ восхваляютъ Провидѣніе, которое изъ зла выводитъ добро. До сихъ поръ ты былъ злодѣемъ; ты прогнѣ-

валъ Бога и Пресвятую Дѣву, и я не иначе возьму съ тебя клятву, какъ послѣ твоего покаянія въ грѣхахъ твоихъ.

— Какой же грѣхъ я сдѣлалъ?

— Ты согрѣшилъ вслѣдствіе своей гордости, подумавъ, что я долженъ быть тебѣ благодаренъ за то, что ты измѣнилъ своей клятвѣ.

— Какъ же мнѣ искупить этотъ грѣхъ?

— Вотъ какъ. Завтра, когда придетъ Лоранъ, ты будешь лежать на тюфякѣ, лицомъ къ стѣнѣ, безъ малѣйшаго движенія и даже ни разу не взглянешь на Лорана. Если онъ самъ заговорить съ тобою, ты отвѣтишь ему, что не спалъ всю ночь и потому нуждаешься въ покоѣ. Общаешься ли ты мнѣ это?

— Общаю все сдѣлать такъ, какъ вы мнѣ говорите.

— Такъ поклянись же передъ образомъ Богородицы. Скорѣе!

— Общаю тебѣ, Пресвятая Матерь Божія, что когда придетъ Лоранъ, я ни разу не взгляну на него и пролежу на тюфякѣ.

— Хорошо, но помни, что ты непременно погибнешь, если не исполнишь этого.

Я столько же рассчитывалъ на эту угрозу, сколько на его клятву.

Лишь только онъ заснулъ, я принялся писать и прописалъ цѣлые два часа. Я рассказалъ Бальби всю исторію и прибавилъ, что если работа сильно подвинулась, то ему остается только окончательно пробить потолокъ мой и войти ко мнѣ. Я писалъ къ нему, что мы бѣжимъ въ ночь 31 октября и что насъ будетъ четверо, считая нашихъ товарищей. Было 28 октября.

На другой день Бальби отвѣчалъ мнѣ, что работа подвинулась на столько, что стоило только сбить послѣдній слой. Это было дѣломъ какихъ-нибудь пяти минутъ. Соррадачи не измѣнилъ своей клятвѣ и притворился спящимъ при Лоранѣ. Впрочемъ я не терялъ его изъ вида и думаю, что задушилъ бы его, если бъ онъ сдѣлалъ хоть одно движеніе головою, потомучто ему стоило только мигнуть Лорану, чтобъ измѣнить мнѣ.

Остальная часть дня посвящена была высокопарнымъ рѣчамъ, вычурнымъ фразамъ, которыя я произносилъ самымъ торжественнымъ образомъ. Я наслаждался, видя, какъ онъ болѣе и болѣе становился фанатикомъ. Въ помощь къ мистическимъ рѣчамъ я присоединилъ винные пары, и таки подливалъ ему порядочно, такъ что онъ вскорѣ повалился отъ хмѣля и сна.

Я хотѣлъ побѣдить эту грубую натуру, и мнѣ удалось это. Онъ часто заливался горячими слезами, и его рыданіямъ не было конца,

когда онъ услышалъ бой девятнадцати часовъ, а избавителя не было. Вмѣсто того, чтобъ успокоить его, я напротивъ старался увеличить его отчаяніе и сталъ самъ плакать и сокрушаться. На другой день онъ велъ себя хорошо, потому что отвѣчалъ Лорану на разные вопросы, не дѣлая головою никакихъ знаковъ. Точно также поступилъ онъ и на слѣдующій день, и утромъ 31 октября, когда я видѣлъ Лорана въ послѣдній разъ. Въ послѣдній разъ я отдалъ Лорану книгу для Бальби, посредствомъ которой просилъ монаха придти въ семнадцать (*) часовъ, чтобъ окончательно пробить потолокъ. Я не боялся теперь никакой уже помѣхи, такъ-какъ самъ Лоранъ сказалъ мнѣ, что инквизиторы съ секретаремъ уже отправились за городъ. Мнѣ уже нечего было опасаться, что приведутъ ко мнѣ какого нибудь новаго товарища, а главное — мнѣ не нужно было болѣе церемониться съ своимъ плутомъ.

Когда Лоранъ вышелъ, я сказалъ Сорадачи, что видѣлъ еще видѣніе, въ которомъ мнѣ сказано, что избавитель придетъ и проломитъ намъ потолокъ въ семнадцать часовъ.

— Съ нимъ будутъ ножницы, прибавилъ я, и ты намъ выстрижешь бороды.

Онъ ничего не отвѣчалъ и ѣлъ одинъ, потому что мнѣ было не до ѣды. Я даже и уснуть не могъ.

Настаетъ условный часъ: избавитель идетъ. Сорадачи хотѣлъ пасть ницъ, но я сказалъ ему, что это бесполезно. Въ три минуты потолокъ былъ взломанъ; кусокъ доски упалъ къ ногамъ моимъ и отецъ Бальби спустился въ мой объятія. — Вотъ, сказалъ я ему, ваша работа и кончена: теперь начинается моя. Мы обнялись; онъ передалъ мнѣ ломъ и ножницы. Я велѣлъ Сорадачи остричь намъ бороды; но мнѣ было невозможно удержаться отъ смѣха при видѣ, какъ эта дубина разсматривала Бальби. Онъ былъ внѣ себя, но бороды выстригъ намъ отлично.

Въ нетерпѣніи осмотрѣть мѣстность, я сказалъ монаху, чтобъ онъ остался съ Сорадачи, потому что мнѣ не хотѣлось оставлять его одного, и вышелъ. Я былъ на потолкѣ той тюрьмы, гдѣ сидѣлъ графъ, товарищъ Бальби. Я вошелъ къ нему и дружески обнялъ этого почтеннаго старика, но увидѣлъ въ немъ человѣка такихъ раздѣровъ, съ которыми не совѣмъ удобно пускаться въ бѣгство по крышамъ съ крутыми скатами. Онъ спросилъ меня о моихъ планахъ

(*) Около одиннадцати часовъ утра.

и сказалъ мнѣ, что по его мнѣнію я дѣйствую нѣсколько легкомысленно. — Я хочу только, сказалъ я ему, идти впередъ до тѣхъ поръ, пока не отыщу свободы или смерти. — Если ваше намѣреніе, возразилъ онъ, пожимая мнѣ руку, состоитъ въ томъ, чтобъ проломать крышу и искать по ней мѣста, гдѣ бы спуститься, то я не предвижу успѣха, развѣ только у васъ выростутъ крылья. Во мнѣ нѣтъ столько смѣлости: я остаюсь здѣсь и буду молить за васъ Бога.

Я вышелъ отъ него, чтобъ осмотрѣть главную кровлю, держась, сколько было возможно, боковыхъ сторонъ чердака. Дошедши до того мѣста, гдѣ голова моя касалась крыши, я присѣлъ на полъ. Ощупавъ доски концомъ моего лома, я къ величайшей моей радости, увидѣлъ, что онѣ полугстнили. Съ каждымъ ударомъ лома, онѣ разсыпались пылью. Увѣрившись, что я пробью въ нихъ отверстіе менѣе чѣмъ въ часъ времени, я возвратился въ свою келью, и употребилъ четыре часа на рѣзку простынь, одѣялъ, матрацовъ и тюфяковъ, чтобъ свить веревковъ. Узлы я дѣлалъ самъ и старался, чтобъ они были крѣпкіе; потомучто одинъ, дурно-связанный, могъ намъ стоить жизни. Наконецъ я увидѣлъ, что у меня надѣлано болѣе сотни брасовъ. (*)

Во всѣхъ великихъ предпріятіяхъ есть статьи, рѣшающія ходъ дѣла и относительно которыхъ глава предпріятія, если только онъ достоинъ успѣха, не довѣряется ни кому. Когда веревка была свита, я завязалъ въ узелъ мое платье, шолоковый плащъ, нѣсколько рубашекъ, чулокъ, платковъ, и мы всѣ перешли въ тюрьму графа. Этотъ почтенный человекъ началъ съ комплимента Сорадачи и сказалъ ему, что онъ долженъ цѣнить счастье сидѣть вмѣстѣ со мною и быть такъ скоро на дорогѣ къ свободѣ. Недоумѣвающее лицо цирюльника заставило меня расхохотаться. Я уже не сдерживался болѣе, потомучто сбросилъ съ себя маску тартюфа. Я видѣлъ, что онъ уже убѣдился въ моемъ обманѣ, только онъ не могъ понять, какимъ образомъ я могъ имѣть сношеніе съ лжеангеломъ и заставлять его уходить и приходивъ въ извѣстный часъ. Онъ со вниманіемъ слушалъ графа, который увѣрялъ насъ, что мы идемъ на свою погибель и, въ качествѣ труса, уже отыскивалъ средство, какъ бы избавиться отъ такого опаснаго путешествія. Я приказалъ монаху слѣзть и для себя узелокъ со всѣмъ необходимымъ, а самъ отправился пробивать отверстіе въ крышѣ чердака.

(*) Брасъ — 6 англ. футовъ.

Къ двумъ часамъ ночи (*), безъ всякой посторонней помощи, я продѣлалъ достаточное отверстіе. Доски мнѣ легко было превратить въ прахъ и добраться такимъ образомъ до свинцоваго листа. Одинъ я не могъ его поднять; потомучто онъ былъ привинченъ. Монахъ пособилъ мнѣ, и вдвоемъ посредствомъ лома намъ удалось отдѣлать его отъ стронилъ; потомъ плечами мы загнули его на столько, чтобы можно было пролѣсть. Тогда, просунувъ голову, я къ величайшему огорченію увидѣлъ, что луна была въ первой четверти и блистала весьма ярко. Это была помѣха, которую нужно было преодолѣть терпѣніемъ и ждать полночнаго часа, когда луна уходитъ свѣтить нашимъ антиподамъ. Въ такую свѣтлую ночь все избранное общество непремѣнно гуляло на площади Марка, и мы ужъ ни какъ не могли показаться на крышѣ; наши тѣни, двигаясь по площади, непремѣнно привлекли бы на насъ всѣ головы и возбудили бы всеобщее любопытство, а главное — заняли бы мессера Гранде и его шайбу сборовъ, и тогда все кончено, прощай свобода. И потому я настоялъ, что мы не выйдемъ на крышу ранѣе заката луны. Я молилъ Бога о помощи, но не требовалъ чудесъ. Луна закатывалась въ пять часовъ, а солнце всходило въ тринадцать съ половиною: намъ стало-быть оставалось семь часовъ совершенной темноты; хотя дѣла было еще очень много, но въ семь часовъ можно было все окончить.

Я сказалъ отцу Бальби, что мы можемъ провести три часа съ графомъ Аскино, тѣмъ болѣе, что мнѣ нужно было попросить у него займы тридцать секиновъ, которые могли мнѣ понадобится впоследствии. Монахъ вызвался поговорить съ графомъ и, вернувшись черезъ нѣсколько минутъ, сказалъ мнѣ, что графъ желаетъ говорить со мною наединѣ. Бѣдный старикъ сталъ ласково увѣщевать меня, что мнѣ вовсе не нужно денегъ для бѣгства, что у него ихъ нѣтъ, что у него огромное семейство, что если я погибну, то и его деньги погибнутъ со мною; ко всему этому онъ прибавилъ еще множество ненужныхъ пустяковъ для того только, чтобы прикрыть свою скупость или неохоту разстаться съ деньгами. Отвѣтъ мой продолжался съ полчаса. Мои доводы были неопровержимы, но съ тѣхъ поръ какъ мнѣ существуетъ, они всегда притуплялись о сталь самой несокрушимой изъ всѣхъ страстей.

Проливая обильныя слезы, которыя меня очень тронули, онъ спросилъ меня, не удовольствуюсь ли я двумя секинами, и вручилъ

(*) По итальянскому счисленію.

ихъ мнѣ, прося отдать, если по осмотрѣ крыши я убѣдусь, что благоразумнѣе опять засѣсть въ тюрьму свою. Я обѣщаль ему это, немного удивившись, что онъ можетъ предполагать, будто я могу измѣнить свое намѣреніе. Онъ не зналъ меня: я былъ увѣренъ, что скорѣе умру, чѣмъ возвращусь туда, откуда уже для меня не будетъ возврата.

Я созвалъ товарищей, и мы сложили все наше имущество у отворстія. Я раздѣлилъ на двѣ связки сто брасовъ веревки, и мы цѣлые два часа проболтали, съ удовольствіемъ вспоминая всѣ превратности нашего предпріятія. Первое доказательство своего благороднаго характера отецъ Бальби далъ мнѣ въ томъ, что покрайнеймѣрѣ разъ десять повторилъ, что я обманулъ его, потомучто увѣрилъ, будто планъ мой былъ готовъ и вѣренъ, между-тѣмъ какъ въ сущности никакого плана не было. Графъ тоже со всею строгостію своихъ семидесяти лѣтъ уговаривалъ меня не вдаваться въ такое смѣлое предпріятіе, успѣхъ котораго былъ невозможенъ, а опасность потерять жизнь очевидна. Онъ былъ адвокатомъ и сказалъ мнѣ длиннѣйшую рѣчь; я легко догадался впрочемъ, что одушевленіе придавали ему два секина, которые я долженъ былъ возвратить ему, если ему удастся убѣдить меня.

— Крутизна крыши, говорилъ онъ мнѣ, составленной изъ свинцовыхъ листовъ, такова, что ходить по ней вамъ нельзя будетъ; вы на ногахъ—то едва на ней удержитесь. На крышѣ этой есть семь или восемь слуховыхъ оконъ, но они всѣ снабжены желѣзными рѣшотками и просто неприступны, потомучто всѣ они очень удалены отъ краевъ. Подойти къ нимъ невозможно. Веревки ваши вамъ не помогутъ, потомучто не найдете мѣста, гдѣ прикрѣпить ихъ, а если и найдете, то еще вопросъ—какъ вы спуститесь. Одинъ изъ васъ троиухъ долженъ будетъ привязать къ ней по одиночкѣ остальныхъ и спустить ихъ внизъ, какъ спускаютъ ведро или беремя дровъ: стало-быть тотъ, кто возметъ на себя эту обязанность, долженъ будетъ остаться и возвратиться въ тюрьму. Кто же изъ васъ троиухъ чувствуетъ себя способнымъ на такое самопожертвованіе? Предположимъ даже, что и найдется такой герой, скажите, съ какой стороны вы спуститесь? Ужь конечно не со стороны коллопады, потомучто васъ увидятъ; со стороны церкви?—невозможно, потомучто вы были бы заперты; со стороны же двора нечего и думать, потомучто тогда вы прямо попадете въ руки *арсеналотти*, которые тамъ постоянно ходятъ дозоромъ. И такъ вамъ можно спуститься только со сто-

роны канала, а есть ли у васъ тамъ гондола или лодка? Нѣтъ; и такъ вамъ остается только броситься въ воду и плыть до Св. Аполлонія, гдѣ вы пристанете въ самомъ плачевномъ состояніи, не зная куда идти дальше. Подумайте, что на свинцѣ скользко и что если вы упадете въ каналъ, то—умѣйте вы плавать, какъ киты, вы все-таки не избѣгнете смерти, потому что высота страшная, а каналъ мелокъ. Однимъ словомъ: при счастіи, вы переломаете себѣ только руки и ноги.

Эта рѣчь, весьма неблагоприятная при настоящихъ обстоятельствахъ, вскипятила мнѣ всю кровь; впрочемъ я имѣлъ силу выслушать ее съ терпѣніемъ, котораго трудно было ждать отъ меня. Упреки монаха, сыпавшіеся на меня безъ всякаго удержу, приводили меня въ негодованіе; но я чувствовалъ, что положеніе мое было щекотливое, что я могъ погубить свое предпріятіе; потому что имѣлъ дѣло съ трусомъ, способнымъ отвѣтить мнѣ, что онъ еще не дошелъ до такого отчанія, чтобъ идти на вѣрную смерть, что пусть ужъ лучше я одинъ попробую; а одному мнѣ было трудно уснѣть. Вотъ почему я сдержалъ себя и отвѣчалъ имъ очень-кратко, что я увѣренъ въ успѣхъ, но только не могу сообщить имъ всѣхъ подробностей.—Ваши умныя слова, сказалъ я графу Аскино, заставляютъ меня дѣйствовать съ крайнею осторожностію; ктому же вѣра въ Бога и собственныя силы помогутъ мнѣ преодолѣть всѣ затрудненія.

Слушая эти рѣчи и говоря самъ, я нѣтъ-нѣтъ да и дотронусь до Сордачи, чтобъ увѣриться, тутъ ли онъ, потому что онъ все время молчалъ. Мнѣ становилось смѣшно при мысли, что онъ теперь думаетъ, когда знаетъ, что я его все обманывалъ. Въ половинѣ (*) пятаго я приказалъ ему пойти посмотреть, гдѣ теперь луна. Возвратившись, онъ объявилъ, что черезъ полтора часа ее не видно будетъ и что подымется туманъ, и потому на пломбахъ будетъ очень-опасно.

— Туманъ—то еще ничего, сказалъ я, вотъ еслибъ подымалось масло, тогда другое дѣло. Завяжи свой плащъ въ узелъ, вмѣстѣ съ частью нашихъ веревокъ, которыя придется раздѣлить на насъ тронхъ.

При этихъ словахъ, я былъ крайне удивленъ, почувствовавъ, что Сордачи валится въ ногахъ у меня, ловить мои руки, цѣлуетъ

(*) Около половины одиннадцатаго вѣка.

ихъ и, заливаясь слезами, умоляетъ меня не желать ему смерти. — Я увѣренъ, что упаду въ канавъ, говорилъ онъ. Я не могу быть вамъ ни въ чемъ полезенъ. Ахъ, сдѣлайте божескую милость, оставьте меня здѣсь, и я цѣлую ночь промолюсь за васъ св. Франциску. Въ вашей волѣ убить меня, но я ни за что не пойду съ вами.

Глупецъ и не думалъ, что онъ предупреждаетъ мои желанія.

— Хорошо, сказалъ я ему, оставься, но только всю ночь молись св. Франциску; а теперь ступай за моими книгами, которыя все я оставляю графу.

Онъ повиновался безъ отговорокъ и съ большою радостію. Книги мои стоили, по-крайней-мѣрѣ, сто эку. Графъ сказалъ, что отдастъ ихъ мнѣ; лишъ только я возвращусь.

— Вы меня здѣсь болѣе не увидите, возразилъ я, можете быть въ томъ увѣрены. Онъ съ лихвой вознаграждаетъ васъ за ваши два секина. Что касается до этого негодая, то я очень радъ, что онъ труситъ бѣжать со мною; онъ только стѣснилъ бы насъ. Ктому же онъ недостойнъ чести участвовать въ такомъ удивительномъ предпріятіи.

— Это правда, сказалъ графъ, если только завтра онъ не будетъ радоваться тому, что остался.

Я спросилъ у графа пера, чернилъ и бумаги; все это у него было, не смотря на запретъ, потому что никакіе законы не существовали для Лорана, и за одинъ эку онъ, кажется, продалъ бы своего св. Марка. Тогда я написалъ нижеслѣдующее письмо, которое отдалъ Сорадачи, даже не перечитавъ его, потому что писалъ въ совершенной темнотѣ. Эпиграфомъ къ нему я выставилъ слѣдующую мелькнувшую мысль:

«Я не умру, но буду жить и славословить Господа».

«Ихъ сіятельства, государственные инквизиторы дѣлаютъ все возможное, чтобы насильно держать виновнаго подъ пломбами: виновный, съ своей стороны, счастливый уже тѣмъ, что не состоитъ плѣнникомъ на словѣ, долженъ тоже дѣлать все возможное, чтобы добыть себѣ свободу. Ихъ право имѣеть основаніемъ правосудіе; право виновнаго лежитъ въ природѣ; и точно также, какъ они не нуждались въ его согласіи, чтобы запереть его, точно также и ему не нужно ихъ согласіе, чтобы стать опять свободнымъ.»

«Какъ Казанова, пишущій эти строки съ горечью и отчаяніемъ въ сердцѣ, знаетъ, что онъ можетъ быть снова пойманъ прежде, нежели выйдетъ изъ этого государства, и что тогда онъ снова ста-

ветъ подъ мечъ тѣхъ, отъ которыхъ бѣжить теперь; но если это несчастіе постигнетъ его, онъ взываетъ къ человѣческому великодушію судей своихъ и молить ихъ не превращать его горькую судьбу въ еще горчайшую и не наказывать за то, что онъ уступилъ зову природы. Онъ молить, въ случаѣ если будетъ пойманъ, чтобы ему отдали все, что принадлежитъ ему и что онъ оставляетъ теперь въ тюрьмѣ; но если счастье улыбнется ему и онъ успеетъ въ своемъ предпріятіи, онъ даритъ свое имущество Франциску Сорадачи, который остается въ тюрьмѣ единственно по своей трусости: онъ не предпочитаетъ, какъ я, свободу жизни. Казанова проситъ ихъ снѣдательства не лишать этого несчастнаго такого ничтожнаго подарка. Писано за часъ до полночи, въ потьмахъ, въ тюрьмѣ графа Аскино, 31 октября 1756.»

Я предупредилъ Сорадачи отдать этого письмо не Лорану, но секретарю и въ собственные руки, потомучто безъ всякаго сомнѣнія онъ призоветъ его къ себѣ, если только самъ не прибѣжитъ къ нему. Графъ сказалъ ему, что письмо мое будетъ имѣть дѣйствіе, но что онъ, въ случаѣ моего возвращенія, долженъ все отдать мнѣ назадъ. Сорадачи отвѣчалъ ему, что желалъ бы, чтобы я возвратился, чтобы только доказать, что онъ все мнѣ отдастъ и отъ чистаго сердца.

На время было отправляться. Луны уже не было. Я привязалъ къ шеѣ отца Бальби половину веревокъ, а съ другой стороны держалъ съ его платьемъ. Я сбѣгалъ тоже самое съ собою; и оба вѣстѣ, въ однихъ жилетахъ, съ шляпами на головахъ, мы пошамъ къ отверстію.

E quindi uscimmo à rimirar le stelle. (*)

ДАНТЕ.

V

Выходъ изъ тюрьмы. — Чуть не вращаюсь съ жизнью да крѣпко. — Выхожу изъ дожескаго дворца, сажусь въ гондолу и пристаю къ твердой землѣ. — Опасность, которой подвергнутъ меня отецъ Бальби. — Хитрость, употребленная мной, чтобы на время съ нимъ разстаться.

Я вышелъ первый; отецъ Бальби за мной. Сорадачи, проложившій насъ до самаго отверстія, получилъ приказаніе приладить свин-

(*) А потомъ вышла смотрѣть на звѣзды.

новый листъ на прежнее мѣсто и потомъ идти молиться св. Франциску. Стоя на козлахъ или лучше на четверенькахъ, я твердою рукою взялся за ломъ и, вытянувъ руку, вонзалъ его косвенно въ самый шовъ двухъ свинцовыхъ листовъ; потомъ, ухватываясь рукою за приподнятый край каждаго листа, я доползъ наконѣцъ до самаго конька крыши. Монахъ, чтобъ не отстать за мною, ухватился всею пятернею правой руки за поясъ моихъ панталонъ. Такимъ-образомъ мнѣ пришлось испытать участь животнаго, которое все на себѣ носить, и это на крышѣ крутой и вдобавокъ скользкой отъ навшаго тумана.

На самой половинѣ этого опаснаго восхожденія монахъ вдругъ задумалъ остановить меня, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ уронилъ одинъ изъ своихъ узелковъ. Первою мыслию моею было дать ему хорошаго пинка ногою и послать его за узломъ; но, слава Богу, я удержался. Иначе наказаніе было бы слишкомъ велико для него и для меня, потому что безъ него мнѣ едва ли удалось бы спастись. Я спросилъ его только, не былъ ли узелъ съ нашими веревками, но онъ отвѣчалъ, что въ немъ лежали его пожитки и что между ними находилась одна рукопись, которую онъ нашолъ на чердакѣ подъ вѣшными и отъ которой ждалъ себѣ золотыя горы. Я возразилъ ему, что нечего дѣлать, что какой-нибудь шагъ назадъ можетъ погубить насъ. Бѣдный монахъ вздохнулъ и продолжалъ висѣть на моемъ поясѣ, продолжалъ карабкаться вмѣстѣ со мною.

Проползши такимъ-образомъ съ невѣроятнымъ затрудненіемъ пятнадцать или шестнадцать листовъ, мы достигли наконецъ конька, на которомъ я со всѣми удобствами усѣлся верхомъ; отецъ Бальби сдѣлалъ тоже самое. Спиною мы обращались къ маленькому островку св. Георгія, а въ двухъ стахъ шагахъ передъ нами высились многочисленные куполы св. Марка, который составляетъ часть дожескаго дворца; потому что св. Маркъ есть ни что иное какъ часовня Дожа, и въ цѣломъ свѣтѣ имѣть государя, который могъ бы похвалиться лучшей часовней. Я началъ съ того, что снялъ съ себя мою ношу и пригласилъ своего товарища сдѣлать тоже самое. Онъ подложилъ подъ себя связку веревочекъ; но желая снять съ себя шляпу, онъ сдѣлалъ неосторожное движеніе и шляпа его поскокала по свинцовымъ листамъ вдогонку за его узломъ. Онъ пришелъ въ отчаяніе.

— Дурное предзнаменованіе, вскричалъ онъ, вотъ я съ перваго шага остаюсь безъ рубашекъ, шляпы, безъ драгоценной рукописи,

въ которой заключалось любопытное и никому неизвестное описаніе всѣхъ дворцовыхъ празднествъ республики.

Имѣвъ время уже нѣсколько успокоиться, я отвѣчалъ ему болѣе мягкимъ голосомъ, что оба эти случая не имѣли въ себѣ ничего необыкновеннаго даже и для самаго суевѣрнаго человѣка.

— Они, любезнѣйшій, послужатъ вамъ урокомъ и заставятъ васъ быть впередъ умнѣе и разсудительнѣе, доказывая вамъ, что Богъ очевидно покровительствуетъ намъ. Сообразите сами: еслибъ ваша шляпа, вмѣсто того чтобъ упасть на правую сторону, упала бы на лѣво — вѣдь мы бы пропали; потому что тогда она упала бы на дворцовый дворъ, была бы поднята часовыми, которые ужь сейчасъ бы догадались, что есть кто-нибудь на крышѣ. Вѣдь наеъ бы схватили.

Проведя нѣсколько минутъ въ глазѣни направо и налево, я сказалъ монаху, чтобъ онъ оставался на своемъ мѣстѣ до моего возвращенія, а самъ началъ двигаться впередъ верхомъ по коньку съ однимъ только ломомъ въ рукѣ. Часъ цѣлый ѣздилъ я такимъ образомъ по крышамъ, туда и сюда, обозрѣвалъ, высматривалъ — все напрасно; потому что ни въ одномъ мѣстѣ края я не нашолъ предмета, куда бы могъ прикрѣпить веревку; я начиналъ уже приходить въ отчаяніе. Нечего было уже разсчитывать ни на каналъ, ни на дворцовый дворъ, а церковь представляла моему утомленному взгляду между куполами однѣ только бездны, изъ которыхъ не было никакого выхода. Въ моемъ положеніи было совершенно естественно отказываться отъ всего, что по моему мнѣнію было невозможно или невѣрно. Требовалась смѣлость, но безъ малѣйшаго неблаго-разумія.

Однакожъ нужно было чѣмъ-нибудь кончить, выйти изъ тюрьмы или снова войти въ тюрьму, можетъ-быть уже никогда изъ нея не выйти, или броситься въ каналъ. Приходилось во многомъ положиться на случай и начать съ чего-нибудь. Я остановилъ свой взглядъ на одномъ слуховомъ окнѣ, со стороны канала. Оно было довольно удалено отъ мѣста, съ котораго я отправился, и потому я разсуждалъ, что оно должно освѣщать чердакъ, непринлежащій къ тюрьмамъ. Оно очевидно освѣщало какую-нибудь каморку надъ какими-нибудь дворцовыми апартаментами, гдѣ съ восходомъ солнца двери вѣроятно будутъ отперты. Я нравственно былъ увѣренъ, что дворцовые слуги, даже служащіе при особѣ самого Дожа, замѣтивъ насъ, поспѣшили бы помочь намъ въ бѣгствѣ, еслибъ даже признали насъ за

величайшихъ преступниковъ, — такое отвращеніе возбуждала тогда въ каждомъ инквизиція.

Я рѣшился осмотрѣть переднюю часть слуховаго окна и, скатившись потихоньку по прямой линіи, я скоро очутился верхомъ на его маленькой крышѣ. Тогда, вытянувъ руки и свѣсивъ голову впередъ, я увидалъ и даже оцупалъ небольшую желѣзную рѣшотку, за которой была оконная рама со стеклами, вставленными въ свинцовой переплетъ. Рама меня не беспокоила, но рѣшотка, хотя и очень тонкая, казалась мнѣ непобѣдимымъ затрудненіемъ; я думалъ, что безъ пилы ни за что не справлюсь съ нею, а у меня былъ только ломъ.

Я смутился и начиналъ уже терять присутствіе духа, когда самое простое обстоятельство вдругъ возвратило мнѣ всю бодрость.

Колоколъ Св. Марка, пробившій въ эту минуту полночь, былъ для меня той силою, тѣмъ толчкомъ, который вдругъ пробудилъ меня отъ оцѣпенѣнія. Этотъ колоколъ напоминалъ мнѣ, что начинающійся день былъ день всѣхъ святыхъ, а слѣдовательно и моего трона, если у меня только былъ натронъ. Я вдругъ вспомнилъ о предсказаніи іезуита. Но признаюсь, что всего болѣе возродило мои физическія силы и придало мнѣ бодрости предсказаніе моего милого Аріоста: «*Fra il fin d'ottobre e il capo di novembre*».

Слабый умъ отъ великихъ несчастій дѣлается суевѣрнымъ. Звукъ этого колокола показался мнѣ вдругъ живымъ талисманомъ, повелѣвавшимъ мнѣ дѣйствовать и обѣщавшимъ мнѣ побѣду. Лежа на животѣ, свѣсивъ голову къ рѣшоткѣ, я просовываю свой ломъ въ раму, въ которую она была вдѣлана и рѣшаюсь выломать ее всю. Въ какіе-нибудь четверть часа трудъ мой былъ оконченъ, рѣшотка цѣликомъ была въ рукахъ моихъ. Положивъ ее около окна, я уже безъ большихъ усилій выбилъ стекла, не смотря на кровь, текшую изъ раны, которую я себѣ сдѣлалъ на лѣвой рукѣ.

Съ помощію лома, слѣдуя прежней своей методѣ, я снова забрался на большую крышу и пустился по ней верхомъ отыскивать своего товарища. Я нашолъ его въ отчаяніи, возбужденнымъ; онъ наговорилъ мнѣ кучу дерзостей зато, что я оставилъ его одного на такое долгое время. Онъ увѣрялъ меня, что ждалъ только семи часовъ, чтобъ возвратиться опять въ тюрьму.

— Чтожъ вы обо мнѣ думали?

— Я думалъ, что вы свалились съ крыши.

— И вы ругательствами выражаете радость при моемъ появленіи?

— Гдѣжь вы такъ долго преподавали?

— Ступайте за мною и увидите.

Захвативъ съ собою свои узлы, я снова поползъ къ слуховому окну. Когда мы были передъ нимъ, я рассказалъ Бальби со всеми подробностями о всемъ, что я сдѣлалъ, и просилъ его совѣта, какимъ образомъ попасть въ окно и оттуда на чердакъ. Дѣло было легкое для кого-нибудь одного изъ насъ, потому что съ помощію веревки онъ могъ быть спущенъ другимъ, но я не видѣлъ средства, какимъ образомъ этотъ другой могъ потомъ попасть туда. Ктому же я не зналъ разстоянія отъ окна до пола, и потому, войдя въ окно и опустившись внизъ, могъ переломать себѣ руки и ноги. На всѣ эти доводы, очень разумныя и произнесенные самымъ дружескимъ тономъ, грубіянь отвѣчалъ мнѣ такъ:

— Все равно, спустите меня только, а потомъ думайте сколько хотите, какъ самому попасть туда.

Признаюсь, въ первую минуту негодованія меня разбирала охота ударить его въ грудь ломомъ. Добрый геній удержалъ меня, и я не произнесъ ни слова въ упрекъ за низость его эгоизма. Напротивъ, развазавъ въ ту же минуту узелъ съ веревками, я крѣпко обвязалъ его подъ мышками и, велѣвъ ему лечь на животъ, ногами внизъ, я спустилъ его до самой крыши окна. Когда онъ былъ уже на ней, я приказалъ ему лѣзть въ слуховое окно и на рукахъ держаться на подоконникѣ. Потомъ я спустился съ большой крыши, какъ и въ первый разъ, и когда уже былъ на крышѣ слуховаго окна, я легъ на животъ и сказалъ монаху, чтобъ онъ пересталъ держаться. Достигнувъ наконецъ пола, онъ отвязалъ веревку, и когда я вытащивъ ее, то нашолъ, что высота отъ подоконника до пола была въ пятьдесятъ футовъ. Прыжокъ стало-быть вышелъ бы опасный. Монахъ же мой совершенно успокоился. Проведя часа два въ страшнѣйшей опасности, потому что, сознаюсь, лязванье по крышамъ хоть кого могло свести съ ума, онъ сталъ кричать мнѣ, чтобъ я бросилъ ему веревки, что онъ ужъ сбережетъ ихъ. Разумется я не исполнилъ такого глупаго требованія.

Не зная на что рѣшиться, въ ожиданіи какойнибудь счастливой мысли, я снова поползъ на конекъ большой крыши. Тамъ я случайно взглянулъ на одинъ куполъ, котораго я еще не обозрѣлъ, и сейчасъ же отправился къ тому мѣсту. Я нашолъ террасу въ видѣ

платформы, покрытую свинцовыми листами и смежную съ люкомъ, который закрывался двумя створчатыми ставнями. Въ немъ былъ котель съ распущеннымъ алебастромъ, лопатка, а подлѣ лѣстница, которая, какъ показалось мнѣ, была достаточно длинна, чтобъ по ней спуститься до чердака, гдѣ ждалъ меня товарищъ. Этого было для меня довольно, чтобъ рѣшиться. Привязавъ веревку за первую ступень, я потащилъ эту тяжелую ношу до слуховаго окна. Дѣло состояло теперь въ томъ, чтобъ спустить на чердакъ эту тяжелую массу, и трудности, которыя пришлось мнѣ преодолѣть, заставили меня раскаяться въ томъ, что я отпустилъ отъ себя монаха.

Я приладилъ лѣстницу такъ, что однимъ концомъ она касалась слуховаго окна, между-тѣмъ какъ другой конецъ на цѣлую треть выходилъ за край крыши. Тогда я спустился на крышу слуховаго окна, отодвинулъ лѣстницу нѣсколько къ сторонѣ, и придвинувъ ее къ себѣ, привязалъ конецъ своей веревки за ея восьмую ступеньку, потомъ сталъ опять спускать ее и принаровилъ ее такъ, что конецъ ея снова уперся въ слуховое окно. Тутъ я сталъ употреблять всѣ усилія, чтобъ вдвинуть ее въ него: она вошла наконецъ, но только до пятой ступени, потому-что конецъ ея уперся во внутреннюю стѣну и никакая сила въ мірѣ уже не могла вдвинуть ее дальше, не проломивъ стѣны или не сломавъ лѣстницы. Не оставалось иного средства, какъ поднять ее съ другого конца: тогда наклонное положеніе заставило бы ее спуститься внизъ собственной тяжестью. Я могъ бы также положить ее поперекъ окна, привязать къ срединѣ ея веревку и по ней уже безопасно спуститься въ чердакъ, но за то лѣстница оставалась бы въ томъ же положеніи и утромъ могла бы указать Лорану и его собирамъ мѣсто, въ которомъ мы, можетъ быть, еще бы оставались.

Я не хотѣлъ рисковать: черезъ одинъ какой-нибудь необдуман- ный шагъ можно бы потерять всѣ плоды столькихъ трудовъ и побѣжденныхъ пренятствій. Чтобы схоронить слѣды, необходимо было, чтобъ лѣстница цѣликомъ вошла на чердакъ. Такъ-какъ я былъ одинъ и никто не могъ помочь мнѣ, то я рѣшился самъ спуститься до самаго края крыши, до водосточной трубы, для того чтобъ поднять ее и достичь своей цѣли. Я это и сдѣлалъ, но съ такою опас- ностью, что чуть не заплатилъ жизнію.

Я бросилъ веревку, которою удерживалъ лѣстницу, не опасаясь, что она слетитъ въ каналъ, потому-что одною изъ своихъ ступенекъ она вѣрнѣе уперлась въ водосточную трубу. Потомъ, съ помощію въ-

футъ, я осторожно спустился до самой трубы. Мраморная труба представляла достаточный барьеръ для ногъ моихъ, потому-что спустился я лежа на животъ. Въ этомъ положеніи я приподнялъ лѣстницу на полфута и съ радостію увидѣлъ, что она подалась въ чердакъ на одинъ футъ, а черезъ это и тяжесть ея значительно уменьшилась. Нужно было еще всунуть ее фута на два, приподнявъ ее на столько же. Я былъ увѣренъ, что послѣ этого, взобравшись на крышу слуховаго окна, я съ помощію веревки, пропущу ее всю. Я сталъ на колѣни, чтобъ поднять ее еще выше, но напрягая всѣ силы для этого, я вдругъ поскользнулся и былъ отброшенъ съ крыши по самую грудь. Я держался только на двухъ локтяхъ.

Ужасная минута, при воспоминаніи о которой я даже и теперь вздрагиваю. Врожденный инстинктъ самохраненія заставилъ меня почти безсознательно употребить всѣ силы, чтобъ остановиться въ паденіи и опереться и руками и боками. Какимъ-то чудомъ мнѣ удалось это, и я замеръ, полувися надъ бездною, и отдохнувъ, сталъ приподниматься на однихъ кулакахъ. Къ счастью мнѣ нечего было бояться за лѣстницу; потому что тѣмъ несчастнымъ усиленіемъ, которое могло мнѣ такъ дорого стоить, мнѣ посчастливилось всунуть ее фута на три, отъ чего она сдѣлалась уже неподвижною.

И такъ, держась на водосточной трубѣ одними кулаками и нижнюю частію живота, я увидѣлъ, что если мнѣ удастся поставить на трубу сперва правое колѣно, а потомъ лѣвое, то я буду внѣ опасности. Но страданія мои еще не кончились. Усиленіе, сдѣланное мною, произвело въ правой ногѣ судорогу, отъ которой всѣ члены мои какъ будто онѣмѣли. Я не потерялъ головы и держался неподвижно до тѣхъ поръ, пока судорога миновала. Я зналъ, что совершенная неподвижность лучшее средство противъ случайныхъ судорогъ; я часто испытывалъ это. Но какъ ужасно было это мгновеніе. Минуты черезъ двѣ, принявшись снова усиливаться и карабкаться, я кое-какъ сталъ на оба колѣна и, отдохнувъ немного, осторожно снова сталъ приподнимать лѣстницу и довелъ ее до того, что концемъ своимъ она стала уже держаться на воздухѣ параллельно съ слуховымъ окномъ. Зная достаточно законы равновѣсія и рычага, я попрежнему съ помощію лома сталъ карабкаться вверхъ по крышѣ до окна и тамъ уже легко вавинулъ всю лѣстницу, концы которой товарищъ мой принялъ своими руками. Тогда я сбросилъ на чердакъ свои пожитки, веревки и разные осколки и наконецъ самъ вошелъ въ него и былъ радостно принятъ товарищемъ, убраннымъ

потомъ лѣстницу. Взявшись за руки, мы стали обзирать темное мѣсто, въ которомъ находились: въ немъ было около тридцати шаговъ въ длину и двадцати въ ширину.

На одномъ изъ концовъ мы наткнулись на двустворчатую дверь, слѣдланную изъ желѣзныхъ рѣшотокъ. Она предвѣщала что-то недоброе; но, пригнувъ рукою ручку замка, я почувствовалъ, что онъ подается, и дверь скоро отворилась. Сначала мы обошли кругомъ это новое пространство, но когда вздумали пойти по срединѣ, то наткнулись на большой столъ, уставленный кругомъ табуретами. Тогда мы снова возвратились къ тому мѣсту, гдѣ чувствовали близость оконъ, отворили одно изъ нихъ и при мерцаніи свѣда могли увидѣть только: бездны между куполами. Я ни на минуту не остановился на мысли спуститься отсюда: я хотѣлъ знать куда иду, а это мѣсто было мнѣ совершенно незнакомо. Закрывъ окно, мы вышли изъ этой залы и возвратились къ тому мѣсту, гдѣ оставили багажъ и веревки. Истощенный до крайности, я опустился на полъ и подложивъ подъ голову связку веревокъ, сейчасъ же заснулъ. Искренне страстно предался я этому сну, что даже еслибъ самая смерть стояла за нимъ, то и тогда, кажется, мнѣ было бы нельзя ему противиться. Я очень хорошо помню, что удовольствіе, ощущаемое мною въ этомъ снѣ, было восхитительно.

Я спалъ три часа съ половиною. Крики и сильныя толчки наконецъ едва разбудили меня. Онъ сказалъ мнѣ, что уже пробило двѣнадцать (*), и что онъ не понимаетъ, какъ я могу спать въ нашемъ положеніи. Это было непонятно для него, но не для меня: сонъ мой былъ не произвольный; я уступилъ только природѣ истощенной, чтобъ не сквастъ издыхающей. Впрочемъ тутъ ничего не было удивительнаго: отъ тревогъ и волненія я не ѣлъ и не спалъ двое сутокъ, а усилія, совершенныя мною и превосходившія даже человѣческія силы, истощили бы хотъ кого. Но этотъ благодѣтельный сонъ возвратилъ мнѣ прежнюю бодрость, и я былъ очень обрадованъ тѣмъ, что темнота уменьшилась и я могъ дѣйствовать съ болѣею увѣренностію и скоростію.

Лишь только я оглядѣлся, какъ сказалъ: это не тюрьма; отсюда есть выходъ и найти его легко. Тогда мы направили шаги къ коннѣ, противоположному рѣшотчатой двери, и въ одномъ очень-темномъ и скрытомъ углу я заподозрилъ присутствіе двери. Ощупывая и

(*) Около пяти часовъ утра.

любопытъ нахожу замочную скважину. Ломомъ, въ три или четыре удара я заламываю дверь, и мы входимъ въ маленькую комнатку, гдѣ на столѣ лежалъ ключъ. Я пробую его на противоположной двери и вижу, что она и не запиралась. Тогда я сказалъ монаху, чтобы онъ сходилъ за нашими узлами и, положивъ ключъ на прежнее мѣсто, мы вышли изъ комнаты и очутились въ галлерей отъ нищамъ, заваленными равными бумагами. Это былъ архивъ. Оттуда мы сошли по небольшой каменной лѣстницѣ, потомъ спустились еще на другой и наконецъ очутились передъ стеклянную дверь; открывъ которую, мы вошли въ знакомую мнѣ уже залу. Мы были въ донесной канцеляріи. Я отворилъ окно и увидѣлъ, что спуститься съ этого мѣста мнѣ было бы очень легко, но за то мы непременно заблудимся бы въ лабиринтѣ маленькихъ двориковъ, окружающихъ церковь св. Марка. На подобную глупость я былъ неспособенъ.

На одномъ изъ бюро я увидѣлъ желѣзный инструментъ въ родѣ шила, съ деревянною ручкою, которыми канцелярскіе секретари обыкновенно протыкаютъ пергамень, чтобы приложить къ нему печать на шелковыхъ шуркахъ. Этимъ шиломъ я легко отперъ бюро и нашолъ въ немъ конію съ писма, которое извѣщало провидитора острова Корфу о томъ, что къ нему посланы три тысячи секкиновъ на ремонтъ старой крѣпости. Но секкиновъ не было. Одному Богу извѣстно, съ какою радостію я пригребъ бы ихъ къ рукамъ и какъ сѣлся бы надъ монахомъ, еслибъ онъ вздумалъ укорять меня въ кражѣ! Эти деньги были бы для меня божьимъ даромъ: я завладѣлъ бы ими безъ всякой совѣсти, но одному праву побѣды.

Я вставилъ ломъ въ замочную скважину двери, но увидѣвъ, что мнѣ нельзя будетъ отворить ее, сейчасъ же рѣшился пробить дыру въ одной изъ ея половинокъ. Я выбралъ такое мѣсто, гдѣ доски не имѣли узловъ, и тотчасъ же принялся за работу. Учащенными ударами лома, я колотъ и обращалъ въ щепки то мѣсто, вѣкъ которымъ трудился. Могахъ, помогавшій мнѣ огромнымъ шиломъ, о которомъ я уже упоминалъ, дрожалъ отъ страха при каждомъ ударѣ лома: стукъ былъ слышанъ издалека. Я чувствовалъ всю опасность, но долженъ былъ идти на нее.

Въ какіе-нибудь полчаса дыра была уже достаточной величины: впрочемъ безъ пиды не было возможности сдѣлать ее больше. Окраины ея наводили страхъ, потому что были все въ зазубринахъ, о которыя можно было порвать и платье и тѣло. Пробита она была на высотѣ пяти футовъ. Подставивъ къ ней рядомъ два табурета, мы

встали на нихъ и монахъ полѣзъ въ отверстіе головою, скрестивъ на груди руки, а я схвативъ его сначала за бедра, потомъ за ноги, понемногу вдвигалъ его впередъ, и хотя было еще очень тѣмно, однако я не боялся несчастія, потому что зналъ мѣстность. Когда мой товарищъ былъ уже на той сторонѣ, я перебросилъ ему наши пожитки, оставивъ однѣ веревки; потомъ поставилъ третій табуретъ на два первые, вскарабкался на него, и такъ какъ отверстіе было наравнѣ съ моими бедрами я высунулся въ него до половины живота, хотя и съ большими затрудненіями, потому что дыра была очень узка. Не находя опоры для рукъ своихъ и нижѣмъ не подталкиваемый сзади, я попросилъ монаха, чтобъ онъ взялъ меня въ охапку и тащилъ не останавливаясь. Онъ повиновался, и я имѣлъ твердость не закричать отъ ужасной боли, которую вытерпѣлъ отъ расцарапанныхъ до крови бедръ и ногъ.

Лишь только я перебрался такимъ образомъ на другую сторону, мы успѣли захватить пожитки, и, пройдя двѣ лѣстницы, я безъ труда отворилъ дверь, ведущую въ сѣни, на концѣ которыхъ находятся большія ворота дожеской лѣстницы, а возлѣ дверь отъ кабинета *Savio alla scrittura*. Эти ворота были заперты такъ же крѣпко, какъ и въ архивной залѣ, и я по одному взгляду удостовѣрился, что безъ стѣнобитной машины или мины мнѣ невозможно будетъ сломать ихъ.

Предавшись судьбѣ и совершенно спокойный, я сѣлъ, пригласивъ монаха послѣдовать моему примѣру.

— Работа моя кончена, сказалъ я ему; теперь одна надежда на Бога или на счастье.

Abbia chi regge il ciel cura del resto,
O la fortuna se non tocca a lui (*).

Я не знаю, придутъ ли дворцовые полотеры нынче, въ день всѣхъ святыхъ, или завтра, въ родительскую субботу. Если кто придетъ, я сейчасъ же спасаюсь, и вы за мною; но если никто не придетъ, я не трогаюсь съ мѣста; а умру съ голода, такъ тѣмъ хуже.

Отъ этихъ словъ монахъ пришелъ въ бѣшенство. Онъ обругалъ меня сумасшедшимъ, отчаяннымъ, обольстителемъ, обманщикомъ, лгуномъ. Я молчалъ, какъ будто его и не было. Пробыло тринад-

(*) Пусть Тотъ, кто управляетъ небомъ, довершитъ остальное, или счастье, если Ему нѣтъ до этого дѣла.

цать часовъ. Съ тѣхъ поръ какъ я проснулся на чердакѣ, прошло только одинъ часъ.

Я занялся самымъ важнымъ дѣломъ — мѣною платья и бѣлья. Хотя отецъ Бальби и смотрѣлъ мужикомъ, но за то былъ не тронутъ. На немъ не было ни рубища, ни крови; его красная жилетка и яловые кожаные панталоны были цѣлы; между-тѣмъ какъ я способенъ былъ внушать только ужасъ и состраданіе, потомучто былъ весь въ крови и въ отребьи. Чулки мои спустились съ колѣнъ и кровь текла изъ глубокихъ царапинъ, которыя я себѣ добылъ еще на крышѣ у водосточной трубы, а дыра въ канцелярской двери разорвала мнѣ жилетъ, рубашку, штаны, бедра и ляжки. Я весь былъ въ ранахъ. Разорвавъ нѣсколько платковъ, я смастерилъ себѣ бинты и перевязалъ себя какъ только могъ. Потомъ надѣлъ на себя новое, нарядное платье, которое въ зимній день было довольно смѣшно. Волосы я кое-какъ подобралъ въ кошелекъ; надѣлъ бѣлые чулки, кружевную рубашку за неимѣніемъ другой, и сверхъ нея еще двѣ такія же, въ карманы положилъ платки и чулки, а остальное бросилъ въ уголь. Красивый плащъ свой я накинулъ на плеча монаху, и онъ висѣлъ на немъ какъ украденный. Я же походилъ на челоуѣка, который послѣ бала ночевалъ въ какомъ-нибудь непривличномъ домѣ и тамъ порастрепался немного. Только бинты на колѣнахъ смотрѣли подозрительно на моемъ нарядномъ костюмѣ.

Расфрантившись такимъ образомъ, въ шляпѣ съ золотыми испанскими кружевами и бѣлымъ перомъ, я отворилъ окно. Фигура моя сейчасъ же была замѣчена двумя-тремя зѣваками на дворцовомъ дворѣ, которые, недоумѣвая, кто бы это такой могъ смотрѣть такъ рано изъ этого окошка, сказали объ этомъ привратнику. Привратникъ подумалъ, не заперъ ли ужъ онъ кого наканунѣ, и шолъ уже съ ключами. Мнѣ было досадно, что меня увидали, и я не зналъ еще, какую услугу оказываетъ мнѣ этотъ случай. Я подѣлъ къ монаху, который говоритъ мнѣ какія-то пошлости, какъ вдругъ звонъ ключей коснулся моего слуха. Дрожь проняла меня; встаю, приставляю глазъ къ щели, которая по счастью раздѣляла обѣ половинки дверей, и вижу челоуѣка, одного, въ парикѣ, безъ шляпы, медленно поднимающагося по лѣстницѣ съ огромною связкою ключей въ рукѣ. Я шепчулъ монаху, чтобъ онъ не смѣлъ открывать рта, сталъ бы сзади меня и приготовился бы идти за мною. Правую руку съ ломомъ я спряталъ въ карманъ, а самъ сталъ у двери такъ, чтобъ выйти изъ нея, лишь только она отворится, и зашагать

по лестницѣ. Я въ душѣ молил Бога о томъ, чтобъ этого человѣка не вздумалъ сопротивляться, потомучто въ такомъ случаѣ я былъ бы вынужденъ убить его, и я уже былъ готовъ на это.

Дверь отворилась, и при моемъ появленіи этотъ бѣдняга какъ будто окаменѣлъ отъ удивленія. Не останавливаясь, не говоря ни слова, пользуясь его остоленбѣніемъ, я быстро схожу съ лестницы, сопровождаемый монахомъ. Бѣжать я не бѣжалъ, но шолъ скоро по великолѣпной *лестницѣ великановъ*, не слушая отца Бальби, который то и дѣло кричалъ мнѣ: «Пойдемъ въ церковь!»

Церковь была не болѣе какъ въ двадцати шагахъ отъ лестницы; во церкви перестали уже быть въ Венеціи вѣрными убѣжищами для преступниковъ, и никто уже въ нихъ не скрывался. Монахъ зналъ это; но страхъ отбилъ у него память. Послѣ онъ говорилъ, что его влекло въ церковь одно религиозное чувство.

— Такъ зачѣмъ же вы не вошли одни?

— Мнѣ не хотѣлось оставить васъ.

Онъ долженъ былъ бы сказать: мнѣ не хотѣлось лишиться васъ. Беззаконность, которую я искалъ, лежала за границами пресвѣтѣйшей республики. Я былъ уже за ними воображеніемъ. Нужно было переправить туда и тѣло. Я прямо направился къ королевскимъ воротамъ дожескаго дворца, и не глядя ни на кого, — лучшее средство, чтобъ я на тебя не глядѣли, — я миновалъ небольшую площадь, приблизился къ берегу и вошелъ въ первую попавшуюся гондолу, громко сказавъ гондольеру:

— Мнѣ надо въ Фузину; зови скорѣе другого гребца.

Онъ былъ тутъ возлѣ, и между тѣмъ какъ отвязывали гондолу, я разлегался на средней подушкѣ, а монахъ сѣлъ на скамейкѣ. Странная фигура Бальби безъ шляпы, въ богатомъ плащѣ на плечахъ, той нарядъ не по времени года — все это такъ рѣзало глаза, что васъ непременно должны были принять за шарлатановъ.

Лишь только мы обогнули таможеню, какъ гондольеры принялись дружно и скоро разсѣкать воды канала Джюдекки, котораго нельзя было миновать, хотѣли ли вы попасть въ Фузину или въ Местръ, куда я действительно хотѣлъ отправиться. Когда уже мы проплыли половину канала, я высунулъ голову и сказалъ гондольеру на корнѣ:

— Какъ думаешь, прїѣдемъ въ Местръ до четырехъ часовъ?

— Да вѣдь вы ѣдете въ Фузину?

— Ты съ ума сошелъ: я сказалъ тебѣ въ Местръ.

Другой барнаррозъ тоже сказалъ, что я ошибся, а за нимъ и мой

монахъ, ревностный христіанинъ и большой поборникъ правды, сталъ также увѣрять меня, что я ошибся. Меня разбирала охота дать ему пинка ногою за глупость, но, разсудивъ, что не всякому же быть умнымъ; я громко началъ смѣяться и сознался, что дѣйствительно ошибся, но прибавилъ, что я все-таки хочу ѣхать въ Местръ. Мнѣ не возражали, а минутой спустя, гондольеръ сказалъ, что онъ свезетъ меня хоть въ Англію, если только я захочу.

— Браво! такъ въ Местръ.

— Мы будемъ тамъ черезъ три четверти часа, потомучто плывемъ по теченію, да и вѣтеръ попутный.

Очень довольный этимъ, я оглянулся назадъ и каналъ показался мнѣ прекраснѣе чѣмъ когда-либо, въ особенности потому, что не было другихъ лодокъ, идущихъ за нами. Утро стояло великолѣпное, воздухъ былъ чистъ; первые лучи солнца такъ ярки, а два молодые баркарола гребли такъ смѣло и скоро. Вспомнивъ о жестокой ночи, проведенной мною, объ опасностяхъ, которыхъ я только избѣгнулъ, о мѣстѣ, гдѣ еще наканунѣ томился въ заперти, о всѣхъ благопріятныхъ для меня случайностяхъ, о свободѣ, которою я уже начиналъ наслаждаться и которая во всей полнотѣ открывалась предо мною впереди, — вспомнивъ обо всемъ этомъ, я пришолъ въ такое сильное умиленіе, что полный благодарности къ Богу, полный вдругъ нахлынувшего на меня чувства, я вдругъ залился слезами.

Милый спутникъ мой, который до сихъ поръ рта не раскрывалъ, кромѣ развѣ того, что обвинялъ меня и оправдывалъ гондольеровъ, почелъ необходимымъ утѣшать меня. Онъ ошибался въ причинѣ моихъ слезъ, и тонъ его утѣшеній дѣйствительно заставилъ меня перейти отъ усладительнаго раздумья къ самому странному смѣху, который еще болѣе сбилъ его съ толку, потомучто онъ подумалъ, что я съ ума сошолъ. Этотъ бѣдный монахъ, какъ я уже упоминалъ, былъ глупъ, и вся его злость происходила единственно отъ глупости. Я былъ поставленъ въ тяжелую необходимость извлекать изъ нея пользу; но, хотя и безъ намѣренія, онъ чуть не погубилъ меня. Мнѣ было невозможно увѣрять его, что я нанималъ гондольеровъ до Фурцаны единственно потому, что хотѣлъ быть въ Местръ: онъ говорилъ, что эта мысль пришла мнѣ на большомъ каналѣ.

Мы прибыли въ Местръ. Я не нанюлъ лошадей на почтовомъ дворѣ, но тамъ было много извозчиковъ, которые ѣдутъ также скоро, и я уговорился съ однимъ изъ нихъ, — чтобы черезъ часъ съ четвертью онъ привезъ насъ въ Тревизу. Въ какія-нибудь три минуты

лошади были заложены, и я, думая, что Бальби стоит за мною, говорю ему «сядемъ»; но его не было. Попался какой-то работник, которому я приказалъ отыскать его поскорѣе, а самъ собрался намылить ему голову, даже и тогда, если онъ вышелъ за какую-нибудь надобностию; мы были въ такихъ обстоятельствахъ, что надо было дорожить каждою минутою. Но его нигдѣ не нашли. Я былъ въ отчаяніи. Мнѣ уже пришла мысль бросить его; я даже думалъ женѣ это сдѣлать, но меня удержало чувство жалости. Выбѣжавъ изъ повозки, разспрашиваю: всѣ его видѣли, но никто не могъ сказать ни гдѣ онъ, ни куда ушолъ. Я пустился подъ аркаду главной улицы и, вадумавъ заглянуть въ окно одного кофейнаго дома, увидѣлъ тамъ моего товарища, который преспокойно пилъ шоколадъ и точилъ ласы съ какой-то дѣвчонкой. Увидѣвъ меня, онъ предложилъ мнѣ выпить шоколаду и просилъ заплатить за свою чашку такъ-какъ у самаго него не было денегъ. — Не хочу я шоколаду, сказалъ я ему, торопитесь. — А самъ сжалъ ему такъ руку, что онъ поблѣднѣлъ отъ боли. Я расплатился, и мы вышли. Я дрожалъ отъ злости. Наконецъ мы сѣли въ повозку, тронулись, но не сдѣлали и десяти шаговъ, какъ вдругъ намъ на встрѣчу идетъ одинъ мой знакомый, житель Местра, добрый человекъ, но слывшій за шпиона инквизиціи. Онъ меня узналъ.

— Какъ, это вы? вскричалъ онъ, приближаясь ко мнѣ. Очень радъ васъ видѣть. Такъ вы убѣжали? Какимъ же это образомъ?

— Я вовсе не убѣжалъ, а меня выпустили.

— Говорите! Недальше какъ вчера я былъ у г. Гримани и зналъ бы это.

Читатель, тебѣ легче представить состояніе, въ которомъ я находился, чѣмъ мнѣ его описывать. Я видѣлъ, что узналъ человека, который можетъ быть посланъ за тѣмъ, чтобъ остановить меня, а для этого ему стоило только мигнуть первому сбину; Местръ кишѣлъ ими. Я попросилъ его говорить тише и, выйдя изъ повозки, отвелъ его въ сторону. Я отвелъ его за какой-то домъ и замѣтивъ, что никто насъ не видалъ и что мы стоимъ у рва, за которымъ начинаются уже поля, я схватываю свой домъ, а его за шиворотъ. Испугавшись, онъ вырвался, перепрыгнулъ ровъ и давай бѣжать во всѣ лапчатки по полю. Отбѣжавъ на довольно большое разстояніе, онъ приостановился, поглядѣлъ въ мою сторону и послалъ ко мнѣ рукою нѣсколько поцѣлуевъ, какъ бы желая мнѣ хорошаго пути. Когда я потерялъ его изъ вида, я возблагодарилъ Бога за то, что онъ изба-

вилъ меня отъ необходимости совершить преступленіе, потому что я действительно рѣшился убить его, а онъ, какъ кажется, во все не имѣлъ дурныхъ намѣреній.

Въ мрачномъ молчаніи сѣлъ я снова въ повозку и только прерывительно поглядывалъ на негоднаго монаха. Дорогою я раздумывалъ, какъ бы мнѣ освободиться отъ этого негодяя, который теперь притихъ и не открывалъ рта.

Въ Тревизу пріѣхали мы безъ всякихъ приключеній. Я приказалъ станціонному смотрителю приготовить мнѣ пару лошадей къ семнадцати часамъ (*); но намѣреніе мое было не брать почтовыхъ лошадей, вопервыхъ потому, что у меня не было денегъ, а потомъ — я боялся погони. Трактирщикъ спросилъ меня, не хочу ли закутить: мнѣ очень хотѣлось ѣсть, я умиралъ отъ голода, но я не смѣлъ долѣе оставаться, потому что нѣсколько потерянныхъ минутъ могли погубить меня. Я боялся быть снова пойманымъ, и боялся стыда на цѣлую жизнь; потому что умный человекъ въ бѣгахъ долженъ провести четыреста тысячъ человекъ. Если не умѣеть укрываться, значить — дуракъ.

Я вышелъ черезъ ворота св. Оомы, какъ будто для прогулки, и съѣзжавъ съ милою по большой дорогѣ, бросился въ поля, съ твердымъ намѣреніемъ не выходить изъ нихъ, пока не буду за границей. Кратчайшій путь лежалъ черезъ Бовано, но я взялъ самый длинный, потому что меня могли поджидать на какомъ-нибудь сошлемъ перекресткѣ, тогда какъ, по всей вѣроятности, никому и въ голову не придетъ, что я для выхода изъ республики пошелъ на Фельтро.

Проходивъ часа три, я бросился на-земь въ совершенномъ истощеніи. Мнѣ нужно было или съѣсть чего-нибудь или готовиться къ смерти. Я сказалъ монаху, чтобъ онъ плащъ-то оставилъ у меня, а самъ сходилъ на ферму, которая виднѣлась не вдалекѣ, и купилъ бы тамъ для насъ обоихъ чего-нибудь поѣсть. Деньги я ему далъ. Онъ пошелъ, сказавъ, что не считалъ меня такимъ малодушнымъ. Бѣдняга не зналъ, въ чемъ состоитъ настоящая храбрость; но онъ былъ сильнѣе меня, и вѣроятно еще въ тюрьмѣ хорошо набилъ животъ свой. Сверхъ того, онъ пилъ шоколадъ, былъ худъ, былъ монахъ, и разныя заботы не мучили ума его въ ущербъ тѣлу.

(*) Т. е. къ двумъ утра.

Т. I. — Отд. I.

Хотя ферма и не была трантиромъ, но добрая фермерша прислала мнѣ съ работницей достаточный обѣдъ, стоившій мнѣ только тридцать венеціанскихъ су. Хорошо удовлетворивъ свой апетитъ и чувствуя, что меня клонитъ ко сну, я поспѣшилъ снова пуститься въ путь. О дорогѣ я распросилъ. Послѣ четырехчасоваго пути, я остановился передъ одной хижиной и узналъ, что я былъ въ двадцати четырехъ миляхъ отъ Тревизы. Я былъ готовъ: ноги мои распухли, башмаки изорвались. Приближалась ночь. Растянувшись подъ купою деревьевъ, я посадилъ возлѣ себя отца Бальби и повелъ съ нимъ тихую рѣчь.

— Мы пойдемъ теперь въ *Борго ди Вальзугано*, сказалъ я ему. Это первый городъ за границею республики. Тамъ мы будемъ въ такой же безопасности, какъ въ Лондонѣ, и отдохнемъ вдоволь. Но чтобъ дойти туда, мы должны употреблять всѣ возможныя предосторожности, а первая изъ нихъ — наша разлука. Мы должны идти порознь. Вы отправитесь Мантельскими лѣсами, я же пойду черезъ горы; вы путемъ самымъ удобнымъ и кратчайшимъ, я самымъ длиннымъ и труднѣйшимъ; наконецъ вы при деньгахъ, я безъ копейки. Я дарю вамъ свой плащъ, который вы промѣняете на блузу и шляпу, и всякій васъ приметъ за крестьянина, да и фигурой-то вы, къ счастью, на него смахиваете. Вотъ всѣ деньги, которыя остались у меня отъ двухъ секиновъ графа Аскино; тутъ семнадцать ливровъ: они ваши. Въ Борго вы будете завтра къ вечеру, а я приду туда сутками позже. Ждите меня въ первомъ трактирѣ по лѣвую руку и будьте увѣрены, что я явлюсь. Эту ночь мнѣ необходимо проспать въ хорошей постели, и Богъ поможетъ мнѣ найти ее; но мнѣ нужно быть спокойну, а съ вами этого нельзя. Я увѣренъ, что въ это время насъ уже вездѣ ищутъ, что наши примѣты всюду разосланы, и что насъ остановятъ въ первомъ трактирѣ, если мы войдемъ туда вдвоемъ. Вы сами видите мое печальное положеніе и необходимость отдохнуть хорошенько. И потому, прощайте. Ступайте своей дорогой и оставьте меня. Я ужъ найду себѣ ночлегъ, гдѣ-нибудь въ окрестности.

— Я ждалъ, что вы со мной такъ поступите, отвѣчалъ мнѣ Бальби; но вмѣсто всякаго отвѣта, я напомню вамъ только, что вы мнѣ обѣщали, когда я поддался вашимъ ухищреніямъ и проломилъ потолокъ вашъ. Вы обѣщали мнѣ тогда, что мы другъ съ другомъ никогда не разстанемся; и потому не надѣйтесь, чтобъ я ушелъ отъ васъ: ваша участь будетъ моею, моя вашею. За деньги мы

найдемъ себѣ хорошій ночлегъ, и не въ трактирахъ. Не бойтесь, не поймають.

— И такъ вы не хотите слѣдовать моему совѣту?

— Ни за что на свѣтѣ.

— Посмотримъ.

Я всталъ, хотя и не безъ усилія, взявъ мѣрку съ его роста и перенесъ ее на лужайку. Потомъ, вынувъ ломъ изъ кармана, я при-сѣлъ на корточки и съ величайшимъ хладнокровіемъ началъ рыть яму. На вопросы его я не давалъ отвѣта. Проработавъ съ четверть часа, я печально взглянулъ на него и сказалъ ему, что, какъ добрый христіанинъ, я долженъ предупредить его, чтобъ онъ молился:

— Потому-что я васъ зарою здѣсь живаго или мертваго; а если вы сильнѣе меня, то вы меня зароете. Вотъ до какой крайности доводитъ меня ваше скотское упрямство. Впрочемъ вы можете еще бѣжать. Я не погонюсь за вами.

Видя, что онъ мнѣ не отвѣчаетъ, я снова принялся за работу, но, признаюсь, начиналъ уже бояться, что эта скотина доведетъ меня до крайности, а я рѣшился отъ него отдѣлаться.

Наконецъ, со страху ли или по внушенію разсудка, онъ вдругъ бросился ко мнѣ. Не зная его намѣренія, я ему подставилъ остріе моего лома. Но мнѣ нечего было бояться.—Пусть будетъ по вашему, сказадъ онъ мнѣ, я ухожу.—Тутъ я обнялъ его и, отдавая ему деньги, повторилъ свое обѣщаніе непременно соединиться съ нимъ въ Борго. Оставшись совершенно безъ денегъ, съ долгой дорогой въ виду, я все-таки былъ радъ, что отдѣлался отъ человѣка съ такимъ характеромъ, потому что былъ увѣренъ, что одинъ я кое-какъ перейду границы моей прелестной республики.

VI

Ночью въ домъ начальника сбирова. — Провожу тамъ отлично ночь и совершенно подкрѣпляю и силы и здоровье. — Иду къ обываю: безпокойная встрѣча. — Насильственное средство, чтобъ получить шесть секиновъ. — Я внѣ опасности.

Лишь-только отецъ Бальби удался, я поснѣвшиль встать и, увидѣвъ въ нѣкоторомъ разстояніи настуха съ небольшимъ стадомъ на пригоркѣ, немедленно пошолъ къ нему, чтобъ поразсиресить его.

— Какъ, голубчикъ, зовутъ эту деревню?

— *Valdepiadene*, синьоръ.

Это меня удивило, потомучто я увидѣлъ, что прошолъ гораздо больше, чѣмъ предполагалъ. Потомъ я спросилъ у него, какъ зовутъ владѣльцевъ пяти или шести домовъ, которыя я видѣлъ, и по странной случайности, названныя имъ имена были имена людей мнѣ знакомыхъ, но къ которымъ я не могъ явиться, чтобъ не компрометировать ихъ. Когда я спросилъ его, чей дворецъ виднѣлся вдаль, онъ назвалъ мнѣ фамилию Гримани, глава которой былъ въ то время государственнымъ инквизиторомъ и жилъ въ этомъ самомъ домѣ. Понятно, почему туда я не могъ идти. Наконецъ, сдѣлавъ ему послѣдній вопросъ, кому принадлежалъ красный домъ, стоявшій вдалекѣ, я узналъ, что это было жилище *капитана*, начальника сборовъ. Диво да и только! Но простившись съ пастухомъ, я сталъ машинально сходить съ пригорка и теперь еще не могу понять, вслѣдствіе какого инстинкта, я направилъ шаги именно къ этому дому, когда разсудокъ и страхъ должны были заставить меня бѣжать его, какъ чумы. Я же шолъ къ нему прямехонько и, сказать правду, все не вслѣдствіе принятаго намѣренія. Какъ бы то ни было, это была самая смѣлая выходка, какую я только могъ сдѣлать.

Вошолъ я нисколько не колеблясь, даже смѣло и спокойно и, увидавъ на дворѣ играваго ребенка, подошолъ къ нему и спросилъ, гдѣ егѣ отецъ. Въмѣсто отвѣта ребенокъ убѣжалъ за матерью, и не прошло минуты, какъ я увидѣлъ передъ собою хорошенькую беременную женщину, которая очень-вѣжливо спросила меня, что мнѣ угодно отъ ея мужа и извинилась въ томъ, что его нѣтъ дома.

— Мнѣ очень жаль, отвѣчалъ я, что кума моего нѣтъ дома; я очень радъ, что имѣю наконецъ удовольствіе познакомиться съ его прелестною женою.

— Мой мужъ вамъ кумъ? Стало-быть я говорю съ его превосходительствомъ, г. Веттура? Онъ говорилъ, что вы были такъ милостивы, обѣщались крестить нашего будущаго ребенка. Я чрезвычайно вамъ рада, а мужъ мой будетъ въ отчаяніи оттого, что вы его не застали.

— Надвюсь, что онъ скоро возвратится, потомучто хочу просить его о ночлегѣ на эту ночь. Я не смѣю куда показаться въ томъ положеніи, въ какомъ вы меня видите.

— У васъ будетъ лучшая постель въ домѣ и довольно-сносный ужинъ. Мужъ мой самъ будетъ у васъ, чтобъ поблагодарить за

честь, которую вы намъ дѣлаете. И часу нѣтъ, какъ онъ со всеми людьми отправился на поиски, и я жду его нераньше какъ черезъ три или четыре дня.

— Отчего же это онъ такъ долго пробудетъ въ отсутствіи, прелестная кумушка.

— Вы развѣ не знаете, что двое арестантовъ бѣжали изъ плембъ? Одинъ изъ нихъ патрицій, другой какой-то Казанова. Мужъ получилъ письмо отъ мессеръ-Гранде, съ приказомъ немедленно отправиться на поиски: если найдеть, то сейчасъ же конвоируетъ ихъ въ Венецію, а не найдеть, такъ воротится домой. Но прощеть ихъ вѣроятно дня три.

— Очень, очень жаль, милая кумушка, но я не хочу васъ долже беспокоить, тѣмъ-болѣе, что желалъ бы сейчасъ лечь въ постель.

— Постель будетъ мигомъ готова, а матушка вамъ прислужить. Но что это у васъ на колѣнахъ?

— Упалъ на охотѣ, разцарапался страшно, чуть не истекъ кровью и очень ослабъ оттого.

— Ахъ, бѣдненькій! но матушка васъ вылечить.

Затѣмъ она позвала мать, рассказала ей все дѣло и сама вышла. Эта хорошенькая сыщица была очень недалека въ ремеслѣ своемъ, потому что все говоренное мною сильно покоидило на сказку. Верюмъ въ бѣлыхъ шюлковыхъ чулкахъ, на охотѣ въ тафтяномъ платьѣ! Безъ плаща, безъ прислуги. Когда воротится, мужъ таки носмѣется надъ нею; но да наградить ее Господь за доброе сердце и за счастливую недогадливость. Мать ея обошлась со мною крайне-вѣжливо. Эта почтенная женщина обращалась со мною какъ мать родная, и веревязывая мнѣ раны, называла меня сыномъ.

Добрая старушка, осмотрѣвъ мои колѣна и бедра, сказала ласковымъ голосомъ, что мнѣ придется потерпѣть, но что завтра я уже буду здоровъ. Я долженъ былъ только держать на больныхъ мѣстахъ смоченныя салфетки и пролежать до завтра безъ всякаго движенія. Все это я обѣщалъ.

Мнѣ подали хорошей ужинъ: ѣлъ и пилъ я на славу. Потомъ я отдался старухѣ и заснулъ на рукахъ ея. Вѣроятно она и раздѣла меня, какъ ребенка, потому что я ничего не помнилъ при моемъ пробужденіи. Я ужиналъ въ часъ ночи, а когда проснулся, было тринадцать часовъ (*). Я счелъ все это какою-то фантазмагоріей.

(*) Шесть часовъ утра.

Пришедши наконецъ въ себя, я успѣшилъ освободиться отъ са- ветокъ и былъ радъ-радѣшенекъ, когда увидѣлъ, что раны мои под- сохли, и я не чувствую никакой боли. Чешусь, одѣваюсь въ какія-нибудь пять минутъ, и такъ-какъ комната моя была не занерта, схожу съ лѣстницы, прохожу дворъ и оставляю этотъ домъ, не обративъ вниманія на двухъ индивидуумовъ, которые вѣроятно были сбирьы. Я быстро удалился отъ этого мѣста, гдѣ нашолъ самое ра-душное гостепрѣимство, самую открытую вѣжливость, и что лучше всего, здоровье и полное возстановленіе силъ. Но я не могъ освободиться отъ чувства ужаса при мысли о страшной опасности, кото-рой я избѣгнулъ. Я невольно содрогался, да содрогаясь и теперь еще, когда думаю, чему я такъ безрасудно подвергался. До сихъ поръ не понимаю, какъ я могъ войти въ этотъ домъ, а главное — какъ я изъ него вышелъ. Мнѣ казалось невозможнымъ, чтобъ за мной не было погони. Цѣлые пять часовъ сряду шолъ я лѣсомъ и горами, не оборачивая головы и встрѣчая только однихъ крестьянъ.

Не было и полудня, когда я былъ остановленъ на пути своемъ колокольнымъ звономъ. Я былъ на пригоркѣ. Бросивъ взглядъ въ сторону звука, я увидѣлъ маленькую церковь и много входящаго къ нее народа. Не пойдти ли и мнѣ къ обѣднѣ, подумалъ я. Сердце чувствовало нужду излиться въ благодареніяхъ за видимую помощь Провидѣнія; и кетя вся природа представляла храмъ, достойный Создателя, привычка влекла меня въ церковь. Когда человекъ въ несчастіи, все, что онъ ни выдумаетъ, кажется ему нѣтиемъ свы-ше. Была родительская суббота. Иду и вхожу въ церковь, и къ край-нему моему удивленію вижу тамъ Марка Антонія Гримани, племян-ника инквизитора, съ синьорой Маріей Визани, его женою. Они ве менѣ меня удивились. Я поклонился имъ; они мнѣ тоже. Отслу-шавъ обѣдню, я вышелъ. Гримани одинъ пошелъ за мною. Въ нѣко-торомъ разстояніи отъ церкви онъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ, что подѣлываете, Казанова? Гдѣ же вашъ товарищъ?

— Я ему отдалъ всѣ свои деньги, чтобъ онъ могъ ѣхать дру-гой дорогой, между-тѣмъ какъ я безъ копейки иду по этой. Если ваше превосходительство захотите помочь мнѣ, то много облегчите мое положеніе.

— Ничего не могу дать вамъ; на дорогѣ вы найдете пустын-никовъ, которые не дадутъ вамъ умереть съ голоду. Но расскажите, какъ вы пробрили пломбы.

— Рассказъ хоть и интересенъ, да выйдетъ длиненъ, а пустын-

ники пожалуй съѣдятъ всѣ запасы, отъ которыхъ, по вашимъ словамъ, я не умру съ голоду.

Сказавъ эту ироническую тираду, я ему низко поклонился и снова пустился въ путь. Не смотря на крайнюю нужду въ деньгахъ, его отказъ меня порадовалъ. Я чувствовалъ, что я гораздо богѣе дворянинъ, чѣмъ его превосходительство, отсылавшее меня къ пустыннымъ.

Я шолъ до самаго вечера. Усталый, разбитый и умирающій съ голода, я остановился у одного уединеннаго, но кажется порядочнаго дома. Спрашиваю хозяина — привратница отвѣчаетъ, что его нѣтъ дома, что онъ поѣхалъ къ кому-то на свадьбу и что назадъ будетъ дня черезъ два, но что уѣзжая, онъ просилъ ее принимать его друзей. Провидѣніе! счастье! случай! все что вамъ угодно.

Вхожу; мнѣ подають сытный ужинъ и стелютъ мягкую постель. По адресамъ нѣсколькихъ писемъ я заключилъ, что я у г. Ромбекки, консула... ужъ позабылъ какой націи. Я написалъ ему письмо, которое и оставилъ запечатаннымъ. Послѣ плотнаго ужина, я отлично выпался, а на утро, вставши и окончивъ свой туалетъ, ушолъ какъ-будто погулять, а самъ перебрался черезъ рѣчку и снова пустился въ дорогу. Послѣ пятичасовой кочьбы, я обѣдалъ въ монастырѣ капуциновъ и нашолъ, что въ подобныхъ обстоятельствахъ это преподанные люди. Потомъ опять въ дорогу, вплоть до двадцатидвухъ (°) часовъ. Остановился у одного дома, который принадлежалъ одному изъ моихъ друзей, какъ узналъ я отъ встрѣчнаго крестьянина. Вхожу, спрашиваю, дома ли баринъ; мнѣ показываютъ комнату, гдѣ онъ писалъ въ то время. Я приближаюсь къ нему, чтобъ обнять его, не увидѣвъ меня, онъ приходитъ въ ужасъ и гонитъ меня вонъ подъ разными пустыми и обидными предлогами. Я описываю ему свое положеніе, свою нужду и прошу у него подъ росписку шестьдесятъ секиновъ, увѣряя его, что они немедленно будутъ уплачены г. Брагадини. Онъ отвѣчаетъ, что не можетъ мнѣ ни въ чемъ помочь, даже стакана воды не дастъ мнѣ, потому что боится впасть въ немилость страшнаго трибунала. Это былъ человекъ лѣтъ шестидесяти, маклеръ по ремеслу и во многомъ мнѣ обязанный. Его жестокій отказъ произвелъ на меня совершенно другое дѣйствіе, чѣмъ отказъ Гримани. Вслѣдствіе ли гнѣва или негодованія, бѣшенства или правъ разсудка и природы, только я

(°) Около 3-хъ часовъ послѣ обѣда.

схватилъ его за горло, и замахнувшись ломомъ, грозился убить его. Дрожа отъ испуга, онъ вынулъ изъ кармана ключъ и сказалъ мнѣ, указывая на конторку, что деньги его тамъ, и что я могу взять сколько мнѣ угодно. Я просилъ его самого отпереть конторку, и когда онъ выдвинулъ ящикъ съ золотомъ, я сказалъ ему, чтобъ онъ отсчиталъ мнѣ шесть секиновъ.

— Вы просили у меня шестдесятъ.

— Да, когда я ожидалъ ихъ отъ дружбы; но прибѣгая къ насилію, я хочу только шесть, и вы не получите никакой росписки. Тебѣ отдадутъ ихъ въ Венеціи, куда я напишу о твоёмъ поступкѣ, человѣкъ низкій и недостойный жизни.

— Простите меня, прошу васъ, берите.

— Нѣтъ, не хочу. Я иду теперь и совѣтую тебѣ оставить меня въ покоѣ или бойся, чтобъ я съ отчаянія не подожгу твоего дома.

Я вышелъ и шолъ два часа сряду, до-тѣхъ-поръ, пока ночь и усталость не заставили меня остановиться въ домѣ одного фермера. Поужиналъ я скверно, а уснулъ на соломѣ. Поутру я купилъ старенькій камзолъ, нанялъ ослика на остальную дорогу, а близъ Фельтра купилъ себѣ пару сапогъ. Вотъ въ такомъ-то видѣ я проѣхалъ маленькій городишко Ла-Скалу. У вѣзда стоялъ часовой, который даже не спросилъ у меня и имени, за что я ему былъ сердечно благодаренъ. Тамъ я нанялъ телѣгу съ парой лошадей и рано пріѣхалъ въ Борго ди Вальзугано, гдѣ нашолъ отца Бальби въ первомъ трактирѣ по лѣвую руку. Не подойди онъ ко мнѣ, я не узналъ бы его. Широкій камзолъ, шляпа, нахлобученная на грубый, бу-мажный колпакъ, совершенно измѣнили его. Онъ сказалъ, что одинъ фермеръ промѣнялъ ему все это за плащъ; что онъ прибылъ сюда благополучно, и что здѣсь хорошо кормятъ. Признался онъ мнѣ также, что вовсе не ждалъ меня, потому что никакъ не думалъ, что обѣщаніе мое было серьезно. Можетъ-быть, я и лучше бы сдѣлалъ, еслибъ не обманулъ его ожиданій!

Но я былъ уже за-границей...

ЛЕГЕНДА ОБЪ ИСПАНСКОЙ ИНКВИЗИЦИИ

П О Э М А

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИСПОВѢДЬ КОРОЛЕВЫ

Исконѣ твердятъ испанки :
«Въ кастаньеты ловко брякать,
Подъ ножомъ вести интригу,
Да на исповѣди плакать —

«Три блаженства только въ жизни!»
Но въ одной Севильѣ старой
Такъ искусно кастаньеты
Ладаютъ съ звонкою гитарой ;

Но въ одной Севильѣ старой
Такъ полъ звѣздной ризой ночи
Жены нѣжны, смѣлъ любовникъ,
И ревнивица зорки очи ;

Но въ одной Севильѣ старой
Такъ на утро полны храмы,
И такъ пламенно стремятся
Исповѣдываться дамы...

И хорошій исповѣдникъ
Былъ всегда ихъ сердцу дорогъ,
Можетъ быть — дороже кружевъ,
Лентъ и перловыхъ уборокъ !

И таковъ былъ у Сан-Пабло
Исповѣдникъ — знаменитый
Донъ Гуанъ дя Сан-Мартино —
Кладезь мудрости открытый!

Вся имъ бредила Севилья,
Дамы голову теряли,
И съ любовниками даже
О монахѣ лишь шептали:

Какъ-то сладостно имъ было
Млѣть въ его духовной власти,
Особливо, если грѣшенъ
По сердечной кто былъ части...

Разъ вошла въ Сан-Пабло дама...
Храмъ былъ пустъ; олнн, нѣмыя,
Въ серебрѣ, въ шелку и лентахъ
Изваянья росписныя

По стѣнамъ стояли церкви,
Созерцаа благосклонно
Мраморъ, золото и солнце
Въ дымѣ мирры благовонной.

Только нищій у колонны
Отдыхалъ въ дремотѣ сладкой,
Да бродила собаченка
Полъ обнюхивая гладкой...

Незнакомка подъ вуалемъ
Кружевнымъ лицо укрыла,
Но — викогнито съ монахомъ
Соблюсти, зная, трудно было:

Чуть она прелъ нимъ склонилась,
Какъ надъ нею внятно, смѣло
Раздалось: «чего желаетъ
Королева Изабелла?»

Дама вздрогнула, а въ страхѣ
Уронила на полъ чѣпки,

Но спокойно тотъ же голосъ
Говорилъ изъ-за рѣшетки :

«Благо кающимся, благо!
Жду тебя уже давно я!
У тебя, я знаю, сердце
Жаждетъ шира и покоя!

«Въ чемъ грѣшна ты перлъ Богомъ?
Кайся мнѣ неллициемърно!»
И покалася дама
Католичкою иримиѣрной :

«Утромъ нынче камереру
Разбранила я обидно
И булавкой изколола...
Было послѣ такъ мнѣ стыдно...

«Мы поссорились съ супругомъ...
Почему, сама не знаю,
Я его въ опочивальню
Ужь недѣлю не пускаю...

«Я люблю его всѣмъ сердцемъ,
И ревную... но со мною
Что то странное творится...
Точно спорю я съ собою...

«Надо думать лишь о шумѣ,
Безпрестанно повторяю,
И — другаго, чуть забудусь,
Черезъ нигъ воображаю.

«Донъ Фернаню, донъ Фернандо!
Я твержу усиленно, внятно, —
Изъ груди жъ другое имя
Рвется съ силой непонятной!

«Такъ и крикнула-бъ съ балкона,
Ночью, въ небо голубое
И на все бы королевство
Это имя романо!

«Сердцу страшно съ этой тайной
Притворяться и лукавить...
Помоги мнѣ... ты умѣешь
И утѣшить, и наставить»...

Могъ утѣшить и наставить
Всѣхъ монахъ сердечнымъ словомъ,
Но глядѣлъ на королеву
Взглядомъ грустнымъ и суровымъ :

— «Трудно дать совѣтъ, сказалъ онъ;
Этотъ грѣхъ — не какъ другіе...
Онъ — предтеча Божьей кары
За грѣхи твои иные !

«Вслѣдъ за нимъ придетъ злодѣйство,
Скорбь и муки преисподней —
И тебя спасти мнѣ трудно :
Ты забыла страхъ господній !

«Святотатцамъ и злодѣямъ
Въ умерщвленьѣ плоти грѣшной
Есть спасенье : но убійцѣ
Духа Божья — адъ кровѣшный !»

Изабелла содрогнулась, —
Но скользить надъ адской бездной
Ей, какъ истой кастильянкѣ,
Было жутко — но любезно !

— «Научи жь, что дѣлать, радге !
И наставь меня на благо !
Я еще построю церковь,
Я пѣшкомъ пойду въ Сан-Яго.»

— «Еслибъ храмъ ты не изъ влата
И порфира созидала,
А въ сердцахъ твоихъ народовъ
Храмъ духовный устраляла,

«И стояла бы у двери
Яко стражъ съ мечомъ горящимъ,

Возбрана входъ гѣннамъ
И ехиднамъ злошпящимъ, —

«Ты бѣ избѣгла страшной кары!
Зла матежныхъ пучины
Тщетно бѣ храмъ твой осаждали!
Но раскрыла ты плотины,

«Разлилось вѣчестья море,
И волною досягнуло
Даже царственнаго трона,
И въ лицо тебѣ плеснуло!

«Омраченный духъ твой принялъ
Смрадныхъ волнъ его дыханье,
Какъ вечернюю прохладу,
Какъ цвѣтовъ благоуханье...

«Вотъ и казнь за то!»... — «За что же?» —
— «Иль не видишь, королева!
Погляди — плоды несметны
Сатанинскаго посѣва:

«Вся страна — кишитъ жидами!
Всюду маги, астрологи!
Новизна проникла всюду,
Въ кельи, въ хижины, въ чертоги!

«Саламанхскіе студенты,
Купно съ мавромъ, съ жидовиномъ,
Надъ одной толкують книгой,
За столомъ сидятъ единымъ!

«Въ оныхъ псахъ смердящихъ юность
Братьевъ чтить, на зло закону,
И разносить духъ въ народъ
Вѣрѣ гибельный и трону:

«Мудрость истинную презря,
Что толкуеть людь безбожный?
Будто шаръ-земля, который
Весь кругомъ объѣхать можно,

«И открыть такіа земли,
О которыхъ ни въ писаньѣ
Цѣтъ помину, ни въ единомъ
Каноническомъ преданьѣ!

«Говорятъ, рѣвныя буквы
Нынче какъ-то составляютъ,
И одну и ту же книгу
Въ цѣлыхъ сотняхъ размножаютъ, —

«Что же, если эти бредня
Въ сотняхъ списковъ по вселенной
Вихорь дьявольскій размечетъ?
Все въ хаосъ придетъ смутенный!

«И... и кто же рукоплещетъ
Этой пляскѣ вавилонской?
Въ комъ покровъ ей и защита?
Въ королеви аррагонской!»...

Такъ, борясь съ врагомъ неконнымъ,
Говорилъ онъ королеви
О ея отчетѣ Богу
И о Божьемъ близкомъ гнѣвѣ, —

Но укорамъ громоноснымъ
Не нашолъ монахъ отвѣта;
Было сердце королевы
Точно бронею одѣто.

Не испуганнымъ ребенкомъ
Передъ нимъ она стояла;
Не того, молви повѣря,
Отъ монаха ожидала.

Ей ужь сталъ казаться лучше
Духовникъ ея придворный,
Но вскуснѣе обоихъ
Пріоръ, въ Бургосѣ, соборный.

«Ну а этотъ!.. мнѣ пророчить
Аль и всяческіе страхи

За жидовъ и за ученыхъ!
Онъ такой, какъ всё монахи!»

И собою не владѣя,
Изабелла гордо встала,
И вуаль съ чела откинувъ,
Такъ монаху отвѣчала:

«Я, какъ женщина, о радге,
Дѣлъ правленья не касаюсь.
Ихъ — король ведетъ. Сама же
Въ чемъ грѣшна я — въ томъ и каюсь.»

«Миѣ самой жида противны.
Но они — народъ торговый,
И — политикъ это цѣнить —
На налогъ всегда готовый.»

«Съ королевъ — моимъ супругомъ
Въ Саламанхѣ мы бывали.
Насъ нигдѣ съ такимъ восторгомъ,
Какъ студенты, не встрѣчали.»

«Донъ Фернандо былъ доволенъ.
Я-жь скажу, что говорила —
Въ ихъ сердцахъ — опора трона,
Наша слава, наша сила!..»

«А отъ тѣхъ ученыхъ бѣдныхъ,
Съ виду, можетъ быть, забавныхъ,
Ужь давно у насъ въ бумагахъ
Много есть проектовъ славныхъ.»

«Ихъ труды и жажду знаній
Для чего стѣснять — не знаю!
И возможно-ль всѣхъ заставить
Думать такъ, какъ я желаю!»

«Пусть ихъ мыслятъ, пусть ихъ вичутъ!
Мысль миѣ дастъ бѣднякъ ученый —
Изъ нея, быть можетъ, выйдетъ
Лучшій перлъ моей короны!»

«И — что будетъ — воля Божья!
Только все намъ предвѣщаетъ :
Миру царствованье наше
Новыхъ дней зарей сіяетъ!»

И уйти она хотѣла
Безъ смущенія, безъ страха,
Лишь сердясь на дамъ придворныхъ,
Разхвалившихъ ей монаха.

Но монаха, звать, не даромъ
Жены славили и дѣвы :
Какъ глаза его сверкнули
На движенье королевы!

Онъ какъ барсъ въ желѣзной клѣткѣ
Встрепенулся, — со слезами
Упуская эту душу
Отягченную грѣхами!

— «Погоди!» онъ кликнулъ громко,
«И познай : не я, царица,
Говорилъ съ тобой. Здѣсь явно
Всемогущаго десница!

«Я въ лицо тебя не видѣлъ :
Ты его мнѣ скрыть хотѣла.
Кто жь сказалъ, что предо мною
Королева Изабелла?

«Все, царица, все я знаю...
Всѣ дѣла твои, мечтанья,
Даже — имя, предъ которымъ
Ты приходишь въ содроганье...

«Балъ французскаго посольства...
Кавалеръ иноплеменный
Въ черной маскѣ... на охотѣ
Разговоръ уединенный...

«Послѣ въ паркѣ»... — «Здѣсь измѣна!»
Горькимъ вырвалось стономъ .

Изъ груди у королевы.

«Кто же былъ за мной шпиономъ?!..»

«Кто? отвѣтствуй?...» Все забывши,
Воскликнула королева —
Величавая и прекрасная
Въ блескѣ царственного гнѣва...

Еслибъ не былъ Сан-Мартино
Небомъ свыше вдохновенный,
Я бъ сказалъ: глаза горѣли
У него какъ у гienны;

Но когда съ негодованьемъ
На него она взглянула,
Въ этотъ мигъ, въ глаза гienны
Точно молвіа сверкнула!

Но... сверкнула — и угасла!
«Нѣтъ, стонала Изабелла,
Я одна лишь знала тайну!
Я владѣть собой умѣла!

«Даже онъ — не смѣлъ подумать!
Гдѣ жь предатель? гдѣ жь Юда?..
Это имя только чудомъ
Могъ ты знать!...»

— «И было чудо:»

Произнесъ монахъ, — «и нынѣ
Не случайно, не напрасно
Въ храмъ пришла ты... Это имя —
Вотъ оно!»...

О мигъ ужасный!..

Вдругъ лицо свое худое,
Самъ робѣя безъ отчета,
Къ Изабеллѣ онъ приблизилъ,
И дрожа, шепнулъ ей что-то...

Отшатнулась, ошмыла
Королева въ лютый страхъ!
Взоръ съ тоской и изумленьемъ
Такъ и замеръ на монахъ...

На нее жъ его два глаза
Съ торжествомъ изъ тьмы глядѣли;
Точно всю ее опутать
И сковать они хотѣли,...

И душа ея, какъ птичка
Въ тонкой сѣткѣ птицелова
Перепуганная, билась,
Уступала, билась снова...

Въ храмъ пусто, въ храмъ тихо.
Неподвижны вокругъ святые;
Страшны хладныя ихъ лица,
Страшны думы везсмныя...

Лишь звучалъ монаха шепотъ
И порывистый и страстный:
«Признаю Твой промыселъ, Боже!
Персть Твой, Боже! вижу ясно!»

Свѣтель ликомъ, къ королеу,
Онъ воззвалъ: «жена, не сѣлуй!
Милосердъ къ тебѣ Всевышній!
Вотъ что въ ночь свершилось эту!

«Для меня вся ночь — молитва!
Видитъ плачь мой сокровенный,
И биење въ грудь, и муки,
Онъ Одиць, гвоздьми пронзенный!..

«Въ эту ночь — среди рыданій —
Вдругъ объялъ меня чудесный
Сонъ, и, вижу я, всю келью
Пренсполнилъ свѣтъ небесный.

«Мужъ въ верблюжьей грубой рясѣ,
Онъ имъ свѣтомъ окруженный,

Подожолъ ко мнѣ и позвалъ —
Я упалъ предъ нимъ смущенный.

«Онъ же рекъ тогда : «предстанеть
Нынѣ въ храмъ предъ тобою
Величайшая изъ грѣшницъ
Съ покровенной головою.

«Отврати ее отъ бездны,
Отъ пути Иезавели,
Коей кровь на стогнахъ града
Псы лизали, мясо ѣли.»

«Усумнился я — помыслилъ :
То не въ грѣхъ ли новый вводить
Бѣсъ—прельститель, бѣсъ, который
Часто ночью въ кельяхъ бродить.

«Моему ли окаянству
Вѣрять Богъ Свое вельнѣ?»...
Но прозрѣлъ угоднакъ Божій
Въ тотъ же мигъ мое сомнѣнѣ :

«Се ли, рекъ, твоя есть вѣра?»
Я же : «о владыче! труденъ
Этотъ подвигъ! Дьяволъ силенъ,
А мой разумъ слабъ и скуденъ.»

«Повинуйся! рекъ онъ намъ,
Повинуйся, рабъ дѣнный!
Се есть знаменье, которымъ
Побѣдиши грѣхъ ичуждый!»

«И развилъ онъ дивный свитокъ :
Въ буквяхъ огненныхъ сіяли
Въ немъ дѣла твои и тайны,
Прегрѣшеня и печали...

«И читалъ я передъ каждымъ
Судъ Господень — и скорбѣла
Вся душа моя, и плакала
О тебѣ я, Изабелла!»...

У самой у Изабеллы
Сердце въ ужасѣ застыло...
«Чудо — гнѣвъ небесный — чудо»...
Какъ во снѣ она твердила...

«Неужель... не Ты, о Боже!
Двигаль волею моею!
Неужели весь мой разумъ —
Не былъ мыслию Твоею!

«Лишь о подданныхъ любезныхъ,
Лишь о милостяхъ безъ счета,
О смягченьи грубыхъ нравовъ —
Вся была моя забота!..

«Я лишь радовалась духомъ,
Лучшимъ людямъ въ царствѣ вѣрась —
И ужели въ этомъ — гибель!
Неужели въ этомъ — ересь!»..

— «О заблудшее сердце!
Восклидалъ монахъ надъ нею.
«О сосудъ неоцѣненный
Для даровъ и для елѣю!

«Влей въ неѣ святое мѣре!..
Глаза свѣше удостоень,
Я земному не подкупень,
Средь житейскихъ волнъ — спокоень!

«Волю Божью — яко солнце
Вижу ясно! въ чемъ спасенья —
Осязаю!.. Королева!
Здѣсь, въ рукахъ моихъ — прощенья!»

Говорилъ онъ вдохновенный,
И въ словахъ его звучали
Сила вѣры, стоны сердца,
Міру чуждыя печали...

Изабелла, на колѣняхъ,
За слезой слезу роняла,

И, закрывъ лицо руками,
«Чтожь мнѣ дѣлать?» повторяла.

— «Надо дѣлать во славу Божию!
Чтобъ они — дѣла благія
На вѣсахъ превѣчной Правды
Перевѣшивали злыя!

«Ополчися на нечестье!
Въ царствѣ зло вели измѣрять,
Отличить худыхъ отъ добрыхъ,
Совѣсть каждаго провѣрять...

«Тотчасъ видно въ человѣкѣ,
Чѣмъ онъ дышетъ, чѣмъ напаянъ —
Изъ того ужь, какъ онъ смотритъ,
Изъ того ужь, какъ молчитъ онъ!

«Эти лица безъ улыбки,
Этотъ видъ худой и блѣдный, —
Явно — дьявольскія клеймы!
Духъ сомнѣнія зловредный!..»

Говорилъ онъ вдохновенный,
Но недвижная, вѣмая
Оставалась Изабелла,
Глазъ къ нему не подымая...

«Трибуналъ устрой духовный»,
Говорилъ онъ, «чрезвычайный!
Чтобъ слѣдилъ онъ въ цѣломъ царствѣ
За движеньемъ мысли тайной;

«Чтобы слухъ его и око
Быль бы всюду, блюлъ бы души —
Въ городахъ, въ домахъ и кельяхъ,
Въ полѣ, на морѣ, на сушѣ;

«Чтобъ стоялъ онъ, невидимый,
Въ школахъ, въ храмахъ, полъ землю,
И между отцомъ и сыномъ,
Между мужемъ и женою...

«И тогда — въ твоихъ народахъ...
 Умъ и сердце, трудъ и знанье —
 Все сольется въ хоръ согласный
 Возхвалять Отца создавша!»

«Ни однимъ нестройнымъ гласомъ
 Слухъ его не оскорбится...
 И тебѣ тогда, царица,
 Все простится! все простится!...»

— «Все простится...» повторила
 Изабелла... лучъ желанный
 Какъ маякъ для морехода
 Ей блеснулъ вдали туманной...

Подняла къ монаху очи :
 Слезы все на нихъ дрожали,
 Но уже сквозь слезъ надежда
 И довѣріе сіяли...

— «Возвратись же въ домъ свой съ миромъ!
 И зови меня, хулого,
 Коль рѣчей моихъ смиренныхъ
 Возжелаешь сердцемъ снова...»

«А въ дому своемъ отнынѣ
 Тщися мудрыми рѣчами,
 Какъ Эфирь, въ супругъ сердце
 Преклонить — да будетъ съ нами!»

«Говори ему въ совѣтъ,
 Средь забавъ, на брачномъ ложѣ,
 За трапезой, съ лаской, съ гнѣвомъ,
 День и ночь, одно и то же,

«Такъ какъ капля бьетъ о камень,
 Говори, моли и требуй —
 И тогда, о! все простится!
 Всѣмъ угодна будешь небу!...»

Онъ умолкъ. Ужь Изабелла
 Какъ дитя за нимъ слѣдила,

И за нимъ опять невольно —
«Все простится» — повторила...

По устами у Сан-Мартино
Пробѣжалъ улыбки трепеть...
Богомольныхъ дамъ — быть можетъ —
Вспомнилъ онъ невинный лепеть,

Вспомнилъ тайну королевы, —
И какъ-будто осіянный
Новой мыслью, — «все простится»
Подтвердилъ съ улыбкой странной.

А. МАЙКОВЪ

ПОГИБШЕЕ, ПО ИМЛОВО СОЗДАНЬЕ

РАЗСКАЗЪ

(посвящено Н. И. Урывкову)

I

Кажется нѣтъ ничего въ мѣрѣ тоскливѣе и скучнѣе петербургскихъ тротуаровъ подъ осеннюю или передвесеннюю пору. Въ сколь бы веселомъ расположеніи ни вышли вы въ это благодатное время на улицу, какъ бы ни было свѣтло и благоуханно настроеніе вашихъ мыслей и лирическихъ порывовъ и чувствованій — эти не-носные, сѣрые, мокрые тротуары непремѣнно убьютъ все и нагонятъ на васъ тоску, хандру, сплинь, скуку, или нѣчто въ родѣ квинтъ-эссенціи изо всѣхъ этихъ четырехъ благородныхъ ощущеній, которымъ тѣшитса неустанно подвергать себя, въ подражаніе «туманному Альбіону», все тѣ, что удостоено чести носить наименованіе петербургскаго фешена.

Но для насъ, обыкновенныхъ смертныхъ, выкроенныхъ рукою матери-натуры по общепринятому и обыденно-утвержденному образцу, эта квинтъ-эссенція изъ тоски, хандры, сплина и скуки вовсе не имѣетъ того обаятельно-привлекательнаго цвѣта и запаха, какимъ она отличается у людей «особаго рожденія», и поэтому мы, въ незатѣйливой простотѣ души своей, искренно негодуемъ на петербургскіе тротуары и нисколько не удивляемся тому, что въ одинъ прескверный передвесенній день, часовъ въ пять, по тро-

туару Фонтанки, между Измайловскимъ и Калинкинскимъ мостами, шагалъ угрюмый господинъ, облеченный въ форменное пальто и студентскую фуражку, и шагалъ притомъ въ самомъ северномъ, хандрящемъ расположеніи своего юно-ученаго духа.

Первая естественная, законная и неопровержимая причина хандры, которой мы относимъ полное и гуманное наше сочувствіе, находилась въ прямой зависимости отъ слякотныхъ тротуаровъ; вторая происходила изъ другаго источника и имѣла въ основаніи своемъ политико-экономическія и финансовыя соображенія и обстоятельства.

Дѣло въ томъ, что нашъ угрюмый, юно-ученый другъ уже давно, съ самаго окончанія своего скромнаго кухмистерскаго обѣда; т. е. съ трехъ часовъ пополудни до означеннаго выше часа, имѣлъ прискорбное неудовольствіе измѣрять пространство мокрыхъ тротуаровъ и считать многочисленныя ступени лѣстницъ, на которыя ему приходилось взбираться; и весь этотъ гимнастическій моціонъ, неоспоримо весьма полезный для желудка, было присуждено ему исполнять втунѣ, не достигая ни у одной двери изъ тѣхъ лѣстницъ, на которыя онъ взбирался, своей вожделенной цѣли. А цѣль между тѣмъ была совершенно проста и законна: нашъ юно-ученый другъ пригласилъ къ себѣ на сегодняшній вечеръ нѣсколькихъ своихъ юныхъ и не менѣе ученыхъ друзей, предполагая провести съ ними пріятно время за стаканомъ добраго пунша. Для этой цѣли конечно нужны деньги. Нашъ юно-ученый другъ, не думая долго, отправился въ тѣ дома, гдѣ онъ имѣлъ большое неудовольствіе преподавать различныя науки различнымъ идиотикамъ и идиотицамъ отъ полутора-аршинной и до трехъ-аршинной мѣры включительно, и гдѣ ему были должны за претерпѣваемую ими педагогическую каторгу, но увы!.. ни въ одномъ изъ этихъ домовъ не удалось ему получить желаемое: то «дома нѣтъ», то «извините пожалуйста», то «повремените пожалуйста», а въ результатъ изъ всего этого, въ кошелекѣ нашего друга оказался нуль.

Согласитесь, что все это непріятно, даже и очень непріятно, посѣтить по пустому нѣсколько странъ многоквартирнаго города Петербурга, претерпѣвать въ своемъ путешествіи усталость, мокроту, слякоть, холодъ и вдобавокъ хандру, и все это съ уповательною перспективою возвратнаго пути на Васильевскій островъ, по образу пѣшаго хожденія, а тамъ — предстоящая встрѣча, у себя на квартирѣ, добрыхъ пріятелей, званыхъ гостей, которые вѣроятно уже находятся въ сильномъ ожиданіи согрѣвающего, вдохновен-

тельного думша. Очень прискорбно, однако нечего дѣлать, надо идти...

Все это повергло нашего героя въ неисчерпаемую пучину задумчивости и грусти. Шоль онъ, какъ сказано уже, угрюмо понуривъ голову и глядѣлъ... но это всего затруднительнѣе—опредѣлить, куда онъ глядѣлъ или вообще куда глядитъ пѣшеходъ въ подобномъ положеніи, на мрачномъ петербургскомъ тротуарѣ: вѣрнѣе будетъ, если мы скажемъ, что онъ никуда, такъ-таки ровно никуда не глядѣлъ. Тяжелый полетъ мрачныхъ думъ его былъ направленъ на оуету и бренность, непрочность и перемѣнчивость *всего* въ нашей земной юдоли, что такъ согласовалось съ его настоящимъ положеніемъ; отъ этого грустнаго предмета думы его перелетѣли на судьбу его собственной особы; неразлучная пріятельница этихъ думъ — фантазія постаралась изобразить всю картину его жизни и положенія самыми мрачными красками, и мало по малу нашъ герой дошелъ до того горестнаго сознанія, что онъ самый несчастный человекъ въ мірѣ.

«Что я, ну что я такое?» грустно размышлялъ онъ, обходя обширныя лужи и медленно помавая головою: — я самый жалкій, самый несчастный человекъ. Остался я сиротой... матери и отца не помню... никто не прирѣлъ, не приласкалъ, не полюбилъ меня въ жизни... наука... да вѣдь наука не мать, она не полюбитъ; ее полюбишь, а она не полюбитъ... Вотъ я съ утра до ночи сижу надъ своими проклятыми математическими формулами, — а что съ того?.. мнѣ вѣдь не теплѣе, не отраднѣе... А мнѣ хотя бы одно слово, одинъ взглядъ; одна улыбка!.. Съ пріятелями развѣ погутишь, отведишь душу — ну, это такъ! да все же это не то... Богъ это знаетъ, чего въ сущности хочется — и самъ не знаю, а чувствую, что все это не то... Вотъ такъ-то и жизнь скоротаешь, такъ-то и... Охъ! извините-съ! вскрикнулъ вдругъ съ испугомъ пріятель нашъ, углубленный въ свои элегическія размышленія, нечаянно натолкнувшись на поро-то.

Понялъ онъ глаза — и вдругъ остался въ положеніи «знала удивленія», тановымъ, каковымъ изображаютъ его во всѣхъ грамматикѣхъ и во всѣхъ стиховныхъ посланіяхъ «къ ней!!!» и т. п.

Передъ нимъ стояла молоденькая дѣвушка — хороша, какъ Божій день, — стояла, ласково поднявъ свои выразительныя, черныя газелья глазки и улыбалась такою хорошею улыбкой, о которой именно мечталъ онъ въ своихъ элегическихъ размышленіяхъ. И

эта улыбка участія, улыбка ласки и привѣта, соединенная съ какимъ-то кроткимъ сожалѣніемъ, сочувствіемъ, относилась именно къ нему.

— Виновать, пробормоталъ онъ, совершенно смѣшавшись и приподнимая козырекъ своей студентской фуражки, а дѣвушка между тѣмъ, ласково кивнувши хорошенькою головкой на это немногосложное извиненіе, подобрала свое щеголеватое платьице съ полами моднаго манта, и выставляя изъ подъ краснаго съ торными полосами кринолина свою стройную маленькую ножку, изящно обутую въ лакированную галошу поверхъ прюнелевой ботинки, съ осторожной бережливостью, граціозно стала переходить на другую сторону улицы.

Нашъ герой опять понурить голову и пошелъ далѣе, но думы его ужъ приняли менѣе угрюмый, элегическій отрой, а на губахъ заблелькала даже улыбка.

«Вишь-ты, какіе глазки! думалъ онъ, продолжая идти; вишь-ты! а какъ хорошо одѣта... кто бы это такая могла быть?... зачѣмъ она такъ улыбулась? зачѣмъ она такъ поглядѣла на меня?... Ну, что я для ней? вѣдь чужой, вѣдь совсѣмъ чужой, вѣдь она не знаетъ меня, а улыбулась!.. а поглядѣла-то какъ! будто сестра поглядѣла, будто бы ей жалко стало меня... но кто же это, кто же она?... какъ бы узнать?... пойду за нею! рѣшилъ герой нашъ, и круто повернувшись въ самой серединѣ лужи, куда онъ попалъ, совершенно позабывъ о существованіи лужъ на петербургскихъ тротуарахъ, пошелъ скорыми шагами въ обратную сторону. Но увы! тщетно попытка онъ догнать мелькнувшую передъ нимъ ножку, тщетно напрягалъ зрѣніе, стараясь разглядѣть ее въ пасмурной; туманной дали, тщетно переходилъ нѣсколько разъ улицу — хорошенькая юловна мелькнула какъ метеоръ и ужъ больше нигдѣ не показывалась...

Нашъ юно-ученый другъ наконецъ остановился, постоялъ нѣсколько времени въ раздумьи, поглядѣлъ на окна сосѣднихъ домовъ и, повернувшись, пошелъ-себѣ снова, однако же не столь ужъ топлявивымъ шагомъ, по своему водянистому пути, во свояси, на свой прелестный Васильевскій островъ.

II

Путь предстоялъ не малый, и потому герою нашему было достаточно времени вновь предаться размышленіямъ о хорошенькой головкѣ и задавать себѣ головоломный вопросъ, кто бы такая могла она быть? Но для правдивости нашего повѣствованія надо будетъ сказать, что въ сѣтованіяхъ его на свою несогрѣтую, одинокую, горемычную судьбу была—таки нѣкоторая доля правды: на него дѣйствительно никто еще пока не глядѣлъ такимъ ласковымъ, точно роднымъ, сострадательнымъ взглядомъ, никто не улыбался приветливою, сочувственною улыбкой, и потому взглядъ и улыбка этой дѣвушки не шли у него изъ ума и всю дорогу мерещились безпрестанно.

Но вотъ ужъ передъ нимъ и Седьмая Линія со своимъ рынкомъ и куполами Андрея Первозваннаго, а вотъ и тотъ сѣрый домикъ нѣщанки Трифоновой, у которой онъ вмѣстѣ съ товарищемъ нанимаетъ квартиру — двухъ-оконную комнату съ отопленіемъ, водою, прислугой и самоваромъ. Вотъ наконецъ и эта комната, съ клубами табачнаго дыма, большою черною доскою, съ разбросанными записками и книгами, со сложеннымъ кое-какъ въ разныхъ углахъ студентскимъ платьемъ, картонкой для треуголки, старой сломанной шапкой, съ жесткимъ клеенчатымъ диваномъ и нѣсколькими колченогими стульями. Вотъ раздаются въ ней звонкіе молодые голоса и веселый, здоровый смѣхъ собравшихся товарищей; вотъ наконецъ и онъ самъ посреди этой комнаты и посреди своей молодежи, которая, въ ожиданіи пунша, забавляется — кто картами, кто рапирами, а кто и просто лежаньемъ на диванѣ и на двухъ кроватяхъ да пусканіемъ колець табачнаго дыма.

— А, хозяинъ дорогой!.. Вахлюковъ, здравствуй, голубчикъ! гдѣ пропадалъ? обратилась къ нему вся компанія съ разспросами съ разныхъ сторонъ.

Вахлюковъ ничего не отвѣчалъ на эти возгласы и привѣтствія: онъ только сталъ посреди комнаты въ трагикомическую позу, скрестилъ на груди руки, мрачно обвелъ глазами всю комнату, еще того мрачнѣе покачалъ головою, и внезапно шваркнувъ о полъ свою намѣченную фуражку, проговорилъ:

— «Сорвалось!..»

— Ха, ха, ха!.. Что съ тобой? что ты? или ты уже созрѣлъ? равенько, братъ! послышалось съ разныхъ сторонъ комнаты.

— Созрѣлъ... не въ зрѣлости дѣло!

— А въ чемъ же?

— А въ томъ, что «сорвалось!» — съ чѣмъ я и имѣю честь возравить мое благородное собраніе и объявить торжественно, что чаю, на пуншу въ виду не имѣется.

— Какъ такъ? восликинула вся компанія. Студенты, лежавшіе на кроватяхъ, вскочили.

— Очень просто: не отыскалъ причины всѣхъ причинъ, главная рычага человѣческаго существованія, а еще измокъ и усталъ изъ собака.

— Только-то!.. ха, ха, ха!.. ну, это, дружище, еще пустяки! это обстоятельство постороннее; самое суть-то не въ томъ...

— А въ чемъ же?

— А въ томъ, что главное, чего нужно было, это компанія — состоитъ вся на лицо?

— На лицо.

— Ergo: теперь остается рѣшить одно: to be, or not to be? — быть или не быть, пить или не пить? вотъ въ чемъ вопросъ.

— Это какъ Аллахъ поможетъ!..

— Ну, это, братцы, въ сторону. Аллахъ Аллахомъ, а дѣло дѣломъ! отозвался одинъ изъ студентовъ, а я предлагаю вамъ, благородные лорды и джентльмены, на обсужденіе билль слѣдующаго рода: не благоугодно ли будетъ вамъ отправиться пить чай къ Криницкому? у него, сколько мнѣ извѣстно, всѣ принадлежности для этого благороднаго занятія состоятъ въ надлежащей исправности. Идетъ, что ли?

— Браво! похвально! благодаримъ, синьоръ! идетъ! отозвалась въ одинъ голосъ вся компанія, при чемъ мигомъ воспослѣдовалъ шапочный разборъ и всѣ студенты, вмѣстѣ съ хозяиномъ, гурьбой отправились искать чаю у Криницкаго.

Но Криницкаго не оказалось дома.

— Куда жь идти за чаемъ? былъ общій вопросъ, предложенный въ стѣнахъ квартиры Криницкаго на общее обсужденіе.

— А! эврика, эврика! закричалъ Вахлюковъ, махая руками, идемъ къ Вадецкому! хоть незванный гость и хуже татарина, да онъ у насъ социалистъ и комунистъ, такъ вотъ попробуемъ! пускай-ко онъ прилагаетъ свои комунистическія теоріи къ дѣлу!

— Что толку, что онъ помунитъ, когда чаю-то у него почти никогда не бываетъ.

— Есть! я самъ третьяго дня у Савельича въ университетѣ видѣлъ на его имя повѣстку.

— Ну, быть тому дѣлу! идетъ! была всеобщій отвѣтъ, и вся компания, со включеніемъ еще двухъ новыхъ товарищей, пойманыхъ на улицѣ, направила стопы свои къ Ванецкому, гдѣ и наша маволецъ пристанище мирно, мѣсто значно и прохладно, изобиліе и тепло, чай и сахаръ, лимоны и коньякъ, да вдобавокъ еще обширную кочерушку и двѣ студентскія шпаги, при помощи которыхъ состоялась вдругъ импровизированная жженка. И всѣ были довольны и счастливы, и далеко-далеко за полночь, къ крайнему соблазну сосѣдняго будочника, изъ квартиры Ванецкаго, сквозь двойныя рамы, доносилось на улицу дружное

Gaudeamus igitur
Juvete dum sumus!

III

Есть въ университетѣ два шика: одинъ подражающій гвардейскому офицерству, шикъ эlegantный, аристократическій; другой — неподражающій никому и ничему, оригинальный, самобытный, независимый. Представители перваго — богатые, изгѣженные, чистенькіе, красивенькіе мальчики, всегда гладко причесанные, прилизанные, отбланивающиеся у Брунста, въ бѣлыхъ жилетахъ, въ бѣлыхъ перчаткахъ, всегда при шпагѣ; катающиеся на рысакахъ; кутиющиеся у Дюссо и Бореля вмѣстѣ съ Бертами, Луизами и Армансъ, и гуляющие на Невскомъ съ кавалергардами; представители другаго — независимые отъ папенекъ и маменокъ, бабушекъ и тетушекъ люди, въ старыхъ сюртукахъ на распашку, въ пестрыхъ галстукахъ съ отложными воротничками, въ пестрыхъ жилетахъ и иногда въ пестрыхъ брюкахъ; перчатокъ по два раза въ день не мѣняющие, шпагъ, какъ излишнюю тяжесть, не таскающие, а носящие часто, въ замѣнъ того, дубовыя крючки или большія суковатая палки; физиогноміи у нихъ украшаются почти всеми предназначенными мудрою природою украшеніями, часто безо всякаго внимательства бритвы; у нихъ какъ у пушкинскаго Демскаго

Всегда восторженная рѣчь

И кудри черныя до плечъ;

и кудри эти въѣтся въ поэтическомъ безпорядкѣ, увѣнчанныи небрежно наброшенной старой, помятою, но завѣтной студентской фуражкой. Дюссо и Борелей они не посѣщаютъ, но посѣщаютъ за тебильярдную Гейде; ихъ Берты, Армансъ и Луизы — героини другой сферы: скромныя швейки и модистки изъ разныхъ второстепенныхъ магазиновъ, всегда милыя, всегда свѣжія, всегда довольныя — и съ этими модистками они счастливые всѣхъ смертныхъ на землѣ. Данило Ивановичъ Вахлюковъ являлся представителемъ этого послѣдняго шика, съ однимъ впрочемъ важнымъ исключеніемъ: сердце его было свободно, и ни одна островская Дульцинея не простирала туда своей кошачьей лапки. Онъ былъ угрюмъ и неприступенъ на этотъ счетъ. Наружностью отличался суровой, коленастой; на ходу немного гнулса впередъ и носилъ великолѣпныя усы и большую бороду. Большую часть своего времени проводилъ онъ съ книгою въ одной и кускомъ мѣла въ другой рукѣ передъ большою черною доскою за упорнымъ преслѣдованіемъ всевозможныхъ формулъ и головоломныхъ функцій. Держалъ себя независимо и просто, былъ большой пріятель со старымъ почтеннымъ университетскимъ швейцаромъ Савельичемъ — личностью, которая приобрѣла классическое значеніе въ стѣнахъ университета, и слытъ добрымъ малымъ, «душою-человѣкомъ» въ кругу своихъ товарищей. Въ театрѣ ходилъ въ галерею, а обѣдать ходилъ къ кухмистеру, но никогда не соблазнялся хорошею прислужницею Лотхенъ, не щипалъ ея и не зашучивалъ съ нею. Разъ только, когда товарищи за обѣдомъ вздумали было обратить на нее его вниманіе, онъ угрюмо повернулъ голову къ смазливенькой нѣмочкѣ, мрачно посмотрѣлъ на нее изъ-подлобья, проговорилъ трагическимъ басомъ «женщина!» и вслѣдъ за тѣмъ, махнувъ рукою, обратился къ своему супу. Когда бывало заводили съ нимъ разговоръ на хорошецкихъ нивесахъ, что по большей части случалось, если кто-нибудь изъ товарищей заглядывалъ съ такой особой въ его квартиру, онъ поворачивался къ доскѣ и, принимаясь угрюмо тыкать въ нее мѣломъ, съ выводомъ какой-нибудь формулы, отвѣчалъ обыкновенно се вздохомъ:

— Эхъ, братъ! куда ужъ намъ съ немыхимъ рыломъ да въ казашный рядъ соваться!.. Это не по нашей части! Вотъ формулу вывести или на счетъ коньячку съ тобой пройтись — это изволь! могу! а то вдругъ выдумалъ: женщина!

Студентовъ-франтовъ, онъ не то что не любилъ, а такъ

чувствовалъ къ нимъ полнѣйшее равнодушіе. Если мимо его проходилъ одинъ изъ такихъ господчиковъ, окидывая его пестрый жакетъ, съ высоты своего величія, олимпійски-презрительнымъ взглядомъ, и кто-нибудь изъ товарищей замѣчалъ это, Вахлюковъ только съ незлобивою добродушною улыбкой отвѣчалъ на это: «муха» и проходилъ себѣ далѣе.

Съ послѣдняго только вечера у Ванецкаго, его все занималъ вопросъ: кто бы могла это быть та хорошенькая головка, что встрѣтилась съ нимъ у одного подъѣзда, и зачѣмъ поглядѣла она на него такимъ добрымъ, привѣтливымъ взглядомъ?

Подступала весна, наступили экзамены, но и во время тяжелыхъ, бессонныхъ ночей, когда утомленная голова невольно закидывалась на спинку кресла, въ ней подымался все тотъ же неотступный вопросъ и какъ-будто слегка шевелилось его сердце...

IV

Надъ Невой стояли ужъ бѣлыя ночи, а въ садахъ лиловая сирень зацвѣтала.

Экзамены въ университетѣ только что кончились, — и привольно вздохнулъ Данило Ивановичъ. Выспался онъ наконецъ послѣ бессонныхъ ночей: цѣлая полтора сутокъ спалъ; наконецъ проснулся, хорошо пообедалъ у своего кухмистра и вмѣстѣ со своимъ сожителемъ пошелъ прохладиться за доброй бутылкой холоднаго пива въ одну знакомую Bier-Halle. Цѣлый вечеръ потомъ лежалъ онъ у себя на кровати съ приятнымъ и самодовольнымъ сознаніемъ всей законности своего *ничего-недѣланія*; лежалъ, и только безотчетно приятно улыбаясь, покуривалъ свою трубочку. Какъ человекъ солидный, папирозъ онъ не курилъ, развѣ только за необходимостью въ университетской курильной, къ порядочнымъ же сигарамъ почему-то питалъ пренебреженіе и непримиримую вражду. Лежалъ онъ одинъ; сожитель его ушелъ куда-то въ гости.

А надъ городомъ вставала ужъ между-тѣмъ теплая весенняя ночь.

Данилѣ Ивановичу захотѣлось прогуляться: хорошая ночь соблазнила. Облекшись въ свое пальто и взявъ свою солидную суковатую палку, совершенно почтеннаго и внушительнаго вида и свойства, онъ поманилъ своего задушевнаго пріятеля — кургузаго, безхвостатаго Бульдога Юрика и вышелъ съ нимъ на улицу.

Ночь стояла тихая, ясная, голубая...

Неба — какъ зеркало, даже легкая зыбь исчезла, и въ ней со ясною отчетливостью рисовались опрокинутые контуры дугообразныхъ арочекъ моста и двухъ павильоновъ адмиралтейства съ ихъ помпезными флагами; а тамъ, дальше, въ прозрачной дали, контуры массивныхъ дворцовъ и гранитной набережной... Съ другой стороны лево уносилась вверхъ золотой петропавловскій шпиль, и весь пейзажъ легкими, теплыми абрисами уходилъ въ невозмутимо свѣтло, розоватую даль... Неугасимая заря подернула эту даль и эту гладкую воду розоватымъ отливомъ и слегка, нѣжно окрасила нежные, прозрачныя облака, которые высоко-высоко застыли въ чуткомъ весеннемъ воздухѣ... Ночная тишь стояла невозмутимо и ни одинъ яликъ со звучнымъ плескомъ не бороздилъ сонной глади... Съ одной стороны въ воздухѣ пахло рѣкою, съ другой тонкимъ ароматомъ тополя и сирени.

Богъ въсть отчего, только на героя нашего напало тихое, приирительное раздумье, какая-то Sehnsucht, какая-то отрадная, безотчетная и успокоительная грусть...

Тихо шлоъ онъ по гранитной набережной Васильевского острова и незамѣтно свернулъ въ одну изъ чистенькихъ линій. Умный весь его, понуря голову, съ гордымъ сознаніемъ собственного достоинства, важно переступалъ лапами, неотступно слѣдя за своимъ другомъ.

Но — чу!.. вотъ прозвучалъ тихій аккордъ... прозвучалъ и заверъ... Гдѣ онъ? откуда онъ?

Вотъ чистенькій, одноэтажный деревянный домикъ: въ одномъ окнѣ тихій, ровный свѣтъ... Окно открыто настежъ и его только на четверть отъ подоконника не закрываетъ спущенная штора... Вотъ еще такой же аккордъ... А, это отсюда, это изъ этого окна!..

Данило Ивановичъ остановился.

— Фу, ты чортъ!.. что это за дрянъ бречить тамъ! подумалъ онъ про себя, сверчивъ на губахъ своихъ пренебрежительную мишу? И играть-то порядочно не умѣеть!.. Вальсъ какой-то глупѣйшій!..

А между-тѣмъ другъ нашъ безотчетно какъ-то подошелъ къ окну и заглянулъ туда.

Онъ вадроснулъ и, какъ очарованный, приковался къ своему кѣсту.

Передъ нимъ была изищю, не серомо убранная комната. Не-

большая лампа под молочно-матовымъ колпакомъ поучеивала ее ровнымъ свѣтомъ. У стѣнки, на мягкомъ диванѣ, подложивъ подъ голову ручку, спала маленькая, восхитительно-прекрасная кудрявая дѣвочка лѣтъ трехъ или четырехъ, не болѣе; легкою кисейною платьицею мягко подходило у нея къ чудно-выточенной шейкѣ и по-луприяривало малютку ножку, а сонная, розовенькая ручка не успѣла еще выпустить большую нарядную куклу, которую, можетъ быть, за нѣсколько минутъ она играла. У другой стѣны стояло пианино и передъ нимъ вырисовывался чудный профиль — то была женщина, одѣтая вся въ бѣлое, въ легкой, небрежно-накинутой венюарѣ, и изъ подъ бѣдныхъ, тонкихъ рукъ ея брнчали эти звуки штраусовскаго вальса, который такъ неприятно возмутила нашего юнаго друга.

Черты лица ея кинулись въ глаза притаившемуся за окномъ студенту — это были знакомыя черты. Онъ вспомнилъ — и весь задрожалъ неволью... то были тѣ самые глаза, которые взглянули на него когда-то такимъ роднымъ, сострадательнымъ взглядомъ, то была та самая ласкающая улыбка, — но Боже! какая разница вдругъ показалась Вахлюкову: то была земля, а это небо, какъ-будто совсѣмъ другой мѣръ, другая женщина... И звуки эти уже не казались ему пошленькимъ брнчаньемъ пошленькаго вальса — нѣтъ! онъ мигомъ, словно по мановенію какого-то волшебнаго жезла, почувалъ въ нихъ нѣчто другое... Ему показалось, что вдругъ полились тихіе, звенящіе аккорды, полились какъ юный, влюбленный плачь, какъ гармонія слезъ, чистыхъ, дѣвственныхъ, первыхъ весеннихъ слезъ. Однимъ словомъ — Богъ знаетъ, что показалось. А между-тѣмъ игра была самая обыкновенная, да и вальсъ не изъ Богъ знаетъ какихъ...

— Кто же ты, кто ты?.. прошепталъ онъ неволью и самъ испугался своего шопота: онъ боялся, что она — этотъ волшебный призракъ, услышать, замѣтить его и перестанетъ играть.

Тихо отошла онъ отъ своего мѣста и свѣлъ на тумбу передъ окномъ, закрывъ глаза и подперевъ лицо свое руками. Вѣрный другъ его — пѣсь Юрикъ помѣстился на корточкахъ передъ нимъ и, глубокомысленно спуская свою умную морду, тоже слушалъ эту музыку.

Но вогъ, затихая и угасая, постепенно она смолкла, а онъ все еще сидѣлъ, какъ очарованный, закрывъ лицо руками.

Наконецъ онъ очнулся, поднявъ глаза и увидавъ тотъ самый

добрый, родной, теплый и сострадательный взгляд, ту самую кроткую и милую улыбку.

Она стояла у открытого окна, вся въ блѣмѣ, приклонясь къ косяку; своимъ грязнымъ платкомъ и замусоливъ гетры, продранные пальцы въ густую прядь своихъ черныхъ волосъ, вся въ какой-то истомѣ, словно уставая, и глядя на него. Она, казалось, вспоминала его...

Въ эту самую минуту изъ подъ руки ее неожиданно выскочила маленькая коммандная собаченка, и давая лапы съ края подоконника, самымъ оскорбительнымъ и задорнымъ тономъ, на оштрафованного ченнаго Юрика, — точно она дразнила его.

Видно значеніе этого мизернаго твяканья было черезъ чуръ уже оскорбительно для пса такой благородной расы, какъ Юрикъ (въ собаки имѣютъ свой языкъ); видно ужъ это имѣло такое значеніе, какъ солиды вдругъ какой-нибудь поджарый мезовосесть издумать ни съ того ни съ сего задвигать и дразнить своими оскорбительными выходками особу чрезвычайно солиднаго и достойнаго ранга; видно ужъ это имѣло таковой смыслъ, говоримъ мы, потому что Юрикъ, вдругъ вкочивъ съ своего мѣста, со злобой оскорбленнаго песьяго достоинства, бросился на собаченку. Собаченка взизгнула и шприветомъ юркнула въ глубину комнаты, разразясь тамъ неистовыми дискантовыми лаемъ.

Молодая дѣвушка отскочила въ испугѣ отъ окна, а Вахлюковъ бросился вслѣдъ за Юрикомъ съ криками: Юрикъ! шельма! Юрикъ! Цыцъ! Назадъ, Юрикъ! и старался поймать его за уши.

Впрочемъ, съ помощію суковатой палки, Юрикъ былъ тѣтчасъ же усмиренъ своимъ другомъ.

— Что это за сумасшедшій! съ бѣшенными собаками ходить! восклицался недовольный и насмѣшливый голосокъ изъ комнаты.

Вахлюковъ смѣшался, сконфузился, но не могъ удержаться, чтобы еще разъ не бросить взгляда въ глубину комнаты. Этотъ взглядъ на лету поймалъ тамъ милую, добрую, но насмѣшливую улыбку. Вахлюкову хотѣлось хоть что-нибудь сказать этой дѣвушкѣ, и потому приподнявъ свою фуражку, онъ очень любезно и развязно, на сколько это позволяла ему его коренастая наружность, проговорилъ ей:

— Сударыня, извините пожалуйста моего Юрика; онъ тѣпая, но добрая собака, — и ужъ побилъ его!

Въ отвѣтъ на эта дѣвушка весело и непринужденно засмѣялась,

вѣроятно вспомнилъ тотъ моментъ, когда герой нашъ тщетно старался уловить уши и хвостъ своего друга, и мило кивнула ему голубкой.

Вахлюковъ еще разъ взглянулъ на нее и въ этикъ взглядахъ близначилась самая кроткая, но восторженная благодарность... Онъ безотчетно улыбнулся чему-то, помянулъ своего Юрика и пошелъ себе далѣе.

Вскорѣ до него долетѣлъ звукъ заклопнутого окна.

И въ этикъ обоюдныхъ взглядахъ сказалось ихъ первое, почти безмолвное знакомство.

V

Нашъ юво-ученый другъ ушелъ совершенно потуманенный; словно выпилъ онъ нѣсколько добрыхъ стакановъ крѣпкой студентской жженки, — и долго метался онъ у себя на постели: ему было душно, жарко; несносный комаръ какой-то звенѣлъ надъ ухомъ; а когда наконецъ заснулъ, все мерещилось ему чей-то взглядъ и улыбка и какіе-то сладкіе звуки...

И напрасно старался онъ не думать о своей «незнакомкѣ», напрасно старался какъ можно угрюмѣе и усерднѣе тыкать пальцемъ въ свою черную доску, напрасно принимался даже за романъ какой-то Поль-де-Кона, — функции съ Поль-де-Коккомъ оказались рѣшительно въ самомъ злостномъ заговорѣ противу него... А когда настала навалъ ночь, онъ по вчерашнему взялъ палку и клякнулъ за собою Юрика...

Сколь ни напоптывалъ ему его математическій, ледодный разсудокъ, что онъ изволитъ дѣлать великую чепуху, которую можетъ только дозволить себѣ студентъ-филологъ, душою преданный своему Анакреону, однако вскорѣ и разсудокъ со своими ледяными доводами долженъ былъ ретироваться... Влюбленные порывы нашего друга сдерживалъ только сосѣдній дворникъ, который стоялъ вблизи знаменитаго сѣренькаго домика съ эмблемою своей дворничьей власти — голстою налицей съ желѣзнымъ наконечникомъ, и стучалъ ею немилосердо, такъ что герой нашъ въ виду его ужъ ни какою образомъ не могъ остановиться у заветнаго окошечка, не рискуя быть принятымъ съ его стороны за ночного мазурика.

Но дворникъ наконецъ пересталъ стучать и, завернувшись въ

дублонку, привурнуть у подъязда, а герой нашъ опять, по вчерашнему, утѣлся на тумбу и сидѣлъ; но въ окнѣ чинте не появлялся.

Жутко стало ему, такъ жутко, что онъ и не замѣтилъ, какъ набрели на него случайно нѣсколько товарищей, любителей ночныхъ прогулокъ и похаживаній, и подняли его на смѣхъ, подозрѣвая, что онъ уже черезъ-чуръ перегрѣлся. Вахлюковъ оправился и ношолъ шѣпотѣ съ ними восвояси.

VI

Знаете ли вы, что такое Тарасовъ садъ? Имѣете ли вы понятіе объ этомъ мирномъ, укромномъ пріютѣ, выходящемъ наружною своею стороною на набережную Фонтанки, близъ Измайловскаго моста? О, если вы не знаете Тарасова сада, значить, не знаете единственнаго мѣста во всемъ Петербургѣ, не похожаго на весь остальной Петербургъ! Здѣсь, подъ патриархальною сѣнію его дерева основалъ свою лѣтнюю резиденцію не менѣе патриархальный бюргеръ-клубъ, достопочтенный, маститый, аккуратный бюргеръ-клубъ.

Это не Петербургъ, — вы только войдете туда, какъ начнете уже чувствовать, обонять, что это не Петербургъ; это просто клочекъ земли, выхваченный рукою какого-то добраго генія и перенесенный сюда съ питательной, благоустроенной почвы чисто-плотной, аккуратной Германіи; это то благодатное мѣсто, куда все ваше солидное, достопочтенное населеніе сыновъ Германіи удалется *ins Grüne*, подышать чистымъ воздухомъ, выкурить дешевую, рижскую сигару и до неимоверности упитаться великолѣпнымъ нѣмецкимъ пивомъ; — здѣсь добрая, патриархальная Германія.

Войдите туда, — это, право, стоитъ того!

У входа первое, что замѣчаете вы, это блюстителя благочинія и градоначальнаго порядка, который впрочемъ не смѣетъ переступить за порогъ заповѣданнаго для него эдема, ибо тамъ имѣется ужъ свой судъ и своя расправа: прибитая повсюду доска съ мудрою надписью: «кто о се мѣсто осквернитъ, платитъ три рубля серебромъ штрафъ», достаточно оберегаетъ спокойствіе и неприкосновенность правъ носѣтителей и членовъ лѣтняго бюргеръ-клуба. Второе, что бросится вамъ въ глаза при входѣ, послѣ представительнаго альбва-

зига, эта начертанная на цѣбѣтной бумагѣ афиша, гласящая что съ кого-то числа *вылетѣла быль дама*, въ пользу деворатора Фолкса или кое-либа другога пѣвъ членовъ-увеселителей клуба, большой музыкальный и увеселительный вечеръ съ четырьмя временами года? — Ну, какъ не соблазнаться этими заманчивыми и таинственными четырьмя временами года? какъ не войти туда? — Видимъ, беремъ билетъ, при чемъ получаемъ сдачу — особенную ассигнацію клуба, съ которою до перваго буфета рѣшительно не знаемъ куда дѣваться. Но стойте: здѣсь на порогѣ васъ ожидаетъ маленькая неприятность, нисколько впрочемъ не вредящая общему удовольствію. Къ намъ подходитъ человекъ, раскланивается и съ чувствомъ сознанія собственного права возглаголетъ:

— Пожалуйте палки!

— Это за чѣмъ?

— Такъ установлено. Могутъ быть безпорядки.

— Да помилуйте, какъ же намъ быть безъ палокъ? Мы люди мирные, бить никого не станемъ!

— А можете и станете — какъ знать! Пожалуйте палки!

Нечего дѣлать: отдаемъ наши палки и входимъ въ садъ.

Вотъ прямо передъ нами аллея, большая, широкая, длинная аллея. Посмотрите, какая перспектива открывается вамъ прямо передъ глазами: длинный-длинный рядъ часто развѣшанныхъ вензеликовъ, цѣлыя вереницы красныхъ, желтыхъ, зеленыхъ и голубыхъ огней; а тамъ, вдали, какое-то яркое освѣщеніе; — все это въ ширномъ германскомъ вкусѣ, все это очень много. Вотъ ужъ передъ вами замелькали разнородныя и разнокалиберныя пары; вотъ доходятся къ вамъ звуки тромбона и ругады волторны съ визгомъ сантиментальныхъ скрипокъ, или звуки тирольскихъ цитершлагеровъ съ оригинальнымъ юканьемъ тирольскихъ пѣвцовъ. Возьмемтесь подъ руки и отправимся по старой аллѣ. — Мы увѣрены, что гутъ намъ не придется спросить, кого здѣсь хоронять? — И точно: вотъ взгляните: передъ нами мелькаютъ разныя щеголеватыя шляпки — и обыкновенныя, и мускетерки, и гарибальдисти, а подъ этими шляпками улыбаются все молодыя, все свѣженькія, розовенькія личики; и въ контрастъ къ нимъ, кое-гдѣ, истощенныя, но нанитуатуренныя... намъ бы весьма не хотѣлось употребить выраженіе: рожки, но однако во имя правды и исторической достовѣрности — дѣлать нечего! Вотъ проходитъ гусинымъ шагомъ цѣлая додгождетъ.

ное германское семейство, несущее на себя особый отпечаток патриархальности; шестивъ этой процессиальной колонны открывается шести или семилѣтними отраслями этого плодотворнаго семейства, будущими членами бюргеръ-клуба, и въ возвышающійся прогрессивн братцевъ, сестрицъ, племянниковъ и племянницъ, родственниковъ и родственницъ, дядюшекъ и тетюшекъ до маститаго, достопочтеннаго главы семейства и солидной подруги его очастливой жизни. Вотъ питомцы молодого нѣмецкаго поколѣнія; вотъ сыны Марса; и вся эта разнородная масса смѣется, болтаетъ, напѣваетъ въ полголоса куплеты и пребываетъ въ полномъ довольствѣ собою и всѣмъ остальнымъ міромъ; изъ среды ея развѣ вдругъ вырвется какое-нибудь восклицаніе, какая-нибудь фраза, въ родѣ: «а! Розалія! здравствуйте, Розалія! хотите съ нами чай пить?» а по большей части ничего разобрать невозможно.

Но вотъ ужъ мы и на главной площадкѣ, подлѣ террасы вокзала; здѣсь преимущественно процвѣтаетъ и царствуетъ умѣренность и аккуратность, купно съ пѣнящимся пивомъ. Освѣщеніе и иллюминація здѣсь достигаютъ до *vers plus ultra* нѣмецкаго великолѣпія; тутъ же помѣщаются и знаменитыя «четыре времени года,» — но это — разочаруйтесь! — это просто четыре декорации съ намазанными на нихъ полногрудыми женами! а добрые нѣмцы убѣждены, что это действительно «четыре времени года», и ходятъ, попробуйте разуверить ихъ! Загляните на право отъ площадки — тутъ помѣщаются палатки парусинныя; въ палаткахъ столовыя. Вы входите и первое, что долетаетъ до слуха вашего, это возгласъ: «порцію раковъ!» Взгляните въ одну сторону, и вашъ взоръ непремѣнно отыщетъ какого-нибудь господина нѣмецкаго свойства, вслаждающагося «порціей раковъ»; взгляните въ другую сторону и посмотрите, надъ чѣмъ работаютъ съ такимъ усердіемъ тоненькіе пальчики этой хорошенькой женщины? — надъ «порціей раковъ!» — Действительно, раки въ бюргеръ-клубѣ великолѣпны. Но мы еще, можетъ быть, успѣемъ въ другой разъ заглянуть въ столовую, а теперь перейдемте на лѣвую сторону площадки: здѣсь крытая галлерей, съ раскрытыми ломберными столами, за которыми «по маленькой» убиваютъ свое время почтенные отцы семейства и непремѣнные члены клуба. Тутъ же можете услышать вы глухой, грозный звукъ: трррррррр — бромъ-трахъ!! и вслѣдъ за тѣмъ какой-нибудь возгласъ «три простыхъ!» это Kegelbahn — но мимо, мимо!

Вотъ передъ нами слабо освѣщенная аллея; здѣсь царствуютъ таинственный полумракъ съ таинственнымъ Эротомъ. Вы проходите по ней и вдругъ до слуха вашего доносится: «Ach!» — не русское «Ахъ!» и не французское «Ah!» — а чистое, неподдельное, неподражаемое, самородное *нѣмецкое* «Ach,» для произношенія котораго нужно особенное устройство гортани и великое искусство; и вслѣдъ за этимъ «Ach!» услышите вы нескромный звукъ поцѣлуя, а вслѣдъ за поцѣлуемъ, обидчивое: «so jung und so gemein!» А вонъ тамъ вдали вы можете различить, какъ двѣ или три счастливыя пары выплываютъ *молча*, съ заманчивыми тѣлодвиженіями игриваго свойства, подъ отдаленные звуки ладрилы. — Но Боже сохрани, если замѣтитъ это кто-либо изъ высокообразованныхъ членовъ бюргеръ-клуба! — *Drei Rabel Strafe! und fortjagen mit Scandal!* — вотъ что грозитъ счастливымъ парамъ...

Но довольно оцѣтнемъ бюргеръ-клубъ и — да проститъ намъ читатель это длинное отступленіе! мы увлеклись бюргеръ-клубомъ: сердцу нашему весьма достолюбезенъ сей клубъ, не по принципу своей буржуазности, но по своему смѣшенію разнокалиберныхъ правъ и состояній, ранговъ и отличій, по своей вѣчно веселой, вѣчно довольной и счастливой толпѣ, а мы любимъ веселую и счастливую толпу!

Сюда-то, подъ мирную, патріархальную сѣнь дерева Тарасова сада, уже давно, каждую недѣлю, тянуло нашего юно-ученаго друга Вахлюкова; здѣсь-то онъ жаждалъ найти вожделенное успокоеніе преслѣдовавшимъ его душевнымъ тревоженіямъ и горестнымъ чувствованіямъ, посвященнымъ исключительно ей, ей одной — его «таинственной незнакомкѣ». Онъ все еще мучился своимъ неизмѣннымъ вопросомъ: кто она? и никакъ не могъ разрѣшить этой сфинксовой загадки! Умиротворялся онъ только тѣмъ, что въ восторженныхъ разсказахъ своихъ о ней товарищамъ, въ благоговѣйномъ пафосѣ именовалъ ее «существомъ неземнымъ, призракомъ» и т. п. Хотя должно сознаться, что все это весьма мало шло къ его урюмой солидности, коренастой внѣшности и обычной положительности, мало согласовалось съ обычнымъ тыканіемъ мѣла въ черную доску и математическими формулами, однако всеильная любовь заставляла его пребывать въ неустанномъ пафосѣ лирическихъ восторговъ и элегическихъ байроновскихъ думъ и мечтаній. Онъ помнилъ ту ночь, помнилъ ту блѣдую женщину у раствореннаго окна — и она стала для него какимъ-то чистымъ, дѣвственнымъ идеаломъ.

первый идеалъ, который онъ создавъ въ своей жизни и которому пламенно поклонялся.

Тянуло же его къ Тарасову саду по ниже-изложеннымъ причинамъ и обстоятельствамъ:

Хотѣлось ему вознаградить и себя, и друзей своихъ за тотъ неудавшійся вечеръ съ пуншемъ, о которомъ повѣствовали мы въ началѣ нашей незатѣливой и немногосложной исторіи. На эту же пору «причина всѣхъ причинъ» имѣлась въ наличности у него въ карманѣ, а такъ какъ лѣтомъ проводить хорошій вечеръ въ душней комнатѣ, значить терять половину удовольствія, то Вахлюковъ и за благоразсудилъ за лучшее пригласить собранную имъ компанію въ Стіпе, хотя бы въ нѣмецкій клубъ. Сказано, — сдѣлано. Но вообразите восторгъ и изумленіе его, когда онъ увидѣлъ тамъ свой заветный идеалъ!..

Ему показалось, какъ-будто вдругъ мелькнуло ея платье, ея шляпка — ну вотъ точь въ точь какъ-будто и она сама!.. Вглядывается: точно, она! Вахлюковъ, весь дрожа и задыхавъ, спѣшитъ за нею — и тутъ его ждетъ новое изумленіе: она идетъ подъ руку съ его знакомымъ, вольно-слушающимъ университетъ, съ которымъ онъ въ аудиторіи сидитъ на одной скамейкѣ, и которому неболѣе какъ четверть часа тому назадъ, здѣсь же въ Тарасовомъ садѣ, прохаживаясь по этой самой аллеѣ, восторженно повѣствовалъ о своемъ идеалѣ, о томъ, что у нея дивные, газельи, ну вотъ совершенно газельи глаза! и даже при этомъ проимпровизировалъ стихъ:

И все глядѣли на меня

Глаза испуганной газели...

и при этомъ послѣднемъ стихѣ, не могъ удержаться, чтобы до боли не стиснуть руку своего знакомаго, такъ что тотъ, вскрикнувъ, долженъ былъ отвѣтить ему съ улыбкою извѣстнымъ гоголевскимъ выраженіемъ, что Александръ Македонскій конечно былъ великій человекъ, но за чѣмъ же и т. д. Однако Вахлюковъ не принявъ въ соображеніе Александра Македонскаго и продолжалъ рассказывать ему съ поэтическимъ жаромъ и пафосомъ исторію своей любви и неожиданныхъ встрѣчъ съ нею; онъ въ послѣднее время вообще не могъ держать этого про себя и, словно ребенокъ, который всѣмъ и каждому искренно хвастается новою своей игрушкой, рассказывалъ о своемъ идеалѣ рѣшительно всякому пріятелю и знакомому, которой только соглашался выслушивать его извѣстія.

Теперь же, завидѣвъ ее съ этими самыми господиномъ; Вахлюковъ, не помня себя отъ волненія и радости, окольной аллеюю за-
бѣжалъ впередъ и, весь блѣдный, весь дрожащій отъ счастья и ожи-
данія, остановился на встрѣчу этой парѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ
отъ нея.

— Что съ вами? спросилъ знакомый, поровнявшись съ нимъ и
взглянувъ въ лицо ему изумленнымъ взглядомъ.

— На два слова, глухо произнесъ Вахлюковъ, дотронувшись до
него рукою.

Господинъ выпустилъ свою даму и взялъ подъ руку студента.

— Кто она?... задыхающимся голосомъ и также глухо спросилъ
Вахлюковъ.

— То есть, кто это «она?», спросилъ въ свою очередь тотъ, прѣ-
творяясь, будто не понимая вопроса.

— Она... это она... пояснилъ студентъ, пылливо смотря ему
въ глаза.

— Что со мной-то ходила?

— Да, да!.. это она, говорю вамъ!

— А!.. такъ вотъ вашъ идеалъ!.. воскликнулъ тотъ, съ лег-
кимъ, почти незамѣтнымъ отбѣнкомъ ироніи. Скажите, какое стран-
ное стеченіе обстоятельствъ!..

— А что?... почему такъ?... почему странное? задыхаясь и дро-
жа, настойчиво спрашивалъ Вахлюковъ: — ну, скажите же Бога
ради, кто она?!

— Она-то?... да просто на просто моя кузина, отвѣтилъ съ ко-
варною улыбкой знакомый, корча серьезную мину, потому что бол-
ся какъ-бы вдругъ не расхохотаться прямо въ глаза Вахлюкову.

Но Вахлюковъ не замѣчалъ ничего. Вся кровь ударила ему въ
голову. Онъ стоялъ какъ въ чаду, какъ въ туманѣ.

— Кузина!.. проговорилъ онъ, не помня самъ что и о чемъ го-
ворить, неужели кузина?... И вы меня не мистифируете?..

— Я-то? да съ какой же стати?... Я вамъ говорю, что это
моя кузина... Хотите познакомиться? Я васъ представляю ей... Пои-
дите!

При этомъ ужъ Вахлюковъ не могъ удержать своей радости и
бросился къ нему на шею.

Черезъ минуту ужъ онъ ходилъ подлѣ нея, слышалъ ея голосъ,
смотрѣлъ въ ея свѣтлые, газельи глазки, смотрѣлъ, чувствуя,
что не можетъ оторвать отъ нея свои взоры и въ то же время болелъ

споврѣтъ долго. «Богъ ее знаетъ, можетъ быть, это оскорбитъ ее», думалъ онъ, старался быть развязнѣе, старался говорить и какъ можно больше и дольше говорить съ нею; но в самѣ не понимая, какъ и почему, только немногъ онъ говорить много: слова какъ-то не шли въ языкъ, мыслительная и изобрѣтательная способности рѣшительно отказывались дѣйствовать, да кромѣ того и задыхался онъ почему-то такъ, что съ трудомъ могъ произносить каждое слово; чувствовалъ только, что ему хорошо, что ему больше ничего не нужно въ эту минуту...

И съ тѣхъ поръ аккуратно сталъ онъ посѣщать бюргеръ-клубъ, гдѣ надеждъ еще разъ встрѣтиться съ нею, но увы!.. она не показывалась, а герой навѣтъ въ каждой хорошенькой шляпенкѣ — съ запылка, непремѣнно старался предугадать ее.

Наконецъ это положеніе становилось для него востерннѣе: онъ ужъ терялся и не зналъ, на что рѣшиться.

Однажды съ нѣсколькими товарищами сидѣлъ онъ въ столовой клуба, гдѣ было уже не мало сдѣлаю ими воздѣйствій въ честь бога винограда; сидѣлъ онъ за лучшимъ произведеніемъ клубной кухни — «порціей раковъ» — и вдругъ, какъ съумасшедшій, вскочилъ изъ за стола и опрометью бросился въ садъ.

Товарищи переглянулись, поняли въ чемъ дѣло и отправились вслѣдъ за нимъ.

Недалекъ дѣйствительно промелькнула хорошенькая головка и легкой — то солидный господинъ.

Она, все такъ же щеголевато одѣтая, чрезвычайно благородно и скромно шла по аллеѣ, подъ руку съ какимъ-то господиномъ весьма представительной наружности и въ добавокъ украшеннымъ великолѣпными черными усами, — довольно уже пожилымъ, но виднымъ и чрезвычайно-красивымъ мужчиной. Одѣтъ онъ былъ по модѣ и весьма солидно, но въ одеждѣ и вообще во всей наружности его нельзя было замѣтить особаго типа — отставнаго военнаго, штабъ-сержантскаго ранга.

Трудно изобразить, что сдѣлалось тутъ съ нашимъ новоявленнымъ другомъ!..

Солидный господинъ представлялся ему не иначе какъ дядюшкой или батюшкой его идеала; онъ даже положительно убѣдился себя,

что это ее батюшка, что это и быть иначе не может, и поэтому вдруг почувствовалъ въ глубинѣ души своей неизмѣримую симпатію и самое искреннее благорасположеніе къ этому солидному родителю.

Достаточно будетъ, если мы скажемъ, что онъ тѣню ходилъ за молодою дѣвушкой, однако все-таки въ почтительномъ отдаленіи; ходилъ неотступно, такъ что даже солидный господинъ два раза обернулся и весьма неприязненно искоса поглядѣлъ на него.

Наконецъ Вахлюковъ не выдержалъ, ободрился и подошелъ къ этой парѣ.

— Здравствуйте, проговорилъ онъ, приподнявъ свою фуражку и обращая это привѣтствіе ужъ конечно никоимъ образомъ не къ солидному пожилому господину.

Дѣвушка очень сконфузилась, смѣшалась и, хотя робко, однако все же кивнула въ отвѣтъ ему своею корошенькою головкой.

Солидный господинъ свирѣпо взглянулъ на Вахлюкова. Но тотъ не замѣчалъ этого грознаго взгляда и съ самою наивно-невиннѣйшею улыбкой продолжалъ обращаться къ его дамѣ:

— Давно вы видѣлись съ вашимъ кузеномъ? Какъ жаль, что я послѣ того раза, какъ вы гуляли вмѣстѣ съ нимъ здѣсь, въ этомъ саду, не видалъ его больше!.. Кузенъ вашъ прекрасный молодой человѣкъ...

— Э-э... милостивый государь! я васъ покорнѣйше прошу оставить мою даму! угрюмымъ и повелительнымъ тономъ произнесъ шедшій съ нею подъ руку солидный господинъ.

— Ахъ, помилуйте! проговорилъ напротивъ того чрезвычайно мягкимъ, сообщительнымъ и ласковымъ тономъ Вахлюковъ, — мы съ вашею дамой давно уже знакомы... Я познакомился черезъ кузена ихъ... и мнѣ бы было весьма пріятно познакомиться съ вами, такъ-какъ вы вѣроятно батюшка...

Господинъ между-тѣмъ давно уже фыркалъ такъ, какъ обыкновенно фыркаетъ оскорбленное самолюбіе челоуѣка, которое выбрали мишенью для явной насмѣшки; тѣмъ болѣе, что вокругъ ихъ стала ужъ сходиться толпа, а студенты, стоя въ одной тѣсной кучкѣ, для того чтобы въ случаѣ надобности оберегать Вахлюкова, хохотали самымъ искреннѣйшимъ образомъ.

— Милостивый государь! кричалъ солидный господинъ, поспѣвая къ Вахлюкову, я васъ прошу повторить то, что вы сказали!

— Ахъ, помилуйте, съ болыиимъ удовольствіемъ! отозвался

просто сердито Вахлюковъ, вы совершенно напрасно сердитесь... Я вовсе не съ цѣлью оскорблять... Я знакомъ съ вашей дамой черезъ ея кузена, и мнѣ бы было весьма пріятно...

— Черезъ какого кузена? а? гдѣ это? какой это кузень? завопилъ солидный господинъ, приходя въ совершенно ужь не солидную, ревнивую ярость. Такъ онъ знакомъ съ тобой?!.. Такъ ты его знаешь? Такъ вотъ куда пошло!.. х-а-а!.. хорошо же! продолжалъ онъ бѣситься, обращаясь къ своей дамѣ, тогда какъ та стояла совершенно изумленная, безгласная и сконфуженная, а солидный господинъ все еще рычалъ и рычалъ, вопилъ и вопилъ, мало-помалу до визгливыхъ нотъ возвышая свой голосъ.

— Вы, милостивый государь, дадите мнѣ отвѣтъ за это!.. Вы знаете ли, съ кѣмъ вы говорите? Вы знаете ли, кто я?» обратился онъ снова къ Вахлюкову.

— Не имѣю этого удовольствія знать, но мнѣ было бы очень пріятно...

— Вамъ было бы очень пріятно!.. А! очень пріятно?! — хорошо! я вамъ покажу пріятность!.. Вы знаете ли, кто я? — я моему Государю полковникъ!

— Очень пріятно узнать!.. рангъ достойный, мнѣ весьма хотѣлось бы познакомиться, и я вовсе не вижу причины такого гнѣва съ вашей стороны... я, кажется, ничѣмъ...

— Мы съ вами, сударь, познакомимся завтра на пятнадцати шагахъ разстоянія! перебилъ его свирѣпый господинъ, и вслѣдъ за тѣмъ непосредственно уже обратился къ своей дамѣ: а вы, милостивая государыня, это что себѣ выдумали?.. обманывать? обманывать!! Я васъ знать не хочу послѣ этого!.. Прощайте!..

И солидный господинъ, въ великомъ припадкѣ ревности и злости, круто повернувшись, скорыми шагами удалился прочь.

Дѣвушка спѣшно бросилась за нимъ.

— А-а-а! тэ-тэ-тэ-тэ! Милостивѣйшій госуда-аръ! прозвучало въ это самое время надъ ухомъ Вахлюкова, и звукъ этотъ по своему характеру не могъ ни откуда иначе изойти, какъ только изъ самой достопочтенной нѣмецкой гортани.

Вахлюковъ обернулся. — И точно: передъ нимъ стоялъ громадный членъ-распорядитель клуба.

— Вы производите беспорядки! Sie machen Scandal! — drei Rubel Strafe! гласилъ все тотъ же побѣдоносный голосъ.

— Какой тамъ скандалъ?! за что тамъ drei Rubel Strafe? спроситъ Вахлюковъ, которому вовсе было не до скандалу.

— Ка-акъ! Ещё «за что?» О, мольдой шеальникъ!... Вы оквернили сіе место, — стидитесь! Это можетъ допустить себя бландіи козелъ, негодный овецъ, но не студентъ! но не студентъ! Drei Rubel Strafe!..

И Вахлюковъ долженъ былъ заплатить drei Rubel Strafe.

Такъ покончились его клубныя походы.

VII

Ночь стояла тихая, ясная, голубая...

Городъ спалъ, какъ очарованный. Прозрачныя мягкія тѣни дожились на всемъ. На набережной Васильевского острова все было безмолвно и недвижно, даже далекій грохотъ колесъ не доносился. Одинъ только пѣшеходъ, одинъ полуночникъ — Вахлюковъ тихо брелъ по гранитному тротуару, мрачный, убитый, тоскливый и словно измятый какъ-то. Жалко и больно было глядѣть на него: товарищи совсѣмъ не узнавали его за послѣднее время... Онъ уже не восторгался, никому не жаловался, и даже слова-то рѣдко отъ него можно было добиться. Имъ овладѣла какая-то безысходная, отчаянная, сосредоточенная и мертвящая тоска. Цѣлый день сидитъ, бывало, дома и только ночью выйдетъ прогуляться.

Вотъ и теперь бредетъ онъ въ раздумьи, разсѣянно, безъ всякой опредѣленной мысли блуждая по сторонамъ глазами, — по Божьей!.. Что же это?.. Она!..

Да, она... точно она, неподвижно стоитъ вдалькѣ, облокотясь руками на гранитныя перила, и, вся такая блѣдная, грустная, задумчивая, глядитъ на воду, вдоль по рѣкѣ..

У Вахлюкова упало и застыло, замирая, сердце...

Онъ подошелъ неслышными шагами и тихо остановился подлѣ нея.

Девушкѣ вздрогнула и оглянулась.

— Простите меня, едва слышно, съ усиленіемъ надъ собою проговорила Вахлюковъ, и въ глухомъ, дрожащемъ голосѣ его послышалась отчаянная мольба.

Она отшатнулась съ испугомъ и, не узнавъ его, повернулась, чтобы уйти.

— Простите же, простите меня! вырвалось снова съ тяжкимъ, надорваннымъ стономъ изъ груди блднаго студента.

Дѣвушка съѣла нѣсколько шаговъ.

→ Остановитесь! Бога ради остановитесь! вскричалъ онъ снова, подойдя къ ней, заклиная васъ всѣмъ... всѣмъ святымъ, заветнымъ... матерью ванею, которая у васъ есть или была, которую вы любите, — на уходите!

Дѣвушка не оглядывалась и шла далѣе.

— О, Боже мой, Боже мой! въ отчаяніи говорилъ Вахлюковъ, слѣдуя за нею. Смѣйтесь надо мною, называйте меня глупцомъ, безумцемъ, сумасшедшимъ — но только простите!

Она дѣйствительно приняла его за помѣшаннаго и пошла еще шибче.

— Послушайте, проговорилъ онъ тихимъ, но рѣшительнымъ голосомъ, если вы уйдете отсюда — клянусь вамъ! я брошусь тотчасъ же съ этихъ перилъ въ Неву.

Эти слова были сказаны такъ серьезно и такимъ увѣреннымъ, рѣшительнымъ тономъ, что нельзя было ни на минуту сомнѣваться въ томъ, чтобы онъ замедлилъ привести тотчасъ же въ исполненіе свое намѣреніе.

Дѣвушка остановилась и обернулась, взглянувъ въ лицо преслѣдовавшаго ее студента.

— Ахъ! это вы!.. произнесла она полудружескимъ, веселымъ тономъ, не будучи въ состояніи удержать своего смѣха при воспоминаніи о старомъ. Да васъ не узнать совсѣмъ! продолжала она, вы такъ сильно намѣнились...

— Да, я не такъ-то здоровъ... отвѣчалъ дрожащимъ голосомъ и несчастливый и несчастный въ одно и то же время Вахлюковъ.

— То-то я васъ не узнала! замѣтила дѣвушка. — Ну, что ваши Юрикъ? какъ здоровье вашего Юрика? спросила она со своею милою, полунасмѣшливою улыбкой.

— Благодарю васъ... Слава Богу, здоровъ!.. отвѣчалъ Вахлюковъ, тоже улыбаясь сквозь слезы. Спасибо, о, какое большое спасибо вамъ отъ меня за то, что вы остались, что вы не ушли! прокричалъ онъ съ жаромъ, восторженно схвативъ ея руку.

— Но что же вамъ нужно отъ меня?! опросила удивленная дѣвушка, глядя на него своимъ кроткимъ, теплымъ взглядомъ и не отводя у него руки.

— Что нужно... Боже мой!.. послушайте, я люблю васъ! люблю

до послѣдней степени безумія! простите меня, но это правда!.. Вспомните еще до весны нашу первую встрѣчу, вспомните ту ночь, когда вы увидѣли меня изъ окна, вспомните какъ я тѣнью ходилъ за вами до послѣдняго времени!.. О, не гоните, не гоните меня! Вѣрте, въ жизнь никто не улыбался мнѣ такъ, какъ вы улыбались, въ жизнь никто не глядѣлъ на меня такими добрыми, святыми глазами, какъ вы два раза поглядѣли! — Спасибо же вамъ за это!..

— Но что же я могу сдѣлать? прошептала она въ смущеніи.

— Что сдѣлать?.. Пожалѣйте меня! едва выговорилъ онъ и вдругъ зарыдалъ.

— Послушайте, мнѣ жаль васъ, преговорила она голосомъ самаго теплаго: сочувствія, самаго братскаго участія, — я помню васъ... да, я помню двѣ первыя наши встрѣчи: мнѣ лицо тогда вамъ понравилось — у васъ доброе лицо... что вы любите меня, я тоже почти знала: я это видѣла... помните ту ночь, съ Юрькомъ-то?.. Да не мучьтесь такъ, вы сильно измѣнились... Знаете ли что? быть можетъ я и полюблю васъ когда нибудь: я чувствую это!.. но не мучьте же себя... Ну, что вы хотите? — я все для васъ сдѣлаю! хотите, пойдѣмъ гулять, я буду говорить съ вами, утѣшу, успокою, разсмѣшу васъ, продолжала она ласково-шутливымъ тономъ, хотите, разсмѣшу? сейчасъ же разсмѣшу васъ! хотите музыку слушать?

— Да, да! музыку!.. Звуковъ! дайте мнѣ звуковъ! я давно не слыхалъ ихъ! говорилъ онъ, не помня себя отъ восторга, вы только позвольте мнѣ стать подъ окномъ и слушать—я большаго не прошу!

— Зачѣмъ же подъ окномъ? спросила она, улыбаясь своею ласковой улыбкой, а ко мнѣ развѣ не хотите? пойдѣмте ко мнѣ, нелюдимъ вы этакой! я вамъ съиграю, а потомъ ступайте себѣ съ Богомъ домой... Пойдѣмте же скорѣе! берите меня подъ руку...

И снова онъ слышалъ тѣже самые тихіе, неопредѣленные аккорды, и снова стоялъ какъ околдованный, неотводно глядя въ ея кроткіе газельи глазки. — Онъ жилъ полною жизнью въ эти минуты, онъ былъ счастливъ такъ, какъ только можно быть счастливымъ человѣку.

— Ну, довольны вы теперь? не будете больше тосковать? спросила она, закрывая пианино, смотрите же, не тоскуйте, а пока прощайте: взгляните, ужъ совѣтъ разсвѣло...

— Неужели это въ послѣдній разъ? проговорилъ онъ, словно очнувшись отъ какого-то забытья.

— Видите, какой вы недовольный! замѣтила она, кокетливо глядя ему своимъ тонкимъ, блѣдно-розовымъ пальчикомъ, почему знать, можетъ еще и не послѣдній...

— Значить, вы мнѣ позволите когда-нибудь приходить сюда? спросилъ онъ, замирая отъ ожиданія ея отвѣта.

— Теперь больше не позволю...

— Отчего?

— Я уѣзжаю завтра отсюда...

— Какъ!.. Уѣзжаете!?

— Да, къ матери... она мнѣ писала, просила... мать моя очень больна... тихо проговорила она.

И Вахлюховъ залюбовался этою дѣвственною прелестію и чистотою ея отуманеннаго мимолетною грустью лица.

— Ну, а когда прїѣдите, тогда какъ? спросилъ онъ, взявъ ее за руку.

— А когда прїѣду тогда увидимся... встрѣтимся какъ-нибудь, — авось вы опять на меня натолкнетесь.

И они оба засмѣялись этой шуткѣ при воспоминаніи о самой первой ихъ встрѣчѣ.

Вахлюковъ жарко прильнулъ губами къ протянутой ему на прощанье рукѣ и ушелъ успокоенный, примиренный, и словно обновленными глазами взглянулъ на весь міръ Божій, унося въ своемъ сердцѣ тихое счастье и ясный, высокій идеалъ женщины — какой? ужъ онъ теперь больше не спрашивалъ этого: она была для него ангель-примиритель его...

VIII

Крѣпкій снѣгъ визжитъ подъ полозьями саней ухарскаго трѣшняка, и шибко несутся эти биткомъ набитыя веселой молодежью сани за городъ... Морозный иней сверкаетъ на сухихъ вѣтвяхъ деревьевъ, пронизываемый голубоватымъ свѣтомъ полной, высокой луны... Кое-гдѣ по сторонамъ проходятъ передъ глазами покинутыя дачи, кое-гдѣ межъ деревьями звѣздочкою мелькаетъ одинокій, грустный огонекъ; но вотъ наконецъ показалась обширная дача — домъ, построенный когда-то на большую ногу, съ широкими барскими затѣями — въ окнахъ ея большой, яркій свѣтъ; передъ освѣщеннымъ крыльцомъ множество троекъ, саней и каретъ; на дворъ

доносятся веселыя звуки музыки, гудитъ контрабасъ и замывается скрипка... Это шикнишь; даетъ его какая-нибудь старѣющая грація, которая, не взирая на свои «за сорокъ», все-таки продолжаетъ еще процвѣтать между мнѣстнаго рода молодежи... Вотъ тройка подкатывается къ крыльцу и изъ саней выпривгиваетъ цѣлая ватага студентовъ, вмѣстѣ съ нашимъ юн.-ученымъ другомъ Данилой Ивановичемъ Вахлюковымъ, гурьбой входитъ въ прихожую, отдаетъ какой-то кривоглазой нѣмкѣ свои билеты и весело врывается въ залитую свѣтомъ залу, но не глядя ни на что, пропускаетъ ее мимо, направляя стопы свои прямо къ возжеленному буфету: — здѣсь уже есть нѣсколько знакомыхъ, нѣсколько *своихъ*; компанія, значить, большая — будетъ весело!..

Наконецъ съ избыткомъ обогрѣвшись въ радушномъ буфетѣ, вся эта компанія направилась въ залу. Тамъ было все въ полномъ разгарѣ: музыка гремѣла, надрываясь и усердствуя, что было силъ и словно споря съ громомъ и бряцаньемъ помосовавшихъ паркетъ сабель, преимущественно державшихъ дирекцію въ сторону буфета; хорошенькія нарядныя женщины, блистая всѣмъ, чѣмъ только можно блистать, такъ и мелькали по этому паркету — даже въ глазахъ отъ нихъ рябило; канканъ, какъ жгучій ураганъ, горячо и увлекательно носился въ нѣсколькихъ отдѣленіяхъ этой большой, раздѣленной массивными колонами залы; подлѣ нѣкоторыхъ удалыхъ паръ тѣснились цѣлыя толпы распавшихся зрителей и изъ среды ихъ порою вырывалось вмѣстѣ съ аплодисментами оглушительное, отчаянное «*браво*»! которое потрясало всѣ своды.

— Взгляните, господа, какая прелестная женщина! сказалъ одинъ господинъ изъ компаніи студентовъ, указывая глазами въ одну сторону залы, это — рекомендую вамъ: будущій махровый цвѣтокъ, а теперь пока еще кандидатка.

Вахлюковъ обратилъ глаза вслѣдъ за другими и обомлѣлъ отъ какого-то страннаго, невыразимаго ощущенія, которое словно громомъ поразило его внезапно... Въ глазахъ у него помутилось, колѣни затряслись и подогнулись, — онъ зашатался и готовъ былъ упасть, не вѣря глазамъ своимъ, смутно думая, что это какой-то тяжелый невыносимый кошмаръ...

То была — она, его лучшій, чистѣйшій идеаль...

Но какъ, зачѣмъ, отчего, почему она здѣсь? кто жъ она наконецъ такая? снова медькнуло въ голову Вахлюкова.

И онъ подошелъ къ указавшему на нее господину.

— Вы знаете эту женщину? дрожащимъ голосомъ спросилъ онъ, взявъ его подъ руку.

— Я-то? еще бы!.. Мнѣ да не знать ихъ! — Всѣхъ по пальцамъ перечту!.. Мы съ нею старые знакомые... А что? нравится? Можете пригласить ее ужинать, буде еще не занята...

У Вахлюкова страшно передернуло все личныя мускулы при этихъ послѣднихъ словахъ.

— Кто она? глухо спросилъ онъ, подавляя въ себѣ странное внутреннее волненіе.

— Она-то? — да такая же, какъ и всѣ онѣ; грѣшныя! отвѣчалъ мута господинъ и вовсе не замѣчая того, что дѣлалось съ Вахлюковымъ. Была оначала сиромною незабудной, жила съ какимъ-то пожимымъ господиномъ «по любви»... обольстилъ ее, говорятъ, ну, а потомъ, какъ водится, бросилъ... *Es ist eine alte Geschichte!*.. а теперь кандидатна въ фазаны, а можетъ и въ камели... Она замѣчательная женщина! продолжалъ объяснять господинъ Вахлюкову, всея всегда поражалъ въ ней контрастъ этой дѣвственной фазіономіи съ развратомъ... А впрочемъ ее жаль бѣдную...

— Отчего жаль?

— Да оттого, что она была несчастна съ этимъ старымъ ревнивцемъ — онъ ея мучилъ... да наконецъ недавно и бросилъ... Но этакой негодяй! и дочь свою бросилъ!.. вѣдь кто бы могъ подумать, что у нея дочь есть!.. Взгляните, какъ она канканируетъ... бѣдняжка! это она ужъ такъ съ отчаянія, съ горя...

— Но неужели же она развратна!? съ ужасомъ спросилъ Вахлюковъ, не аная чѣмъ утолить ту страшную внутреннюю боль, которая грызла его душу.

— А что же ей больше и дѣлать остается? возразилъ господинъ, возима плечами, волей неволей, а надо быть такой, какова она есть.

— Да равнѣ нѣтъ другаго исхода!?

— Для нея-то!?!.. Что вы, идеалистъ, что ли!?! Да какой же для нея исходъ? Честная жизнь, скажете вы? — да вѣдь для падшей женщины нужна поддержка для честной жизни, а гдѣ она? куда ее примуть, куда возьмутъ ее, да еще съ ребенкомъ?.. Развѣ такъ называемыя *порядочныя* женщины протянутъ ей руку, помогутъ ей?..

— А отчего же нѣтъ?

— Полноте, что вы!.. Да вѣдь она отвергнутая общественною

нравственностію женщина» — вспомните это... Вѣдь развѣ только мы, грѣшные, можемъ посмотрѣть иными глазами на такую дѣвушку, а вы пожалуй и въ идеалъ возвести ее, — а свѣтъ развѣ такъ смотритъ на это? Полноте, батюшка, идеализировать-то? заключилъ господинъ, отходя отъ Вахлюкова.

Между тѣмъ въ канканѣ шло соло послѣдней фигуры.

Вахлюковъ не могъ, чтобы еще разъ не взглянуть на нее, на этотъ разбитый свой идеалъ, и обернулся въ ея сторону:

Съ невольнымъ выраженіемъ въ лицѣ какой-то нравственной борьбы горькаго, щемащаго отчаянія съ удалымъ увлеченіемъ, она, извиваясь змѣею, легко и граціозно пригibasась почти къ самому полу и вдругъ тигрицей отпрянула въ сторону, выпрямилась всѣмъ своимъ стройно-гибкимъ молодымъ тѣломъ, и однимъ удалымъ движеніемъ откинувъ назадъ свой стамъ и гордо закинутую голову, дерзко застыла, замерла на минуту въ воздухѣ могучей, гордой, повелѣвающей королевой...

Оглушительное «браво!» раздалось совсѣхъ концовъ огромной залы.

Вахлюковъ въ изнеможеніи опустился на первый попавшійся стулъ...

Что дѣлалось съ нимъ въ эти минуты, трудно представить себѣ; онъ готовъ былъ сойти съ ума: все лучшее, святое и высокое, что только создавала себѣ душа его, было нагло поправано въ одно мгновеніе; священный кумиръ, которому поклонялся онъ, къ которому прикоснуться считалъ себя недостойнымъ, теперь разбить, загрязненъ, опозоренъ; самое лучшее чувство его поругано — и къмъ же? самимъ же идеаломъ его, продажною, развратной женщиной!

— Нѣтъ, это слишкомъ жестоко! простоналъ онъ, я не вынесу этого!.. я пойду къ ней... я скажу ей... я ей выскажу все это, а потомъ хоть въ первую прорубь!.. Такъ эти глаза, эта улыбка небесная — все это было только личиной, искусствомъ, которое прикрывало гнусный, бездушный разврат!.. нѣтъ, это страшно, это невыносимо...

И онъ, шатаясь, весь блѣдный, весь разбитый, всталъ со своего мѣста и пошелъ по залѣ.

Но въ залѣ уже ея не было. Тамъ вмѣсто нея между прочими группами прохаживался подъ руку съ какою-то женщиной солидный господинъ, съ которымъ и она когда-то гуляла. Вахлюковъ обыскалъ

всѣ комнаты, но ея нигдѣ не было. Наконецъ онъ узналъ, что она ужь уѣхала. Услужливый пріятель, который сообщалъ о ней свѣдѣнія, далъ ему ея адресъ. Она жила все тамъ же, гдѣ и дорежде.

«Я поѣду къ ней, я ей выскажу все сейчасъ же; пусть она знаетъ! а потомъ — пропадай все!» рѣшилъ онъ про себя и, накинувъ пальто, вышелъ на дворъ и сѣлъ въ первый попавшіяся сани.

Дорога нисколько не охладила его, и чѣмъ шибче мчались сани, чѣмъ ближе подходило дѣло къ цѣли, тѣмъ мрачнѣе и отчаяннѣе становился онъ. Тяжолыя рыданія душили его горло.

Но вотъ наконецъ и этотъ знакомый домикъ. Вахлюковъ прошелъ черезъ калитку во дворъ, очутился у знакомой двери и слегка толкнулъ ее; она отворилась — странно: какъ-будто ее запереть позабыли... Сбросивъ пальто, онъ неслышно вступилъ въ слѣдующую комнату — темно... но по стѣнѣ пробивается полоска слабого свѣта сквозь полуотворенную дверь другой комнаты.

Съ замираніемъ сердца онъ тихо подошелъ къ этой двери и вдругъ — словно замеръ отъ неожиданнаго изумленія...

Передъ нимъ была уютная комнатка, слабо освѣщенная матовымъ ночникомъ... Тутъ стоитъ небольшая, низенькая кроватка; кисейный пологъ отъ нея откинутъ, а надъ кроваткой, у изголовья, любовно склонилась на козлви она... его идеалъ, въ томъ самомъ великолѣпномъ нарядѣ, въ которомъ развратно блистала она за часъ передъ этимъ... И все, что только создавало когда-либо чувство высокой, святой материнской любви, отражалось теперь въ этихъ кроткихъ, прекрасныхъ глазахъ, въ этомъ восторженно-грустномъ лицѣ, на которомъ, дрожа, блистали двѣ крупныя, горячія слезы...

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКІЙ

ТРИ РАЗСКАЗА ЭДГАРА ПОЭ

Два-три разсказа Эдгара Поэ уже были переведены на русский языкъ въ нашихъ журналахъ. Мы передаемъ читателямъ еще три разсказа. Вотъ чрезвычайно странный писатель, — именно странный, хотя и съ большимъ талантомъ. Его произведенія нельзя прямо причислить къ фантастическимъ; если онъ и фантастиченъ, то, такъ сказать, въ высшемъ образѣ. Онъ напримѣръ допускаетъ, что оживляетъ египетская мумія гальванизмомъ, лежавшая пять тысячъ лѣтъ въ пирамидахъ. Допускаетъ, что умершій человѣкъ, опять таки посредствомъ гальванизма, разсказываетъ о состоянн души своей и проч. и проч. Но это еще не прямо фантастическнй родъ. Эдгаръ Поэ только допускаетъ высшую возможность неестественнаго событн (доказывая впрочемъ его возможность и иногда даже чрезвычайно хитро) и допустивъ это событн, во всемъ остальномъ совершенно вѣрнть дѣйствительности. Не такъва фантастичность напримѣръ у Гофмана. Этотъ олицетворяетъ силы природы въ образахъ: вводитъ въ свои разсказы волшебницъ, духовъ и даже иногда ищетъ свой идеалъ внѣ земнаго, въ какомъ-то необыкновенномъ мнрѣ, принимая этотъ мнръ за высшнй, какъ-будто самъ вѣрнть въ непремѣнное существованн этого таинственнаго волшебнаго мнра... Скорѣе Эдгара Поэ можно назвать писателемъ не фантастическимъ, а капризнымъ. И что за странные капризы, какая смѣлость въ этихъ капризахъ! Онъ почти всегда беретъ самую исключительную дѣйствительность, ставнть своего героя въ самое исключительное внѣшнее или психологическое положнн, и съ какою силою проннцательности, съ какою поражающею вѣрностью разсказываетъ онъ о состоянн души этого человѣка? Кромѣ того въ Эдгарѣ Поэ есть именно одна черта, которая отличаетъ его рѣшнтельно отъ всѣхъ другихъ писателей и составляетъ рѣзкую его особенность: это сила воображенн. Не то чтобы онъ превосходилъ воображеннмъ другихъ писателей; но въ его способности воображенн есть такая особенность, какой мы не встрѣчали ни у кого:

это сила подробностей. Попробуйте напримѣръ вообразить сами что-нибудь не совсѣмъ обыкновенное или даже не встрѣчающееся въ дѣйствительности и только возможное; образъ, который нарисуетъ передъ вами, всегда будетъ заключать однѣ болѣе или менѣе общія черты всей картины или установится на какой-нибудь особенностях, частности ея. Но въ повѣстяхъ Поэ вы до такой степени ярко видите всѣ подробности представляемаго вамъ образа или событія, что наконецъ какъ-будто убѣждаетесь въ его возможности, дѣйствительности, тогда какъ событіе это или почти совсѣмъ невозможно или еще никогда не случилось на свѣтѣ. Напримѣръ въ одномъ изъ его разсказовъ есть описаніе путешествія на дуну, — ~~описаніе подробнѣйшее, проработанное имъ почти часъ за часомъ и почти убѣждающее васъ, что оно могло случиться.~~ Также точно онъ описалъ въ одной американской газетѣ полетъ шара, перелѣтѣвшаго изъ Европы черезъ океанъ въ Америку. Это описаніе было сдѣлано такъ подробно, такъ точно, наполнено такими неожиданными, случайными фактами, имѣло такой видъ дѣйствительности, что всѣ этому путешествію повѣрили, разумѣется только на вѣсколько часовъ; тогда же по справкамъ оказалось, что никакого путешествія не было и что разсказъ Эдгара Поэ — газетная утка. Такая же сила воображенія или точнѣе соображенія — выказываетъ въ разсказахъ о потерянномъ письмѣ, объ убійствѣ, сдѣланномъ въ Парижѣ орангутангомъ, въ разсказѣ о найденномъ кладѣ и проч.

Его сравниваютъ съ Гофманомъ. Мы уже оказали, что это не вѣрно. При томъ же Гофманъ неизмѣримо выше Поэ, какъ поэтъ. У Гоффмана есть идея, правда иногда неточно поставленная; но въ этомъ идеалѣ есть чистота, есть красота дѣйствительная, истинная, присущая человѣку. Это всего виднѣе въ его нефантастическихъ повѣстяхъ, каковы наприм. Мейстеръ Мартинъ или изящнѣйшая, прелестнѣйшая повѣсть: Сальваторъ Роза. Мы уже не говоримъ о его лучшемъ произведеніи: Котъ-Мурръ. Что за истинный, зрѣлый юморъ, какая сила дѣйствительности, какая злость, какіе типы и портреты, и рядомъ — какая жажда красоты, какой свѣтлый идеалъ! Въ Поэ если и есть фантастичность, то какая-то матеріальная, еслибы только можно было такъ выразиться. Видно, что онъ шлолъ Америкецъ, даже въ самыхъ фантастическихъ своихъ произведеніяхъ. Чтобъ ознакомить читателей съ этимъ капризнымъ талантомъ, представляемъ пока три его маленькіе разсказа.

Ред.

СЕРДЦЕ-ОБЛИЧИТЕЛЬ

Да! я былъ, — какъ и теперь я, — нервозенъ, очень, очень, страшно нервозенъ; но зачѣмъ вы *хотите* называть меня сумасшедшимъ? Болѣзнь изошрילה моя чувства, а не испортила, не притупила ихъ. Въ особенности тонко было у меня чувство слуха. Я слышалъ все на небѣ и на землѣ. Я слышалъ многое въ аду. Такъ я сумасшедшій? Слушайте же и наблюдайте, какъ здраво, какъ спокойно я могу рассказать вамъ всю исторію.

Я не въ состоявіи припомнить, какимъ образомъ первая мысль запала мнѣ въ голову; но, запавши разъ, она преслѣдовала меня день и ночь. Цѣли здѣсь не было никакой, страсти — никакой. Я любилъ этого старика. Онъ никогда не дѣлалъ мнѣ зла. Онъ ничѣмъ не оскорбилъ меня. Я вовсе не желалъ его денегъ. Мнѣ кажется, причиною всему былъ его глазъ... да, именно такъ! одинъ глазъ его былъ похожъ на глазъ ястреба — блѣдно-голубой, съ бѣлымъ. Когда взглядъ его падалъ на меня, вся кровь моя застывала въ жилахъ. И вотъ, постепенно, мало по малу, я задумалъ убить старика, чтобы избавиться навсегда отъ его глаза.

И такъ вотъ въ чемъ состояло дѣло. Вы воображаете, что я сумасшедшій. Сумасшедшіе ничего не понимаютъ, но посмотрѣли бы на *меня*! Вы увидѣли бы, какъ благоразумно я дѣйствовалъ, съ какою осторожностью, съ какою прозорливостью, съ съ какимъ притворствомъ я шолъ къ своей цѣли! Я никогда не былъ такъ ласковъ къ старику, какъ въ послѣднюю недѣлю предъ его смертью. И каждую ночь около полуночи я поворачивалъ ручку его двери и отворялъ ее, — какъ тихо отворялъ! Отворивъ нѣсколько, чтобъ просунуть голову, я продвигалъ туда потайной фонарь, закрытый па-глухо; такъ что изъ него не выходило ни малѣйшаго свѣта; потомъ просовывалъ голову. О!

вы заетъялись бы, если бы увидѣли, какъ хитро я дѣлалъ это, какъ медленно-медленно поворачивалъ голову, чтобы не разбудить старика. Мнѣ нуженъ былъ цѣлый часъ для того, чтобы просунуть всю голову въ приотворенную дверь и увидѣть наконецъ, какъ онъ лежитъ на своей кровати. Развѣ сумасшедшій могъ быть такъ разсудителенъ? За тѣмъ я осторожно открывалъ фонарь — какъ осторожно! Я открывалъ его какъ разъ настолько, чтобы на ястребиный глазъ упалъ одинокій, тонкій лучъ свѣта. И я дѣлалъ это цѣлыя семь ночей сряду — ровно въ полночь — но глазъ всегда былъ закрытъ, и мнѣ невозможно было приступить къ дѣлу, потому что меня беспокоилъ не самъ старикъ, а злой глазъ его. И каждое утро я смѣло входилъ въ его комнату и спокойно говорилъ съ нимъ и тономъ задушевной привязанности называлъ его по имени и спрашивалъ какъ онъ провелъ ночь. Вы видите изъ этого, что онъ былъ бы необыкновенно проищателемъ, если бы подозревалъ, что въ эту самую ночь, ровно въ двѣнадцать часовъ, я наблюдалъ его сонъ.

Въ восьмую ночь я отворилъ дверь еще осторожнѣе, чѣмъ прежде. Минутная стрѣлка на часахъ двигалась скорѣе, чѣмъ моя рука. Никогда до этой ночи я не чувствовалъ всего объема моихъ силъ, моей хитрости. Я едва могъ сдерживать чувство торжества при мысли, что вотъ я отворяю дверь, а онъ даже и во снѣ не видитъ моихъ тайныхъ дѣлъ и помысловъ. У меня вырвался смѣхъ: можетъ быть, старикъ услышалъ его, потому что онъ задвигался на кровати, какъ будто въ испугѣ. Вы думаете, что я отступилъ? — ошибаетесь. Въ комнатѣ его царствовала непроницаемая тьма (ставни были заперты отъ воровъ), онъ не могъ видѣть, что дверь отворена, — и я все больше и больше открывалъ ее.

Я уже просунулъ голову внутрь комнаты и хотѣлъ открыть фонарь, но мой большой палецъ соскользнулъ съ жестяной застежки. Старикъ вскочилъ и закричалъ: «кто тамъ?»

Я не двигался съ мѣста и не отвѣчалъ. Въ продолженіе цѣлаго часа ни одинъ изъ моихъ мускуловъ не шевельнулся, и однако же не слышно было, чтобы старикъ легъ опять. Онъ все сидѣлъ на своей кровати и прислушивался...

Вдругъ я услышалъ тихій стонъ и понялъ, что это стонъ смертельнаго страха. Это не былъ стонъ боли или горя — о, вѣтъ! Это былъ подавленный звукъ, который вырывается

изъ глубины души, переполненной ужасомъ. Онъ былъ мнѣ коротко знакомъ. Много ночей, ровно въ двѣнадцать часовъ, онъ выходилъ изъ моей собственной груди, усиливая овладѣвавшій мною ужасъ страшнымъ своимъ отголоскомъ... Да, этотъ звукъ былъ хорошо мнѣ знакомъ. Я зналъ, что чувствовалъ старикъ въ эту минуту, и жалѣлъ его, хотя смѣялся въ душѣ. Я зналъ, что онъ не спитъ съ той минуты, какъ услышалъ первый легкій шумъ и повернулся на своей постели. Я зналъ, что страхъ его все усиливается; онъ старается вообразить, что этотъ страхъ неоснователенъ — и не можетъ. Онъ говоритъ себѣ: «это скрипнулъ полъ» или — «это крикнулъ сверчокъ». Да, онъ старается ободрить себя такими предположеніями, но напрасно. Все напрасно, потому что приближающаяся къ нему смерть накинула на жертву свою мрачную тѣнь. Тяжолое вліяніе этой невидимой тѣни заставляло его чувствовать присутствіе моей головы въ комнатѣ, хотя онъ не видѣлъ и не слышалъ меня.

Послѣ долгихъ и очень терпѣливыхъ ожиданій, не слыша, чтобы онъ легъ опять, я рѣшился чуть-чуть пріотворить фанаръ. Вы не можете представить себѣ, какъ медленно и осторожно я это сдѣлалъ. Наконецъ тусклый лучъ свѣта, тонкій какъ нить паутины, вырвался изъ отверстія и упалъ на ястребиный глазъ.

Онъ былъ раскрытъ, широко раскрытъ — и я закипѣлъ бѣшенствомъ. Я видѣлъ совершенно явственно этотъ глазъ — безжизненно-голубой, съ отвратительною плевою, взглядъ леденящій мозгъ въ костяхъ моихъ. Но я не могъ рассмотреть ни отдельныхъ частей лица, ни фигуры старика, потому что, какъ будто по инстинкту, я направилъ лучъ свѣта именно на проклятое мѣсто.

Вдругъ... (не говорилъ ли я вамъ, что все, что вы считаете сумасшествіемъ во мнѣ, есть не болѣе какъ необыкновенная ортота чувствъ?) вдругъ мнѣ послышался глухой, неясный, беззвучный звукъ, подобный тому, какой производить часы, завернутые въ хлопчатую бумагу. Мнѣ хорошо былъ знакомъ и этотъ звукъ. Это было бѣненіе сердца старика. Оно усилило мое бѣшенство, какъ звукъ барабана возбуждаетъ мужество въ солдатѣ.

Но я все-таки удерживался и не шевелился. Я испытывалъ до какой степени неподвижно я могу держать свѣтъ надъ ястребинымъ глазомъ. Между тѣмъ адскій стукъ сердца усиливался.

Онъ становился все быстрѣй и быстрѣй, громче и громче съ каждымъ мгновениемъ. Должно быть ужасъ старика дошелъ до полбѣдной степени! Я говорилъ вамъ, что я перевозенъ. — это правда. И теперь, въ первый часъ ночи, среди страшнаго безмолвія стараго дома, этотъ страшный стукъ возбудилъ во мнѣ непреодолимый ужасъ. Однако же нѣсколько минутъ я удерживался и не шевелился. Но бѣшеніе сердца становилось все громче и громче! мнѣ казалось, что оно лопнетъ. И мною овладѣло теперь новое безпокойство: этотъ звукъ можетъ быть услышанъ сосѣдомъ. Часъ старика насталъ! Съ громкимъ воплемъ я раскрылъ форваръ и вскочилъ въ комнату. Онъ вскрикнулъ — вскрикнулъ только одинъ разъ. Въ одно мгновение я стащилъ его на полъ и закрылъ тяжелой перилой. Потомъ я весело засмѣялся, радуясь, что дѣло такъ подвинулось впередъ. Но еще много минутъ сердце старика билось съ глухимъ шумомъ. Впрочемъ это не безпокоило меня: его нельзя было слышать черезъ стѣну. Наконецъ оно замолкло. Старикъ умеръ. Я отвалилъ перилу и началъ разсматривать трупъ. Да, онъ былъ мертвъ, мертвъ какъ камень. Я положилъ руку ему на сердце и долго держалъ ее такъ: — въ малѣйшаго трепета. Старикъ мертвъ. Съ этихъ поръ глазъ его уже не будетъ безпокоить меня!

Если вы все-таки считаете меня сумасшедшимъ, то оставьте свое мнѣніе, когда я опишу благоразумныя предосторожности, принятыя мною для того, чтобы спрятать тѣло.

Ночь проходила, и я работалъ молча, но скоро. Прежде всего я раздѣлилъ трупъ на части. Я отрѣзалъ голову, руки и ноги. За тѣмъ я подпилъ три цоловницы и уложилъ все это между балками. Потомъ пригналъ доски опять на прежнее мѣсто такъ искусно, что никакой человѣческій глазъ ничего не могъ бы замѣтить. Мыть было нечего: ни одного пятна, ни одного брызга крови! Я былъ слишкомъ остороженъ для этого. Могила амѣстила въ себѣ все — ха! ха! ха!

Въ четыре часа утра я кончилъ работу. Темнота была такая же, какъ въ полночь. Когда колоколъ прозвонилъ четыре, то послышался стукъ въ дверь, выходящую на улицу. Я пошелъ отворить ее. На сердцѣ у меня было легко: чего мнѣ было теперь бояться?

Вошли три человѣка, объявившіе, что они полицейскіе чиновники. Сосѣдъ слышалъ ночью крикъ, у него родилось подозрѣ-

ніе чего-то недобраго; онъ сообщилъ объ этомъ полиціи, которая и поручила этимъ людямъ сдѣлать обыскъ на мѣстѣ.

Я улыбулся; чего мнѣ было бояться? Я ласково принялъ джентльменовъ. Что касается до крика, сказалъ я, то это я самъ кричалъ во снѣ. Старикъ уѣхалъ за городъ. Я водилъ моихъ по-сѣтителей по всему дому; я заставлялъ ихъ искать, *хорошенько* искать. Наконецъ я привелъ ихъ въ его комнату. Я показалъ имъ его богатства, цѣлыя и нетронутыя. Въ энтузіазмѣ моей увѣренности, я принесъ въ комнату стулья и просилъ ихъ отдохнуть *здѣсь*, между тѣмъ какъ самъ, въ дикой дерзости полного торжества, поставилъ свой стулъ на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ лежало тѣло жертвы.

Полицейскіе были удовлетворены. Моя непринужденная манера убѣдила ихъ. Я былъ необыкновенно спокоенъ. Они сѣли, и между тѣмъ какъ я весело отвѣчалъ на ихъ вопросы, они болтали объ обыкновенныхъ предметахъ. Но скоро я почувствовалъ, что блѣднѣю, и сталъ желать, чтобы они ушли. Голова моя разболѣлась и мнѣ показалось, что у меня звенитъ въ ушахъ. А они все сидѣли и разговаривали. Звонъ становился все явственнѣе; я началъ больше говорить, чтобы избавиться отъ этого ощущенія, но оно продолжалось и приобрѣтало какую-то опредѣленность. Наконецъ я замѣтилъ, что этотъ звонъ раздается *не въ* ушахъ моихъ.

Безъ сомнѣнія я тогда очень поблѣднѣлъ. Я возвысилъ голосъ и заговорилъ скорѣе. Что мнѣ оставалось дѣлать? Это былъ *тихий, глухой, быстрый звукъ, очень похожий на тотъ, который производятъ часы, завернутые въ хлопчатую бумагу*. Я задыхался, а полицейскіе все еще ничего не слышали. Я заговорилъ скорѣе, съ большимъ жаромъ, но шумъ постоянно усиливался. Я всталъ и началъ разсуждать о пустякахъ, возвышая голосъ и сильно жестикулируя, — но стукъ все усиливался. Неужели они *не думаютъ* уйдти? Я тяжело шагаль по комнатѣ, какъ-будто бы доведенный до бѣшенства замѣчаніями моихъ собесѣдниковъ; но стукъ постоянно усиливался. О Боже! что мнѣ дѣлать? Я былъ внѣ себя, я говорилъ вздоръ, я произносилъ проклятія! Я поворачивалъ стулъ, на которомъ прежде сидѣлъ, и двигалъ имъ по полу, — но стукъ все-таки былъ слышенъ и все усиливался. Онъ становился все громче, громче и громче! А полицейскіе все еще шутиливо болтали и смѣялись. Неужели они не слышали? Все-

могущій Боже! вѣтъ, вѣтъ, они слышали, они подозрѣвали, они узнали, и издѣвались надъ моимъ ужасомъ! Я такъ думалъ тогда, такъ думаю и теперь. Хуже этой агоніи ничто не можетъ быть. Всякую пытку было легче вытерпѣть, чѣмъ такую насмѣшку. Я не могъ болѣе выносить эти лицемѣрныя улыбки! Я почувствовалъ, что долженъ закричать или умереть! И вотъ — опять! — громче! громче! громче!

«Негодян!» вскричалъ я, «перестаньте притворяться. Я сознаюсь! подымите доски! вотъ здѣсь — здѣсь! Это бьется его гнусное сердце!»

ЧОРНЫЙ КОТЪ

Я не ожидаю и не ищу, чтобы кто-нибудь вѣрилъ моему разсказу, въ высшей степени странному, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень простому. Да, я былъ бы сумасшедшимъ, если бы ожидалъ этого; мои собственныя чувства отказываются вѣрить самимъ себѣ. Но завтра я умру, и мнѣ хочется облегчить свою душу. Моя ближайшая цѣль состоитъ въ томъ, чтобы разсказать міру — просто, коротко и безъ толкованій — рядъ простыхъ домашнихъ событій. Эти событія въ своихъ послѣдствіяхъ ужасали, мучили и наконецъ погубили меня. Но я не буду дѣлать попытки объяснить ихъ. Для меня они не представляли почти ничего кромѣ ужаса, для многихъ же они вовсе не покажутся страшными. Можетъ быть, въ послѣдствіи найдется какой-нибудь умъ болѣе спокойный, болѣе логическій и гораздо менѣе моего склонный къ возбужденію. Онъ низведетъ мои призраки на степень самой обыкновенной вещи и въ обстоятельствахъ, о которыхъ я не могу говорить безъ ужаса, увидитъ не болѣе, какъ обыкновенный результатъ очень естественныхъ дѣйствій и причинъ.

Съ дѣтства я отличался уступчивостью и человѣчностью характера. Нѣжность моего сердца доходила до того, что сдѣлала меня предметомъ насмѣшекъ со стороны моихъ товарищей. Я въ особенности любилъ животныхъ, и мои родители много ихъ мнѣ надарили. Съ ними я проводилъ большую часть времени, и высшимъ счастьемъ для меня было — кормить и ласкать ихъ. Эта особенность моего характера росла вмѣстѣ со мною и въ лѣтахъ мужества служила для меня однимъ изъ главныхъ источниковъ удовольствія. Свойство и силу наслажденія, происходящаго отъ подобныхъ причинъ, едва ли нужно объяснять тѣмъ, которые питали когда-нибудь нѣжную привязанность къ вѣрной

и ушей собакѣ. Въ безкорыстной и самоотверженной любви животнаго есть что-то дѣйствующее прямо на сердце того, кто имѣтъ частые случаи наблюдать жалкую дружбу и летучую, какъ пухъ, вѣрность человека.

Я женился рано и былъ очень радъ, найдя въ моей женѣ склонности, сходныя съ моими собственными. Замѣтивъ мою страсть къ домашнимъ животнымъ, она при всякомъ удобномъ случаѣ прибрѣтала ихъ, выбирая самыхъ лучшихъ. У насъ были птицы, золотыя рыбки, отличная собака, кролики, малевская обезьяна и котъ.

Этотъ котъ былъ необыкновенно великъ и красивъ, — совершенно чорный котъ, — и смысленъ онъ былъ до изумительной степени. Говоря о его умѣ, моя нѣсколько суевѣрная жена часто упоминала о старинномъ народномъ повѣрью, по которому всѣ чорныя кошки — оборотившіяся вѣдьмы. Впрочемъ она говорила это въ шутку, и я упоминаю объ этомъ обстоятельстве только потому, что именно теперь оно пришло мнѣ на память.

Плутоуъ — такъ звали кота — былъ самымъ любимымъ моимъ фаворитомъ. Никто кромѣ меня не кормилъ его, и въ домѣ онъ сопровождалъ меня всюду. Мнѣ стоило даже большого труда отгонять его, когда ему приходила фантазія сопровождать меня по улицамъ.

Наша дружба продолжалась такимъ образомъ нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ мои склонности и характеръ, вслѣдствіе невоздержной жизни (стыжусь признаться въ этомъ), потерпѣли радикальное измѣненіе къ худшему. Я становился съ каждымъ днемъ угрюмѣе, раздражительнѣе, невнимательнѣе къ чувствамъ другихъ. Я позволялъ себѣ говорить дерзости женѣ, наконецъ покусился даже на насильственные поступки противъ нея. Разумѣется и мои любимцы должны были почувствовать происшедшую во мнѣ перемену. Я не только не обращалъ на нихъ вниманія, но и дурно обходился съ ними. Однако же къ Плутоуу я сохранялъ еще нѣкоторое уваженіе. Оно удерживало меня отъ дурнаго обращенія съ нимъ, между-тѣмъ какъ я нисколько не церемонился съ кроликами, обезьяною и собакой, когда они попадались мнѣ подъ руку случайно или по привычности ко мнѣ. Болѣзнь моя усиливалась, а какая другая болѣзнь можетъ сравниться съ пьянствомъ? Наконецъ даже Плутоуъ, который самъ начиналъ старѣть и слѣдовательно дѣ-

латься нѣсколько брюзгливымъ, сталъ испытывать послѣдствіи моего дурнаго расположенія духа.

Однажды ночью, когда я воротился домой сильно пьяный изъ одного часто посѣщаемаго мною притона, мнѣ вообразилось, что котъ избѣгаетъ моего присутствія. Я схватилъ его. Въ испугъ онъ укусилъ мнѣ руку, и мною вдругъ овладѣло демонское бѣшенство. Я уже не помнилъ себя. Казалось, прежняя душа вдругъ оставила мое тѣло, и каждая фибра во мнѣ задрожала отъ дьявольской злобы, подстрѣкаемой джинномъ. Я досталъ изъ жилетнаго кармана перочинный ножикъ, открылъ его, схватилъ несчастное животное за горло и медленно вырѣзалъ у него одинъ глазъ! Я краснѣю, горю и дрожу при разсказѣ объ этой ужасной жестокости...

Когда съ наступленіемъ утра разсудокъ воротился ко мнѣ, когда продолжительный сонъ прогналъ пары ночной попойки, я вспомнилъ о сдѣланномъ мною преступленіи и почувствовалъ отчасти ужась, отчасти угрызеніе совѣсти. Но это было слабое и двусмысленное чувство; душа оставалась нетронутою. Я опять предался излишествамъ и скоро потопилъ въ винѣ всякое воспоминаніе о моемъ поступкѣ.

Между-тѣмъ котъ мало-по-малу выздоровѣлъ. Правда, впадина вырѣзаннаго глаза представляла страшный видъ, но Плутонъ повидямому уже не чувствовалъ никакой боли. Онъ ходилъ въ домъ по прежнему, только — какъ и должно было ожидать — убѣгалъ въ страшномъ испугѣ при моемъ приближеніи. Во мнѣ осталось еще на столько прежнихъ свойствъ, что я сначала огорчался этимъ явнымъ ко мнѣ отвращеніемъ со стороны животного, которое когда-то было такъ привязано ко мнѣ. Но скоро это чувство смѣнилось раздраженіемъ. Тогда, на мою окончательную и невозвратную гибель, во мнѣ рѣдился духъ упорства. Философія ничего не говоритъ объ этой склонности. Но я убѣждаю, столько же убѣжденъ, какъ наиримѣрь въ существованіи души, что упорство есть одно изъ первоначальныхъ побужденій человѣческаго сердца, одна изъ нераздѣльныхъ, основныхъ способностей или чувствованій, которыя даютъ направление характеру человѣка. Кто не дѣлалъ низостей или глупостей по той единственной причинѣ, что *не долженъ былъ ихъ дѣлать*? Развѣ нѣтъ въ насъ постоянной страстишки — вопреки доводамъ здраваго смысла, парушать законъ единственно по-

тому, что это законъ? Духъ упорства, говорю я, явился во мнѣ для моей окончательной гибели. Это непостижимое желаніе души мучить *само* себя, насиловать собственную природу, дѣлать зло ради зла, побуждало меня продолжать и наконецъ довершить мои жестокости относительно невиннаго животнаго. Однажды утромъ я хладнокровно набросилъ петлю ему на шею и повѣсилъ его на деревѣ. Повѣсилъ — не смотря на то, что слезы текли у меня изъ глазъ; повѣсилъ — *потому что* зналъ прежнюю любовь его ко мнѣ и чувствовалъ, что онъ не подастъ мнѣ ни малѣйшаго повода къ жестокости; повѣсилъ — *потому что* сознавалъ въ моемъ поступкѣ грѣхъ, низвергающій мою бессмертную душу въ ту бездну, до которой, если только это возможно, не достигаетъ безконечная благодать.

Ночью, послѣ этого дня, я былъ пробужденъ отъ сна крикомъ: пожаръ! Занавѣски моей кровати были охвачены пламенемъ. Весь домъ пылалъ. Жена, служанка и я съ большимъ трудомъ спасли свою жизнь. Разореніе было полное. Все мое имущество сгорѣло, и я предался отчаянію.

Я не буду такъ слабъ, чтобы непременно отыскивать связь между слѣдствіемъ и причиною, между несчастіемъ и жестокимъ поступкомъ. Но я представляю цѣпь фактовъ и пехочу оставить незаконченнымъ ни одного, ни даже самаго малѣйшаго звена этой цѣпи. Днемъ, послѣ пожара, я посѣтилъ развалины. Стѣны всѣ почти обрушились. Стояла одна только внутренняя стѣна, перегораживавшая домъ посрединѣ, стѣна петолстая, къ которой обыкновенно примыкало изголовье моей кровати. Должно быть штукатурка оказала значительное сопротивленіе дѣйствію огня, — фактъ, который я приписывалъ тому обстоятельству, что стѣна недавно была оштукатурена за-ново. Возлѣ этой стѣны собралась густая толпа народа и многіе повидимому разсматривали какую-то особую часть ея съ очень пытливымъ и пристальнымъ вниманіемъ. Слова — «странно!» «необыкновенно!» и другія подобныя привлекли мое вниманіе. Я подошелъ и увидѣлъ фигуру огромной кошки, какъ-будто вырѣзанную въ видѣ барельефа на бѣлой поверхности стѣны. Оттискъ былъ изумительно отчетливъ. На шеѣ животнаго была накинута веревка.

Когда я въ первый разъ взглянулъ на этотъ призракъ (едва ли я могъ тогда считать его чѣмъ-нибудь другимъ), мое удивле-

ше, мой ужасъ были презиремы. Но вагонцеъ на помощь не явилось размышленіе. Я вспомнилъ, что котъ былъ повѣшенъ въ саду, прилегающемъ къ дому. Въ тревогѣ пожара толпа тогда же наполнила садъ; должно было кто-нибудь сдѣлать котъ съ дерева и бросить его чрезъ окно въ мою комнату. Въротя это было сдѣлано съ цѣлю разбудить меня. Другія стѣны, издавъ, придавили жертву моей жестокости къ новой штукатуркѣ известка которой, въ соединеніи съ огнемъ и аммоніакомъ, въходящимъ изъ трупа, произвели портретъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ предъ моими глазами.

Хотя я такимъ образомъ скоро далъ отчетъ моему разсудку, если не совѣсти, въ поразительномъ, сейчасъ рассказанномъ мною фактѣ, но тѣмъ не менѣе онъ сдѣлалъ глубокое впечатленіе на мою фантазію. Цѣлые мѣсяцы я не могъ избавиться отъ преслѣдовавшаго меня призрака. Въ это же время опять явилось въ моей душѣ то половинное чувство, которое имѣло видъ угрызенія совѣсти, но не было имъ въ дѣйствительности. Я даже жалѣлъ потерю животнаго и въ гнусныхъ притонахъ, обыкновенно посѣщаемыхъ мною, искалъ, для пополненія этого недостатка другаго кота, сколько-нибудь похожаго на прежняго.

Однажды ночью, когда я сидѣлъ въ полусозавательномъ состояніи среди позорнѣйшаго кабака, мое вниманіе было внезапно привлечено чѣмъ-то чернымъ, свернувшимся на одну изъ огромныхъ бочекъ джина или рома, которыхъ составляла главную мебель комнаты. Нѣсколько минутъ я пристально глядѣлъ на верхъ этой бочки, удивляясь, какимъ образомъ я не замѣтилъ прежде лежавшаго на ней чернаго предмета. Я подошелъ къ нему и тронулъ его рукою. Это былъ черный котъ очень большой, совершенно такой же величины, какъ Плутонъ и очень похожіи на него во всемъ, исключая одного. Именно Плутонъ былъ черенъ весь, съ ногъ до головы, а этотъ котъ имѣлъ широкое, хотя и неясвенно обозначенное бѣлое пятно покрывавшее почти всю грудь его,

Когда я прикоснулся къ нему, онъ громко замурдыкалъ, началъ тереться о мою руку и повидимому былъ очень доволенъ моимъ вниманіемъ. Именно такого животнаго я искалъ. Я тотчасъ же вздумалъ купить кота и предложилъ хозяину заведенія деньги, но хозяинъ не имѣлъ на него никакихъ притязаній, не зналъ откуда онъ взялся, и цѣкогда не выдалъ его до этихъ поръ.

Я продолжалъ ласкать кота и когда сталъ собираться домой, то онъ выкавалъ желаніе идти за мною. Я не отговяла его и на пути иногда наклонялся и гладилъ его по спицѣ. Онъ, сморзавшись съ домою и сдѣлался большимъ любимцемъ моей жены.

Что касается до меня, то я скоро почувствовала возникающее въ моей душѣ отвращеніе къ нему. Я вовсе не ожидала этого чувства, но не знаю какъ и почему, очевидная привязанность его ко мнѣ была противна и надоѣдала мнѣ. Мало по малу отвращеніе перешло въ горечь и ненависть. Я избѣгалъ животнаго, какое-то чувство стыда и воспоминаніе о моей прежней жестокости удерживали меня отъ навесенія ему физической боли. Нѣсколько недѣль я не билъ его и не дѣлалъ ему никакихъ насилій; но постепенно, мало по малу, я сталъ сморзрѣть на него съ невыразимымъ омерзениемъ и молча уходилъ отъ его венашистаго присутствія, какъ отъ дыханія чумы.

Безъ сомнѣнія къ усилению моей ненависти къ животному не мало способствовало открытіе, сдѣланное мною утромъ послѣ того, какъ я привелъ его къ себѣ домой: подобно Плутому, онъ былъ лишонъ одного глаза. Это обстоятельство было причиною, что онъ еще болѣе полюбился моей женѣ. Она, какъ я уже сказала, обладала въ высокой степени тою человѣчностью чувства, которая была нѣкогда отличительною чертою моего характера и источникомъ многихъ самыхъ простыхъ и чистыхъ моихъ удовольствій.

Странно, что вмѣстѣ съ моимъ отвращеніемъ къ коту, привязанность его ко мнѣ новидимому усиливалась. Онъ ходилъ за мною по пятамъ съ упорствомъ, о которомъ трудно дать читателю надлежащее понятіе. Гдѣ бы я ни сѣлъ, онъ ужь подползеть ко мнѣ подъ стулъ, или всирывнеть ко мнѣ на колѣни, падоѣдая мнѣ своими противными ласками. Когда я вставалъ, чтобы пройтись по комнатамъ, онъ вертѣлся у меня подъ погами, такъ что я чуть не падалъ, или же, цѣпляясь своими острыми когтями за мое платье, вскарабкивался ко мнѣ на грудь. Въ такіе минуты я сильно желалъ убить его однимъ ударомъ, но удерживался отъ этого частію воспоминаніемъ о моемъ провинномъ преступленіи, а болѣе всего (сознаюсь въ этомъ за первый разъ) рѣшительнымъ страхомъ, который я чувствовалъ къ коту.

Это не былъ страхъ собственно физическаго зиа; я однакоже и не сумѣлъ бы опредѣлить его другимъ образомъ. Я почти

стыжусь признаться, — да, даже здесь, въ тюрьмѣ, стыжусь признаться, — что ужасъ и отвращеніе, которые внушало мнѣ животное, были усилены одною изъ самыхъ пустыхъ химеръ какія только можно себѣ представить. Моя жена не разъ обращала мое вниманіе на бѣлую отиѣтку, о которой я говорилъ составлявшую единственное видимое отлччіе этого кота от Плутона. Читатель вспомнить, что эта отиѣтка, хотя большая первоначально была очень неопредѣленна: мало по малу, почти незамѣтно, она приобрѣла рѣзкую явственность очертавшаго. Разсудокъ мой долго силится отвергать это обстоятельство, какъ пустую игру воображенія. Отиѣтка теперь имѣла видъ предмета, ния котораго я содрогаюсь произнести... И преимущественно по этому я ненавидѣлъ кота, боялся его и желалъ бы, если бы только смѣлъ, избавиться отъ чудовища. Я видѣлъ въ его бѣломъ пятнѣ изображеніе отвратительной, ужасной вещи — *вспльщцы!* — печальнаго и грознаго орудія ужаса и преступленія агоніи и смерти!

Съ этихъ поръ я сталъ истинно жалкимъ существомъ, болѣе жалкимъ, нежели это свойственно человѣку. *Неразумное животное*, которому подобное я убилъ съ такимъ презрѣніемъ, — неразумное животное было причиною нестерпимой пытки для меня для человѣка, созданнаго по образу Божию! Увы! на днѣ и ночью я не зналъ больше покоя. Днемъ котъ не оставялъ меня ни на минуту, а ночью я безпрестанно вскакивалъ, испуганный невыразимо страшными грезами. И проснувшись, я чувствовалъ горячее дыханіе этой твари на моемъ лицѣ и ея гнетущую тяжесть, — воплощеніе домоваго, котораго сбросить я не имѣю силы, — вѣчно лежащую на моемъ сердцѣ!

Слабый остатокъ добра въ моей душѣ не могъ выдержать такой пытки. Самыя злыя, самыя мрачныя мысли сдѣлались моими единственными неравнучными товарищами. Обыкновенная угрюмость моего нрава усилилась и перешла въ неизменно всѣмъ вещамъ и во всему человѣчеству; моя жена, вѣдомая она вся безропотно, чаще и больше всѣхъ терпѣла отъ выходящихъ, безпрестанныхъ и неудержимыхъ взрывовъ бѣшенства, которому я теперь слѣпо предавался...

Однажды она шла вмѣстѣ со мною за чѣмъ-то нужнымъ въ хозяйство въ погребъ стараго дома, въ которомъ мы пришедемъ были жить по бѣдности. Котъ слѣдовалъ за мною вна-

по ступенямъ лѣстницы! Онъ чуть не сбилъ меня съ ногъ, и это разсердило меня до сумасшествия. Поднявъ топоръ и забывъ въ ярости ребяческой страхъ, который до сихъ поръ удерживалъ меня, я направилъ на животное ударъ, который безъ сомнѣнія былъ бы для него губеленъ, еслибы попалъ туда, куда я цѣлялъ. Этотъ ударъ былъ остановленъ рукою моей жены! Раздраженный этимъ заступничествомъ, которое привело меня болѣе чѣмъ въ дьявольскую ярость, я вырвалъ у ней мою руку и топоромъ разрубилъ ей черепъ. Она упала мертвою на мѣстѣ, и испустилъ ни одного стопа.

Совершивъ это гнусное убійство, я немедленно, во совершенномъ хладнокровно приступилъ къ тому, чтобы скрыть тѣло. Я зналъ, что нѣтъ нельзя вынести его изъ дому ни днемъ ни ночью, безъ риска быть замѣченнымъ сосѣдями. Въ голову мнѣ пришло много плановъ. Сперва я думалъ изрѣзать трупъ на малкіе куски и сжечь ихъ; потомъ рѣшилъ — вырыть могилу для него въ погребѣ; потомъ сталъ размышлять, не бросить ли его въ колодезь на дворѣ, или не положить ли его въ ящикъ, какъ какой-нибудь товаръ и, сдѣлавъ обычныя распоряженія, призвать носильщика, чтобы вынести его изъ дома. Наконецъ я напалъ на мысль, которая мнѣ показалась лучше всѣхъ этихъ плановъ. Я рѣшился замуровать трупъ въ стѣнѣ погреба, какъ, говорятъ, монахи среднихъ вѣковъ замуровывали людей, сдѣлавшихся ихъ жертвами.

Для подобной цѣли погребъ хорошо былъ приспособленъ. Стѣны его были сложены слабо и недавно покрыты грубою штукатуркой, еще не окрѣпшей отъ сырости воздуха. Сверхъ того въ одной изъ стѣнъ былъ выступъ, образованный фальшивымъ камнемъ, который былъ заложенъ и подведенъ подъ обшій видъ остальныхъ частей погреба. Я не сомнѣвался, что легко могу вынуть въ этомъ мѣстѣ кирпичи, вложить туда трупъ и задѣлать все это по прежнему, такъ что никакой глазъ не будетъ въ состояніи замѣтить ничего подозрительнаго.

Я не обманулся въ расчетѣ. Посредствомъ лома я безъ труда выбилъ кирпичи и, тщательно прислонивъ трупъ къ внутренней стѣнѣ камня, подперъ его, чтобы онъ держался въ такомъ положеніи; затѣмъ я легко привелъ все въ прежній порядокъ. Доставъ со всевозможными предосторожностями известковаго раствора, песку и шерсти, я составилъ штукатурку, которую

нелзя было отличить отъ прежней, и покрыть ею жирничъ. Окончивъ эту работу, я былъ очень доволенъ тѣмъ, что теперь все приведено въ надлежащій порядокъ. Стѣна не представляла ни малѣйшаго признака какъ-нибудь веревки или переломки. Музееръ на полу былъ мною тщательно подобранъ. Я съ торжественъ посмотрѣвъ вокругъ и сказалъ самому себѣ: «во-крайней-мѣрѣ здѣсь трудъ мой не былъ напрасенъ.»

Загнѣвъ первымъ моимъ дѣломъ было — поискать нота, причину этого страшнаго несчастія; потомучто я наконецъ твердо рѣшился убить его. Попадись онъ мнѣ въ эту минуту, участь его была бы рѣшена. Но хитрое животное по видимому испу-глось силы моего гнѣва и не показывалось мнѣ на глаза при подобномъ настроеніи духа. Невозможно описать или вообра-зить то глубокое, благодатное чувство облегченія, которое я испытывалъ вслѣдствіе отсутствія этой ненавистной твари. Котъ не показывался всю ночь, и такимъ образомъ по-крайней-мѣрѣ одну ночь за все время съ тѣхъ поръ, какъ я привезъ его въ домъ, я спалъ крѣпко и спокойно. Да, спалъ, не смотря на убій-ство, лежавшее у меня на душѣ!

Прошло еще два дня — мой мучитель не показывался. Я опять вздохнулъ свободно. Чудовище оставило мой домъ навсегда! Я не увижу его болѣе. Такъ думалъ я и былъ въ выс-шей степени счастливъ! Мое преступленіе мало тревожило меня. Мнѣ сдѣлано было нѣсколько допросовъ, но я отвѣчалъ на нихъ безъ затрудненія. Даже назначено было слѣдствіе, но ничего не было открыто. Я считалъ себя совершенно безопаснымъ.

На четвертый день послѣ убійства нѣсколько полицейскихъ совсѣмъ неожиданно явились въ домъ и снова начали дѣлать строгій розыскъ на мѣстѣ. Но будучи увѣренъ въ невозможности открыть, гдѣ спрятанъ трупъ, я не чувствовалъ ни малѣйшаго замѣшательства. Полицейскіе велѣли мнѣ сопровождать ихъ при производимыхъ ими поискахъ. Они не оставили ни одного угла или закоулка безъ изслѣдованія. Наконецъ въ третій и въ чет-вертый разъ они сошли въ погребъ. Ни одинъ мускулъ мой не дрожалъ. Мое сердце билось спокойно, какъ у человѣка, спа-щаго своимъ невинности. Сложивъ руки на груди, я спокойно ходилъ по погребу туда и сюда, отъ одного конца къ другому. Полиція была удовлетворена вполне и хотѣла выйти. Радость моего сердца была слишкомъ сильна и я не выдержалъ. Я ге-

рѣлъ желаніемъ сказать только одно торжествующее слово и тѣмъ усугубить ихъ увѣренность въ моей девинности.

— Джентльмены, сказалъ я наконецъ, когда полицейскіе начали уже взбираться по ступенямъ лѣстницы, желаю вамъ всякаго здоровья и немного побольше вѣжливости. Сказать мимоходомъ, джентльмены, это — очень хорошо построенный домъ. (Въ неистовомъ желаніи сказать что-нибудь непринужденнымъ тономъ, я едва зналъ, что говорилъ). Да, могу сказать, это превосходно построенный домъ. Эти стѣны... вы уходите? эти стѣны сложены очень прочно. — Здѣсь, единственно изъ какого-то смеснаго дѣлаго молодчества, я сильно поступалъ быдѣію у меня въ рукахъ тростью какъ разъ въ ту часть стѣны, за которую стала трупъ моей жены...

Да защитить и сохранить меня Богъ отъ когтей сатаны! Едва отголоски моего удара въ замочекъ, — анъ на нихъ отѣтала голось изъ могилы! Это бытъ крикъ сперва глухой и прерывистый, похожій на вопливаніе ребенка, потомъ анъ перешелъ въ долгій громкій и непрерывный вопль, совершенно не человѣчскій в выходящій изъ ряда обыкновенныхъ звуковъ, — анъ заываше, въ жалобный, прозвительный шагъ, въ которомъ слышалась частію ужасъ, частію торжество. Словомъ: это былъ звукъ, который можетъ выйдти только изъ ада, звукъ, въ который была соединены и вопли осужденныхъ на вѣчную муку грѣшниковъ и крики ликующихъ демоновъ.

Безумно было бы говорить о томъ, что я чувствовалъ въ эту минуту. Я едва не упалъ въ обморокъ, и, шатаясь, пошелъ къ противоположной стѣнѣ. Одинъ мигъ полицейскіе оставались неподвижными на лѣстницѣ отъ крайняго страха и ужаса. Въ слѣдующій — дюжина сильныхъ рукъ ломала стѣну камня. Она упала. Глазамъ зрителей представилася трупъ, уже сильно испертывшійся и покрытый занеишеюся кровью, который стоялъ противъ анъ въ прямомъ положеніи. На головѣ его, разинувъ красный ротъ и вынувъ единственный огненный глазъ, сидѣло гнусное животное, коварство котораго привело меня къ убійству, а обличительный вопль предалъ меня палачу. Я покорешилъ чудовище шагѣтъ съ трупомъ моей жены!

III

ФОРТЪ ВЪ РАТУШЬ

Всѣмъ известно, что самое лучшее мѣсто въ мірѣ есть — моя душа, увы! Бакло — голландскій городокъ Вондервоттеймтисъ. И лежить-то онъ недалеко отъ вѣсѣхъ болышихъ деревъ; и такъ сказать, запертанъ гдѣ-то въ сторонѣ; воть почему, можетъ быть, очень не многіе изъ моихъ читателей туда заглядывали. Для побывавшихъ въ этомъ городкѣ будетъ нелишнимъ, если я войду съ некоторыя подробности о немъ. Это гдѣ болѣе необходимо, что въ надеждѣ возбудить всобщую симпатію въ его жителей, я намеренъ рассказать здѣсь исторію бѣдственныхъ событій, которыя такъ недавно произошли въ его предѣлахъ. Никто изъ знающихъ меня не станетъ сомнѣваться, что я вышлюсь принятую на себя обязанность наилучшимъ образомъ какъ только могу, со всѣмъ строгимъ безпристрастіемъ, съ осторожною критикою фактовъ и съ тщательнымъ слѣженіемъ авторитетовъ; словомъ — со всѣми качествами, необходимыми для чловѣка, выполняющаго пріязаніе на титулъ историка.

Опираясь на соединенную помощь медалей, манускриптовъ и надписей, я могу сказать положительнo, что городокъ Вондервоттеймтисъ съ самаго начала своего существованія находился совершенно въ томъ же видѣ, какой онъ сохраняетъ теперь. Впрочемъ о времени его основанія я къ сожалѣнію могу говорить не иначе, какъ съ тою неопредѣленною опредѣленностью, къ которой припуждены бываютъ иногда приблгать математика въ некоторыхъ алгебраическихъ формулахъ. Такимъ образомъ я могу напр. сказать, что время его происхожденія, такъ какъ это было уже очень-очень давно, не можетъ быть менѣе какой-нибудь данной величины.

Огносително происхожденія названія Вондервоттеймтисъ,

я въ глубокому моему прискорбію долженъ признать себя столь же малосвѣдущимъ. Изъ множества мнѣній объ этомъ шекотливомъ предметѣ — остроумныхъ, ученыхъ, тупыхъ и невѣжественныхъ — я не въ состояніи выбрать ни одного сколько-нибудь удовлетворительнаго. Можетъ быть, мнѣніе Гроссманга, почти совершенно сходное съ мнѣніемъ Кроутарлентеа, заслуживаетъ предпочтенія предъ другими. Вотъ оно: «Vondervotteimittiss — Vonder читай Dondor (громъ); Votteimittiss читай vad Bleitzia; Bleitzia — слово вышедшее изъ употребленія: оно означало то же что Blitzen (молнія).» Это словопроизводство подтверждается слѣдами электрическаго тока на вершинѣ шпика ратуши. Впрочемъ я не рѣшаюсь пускаться въ разсужденія о предметѣ такой важной важности и долженъ отослать читателей, желающихъ познать о намъ болѣе подробныя свѣдѣнія, къ «Oratiunculae de Rebus Praeter-Veteris», Дундергутца. См. также «De Derivativibus» Бундлербуварда, стр. отъ 27—5010; in folio геттисгенское изданіе, буквы черныя и красныя, при чемъ слѣдуетъ также не упускать примѣчаній, написанныхъ на поляхъ собственною рукою Студенундпуфа, съ комментаріями къ нимъ Грунтувагуа-мал.

Не смотря на мракъ, скрывающій отъ насъ я время основанія Вондэрвоттеймиттисса и происхожденіе его имени, не можетъ быть, какъ я сказалъ выше, ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ всегда существовалъ въ томъ же положеніи, въ какомъ мы находимъ его въ настоящую эпоху. Самые старыя изъ жителей городка не могутъ признать, чтобы видъ какой-нибудь части его представлялъ прежде хотя малѣйшую разницу съ нынѣшнимъ; даже намекъ на возможность подобнаго обстоятельства считается тамъ какое-то ересью. Городъ расположенъ въ котловинѣ, нѣбующей около четверти мили въ окружности, а совершенно замкнутой отлогими холмами, чрезъ которые жители никогда не рѣшались переходить. Они представляютъ тому очень основательную причину, именно: они не думаютъ, чтобы на другой сторонѣ было что-нибудь.

По краямъ долины (совершенно ровной и вымощенной вслѣдъ плоскою черепацей) выстроена непрерывная линія шестидесяти домиковъ. Стоя заднами къ холмамъ, они лицомъ обращены къ центру долины, находящемуся ровно въ шестидесяти арсахъ отъ лицевой двери каждаго жилища. Предъ каждымъ до-

никонъ есть небольшой садикъ съ круглою дорожкой, со двенадцатью часами и двенадцатью четырьмя почасами капусты. Самые домны живить до такой степени близкое сходство между собою, что ихъ никакимъ образомъ нельзя отличить другъ отъ друга. Благодаря своей отдаленной древности, стили архитектурны нѣсколько странены, но гнѣть не менѣе необыкновенно живописны. Дома построены изъ крѣпко обожженныхъ шкелерныхъ кирпичей, красныхъ съ черными краями, такъ что отъ нихъ предетельно видъ шахматной доски въ большихъ размѣрахъ. Верхіе трехугольники домовъ обращены къ фронту, а фронтныя краишь и крыши украшены преогрѣнными карнизана, такія же стрѣмныи, какъ и самый домъ; окна узки и глубоки, съ крестообразными стеклами и множествомъ рамокъ; на краишь преизвѣстны черепицы съ длинными загнутыми ушками. Деревянная работа имѣеть вездѣ темный цвѣтъ; она покрыта рѣзью, представляющею очень мало разнообразія, потому что рѣзьбы этого рода не бывають въ состояніи изобразить что-нибудь другое, кромѣ часовъ и капусты. Но на этихъ двухъ предметахъ они таки набили руку и вырѣзываютъ ихъ съ удивительнымъ искусствомъ вездѣ, гдѣ только можно усадить часы или капусту.

Внутри жилища похожи одно на другое, столы же, какъ и снаружи, и мебель вездѣ одного и того же фасона. Полы замощены плоской черепицей, стулья и столы изъ темнаго дерева, вѣсь съ кривыми ногами на собачьихъ лапкахъ. Варшавя часто наипытѣе широка и высока и на ней красуются не только преобразенія часовъ и капусты, но и настоящія часы, которые страшно стучать. Они обыкновенно стоятъ поодинакъ; съ боковъ же по обѣимъ сторонамъ непремѣнно стоятъ по одному цѣлочасному горшочку съ наустой. Между каждыми горшочкомъ и часами стоитъ маленькій бирюзовый человечекъ съ толстыми крѣпкими бровями, имѣющимъ круглое отверстіе, сквозь которое обиты такіе тертитъ иаферблатъ часовъ.

Камни широки и глубоки, съ мрачными и приземисто-брюхатыми таганями. Въ нихъ всегда горить огонь; надъ огнемъ всегда стоитъ горшочекъ со свиной и кислою капустой, а надъ горшочкомъ всегда наблюдаетъ заботливый глазъ доброй хозяйки. Это всегда маленькая толстоыкая старушка съ темными глазами и красными щипками; на ней огромный чепчикъ, полоскій на се-

харшую голову и обшитой красными и желтыми лентами. Платье ее шерстяное съ ниткой оранжеваго цвѣта, очень полно сшито, очень коротко въ талии, и нельзя сказать чтобы длинно спереди, потому что доходить только до коленъ. Нѣсколько толстая юбка закрыта толстыми зелеными чулками. Башмаки изъ розовой кожи привязаны бантами изъ желтыхъ лентъ, сложенныхъ въ видѣ мочала капусты. Въ лѣвой рукѣ у ней всегда маленькія, но тяжелыя голландскія часы, въ правой — большая ложка или кѣшаніе кислой капусты и свиинны. Возлѣ нея жирная цестравъ въ пятнахъ кошка; на хвостѣ у ней всегда гремать игрушечныя позолоченныя часы съ репетиціей — обыкновенное баловство маленькихъ шалуновъ и шалуний.

А самые шалуны эти — всѣ трое въ саду, гдѣ они смотрятъ на двуглазней свиньей. Ростъ каждаго изъ нихъ — два фута. На нихъ всегда трехугольныя шляпы, красныя жилеты, спустяющіеся до локтей, штаны изъ лосиной кожи, доходящіе только до коленъ, красныя шерстяныя чулки, тяжелыя башмаки съ толстыми серебряными пряжками и длинныя ботинки съ болыими перламутровыми пуговицами. Во рту у каждаго трубка, а въ правой рукѣ маленькіе пузатенькіе часики; мальчишъ курнетъ изъ трубки и поглядитъ на часы, потомъ поглядитъ на часы и курнетъ изъ трубки. Свинья, жирная и лѣнливая, то подбарахтываетъ свиншіе съ капусты листья, а то дрыгаетъ ногами, стараясь обить игрушечныя позолоченныя часы съ репетиціей, привязанныя шалунами къ ее хвосту для того, чтобы и она была также награда какъ кошка.

У черной двери, на обитой кожю пресолѣ съ воденой спинкой и привыши ногахъ на собачьихъ лапкахъ, сидитъ сама старикъ-хозяйникъ. Это — необыкновенно раздутый мясенаій человѣчекъ, съ выпученными круглыми глазами и огромнымъ двойнымъ подбородкомъ. Платье его похоже на платье мальчишкы, и мнѣ нѣтъ надобности распространяться объ этомъ предметѣ. Все различіе состоитъ въ томъ, что его трубка нѣсколько больше чѣмъ у нихъ и онъ можетъ производить болыше дыму. Подобно имъ, онъ всегда при часахъ, но носить ихъ въ карманѣ. Сказать правду, у него есть дѣло поважнѣе карманныхъ часовъ, а въ чемъ состоитъ это дѣло — я сейчасъ объясню. Она сидитъ, положивъ правую ногу на лѣвую съ выраженіемъ важности на лицѣ, и покрайней мѣрѣ одинъ изъ глазъ его постоянно

устраивают на какой-то любопытный предмет въ центрѣ комнаты.

Этотъ предметъ находится въ башнѣ ратуши. Члены ратуши всё очень маленькіе, толстовкіе и умные челоѣчки, съ выпуклыми и круглыми, какъ чайное блюдечко, глазами и жирными двойными подбородками. Фраки ихъ гораздо длиннѣе и ярже на башмакахъ гораздо толще, чѣмъ у менѣе важныхъ жителей Вондервоттеймттиса. Во время моего пребыванія въ городкѣ, они держали нѣсколько чрезвычайныхъ засѣданій, въ которыхъ постановили три важныя рѣшенія, именно:

1) Не должно измѣнять прежняго благополучнаго теченія дѣлъ.

2) Въ Вондервоттеймттиса вѣтъ ничего періодичнаго.

3) Жители города должны оставаться при своихъ часахъ и канустѣ.

Надъ присутственной залой ратуши возвышается башня; на башнѣ устроена колокольня, гдѣ стоятъ и стояли съ незапамятныхъ временъ большіе часы городка Вондервоттеймттиса. Вотъ къ этому-то предмету обращены глаза стариковъ, сидящихъ на обитыхъ кожею креслахъ.

Большіе часы имѣютъ семь циферблатовъ, по одному въ каждой изъ семи сторонъ башни, такъ что они могутъ быть видны со всѣхъ кварталовъ. Эти циферблаты велики и бѣлы; цифрочки ихъ массивны и черны. Къ колокольнѣ приставленъ смотритель, на его обязанность — бездѣлье въ полномъ смыслѣ слова. Ему ровно нечего дѣлать, потому что башенные часы Вондервоттеймттиса никогда не портились. До послѣдняго времени даже предположеніе о возможности чего-либо подобнаго считалось ересью. Съ самаго отдаленнаго періода, на который сохранились указанія въ архивахъ, часы регулярно отбивали время своимъ влажнымъ колоколомъ. Совершенно тоже можно сказать и обо всѣхъ другихъ часахъ въ городкѣ, стѣнныхъ и карманныхъ. Нигдѣ время не было указываемо съ такою вѣрностью. Когда большой колоколъ находилъ нужнымъ прозвонить — «двѣнадцать!» то всѣ вкоренные послѣдователи его вдругъ открывали свои горлушки и отвѣчали ему, какъ самое рабское эхо. Короче — добрые жители городка очень любили свою кивалую канусту, часами же своими просто гордились.

Всѣ люди, имѣющіе бездѣльные должности, пользуются

болыишъ или менышомъ уваженіемъ; а такъ какъ колокольный смотритель Вондервоттеймиттиса обладаетъ самою лучшею изъ шкатурокъ, то его уважаютъ болѣе всѣхъ людей въ ширѣ. Онъ — важнѣйшій самовникъ города; даже свиньи сморятъ на него съ чувствомъ глубокаго уваженія. Хвостъ его фрака гораздо длиннѣе, его трубка, пряжки на башмакахъ, глаза и брови гораздо массивнѣе чѣмъ у всѣхъ остальныхъ стариковъ города, а его подбородокъ уже не двойной, а тройной.

Я описалъ блаженное состояніе Вондервоттеймиттиса. Увидѣнная имъ прекрасная картина должна была скоро измѣниться.

Между мудрѣйшими изъ жителей Вондервоттеймиттиса родилась была въ ходу поговорка, что «ничего путнаго не выйдетъ изъ-за холмовъ.» И въ самомъ дѣлѣ казалось, что эти слова имѣютъ въ себѣ что-то пророческое. Третьяго дня, когда стрѣлка показывала двѣнадцать часовъ безъ пяти минутъ, на вершинѣ хребта съ восточной стороны появился какой-то очень странный предметъ. Разумѣется, подобное явленіе привлекло на себя всеобщее вниманіе, и каждый маленькій старичокъ, на обитыхъ кожей креслѣ, повернулъ одинъ изъ своихъ глазъ съ удивленіемъ и ужасомъ на этотъ феноменъ, не спуская однако же другаго глаза съ часовъ колокольни.

Когда до полудни доставало только трехъ минутъ, всѣ замѣтили, что вышеупомянутый предметъ былъ крошечный молодой человѣкъ, съ виду похожій на иностранца. Онъ очень поспѣшно сбѣжалъ съ холма, такъ-что каждый теперь могъ хорошо рассмотреть его. Никогда подобнаго, въ высшей степени кощуннаго маленькаго франта не было прежде видно въ Вондервоттеймиттисѣ. Лицо его было темно-табачнаго цвѣта, носъ — крючкомъ, глаза — въ видѣ горошинъ, ротъ широкій и зубы превосходные, которые онъ какъ-будто нарочно старался выказывать, потомучто смѣясь раскрывалъ ротъ отъ уха до уха. За ушами его и бакенбардами не видно было ничего изъ остальной части лица. Голова открытая, волосы завязаны въ пачмопки. Одежда его состояла изъ чернаго узкаго фрака, съ калами въ видѣ ласточьяго хвоста (изъ одного кармана торчалъ длинный конецъ бѣлаго носоваго платка), изъ черныхъ камишевыхъ штановъ до коленъ, черныхъ чулокъ и шукающихъ башмаковъ, съ огромными пучками черныхъ атласныхъ лентъ въ видѣ бантовъ. Подъ одною мышкою онъ держалъ огромную

шляпу, а надъ другою — скрипку, которая была чуть не напѣтеро больше его самого. Въ лѣвой рукѣ у него была золотая табакерка, изъ которой онъ, сбѣгая впередъ по колѣну со всаппринципами прыжками, помахивалъ съ видомъ необыкновеннаго наслажденія. О, это было по истинѣ изумительное зрѣлище для достойныхъ жителей Вондэрвоттеймиттиса!

Господи откровенно, незнакомецъ, несмотря на зубокальство, имѣлъ дерзкую и алую амзиопомію; а когда онъ дѣлалъ прыжки, чтобы спуститься прямо въ городъ, то странный, неуклюжій видъ его башмаковъ возбуждалъ немалое подозрѣніе. Многие бюргеры, видѣвшіе его въ этотъ день, охотно бы посмотрѣли, что скрывалось у него подъ бѣлымъ батистовымъ платкомъ, который такъ нахально выглядывалъ изъ кармана его вѣтрохвостаго фрака. Но справедливое негодованіе болѣе всего было возбуждено тѣмъ, что этотъ негодный франтикъ, то отплясывая фанданго, то вертясь какъ волчокъ, по видимому не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о соблюденіи такта въ своей походкѣ.

Но добрые жители городка едва успѣли совершенно открыть свои глаза, какъ въ двѣнадцать часовъ безъ полминуты негодяй былъ уже между ними. Онъ сдѣлалъ *chassé* направо и *balacé* на лѣво, потомъ — *piquette*, потомъ *pas de zéphyr* и влетѣлъ какъ комета на колокольню ратуши. Тамъ сидѣлъ смотритель во всемъ величіи своего сана и курилъ, пораженный удивленіемъ и ужасомъ. Маленькій проказникъ тотчасъ же дернулъ и потрепалъ его за носъ, потомъ надѣлъ ему на голову свою огромную шляпу и прихлопнулъ ее, такъ что она закрыла смотрителю глаза и ротъ; затѣмъ, своею тяжелою скрипкою сталъ дубасить его такъ долго и сильно, что слыша эти удары пустой скрипки по жирному тѣлу несчастнаго, вы бы воскликлись, что шѣлѣй поукъ барабаниковъ бьютъ въ басовые барабаны адскую тревогу на колокольнѣ Вондэрвоттеймиттиса.

Неизвѣстно, до какой отчаянной мести могло бы довести жителей это безчестное нападеніе, если бы ихъ не удерживалъ тотъ важный фактъ, что теперь только полсекунды недоставало до полудня. Для колокола полходила пора звонить и всенъ долженъ былъ взглянуть на свои часы, — дѣло абсолютной и высшей необходимости. Однако же было видно, что въ этотъ самый моментъ незнакомецъ на колокольнѣ дѣлалъ надъ часами что-то такое, чего ему вовсе не слѣдовало дѣлать. Но такъ-какъ

онъ всталъ бѣшь, съ никго не имѣлъ времени наблюдать за его
продвиженіемъ: всѣ должны были считать удары часового коло-
кола.

— Разъ! сказалъ колоколъ.

— Разсъ! повторилъ всѣ маленькіе старички Вондервоттеймиттисъ
на своихъ обитыхъ кожей креслахъ. Разсъ! сказала пять
крупные часы: разсъ! и сказали часы пять часовъ. Разсъ! и
сказалъ часы мальчишка и позолоченный маленькій репетитишъ
и всталъ свиньи и цыпки.

— Два! продолжалъ большой колоколъ.

— Два! повторили всѣ часы съ репетиціей.

— Три! четыре! пять! шесть! семь! восемь! девять! десять!
сказалъ колоколъ.

— Два! четыре! пять! шесть! семь! восемь! девять! десятъ!
отвѣчали маленькія эхо.

— Одинадцать! сказала колоколъ.

— Одинадцать! согласились его маленькіе товарищи.

— Дѣнадцать! сказалъ колоколъ.

— Тринадцать! отвѣчали они, совершенно удовлетворенно
и движая голову.

— И полтень (полдень)! сказали всѣ старички, вкладъ часы
въ карманъ. Но колоколъ еще не кончилъ.

— Тринадцать! прозвучалъ онъ.

— Der Teufel! престомили они, тринадцать! тринадцать!
Мин Gott, тринадцать! философ!

Но какъ описать страшную сцену, которая разгнѣлась прелѣдо-
вала? Весь Вондервоттеймиттисъ былъ приведенъ въ самое пла-
чевное замѣшательство.

— Что случилось съ моимъ желудкомъ? заревѣли всѣ маль-
чшки, мнѣ ужъ съ часъ какъ ѣсть хочется.

— Что случилось съ моей капустой? вскричали всѣ старухи, она
ужъ съ часъ какъ вся разварилась.

— Что случилось съ моей трубкой? Завопили всѣ старички,
прокъ и мольни! она съ часъ ужъ какъ потухла. И они опять
съ бѣшенствомъ наполнили свои трубки и, съвъ, начали такъ
скоро и свирѣпо дымить, что вся долина вдругъ покрывалась не-
проницаемымъ дымомъ.

Между-тѣмъ всѣ кочаны капусты вдругъ покраснѣли, и ка-
залось самъ дьяволъ завладѣлъ всѣмъ, что имѣло видъ часовъ.

Часы вырванные на мебели вдруг занялись как заколдованные, а стоящие на камнях едва могли удерживаться от бешенства и подняли такой продолжительный стук, отбавив тринадцать, причем маятники их так стали подпрыгивать и швыряивать, что страшно было слушать и смотреть. Но хуже всего было то, что ни кошки, ни собаки не могли вынести поведения маленьких репетицій, приведенных къ их крестамъ; они бѣгали какъ угорьля, брыкались и царапались, кричали, визжали и мяукали, бросались подъ ноги и производили ужаснѣйшій шумъ и ужаснѣйшую суматоху, какіе только можетъ вообразить себѣ здравомыслящій человекъ. Къ довершенію бѣдствія, маленькій негодяй въ колокольнѣ работалъ до нельзя. По временамъ можно было видѣть злодѣя сквозь дыню. Онъ сидѣлъ на смотрителѣ, который лежалъ, вытянувшись на спинѣ. Въ рукахъ своихъ негодяй держалъ веревку колокола и дергая ее, подымалъ такой звонъ, что онъ и теперь раздается въ ухахъ моихъ при одномъ воспоминаніи о немъ. На колѣняхъ у него лежала огромная скрипка, на которой онъ палилъ обильными руками всевозможныя ноты со всевозможными тактами, показывая видъ — вотъ-то олухъ! — будто бы онъ играетъ «Judy O'Flannagan и Paddy O'Raferty.»

При такомъ жалкомъ положеніи дѣлъ, я съ отвращеніемъ оставилъ городъ, и теперь зываю о помощи ко всѣмъ любителямъ точнаго времени и прекрасной капусты. Пойдите туда цѣлою массою и, сбросивъ негодяя съ колокольни, восстановите прежній порядокъ вещей въ Вондэрвоттеймиттсѣ!

СОЛИМСКАЯ ГЕТЕРА

(А. П. Индюкову)

Свѣтлѣй, чѣмъ образъ серафима,
Межъ падшихъ жонъ была одна
Далекой Греціи жена —
Краса и честь всего Солима.
Когда она на пышный пиръ,
Въ благоуханьи сладкихъ мурръ,
Бывало, явится царицей,
Съ золотострунною цѣвицей,
И кубокъ стараго вина,
Въ гирляндахъ розовыхъ, она
Надъ головою, какъ менада,
Въ вѣнкѣ изъ миртъ и винограда,
Подниметь нѣжною рукой,
Отбросивъ съ персей покрывало,
И запоетъ передъ толпой —
Ей все восторженно внимало...
Но чуть замолкла, — плески, крикъ,
Стихи пропѣтые повтомъ
На пѣсню были ей отвѣтомъ, —
И юный отрокъ, и старикъ
Въ восторгѣ мѣли... Всѣ заботы
Сжигалъ огонь ея очей,
И даже постникъ-фарисей
При всѣхъ, забывъ уставъ Субботы,
Дрожа лобзалъ колѣна ей...

II

Былъ пиръ у ней...

Среди маслинъ

На ложа кругъ гостей склонился,

Т. I. — Стд. I.

И въ искрометной пѣнѣ вишь,
 Казалось, жемчугъ растоплялся...
 Изъ вазъ на эллинскій кумирь
 Благоуханья кропились;
 Изъ вертограда доносились
 Напѣвы трепетные лиръ;
 Въ залъ говорливой сикоморы
 Звучали праздничные хоры;
 Гремѣли бубны на отлетъ
 И брызгала перлы водометъ...

Блестя роскошью Востока,
 Ликуетъ пиръ — и кругъ гостей
 Все шире, бойче и хмельнѣй.
 На праздникъ ждали всѣ пророка.

III

О немъ чудесная молва
 Межъ возлежавшими ходила:
 Что будто въ немъ святая сила
 Сокрыта, что его слова
 Въщають странныя сказанья,
 Что онъ страдалъ, — «но презрѣлъ онъ
 Всѣ эти дряхлыя преданья
 И вызвалъ истины законъ:
 Онъ въ человѣкѣ видитъ брата;
 Его крушить одна утрата
 Любви и истины въ сердцахъ,
 И такъ онъ святъ, что — предъ толпою
 Любая грѣшница съ мольбою
 Прель нимъ повернется во прахъ!»

IV

И вдругъ, съ надменною улыбкой,
 Презрѣнья гордаго полна,
 Лѣниво выгнувъ станъ свой гибкой,
 Отъ ложа вспрыгнула она.

«Не вѣрю я, она сказала,
 Чтобъ вашъ прославленный пророкъ

Прельститься женщиной не могъ !
 Повѣрьте мнѣ : я испытала
 Съ-измаду силу женскихъ чаръ,
 Когда и царственный кидарь
 Склонялся здѣсь къ ногамъ гетеры,
 Какъ передъ статуей Кносеры —
 Не вѣрю я!.. И знайте: бнзъ →
 Склонится здѣсь, какъ чарой бѣса,
 Призывомъ первымъ охмѣленъ!»

V

Но вотъ, расторглася завѣса —
 И входитъ онъ : и простъ, и святъ...
 И вѣсь замоливая: ждуть, глядять —
 И встала гордая блудница...

Соблазна женскаго волна,
 Въ величьи царственною она
 Къ нему подходитъ... Какъ орлица
 Взглянула въ очи, — мигъ, — и вдругъ
 Въ ся чертахъ иѣмой вснугъ...
 Она стоить : мертвы лавиты,
 Уста и зорь полураскрыты...
 Вздрогнула, съ ужасомъ въ очахъ
 Срывая съ персей покрывала —
 И вдругъ доверглася во прахъ
 И въ испуленьи зарыдала...

И передъ нимъ, склонясь у ногъ,
 Она дрожить — и сквозь рыданье
 У ней вдругъ вырвалось признание :
 «Ты побѣдилъ меня, пророкъ !
 Прости же дерзкому невѣрью,
 Прости цѣлительную длань —
 И въ жизнь войду я узкой дверью!»

И онъ изрекъ ей кротко: «встань!»

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКИЙ

ОБЛАКА

Вот и гроза прошла, и небо просвѣтлѣло!
Привѣтно солнышко на Божій миръ глядитъ.
Какъ раннею весной, вѣя степь заселенъ,
И воздухъ свѣжъ и чистъ, и влиčka въ немъ засветить.

И на-сердцѣ давно такъ ясно на бывало;
Въ немъ тихой радостью смѣшилася тоска.
Все, чѣмъ оно томилось и страдало —
Какъ будто унеси съ собою облака.

Но отчего жъ, боязнью тайной мучимъ,
Все устремляю въ даль, в своей несимфольной загадкѣ;
И думаю, слѣдя за облакомъ летучимъ,
Что старую печаль несетъ оно впередъ.

А. П. Давыдовъ

ЖЕНСКАЯ ИСТОРИЯ

ROMAN ВЪ ТРИХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Угрюмо и тихо тянулось мое дѣтство въ одномъ изъ самыхъ маленькихъ, глухихъ городковъ сѣверной Россіи, гдѣ отецъ мой занималъ должность смотрителя уѣзднаго училища. Я единственное дитя у моихъ родителей. Мать моя была женщина характера серьезнаго и твердаго. Она не отличалась ни вспыльчивостью, ни бранчивостью уѣздныхъ барынь, не любила ни выздовъ, ни сплетень. Была богомольна, но безъ ханжества; соблюдая строго всѣ церковные обряды, она сохраняла при этомъ всегда какую-то грустную важность, и, засвѣчая лампы передъ образами наканунѣ праздниковъ, походила на строгую жрицу древнихъ храмовъ. Въ городкѣ у ней не было пріятельницъ и близкихъ знакомыхъ, но ее уважали и часто прибѣгали къ ней за совѣтомъ въ затруднительныхъ случаяхъ жизни. На блѣднѣхъ, правильномъ лицѣ ея рѣдко появлялась улыбка веселости; часто, когда она сидѣла за работой, а я наблюдала за ней изъ моего уголка, гдѣ находились мои игрушки, черныя тонкія брови ея хмурились и большіе темные глаза туманились слезой и печальной думой. Въ такія минуты дѣтскому сердцу моему становилось больно, я оставляла куклы, подбѣгала къ ней и сперва шопотомъ произносила: мама! — На первый мой призывъ почти никогда не слѣдовало отвѣта, и я всегда принуждена бы-

вала повторить не разъ: мама, постепенно возвышая голосъ. Тогда она будто пробуждалась отъ сна и спрашивала, что мнѣ нужно?

— Зачѣмъ вы задумались?

— Я думаю и прошу Бога, чтобъ ты была у меня умнѣе, отвѣчала она

— Развѣ я глупа?

— Конечно глупа: тебѣ ужъ скоро семь лѣтъ, а ты все еще играешь въ куклы и мало учишься. Это меня огорчаетъ.

Я возвращалась съ поникшей головой къ игрушкамъ, поспѣшно укладывала ихъ въ деревянный сундучокъ, брала книги и садилась на скамеечку у ногъ матери.

На восьмомъ году я превосходно знала священную исторію изъ разсказовъ матери, читала бѣгло порусски и пофранцузски и принялась уже за нѣмецкій языкъ, которому въ присутствіи матери, въ свободные отъ службы часы, училъ меня отецъ. Мать часто твердила мнѣ, что я бѣдная дѣвушка, что мнѣ нужно учиться и работать, что ничего нѣтъ грѣшнѣе передъ Богомъ, какъ праздность и лѣнь. Чтoby угодить ей и заслужить ея одобрителную улыбку и ласку, я дѣлала большія усилія, подавляя въ себѣ дѣтскія стремленія къ рѣзвости и веселью, и развѣ только изрѣдка предавалась имъ въ дѣтской, передъ старонянькой, постоянно вязавшей чулокъ и глусливо напѣвавшей стихиры о Дазарѣ и о томъ «какъ поѣхалъ князь Михайло».

Отецъ, приходя изъ училища, — гдѣ онъ также преподавалъ русскую словесность и географію, — заставлялъ обѣдъ ужъ готовымъ; поговоривъ съ матерью, передавъ ей нѣсколько городскихъ слуховъ, онъ часа два отдыхалъ послѣ обѣда, потомъ читалъ, занимался со мной или уходилъ въ гости къ кому-нибудь изъ знакомыхъ. Съ матерью онъ всегда былъ нѣженъ и внимателенъ, и только въ его присутствіи она была озабоченнѣе и вселѣе.

Отецъ мой былъ красивый мужчина, съ большими, ясными, умными голубыми глазами; онъ былъ уже не молодъ, но свѣжесть и стѣнна не мѣшала виться его мягкимъ русымъ волосамъ. Его поднота и свѣжесть составляли большую противоположность съ худобой и блѣдностью моей матери. Никогда между ними не было никакихъ споровъ о моемъ воспитаніи — они оба хотѣли меня только учить и учить. Къ счастью, въ домѣ они могли

обойдись без посторонней помощи, потому что оба были образованы. Мать моя была прежде гувернанткой, отец получил образование въ И. университѣтѣ. Соединясь бракомъ, они пошли по дороге жизни съ полной рѣшимостью одолѣть бѣдность и помогать другъ другу. Не легко имъ было, вѣроятно, не мало труда стоило втолкнуть себя безъ ропота въ гнѣсную ражку самой тяжелой обязанности безъ надежды, безъ будущности принять скудные средства существованія, предоставленныя имъ судьбой, но принять ихъ, ужиться съ своей долею, не цокать ни прекривительства, ни помощи, — это, мнѣ кажется, было задачей ихъ жизни. На все прочее они смотрѣли мимоходомъ, почти безучастно, занятые нравственной борьбой съ трудомъ.

Въ нашей жизни было что-то сухое, монашеское. Гости посѣщали насъ рѣдко; барышнямъ было скучно, потому что ихъ пухлой балтовѣй какъ-то укоривленно противопоставлялось серьезное, задумчивое лицо моей матери; мужчины любили похутить и знали, что Любовь Дмитриевна не любитъ попойекъ въ своемъ домѣ, да и отецъ мой, хотя болѣе общительный, былъ чело-вѣкъ не пьющій.

Я была по натурѣ страстный, живой ребенокъ, но, какъ сказала уже выше, рано стала привыкать подавлять мои природныя наклонности... Ни одна дѣтская выходка, ни одна рѣзвая дерзость не могли возбудить въ моей матери симпатій и одобренія. Уединеніе и трудъ были моими няньками. Я росла одинокою, безъ подругъ, потому что мать моя также росла одинокою и находила, что это принесло ей большую нравственную пользу; я гуляла рѣдко, потому что и мать моя гуляла рѣдко въ своемъ дѣтствѣ. Я была при ней неотлучно, любила ее страстно, потому что, держа меня въ уединеніи, она всю мою жизнь старалась наполнить собою и часто находила случай утѣшать и забавлять меня или разсказами или ласками и устраивала всегда такъ, что всякая свѣтлая минута въ моей жизни доставлялась мнѣ ею. Я гордилась ея любовью, которую она мнѣ по временамъ выражала жарко, но любовь эта была равнива и при малѣйшемъ влеченіи моемъ за стѣны нашего домика вспыхивала укоромъ и горечью.

— Тебѣ со мной скучно, говорила она, — Богъ съ тобой!

Этого было довольно, чтобъ я нашла силу подавить въ себѣ тоску и скуку. Она постоянно изъявляла желаніе, чтобъ я оста-

лазе въ дѣвушкѣхъ, и рисовала замужство ирраціональными красками. Когда я говорила ей, зачѣмъ она сама вышла замужъ, она отвѣчала, что ея супружество исключеніе, изъ тысячи одно.

— Покуда я жива, мы не расстанемся, говорила она, а если умру, ты будешь гувернанткой.

— А какъ же папенька? спрашивала я.

— Папенька не остановитъ тебя; можетъ быть, онъ женится на другой... Я не хочу, чтобъ ты жила съ мачихой. Вотъ когда я умру, прибавляла она ирраціонально, тогда вспомнишь меня и будешь жалеть...

Подобныя слова вызывали у меня слезы; я ласкала мать и увѣряла ее, что никогда съ ней не расстанусь.

При такой жизненной обстановкѣ, подлѣ такимвъ страшнымъ вліяніемъ набожности, нѣжности и родительскаго эгоизма, сложился мой внутренній, тайный міръ, мои первыя неясныя понятія о жизни и людяхъ. Живое пламя юности рѣже и рѣже прорывалось въ смутныхъ порывахъ тоски и восторженности; на все, чѣмъ пользовались и наслаждались другіе, я начала смотрѣть, какъ на недоступное, навсегда заказанное для меня, — какъ-будто и была посвящена въ какой-нибудь особенный орденъ и покорялась его правиламъ безъ ропота и сожалѣнія. Съ такимъ же точно чувствомъ, хотя и съ жадностью, читала я все, что могла только читать. Въ пользу нашего училища какой-то помѣщикъ, умирая, завѣщалъ свою бібліотеку. Отецъ обрадовался этому за меня, вида наконецъ случай ознакомить меня съ нашей литературой. Память моя легко удерживала читанное; но живость впечатлѣній была подавлена и, закрывая книгу, я безъ труда прогоняла художественные образы и волненія, возбужденныя въ душѣ тѣмъ или другимъ произведеніемъ, чтобъ приступить за какое-нибудь сухое занятіе или скучную работу по призыву матери. Мать моя, вида, что чтеніе не мутитъ моей головы, дала мнѣ свободу читать все, что мнѣ нравилось. Часто я читала ей вслухъ и выслушивала ея вѣрныя, но строгія сужденія. Она сожалѣла о заблужденіяхъ, о печальныхъ нецѣлѣбныхъ вѣдѣніяхъ, вставляющихъ иногда человѣка уклоняться отъ прямой дороги, но никогда не оправдывала и была неумолима, какъ законъ. Отецъ порой не соглашался съ ней, но убѣдить ее не могъ, не могъ поколебать ни одного изъ ея твердо принятыхъ правилъ. Онъ былъ всегда со мной добръ и ласковъ, но кава-

десъ никогда не заглядывалъ въ мою душу, никогда не выводилъ меня живой симпатіей изъ подъ темнаго свода тяготившей надо мной сухости правилъ.

Мнѣ было четырнадцать лѣтъ, когда мать моя занемогла и послѣ тяжелой болѣзни, продолжавшейся почти годъ, умерла. Смерть ея затмила и поглотила всѣ тяжкіе часы и безсонныя ночи, проведенныя мной у ея постели. Я не вдругъ могла сообщить всю важность нашей потери. Уныніе, распространившееся подъ нашей кровлей, вся печальная обстановка похоронъ, — все это какъ темная туча налегло на меня и придавило всякую способность размышлять... Никогда я не чувствовала себя столь одинокой и печальной, какъ въ это тяжелое время. Всѣ уроки набожности воскресли въ душѣ моей и озарились какимъ-то страстнымъ увлеченіемъ къ религіи. Я молилась днемъ и ночью, я рыдала по цѣлымъ часамъ, простершись передъ образомъ, — и въ этихъ слезахъ выливалось все мое горе. Жизнь пугала меня; я считала себя чуждой людямъ. Я такъ эгоистично предалась своему горю, что едва замѣчала, что близъ меня страдаетъ другой, близкій мнѣ человекъ — отецъ мой. Мы горевали по одиночкѣ, и когда бывали вмѣстѣ, то будто избѣгали сближенія. Я думала, что съ потерей жены, я потеряла для него всякое значеніе. Онъ, видя дикую, необщительную печаль мою, боялся коснуться свѣжей раны души моей, боялся тѣмъ болѣе, что я почти никогда не выражала ея при немъ ни слезами, ни вздохами, ни бесплоднымъ ропотомъ.

У меня зрѣла въ головѣ мысль — вступить въ монастырь. И вотъ однажды я рѣшилась просить у отца согласія на это. Отецъ читалъ, когда я вошла къ нему. Онъ очень измѣнился, но на лицѣ его выражалась ясная покорность своей участи. При моемъ приближеніи онъ снялъ очки и закрылъ книгу.

— Что за причина этому желанію, Лиза? спросилъ онъ меня, когда я высказала ему мое намѣреніе.

— Тоска, сказала я, безнадежность, наконецъ стремленіе посвятить себя исключительно Богу.

— Прекрасно. Развѣ монастырская жизнь излечитъ тебя отъ тоски? Если излеченіе твое въ молитвѣ, то кто иѣшаетъ тебѣ молиться дома? Мы введемъ жизнь уединенную. Безнадежность, говоришь ты, но въ чемъ и какъ заключается эта безнадеж-

ность? Въ чемъ отчаяваешься ты и что думаешь приобрести въ монастырѣ?

— Папенька! я не буду счастлива, жизнь противна мнѣ, — чего мнѣ ждать отъ нея? Тамъ по-крайшій-мѣръ я буду думать, что приношу жертву, отрекаясь отъ міра.

— Но ты ни отъ чего не отрекаешься, милое дитя мое: міръ противенъ тебѣ и жертвы съ твоей стороны нѣтъ, потому что ты выбираешь то, что кажется тебѣ лучшимъ. Ты посвящаешь себя Богу съ досады, что тебѣ скучно жить здѣсь, что ты не надѣешься имѣть земныя радости. Да и неужели ты думаешь, что душа твоя менѣе принадлежитъ Богу подъ этой одеждой, нежели подъ монашеской рясой? Твой святой и прямой долгъ, я полагаю, успокоить, усладить твоимъ присутствіемъ больное, разбитое сердце твоего отца, вникать въ свою душу, совершенствовать себя размышленіемъ и приближаться къ Божеству любовью ко всему сотворенному. Молодость и время выведутъ тебя изъ теперешней безнадежности и горе твое, если не пройдетъ, то ослабѣетъ значительно.. Впрочемъ я не оставаю тебя, ты можешь вступить въ монастырь черезъ годъ. Я также страдаю; не меньше твоего скорблю о невозвратной потерѣ, но не оставляю тебя, не бѣгу въ пустыню, не поступаю въ монастырь. Я остался жить — слѣдовательно обязанъ исполнять долгъ мой. Человѣкъ призванъ въ міръ бороться съ горемъ, а не падать въ безсиліи.

Эти слова сильно на меня подѣйствовали. Я стояла передъ нимъ, опустила голову, какъ обвиненная.

— Если ты не находишь въ себѣ силъ жить въ эти годы, прибавилъ онъ, помодчавъ, то лучше тебѣ заживо лечь въ могилу... Но нѣтъ, этого не можетъ быть! Я не такъ несчастливъ — это было бы слишкомъ!..

Онъ склонилъ голову, чтобъ скрыть выступившія слезы. Въ первый разъ, въ эту минуту, я почувствовала къ нему живѣйшее состраданіе и невольный укоръ совѣсти. До сихъ поръ я не нашла еще силы подать ему какое-либо утѣшеніе, не сумѣла оказать ему ни разу такой нѣжной ласки, которая бы хотя на минуту освѣтила мрачное облако его печали. Я показалась себѣ холодной, безчувственной дѣвочкой, погруженной только въ свое собственное горе, и тяжело мнѣ было такое сознаніе. Я хотѣла броситься ему на шею, но меня внезапно

область кащей-то глупый страхъ, что онъ холодно приметъ мои ласки. Притомъ же, въ то время, какъ мысли эти прообъгали у меня въ головѣ, онъ уже снова читалъ, какъ-будто давая мнѣ лишь знать, что мое присутствіе ему не нужно.

Еще при жизни матери поселилась во мнѣ мысль, что отецъ совершенно ко мнѣ равнодушенъ, что только вслѣдствіе родительской обязанности онъ печется обо мнѣ. Мать, захвативши всю мою привязанность, умѣла заставить меня видѣть въ ней одной любовь ко мнѣ. Она была постоянно посредницей между мной и отцомъ во всѣхъ моихъ нуждахъ, такъ что мнѣ едва-лилось лико странно обращаться съ чѣмъ бы то ни было прямо къ нему. Если мнѣ, ребенку, приходило иногда желаніе приласкаться къ отцу, то мать всегда тихонько отзывала меня въ другую комнату и серьезно говорила: «не безпокой папеньку...» Не малаго труда и усилія надъ собой стоило мнѣ и теперь придти къ нему выразить мое желаніе вступить въ монастырь... —

Печально вышла я отъ отца, и придя въ свою комнату, горько заплакала; мнѣ казалось, что никому я не нужна въ этомъ мѣрѣ и что никто, рѣшительно никто меня не любитъ...

Вслѣдствіе ли сильныхъ нравственныхъ потрясеній, упорной борьбы съ печалью, или отъ другихъ причинъ, я вскорѣ занемогла опасно. Со мной сдѣлалась вѣроятно нервная горячка, потому что я въ продолженіе нѣсколькихъ дней большей частью находилась въ безпамятствѣ; но въ тѣ минуты, когда я получала сознаніе, я всегда видѣла отца въ моей комнатѣ, встрѣчала взоръ его, устремленный на меня съ нѣжной заботливостію. Няня уходила то въ церковь, то по хозяйству, и отецъ замѣнялъ ее при мнѣ. За день до кризиса меня перенесли въ другую комнату, гдѣ, послѣ постоянной безсонницы въ продолженіе трехъ недель, я въ первый разъ уснула крѣпкимъ, здоровымъ сномъ. Молодость пересилила болѣзнь. Было утро, когда я проснулась; во мнѣ моей постели сидѣлъ отецъ, — это было свѣтлое, мартовское утро, лучи солнца ярко пробивались сквозь занавѣски, полъ окномъ раздавалось веселое чириканье воробьевъ. Небо было чисто и покойно; дѣвѣты на окнахъ покрывались свѣжими листочками. Я окинула все любодытнымъ, оживленнымъ взоромъ; восторгъ и счастье охватили все существо мое; мнѣ казалось, что я переродилась, съ меня будто сняли тяжолыя цѣпи. Я по-

смотрѣла на отца. Онъ отвѣчалъ мнѣ ясной, любящей улыбкой и тихо спросилъ :

— Какъ ты чувствуешь себя, другъ мой!

— Лучше, милый папа, гораздо лучше. Мнѣ бы хотѣлось състь, я устала лежать.

Онъ осторожно и нѣжно сталъ приподнимать меня съ подушекъ, — я поймала его руку и покрыла ее жаркими поцѣлуями.

— Любите ли вы меня, милый папа? спросила я его, обливаясь слезами.

— Развѣ ты сомнѣвалась? отвѣчалъ онъ съ невольнымъ удивленіемъ.

— О, да, я сомнѣвалась... я думала, что я не нужна вамъ, что вамъ все равно...

— Ради Бога, успокойся, не тревожь себя теперь ничѣмъ, — волненіе можетъ подредить тебѣ.

— О, нѣтъ! мнѣ хочется жить...

— Ну, и слава Богу! живи, моя милая, живи! Ты молода, тебѣ нужно жить, — сказалъ онъ, садясь возлѣ и обнявъ меня нѣжно.

— Страшно, милый папа, я не знаю жизни... Есть ли въ ней счастье?

— Бѣдное, бѣдное дитя! говорилъ онъ, продолжая ласкать меня, — мы даже не умѣли сказать тебѣ, что есть счастье въ жизни, есть удовольствія, свойственныя и необходимыя для молодости... Она такъ хотѣла...

— Отчего она такъ хотѣла?

— Оттого, что она сама не была счастлива и боялась, чтобъ ты не пожелала слишкомъ многого и не страдала, лопи призраки счастья.

— Мама была несчастлива, милый папа?

— Несчастлива, потому что ждала отъ жизни многого, и когда жизнь дала ей бѣдный и тѣсный уголокъ, она съ гордымъ презрѣніемъ отвернулась отъ тихихъ и мелкихъ благъ этого уголка и не хотѣла ничего земного...

— За то она теперь тамъ, на небѣ.

— Да, на небѣ... это такъ высоко и далеко... Но — я съ ума сошолъ, говоря съ тобой, какъ со здоровой.

— О, говорите, милый папа, — я чувствую себя очень хорошо. Вскорѣ пришла и няня отъ обѣдни. Это было въ какой-то

праздникъ. Она привнесла просеору. Радость ея, при видѣ меня сидящей и разговаривающей, была безмѣрна. Это была послѣдняя радость бѣдной старушки: вскорѣ она занемогла и умерла въ нѣсколько дней тихо, почти безъ страданій, какъ умираютъ только въ глубокой старости.

Болѣзнь была для меня спасительнымъ переворотомъ. Я чувствовала себя будто перерожденной и жизнь моя потекла инымъ порядкомъ. Отецъ, не смотря на свое не очень почетное званіе, былъ любимъ и уважаемъ всѣмъ городомъ. Онъ былъ знакомъ со всѣмъ обществомъ, которое послѣ смерти матери моей приняло во мнѣ самое живое и искреннее участіе. Уѣздныя дамы непрерывно приглашали меня, когда я оправилась послѣ болѣзни, и вводили меня во всѣ удовольствія общества. Послѣ болѣзни я выросла и сформировалась такъ, что меня всѣ считали взрослой, забывая мою пятнадцать лѣтъ. Притомъ же роль хозяйки дома, дѣлая меня серьезной, дала мнѣ одинакія права со всѣми дѣвицами города. Монашескія наклонности мои исчезли; я съ удовольствіемъ принимала знакомыхъ, слушала ихъ рассказы и разговоры, посвящавшіе меня въ обыденные интересы нашего городка. Послѣ обѣда, почти каждый день, гуляя съ отцомъ, мы заходили къ кому-нибудь изъ значительныхъ лицъ городка, и вскорѣ я освоилась съ нашимъ обществомъ до того, что считала себя его членомъ, имѣла свой голосъ и была въ немъ, какъ дома. Меня любили и базовали; демонъ сажелюбія сталъ закрадываться мнѣ въ душу,—я поняла, что тутъ я была не только никого не хуже, но лучше многихъ. Мнѣ льстали уѣздные франты... Я была слишкомъ ребенокъ сердцемъ, чтобы любовь и даже желаніе любви могли закрасться въ мою душу. Но вниманіе, похвалы и удовольствія — кружили мнѣ голову.

Съ каждымъ днемъ я болѣе и болѣе цѣнила и уважала моего отца. Только онъ умѣлъ направлять меня къ предметамъ высокимъ и нравственнымъ, не иссушая во мнѣ сердца. Вѣроятно онъ замѣтилъ пробуждающуюся во мнѣ суетность и противо-дѣйствовалъ ей, доставляя мнѣ книги, чтеніе которыхъ развивало мой умъ и возбуждало во мнѣ спасительную борьбу со всѣмъ, что крылось во мнѣ дурного.

Съ наступленіемъ теплыхъ весеннихъ дней, отецъ возилъ меня за городъ. О, какъ хорошо дѣйствовала на меня пробуждавшаяся къ жизни природа! Какъ смирялась я въ дѣтской радости

передъ каждымъ цвѣткомъ, передъ каждымъ деревцомъ, сверкающимъ новыми листьями на весеннемъ солнцѣ. Отецъ раздвигалъ и поддерживалъ во мнѣ это чувство.

Такъ прошолъ годъ. Съ переменной начальства, отецъ мой получилъ нѣкоторыя неудовольствія по службѣ, вынужденъ къ отставкѣ и сталъ искать себѣ другого мѣста. Спустя нѣсколько времени онъ принялъ мѣсто управляющаго имѣніемъ графа N. Имѣніе это находилось въ другой губерніи и намъ приходилось сдѣлать довольно большое путешествіе, верстъ за 600.

Радостно собиралась я въ дорогу, весело сѣла въ бричку, запряженную тройкой почтовыхъ; съ участіемъ смотрѣла на все встрѣчающееся: лѣса, деревни, поля, покрытыя волнистой, наумрудной озимью; веселыя, шумныя толпы деревенскихъ дѣтей, — все развлекало меня; отъ всего живущаго, растущаго и движущаго протягивалась къ моему сердцу сочувственная струна и звучала въ ладъ со всей природой и міромъ.

На четвертый день мы подъѣхали къ большой усадьбѣ, окруженной полями, деревцами и рощами. Большой, тяжелый барскій дождь бѣжалъ изъ-за тѣнистаго сала, расположеннаго во вѣтѣ горы къ рѣкѣ, широко разливающей свои голубыя воды. Намъ вскрѣтили старикъ прикащикъ и его жена и указали довольно просторный каменный флигель для нашего помѣщенія. На другой день отецъ занялся съ прикащикомъ счетами и бумагами по управленію имѣніемъ, а я отправилась осматривать домъ и садъ. Едва вступила я въ эти огромные покоя, когда-то шумныя и оживленные, какъ на меня повѣяло всей прошлой роскошью богатаго, теперь опустѣлаго дома... И какъ жалки и малы показались мнѣ удовольствія уѣзднаго городка! Тихо и задумчиво, будто очарованная, проходила я по комнатамъ. Рѣзная, высокая мебель, покрытая малиновымъ штофомъ, полинявшими отъ времени; тяжелыя занавѣсы на окнахъ, альковъ съ золоченой рѣшеткой, разные каминныя, мраморныя статуи, большія картины на стѣнахъ, огромныя зеркала, отражавшія съ ногъ до головы мою фигуру, — все это подѣйствовало на меня, какъ дѣйствуетъ описаніе мухамедова рая на мусульманина. У меня закружилась голова и странныя, сказочныя, блестящія грезы, понеслись передо мной веселой вереницей: цвѣты, роскошь, наряды, удовольствія, похвалы и льстивыя рѣчи порережѣнно гнѣтили мою гордость, вкусъ и капризы. Молодые люди

хорошаго круга и тона толпились около меня, влюблялись, угождали... Моя рука доставить честь и богатство тому, кому бы я захотѣла отдать ее... И въ безумномъ упоеніи, силой молодого, страстнаго воображенія я до того олицетворяла свои грезы и увлекалась ими, что ходила по комнатамъ, разговаривая съ мнимыми гостями, играя воображаемымъ дорогимъ вѣеромъ. Мнѣ казалось, я становилась умна, кокетлива, увлекательна.

Въ этой странной галлюцинаціи, заставлявшей меня проводить цѣлые часы въ опустѣломъ домѣ, всѣ ощущенія были такъ сильны, что отрываясь отъ нея, я будто переходила изъ дѣйствительности къ скучному сновидѣнію.

Отецъ, найдя многія упущенія и значительные безпорядки по имѣнію, дѣятельно предался своему новому труду. Намъ мало приходилось быть съ нимъ наединѣ. Надзоръ за полевыми работами, починки, поправки, сводъ расходовъ и доходовъ совершенно поглощали его на цѣлый день.

А между тѣмъ я предавалась мечтамъ въ старомъ домѣ и водѣ тѣнисто: чуднаго сада. Я жила и переживала воображеніемъ цѣлую жизнь въ новой, обманчивой сферѣ, отъ которой съ каждымъ днемъ становилось для меня труднѣе отрываться.

Однажды, въ свободную минуту, отецъ замѣтилъ мое задумчивость и сказалъ:

— Не можетъ быть, чтобъ ты здѣсь скучала, дитя мое, — погода чудесная, садъ такъ тѣнитъ и цвѣтущъ.

— О, нѣтъ, папа, я не скучаю, — совершенно напротивъ, мнѣ бываетъ такъ хорошо.

— Или, можетъ быть, старый домъ вкружилъ тебѣ голову? Ты проводишь въ немъ цѣлые часы. Ужъ не ходятъ ли къ тебѣ вришдѣнія?

— Ходятъ и презанимательныя.

— Дружокъ мой! сказалъ отецъ, глядя меня по головѣ, — не залетай высоко... Не захочется опуститься, а держаться на мечтательной высотѣ не на долго хватитъ силъ... Придется унать.

— Папа! неужели только и счастья, что въ дѣйствительности?

— Отчего и не помечтать, — эта способность показываетъ все-таки нѣкоторую степень творчества. Да вотъ бѣда — жизнь покажется тѣсною; возненавидишь, какъ мать, скромный уголокъ

и, какъ она, счастлива не будешь. Не велики нужны сила и мудрость жить въ просторѣ: въ тѣснотѣ умѣй помѣститься такъ, чтобы не чувствовать тѣсноты.

— Такъ ужь лучше заколотить себя въ гробъ! Всякій долженъ стараться приобрѣтать себѣ больше простора.

— Да, только не фантазіями, а дѣлами. А подумала ли ты, что жизнь многихъ и очень многихъ не шире гроба... И что жъ? Эти люди живутъ и не ропщутъ.

— Вотъ и ты не ропщешь, милый папá!

— Развѣ тебѣ кажется, что жизнь моя тѣсна?

— Для твоихъ познаній, для твоего ума — конечно тѣсна. Кого ты здѣсь видишь? Попа и дьякона.

— Они хорошіе люди. Притомъ же я дѣлаю дѣло и надѣюсь быть полезенъ для здѣшнихъ крестьянъ.

Мнѣ стало совѣстно своего бездѣйствія.

— Я тоже хочу быть полезной; научи меня, папá. Вѣдь я могу быть полезной?

— И очень. Мы объ этомъ потолкуемъ послѣ. Теперь гулай, мечтай и набирайся силъ.

Къ отцу приходили иногда посѣтители — священникъ и дьяконъ. Однажды, послѣ обѣдни онъ пригласилъ вмѣстѣ съ ними и попадю напиться у насъ чаю. Разговоръ шолъ о сосѣдяхъ вообще, объ ихъ имѣніяхъ, доходахъ и порядкахъ и преимущественно остановился на семействѣ Кринельскихъ, расположившихся провести лѣто въ своемъ помѣстьѣ, состоящемъ изъ тысячи душъ, но уже порлочно разстроенномъ отъ частыхъ поѣздокъ молодаго Кринельскаго за границу и отъ широкой жизни самой Кринельской.

Описаніе богатой усадьбы, образа ихъ жизни, обыкновеннаго при такихъ условіяхъ для людей привыкшихъ къ роскоши, обратило мое вниманіе и любопытство.

— До ихъ усадьбы отъ насъ кажется недалеко? сказалъ отецъ.

— Недалеко, не больше пяти верстъ будетъ, отвѣчалъ дьяконъ. — Они не нашего прихода; у нихъ своя церковь, съ поля на поле, ружная. Еще покойная мать Кринельскаго соорудила Храмъ богатѣйшій.

— Большое у нихъ семейство?

— Двѣ дочери, обѣ невѣсты, и сынъ. Съшь теперь за границей

цей. У самой Кринельской есть братъ, уже не молодой, не молодой. Вотъ они и надѣются, что онъ отдастъ послѣ себя имѣніе племянницамъ, — имѣніе-то отличное, душъ 800. Мой племянникъ такъ причетникомъ, онъ и сказывалъ.

— Познакомились они съ сосѣдями?

— Какже; издавна знакомы; къ нимъ и изъ города ъздать.

— Хороши собой дочери, отецъ дьяконъ? спросила я.

— Барышни знатныя, отвѣчалъ онъ.

— Ужъ очень хорошо одѣваются, приметлива попадья, — точно картины. Къ старшей-то, говорятъ, сватается полковникъ, — полкъ его въ губернскомъ городѣ стоитъ, — ну, такъ еще мнется, другой женихъ видно на примѣтъ — Латухинъ, тоже богатый помѣщикъ, одинъ сынъ у отца, и усадьба отъ нихъ въ двухъ верстахъ, изъ окошекъ видна.

— Давно ли Кринельская овдовѣла? спросилъ отецъ.

— Давно ужъ, осталась вдовой съ малолѣтними. Дѣти къ ней очень почтительны; сынъ ей все въ управленіе отдалъ, самъ только доходы получаетъ. Усадьба эта его. Сестрамъ только четырнадцатая часть. У матери немного, душъ двѣсти, а воспитываютъ ихъ отъ двухъ тысячъ. Какъ братъ женится, будетъ имъ тяжеленько. Впрочемъ на дядю надѣются.

— А дядя ужъ очень старъ? спросила я.

— Какое старъ! Еще мужчина — молодецъ. Говорятъ, ему подъ сорокъ. Третьяго дня проѣзжалъ мимо насъ. Баринъ важный, солидный; видно, что человекъ обдуманый.

— Онъ еще можетъ жениться, сказалъ отецъ.

— Нѣтъ, сестра-то его очень обузла. Любить ее. Она его все и отводитъ отъ женитьбы; да видно и самъ не расположенъ... сказалъ дьяконъ. — Жаль, Алексѣй Ивановичъ, что Ольги Васильевны здѣсь нѣтъ, — вотъ дѣвица, такъ дѣвица! какая предобрѣйшая и умница. Она Кринельской племянницей приходится. Отецъ ея былъ двоюродный братъ Кринельской. И батюшка-то ея былъ душа-человѣкъ, да и ее такъ воспиталъ. Сама-то Кринельская ее не любитъ, къ брату, говорятъ, ревнуетъ. Ольга-то Васильевна съ нимъ дружна. Она, говорятъ, его уговорила крестьянъ отпустить на условіяхъ выгодныхъ для нихъ и оброкъ самый маленькій положить. А своихъ точно мать родная устроила. Чѣмъ она живетъ — Богъ знаетъ. Много ли, гово-

ривать мнѣ надо. Нужда придетъ, такъ вы мнѣ поможете!.. Ну, и они, грѣхъ сказать, точно полови за все въ огонь и въ воду...

— Да, ума точно христіанка, сказалъ священникъ. — Когда у насъ была холера, такъ Ольга Васильевна точно ангелъ правитель была, — ни днемъ, ни ночью не спала докожу. У меня бывали нѣтъ болѣзни... на ея рукахъ и умеръ... прибавлялъ овъ взволнованнымъ голосомъ, — каждую обѣдную молиться за нее. — Простота какая, Господи! Гордости нѣтъ никакой. Со мной она разъ объ обязанности священника говорила, — такъ я въкъ не забуду. Этакій высочій, можно сказать, умъ! Я вотъ глазами отъ нея пользуюсь — все серьезныя книги.

— Гдѣ же она теперь? спросилъ отецъ.

— Она часто уѣзжаетъ. Теперь она, кажется, въ Саратовѣ, у знакомыхъ гостить... Что ей? вольная птица.

— Жаль, что ее здѣсь нѣтъ, сказалъ отецъ. — Какъ бы я былъ радъ, еслибъ Лиза познакомилась съ ней.

— Вотъ скоро будетъ рожденіе старшей дочери Кринельской, сказалъ дьяконъ, — пиръ велій, я думаю, будетъ у нихъ, съ разными затѣями. Садъ иллюминуютъ, музыку привезутъ. Поѣдьте, Алексій Ивановичъ, посмотрѣть и барышнѣ показать, — зрѣлище отличное, пріятное для глазъ.

— Пожалуй, я радъ доставить Лизѣ удовольствіе. Выѣсть и соберемтесь и батюшка съ нами.

— Возьмите лучше попадью, сказалъ священникъ.

— Ну, матушку возьмемъ. Лошадя есть, долгуша есть, — мы вечеркомъ и отправимся иллюминацію смотрѣть. Ты, Лиза, никогда такихъ праздниковъ не видала, тебѣ будетъ пріятно.

Я принадлежала къ разряду тѣхъ натуръ, на которыя самое ничтожное по видимому обстоятельство дѣйствуетъ сильно. Простыя слова еяца заставили меня вспыхнуть и вспомнить преѣльныя грезы въ старомъ домѣ... они толкнули меня въ дѣятельность со всюю безпомощностью судьбы. «Поѣдешь въ долгушѣ съ матушкой смотрѣть на праздникъ богатыхъ баръ...» эти слова рѣзко звучали въ ушахъ моихъ и слезы готовы были брызнуть изъ глазъ.

Простаясь съ уходящими гостями, просидѣвшими у насъ до вечерниго чая, я пошла въ старій домъ. Угрюмо встрѣтила меня большіе покои, какъ чужую, незваную посетительницу. Мебель закрыта была чехлами накупчѣ, по приказанію отца, для сбе-

дешевы, драгостройки вытаты и губраны, тоже для сбереженія
двѣ перчатки, изъ которыхъ я не знала, увидѣла и поразила меня.

Блескѣе призраки не являлись болѣе; я и стыдилась мнѣ
отдѣлывающа грѣхъ и скажда о нихъ.

Я бросилась на диванъ въ гостиной и зачлала, какъ раз-
вѣчаемая королева; потомъ быстро встала, горде вышла изъ
старого дома, затворивъ за собой тяжелую сѣнную дверь, ска-
завъ про себя:

— Я уже не верну сюда болѣе.

Я не пошла даже въ садъ, гдѣ все напоминало бы мнѣ свое
не малодушное увлеченіе, а ходила до усталости въ паркъ.
Чистый воздухъ, ясное небо, широкій просторъ кругомъ — все
это мало-по-малу успокоило меня и задало вадѣльныя, ра-
зумныя думы. Во мнѣ совершился внезапно и. Богъ вѣстѣ по-
чему, новый нравственный переворотъ; я вспомнила мать мою,
слова отца: «она была несчастна, потому что не умѣла любить
тихихъ, ясныхъ благъ своего уголка...» Я еще разъ осудила
себя бездоннаю и почувствовала себя такъ легко, какъ будто
вдругъ избавилась отъ тяжкаго недуга.

Возвратясь домой, я нашла отца, задумчиво сидящаго у от-
крытаго окна. На окнѣ лежала развернутая книга и вечерній
ветерокъ слегка шелестилъ ея листами. Я подкралась къ отцу
сзади и обвила руками его шею.

— Мнѣ нужно поговорить съ тобой серьезно, сказала я, не
переставая ласкать его.

— О-го! вотъ какъ! посмотримъ, милостивая государыня,
что это за важныя вещи, о которыхъ вамъ угодно говорить со
мной.

Я рассказала ему все, что почувствовала и пережила въ
старомъ домѣ.

— Но теперь все кончено, заключила я, — я простила съ
зарымъ домомъ и долго думала о своемъ безуміи.

— Я не думаю, Лиза, что богатство и знатность имѣютъ
на тебя такую неотразимую прелесть. Что же болѣе всего
увлекаетъ тебя въ нихъ?

— Ахъ, папа, все такъ изящно, хорошо вокругъ богатыхъ!
Я стала много и долго говорить ему о прелести быть бога-
тымъ...

— Пойдемъ-ка лучше гулять, сказала онъ, — я что-то дурно

себя чувствуя, мнѣ надо прѣйдтись. Если тебѣ не засантоси челѣк ужина, прочитай вотъ эту книжку. Ты найдешь въ ней, знаешь, что идетъ къ нашему разговору... да и вообще найдешь много такого, что еще, можетъ быть, не приходило тебѣ въ голову. То... Книга, дѣнная мнѣ отцомъ, была на французскомъ языкѣ; саглавные листы были вырваны, имя писателя осталось для меня неизвѣстнымъ, но я прочтала ее дадеко за-полночь. И не удивительно: книга была весьма интересная, написанная шеромъ пламеннымъ, могучимъ... Я долго не могла заснуть отъ запаха новыхъ мыслей, новыхъ убѣждений, вызванныхъ этими чудными страницами. Мнѣ казалось, что душа моя крѣпла, что энергія росла съ каждымъ часомъ, что въ эти минуты я не искуталась бы ничего и никого.

Ясное майское утро заглядывало привѣтливо въ мою комнату, когда я преснулась, и разогнало тревожные сны ночи, — они разсѣлились, эти смутные сны, но идея добра и правды запала въ мою душу.

Мнѣ казалось, что никогда не любила я отца такъ нѣжно, какъ въ это утро. Я была сильно озабочена, когда онъ пожаловался на головную боль и когда я замѣтила, что онъ измѣнился въ лицѣ. Я почти забыла о поѣздкѣ на праздникъ, но отецъ самъ напомнилъ мнѣ и изъявилъ желаніе ѣхать, прибавивъ, что поѣздка освѣжитъ его.

Какъ очаровательный, волшебный островъ, блистала освѣщенная разноцвѣтными огнями усадьба Крипельскихъ. Съ ближайшаго пригорка, покрытаго молодымъ березнякомъ, гдѣ мы сидѣли нашей небольшою компаніей, все было видно, какъ на блюдечкѣ. Толпа людей кишѣла около сада: это были посторонніе зрители, такіе же бѣдные, какъ мы, сбѣжавшіеся изъ окрестныхъ деревень посмотреть издали, какъ пируютъ богачи. Съ какими чувствомъ смотрѣли эти бѣдные, простые люди на наружный блескъ тщеславнаго упоенія? не въ одномъ сердцѣ, можетъ быть, пошевелилось чувство зависти; не одному казалось темно и бѣдно его собственное существованіе. — О, нѣтъ! праздную толпу тѣшило веселое зрѣлище, какъ дѣтей игрушка. Въ этой толцѣ одна я, можетъ быть, возмущалась темными ощущениями, одна я чувствовала себя отверженной и оскорбленной судьбой, создавала себѣ страданія полного недовольства, горечи и жаркаго желанія прильнуть къ чашѣ жи-

ш. Меня душила моя темная доля, мнѣ было тошно въ ней, какъ рыбѣ безъ воды.

— Пойдемте къ саду, сказалъ дьяконъ, — пусть барышня посмотритъ вблизи на общество.

Звукъ оркестра огласилъ воздухъ; шумъ, говоръ усилился къ толпѣ. Вспыхнула ракета, другая, и безчисленное множество золотыхъ искръ падучими звѣздами разсыпалось по голубому небу. Великолѣпный снопъ разноцвѣтныхъ огней съ трескомъ разлился изъ за кудрявыхъ деревьевъ. Толпа шумѣла, ахала, стѣлалась... Она получала свою долю наслажденія...

Мы вробирались къ саду. Двѣ крестьянки, мимо которыхъ проходила, спросили въ одинъ голосъ:

— Чья это?

Имъ отвѣчалъ молодецъ въ красной рубахѣ и плисовой подлѣвѣ:

— Управителя графскаго дочь.

— Что она, въ садъ что ли идетъ?

— Не знаю.

— Да васъ пустать въ садъ, ничего, сказала мнѣ пожилая женщина, увязавшая большимъ платкомъ, — только садовника попросить, онъ у калитки стоитъ.

— Ничего, я здѣсь останусь, отвѣчала я и прислонилась къ чугунной рѣшоткѣ.

По аллеямъ, между рядами плошекъ и гирландами цвѣтныхъ растений, разсыпалась толпа гостей. Дамы въ легкихъ, роскошныхъ платьяхъ весело говорили съ мужчинами, которые увивались около нихъ; музыка замолкла и можно было слышать отрывки разговоровъ. Я смотрѣла и невольно сравнивала свой скромный нарядъ съ этими роскошными туалетами; свою голову, окутанную черной, плетеной косынкой, которая осталась мнѣ еще отъ приданаго моей матери, съ этими головами, украшенными цвѣтами и лентами; свое холстинковое, сѣренькое платьице съ этими прозрачными, нарядными платьями...

— Лиза! поѣдемъ, мнѣ что-то дурно, сказалъ отецъ, взявъ меня за руку.

Я быстро оглянулась и посмотрѣла на него. Его блѣдное лице испугало меня.

— Что съ нами, папенька?

— Не знаю... самъ... ду—рно...

Т. I. — Отд. I.

Ионъ сдѣлать какое-то безотчетное движеніе рукой, какъ будто силясь что-то отстранить отъ себя... потомъ пошатнулся, выпустилъ ного руку и упалъ... Невольный крикъ вырвался изъ моей груди, я склонилась надъ отцомъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Около насъ васустились. Изъ всѣхъ восклицаній, раздававшихся вокругъ насъ, я поняла и разслушала только одно, сказанное голосомъ дьякона:

— Нѣтъ ли доктора въ домѣ? долженъ быть докторъ, — сходить бы туда.

Мысль о помощи молніей молвнула въ головѣ моей и вывелъ меня изъ оцѣпенѣнія. Не помню, какъ я протолкалась черезъ толпу, отворила калитку и побѣжала по залѣ къ блестящему огнями балкону, къ раствореннымъ дверямъ гостиной, къ нарядной, шумной толпѣ гостей. Сознаніе пришло только тогда, когда я очутилась въ яркой комнатѣ, когда множество любезныхъ глазъ устремилось на меня съ выраженіемъ испуга, недоумѣнія... когда вокругъ меня зашумѣли вопросы

— Кто это? чего ей нужно?

— Это помѣшанная! сказалъ кто-то громко.

Ливрейный лакей съ подносомъ двинулся ко мнѣ, я оставила его взглядомъ.

— Итъ ли здѣсь доктора? помогите! отецъ мой умираетъ! Я вся дрожала.

— Гдѣ онъ? гдѣ умираетъ отецъ вашъ? сказалъ высокий мужчина, подойдя ко мнѣ, съ трудомъ пробравшись между дамъ отпрянувшихъ къ дверямъ.

— Тамъ за садомъ, онъ упалъ...

Невольный крикъ тоски и ужаса вырвался изъ моей груди.

Успокойтесь. Подемъ къ нему. Мы дадимъ помощь. И сильная рука вывела меня изъ блестящей комнаты и свела съ балкона.

— Вы докторъ?

— Да, да... пойдемте.

— Онъ умеръ можетъ быть!.. произнесла я съ ужасомъ.

— Нѣтъ, мы ему поможемъ. Не плачьте, бѣдное дитя... Къ счастью, что это случилось здѣсь, гдѣ есть еще средства.

Около отца собралась куча народу, которая смотрѣла; ахала и ничего не дѣлала. Онъ подошелъ къ нему, лежащему безъ

уверь, наклонился, пощупалъ пульсъ, позвалъ людей и велѣлъ нести его во флигель.

— Позвать дирижера! сказалъ онъ человѣку въ длинномъ сюртукѣ. — Марья! отведи эту барышню въ комнату лемянницъ, успокой ее...

— Я не пойду, я останусь здѣсь...

— Ну, такъ подите сюда.

Онъ ввелъ меня въ небольшую комнату рядомъ съ той, въ которой положили отца.

— Я позову васъ, когда вы будете нужны, сказалъ онъ мнѣ.

Къ утру отца моего не стало...

Я съ какимъ-то глухимъ чувствомъ тупой печали смотрѣла на безжизненное лицо, на черты еще такъ недавно дышавшія жизнью и мыслью. Слезъ у меня не было. Мысль, что онъ умеръ, была осталась въ головѣ моей, ничто другое не трогало, не казалось меня.

— Умеръ, умеръ, умеръ отецъ мой!... точно звукъ маятника, мѣрно и постоянно раздавалось у меня въ ушахъ и въ сердцѣ, которое сжималось болѣзненно и отчаянно.

Я будто во снѣ видѣла страшныя, но уже не новыя для меня приготовления; будто во снѣ принимала въ нихъ минимальное участіе. Среди этой разноголосицы чужихъ сужденій и сожалѣній, одинъ только голосъ привѣтно доходилъ до души моей и потрясалъ меня горькой и глубокой благодарностью, — это былъ голосъ человѣка съ задумчивымъ, благороднымъ лицомъ, того человѣка, который одинъ отозвался на просьбу мою о помощи, одинъ изъ веселой, вѣтренной, равнодушной толпы, отпрянувшей отъ меня съ какимъ недоумѣніемъ, взялъ меня за руку и сдѣлалъ все, что могъ, для спасенія отца моего. Человѣкъ этотъ былъ Михайлъ Александрычъ Черрадовъ, братъ Кринельской.

Меня хотѣли увести отъ тѣла, но я упорно сопротивлялась и рѣшилась оставаться при немъ до самыхъ похоронъ.

Въ половинѣ дня пришла ко мнѣ милая дѣвушка, съ блуждающими глазами и нѣжнымъ, розовымъ личикомъ. Она вошла съ грустной робостью и торопливостью, подошла ко мнѣ, обняла меня и заплакала.

Слезы неожиданно и спасительно брызнули у меня изъ глазъ.

— О, какъ мнѣ жаль васъ! сказала она. Это хорошо, что вы плачете — легче. Я къ вамъ приду вечеромъ, прибавила она и ушла.

Флигель, въ которомъ я помѣщалась, состоялъ изъ трехъ комнатъ: передней, потомъ довольно большой комнаты, гдѣ лежало тѣло моего отца, и маленькаго кабинетика возлѣ. Со мной посадили какую-то старуху, которая постоянно дремала за своимъ вязаньемъ. Монотонный голосъ дьячка раздавался уныло, стукъ стѣнныхъ часовъ будто вторилъ ему. По временамъ, старуха обращалась ко мнѣ съ вопросами, касающимися моего положенія, и снова дремала.

Послѣ обѣда пришолъ священникъ съ причтомъ служить панихиду, за нимъ пришло все семейство Крипельскихъ. Физиономія самой Крипельской отличалась важностью и спѣсью. Видно было, что въ молодости она была хороша собой, и теперь еще лицо ея сохранило правильность и свѣжесть. Она держала голову назадъ и какъ-то особенно щурила глаза, когда устремляла ихъ на какой-нибудь предметъ. Густыя чорныя брови казались приподнятыми и выражали будто легкое удивленіе; углы губъ обозначались рѣзко и представляли постоянно видъ кислой улыбки; бѣлый, тучный подбородокъ отвисъ изъ подъ банта бѣлыхъ лентъ ея чепчика. Старшая дочь была похожа на мать, только брови ея не была приподняты, какъ у матери, а гораздо ниже опускались надъ глазами и будто хмурились, соединяясь замѣтной чертой. Вообще лицо ея было сурово, чорные небольшіе глаза смотрѣли холодно; она была средняго роста и стройна. Вторая дочь была та милая дѣвушка съ бѣлокурыми локонами, заставившая меня заплакать отъ своей ищжной ласки. Между ними красовалась своимъ огромнымъ ростомъ и римскимъ носомъ какая-то худощавая дѣва, — родственница Крипельской, какъ я узнала впоследствии.

При ихъ появленіи мной овладѣла внезапная робость, я не рѣшалась подойти. Михайлъ Александрычъ подвелъ меня къ своей сестрѣ.

— Бѣдная совершенно убита, сказалъ онъ, и поручаетъ себя твоей добротѣ и покровительству.

Я ничего не могла сказать отъ себя, — рыданія душили меня.

— Ужасный случай! отвѣчала Крипельская, — мы сдѣлаемъ для васъ все, что будетъ можно.

Лидія, меньшая дочь, украдкой пожала мою руку; старшая, Софья, смотрѣла на меня пристально и холодно; худощавая дѣва спросила, есть ли у меня родные, и положительно объяснила мнѣ, что со мной случилось ужасное несчастье, въ чемъ я съ ней вполне согласилась.

Я оставалась безотлучно при гробѣ отца до самыхъ похоронъ. О, какъ памятно мнѣ это тяжелое время! Какъ замерло и застыло мое сердце, когда наступила минута вѣчной разлуки, когда священникъ нашего села съ своимъ причтомъ пришолъ отслужить послѣднюю панихиду надъ усопшимъ. Ихъ сожалѣніе, какъ сожалѣніе людей, знавшихъ покойника, было для меня будто слабымъ утѣшеніемъ.

Раздалось похоронное пѣніе, подняли гробъ и вышли... Провожатыхъ было немного, потому что былъ будень; только любопытная дворня Крипельскихъ тѣснилась у крыльца и во флигелѣ. Недалеко отъ воротъ широкаго двора нагнала печальную процессію щегольская коляска, изъ которой вышелъ Михайлъ Александрычъ и Лидія; они приглашали меня сѣсть въ экипажъ, но я хотѣла проводить гробъ пѣшкомъ до кладбища. Они пошли со мной. Лидія выражала ко мнѣ вѣжное участіе; личико ея не разъ орошалось слезами, и хоть она не находила словъ на мою молчаливую горестъ, но успѣла много высказать и безъ нихъ. Они привезли меня домой, подавленную горемъ. Въ домѣ еще только начиналась утренняя жизнь. Лидія привела меня въ свою комнату черезъ балконъ, такъ что мы не встрѣтили никого; поцѣловала меня и оставила одну. Это доброе сердце понимало, что въ горѣ есть минуты, требующія уединенія и спокойствія.

Крипельская предложила мнѣ остаться у нея въ домѣ; я съ благодарностью приняла это предложеніе. Мнѣ отвели комнатку рядомъ съ комнатами ея дочерей, куда помѣстилось и все мое небольшое имущество. Послѣ отца не осталось ни денегъ, ни состоянія, а всѣмъ прочимъ распорядились мои новые покровители. Я была всей душой благодарна имъ за пріютъ.

Впродолженіе нѣсколькихъ дней, послѣ похоронъ моего отца, я оставалась въ своей комнатѣ, гдѣ посѣтили меня члены всего семейства Крипельскихъ. Прасковья Александровна важно и величаво сказала мнѣ нѣсколько словъ холоднаго утѣше-

нiя и дала почувствовать, что отнынѣ я подчиняюсь уставамъ ея дома, что, по ея мнѣнiю, было для меня большое счастье. Она систематически разпросила меня о моемъ образованiи и, казавось, была слегка изумлена тѣмъ, что я получила нѣкоторые основательныя познанiя. Софья все время моего разговора съ ея матерью молчала и смотрѣла на меня своимъ гордымъ, прищуреннымъ взоромъ. Посѣтила меня также и Олимпiада Сергѣевна, — такъ звали родственницу Кринельской. Шумно вошла она ко мнѣ, кисло обвела кругомъ глазами и, усѣвшись на кресло, стала повторять, только въ болѣе отрывистыхъ фразахъ, допросы Прасковьи Александровны на счетъ моего положенiя, средствъ, знанiй. Лидiя присутствовала при этомъ и дѣлала всевозможныя невинныя хитрости, чтобы сократить докучливый визитъ или отвлечь разговоръ на другiе предметы. Казалось, всѣ, не исключая ключницы и старшихъ горничныхъ, считали обязанностью притрогиваться къ свѣжей ранѣ души моей и беречь ее сколько возможно. Лидiя страдала за меня и старалась противодѣйствовать своими милыми ласками. Она окружила меня тихимъ сладкимъ деспотизмомъ нѣжности, что я невольно поддавалась ему: покуда душа моя находилась подъ влiянiемъ горя, она считала меня своей собственностью, которую она имѣла право охранять и защищать. Во всѣхъ ея поступкахъ, вѣрованiяхъ, понятiяхъ говорило сердце, — въ немъ была вся ея сила. Дружба моя къ ней была золотой нитью, связывавшей меня со всѣмъ живымъ. Уваженiе и безурѣдѣльную благодарность чувствовала я къ Михаилу Александрычу. Мнѣ только больно и грустно было думать, что мнѣ никогда, можетъ быть, не придется ни выразить эту благодарность, ни отплатить ему за сдѣланное добро, какъ бы я желала. Эта мысль мучила меня до такой степени, что я по временамъ дѣлалась сжата и неловка при немъ, какъ несостоятельный должникъ.

Когда я въ первый разъ вышла въ парадныя комнаты и присоединилась къ чуждому для меня кружку за утреннимъ чаемъ, я вновь почувствовала тоску и робость. Михаилъ Александрычъ заговорилъ со мной, какъ со старой знакомой; въ его голосѣ и взглядѣ было столько ободрительнаго участiя, что и мой взглядъ и мой голосъ становились смѣлѣе и яснѣе въ его присутствiи.

Въ домѣ царствовалъ строгiй порядокъ и на все молодежныя

часы. Прасковья Александровна вставала рано, но выходила только въ десять часовъ въ гостиную къ чаю. Около этого времени всѣ собиравшесь вокругъ чайнаго стола. Мы съ Лидіей успѣваемъ нагуляться и наговориться вдоволь. Софья вставала поздно всѣхъ и иногда приходила изъ конду чая. Равнодушно, лѣнливо принималась она за чтеніе иностранной книги, или за работу, которая начата была не для того, чтобъ быть оконченной, а чтобы находиться подъ руками, на всякій случай. Ея холодное, скучающее, гордое лицо рѣдко оживлялось улыбкой веселости, чаще въ немъ видѣлось выраженіе насмѣшки или презрѣнія. Олимпиада Сергѣевна, всегда пестро одѣтая, находилась большей частью въ раздражительномъ состояніи духа. Высокій ростъ, римскій носъ, недовольное выраженіе лица придавали всей ея особѣ характеръ какой-то нахохавшейся птицы. Она почти всегда вышивала; но когда Михаилъ Александрычъ читалъ вслухъ, она всдвигала и часто выглядывала на него не совсѣмъ добромъкачалово. Взглядъ этотъ рѣдко отъ него ускользалъ, — онъ замѣчалъ его, не прерывая чтенія, и всегда чуть замѣтно, но насильственно улыбался. За Михайломъ Александрычемъ ухаживали: всѣ вниманія его прелупреждались; даже Софья Николаевна была любовница съ нимъ. Лидія въ восторгѣ отъ дяди и оказала намъ, что онъ добръ, какъ ангелъ. По временамъ онъ бывалъ не въ духѣ, все лицо его принимало выраженіе безднаго равнодушія ко всему окружающему: онъ будто не видѣлъ и не слышалъ ничего, что вѣкругъ него дѣлается. Лидія сказала, что на него находятъ хандры. Онъ очень уважаетъ сестру; она, говорятъ, замѣнила ему мать, когда они лишились родителей и, будучи гораздо его старше, заботилась объ окончаніи его воспитанія и объ опредѣленіи на службу. Въ ея величественной фигурѣ есть что-то внушающее болѣзнь. Я не желаю бы ее видѣть въ припадкѣ гнѣва и понимаю страхъ, который Лидія чувствуетъ къ ней и къ сестрѣ своей. Хотѣю когда обвинить эту важность и холодность!

Софья поклоняется, вмѣстѣ съ матерью, двумъ идоламъ: приличію и богатству. Когда онѣ слышатъ о какомъ-нибудь нововѣдѣ — первый вопросъ ихъ: а что? это человѣкъ съ состояніемъ? Но мать и дочь мучитъ честолюбіе, жажда подниматься выше и выше въ общественномъ положеніи. Мать полагаетъ въ дочери всѣ свои блестящія надежды, дочь стремится

осуществить ихъ. Видная или выгодная партія — цѣль ея жизни; ей готова она принести въ жертву всё чувства. Впрочемъ, жертва не будетъ велика, потому что понятія ея удивительно настроены и сердце покрыто ледяной корою. На Дядю мать и дочь смотрять съ презрѣніемъ и считаютъ ея любящую, иѣжную натуру недостаткомъ; онѣ натоковали ей, что она глупа и не имѣетъ никакаго такта, что она сама разсуждать ни о чемъ не можетъ и потому должна по крайней мѣрѣ слушать, что ей говорить старшіе. Это главная причина страшной застѣчивости, овладѣвающей бѣдной дѣвушкой при постороннихъ. Строгій взоръ матери леденитъ ее. Она избѣгаетъ разговоровъ изъ страха сказать что-нибудь, что бы заслужило порицаніе или насмѣшку... А подвергнуться тому или другому въ глазахъ Софьи Николаевны и ея матери очень легко... Все, что выходитъ изъ тесной рамки холодныхъ, великотонныхъ понятій, — каждая сильная мысль, каждый свободный порывъ теплаго, искренняго чувства, даже немного болѣе привѣтливое обращеніе съ лицомъ незнающимъ и бѣднымъ, — все это неумолимо или палашна.

— Ты умѣешь всегда во всемъ пересолить, говорятъ онѣ въ одинъ голосъ, — у тебя рѣшительно нѣтъ никакаго такта.

Софья Николаевна обладаетъ способностью быть любезной въ гостини, говорить много и не сказать ничего. Всякій разговоръ для нея ничто болѣе, какъ упражненіе въ свѣтскомъ краснорѣчіи.

Земное горе не вѣчно, — миѣ это еще и прежде доказала потеря моей матери. Въ нравственной жизни человѣка есть бури, потрясающія глубоко и сильно все его существо, но не сокрушающія его, — это бури, посылаемыя провидѣніемъ, не вызванныя собственными нашими ошибками, бури, въ которыхъ человѣкъ признаетъ высшую силу, передъ вліяніемъ которой онъ можетъ только клонить голову и сознать свое бессиліе, находя великое утѣшеніе не обвинять ни себя, ни другихъ. Притомъ юность такая пора, что какъ ни подкашивай ея надежды, какъ ни дави ея энергію, — и надежды, и энергія являются снова, какъ молодая трава весной... Молодость работала и надъ моимъ горемъ. Мало по малу стали по временамъ Богъ вѣсть откуда, слетать на меня золотые сны; благотворный теплый воздухъ живоительно обвѣвалъ меня; пѣсни птицъ звучали миѣ сладко; молитва становилась свѣтлѣе и покойнѣе;

и если лились еще по временам горькія слезы, то они, как весенній дождь, освѣжали и оживляли мою душу. Окружающая меня жизнь начала возбуждать во мнѣ любопытство и участіе. Нерѣдко я чувствовала жизнь во всей ея холодной строгости, подозрѣвала въ ней значеніе совсѣмъ отличное отъ того, какое создавало мое воображеніе. Я знала, что осталась одна въ цѣломъ мірѣ бѣдной, безпріютной дѣвушкой, во всемъ неизбежно зависящей отъ другихъ. По мѣрѣ этого сознанія самолюбіе мое говорило мнѣ, что нужно оградить свою личность отъ всякаго рода укора. Голосъ этотъ былъ силенъ и чаще всѣхъ другихъ слышался мнѣ; съ нимъ вмѣстѣ западала рѣшимость воспользоваться первымъ случаемъ, чтобы сбросить съ себя тунеладство, чтобъ стать на дорогу труда и пользы. Я жаждала быть полезной семейству призрѣвшему меня, но мнѣ не давали къ этому никакой возможности.

Странно, что благодарность искреннюю и глубокую чувствовала я только къ двумъ существамъ — Михаилу Александрычу и Лидіи. Я знала, что всѣми матеріальными удобствами я была обязана самой Крипельской, что я ѣла хлѣбъ ея, жила подъ ея кровомъ, но этимъ сознаніемъ и кончалось мое чувство къ ней: Сердце мое молчало вѣроятно потому, что съ ея стороны все дѣлалось также по одному сознанію ума, что сердце ея также молчало, а по словамъ апостола Павла: «если кто будетъ воскрепать мертвыхъ и передвигать горы, но любви не будетъ имѣть, то уподобится звучащему, бездушному металлу.»

Слѣдующія воспоминанія моей жизни — ничто иное, какъ мой дневникъ того времени, просмотрѣнный и пополненный нѣкоторыми подробностями. Часто случается, что прошедшее выступаетъ въ нашей памяти все ярче и яснѣе, но мѣрѣ того, какъ время удаляетъ насъ отъ него. Это старческое зрѣніе души; оно видитъ вѣрнѣе издали. Имъ руководствуюсь и я.

Ничто не доставляетъ мнѣ столько удовольствія, какъ развѣнія прогулки съ Лидіей. Она щебечетъ, какъ птичка.

— Да, милая Лиза, говорила она вчера, идя со мной по тропинкѣ, ведущей въ большую сосновую рощу, — садъ мнѣ надоѣлъ, онъ такъ выстриженъ, вычищенъ; самая дѣль и дилкость мѣстами не имѣетъ въ немъ никакой прелесть; такъ и видно, что все это оставлено для эффекта. Вѣдь у насъ и все такъ въ домѣ, — все придумано для эффекта... Sophie радится, въ домѣ шолкъ, а денегъ очень мало. Братъ много тратитъ за границей. Вотъ если бы Sophie вышла за Латухина...

— Кто это Латухинъ?

— Ахъ, да! вы не видали еще Латухина. Это нашъ сосѣдъ, богатый и очень добрый и умный человекъ. Онъ живетъ съ старикомъ отцомъ, котораго очень любитъ и уважаетъ. Отецъ его былъ погубъ ужъ нѣсколько лѣтъ. Молодой Латухинъ принялъ на себя должность управляющаго своимъ имѣніемъ съ той цѣлью, чтобъ избавить крестьянъ отъ чужого управителя, который могъ бы ихъ тѣснить и обирать. Онъ нанялся у отца за деньги, сверхъ положеннаго ему содержанія, и всѣ эти деньги употребляетъ на разныя полезныя вещи: завелъ больницу, школу для крестьянскихъ дѣтей, за всѣмъ самъ наблюдаетъ. Выписываетъ множество книгъ. Ахъ, очень бы было хорошо, еслибъ онъ женился на Sophie!

— Но ваша сестра будетъ ли въ состояніи составить его счастье? Какъ я могу судить изъ того, что вы говорите, между ними не можетъ быть большой симпатіи.

— Онъ такой умный, такой образованный, что вѣрно она его во всемъ будетъ слушать...

— Любить она его?

— Я думаю, милая Лиза. Она желаетъ выйти за него замужъ, — она говорила объ этомъ съ папаша. Вѣдь она не можетъ влюбиться сильно ни въ кого, — у ней такая натура. Вообразите, она даже не вѣритъ въ любовь; говоритъ, что это выдумка институтокъ да повторовъ, что дѣвушка порядочнаго круга, если она умна, никогда не должна позволить себѣ увлечься. Вѣдь она права, Лиза! Любовь есть... Ахъ да, она есть... Что это?

Она стала вслушиваться, личико ея вспыхнуло.

— Что такое вы слышите?

— Мнѣ послышалась звуки флейты... Нѣтъ, я ошиблась, это мнѣ такъ показалось,

— Кто здѣсь играетъ на флейтѣ?

— Дорельскій... Ахъ, посмотрите, сколько незабудовъ!

Она совсѣмъ наклонилась къ землѣ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ. Кто это Дорельскій? спросила я; садясь возлѣ нея на траву.

— Это тоже внакомый нашъ молодой человѣкъ.

— И только? сказала я, улыбаясь.

— И только! повторила она, разлившись своими серебряными, веселыми смѣхомъ, такимъ, какимъ она смѣялась только тогда, когда бывала со мной одна. — Молодой человѣкъ, продолжала она, очень милый, очень добрый, такой добрый, что рѣдко встрѣтишь такого. Онъ гостить у Латухина.

— Онъ не служитъ?

— Онъ будетъ служить. Онъ воспитывался дома. Мать не могла съ нимъ разстаться послѣ смерти старшаго сына, съ которымъ Латухинъ былъ друженъ. Онъ только прошлаго года выдержалъ экзаменъ, дающій ему какіе-то очень хорошіе права, а не умѣю растолковать вамъ это.

— Онъ друженъ съ Латухинымъ?

— Онъ уважаетъ и любитъ его, какъ старшаго брата. Латухинъ старѣе его. Онъ много обижалъ Латухина, который приготавливалъ его къ экзамену. Теперь только бы опредѣлиться ему. Онъ гостить у Латухина, чтобы читать. Дома у него не пишутъ книгъ. Онъ бѣденъ, милая Лиза...

При послѣднихъ словахъ, лицо ея приняло выраженіе грусти.

— Послѣ завтра у насъ будутъ гости изъ города, продолжала она, — Казановъ, полковникъ; вѣроятно будетъ и Латухинъ съ Дорельскимъ. Вотъ вы ихъ увидите.

Звонокъ, раздавшійся въ усадьбѣ, призывавшій дворню къ завтраку, далъ намъ знать, что пора посѣщать къ чаю.

Вчера вечеромъ мы катались по озеру въ лодкѣ при лунномъ свѣтѣ. Какое очарованіе! Вечеръ былъ тихій. Окрестный ландшафтъ прекрасенъ: изъ за дѣса ярко сіяла бѣлая приходская церковь; деревни съ крылатыми мельницами, озаренныя мягкимъ луннымъ блескомъ, рисовались вѣдшими очерками; озе-

ро блистало серебромъ и золотомъ. Насъ въ лодкѣ было цѣлое общество: изъ города приѣхали полковникъ, адъютантъ, два статскихъ господина и семейство Казановыхъ — мать и три дочери. Дѣвцы были нарядны, стройны и недурны собой; только лица ихъ не имѣли свѣжести, въ чертахъ ихъ выражалась какая-то душевная пустота. Бальная истома положила на нихъ разрушительную печать свою. И по разговорамъ, и по наружности можно было заключить, что онѣ протанцовали все лучшее въ жизни и въ молодости; что не разъ обманутыя надежды на супружество томили ихъ и снова возрастали; что только эти надежды даютъ имъ силу продолжать утомлять себя и выносить скуку разочарованія въ вѣчно однообразныхъ удовольствіяхъ губернскаго города. Старшая Казанова была бы даже очень хороша, еслибъ не была слишкомъ худа: у ней правильныя, тонкія черты лица, голубые глаза, осыянные темными бровями, густые темнорусые волосы, которые пышно и волнисто облегаютъ ея продолговатое лицо. Вся фигура ея красива, но очень походить на одну изъ модныхъ картинокъ, по которымъ онѣ одѣваются съ рабскимъ подражаніемъ.

По мѣрѣ того, какъ я вглядываюсь и вслушиваюсь, я начинаю разочаровываться въ моихъ стремленіяхъ къ свѣтскому блеску. Я кажусь себѣ очень глупой и тщеславной дѣвочкой въ прошедшемъ и краснѣю отъ стыда, когда вспомню, что было время, когда всѣ мечты мои стремились къ этой обманчивой, мншурной пустотѣ, всѣ приманки которой не могутъ дать ни минуты истиннаго счастья, если его не будетъ въ собственной душѣ нашей.

Лодка тихо скользила по гладкой поверхности озера; полковникъ съ адъютантомъ лѣниво работали веслами, перекидываясь съ дѣвцами любезными шутками и пустыми фразами. Софья Николаевна рассказывала о Парижѣ; Катерина Казанова, — старшая изъ трехъ, — озаренная луной, живописно закинувъ голову, говорила Михайлу Александрычу что-то о приятности подобной прогулки, спрашивала, долго ли онъ пробудетъ въ деревнѣ и проч. Лидія, не преслѣдуемая инквизиторскими взглядами, весело болтала и смѣялась, выказывая свои бѣлыя зубки. Бѣлокурые локоны ея развѣвались ночнымъ вѣтеркомъ, и сама она въ бѣломъ своемъ платьѣ казалась уединной, вышедшей изъ серебряныхъ волвъ. Я сидѣла одна на концѣ лодки и

рада была, что могла молча любоваться и водой и небомъ... Я заглядѣлась и замечталась.

— Что такъ задумались? Полно грустить! сказалъ мнѣ Михайлъ Александрычъ.

Это обращеніе ко мнѣ было такъ неожиданно; я не замѣтила, какъ онъ приблизился и невольно вздрогнула.

— Ого! вотъ мы какъ умѣемъ задумываться! продолжалъ онъ, ласково взявъ мою руку; — красоты природы дѣйствуютъ на насъ, увлекають, погружаютъ въ мечты... Нѣтъ ли въ этихъ мечтахъ чего-нибудь такого, чѣмъ можно подѣлиться?

— Я смотрѣла на Лидію и думала, что она похожа на унди-ву, отвѣчала я, улыбаясь.

— А мы читали Жуковского! Не читали ли уже и Данта и Шекспира?

— И Вальтеръ Скотта прибавьте, сказала я, смѣясь, да и Гоголя не забудьте, — я съ нихъ начала.

— Въ самомъ дѣлѣ, вы читали все это? О, какъ это хорошо! Когда жъ вы успѣли? Племянницы мои только теперь начинаютъ знакомиться съ лучшимъ цвѣтомъ русской и европейской литературы.

— Библіотека отца моего была для меня открыта до самаго моего переселенія въ домъ Прасковьи Александровны; теперь ее заперли и мнѣ приказали читать *Journal des demoiselles* и *Reflexions morales*.

Онъ засмѣялся.

— Скоро вамъ позволять, при нѣкоторыхъ условіяхъ. Какъ-нибудь это можно устроить, прибавилъ онъ въ раздумьи; у сестры страсть воспитывать молодыхъ дѣвушекъ до совершеннаго возраста въ глупомъ невѣдѣніи всего прекраснаго и высокаго. Можетъ быть, она и права, сказалъ онъ со вздохомъ.

— Почему вы думаете, что она права, въ какомъ отноше-ніи?

— Въ какомъ? да вотъ видите ли... Кузина! осторожиѣй, вы опрокинете лодку!

Эти слова относились къ Олимпіадѣ Сергѣевнѣ, высокая фигура которой вдругъ приподнялась по срединѣ лодки и приближалась къ намъ, простирая руки, съ отчаяннымъ усиліемъ сохрaнить равновѣсіе и лодки и собственной особы, нарушенное

желаніемъ пересѣсть къ намъ поближе. Михайлъ Александрычъ поддержалъ ее и усадилъ.

— Миѣ кажется, тамъ вода на днѣ, смазала она, я боюсь промочить ноги.

— Очень бы я желала знать, въ какомъ отношеніи она права, сказала я въ раздумьи, не размысливъ, что эти слова могутъ показаться странными Олимпіадѣ Сергѣевнѣ.

— Что такое? кто права? быстро и съ удивленіемъ спросила она меня.

Михайлъ Александрычъ посмотрѣлъ на меня съ выраженіемъ, изъ котораго я поняла, что ему не нравится то, что она услышала мои слова.

— Кто это права? о чемъ вы говорите? спрашивала съ раздражительностью Олимпіада Сергѣевна.

— Судьба, отвѣчала я.

— Судьба! вотъ что!.. Конечно судьба права, люди виноваты.

— Почему же непременно люди, кузина? спросилъ Михайлъ Александрычъ, — нельзя въ иныхъ случаяхъ и поступкахъ людей не принять въ соображеніе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, независящихъ отъ нашей воли.

— Вы думаете? О, конечно! По вашему, все случайность. Вы скажете, пожалуй, что и разбить юное, нѣжное сердце, измучить, изтерзать, измѣнить, обмануть есть тоже дѣло случайности? Ха, ха, ха! это миѣ нравится!.. Случай, обстоятельства!

— Право вы говорите объ этомъ съ такимъ жаромъ, какъ будто сами испытали что-нибудь подобное... И съ лица его не сходила легкая, насмѣшливая улыбка. — Если такъ, то за измѣну измѣна или забвеніе злодѣю!

— Забвеніе! вамъ это легко говорить, — вы, можетъ быть, все такъ легко забываете? Для васъ, можетъ быть, измѣна и забвеніе ни по чемъ... Но я не могу забыть; вы знаете, что къ несчастію я женщина, не знающая забвенія! О, я завидую вамъ, — вы забываете такъ легко!

— Увѣрю васъ, что я могу быть достойнееъ.

— Вы? я думаю! какъ всѣ мужчины...

— Охъ, эти ужасные мужчины! Я удуляюсь, кузина, какъ

вы, женщины, можете любить ихъ! Охота вамъ безпокоить ваши вѣжныя сердечки заботой о такихъ неблагодарныхъ.

— Еслибъ въ моихъ было силахъ, сказала Олимпиада Сергѣвна, я бы постаралась каждой дѣвушкѣ представить васъ, господа, въ настоящемъ свѣтѣ; я бы доказала ей, что сгубить себя преждевременно — это повѣрить любви мужского сердца прежде, нежели пойдешь съ нимъ къ алтарю... Что вы на меня такъ пристально смотрите, Лиза? Невѣжливо такъ прямо смотреть въ лицо. Лучше слушайте и воспользуйтесь моими совѣтами, хоть конечно вамъ рано еще объ этомъ думать... Но вы бѣдная дѣвушка, — васъ обмануть, завлечь, разобьютъ ваше сердце и бросятъ, забудутъ, насмѣются!..

— Не пугайте ее такъ, не отнимайте лучшихъ привилегій вѣроломности — довѣрчивости и надеждъ.

— Довѣрчивость! Сохрани ее Богъ отъ довѣрчивости! Не вѣрьте никому изъ нихъ, — самый лучший ищетъ только потѣшить себя и свое самолюбіе. Человѣкъ, истинно васъ любящій, вѣстѣ съ первымъ признаніемъ назоветъ васъ своею невѣстой... а безъ этого все прочее обманъ.

— Ваши слова справедливы, но грустны, сказала я.

— Грустны! Ха, ха, ха! Вы еще слишкомъ молоды для такого сужденія! Вамъ тутъ печего дѣлать свои заключенія, для вашихъ лѣтъ это смѣшно. Лучше слушайте, что говорятъ старшіе, и будьте осторожны, очень осторожны! Вамъ это необходимо: вы сирота, безъ всякаго состоянія, не знаете ни людей, ни свѣта; красоты у васъ тоже нѣтъ, но это не спасетъ васъ; одна невѣрный шагъ, и вы погибли. Я говорю это изъ участія.

— Кузина! сказалъ Михаилъ Александрычъ голосомъ, слегка дрожащимъ отъ досады, какъ мнѣ показалось, — мнѣ кажется, не нужно ей такъ часто напоминать ей печальное и тягостное положеніе; и безъ того напоминаютъ его ея черное платье и чужой домъ.

— О! сказала я, едва удерживая слезы. — чтобъ забыть все это, судьбѣ надо постараться слишкомъ много для меня сдѣлать...

— Ужъ что случилось, того не переѣмнешь, сказала Олимпиада Сергѣвна, — надо примириться да благодарить Бога, что Онъ послалъ вамъ такихъ благодѣтелей, какъ кузина Прасковья Александровна.

— Ну, ужь довольно объ этомъ, сказали Михаилъ Александрычъ.

— Нѣтъ, она должна это помнить, настойчиво прибавила Олимпиада Сергѣвна.

Въ это время на озерѣ раздались звуки флейты и показалась другая лодка.

— Это Латухинъ съ Дорельскимъ, сказала Олимпиада Сергѣвна.

Всѣ смолкли и слушали. Въ игрѣ было больше души, нежели искусства; я нечаянно взглянула на Лидію, — она сидѣла, наклонивъ голову; одна рука ея спустилась за бортъ лодки и слегка задѣвала воду, другая прижалась къ сердцу, — какъ-будто удерживая тайное волненіе.

Вскорѣ лодка Латухина догнала нашу и начались обыкновенныя привѣтствія и переговоры о красотахъ вечера.

— М-сир Латухинъ, вы къ намъ? спросила любезно Софья Николаевна.

— Если позволите, отвѣчалъ молодой человекъ средняго роста, широкоплечій, съ курчавой головой, — вотъ все, что я могла замѣтить при лунномъ свѣтѣ.

— И М-сир Дорельскій, надѣюсь?

Молодой человекъ высокій и стройный, сидѣвшій напротивъ Латухина, молча приподнял фуражку и поклонился.

Вскорѣ обѣ лодки причалили къ берегу. Началась порядочная суматоха: лодка аршина на два не подходила къ берегу; широкая доска, по которой мы входили сперва, оставленная безъ вниманія слишкомъ близко къ водѣ, была снесена. Надо было или рѣшиться опуститься почти по колѣна въ воду, или предоставить себя ловкости кавалеровъ, которые радушно и любезно предлагали перенести дамъ на берегъ.

Полковникъ началъ первый: онъ сильной рукой охватилъ талию Софьи Николаевны и, благополучно перенесъ ее, остался на берегу, торжественно предоставляя другимъ возможность оказать оставшимся дамамъ свои услуги. Латухинъ перенесъ меньшую Казанову и въ ту же минуту маленькая ручка Лидіи уже лежала на плечѣ молодого человека, котораго Софья Николаевна назвала Дорельскимъ. Смѣющееся личико милой дѣвушки обратилось на меня съ выраженіемъ восторга и счастья.

Съ бѣдной Олимпиадой Сергѣвной, вѣроятно вслѣдствіе ея

оремного роста, приключилось происшествіе, неприятное для нея и забавное для другихъ: Михаилъ Александрычъ, перенесъ Катерину Казанову, предложилъ свои услуги, всепомнящей дѣвѣ, но поскользнулся у самаго берега и обмакнувъ свою драгоценную мочу въ воду, Пронзительный визгъ, заглушаемый общими смѣхомъ, вырвался изъ ея груди. Она принята была на берегу възвращеніями сожалѣній, окончившимися порывомъ неукротимаго смѣха.

— Я была почти забыта и оставалась одна, послѣдней въ молодѣ. Михаилъ Александрычъ навиндлся передъ своею раздраженною мушкетерою; наконецъ онъ вспомнилъ обо мнѣ, снова залезъ въ воду и сказалъ:

— Теперь ваша очередь... Вы не бойтесь, что я уроню васъ!

— О, нѣтъ! отвѣчала я.

— Мнѣ бы хотѣлось отплатить и проѣхать янче, чтобы поговорить съ вами, — мы такъ мало знаемъ другъ друга. Я бы желала приобрести вашу дружбу, ваше довѣріе. Конечно для этого нужно время и другія условія.

— Могу ли я не чувствовать довѣрія, уваженія, горячей благодарности къ человѣку, оказавшему мнѣ такъ много доброты и кровительства!

— Дайте же я перенесу васъ, сказалъ онъ, отвѣчая въ то же время снисходительной улыбкой на мои слова.

По возвращеніи домой, общество приготовилось къ танцамъ. Я удалилась въ свою комнату. На душѣ у меня было бесчужденно съѣдно и радостно. Отчего это находить такіе шалуты, въ которыхъ будто весь міръ улыбается вамъ чудной улыбкой?

Погода стоитъ чудесная; жары утоляются частыми, но скоротраходными дождями. Гости прѣзжаютъ довольно часто; устраиваются прогулки или катанья въ экипажахъ, составляютса иногда кавалькады. Софья Николаевна ѣздитъ довольно ловко и смѣло верхомъ; Катерина Казанова ѣздитъ хуже и дурно сидитъ, слишкомъ гнется впередъ. Ихъ сопровождаютъ Датушкинъ, Мигаловъ и Михаилъ Александрычъ. Дорельскій отащивается влохмъ умѣнемъ и охотнѣе катается съ нами въ коляскѣ, не смотря на предводительство Олимпіады Сергѣевны.

Полновникъ уѣхалъ на время въ Москву; Общество наше состоитъ теперь изъ Латухина, Дорельскаго и двухъ домовъ близкихъ соседей — Топоровыхъ и Мигаловыхъ. Топоровы — мужъ и жена, бездѣтные старички, при видѣ которыхъ немолчно всплываютъ Гоголевы старосибирскіе помѣщичи. Мигаловъ — отставной майоръ, женившійся для поправленія своихъ обстоятельствъ, на довольно богатой купчихѣ, что дало ему возможность купить порядочное имѣніе и наслаждаться жизнью помѣщика. Я видѣла его нѣсколько разъ, — онъ нѣтъ о чемъ не правится. Отъ художника ѣ смуглъ; не смотря на то, что черты лица его малы и молодости не много, видно что-то фальшивое и жесткое въ маленькихъ черныхъ глазахъ его, избѣгающихъ смотрѣть прямо на того, кто съ ними разговариваетъ. Недостатокъ образованія выдаетъ его порой рѣзкими, грубыми понятіями, которыя вырываются у него нерѣдко и ищшаго ему притворяться такъ, какъ бы онъ, можетъ быть, желалъ. Онъ всегда хорошо одѣтъ, перчатки его вѣжки, воротнички бѣлыя тонкаго блестящаго бѣлизны, — все это дѣлаетъ его выносимымъ для такой неопытной выскателности, какою у Прасковьи Александровны. Притомъ же у него прекрасныя лошади и прекрасный экипажъ и на обѣдахъ у него, говорятъ, разлитое море. Жена его выписываетъ яриды и скуршанъ модъ и на этомъ же безъ основанія утвердила свое право на вниманіе и синхронность таникъ величавыхъ особъ, князь Прасковья Александровна и старшая дочь ея. Она, то есть Мигалова, женщина очень, какъ говорятъ, ведалыя, со-смысленная на столько, чтобы помнить значеніе своего капитана. Собой она не дура — полновничи, свѣдѣла, какъ яблочко, и долго общается быть такой, потому что на лицѣ ея царствуютъ отсутствіе всякой мысли, сколько-нибудь могущей обезпокоить ея довольное, удовлетворенное сердце и смутить хоть на минуту хоть бездѣятельный покой и безстрастіе, съ которыми она наслаждается благами своего положенія. Мигаловъ не терпитъ Латухина, а послѣдній часто холодно и серьезно обвиняетъ его въ эгоистичности.

И въ еще ни слова не сказала о Латухинѣ. Онъ, какъ уже извѣстно, единственный сынъ очень богатаго помѣщика и близкій соседъ Кривельскихъ. Огромный, каменный домъ въ усадьбѣ видѣнъ изъ оконъ дома Кривельскихъ и Луиза солнышко, ударяя въ цвѣтныя стекла дома Латухиныхъ, блестятъ радуж-

ими отъѣзжали и, кто знаетъ?—поселяютъ не шибко радужныя мныя надежды въ сердцахъ матерей и дочерей, проинянутыхъ снѣй совершенной симпатіей съ понятіяхъ о жизни и ея назначеніи. Софья Николаевна величественно и гордо наводитъ иногда свой лорнетъ на этотъ очарованный замокъ, гдѣ она желала бы быть вольной госпожой и повелительницей. Латухинъ много путешествовалъ, но воротился изъ—за границы тѣмъ же русскимъ юрскимъ человѣкомъ, какимъ туда отправился, не заразясь ни презрѣніемъ къ родицѣ, ни безусловнымъ поклонничествомъ всему иностранному. Уважая хорошее и полезное всюду, гдѣ бы оно встрѣтилось, онъ особенно любилъ его на своей родицѣ. Глубоко проникнутый благородными убѣжденіями добра и правды, онъ не расхохотался ими. Онъ не былъ однимъ изъ тѣхъ толпачихъ людей современной эпохи, которые стремятся къ дѣятельности и не умѣютъ дѣйствовать, которые требуютъ отъ жизни, чтобъ она разомъ дала имъ все, и поэтому не берутъ ничего; въ которыхъ идея общаго убиваетъ цѣну добра частнаго, труда по силамъ въ томъ кругу, въ которомъ они поставлены судьбой; тѣхъ людей, которые не хотятъ посить камень по камню въ великое зданіе общей пользы—это кажется имъ и скучно, и обидно,—нѣтъ, они хотѣли бы выстроить его за разъ, одной силой своего духа и высокими стремленіями;—къ числу тѣхъ самолюбивыхъ солдатъ, метящихъ прямо въ генералы и съ гордымъ презрѣніемъ смотрящихъ на мелочныя обязанности подчиненнаго... Нѣтъ, глядя на его честное, пріятное лицо, вѣрилось, что онъ не износитъ въ безплодномъ исканіи дѣла, что дѣло всегда у него подъ руками и всегда тѣсно связано со словомъ. Во взглядѣ, въ движеніяхъ, въ словахъ, даже въ одеждѣ, всюду выливалась та умная, благородная простота, выражающая нравственную силу и развитіе. Красивая голова съ густыми темно-русыми волнистыми волосами; большіе, ясные, темноголубые глаза, снѣло и пріятно очертанный ротъ и, по временамъ, какаятъ-то особенная задумчивая улыбка,—все это дѣлаетъ наружность его недоуменною. Его нельзя назвать красавцемъ, по не замѣтить невозможно.

Дорельскій — красивый молодой человѣкъ; каріе глаза его смотрять такъ молодо, такъ мечтательно. Несмѣлыя его манеры скорѣй выражаютъ непривычку къ обществу, чѣмъ робость характера. Верхняя, слегка приподнятая губа придаетъ его лицу

выраженіе въ которой храбрости и рѣшительности. На него отразилось домашнее воспитаніе и любовь матери живымъ влеченіемъ къ семейному кругу и чувствительностью ко всему прекрасному. Онъ еще очень молодъ — ему 24-й годъ, какъ сназвала мнѣ Лидія. Характеръ его еще не сложился, — Богъ вѣсть, что изъ него выйдетъ. Пока онъ только счастья и любви требуетъ отъ жизни. Молодое сердце его еще не испорчено опаснымъ товариществомъ, не раздражено горемъ и разочарованіемъ; потому онъ любитъ, какъ рѣдкіе изъ молодыхъ людей въ его годы любятъ въ теперешнее время. Онъ еще не принялъ великосвѣтской моды замѣнять чувство холоднымъ развратомъ и полагать гордость въ томъ, чтобы засушить въ себѣ сердце до мертвой неподвижности, будить въ немъ оргіи грубаго анистинства и стыдиться святого, благороднаго чувства. Не даромъ полюбила его Лидія...

Положеніе мое въ этомъ домѣ еще до сихъ поръ не опредѣлилось: я не терплю никакихъ притѣсненій, какими иногда полна бываетъ жизнь бѣднягъ, подобно мнѣ живущихъ подъ чужимъ кровомъ. Хлѣбъ Крипельской для меня не грекъ, а только безвкусенъ. Обо мнѣ какъ будто забыли, или скорѣе при выкли ко мнѣ, какъ къ какому-нибудь портрету на стѣнѣ. После катанья въ лодкѣ, Олимпиада Сергѣевна чаще стада обращаться ко мнѣ съ разными придирками и наставленіями. Эта величавая дѣва, по всему видно, рада бы была низойти до болтовни со мной, еслибъ не боялась уронить свое достоинство. Правило ея — не допускать въ такой молоденькой дѣвчкѣ, какъ я, мысли, что она можетъ сама собой составить о чемъ-либо правильное понятіе, и потому все, что ни говоритъ она, отзывается натянутой моралью; роль эта, думаю, нашла ей самой, а переимѣнить ее не допускаетъ самолюбіе; отъ этого она, то есть Олимпиада Сергѣевна, такъ раздражительна и на лицѣ ея постоянно недовольная, кислая мина. Михаила Александровича я выдаю только за обѣдомъ и чаемъ, гдѣ если онъ и обращается ко мнѣ съ какими-нибудь словами, рѣчь его тотчасъ перебиваютъ и начинаютъ говорить о другомъ.

— Куда уѣхалъ вашъ дядя? спросила я сегодня утромъ Лидію, идя съ ней подъ густымъ сводомъ акацій, по широкой садовой алеѣ.

Было уже не рано: мы проспали, и для дальней прогулки оставалось мало времени.

— Онъ никуда не уѣхалъ, отвѣчала Лидія.

— Но вчера онъ не показывался цѣлый день ни къ чаю, ни къ обѣду.

— Съ нимъ это часто случается. Иногда онъ на нѣсколько дней запирается у себя и никто не знаетъ, боленъ онъ или хандритъ.

— Такъ на него часто находятъ хандра?

— Да; это очень понятно. Кто ему здѣсь сочувствуетъ? У всѣхъ свои дѣла, свои интересы. Конечно онъ хорошъ съ маман, но они рѣдко сходятся въ мнѣніяхъ. Притомъ же маман уже стара, а дядя еще вовсе не старъ, хоть и любитъ называть себя старикомъ. Какой онъ старикъ! Не правда ли, милая Лиза?

— Онъ сдѣлать не старъ, отвѣчала я.

— Право въ него можно еще влюбиться. Вотъ Катя Казанова, какъ видно, очень къ нему равнодушна.

— Что жъ, можетъ быть, онъ и женится на ней.

— Можетъ быть. Маменькѣ будетъ конечно это неприятно: она не желаетъ, чтобъ дядя женился. Какъ-то на дняхъ они говорили объ этомъ. «Богъ знаетъ, еще какая жена попадется тебѣ», говорила маман, «чего тебѣ недостаетъ? развѣ ты не считаешь насъ родной семьей?»

— Ну, что же онъ?

— Онъ ничего не отвѣчалъ, только задумался. Ахъ, какой онъ чудесный, добрый человекъ!

— У него твердая воля?

— О, конечно; что онъ захочетъ, такъ его никто не отговорить. Ужъ маманъ знаетъ, гдѣ нужно исполнять его желанія. Вотъ вѣдь это онъ настоялъ, чтобъ вы были у насъ; маменькѣ, между нами сказать, не хотѣлось.

— Я постараюсь недолго оставаться у васъ; я буду искать себѣ мѣста.

— Ахъ, что вы! вѣдь ужъ теперь все поправилось: сперва маманъ васъ не знала, а теперь очень рада. Нѣтъ, мы васъ не отпустимъ. Какая болтушка! что я надѣлала!

— Вамъ нечего обвинять себя, — я постоянно объ этомъ думаю, моя милая Лидія. Я намѣрена соврѣменно поговорить объ этомъ съ вашимъ дядей.

— Онъ тоже васъ не отпуститъ.

— Милая моя! Онъ вѣрно будетъ благоразумиѣе васъ въ этомъ случаѣ. Притомъ же вы оказываете мнѣ дружбу...

— А вы думаете, что онъ не заботится о васъ? Такъ знайте, что онъ всегда спрашиваетъ меня о васъ...

При этихъ словахъ по душѣ у меня пробѣжало радостное, пріятное чувство самой живой благодарности. Вскорѣ Михаилъ Александрычъ показался въ концѣ ален: онъ шолъ намъ на встрѣчу.

— Какъ вы хорошо дѣлаете, что гуляете много по утрамъ; это освѣжаетъ и душу и тѣло, оказалъ онъ намъ.

— Сегодня мы собирались рано въ рошу, но не успѣли, проопали, сказала Лидія. — Это я все виновата, пришла къ Лизѣ поздно и мы долго проговорили.

— А разговоры, я думаю, были удивительные!

— Не смѣйся, дядя; мы часто говоримъ объ очень серьезныхъ предметахъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Лиза у насъ, мнѣ кажется, я стала умнѣе.

— Мнѣ сдѣлалось досадно на Лидію и мелозно за себя.

— Гдѣ вы гуляли вчера? спросилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Мы были на кладбищѣ, сказала Лидія какъ-то робко.

Добрая дѣвушка боялась и малѣйшимъ воспоминаніемъ коснуться больного мѣста души моей.

— Вы опять много плакали тамъ? обратился онъ ко мнѣ.

— Нѣтъ, кажется, я вовсе не плакала прошлый разъ.

— Лидія! не отпускай и Лизе одну на кладбище: одна она плачетъ такъ горько, что тяжело смотреть. Я видѣлъ васъ нечаянно: Пробѣгая мимо верхомъ, я сошелъ уже съ лошади, чтобы подойти къ вамъ, но вы плакали и я не смѣлъ тревожить вашу горестъ. Притомъ же женщины лечатъ свое горе слезами.

— Не столько слезы лечатъ горе, какъ лечатъ его время и обстоятельство. Слезы вырываютъ чаще безсиліе и сознаніе того, что ни пособить, ни воротить нельзя.

— Положимъ, что веротить нельзя, но вера въ вашу пользу можетъ быть вознаграждена многими въ жизни. Вы хотите прелесть заглянуть на счастье?

Я недоувѣрчиво улыбнулась.

— Какъ! сказать о томъ, — неужели вы заражены такимъ равниемъ, неестественнымъ разочарованіемъ?

— Это не разочарованіе, уверяю васъ, а только отсутствие способности обманывать себя мечтами.

— Но вы лишаете себя лучшаго права молодости!

— Обманчивое право!

— Такъ говорить прилично только людямъ пожившимъ, какъ я напримѣръ, людямъ, которые ничего не требуютъ отъ жизни, ничего не ждутъ...

— Ахъ, милый дядя! сказала Дидія, съ вѣжливостью взявъ мою руку, — не можете быть, чтобъ ты уже ничего не ждалъ въ жизни! Ты еще можешь быть счастливымъ.

— Ктожь тебѣ сказалъ, душа моя, что я несчастливъ?

— Но какъ же ничего не ждать, ни на что не надеяться? это очень грустно; вѣдь это показываетъ равнодушіе къ жизни.

— Это можетъ показывать и то, что человекъ доволенъ своимъ настоящимъ положеніемъ, сказалъ онъ.

— Ну, если это такъ — другое дѣло. — И личико Дидіи просіяло.

Но улыбка насмѣшливой, горькой грусти, которую подмѣтила я на лицѣ Михайла Александрыча, заставила меня не повѣрять ему и задуматься. Я вспомнила о Катеринѣ Казановой! можетъ быть, онъ сомнѣвается въ любви ея, подумала я, и это его мучить.

Когда мы поворотили къ дому, то увидали Олимпию Сергѣевну съ Софьей. Они направлялись къ намъ.

— Доброе утро, дядя! сказала Софья, подходя къ Михайлу Александрычу, — Bonjour, mesdames! Маман уже въ гостинной и дожидается васъ.

— Мы помѣщали васъ въ пріятной прогулкѣ, сказала Олимпиада Сергѣевна ядовито, ударя на слово «пріятной».

— Нисколько, мы и безъ того шли домой, сказала Михайла Александрычъ. Кузина! вы съжили, какъ роза! прелесть!

вила ешь съ той неуловимой насмѣшливостью, которая такъ раздражала Олимпіаду Сергѣевну.

— Пожалуста, безъ комплиментовъ! Вамъ и безъ меня есть кому говорить ихъ.

— Дѣти не принимаютъ комплиментовъ...

— Дѣти! хороши дѣти!

— А женщины вашихъ лѣтъ должны ихъ любить, продолжалъ Михайлъ Александрычъ.

— Вы всегда очень со мной любезны!

— О, неблагодарная!

— Напротивъ, я вамъ за многое очень благодарна...

— За все; за все тебя благодарю я! началъ Михайлъ Александрычъ.

— Имена за все! — перебила его Олимпіада Сергѣева.

— Ну, оставьте этотъ тонъ, кузина, — вѣдь все это ужасно скучно! сказала лѣниво Софья. — Пора домой, вы вѣдь останавливаете.

Софья и Лидія называли Олимпіаду Сергѣевну кузницей, хотя она была имъ детка.

— Кого же я останавливаю, ма bonne amie? идите.

— Вашу руку, дядя! пойдите, сказала Софья съ важностью герцогини.

— Почту себя счастливымъ! отвѣчалъ Михайлъ Александрычъ, подходя къ ней съ комической важностью, за что конечно Олимпіада Сергѣевна воспылала бы гнѣвомъ, но Софья была слишкомъ умна, чтобъ разсердиться: она продолжала шутку и была очень любезна съ дядей.

Вчера послѣ обѣда вѣжала ко мнѣ Лидія, вся закрашенная.

— Пойдемте гулять, сказала она мнѣ, — еестра хвораетъ, маман ѣдетъ по дѣламъ въ городъ, Олимпіада Сергѣевна ѣдетъ съ ней. Пойдемте, душка, подальше, въ рощу.

— Пойдемте, я сама рада, отвѣчала я и стала собираться.

— Нѣтъ, погодите, дайте маман уѣхать, — коня уже продаютъ лошадей; я только прощусь съ ней и приду за вами.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ ясныхъ, свѣжихъ осеннихъ вечеровъ, которые своей яркой прелестью навѣваютъ на душу особенное раздумье и жажду насладиться каждой минутой этой умирающей жизни природы, ловить вспышки послѣднихъ красотъ ея. Мы пошли большою дорогою; справа дестрѣла всеми цвѣтами увядающихъ листьевъ березовая роща; сквозь золотой варядь ея, кой-гдѣ пробивалась жгущая осина или вѣчно зеленая ёлочка; слѣва темнѣла сосновая роща, къ которой вела узкая тропинка; тропинка эта выводила прямо на берегъ озера, гдѣ у корня самаго стараго, шумливаго дерева колыхалась на яблѣкѣ влагѣ знакомая лодка.

Мы вошли подъ шепчущій сводъ развѣсистыхъ сосенъ. Во кругъ насъ разлился таинственный полумракъ. Мы шли безъ шума; какъ тѣни, по землѣ покрытой мохомъ. Полетъ птицы заставлялъ вздрагивать мою ребрую спутницу; трескъ переломившейся вѣтки чуть не довелъ ея до обморока. Она задрожала и крѣпко схватила мою руку.

— Что съ вами, моя милая? сказала я. — Вы никогда такъ не трусили. Лучше бы не идти намъ сюда подъ вечеръ.

— Я очень люблю эту рощу... Я и сама не знаю, отчего мнѣ такъ страшно сегодня... Не встрѣтился бы кто-нибудь...

— А если кто и встрѣтится, то навѣрное не разбойникъ. Разбойниковъ около васъ не слышно.

— Ахъ, вонъ кто-то идетъ къ намъ навстрѣчу! Кто это?

— Это кажется, судя по росту и фигурѣ, господинъ Дорельскій, отвѣчала я, неволью улыбаясь.

— Въ самомъ дѣлѣ? Вы думаете, это онъ? сказала она съ такимъ невинно-плутовскимъ изумленіемъ, что еслибы не дрожала ея серебряный голубокъ, можно было бы обмануться и подумать, что это только нечаянная встрѣча.

При приближеніи молодого человека, она какъ будто неволью сжала мою руку.

— Добрый вечеръ! сказалъ Дорельскій, кланяясь намъ. — Вы къ озеру? прибавилъ онъ съ смущеніемъ.

Онъ будто боялся глядѣть на Лидію и шолъ опустить голову.

— Да, сказала Лидія. Я такъ боялась...

«Что ты не прудешь,» договорила я за нее мысленно.

— Чего же бояться? Вамъ нечего бояться...

— А привидѣнія? сказала я, смѣясь.

- Есть вещи пострашнее привидений... *отвѣчалъ онъ.*
- Что же, напримеръ?
- Горе и разлука страшнее привидений!
- Индзя, молча, склонивла голову.
- Маменька ваша уѣхала? спросилъ онъ ее.
- Уѣхала...
- Я тоже долженъ ѣхать.
- Скоро?
- Завтра. Миѣ не хочется ѣхать; я такъ привыкъ здѣсь и увесу съ собою много пріятныхъ воспоминаній.
- Не забывайте... насъ, сказала она, робко и важно взглянувъ на него.
- Вы знаете, *отвѣчалъ онъ,* быстро переходя на ея сторону, легко ли забывается счастье? Время, проведенное мной здѣсь, было самымъ счастливымъ въ моей жизни. Можетъ быть, обоимъ забудутъ скорѣе...
- Если вы такъ думаете, — вы очень ошибаетесь... Есть люди, которые никогда не забываютъ тѣхъ, кого любятъ...
- О, если только меня любить!
- Вы сомневаетесь?
- Кто знаетъ, что можетъ случиться. Разсвѣнія, разлука могутъ все изменить...
- Я по крайнѣй мѣрѣ знаю *одну* особу, которая никогда васъ не забудетъ...
- И дилые дѣти украдкой вожали другъ другу руки.
- Испытали ли вы ужасное положеніе, когда хочется высказать многое, — а нельзя? спросилъ онъ.
- Ахъ, да! я испытала это, *отвѣчала она* печально. — Какъ это тяжело!.. И такъ вы убожаете! Уже это непримѣнно? Будьте счастливы...
- Для моего счастья нужно именно то, до чего такъ трудно достигнуть.
- Слушайте, трудитесь...
- О, чего бы я не сдѣлала, еслибы только имѣть надежду!
- Не отчаивайтесь, попытайтесь.
- Попытка страшна, *отвѣчала она* почти безуміемъ. — Идти прямо на встрѣчу скорбленію! Миѣ кажется, я не вынесу бы...
- Положитесь на Бога...
- Это все, что миѣ остается...

Они оба замолчали. Рука Лидиі все болѣе и болѣе дрожала въ моей рукѣ. Я обняла ея тоненькую талию и такъ, прижавшись плотно другъ къ другу, мы шли съ ней по узенькой тропинкѣ, сопровождаемая Дорельскимъ; пока не вышли на берегъ озера, освѣщенный старыми соснами. Лучи заката обливали багрянымъ свѣтомъ собравшіяся облака, которыя отражались въ водѣ, придавали ей какой-то величественный, сверхъестественный видъ: будто волшебный, розовый хрустальный замокъ видѣлся сквозь прозрачную поверхность. Я чувствовала, какъ Лидиі хотѣлось остаться наединѣ съ Дорельскимъ, какъ хотѣлось ей услышать отъ него еще нѣсколько успокоительныхъ словъ. Роль злой судьбы, разлучающей двухъ любящихъ, мнѣ не нравилась и я отошла въ глубину рощи подѣ предлогомъ набрать разноцвѣтнаго моха. Я отошла однако не такъ далеко, чтобъ не видать сквозь сѣть деревъ эти двѣ молодые стройныя фигуры, живописно стоявшія подѣ развѣсистыми вѣтвями, озаренныя лучами яркаго осенняго заката... Я не любила, но въ эту минуту я будто предчувствовала любовь... Я желала бы также, хоть разъ въ жизни, стоять на берегу озера, рука объ руку съ любимымъ человѣкомъ. Была ли бы я смѣлѣе Лидиі, любила ли бы смѣлѣе, — этого я не знала; но мнѣ казалось, что я смотрѣла бы иначе, говорила бы не такъ... Да и человѣкъ, котораго бы я любила, былъ бы не тотъ...

Кто же, кто же? рѣшилась я спросить у самой себя, не безъ замѣранія сердца.

Отвѣтъ былъ смутенъ, или я боялась понять его...

Мы возвратились домой почти въ сумерки, никто въ домѣ не обратилъ вниманія на нашу прогулку. Софья Николаевна сидѣла запертая въ своей комнатѣ.

— Вы не скоро уснете сегодня? спросила меня Лидиі.

— Я не скоро засыпаю съ вечера.

— Я вамъ не помѣшаю, если приду?

— Вы никогда не можете помѣнать мнѣ, помѣнать!

— Я вамъ кажусь очень глупой?

— Нисколько!

— О, мой добрый! — сказала она, обнимая меня.

Я угадывала, о чемъ будетъ говорить мнѣ Лидиі. Я потянула сѣчу, чтобъ при свѣтѣ лампы ей было легче скрывать свое смущеніе. Молодая дѣвушка вошла нерѣшительно. Лице ея го-

рѣло, голубые глазки блистали. Она была удивительно мила съ своими робкими движеніями, съ кроткимъ, молящимъ выраженіемъ личика. Я задумчиво ходила по комнатамъ и медлила обратиться къ ней съ какимъ-нибудь вопросомъ, любуюсь ея замѣшательствомъ. Я вдругъ почувствовала себя гораздо ея старѣе, не смотря на то, что мы были однихъ лѣтъ. Миѣ стало грустно за себя, завидно этой младенческой свѣжести ея впечатлѣній... О, какъ состарили мою душу горе и чужой домъ!

— Ахъ, милая Лиза, сказала Лидія, садясь со мной рядомъ на диванъ, — вы вѣрно никакъ не догадываетесь, о чемъ я хочу говорить съ вами!

— Миѣ кажется, что догадываюсь.

— Во первыхъ, если вы меня хоть немножко любите, станемъ говорить *ты* другъ другу.

— Можетъ быть, это не понравится вашимъ.

— Вотъ еще? кто запретитъ намъ быть дружными?

— Но могутъ запретить подобное выраженіе дружбы.

— Ну, станемъ говорить *ты*, когда будемъ одиѣ.

— На это я соглашаюсь съ удовольствіемъ.

— Ты вѣрно догадалась, что я люблю Дорельскаго. При тебѣ я нарочно не скрывала, — миѣ хотѣлось, чтобъ ты догадалась.

— Да, я уже давно догадалась и часто думаю объ этомъ съ тревогой.

— Ахъ, а такъ вѣрно въ его чувства!

— А твои родные?

— Я враніе знаю, что они скажутъ. Да, я никогда, никогда не рѣшусь открыть имъ... Миѣ это очень горько, горько тѣмъ болѣе, что шашив миѣ всегда говорить, что у меня не должно быть отъ нея ничего скрытаго; а попробуй открыться въ томъ, что имъ не нравится, — Боже мой! жизни не рада будешь! — И глупе-то это, и быть-то этого не должно, и какъ могло это придти въ голову... Чтобъ этого не было, скажетъ шашив, — ты выкинь это изъ головы. Благословитанной дѣвицѣ нужно все дѣлать и думать такъ, какъ старшіе рѣшатъ... Ахъ, не даромъ она такъ боится ихъ! Я не хочу, чтобъ его самолюбіе было оскорблено гордымъ отказомъ; прибавила она съ глубокимъ вздохомъ. — Что такое любовь, милая Лиза? Это и

счастье и несчастье, и радость и горе. Ты не была влюблена? никого не любишь?

— Нѣтъ.

— Но ты полюбишь и полюбишь сильно. Чтобы ты стала дѣлать на моемъ мѣстѣ?

— Любила бы, отвѣчала я, уклоняясь высказать ей мое настоящее мнѣніе.

— Онѣ говорятъ, продолжала она, надувая губки, что любви бредви, что она только въ романахъ, что можно и должно любить только мужа да жениха, каковъ бы онѣ ни былъ.

— Вотъ именно потому-то, что мужа и жениха должно любить, и надобно выбирать въ мужа человѣка, который нравится и котораго можно любить, сказала я.

— Онѣ будутъ принуждать меня выйти за того, кто мнѣ нравится, а за того имъ заблагодарятся!

— Да вѣдь ты не вещь, которую можно распоразать по призыву, и повиновеніе родительской власти не есть безусловное отреченіе самого себя.

— Вѣдь это злоупотребленіе всѣхъ правъ, сказала она, уничтоженіе личности. Онѣ говорятъ, что злѣе нужна борьба, а для борьбы у меня силъ нѣтъ. Трусость погубитъ меня. Я ужь такая трусиха родилась; онѣ знаютъ это и нарочно еще больше запугали меня. Ахъ, Лиза, если я еще стала походить на человѣка, такъ это я обязана ему да тебѣ.

— Давно вы любите другъ друга?

— Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ я узнала его. Я любила еще его до переселенія твоего къ намъ. Рѣки разлились, жъ нашъ почти никто не ѣздилъ, кромѣ Латухина и его. Сестра постоянно занималась Латухинымъ, а мнѣ большей частью приходилось говорить съ нимъ. Тутъ я узнала, какой онѣ чудесный и какъ стоитъ любви... Наконецъ мы полюбили другъ друга. Сперва онѣ требовалъ только моей дружбы... потомъ признался мнѣ, — ахъ, я чуть не умерла отъ страха и счастья! — что онѣ любить меня... Я уже давно замѣчала, что ему хочется признаться, да онѣ боится, не увѣрять. Наконецъ онѣ признался. Всѣ катались въ лодкѣ, я осталась дома, потому что кашляла; онѣ тоже сказалъ, что у него болитъ горло. Маман пошла отдыхать. Мы остались одни; тутъ онѣ и сказалъ, что любить меня, а тоже признался, что люблю его, что никогда не измѣню ему и нико-

му, крѣпче его принадлежать не буду. Я покаялась въ этомъ, прибавила она съ какой-то торжественностью. — Какъ я рада, какъ легко мнѣ, что я открыла тебѣ все. Этого никто изъ насъ не знаетъ.

— Милая Лидія! На что же ты рѣшилась?

— Выйди за него замужъ рано или поздно, а куда терпѣть и ждать. Онъ боится, что я не перенесу скрепящей доли. Онъ не знаетъ, что я рождена для нея. Я ненавижу свѣтъ, я не умѣю притворяться.

— Отиройся твоему дядѣ, онъ тебя любитъ, и скорѣй можетъ устроить твою участь.

— Мнѣ ни за что ему не признаться! Нѣтъ, ужь лучше пусть будетъ, какъ Богу угодно; — Онъ все устроитъ. Теперь мнѣ осталось одно — ждать и молиться. Если меня будутъ принуждать выйти за другого — я умру прежде, нежели согласусь.

Она произнесла это съ выраженіемъ полной рѣшимости.

— Боже мой! сказала я, невольно содрогалась за ея участь. — Лидія! что ты сдѣлала! ты вынула билетъ на жизнь или смерть.

— На жизнь или смерть! повторила она твердо. — Умереть еще не худшее; во мнѣ, кромѣ его, никто не нуждается. Онъ да вы пожалеете обо мнѣ...

— Жизнь сама по себѣ имѣетъ великій смыслъ. Неужели за твоей любовью ты не видишь въ ней ничего? Это прѣивно!

И я говорила долго, много, съ увлеченіемъ. Мной овладѣло какое-то вдохновеніе. Я говорила ей объ обязанности женщины, о цѣли существованія, о божественной, всеобъемлющей любви Спасителя. Я говорила, по временамъ сама обливаясь горячими слезами искренняго сочувствія къ рыдающей на моей груди вѣтхой дѣвухкѣ. Мало по малу она усвоилась. Надежда снова проникла въ ея душу; эту надежду послала ей та теплая вѣра въ Провидѣніе, которая постоянно присутствовала въ ея сердцѣ.

Утренняя заря разливала уже блѣдые лучи свои, когда Лидія оставила меня, и долго еще на губахъ моихъ чувствовался ея вѣщій дружескій подѣлуй.

Вчера я сидѣла и обдумывала мое положеніе и то, какъ бы мнѣ переговорить съ Прасковьей Александровной и ея братомъ о приисканіи мнѣ мѣста. Мнѣ становилось страшно при мысли

вступить на новую, неизвѣданную дорогу. Мной овладѣло, малодушіе, какая-то вершинительность. Во мнѣ отозвалась привычка къ здѣшнему дому и чувство сильной привязанности къ двумъ существамъ, принимавшимъ во мнѣ теплое, искреннее участіе. Не остаться ли? мелькнуло у меня въ головѣ, не отклонить ли печальное рѣшеніе? — И вотъ, точно отбѣтъ на мою мысль, подъ окномъ моимъ начался слѣдующій разговоръ:

— Что это у васъ, Марѳа Савишна, за барышши живете? спрашивала какая-то простая женщина здѣшнюю ключницу, не подозрѣвая, что мнѣ слышны слова ея изъ открытаго окна моей комнаты.

— Сирота, управительская дочка. Вотъ того, не слышали ли, что у насъ въ праздникъ въ одночасье умеръ? Осталась сиротой круглой, господа наши и взяли ее на хлѣбы, Христа ради.

— Чтожъ она, голубушка, у васъ дѣлаетъ?

— А что дѣлаетъ — ничего. Извѣстно, не въ нашемъ мѣстѣ, не пойдетъ себѣ хлѣбъ зарабатывать, — бѣлоручка!

— Ой, мать моя! въ нашемъ мѣстѣ и не сиротѣ трудножато жить на бѣломъ свѣтѣ. У насъ въ деревнѣ прошлаго года Семень Поджига умеръ вдовцомъ, оставилъ трехъ парнишекъ, — вотъ такихъ маленькихъ, — да дѣвушку по пятнадцатому годочку. Такъ что эта бѣдная Аленушка нужды принимаетъ! лѣто все въ работницахъ, а ужъ какая работница-то — заря вгонить, заря выгонить, а зиму-то всѣ ноченьки прядетъ ца пролетъ, всѣхъ своихъ братишекъ обуетъ, одѣнетъ своими руками... Встрѣчусь когда съ нею, пожалѣю: нѣтъ, говорю, Аленушка, покою твоимъ рученькамъ; а она: такъ чтожъ, говорить, не даромъ же мнѣ чужой хлѣбъ ѣсть... Такъ вотъ какъ въ нашемъ то мѣстѣ!

— За то, и Богу-то пріятнѣе, отозвалась ключница и пошла въ домъ, побрякивая связкой ключей въ кармаѣ.

Какихъ праведныхъ укоромъ показались мнѣ эти прости слова! Какъ смутилась, взволновалась душа моя! Какое ослабленіе! Богъ мнѣ далъ молодость, силу, здоровье, образованіе, а я съ беспечностью, терпѣливо, даже съ какимъ-то удовольствіемъ выношу положеніе доршѣдки! За дѣло, за трудъ! Да не будетъ мнѣ укора ни передъ людьми, ни передъ Богомъ, ни передъ своей совѣстью!

Я рѣшилась говорить съ Прасковьей Александровной на другой же день, не откладывая въ долгій ящикъ.

Прасковья Александровна выслушала меня холодно и сказала, что я еще молода, что мнѣ еще рано такъ самовольно располагать своей участію.

— Да я и не совсѣмъ увѣрена, достаточно ли ты знаешь, чтобъ быть гувернанткой, прибавила она,

Я коротко объяснила ей мои познанія.

— Какимъ образомъ отецъ твой могъ тебя выучить всему этому?

— Отецъ мой самъ былъ человѣкъ образованный, мать тоже, — они предвидѣли мою будущность и старались дать мнѣ возможность содержать себя своими трудами.

— Я не порицаю твоего желанія, сказала она наконецъ, — я сама подумывала дать тебѣ какое-нибудь полезное занятіе; но ты еще молода, тебѣ нужно пользоваться совѣтами опытности и насмотрѣться хорошаго общества и добрыхъ примѣровъ. Впрочемъ я поговорю съ братомъ: онъ принимаетъ въ твоемъ положеніи участіе, и пребываніемъ здѣсь ты обязана болѣе ему. Для него только я сдѣлала жертву — приняла къ себѣ и поставила почти въ равныя съ нами отношенія дѣвушку, ни нравственность, ни родители которой мнѣ неизвѣстны, но принявши уже разъ на себя такую отвѣтственность, я сдѣлаю для тебя все, что могу.

Вчерашній день Прасковья Александровна съ дочерью уѣхала на именины къ Мигаловымъ. Михаилъ Александрычъ уже нѣсколько дней, какъ отлучился въ городъ. Его поджидали, чтобъ ѣхать вмѣстѣ, но не дождались. Я осталась одна въ цѣломъ домѣ. Къ вечеру я вышла въ садъ. Осенняя сырость разливалась въ воздухѣ запахъ сухихъ листьевъ; обнаженные деревья начали уныло; въ цвѣтникахъ печально торчали отцвѣтшіе, на половину засохшіе кусты цвѣтовъ. Кой-гдѣ еще красовалась полуувядшая астра, да отдохнувшій подъ косвенными солнечными лучами бархатецъ выставялъ свою золотистую головку. Я

стала отыскивать удѣлѣвшіе цвѣты, пробралась въ самую середину большой клумбы и заботливо раздвигала руками сплелуюсь зелень.

Поднявъ голову, я чуть не вскрикнула отъ неожиданности; у края клумбы стоялъ Михаилъ Александрычъ. Съ непонятнымъ смущеніемъ выбираясь на дорожку по рыхлой землѣ, я споткнулась и чуть не упала. Онъ поддержалъ меня за руку.

— Вы какъ-будто испугались? спросилъ онъ меня съ улыбкой.

— Я не ожидала видѣть васъ сегодня.

— Вотъ что значить не видѣться нѣсколько дней: въ это короткое время вы такъ отвыкли отъ меня, что видъ мой навеваетъ на васъ страхъ.

— Это ужъ такъ нашло на меня, сказала я съ улыбкой, протягивая ему руку. — Я никакъ васъ не ожидала сегодня.

— Ну, какъ провели вы эти дни?

— Безъ особенныхъ приключеній.

— Сосѣди пріѣзжали?

— Нѣтъ, никто не былъ; Латухинъ разъ пріѣзжалъ, Правосви Александровны не было дома, а Софья Николаевна была нездорова, да вѣрно и безъ того не приняла бы его одна.

— О-го! мы изучаемъ свѣтскія приличія! уроки моей кузины начинаютъ дѣйствовать.

— Свѣтскія приличія вѣроятно не шутка, когда объ нихъ такъ хлопочуть.

— Боже мой! о чемъ свѣтъ хлопочетъ вообще! Куда ни помотришь — пустота, пустота, пустота! Жизнь проходитъ вяло, безцѣльно, подъ шумъ шутовскихъ погремушекъ.

— А вѣдь раздается же по временамъ средь этого шума спасительный голосъ, призывающій насъ къ труду, добру и счастью? Стоитъ только прислушаться хорошенько.

Онъ какъ-то одобрительно-ласково посмотрѣлъ на меня.

— Откуда у васъ такія мысли?

— Онѣ не нравятся вамъ?

— Нѣтъ; мнѣ только жаль васъ. Въ ваши годы не худо бы было быть немножко попустѣе... Извините за выраженіе.

— Отъ всей души извиняю, — но для чего же?

— Чтобы отдать долгъ молодости... Когда-нибудь вы разскажете мнѣ про ваше дѣтство, про ваше воспитаніе.

— Съ большимъ удовольствіемъ, если у васъ достанеть тѣхъ пѣнія меня слушать.

— Ужь не были ли вы влюблены? Не плѣнилъ ли васъ сердца какой-нибудь стройный, красивый юноша?

— О, нѣтъ! любовь еще не сходила въ мое сердце. Мнѣ кого да и некогда было любить.

— Да вѣдь какой-нибудь идеалъ рисуется же передъ шимъ воображеніемъ?.. Но я слишкомъ нескроменъ, не правъ ли? Я хочу слишкомъ много знать. Говорять, кто хочетъ много знать, тотъ скоро старѣеть. Я и такъ слишкомъ рано сталъ старикомъ.

— Вы не шутя считаете себя старикомъ?

— Да, отвѣчалъ онъ съ какимъ-то печальнымъ раздумьемъ — когда посмотришь на молодежь, на ихъ радости и волненія, то чувствуется, что душа состарѣлась...

— Можетъ ли она помолодѣть? спросила я, неужели она со всѣмъ состарѣлась?

— Кто можетъ это знать!.. Не холодно ли вамъ? Становитъ сыро. Я боюсь, что вы простудитесь.

Я отвѣчала, что мнѣ не холодно, но онъ предложилъ идти въ комнаты.

Тяко и какъ-то сурово смотрѣли парадныя комнаты, убранство которыхъ скрывалось въ вечернемъ полумракѣ. Мы помстившись въ одномъ изъ тѣхъ комфортабельныхъ уголковъ, безъ которыхъ не обходится ни одна богатая гостиная. Густая зеленая плюща ползла по затѣйливому трельяжу; большія бархатныя кресла были мягки и покойны; мраморный столикъ приходилъ подъ руку, въ случаѣ если бы захотѣлось облокотиться.

Эта минута казалась мнѣ удобной поговорить съ Михаиломъ Александрычемъ о моемъ намѣреніи искать мѣста гувернантки.

— Вы не скучаете здѣсь? спросилъ онъ меня.

— Я не скучаю здѣсь, Михаилъ Александрычъ, но я не могу здѣсь оставаться.

— Это что значитъ? сказалъ онъ съ выраженіемъ неудовольствія и удивленія въ голосѣ, — вы недовольны? съ вами дурно обращаются?

— Я вѣдь довольна, но я не хочу даромъ вѣсть чужой хлѣбъ, трагичъ жизнь безъ пользы для себя и другихъ. Я рѣши-

— Вы хотите въ гувернантки и надѣюсь, что вы будете такъ добры, сможете мнѣ и поддержите меня въ этомъ намѣреніи.

— Вы гувернантка! Да вы ребенокъ, за вами нужно еще няньку.

— Бѣдныя дѣвушки скоро перестаютъ быть дѣтьми. Ребятыся въ семнадцать лѣтъ — это роскошь дѣвицъ богатыхъ. Мнѣ должно трудиться и я буду трудиться.

— Но чтобъ быть гувернанткой, нужно готовиться къ этому.

— Отецъ и мать съ дѣтства готовили меня къ этому званію, и надѣюсь, что легко выдержу экзаменъ для полученія необычнаго диплома.

— Боже мой! какъ это официально! воскликнулъ онъ. — Вы ни не знаете, чего хотите; сами не знаете, какую отвѣтственность берете, какими неприятными случайностями себя подвергаете.

— Я знаю, что мнѣ будетъ не легко, я не обманываю себя, но я должна; Богъ и совѣсть указываютъ мнѣ этотъ путь. Попытайте мнѣ вступить на него; вамъ я такъ много, такъ много обязана. Сердце мое проникнуто благодарностью, но я не умѣю ее высказать.

— Что же я сдѣлалъ для васъ? Что могъ я сдѣлать? Ради Бога, прошу васъ, не говорите объ этомъ никогда. Знайте только, что вы всегда найдете во мнѣ друга. Обращайтесь со мной прямо и просто, безъ всякихъ выраженій благодарности, если не хотите разсердить меня.

И онъ сложилъ вѣтку померанцоваго дерева. Подали свѣчи. Она задумчиво слѣдила взоромъ за Михайломъ Александрычемъ, который, склонивъ голову, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Я поговорю съ сестрой, сказалъ онъ наконецъ. — Вамъ еще нужно отдохнуть, сбросить это черное платье и собраться съ силами.

Служка подлѣжанскаго экипажа возвѣстилъ о возвращеніи Драговны Александровны съ дочерью; Михаилъ Александрычъ пошелъ къ нимъ на встрѣчу, бросивъ на столъ померанцовую вѣтку, которую я взяла на память этого разговора.

Съ тѣхъ поръ, какъ я объявила рѣшеніе быть гувернанткой,

Прасковья Александровна обращается со мной лучше; привѣтливѣе и вообще на мои дѣйствія не налапаютъ того тонкаго отъѣнка деспотизма, какъ было до сихъ поръ.

Вчера собрались гости. Софья Николаевна долго играла на своемъ богатомъ роялѣ; Матухинъ перевертывалъ ноты. Софья Николаевна, оставивъ съ нами, какъ всегда, свою обычную холодность, видимо хотѣла расшевелить его; но онъ такъ равнодушно смотрѣлъ на нее своими ясными, спокойными глазами, хотя и былъ очень любезенъ.

Вѣдь пришла же Софья Николаевна фантазія женить на себѣ Матухина! Она, кажется, считаетъ его простячкомъ, потому что мнѣнія его кажутся ей непонятны и дики; она думаетъ, что перевернуть ихъ также легко, какъ сбросить перчатку. Она думаетъ, что эти мнѣнія, эти горячія убѣжденія не помѣшаютъ ей поставить его на свой ладъ и одѣлать изъ него смирнаго, послушнаго мужа.

Дорельскій уѣхалъ. Лидія печальна и задумчива, но никто не обращаетъ на это вниманія. Олимпиада Сергѣевна постоянно сіяетъ какимъ-то величіемъ и разсуждаетъ обо всемъ съ увѣренностью въ непреложность своихъ мнѣній. Она всегда разодѣта очень пестро и пышно, и колоссальная фигура ея рѣзко выдается въ этомъ небольшомъ кружкѣ. Софья Николаевна шепотомъ посмѣивается надъ ней и переглядывается съ матерью при каждой ея мелодраматической выходкѣ.

Вчера меня въ первый разъ заставили наливать чай, — это дѣлаетъ всегда Лидія, но у ней болѣла голова, и Прасковья Александровна поручила мнѣ замѣнить ее.

Прасковья Александровна съ Мигаловой и Топоровой играла въ гостинной въ карты; все остальное общество, состоящее изъ Казановыхъ, Матухина, двухъ-трехъ служащихъ съ приличными манерами и нѣсколькихъ офицеровъ, собралось въ залѣ у чайнаго стола. Я въ первый разъ еще была на виду; до сихъ поръ никто не говорилъ со мной, кромѣ старушки Топоровой, которая оказываетъ ко мнѣ участіе. Прасковья Александровна должна Топоровымъ порядочную сумму денегъ, потому и принимаетъ ихъ очень ласково.

Черное платье мѣшаетъ мнѣ принимать участіе въ танцахъ, которые устроиваются всякій разъ, какъ собираются гости, — въ нихъ тащущій обязанъ бы былъ невольно занимать свою даму, а безъ того кому охота заниматься бѣдной дѣвушкой, смиренно сидящей съ работой въ углу комнаты? Разливанье чая есть также въ своемъ родѣ роль, ставящая васъ въ невольное столкновение съ прочими дѣйствующими лицами: тутъ живые подають стаканъ, прося потрудиться назвать другій, или требуютъ сахару, благодаря такъ любезно, какъ-будто вы дѣлаете величайшее одолженіе, исполняя такую просьбу и проч. И такъ все усьлись за чайный столъ. Прямо противъ меня сидѣла Олимпиада Сергѣевна, по временамъ кидая на меня критикующіе взгляды и любезничая съ пожилымъ совѣтникомъ Казеиной. Наталья Михайль Александрычъ сидѣлъ возлѣ меня рядомъ и вѣлъ съ старшей Казановой разговоръ о верховой ѣздѣ.

— Гдѣ теперь Ольга Мартова? спросила Софья.

— Ее ждуть сюда, отвѣчалъ Михаилъ Александрычъ.

— Сюда, въ такое время, осенью, въ деревню! Вотъ фантазія! воскликнула Олимпиада Сергѣевна.

— Вы знаете, что у нея всегда пристрастныя фантазіи, сказала Софья.

— А я радъ буду ее видѣть; мы съ ней уже давно не видались. Она такъ умѣетъ оживлять своимъ присутствіемъ.

— А на меня такъ она наводитъ скуку, отозвалась Софья Николаевна.

— Очень жаль... отвѣчалъ Михаилъ Александрычъ, съ отѣвкомъ неудовольствія въ голосѣ.

— Ольга Васильевна Мартова будетъ скоро сюда? сказала Латухиня, съ непривычной ему живостью. — Вѣдь это ея усадьба съ маленькимъ, уютнымъ домикомъ и густымъ садомъ, во ту сторону озера?

— Да, ея. Развѣ вы знаете кузину Ольгу? спросила Софья.

— Нѣтъ, не знаю, но много о ней слышалъ отъ ея родственника, съ которымъ мы были вмѣстѣ въ университетѣ. Онъ былъ ея восторженнымъ поклонникомъ. Я просилъ его познакомить меня съ Ольгой Васильевной, но она скоро уѣхала за границу.

— Она ѣздила въ одно время съ нами. Что же касается до

поклонниковъ, она умѣетъ творить ихъ всюду. Знакомый вамъ, вѣрно, Базиль Рунить; онъ намъ тоже дальній родственникъ.

— Не поклонниковъ, а друзей творить она, сказала Михаилъ Александрычъ.

— Только этихъ друзей она всегда влюбляетъ въ себя, перебила Софья, — она вертитъ имъ головы свободой обращенія и потомъ отворачивается отъ нихъ.

— Она не выходитъ замужъ оттого, что презираетъ мужчинъ, съ вроніей отозвалась Олимпиада Сергѣвна.

— Вѣдь вы тоже, кузина, презираете мужчинъ, сказалъ Михаилъ Александрычъ.

— Я никого не презираю, — я христіанка.

— Значитъ, бѣдная Ольга не христіанка.

— Она начиталась равныхъ вредныхъ философическихъ сочиненій, которыя свернули ей голову.

— Она въ церковь рѣдко ходитъ, сказала Лидія съ грустью сожалѣніемъ.

— Съ монахинями и богомольцами, какъ ты, по цѣлымъ часамъ не разговариваетъ, перебила Софья. — Ты бы шла въ монастырь.

— Такъ что же, отвѣчала Лидія слегка раздраженнымъ тономъ, — я бы пошла.

— Quelle idée, ma chèrre! воскликнула Олимпиада Сергѣвна, — можно ли въ ваши годы высказывать такія мысли!

— Лидія всегда умѣетъ кстати выразить свое мнѣніе, сказала Софья.

— Говорятъ, Ольга Васильевна вполнѣ русская дѣвушка, заговорилъ Латухинъ, — она любитъ все русское, и когда бываетъ въ деревнѣ, то посѣщаетъ иногда крестьянскія посидѣлки, лечитъ простой народъ и принимаетъ участіе въ его нуждахъ и горѣ.

— До того русская, прибавила Софья Николавна, съ насмѣшливой улыбкой, — что даже библію читаетъ на славянскомъ языкѣ и дѣлаетъ ошибки во французскомъ, когда говорить. Матан совѣтовала ей звать французженку, чтобъ заняться хорошенько, но у ней свои правила, — она занимается пятью языками вдругъ, для того, чтобъ читать и понимать, и ни на одномъ не говоритъ правильно. Воспитаніе ея было улучшено съ дѣтства, она поздно принимала за него.

— Чтожъ? это ей не въ укоръ, возразилъ Латуханъ:

— Что же до ея охоты къ крестьянскимъ посидѣлкамъ... продолжала Софья. — Que voulez-vous? она была такъ воспитана: лица матери въ дѣтствѣ, отецъ ея былъ чужацъ, не хотѣлъ никуда ее отдать; она жила постоянно до двадцати-двухъ лѣтъ въ деревнѣ, т. е. до смерти своего отца, за которымъ она ходила; читала однѣ русскія книги. Какія понятія можно имѣть изъ русскихъ книгъ?

— Вы не знаете нашей литературы, сказалъ Латухинъ недовольнымъ тономъ, — въ ней много хорошаго.

— Да, я мало знаю ее, но все же имѣю понятіе, — Пушкинъ, Жуковский и другіе... Учитель словесности познакомилъ насъ съ ними.

Латухинъ сталъ исчислять лучшихъ нашихъ писателей. О Гоголѣ говорилъ онъ много и съ увлеченіемъ.

— Гоголь! воскликнула Софья Николавна, — я не имѣла терпѣнія читать его. Il est si trivial! Помилуйте, что же въ немъ хорошаго? что за герои, что за грубыя картины!

Онъ посмотрѣлъ на нее послѣ этихъ словъ, какъ смотритъ врачъ на безнадежно больную, и замолчалъ. Софья смекнула, что зашла слишкомъ далеко, и поправилась:

— Послушайте, можетъ быть я не съумѣла оцѣнить красоты его произведеній. Я читала очень мало порусски, читала безъ руководства. Можетъ быть, вы съумѣете заставить меня восхищаться тѣмъ, отчего вы сами въ восторгѣ, — привозите мнѣ книги и будемъ читать вмѣстѣ.

И на холодномъ лицѣ ея мелькнула улыбка самодовольствія при видѣ просвѣтлѣвшей физиономіи Латухина, который охотно согласился на ея предложеніе.

Чай между тѣмъ кончился. Двое слугъ сдвинули и отставили столъ, оставивъ мѣсто для танцевъ. Олимпиада Сергѣевна сѣла за рояль наигрывать кадрили. Однообразная, барабанная игра ея наводила на меня зѣвоту; я помѣстилась у окна съ своей работой, подальше отъ танцующихъ, и безотчетно задумалась.

— Вы скучаете? спросилъ меня Михаилъ Александрычъ, садясь возлѣ меня.

— Рядѣ я кажусь скучающей? Нѣтъ, мнѣ не скучно...

— А грустно?

— Пожалуй, если хотите, это скорѣе:

— Что дѣлать? Жизнь не такъ хороша и весела, какъ представляется она тѣмъ, кто ожидаетъ отъ нея многого. Надо постараться не требовать отъ нея больше, нежели она дать можетъ, хоть это и трудно.

— О, я не требую, увѣряю васъ, не жду многого. Я во возможности смѣло, безъ предубѣжденія, смотрю въ глаза дѣйствительности. Чтобы судьба ни послала мнѣ въ будущемъ, я постараюсь все перенести съ терпѣниемъ и твердостью. Да, мнѣ нужна твердость духа болѣе, нежели кому-нибудь.

— Это все у насъ гувернантство на умѣ, сказалъ онъ съ улыбкой. — Что, скажите, у васъ особенное призваніе къ этому ремеслу?

— У меня призваніе трудиться, а не жить даромъ...

— Ну, ужъ прибавьте: на чужомъ хлѣбѣ, — ваша обычная фраза... Это значить, вы не считаете насъ друзьями; хлѣбъ друзей — не чужой хлѣбъ.

— Будьте справедливы и скажите, неужели Прасковья Александровна, Софья Николаевна и Олимпиада Сергѣевна друзья мнѣ?!

— Что вамъ до нихъ за дѣло? Ради тѣхъ, кто вамъ искренно желаетъ добра, перенесите неприятную зависимость. Богъ знаетъ, лучше ли вамъ будетъ въ другомъ мѣстѣ...

— Я знаю, что не лучше... о, гораздо хуже!

— Что же васъ гонитъ отсюда?

— Гордость, чувство самоуваженія...

— Гордость... да... сказалъ онъ, — я не предполагалъ этого. Я не считалъ васъ такой самолюбивой. Были случаи, я помню одинъ, вы такъ спокойно и холодно выслушали глупые намеки, — вы не вспыхнули... да, это была гордость — вы считали себя выше всякаго оскорбленія...

— Вы даже и этого не предполагали въ такой бѣдной дѣвушкѣ, какъ я.

— Я только не подумалъ объ этомъ. Я вообразилъ, что вы успокоились, видя около себя добрыхъ друзей, принимающихъ въ васъ участіе.

— Если друзья не предполагали во мнѣ самолюбія, — не стоило принимать во мнѣ участіе.

— Нѣтъ, напрасно вы придаете всему такой смыслъ. Расположеніе къ вамъ ослабло ихъ; они вообразили, что могутъ заглядывать все. Это была непростительная ошибка... Тутъ Индія виновата.

— Вѣрьте, чѣмъ глубже моя благодарность, тѣмъ болѣе я считаю себя должницей.

— За дружбу платится дружбой, а не отчужденіемъ...

— О, ради Бога! воскликнула я, — то, что вы говорите, почти жестоко!

— Развѣ въ моихъ словахъ есть что-нибудь оскорбляющее ваше самолюбіе?

— Боже мой! вѣдь я думаю, кромѣ самолюбія, во мнѣ есть сердце...

— Въ самомъ дѣлѣ? сказалъ онъ, принимая вдругъ веселый, ясный видъ.

— Вы этого также не предполагали? — спросила я, смѣясь.

— Чѣмъ же занимается ваше сердце?

— О, ему много дѣла: оно чувствуетъ, страдаетъ, или радуется, смотри по обстоятельствамъ, за своихъ друзей.

Онъ улыбнулся.

— Доброе сердце! сказалъ онъ, не такое, какъ у Олимпіады Сергѣевны; ея сердце не занимается подобными предметами, — въ немъ порядочный запасъ жолчи и эгоизма.

— Олимпіада Сергѣевна, кажется, не жалуется васъ...

— Было время, отвѣчалъ онъ, улыбаясь, когда она меня очень жаловала; но я, несчастный, умѣлъ прогнѣвать ее.

— Давно это было? Видно вы сильно прогнѣвали ее?

— Это старая исторія моей первой юности. Тогда она не была такой кислой, благоразумной дѣввой, какъ теперь. Я былъ юноша лѣтъ двадцати, пріѣхалъ въ отпускъ, счастливый и гордый своимъ конногвардейскимъ мундиромъ, не утерпѣлъ и поволочился за молоденькой, мечтательной кузиной. Она приняла это не въ шутку и захотѣла ваковать меня въ супружескія цѣпи. Къ счастью, явился первый ея поклонникъ, какой-то деревенскій непризнанный поэтъ, мрачный какъ Гамлетъ, объяснился со мной и въ доказательство своихъ правъ на ея сердце показалъ мнѣ пучокъ писемъ кузины, писемъ, наполненныхъ пламеннѣйшими выраженіями самой страстной любви. Я деликатно отрѣ-

тировался... Тс! она сюда смотритъ... Удивительное чутье!.. Не знаю, какъ кончился романъ ея съ поэтомъ; при вторичномъ нашествіи свиданія, я уже не волочилась за дуэной; я нащелъ ея постарѣвшей и раздраженной.

— Вотъ ужъ я никакъ не думала, чтобъ вы способны были волочиться когда-нибудь.

— Какъ, даже въ двадцать лѣтъ? Я не обладалъ вашей разсудительностью, и холодностью Софьи.

— Ваша молодость была счастлива?

— Да, по временамъ; но вообще это была глупая, безалаберная молодость... Это былъ яркій и пышный пустоцвѣтъ моей жизни... Былъ тутъ одинъ цвѣтокъ, прибавилъ оцъ печально и будто про себя, — но я не умѣлъ одѣнить его...

— А вѣдь Олимпіада Сергѣвна сердится на васъ не напрасно, сказала я, желая отвлечь его отъ какого-то неизвѣстнаго мнѣ печальнаго воспоминанія, — вы сами сказали, что вы за ней только волочились, да еще такъ искусно, что она ошиблась и приняла ложное чувство за истинную любовь... О, какъ это страшно! прибавила я невольно, я сама никогда не простила бы себѣ такой ошибки.

— Это ее наказала судьба за кокетство... Любя одного, она въ то же время хотѣла надуть другого... Боже мой! прибавилъ онъ, какъ это было давно! Какъ много измѣнилось съ тѣхъ поръ! Пятнадцать слишкомъ лѣтъ! Сѣдина въ волосахъ, суровая опытность въ разсудкѣ, — зимній холодъ послѣ весеннихъ дней... Приходится иногда сказать вмѣстѣ съ Гоголемъ: скучно на этомъ свѣтѣ, господа!

— Неужели только? А наума, природа, поэзія?

— Это все само по себѣ...

И я видѣла по его принужденной улыбкѣ, что онъ старался отогнать отъ себя грустное настроеніе.

На свободѣ я обдумывала всѣ подробности этого вечера. Я досадовала на себя, что не спросила еще разъ Михаила Александровича, что это за кузина Ольга. По всему видно, что онъ другъ съ ней.

Рѣшили, что я остаюсь здѣсь до лѣта; Прасковья Александровна сама пригласила меня. Я не имѣла причины отказать:

Это могло бы быть принято за пустое, тщеславное упрямство, почти неблагодарность.

Кринельскіе проведутъ зиму въ губернскомъ городѣ, а на будущее лѣто обѣщаютъ помѣстить меня у одной своей родственницы въ качествѣ гувернантки.

Конечно это долго, но я постараюсь воспользоваться этимъ временемъ и, по возможности, болѣе и болѣе подготавливать себя къ новому поприщу.

— По первому пути, я уѣзжаю по дѣламъ, сказалъ мнѣ Михайлъ Александрычъ, и пробуду въ разныхъ мѣстахъ всю зиму; вотъ почему я желаю, чтобы вы остались здѣсь до лѣта. Весной я возвращусь и хочу самъ, если возможно будетъ, ввести васъ на выбранную вами дорогу. Назвавъ меня вашимъ другомъ, вы дали мнѣ отрадное для меня право заботиться о васъ.

Ольга Мартова, говорятъ, пріѣхала вчера. Вѣрно она будетъ на дняхъ сюда.

Вчера пріѣхалъ полковникъ. Въ половинѣ вечера всѣ, подлѣ разными предлогами, удалились изъ гостиной, такъ что полковникъ остался наединѣ съ Прасковьей Александровной и они о чемъ-то долго говорили. Когда разговоръ былъ конченъ и мы опять перешли въ гостиную, Прасковья Александровна была страшно взволнована; глаза ея горѣли, на щекахъ выступилъ румянецъ яркими пятнами. Софья Николаевна взглядывала на мать украдкой съ недоумѣніемъ и продолжала свой холодный, любезный разговоръ, не измѣняясь въ лицѣ. Прасковья Александровна вскорѣ сказалась нездоровой и ранѣе обыкновеннаго ушла къ себѣ, извиняясь передъ гостемъ. Тутъ происходитъ что-то странное: неужели предложеніе полковника Софьѣ Николаевнѣ могло такъ встревожить Прасковью Александровну? Она должна была ожидать этого, судя по его частымъ посѣщеніямъ, по его веселой любезности съ Софьей. Онъ, правда, былъ внимателенъ и къ Лидіи, но въ этой внимательности проглядывала та нѣжная снисходительность, какую оказываютъ милому, вѣткому ребенку. Его восхищала ея застѣнчивость, ея престо-
лущіе и искренность. Отчего же это Прасковья Александровна была такъ смущена и такъ хмурила брови? Вѣроятно надежда

на предложеніе Матушки ставить ее въ первѣнство, что дѣлать.. Кто-то стучитъ ко мнѣ въ дверь... Это Лидія.

— Ахъ, Лиза, ты ничего не знаешь! сказала Лидія, войдя въ мою комнату. — Какіе у насъ дѣла дѣлаются!

— Что такое?

— Кто бы могъ подумать — полковникъ сватается ко мнѣ. Вотъ чудеса-то!

— Неужели!

— Да, только ты никому не говори. Я тебя прокаюся: я подслушала разговоръ маманъ съ Sophie... Это мнѣ Богъ въ наказаніе посылаетъ!

— Онъ тебѣ не нравится?

— Да вѣдь ты знаешь... Какже онъ можетъ мнѣ нравиться!

— Ты рѣшилась остаться вѣрной твоему чувству?

— Маманъ такъ встревожена и раздосадована, продолжала Лидія, не обращая вниманія на мой вопросъ, — онъ сердится на меня. Чѣмъ же я виновата? Sophie — можешь себѣ представить, Sophie заплакала съ досады. Ахъ, она меня возненавидитъ! Что мнѣ дѣлать? Я не просила этого проклятаго полковника свататься ко мнѣ...

— Надѣюсь, что не просила, сказала я, смѣясь.

— Да, тебѣ смѣшно; а мнѣ-то какво!

— Не выходи, если онъ тебѣ противенъ.

— Я этого не боюсь — отъ меня скроютъ его предложеніе. Но онъ будутъ сердиться на меня.

— За что же, душа моя? Это была бы самая странная несправедливость.

— Маманъ еще ничего, но Sophie, Sophie! Надо было ее слышать! «Эта дѣвчонка, говорила она маманъ, съ своей телячьо наивностью, всегда стоитъ мнѣ на дорогѣ. Она кокетничаетъ въ подтишка... Мужчины такъ глупы; они воображаютъ найти въ ней чудо скромности и скрытой прелести, а не знаютъ, что она двухъ словъ не скажетъ въ порядочной гостиной; она смотритъ мѣщанкой. Ей бы только съ горничными да попадаться разговаривать...» — Вотъ какъ она говорила, Лиза!

— Ну, а что же мать твоя?

— Матаи замѣтила ей, что невѣрливо такъ говорить о сестрѣ... но Sophie очень хитра: она передъ матан на колѣни; рыдая, цѣловала ей руки, говоря, что ей не передъ кѣмъ раскрыть свою душу. «Неужели, говорила она, вы допустите, чтобъ она вышла замужъ прежде меня? Если это случится, я пойду въ монастырь... Она еще двадцать разъ успеетъ выйти замужъ... Ей еще надо ума набраться» и проч... Сцена была ужасная! Не знаю, чѣмъ онѣ рѣшили, но я знаю, что Sophie поставитъ на своемъ, и въ настоящемъ случаѣ я буду этому рада.

— Но когда-нибудь тебѣ придется же выйти замужъ, — не всегда такъ счастливо будутъ устриваться твои женихи.

— Знаешь ли что? Мнѣ думается, что только больше терпѣнія и, рано или поздно, я буду за нимъ. Онъ любитъ меня, я такъ твердо вѣрю въ его любовь. Не захочетъ же онъ разстаться, не употребитъ всѣхъ средствъ къ нашему соединенію. На другой онъ не женится, — онъ сказалъ мнѣ это; онъ сказалъ также, что будетъ служить, ждать и надѣяться. Какъ знать, милая Лиза, — мало ли что бываетъ на свѣтѣ: вдругъ онъ выслужится, найдетъ протекцію; какой-нибудь знатный человекъ выведетъ его; однимъ словомъ — ужь если судьба, такъ все устроится; если же нѣтъ — я ни за кого не пойду! Что и въ самомъ дѣлѣ, не свяжутъ же меня, чтобъ везти къ вѣнцу... Да вѣтъ, ужь если судьба, такъ все устроится!

Я не хотѣла разрушать эту свѣтлую надежду любящаго сердца... Пусть ее вѣрять, пусть мечтаетъ... Это дастъ ей силы перенести многое.

— Ахъ, Лиза, Лиза! сказала она между прочимъ, — какъ жаль, что ты не любима!

— Почему же?

— Тогда бы ты поняла меня.

Я обняла ее и поцѣловала въ розовыя губки.

Какое-то смутное чувство тоски овладѣваетъ мной, когда мнѣ говорятъ: ты не любишь, ты не любима... Я нѣсколько разъ пыталась допрашивать себя — люблю ли я? но отвѣтъ былъ всегда неясенъ. А между тѣмъ, въ сердцѣ моемъ нѣтъ безотрадной пустоты, какую чувствовала я первое время послѣ потери моего незабвеннаго отца... Господи! даже совѣстно, что нечеловѣкъ съ каждымъ днемъ теряетъ свою силу, что я ужь не стра-

даю, а только молюсь о немъ и вспоминаю съ какой-то ясной грустью...

Сегодня утромъ всё было какъ-то не въ духъ: найма завтракъ кончилисъ молчаливо. Олимпиада Сергѣевна особенно важно и заботливо вытягивала свою длинную шею; Михаилъ Александрычъ задумчиво слѣдилъ за физиономіями окружающихъ его; по временамъ взоръ его останавливался на мнѣ; въ этомъ взорѣ выражалось, — или можетъ быть мнѣ такъ показалось, — желаніе поговорить со мной. Мраморное лицо Софьи заводило скуку; Лидія была тиха и смирна, какъ овечка. Послѣ завтрака, только что Михаилъ Александрычъ принялся читать вслухъ газеты, а прочія взялись за работы, въ комнату влетѣла, — именно влетѣла — красивая, стройная дѣвушка. Она дышала свободой и одушевленіемъ; каждое движеніе ея было просто и благородно. Легкая насмѣшливость преглядывала въ ея улыбки. Видно было, что это до сихъ поръ было единственное существо, которому не было дѣла до чинной важности Прасковьи Александровны и до ледяной гордости Софьи Николаевны. Ея прелестные, большіе, темноглубые глаза, отънесенные длинными густыми рѣсницами, казалось, говорили: видите ко мнѣ всё, кто любить и отравляетъ, — душа моя для васъ открыта и приметъ въ васъ горячее, живое участіе... Это была Ольга Васильевна Мертова.

Поздоровавшись съ Прасковьей Александровной, которую назвала тетужкой, она съ едва замѣтнымъ принужденіемъ коснулась тонкихъ, блѣдыхъ губъ Софьи, съ улыбкой подаловала Олимпиаду Сергѣевну и дружески обняла Лидію и Михаила Александрыча, которые отвѣчали ей тѣмъ же.

— О васъ я уже слышала, обратилась она ко мнѣ, протягивая мнѣ руку, — и очень рада съ вами познакомиться.

— И такъ, любезная авантюристка, сказала ей Прасковья Александровна съ подавленной колкостью въ голосъ, — ты наконецъ возвратилась въ свой мирный пріютъ. На долго ли?

— Не знаю наизуру. Въ какомъ смыслѣ называете вы меня авантюристкой, любезная тетужка?

— Въ смыслѣ неопытки, искательницы приключеній.

— Я ищу въ жизни не приключеній, — жизнь красна не оди-

ни приключеніями; но я хочу, чтобъ душа моя освѣжалась новыми впечатлѣніями и училась понимать не одну себя. Столкновение съ людьми открываетъ намъ часто глаза на самихъ себя. Это нравственное зеркало, отъ котораго не слѣдуетъ отворачиваться.

— Надо поступать такъ, чтобъ люди не имѣли права говорить о насъ дурно.

— Обо мнѣ дурно говорить? Въ чемъ же обвиняютъ меня? и кому охота заниматься такой невидной, скроенной личностью, какъ ваша покорная слуга?...

— Всякій знаетъ, что ты мнѣ родственница...

— Такъ этишь милымъ вниманіемъ я обязана родству моему съ вами? Какое удобство имѣть богатыхъ и знатныхъ родственниковъ?

Прасковья Александровна, прищуривъ глаза, стала глядѣть въ окно.

— Сорни! сказала она, это кажется вѣдетъ Латухинъ?

— Да, татап, отвѣчала Софья, подходя къ зеркалу и управляя свою пышную прическу.

Михаилъ Александрычъ тихонько напѣвалъ:

Quel honneur!

Quel bonheur!

Ah, monsieur le sénateur!

Ольга Васильевна стала разсматривать работу Лидіи и спрашивать о ея занятіяхъ: на щекахъ у ней горѣлъ живой румянецъ. Видно было, что разговоръ съ теткой заволновалъ ее.

— Кто это Латухинъ? спросила она наконецъ Лидію.

— Сосѣдь нашъ, молодой человекъ.

— И какъ-будто слыхала эту фамилію.

— И онъ слыхалъ о тебѣ.

— Праве? Мнѣ кажется, я припоминаю... Отецъ часто у васъ бываетъ?

— Довольно часто.

— Pour les beaux yeux de mademoiselle Sophie, ни для твоихъ?

Лидія не рѣшалась отвѣчать, изъ страха сказать что-нибудь лишнее. Ольга Васильевна взглянула на меня и симпатично улыбнулась.

При свиданіи съ человекомъ незнакомымъ, Ольга не прива-

мала, официальной мины, выражающей холодную осторожность, страх показаться не такой, какой бы желалось казаться. Въ ея глазахъ не блистала также гордая увѣренность произвести впечатлѣнїе, — она какъ-будто видѣла въ каждомъ человѣкѣ брата. Она говорила о предметахъ серьезныхъ чрезвычайно умно, оригинально, но между тѣмъ каждая дѣльная, мѣткая мысль, счастливое выраженіе будто нечаянно слетали у ней съ языка; обсуживая что-нибудь, она не вынимала изъ своей головы готоваго мнѣнїя, не предлагала его съ самодовольствїемъ, какъ неоспоримую истину, — нѣтъ, по мѣрѣ того, какъ умъ ея обращался на какой-нибудь предметъ, ей овладѣвало желаніе найти истину и вдохновеніе минуты, невѣдно увлекавшее и тѣхъ, кто ее слушалъ, и тѣхъ, кто говорилъ съ ней.

Я слѣдила за каждымъ ея движенїемъ и чѣмъ больше вглядывалась, тѣмъ болѣе она мнѣ нравилась: она какъ-будто хорошѣла каждую минуту... Не одна я смотрѣла на нее, не одна вглядывалась въ это лицо: Латухинъ никогда еще не былъ такъ оживленъ, Михаилъ Александрычъ такъ веселъ, какъ сегодня...

Разговоръ между Латухинымъ, Михаиломъ Александрычемъ и Ольгой болѣе и болѣе принималъ интересное, разнообразное и вмѣстѣ серьезное направленїе. Жаль, что я не могу перелать этого разговора такъ, чтобы сохранить всю прелесть и живость его. Въ воспоминанїи на бумагѣ отъ него останется одинъ голый остовъ. — Они говорили о природѣ, объ обществѣ, о ея направленїи, о недостаткѣ воспитанїя у насъ женщинъ. Ко всѣмъ этимъ предметамъ Ольга подводила своихъ собесѣдниковъ будто шутя, незамѣтно; но видно было, что не шутяла она словомъ, не было оно для нея игрушкой или средствомъ щегольнуть; нельзя было ожидать отъ нея, что сегодня она думаетъ такъ, а завтра будетъ думать иначе, безъ всякой причины. Не было въ ней и этого вертлявого кокетства ума, который заставляетъ ловить себя, угадывать, не вѣрить...

Софья нахмурилась, Лидїя робко прислушивалась.

По случаю короткихъ осеннихъ дней, обѣдали рано. После обѣда проглянули лучи солнца. Это выманило всѣхъ на террасу. Ольга закурила папиросу. Олимпиада Сергѣевна сдѣлала осуждающую мину... Ольга улыбнулась и, протягивая ей свою папиросницу, спросила, не хочетъ ли она курить?

— О, нѣтъ! воскликнула та съ какимъ-то ужасомъ, — Прасковья Александровна этого терпѣть не можетъ...

— Вы только по этому не курите?

— Я сама не люблю; нахожу это...

— Неприличнымъ?

— Излишнимъ...

— Ну, это немного легче, сказала Ольга, смѣясь.

Послѣ этого она откинулась на спинку кресла и задумалась, устремивъ взоръ на дальній ландшафтъ.

— Ваши мысли не здѣсь, не съ нами, сказалъ Латухинъ, подходя къ ней.

— Я право и сама не знаю, гдѣ онѣ, отвѣчала она съ своей ласкающей улыбкой. — Подчасъ онѣ берутъ волю и летятъ Богъ вѣсть куда, безъ моего вѣдома.

— Я вамъ завидую, — мнѣ кажется, у васъ такъ много пріятныхъ воспоминаній.

— Почему же непременно пріятныхъ?

— Потому что непріятныя у всякаго есть...

— Нѣтъ, мнѣ кажется, такого человѣка, у котораго не блестяла бы хоть одна свѣтлая точка въ прошедшемъ.

— Можетъ быть, для васъ она блеститъ въ настоящемъ или въ будущемъ, — это еще лучше.

Она улыбнулась и не отвѣчала.

— *M-me Lise!* обратилась она неожиданно ко мнѣ, дайте мнѣ вашу руку; у васъ такая маленькая, стройная рука, что мнѣ пришла фантазія пожать ее. Знаете ли что? продолжала она, помолчавъ, — какъ бы хорошо было въ такой чудесный вечеръ проѣхаться... Отправнитесь кататься или лучше всего побѣдемъ ко мнѣ пить чай. Какъ думаетъ объ этомъ почтенное общество? *Sophie!* ты вѣрно вспомнила Италію и... твои впечатлѣнія въ этой странѣ любви и поэзіи?

Собоя, которая тоже задумалась о чѣмъ-то, быстро обернулась при этихъ словахъ и мнѣ показалось, что она вспыхнула, а можетъ быть и холодный осенній воздухъ разрумянилъ ей лицо.

— *Chère Sophie!* Что ты думаешь о сейчасъ сдѣланномъ мною предложеніи ѣхать пить чай ко мнѣ?

— Надо спросить татап.

— Спроси, да хорошенько, такъ чтобъ она позволила.

Софья ушла къ матери.

— Ты, дядя Мишель, не откажешься сдѣлать мнѣ удовольствіе посѣтить меня, и вы тоже, Викторъ Павлычъ?

Тотъ и другой изъявили согласіе.

Впродолженіе всего этого разговора, она не выпускала моей руки и такъ ласково, такъ магнетически, такъ граціозно водила по ней своей бѣлой, нѣжной, маленькой ручкой... Ея взглядъ нѣсколько разъ встрѣчался съ моими глазами и выраженіе его всякій разъ становилось очаровательнѣе. Какое-то глубокое, нѣжно-грустное чувство охватывало мнѣ душу отъ этого взгляда, отъ этого прикосновенія, будто магическая сила покрывала меня: я готова была зарыдать и, бросившись къ ней на грудь, высказать ей всю душу.

— Вы не уйдете отъ насъ скоро; вы пробудете не короткій срокъ въ здѣшней сторонѣ? скажана я почти съ увлеченіемъ.

— Это смотря, какъ и что меня задержитъ.

— О, дай Богъ, чтобы васъ задержало здѣсь что-нибудь!

Она улыбнулась, встала и ушла въ гостиную. Олимпіада Сергѣвна посмотрѣла ей вслѣдъ очень недоброжелательно.

— Какъ она мила! сказала, Михайлъ Александрычъ, будто отвѣчая на этотъ взглядъ.

Олимпіада Сергѣвна произнесла неясный звукъ и отвернулась.

— За что вы не любите Ольги, кузина?

— За чтожъ мнѣ не любить ея? Что вы придумываете?

— Да вы такъ немилостиво смотрите на нее.

— Ахъ, Боже мой! и не воображала.

— А какъ она умна, не правда ли?

— Начиталась и говорить, что вычитала.

Михайлъ Александрычъ засмѣялся.

— Вы вѣдь тоже много читали, кузина.

— Я читала съ пользой, я не увлекалась пустыми идеями.

— Что вы называете пустыми идеями?

— Ахъ, оставьте меня пожалуйста! — это длинный и скучный разговоръ...

— За что же вы на меня-то гнѣдаетесь?

— И не думаю!

— Да, виновать! вѣдь я имѣю несчастье принадлежать къ ненавистой для васъ породѣ мужчинъ...

— Развѣ Олимпиада Сергѣевна ненавистница мужчинъ? спросилъ Латухинъ. — Я и не зналъ этого.

— Это Михайлу Александрычу такъ угодно было придумать. Онъ все преувеличиваетъ. Я говорила и всегда говорю, что мужчинамъ нельзя довѣрять, а онъ заключилъ изъ этого какую-то ненависть.

— Я вполне согласенъ съ вами, сказалъ Михайлъ Александрычъ насмѣшливо, — только женщинамъ можно и должно вѣрять...

— Мужчины довѣряютъ только кокеткамъ.

— Вы не кокетка, кузина?

— Никогда не была такой! Я была не понята, не разгадана, мои поступки не такъ перетолковывали...

Разговоръ этотъ былъ прерванъ сборами къ отъѣзду. Черезъ полчаса ѣзды открылась усадьба Ольги Васильевны. Небольшой, но густой кудравый садикъ осыпалъ маленькій деревянный дощикъ съ террасой. Въ саду протекала рѣчка, въ которой запруда образовывала: посрединѣ сада разливъ воды, который можно было принять за небольшое озерко или прудъ, въ которомъ, какъ въ зеркалѣ, отражались и домикъ, и деревья. Отъ дома по зеленому скату росла роца вишенъ, между которыми возвышались старыя, вѣтвистыя яблони, волубожающныя отъ листьевъ. Передъ самыми воротами двора разстилались выжатыя поля, а за ними березовый лѣсокъ. Когда мы подѣхали, на крыльцѣ стояла старушка. Физиономія этой старушки была до того пріятна и носила печать такой сердечной доброты, что такъ и нарисовалъ бы ее въ ея душегрѣйкѣ и темномъ платочкѣ, окаймлявшемъ ея улыбающееся, морщинистое лицо.

— Няня! сказала Ольга, выпрыгивая изъ коляски, — къ вамъ пріѣхали гости, приготовь скорѣе чай и все, что нужно.

— Милости просимъ! сказала няня, отвѣчая только на первыя слова и степенно раскланиваясь.

Изъ маленькой, чистой и свѣтлой передней мы вошли въ залъ, окна котораго были такъ заставлены зеленою разныхъ видовъ, что въ немъ цвѣтствовали преждевременныя сумерки. Стѣны были бѣлыя, на нихъ рѣзко выдавались двѣ или три картины довольно большаго размѣра. Въ гостиной была мягкая, покойная мебель, малиновыя занавѣсы на окнахъ; въ одномъ углу стоялъ столъ, заваленный книгами, въ другомъ бюстъ Шекс-

пира, окруженный густой зеленью плюща; на столѣ, передъ диваномъ, взявшею работы лампа и нѣсколько номеровъ русскихъ газетъ и журналовъ.

— Какъ ты можешь бросать надолго и безъ причины такой милый уголекъ, Ольга? сказалъ Михаилъ Александрычъ.

— О, Боже мой! я найду его вездѣ, гдѣ только встрѣчу умныхъ и добрыхъ людей.

— Вы космополитка, Ольга Васильевна, сказалъ Латухинъ, — для васъ нѣтъ родимаго угла, куда бы васъ особенно тянуло? Странно! Здѣсь протекло ваше дѣтство, здѣсь вѣроятно родились ваши первыя недѣтскія думы, первыя мечты, здѣсь...

— Я любила и страдала, хотѣли вы можетъ быть сказать, перебила она, смѣясь.

— Или были счастливы, если вамъ угодно.

— Ну, чтожъ изъ этого? мечты не сбылись, счастье улетѣло, остались одни воспоминанія, — къ чему лелѣять ихъ, если они печальны; къ чему стараться самой развивать нравственный недугъ... Ахъ, я желала бы, чтобы душа моя была свободна отъ безплодныхъ печалей и тяжелыхъ воспоминаній...

— А она еще не свободна, милая Ольга? сказалъ Михаилъ Александрычъ, взявъ ее дружески за руку.

— Кто ее знаетъ? отвѣчала она, нахмуривъ бровки. Все зависитъ отъ случая, отъ минуты...

— Какъ? до сихъ поръ?

— Не тронь кашталевскихъ водъ,
Иль выше всѣ до дна...

отвѣчала она, дѣлая важно-комическую мину. — На такой вопросъ надо отвѣчать или много, или ничего... въ такомъ только случаѣ два сейчасъ мною сказанные стиха не будутъ безсмыслицей.

— Они относятся только къ наукѣ, замѣтила Олимпіада Сергѣевна.

— На этотъ разъ мы примемъ ихъ въ другомъ смыслѣ, сказалъ Михаилъ Александрычъ.

— Нельзя перемѣнять смысла добровольно, возразила Софья, это клеветать на автора.

— Э, моя милая! а сами-то вы и поважнѣе вещи приви-

маете въ другомъ смыслѣ, да еще въ какомъ — въ самомъ ложномъ, превратномъ.

— Какъ это; дядя? сказала Софья, вспыхнувъ.

— Да такъ...

— Однако, напримѣръ?

— Напримѣръ жизнь: та ли должна она быть, какую вы изъ нея сдѣлали? Тебѣ двадцать только лѣтъ, моя милая, а ты благоразумна, какъ старуха...

— Чтожъ, вы хотѣли бы, чтобъ она была неблагоразумна? горячо вскрикнула Олимпіада Сергѣевна.

— Нѣтъ, я не хочу этого въ томъ смыслѣ, какой вамъ угодно придавать моимъ словамъ; — я желалъ бы, чтобы ее побольше радовало и оживляло то, что оживляетъ другихъ въ ея годы. Чтобъ подчасъ душа ея пробуждалась не отъ однихъ звуковъ бальной музыки, улыбалась не однимъ мечтамъ великосвѣтской жизни.

— Конечно! чтобъ она глядѣла почаще на луну, читала одни романы, мечтала о супѣ изъ незабудокъ... и сдѣлала впоследствии какую-нибудь непростительную глупость, — какую-нибудь партію съ докторомъ или съ учителемъ...

— Кузина! кто былъ тотъ деревенскій поэтъ, къ которому вы во время оно были неравнодушны? Онъ не былъ ни докторомъ, ни учителемъ?

Олимпіада Сергѣевна поупуцовѣла.

— Вамъ бы слѣдовало гордиться ею! воскликнула она, торжественно указывая на Софью.

— Боже мой! да развѣ я отрицаю ея достоинства? я вполне цѣню ихъ и уважаю. Но я боюсь, что она не такъ счастлива, какъ бы могла быть. Жизнь ея тянется вяло и скучно.

— Совсѣмъ не скучно и не вяло, — она проходитъ въ полезныхъ занятіяхъ...

— Да этихъ занятій не оживляетъ страсть къ предмету.

— Дядя правъ, сказала Софья; вставая съ мѣста, съ волненіемъ, какого еще я въ ней никогда не замѣчала, — я не имѣю страсти ни къ чему... Я всѣмъ занимаюсь только по убѣжденію, что то или другое занятіе необходимая принадлежность порядочнаго образованія; но я ли виновата, что мнѣ никто не могъ или не хотѣлъ внушить этой страсти! Взамѣвъ этого у меня есть правила, съ которыми я могу прожить безукоризненно,

— Какъ это хорошо, милая Sophie! сказала Ольга, въ первый разъ обративъ къ ней дружелюбное лицо, — храни ихъ, со временемъ они приготовятъ для тебя спасительную борьбу, въ которой душа твоя окрѣпнетъ и разовьется.

— Но если эти правила ложны, если они только одна сухая, голая буква, — къ чему поведутъ они? сказалъ Михаилъ Александрычъ.

— Изъ буквы, со временемъ и вслѣдствіе обстоятельствъ, можетъ вылиться смыслъ, отвѣчала Ольга.

— Да времени уйдетъ много и бесплодно...

— Полно, дядя Мишель! прочь серьезныя разсужденія, — поданъ чай, давайте болтать и смѣяться, сказала Ольга.

Всѣ вышли въ залъ. И въ первый разъ еще я была на такъимъ веселомъ чаемъ. Какъ ни дулась Олимпиада Сергѣевна, она нисколько не нарушила общаго одушевленія. Сама Софья была особенно оживлена и будто похорошѣла въ этотъ вечеръ. Что касается до меня, я забыла свое положеніе, свою печальную долю, забыла еще въ первый разъ со времени вступленія моего въ домъ Прасковьи Александровны. Тутъ я чувствовала себя равной имъ всѣмъ, веселой, оживленной. Я говорила, смѣялась, шутила.

И въ этотъ сентябрьскій вечеръ, когда на дворѣ стояла уже ранняя, хмурая ночь, на меня вѣяло будто весенней теплотой и въ душу проникали солнечныя лучи. Въ этомъ домикѣ говорилось такъ легко, думалось такъ отрадно, что казалось темная грусть не смѣла касаться его.

Послѣ чаю, около няни, убиравшей со стола, будто изъ земли выросли двѣ красивыя дѣвочки въ ситцевыхъ сарафанчикахъ съ пышными рукавами бѣлыхъ какъ снѣгъ сорочекъ. Вкусъ Ольги Васильевны къ изящной, опрятной простотѣ проглядывалъ во всемъ.

Одна изъ дѣвочекъ подошла къ Ольгѣ съ улыбающимся, дѣтски-яснымъ лицомъ, на которомъ не видѣлось ни страха, ни дочтительнаго трепета.

— Ольга Васильевна! сказала она, коханка-то прибѣжала.

— Неужели! отвѣчала Ольга, оборачиваясь къ ней съ большимъ интересомъ, не смотря на то, что разговаривала вполголоса и озабоченно съ Михайломъ Александрычемъ, — дади ли ему поѣсть?

— Какже, дали-съ.

— Ну, хорошо. Это старая, дворная собака, обратилась Ольга къ намъ, — она пропадала со вчерашняго дня; мы думали, что ее волки съѣли, и очень горевали.

Однако какъ ни весело, какъ ни пріятно намъ было, а все таки пришло время ѣхать домой. Выѣхали мы въ десятомъ часу вечера. Ночь была темная. Дамы трусили, въ особенности Софья.

— Sophie! сказала Ольга, — тебѣ безопаснѣе бы было помѣститься въ коляску Виктора Павлыча и ѣхать позади.

Эти слова были для Латухина поводомъ просить Софью вслѣдовать доброму совѣту. Послѣ легкаго колебанія, она согласилась.

Видно и въ большомъ свѣтѣ приличія откладываются въ сторону, когда дѣло идетъ о богатомъ женихѣ.

Когда мы усаживались въ экипажи, Ольга стояла на крыльцѣ съ своей пляшей, у которой было въ каждой рукѣ по свѣчѣ. Ея лицо, озаренное трепетнымъ свѣтомъ огня, казалось блѣднымъ и грустнымъ; въ голосѣ ея мало по малу гасли веселыя ноты... и послѣднія слова ея и прощанье звучали уже какимъ-то подавленнымъ страданіемъ...

— Миѣ кажется, я угадываю впечатлѣніе, произведенное на васъ Ольгой, сказали миѣ дорогій Михаилъ Александрычъ, — эта великобница очаровала васъ.

— Да, признаюсь. Миѣ кажется, ея нельзя не любить.

— Не любить ея нельзя, но, я думаю, влюбиться трудно.

— Почему это? спросила я. — Не говорила ли Софья Николаевна, что всѣ друзья влюблены въ нее.

— Это неправда; миѣ кажется, ее можно любить, какъ все прекрасное, какъ солнечный лучъ, какъ звѣзду на небѣ...

— Не притворяйтесь — вы первый къ ней неравнодушны; зашѣтила Олимпиада Сергѣевна.

— Я? отвѣчалъ Михаилъ Александрычъ, честное слово — нѣтъ. Я никакъ не могъ бы влюбиться въ Ольгу.

— Почему же, дядя? спросила Лидія.

— Ахъ, ша сѣте, можно ли въ ваши годы вѣшиваться въ такіе разговоры! сказала Олимпиада Сергѣевна.

— Это однако странно, кузина, что вы не даете Лидіи говорить...

— Я только замѣтила...

— Потому, моя милая, заговорилъ онъ, что мало того, чтобъ женщина была умна, хороша, прелестна, — нужно, чтобъ въ ея присутствіи душа замирала и сердце билось сильнѣе обыкновеннаго; чтобы въ ней самой говорила любовь и вызывала на любовь. Любовь свободна и капризна. Есть русская пословица, которая удивительно вѣрно выражаетъ этотъ капризъ любви: не по хорошу милъ, а по милу хорошъ бываетъ человекъ...

Въ голосѣ его слышалось волненіе; умокнувъ, онъ подавилъ вздохъ. Мнѣ стало жаль его: необъяснимая, сладкая грусть овладѣла мной. Я подумала о томъ, какъ онъ вѣроотно любилъ и какъ снотлива была та, которую онъ любилъ... Но сердце мое не билось и душа не замирала; напротивъ, мнѣ было легко и свободно въ его присутствіи.

Сегодня утромъ много судили здѣсь объ Ольгѣ.

— Я не отнимаю отъ нея нѣкоторыхъ достоинствъ и ума, говорила Прасковья Александровна; но, признаюсь, свобода ея мнѣншій и поступковъ ужасаетъ меня.

— Да объясни пожалуйста, какіе собственно поступки осуждаешь ты? спросилъ Михаилъ Александрычъ.

— Во-первыхъ то, что она живетъ одна, уѣзжаетъ одна, куда вздумаетъ, не отдавая никому отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, не прибѣгая за совѣтами къ старшимъ. Постоянно въ мужскомъ обществѣ; знакома со всѣмъ сбродомъ. Говоритъ и проповѣдуетъ о такихъ вещахъ, о которыхъ дѣвушка и судить неприлично; на примѣръ ты знаешь эту скандальную исторію съ Кавановой, — что же? она третьяго дня, при гостяхъ, стала ее жарко оправдывать и недѣльными софизмами доказывать, что она не виновата. Женщина бѣжала отъ мужа — и невиновата! Положимъ, что мужъ ея *mauvais sujet*, да мало ли женщинъ живутъ и терпятъ все. Я говорю, что можно бы было Кавановой все устроить и сохранить приличіа... Дѣтвоя Ольга, забывъ всякую вѣжливость, стала со мной спорить, — со мной, которая и старѣе, и опытнѣе, да и не глупѣе ея, — что Каванова не должна была обманывать, по чувству, — извольте ли видѣть, — высокой нравственности, ни себя, ни мужа... И вообще — то ея

не слѣдовало бы вступать въ такой разговоръ. Я дочерей принуждена была удалить изъ комнаты.

— Ольга не дорожитъ пустыми толками. Она ищетъ только уваженія тѣхъ, кого она знаетъ и любитъ. И ее любятъ всѣ, кто ее знаетъ... сказалъ Михаилъ Александрычъ съ твердостью.

— Я бы давно прекратила съ ней всякія сношенія, еслибъ не родство.

— Полно, не это только... Ты боишься ея рѣзкости, ея гнѣва.

— Я?... а впрочемъ можетъ быть. Я не хочу раздражать такую сумасшедшую, вспыльчивую дѣвчонку, готовую наговорить дерзостей, не стѣняясь ни мѣстомъ, ни временемъ.

Видно было, что Михаилъ Александрычъ не хотѣлъ продолжать разговоръ объ этомъ предметѣ; онъ отвѣчалъ разсѣянно и дѣшнво.

Въ это время пріѣхала Ольга. Она пробыла недолго, выбравъ вѣсколку англійскихъ книгъ изъ библіотеки и уѣхала, сопровождаемая Михаиломъ Александрычемъ. Уѣзжая, она сказала мнѣ, что на дняхъ пріѣдетъ и увезетъ меня къ себѣ гостить.

Послѣ обѣда вѣзжала ко мнѣ Лидія блѣдная, взволнованная.

— Лиза! Лиза! вскричала она вадыхаясь, — Дорельскій пріѣхалъ.

— Неужели?

— Право пріѣхалъ. Ахъ, какое счастье!

Дорельскій въ самомъ дѣлѣ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Латухинымъ. Лидія едва собралась съ духомъ, чтобъ выйти въ гостиную. Дорельскій тоже былъ взволнованъ, но старался скрыть свое волненіе. Мы скорѣ узнали, что онъ поступаетъ на службу въ нашъ городъ чиновникомъ особыхъ порученій. Надобно было видѣть блистающіе блаженствомъ взгляды, которые бросала на меня Лидія при этомъ извѣстіи. Дорельскій былъ счастливъ и оживленъ; за то Латухинъ былъ задумчивъ и разсѣянъ. Онъ будто ждалъ кого-то, взоръ его съ безпокойствомъ устремлялся въ глубь амфилады комнатъ; Софья была къ нему особенно внимательна; она напомнила ему его обѣщаніе читать вмѣстѣ Гоголя; онъ извѣялся, что до сихъ поръ не успѣлъ этого сдѣлать.

— Ольга имѣетъ полное собраніе его сочиненій, сказала

Софья, я не знаю, гдѣ она беретъ средствъ выписывать столько книгъ. Она не богата.

— Можетъ быть она дѣлаетъ себѣ меньше платьевъ, чѣмъ сдѣлала бы другая на ея мѣстѣ, отвѣчала Латухинь.

— Правда, ея туалетъ очень не разнообразенъ.

— Зато вашъ очень разнообразенъ; я рѣдко вижу на васъ одинъ и тотъ же нарядъ.

— Я не люблю мундировъ, сказала она, смѣясь.

— Будто? съ которыхъ поръ?

— Не помню... кажется съ тѣхъ поръ, какъ получила о нихъ ясное понятіе.

— Михаилъ Александрычъ уѣхалъ? спросилъ меня Латухинь, садясь возлѣ меня за чайный столъ.

— Онъ поѣхалъ проводить Ольгу Васильевну.

— Давно?

— Да еще до обѣда.

— Чтожъ вы не поѣхали съ ними? Ольга Васильевна съ перваго раза показала къ вамъ столько симпатіи.

— Меня не пригласили.

При этихъ словахъ я замѣтила легкое измѣненіе въ его всегда спокойныхъ чертахъ. Онъ задумался и чайной ложечкой сталъ разводить по столу узоры.

— Здѣсь жарко сегодня! сказалъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

— Я не нахожу, отвѣчала я, невольно улыбаясь на тайную мысль, промелькнувшую у меня въ головѣ.

— Отчего полковникъ такъ давно не былъ здѣсь?

— Развѣ я обязана знать причину его частыхъ или рѣдкихъ посѣщеній?

— Ай, ай! какая вы раздражительная!

Я засмѣялась.

— А я такъ васъ нахожу сегодня престраннымъ.

— Меня? что жъ во мнѣ страннаго?

— Да ужъ то, что вы разговариваете со мной.

— Кто жъ виноватъ? Вы всегда сидите въ уголку и не обращаете ни на кого вниманія.

— А мнѣ такъ кажется, что на меня не обращаетъ никто вниманія.

— Вотъ прекрасно! Вы ошибаетесь.

— Очень приятно так ошибаться, сказала я, шутя.

Онъ засмѣялся въ свою очередь. Въ эту минуту вошелъ Михайлъ Александрычъ и за нимъ Ольга. Глаза мои встрѣтились съ глазами Матухина; онъ вслыхнулъ, я тоже, Богъ знаетъ, отъ чего...

Вскорѣ пріѣхали и Мигаловы; они привезли съ собой племянника, прибывшаго къ нимъ погостить изъ Петербурга. Онъ еще прежде, за нѣсколько дней, сдѣлалъ утренній визитъ Кризельскому, но Прасковья Александровна не было дома; его принялъ Михайлъ Александрычъ и пригласилъ, отъ имени всего семейства, бывать у нихъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ петербургскихъ молодыхъ людей, которые въ провинціи, за неимѣніемъ другихъ достоинствъ, хотятъ блистать своей небрежно-холодной манерою, французскимъ языкомъ, разговоромъ объ оперѣ и стеклышкѣ въ глазу. Софья и мать ея встрѣтили его, какъ одноземца на чужбинѣ; Ольга разсматривала его, какъ вещь, и нѣсколько разъ заставила ноѣжаться передъ своимъ спокойнымъ, наблюдательнымъ взоромъ.

— Пойдемте, Лиза, сказала она, уведи меня изъ гостиной. — эти длинные ногти и вся кукольная его фигура возбуждаютъ во мнѣ тошноту. Право, продолжала она, я не ручаюсь, что при первомъ удобномъ случаѣ не скажу ему чего-нибудь непріятнаго и тѣмъ надѣлаю неудовольствія Sophie и тетускѣ, которыя кажутся отъ него въ восторгѣ.

— Вамъ часто приходилось въ жизни отдѣлываться тѣхъ, кто вамъ не нравится?

— Не разъ, не два, и такихъ франтиковъ, какъ этотъ, и получше его.

— У васъ значить есть враги.

— Вѣроятно, но я что-то не вѣрю во вражду. Есть люди, которые не любятъ меня, но я не думаю о нихъ. Мнѣ кажется, они бессильны вредить мнѣ.

— Все же бы лучше не раздражать ихъ...

— Не могу, это выше силъ моихъ. Для меня нѣтъ больше наслажденія, какъ дать знать подлецу, что я понимаю, что онъ подлець, и надутому спѣсивцу, что я считаю его смѣшнымъ и глупымъ... Всею виной проклятая вспыльчивость. И въ самомъ дѣлѣ, какое я имѣю право осуждать другихъ, когда сама такъ полна недостатковъ! Но горько видѣть, какъ еще сильно про-

цвѣтаеть зло въ нашемъ обществѣ... Вы говорите, Лиза, что у меня есть враги, продолжала она, помолчавъ, но зато у меня есть и друзья. Я могу обратиться къ нимъ въ минуту горя и невзгоды съ увѣренностью, что найду привѣтъ и участіе; но главное для меня, — это чувствовать, что и я въ свою очередь не бесполезна для нихъ: найдеть ли на кого изъ нихъ припадокъ душевнаго безсилія, поразитъ ли печаль, темная ли хандра набѣжить тяжелой тучей, я чувствую, что въ такія минуты никто, кромѣ Ольги, не утѣшитъ, не развеселитъ, не успокоитъ ихъ. Ихъ тайны для меня священны, ихъ интересы близки моему сердцу...

Къ намъ подошла Лидія. Ольга съ улыбкой глядѣла на ея оживленное лицо.

— Что, птичка, сказала она Лидіи, лаская ея шелковистыя кудри, — почувала весну?

— Теперь осень... отвѣчала та, смущаясь.

— Правда ли полно? Можетъ быть, это кажется только намъ. Лидія не любитъ меня, прибавила Ольга, обращаясь ко мнѣ... и не мудрено: она составила обо мнѣ понятіе по словамъ другихъ. А какъ я люблю тебя, милое дитя, какъ желала бы видѣть тебя счастливою!

— Съ чего ты взяла, Ольга, что я не люблю тебя? Я тебя очень люблю, я молюсь за тебя...

— О чемъ же ты молишься за меня, другъ мой?

— Чтобы Богъ обратилъ тебя, отвѣчала Лидія, робко оглядываясь, — говорятъ, ты въ церкви рѣдко бываешь и не исполняешь обрядовъ,

Ольга глядѣла на нее съ величайшимъ изумленіемъ.

— Другъ мой! заговорила она послѣ нѣкотораго молчанія какъ-то грустно и покорно, — я выше всего чту ученіе Христа и уважаю все, что было предметомъ святаго поклоненія для столькихъ вѣковъ и народовъ... Я бываю въ церкви, приобщаюсь, исповѣдуюсь. Спроси няню...

Мы подошли къ карточному столу, за которымъ волей-неволей играли въ карты съ Мигаловымъ Михаилъ Александрычъ, Латухвиъ и Дорельскій. Эта партія была устроена по желанію Прасковьи Александровны.

Потомъ мы остановились ненадолго въ гостиной, гдѣ шолъ жаркій разговоръ между Софьей и прѣзвѣнныиъ, кажется объ

игрѣ французскихъ актеровъ и ловкости парижанокъ, и прошли съ Ольгой въ диванную. Лидія чрезвычайно интересовалась игрой и осталась возлѣ карточного стола.

Ольга деликатно начала со мной разговоръ о моемъ положеніи и намѣреніи поступить въ гувернантки и говорила много умнаго, задушевнаго.

Я не знаю, о чемъ вчера такъ долго говорила Олимпіада Сергѣевна вполголоса съ Прасковьей Александровной, только въ ея жестахъ и минахъ было что-то таинственное, зловѣщее. Я сидѣла въ залѣ противъ дверей и не могла не обратить вниманія на страннѣйшій шопотъ старой дѣвы, лицо которой, будто притягиваемое магнетизмомъ, поминутно оборачивалось въ мою сторону. Неужели она говорила обо мнѣ? И что могла она говорить? Впрочемъ какое мнѣ дѣло? Пусть онѣ изрекаютъ мнѣ свой судъ, — я останусь вѣрна самой себѣ. Совѣсть моя покойна: я ничѣмъ не оскорбила ихъ, ничего не сдѣлала такого, чтобы могло показаться имъ неблагодарнымъ или неприличнымъ. Одно только сближеніе съ Ольгой имъ не правится. Прасковья Александровна всячески намекаетъ мнѣ на это; но подчиниться имъ въ этомъ случаѣ я не могу. Пусть выгонятъ меня, если угодно, я теперь не боюсь ничего: Ольга всегда дастъ мнѣ пріютъ у себя.

Бѣдная Лидія! чувства ея замѣчены; теперь сторожить ее строгій аргусъ въ лицѣ Олимпіады Сергѣевны, которая чрезвычайно искусно мѣшаетъ Дорельскому приближаться къ ней. Самой Лидіи никто объ этомъ не намекаетъ. Она жалуется мнѣ на тетку, не подозревая въ ея поступкахъ ничего преднамѣреннаго. Но милая дѣвушка такъ счастлива присутствіемъ дорогаго ей человѣка, что переноситъ терпѣливо эти тонкія преслѣдованія.

Казановы пріѣзжали вчера. Михаилъ Александрычъ былъ до крайности любезенъ и внимателенъ къ старшей Казановой. Она гордилась этимъ и разцвѣла. Вчера она была очень хороша. Голубой цвѣтъ шолъ къ ней уливательно. Съ лица сбѣжало выраженіе утомленія и скуки. Холодно и разсчитанно-ко-

кетливая, она можетъ увлечь воображеніе мужчины, подлстить его самолюбію и заставить подумать, что пріятно имѣть такую красивую, ловкую жену. Одна только Ольга не терпала въ ея присутствіи. Ея стройная фигура въ простомъ темномъ платьѣ, ея граціозная головка, непринужденность и простота манеръ производили такое впечатлѣніе, какое производилъ бы букетъ живыхъ ландышей возлѣ пышной, вѣддѣльной розы... Михаилъ Александрычъ говоритъ, что ее можно любить, какъ ясный лучъ, какъ звѣзду на небѣ, какъ звуки музыки, — не знаю, то ли думалъ вчера Латухинъ, слѣдя украдкой взорами за каждымъ ея движеніемъ, блѣднѣя при ея приближеніи... Нѣтъ, мнѣ кажется, онъ думалъ: какъ будетъ счастливъ тотъ, кого она полюбитъ и какъ бы онъ желалъ быть на мѣстѣ этого счастливца...

Ольга была грустна и разсѣянна. Она подошла ко мнѣ, когда я говорила съ Латухинымъ, не помню о чемъ.

— Я вамъ не помѣшаю? спросила она.

— Нисколько, отвѣчала я, улыбаясь.

Въ это время подошелъ Михаилъ Александрычъ, взялъ Ольгу за руку и увелъ ее отъ насъ, не говоря ни слова. Латухинъ сдѣлалъ ветерпѣливое движеніе.

— Сегодня онъ опять поѣдетъ провожать ее? спросилъ онъ меня съ насмѣшливой досадою.

— Такъ что же? онъ ей родня.

— Такая родня, за которую можно выйти замужъ.

— Это была бы прекрасная партія для Ольги Васильевны.

— Значитъ, тутъ не одна простая дружба?

— Ктожъ это знаетъ?

— Будто вы не знаете?

— Столько же, сколько и вы.

— Она не будетъ съ нимъ счастлива...

— Будетъ.

— Вы въ этомъ такъ увѣрены? Вамъ было бы очень весело на ихъ свадьбѣ?

— А вамъ развѣ было бы невесело?

— Мнѣ всегда бываетъ скучно на свадьбахъ.

— Я никогда еще не была на свадьбѣ.

— Очень интересно видѣть обстановку этой страшной лотереи, гдѣ человѣкъ вынимаетъ билетъ чуть не на жизнь или смерть. Охота людямъ дѣлать это публично и торжественно.

Если я когда-нибудь задумаю жениться, то обвѣнчаюсь такъ глго, чтобы не было ни одного посторонняго зрителя моего будущаго счастья или несчастія цѣлой жизни.

Олимпиада Сергѣевна приближалась къ намъ при этихъ словахъ медленными и величественными шагами. Мы прекратили разговоръ, во избѣжаніе ея неприятнаго вмѣшательства.

Латухинъ уѣхалъ раньше всѣхъ и не въ духѣ.

Я уже другой день гошу у Ольги. Вчера вечеромъ у нея собрался небольшой кружокъ, въ которомъ въ первый разъ не присутствовали дѣвицы Кринельскія съ чопорной своей надзирательницей. Къ чаю пріѣхали Латухинъ, Михаилъ Александрычъ, Дорельскіи, еще ближайшая сосѣдка Ольги, небогатая помѣщица, съ мужемъ, котораго смѣшная, оригинальная физиономія выражала доброту, да гувернантка Мигаловыхъ, давнишняя знакомая Ольги. Это была худая, блѣдная, черноглазая дѣвушка уже не первой молодости, съ правильными чертами лица, съ тонкими губами, придававшими ея физиономіи выраженіе скрытой, подавленной энергіи. — Тутъ былъ также худенькій, маленькій, сѣдой старичокъ, считавшій себя молодымъ, очень живой и подвижный, съ претензіями правиться и пѣнять; голубые глазки его сохранили еще юношескій блескъ, манеры его были изысканны, рѣчи сентиментальны и однообразны; женщины исключительно поглощали его мысли и интересы. Онъ судилъ о нихъ, какъ юноша XVIII вѣка; смотрѣлъ на нихъ, какъ на воздушныхъ, легкія, прелестныя созданія, цѣль существованія которыхъ одинакова съ цѣлью существованія русалокъ, то есть дразнить, очаровывать и мучить мужчинъ. Съ настроеннымъ такимъ образомъ воображеніемъ, онъ приближался къ каждой женщинѣ, будто къ сказочной волшебницѣ, съ легкимъ трепетомъ сладкаго страха, что вотъ, дескать, сейчасъ она обольститъ меня, очаруетъ и сыграетъ какую-нибудь нило-алую штучку за доставленное наслажденіе. Онъ былъ хорошо знакомъ съ покойнымъ отцомъ Ольги и пріѣхалъ съ ней повидаться изъ губернскаго города. Ольга была съ нимъ любезна, шутила и подчасъ украдкой зѣвала отъ его ухаживанья. Не было никакой возможности направить его умъ на пониманіе

чего-нибудь болѣе дѣльнаго и глубокаго. Онъ былъ счастливъ своими готовыми понятіями и все прочее казалось ему китайской грамотой, о которой не стоило труда заботиться.

— Да, да, твердилъ старичокъ, въ сотый разъ послѣ многихъ умныхъ и острыхъ возраженій Ольги, которой подъ конецъ надоѣло съ нимъ спорить. Прочіе гости въ другой комнатѣ вели серьезный, политическій разговоръ, а Михаилъ Александрычъ читалъ какой-то журналъ. Споръ съ Андреемъ Осипычемъ поддерживала одна Марья Дмитревна, сосѣдка, и не соглашалась съ нимъ ни въ чемъ.

— Да, говорилъ онъ, женщины непостоянны, хитры; онѣ не могутъ любить истинно, какъ любятъ мужчины... Да вотъ, обратился онъ къ вошедшимъ въ это время Латухину, Дорельскому и Тихону Семенычу — мужу Марьи Дмитревны, эти господа вѣрно подтверждать мои слова.

— Я съ вами согласенъ, сказалъ Тихонъ Семенычъ, — между женщинами ни одной нѣтъ постоянной.

— Охъ, ужь ты, постоянный человѣкъ! воскликнула Марья Дмитревна.

— Ни одной постоянной! горячо подтвердилъ Андрей Осипычъ.

— Ужь ты-то не суйся, Христа ради, молчи ужь лучше! Наживи другую жену, да и разсуждай.

Семень Тихонычъ засмѣялся вмѣстѣ съ другими.

— Вотъ все этакъ нападаетъ! Что будешь съ бабами дѣлать? Вспомнишь Сократа и смиришься.

Марья Дмитревна или не вслушалась, или не имѣла понятія о Сократѣ и его женѣ, только она ничего не возразила на эту выходку и стала собираться домой, говоря, что ей нужно еще по дорогѣ заѣхать къ больной попастьъ.

Катерина Петровна, гувернантка Мигаловыхъ, посмотрѣла на нѣмъ вслѣдъ съ насмѣшливой улыбкой.

— Вотъ примѣръ счастливаго супружества, сказала она.

— Этотъ примѣръ еще не изъ дурныхъ, возразилъ Михаилъ Александрычъ, который оставилъ книгу и присоединился къ намъ. — Эти люди счастливы по своему. Хотя обращеніе ихъ между собой бываетъ рѣзко и грубо, но въ немъ все-таки проглядываетъ дружеская привычка и искреннее расположеніе. За немоги Семень Тихонычъ, также Марья Дмитревна будетъ прося-

жить ночью у его постели и обливаться слезами при мысли о его смерти.

Андрей Осипычъ, во все время разговора, притихъ и удалился въ уголокъ. Къ удовольствію его, появленіе Ольгиной нами, пришедшей ей сказать, что занемогла какая-то простая женщина, переѣнило направленіе разговора.

— Вы занимаетесь медициной? спросилъ Латухинъ уходящую Ольгу.

— Я порядочный практикъ по этой части. Доктора не всегда можно имѣть, а болѣзни простолюдиновъ по большей части не сложны. Они рѣдко страдаютъ нервами, хандрой и желчью.

— За то они часто страдаютъ положительнымъ горемъ, безвыходной нуждой и печалью.

Ольга глубоко вздохнула.

— Знаете что, мнѣ совѣстно быть счастливой, когда я объ этомъ думаю; совѣстно пользоваться всѣми этими удобствами, сказала она, показывая на свои комнатки. Мнѣ вездѣ и всюду слышатся страданія... Это отравляетъ мнѣ жизнь.

— Будемъ надѣяться на лучшее время...

— А покуда сдѣлаемъ все, что отъ насъ зависить; облегчимъ тѣхъ, кого можемъ и на сколько у насъ достанетъ средствъ и силъ, сказала она, бросивъ на Латухина глубокій, симпатичный взглядъ.

— Что вы думаете о Латухинѣ? спросилъ меня Михаилъ Александрычъ.

— Мнѣ кажется, онъ хорошій, добрый человѣкъ.

— Да, у него простая, честная душа. Ольга была бы съ нимъ счастлива.

— И не одна Ольга; Софья Николаевна была бы тоже съ нимъ счастлива.

— За то онъ не былъ бы счастливъ. А вы? спросилъ онъ меня неожиданно, вы были бы съ нимъ счастливы?

Я смутилась.

— Право не знаю, отвѣчала я.

— Да вѣдь вы сами же говорите, что онъ хорошій, добрый человѣкъ.

— А помните, что вы сами говорили, будучи отъ Ольги въ первый разъ послѣ ея приѣзда сюда?

— Не помню право... Потрудитесь припомнить.

— Я была уверена, что онъ помнитъ, судя по выраженію его лица. Я повторила его тогдашнія слова.

— Вамъ не грустно, не задумно видѣть влюбленныхъ? спросилъ онъ.

— Я улыбаюсь и медлила отвѣчать.

— Я берегу свое сердце во здравіе разсудка, сказала я наконецъ.

— Но любовь даетъ силы...

— Она можетъ остановить меня на избранной дорогѣ и сдѣлать ее еще тяжелее...

— Но вы не вправѣ убавать въ себя все живое, свѣтлое, молодое... Вы не должны...

Мной вдругъ овладѣло мучительное чувство тоски и безнадежности. Жизнь повѣяла на меня холодомъ. Слезы неожиданно выступили у меня на глазахъ.

— Вправѣ или нѣтъ, сказала я звонившимъ голосомъ, но я пойду, куда ведетъ меня судьба.

— Я навелъ на васъ грусть неосторожнымъ словомъ, сказалъ онъ съ участіемъ. Простите меня... Я не долженъ касаться этихъ деликатныхъ струнъ вашего сердца. Я для васъ слишкомъ чужой чужовѣкъ... Я какъ будто спрашиваюсь на вашу старовенность...

— Вы нарочно меня мучите такими словами, возразила я съ досадою, вы знаете, чѣмъ я вамъ обязана и какъ я глубоко васъ уважаю...

— Ну, не сердитесь же, сказалъ онъ, смѣясь съ улыбкой за моей вспыхнувшей выходкой и дружески пожавъ мою руку.

Вскорѣ воротилась Ольга. Отъ нея вѣяло свѣжимъ воздухомъ, щека раскраснѣлась, прическа смаялась. Латухинъ спрашивалъ ее о состояніи больной, а самъ смотрѣлъ на нее восторженнымъ, страстнымъ взоромъ. Глаза Ольги встрѣтились съ его глазами и поймали этотъ взоръ. Выраженіе грусти, будто легкая тѣнь, мелькнула на ее лицѣ; она отвѣтила ему безъ своей обычной прелестной улыбки и отошла къ Андрею Осипову. Молодой человѣкъ превозмужалъ ее глубокимъ, искреннимъ взглядомъ и задумчиво опустился въ кресло.

Я сегодня одна въ цѣломъ домѣ; всѣ уѣхали къ сосѣдямъ. Поговорю объ Ольгѣ, объ этой странной дѣвушкѣ, такъ необходимой на другихъ. На другой день, часу въ одиннадцатомъ утра, послѣ описаннаго мною вечера у Ольги, уѣхали Андрей Осипычъ и гувернантка. Мы остались одни съ Ольгой. До самаго обѣда хозяйка была постоянно занята. То больной, то погорѣлый мужикъ являлись, кто за помощью, кто за совѣтомъ. Меня удивляли ея знаніе нуждъ, потребностей, интересовъ простаго народа, ея терпѣніе, простота рѣчи, довѣріе, съ которыми къ ней обращались; удивляла эта ясная дѣятельность, это умѣнье и легкость, съ которыми переходила она отъ труда кабинетнаго къ простымъ домашнимъ занятіямъ. Видно было, что больше всего она старалась достигъ той независимости, того умѣнья не потеряться ни гдѣ и ни при какихъ обстоятельствахъ, о которыхъ она всегда говорила съ уваженіемъ; что она больше всего избѣгала притворной изнѣженности свѣтскихъ женщинъ. Она все умѣла дѣлать; мнѣ кажется, коса и серпъ ловко заходили бы въ ея маленькихъ, гибкихъ ручкахъ... Обращеніе ея съ домашними было кротко и ласково.

Послѣ завтрака до самаго обѣда Ольга писала письма и переводила съ нѣмецкаго на заказъ въ одинъ журналъ сухую, серьезную, учебную статью. Когда я замѣтила о трудности и непривлекательности такого занятія, она отвѣчала:

— Это трудъ конечно, но чѣмъ больше труда, тѣмъ больше силъ въ душѣ. Притомъ же за это даютъ деньги, а чѣмъ болѣе выработываемъ мы сами, тѣмъ меньше можемъ брать отъ другихъ...

Мнѣ стало совѣстно за себя, за свое бездѣйствіе, за то, что я добровольно теряю время. Я сказала это Ольгѣ и просила дать мнѣ дѣло. Она обѣщала. Я сказала также, что только желаніе Михаила Александрыча заставило меня остаться у Крипельскихъ до лѣта.

— Дядя Мишель вѣроятно имѣетъ какую-нибудь основательную причину просить васъ объ этомъ. Оставьте его заботиться о васъ. Хорошо, когда о насъ заботятся тѣ, кого мы любимъ, уважаемъ, поправилась она и грустно улыбнулась.

Послѣ этого она снова принялась писать и писала, пока не пробило три часа.

Я вышла къ нянѣ; та разставляла уже приборы.

— Не скучно ли вамъ у насъ? спросила она, устремивъ на меня свои добрые, улыбающіеся глаза. Вы тамъ въ большомъ-то домѣ привыкли къ веселью.

— Развѣ только въ большихъ домахъ бываетъ весело, Марья Алексѣвна? Развѣ Ольга не счастлива здѣсь, не весела?

— Ну, сказала она, нахмуривъ слегка брови, всякому свое счастье. Весела! Смотрите вы на ея-то веселье. На душѣ у нея подчасъ тучи ходять. Про ея веселье знаетъ ея подушка да старая пянька... Вѣдь у ней со мной и слово тайное и дума крѣпкая... Много она мнѣ толкуетъ, да все я въ толкъ не возму... Особенный она человекъ какой-то: со всѣми по просту, а сама съ собой мудрена...

Послѣ обѣда мы перешли въ гостиную. Ольга освободилась отъ своихъ занятій; озабоченное выраженіе лица ея исчезло, она опустила въ кресло съ выраженіемъ легкой усталости.

— Приходитъ зима, сказала она, глядя на спускавшіяся хлопья снѣга. Тяжолое время, Лиза!

— Ваша кузина Софья не то думаетъ: она ждетъ не дождется зимы и не знаетъ куда дѣться со скуки, когда не бываетъ гостей.

— Мнѣ ее жаль, ей предстоитъ скучная старость. Впрочемъ, если она выйдетъ замужъ, то воскреситъ въ дѣтяхъ свою прошедшую молодость и снова переживетъ всю пустоту и суету тщеславія.

— А вѣдь она умна... При другомъ направленіи, изъ нея вышло бы другое, хорошее существо.

— Можетъ быть, но у ней холодная, сухая душа. Вотъ Лидія другое дѣло... Она лучше всѣхъ насъ, милая Лиза, она добра не по убѣжденію, а по своей природѣ; еслибъ ей никогда не приходилось слышать о различіи добра и зла, она и тогда стремилась бы къ первому. Никакое сомнѣніе, никакой капризъ избалованной усталой души не отравитъ ея счастья. Въ ней лежатъ способности быть счастливой, какъ въ поэтѣ даръ вдохновенія.

— Неужели въ насъ нѣтъ способности быть счастливыми? Кто не сумѣетъ пользоваться счастіемъ, если судьба пошлетъ его? Нѣтъ, вы ошибаетесь: Лидія бабочка, цвѣтокъ, дитячка; она живетъ лучомъ солнца, а вы, Ольга, вы переживаете и дурныя выюги и несчастные дни.

— Преимущество ли это?

— Миѣ кажется...

— Не вѣдь ужъ это страданіе.

— Все-таки это жизнь.

— Да, жизнь конечно, вы правы; и тутъ есть свои наслажденія.

— Вы много страдали, милая Ольга? вы и теперь страдаете?

— Нѣтъ, теперь я не страдаю; я переживаю не зимнія вьюги, а тѣ сумрачныя дни, въ которые по временамъ если и пробивается блѣдный солнечный лучъ, то ненадолго, онъ не можетъ возродить меня и обновить мое существованіе. Чистыя сумерки!

— Неужели вы не встрѣтили человѣка, который могъ бы разсѣять ихъ и внушить вамъ глубокую, сильную привязанность?

— Встрѣтила, но страсть эта поглотила всю мою молодость; всѣ силы сердца. Жизнь долга, а я утомлена, разбита; годы плутъ, а рана не залечивается; надо, чтобъ она закрылась и исчезла для того, чтобъ снова меня сдѣлать способной къ новому сильному чувству. Я не хочу себя обманывать и молодиться сердцемъ, какъ Андрей Осипычъ, когда уже сердце состарѣлось для любви, для страсти. Пока оно будетъ еще отзываться живымъ біеніемъ и горькимъ блаженствомъ на роковой голосъ прошедшаго, я не должна, не смѣю заблуждаться, принимая за любовь одно увлеченіе. Я избѣгала многихъ заблуждецій: мнѣ часто казалось, что я любила; я готова была бѣжать за обольстительнымъ, обманчивымъ призракомъ, но вызывала прошедшія образы, и призраки блѣднѣли и исчезали.

— Покончите съ этимъ несноснымъ призракомъ прошедшаго, сдѣлайте его безсильнымъ надъ вами, — не все же вамъ быть рабой его; стряхните съ себя это неприятное рабство.

— Вы думаете, мнѣ самой не тяжело оно? Ахъ, тѣмъ тяжеле, что умъ, разумокъ, собственная моя гордость возмущаются противъ него. Но видно Богъ наказалъ меня за гордость. Смѣло борюсь я съ людскими предрасудками, не боюсь ни толковъ, ни осужденія, не сгибаю головы ни передъ богатствомъ, ни передъ значительностью... могу одолѣть трудъ, бѣдность, но не могу одолѣть своего собственного сердца...

— Сдѣлайте одинъ рѣшительный шагъ — выдѣте замужъ за человѣка добраго, честнаго; посвятите себя семейной жизни — это будетъ для васъ излеченіемъ.

— Выйди замуж! Посвятить себя счастью чужого избранного, исполнить по возможности долгъ свой наружно и обманывать его въ душѣ — я къ этому неспособна. Долго, серьезно и внимательно наблюдала я семейную жизнь. Чувствую, что это великое поприще для женщины, но надо, чтобъ оно освещено было любовью... Одна любовь даетъ силу исполнить все, что должно; иначе это будетъ осень безъ весны. Весна прожита съ другимъ... это выше силъ моихъ! О, еслибъ вы знали, какая я слабая женщина тамъ, гдѣ говоритъ сердце! Вдругъ, посреди заботъ семейныхъ, посреди сухого, строгого исполненія долга — явится властительный призракъ, повеетъ вѣтеръ очарованіемъ безумной юности и скажетъ: иди за мной! Кто перучется, что я устою противъ такого призыва? Пусть напередъ сойдегъ чужая весна, явится новый чародѣй, тогда я вся отдамся заботѣ слѣдовать его счастливымъ.

— Это пустые страхи, милая Ольга; ваше воображеніе слишкомъ наскроено. Не повѣрю я, чтобъ вы не могли бороться съ искущеніемъ. Еслибы всякій пловецъ, отправляясь въ открытое море, былъ удѣренъ, что погибать при первой бурѣ, — не одного флага не развѣвалось бы на океанѣ.

— Она задумалась.

— Я попробую, испытаю себя еще разъ, если придется, сказала она наконецъ.

— Не можете же вы жить здѣсь, въ этомъ уголкѣ, или развѣзжать туда и сюда и не стосковаться, не соскучиться. Между друзьями, какъ бы они ни любили васъ, вы все-таки чужая... Васъ всегда промѣняютъ на сына, на брата, на мужа... Долго вы пробудете здѣсь?

— До весны, до лѣта можетъ быть. Я не люблю, хотя и должна, разставаться надолго съ этими мѣстами. Они мнѣ милы и дороги. Здѣсь я выросла, развилась, здѣсь похоронила отца моего... Это былъ добрый, честный человекъ, Лиза. Онъ умѣлъ любить безъ обычнаго родительскаго эгоизма. Сердце его не очерстило отъ лѣтъ. Мнѣ отрадно думать, что я ничѣмъ не огорчила его старость.

— У васъ нѣтъ его портрета?

— Тамъ, въ его кабинетѣ, — вы замѣтили вонъ ту комнату въ сторонѣ? она заперта. Я не люблю, чтобъ равнодушные

глаза смотрѣли на предметы, священные для меня... Думаете ли вы когда о смерти, Лиза?

— Рѣдко. Не думается какъ-то...

— А я какъ думаю часто; не потому, чтобъ смерть была мнѣ желанна, а потому что мысль о ней возбуждаетъ во мнѣ таинственные и глубокія ощущенія, смиряетъ гордость, даетъ желаніе сдѣлаться лучшей... не подумайте, не изъ страха вѣчнаго огня и безобразныхъ чертей, а изъ страха, что жизнь коротка...

Вошла няня.

— Что это вы въ потемкахъ сидите, барышни! сказала она. Какъ вамъ не скучно! Я и старуха, да не люблю потемокъ.

— Освѣти насъ, няня, сказала Ольга.

Черезъ минуту старушка внесла зажженные свѣчи.

— Что случилось, няня? спросила Ольга, взглянувъ на ея лицо, которое носило слѣды какого-то волненія.

— Къ Акулинѣ сынъ яришоль. Черезъ двадцать лѣтъ яришоль въ безсрочный отпускъ. Не было о немъ ни слуху, ни духу пятнадцать лѣтъ. Думала, что померъ. Не узнала сирва. Ну, входитъ солдатъ, просится ночевать. Ночуй, говоритъ, служивый. И поужинать собрала; а онъ сидитъ да озирается въ избѣ-то, да и говорить ей: матушка! не узнаешь ты меня?!— Такъ какъ стояла, такъ и упала безъ памяти. На силу въ чуство привели!

Старушка заплакала; у насъ невольно выступили слезы.

— А я вотъ, продолжала грустно няня, не дождусь уми своего сына; и близко лежитъ у прихода, да не придетъ!..

— Ну, что же, няня, порадуемся за другихъ, сказала Ольга, подошла къ ней и обнявъ старушку.

— Хотя бы мнѣ за твоими дѣтками Богъ привелъ походить, сказала та, смотря съ нѣжностью на Ольгу, — было бы утѣшеніе на старости.

— Развѣ я не утѣшаю тебя? спросила Ольга какъ-то робко и смущаясь.

Няня засмѣялась и приласкала ее, какъ ласкаютъ дѣтей. Я взглянула на Ольгу: эта буйная, гордая, вспыльчивая головка такъ смиренно, такъ кротко, съ такой ясной, дѣтской улыбкой склонилась на плечо старушки, что и залюбовалась. Невольная грусть являла на меня. Холодомъ повѣяла на меня моя собствен-

ная жизнь. Чего бы не дала я, чтобы какал-нибудь добрая, простая душа тоже приласкала меня в эту минуту!

В это время вбѣжала Саша — одна изъ дѣвочекъ.

— Ольга Васильевна! Марья Дмитревна тарантасъ прислали, слезно приказали просить: Семень Тихонычъ очень занемогъ. Съ Матвѣичемъ приказываютъ, чтобъ Христа ради пріѣхали. Она, сказывалъ Матвѣичъ, совсѣмъ голову потеряла. Ахъ, ахъ, бѣдный Семень Тихонычъ! Бѣдная Марья Дмитревна!

Дѣвочка ужасно волновалась.

— Поѣдемъ, няня, сказала Ольга; поди одѣвайся, а я захвачу лечебникъ и лекарства. Вы извините меня, Лиза. Вѣдь это недалеко, версты три, я скоро ворочусь. Отецъ мой любилъ заниматься медициной, продолжала она, отпирая шкафъ съ книжками, — вотъ отчего и я имѣю нѣкоторыя позванія... притомъ у меня есть и врожденная склонность; мнѣ кажется, если бы я родилась мужчиной, я была бы врачомъ.

Въ нѣсколько минутъ она собралась и уѣхала.

Долго думала я объ Ольгѣ, оставшись одна; думала и о себѣ самой. Мнѣ хотѣлось заглянуть въ туманное будущее, хотѣлось угадать свое собственное назначеніе. Молодыя силы души явней пробудились и просили воли и дѣятельности. Мнѣ стало обидно за мою безцвѣтную роль въ жизни, досадно за вѣчную зависимость. Мнѣ стало такъ грустно и тяжело, какъ-будто мнѣ уже впресудяено было проплыть мимо двѣтущихъ береговъ и нестись далеко въ безбрежномъ, сумрачномъ пространствѣ.

Какой вчера былъ печальный, сумрачный день! Снѣгъ залѣплялъ стекла, валясь крупными хлопьями. Воробьи торопливо, съ дикимъ крикомъ перелетали стаями съ мѣста на мѣсто. Дурная погода разливала тягостное уныніе. Олимпиада Сергѣевна захворала и не выходила изъ комнаты, — это еще было небольшимъ утѣшеніемъ. Прасковья Александровна улеглась отдыхать послѣ обѣда; Софья тоже дремала на диванѣ въ гостиной; Лидія воспользовалась свободной минуткой и ушла писать къ Дорельскому. Я ходила по залу и мнѣ казалось, что какой-то мрачный духъ съ свинцовыми крыльями пронесся надъ этимъ

демонъ. Наконецъ пришло въ Михаилъ Александрычъ, и его присутствіе пріятно нарушило томительную тишину.

— Всѣ святъ, сказалъ онъ, заглянувъ въ гостиную, — какъ то хорошо! я радъ поговорить съ вами.

Мы сѣли у окна.

— Я завтра уѣзжаю, продолжалъ онъ, вы остаетесь въ некоторой зависимости отъ людей, не сочувствующихъ вамъ; смотрящихъ дико на все, что выводить изъ круга ихъ узкихъ понятій. Достаточно ли въ васъ силы воли, чтобъ выдержать ихъ, положимъ — маленькія, но все-таки нестерпимыя гоненія на все, что вамъ кажется нравственно-справедливымъ и законнымъ, но что часто не согласуется съ умными уставами пустой свѣтской жизни?

— О, конечно, отвѣчала я.

— На всякій случай, у васъ остается Ольга. Если вамъ придется здѣсь неловко, тяжело, — отнесите къ ней.

— Съ отъездомъ вы какъ-будто исчезаете для меня. Развѣ я не могу отнести прямо къ вамъ?

— Я буду дѣлать частыя переѣзды; трудно опредѣлить мой адресъ.

— Вы уѣзжаете надолго?

— На всю зиму. Я возвращусь весной. Дай Богъ, чтобъ я остался васъ тогда такой же, какой оставляю, т. е. спокойной, или не счастливой... Если вы полюбите кого-нибудь... прибавилъ онъ нерѣшительно, — вы никому не доверите вашихъ чувствъ?

— Авось эта напасть минуетъ меня...

— Но если эта напасть придетъ, то я просилъ бы васъ также искать совѣта и участія у Ольги. Городская жизнь, надѣюсь, не умечетъ васъ? спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія, — не заставитъ бросить ваши занятія?.. Вамъ; можетъ быть, смѣшновъ наставительный тонъ моихъ словъ? Но это я говорю болѣе для собственнаго своего усвоенія; я знаю, что вы обойдетесь и безъ моихъ совѣтовъ. Не правда ли, я похожъ на старую лавку?

Вмѣсто отвѣта, я дружески протянула ему руку. Мнѣ было грустно, что онъ уѣзжаетъ. Я хотѣла бы многое сказать ему, но — странное дѣло! — не могла. Я какъ будто дичалась его въ глубинѣ души и видѣть съ тѣмъ чувствовала горькое недо-

здѣсь съ собою. Какъ будто мнѣ него те несчастливо; мнѣ будто пеловко мнѣ было отъ его отеческихъ словесей... А между тѣмъ никому бы съ ланнми довѣріемъ и вѣрадой не открыла я души моеи, а я даже не рѣшилась сказать ему, что мнѣ жаль и грустно, что онъ уѣзжаетъ. Да и какъ сказать ему? Онъ самъ не выказываетъ ничего подобнаго. Правда, онъ заботится обо мнѣ, но что значить для него мое присутствіе? — Мнѣ ничего не прибавляю къ его жизни. Уѣзжая, онъ пожелаетъ о моемъ положеніи, о моей беззащитности, а не о томъ, что не будетъ видеть меня, не будетъ говорить со мной. Эта мысль раздражала меня. А между тѣмъ это все-таки добрый другъ!

Вошла Ольга. Несчастье не помѣшало ей прійхать. Она тоже была рада, что нашла насъ однихъ въ залѣ. Она сѣла рядомъ съ Михайломъ Александрычемъ, съ вѣжностью положила ему руку на плечо и, наклоня свою головку къ его лицу, сказала такъ ласково, такъ вѣжно:

— Ты уѣзжаешь, дядя Мишель!

— Да, моя милая.

— Какъ это горько и досадно! Какъ будешь ты недоставать намъ. Вспоминай обо мнѣ въ сумерки, въ ненастные дни. Я буду тоже думать о тебѣ.

— И въ свѣтлые, и въ ненастные — всегда, сказалъ онъ, обнявъ ее тонкую, гибкую талию.

Въ душѣ моей возшевелилось какое-то нехорошее, завистливое чувство.

— Кто-то прійхалъ, сказала я, увидавъ подъѣхавшія санки.

— Это вѣрно Латухинъ, отвѣчала Ольга.

— Онъ рѣшительно преслѣдуетъ тебя, сказалъ Михайлъ Александрычъ.

— Ты думаешь? — И она засмѣялась. — Онъ славный человекъ, прибавила она серьезно.

— Безъ сомнѣнія. Я радъ за тебя.

— Пожалуйста, безъ предположеній.

Когда вошелъ Латухинъ, ни Ольга, ни Михайлъ Александрычъ не перемѣнили позы; послѣдній все еще держалъ ее за талию.

— Какая вѣчная смена! сказалъ Латухинъ, и скрививъ точный кончикъ его прогидывала сдержанная досада.

— Мы прощаемся съ дядей. Онъ завтра ѣдетъ.

— Еще завтра?

Михаилъ Александрычъ засмѣялся.

— Это очень любезное восклицаніе, сказалъ онъ.

— По словамъ Ольги Васильевны, я думалъ — сейчасъ.

— Намъ мало проститься одинъ разъ, возразила Ольга.

— Какая скверная погода! сказалъ Латухинъ, отходя къ окну. M-lle Lise! что вы находите интереснаго на дворѣ, что такъ пристально смотрите въ окно?

— А вотъ эти гадкія, сѣрыя облака.

— Дай Богъ, чтобъ тебѣ во время дороги свѣтили звѣзды, сказала Ольга Михаилу Александрычу.

— Это такъ и будетъ безъ сомнѣнія, сказалъ Латухинъ. — А вотъ мнѣ такъ сейчасъ свѣтили огоньки изъ деревенскихъ избъ.

— Ахъ, эти огоньки говорятъ о печальной, тѣсной жизни, въ дыму лучины, сказала со вздохомъ Ольга.

Въ это время вошелъ слуга съ двумя лампами въ рукахъ, и изъ дверей гостиной вышла Софья въ легкомъ вечернемъ туалетѣ.

Сегодня утромъ Михаилъ Александрычъ уѣхалъ, и мрачный гнѣвъ съ свинцовыми крыльями снега летѣлъ надъ нашимъ домомъ. Наперекоръ желанію Ольги непогода продолжается и звѣзды не свѣтатъ.

Прасковья Александровна видимо стала еще холоднѣе со мной. Лидія сперва ревновала меня, но потомъ и сама полюбила Ольгу, которую поняла и оцѣнила. Одна Софья невнимательна та же. Какъ машина, исполняетъ она порядокъ дня. Утромъ занимается немного музыкой, немного рисованьемъ, немного работой. Звѣздетъ въ промежуткахъ или разговариваетъ съ матерью о всякомъ выхъ, о нарядахъ и будущемъ устройствѣ ихъ городской жизни. Съ губернскимъ городомъ онѣ примирились на томъ основаніи, что тамъ можно быть больше на виду, играть почти первую роль, что даже прошлогоднія моды будутъ казаться новыми. Лидія мечтаетъ и часто въ сумерки, усаживаясь около меня, на-

шоптываетъ мнѣ про свои мечты и любовь. Я слушаю ее съ безотчетной грустью и отрадой.

А между тѣмъ, поля все болѣе и болѣе покрываются снѣгомъ. Ольга тоже переѣзжаетъ въ городъ. Она сказывала мнѣ, что уже наняла маленькую, уютную квартирку. Прасковья Александровна возмущалась противъ нея въ разговорѣ съ Софьей и высказала даже желаніе быть отъ нея далекой. Латухинъ посѣщаетъ насъ рѣже и когда не находитъ здѣсь Ольги, то остается недолго. Прасковья Александровна преслѣдуетъ его намеками на переѣзду и, шутя, старается повредить Ольгѣ въ его мнѣніи. У нея для этого очень удобная манера: она говорить напримѣръ:

— «Вѣдь Ольга милая, умная дѣвушка; но жаль только, что вотъ то и то въ ней не хорошо...» и поидеть расписывать.

Латухинъ хмурится, иногда жарко оправдываетъ Ольгу, иногда молчитъ и уѣзжаетъ не въ духѣ.

Вообще какъ-то стало мертво и пусто съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ Михайлъ Александрычъ.

Суматоха перевозки вещей и мебели кончилась. Чемоданы готовы, завтра мы переѣзжаемъ въ городъ. Олимпиада Сергѣевна уѣхала сегодня утромъ впередъ, чтобъ по возможности привести въ порядокъ все на квартирѣ къ нашему приѣзду.

— Ахъ, какъ я рада, что мы переѣзжаемъ! сказала мнѣ Лидія.

— Я понимаю, что ты рада, отвѣчала я, теперь, когда она тамъ.

— Не только это одно; мы и съ Ольгой будемъ видѣться чаще, а главное — на свободѣ.

— Какъ это?

— Да татап не всегда же будетъ въ состояніи выѣзжать съ нами; Sophie будетъ иногда дѣлать визиты съ тетусшкой Олимпиадой Сергѣевной, а мы съ тобой пойдемъ гулять и зайдемъ къ Ольгѣ. Я ее очень люблю. Вижу, что мнѣ наговорили о ней много неправды. Я готова открыть ей душу.

— И ты не обманешься въ ней.

— Какъ она добра! какъ хорошо обходится съ своими домашними! Вотъ татап и сестра все смѣются и бранятъ меня,

что я люблю говорить съ простыми людьми: если бы знала онъ, какъ много можно отъ нихъ узнать новаго, интереснаго. На дняхъ къ намъ прѣѣхала странница; ахъ, какіе чудеса рассказывала она! про кievскихъ святыхъ, про Соловецкій монастырь... Я тебѣ послѣ расскажу когда-нибудь. Матаѣ говоритъ, что я только набираюсь дурныхъ манеръ и выраженій, разговаривая съ бабами и странницами — неправда! Старуха Анисья, напримѣръ, какъ умно говоритъ! Посмотри — Агаша моя горничная, какъ любитъ меня, какъ предана!

— Ты испытала ея преданность?

— О, конечно: ни одна душа человѣческая не знаетъ, что я получаю отъ него письма. Ея братъ всякій разъ, какъ ѣздитъ въ городъ, привозитъ отъ него письма и мои передаетъ аккуратно. Агашу и ея брата хоть убей, не скажутъ. А все оттого, что любить меня, а любятъ за то, что я съ ними не горда. Я выучила Агашу читать и она читаетъ все священныя книги, — это я ей велѣла. Она знаетъ, что и я ея не выдамъ: на дняхъ она разбила маменькину любимую чашку; я взяла на себя. Для меня это не большая жертва, а эта добрая душа со слезами благодарила меня. Она такая же трусиха, какъ я.

Чѣмъ больше узнаю я Лидію, тѣмъ больше люблю ее. Я вспомнила нашъ разговоръ о ней съ Ольгой; я видѣла, какъ ошибочно я поняла ее, назвавъ цвѣткомъ, бабочкой, птичкой, умѣющей только жить при солнечныхъ лучахъ. Нѣтъ, это была женщина во всей чистотѣ своей любящей, высокой души; божественный огонь, горящій въ ея сердцѣ, освѣтитъ мрачныя дни жизни, согрѣетъ холодъ тоски и несчастія. Ольга лучше поняла ее.

— О чемъ вы, mesdames, разговариваете? спросила Софья, неожиданно приблизясь къ намъ.

Мысль оставить скоро деревню, ожиданіе побѣдъ на губернскихъ балахъ сдѣлали ее сообщительнѣе послѣднее время.

— Такъ, chère Sophie, отвѣчала Лидія, оробѣвъ.

— У Лидіи всегда одинъ отвѣтъ — такъ, сказала Софья съ презрительной улыбкой. — C'est très sage!

— Да какъ же? не всегда можно объяснить однимъ словомъ, о чемъ идетъ разговоръ, — надо повторить его. Это тебѣ докажетъ сълучайнѣе.

— Конечно скажешь, если разговор скучить. Впрочем вѣдь у васъ съ Лизой все секреты.

— Какіе секреты! никакіе. А если бы и были, то она для тебя не интересна.

— Я знаю, что пустяки — мечты, любовь...

— Неужели вы вправду такого мнѣнія о любви? спросила я.

— Вправду; влюбиться я считаю глупостью. К чему это? что за романтизмъ!

— И вы никогда не были влюблены?

— Никогда! Иногда мнѣ нравилась *des personnes comme il faut*, но чтобъ влюбиться, какъ въ романахъ, набивать голову пустыми фантазіями, — это я предоставляю Лидіи да кузинѣ Ольгѣ.

— *C'est mauvais genre*, сказала Лидія.

— Конечно. Это можетъ повести къ разнымъ ошибкамъ, компрометировать... Такъ вы говорили о любви?

— Нѣтъ, Лидія говорила, что у простыхъ людей есть сердце и благородныя чувства, что грѣшно смотрѣть на нихъ съ презрѣніемъ.

— Вотъ прекрасно! К чему смотреть на нихъ съ презрѣніемъ? всякому свое мѣсто. Вѣдь это Латухинъ проповѣдуетъ, что люди всѣ равны. Нѣтъ, порода много значить. Что можетъ быть общаго между мной и крестьянкой? Какъ ее ни воспитывай, въ ней все останется что-то неблагородное.

— Воспитаніе непременно сравняло бы ее съ вами.

— Никогда! онѣ родятся другими людьми.

— Неужели это ваше убѣжденіе?

— Я увѣрена въ этомъ.

— А съ Латухинымъ ты прошлый разъ согласилась, сказала Лидія.

— Мнѣ ужъ надоѣло его слушать и спорить. Вѣдь ужъ все его краснорѣчіе не заставитъ меня дружески разговаривать съ моею горничной и справляться о ея печаляхъ и радостяхъ. По моему, если она приходитъ ко мнѣ съ кислой миной, то это дерзость съ ея стороны. Чѣмъ она можетъ быть недовольна? она сыта, одѣта, — это все, что ей нужно; а если ей угодно хандрить, она можетъ это дѣлать въ дѣвичьей. Не всякій способенъ, какъ кузина Ольга, ходить по полямъ и возиться съ болыими крестьянскими ребятами и бабами... Можетъ быть, это и прекрасно,

но я не создана для такихъ запятій. Она можетъ философствовать сколько ей угодно, я не намѣрена быть смѣшной и странной... Какъ я рада, что мы наконецъ переѣзжаемъ! прибавила она, съ видимымъ желаніемъ перемѣнить разговоръ.

— Ольга тоже переѣзжаетъ, сказала Лидія.

— А мнѣ право все равно. Она будетъ тамъ проповѣдовать и кокетничать. Странно, что она не выходитъ замужъ. Какъ за ней ни ухаживаютъ, а жениться боятся.

— Къ ней кажется Латухинъ неравнодушенъ, сказала Лидія.

— Не онъ первый, отвѣчала Софья, принужденно смѣясь, Латухина очень легко сдѣлать неравнодушнымъ. *Ce n'est pas celle qui plait qui est la plus jolie, mais celle qui est la plus facile*, какъ говоритъ мадам. Я не желала бы нравиться на этихъ условіяхъ.

— Этой поговорки нельзя примѣнить къ Ольгѣ, возразила я.

— Какъ скоро вы успѣли узнать ее такъ хорошо. Я бы не совѣтовала вамъ слишкомъ жарко защищать ее въ свѣтѣ.

— Отчего же всѣ принимаютъ ее такъ пріятливо? сказала Лидія.

— Мало ли отчего свѣтъ бываетъ снисходителенъ: во первыхъ отецъ ея былъ любимъ и уважаемъ всѣми; во вторыхъ она сама родня; въ третьихъ она такъ рѣзка и смѣла, что не побоятся, вопреки всѣмъ приличіямъ, сдѣлать какую-нибудь дерзкую выходку; ея боятся — кому же охота подвергать себя?..

Тѣмъ и кончился разговоръ.

Ю. ЖАДОВСКАЯ

СНИШЬ ТЫ

Спишь ты... Ангелъ ночи
Вѣтъ надъ тобою,
Незабудки-очи
Оросилъ слезою,

Косу перекинулъ
Вкось по изголовью
И всю душу вынулъ
Миѣ изъ сердца съ кровью.

Спишь ты и не слышишь, —
Только Богъ и слышитъ, —
Что, когда ты дышешь,
Кто-то и не дышетъ.

Л. МЕЙ

МАГДАЛИНА

ДРАМА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

ФРИДРИХА ГЕББЕЛЯ

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА

Фридрихъ Геббель, котораго драму мы предлагаемъ читателямъ, принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ писателей современной Германіи. Онъ лирикъ и драматургъ. Но лирическія его произведенія, часто богатая внутреннимъ содержаніемъ, но не отличающіяся особеннымъ изяществомъ формы, далеко не пользуются такою извѣстностью, какъ драмы. Первая трагедія его «Юдвѣ» имѣла одинъ изъ тѣхъ блестящихъ успѣховъ, которымъ суждено полнимо бурю въ литературномъ мѣрѣ. Много было о немъ писано въ нѣмецкихъ журналахъ: одни привѣтствовали въ немъ генія, указывающаго новые пути драматической поэзіи; другіе топтали его въ грязь, называя произведенія его уродливыми карриатурами. Истина, какъ обыкновенно, находилась между двумя этими мнѣніями. Талантъ Геббеля, правда, грѣшитъ излишней эксцентричностью и неровностью; но никакъ нельзя отказать ему въ силѣ концепціи, въ сжатости и энергіи языка, въ умѣнны послѣдовательно развиты характеры. Постройка драмы его проста и естественна и только въ нѣкоторыхъ пьесахъ замѣтно преобладаніе фантастическаго элемента. Не безъ основанія обвиняли его въ томъ, что иногда въ его драмахъ являются не живыя лица, а олицетворенныя идеи.

Менѣе всѣхъ другихъ страдаетъ этими недостатками предлагаемая нами драма «Магдалина»: здѣсь все вѣрно дѣйствительности, вѣтъ ничего лишняго; всѣ сцены послѣдовательно вытекаютъ одна

изъ другой, естественно подготовля трагическую развязку. «Магдалина» не слезливая мелодрама, какими такъ богата вѣмецкая сцена; это — трагедія въ полномъ и истинномъ значеніи слова, построенная на столкновеніи личности съ судьбой, свободы съ необходимостью. Новѣйшій міръ не допускаетъ вліянія вѣшной судьбы, но допускаетъ внутреннюю необходимость, силу вещей, съ которой свобода индивидуума находится въ гармоніи или въ борьбѣ. Лучшее лицо въ драмѣ — Мастеръ Антонъ; его образъ и страшенъ и привлекателенъ; это чловѣкъ другаго вѣка. Онъ не понимаетъ, «какъ илетъ этотъ свѣтъ», — это его собственныя слова, — и это именно причиняетъ гибель его семейству. Безукоризненный въ нравственномъ отношеніи и въ тоже время деспотъ, онъ становится виною всеобщаго несчастія. Характеръ Магдалины отдѣланъ далеко не съ такой тщательностью, и впечатлѣніе, оставляемое имъ, слабо. Она не возбуждаетъ того участія, какое-бы должна возбуждать по своему драматическому положенію. Ея братъ и любовникъ, Леонгартъ, очерченъ несравненно рельефнѣе.

Приведемъ въ заключеніе нашей замѣтки вѣскольکو свѣдѣній о жизни Геббеля. Онъ родился въ Дитмаршѣ, въ 1813 году, и всѣмъ обязанъ самому себѣ, потому что родители его, бѣдные люди, не въ состояніи были дать ему хорошее образованіе. Первая половина молодости поэта прошла въ его родномъ городкѣ, но когда ему минуло двадцать два года, жажда знаній привлекла его сперва въ Гамбургъ и Копенгагенъ, (*) а потомъ въ университеты Гейдельбергскій и Мюнхенскій. Къ этому времени относится его знакомство съ Гейне, съ которымъ онъ до конца оставался въ дружескихъ отношеніяхъ. Тогда же началась и его первая извѣстность: онъ дебютировалъ лирическими стихотвореніями, а вскорѣ появилась и упомянутая нами драма «Юдифь». Въ настоящее время онъ живетъ въ Вѣнѣ, гдѣ женился на актрисѣ Христинѣ Энггаузъ.

Геббель написалъ къ своей драмѣ «Магдалина», предисловіе, въ которомъ выражается взглядъ его на драматическое искусство. Мы не сочли за нужное приводить его здѣсь, но можетъ быть вполнѣ ствѣіи познакомимъ съ нимъ читателей. До сихъ поръ на русскій языкъ была переведена только одна его пьеса, *Алмазъ*, напечатанная въ «Современникѣ».

(*) Въ Копенгагенѣ поэтъ нашъ нашелъ радупный пріемъ при датскомъ дворѣ. Королю Христіану VIII посвящена «Maria Magdalena», написанная въ Парижѣ въ мартѣ 1844.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА

МАСТЕРЪ АНТОНЪ, столяръ.

ЖЕНА ЕГО.

МАГДАЛИНА, дочь ихъ.

КАРЛЪ, сынъ ихъ.

ЛЕОНГАРДЪ.

СЕКРЕТАРЬ.

ВОЛЬФРАМЪ, купецъ.

АДАМЪ, полякъскій.

ДРУГОЙ полякъскій.

МАЛЬЧИКЪ.

СЛУЖАНКА.

Мѣсто дѣйствія — маленькій нѣмецкій городокъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

Комната въ домѣ столяра

СЦЕНА ПЕРВАЯ

МАГДАЛИНА и МАТЬ ЕЯ

Магдалина. Что это ты вздумала надѣть вѣнчальное платье? Какъ хорошо оно сидитъ на тебѣ! — Какъ будто выныче сшито.

Мать. Да, дочка, мода бѣжить, бѣжить впередъ, пока не придется ей остановиться и повернуть назадъ. Это платье по крайней мѣрѣ десять разъ выходило изъ моды, а теперь опять въ модѣ.

Магдалина. Ну, не совѣмъ. Рукава слишкомъ широки. Не огорчайся, матушка.

Мать. Я вѣдь не въ твоихъ лѣтахъ, чтобъ огорчаться такими пустяками.

Магдалина. Такъ вотъ онъ, твой подвѣнечной нарядъ! Но вѣдь у тебя былъ и вѣнокъ, я думаю?

Мать. Еще бы! Для чего же я холила да растила свою великолѣпную мирту?

Магдалина. Сколько разъ я просила тебя надѣть это платье. Ты мнѣ всегда отказывала. Ты говорила: «Это ужъ не вѣнчальный нарядъ мой, а саванъ; этимъ нельзя шутить.» Потому мнѣ ужъ и смотрѣть-то на него было страшно... Какъ увижу на комъ-нибудь бѣлое платье, — такъ сейчасъ и придетъ мнѣ въ голову тотъ день, какъ старухи стануть одѣвать твое тѣло въ бѣлый саванъ... Отчего жъ ты сегодня его надѣла?

Мать. Въ такой трудной болѣзни, какую я выдержала, когда находишься на краю могилы, разные мысли бродятъ въ головѣ.

Смерть страшнѣе, нежели думаютъ. О, какъ она горька! Одинъ за другимъ гасить она всѣ веселые лучи нашей жизни. Мужъ, дѣти, кляпильные взгляды скрываются отъ насъ навсегда. Но за то зажигается въ душѣ нашей лучъ, озаряющій многое, чего бы не хотѣлось видѣть. Я не помню, чтобъ я сдѣлала что-нибудь собетвенно дурное въ жизни. Я шла добрымъ путемъ: въ домѣ исполняла все, что могла; васъ съ братомъ воспитала въ страхъ Божию; не сорила трудовыми деньгами отца вашего, а всегда умѣла приберечь кое-что на долю бѣдныхъ. Если порой и случалось отказывать нѣкоторымъ, потомучто была не въ духѣ, или потомучто ихъ приходило слишкомъ много, они не сердились на меня: они знали, что я опять порочу ихъ и дамъ вдвое больше. И не смотря на все это, какъ придетъ послѣдній часъ, дрожишь и извиваешься какъ червякъ и просишь у Бога жизни, какъ рабъ просить у господина позволенія снова начать работу, которой пренебрегалъ, чтобы въ день расплаты получить свою долю.

Магдалина. Полно, матушка, это волнуешь тебя.

Мать. Нѣтъ, дитя мое, это полезно мнѣ! Я теперь и сильна и здорова? Господь явилъ мнѣ свое знаменіе, чтобъ заставить меня во-время подумать, что мое праздничное платье не совсѣмъ чисто, не совсѣмъ безъ пятенъ. Не за тѣмъ ли спасъ Онъ меня отъ смерти, чтобъ я успѣла еще пріодѣться къ небесному браку. Онъ не даровалъ этой милости семи дѣвамъ евангельскимъ, о которыхъ ты мнѣ читала вчера вечеромъ. Възъ почему я надѣла это платье сегодня, собираясь идти къ причастію. Я надѣвала его въ тотъ день, когда произношала самыя лучшіе, самыя святыя обѣты въ моей жизни; оно должно напомнить мнѣ еще о тѣхъ, которыхъ я не исполнила.

Магдалина. Ты все еще говоришь какъ больная!

СЦЕНА ВТОРАЯ

КАРЛЬ ЖЕВЪ И КАРЛЬ

Карль. Здравствуй, матушка! А что, Магдалина, ты вышла бы за меня, если бы я не былъ твоимъ братомъ?

Магдалина. Что это? Золотая цѣпочка? Гдѣ ты ее взяла?

Карль. А изъ чего же мучиться-то? Изъ чего же работать-то

вечеромъ по два часа мишникъ противъ другикъ? Какая ты дера-
кая!

Мать. Ссора въ воскресенье! Какъ не стыдно тебѣ, Карлъ!

Карлъ. Макушка, нѣтъ ли у тебя гульдена? дай мнѣ!

Мать. У меня деньги только на хозяйство.

Карлъ. Ну, все равно, давай; я не буду ворчать, если ты впро-
долженіе шести недѣль будешь класть поменьше мяса въ нашу яш-
ницу. Ты это часто дѣлала, вѣдь я знаю, когда нужно было сберечь
на бѣлое платье Магдалинѣ; постъ продолжался во цѣлыя мѣся-
ца. Я смотрю сквозь пальцы, но хорошо знаю, когда вамъ нуж-
ны быдаютъ тряпки. Надо же и мнѣ хоть разъ воспользоваться...

Мать. Это грубо, Карлъ.

Карлъ. Теперь мнѣ некогда, а то бы... (зачать уходит).

Мать. Куда ты?

Карлъ. Не скажу; и потому, если старикъ спроситъ, гдѣ я,
ты, не краснѣя, можешь отвѣчать, что не знаешь. Да впрочемъ
мнѣ не нужно твоего гульдена; что всю воду черпать изъ одного ко-
лодца! (въ сторону). Такъ какъ здѣсь дома меня считаютъ оцѣсоб-
нымъ на все, то я не вину причины, почему мнѣ не доставить себе
маленькаго удовольствія ихъ помучить; и зачѣмъ говорить имъ, что
безъ ихъ гульдена я долженъ буду идти въ черномъ, если какой-ни-
будь пріятель меня не выручитъ. (Уходит).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

МАГДАЛИНА и МАТЬ

Магдалина. Что это значить?

Мать. Онъ очень ворочаетъ меня! Да, отецъ твой правъ; вотъ
и послѣдствія! Прежде, когда онъ былъ ребенкомъ, онъ просилъ у
меня кротко кусочекъ сахару; а нынче безстыдно требуетъ гуль-
дена! Можетъ быть онъ не требовалъ бы его, если бы я отказывала
ему въ сахарѣ. Эта мысль меня часто тревожитъ! Мнѣ кажется,
что онъ даже и не любитъ меня. Видела ли ты, чтобы онъ плакалъ
когда-нибудь во время моей болѣзни?

Магдалина. Я видела его только за обѣдами; онъ былъ съ боль-
шимъ аппетитомъ, нежели я.

Мать (съ отчужденіемъ). Это очень понятно; онъ больше и рабо-
таетъ.

Магдалина. Разумѣется, и притомъ мужчины такъ странны, — они больше стыдятся своихъ слезъ, чѣмъ проступковъ. Показать сжатый кулакъ — другое дѣло; но опухшіе глаза — какъ можно! И отецъ такой же. Развѣ онъ не рыдалъ за своимъ станкомъ такъ, что надрывалось сердце, въ то время какъ тебѣ пускали кровь и кровь не пошла? И чтоже? Когда я подошла къ нему и взяла его за голову, онъ сказалъ мнѣ: вынь у меня изъ глаза проклятую соринку; у меня столько дѣла, а работа не подрывается.

Мать (*улыбаясь*). Да, да, это такъ. Но я не вижу больше Леонгарда, почему это?

Магдалина. Пускай его не ходитъ.

Мать. Надѣюсь, что вы не видаетесь въ другомъ мѣстѣ?

Магдалина. Развѣ я долго не возвращаюсь домой, когда хожу венеромъ къ колодцу, и ты могла меня заподозрить?

Мать. Нѣтъ. Но я потому именно и позволила ему бывать у насъ, чтобъ онъ не сторожилъ тебя по ночамъ на улицѣ. И меня моя мать не допустила бы до этого.

Магдалина. Я его не вижу.

Мать. Нѣтъ ли между вами размолвки? Я противъ него ничего не имѣю. Онъ такой солидный. Еслибъ только онъ пристроился какъ-нибудь! Бывало господа чуть не дрались изъ-за хорошаго публичнаго писца, какъ хромые за костыли; потому что писцы были рѣдки; и мы даже, простые люди, нуждались въ нихъ. То сыну надо было написать поздравленіе отцу, то отецъ заставляетъ себя читать тайкомъ это поздравленіе, плотно притворивъ двери, чтобъ кто нибудь не засталъ его и не узналъ объ его неграмотности. Значитъ, плата была двойная. Писцы подымали носъ и сорили деньгами. Нынче все переменялось; девятидѣтніе мадьягуны смѣются надъ нами, старыми безграмотными людьми. Сидѣтъ становитея все учонѣ и учонѣ, и можетъ быть скоро придется краснѣть, что не умѣешь ходить по канату.

Магдалина. Звонятъ къ обѣднѣ.

Мать. Ну, дитяtko, я пойду помодиться за тебя. А что до Леонгарда, то люби его такъ, какъ онъ любитъ Бога... Ни больше, ни меньше. Это сказала моя умирающая мать, благословляя меня... Я долго сохраняла это благословеніе — и теперь передаю его тебѣ.

Магдалина (*подаетъ ей букетъ*). Возьми, матушка.

Мать. Это отъ Карла? да?

Магдалина (*утвердительно киваетъ головой и потомъ въ*

сторону.) Хорошо, еслибъ такъ! Она утѣшается только однимъ своимъ Карломъ.

МАТЬ. О, онъ добръ, онъ любитъ меня! (*Уходитъ.*) (*)

МАГДАЛИНА (*одна, смотритъ въ окошко.*) Вотъ она пошла! Три раза она мнѣ снилась, что лежитъ въ гробу... И вотъ, слава Богу... О, эти злыя видѣнія! Они нарочно облакаются въ то, чего мы боимся, чтобы возмутить наши надежды... Я никогда не буду имъ больше вѣрить; и не буду радоваться веселымъ снамъ, чтобы не пугаться печальныхъ... Какъ походка ея тверда и увѣренна.. Она подошла къ кладбищу... Кого-то она перваго встрѣтитъ?.. Это конечно ничего не значить... Я только хочу... (*она отступаетъ отъ окна съ крикомъ.*) Могильщикъ! Онъ рылъ могилу и только что вышелъ оттуда. Она кланяется ему; смотритъ на могилу съ улыбкой... бросаетъ въ нее букетъ свой! Вотъ она наконецъ въ церкви... (*слышенъ хоралъ.*) Они поютъ: Воздадимъ хвалу Господу! Да... да! (*складываетъ руки.*) Если бы матушка умерла, я бы никогда, никогда не утѣшилась, потому что... (*обращая глаза къ небу.*) Ты милосердъ, Ты благъ! Я бы хотѣла быть католичкой, чтобы принести Тебѣ что-нибудь въ даръ! Съ какой бы радостью я обобрала свою шкатулку, чтобы купить Тебѣ великолѣпную гирланду изъ розъ... Нашъ пасторъ говоритъ, что пожертвованія Тебѣ не нужны, потому что и безъ того все принадлежитъ Тебѣ; и что нечего приносить Тебѣ въ даръ Твое же; но какъ же здѣсь, у насъ въ домѣ, все принадлежитъ отцу, а между тѣмъ онъ бываетъ очень радъ, когда я на его же деньги куплю ему галстукъ, который сошью потомъ своими руками и подарю въ именины. Да! А онъ, въ честь мою, надѣваетъ его въ Рождество и въ Троицу. Однажды я видѣла, какъ маленькая дѣвочка изъ католичекъ принесла на алтарь корзинку съ вишнями... О, какъ это меня тронуло! Это были первыя вишни въ тотъ годъ, которыя собрала малютка. Ей такъ хотѣлось самой ихъ отвѣдать; но она поборола свое невинное желаніе и быстро бросила ихъ на алтарь, чтобы разомъ положить конецъ искушенію... Священникъ, поднимавшій въ эту минуту чашу съ дарами, искоса взглянулъ на дѣвочку — и бѣдняжка убѣжала въ испугѣ. Но Святая Дѣва съ такой любовью улыбалась надъ алта-

(*) Да не покажется читателю сентиментальностью въ авторѣ это вѣдчанное платье и этотъ букетъ. Все это въ нѣмецкихъ нравахъ, и рисуя ихъ, поневолѣ впадешь въ сентиментальность.

Прим. Переводчика.

ремь... Кажалось, она хотѣла выступить изъ рамки и, догнавъ ребенка, поцѣловать его... Я сдѣлала это, сдѣлала вмѣсто нея... Ахъ! Леонгардъ!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

МАГДАЛИНА и ЛЕОНГАРДЪ

ЛЕОНГАРДЪ. *(За дверью.)* Можно къ тебѣ?

МАГДАЛИНА. Что за деликатность, что за вниманіе? Я вѣдь не принцеса...

ЛЕОНГАРДЪ *(входя)*. Я думалъ, что ты не одна. Мнѣ показались, когда я шолъ мимо, что у окна стоитъ твоя маленькая соседка, Варвара...

МАГДАЛИНА. Вотъ что!

ЛЕОНГАРДЪ. Вѣчно не въ духѣ. Двѣ недѣли не видимся; десять разъ въ небѣ солнце смѣняется дождемъ, а дождь солнцемъ, — придешь, а на лицѣ твоемъ все прежнее облако грусти!

МАГДАЛИНА. Это не всегда такъ было.

ЛЕОНГАРДЪ. Конечно. Еслибы ты всегда дулась, мы бы не были съ тобой друзьями.

МАГДАЛИНА. Ну, чтожъ потомъ?

ЛЕОНГАРДЪ. Развѣ ты ни чѣмъ не связана со мной! *(ударяя на послѣднія слова)*. Такъ стало-быть зубная боль, которую ты чувствовала послѣдній разъ, не имѣла никакого значенія?

МАГДАЛИНА. О, Леонгардъ... ты поступилъ дурно!

ЛЕОНГАРДЪ. Чѣмъ же дурно? Что я захотѣлъ обезпечить себя въ ту самую минуту, когда мнѣ угрожала опасность навсегда утратить свое сокровище... Или ты думаешь, что я не замѣтилъ, какъ ты переглядывалась съ секретаремъ? Хорошъ былъ для меня праздникъ! Я пригласилъ тебя танцовать, а ты...

МАГДАЛИНА. Ты не перестаешь меня оскорблять. Я смотрѣла на секретаря; я этого не скрываю, но единственно потому, что онъ вздумалъ отпустить себѣ усы, которые...

ЛЕОНГАРДЪ. Которые къ нему очень идутъ? Ты это хотѣла сказать? О, женщины! Что до меня, то свѣжее личико этого фата... *(я золь на него — я не скрою. Онъ слишкомъ долго стоялъ между мной и тобой.)* Это глупое личико, говорю я, и этотъ глѣзъ

волосъ , которыми она обросла , напоминаютъ мнѣ бѣлаго зайчика , вскочившаго на кустарникъ...

Магдалина. Я еще не хвалила его ; стало-быть ты можешь воздержаться отъ насмѣшекъ.

Леонгардъ. Ты кажется принимаешь въ немъ большое участіе ?

Магдалина. Дѣтьми мы играли вмѣстѣ ; а потомъ ты знаешь...

Леонгардъ. Знаю, знаю и потому-то именно...

Магдалина. Очень естественно, что встрѣтившись съ нимъ послѣ такой долгой разлуки , я на него смотрѣла... меня удивляло, что я вижу его такимъ большимъ... такимъ... (*остановилась*).

Леонгардъ. Зачѣмъ же ты покраснѣла , когда онъ въ своей чередѣ на тебя взглянулъ...

Магдалина. Я подумала , что онъ смотритъ , не выросла ли тоже родинка у меня на лѣвой щекѣ. Ты знаешь , что мнѣ всегда приходитъ это въ голову , если на меня смотрятъ пристально , и что я при этомъ всегда краснѣю... Въ самомъ дѣлѣ мнѣ кажется , что она прибавляется , когда на нее глядятъ.

Леонгардъ. Какъ бы тамъ ни было , но это меня обидо ; и я сказалъ себѣ : нынче же вечеромъ я испытаю ее. Если она хочетъ отдѣлаться моей женой , то она знаетъ , что ни чѣмъ не рискуеть... а если нѣтъ...

Магдалина. О , ты произнесъ злое , злое слово , когда я оттолкнула тебя и вскочила со скамьи... Мѣсяцъ , который до той поры свѣтилъ въ бесѣдкѣ для моего спасенія , вдругъ скрылся за тучи. Я хотѣла бѣжать — и была остановлена. Я думала сначала , что это ты , а это шиповникъ вѣдѣлся мнѣ въ платье , какъ будто зубами... Ты оскорбилъ мое сердце и я сама потеряла въ него вѣру. Ты былъ тутъ , передо мной , какъ работодательъ , который требуетъ своего долга , и я... О , Господи !

Леонгардъ. И я все-таки не могу раскаяться. Это было для меня единственное оредство не лишиться тебя. Старая дѣтская привязанность снова открыла глаза свои , и я долженъ былъ поскорѣй закрыть ихъ.

Магдалина. Возвратясь , я нашла мать больной , больной при смерти ; и это случилось такъ внезапно , какъ будто невидимая рука вдругъ повергла ее на смертный одръ. Отецъ хотѣлъ было послать за мной , но она остановила , чтобъ не смутить моего веселья... Что было со мной , когда я узнала объ этомъ ! Я страдала прощаль... я не

сгла къ ней приоснуться и вся дрожала. Она приняла все это за дочернюю скорбь и поманила меня. Я подошла медленно. Она привлекла меня къ себѣ на грудь и поцѣловала въ оскверненныя губы! Я была уничтожена... Я хотѣла бы исповѣдаться громко; во всеусышаніе высказать, что я чувствую, что думаю; мнѣ казалось, что виною ея болѣзни — я. Я сдѣлала усиліе, но слезы, рыданія, заглушали слова мои. Тогда она схватила руку отца моего; и бросивъ на меня взоръ полный счастья, произнесла: какая душа!

Леонгардъ. Теперь она здорова. Я пришелъ поздравить ее... угадай, что еще?

Магдалина. Что?

Леонгардъ. И просить у отца руки твоей.

Магдалина. Ахъ!..

Леонгардъ. Что, это не по тебѣ?

Магдалина. О, я бы умерла, еслибы не сдѣлалась скоро женой твоей. Но ты знаешь отца. Онъ не знаетъ, почему мы такъ сплшемъ... Онъ не можетъ этого узнать, и мы не можемъ ему сказать этого... а онъ сто разъ говорилъ, что отдастъ дочь свою только тому, кто кромѣ любви въ сердцѣ, имѣетъ еще на столѣтній кусокъ хлѣба, какъ онъ выражается. Онъ скажетъ тебѣ: подожди еще годъ или два. Что ты ему отвѣтишь на это?

Леонгардъ. Дурочка! Этого препятствія быть не можетъ. Я получилъ должность кассира.

Магдалина. Кассира? А другой кандидатъ, пасторской племянникъ?

Леонгардъ. Онъ былъ пьянъ на экзаменѣ. Пополнился вѣчекъ вместо бургомистра и разбилъ три чашки, когда садился. Ты знаешь, какъ вспыльчивъ старикъ. Милостивый государь! закричалъ было онъ, но однокже удержался и только кусалъ губы; глаза его такъ и горѣли сквозь очки, какъ двѣ змѣи, которыя хотѣтъ взвиться... всѣ черты были искривлены. Нужно было считать... Мой конкурентъ набралъ свою собственную арифметику и вывелъ Богъ знаетъ что. Онъ провалился! сказалъ бургомистръ, протягивая мнѣ руку, съ ласковымъ видомъ, который придаетъ мнѣ бодрости. Хотя отъ этой руки несло за версту табакомъ, но я такъ не менѣе обмызалъ ее весьма почтительно: и дипломъ мой былъ готовъ и подписанъ.

Магдалина. Но это совсѣмъ...

Леонгардъ. Невозможно? Не такъ ли? Да... Но однокже

и не совсѣмъ упало съ неба. Знаешь ли ты, почему мы не впа-
лись двѣ недѣли?..

Магдалина. Какъ мнѣ знать? Можетъ быть наша есора..

Леонгардъ. Я самъ нарочно вызвалъ эту маленькую разнош-
ку, чтобы отсутствіе мое не слишкомъ тебя удивляло.

Магдалина. Я не понимаю тебя.

Леонгардъ. Еще бы! Я употребилъ это время на ухаживанье за горбатой племянницей бургомистра; вѣдь она его правая рука. Пойми меня хорошенько... Объ ея наружности я не скажу ей ничего лестнаго... хвалилъ только одни волосы: они у ней совсѣмъ рыжіе, какъ тебѣ извѣстно. Но о тебѣ! пустьгъ нѣсколько словъ, которыя ей понравились.

Магдалина. Обо мнѣ?

Леонгардъ. Зачѣмъ скрывать отъ тебя? Я сдѣлала это съ доброй цѣлью. Я говорилъ ей, что никогда не думалъ о тебѣ серьезно, что ты... и проч... Эта игра продолжалась до тѣхъ поръ, пока я не получилъ диплома... Бѣдняжка узнаетъ всю правду, когда наши имена объявятъ въ церкви.

Магдалина. Леонгардъ!

Леонгардъ. Дитя, дитя! Будь незлобива яко голубь; я буду мудръ яко змій, и мы заживемъ совсѣмъ по писанію; потому что мужъ и жена — едино суть (*омились*). Вѣдь и это не случайность, что милый Германнъ напился въ самую важную минуту своей жизни! Ты конечно никогда не слыхала, чтобы онъ придерживался чарочки? а?

Магдалина. Никогда.

Леонгардъ. И тѣмъ не менѣе планъ мой удался отлично: на-
дѣлъ опьянѣлъ съ трехъ стакановъ; за него взялись мои пріятель.
«Можно васъ поздравить? — Нѣтъ еще. — Какъ нѣтъ? Полноте! все
удажено. Вашъ дядюшка... Выпьемъ же! — Ну, выпьемъ!» Нынче
утромъ, когда я шолъ къ тебѣ, онъ стоялъ на мосту и, опершись
на перила, смотрѣлъ меланхолически въ воду. Я поклонился ему
для смѣху спросилъ его, не уронилъ ли онъ чего въ рѣку? — Да,
отвѣчалъ онъ, и кажется хорошо сдѣлаю, если пойду самъ оты-
скивать свою потерю.

Магдалина. Негодяй! ступай вонъ отсюда!

Леонгардъ (*дѣлая видъ, что хочетъ уйти*). Въ самомъ
дѣлѣ?

Магдалина. Господи! и я связана съ такимъ человекомъ!

Леонгардъ. Ну, полно! Не будь же ребенкомъ. И потому еще, скажи мнѣ откровенно: отецъ твой еще не получилъ тысячи талеровъ отъ аптекаря?

Магдалина. Ничего не знаю.

Леонгардъ. Ничего? о такой важной вещи?

Магдалина. Вотъ самъ-отецъ.

Леонгардъ. Ты пойми меня. Аптекарь, говорятъ, не нынче, изъ завтра банкротъ. Потому-то я тебя и спрашиваю.

Магдалина. У меня есть дѣло на кухнѣ (*уходитъ*).

Леонгардъ (*одному*). Значитъ — здѣсь взятки гладки! Я этому не совсѣмъ вѣрю однакожь. Если бы мастеръ Антонъ зналъ, что на его памятникъ вырѣзана лишняя буква, онъ способенъ бы былъ встать изъ гроба и блуждать до тѣхъ поръ, пока ее не со-трутъ, потомучто онъ считаетъ безчестнымъ взять даже у азбуки больше чѣмъ слѣдуетъ.

СЦЕНА ПЯТАЯ

ЛЕОНГАРДЪ и МАСТЕРЪ АНТОНЪ

Мастеръ Антонъ. Здравствуйте, г. кассиръ! (*снимаетъ шляпу и надвигаетъ шерстяной колпакъ*). Вы позволите старику накрыться?

Леонгардъ. Такъ вы уже знаете?..

Антонъ. Со вчерашняго дня. Вчера въ сумерки, зайдя къ умершему мельнику, чтобъ снять съ него мѣрку для его послѣд-няго жилища, я услышалъ, какъ нѣкоторые изъ вашихъ хорошихъ друзей честили васъ, и тотчасъ же сказалъ себѣ: Леонгардъ значитъ не превалялся! — О подробностяхъ сообщитъ мнѣ въ домѣ покойника церковной сторожъ, который приходилъ туда утѣшать вдову и напиться по этому поводу.

Леонгардъ. А Магдалина узнала только отъ меня?

Антонъ. Если ваше сердце не торопило васъ сообщить ей объ этой радости, мнѣ-то что жъ вмѣшиваться?.. Я зажигаю у себя только свои собственныя свѣчи; я увѣренъ по крайней мѣрѣ, что никто не придетъ ихъ тушить въ ту минуту, когда онѣ наиболѣе радуютъ насъ.

Леонгардъ. Надѣюсь однакожь, что вы не думали обо мнѣ...

Антонъ. Думать... объ васъ или объ комъ бы то ни было? Вы

опииваетсь. Я строгаю доски окобой, но людей не строгаю мыслями. Съ этой глупостью я закончилъ. Когда я вижу на деревѣ почки, я говорю себѣ: оно будетъ цвѣсти; когда же оно зацвѣтеть, я говорю: на немъ скоро будутъ плоды. Тутъ я убѣжденъ, что не ошибусь и потому еще сохраняю свою старую привычку. Но о людяхъ я ничего не думаю, рѣшительно ничего: ни хорошаго, ни дурнаго. Такимъ образомъ они никогда не обманываютъ ни моихъ надеждъ, ни моихъ опасеній, и я избавленъ отъ необходимости в краснѣть и блѣднѣть. Я только дѣлаю надъ ними опыты... и беру примѣръ съ своихъ глазъ, которые не думаютъ, а довольствуются тѣмъ, что глядятъ. Что касается до васъ; то я думалъ, что мои опыты надъ вами кончены... но я вижу васъ здѣсь и признаюсь, что до снѣжуръ я зналъ васъ только вполнину.

— Леонгардъ. Вы не правы, мастеръ Антонъ. Дерево зависитъ отъ вѣтра и отъ погоды; человекъ же носитъ въ себѣ свой законъ и свои правила.

Антонъ. Вы полагаете? Ахъ, мы бѣдные старики, какъ много мы обязаны смерти за то, что она такъ долго оставляетъ насъ между вами, молодыми, и даетъ намъ возможность сформироваться. Въ былое время: живи глупость думать, что отецъ долженъ воспитывать сына... Вздоръ! сынъ долженъ дать отцу послѣднюю полировку, обстрогать его хорошенько, чтобы бѣднѣкъ не краснѣлъ передъ червями въ своей могилѣ. Слава Богу, я имѣю въ сынѣ добросовѣстнаго учителя. Онъ не балуетъ излишнею снисходительностью свое старое дитя... и безъ пощадъ разбиваетъ все мои предразсудки. Еще нынче утромъ онъ очень ловко далъ мнѣ два урока, не открывая рта, даже не показываясь, и именно тѣмъ, что не показывался. Во-первыхъ онъ доказалъ, что не нужно держать честнаго слова, а во-вторыхъ, что не нужно ходить въ храмъ Божій и припоминать себѣ святыхъ заповѣди. Вчера онъ обѣщалъ мнѣ, что пойдетъ, и я былъ убѣжденъ въ этомъ; а говорилъ себѣ: онъ конечно захочетъ поблагодарить Бога за изцѣленіе матери. Но нѣтъ! онъ не пришелъ, и мнѣ было раздолье одному на своей скамьѣ... которая, по правдѣ, для двоихъ—то тѣсновата. Чтобы онъ сказалъ, еслибъ я тоже вздумалъ приложить къ дѣлу его правила и замѣнилъ бы своему слову? Я обѣщала ему новое платье къ именинамъ: вотъ бы отличной случай испытать, будетъ ли онъ доволенъ моею внимательностію къ его урокамъ? Но предразсудки, предразсудки!.. Я этого не сдѣлала!

Леонгардъ. Можетъ быть ему не здоровилось!

Антонъ. Можетъ быть; и если бы я обратился къ женѣ, она вѣрное сказала бы, что онъ боленъ. Обо всемъ на свѣтѣ она мнѣ скажетъ правду, только не объ этомъ молодцѣ. Да притомъ, боленъ или не боленъ, все-таки обвинять. Вотъ еще молодость чѣмъ отличается отъ насъ, стариковъ: она умѣетъ поучаться всюду, умѣетъ молиться на стрѣльбѣ, на гуляньѣ, въ кабацѣ. Отче нашъ, же вси на небеси! А, возрастуй Петръ, что, будешь сегодня на танцахъ? Да святится имя Твое! Смѣйся сколько хочешь, Катерина, а мы все-таки придемъ туда... Да будетъ воля Твоя! Ахъ, чортъ побори, я забылъ выбраться! и такъ dalje... А благословенье даютъ себѣ сами. Вѣдь пасторъ такой же человѣкъ, какъ мы; и власть, соединенная съ чернымъ платьемъ, конечно можетъ находиться и въ синемъ. Я ничего не имѣю противъ этого; и если вамъ захочется выпить нѣсколько кружекъ въ теченіе обѣда... Чужъ тутъ дурного? Я никому не могу доказать, что пиво и религія неидутъ вмѣстѣ; можетъ быть даже кончатъ тѣмъ, что введутъ въ литургію этотъ новый способъ причащенія. Я, старый пуританикъ, не въ силахъ разумѣется слѣдовать за модой и не умѣю поймать посреди улицы благоговѣніе, какъ ловлю жука. Щебеташе воробьевъ не замѣляетъ для меня органа, и чтобы душа моя возносила къ небу, я долженъ слышать, какъ затворятся за мной тяжелыя церковныя двери, долженъ представить себѣ, что это двери суетнаго свѣта, долженъ находиться между мрачными стѣнами, подъ высокимъ и узкимъ окномъ, сквозь которое наглій день проникаетъ какъ бы очищеннымъ и смягченнымъ... я долженъ наконецъ завидѣть еще издали голый черепъ, прибитый надъ входомъ...

Леонгардъ. Вы черезъ чуръ строги.

Антонъ. Разумѣется. И именно нынче я долженъ сознаться по чести, что моя метода не удалась мнѣ. Проклятое пустое мѣсто рядомъ со мной такъ смущало меня, что я утратилъ свое благоговѣніе въ церкви и ужъ послѣ нѣмного его въ саду, подъ грушей. Это васъ удивляетъ? Вотъ въ чемъ дѣло: я возвращался грустный и понижій, словно крестьянинъ, котораго постигъ градъ. Дѣти — какъ поля! Въ нихъ съешь доброе сѣмя, а вырастаютъ плевелы. Я остановился подъ своей грушей, подточенной гусеницей. Да, сказалъ я себѣ: молодецъ мой похожъ на это дерево... безплодное и сухое. И тогда — мнѣ показалося вдругъ, что меня томить жажда и что я непременно долженъ пойти въ кабацъ. Но я обманывалъ себя,

потому что мнѣ не хотѣлось ни глотка пива; мнѣ хотѣлось только встрѣтиться съ парнемъ и все отпѣть ему... а я быль увѣренъ, что найду его въ кабацѣ. Я ужь готовъ былъ идти, какъ старое дерево уронило къ ногамъ моимъ сочную грушу... Казалось, оно говорило мнѣ: на, утоли свою жажду; ты сравнилъ меня съ своимъ балбесомъ — сыномъ, а я по христіански плачу тебѣ за твое оскорбленіе. Я отвѣдалъ грушу и пошелъ домой.

Леонгардъ. Знаете ли вы, что аптекаръ совсѣмъ разорился?

Антонъ. А мнѣ что за дѣло?

Леонгардъ. Какъ? Вамъ нѣтъ дѣла до этого?

Антонъ. То есть впрочемъ есть, — какъ христіанину. У бѣдняка куча дѣтей.

Леонгардъ. А еще больше кредиторовъ. Впрочемъ дѣти — это тоже своего рода кредиторы.

Антонъ. Счастливъ, у кого нѣтъ ни тѣхъ, ни другихъ!

Леонгардъ. Я думалъ, что вы сами...

Антонъ. О, мое дѣло давно покончено.

Леонгардъ. Вы человѣкъ предусмотрительный; и вѣроятно тотчасъ же взяли свои деньги, какъ только замѣтили, что дѣла аптекаря пошли плохо.

Антонъ. Да, я не боюсь потерять ихъ, потому что они давно потеряны.

Леонгардъ. Вы шутите?

Антонъ. Я говорю правду.

Магдалина (*выставивъ голову въ дверяхъ*). Ты звалъ меня, отецъ.

Антонъ. Что, у тебя въ ушахъ звенить, что ли? Мы еще не говорили о тебѣ.

Магдалина. Вотъ газета. (*уходитъ*)

Леонгардъ. Вы однакожъ философъ.

Антонъ. Какъ вы это понимаете?

Леонгардъ. Вы умѣете покоряться обстоятельствамъ.

Антонъ. Я часто хожу съ камнемъ на шеѣ; но никогда еще не бросался въ воду. Напротивъ, онъ мнѣ выпрямляетъ спину.

Леонгардъ. Пускай вамъ подражаетъ, кто можетъ.

Антонъ. А тотъ, кто имѣетъ поддержку въ васъ, можетъ плавать подъ своимъ бременемъ. Вы даже поблѣднѣли отъ моего горя. Вотъ это такъ значитъ принимать истинное участіе.

Леонгардъ. Не сомнѣвайтесь во мнѣ пожалуйста!

Антонъ. О, конечно нѣтъ... (*барабанитъ пальцами по ко-
лоду*). Зачѣмъ это дерево не прозрачно? а?

Леонгардъ. Я не понимаю васъ.

Антонъ. Какъ праотецъ нашъ Адамъ былъ простъ! Взялъ Еву
нагую и бѣдную. Вотъ мы съ вами такъ выгнали бы ее плетьюми изъ
рая, какъ побродягу. Не правда ли?

Леонгардъ. Вашъ сынъ разстроилъ васъ... А я пришолъ
было просить руки...

Антонъ. Пойдите! Вѣдь я пожалуй не откажу...

Леонгардъ. Я надѣюсь и выскажу вамъ всю свою мысль.
Сами патріархи, и тѣ не пренебрегали приданымъ жонъ своихъ:
Иаковъ любилъ Рахиль и семь лѣтъ работалъ, чтобы получить ее;
но это не помѣшало ему обрадоваться жирнымъ овцамъ и бара-
намъ, которыхъ онъ приобрѣлъ въ услуженіи у тестя. Я полагаю,
что это не бросаетъ на него тѣни? Стараться превзойти его, зна-
чило бы его унижить. И поэтому—то я былъ бы очень доволенъ,
если бы дочь ваша принесла мнѣ нѣсколько добрыхъ талеровъ. Мнѣ
кажется это естественно: ей самой было бы у меня лучше. Когда
дѣвушка приноситъ съ собой добро свое — ей не нужно прясть
шерсти и ткать полотна. Если жъ этого нѣтъ... мнѣ все равно. Мы
будемъ постничать по воскресеньямъ, а воскресный обѣдъ будемъ
ѣсть въ Рождество... и проживемъ кое-какъ.

Антонъ (*протягивая ему руку*). Вы хорошо говорите, и Го-
споду Богу угодны такія слова. Я готовъ забыть, что дочь моя цѣ-
лымъ дѣвѣмъ, за вечернимъ чаемъ, понапрасну ставила для васъ
чашку; и такъ-какъ вы должны сдѣлаться моимъ зитемъ, то я вамъ
разскажу, куда дѣвались мои тысяча талеровъ.

Леонгардъ (*про себя*). Такъ ихъ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ! Ну,
чтожъ? Значитъ я избавленъ отъ обязанности ухаживать за ста-
рымъ волкомъ, когда онъ будетъ моимъ тестемъ.

Антонъ. Дѣтство мое было сурово... Родившись на свѣтъ,
я также мало походилъ на дикобраза, какъ вы; но сдѣлался имъ
мало-по-малу... Сначала щетина моя росла внутрь; и всѣ щинали
и колотили меня, помирая со смѣху, когда иглы вонзались мнѣ въ
бока и въ сердце... Мнѣ это не понравилось; я выворотилъ свою
шкуру — иглы стали колоть имъ пальцы... и я былъ оставленъ въ
покоѣ. (*Помолчавъ*). Отецъ мой день и ночь надрывался надъ ра-
ботой и умеръ тридцати лѣтъ. Моя бѣдная мать кормила меня кое-
какъ за пралкой. Я подросъ, ни чему не учившись. Потомъ, когда

я сталъ большимъ, мнѣ хотѣлось отвыкнуть ѣсть; потомучто я ничего не выручалъ. Но случилось вотъ что! Если я въ полдень прикидывался больнымъ и держалъ діету, къ вечеру мой желудокъ напоминалъ мнѣ, что я здоровъ. Величайшимъ мученіемъ мнѣ было то, что я ничего не умѣлъ дѣлать; и я обвинялъ во всемъ самого себя, какъ-будто моя вина была, что питаюсь материнскою грудью, я не накалъ себѣ ничего кромѣ зубовъ; и какъ-будто я по своему произволу оставилъ въ ней всѣ полезныя качества. Я стыдился свѣта, которымъ надѣляло меня даромъ солнце. Вскорѣ послѣ моего перваго причащенія, мастеръ Гебгардъ, тотъ самый, котораго схоронили вчера, пришолъ къ намъ. Онъ хмурилъ брови и гримасничалъ, какъ это обыкновенно бывало съ нимъ, когда онъ замышлялъ доброе дѣло. Онъ подошелъ къ матери моей и сказалъ: развѣ вы родили своего мальчугана только затѣмъ, чтобы онъ объѣдалъ васъ? Мнѣ стало совѣстно и я поскорѣй спряталъ въ шкафъ краюшку хлѣба, за которую только-что хотѣлъ приняться. Мать моя, оскорбленная этимъ жесткимъ словомъ, сказаннымъ съ честнымъ намѣреніемъ, быстро оставила прялку и отвѣчала, что сынъ ея не хуже другихъ. Это мы увидимъ, возразилъ мастеръ Гебгардъ! Если онъ не прочь, то можетъ сейчасъ же идти, такъ, какъ онъ есть, въ мою мастерскую. Ему не надо платить за учење. Его будутъ кормить и дадутъ ему платье. А если онъ захочетъ ложиться поздно и вставать рано, то можетъ заработать кое-что и для старухи-матери. Тогда мать моя заплакала, а я принялся плясать. Потомъ, когда наконецъ мы могли заговорить, мастеръ Гебгардъ зажалъ себѣ уши и вышелъ, сдѣлавъ мнѣ знакъ. Мнѣ не нужно было надѣвать шапку, потомучто у меня ея не было; и я, не простившись съ матерью, пошелъ за хозяиномъ. Когда же я, въ слѣдующее воскресенье, выбралъ свободную минуту, чтобы повидаться съ нею, онъ послалъ ей со мной половину окорока. Вѣчная память доброму старику! Я какъ теперь слышу его грубый голосъ: Тони! спрячь окорокъ подъ палой, чтобы жена моя не видала.

Леонгардъ. Такъ и вы умѣете плакать?

Антонъ (*утирая глаза*). Да, я бы не долженъ никогда вспоминать объ этомъ: какъ бы я ни затыкалъ вотъ эти комодцы слезъ своихъ, онѣ все-таки пробьются. Э, что за бѣда! Если со мной сдѣлается водяная, такъ меньше воды надо будетъ изъ меня выпускать. (*Съ живостью*). Чтобы вы сказали, еслибъ однажды, послѣ обѣда, отправляясь къ человѣку, которому вы всѣмъ обязаны,

чтобы выкурить съ нимъ трубку и поболтать, вы нашли его въ страшномъ отчаяннн, почти въ сумасшествнн, съ ножомъ въ рукѣ, съ тѣмъ самымъ ножомъ, которымъ онъ тысячу разъ рѣзалъ вашу лѣтъ, съ окровавленнымъ горломъ, съ галстухомъ, поднятымъ выше подбородка?

Леонгардъ. Онъ носилъ такъ свой галстухъ до самой смерти.

Антонъ. По причинѣ раны... И еслибы, говорю я, вы успѣли во-время и могли спасти его, но не тѣмъ только, что вырвали бы ножъ изъ рукъ и перевязали бы эту рану, а отдавъ ему эту несчастную тысячу талеровъ, которую вы сколотили, да и тотайкомъ, потому что иначе бѣдной больной не припаялъ бы ихъ, — что бы вы сдѣлали?

Леонгардъ. Будь я свободенъ, какъ теперь, безъ жены и дѣтей, я бы отдалъ деньги.

Антонъ. Имѣйте вы десять жонъ, какъ турокъ, и столько дѣтей, сколько обѣцано Аврааму, да не сдѣлайте этого, такъ вы были бы... Ладно, вы будете моимъ зятемъ. Вы знаете теперь, куда дѣвались мои деньги. Я могу вамъ это сказать сегодня, потому что мой старшй хозяинъ въ могилѣ. Мѣсяць тому назадъ я молчалъ бы и на смертномъ одрѣ. Я сунулъ ему подъ голову его вексель, прежде чѣмъ заколотили гробъ. Еслибъ я умѣлъ писать, я бы расписался на этомъ векселѣ, что получилъ долгъ; но я неграмотный и могъ только разорвать бумагу пополамъ. Теперь онъ долженъ спать спокойно; надѣюсь, что и меня ожидаетъ тоже, когда я лягу подлѣ него.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

МАТЬ и ПРЕДЪИДУЩІЕ

Мать. Узнаешь ли ты меня?

Антонъ (*указывая пальцемъ на ея платье*). Узнаю раму, она хорошо сохранилась. Но картина не совсѣмъ; пауки какъ-будто почерннли ее своей сѣтью... Правду сказать, они имѣли на это довольно времени!

Мать. Мой муженекъ откровененъ; но его нечего хвалить за это: откровенность — добродѣтель всѣхъ мужей.

Антонъ. Тебѣ досадно, что ты въ двадцать лѣтъ была лучше нежели теперъ... въ пятьдесятъ?

Мать. О, конечно нѣтъ.

Антонъ. Ну, такъ поцѣлуемся. Я нынче выбрить и пограсивѣе, чѣмъ обыкновенно.

Мать. Пожалуй, хоть бы для того, чтобъ посмотреть, не разучился ли ты цѣловаться. Ужь сколько времени тебѣ не приходило въ голову подобной мысли.

Антонъ. Хорошая жена! хорошая мать! Я не молюсь о томъ, чтобы ты закрыла мнѣ глаза... это было бы слишкомъ горько... Я закрою твои; я окажу тебѣ эту послѣднюю услугу любви. Но дай же мнѣ немножко времени, чтобы приготовить, закатиться, чтобы не быть неловкимъ; ты чуть-чуть не поспѣшила.

Мать. Богъ дастъ, еще проживемъ вмѣстѣ.

Антонъ. Надѣюсь. Какая ты нынче румяненная.

Мать. Чудакъ нашъ новый могильщикъ! Нынче утромъ, когда я проходила мимо кладбища, онъ рылъ могилу; я спросила: для кого это? Для кого Богъ велитъ, отвѣчалъ онъ; можетъ быть для меня самого, — какъ знать? Можетъ быть со мной случится то, что съ моимъ дѣдомъ, который вырылъ могилу за-ранѣе, и ночью, возвращаясь изъ кабака, попалъ въ нее и сломилъ себѣ шею.

Леонгардъ. Этотъ человѣкъ не здѣшній: онъ можетъ намъ рассказывать все, что ему угодно.

Мать. Я спросила его, почему онъ не дожидается заказа на могилу, а роетъ ее заранѣе? Онъ отвѣчалъ: я нынче буду на свадьбѣ и предчувствую, что у меня заболитъ голова. Ну что, если кто-нибудь вздумаетъ подшутить надо мной, да умереть въ эту ночь; мнѣ придется встать споразаранку, и я не въ состояніи буду исполнить своего дѣла.

Антонъ. Я бы сказалъ ему: Ахъ ты, шутникъ! А если могила твоя не придется по мѣркѣ покойнику?

Мать. Я не сказала ему этого. Но чудакъ не полезетъ въ карманъ за отвѣтомъ: я, говоритъ, снялъ мѣрку съ ткача Вейта, который выше всѣхъ головой, какъ царь Саулъ. Теперь приходи кто хочетъ, не найдетъ своего жилища тѣснымъ; и если оно будетъ слишкомъ просторно, такъ ужъ это моя бѣда, потому что я человѣкъ честный и не беру никогда больше того, что слѣдуетъ по мѣрѣ гроба. Я бросила цвѣты въ могилу и сказала: вотъ она и занята.

АНТОНЪ. Я думаю, что чудакъ хотѣлъ пошутить, но и это ужь дурно: рыть могилу заранѣе, значить накликаеть смерть; нужно прогнать этого негодая. *(къ Леонгарду, читающему газету)* Что поваго? Небось, какой-нибудь филантропъ ищетъ бѣдную вдову, чтобъ подѣлиться съ нею сотнею талеровъ? или бѣдная вдова ищетъ филантропа?

ЛЕОНГАРДЪ. Полиція объявляетъ о кражѣ драгоценныхъ вещей. Странно! видно не смотря на всеобщую бѣдность, есть еще люди, которые имѣютъ драгоценныя вещи

АНТОНЪ. Покража? у кого?

ЛЕОНГАРДЪ. У негоціанта Вольфрама.

АНТОНЪ. У Вольфрама? Невозможно! Это тамъ, гдѣ Карлъ позировалъ нѣсколько дней тому назадъ комодъ.

ЛЕОНГАРДЪ. Изъ комода—то именно и пропали вещи.

МАТЬ *(къ Антону)*. Да простить тебѣ Богъ твои слова.

АНТОНЪ. Ты права; это недостойная мысль.

МАТЬ. Я должна тебѣ сказать, что ты для своего сына отецъ только въ половину.

АНТОНЪ. Не будемъ говорить объ этомъ нынѣ, жена.

МАТЬ. Онъ не похожъ на тебя, но изъ этого не слѣдуетъ, что онъ непременно долженъ быть негодяемъ.

АНТОНЪ. Гдѣ онъ пропадаетъ? Двѣнадцать давно пробило, и я ручаюсь, что гушанье давно подгорѣло, потому что Магдалинѣ дано тайное приказаніе не накрывать на столъ, пока не вернется братъ.

МАТЬ. Гдѣ ему быть? Вѣрно играетъ въ кегли. Онъ всегда долженъ уходить подальше, чтобъ ты не нашолъ его, и потому онъ не можетъ вернуться скоро. Я не понимаю, что ты имѣешь противъ этой невинной игры?

АНТОНЪ. Противъ этой игры? Ничего. Нужно же красивымъ господчикамъ чѣмъ-нибудь заниматься. Еслибъ не было бубноваго короля, настоящіе короли скучали бы иногда... А какъ знать? Еслибъ не было кегельныхъ шаровъ, князья и бароны стали бы играть нашими головами. Но ремесленникъ не можетъ ничего хуже придумать, какъ проигрывать свои деньги, добытыя тяжелымъ трудомъ. Человѣкъ долженъ уважать то, что онъ приобрѣтаетъ въ потѣ лица, долженъ считать это священнымъ и дорогимъ; иначе онъ унижается, пренебрегаетъ своею жизнью и своими способностями.

Меня беретъ дрожь при мысли, что можно прометать гундленъ.
(Звонокъ).

МАТЬ. Вотъ онъ!

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

входятъ АДАМЪ съ другимъ полицейскимъ

Адамъ (къ Антону). Ну, платите же свой закладъ, вы его проиграли; вы говорили, что люди въ красныхъ мундирахъ съ синими отворотами никогда не переступятъ вашего порога; а вотъ видите, двое ужь здѣсь. (къ другому полицейскому). Зачѣмъ ты снялъ шапку? Съ равными нечего церемониться.

Антонъ. Я тебѣ равный, мошенникъ?

Адамъ. Вы правы, мы вамъ неровня. Что намъ за ровня воры да негодяи? (указывая на комодъ) Обыскать! А вы — три шага назадъ, чтобъ чего-нибудь не припрятали.

Магдалина (входя накрывать на столъ.) Можно... (осматривается въ недоумѣннн.)

Адамъ (къ Антону.) Умѣете ли вы читать писанов?

Антонъ. Какъ же я буду знать то, чего не зналъ мой школьный учитель?

Адамъ. Ну, такъ слушайте. Сынъ вашъ укралъ брильянты. Воръ у насъ въ рукахъ; а мы пришли дѣлать обыскъ.

Мать. Господи! (падаетъ мертвая.)

Магдалина. Матушка! матушка! Какъ она страшно гадить!

Леонгардъ. Я побѣгу за докторомъ.

Антонъ. Ненужно. Это образъ смерти. Онъ знакомъ мнѣ. Доброй ночи, Тереза. Злая вѣсть убила себя: такъ и напишутъ на твоей могилѣ.

Леонгардъ. Можетъ быть еще есть надежда (въ сторону, пренебрегая, удаляясь) ужасно!.. но для меня-то какое счастье!

Антонъ (бросая полицейскимъ связку ключей.) Отпирайте все шкапы, все сундуки! Молотокъ! Ключъ отъ комода потерявъ. А! мы воры? мы мошенники? (выворачивая карманы.) Ничего вѣтъ!

2-й полицейскій. Успокойтесь, мастеръ Антонъ; всѣмъ извѣстно, что вы честнѣйшій человекъ въ городѣ.

Антонъ. Въ самомъ дѣлѣ? (смыслъ.) Да, я забралъ и шокитилъ

всю честь семейства. Бѣдный мзай, на его долю ничего не осталось (*указывая на мать*). Она тоже была не слишкомъ чиста... Какъ знать, будетъ ли дочь... Что ты на это скажешь, смиренница?

Магдалина. Батюшка!

2-й полицейскій (*къ Адаму*). Неужели въ васъ нѣтъ жалости?

Адамъ. Жалости? развѣ я шарю въ карманахъ у старика? Развѣ я заставляю его снимать сапоги и выворачивать чулки? Я хотѣлъ было начать съ этого, потомучто ненавижу его такъ, какъ только можно ненавидѣть, съ тѣхъ поръ, какъ въ тавернѣ стаканъ его... вы знаете эту исторію и должны бы тоже считать себя оскорбленными, еслибъ у васъ была хоть капля чести въ брюхѣ. (*къ Магдалинѣ*) Гдѣ братнина компата?

Магдалина. Тамъ! (*полицейскіе уходятъ*). Батюшка! онъ невиненъ; онъ долженъ быть невиненъ... Развѣ онъ не сынъ тебѣ? развѣ онъ не братъ мой?

Антонъ. Невиненъ — а убилъ мать свою (*считая*).

(*Входитъ служанка и подаетъ Магдалинѣ письмо*.)

Служанка. Отъ г. кассира Леонгарда.

Антонъ. Можешь не читать... Онъ отказывается отъ тебя. (*хлопаетъ въ ладоши*). Молодецъ, каналья!

Магдалина (*прочитавъ*). Да! да! О мой Боже!

Антонъ. Брось его!

Магдалина. Не могу, батюшка.

Антонъ. Не можешь? Не можешь? Что это? развѣ ты... (*Полицейскіе входятъ*).

Адамъ (*со злостью*). Поищите и найдете.

2-й полицейскій. Вѣдь ужь искали — ничего нѣтъ. Что вы накинудись?

Адамъ. Молчать! (*уходятъ*).

Антонъ. Онъ невиненъ, — а ты, ты...

Магдалина. Батюшка, ты страшенъ.

Антонъ (*беретъ ее за руку и говоритъ ей тихо*). Милая дочка.. Карлъ простофиля: онъ убилъ только мать; что за важность! Отецъ еще живъ! Помоги братцу! одного вѣдь на все хватить... Меня — то ужь ты добей...? Что? старъ пень? видно крѣпокъ и коренастъ? Не по силамъ? Нѣтъ, ужь шатается! Съ нимъ скоро покончишь! Тебѣ не нужно будетъ и подрубать его. Ты хорошенькая

... я тебя никогда не хвалилъ... но нынче — я долженъ тебѣ сказать это, чтобъ ободрить тебя: твои глаза, твой носикъ, твои губки вѣрно понравятся... сдѣлайся... ты меня понимаешь... или просто скажи мнѣ: ужь сдѣлалась?

Магдалина (*бросается къ трупу матери въ отчаяніи*). Матушка! матушка!

Антонъ. Возьми руку усопшей и клянись мнѣ, что ты честная.

Магдалина. Клянусь... что не навлеку... на тебя позора.

Антонъ. Ладно! (*надвѣваетъ шпиль*). Славная погода! пойдѣмъ по улицамъ... пускай насъ видятъ... отвѣдаемъ шпицрутеновъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ

Комната въ домѣ столара

СЦЕНА ПЕРВАЯ

МАСТЕРЪ АНТОНЪ (*встаетъ изъ за стола*). МАГДАЛИНА (*собираетъ со стола*).

Мастеръ Антонъ. А ты опять ничего не ѣла?

Магдалина. Я сыта, батюшка.

Антонъ. Чѣмъ же это?

Магдалина. Я поѣла въ кухнѣ.

Антонъ. У-кого нѣтъ аппетита, у того нечиста совѣсть! Ну, да когда-нибудь все пойдетъ своимъ чередомъ! Или ужь нѣтъ ли яду въ супѣ, какъ вчера мнѣ приснилось; не подмѣшалось ли немножко дурману къ травамъ, что ты собирала сегодня? Ну, такъ ты хорошо сдѣлала, что не ѣла.

Магдалина. Боже мой, Боже мой!

Антонъ. Прости меня, я... убирайся ты къ чорту съ своей кислой рожей!.. Румянь долженъ быть тотъ, кто молодъ! Одишь только вправѣ надѣть на себя такую рожу, но онъ этого не дѣлаетъ! Ахъ, ты!.. какихъ бы я надавалъ оплеухъ тому, кто охаетъ, обрѣ-

завши палець! Никто не смѣй жаловаться, потому что вотъ стоитъ человѣкъ, который... Самого себя хвалить скверно; но — что я сдѣлалъ, когда сосѣдъ хотѣлъ заколотить гробъ твоей матери?

Магдалина. Ты вырвалъ у него молотокъ, самъ заколотилъ крышку и сказалъ: вотъ это моя лучшая работа! Канторъ, что допѣвалъ литанію съ своими пѣвчими, подумалъ, что ты съ ума сошолъ.

Антонъ. Съ ума сошолъ! (*смытется.*) Съ ума сошолъ! Умная та голова, что отсѣкаетъ себя во время! Эхъ, крѣпко моя держится, — а то вы... Да! бродишь-бродишь по этому свѣту и думаешь, что вотъ пришелъ въ добрую гостинницу и сидишь у печки, — а какъ вдругъ поставятъ свѣчи на столъ, и увидишь, что забрелъ въ воровской вертегъ; а тутъ пифъ-пафъ! и пошло со всѣхъ сторонъ! Ну, да ничего, сердце у насъ вѣдъ каменное.

Магдалина. Да, батюшка, правда.

Антонъ. А ты что знаешь? Ужь не думаешь ли ты, что имѣешь полное право посылать весь міръ къ чертямъ, оттого что твой писарь сбѣжалъ? Найдется кому провожать тебя на гулянья по воскресеньямъ, найдется кому напѣвать тебѣ, что твои щечки румяны да глазенки сини, найдется кому и замужъ за себя взять, если ты будешь стоять этого. А вотъ когда ты лѣтъ тридцать потаскаешь бремя жизни со славою и честію, перенесешь безъ ропота всякое горе, и смерть близкихъ, и скорбь и всякое испытаніе, и потомъ когда твой сынъ, который долженъ бы былъ сшить для твоей старой головы чистую подушку, придетъ и покроетъ тебя стыдомъ такъ, что ты станешь умолять землю: поглоти меня, если я непротивенъ тебѣ, потому что я грязнѣ тебя! — тогда я позволю тебѣ выговорить всѣ проклятія, что гнѣзятся въ груди моей, тогда рви на себѣ волосы, терзай свою грудь! ты можешь это дѣлать — ты не мужчина!

Магдалина. О Карлъ!

Антонъ. Вотъ такъ-то я спрашиваю самого себя: что я сдѣлаю, когда увижу его опять передъ собою, когда вечеромъ, въ потемкахъ, онъ войдетъ сюда съ обритой головой, — потому что въ тюрьмѣ вѣдъ ужь прощай завивка, — и пробормочетъ добрый вечеръ, держась рукой за дверную скобку? Что я сдѣлаю что-нибудь, это вѣрно; но что?... (*скрежещетъ зубами*). И хоть бы его десять лѣтъ тамъ продержали, онъ найдетъ меня; а долго проживу, я это знаю...

Помни, смерть, что съ этой минуты — я камень для твоей жосы, и она разлетится въ куски прежде, нежели я тронусь съ мѣста!

Магдалина (*береть его за руку*). Батюшка, ты отдохнулъ бы хоть четверть часика.

Антонъ. Да, и увидѣлъ бы во снѣ, что ты — потаскушка... и потомъ вскочилъ бы, схватилъ бы тебя за руку, потомъ прищолъ бы въ себя и сказалъ: милая дочка, я не знаю, что дѣлаю! Мой сонъ прогналъ фигляра и взялъ себѣ въ слуги пророка, который кровавымъ пальцемъ указываетъ ему на страшныя вещи... и я не знаю, какъ это случится, а мнѣ все кажется возможнымъ. У! Будущее заставляетъ меня дрожать, точь въ точь какъ дрожилъ тогда, когда смотришь въ микроскопъ на стаканъ воды... — Правда, г. Канторъ? Онъ вѣд мнѣ много толковалъ про это... Да я и самъ какъ то на ярмаркѣ въ Нюренбергѣ смотрѣлъ въ микроскопъ на воду, а послѣ не могъ пить цѣлый день! Милаго Карлушу видѣлъ я прошлую ночь съ пистолетомъ въ рукѣ: когда я хотѣлъ подойти къ нему поближе, онъ выстрѣлилъ; я услышалъ крикъ... сначала мнѣ дымъ мѣшалъ видѣть, а когда дымъ разошелся, я не увидалъ ни крови, ни раздробленнаго черепа; господинъ сынокъ, сдѣлавшись богачомъ, стоялъ противъ меня и пересыпалъ съ одной руки на другую золотыя монеты съ такимъ покойнымъ видомъ, что — чортъ меня побери, если можно быть покойнѣе тогда, какъ проработавши цѣлый день, запираешь за собой верстакъ на ключъ... Ну, да что тамъ объ этомъ!

Магдалина. Успокойтесь же.

Антонъ. Да, и будьте здоровы попрежнему! Зачѣмъ вы больны? Ну, лекаръ, дай лекарство! Братъ твой — былъ ядащимъ сыномъ, — будь ты лучшей дочерью! Знаешь ли ты, что я стою теперь предъ лицомъ свѣта какъ негодный банкротъ: вмѣсто честнаго человѣка, котораго бы я долженъ былъ дать ему за себя, стараго инвалида, — я далъ ему шельмеца, я обманулъ его. Будь же хоть ты-то такой женщиной, какой была твоя мать — и тогда скажутъ: не родители виноваты въ томъ, что малый свихнулся, за то дочь идетъ по прямой дорогѣ, и идетъ впереди всѣхъ (*съ страшнымъ гладнокровіемъ*). А я съ своей стороны готовъ на все, чтобы штуку-то эту было сдѣлать тебѣ гораздо легче, нежели другимъ. Когда я замѣчу, что на тебя указываютъ пальцами (*движеніе къ ней*), я стану бриться, и *кланусь тебѣ*, что забрѣю себя на смерть, а ты можешь сказать, что старикъ испугался лошади, что промчалась

по дорогѣ , или кошка уронила ступь на полъ , или мышь пробѣжала по ногѣ ! Тѣ , которые знаютъ меня , вѣрно покачаютъ при этомъ головою , потому что извѣстно , что я не трусливъ , да какъ же быть ? вельзя же мнѣ будетъ оставаться на этомъ свѣтѣ , гдѣ люди только изъ жалости не стануть на меня харкать !

Магдалина. Боже милосердый , что мнѣ дѣлать ?

Антонъ. Ничего , ничего , милое дитятко ; я чувствую , что жестокъ съ тобою ; ровно ничего , оставайся тѣмъ , что ты есть , и все пойдетъ хорошо ! О , я столько испыталъ несправедливостей , что если не хочу умереть , то долженъ и самъ быть несправедливымъ . Послушай : сейчасъ я шолъ по улицѣ ; встрѣчается со мной рябой Фрицъ , воришка , котораго я нѣсколько лѣтъ тому назадъ засадилъ въ яму за то , что онъ три раза запускалъ лану въ мои карманы . Прежде подлець не осмѣливался на меня глазъ поднять , а теперь подходитъ прямехонько ко мнѣ и подаетъ руку . Хотѣлось мнѣ дать ему по уху , да одумался ; я даже и не плюнулъ ни разу : вѣдь ужъ цѣлую недѣлю какъ мы съ нимъ родня , а родня должна же вѣдь другъ другу кланяться . Пасторъ , этотъ сострадательный человекъ , что вчера навѣстилъ меня , думаетъ , что человекъ не отвѣчаетъ ни за кого другаго , кромѣ самого себя ; что страдать за сына есть съ моей стороны ничего больше , какъ не-христіанское высокомеріе ; потому что Адамъ не былъ въ такомъ расположеніи духа , какъ я . Батюшка , вѣрю я , что миръ Адама нисколько не возмутится въ раю оттого , что кому-нибудь изъ его пра-пра-правнуковъ придетъ охота сдѣлаться убійцей или воромъ , но развѣ онъ не рвалъ на себѣ волосы отъ поступка Каина ? — Нѣтъ , нѣтъ , это ужъ слишкомъ ! Мнѣ поминутно нужно озираться на свою тѣнь , не становится ли она еще чернѣе ! потому что все , все я могу перенести , и я доказалъ это , — все , кромѣ позора ! Клади мнѣ что хочешь на затылокъ , только не перерѣзывай нерва , который даетъ мнѣ силы !

Магдалина. Батюшка , вѣдь Карлъ еще не признался ; у него ничего не нашли .

Антонъ. Что мнѣ за дѣло ? Я обошолъ весь городъ , я по всѣмъ кабакамъ справлялся о долгахъ Карла : они гораздо выше того , что онъ заслужилъ бы у меня въ послѣдніе три мѣсяца , если бы даже работалъ втрое прилежнѣе . Теперь я понимаю , отчего онъ шабашилъ двумя часами лодитѣе , да и вставалъ — то гораздо раньше . Но когда онъ увидѣлъ , что изъ этого ничего не выходитъ , что все

это или очень утомительно или очень долго, — то воспользовался первым случаемъ.

Магдалина. Вы всегда думали о Карлѣ очень дурно... Помните ли вы, когда...

Антонъ. Ты говоришь точно тоже, что говорила твоя мать, и я отвѣчу тебѣ тоже, что отвѣтилъ бы ей: я замолчу!

Магдалина. А если Карла выпустятъ? Если вещи найдутся?

Антонъ. Тогда мы созовемъ адвокатовъ, и хоть бы мнѣ пришлось прохлопотать послѣднюю рубашку, — мы узнѣемъ, имѣлъ ли право бургомистръ посадить въ тюрьму сына честнаго человѣка. Если имѣлъ, то я склоню голову передъ тѣмъ, что со всякимъ можетъ случиться, хоть, правда, это стѣитъ мнѣ въ тысячу разъ дороже, нежели всякому другому... Когда Господь разить меня — я складываю руки, и говорю: Господи, ты знаешь, за что! А если нѣтъ — если господинъ съ золотой цѣпью на шеѣ слишкомъ поторопился, только потому, что кунецъ, у котораго украдены вещи — его тесть, то мы посмотримъ, есть-ли въ законѣ лазейки, и долженъ ли король награждать правосудіемъ вѣрность и повиновеніе своихъ подданныхъ, и захочетъ ли онъ, чтобъ эта лазейка осталась незадѣланной. Да все это бесполезныя рѣчи! Малый точно также выйдетъ изъ этого процесса чистымъ, какъ и твоя мать выйдетъ изъ гроба живая! Нѣтъ, отъ него я не жду утѣшеній... Будь же хоть ты вѣрна своей клятвѣ, чтобъ мнѣ не пришлось исполнить мою! (*идетъ и возвращается назадъ*). Я возвращаюсь поздно вечеромъ; я иду въ гору повидѣться съ старымъ лѣсникомъ. Онъ одинъ по прежнему глядитъ мнѣ прямо въ глаза, потому что ничего не знаетъ о моемъ позорѣ. Онъ глухъ; съ нимъ надо охрипнуть, кричавши: да и тогда онъ пойметъ все навыворотъ, — вотъ почему онъ еще ничего не знаетъ. (*Уходитъ*).

СЦЕНА ВТОРАЯ

Магдалина (*одна*). О, Боже, Боже! Сжался надо мною, сжался надъ бѣднымъ старикомъ! Возьми меня къ себѣ! Иначе ему нѣтъ спасенія! Посмотри, — солнечный лучъ такъ ярко блеститъ на улицѣ, что дѣти ловятъ его руками, птицы кружатся въ воздухѣ, цвѣты и травы растутъ... Все живетъ, все хочетъ жить, тысячи больныхъ трепещутъ предъ тобой въ этотъ часъ, о смерть; и даже тотъ,

кто зываетъ тебя безсонною ночью, потомучто страданія его были невыносимы, даже тотъ находить постель свою прохладной и мягкой, — а я зову тебя! Пощади того, чья душа сжимается при твоёмъ приближеніи, оставь его жить до тѣхъ поръ, пока этотъ прекрасный міръ снова сдѣлается сѣръ и мраченъ, — и вмѣсто него возьми меня! Я не затрепещу, когда ты протянешь мнѣ холодную руку, я схвачу ее безъ боязни и пойду за тобою радостно, такъ радостно, какъ никогда еще дитя земли не ходило за тобой!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Купецъ Вольфрамъ (*входитъ*). Здравствуйте, юнгеръ Магдалина. Отца вашего нѣтъ дома?

Магдалина. Онъ только что вышелъ.

Вольфрамъ. Я пришолъ... вещи мои нашлись.

Магдалина. О, батюшка, зачѣмъ тебя нѣтъ здѣсь! Онъ забылъ свои очки, вотъ они тамъ! О, еслибъ онъ хватился ихъ и вернулся домой! Какъ же это? гдѣ? — у кого?

Вольфрамъ. Жена моя.. скажите мнѣ откровенно, юнгеръ, не слышали ли вы чего нибудь необыкновеннаго на ея счетъ?

Магдалина. Слыкала...

Вольфрамъ. Что она... (*показываетъ на лобъ*). Не правда ли?

Магдалина. Что иногда она бываетъ не въ своемъ умѣ, — правда!

Вольфрамъ (*разнерячался*). Боже мой! Боже мой! Все было напрасно! Если я бралъ въ домъ свой слугу, я уже никогда не отпускалъ его; я всѣмъ платилъ двойное жалованье, я навсѣ неисправности смотрѣлъ сквозь пальцы, чтобы купить ихъ скромность, а они — лицемерныя, неблагодарныя твари! О, мои бѣдныя дѣти! Для васъ я хотѣлъ заглушить эти слухи!

Магдалина. Не вините своихъ людей! Они навѣрно невиноваты. Когда загорѣлся домъ сосѣда, жена ваша сидѣла у окна, хлопала въ ладоши и изо всѣхъ силъ дула на огонь, словно она хотѣла его усилить и показаться сумасшедшей. Это видѣли тысячи.

Вольфрамъ. Правда. Ну, если ужъ весь городъ знаетъ о моемъ несчастіи, было бы съ моей стороны глупо просить о молчаніи. Слушайте же. Покражу, за которую сидитъ въ тюрьмѣ вашъ братъ, сдѣлала безумная!

Магдалина. Ваша жена!

Вольфрамъ. То, что она, нѣкогда благороднѣйшая, сострадатѣльнѣйшая душа на свѣтѣ, сдѣлалась злою и безстыдною, что она веселится и радуется, когда передъ глазами ея совершится какое-нибудь несчастіе, когда служанка разобьетъ стекло или обрѣжетъ палець, — это зналъ я давно; но что она похищаетъ вещи изъ своего же дома, прячетъ серебро и уничтожаетъ бумаги, это къ несчастію я узналъ слишкомъ поздно, а именно — сегодня послѣ обѣда. Я легъ въ постель и уже сталъ засыпать, когда она подошла ко мнѣ на ципочкахъ и пристально смотрѣла, сплю я или нѣтъ. Я крѣпко сжалъ рѣсницы: тогда она взяла ключъ изъ моего жилета, висѣвшаго на стулѣ, отперла бюро, взяла свертокъ съ золотомъ, заперла ящички и положила ключъ на мѣсто. Я ужасно возмущился, но удержалъ себя, чтобы не привести ее въ замѣшательство. Она вышла изъ комнаты, я на ципочкахъ шолъ за нею. Взойдя на чердакъ, она бросила свертокъ въ старый сундукъ, который стоялъ тамъ пустой со времянь дѣдушки; потому блуждающими глазами осмотрѣлась вокругъ и убѣжала, не примѣтивши меня. Я зажогъ свѣчу, перешарилъ весь сундукъ и нашолъ въ немъ куклу моей маленькой дочери, служанкины туфли, счетную книгу, и, къ несчастію! или, лучше сказать, слава Богу, совсѣмъ внизу — вещи!

Магдалина. О моя бѣдная мать! Это ужасно!

Вольфрамъ. Видитъ Богъ, что я отдалъ бы ихъ за то, еслибъ не случилось всего этого! Но моя ли это вина? Очень естественно, что мое подозрѣніе, не смотря на все мое уваженіе къ вашему отцу, пало на вашего брата; онъ полировалъ бюро — и вещи изъ него пропали. Я примѣтилъ это почти тотчасъ же, потому что мнѣ понадобились бумаги изъ того самаго ящичка, въ которомъ лежали вещи. Я не хотѣлъ прибѣгать сейчасъ же къ строгимъ мѣрамъ. Я сообщилъ только о происшествіи частнымъ образомъ электору Адаму и просилъ его сдѣлать тайный розыскъ; но тотъ и слышать не хотѣлъ о пощадѣ: объявилъ мнѣ, что онъ обязанъ сдѣлать и сдѣлаетъ формальное слѣдствіе на мѣстѣ, потому что братъ вашъ пьяница и вездѣ задолжалъ; а на бургомистра Адамъ къ несчастію имѣетъ такое вліяніе, что тотъ дѣлаетъ все, какъ онъ хочетъ. Всего важнѣе то, что господинъ этотъ, кажется, очень сердитъ на вашего отца, и потому рѣшительно не было возможности его остановить; онъ затыкалъ уши и кричалъ мнѣ вслѣдъ: еслибъ вы подарили мнѣ свои вещи, я бы не такъ обрадовался, какъ теперь!

МАГДАЛИНА. Разъ, въ трактирѣ, Адамъ поставилъ стаканъ свой подлѣ стакана моего отца, показывая ему движеніемъ руки, что хочетъ съ нимъ чокнутья. Тогда отецъ отодвинулъ свой стаканъ и сказалъ: люди въ красномъ платьѣ съ синими отворотами пивали прежде изъ стакановъ съ деревянными ножками и должны были стоять на улицѣ подъ окномъ, а если шлоъ дождь, у двери, и смиренно снимать шляпу, когда хозяинъ подавалъ имъ пить; если же имъ приходила охота съ кѣмъ-нибудь чокаться, они дожидались, пока мимо проходилъ кумъ ихъ — плачъ. Господи, Господи! Какъ это все дѣлается на свѣтѣ! Слова эти стоили жизни моей матери!

ВОЛЬФРАМЪ. Раздражать не должно никого; а всего мевѣ — злыхъ. Гдѣ вашъ отецъ?

МАГДАЛИНА. На горѣ, у лѣсника.

ВОЛЬФРАМЪ. Я поѣду туда и сыщу его. У бургомистра я ужъ былъ, но къ несчастію не засталъ его дома, а то братъ вашъ былъ бы здѣсь. Впрочемъ секретарь послалъ къ нему нарочнаго; вечеромъ вы увидите (*уходитъ*).

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

МАГДАЛИНА (*одна*). Мнѣ бы теперь радоваться... Боже, Боже! а у меня въ головѣ одна только мысль: теперь ты виновна! Но мнѣ что-то говорить, что все поправится!

СЦЕНА ПЯТАЯ

СЕКРЕТАРЬ (*сходитъ*). Здравствуйте-съ!

МАГДАЛИНА (*боясь уасть, опирается а стулъ*). Огъ! О, за чѣмъ онъ возвратился!...

СЕКРЕТАРЬ. Батюшки вашего нѣтъ дома?

МАГДАЛИНА. Нѣтъ!

СЕКРЕТАРЬ. Я пришолъ къ вамъ съ доброй вѣстью. Вашъ братъ... Нѣтъ, Магдалина, я не могу говорить съ тобою такимъ образомъ. Мнѣ кажется, что столы, стулья, шкапы, всѣ эти старыя знакомыя... А, здравствуй, ты! (*касается шкапу*) какъ поживаешь? ничего не измѣнилось! — вокругъ которыхъ мы, дѣтьми, такъ

часто прыгали и плясали, стали бы качать головами и сбитаться надо мной, если бы я сейчас же не заговорилъ иначе. Я буду говорить тебѣ ты, какъ прежде, а если тебѣ это не нравится, ты подумай: малый бредитъ, надо разбудить его, я вытнусь передъ нимъ (*выпрямляется*) во весь свой ростъ, чтобы онъ видѣлъ, что передъ нимъ уже не маленькая дѣвочка. Вотъ твоя мѣрка, когда тебѣ было одиннадцать лѣтъ! (*показываетъ мѣрку на косякъ*) А теперь ужъ взрослая дѣвушка и ужъ можетъ достать сахарницу на верхней полкѣ. Помнишь, это былъ укрѣпленный замокъ, тѣмъ она была въ безопасности даже и тогда, когда дверцы были открыты. Когда она стояла тамъ наверху, мы ловили мухъ, не доставаясь имъ, чего сами не могли достать.

Магдалина. Я думала, что эти вещи забываются, когда нужно выучивать сотни и тысячи книжекъ.

Секретарь. Да, и забываются. И въ самомъ дѣлѣ чего не забудешь съ Юстиніаномъ и Гайемъ! Дѣти вѣрно хорошо знаютъ, отчего они такъ упорно защищаются противъ а, б, в; они предчувствуютъ, куда заведетъ ихъ букварь! И не страшно ли это: ихъ невинныя души обманываютъ, имъ показываютъ краснаго пѣтуха съ корзинкой, полной яицъ; тогда они сами говорятъ: ахъ! и уже нѣтъ имъ никакой возможности остановиться... и идетъ все такъ до послѣдней буквы ижицы, а потомъ дальше и дальше, пока они въ одинъ прекрасный день не очутятся лицомъ къ лицу съ *Corpus iugis*, и съ ужасомъ увидятъ, въ какую чепуху завели ихъ мерзкія 35 буквъ, которая сначала въ веселомъ танцѣ слагались только въ такія лакомыя и веселыя слова, какъ наприимѣръ *вишня, роза!*

Магдалина. А потомъ? (*въ задумчивости, безъ всякаго участія*).

Секретарь. Потомъ все зависитъ отъ темперамента. Нѣкоторые перерабатываются. Они черезъ три, четыре года, опять выходятъ на дневной свѣтъ; они немного блѣдны и худы, но этого нельзя имъ ставить въ порокъ. Сюда принадлежу я. Другіе растягиваются въ лѣсу учюности, чтобы оддохнуть, говорятъ они; и рѣдко уже встаютъ на ноги. У меня есть пріятель, которой вотъ уже три года пошиваетъ пивцо подъ тѣнью *Lex Julia*; онъ выбралъ это мѣсто за его имя, которое навѣваетъ на него пріятныя воспоминанія. Есть и такіе, которые, убоявшись премудрости, возвратились вспять. Это самые глупые; они оставляютъ одинъ лѣсъ только за тѣмъ, чтобы забиться въ другой. А есть лѣса ужасныя, безвыходныя! (*в сторону*)

Вотъ все, что можно наболтать, когда не можешь высказать то, что лежитъ на сердцѣ!

МАГДАЛИНА. Какъ все весело и радостно сегодня! Я думаю, что это отъ хорошей погоды!

СЕКРЕТАРЬ. Да, въ такую погоду совы падаютъ изъ своихъ гнѣздъ, летучія мыши душатъ другъ друга, потому что знаютъ, что дьяволъ сотворилъ ихъ; крокъ зарывается такъ глубоко въ землю, что нѣтъ ему возможности выдти назадъ, и онъ долженъ задохнуться, если только не прокопается въ Америку, и тамъ ужъ не выйдетъ на дневной свѣтъ; сегодня колосья вырастаютъ вдвое, а красный цвѣтъ мака дѣлается темнѣе. Неужели же человекъ отстанетъ отъ нихъ? Неужели же онъ не принесетъ Богу дани, которую ему платить вся вселенная, дани довольнымъ лицомъ и яснымъ взоромъ, въ которомъ снова отразится красота всего міра? Въ самомъ дѣлѣ, когда я утромъ вижу, что какой-нибудь брюзга выходитъ изъ дверей своего дома, наморщивъ лобъ и выпяливъ глаза на небо, какъ на какой-нибудь листъ оберточной бумаги, тогда я думаю: пойдетъ дождь; Богъ непременно спуститъ облачную завѣсу, для того чтобъ не видѣть этой рожи. Этихъ господъ нужно бы было преслѣдовать закономъ, какъ помѣху загороднымъ гуляньямъ, какъ порчу погоды, удобной для жатвы. Чѣмъ же ты лучше возблагодаришь за жизнь, какъ не самую жизнь! Щебечи, птичка, или ты не достойна имѣть голосъ!

Магдалина. Ахъ, правда, такая правда, что я кажется сейчасъ заплачу.

Секретарь. Я не про тебя говорилъ. Что тебѣ дышется такъ желе эту недѣлю — очень понятно: я знаю старика. Но слава Богу, я могу облегчить твое сердце; за этимъ-то я и пришолъ. Ты увидишь брата сегодня же вечеромъ, и теперь не на него, а на людей, посадившихъ его въ тюрьму, будутъ указывать пальцами. Не стоитъ ли это поцѣлуя, по крайней мѣрѣ братскаго, если ужъ всякій другой запрещенъ? Или не хочешь ли разыграть его въ жмурки? Если я въ десять минутъ не поймаю тебя, я уйду безъ поцѣлуя, да покажу еще и съ пощечиной на придачу.

Магдалина (всторону). Кажется, что я вдругъ постарѣла тысячу годами и что время остановилось надъ моей головой: я не могу идти ни впередъ, ни назадъ... О, зачѣмъ это яркое солнце, и вся эта живая радость вокругъ меня!

Секретарь. Ты не отвѣчаешь мнѣ. Ахъ, да! я вѣдь и забылъ

что ты невѣста! О дѣвочка, что ты сдѣлала со мною! А между тѣмъ, имѣю ли я право жаловаться? Все доброе и все хорошее должно бы было напоминать мнѣ о ней: цѣлые года шли, а она какъ-будто и не существовала для меня на свѣтѣ... Оттого она... еслибъ еще это былъ человекъ, предъ которымъ потупляются глаза! А то — Леонгардъ...

Магдалина (*быстро, услышавъ это имя*). Мнѣ надо идти къ нему... вотъ что... я вѣдь ужъ не сестра вора... О Боже, чего же мнѣ еще? Леонгардъ будетъ и долженъ... Нужно, чтобъ онъ былъ дьяволъ, если все останется по прежнему... (*содражалась*) по прежнему! (*секретарю*) Не сердись на меня, Фридрихъ!.. отчего же это колѣни подгибаются подо мною!

Секретарь. Ты хочешь...

Магдалина. Идти къ Леонгарду — къ кому же другому! Мнѣ осталась одна дорога на этомъ свѣтѣ!

Секретарь. Ты такъ любишь его? тогда...

Магдалина (*дино*). Любить? Онъ, или смерть! Ты удивляешься, что я избрала его? Я не сдѣлала бы этого, еслибъ думала только о самой себѣ.

Секретарь. Онъ, или смерть? Послушай, это слова отчаянія, или...

Магдалина. О, не своди меня съ ума! не произноси этого слова! Тебя, тебя люблю я!..

Секретарь. Меня? все еще меня? Магдалина, я предчувствовалъ это, когда увидаль тебя въ саду.

Магдалина. Въ самомъ дѣлѣ? О, и тотъ тоже! (*тихо, какъ-будто она была одна*) и онъ подошелъ ко мнѣ! Я или онъ... И — о мое сердце, мое проклятое сердце! Чтобы увѣрить его и себя... я сдѣлала то, что теперь (*рыдаетъ*)... Боже небесный!

Секретарь. Магдалина, будь моей женой! я пришолъ сюда, чтобы еще разъ взглянуть на тебя попрежнему. И если бы ты не поняла меня, я ушелъ бы отсюда, поговоривши съ тобою. Но теперь я предлагаю тебѣ себя и все, что я имѣю. Знаю, что это очень немного, но вѣдь оно можетъ увеличиться. Давно ужъ я былъ бы здѣсь, да твоя мать была больна, а потомъ умерла.

(*Магдалина смѣется, какъ помѣшанная*).

Секретарь. Ободришь, дитя! Ты дада слово этому человеку. Это превозжитъ тебя. Конечно это проклетіе! Но какъ когда ты...

Магдалина. О, спрашивай, спрашивай еще, какъ собралось все надъ моею бѣдною головою, чтобы свести меня съ ума! Насмѣшки и подтруниванья со всѣхъ сторонъ, когда ты ужьхалъ въ академію и ничего не писалъ къ намъ. «Какъ, она еще думаетъ объ немъ!.. Она за правду принимаетъ ребяческія шалости? Получаетъ ли она письма?...» А тамъ мать! «Держись—ка лучше равныхъ! Гордость никогда не принесетъ добра! Леонгардъ хорошій человекъ... и всѣ удивляются, что ты рассматриваешь его съ головы до пятки!» А потомъ и мое собственное чувство... Если онъ забылъ тебя, докажи ему, что и ты... О, Боже!

Секретарь. Я виноватъ. Чувствую это. Ну, не всегда невозможно то, что трудно! Я заставлю его возвратитъ тебѣ твое слово... Быть можетъ...

Магдалина. О, мое слово! На! (бросаетъ ему письмо Леонгарда).

Секретарь (читаетъ). «Я, какъ кассиръ... Твой братъ воръ... мнѣ очень больно... но я долженъ быть осмотрителенъ... Мое мѣсто... (къ Магдалинѣ). Онъ писалъ это въ самый день смерти твоей матери? Онъ утѣшаетъ тамъ тебя въ этой горестной потерѣ!»

Магдалина. Да, кажется!

Секретарь. Боже мой! Змѣи, тигры и другія чудовища, проскользнувшія у тебя между пальцами во время творенія, вошли въ милость Вельзевула, и онъ передѣлалъ ихъ, онъ украсилъ ихъ лучше чѣмъ ты: онъ приставилъ имъ человѣческія головы, и вотъ они стоятъ въ числѣ дѣтей твоихъ, и узнаешь ихъ только тогда, какъ они оцарапаютъ или ужалятъ (Магдалинѣ). Но вѣдь это хорошо, это прекрасно. (Хочетъ обнять ее). Подойди ко мнѣ! Моя навсегда Этимъ поцѣлуемъ...

Магдалина (облакачиваясь на него). Нѣтъ, не навсегда... Только теперь поддержи меня, а поцѣлуя ненужно.

Секретарь. Дитя, вѣдь не любишь его... А онъ — возвращаетъ тебѣ слово...

Магдалина (глухо, приходя въ себя). А надо идти къ нему, надо броситься передъ нимъ на колѣна, надо сказать ему: пощади сѣдую голову отца моего, возьми меня!

Секретарь. Несчастная! Такъ ли я понимаю тебя?

Магдалина. Да!

Секретарь. Нѣтъ, человекъ не въ силахъ перенести этого!

Опускать глаза свои передъ тѣмъ, кому хотѣлось бы наплевать въ лицо! (*Крѣпко прижимаетъ къ себѣ Магдалину*). Бѣдная, бѣдная!

МАГДАЛИНА. Уходи же теперь, уходи!

СЕКРЕТАРЬ. Не убить ли эту собаку, которая владѣетъ твоей тайной? Еслибъ онъ только не струсилъ!.. Еслибъ онъ пришолъ сюда!.. Еслибъ его можно было принудить!

МАГДАЛИНА. Прошу тебя!

СЕКРЕТАРЬ. (*уходя*). Когда стемнѣетъ... (*возвращается и схватываетъ за руку Магдалину*). Дитя (*отворачивается*)... Тысячи женщинъ хитро и умно умолчали бы объ этой тайнѣ или признались бы мужу въ минуту сладкаго забвенія .. я знаю, чѣмъ я тебѣ обязанъ! (*уходитъ*).

СЦЕНА ШЕСТАЯ

МАГДАЛИНА (*одна*). Молчи! молчи мое сердце! Задохнись и не выпускай ни одной кровинки, чтобы поддержать въ моихъ жилахъ потухающую жизнь. А! вотъ что-то въ родѣ надежды родилось во мнѣ — я теперь только почувствовала (*смѣется*). Нѣтъ, чело-вѣкъ не въ силахъ перенести этого! И... еслибы ты могла даже перенести это, развѣ у тебя достало бы мужества взять руку, которая... Нѣтъ, нѣтъ! у тебя не достанетъ этого презрѣннаго мужества!.. ты навсегда... О, кто сказалъ, что ты имѣешь хоть минуту отдыха, что это не мучить тебя безпрестанно! А! вотъ отчего страданія такъ длятся: жертва думаетъ, что отдыхаетъ *она*, а вмѣсто того останавливается палачъ, чтобъ собраться съ силами; жертва дышитъ какъ утопающій, когда волна то подбрасываетъ его наверхъ, то снова топить, и ему отъ этого двойная агонія!

Ну, Магдалина? Да, отецъ, я иду, иду! Дочь твоя не допуститъ тебя до самоубійства... я едѣлаюсь женою этого чело-вѣка — или... Нѣтъ, Господи! я не счастья прошу у тебя, я прошу горя, моего глубочайшаго горя — ты мнѣ дашь его!.. Иду!.. Гдѣ письмо? (*беретъ его*). Мимо трехъ колодцевъ будешь проходить ты — ты не должна у меня останавливаться ни предъ однимъ изъ нихъ! Ты еще не имѣешь на это никакого права! (*уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ

Комната Леонгарда

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ЛЕОНГАРДЪ (*сидитъ за столомъ, заваленнымъ бумагами*).
Вотъ ужъ шестой листъ исписалъ послѣ обѣда! Какъ покоенъ че-
ловѣкъ, когда онъ исполняетъ свою обязанность! Теперь приходи
ко мнѣ, кто хочетъ — хоть самъ король: я встану, но не сму-
щусь! Впрочемъ я исключая одного — стараго столара! Да еслибъ
и столаръ: что же онъ мнѣ сдѣлаетъ? Бѣдная Магдалина! Мнѣ
жалъ ее — я не могу объ ней думать покойно! О, еслибъ этого
проклятаго вечера не было! Во мнѣ, разумеется, была скорѣе рев-
ность, чѣмъ любовь; да и она-то кажется уступила мнѣ просто изъ
того, чтобъ избавиться отъ моихъ упрековъ; она была холодна со
мною, какъ смерть. Плохіе дни ждуть ее... ну, да вѣдь и у меня
будетъ много неприятностей! Каждый носи свое бремя! Прежде
всего надо прибрать къ рукамъ маленькую горбуницу, чтобъ та не
улетѣла отъ меня, когда разразится буря! А тамъ ужъ мнѣ нечего
бояться, когда самъ бургомистръ будетъ на моей сторонѣ.

СЦЕНА ВТОРАЯ

МАГДАЛИНА (*входитъ*). Здравствуй, Леонгардъ.

ЛЕОНГАРДЪ. Магдалина! (*въ сторону*) Этого-то ужъ я никакъ
не ждалъ! (*громко*) Ты получила мое письмо? Но можетъ быть ты
пришла заплатить подати за отца? сколько же? (*перелистываетъ
книгу*). Пора бы ужъ мнѣ знать наизусть.

МАГДАЛИНА. Я пришла возвратить тебѣ письмо! Вотъ оно!
прочитай его еще разъ!

ЛЕОНГАРДЪ (*читаетъ его очень серьезно*). Что же? это очень,

очень разсудительное письмо. Какъ можетъ человѣкъ, завѣдующій общественными суммами, вступить въ семейство, которое (злотаеъ слово), къ которому принадлежитъ твой братъ?

Магдалина. Леонгардъ!

Леонгардъ. Но можетъ быть весь городъ обманывается? Можетъ быть твой братъ не сидитъ теперь въ острогъ? И никогда не сидѣлъ? Можетъ быть ты не сестра этого... твоего брата?

Магдалина. Леонгардъ, я дочь моего отца, и я стою здѣсь не какъ сестра невинно оклеветаннаго и уже освобожденнаго, — вотъ что мой братъ, — не какъ дѣвушка, трепещущая отъ незаслуженнаго позора, потому что... (слова слышно) при взглядѣ на тебя я трепещу еще больше... нѣтъ! я стою здѣсь, какъ дочь старика, дающая мнѣ жизнь!

Леонгардъ. Чего же ты хочешь?

Магдалина. И ты — ты спрашиваешь? О, еслибъ я могла уйти отсюда! Отецъ перерѣжетъ себѣ горло, если... женись на мнѣ!

Леонгардъ. Твой отецъ...

Магдалина. Онъ поклялся... женись на мнѣ!

Леонгардъ. Ну, рука и горло близкіе родственники. Они для другъ другу не сдѣлаютъ. Ты объ этомъ не безпокойся.

Магдалина. Онъ поклялся. Женись на мнѣ — и потомъ убей меня; я буду тебѣ еще больше благодарна за это...

Леонгардъ. Любишь ли ты меня? оттого ли ты пришла, что сюда влекло тебя сердце? Я ли тотъ человѣкъ, безъ котораго ты не хочешь ни жить, ни умереть..

Магдалина. Отвѣчай себѣ самъ.

Леонгардъ. Можешь ли ты поклясться, что ты любишь меня, любишь такъ, какъ женщина должна любить человѣка, съ которымъ соединяется навѣки?

Магдалина. Нѣтъ, въ этомъ я не могу поклясться; но поклянусь тебѣ въ томъ, что ты никогда не заметишь, люблю ли я тебя или нѣтъ! я хочу служить тебѣ, я хочу работать на тебя... ты и не корми меня; я сама стану добывать свой хлѣбъ; я буду шить и драть по ночамъ, я буду терпѣть голодь, если ничего не заработаю, — я лучше прокушу себѣ руку, нежели пойду къ отцу, просить у него помощи... Если ты станешь бить меня, когда не случится подъ рукой собаки или ты пожалѣешь ее — я скорѣй проглочу лязкъ чѣмъ испущу хоть одинъ крикъ, который бы выдалъ

сосѣдямъ, что у насъ дѣлается! Я не поклонюсь, что на моемъ тѣлѣ не будетъ синяковъ отъ твоей плети, потомучто это не отъ меня зависитъ, но я могу солгать; я скажу, что ударилась головой объ шкафъ, поскользнулась на лѣстницѣ... я скажу имъ это прежде, чѣмъ они спросятъ у меня: отчего у тебя синяки? Женить на мнѣ — я не проживу долго. А если тебѣ и то покажется сдѣшкомъ долго, и ты не захочешь тратиться на разводную, купи въ аптекѣ яду, подожи его въ уголѣ, будто для крысъ; я не стану даже дожидаться отъ тебя ни малѣйшаго знака, я проглочу ядъ, и умирая, скажу сосѣдямъ, что съѣла его вмѣсто толченаго сахару!

ЛЕОНГАРДЪ. Ты вѣроятно не удивишься, если человекъ, отъ котораго ты ожидаешь всего этого, — скажетъ: нѣтъ?

МАГДАЛИНА. Ну, да не осудить меня Господь во грѣшѣ своемъ за то, что я явлюсь передъ нимъ прежде, нежели Онъ призоветъ меня. О, еслибъ я была одна! Я все бы перенесла! я все бы приняла съ покорностью, какъ наказаніе, заслуженное незнаю за что; и еслибъ свѣтъ затопталъ меня ногами въ моемъ несчастіи, вмѣсто того, чтобы помочь мнѣ; я любила бы дитя свое, даже и тогда, еслибъ оно носило черты этого человека, любила бы я его... и много плакала передъ невиннымъ малюткой, потомучто онъ, когда вырастетъ; вѣрно станетъ не уважать, а прогнать свою мать. На я не одна, и въ послѣдній день легче мнѣ будетъ отвѣтить судьѣ моему на вопросъ: зачѣмъ ты убила себя? нежели на вопросъ: зачѣмъ ты своего отца довела до этого?

ЛЕОНГАРДЪ. Ты говоришь такъ, какъ-будто ты первая и послѣдняя! Тысячи дѣлали это прежде тебя и покорялись необходимости, тысячи падаютъ и послѣ тебя и покоряются судьбѣ своей... У всѣхъ есть и отцы, которые отмѣривали имъ за это цѣлыми четвериками всякую брань и говорили о крови и объ убійствѣ, а потомъ стыдятся самихъ себя, и раскаявшись въ своихъ проклятіяхъ и богохульствѣхъ, увачиваютъ внука или отгоняютъ мужъ отъ его колыбельки.

МАГДАЛИНА. О, разумѣется, я вѣрю тому, что ты не понимаешь, какъ можно сдержатъ клятву.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Мальчикъ (*входитъ*). Вотъ цвѣты! не велѣно сказывать, кто прислалъ!

Леонгардъ. А! славные цвѣты! (*ударивъ себя по лбу*) Ахъ, чортъ возьми, чортъ возьми! какъ это глупо! вѣдь это мнѣ нужно бы было послать ихъ? Ну, я плохой знатокъ въ этихъ вещахъ, а крошка моя очень дорожить всѣмъ этимъ: ей вѣдь больше-то и думать не объ чемъ! (*беретъ цвѣты*) Но я не все оставлю у себя. (*Магдалинѣ*) Не правда ли, что эти цвѣты означаютъ стыдъ и раскаяніе? Ты мнѣ когда-то говорила объ этомъ.

(*Магдалина дѣлаетъ головой утвердительный знакъ*).

Леонгардъ (*мальчику*). Посмотри, дружокъ: эти я оставлю у себя и; вотъ видишь ли, кладу ихъ сюда, къ сердцу; а вотъ эти, темнокрасные, что блестятъ, какъ красный огонь, ты отнесешь назадъ. Понимаешь? Когда у меня въ саду поспѣютъ яблоки, приходи полѣкомиться...

Мальчикъ. Ну, до этого еще долго. (*уходитъ*).

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Леонгардъ. Да, вотъ видишь ли, Магдалина: ты сейчасъ говорила о томъ, какъ надобно держать свое слово; именно потому-то, что я честный человекъ, я и отвѣчалъ тебѣ такъ, какъ отвѣтилъ. Недѣлю тому назадъ я писалъ къ тебѣ письмо; ты не отречешься, письмо здѣсь. (*Онъ подаетъ ей письмо; Магдалина беретъ его машинально*). Я имѣлъ основаніе, твой братъ... Ты сказала, что онъ освобожденъ — это меня очень радуетъ! Но въ эти восемь дней я сдѣлалъ новую связь и былъ совершенно правъ. Ты не протестовала письма моего въ законное время, — и вотъ я чистъ и передъ совѣстью и передъ закономъ. Теперь ты пришла, но я ужь далъ слово, да!.. (*про себя*) о, еслибъ это была правда!.. (*вслухъ*) и она въ такомъ же точно положеніи, какъ и ты... Мнѣ жаль тебя; (*кладитъ ее по головѣ; Магдалина ничего не чувствуетъ*) но пойми же, что вѣдь съ бургомистромъ нельзя шутить!

Магдалина. (*безсознательно*). Нельзя шутить!

Леонгардъ. Ну, вот видишь ли, какъ ты разсудительна! Что же касается до твоего отца, такъ ты прямо ему скажи, что виновать во всемъ онъ одинъ! Не гляди же на меня такъ пристально; что ты качаешь головой? такъ, дитя мое, такъ! Ты только скажи ему это; онъ ужъ пойметъ; отвѣчаю тебѣ за это! (*про себя*). Когда разсоришь приданое своей дочери, не дивись, что она засидѣлась въ дѣвкѣхъ. Мнѣ очень жаль, что его нѣтъ здѣсь: старый дуракъ былъ бы славный урокъ. Отчего и я-то долженъ быть такимъ жестокимъ, какъ не оттого, что онъ дуракъ? Чтѣбы изъ этого ни вышло, онъ отвѣтитъ за все, — это ясно! (*Магдалинѣ*). Тебѣ можетъ быть хочется, чтобъ я самъ поговорилъ съ нимъ?.. Изъ любви къ тебѣ, пожалуй я пойду къ нему и даже позволю себѣ глазъ подбиты. Пусть его бранится со мной сколько угодно, онъ можетъ даже бросить мнѣ свой саножный крючокъ въ голову, но онъ выслушаетъ правду, какъ бы она горька ему ни пришлась, и оставитъ тебя въ покоѣ. Положись на меня!.. Онъ дома?

Магдалина. (*выпрямляясь во весь ростъ*). Благодарю тебя! (*хочетъ уйти*).

Леонгардъ. А мнѣ идти съ тобой? У меня достанетъ мужества.

Магдалина. Благодарю тебя, какъ поблагодарила бы змѣю, которая бы ужалила меня и потомъ оставила и отпрыгнула далеко, закинувши новую жертву. Я знаю, что она меня ужалила, знаю, что она меня оставила потому только, что у меня, по ея мнѣнію, слишкомъ мало мозгу въ костяхъ, но все таки я благодарю ее за то, что она дала мнѣ умереть покойно. Да, я не шучу, благодарю тебя; я кажется увидала въ груди твоей глубочайшія бездны ада, и какова бы ни была моя участь въ страшной вѣчности, — я не имѣю ничего общаго съ тобою — вотъ что утѣшаетъ меня! Милосердіе вѣчное быть можетъ сжалятся надо мною, когда оно на тебя посмотритъ, и на меня... что ты изъ меня сдѣлала... и отчего я сдѣлала то, чего никогда, никогда не должна была дѣлать? Еще одно слово: отецъ мой еще ничего не знаетъ, ничего не подозрѣваетъ и, чтобы никогда ничего не зная, я умру сегодня же... Если бы я могла думать, что ты... (*съ вступленьемъ подходитъ къ нему*) да нѣтъ, я сумасшедшая: тебѣ будетъ очень пріятно тогда, какъ всѣ будутъ етѣять тайнъ и качать головами и говорить потихоньку: какъ это все случилось!

ЛЕОНГАРДЪ. Да, есть обстоятельства... что делать, Магдалина!
 МАГДАЛИНА. Прочь отсюда! Этотъ человекъ еще смѣетъ гово-
 рить! *(почетъ уйти)*

ЛЕОНГАРДЪ. И ты думаешь, что я тебя вѣрю?

МАГДАЛИНА. Нѣтъ!

ЛЕОНГАРДЪ. Ты, слава Богу, не можешь теперь быть само-
 убійцей; безъ того, чтобы не быть дѣтубійцей!

МАГДАЛИНА. Все это лучше, чѣмъ быть отцеубійцей! О, я
 знаю, что преступленіе не должно искупаться преступленіемъ! Но
 то, что я теперь сдѣлаю, падеть на меня одну! А если я поданъ
 ножъ въ руки отца, онъ погибнетъ вмѣстѣ со мною! Я-то вѣдь уже
 вѣчно погибла. Это даетъ мнѣ силу и мужество въ несчастіи! А
 ты — тебѣ все будетъ удаваться на свѣтъ *(уходитъ)*.

СЦЕНА ПЯТАЯ

ЛЕОНГАРДЪ *(однѣ)*. Должно, должно мнѣ на ней жениться!
 И за чѣмъ же должно-то! Она задумала сдѣлать глупость, чтобы не-
 мѣнять отцу сдѣлать сумасбродство; гдѣ жъ тутъ необходимость
 для меня-то, спасать ихъ обоихъ, сдѣлавъ величайшее неблагограу-
 міе? А все-таки идти надо! А, да вотъ кто-то прищомъ! Слава
 Богу! вѣдь ничего ужаснѣе, какъ быть въ разладѣ съ собствен-
 ными мыслями!

СЦЕНА ШЕСТАЯ

СЕКРЕТАРЬ *(входитъ)*. Добрый вечеръ!

ЛЕОНГАРДЪ. Господишь секретарь? Что доставляетъ мнѣ
 честь...

СЕКРЕТАРЬ. Сейчасъ ты увидишь это.

ЛЕОНГАРДЪ. Ты? Правда, вѣдь мы были товарищами въ школѣ.

СЕКРЕТАРЬ. И будемъ, быть можетъ, товарищами въ смерти!
(подаетъ ему пистолетъ) Умѣешь ли ты владѣть вотъ этимъ?

ЛЕОНГАРДЪ. Я васъ не понимаю...

СЕКРЕТАРЬ *(заряжаетъ одинъ изъ пистолетовъ)*. Видишь? Это
 такъ дѣлается. Потомуъ ты прицѣляясь въ меня, какъ теперь вотъ
 въ тебя, и стрѣлай! Вотъ такъ!

ЛЕОНГАРДЪ. Что говорите вы?

СЕКРЕТАРЬ. Одинъ изъ насъ долженъ умереть! умереть сейчасъ же!

ЛЕОНГАРДЪ. Умереть?

СЕКРЕТАРЬ. Ты знаешь, за что!

ЛЕОНГАРДЪ. Ей Богу, нѣтъ!

СЕКРЕТАРЬ. Нужды нѣтъ! Все вспомнимъ въ часъ смертный!

ЛЕОНГАРДЪ. Рѣшительно не могу придумать...

СЕКРЕТАРЬ. Вспомни! Не то я приму тебя за бѣшеную собаку, которая укусила мою любовь, сама не зная, что дѣлаетъ, и убью тебя какъ собаку, а между тѣмъ я покрайней мѣрѣ еще полчаса долженъ смотрѣть на тебя, какъ на подобнаго мнѣ человѣка!

ЛЕОНГАРДЪ. Но не говори же такъ громко... если насъ кто-нибудь услышитъ...

СЕКРЕТАРЬ. Если бы насъ кто-нибудь могъ услышать, ты называлъ бы уже давно! Ну!

ЛЕОНГАРДЪ. Если это за ту дѣвушку, то я вѣдь могу жениться на ней! я ужъ совсѣмъ было рѣшился даже, когда она сама была здѣсь!

СЕКРЕТАРЬ. Она была здѣсь, и ушла отсюда, не выдавши тебѣ уночь своихъ? Иди же, иди!

ЛЕОНГАРДЪ. Я прошу васъ... вы видите передъ собой человѣка, готоваго исполнить всѣ ваши требованія... сегодня же вечеромъ мы обручимся.

СЕКРЕТАРЬ. Я обручусь съ нею или никто... Клянусь тебѣ, что ты не прикоснешься больше къ краю ея одежды! Пойдемъ! Пойдемъ со мной въ лѣсъ! Но послушай: я возьму тебя за руку, и если дорогой ты скажешь хоть одно слово, то *(поднимаетъ пистолеть)* вѣрь мнѣ! впрочемъ, чтобы не ввести тебя въ искушеніе, мы пойдемъ не по улицѣ, а задомъ.

ЛЕОНГАРДЪ. Но вѣдь одинъ изъ пистолетовъ мой; дайте же мнѣ его.

СЕКРЕТАРЬ. Да, чтобы ты его бросилъ и заставилъ меня убить тебя, или позволить тебѣ убѣжать? погоди! Когда придемъ на мѣсто, мы съ тобою честно раздѣлимъ ихъ!

ЛЕОНГАРДЪ *(идетъ и роняетъ стаканъ)*. Неужели мнѣ ужъ не пить больше?

СЕКРЕТАРЬ. Смѣлуй, мой милый; можетъ все устроиться какъ-ве надо лучше. Добро и зло всегда вѣдь борятся за землю, и кто

тамъ знаетъ, кто изъ нихъ ею владѣеть! (*беретъ его подъ руку; оба уходятъ*).

Комната въ домѣ столяра. Вечеръ.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Карлъ (*входитъ*). Ни души! И если бы я не зналъ, что они, когда уходятъ, кладутъ ключъ въ крысью норку, подъ порогомъ, такъ и войти-то нельзя бы было! Да и бѣда-то была вѣдь не велика. Я въ состояніи теперь двадцать разъ объѣхать весь городъ и думать, что нѣтъ на землѣ большаго удовольствія, какъ передвигать ноги. Да зажжемъ-ка свѣчку! (*зажигаетъ*). И огниво-то все лежитъ на старомъ мѣстѣ; потомучто здѣсь у насъ въ домѣ дважды десять заповѣдей: вѣшай шляпу свою на третій гвоздь, а не на четвертый! Половина десятаго ты долженъ устать и захотѣть спать! Передъ святымъ Мартыномъ ты не долженъ зябнуть, а послѣ Мартина не смѣй потѣть! Все это стоитъ у насъ на ряду съ: бойся Господа Бога твоего и люби его. Однако мнѣ пить хочется. (*звезетъ*) Матушка! Поу! Словно я и забылъ, что она теперь тамъ, гдѣ ужъ трактирщикъ не отзовется больше своимъ «сейчасъ, сударь!» когда у него спросишь бутылку пива! Я не плакалъ, когда услышалъ похоронный звонъ въ своей темной ямѣ, но... красный мундиръ, не далъ ты мнѣ прокатить послѣдняго шара въ кегли, хоть я и держалъ его, — ну, а я не дамъ тебѣ вздохнуть послѣдній разъ, когда встрѣчу одного подъ-вечеръ; я вѣдь знаю, гдѣ тебя пристукнуть около десяти часовъ! А потомъ — въ море! Да гдѣжь это Магалина? Мнѣ и ѣсть хочется, и пить хочется! Сегодня четвергъ — у нихъ былъ супъ изъ телятины. А если бы теперь была зима, подали бы банусту, до рождества — бѣлую, послѣ рождества — зеленую. У насъ все идетъ въ такомъ порядкѣ, какъ четвергъ послѣ среды; потомучто четвергъ не можетъ сказать пятницѣ: пошла вмѣсто меня, у меня ноги болятъ!

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

МАГДАЛИНА входитъ

КАРЛЪ. Наконецъ—то! ты бы могла тамъ и поменьше расцѣловываться—то! Когда четыре красныхъ губы слипнутся вмѣстѣ — вотъ чорту мостъ ужь и готовъ... Что у тебя тамъ?

МАГДАЛИНА. Гдѣ? что?

КАРЛЪ. Гдѣ? что? Въ рукѣ!

МАГДАЛИНА. Ничего!

КАРЛЪ. Ничего? А, секреты! Подавай сюда (*вырываетъ письмо*). Когда отца нѣтъ дома, — я на его мѣстѣ!

МАГДАЛИНА. Этотъ лоскутокъ бумажки остался у меня въ рукѣ... а вѣтеръ дуетъ такъ сильно, что рветъ черепицы съ крыши! Когда я шла мимо церкви, — одна упала прямо передо мной, такъ что задѣла мнѣ ногу. О Боже! думала я, еще одну! и остановилась. Какъ бы это было хорошо; меня бы похоронили и сказали: какое несчастіе! Но вторая не упала!

КАРЛЪ (*прочитавъ письмо*). Громъ и... Да я оторву руку тому мерзавцу, который написалъ это! Дай мнѣ вина! Или ужь вопилка твоя опустѣла?

МАГДАЛИНА. Есть еще у насъ одна... я купила ее потихоньку на матушкины именины... завтра бы... (*отворачиваетъ голову*).

КАРЛЪ. Подай ее сюда.

(*Магдалина приноситъ вино*).

КАРЛЪ (*пьетъ съ жадностью*). Ну, теперь мы начнемъ опять съязнова. Пилить, стругать, колотить; потомъ ѣсть, пить и спать; потомъ опять пилить, стругать, колотить; а по воскресеньямъ промѣ того становиться на колѣни и говорить: благодарю тебя, Господи, что ты удостоилъ меня пилить, стругать, колотить! (*пьетъ*) За здоровье всякой цѣпной собаки, которая не кусается! (*еще пьетъ*) Еще разъ за ея здоровье!

МАГДАЛИНА. Карлъ, не пей такъ много; отецъ говоритъ, что дьяволъ сидитъ въ винѣ.

КАРЛЪ. А пасторъ говоритъ, что въ винѣ сидитъ благодать! (*пьетъ*) Посмотришь, чья правда! Адамъ былъ здѣсь? какъ онъ велъ себя?

Магдалина. Какъ въ притонѣ воровъ. Не успѣлъ онъ сказать одно слово, какъ мать упала и умерла!

Карлъ. Ладно! Если ты завтра утромъ услышишь, что мошенника нашли убитымъ, — не проклинай его убійцу.

Магдалина. Карлъ, ты не...

Карлъ. Да развѣ я одинъ у него врагъ? Развѣ ужь на него никто не нападалъ? Трудно будетъ отыскать убійцу между тѣми, кто на него зарится, если только онъ не оставитъ на мѣстѣ свою шляпу или свою палку. *(поетъ)* Ну, да кто бы онъ тамъ ни былъ, за успѣхъ его дѣла!

Магдалина. Братъ, ты говоришь...

Карлъ. А что, тебѣ не нравится? Ну, погоди! Не долго мы проживемъ съ тобой вмѣстѣ!

Магдалина *(дрожитъ)*. Нѣтъ!

Карлъ. Нѣтъ? Да развѣ ты знаешь, что я уйду въ море? Или у меня мысли распознались по лбу такъ, что ты читаешь по нимъ, какъ по азбукъ? Или ужь не разбушевался ли старикъ во своему обыкновенію, да грозилъ запереть у меня дверь подъ носомъ? Покуда это для меня было бы все равно, что тюремщикъ промышлялъ давеча: нечего тебѣ больше сидѣть за рѣшоткой, поди — я выталкиваю тебя на свободу!

Магдалина. Ты не понялъ меня!

Карлъ *(поетъ)*.

Выходи корабликъ въ море,

Выходи скорѣй!

Да, что мнѣ теперь у верстана! Мать умерла .. а вѣдь мнѣ съ дѣтства еще хочется ухъать!.. На волю! Мнѣ душно здѣсь — точно ужь навѣрное знаю, что столы улыбаются только тому, кто играетъ жизнью, какъ игрушкой, да бросаетъ счастьемъ назадъ свой мѣдный грошъ, чтобъ посмотреть, не отдастъ ли оно ему золотыми монетами.

Магдалина. И ты хочешь оставить одного отца? Вѣдь ужь ему шестьдесятъ лѣтъ!

Карлъ. Одного? А ты что же, развѣ не остаешься съ нимъ?

Магдалина. Я?

Карлъ. Ты! его любимое дитяtko! Да что тебя дернуло расквашивать себя объ этомъ? Когда уйду, — я оставлю ему всю вѣчную радость, а избавлю его отъ вѣчной печали; отчего же бы

мнѣ и не сдѣлать этого? Развѣ и навсегда — мы не сошлись съ мнѣ; ему все какъ бы потѣшеніе: скоро, я думаю, попробуетъ онъ, нельзя ли ему поплотнѣе сжать кулакъ, да жъ него забиться, а мнѣ.. о, я бы разорвалъ свою шкуру, какъ дѣтское платьѣ! (*поетъ*).

На привольи, на просторѣ
Ты мою кручину-горе
По вѣтру развей!

Ну, скажи-ка ты мнѣ сама, приходило ли ему хоть на минуточку въ голову, что я невиновать? И развѣ онъ не утѣшился сей-часъ же своей вѣчной поговоркой: я ожидалъ этого; я всегда говорилъ это! Да онъ убилъ бы себя! Хотѣлъ бы я его видѣть, когда съ тобой случится то, что можетъ случиться со всякой женщиной! Да ну васъ всѣхъ къ чорту!

Магдалина. О, какъ разрывается мое сердце! Да, мнѣ нужно уйти отсюда, уйти!..

Карлъ. Это еще что значить?

Магдалина. Мнѣ надо идти въ кухню — что же еще? (*ударилъ себя по лбу*). Да, это еще! Для этого-то я вѣдь и вернулась домой. (*уходитъ*).

Карлъ. Ну, это все что-то чудно! (*поетъ*).

Магдалина. (*возвращается*). Теперь я все сдѣлала, батюш-кинъ ужинъ стоитъ на огнѣ. Когда я затворила за собою кухонную дверь, я подумала: теперь я ужъ никогда не войду туда! и дрожь пробѣжала у меня по сердцу. Такъ, какъ я выхожу изъ этой комнаты, я выйду потомъ изъ дому, а потомъ и изъ міра.

(*Карлъ ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ, распѣвая*).

Магдалина — въ глубинѣ сцены.

Магдалина. Чего же я найду?... или я никогда этого не сдѣлаю? развѣ я все буду откладывать день за день, вотъ какъ теперь откладываю съ минуты на минуту, до тѣхъ поръ, покуда... разуклется! Ну, идемъ же!.. идемъ!.. А между тѣмъ — я стою, что же это? внутри меня какъ будто чьи-то руки простираются съ мольбой, чьи-то глазки... (*садится*). Да что же это? Неужели ты такъ слаба? Ну, такъ спроси себя, достанетъ ли у тебя духа видѣть отца съ перерѣзаннымъ горломъ?.. (*встаетъ*). Нѣтъ! Нѣтъ!..

Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ.. да святится царствіе твое...
Боже, Боже!.. бѣдная голова моя!.. Я и молиться не могу... Братъ!
братъ! помоги мнѣ!..

Карлъ. Что съ тобой?

Магдалина. Отче нашъ! (*приходя въ себя*) мнѣ казалось, что я ужъ лежу въ водѣ... и утопаю... а я еще не помолилась! Я... (*вдруг*) И остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ! Вотъ такъ! Да, да! разумѣется я прощаю ему... я даже не думаю объ немъ! Прощай, Карлъ!

Карлъ. Ты ужъ хочешь и лечь такъ рано? Прощай!

Магдалина. (*какъ дитя, что напоминаетъ молитву*). И остави намъ...

Карлъ. Можешь ты принести мнѣ стаканъ воды, только самой свѣжей?

Магдалина (*быстро*). Я сейчасъ принесу тебѣ изъ колодца.

Карлъ. Ну, пожалуй, если ужъ ты такъ добра; колодезь недалеко.

Магдалина. (*тихо*). О, благодарю, благодарю! эта мысль давила меня! мой поступокъ могъ бы обличить меня! Ну, а теперь всѣ скажутъ — это несчастный случай! Она упала туда!

Карлъ. Будь же осторожна; вѣрво доски все еще не приколочены.

Магдалина. Мѣсяцъ свѣтитъ! О Боже, о Боже! Я иду къ тебѣ, затѣмъ чтобы отецъ мой къ тебѣ не пришолъ. И прости мнѣ, какъ и я... Будь милосердъ... милосердъ... (*уходитъ*)

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Карлъ (*поетъ*)

Выходи корабликъ въ море,
Выходи скорѣй!

Да! но прежде... (*смотритъ на часы*) Сколько теперь? Девять!

На привольѣ, на просторѣ
Ты мою кручину горе
Подъ вѣтру развѣй!

ВЪ СЦЕНА ДВУХЪ

Мастеръ Антонъ (*входитъ*). Мнѣ бы нужно было попросить у тебя прощенья, да такъ какъ я самъ тебя прощаю за то, что ты надѣлалъ долговъ потихоньку, да еще сверхъ того плачу ихъ, какъ думаю, что можно обойтись и безъ этого.

Карлъ. Прощенья мнѣ годится, а платить долги вовсе не нужно. Стоитъ мнѣ продать мой воскресный кафтанъ за какое-нибудь пару талеровъ, вотъ я и квитъ со всѣми... завтра же я это и сделаю... Матросу... (*въ сторону*) ну, слово сказано! (*къ Антону*) онъ не нуженъ!

Антонъ. Ты опять за то же?

Карлъ. Вы это не въ первый разъ слышите, но сегодня говорите что хотите, намъ время мое неизмѣнно!

Антонъ. Да, ты совершеннолѣтній.

Карлъ. Знаю, но отъ этого гордости во мнѣ не прибавилось. По моему рыба и птица не должны сворить о томъ, гдѣ лучше — въ воздухѣ или въ водѣ. Теперь вотъ еще что: или вы никогда меня не увидите, или потрепаете по плечу и скажете: ты хорошо съдалъ!

Антонъ. Ну, это мы увидимъ. Работника, что занимаетъ эти дни твое мѣсто, я не отпущу; а тамъ увидимъ, что будетъ.

Карлъ. Благодарю.

Антонъ. Скажи-ка ты мнѣ вотъ что: правдѣ ли, что Адамъ, вмѣстѣ того, чтобы идти прямой дорогой къ бургомистру, проѣзъ тебя по всему городу?

Карлъ. И вдоль и поперекъ, и по улицамъ и по рынку, какъ жирнаго быка на масляницѣ; но не думай онъ, чтобы я съ нимъ не расчитался впередъ отъѣздомъ.

Антонъ. Не осуждаю это, но — запрещаю.

Карлъ. О!

Антонъ. Я не спущу тебя съ глазъ и самъ прибуду на помощь къ мерзавцу, если ты вздумаешь напасть на него.

Карлъ. А я думалъ, что вы любите мою мать.

Антонъ. И докажу это.

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ

СЕКРЕТАРЬ. (сводитъ блѣдный, испорченный жезломъ, у груди держитъ платокъ). Гдѣ Магдалина? (падаетъ на стулъ). Господи! Здравствуйте! Слава Богу, что я еще доволю сюда! Гдѣ она?

КАРЛЪ. Она пошла къ... чтожъ она такъ долго тамъ? Ея слыш... Я боюсь... (уходитъ).

СЕКРЕТАРЬ. Она отомщена. Мерзавецъ убить. Но и я... я тоже. О, зачѣмъ, Господи? Теперь я не могу...

АНТОНЪ. Что съ вами? Что съ нимъ случилось?

СЕКРЕТАРЬ. Сейчасъ будетъ все кончено! Дайте мнѣ вашу руку и клянитесь, что вы не отвергнете дочь свою, слышите ли — не отвергнете, если она...

АНТОНЪ. Что за странныя рѣчи? Зачѣмъ же я долженъ... А! глаза мои прозрѣли! Что, развѣ я былъ къ ней несправедливъ?..

СЕКРЕТАРЬ. Дайте мнѣ вашу руку!

АНТОНЪ. Нѣтъ! (мрщитъ руки съ карманами) но я уступлю ей свое мѣсто, она это знаетъ, я ей это сказалъ!

СЕКРЕТАРЬ (виль свѣла). Вы ей... несчастная! теперь-то только я понялъ тебя совершенно!

КАРЛЪ (вбѣгаетъ). Отецъ, отецъ! кто-то упалъ въ колодезь! только бы на...

АНТОНЪ. Большую лѣстницу! крючки! веревки! чтожъ ты дѣлаешь? Живо! А если это Адамъ!

КАРЛЪ. Все тамъ. Сосѣди прибѣжали прежде меня. О, еслибъ только это была не Магдалина!

АНТОНЪ. Магдалина? (опирается на столъ).

КАРЛЪ. Она пошла за водой... а тамъ нашла ея вдовыню.

СЕКРЕТАРЬ. Подлецъ, я знаю теперь, отчего твоя пуля попала въ мнѣ! Это она...

АНТОНЪ. Поди, посмотри... (садится) я не могу!!! (Карль уходитъ). А между тѣмъ... (встаетъ) если я васъ (къ секретарию) хорошо понялъ, все къ лучшему.

КАРЛЪ (возвращается). Магдалина умерла! Голова раздроблена о камень... Отецъ! она не упала... она бросилась въ колодезь! служанка видѣла!

АНТОНЪ. Пусть служанка хорошенько обдумаетъ, что гово-

рить. Теперь вовсе не так свѣтло, чтобъ можно было разглядѣть, кто упалъ и кто бросился.

Секретарь. Вы все еще сомнѣваетесь? Вамъ хочется сомнѣваться; но вы не можете. Вспомните только, что вы ей сказали? Вы поставили ее на дорогу смерти; а я... я виноватъ въ томъ, что она не вернулась. Когда вы стали подозрѣвать ея несчастіе — вы думали объ однихъ только злыхъ языкахъ, которые бы зашипѣли за вами, но вы не подумали, что это языки презрѣнныхъ змѣй, — и выговорили слово, которое довело ее до отчаянія. А я, въ то время, когда сердце ея изливалось передо мною въ несказанной печали, я, вмѣсто того, чтобъ прижать ее къ моему сердцу, думалъ только объ извергѣ, который имѣлъ право смѣяться! Теперь я — я плачѣю жизнью за то, что поставилъ себя въ такую зависимость отъ чловѣка, который гораздо хуже меня, и вы сами, вы, что стоите здѣсь какъ глыба желѣза, скажете нѣкогда: дочь моя, я желалъ бы, чтобъ ты лучше не избавляла меня отъ покачиванья головами и пожиманья плечами фарисеевъ; горько мнѣ, что я не вижу тебя подлѣ моего смертнаго одра; больно мнѣ, что ты не оботрешь моего предсмертнаго пота...

Антонъ. Она меня ни отъ чего не избавила — я это вижу!

Секретарь. Она сдѣлала, что могла. Вы не заслуживаете, чтобъ ей удалось вполнѣ!

Антонъ. Или она нѣтъ *(на дворъ шумитъ)*!

Карлъ. Они ясутъ все *(хочетъ уйти)*!

Антонъ *(кричитъ твердымъ голосомъ)*: Пусть отнесутъ ее въ заднюю комнату, гдѣ лежала мать?

Секретарь. Я пойду къ ней навстрѣчу! *(хочетъ встать и опять падаетъ)*. О! Карлъ!

(Карлъ поддерживаетъ его и уводитъ)!

Антонъ. Не понимаю, что нынче дѣлается на свѣтѣ!

(Стоитъ въ задумчивости. Заподаетъ падаетъ)!

А. ПЛЕШКОВЪ И В. МОСКОЛОВЪ

ВЕНЕЦІЯ

(Отрывокъ изъ Байрона)

Венеція, Венеція! въ тотъ мигъ,
Какъ мраморъ стѣнъ твоихъ сравняется съ водами,
Въ странахъ тебѣ чужихъ раздастся скорбный крикъ
И стонъ надъ этими потопшими дворцами
Прочтется по твоимъ лазоревымъ зыбямъ.
Когда, пришлецъ, горячими слезами
Я идачу о тебѣ, — твоишь сынаиъ
Чтожъ дѣлать? Плакать? Нѣтъ инде...
Они роптать въ своемъ тупомъ покоѣ
Лишь могутъ, столь же мало въ томъ отцамъ
Подобныя, — какъ слезы и тина ида,
Отсадокъ отгнивающихъ валовъ,
Подобны пѣнѣ брызжущей, чья сила
Кладетъ на берегъ заблудшихъ моряковъ;
Такъ и потомки — предкамъ знаменитымъ
Подобны мало и, влачась, ползутъ
Какъ раки медленно по улицамъ врырытымъ...
О горе, горе имъ! Вѣка ужъ не пожнутъ
Бывалыхъ жатвъ... Весь плодъ тринадцати столѣтій
Величья, славы — слезы, или прахъ...
И каждый навичникъ, какой бы ты ни встрѣтилъ,
О странникъ: храмъ, дворецъ или саркофагъ,
Тотъ предстанетъ трупомъ повитый!..
Самъ левъ лежитъ недвиженъ, какъ убитый...
Несется чуждый шумъ безсмысленный, глухой
Вдоль по волнамъ лазурнымъ, въ вѣкъ иной

Привыкшихъ отвѣчать отзывнымъ колыханьемъ
 На звуки, что неслись подъ яркою луной
 Изъ трепетныхъ гондолъ, сливаясь съ жужжаньемъ
 И съ шелестомъ твоихъ ликующихъ дѣтей,
 Въ которыхъ даже грѣхъ былъ символомъ крѣпня
 Полуденной крови и жажды наслажденья...
 Лишь сила лѣтъ могла потокъ кипучій сей
 Унять и обратить его теченье
 На правый путь отъ бездны роковой,
 Раствѣвля бездны, полной упоеній,
 Волненія въ крови и сладкихъ ощущений.
 Всежъ лучше, чѣмъ развратъ и мрачный и глухой,
 Народовъ плевелы во времена упадка,
 Когда порокъ является во всей
 Безстыдно гнусной наготѣ своей,
 Когда веселіе — ничто, какъ лихорадка
 Безумія; когда улыбокъ всѣхъ разгадка —
 Единое убійство, и когда
 Надежда — только живая отсрочка,
 Больному свѣтомъ брезжущая точка —
 За полчаса до смертнаго суда.

АПОЛЛОНЪ ГРИГОРЬЕВЪ

МОЛЧАНИЕ

(изъ Морица Гартмана)

Ни слова, о другъ мой, ни вздоха...
Мы будемъ съ тобой молчаливы...
Въль молча, надъ камнемъ могильнымъ,
Склоняются грустныя ны...

И только склонившись читають, —
Какъ я въ твоемъ взорѣ усталомъ, —
Что были дни дснаго счастья,
Что этого счастья — не стало!

А. ПЛЕЩЕВЪ

ДЪШІЙ

Двойнымъ, зеленымъ стресемъ,
Вдоль узкаго просѣлка,
Подъ снѣжной шапкой дремятъ
И сосенка, и елка;

Осына коченѣетъ
И дрогнетъ отъ мороза,
И вся въ слезахъ алмазныхъ
Плакучая берёза;

Ихъ предки — въ три обиваетъ,
По-одадь отъ онуши,
Взнесли надъ молодёжью
Маститыя мавуши;

Вдали дубнякъ, да дѣшій —
Всѣхъ выше головою
Рога торчатъ сквозь космы,
Копыта подъ землёю.

То всѣхъ деревьесъ выше,
То ниже мелкой травка,
Что топчуть чуткой ножкой
Букашки и козявки;

Владыка номновластный
Зеленаго народа,

Онъ всей лѣсной державѣ
Судья и воевода.

Зимою онъ сугробы
Въ овраги заметаетъ,
И трѣнки онъ лисицамъ
И зайцамъ прочищаетъ ;

И снѣгомъ онъ обноситъ
Берлогу медвѣжонка,
И вѣтъ мохнатой лапой
Гнѣздо для воронѣнка ;

И волку — сыромахѣ
Онъ кажетъ путь-дорогу,
И на смѣхъ догажачимъ
И зычному ихъ рогу ;

И стаѣ гончихъ — зябры
Въ трущобѣ укрываетъ...
А къ осени деревья
Онъ холить-сберегаетъ :

Подъ корень ихъ валежники
И палый листъ, вязанкой,
Крѣпя, валидъ съ плеча онъ
Надъ бѣлою-бѣланкой,

Надъ рыжикомъ и груздемъ,
Надъ тонкою опѣнкой :
Укроетъ, впроберетъ
Къ грибовницамъ стороной

И филиномъ прогуляетъ,
И въ чащѣ, за кустами,
Засвѣтитъ, что волница,
Зелеными глазами ;

Въ орѣшникѣ змѣю
Шипитъ онъ для потѣхи,
Чтобъ дѣвушки у бѣлота
Не съели всѣ орѣхи ;

А лѣтомъ провежастъ
Убогую каливу;
За двяцей, охочей
Ходить по землянику,

По ягоду-малину
Съ смородиною черной,
Слѣдитъ онъ втихомолку
Промежь листьвѣ дозорной;

И если бойкій парень
Гдѣ пѣсенку затанеть, —
Проказникъ-лѣшій клѣчемъ (*)
Красавицу обманеть,

А парня обойдетъ онъ...
И если гдѣ каливу,
Позарясь на панѣву,
Котомочку и вилку

Съ зашитымъ подавнѣемъ,
Бродяга ждетъ, — дѣлъ стукнетъ
На цѣлый лѣсъ дубинкой,
Конемъ заржетъ, аукнетъ,

Грозой и буйнымъ вихремъ
Вдоль по лѣсу застонеть, —
И въ самую трущобу
Недобраго замонить;

Тамъ будетъ сытъ бродяга
До третьяго до Спаса:
У яблонь и у пчолокъ
Накоплено запаса...

А въ лѣсъ зайдетъ охотникъ —
Опять стучитъ дубинка,
И прячется въ трущобѣ
Вся дичь и вся дичьяна...

(*) Кличъ — народный синонимъ оца.

Всего любезнѣй вѣсны
 Для дѣда : припадаетъ
 Къ сырой землѣ онъ ухомъ
 И слышитъ : — все монасть,

Все роется подъ склепомъ
 Своей темницы тѣсвой,
 Все дышетъ жаждой жизни
 И силою воскресной —

И травка, и муравка,
 И первые цвѣточикъ,
 И первые на волю
 Пробившіяся почки.

Вотъ все зазеленѣло;
 Летучими цвѣтками
 И бабочки и мушки
 Порхаютъ надъ лугами;

Жужжа роются пчолы;
 Поютъ на гнѣздахъ птицы;
 И на небѣ играютъ
 Весеннія зарницы —

Дѣдъ долго и любовно
 По лѣсу ходитъ-ходитъ,
 Порой съ былинки валой
 По-часу глазъ не сводитъ.

И все онъ на сторожѣ —
 Съ зари до полуночи,
 Пока ужъ напослѣдокъ
 Не выбьется изъ ночи...

Устанетъ, притонится
 И спать придетъ охота —
 Уйдетъ въ дубовый островъ,
 Въ любимое болото :

Тамъ тина — что перина,
 Тамъ дѣду, ночью тихой,

Зыбучая постели
 Съ русалкой-лыжечкой.

Для ней-то оны бооку
 Въ зеленый пологъ рядить;
 Для ней «медвѣжьи ушки»,
 «Вороньи глазки» садить;

Для ней и незабудки —
 Ковромъ узорно-шитымъ;
 Для ней и соловейки
 По вѣтламъ и ривитамъ;

Для ней-то ночь куналу,
 Полуночью росистой,
 И папортникъ безцвѣтный
 Цвѣтеть звѣздой лучистой.

Сюда ужь не добраться
 Ни вершикамъ, ни пѣшымъ...
 И спитъ онъ... Да летаетъ
 Нелобрый совъ надъ лыжнями...

И снится ему, будто
 По всей его дубровѣ
 Чудное — что творится,
 И все какъ-будто вновь...

Что мчится издалёка
 Невѣдомая сила
 И старую трущобу
 Всю доскомъ положила:

Подсѣченъ, срубленъ, сваленъ
 И сгубленъ топорами,
 Кругомъ весь островъ стонетъ
 Дрожащими вѣтвями;

Что прѣсѣвка съ пол-вѣрсту
 Идетъ поверхъ болота,
 И вдалькъ сверкаетъ
 Зловѣщимъ окомъ что-то,

И мчится — мчится — мчится,
 И ближе подлетаетъ;
 Парь изъ ноздрей и искры;
 Слѣдъ полымъ сметааетъ.

Шипитъ, — шипитъ и свиститъ,
 И, словно змѣя крылатой,
 Грозитъ чугуновой грудью
 Грудь его косматой...

Проснулся, главуль, — видитъ:
 Не островъ, а площадка;
 Дубовъ — какъ не бывало,
 Все срублено, все гладко...

Засыпано болото:
 Пескомъ, дресвой и щебнемъ,
 И мостъ надъ нимъ поднялся
 Гранитнымъ сѣрымъ гребнемъ,

И, разсыпая искры
 Далеко въ полъ чистомъ,
 Летитъ змѣя-чугунка
 Съ шипѣніемъ в свистомъ...

Л. МЕЙ

7 января 1861 г.

СОНЪ НЕГРА-НЕВОЛЬНИКА

(изъ Лонгфелло. POEMS ON SLAVERY)

У вескатаго рѣса лежитъ онъ и серпъ
Стиснулъ крѣпко въ усталой рукѣ;
Груди открыта — и черныя вудри раба
Утонули въ горячемъ пескѣ —
О, опять сквозь туманы отраднago сна
На отчизну глядитъ онъ въ тоскѣ.

Широко, по картинѣ туманнаго сна
Величавыя рѣки текли:
Онъ сподитъ подѣ алоз, и шумво народъ
Избираетъ его въ короли...
Вотъ, звонками гремя, тихо сходитъ съ горы
Караванъ, чуть синѣя въ дали...

Онъ король... Королева подходитъ къ нему,
Шумво дѣти навстрѣчу бѣгутъ,
Обнимають его и цѣлуютъ въ чело,
И ласкалься, за руки берутъ...
И на жолтый песокъ изъ закрытыхъ рѣсниць
У невольника слезы текутъ.

Вотъ помчался потомъ онъ въ зеленую степь:
Степи чудной не видно конца,
И гремитъ и звенитъ золотая узла,
Стремена — два стальные кольца;
И при каждомъ прыжкѣ сабля звонко бренчитъ,
Ударясь о бокъ жеребца.

Передъ нимъ, какъ застывшая красная кровь,
 Быстроногій фламингось бѣжалъ,
 И его по равнинѣ, гдѣ росъ тамариндъ,
 Онъ до самаго вечера гналъ...
 Вотъ деревня... и тихо у берега спить
 Океана пурпуровый валъ.

Ночь темна... Заревѣли въ оазисѣ львы
 И сапаяль-голодный шакаль,
 Бегемотъ шелестилъ тростникомъ, — и какъ сталь,
 Межъ осокою Нигерь сверкаль...
 И на быстромъ конѣ, какъ подъ звуки трубы,
 Съ торжествомъ онъ сквозь грезу скакаль.

Милліонами звуковъ звучала вся степь,
 О свободѣ запѣли лѣса;
 Вольный вѣтеръ отъ моря подулъ и пошли
 По пустынѣ гудѣть голоса...
 Встрепенулся во снѣ онъ... и любя ему
 Величавая степи краса...

И не чувствовалъ онъ, какъ плантатора бичъ
 Надъ его головой просвистѣлъ...
 Смерть взяла его въ смертныя области сна,
 И безжизненный трупъ кочевѣлъ
 Въ узахъ рабства; но духъ эти узы разбилъ
 И, свободный, съ земли улетѣлъ.

В. КОСТОМАРОВЪ

УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ НЕУДАВШАГОСЯ ЛИТЕРАТОРА

РОМАНЪ

(ПОСВЯЩАЕТСЯ М. М. ДОСТОЕВСКОМУ)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА I

Черезъ минуту мы всё смѣлись, какъ полуумные.

— Да дайте же, дайте же мнѣ рассказать, покрывалъ насъ всѣхъ Алеша своимъ звонкимъ голосомъ. Они думаютъ, что все это какъ вь врежде... что я съ пустяками прѣѣхалъ... Я вамъ говорю, что у меня самое интересное дѣло. Да замолчите ли вы когда-нибудь!

Ему чрезвычайно хотѣлось рассказать. По виду его можно было судить, что у него важныя новости. Но его приготовленная важность отъ наввной гордости владѣть такими новостями тотчасъ же размѣшила Наташу. Я невольно засмѣялся, вслѣдствіе ей. И чѣмъ больше онъ сердился на насъ, тѣмъ больше мы смѣлись. Досада и потомъ дѣтское отчаяніе Алеша довела наконецъ насъ до той степени, когда стоитъ только показать пальцемъ, какъ гоголевскому мичману, чтобъ тотчасъ же и показаться со смѣху. Мавра, вышедшая изъ кухни, стояла въ дверяхъ и съ серьезнымъ недоумованіемъ смотрѣла на насъ; досаду, что не досталось Алешѣ хорошей головнойки отъ Наташи, какъ ожидала она съ наслажденіемъ всѣ эти пять дней, и что вмѣсто того всѣ такъ веселы.

Наконецъ Наташа, видя, что нашъ смѣхъ обижаетъ Алешу, перестала смѣяться.

— Что же ты хочешь рассказывать? спросила она.

— А что наставить что ль самоваръ? спросила Мавра, безъ малѣйшаго уваженія перебивая Алешу.

— Наставь, Мавра, и ступай, отвѣчалъ онъ, махая на нее руками и торопясь пргнать ее. Я буду рассказывать все что было, все что есть и все что будетъ, потомучто я все это знаю. Вижу, друзья мои, вы хотите знать, гдѣ я былъ эти пять дней, — это-то я и хочу рассказать; а вы мнѣ не даете. Ну, и вопервыхъ, я тебя все время обманывалъ, Наташа, все это время, давнымъ давно ужъ обманывалъ, и это-то и есть самое главное.

— Обманывалъ!

— Да, обманывалъ, уже цѣлый мѣсяцъ; еще до приѣзда отца началъ; теперь пришло время полной откровенности. Мѣсяцъ тому назадъ, когда еще отецъ не приѣзжалъ, я вдругъ получилъ отъ него огромнѣйшее письмо и скрылъ это отъ васъ обоихъ. Въ письмѣ онъ прямо и просто, — и замѣтьте себѣ, такимъ серьезнымъ тономъ, что я даже всугался, — объявлялъ мнѣ, что дѣло о моемъ сватовствѣ уже кончилось, что невѣста моя совершено; что я разумѣется ея не стою, но что все-таки непремѣнно долженъ на ней жениться. И потому, чтобъ приготовлялся, чтобъ выбилъ изъ головы всѣ мои вздоры и такъ далѣе, и такъ далѣе, — ну, ужъ извѣстно, какія это вздоры. Вотъ это-то письмо я отъ васъ и утаилъ.

— Совсѣмъ не утаилъ! перебила Наташа, вотъ чѣмъ хвастайся! А выходитъ, что все тотчасъ же намъ рассказалъ. Я еще помню, какъ ты вдругъ сдѣлался такой послушный, такой внимательный, и не отходилъ отъ меня, точно провинился въ чемъ-нибудь, и все письмо намъ по отрывкамъ и рассказалъ.

— Не можетъ быть, главного навѣрно не рассказалъ. Можетъ быть вы оба угадали что-нибудь, это ужъ ваше дѣло, а я не рассказывалъ. Я скрылъ и ужасно страдалъ.

— Я помню, Алеша, вы со мной-тогда поминутно совѣщались и все мнѣ рассказали, отрывками разумѣется, въ видѣ предложеній, — прибавилъ я, смотря на Наташу.

— Все рассказалъ! ужъ не хвастайся пожалуйста, подхватила она. — Ну, что ты можешь скрыть? ну, тебѣ ли быть обманщикомъ? Даже Мавра все узнала. Знала ты, Мавра?

— Ну, какъ не знать! отозвалась Мавра, просунувъ къ намъ свою голову; все въ три же первые дня разсказалъ. Не тебѣ бы хитрить!

— Фу, какая досада съ вами разговаривать! Ты все это изъ злости дѣлаешь, Наташа! А ты, Мавра, тоже ошибаешься. Я, помню, былъ тогда какъ сумасшедшій; поминишь, Мавра?

— Какъ не поминать. Ты и теперь какъ сумасшедшій.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не про то говорю. Поминишь! тогда еще у насъ денегъ не было и ты ходила мою сигарочницу серебряную закладывать; а главное, позволь тебѣ замѣтить, Мавра, ты ужасно передо мной забываешься. Это все тебя Наташа приучила. Ну, положимъ я дѣйствительно все вамъ разсказалъ тогда же, отрывками (я это теперь припоминаю). Но тона, тона письма вы не знаете, а вѣдь въ письмѣ главное тонъ. Про это я и говорю.

— Ну, а какой же тонъ? спросила Наташа.

— Послушай, Наташа, ты спрашиваешь — точно шутяшь. Не шутя. Увѣряю тебя, это очень важно. Такой тонъ, что я и руки опустилъ. Никогда отецъ такъ сомной не говорилъ. То есть скорѣе Лиссабонъ провалится, чѣмъ не сбудется по его желанію; вотъ какой тонъ!

— Ну-ну, разсказывай; зачѣмъ же тебѣ надо было скрывать отъ меня?

— Ахъ, Боже мой! да чтобъ тебя не испугать. Я надѣялся все самъ уладить. Ну, такъ вотъ, послѣ этого письма, какъ только отецъ пріѣхалъ, пошли мои муки. Я приготовился ему отвѣчать твердо, ясно, серьезно, да все какъ-то не удавалось. А онъ даже и не разспрашивалъ; хитрецъ! напротивъ, показывалъ такой видъ, какъ будто уже все дѣло рѣшено и между нами уже не можетъ быть никакого спора и недоумѣнія. Слышишь, *не можетъ быть* даже; такая самонадѣянность. Со мной же сталъ такой ласковый, такой милый. Я просто удивлялся. Какъ онъ умный, Иванъ Петровичъ, еслибъ вы знали! Онъ все читалъ, все знаетъ; вы на него только одинъ разъ посмотрите, а ужъ онъ всѣ ваши мысли какъ свои знаетъ. Вотъ за это-то вѣрно и прозвали его іезуитомъ. Наташа не любитъ, когда я его хвалю. Ты не сердись, Наташа. Ну, такъ вотъ... а кстати! Онъ мнѣ денегъ сначала не давалъ, а теперь далъ, вчера. Наташа! ангелъ мой! кончилась теперь наша бѣдность! вотъ, смотри! Все, что уменьшилъ мнѣ въ наказаніе, за всѣ эти полгода, все вчера додалъ;

смотрите, вотъ сколько; я еще не сосчиталъ. — Мавра, смотри, сколько денегъ! Теперь ужь не будемъ ложки да заповки выкладывать!

Онъ вынулъ изъ кармана довольно толстую пачку денегъ, тысячи въ полторы серебромъ, и положилъ на столъ. Мавра съ удовольствіемъ на нее посмотрѣла и похвалила Алешу; Наташа сильно торопила его.

— Ну, такъ вотъ — что мнѣ дѣлать, думаю? продолжать Алеша; ну, какъ противъ него войти? То есть клянусь вамъ обоимъ, будь онъ золъ со мной, а не такой добрый, а бы я не дуналъ ни о чемъ. Я прямо бы сказалъ ему, что не хочу, что я ужь самъ выросъ и сталъ человѣкомъ и теперь — конечно! и повѣрите, настоялъ бы на своемъ. А тутъ — что я ему скажу? Но не вниите и меня. Я вижу, ты какъ будто недовольна, Наташа. Чего вы оба переглядываетесь? Навѣрно думаете: вотъ ужь его сейчасъ и опрели и ни капли въ немъ твердости нѣтъ. Есть твердость, есть, и еще больше, чѣмъ вы думаете! А доказательства, что не смотря на мое положеніе, я тотчасъ же сказалъ собѣ: это мой долгъ; я долженъ все, все высказать отцу, и сталъ говорить, и высказалъ, и онъ меня выслушалъ.

— Да что же, что именно ты высказалъ? съ безпокойствомъ спросила Наташа.

— А то, что я не хочу никакой другой невѣсты, а что у меня есть своя, — это ты. То-есть, я прямо этого еще до сихъ поръ не высказалъ, но я его приготовилъ къ этому, а завтра скажу; такъ ужь я рѣшилъ. Сначала я сталъ говорить о томъ, что житье на деньгахъ стыдно и неблагоугодно, и что шамать считать себя какими-то аристократами — просто глупо (я вѣдь съ нимъ совершенно откровенно, какъ братъ съ братомъ). Потомъ объяснилъ ему тутъ же, что я *tiens-à-la* и что *beaucoup c'est l'essence*; что я горжусь тѣмъ, что похожъ на всѣхъ, и не хочу ничьего отличатся... однимъ словомъ, изложилъ ему всѣ эти зарывил идеи... Я говорилъ горячо, увлекательно. Я самъ себя улавливалъ. Я доказалъ ему наконецъ, и съ его точки зрѣнія, я прямо сказалъ: какіе мы князь? только по роду изъ существа въ насъ княжескаго? Особеннаго богатства, во-первыхъ, нѣтъ, а богатство — главное. Ницѣе самый главный князь — Ротшильдъ. Во-вторыхъ — въ настоящемъ-то большомъ свѣтѣ бытъ такъ давно не слышали. Досадный былъ дядя, Семенъ Валковскій.

да и тотъ только въ Москвѣ были извѣстенъ, да и то дѣмъ, что послѣднія триста душъ прошилъ, и еслибъ отецъ не даждь самъ денегъ, то его звуки можетъ быть сами бы землю дадали, какъ и есть такіе князья. Такъ нечего и намъ заноситься. Однимъ словомъ, я все высказалъ, что у меня накипѣло, — все, горячо и откровенно, даже еще прибавилъ кой-что. Онъ даже и не возражалъ, а просто началъ меня упрекать, что я бросаю дрянь графа Навинскаго, а потомъ скизалъ, что надо подмазаться къ князю К., моей крестной матери, и что, если княгиня К. меня хорошо приметъ, такъ значить и вездѣ примутъ и карьера сдѣлана, и пошолъ, и пошолъ расписывать! Это все намеки на то, что я, какъ ссѣлся съ тобой, Наташа, то всѣхъ ихъ бросаю; что это стало быть твое вліяніе. Но прямо онъ до сихъ поръ не говорилъ про тебя, даже видимо набѣгаетъ. Мы оба хитримъ, выжидаемъ, ловимъ другъ друга, и будь увѣрена, что и на нашей улицѣ будетъ праздникъ.

— Да хорошо ужъ; чѣмъ же кончилось, какъ онъ-то рѣшилъ? вотъ что главное. И какой ты болтунъ, Алеша...

— А Господь его знаетъ, совсѣмъ и не разберешь, какъ онъ рѣшилъ; а я вовсе не болтунъ, я дѣло говорю; онъ даже и не рѣшалъ, а только на всѣ мои разсужденія улыбался, но такой улыбкой, какъ-будто ему жалко меня. Я вѣдь понимаю, что это унижительно, да я не стыжусь. Я, говорить, совершенно съ тобой согласенъ, а вотъ побдемъ-ка къ графу Навинскому, да смотри, тамъ этого ничего не говори. Дѣло тебя понимаю, да они-то тебя не поймутъ. Кажется и его самого они всѣ не считаютъ хорошо принимають; за что-то сердится. Вообще въ свѣтъ отца не любить. Графъ сначала принялъ меня чрезвычайно величаво, совсѣмъ свысока, даже совсѣмъ какъ-будто забылъ, что я выросъ въ его домѣ, припоминать началъ, ей Богу! Отецъ просто сердится на меня за неблагодарность, а правду-то было никакой отъ меня неблагодарности; въ его домѣ ужасно случилъ, — ну, а я не бѣдичь. Онъ и отца принялъ ужасно небрежно; такъ небрежно, такъ небрежно, что я даже не понимаю, какъ онъ гудалъ. Все это меня возмутило. Бѣдный отецъ долженъ впередъ думать, не спиру гнуть, я понимаю, что это для меня, да мнѣ-то ничего не нужно. Я было хотѣлъ потомъ высказать отцу всѣ мои чувства, да удержался. Да какъ звать? убеждающій его я не переимѣню, а только его раздоса-

дую; а ему и безъ того тяжело. Ну, думаю, пушусь на хитрости, перехитрю ихъ всѣхъ, заставлю графа уважать себя; — и чтожь? тотчасъ же всего достигъ: въ какой-нибудь одинъ день все перемѣнилось! Графъ Наннскій не знаетъ теперь, куда меня посадить. И все это я сдѣлалъ, одинъ я, черезъ свою собственную хитрость, такъ что отецъ только руки разставилъ!..

— Послушай, Алеша, ты бы лучше рассказывалъ о дѣлѣ! вскричала нетерпѣливая Наташа, — я думала, ты что-нибудь про наше расскажешь, а тебѣ только хочется рассказать, какъ ты тамъ отличился у графа Наннскаго. Какое мнѣ дѣло до твоего графа!

— Какое дѣло! слышите, Иванъ Петровичъ, какое дѣло? да въ этомъ-то и самое главное дѣло. Вотъ ты увидишь сама; все подъ конецъ объяснится. Только дайте мнѣ рассказать... А наконецъ (почему же не сказать откровенно!) вотъ это, Наташа, да и вы тоже, Иванъ Петровичъ, я можетъ быть дѣйствительно иногда очень, очень неразсудителенъ; ну, да положимъ даже (вѣдь иногда и это бывало) просто глупъ. Но тутъ, увѣряю васъ, я выказалъ много хитрости... ну... и наконецъ даже ума; такъ что я думалъ, вы сами будете рады, что я не всегда же... неумень...

— Ахъ, что ты, Алеша, полно! голубчикъ ты мой!..

Наташа сносить не могла, когда Алешу считали неумнымъ. Сколько разъ, бывало, она дулась на меня, не высказывая на словахъ, если я не слишкомъ перемонясь доказывалъ Алешѣ, что онъ сдѣлалъ какую-нибудь глупость; это было большое мѣсто въ ея сердцѣ. Она не могла снести униженія Алешы, а вѣроятно тѣмъ болѣе, что про себя сознавалась въ его ограниченности. Но своего мнѣнія отнюдь ему не высказывала и боялась этого, чтобъ не оскорбить его самолюбія. Онъ же въ этихъ случаяхъ былъ какъ-то особенно пронизателенъ и всегда угадывалъ ея тайныя чувства. Наташа это видѣла и очень печалилась, тотчасъ же лѣстила ему, ласкала его. Вотъ почему теперь слова его больно отозвались въ ея сердцѣ...

— Полно, Алеша, ты только легкомысленъ, а ты вовсе не такой, прибавила она, съ чего ты себя унижаешь?

— Ну, и хорошо; ну, такъ вотъ и дайте же мнѣ досказать. Послѣ приѣма у графа отецъ даже разошелся на меня. Думаю, постой! Мы тогда ѣхали къ княгинѣ; я давно уже слышалъ,

что она отъ старости почти изъ ума выжила и въ добавокъ глухая, и ужасно любить собачонокъ. У ней цѣлая стая и она души въ нихъ не слышитъ. Не смотря на все это, она съ огромнымъ вліяніемъ въ свѣтъ, такъ что даже самъ графъ Наинскій, le superbe, у ней antichambre дѣлаеть. Вотъ я дорогою и основаль планъ всѣхъ дальнѣйшихъ дѣйствій, и какъ вы думаете, на чемъ основаль? На томъ, что меня всѣ собаки любятъ, ей Богу! я это замѣтилъ. Или во мнѣ магнетизмъ какой-нибудь сидитъ, или потому, что я самъ очень люблю всѣхъ животныхъ, ужь не знаю, только любятъ собаки, да и только! Кстати о магнетизмѣ, я тебѣ еще не рассказываль, Наташа, мы на дняхъ духовъ вызывали, я былъ у одного вызывателя; это ужасно любопытно, Иванъ Петровичъ; даже поразило меня. Я Юлія Цезаря вызываль...

— Ахъ, Боже мой! Ну, зачѣмъ тебѣ Юлія Цезаря? вскричала Наташа, заливаясь смѣхомъ. — Этого не доставало!

— Да почему же... точно я какой-нибудь... Почему жъ я не имѣю права вызвать Юлія Цезаря? Что ему сдѣлается? Вотъ, смѣется!

— Да ничего конечно не сдѣлается... ахъ, голубчикъ ты мой! ну, что жъ тебѣ сказалъ Юлія Цезарь?

— Да ничего не сказалъ. Я только держаль карандашъ, а карандашъ самъ ходилъ по бумагѣ и писалъ. Это, говорятъ, Юлія Цезарь пишетъ. Я этому не вѣрю.

— Да чтожь написалъ-то?

— Да написалъ что-то въ родѣ «обмокни», какъ у Гоголя... да полно смѣяться!

— Да рассказывай про княгиню-то!

— Ну, да, вотъ вы все меня перебиваете. Пріѣхали мы къ княгинѣ и я началъ съ того, что сталъ куртизанить съ Мими. Эта Мими — старая, гадкая, самая мерзкая собачонка, вмѣстѣ упрямая и кусака. Княгиня безъ ума отъ нея, не надышитъ; она кажется ей ровесница. Я началъ съ того, что сталъ Мими конфетками прикармливать и въ какія-нибудь десять минутъ выучилъ подавать лапку, чему во всю жизнь не могли ее выучить. Княгиня пришла просто въ восторгъ; чуть не плачетъ отъ радости: «Мими! Мими! Мими лапку даетъ!» Пріѣхаль кто-то: «Мими лапку даетъ! вотъ выучилъ крестникъ!» Графъ Наинскій вошелъ: «Мими лапку даетъ!» На меня смотритъ чуть не со сле-

зами умиленья. Предобрѣйшая старушка; даже жалко ее. Я не промахъ, тутъ опять ей польстили: у ней на табакеркѣ ея собственный портретъ, когда еще она невѣстой была, лѣтъ шестьдесятъ назадъ. Вотъ и урони она табакерку. Я поднимаю да и говорю, точно не знаю: *Quelle charmante peinture!* это идеальная красота! Ну, тутъ она ужь совсѣмъ растаяла; со мной и о томъ и о сѣмъ, и гдѣ я учился, и у кого бываю, и какіе у меня славные волосы, и пошла, и пошла. Я тоже: разсмѣшил ее, исторію скандальную ей разсказалъ. Она это любить; только пальцемъ мнѣ погрозила, а впрочемъ очень смѣялась. Отшучиваетъ меня, — цѣлуетъ и пресититъ, требуетъ, чтобъ каждый день я прѣблизжалъ ее развлекать. Графъ мнѣ руку жметъ; глаза у него стали масляные; а отецъ, хоть онъ и добрѣйшій и честнѣйшій и благороднѣйшій человекъ, но вѣрьте или не вѣрьте, и чуть не плакалъ отъ радости, когда мы двоемъ домой прѣехали: обнималъ меня, въ откровенности пустился, въ какія-то таинственный откровенности, на счетъ карьеры, связей, денегъ, браковъ, такъ что я многого и не понималъ. Тутъ-то онъ и деньги мнѣ далъ. Это вчера было. Завтра я опять къ княгинѣ, но отецъ все-таки благороднѣйшій человекъ — не думайте того-нибудь, и хоть и отдаляетъ меня отъ тебя, Наташа, но это потому, что былъ обманенъ, потому что ему милліоновъ Катиныхъ хочется, а у тебя ихъ нѣтъ; и хочетъ онъ ихъ для одного меня, и только по незнанію несправедливъ къ тебѣ. А какой отецъ не хочетъ счастья своему сыну? Вѣдь онъ не виноватъ, что привыкъ считать въ милліонахъ счастье. Такъ ужь они все. Вѣдь смотрѣть на него нужно только съ этой точки, не иначе, — вотъ онъ тотчасъ же и выйдетъ правъ. И нарочно спѣшилъ къ тебѣ, Наташа, увѣрить тебя въ этомъ, потому, я знаю, ты предубѣждена противъ него и разумѣется въ этомъ не виновата. Я тебя не виню...

— Такъ только-то и случилось съ тобой, что ты карьеру у княгини сдѣлалъ? въ этомъ и вся хитрость? спросила Наташа.

— Какое! что ты! Это только начало... я потому рассказываю про княгиню, что, понимаешь, я черезъ нее отца въ руки возьму, а главная моя исторія еще и не начиналась.

— Ну, такъ рассказывай же!

Наташа была недовольна; ей не то хотѣлось узнать отъ Алеши. Нетерпѣніе и невѣдомая досада проглянули въ ея лица.

— Со мной сегодня случилось еще происшествіе и даже очень странное, и я до сихъ поръ еще пораженъ, началъ Алеша. Надо вамъ дамѣтить, что хотъ у отца съ графиней и порѣшено наше сватовство, но официально еще до сихъ поръ рѣшительно ничего не было, такъ что мы хотъ сейчасъ разоидемсл и никакого скандала; однимъ только графъ Наннскій знаетъ, но вѣдь это считается родственникъ и покровитель. Мало того, хотъ я въ эти двѣ недѣли и очень сошолсл съ Катей, но до самаго сегодняшняго, вечера мы ни слова не говорили съ ней о будущемъ, то есть о бракѣ и... ну, и о любви. Кромѣ того положене сначала испросить согласіе княгини К., отъ которой ждутъ у насъ всевозможнаго покровительства и золотыхъ дождей. Что скажетъ она, то скажетъ и свѣтъ; у ней такія связи... А меня непремѣнно хотятъ вывести въ свѣтъ и въ люди. Но особенно на всѣхъ этихъ распоряженіяхъ настаиваетъ графиня, мачиха Кати. Дѣло въ томъ, что княгиня, за всѣ ея заграничныя штуки, пожалуй еще ея и не приметъ, а княгиня не приметъ, такъ и другіе пожалуй не примутъ; такъ вотъ и удобный случай — сватовство мое съ Катей. И потому графиня, которая прежде была противъ сватовства, страшно обрадовалась сегодня моему усѣху у княгини, но это въ сторону, а вотъ что главное: Катариону Федоровну я зналъ еще съ прошлаго года; но вѣдь я былъ тогда еще мальчикъ и ничего не могъ понимать, а потому ничего и не разглядѣлъ тогда въ ней.

— Просто, ты тогда любилъ меня больше, прервала Наташа, — оттого и не разглядѣлъ, а теперь...

— Ни слова, Наташа, вскричалъ съ жаромъ Алеша, — ты совершенно ошибаешься и меня оскорбляешь!.. Я даже не возражаю тебѣ; выслушай дальше и ты все увидишь... Охъ, еслибъ ты знала Катю! Еслибъ ты знала, что это за цѣнная, ясная, голубиная душа! Но ты узнаешь; только дослушай до конца! Двѣ недѣли тому назадъ, когда по пріѣздѣ ихъ, отецъ повезъ меня къ Катѣ, я сталъ въ нее пристально вглядываться. Я замѣтилъ, что и она въ меня вглядывается. Это завлекло мое любопытство впередъ; ужъ я не говорю про то, что у меня было свое особенное намѣреніе узнать ее поближе, — намѣреніе, еще съ того самаго письма отъ отца, которое меня такъ поразило. Не буду ничего говорить, не буду хвалить ее, скажу только одно: она яркое исключеніе изъ всего круга, Это такая свое-

образная натура, такая сильная и правдивая душа, сильная именно своей чистотой и правдивостью, что я передъ ней просто мальчишкѣ, младшій братъ ея, не смотря на то, что ей всего только семнадцать лѣтъ. Одно еще я замѣтилъ: въ ней много грусти, точно тайны какой-то; она неговорлива; въ домѣ почти всегда молчать; точно запугана... Она какъ-будто что-то обдумываетъ. Отца моего какъ-будто боится. Мачиху не любитъ, — я догадался объ этомъ; это сама графиня распускаетъ, для какихъ-то цѣлей, что падчерица ее ужасно любитъ; все это неправда: Катя только слушается ее безпрекословно и какъ-будто угѣворилась съ ней въ этомъ. Четыре дня тому назадъ, послѣ всѣхъ моихъ наблюдений, я рѣшился исполнить мое намѣреніе и сегодня вечеромъ исполнилъ его. Это: рассказать все Катѣ, признаться ей во всемъ, склонить ее на нашу сторону и тогда разомъ покончить дѣло...

— Какъ! что рассказать, въ чемъ признаться? спросила съ безпокойствомъ Наташа.

— Все, рѣшительно все, отвѣчалъ Алеша, и благодарю Бога, который ввухилъ мнѣ эту мысль; но слушайте, слушайте! Четыре дня тому назадъ я рѣшилъ такъ: удалиться отъ васъ и кончить все самому. Еслибъ я былъ съ вами, я бы все колебался, я бы слушалъ васъ и никакъ бы не рѣшился. Одинъ же, поставивъ именно себя въ такое положеніе, что каждую минуту долженъ былъ твердить тебѣ, что надо кончить и что я *долженъ* кончить, я собрался съ духомъ и — кончилъ! Я положилъ воротиться къ вамъ съ рѣшеніемъ и воротился съ рѣшеніемъ!

— Что же, что же? какъ было дѣло? рассказывай, рассказывай поскорѣе!

— Очень просто! Я подошелъ къ ней прямо, честно и смѣло... Но во-первыхъ я долженъ вамъ рассказать одинъ случай передъ этимъ, который ужасно поразилъ меня. Передъ тѣмъ, какъ намъ ѣхать, отецъ получилъ какое-то письмо. Я въ это время входилъ въ его кабинетъ и остановился у двери. Онъ не выдалъ меня. Онъ до того былъ пораженъ этимъ письмомъ, что говорилъ самъ съ собою, восклицалъ что-то, виѣ себя ходилъ по комнатѣ и наконецъ вдругъ захохоталъ; а въ рукахъ письмо держать. Я даже побоялся войти, переждалъ еще и потомъ вошелъ. Отецъ былъ такъ радъ чему-то, такъ радъ; заговорилъ то шной какъ-то странно; потомъ вдругъ прервалъ и велѣлъ мнѣ

тотчасъ же собираться ѣхать, хотя еще было очень рано. У нихъ сегодня никого не было; только мы одни, и ты напрасно думала, Наташа, что тамъ былъ званый вечеръ. Тебѣ не такъ передили...

— Ахъ, не отылеайся, Алеша, пожалуста; говори, какъ ты рассказалъ все Катѣ!

— Счастье въ томъ, что мы съ ней цѣлыхъ два часа оставались одни. Я просто объявилъ ей, что хоть насъ и хотять сосватать, но бракъ нашъ невозможенъ; что въ сердцѣ моемъ всѣ симпатіи къ ней и что она одна можетъ спасти меня. Тутъ я открылъ ей все. Представь себѣ, она ничего не знала изъ нашей исторіи, про насъ съ тобой, Наташа! Еслибъ ты могла видѣть, какъ она была тронута; сначала даже испугалась. Поблѣднѣла вся! Я рассказалъ ей всю нашу исторію: какъ ты бросила для меня свой домъ, какъ мы жили одни, какъ мы теперь мучаемся, боимся всего, и что теперь мы прибѣгаемъ къ ней (я и отъ твоего имени говорилъ, Наташа), чтобъ она сама взяла нашу сторону и прямо сказала-бы махихѣ, что не хочетъ идти за меня; что въ этомъ все наше спасеніе и что намъ болѣе нечего ждать ни откуда. Она съ такимъ любопытствомъ слушала, съ такой симпатіей. Какіе у ней были глаза въ ту минуту! Кажется вся душа ея перешла въ ея взглядъ. У ней совсѣмъ голубые глаза. Она благодарила меня, что я не усомнился въ ней, и дала слово помогать намъ всѣми силами. Потомъ о тебѣ стала спрашивать, говорила, что очень хочетъ познакомиться съ тобой, просила передать, что уже любить тебя, какъ сестру, и чтобъ и ты ее любила, какъ сестру; а когда узнала, что я уже пятый день тебя не видалъ, тотчасъ-же стала гнать меня къ тебѣ...

Наташа была тронута.

— И ты прежде этого могъ рассказывать о своихъ подвигахъ у какой-то глухой княгини! Ахъ, Алеша, Алеша! воскликнула она, съ упрекомъ на него глядя. — Ну чтожъ Катя? была рада, весела, когда отпускала тебя?

— Да, она была рада, что удалось ей сдѣлать благородное дѣло, а сама плакала. Потомучтѣ она вѣдь тоже любить меня, Наташа! Она призналась, что начинала уже любить меня; что она людей не видитъ и что я понравился ей уже давно; она отличала меня особенно потому, что кругомъ все хитрость и ложь, а я показался ей человѣкомъ искреннимъ и честнымъ. Она встала

и сказала: ну, Богъ съ вами, Алексѣй Петровичъ, а я думала... Не договорила; заплакала и ушла. Мы рѣшили, что завтра-же она и скажетъ мамѣ, что не хочетъ за меня; а что завтра-же и я долженъ все сказать отцу и высказать твердо и смѣло. Она упрекала меня, зачѣмъ я раньше ему не сказалъ; «счастливый человѣкъ ничего не долженъ бояться!» Она такая благородная. Отца моего она тоже не любитъ; говорить, что онъ хитрый и ничѣй денегъ. Я защищалъ его; она мнѣ не повѣрила! Если же не удастся завтра у отца (а она навѣрно думаетъ что не удастся), тогда и она соглашается, чтобы я прибѣгнулъ къ покровительству княгини К. Тогда уже никто изъ нихъ не осмѣлится идти противъ. Мы съ ней дали другъ другу слово быть какъ братъ съ сестрой. О, еслибъ ты знала ея исторію, какъ она несчастна, съ какимъ отвращеніемъ смотреть на всю жизнь у мамѣ, на всю эту обстановку... Она прямо не говорила, точно и меня боялась, но я по нѣкоторымъ словамъ угадалъ. Наташа, голубчикъ мой! Какъ-бы залюбовалась она на тебя, еслибъ увидала! И какое у ней сердце доброе! Съ ней такъ легко! Вы обѣ созданы быть одна другой сестрами и должны любить другъ друга. Я все объ этомъ думаю. И право: я бы свелъ васъ обѣихъ вмѣстѣ, а самъ-бы стоялъ воалѣ, да любовался на васъ. Не думай же чего-нибудь, Наташечка, и позволь мнѣ про нее говорить. Мнѣ именно съ тобой хочется про нее говорить, а съ ней про тебя. Ты вѣдь знаешь, что я тебя больше всѣхъ люблю, больше ея... Ты мое все!

Наташа молча смотрѣла на него, ласково и какъ-то грустно. Его слова какъ-будто ласкали и какъ-будто чѣмъ-то мучили ее.

— И давно, еще двѣ недѣли назадъ, я оцѣнилъ Катю, продолжалъ онъ. Я вѣдь каждый вечеръ къ нимъ ѣздивъ. Ворочусь бывало домой и все думаю, все думаю о васъ обѣихъ, все сравниваю васъ между собою.

— Которая-же изъ насъ выходила лучше? спросила, улыбаясь, Наташа.

— Иной разъ ты, другой она. Но ты всегда лучше оставалась. Когда же я говорю съ ней, я всегда чувствую, что самъ лучше становлюсь, умнѣе, благороднѣе какъ-то. Но завтра, завтра все рѣшится!

— И не жаль ея тебѣ? Вѣдь она любитъ тебя; ты говоришь, что самъ это замѣтилъ?

— Жаль, Наташа! Но мы будем всё трое любить друг друга, и тогда...

— А тогда и прощай! проговорила тихо Наташа, какъ будто про себя. Алеша съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на нее.

Но разговоръ нашъ вдругъ былъ прерванъ самымъ неожиданнымъ образомъ. Въ кухнѣ, которая въ тоже время была и переднею, послышался легкій шумъ, какъ будто кто-то вошелъ. Черезъ минуту Мавра отворила дверь и украдкой стала кивать Алешѣ, вызывая его. Всѣ мы оборотились къ ней.

— Тамъ вотъ спрашиваетъ тебя, пожалуй-ка, сказала она какимъ-то таинственнымъ голосомъ.

— Кто меня можетъ теперь спрашивать? проговорилъ Алеша, съ недоумѣніемъ глядя нась. — Пойду!

Въ кухнѣ стоялъ диврейный лакей князя, его отца. Оказалось, что князь, возвращаясь домой, остановилъ свою карету у квартиры Наташи и послалъ узнать, у ней ли Алеша? Объявивъ это, лакей тотчасъ-же вышелъ.

— Странно! этого еще никогда не было, говорилъ Алеша, въ смущенія нась оглядывая, — что это?

Наташа съ безпокойствомъ смотрѣла на него. Вдругъ Мавра опять отворила къ намъ дверь.

— Самъ идетъ, князь! сказала она ускореннымъ шопотомъ; и тотчасъ-же спряталась.

Наташа поблѣднѣла и встала съ мѣста. Вдругъ глаза ея загорѣлись. Она стояла слегка опершись на столъ и въ волненіи смотрѣла на дверь, въ которую долженъ былъ войти незнамый гость.

— Наташа, не бойся, ты со мной! Я не позволю обидѣть тебя, прошепталъ смущенный, но не потерявшійся Алеша.

Дверь отворилась и на порогъ явился самъ князь Валковскій, своею собственною особою.

ГЛАВА II

Онъ окинулъ нась быстрымъ, внимательнымъ взглядомъ. По этому взгляду еще нельзя было угадать: явился онъ врагомъ, или другомъ? Но опишу подробно его наружность. Въ этотъ вечеръ онъ особенно порадовалъ меня.

Я видалъ его и прежде. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока пяти, небольшое, съ правильными и чрезвычайно красивыми чертами лица, котораго выраженіе измѣнялось, судя по обстоятельствамъ; но измѣнялось рѣзко, вполнѣ, съ необыкновенною быстротою, переходя отъ самаго пріятнаго до самаго угрюмаго или недовольнаго, какъ-будто внезапно была передернута какая-то пружинка. Правильный овалъ лица нѣсколько смуглаго, превосходные зубы, маленькія и довольно тонкія губы, красиво обрисованныя, прямой нѣсколько продолговатый носъ, высокій лобъ, на которомъ еще не видно было ни малѣйшей морщинки, сѣрые довольно большіе глаза, — все это составляло почти красавца, а между тѣмъ лицо его не производило пріятнаго впечатлѣнія. Это лицо именно отвращало отъ себя тѣмъ, что выраженіе его было какъ-будто не свое, а всегда напущенное, обдуманное, заимствованное, и какое-то слѣпое убѣжденіе зарождалось въ васъ, что вы никогда и не добьетесь до настоящаго его выраженія. Вглядываясь пристальнѣе, вы начинали подозрѣвать подъ всегдашней маской что-то злое, хитрое и въ высочайшей степени эгоистическое. Особенно останавливали ваше вниманіе его прекрасные съ виду глаза, сѣрые, открытые. Они одни какъ-будто не могли вполнѣ подчиниться его волѣ. Онъ бы и хотѣлъ смотрѣть мягко и ласково, но лучи его взглядовъ какъ-будто раздваивались и между мягкими, ласковыми лучами, мелькали жесткіе, недовѣрчивые, пытливые, злые... Онъ былъ довольно высокаго роста, сложенъ изящно, нѣсколько худощаво и казался несравненно моложе своихъ лѣтъ. Темнорусые и мягкіе волосы его почти еще и не начинали сѣдѣть. Уши, руки, оконечности ногъ его были удивительно хороши. Это была вполнѣ породистая красавецъ. Одѣтъ онъ былъ съ утонченною изящностію и свѣжестію, но съ нѣкоторыми замашками молодого человѣка, что впрочемъ къ нему шло. Онъ казался старшимъ братомъ Алеши. По крайней мѣрѣ его никакъ нельзя было принять за отца такого взрослога сына.

Онъ подошелъ прямо къ Паташѣ и сказалъ ей, твердо смотря на нее.

— Мой приходъ къ вамъ въ такой часъ и безъ доклада — страненъ и внѣ принятыхъ правилъ; но я надѣюсь, вы повѣрите, что по крайней мѣрѣ я въ состояніи сознать всю эксцентричность моего поступка. Я знаю тоже, съ кѣмъ имѣю дѣло; знаю, что вы

проницательны и великодушны. Подарите мнѣ только десять минутъ, и я надѣюсь, вы сами меня поймете и оправдаете.

Онъ выговорилъ все это вѣжливо, но съ силой и съ какою-то настойчивостью.

— Сядите, сказала Наташа, еще не освободившаяся отъ перваго смущенія и вѣкотораго испуга. Онъ слегка цоклохнулся и сѣлъ.

— Прежде всего позвольте мнѣ сказать два слова ему, началъ онъ, указывая на сына. — Алеша, только что ты уѣхалъ, не дождавшись меня и даже не простясь съ нами, графинѣ доложили, что съ Катериной Федоровной дурно. Она бросилась было къ ней, но Катерина Федоровна вдругъ вошла къ намъ сама, блѣдная, растроенная, въ сильномъ волненіи. Она сказала вамъ прямо, что не можетъ быть твоей женой (хотя еще объ этомъ до сихъ поръ не говорилось почти ни слова между вами). Она сказала еще, что пойдетъ въ монастырь, что ты просилъ ея помощи и самъ признался ей, что любишь Наталью Николаевну... Такое невѣроятное признаніе отъ Катерины Федоровны и наконецъ въ такую минуту, разумѣется, было вызвано чрезвычайною странностію твоего объясненія съ нею. Она была почти внѣ себя, и послѣ своихъ словъ упала безъ чувствъ. Ты понимаешь, какъ я былъ пораженъ и испуганъ. Когда мы удостоверились, что Катеринѣ Федоровнѣ легче, и что она внѣ серьезной опасности, я простился съ графиней и поѣхалъ домой. Проѣжая мимо этого дома, я замѣтилъ въ вашихъ окнахъ огонь, продолжалъ онъ, обращаясь къ Наташѣ. Тогда мысль, которая преслѣдовала меня уже давно, до того вполне овладѣла мною, что я не въ состояніи былъ противиться первому влеченію и вошелъ къ вамъ. Зачѣмъ? я скажу сейчасъ, но прошу напередъ, не удивляйтесь вѣкоторой рѣзкости моего объясненія. Все это такъ внезапно...

— Я надѣюсь, что пойму и какъ должно... оцѣню то, что вы скажете, проговорила запинаясь Наташа. Князь пристально въ нее всматривался, какъ-будто спѣшилъ *разучить ее* вполне въ одну какую-нибудь минуту.

— Я и надѣюсь на вашу проницательность, продолжалъ онъ, и если позволилъ себѣ прійти къ вамъ теперь, то именно потому, что зналъ, съ кѣмъ имѣю дѣло. Я давно уже знаю васъ, не смотря на то, что когда-то былъ такъ несправедливъ и виноватъ передъ вами. Выслушайте: вы знаете, между мной и отцомъ ва-

шимъ — давнишнія неприятели. Не оправдываю себя; можетъ быть я болѣе виноватъ передъ нимъ, чѣмъ сколько полагаю до сихъ поръ. Но если такъ, то я самъ былъ обманутъ. Я мнителенъ и сознаюсь въ томъ. Я склоненъ подозрѣвать дурное прежде, чѣмъ рошатаго — черта несчастная, свойственная сухому сердцу. Но я не имѣю привычки скрывать свои недостатки. Я довѣрилъ всѣмъ наговорамъ, и когда вы оставили вашихъ родителей, я ужаснулся за Алексея. Но я васъ еще не зналъ. Справки, сдѣланныя мною мало по малу, ободрили меня совершенно. Я наблюдалъ, изучалъ и наконецъ убѣдился, что подозрѣнія мои неосновательны. Я узналъ, что вы разсорились съ вашимъ семействомъ, знаю тоже, что вашъ отецъ всѣми силами противъ вашего брата съ моимъ сыномъ. И ужь одно то, что вы, имѣя такое вліяніе, такую, можно сказать, власть надъ Алексеемъ, не воспользовались до сихъ поръ этою властью и не заставили его жениться на себѣ, ужь одно это вынуждаетъ васъ со стороны слишкомъ возвыщенной. И все-таки, сознаюсь передъ вами вполне, я всѣми силами рѣшился тогда препятствовать всякой возможности вашего брака съ моимъ сыномъ. Я знаю, я выражаюсь слишкомъ откровенно; но въ эту минуту откровенность съ моей стороны мужибе всего; вы сами согласитесь съ этимъ, когда меня дослушаете. Безграничная довѣренность — это все, чѣмъ я могу изъяснить вамъ мое уваженіе. — Скоро послѣ того какъ вы оставили вашъ домъ, я уѣхалъ изъ Петербурга; но уѣзжая, я уже не боялся за Алексея. Я надѣялся на благородную гордость вашу. Я понялъ, что вы сами не хотѣли брака прежде окончанія нашихъ семейныхъ неприятели; не хотѣли нарушать согласія между Алексеемъ и мною, потому что я никогда бы не простилъ ему его брака съ вами; не хотѣли тоже, чтобъ сказали про васъ, что вы искали женатка-князя и свазей съ нашимъ домомъ. Напротивъ, вы даже доказали пренебреженіе къ намъ и можетъ быть ждали той минуты, когда я самъ приду просить васъ, сдѣлать намъ честь, отдать вашу руку, моему сыну. Но все-таки я упорно оставался вашимъ недоброжелателемъ. Оправдывать себя не стану, но причину моихъ отъ васъ не скрою. Вотъ оцъ; вы не знатны и не богаты. Я хотѣю имѣю состояніе, но вамъ надо больше. Наша фамилія въ упадкѣ. Намъ нужно свазей и денегъ. Подчирица графини Зинданды Федоровны хотѣла и безъ свазей, но очень богата. Држедеманъ немцаго, и явились бы искатели и отбили бы у насъ че-

вѣсту; а нельзя было терять такой случай, и не смотря на то, что Алена еще слишкомъ молодъ, я рѣшился его сватать. Видите, я не скрываю отъ васъ ничего. Вы можете съ презрѣшемъ смотреть на отца, который самъ сознается въ томъ, что навелъ сына изъ гордыни и изъ предразсудковъ, на дурной поступокъ; потому что бродить великодушную дѣвушку, пожертвовавшую ему всѣмъ и перелъ которой онъ такъ виноватъ — это дурной поступокъ. Не оправдываю себя; я рѣшился на дурное дѣло, сознавая, что оно дурно. Мало того: я тѣмъ сильнѣе настаивалъ на своемъ намѣреніи, что надо было какъ можно скорѣе оторвать Алену отъ васъ. Я надѣялся, что страсть его къ намъ остынетъ сама собою; но время уходило; привязанность его къ намъ не уменьшалась, и я рѣшился не медлить и взять свои мѣры. Вторая причина предполагавшагося брака моего сына съ падчерицею графини Зинаиды Федоровны та, что эта дѣвушка въ высшей степени достойна любви и уваженія. Она хороша собой, прекрасно воспитана, съ превосходнымъ характеромъ и очень умна, хотя во многомъ еще ребенокъ. Алена безъ характера, легкомысленъ, чрезвычайно неразумителенъ, въ двадцать-два года еще совершенно ребенокъ и развѣ только съ однимъ достоинствомъ, съ добрымъ сердцемъ, — качество даже опасное при другихъ недостаткахъ. Уже давно я замѣтила, что мое вліяніе на него начинаетъ уменьшаться; пылкость сердца, юношескія увлеченія берутъ свое и даже берутъ верхъ надъ цѣкоторыми настоящими обязанностями. Я его можетъ быть слишкомъ горячо люблю, но убѣждаюсь, что ему уже мало одного моего руководителя. А между тѣмъ онъ непремѣнно долженъ имѣть руководителя. Онъ непремѣнно долженъ быть подъ чьимъ-нибудь постояннымъ, благотѣльнымъ вліяніемъ. Его натура подчиняющаяся, слабая, любящая, предпочитающая любить и повиноваться, чѣмъ повелѣвать. Такъ онъ, и останется на всю свою жизнь. И потому, чтобъ доставить ему такого руководителя и прежде всего забавить его изъ подъ вашего вліянія, я и рѣшился жемить его какъ можно скорѣе. Можете себѣ представить, какъ я обрадовался, встрѣтивъ въ Катеринѣ Федоровнѣ идеальную дѣвушку, которую бы я желалъ въ жоны моему сыну. Но я обрадовался поздно; надъ нимъ уже неразрушимо царило другое вліяніе — ваше. Я зорко наблюдалъ его, воротясь мѣсяць тому назадъ въ Петербургъ, и съ удивленіемъ замѣтилъ въ немъ зна-

чительную переѣху къ лучшему. Легкомысліе, дѣтскость — въ немъ почти еще тѣ же, но въ немъ укрѣпились нѣкоторыя благородныя ввусенія; онъ начинаетъ интересоваться не одними игрушками, а тѣмъ, что возвышенно, благородно, честно. Я разговаривалъ съ нимъ: идеи его странны, неустойчивы, иногда нелѣпы; но желанія, влеченія, но сердце — лучше, а это фундаментъ для всего; и все это лучшее въ немъ — безспорно ваши слѣды въ его сердцѣ. Вы перевоспитали его. Ваше вліяніе надъ нимъ было безгранично. Признаюсь вамъ: у меня тогда же промелькнула мысль, что вы, болѣе чѣмъ кто-нибудь, могли бы составить его счастье. Но я прогналъ эту мысль, я не хотѣлъ этихъ мыслей. Миѣ надо было отвлечь его отъ васъ во что бы то ни стало; я сталъ дѣйствовать и думать, что достигъ своей цѣли. Еще часъ тому назадъ я думалъ, что побѣда на моей сторонѣ. Но происшествіе въ домѣ графини разомъ перевернуло всѣ мои предположенія. Прежде всего меня поразилъ неожиданный фактъ: странная въ Алешѣ серьезность, строгость привязанности къ вамъ, упорство, живучесть этой привязанности. Повторяю вамъ: вы перевоспитали его окончательно. Я вдругъ увидѣлъ, что переѣхна въ немъ идетъ еще дальше, чѣмъ даже я полагалъ. Сегодня онъ вдругъ выказалъ передо мною признаковъ ума, котораго я отнюдь не подозрѣвалъ въ немъ, и въ то же время необыкновенную тонкость, догадливость сердца. Онъ выбралъ самую вѣрную дорогу, чтобъ выйти изъ положенія, которое считалъ затруднительнымъ. Онъ затронулъ и возбудилъ самыя благороднѣйшія способности человѣческаго сердца, именно — способность прощать и оплачивать за зло великодушіемъ. Онъ отдался во власть обиженнаго имъ сердца и прибѣгъ къ нему же съ просьбою объ участіи и помощи. Онъ затронулъ всю гордость женщины, уже любившей его, прямо признавшись ей, что у ней есть соперница, и въ то же время возбудилъ въ ней симпатію къ ея соперницѣ, а для себя прощеніе и обѣщаніе безкорыстной братской дружбы. Идти на такое объясненіе и въ то же время не оскорбить, не обидѣть — на это неспособны даже самыя ловкіе мудрецы изъ нашего круга, а способны именно сердца свѣжія, чистыя и хорошо направленные, какъ у него. Я увѣренъ, что вы, Наталья Николаевна, не участвовали въ его сегодняшнемъ поступкѣ ни словомъ, ни совѣтомъ. Вы можете быть только сейчасъ узнали обо всемъ отъ него же. Я не ошибаюсь? не правда ли?

— Вы не ошибаетесь, повторила Наташа, у которой пылало все лицо и глаза сияли какимъ-то страннымъ блескомъ, точно вдохновеніемъ. Діалектика князя начинала производить свое дѣйствіе. — Я пять дней не видала Алеши, прибавила она. Все это онъ самъ выдумалъ, самъ и исполнилъ.

— Непремѣнно такъ, подтвердилъ князь, но не смотря на то, вся эта неожиданная его прозорливость, вся эта рѣшимость, сознание долга, наконецъ вся эта благородная твердость, — все это слѣдствіе вашего вліянія надъ нимъ. Не возражайте мнѣ; это безспорно такъ. Все это я окончательно сообразилъ и обдумалъ сейчасъ, ѣдучи домой, а обдумавъ, ощутилъ въ себѣ силу рѣшиться. Сватовство наше съ домою графини разрушено и возобновиться не можетъ; но еслибъ и могло, — ему не бывать уже болѣе. Чтожъ, если я самъ убѣдился, что вы одна только можете составить его счастье, что вы — настоящій руководитель его; что вы, наконецъ, вашимъ прекраснымъ вліяніемъ, уже положили начало его будущему счастью! Я не скрываю отъ васъ ничего, не скрываю и теперь: я очень люблю карьеры, деньги, знатность, даже чины; сознательно считаю многое изъ этого предразсудкомъ, но люблю эти предразсудки и рѣшительно не хочу попирать ихъ. Съ ними такъ легко живется на свѣтѣ; такіа готовы, такіа торныя дороги, и вмѣстѣ съ тѣмъ такіа пріятныя дороги! Но есть обстоятельства, когда надо допустить и другія соображенія, когда нельзя все мѣрить на одну мѣрку... Кромѣ того я люблю моего сына горячо. Однимъ словомъ, я пришелъ къ заключенію, что Алеша не долженъ разлучаться съ вами, потому что онъ погибнетъ безъ васъ. И признаться ли? Я можетъ-быть цѣлый мѣсяцъ какъ рѣшилъ это и только теперь самъ узналъ, что я рѣшилъ справедливо. Конечно, чтобъ вы сказать вамъ все это, я бы могъ посѣтить васъ и завтра, а не беспокоить васъ почти въ полночь. Но теперешняя поспѣшность моя можетъ-быть покажетъ вамъ, какъ горячо, и главное, какъ искренно я берусь за это дѣло. Я не мальчикъ; я не могъ бы, въ пятьдесятъ лѣтъ, рѣшиться на шагъ необдуманый. Когда я входилъ сюда, уже все было рѣшено и обдумано. Но я чувствую, что мнѣ еще долго надо будетъ ждать, чтобъ убѣдить васъ вполне въ моей искренности... Но къ дѣлу! Объяснять ли мнѣ теперь вамъ, зачѣмъ я пришелъ сюда! Я пришелъ, чтобъ исполнить мой долгъ передъ вами и — торжественно, со всѣмъ непре-

дѣльнымъ момѣ къ вамъ уваженіемъ, имѣть честь просить васъ осчастливить моего сына и отдать ему вашу руку. О, не считайте, что я являлся какъ грозный отецъ, рѣшившійся наконецъ простить моихъ дѣтей и милостиво согласиться на ихъ счастье. О, нѣтъ! нѣтъ! вы унижите и придавите меня, предположите во мнѣ такія мысли. Не сочтите тоже, что я былъ заранѣе увѣренъ въ вашемъ согласіи, зная все то, чѣмъ вы пожертвовали для моего сына; опять нѣтъ! Я первый скажу вслухъ, что онъ васъ не стоитъ и... (онъ добръ и чистосердеченъ). — онъ самъ подтвердитъ это. Но этого мало. Меня влекло сюда, въ такой часъ, не одно это... я пришолъ сюда... (и онъ почтительно и съ нѣкоторою торжественностью приподнялся съ своего мѣста) я пришолъ сюда для того, чтобъ стать вашимъ другомъ! Я знаю; я не имѣю на это ни малѣйшаго права, напротивъ! Но — позвольте мнѣ заслужить это право! Позвольте мнѣ надѣяться!..

Почтительно наклонясь перелѣ Наташей, онъ ждалъ ея отвѣта. Все время, какъ онъ говорилъ, я пристально наблюдалъ его. Онъ замѣталъ это.

Проговорилъ онъ свою рѣчь холодно, съ нѣкоторыми притязаніями на діалектику, а въ иныхъ мѣстахъ даже съ нѣкоторою небрежностью. Тонъ всей его рѣчи даже иногда не соответствовалъ порыву, привлекавшему его къ намъ въ такой неурочный часъ для перваго посѣщенія и особенно при такихъ отношеніяхъ. Нѣкоторыя выраженія его были примѣтно выдѣлапы, а въ иныхъ мѣстахъ его длинной и странной своею длиннотою рѣчи, онъ какъ бы искусственно напускалъ на себя видъ чудака, силющагося скрыть пробивающееся чувство подъ видомъ юмора, небрежности и шутки. Но все это я сообразилъ потомъ; тогда же было другое дѣло. Последнія слова онъ проговорилъ такъ одушевленно, съ такимъ чувствомъ, съ такимъ видомъ самаго искренняго уваженія къ Наташѣ, что побѣдилъ насъ всѣхъ. Даже что-то въ родѣ слезы промелькнуло на его рѣсницахъ. Благородное сердце Наташи было побѣждено совершенно. Она, вслѣдъ за нимъ, приподнялась съ своего мѣста и молча, въ глубокомъ волненіи, протянула ему свою руку. Онъ взялъ ее и пѣжно, съ чувствомъ поцѣловалъ. Алеша былъ виѣ себя отъ восторга.

— Что я говорилъ тебѣ, Наташа! — вскричалъ онъ. Ты не

вѣрила мнѣ! Ты не вѣрила, что это благороднѣйшій человекъ въ мѣрѣ! Видишь, видишь сама!..

Онъ бросился къ отцу и горячо обнялъ его. Тотъ отвѣчалъ ему тѣмъ же, но поспѣшилъ сократить чувствительную сцену, какъ бы стыдясь выказывать свои чувства.

— Довольно, сказалъ онъ и взялъ свою шляпу, — я ѣду. Я просилъ у васъ только десять минутъ, а просидѣлъ цѣлый часъ, прибавилъ онъ усмѣхаясь. — Но я ухожу въ самомъ горячемъ вѣтернѣннѣ свидѣться съ вами опять какъ можно скорѣе. Позвольте ли вы мнѣ посѣщать васъ какъ можно чаще?

— Да, да! отвѣчала Наташа, — какъ можно чаще! Я хотѣю поскорѣй... полюбить васъ... прибавила она въ замѣшательствѣ.

— Какъ вы искренни, какъ вы честны! сказалъ князь, улыбаясь словамъ ея. Вы даже не хотите схитрить, чтобъ сказать простую вѣжливость. Но ваша искренность дороже всѣхъ этихъ поддѣльныхъ вѣжливостей. Да! я сознаю, что я долго, долго еще долженъ заслуживать любовь вашу! Благородное сознанье!

— Полюте, не хвалите меня... довольно! шептала въ смущеннн Наташа. Какъ хороша она была въ эту минуту!

— Пусть такъ! рѣшилъ князь; — но еще два слова о дѣлѣ. Можете ли вы представить, какъ я несчастливъ! Вѣдь завтра я не могу быть у васъ; ни завтра, ни послѣ завтра. Сегодня вечеромъ я получилъ письмо, до того для меня важное (требующее немедленнаго моего участія въ одномъ дѣлѣ), что никакимъ образомъ я не могу избѣжать его. Завтра утромъ я уѣзжаю изъ Петербурга по Псковской дорогѣ. Пожалуйста не подумайте, что я захолю къ вамъ такъ поздно нмѣю потому, что завтра было бы некогда, ни завтра, ни послѣ завтра. Вы разумѣется этого не подумаете, но вотъ вамъ образчикъ моей мнительности! Почему мнѣ показалось, что вы непременно должны были это подумать? Да, много помѣшала мнѣ эта мнительность въ моей жизни, и весь раздоръ мой съ семействомъ вашимъ можетъ быть только послѣдствіемъ моего жалкаго характера!.. Сегодня у насъ вторникъ. Въ среду, въ четвергъ, въ пятницу меня не будетъ въ Петербургѣ. Въ субботу же я непременно надѣюсь воротиться и въ тотъ же день буду у васъ. Скажите, я могу придти къ вамъ на цѣлый вечеръ?

— Непремѣнно, непремѣнно! вскричала Наташа, въ субботу вечеромъ я васъ жду! съ нетерпѣніемъ жду!

— А какъ о многомъ надо еще намъ переговорить вмѣстѣ! Но... будетъ время! Мы вознаградимъ потерянное!.. А какъ я-то счастлива! Я болѣе и болѣе буду узнавать васъ! но... иду! И все-таки я не могу уйти, чтобъ не пожать вашу руку, продолжалъ онъ, вдругъ обращаясь ко мнѣ. Извините! мы всѣ теперь говоримъ такъ безсвязно... по крайней мѣрѣ... Я имѣлъ уже нѣсколько разъ удовольствіе встрѣчаться съ вами и даже разъ мы были представлены другъ другу. Не могу выйти отсюда, не выразивъ, какъ бы мнѣ пріятно было возобновить съ вами знакомство.

— Мы съ вами встрѣчались, это правда, отвѣчалъ я, принимая его руку,—но виновать, не помню, чтобъ мы съ вами знакомылись.

— У князя Р. прошлаго года.

— Виновать, забылъ. Но увѣряю васъ, въ этотъ разъ не забуду. Этотъ вечеръ для меня особенно памятенъ.

— Да, вы правы, мнѣ тоже. Я давно знаю, что вы настоящій, искренній другъ Натальи Николаовны и моего сына. Я надѣюсь быть между вами трюми четвертымъ. Не такъ-ли? прибавилъ онъ, обращаясь къ Наташѣ.

— Да, онъ нашъ искренній другъ! и мы должны быть всѣ вмѣстѣ! отвѣчала съ глубокимъ чувствомъ Наташа. Бѣдненькая! она такъ и засіяла отъ радости, когда увидѣла, что князь не забылъ подойти ко мнѣ. Какъ она любила меня!

— Я встрѣчалъ много поклонниковъ вашего таланта, продолжалъ князь, и знаю двухъ самыхъ искреннихъ вашихъ почитательницъ. Имъ такъ пріятно будетъ узнать васъ лично. Это графиня, мой лучшій другъ, и ея падчерица, Катерина Фодоровна Филимонова. Позвольте мнѣ надѣяться, что вы не откажете мнѣ въ удовольствіи представить васъ этимъ дамамъ.

— Мнѣ очень лестно, хотя теперь я мало имѣю знакомствъ...

— Но мнѣ вы дадите вашъ адресъ? Позвольте, гдѣ вы живете? Я буду имѣть удовольствіе...

— Я не принимаю у себя, князь, по крайней мѣрѣ въ настоящее время.

— Но я, хоть и не заслужилъ исключенія... но...

— Извольте, если вы требуете, и мнѣ очень пріятно. Я живу въ — мѣ переулкѣ, въ домѣ Клугена.

— Въ домѣ Клугена! вскричалъ онъ какъ-будто чѣмъ-то пораженный. Какъ! вы... давно тамъ живете?

— Нѣтъ, недавно, отвѣчалъ я, невольно въ него всматриваясь. Моя квартира сорокъ четвертый номеръ.

— Въ сорокъ четвертомъ? Вы живете... одинъ?

— Совершенно одинъ.

— Да-да! Я потому... что кажется знаю этотъ домъ. Тѣмъ лучше... Я непремѣнно буду у васъ, непремѣнно! Мнѣ о многомъ нужно переговорить съ вами, и я многого ожидаю отъ васъ. Вы во многомъ можете обязать меня. Видите, я прямо начинаю съ просьбы. Но до свиданія! еще разъ вашу руку!

Онъ пожалъ руку мнѣ и Алешѣ, еще разъ поцѣловалъ ручку Наташа и вышелъ, не пригласивъ Алешу слѣдовать за собою.

Мы трое остались въ большомъ смущеніи. Все это случилось такъ неожиданно, такъ печально. Всѣ мы чувствовали, что въ одинъ мигъ все измѣнилось и начинается что-то новое, невѣдомое. Алеша молча присѣлъ возлѣ Наташи и тихо цѣловалъ ея руку. Изрѣдка онъ заглядывалъ ей въ лицо, какъ бы ожидая, что она скажетъ?

— Голубчикъ Алеша, поѣзжай завтра же къ Катеринѣ Федоровнѣ, проговорила наконецъ она.

— Я самъ это думалъ, отвѣчалъ онъ, — непремѣнно поѣду.

— А можетъ быть ей и тяжело будетъ тебя видѣть... какъ сдѣлать?

— Не знаю, другъ мой. И про это я тоже думалъ. Я посмотрю... увижу... такъ и рѣшу. А что, Наташа, вѣдь у насъ все теперь переизмѣнилось, не утерпѣлъ же заговорить Алеша.

Она улыбнулась и посмотрѣла на него долгимъ и нѣжнымъ взглядомъ.

— И какой онъ деликатный. Видѣлъ, какая у тебя бѣдная квартира и ни слова...

— О чемъ?

— Ну... чтобъ переѣхать на другую... или что-нибудь, — прибавилъ онъ, покраснѣвшій.

— Полно, Алеша, съ какой же бы стати!

— То-то я и говорю, что онъ такой деликатный. А какъ хвалилъ-то тебя! Я вѣдь говорилъ тебѣ... говорилъ! Нѣтъ, онъ

пожеть все понимать и чувствовать! А про меня, какъ про ребенка говорилъ; всё-то они меня такъ почитаютъ! Да чтожь, я вѣдь и въ самомъ дѣлѣ такой.

— Ты ребенокъ, да прощательнѣе насъ всѣхъ. Добрый ты, Алеша!

— А онъ сказалъ, что мое доброе сердце вредитъ жиѣ. Какъ это? Не понимаю. А знаешь что, Наташа. Не поѣхать ли мнѣ поскорѣй къ нему? Завтра чѣмъ свѣтъ у тебя буду.

— Поѣзжай, поѣзжай, голубчикъ. Это ты хорошо придумалъ. И непременно покажись ему, слышишь? А завтра прѣѣзжай какъ можно раньше. Теперь ужь не будешь отъ меня по пяти днѣ бѣгать? лукаво прибавила она, лаская его взглядомъ. Воѣ мы были въ какой-то тихой, въ какой-то полной радости.

— Со мной, Ваня? крикнулъ Алеша, выходя изъ комнаты.

— Нѣтъ, онъ останется; мы еще поговоримъ съ тобой, Ваня. Смотри же, завтра чѣмъ свѣтъ!

— Чѣмъ свѣтъ! Прощай, Мавра!

Мавра была въ сильномъ волненіи. Она все слышала, что говорилъ князь, все подслушала, но многого не поняла. Ей бы хотѣлось угадать и разсвросить. А покажетъ она смотрѣла такъ серьезно, даже гордо. Она тоже догадывалась, что многое измѣнилось.

Мы остались одни. Наташа взяла меня за руку и нѣсколько времени молчала, какъ-будто нища, что сказать.

— Устала я! проговорила она наконецъ слабымъ голосомъ. Слушай: вѣдь ты пойдешь завтра къ нашимъ?

— Непремѣнно.

— Маленькѣ скажи, а ему не говори.

— Да я вѣдь и безъ того никогда объ тебѣ съ нами не говорю.

— То-то; онъ и безъ того узнаетъ. А ты замѣчай, что онъ скажетъ? Какъ приметъ? Господи, Ваня! Что, неужели жь онъ въ самомъ дѣлѣ проклянетъ меня за этотъ бракъ? Нѣтъ, не можетъ быть!

— Все должно уладить князь, подхватилъ я поспѣшно. Онъ долженъ непременно съ нимъ помириться, а тогда и все уладится.

— О, Боже мой! Еслибъ! Еслибъ! съ мольбою встрѣчала она.

— Не беспокойся, Наташа, все уладится. На то идетъ.

Она пристально поглядѣла на меня.

— Ваня! что ты думаешь о князѣ?

— Если онъ говорилъ искренно, то по моему онъ человѣкъ
справедливый и благородный.

— Но почему же ты ужь непременно думаешь, что онъ го-
ворилъ искренно? Да и зачѣмъ бы ему обманывать? Я ни разу и
предпологовъ не нахожу. Такъ нѣ обманываютъ!

— И мнѣ тоже намется, отвѣчала я. — Стало быть у ней
мелькаетъ какая-то мысль, подумалъ я про себя. Страшно!

— Ты все смотрѣлъ на него... такъ пристально...

— Да онъ немного страшноватъ; мнѣ показалось.

— И мнѣ тоже. Онъ какъ-то все такъ говоритъ.... А впро-
чемъ онъ добрый и благородный. Устала я, голубчикъ. Знаешь
что? Ступай и ты домой. А завтра приходи: но мнѣ какъ можно
пораеше отъ нихъ. Да слушай еще: это не обидно было, когда
я сказала ему, что хочу поскорѣе полюбить его.

— Нѣтъ... почему жь обидно?

— И... не глупо? То есть вѣдь это значило, что покажишь
я еще не люблю его.

— Напротивъ, это было прекрасно, наивно, быстро. Ты такъ
хороша была въ ту минуту! Глупъ будетъ онъ, если не пойметъ
этого съ своей великосвѣтскостью!

— Ты какъ-будто на него сердишься, Ваня? А какая одна-
когда дурная и мнительная и какая тщеславная! Не смѣйся; я
вѣдь передъ тобой ничего не скрываю. Ахъ, Ваня, другъ ты мой
дорогой! Вотъ если я буду опять несчастна, если опять горе
придетъ, вѣдь ужь ты вѣрно будешь здѣсь подлѣ меня; одинъ
можешь быть и будешь! чѣмъ заслужу я тебѣ за все! Не прокля-
най меня никогда, Ваня!..

Вернулась домой, и тотчасъ же раздѣлся и легъ спать. Въ
комнатѣ у меня было, сыро и темно какъ въ погребѣ. Много
странныхъ мыслей и ощущений бродило во мнѣ, и я еще долго
не могъ заснуть.

Но какъ должна быть смѣлася въ эту минуту одинъ чело-
вѣкъ, засыпая въ комфортабельной своей постелѣ, — если впрочемъ
онъ еще удостоивъ усмѣхнуться надъ нами! Должно быть же
удостоивъ!

ГЛАВА III

На другое утро часовъ въ десять, когда и выходилъ изъ квартиры, торопясь на Васильевскій островъ къ Икметевымъ, чтобы пройти отъ нихъ поскорѣе къ Натальѣ, я вдругъ столкнулся въ дверяхъ со вчерашней посетительницей моею, шумливой Санта. Она входила ко мнѣ. Не знаю почему, но въ этотъ день ей очень обрадовался. Вчера я еще не разглядѣть не успѣлъ ее, и днемъ она еще болѣе удивила меня. Да и трудно было встрѣтить болѣе странное, болѣе оригинальное существо, по крайней мѣрѣ по наружности. Маленькая, съ сверкающими, черными, какими-то нерусскими глазами, съ густѣйшими черными, исключенными волосами и съ загадочнымъ, шѣмымъ и умирнымъ взглядомъ, она могла остановить вниманіе даже всякаго прохожаго на улицѣ. Особенно поражалъ ее взглядъ: въ немъ сверкала умъ, а виѣсть съ тѣмъ и какая-то инквизиторская недоувѣрчивость и даже подозрительность. Вѣтхое и грязное ея платьице при дневномъ свѣтѣ еще больше вчерашняго походило на рубище. Мнѣ казалось, что она больна въ какой-нибудь медленной, упорной и постоянной болѣзни, постепенно, но неуловимо разрушающей ея организмъ. Блѣдное и худое ея лице имѣло какой-то ненатуральный смугло-желтый, желчный оттѣнокъ. Но вообще, не смотря на все безобразіе нищеты и болѣзненности, она была даже недурна собою. Брови ея были рѣзкія; тонкія и красивыя; особенно былъ хорошъ ея широкій лобъ, весьма низкій, и губы, прекрасно обрисованныя, съ какой-то гордой, смѣлой складкой, но блѣдныя, чуть-чуть только окрашенныя.

— Ахъ, ты опять! вскричалъ я, — ну, я такъ и душалъ, что ты придешь. Войди же!

Она вошла, медленно переступивъ черезъ порогъ, какъ и вчера, и недоувѣрчиво, какъ звѣрокъ, озираясь кругомъ. Она внимательно осмотрѣла комнату, въ которой жилъ ея дѣдушка, какъ-будто отмѣчая, на сколько измѣнилась комната отъ другаго жильца. Ну, каковъ дѣдушка, такова и внучка, подумалъ я. Ужъ не сумасшедшая ли она? Она все еще молчала; я ждалъ.

— Эх книжками! прощитала она напоседецъ, сунувъ глаза въ землю.

— Ахъ, да! твои книжки; вотъ онѣ, возьми! я нарочно ихъ сперегъ для тебя.

Она съ любовью-тщевательствомъ на меня посмотрѣла и какъ-то странно искривила ротъ, какъ-будто хотѣла недоумчиво улыбнуться. Но возвывъ улыбку прешоль и смѣнился тотчасъ же прежнимъ суровымъ и загадочнымъ выраженіемъ.

— А развѣ дѣдушка вамъ говорилъ про меня? спросила она, пропитчески оглядывая меня съ ногъ до головы.

— Нѣтъ; про тебя онъ не говорилъ, но онъ...

— А почему жъ вы знаете, что я приду? кто вамъ сказалъ? спросила она, быстро перебивая меня.

— Потому, мнѣ казалось, твой дѣдушка не могъ жить одинъ, всѣми оставленный. Онъ былъ такой старыи, слабый; вотъ я и думалъ, что кто-нибудь ходилъ къ нему. Возьми, вотъ твои книги. Ты по нимъ учишься?

— Нѣтъ.

— Зачѣмъ же онѣ тебѣ?

— Меня училъ дѣдушка, когда я ходила къ нему.

— А развѣ потомъ не ходила?

— Потомъ не ходила... я больна сдѣлалась, прибавила она, какъ бы оправдываясь.

— Чтожъ у тебя, семья, мать, отецъ?

Она вдругъ нахмурила свои брови и даже съ какими-то испугомъ взглянула на меня. Потомъ потупилась, молча повернулась и тихо пошла изъ комнаты, не удостоивъ меня отвѣтомъ, совершенно какъ вчера. Я съ изумленіемъ провожалъ ее глазами. Но она остановилась на порогѣ.

— Отчего онъ умеръ? отрывисто спросила она, чуть-чуть оборотясь ко мнѣ, совершенно съ тѣмъ же жестомъ и движеніемъ какъ и вчера, когда тоже, выходя и стоя лицомъ къ дверямъ, спросила объ Азоркѣ.

Я подошелъ къ ней и началъ ей на скоро рассказывать. Она молча и пылко слушала, потупивъ голову и стоя ко мнѣ спиной. Я рассказалъ ей тоже, какъ старикъ, умирая, говорилъ про шестую ливнію. «Я и догадался, прибавилъ я, что тамъ вѣрно кто-нибудь живетъ наъ дорогихъ ему, оттого и ждалъ, что при-

дутью: не смѣ завѣдаться. Вѣрно онъ тебя любилъ, когда въ послѣднюю минуту о тебѣ поминалъ.

— Нѣтъ, прошептала она какъ бы невольно, — не любилъ. Она была сильно взволнована и дрожала. Рассказывая, я нагибался къ ней и заглядывалъ въ ея лицо. Я замѣтилъ, что она употребляла ужасныя усилія подавить свое волненіе, точно изъ гордости: передо мной. Она все больше и больше блѣднѣла и крѣпко закусила свою нижнюю губу. Но особенно поразилъ меня странной стужей ея сердца. Оно стучало все сильнѣе и сильнѣе, такъ что наконецъ можно было слышать его за два, за три шага, какъ въ анериѣ. Я думалъ, что она вдругъ разразится словами, какъ и вчера; но она преодолѣла себя.

— А гдѣ заборъ?

— Какой заборъ?

— Подъ которымъ онъ умеръ.

— Я тебѣ покажу его... когда выйдемъ. Да послушай, какъ тебя зовутъ?

— Ненадо...

— Чего ненадо?

— Ненадо; ничего... никакъ не зовутъ! отрывисто и какъ будто съ досадой проговорила она и сдѣлала движеніе уйдти. Я остановилъ ее.

— Положди, странная ты дѣвочка! Вѣдь я тебѣ добра желаю; мнѣ тебя жаль, со вчерашняго дня, когда ты тамъ въ углу на лѣстницѣ плакала. Я вспомнить объ этомъ не могу... Ктому же твой дѣдушка у меня на рукахъ умеръ и вѣрно онъ объ тебѣ вспоминалъ, когда про шестую линію говорилъ, значить какъ-будто тебѣ мнѣ на руки оставлялъ. Онъ мнѣ во снѣ снится... Вотъ и книжки я тебѣ сберегу, а ты такая дикая, точно боишься меня. Ты вѣрно очень бѣдна и сиротка, можетъ быть на чужихъ рукахъ; такъ, или нѣтъ?

Я убѣждалъ ее горячо и самъ не знаю, чѣмъ влекла она меня такъ къ себѣ. Въ чувствѣ моемъ было еще что-то другое, кромѣ одной жалости. Таинственность-ли всей обстановки, впечатлѣніи произведенное Смитомъ, фантастичность-ли моего собственнаго настроенія, — не знаю, но что-то непреодолимо влекло меня къ ней. Мои слова, казалось, ее тронули; она какъ-то странно неглядѣла на меня, но ужъ не сурово, а мягко и долго; потомъ опять потупилась какъ-бы въ раздумьи.

— Елена, вдругъ прошептала она, неожиданно и чрезвычайно тихо.

Это тебя зовутъ Елена?

— Да...

— Что-же, ты будешь приходить ко мнѣ?

— Нельзя... не знаю... приду, прошептала она, какъ-бы въ борьбѣ и раздумьи. Въ эту минуту вдругъ гдѣ-то ударили стѣнные часы. Она вдрогнула и съ невыразимой болѣзненной тоскою смотря на меня, прошептала: — Это который часъ?

— Должно быть половина одиннадцатаго.

Она вскрикнула отъ испуга. — Господи! проговорила она и вдругъ бросилась бѣжать. Но я остановилъ ее еще разъ въ стѣнахъ.

— Я тебя такъ не пушу, сказалъ я. — Чего ты боишься? Ты опоздала?

— Да, да, я тихонько ушла! Пустите! Она будетъ бить меня! закричала она, видимо проговорившись и вырываясь изъ моихъ рукъ.

— Слушай-же и не рвись: тебѣ на Васильевскій и я туда же, въ тринадцатую линію. Я тоже опоздалъ и хочу взять извозчика. Хочешь со мной? Я доведу. Скорѣе, чѣмъ пѣшкомъ-то...

— Ко мнѣ нельзя, нельзя, вскричала она еще въ сильнѣйшемъ испугѣ. Даже черты ея исказились отъ какого-то ужаса при одной мысли, что я могу придти туда, гдѣ она живетъ.

— Да говорю тебѣ, что я въ тринадцатую линію, но своему дѣлу, а не къ тебѣ! Не пойду я за тобою. На извозчикѣ скоро добѣдемъ. Пойдемъ!

Мы поспѣшно сбѣжали внизъ. Я взялъ перваго попавшагослзавьку, на скверной гитарѣ. Видно Елена очень торопилась, когда согласилась сѣсть со мною. Всего загадочнѣе было то, что я даже и спрашивать ее не смѣлъ. Она такъ и замахала руками и чуть не соскочила съ дрожжекъ, когда я спросилъ, кого она дома такъ боится? Что за таинственность? подумалъ я.

На дрожкахъ было ей очень неловко сидѣть. При каждомъ толчкѣ она, чтобъ удержаться, схватывалась за мой палецъ лѣвой рукойъ, гризшой, маленькой, въ какихъ-то цыпкахъ. Въ другой рукѣ она крѣпко держала свои книги; видно было по всему, что книги эти ей очень дороги. Поправляясь, она вдругъ обнажила свою ногу и, къ величайшему удивленію моему, я увидѣлъ, что

она была въ однихъ дырявыхъ башмакахъ, безъ чулокъ. Хотя я и рѣшился было ни о чемъ ее не спрашивать, но тутъ опять не могъ утерпѣть.

— Не ужели-жь у тебя нѣтъ чулокъ? спросилъ я. Какъ можно ходить на босу-ногу въ такую сырость и, дѣй, такой холодъ?

— Нѣтъ, отвѣчала она отрывисто.

— Ахъ Боже мой, да вѣдь ты живешь же у кого-нибудь! Ты бы спросила у другихъ чулки, коли надо было выйдти.

— Я такъ сама хочу.

— Да вѣдь ты заболѣешь, умрешь!

— Пускай умру.

Она видимо не хотѣла отвѣчать и сердилась на мои вопросы.

— Вотъ здѣсь онъ и умеръ, сказалъ я, указывая ей на домъ, у котораго умеръ старикъ.

Она пристально поглядѣла и вдругъ съ мольбою оборотившись ко мнѣ, сказала:

— Ради Бога не ходите за мной. А я приду, приду! Какъ только можно будетъ, такъ и приду!

— Хорошо, я сказалъ уже, что не пойду къ тебѣ. Но чего ты боишься! Ты вѣрно какая-то несчастная. Мнѣ больно смотрѣть на тебя...

— Я никого не боюсь, отвѣчала она съ какимъ-то раздраженіемъ въ голосѣ.

— Но ты давеча сказала: «она прибѣдетъ меня!»

— Пусть бьетъ! отвѣчала она и глаза ея засверкали. Пусть бьетъ! пусть бьетъ! горько повторяла она и верхняя губка ея какъ-то презрительно приподнялась и задрожала...

Наконецъ мы пріѣхали на Васильевскій. Она оставила извозчика въ началѣ шестой линіи и прыгнула съ дрожекъ, съ безпокойствомъ озираясь кругомъ.

— Поѣзжайте прочь; я приду, приду! Повторяла она, въ страшномъ безпокойствѣ, умоляя меня не ходить за ней. Ступайте же скорѣе, скорѣе!

Я поѣхалъ. Но проѣхавъ по набережной нѣсколько шаговъ, отпустилъ извозчика и, воротившись назадъ въ шестую линію, быстро перебѣжалъ на другую сторону улицы. Я увидѣлъ ее; она не успѣла еще много отойти, хотя шла очень скоро и все

оглядывалась; даже остановилась было на минутку, чтобы лучше высмотрѣть: иду ли я за ней, или нѣтъ? Но я притаялся въ попавшихся мнѣ воротахъ и она меня не замѣтила. Она пошла далѣе, я за ней, все по другой сторонѣ улицы.

Любопытство мое было возбуждено въ послѣдней степени. Я хоть и рѣшилъ не входить за ней, но непремѣнно хотѣлъ узнать тотъ домъ, въ который она войдетъ, на всякій случай. Я былъ подъ вліяніемъ тяжелаго и страннаго впечатлѣнія, похожего на то, которое произвелъ во мнѣ, въ кондитерской, ея дѣдушка, когда умеръ Азорка...

ГЛАВА IV

Мы шли долго, до самаго Малаго Проспекта. Она чуть не бѣжала; наконецъ вошла въ лавочку. Я остановился подождать ее. Вѣдь не живетъ же она въ лавочкѣ, подумалъ я.

Дѣйствительно черезъ минуту она вышла, но уже книгъ съ ней не было. вмѣсто книгъ въ ея рукахъ была какая-то глиняная чашка. Пройдя немного; она вошла въ ворота одного незрочнаго дома. Домъ былъ небольшой, но каменный, старый, двухъэтажный, окрашенный грязно-желтою краской. Въ одномъ изъ оконъ нижняго этажа, которыхъ было всего три, торчалъ маленькій красный гробикъ, — вывѣска незначительнаго гробовщика. Окна верхняго этажа были чрезвычайно малыя и совершенно квадратныя, съ тусклыми, зелеными и надтреснутыми стеклами, сквозь которыя просвѣчивали розовыя коленкоровыя занавѣски. Я перешолъ черезъ улицу, подошолъ къ дому и прочолъ на желѣзномъ листѣ, надъ воротами дома: домъ мѣщанки Бубновой.

Но только что я успѣлъ разобрать надпись, какъ вдругъ на дворѣ у Бубновой раздался пронзительный женскій визгъ и затѣмъ ругательства. Я заглянулъ въ калитку; на ступенькѣ деревяннаго крылечка стояла толстая баба, одѣтая какъ мѣщанка, въ головкѣ и въ зеленой шали. Лицо ея было отвратительно-багроваго цвѣта; маленькіе, заплаканные и налитые кровью глаза сверкали отъ злости. Видно было, что она не трезвая, не смотря на до-обѣденное время. Она визжала на бѣдную Елену, стоящую передъ ней въ какомъ-то оцѣпенѣніи съ чашкой въ рукахъ:

Съ лѣстницы изъ-за спины багровой бабы, выглядывало полурастрепанное, пабѣленное и шармяненное женское существо. Немного погодя отворилась дверь съ подвальной лѣстницы въ нижній этажъ и на ступенькахъ ея показалась, вѣроятно привлеченная крикомъ, бѣдно-одѣтая среднихъ лѣтъ женщина, благообразной и скромной наружности. Изъ полуотворенной же двери выглядывали и другіе жильцы нижняго этажа, дряхлый старикъ и дѣвочка. Рослый и дюжій мужикъ, вѣроятно дворникъ, стоялъ посреди двора, съ метлой въ рукѣ, и лѣниво посматривалъ на всю сцену.

— Ахъ, ты проклятая, ахъ, ты кровопивца, гнида ты этакая! визжала баба, залпомъ выпуская изъ себя всѣ накопившіяся ругательства, болѣею частью безъ запятыхъ и безъ точекъ, но съ какимъ-то захлебываніемъ; — такъ-то ты за мое попеченье воздаешь, лохматая! За огурцами только послала ее, а она ужъ и улизнула! Сердце мое чувствовало, что улизнетъ, когда посылала. Ныло сердце мое, ныло! Вчера ввечеру всѣ вихры ей за это же отгаскала, а она и сегодня бѣжать! Да куда тебѣ ходить, распутница, куда ходить! Къ кому ты ходишь, идолъ проклятый, лупоглазая гадина, ядъ, къ кому! Говори, гнида болотная, или тутъ же тебя задушу!

И разъяренная баба бросилась на бѣдную дѣвочку; но увидавъ смотрящую съ крыльца женщину, жилицу нижняго этажа, вдругъ остановилась и, обращаясь къ ней, заводила еще визгливѣе прежняго, размахивая руками, какъ будто беря ее въ свидѣтельница чудовищнаго преступленія ея бѣдной жертвы.

— Мать издохла у ней! Сами знаете, добрые люди: одна вѣдь осталась, какъ шишъ на свѣтѣ. Вижу у васъ, бѣдныхъ людей, на рукахъ, самимъ ѣсть нечего; дай, думаю, хоть для Николая-то угодника потружусь, приму сироту. Приняла. Чтожъ бы вы думали? Вотъ ужъ два мѣсяца содержу, — кровь она у меня въ эти два мѣсяца выпила, бѣлое тѣло мое поѣла! Пьявна! Змѣй гремучій! Уворная такая, сатана! Молчить, хоть бей, хоть брось, все молчить; словно себѣ воды въ ротъ наберетъ, — все молчить! Сердце мое надрываетъ — молчить! Да за кого ты себя считаешь, фря ты этакая, облизыяна зеленая? Да безъ меня ты бы на улицѣ съ голоду померла. Ноги мои должна мыть, да воду эту пить, извергъ, черная ты шпага французская. Околѣла бы безъ меня!

— Да что вы, Анна Трифоновна, такъ себя надсаждаете? чѣмъ она вамъ опять досадила? повѣтительно спросила женщина, къ которой обращалась разъяренная мегера.

— Какъ чѣмъ, добрая ты женщина, какъ чѣмъ? Не хочу, чтобъ противъ меня шли! Не дѣлай своего хорошаго, а дѣлай мое дурное, — вотъ я какова! Да она меня чуть въ гробъ сегодня не уходила! За огурцами въ лавочку ее послала, а она черезъ три часа воротилась! Сердце мое предчувствовало, когда посылала; выло оно, выло; выло-ыло! Гдѣ была? куда ходила? какихъ себѣ покровителей нашла? Я-ль ей не благодѣтельницаствовала! Да я ея поганкѣ-матери четырнадцать цѣлковыхъ долгу простила, на свой счетъ похоронила, чертенка ея на воспитаніе взяла, милая ты женщина, знаешь, сама знаешь! Чтожъ, не въ правѣ я надъ ней послѣ этого! Она бы чувствовала, а вмѣсто чувствія она супротивъ идетъ! Я ей счастья хотѣла. Я ея, поганку, въ кисейныхъ платьяхъ водить хотѣла, въ гостивомъ ботинки купила, какъ паву нарядила, — душа у враздника! Чтожъ бы вы думали, добрые люди! Въ два дня все платье изорвала, въ кусочки изорвала, да въ клочочки, да такъ и ходить, такъ и ходить! Да вѣдь что вы думаете, нарочно изорвала, — не хочу лгать, сама подглядѣла; хочу, дескать, въ затрапезномъ ходить, не хочу въ кисейномъ! Ну, отвела тогда душу надъ ней, исколотила ее, такъ вѣдь я лекаря потомъ призывала, ему деньги платила. А вѣдь задавить тебя, гнида ты этакая, такъ только недѣлю молока не пить, — всегото наказанья за тебя только проложено! За наказаніе полы мыть ее заставила; чтожъ бы вы думали: мостъ! мостъ, стерва; мостъ! горячитъ мое сердце, — мостъ! Ну, думаю: бѣжитъ она отъ меня! да только подумала, глядь — она и бѣжала, вчера! Сами слышали, добрые люди, какъ я вчера ее за это била, руки обколотила все объ нее, чулки, башмаки отняла, — не уйдетъ на босу ногу, думаю; а она и сегодня туда-жъ! Гдѣ была? говори! Кому, съмя крапивное, жаловалась, кому на меня домогала? Говори, цыганка, маска привозная, говори!

И въ изступленіи она бросилась на обезумѣвшую отъ страха дѣвочку, выцѣпалась ей въ волосы и грянула ее о-земь. Чашка съ огурцами пролетѣла въ сторону и разбилась; это еще болѣе усладило бѣшенство дьявола мегеры. Она била свою жертву по лицу, по головѣ; но Елена упорно молчала и ни одного звука,

ни одного крика, ни одной жалобы не проронила она, даже и подъ побоями. Я бросился на дворъ, почти не помня себя отъ негодованія, прямо къ пьяной бабѣ.

— Что вы дѣлаете? какъ смѣете вы такъ обращаться съ бѣдной сиротой! вскричалъ я, хватая эту фурию за руки.

— Это что? Да ты кто такой? завизжала она, бросивъ Елену и подпершись руками въ боки. — Вамъ что въ моемъ домѣ угодно?

— То угодно, что вы безжалостная! кричалъ я. — Какъ вы смѣете такъ тиранить бѣднаго ребенка? Она не ваша; я самъ слышалъ, что она только вамъ приемышь, бѣдная сирота...

— Господи Иисусе! завопила фурия, — да ты кто таковъ навязался! Ты съ ней пришолъ, что ли? Да я сейчасъ къ частному приставу! да меня самъ Андронъ Тимофенчъ какъ благородную почитаетъ! Что она, къ тебѣ что-ли ходитъ? Кто такой! Въ чужой домъ буянить пришолъ. Караулъ!

И она бросилась на меня съ кулаками. Но въ эту минуту вдругъ раздался пронзительный, нечеловѣческій крикъ. Я взглянулъ. — Елена, стоявшая какъ безъ чувствъ, вдругъ, съ страшнымъ, неестественнымъ крикомъ ударилась о землю и билась въ страшныхъ судорогахъ. Лицо ея исказилось. Съ ней былъ припадокъ падучей болѣзни. Растрепанная дѣвка и женщина снизу подбѣжали, подняли ее и поспѣшно повесли на верхъ.

— А хоть вздохни проклятая! завизжала баба вслѣдъ за ней. — Въ мѣсяцъ ужъ третій припадокъ... Вонъ, маклакъ! и она снова бросилась на меня.

— Чего, дворникъ, стоишь? за что жалованье получаешь?

— Пошолъ! пошолъ! Хочешь, чтобъ шею нагладили, лѣнливо пробасилъ дворникъ, какъ бы для одной только проформы. — Двоимъ любо, третій не суйся. Поклонъ да и вонъ!

Нечего дѣлать, я вышелъ за ворота, убѣдившись, что выходка моя была совершенно бесполезна. Но негодованіе кипѣло во мнѣ. Я сталъ на тротуарѣ, противъ воротъ и глядѣлъ въ калитку. Только что я вышелъ, баба бросилась на верхъ, а дворникъ, сдѣлавъ свое дѣло, тоже куда-то скрылся. Черезъ минуту женщина, помогавшая снести Елену, сошла съ крыльца, спѣша къ себѣ внизъ. Увидѣвъ меня, она остановилась и съ любопытствомъ на меня поглядѣла. Ея добре и смиренное лицо

ободрило меня. Я снова ступилъ на дворъ и прямо полошолъ къ ней.

— Позвольте спросить, началъ я, что такое здѣсь эта дѣвочка и что дѣлаетъ съ ней эта гадкая баба? Не думайте пожалуйста, что я изъ простаго любопытства спрашиваю. Эту дѣвочку я встрѣчалъ и по одному обстоятельству очень ею интересуюсь.

— А коль интересуетесь, такъ вы бы лучше ее къ себѣ взяли, али мѣсто ей какое нашли, чѣмъ ей тутъ пропадать, проговорила какъ-бы пехотя женщина, дѣлая движеніе уйдти отъ меня.

— Но если вы меня не научите, чтожъ я сдѣлаю? Говорю вамъ, я ничего не знаю. Это вѣрно сама Бубнова, хозяйка дома?

— Сама хозяйка.

— Такъ какже дѣвочка-то къ ней попалась? у ней здѣсь мать умерла?

— А такъ и попалась... Не паше дѣло. И она опять хотѣла уйдти.

— Да сдѣлайте же одолженіе; говорю вамъ, меня это очень интересуетъ. Я можетъ быть что-нибудь и въ состояніи сдѣлать. Ктожъ эта дѣвочка? Кто была ея мать, — вы знаете?

— А словно изъ иностранокъ какихъ-то, пріѣзжая; у насъ ввизу и жила; да больная такая; въ чахоткѣ и померла.

— Стало-быть была очень бѣдная, коли въ углу къ подвалѣ жила?

— Ухъ, бѣдная! Все сердце на нее изпыло. Мы ужъ нашто перебиваемся, а и намъ шесть рублей въ пять мѣсяцевъ, что у насъ прожила, задолжала. Мы и похоронили; мужъ и гробъ дѣлалъ.

— А какъ же Бубнова говорить, что она похоронила?

— Какое похоронила!

— А какъ была ея фамилья?

— А я не выговорю, батюшка; мудрено; нѣмецкая должно быть.

— Смитъ?

— Нѣтъ что-то не такъ. А Анна Трифионовна сироту-то къ себѣ и забрала; на воспитаніе, говорить. Да не хорошо оно во все...

— Вѣрно для цѣлей какихъ-нибудь забрала?

Т. I. — Отд. I.

— Не хорошія за ней дѣла, отвѣчала женщина, какъ бы въ раздумьи и колеблясь: говорить или нѣтъ? — Намъ что; мы посторонніе...

— А ты бы лучше языкъ-то на привязи подержала? раздался сзади насъ мужской голосъ. Это были пожилыхъ лѣтъ человѣкъ въ халатѣ и въ кафтанѣ сверхъ халата, съ виду мѣщанинъ — мастеровой, мужъ моей собесѣдницы.

— Ей, батюшка, съ вами нечего разговаривать; не наше это дѣло... промолвилъ онъ, некоса оглядѣвъ меня. А ты пошла! Прощайте, сударь; мы гробовщики. Коли что по мастерству надо-тъ, съ нашимъ полнымъ удовольствіемъ. А окромя того нечего намъ съ вами проеходить...

Я вышелъ изъ этого дома въ раздумьи и въ глубокомъ волненіи. Сдѣлать я ничего не могъ, но чувствовалъ, что мнѣ тяжело оставить все это такъ. Нѣкоторые слова гробовщицы особенно меня возмутили. Тутъ скрывалось какое-то нехорошее дѣло; я это предчувствовалъ.

Я шолъ, потупивъ голову и размышляя, какъ вдругъ рѣзкій голосъ окликнулъ меня по фамилии. Бляжу — передо мной стоитъ хмѣльной человѣкъ, чуть не покачивался, одѣтый довольно чисто, но въ скверной шинели и въ засаленномъ картузѣ. Лицо очень знакомое. Я сталъ всматриваться. Онъ подмигнулъ мнѣ и иронически улыбнулся.

— Не узнаешь?

ГЛАВА V

— А! да это ты, Маслобоевъ! вскричалъ я, вдругъ узнавъ въ немъ прежняго школьнаго товарища, еще по губернской гимназій, — ну, встрѣча!

— Да, встрѣча! Лѣтъ шесть не встрѣчались. То есть и встрѣчались, да ваше превосходительство не удостоивали взглядомъ-съ. Вѣдь вы генералы-съ, литературные то есть-съ! Говоря это, онъ насмѣшливо улыбался.

— Ну, братъ Маслобоевъ, это ты врешь, прервалъ я его. — Во-первыхъ гемералы, хоть бы и литературные, и съ виду не такіе бываютъ какъ я, а второе, позволь тебѣ сказать, я дѣйствительно припоминаю, что раза два тебя на улицѣ встрѣтилъ,

да ты самъ видимо избѣгалъ меня, а мнѣ чтожъ подходить, къ тебѣ иду, человекъ избѣгаетъ. И знаешь, что я думаю? Небуль ты теперь хмѣлентъ, ты бы и теперь меня не окликнулъ. Не правда-ли? Ну, здравствуй! Я, братъ, очень, очень радъ, что тебя встрѣ- талъ.

— Право! А не компрометирую я тебя своимъ... *не являюсь* *идею*? Ну, да нечего объ этомъ спрашивать; не суть важ- ное; а, братъ Ваня, всегда помню, какой ты былъ славный маль- чуга. А помнишь, тебя за меня высѣкли? Ты смолчалъ, а меня не выдалъ, а я, вмѣсто благодарности, надъ тобой же недѣлю тру- вилъ. Безгрѣшная ты душа! Здравствуй, голубчикъ, здравствуй! (Мы поцѣловались.) Вѣдь я ужъ сколько лѣтъ одинъ маюсь, — день да ночь — сутки прочь, а старого не забываю. Не забыва- ются! А ты-то, ты-то?

— Да что я-то, и я одинъ маюсь...

Онъ долго глядѣлъ на меня съ сильнымъ чувствомъ расслаб- леннаго отъ вина человека. Впрочемъ онъ и безъ того былъ чрезвычайно добрый человекъ.

— Нѣтъ, Ваня, ты не то что я! проговорилъ онъ немно- жко трагическимъ тономъ. — Я вѣдь читалъ; читалъ, Ваня, чи- талъ!.. Да послушай: поговоримъ по душѣ! Спѣшишь?

— Спѣшу; и признаюсь тебѣ, ужасно разстроены однакъ дѣ- лова. А вотъ что лучше; гдѣ ты живешь?

— Скажу. Не это по лучше; а сказать ли что лучше?

— Ну, что?

— А вотъ что! видишь? — И онъ указалъ мнѣ на выѣзду, въ десяти шагахъ отъ того мѣста, гдѣ мы стояли, — видишь? надыперекая и рестораиъ, то есть по prostu ресторация, но мѣ- сто хорошее. Прелуcreжу, помещеніе приличное, а водка; и не говори! Изъ Кіева пѣшкомъ пришла! Пилъ, многократно пилъ, маю; а мнѣ худаго здѣсь и не связуютъ полаты. Знаютъ Филина Филиныча. Я вѣдь Филинъ Филинычъ. Что? грѣшаемичаешь? Нѣтъ, ты дай договорить. Теперь четверть двѣнадцатаго, сейчасъ смотрѣлъ; ну, такъ ровно въ тридцать пять минутъ двѣнадцатаго я тебя и отпущу. А твои временемъ муху задавишь. Двадцать минутъ на старого друга, — идетъ?

— Если только двадцать минутъ, то идетъ; потому, душа моя, ей Богу дѣло...

— А идетъ, такъ идетъ. Только вотъ что, два слова преж-

де всего : лицо у тебя нехорошее, точно сейчас тебѣ чѣмъ надо-
садили, правда?

— Правда.

— То-то я и угадалъ. Я, братъ, теперь въ фвизиономисти-
ку пустился, тоже занятіе! Ну, такъ пойдѣмъ, поговоримъ.
Въ двадцать минутъ я во-первыхъ усвѣю вздушить адмирала
Чаинскаго и пропущу березовки, потомъ зорной, потомъ поме-
ранцовой, потомъ рагайт-амоуг, а потомъ еще что-нибудь изо-
брѣту. Пью, братъ! Только по праздникамъ передъ обѣдой и хо-
рошъ. А ты хотъ и не пей. Миѣ просто тебя одного надо. А
выпьешь, особенное благородство души докажешь. Пойдемъ!
Сболтнемъ слова два, да и опять лѣтъ на десять врозь. И братъ,
тебѣ Ваня не пара!

— Ну, да ты не болтай, а поскорѣй пойдѣмъ. Двадцать ми-
нута твои, а тамъ и пусти.

Въ ресторацію надо было попасть, поднявшись по деревянной
двухкомѣнчатой лѣстницѣ съ крылечкомъ, во второй этажъ. Но
на лѣстницѣ мы вдругъ столкнулись съ двумя, сильно выпив-
шими господами. Увидя насъ, они покачиваясь песторонались.

Одинъ изъ нихъ былъ очень молодой и моложавый шарень,
еще безбородый, съ легкими, едва пробивающимися усиками и
съ усилленно-глуповатымъ выраженіемъ лица. Одѣтъ онъ былъ
франтомъ, но какъ то смѣшно: точно онъ былъ въ чужомъ
платѣ, съ дорогими перстнями на пальцахъ, съ дорогой булав-
кой въ галстухъ и чрезвычайно глупо причесанный, съ какими-
то кокомъ. Онъ все улыбался и хихикалъ. Товарищъ его былъ
уже лѣтъ пятидесяти, толстый, пуватый, одѣтый довольно не-
брежно, тоже съ большой булавкой въ галстухъ, лысый и плѣ-
нидый, съ обрюзглымъ, пьянымъ и рабымъ лицомъ и въ оч-
кахъ на носу, похожемъ на пуговку. Выраженію этого лица бы-
ло злое и чувственное. Скверные, злые и подозрительные глаза
зажыли жиромъ и глядѣли какъ изъ щелочекъ. Повидѣмому онъ
оба знали Маслобоева, но пузанъ, при встрѣчѣ съ нами, скер-
пнулъ досадную, хотъ и мгновенную гримасу, а молодой такъ и
ушелъ въ какую-то подобострастно-сладкую улыбку. Онъ даже
снялъ картузь. Онъ былъ въ картузѣ.

— Простите, Филипъ Филипычъ, пробормоталъ онъ, улыль-
но смотря на него.

— А что?

— Виновать-съ .. того-съ... (онъ щелкнулъ по воротнику.) Тамъ Митрошка сидитъ-съ. Такъ онъ выходитъ, Филипъ Филипычъ-съ, подлець-съ.

— Да что такое?

— Да ужъ такъ-съ... А ему вотъ (онъ кивнулъ на товарища), на прошлой недѣлѣ, черезъ того самаго Митрошку-съ, въ неприличномъ мѣстѣ рожу въ сметанѣ вымазали-съ... кхи!

Товарищъ съ досадой подтолкнулъ его локтемъ.

— А вы бы съ нами, Филипъ Филипычъ, полдюжники росли-съ, у Дюссо-съ, прикажете надѣяться-съ?

— Нѣтъ, батюшка, теперь нельзя, отвѣчалъ Маслобоевъ. — Дѣло есть.

— Кхи! И у меня дѣльцо есть-съ, до васъ-съ... Товарищъ опять подтолкнулъ его локтемъ.

— Послѣ, послѣ!

Маслобоевъ какъ-то видимо старался не смотрѣть на нихъ. Не только что мы вошли въ первую комнату, черезъ которую, во всей длинѣ ея, тянулся довольно опрятный прилавокъ, весь уставленный закусками, подовыми пирогами, растегаями и графинями съ настойками разныхъ цвѣтовъ, какъ Маслобоевъ быстро отвелъ меня въ уголъ и сказалъ:

— Молодой, — это купеческій сынъ Сизобрюховъ, сынъ извѣстнаго лабазника, получилъ полмилліона послѣ отца и теперь кутить. Въ Парижъ ѣздилъ, денегъ видимо невидимо тамъ убилъ, тамъ бы можетъ и все просадилъ, да послѣ дяди еще наследство получилъ и вернулся изъ Парижа; такъ здѣсь ужъ и любиваетъ остальное. Черезъ годъ-то онъ разумѣется пойдетъ по міру. Глупъ, глупъ, — и по первымъ ресторанамъ и въ подвалахъ и кабакахъ и по актрисамъ и въ гусары просился, — просьбу недавно подавалъ. Другой, пожилой — Архиповъ, тоже что-то въ родѣ купца или управляющаго, шлялся и по откупамъ; бестія, шельма и теперешній товарищъ Сизобрюхова, Иуда и Фальстафъ все вмѣстѣ, двукратный банкротъ и отвратительно чувствениая тварь, съ разными вычурами. Въ этомъ родѣ я знаю за нимъ одне уголовное дѣло; вывернулся. По одному случаю я очень теперь радъ, что его здѣсь встрѣтилъ; я его ждалъ... Архиповъ разумѣется обираетъ Сизобрюхова. Много разныхъ закулковъ знаетъ, тѣмъ и драгоцѣненъ для этакихъ выношей. Я, братъ, на него уже давно зубы точу. Точить на него зубы и

Митрошка, вот тот молодцоватый парень в богатой поддевке — видишь, тамъ у окна стоитъ, выгнанское лицо? Онъ дошадьми барышничаетъ и со всѣми здѣшними гусарами знакомъ. Я тебѣ скажу, такой плутъ, что въ глазахъ у тебя будетъ фальшивую бумажку дѣлать, а ты хоть и видишь, а все-таки ему ее размѣняешь. Онъ въ поддевку, правда, въ бархатной и лезежъ на славянофила (да это по моему къ нему и идетъ), а наряди его сейчасъ въ великолѣпнѣйшій фракъ и тому подобное, отведи его въ англійскій клубъ, да скажи тамъ: такой-то дескать, владѣтельный графъ Барабановъ, такъ тамъ его два часа за графа почитать будутъ, — и въ вистъ сыграетъ и говорить по-графски будетъ, и не догадаются. Надуетъ. Онъ плохо кончитъ. Такъ вотъ этотъ Митрошка на пузана крѣико зубы точить, потому у Митрошки теперь тонко, а пузана у него Сизобрюхова отбилъ, прежняго пріятеля, съ котораго онъ не успѣлъ еще шарсточку обстричь. Если они сошлись теперь въ ресторация, такъ тутъ вѣрно каная-шубудъ штука была. Я даже знаю какая и предугадываю, что Митрошка, а не кто другой, извѣстилъ меня, что Архиповъ съ Сизобрюховымъ будутъ вѣдьсь и шныряють по этому мѣстану за какимъ-то скворнымъ дѣломъ. Ненавистью Митрошки къ Архипову я хочу воспользоваться, потому что имѣю свои причины; да и явился я здѣсь почти по этой причинѣ. Вижу же Митрошкѣ не хочу показывать, да и ты на него не засматривайся. А когда будемъ выходить отсюда, то онъ шавѣрно самъ на нѣя подойдетъ и скажетъ те, что мнѣ надо... А теперь пойдешь, Ваня, вонъ въ ту комнату, видишь? Ну, Степанъ, продолжайте онъ, обращаясь къ человеку — понимаешь чего мнѣ надо?

— Понимаю-сь.

— И удовлетворишь?

— Удовлетворю-сь.

— удовлетвори. Садись, Ваня. Ну, что ты такъ на меня смотришь? Я вижу вѣдь, ты на меня смотришь. Удивляешься? Не удивляйся. Все можетъ съ человекомъ случиться, что даже и не снилось ему никогда, и умъ особенно тогда... ну, да хоть тогда, когда мы съ тобой вубрили Корнелия Недота! Вотъ что, Ваня, вѣрь одному: Маслосевъ хоть и сбился съ дороги, но сердце въ немъ тоже осталось, а обстоятельства только переимѣнились. Я хоть и въ сажѣ, да никого не гаже. И въ доктора вступалъ, и въ учителя отечественной словесности готовился, и объ Гоголя

статью написалъ, и въ золотопромышленники хотѣлъ, и жениться собирался, — жива-душа калачика хочетъ, и она соглашалась, хотя въ домѣ такая благодать, что нечѣмъ кошки изъ избы было выманить. Я было ужь къ свадебной церемоніи и сапоги крѣпкія занимать хотѣлъ, потому у самого были ужь полтора года въ дыркахъ... Да и не жепился. Она за учителя вышла, а я сталъ въ конторѣ служить, то есть не въ коммерческой конторѣ, а такъ просто въ конторѣ. Ну, тутъ пошла ужь музыка не та. Протекли годы, и я теперь хоть и не служу, но денежки нажимаю удобно: взятки беру и за правду стою; молодець противъ овечь, а противъ молодца и самъ овца. Правила имѣю: знаю напримѣръ, что одинъ въ полѣ не воинъ, и — дѣло дѣлаю. Дѣло же мое больше по подготовной части... понимаешь?

— Да ты ужь не сыщикъ ли какой-нибудь?

— Нѣтъ, не то чтобы сыщикъ, а дѣлами нѣкоторыми занимаюсь, отчасти и официально, отчасти и по собственному призванью. Вотъ что, Ваня: водку пью. А такъ какъ ума я никогда не пропивалъ, то знаю и мою будущность. Время мое прошло, чорнаго кобеля не отмоешь до бѣла. Одно скажу: еслибъ во мнѣ еще откликнулся человѣкъ, не подошелъ бы я сегодня къ тебѣ, Ваня. Правда твоя, встрѣчалъ я тебя, видалъ и прежде, много разъ хотѣлъ подойти, да все не смѣлъ, все откладывалъ. Не стою я тебя. И правду ты сказалъ, Ваня, что если и подошелъ, такъ только потому, что хмѣльной. И хоть все это сильнѣйшая ерунда, но мы обо мнѣ покончимъ. Давай лучше о тебѣ говорить. Ну, голубчикъ: читалъ! Читалъ вѣдь я я, прочолъ! Я, дружище, про твоего первенца говорю. Какъ прочолъ — я, братъ, чуть порядочнымъ человѣкомъ не сдѣлался! Чуть было; да только пораздумалъ и предпочолъ лучше остаться непорядочнымъ человѣкомъ. Такъ-то...

И много еще онъ мнѣ говорилъ. Онъ хмѣлялъ все больше и больше и начиналъ крѣпко умиляться, чуть не до слезъ. Маслобоевъ былъ всегда славный малый, но всегда себѣ на умѣ и развить какъ-то не по силамъ; хитрый, пронырливый, пролазь и крючокъ еще съ самой школы, но въ сущности человѣкъ не безъ сердца; погибшій человѣкъ. Такихъ людей между русскими людьми много. Бываютъ они часто съ большими способностями; но все это въ нихъ какъ-то перепутывается, да сверхъ того они въ состояніи сознательно идти противъ своей совѣсти изъ слабо-

сти на извѣстныхъ пунктахъ, и не только всегда погибаютъ, но и сами заранѣе знаютъ, что идутъ къ гибели. Маслобоевъ между прочимъ потонулъ въ винѣ.

— Теперь, другъ, еще одно слово, продолжалъ онъ. Слышалъ я, какъ твоя слава сперва прогремѣла; читалъ потомъ на тебя разныя критики (право читалъ; ты думаешь, я ужь ничего не читаю); встрѣчалъ тебя потомъ въ худыхъ сапогахъ, въ грязи безъ калошъ, въ обломанной шляпѣ и кой о чемъ догадался. По журналистамъ теперь промышляешь?

— Да, Маслобоевъ.

— Значитъ въ почтовые клячи записался?

— Похоже на то.

— Ну, такъ на это я, братъ, вотъ что скажу: пить лучше! Я вотъ напьюсь, лягу себѣ на диванъ (а у меня диванъ славный, съ пружинами), и думаю, что вотъ я напримѣръ какой-нибудь Гомеръ или Дантъ, или какой-нибудь Фредерикъ Барбаруса, — вѣдь все можно себѣ представить. Ну, а тебѣ нельзя представлять себѣ, что ты Дантъ или Фредерикъ Барбаруса, во-первыхъ потому что ты хочешь быть самъ по себѣ, а во-вторыхъ потому что тебѣ всякое хотѣніе запрещено; ибо ты почтовая кляча. У меня воображеніе, а у тебя дѣйствительность. Послушай-же, откровенно и прямо, по-братски (не то на десять лѣтъ обидишь и унизишь меня), — не надо-ли денегъ? Есть. Да ты не гримасничай. Деньги возьми, расплатись съ антрепренерами, скинь хомутъ, потомъ обезпечь себѣ цѣлый годъ жизни и садись за любимую мысль, пиши великое произведеніе! а? что скажешь?

— Слушай, Маслобоевъ! Братское твое предложеніе цѣню, по ничего не могу теперь отвѣчать, — а почему? долго рассказывать. Есть обстоятельства. Впрочемъ обѣщаюсь: все расскажу тебѣ потомъ, по-братски. За предложеніе благодарю: обѣщаюсь, что приду къ тебѣ и приду много разъ. Но вотъ въ чемъ дѣло: ты со мной откровененъ, а потому и я рѣшаюсь спросить у тебя совѣта, тѣмъ болѣе, что ты кажется въ этихъ дѣлахъ мастакъ.

И я рассказалъ ему всю исторію Смита и его внуки, начиная съ самой кондитерской. Странное дѣло: когда я рассказывалъ, мнѣ по глазамъ его показалось, что онъ кой-что знаетъ изъ этой исторіи. Я спросилъ его объ этомъ.

— Нѣтъ, не то, отвѣчалъ онъ. Впрочемъ такъ кой-что о Смитѣ я слышалъ, что умеръ какой-то старикъ въ кондитерской. А объ дамѣ Бубновой я дѣйствительно кой-что знаю. Съ этой дамы я ужъ взялъ два мѣсяца тому назадъ взятку. Je prends ton bien, ой je le trouve и только въ этомъ смыслѣ похожъ на Мольера. Не хотя я и содралъ съ нея сто рублей, все-таки я тогда-же далъ себѣ слово скрутить ее ужъ не на сто, а на пятьсотъ рублей. Скверная баба! Непозволительными дѣлами занимается. Оно-бы и ничего, да иногда ужъ слишкомъ до худого доходить. Ты не считай меня пожалуйста донъ-Кихотомъ. Дѣло все въ томъ, что можеть крѣпко мнѣ перепастъ и когда я, полчаса тому назадъ, Сизобрюхова встрѣтилъ, то очень обрадовался. Сизобрюхова очевидно сюда привели и привелъ его пузанъ, а такъ какъ я знаю, по какого рода дѣламъ пузанъ особенно промышляетъ, то и заключаю... Ну, да ужъ я его накрою! Я очень радъ, что отъ тебя про эту дѣвочку услышалъ; теперь я на другой слѣдъ попалъ. Я вѣдь, братъ, разными частными комиссіями занимаюсь, да еще съ какими людьми знакомъ! Разыскивалъ я недавно одно дѣльцо для одного князя, такъ я тебѣ скажу — такое дѣльцо, что отъ этого князя и ожидать нельзя было. А то хочешь, другую исторію про мужнюю жену расскажу? Ты, братъ, ко мнѣ ходи, я тебѣ такихъ сюжетовъ наготовилъ, что опиши ихъ, такъ не повѣрятъ тебѣ...

— А какъ фамилья того князя? перебилъ я его, предчувствуя что-то.

— А тебѣ на что? Изволь: Валковскій.

— Петръ?

— Онъ. Ты знакомъ?

— Знакомъ, да не очень. Ну, Маслобоевъ, я объ этомъ господнѣ къ тебѣ не разъ понавѣдаюся, сказалъ я вставая; — ты меня ужасно заинтересовалъ.

— Вотъ видишь, старый пріятель, навѣдывайся сколько хочешь. Сказки я умѣю рассказывать, но вѣдь до извѣстныхъ предѣловъ, — понимаешь? Не то кредитъ и честь потеряешь, дѣловую то есть, ну и такъ далѣе.

— Ну, на сколько честь позволить.

Я былъ даже въ волненіи. Опъ это замѣтилъ.

— Ну, что-жъ теперь скажешь мнѣ про ту исторію, которую я сейчасъ тебѣ рассказаль. Придумалъ ты что, или вѣтъ?

— Про твою исторію? А вотъ подожди меня двѣ минутки; я расплачусь.

Онъ пошолъ къ буфету и тамъ, какъ-бы печально, вдругъ очутился вмѣстѣ съ тѣмъ варнемъ въ поддевки, котораго такъ безцеремонно звали Митрошкой. Миѣ показалось, что Маслобоевъ зналъ его нѣсколько ближе, чѣмъ самъ признавался миѣ. По крайней мѣрѣ видно было, что сошлись они теперь не въ первый разъ. Митрошка былъ съ виду парень довольно оригинальный. Въ своей поддевки, въ шолковой красной рубашкѣ, съ рѣзкими, но благообразными чертами лица, еще довольно молодежавый, смуглый, съ смѣлымъ сверкающимъ взглядомъ, онъ производилъ и любопытное и не отталкивающее впечатлѣніе. Жестъ его былъ какъ-то выдѣланно-удалый, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ настоящую минуту онъ видимо сдерживалъ себя, всего болѣе желая себѣ придать видъ чрезвычайной дѣловитости, важности и солидности.

— Вотъ что, Ваня, сказалъ Маслобоевъ, воротясь ко миѣ, — навѣдайся—ка ты сегодня ко миѣ, въ семь часовъ, такъ я можетъ кой-что и скажу тебѣ. Одишь-то я, видишь ли, ничего не значу; прежде значилъ, а теперь только пьяница и удалый отъ дѣла. Но у меня остались прежнія сношенія; могу кой о чемъ развѣдать, съ разными тонкими людьми перенюхаться; этимъ и беру; правда, въ свободное, то есть трезвое время и самъ кой-что дѣлаю, тоже черезъ знакомыхъ... больше по развѣдкамъ... Ну, да что тутъ! довольно... Вотъ и адресъ мой: въ Шестилавочной. А теперь, братъ, я ужь слишкомъ прокись. Пропущу еще золотую, да и домой. Полежу. Придешь, — съ Александрой Семеновной познакомя, а будетъ время и о поэзій поговоримъ.

— Ну, а о томъ-то?

— Ну, и о томъ можетъ быть.

— Пожалуй приду, навѣрно приду...

ГЛАВА VI

Анна Андревна уже давно дожидалась меня. Тѣ, что я вчера сказалъ ей о запискѣ Наташи, сильно завлекло ея любовытство, и она ждала меня гораздо раньше, утромъ, во крайней мѣрѣ ча-

сортъ въ десять. Когда же я явился къ ней, во второмъ часу по полудни, то муки ожиданья достигли въ бѣдной старушкѣ послѣдней степени своей силы. Кромѣ того ей очень хотѣлось объяснить мнѣ о своихъ новыхъ надеждахъ, возродившихся въ ней со вчерашняго дня, и объ Николаѣ Сергѣичѣ, который со вчерашняго дня прихворнулъ, сталъ угрюмъ, а между тѣмъ и какъ-то особенно съ нею нѣженъ. Когда я появился, она приняла было меня съ недовольной и холодной складкой въ лицѣ, едва цѣдила сквозь зубы и не показывала ни малѣйшаго любопытства, какъ-будто чуть не проговаривала: «Зачѣмъ пришолъ? охота тебѣ, батюшка, каждый день шлаться». Она сердилась за послѣднй приходъ. Но я спѣшилъ, и потому безъ дальнѣйшихъ проволочекъ раскаралъ ей всю вчерашнюю сцену у Наташи. Какъ только старушка услышала о посѣщеніи стараго князя и о торжественномъ его предложеніи, какъ тотчасъ же соскочила съ нея вся напускалая хандра. Не достаетъ у меня словъ описать, какъ она обрадовалась, даже какъ-то потерялась, крестилась, плакала, клала передъ образомъ земные поклоны, обнимала меня и хотѣла тотчасъ же бѣжать къ Николаю Сергѣичу и объявить ему всю радость.

— Помилуй, батюшка, вѣдь это онъ все отъ разныхъ униженій и оскорбленій хандрилъ, а вотъ теперь узнаетъ, что Наташѣ полное удовлетвореніе сдѣлано, такъ мигомъ все позабудетъ.

На сяду я отговорилъ ее. Хорошая старушка, не смотря на то, что двадцатьять лѣтъ прожила съ мужемъ, еще плохо знала его. Ей ужасно тоже захотѣлось тотчасъ же побѣжать со мной къ Наташѣ. Я представилъ ей, что Николай Сергѣичъ не только можетъ быть не одобрить ея поступка, но еще мы этимъ повредимъ всему дѣлу. Насяду-то она одумалась, но продержала меня еще подчасъ лишникъ и все время говорила только сама. «Съ кѣмъ же я-то теперь останусь, говорила она, съ такой радостью, да сяду одна въ четырехъ стѣнахъ?» Наконецъ я убѣдилъ ее отпустить меня, представивъ ей, что Наташа теперь ждетъ меня не дожидается. Старушка перекрестила меня нѣсколько разъ на дорогу, послала особое благословеніе Наташѣ и чуть не заплакала, когда я рѣшительно отказался придти въ тотъ же день еще разъ, вечеромъ, если съ Наташей не случится чего особеннаго. Николаю Сергѣичу въ этотъ разъ я не видалъ: онъ не

спалъ всю ночь, жаловался на головную боль, на ознобъ и теперь спалъ въ своемъ кабинетѣ.

Тоже и Наташа прождала меня все утро. Когда я вошелъ, она по обыкновенію своему ходила по комнатѣ, сложа руки и о чемъ-то раздумывая. Даже и теперь, когда вспоминаю о ней, я не иначе представляю ее, какъ всегда одну въ бѣдной комнаткѣ, задумчивую, оставленную, ожидающую, съ сложенными руками, съ опущенными внизъ глазами, расхаживающую безцѣльно взадъ и впередъ.

Она тихо, все еще продолжая ходить, спросила, почему я такъ поздно? Я рассказалъ ей вкратцѣ всѣ мои похождения, но она меня почти и не слушала. Замѣтно было, что она чѣмъ-то очень озабочена. — Что новаго? спросилъ я. — Новаго ничего, отвѣчала она, но съ такимъ видомъ, по которому я тотчасъ догадался, что новое у ней есть и что она для того и ждала меня, чтобъ рассказать это новое, но по обыкновенію своему расскажетъ не сейчасъ, а когда я буду уходить. Такъ всегда у насъ было. Я ужь примѣнился къ ней и ждалъ.

Мы разумѣется начали разговоръ о вчерашнемъ. Меня особенно поразило то, что мы совершенно сходимся съ ней въ впечатлѣніи нашемъ о старомъ князѣ: ей онъ рѣшительно не правился, гораздо больше не правился, чѣмъ вчера. И когда мы перебрали по черточкамъ весь его вчерашній визитъ, Наташа вдругъ сказала:

— Послушай, Вапя, а вѣдь такъ всегда бываетъ, что вотъ если сначала человекъ не понравится, то ужь это почти признакъ, что онъ непременно понравится потомъ. По крайней мѣрѣ такъ всегда бывало со мною.

— Дай Богъ такъ, Наташа. Кѣму же вотъ мое мнѣніе и окончательное: я все перебралъ и вывелъ, что хоть князь, можетъ быть, и иезуитничаетъ, но соглашается онъ на вашъ бракъ вправду и серьезно.

Наташа остановилась среди комнаты и сурово взглянула на меня. Все лицо ея измѣнилось; даже губы слегка вздрогнули.

— Да какъ же бы онъ могъ въ такомъ случаѣ начать хитрить и... лгать? спросила она съ надменнымъ недоумѣніемъ.

— То-то, то-то! поддакнулъ я скорѣе.

— Разумѣется не лгалъ. Мнѣ кажется и думать объ этомъ нечего. Нельзя даже предлога приискать къ какой-нибудь хитро-

сти. И наконецъ чтожъ я такое въ глазахъ его, чтобъ до такой степени смѣяться надо мною? Неужели человѣкъ можетъ быть способенъ на такую обиду!

— Конечно, конечно! подтверждалъ я, а про себя подумалъ: ты вѣрно объ этомъ только и думаешь теперь, хотя по комнатѣ, моя бѣдняжка, и можетъ еще больше сомнѣваешься, чѣмъ я.

— Ахъ, какъ бы я желала, чтобъ онъ поскорѣе воротился! сказала она. Цѣлый вечеръ хотѣлъ просидѣть у меня и тогда... Должно быть важныя дѣла, коль все бросилъ да уѣхалъ. Не знаешь ли какія, Ваня? Не слышалъ ли чего-нибудь?

— А Господь его знаетъ. Вѣдь онъ все деньги наживаетъ. Я слышалъ, участокъ въ какомъ-то подрядѣ здѣсь въ Петербургѣ беретъ. Мы, Наташа, въ дѣлахъ ничего не смыслимъ.

— Разумѣется не смыслимъ. Алеша говорилъ про какое-то письмо вчера...

— Извѣстiе какое-нибудь. А былъ Алеша?

— Былъ.

— Рано?

— Въ двѣнадцать часовъ; да вѣдь онъ долго спитъ. Посидѣлъ. Я прогнала его къ Катеринѣ Федоровнѣ; нельзя же, Ваня.

— А развѣ самъ онъ не собирался туда?

— Нѣтъ, и самъ собирался...

Она хотѣла что-то еще прибавить и замолчала. Я глядѣлъ на нее и выжидалъ. Лицо у ней было грустное. Я бы и спросилъ ее, да она очень иногда не любила разспросовъ.

— Странный этотъ мальчикъ, сказала она наконецъ, слегка искрививъ ротъ и какъ будто стараясь не глядѣть на меня.

— А что? Вѣрно что-нибудь у васъ было?

— Нѣтъ, ничего; такъ... Онъ былъ впрочемъ и милый... Только ужь...

— Вотъ теперь всѣ его горести и заботы кончились, сказалъ я.

Наташа пристально и пытливо взглянула на меня. Ей можетъ быть самой хотѣлось бы отвѣтить мнѣ: «Немного-то было у него горестей и заботъ и прежде;» но ей показалось, что въ моихъ словахъ таже мысль. Она и надулась.

Впрочемъ тотчасъ же опять стала и привѣтлива и любезна. Въ этотъ разъ она была чрезвычайно кротка. Я просидѣлъ у ней болѣе часу. Мы все говорили о будущемъ визитѣ князя въ

субботу. Она очень беспокоилась и волновалась. Сначала было хотѣла казаться передо мной равнодушною, но не вытерпѣла и скоро перешла въ свой всегдашній искренній и прямодушный тонъ. Князь пугалъ ее. Я замѣтилъ по нѣкоторымъ ее вопросамъ, что ей очень бы хотѣлось узнать навѣрно, какое именно произвела она на него вчера впечатлѣннiе? Такъ ли она себя держала? Не слишкомъ ли она выразила передъ нимъ свою радость? Не была ли слишкомъ обидчива? Или наоборотъ, ужъ слишкомъ снисходительна? Не подумалъ бы онъ чего-нибудь? Не просмѣялъ бы? Не почувствовалъ бы презрѣнiя къ ней? Отъ этой мысли щеки ея вспыхнули, какъ огонь.

— Неужели можно такъ волноваться изъ-за того только, что дурной человекъ что-нибудь подумаетъ? Да пусть его думаетъ! сказалъ я.

— Почему же онъ дурной? спросила она.

Наташа была мнительна, но чиста сердцемъ и прямодушна. Мнительность ея происходила изъ чистаго источника. Она была горда и благородно-горда и не могла перенести, если ю, что считала выше всего, предалось бы на посяганiе въ ея же глазахъ. На презрѣнiе человека низшаго она конечно отвѣчала бы только презрѣнiемъ, но все-таки болѣла бы сердцемъ за насмѣшку надъ тѣмъ, что считала святынею, кто бы ни смѣялся. Не отъ недостатка твердости происходило это. Происходило отчасти и отъ слишкомъ малаго знанiя свѣта, отъ непривычки къ людямъ, отъ замкнутости въ своемъ углу. Она всю жизнь прожила въ своемъ углу, почти не выходя изъ него. И наконецъ свойство самыхъ добродушныхъ людей, можетъ быть вершешее къ ней отъ отца, — захвалить человека, упорно считать его лучше, чѣмъ онъ есть въ самомъ дѣлѣ, споряча преувеличивать въ немъ все доброе, — было въ ней развито въ сильной степени. Тяжело такимъ людямъ потомъ разочаровываться; еще тяжеле, когда чувствуешь, что самъ виноватъ. Зачѣмъ ожидалъ больше, чѣмъ могутъ дать? А такихъ людей поминутно ждетъ такое разочарованiе. Всего лучше, если они спокойно сидятъ въ своихъ углахъ и не выходятъ на свѣтъ; я даже замѣтилъ, что они дѣйствительно любятъ свои углы до того, что даже дичаютъ въ нихъ. Впрочемъ Наташа перенесла много несчастiй, много оскорбленiй. Это было уже большое существо, и ее нельзя считать, если только въ моихъ словахъ есть обвиненiе.

Но я спѣшилъ и всталъ уходить. Она взумалась и чуть не заплакала, что я уйду, хотя все время, какъ я сидѣлъ, не называла мнѣ никакой особенной вѣжности, напротивъ даже была со мной какъ будто холодище обыкновеннаго. Она горячо поцѣловала меня и какъ-то долго посмотрѣла мнѣ въ глаза.

— Послушай, сказала она, Алеша былъ пресмишной сегодня и даже удивилъ меня. Онъ былъ очень милъ, очень счастливъ съ виду, но влетѣлъ такимъ мотылькомъ, такимъ фатомъ, все передъ зеркаломъ вертѣлся. Ужъ онъ слишкомъ какъ-то безъ церемоній теперь... да и сидѣлъ-то не долго. Представь: мнѣ конфетъ привезъ.

— Конфетъ? чтожъ, это очень мило и простодушно. Ахъ, какіе вы оба! Вотъ ужъ и пошли теперь наблюдать другъ за другомъ, шпионить, лица другъ у друга изучать, тайныя мысли на нихъ читать (а ничего-то вы въ нихъ и не понимаете!) Еще онъ ничего. Онъ веселый и школьникъ попрежнему. А ты-то, ты-то!

И всегда, когда Наташа перемѣнила топъ и подходила бывало ко мнѣ, или съ жалобой на Алешу, или для разрѣшенія какихъ-нибудь щекотливыхъ недоумѣній, или съ какимъ-нибудь секретомъ и съ желаніемъ, чтобъ я понялъ его съ полслова; то, помню, она всегда смотрѣла на меня оскала зубки и какъ будто вымалывая, чтобъ я непременно рѣшилъ какъ-нибудь такъ, чтобъ ей тотчасъ же стало легче на сердцѣ. Но помню тоже, я въ такихъ случаяхъ всегда какъ-то принималъ суровый и рѣзкій тонъ, точно распекаю кого-то, и дѣлалось это у меня совершенно мечтательно, но всегда *удивалось*. Суровость и важность моя были кстатѣ, казались авторитетами, а вѣдь иногда человѣкъ чувствуетъ непреодолимую потребность, чтобъ его кто-нибудь пораспекъ. По крайней мѣрѣ Наташа уходила отъ меня иногда совершенно утѣшенная.

— Нѣтъ, видишь Ваня, продолжала она, держа одну свою ручку на моемъ плечѣ, другою сжимая мнѣ руку, а глазками записывая въ моихъ глазахъ, — мнѣ показалось, что онъ былъ какъ-то мало проникнуть... онъ показался мнѣ такимъ ужъ нагид, — знаешь, какъ будто десять лѣтъ жевать, но все еще любезней съ женой человѣкъ. Не рано ли ужъ очень?.. Смѣлся, вертѣлся, но какъ-будто это все ко мнѣ только такъ, только ужъ отъ части относится, а не такъ какъ прежде... Отецъ торопился къ Катерины Федоровны... Я ему поверю, а онъ не слушаетъ или

объ другомъ заговариваетъ , знаешь эта скверная , великосѣтская привычка, отъ которой мы оба его такъ отучали. Однимъ словомъ, былъ такой... даже какъ будто равнодушный... Но ты я! Вотъ и пошла, вотъ и начала! Ахъ, какіе мы всѣ требова- тельные, Ваня, какіе капризные деспоты! Только теперь вижу! Пустой переѣмны въ лицѣ человѣку не простимъ, а у него еще Богъ знаетъ отчего переѣмнилось лицо! Ты правъ, Ваня, что сейчасъ укорялъ меня! Это я одна во всемъ виновата! Сами себѣ горести создаемъ, да еще жалуемся... Спасибо, Ваня, ты меня совершенно утѣшилъ. Ахъ, кабы онъ сегодня пріѣхалъ! Да чего! пожалуй еще разсердится за давнишее.

— Да неужели вы ужъ поссорились? вскричалъ я съ удивленіемъ.

— И виду не подала! Только я была немного грустна, а онъ изъ веселаго сталъ вдругъ задумчивымъ и, мнѣ показавшись, сухо со мной простился. Да я пошлю за нимъ... Приходи и ты, Ваня, сегодня.

— Непремѣнно, если только не задержитъ одно дѣло.

— Ну вотъ, какое тамъ дѣло?

— Да навязалъ себѣ! А впрочемъ кажется непремѣнно яриду.

ГЛАВА VII

Ровно въ семь часовъ я былъ у Маслобоева. Онъ жилъ въ Шестилавочной, въ небольшомъ домѣ, во флигелѣ, въ довольно неопрятной квартирѣ о трехъ комнатахъ, впрочемъ не бѣдно меблированныхъ. Видѣнъ былъ нѣкоторый недостатокъ и въ то же время чрезвычайная нехозяйственность. Мнѣ отворила прекорешенькая дѣвушка лѣтъ девятнадцати, очень просто, но очень мило одѣтая, очень чистенькая и съ предобрими, веселыми глазками. Я тотчасъ догадался, что это и есть та самая Александра Семеновна, о которой онъ упомянулъ вскользь давеча, подманивая меня съ нею познакомиться. Она спросила: кто я, и услышавъ фамилию, сказала, что онъ ждетъ меня, но что теперь спитъ въ своей комнатѣ, куда меня и повела. Маслобоевъ спалъ на прекрасномъ, мягкомъ диванѣ, накрытый своею грязной шинелью, съ кожаной истертой подушкой въ головкахъ. Сонъ у

его былъ очень чуткій; только что мы вошли, онъ тотчасъ же окликнулъ меня по имени.

— А! это ты? жду. Сейчасъ во снѣ видѣлъ, что ты приползъ ко мнѣ будишь. Значить пора? ъдемъ.

— Куда ъдемъ?

— Къ дамѣ.

— Къ какой? Зачѣмъ?

— Къ мадамъ Бубновой, затѣмъ чтобъ ее раскасировать.— А какая красotka—то! протянулъ ояъ, обращаясь къ Александрѣ Семеновнѣ, и даже поцѣловалъ кончики пальцевъ при воспоминаніи о мадамъ Бубновой.

— Ну ужъ пошолъ, выдумалъ! проговорила Александра Семеновна, считая непремѣннымъ долгомъ немного разсердиться.

— Незнакомъ? Познакомься, братъ: вотъ, Александра Семеновна, рекомендую тебѣ, это литературный генералъ; ихъ только разъ въ годъ даромъ осматриваютъ, а въ прочее время за деньги!

— Ну, вотъ дуру паполъ. Вы его пожалуйста не слушайте, все сибетей надо мной. Какіе они генералы?

— Я про то вамъ и говорю, что особенные. А ты, ваше превосходительство, не думай, что мы глупы; мы гораздо умнѣе, чѣмъ съ перваго взгляда кажемся.

— Да не слушайте его! вѣчно—то застыдить при хорошихъ людяхъ, безстыдникъ! хоть бы въ театрѣ когда свезъ!

— Любите, Александра Семеновна, домашніе сви... А не забыли, что любить—то надо? Словечко—то не забыли? Вотъ которому я васъ училъ?

— Конечно не забыла. Вздоръ какой—побудь значить.

— Ну, да какое—жъ словечко—то?

— Вотъ стану я страмиться при гостѣ. Оно можетъ—быть страмъ какой значить. Языкъ отохни, коли скажу.

— Значить забыли—съ.

— А вотъ и не забыла: пенаты! Любите свои пенаты... вѣдь вотъ что выдумаетъ! можетъ никакихъ пенатовъ и не было; и за что ихъ любить—то? Все вретъ!

— За то у мадамъ Бубновой...

— Тѣфу ты съ своей Бубновой! и Александра Семеновна выбжала въ величайшемъ негодованіи.

— Пора! идемъ! прощайте, Александра Семеновна!

Мы вышли. Видишь, Ваня, во—первыхъ сидемъ на этого из-

вощика. Такъ. А во-вторыхъ, я давеча какъ съ тобой простав- ся, кой-что еще узналъ и узналъ ужъ не по догадкамъ, а въ точности. Я еще на Васильевскомъ цѣлый часъ оставался. Этотъ пузанъ — страшная каналья, грязной, гадкій, съ вычурами и съ разными подлыми вкусами. Эта Бубнова давно ужъ известна кой-какими продѣлками въ этомъ же родѣ. Она на дняхъ съ одной дѣвочкой изъ честнаго дома чуть не попалась. Эти кисей- ные платья, въ которыя она рядила эту сиротку (вотъ ты да- веча рассказывалъ), не давали мнѣ покою; потому что я кой-что уже до этого слышалъ. Давеча я кой-что еще разузналъ, прав- да совершенно случайно, но кажется навѣрно. Сколько лѣтъ дѣвочки?

— По лицу лѣтъ тринадцать.

— А по росту меньше. Ну, такъ она и сбѣлаетъ. Коли надо, скажетъ одиннадцать, а то пятнадцать. И такъ какъ у бѣдняж- ки ни защиты, ни семейства, то...

— Неужели?

— А ты что думалъ? Да ужъ мадамъ Бубнова изъ одного состраданія не взяла бы къ себѣ сироту. А ужъ если пузанъ туда повадился, такъ ужъ такъ. Онъ съ ней давеча утромъ ви- дѣлся. А болвану Сизобрюхову обѣщана сегодня красавица, мужняя жена, чиновница и штабъ-офицерка. Купецкія дѣти изъ кутящихъ до этого падки; всегда про чинъ спросятъ. Это какъ въ латинской грамматикѣ, помнишь: значеніе предпочи- тается окончанію. А впрочемъ, я еще кажется съ давешняго пьянъ. Ну, а Бубнова такими дѣлами заниматься не смѣй. Она и позицію надуть хочетъ; да врешь! А потому я и пугну, такъ какъ она знаетъ, что я по старой памяти... ну, и прочее — пони- маешь?

Я былъ страшно пораженъ. Всѣ эти извѣстія взволновали мою душу. Я все боялся, что мы опоздаемъ и погонялъ изво- щика.

— Не безпокойся; мѣры приняты, говоритъ Маслобоевъ. Тамъ Митрошка. Сизобрюховъ ему заплатитъ деньгами; а пуза- тый подлець — натурой. Это еще давеча рѣшено было. Ну, а Бубнова на мой пай приходится... Потому она не смѣй.

Мы пріѣхали и остановились у рестораціи; но человека, на- зывавшагося Митрошкой, тамъ не было. Приказавъ извощику насъ дожидаться у крыльца рестораціи, мы пошли къ Бубновой.

Митрошка поджидалъ насъ у воротъ. Въ окнахъ разливался яркій свѣтъ и слышался пьяный, раскатистый смѣхъ Сязобрюхова.

— Тамъ они всѣ, съ четверть часа будетъ, извѣстивъ Митрошка. Теперь самое время.

— Да какъ же войдемъ? спросилъ я.

— Какъ гости, возразилъ Маслобоевъ. Она меня знаетъ; да и Митрошку знаетъ. Правда все на запорѣ, да только не для насъ.

Онъ тихо постучалъ въ ворота и они тотчасъ же отворились. Отворилъ дворникъ и перемигнулся съ Митрошкой. Мы вошли тихо; въ домѣ насъ не слышали. Дворникъ провелъ насъ по лѣсенкѣ и постучался. Его окликнули; онъ отвѣчалъ, что одинъ: «дескать надоть.» Отворили, и мы всѣ вошли разомъ. Дворникъ скрылся.

— Ай, кто это? закричала Бубнова, пьяная и растрепанная, стоявшая въ крошечной передней, со свѣчою въ рукахъ.

— Кто? подхватилъ Маслобоевъ, какъ же вы это, Анна Трифоновна, дорогихъ гостей не узнаете? Кто жъ какъ не мы?.. Филиппъ Филипычъ.

— Ахъ, Филиппъ Филипычъ! это вы-съ... дорогіе гости... Да какъ же вы-съ... я-съ... ничего-съ... пожалуйте сюда-съ.

И она совсѣмъ заметалась.

— Куда сюда? Да тутъ перегородка... Нѣтъ, вы насъ примите получше. Мы у васъ холоденького выпьемъ, да машерочекъ вѣтъ ли?

Хозяйка мигомъ ободрилась.

— Да для такихъ дорогихъ гостей изъ подъ земля вайду; изъ китайскаго государства выпившу.

— Два слова, голубушка Анна Трифоновна: здѣсь Сязобрюховъ?

— Э... здѣсь.

— Такъ его-то мнѣ и надобно. Какъ же онъ смѣлъ, подлець, безъ меня кутить?

— Да онъ васъ вѣрно не позабылъ. Все кого-то поджидалъ, вѣрно васъ.

Маслобоевъ толкнулъ дверь и мы очутились въ небольшой комнатѣ, въ два окна, съ геранями, плетеными стульями и съ сквернѣйшими фортепьянами; все какъ слѣдовало. Но еще преж-

де, чѣмъ мы вошли, еще когда мы разговаривали въ передней, Митрошка ступешался. Я послѣ узналъ, что онъ и не выходилъ, а пережидалъ за дверью. Ему было кому потомъ отворить. Расстрепанная и шарманная женщина, выглядывавшая лавеча утромъ изъ-за плеча Бубновой, приходилась ему кума.

Сизобрюховъ сидѣлъ на тоненькомъ диванчикѣ подлѣ красное дерево, передъ круглымъ столомъ, накрытымъ скатертью. На столѣ стояли двѣ бутылки теплаго шампанскаго, нѣсколько бутылокъ сквернаго рома; стояли тарелки съ кондитерскими конфетами, пряниками и орѣхами трехъ сортовъ. За столомъ, напротивъ Сизобрюхова, сидѣло отвратительное существо лѣтъ сорока и рябое, въ черномъ тафтяномъ платьѣ и съ бронзовыми браслетами и брошками. Это была штабъ-офицерка, очевидно поддѣльная. Сизобрюховъ былъ пьянъ и очень доволенъ. Пузатаго его спутника съ нимъ не было.

— Такъ-то люди дѣлаютъ! заревѣлъ во все горло Маслобоевъ; а еще къ Дюссо приглашаетъ!

— Филиппъ Филипычъ, ошастливили-сь! пробормоталъ Сизобрюховъ, съ блаженнымъ видомъ подымаясь намъ на встрѣчу.

— Пьешь?

— Извините-сь.

— Да ты не извиняйся, а приглашай гостей. Съ тобой погулять прѣехали. Вотъ привезъ еще гостя: пріятель! Маслобоевъ указалъ на меня.

— Рады-сь, то есть ошастливили-сь... Кхи!

— Ишь, шампанское называется! Горькое, да и то на кислыхъ щи похоже.

— Обижаете-сь.

— Знать ты къ Дюссо-то и показаться не смѣешь; а еще приглашаетъ!

— Онъ сейчасъ рассказывалъ, что въ Парижѣ былъ, подхватила штабъ-офицерка, вотъ вретъ-то должно быть!

— Оедосья Тигишна, не обижайте-сь. Были-сь. Бѣдили-сь.

— Ну, такому ли мужику въ Парижѣ быть?

— Были-сь. Могли-сь. Мы тамъ съ Карпомъ Васильичемъ отличались. Карпа Васильича изволите знать-сь?

— А на что мнѣ знать твоего Карпа Васильича?

— Да ужь гадъ-сь... изъ политики дѣло-сь. А мы съ нимъ тамъ, въ мѣстечкѣ Парижѣ-сь, у мадамъ Жуберъ-сь, английскую трюму разбили-сь.

— Что разбили?

— Трюму-сь. Трюма такая была, во всю стѣну до потолка простиралась; а ужь Карпъ-то Васильичъ такъ пьянъ, что ужь съ мадамъ Жуберъ-сь по русски заговорилъ. Онъ это у трюмы сталъ, да и облокотился. А Жуберта и кричитъ ему, по свойски то есть: «Трюма семьсотъ франковъ стоитъ (по нашему четвертаковъ), разобьешь! Онъ ухмыляется да на меня смотритъ; а я супротивъ сижу на канане и красота со мной, да не такое рыло, какъ вотъ Эфта-сь, а съ киксомъ, словомъ сказать-сь. Онъ и кричитъ мнѣ: «Степанъ Терентьичъ, а Степанъ Терентьичъ! пополамъ идетъ, что-ли?» Я говорю: «идеть!» какъ онъ кулачищемъ-то по трюмѣ-то стукнетъ, — дзынь! только осколки посыпались. Батюшки, завизжала Жуберта, такъ въ рожу ему прямо и лѣзетъ: «Что ты, разбойникъ, куда ты пришолъ?» (по ихнему то есть). А онъ ей: «Ты, говоритъ, мадамъ Жуберъ-сь деньги бери, а идраву моему не препятствуй», да тутъ же ей шесть-сотъ пятьдесятъ франковъ и отвалилъ. Полсотни выторговали-сь...

Въ эту минуту страшный, пронзительный крикъ раздался гдѣ-то за нѣсколькими дверями, за двѣ или за три комнаты отъ той, въ которой мы были. Я вздрогнулъ и тоже закричалъ. Я узналъ этотъ крикъ: это былъ голосъ Елены. Тотчасъ же вслѣдъ за этимъ жалобнымъ крикомъ раздались другіе крики, ругательства, возня и наконецъ ясные, звонкіе отчетливые удары ладонью руки по лицу. Это вѣроятно расправлялся Митрошка по своей части. Вдругъ съ силой отворилась дверь и Елена, блѣдая, съ помутившимися глазами, въ бѣломъ кисейномъ, но совершенно измятомъ и изорванномъ платьѣ, съ расчесанными, но съ разбившимися, какъ бы въ борьбѣ, волосами, ворвалась въ комнату. Я стоялъ противъ дверей, а она бросилась прямо ко мнѣ и обхватила меня руками. Всѣ вскочили, всѣ переполошились. Визги и крики раздались при ея появленіи. Вслѣдъ за ней показался въ дверяхъ Митрошка, волоча за волосы своего пузатаго недруга въ самомъ растерзанномъ видѣ. Онъ доволокъ его до порога и вбросилъ къ намъ въ комнату.

— Вотъ онъ! берите его! пропавшесь Митрошка, съ совершенно довольнымъ видомъ:

— Слушай! проговорилъ Маслобоевъ, спокойно подходя ко мнѣ и стукнувъ меня по плечу, — бери нашего извозчика, бери дѣвочку и поѣзжай къ себѣ, а здѣсь тебѣ больше нечего дѣлать. Завтра уладимъ и остальное.

Я не заставилъ себѣ повторять два раза. Схвативъ за руку Елену, я вывелъ ее изъ этого вертепа. Ужь не знаю, какъ тамъ у нихъ кончилось. Насъ не останавливали; хозяйка была поражена ужасомъ. Все произошло такъ скоро, что она и помѣшать не могла. — Извозчикъ насъ дождался и черезъ двадцать минутъ я былъ уже на своей квартирѣ.

Елена была какъ полумертвая. Я разстегнулъ крючки у ея платья, спрыкнулъ ее водой и положилъ на диванъ. Съ ней начинался жаръ и бредъ. Я глядѣлъ на ея блѣдное личико, на безцвѣтныя ея губы, на ея черныя, сбившіеся на сторону, но расчесанные волосокъ къ волоску и напوماженные волосы, на весь ея туалетъ, на эти розовыя бантики, еще уцѣлѣвшіе кой-гдѣ на платьѣ, — и понималъ окончательно всю эту отвратительную исторію. Бѣдненькая! Ей становилось все хуже и хуже. Я не отходилъ отъ нея и рѣшился не ходить этотъ вечеръ къ Наташѣ. Иногда Елена подымала свои длинныя, стрѣльчатыя рѣсницы и взглядывала на меня, и долго и пристально глядѣла, какъ-бы узнавая меня. Уже поздно, часу въ первомъ ночи, она заснула. Я заснулъ подлѣ нея на полу.

ФЕДОРЪ ДОСТОЕВСКІЙ

ВЕСЕННИЙ ПРИВѢТЬ

(изъ Николая Ленау)

Солнышкомъ весеннимъ снова міръ согрѣтъ.
Вотъ приносить нищій-мальчикъ мнѣ букетъ.

Больно мнѣ, что первый твой привѣтъ, весна,
Приноситъ намъ бѣдность грустная должна!

Но залогъ прекрасный лучшихъ ясныхъ дней
Сталъ въ рукахъ несчастья мнѣ еще мнѣй...

И страданья наши такъ должны принести
Новымъ поколѣньямъ — лучшей жизни вѣсть!

А. ПЛЕЩЕЕВЪ

Не смѣйтеся надъ нимъ, что слабый и больной,
Безумною своей поникнувъ головой,
Онъ проклинаетъ все свой трудъ сухой и глухой,
И отъ людей бѣжать въ дремучей хочетъ лѣсъ.
И вѣчно говоритъ про блескъ чужихъ небесъ,
Про волны дальнія и дикихъ скалъ уступы,
Конечно небольшой межъ нами онъ поэтъ,
Но если у него волшебной рѣчи нѣтъ,
То сколько жъ у него тоски, любви, желаній!
И между тѣмъ какъ онъ, подъ ношею страданій
Все силится взойти на вышину горы, —
Вы около своей копошитесь норы,
Подняться къ небесамъ не думая, не смѣя,
И даже пожелать большого не умѣя.

П. П. КУСКОВЪ

ПРОЦЕССЪ ЛАСЕНЕРА (*)

Пьеръ Франсуа Ласенеръ родился въ 1800 году, въ Франшвилѣ, маленькій деревенькѣ департамента р. Роны. Отецъ его былъ почетный купецъ въ Лионѣ и составилъ состояніе торговлею желѣзомъ. Удалившись въ деревню, онъ женился, будучи уже немолодъ, и отъ этого брака имѣлъ тринадцать человѣкъ дѣтей. Всего, что скопилъ онъ, не хватало на содержаніе такого многочисленнаго семейства; пришлось снова взяться за торговлю, но дѣла не пошлѣ. Новый родъ торговли, который онъ избралъ, былъ ему незнакомъ, притомъ и года ушли, и дѣятельности прежней, и удачи не стало. Чтобы наверстать значительныя потери, онъ пустился на предпріятія отчаянныя, которыя довели его до конечнаго разоренія.

(*) Мы думаемъ угодить читателямъ, если отъ времени до времени будемъ помѣщать у себя знаменитые уголовные процессы. Не говоря уже о томъ, что они занимательнѣе всевозможныхъ романовъ, потому что освѣщаютъ такія темныя стороны человѣческой души, которыхъ искусство не любитъ касаться, а если и касается, то мимоходомъ, въ видѣ эпизода, — не говоря уже объ этомъ, чтеніе такихъ процессовъ намъ кажется будетъ не бесполезно для русскихъ читателей. Мы думаемъ, что кромѣ теоретическихъ разсужденій, помѣщаемыхъ такъ часто въ нашихъ журналахъ, узнаніе практическаго, нагляднаго приложенія этихъ теорій къ разнымъ процессамъ на западѣ было бы тоже не безполезно для нашихъ читателей. Выбирать процессы мы будемъ самые занимательныя. За это ручаемся. Въ предлагаемомъ процессѣ дѣло идетъ о личности человѣка феноменальной, загадочной, страшной и интересной. Низкіе инстинкты и малодушіе передъ нуждой сдѣлали его преступникомъ, а онъ осмысливается выставить себя жертвой своего вѣка. И все это при безграничномъ тщеславіи. Это типъ тщеславія, доведеннаго до послѣдней степени. Процессъ былъ веденъ доблестно-безпристрастно, переданъ съ точностью дагерротипа, физиологическаго чертежа... *Ред.*

Между тѣмъ молодой Ласенеръ оканчивалъ курсъ наукъ: сначала въ Сен-Шамонскомъ училищѣ, потомъ въ Аликской семинаріи, гдѣ и находился до закрытія самаго заведенія въ 1817. Оттуда перешолъ въ Ліонскій коллегіумъ. Учился онъ хорошо, велъ себя благоправно. Такъ по крайней мѣрѣ утверждаетъ одинъ изъ учителей его, г. Реффѣ де Люзиньянъ. Если же вѣрить запискамъ самого Ласенера, то изъ всѣхъ училищъ былъ онъ исключенъ за непокорность, безбожіе и развратъ, а ліонскій журналъ «*Républicain*», утверждалъ даже, что директоръ Аликской семинаріи предсказывалъ, что этотъ мальчикъ кончитъ эшафотомъ.

Ласенеръ желалъ посвятить себя изученію права. Парижъ тянулъ его, Парижъ, гдѣ такъ быстро создаются карьеры, Парижъ, гдѣ публичная рѣчь получала въ ту эпоху царственную силу, гдѣ въ одинъ день, единымъ словомъ можно было себя прославить! Званіе адвоката въ Парижѣ — это ли не разумная грѣза юности!.. Но пришлось отъ нея отказаться. Средства отца были слишкомъ скудны .. и молодой Ласенеръ принужденъ былъ поступить въ купеческую контору. Сначала онъ служилъ у шолковаго фабриканта, потомъ у стряпчаго, потомъ у нотариуса, наконецъ у банкира...! Но исподволь, усидчивымъ трудомъ и строгою бережью создавать себѣ положеніе, сколачивать копейку — было ему не по праву, и онъ записался въ полкъ, участвовалъ въ греческой войнѣ 1829 и затѣмъ получилъ отставку.

Когда впоследствии старались отыскать въ юношескихъ годахъ Ласенера признаки порочныхъ наклонностей, то припомнили, что на вопросъ: отчего онъ не идетъ на службу? онъ будто бы отвѣчалъ: «потому что не умѣю слушаться.»

Изъ этого темнаго періода жизни Ласенера сохранилось тоже сказаніе, характеризующее его личность: въ «Запискахъ» своихъ онъ говоритъ, что изъ полка совершилъ два побѣга, еще до отправки въ экспедицію; впрочемъ слѣдствіемъ этотъ фактъ не обнаруженъ.

Возвратясь въ Ліонъ, онъ уже не засталъ тамъ своего семейства, разсѣяннаго грозою обстоятельствъ. Отецъ его оставилъ Францію. Ударъ былъ тяжкій конечно, но при молодости, могучей организаціи и способностяхъ, Ласенеръ могъ бы трудиться... Всѣ прѣжніе знакомые обошлись съ молодымъ ветераномъ очень непривѣтливо: отецъ остался многимъ долженъ; теперь круты стали пороги и сыну. Мы имѣемъ полное основаніе заключить, что именно въ эту пору ожесточилась душа молодого человѣка и явился онъ презрѣніемъ къ обществу, къ пошлымъ изворотамъ и труженничеству, которыми люди составляютъ себѣ положеніе въ свѣтѣ.

Впрочемъ, не говоря о здоровыхъ рукахъ, отвагѣ и смелости, Ласенеръ нашолъ и стороннюю помощь. Одинъ вѣрный другъ (еще былъ таковой!) передалъ ему отъ имени матери 500 фр. Не велика сумма, но и съ меньшимъ начинаютъ люди способные и энергичные. Онъ тотчасъ бросился въ Парижъ (*). Тамъ на первыхъ порахъ, пріискивая себѣ какое-нибудь занятіе, онъ истратилъ всѣ деньги, завелъ не слишкомъ надежныя знакомства. Въ числѣ молодыхъ людей, съ которыми онъ сошолся, былъ племянникъ знаменитаго въ то время политическаго оратора Бенжамена Констана. Завязалась у нихъ ничтожная ссора... Это было въ 1829. Дуэль тогда была въ модѣ, пришлось драться. Ласенеръ, какъ онъ и самъ утверждаетъ, употребилъ всѣ усилія, чтобъ отклонить поединокъ... «Не хотѣлось мнѣ выходить на него; но онъ и слышать не хотѣлъ о миролюбивыхъ соглашеніяхъ»... Противники сошлись во рву Марсова-Поля. Молодой Констанъ стрѣлялъ первый. Направленіе пистолетовъ, берега рва, способствовавшіе вѣрности прицѣла, все ручалось за то, что Ласенеру не слобровать. Но противникъ промахнулся—таки; настала очередь стрѣлять Ласенеру и онъ положилъ Констана на мѣсть.

Эта дуэль заключила первый актъ жизни Ласенера, была для него первымъ поводомъ причислиться къ группѣ людей исключительныхъ, натуръ необыкновенныхъ... Зрѣлище его (Констана) агоніи, говорилъ онъ впоследствии (въ октябрѣ 1835), нисколько меня не тронуло... Надо полагать, ужь таково свойство моей организаціи, особенная безчувственность.

Существуетъ и такое предположеніе, что этотъ поединокъ далъ фатальное направленіе его жизни, сгубилъ его будущность... что всѣ самые горячіе приверженцы съ той минуты отъ него отступились, что положеніе его было безвыходное: или наказаніе по суду за дуэль, или позоръ, какъ трусу, убоявшемуся пули противника. Въ какой мѣрѣ основательно такое мнѣніе, рѣшить трудно; но если припомнить страстное сочувствіе массы публики къ великому оратору оппозиціи, то естественно заключать, что несчастный убійца его племянника сдѣлался отверженцемъ общества...

Всего проще объясняется все его послѣдующая ужасная дѣя-

(*) Не стоитъ упоминать, говоритъ авторъ статьи, о многихъ путешествіяхъ Ласенера въ Англію, Италію, Швейцарію, о многократныхъ его поединкахъ, подлогахъ, кражахъ, убійствѣ одного обличителя. Объ этихъ дѣлахъ ничего не разсказано, и надо полагать, что они или выдуманы самимъ Ласенеромъ или умышленно смастерили эти басни не слишкомъ разборчивые въ средствахъ издателя, чтобы придать побольше интереса его біографіи.

тельность склонностью къ жизни привольной, такой жизни, чтобъ золото само плыло въ руки, отвращеніемъ къ скромному труду. «Не-навистенъ мнѣ пустой кошелекъ, говаривалъ онъ, я не могу жить безъ денегъ.»

А чтобъ достать деньги не работая, Ласснеръ поднялся на мошенничество и въ томъ же 1829 году былъ приговоренъ къ тюремному заключенію на годъ.

По освобожденіи, онъ вздумалъ заняться литературой. Дѣйстви-тельно къ 1831 и 32 годамъ относятся его пѣсни и поэтическіе отрывки, которые безъ достаточнаго основанія приписывали эпохѣ его подсудности. Изъ числа этихъ пьесокъ, назовемъ одну, «La flûte et le tambour»; но выписывать ее не станемъ. Самое граціозное изъ его юношескихъ произведеній конечно «Сильфида.» Тоже чутся подражаніе, поддѣлка, но тѣмъ не менѣе нельзя отказать этой одѣ пѣснѣ въ законченности, отдѣлкѣ, поэтическомъ движеніи, нельзя не признать въ ней залого таланта. И сложилась она не въ тюремномъ казематѣ приговореннаго къ смерти: въ ней замѣтны призна-ки мечтательности и унынія, которыми характеризуется генерація поэтовъ тридцатыхъ годовъ, слышны слабые отголоски Рене, Обер-мана, Вильгельма Мейстера. Вдохновеніе самоубійцы, а не обречен-наго гильйотинѣ, внушило эти стихи (*):

Être divin, beauté touchante et pure,
Que je rêvais dès mes plus jeunes ans,
Qui que tu sois, esprit ou créature,
Prête l'oreille à mes derniers accents!
Sur les récifs d'une mer agitée,
Tu m'a guidé, phare mystérieux:
Je vois le port, et mon âme enchantée
Ira bientôt te retrouver aux cieux.

Je te cherchais sous les brillants portiques
Où vont ramper les séides des rois;
Je te cherchais sous les chaumes rustiques;
Ton ombre seule apparut à ma voix.
Peut-être, hélas! mon œil trop faible encore
Soutiendrait mal ton éclat radieux;
Veille sur moi, sylphide que j'adore,
Vierge immortelle, attends-moi dans les cieux.

Je te rêvais dans la grotte sauvage,
Au souffle aigu des autans furieux;

(*) На голосъ «La bonne vieille» Беранже.

Je te rêvais sous un épais feuillage,
Aux doux accords d'un luth mélodieux.
Si tu n'étais qu'une vaine chimère,
D'un cœur malade, enfant capricieux !
Mon âme enfin va percer ce mystère,
Vierge immortelle, attends-moi dans les cieux.

Je te rêvais au printemps de ma vie,
Le front paré de riantes couleurs ;
Pauvre et souffrant dans ma longue insomnie,
Je te rêvais plus belle dans les pleurs.
Mais de la mort j'entends la voix sévère,
Elle a brisé le prisme gracieux !..
Je n'ai plus rien qui m'attache à la terre,
Vierge immortelle, attends-moi dans les cieux.

Но литературная дѣятельность не удовлетворяла Ласенера : скоро онъ опять вошелъ въ сношенія и завязалъ дружбу съ тюремными товарищами и такимъ образомъ существованіе его какъ бы удвоивалось... То брался онъ за перо, писалъ лѣниво и безцѣльно (*), болѣе изъ желанія щегольнуть своими легонькими произведеніями, а не для снисканія куска хлѣба, то пускался на воровскія продѣлки, поджигаемый голодомъ и неутомимою жаждою золота и наслажденій.

«Подлоги доставили мнѣ всего 2.000 фр., сказывалъ онъ впоследствии, то есть собственно тѣ, которые извѣстны правительству; самые прибыльные остались необнаружены.

18 іюля 1833 года Ласенеръ былъ приговоренъ къ тринадцатимѣсячному тюремному заключенію за воровство. Впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ перемѣнилъ двадцать-два прозванія. Въ тюрьмѣ La Force онъ сошелся съ отвѣтственнымъ редакторомъ журнала «Le Bon Sens», Вигуру, содержавшимся за свои политическія убѣжденія. Ловкая рѣчь, оригинальный складъ ума Ласенера, его политическія пѣсенки — поразила редактора-оппозиціониста, пришлось ему по-душѣ... Онъ принялъ живое участіе въ судьбѣ загадочнаго арестанта: у нихъ завязалась переписка, а тѣмъ временемъ Ласенеръ выживалъ свой срокъ въ Пуасси. Редакторъ «Здраваго Смысла» пустилъ подъ рукою собраніе его стихотвореній; составилъ сборникъ, куда и вошли нѣкоторыя пѣсенки Ласенера; но

(*) Даже судя по приведеннымъ въ процессѣ образчикамъ, нельзя сказать, что «безцѣльно»: цѣль была ясная — пріобрѣсть въ мнѣніи редакцій либеральныхъ журналовъ,

парижскіе издатели изъ страха, неминуемой отвѣтственности отказались печатать эти произведенія тиреинной музы.

Вигуру наставлялъ Ласенера на доброе, стараясь обратить его къ честному труду. Онъ не зналъ настоящей причины заключенія своего новаго знакома и приписывалъ ее какой-нибудь шалости, возможной въ молодые годы.

Сидя въ Пуасси, Ласенерь изготвилъ цѣлый рядъ замѣтокъ о тюремномъ бытѣ и распорядкѣ. Вигуру помѣстилъ ихъ въ «Tribune des prolétaires», дополнительномъ листкѣ къ «Bon Sens». Эти статьи замѣчательны по смѣлости взгляда на предметъ и редкѣнному изображенію тюремнаго разврата.

По словамъ узника-моралиста (и сколько громкихъ авторитетовъ подтвердили тоже самое внослѣдствіемъ!) поразительная многочисленность вторично совершаемыхъ преступленій прямо объясняется недостатками темничной системы во Франціи. Казематы каторжничковъ, камеры тюремъ и исправительныхъ заведеній періодически изрыгають на общество своими несчадіями... Эти благотельныя учрежденія ни что иное, какъ омуты деморализаціи, гдѣ накапливается и разлагается ядъ, проникающій до сердца арестанта. Изъ исправительной (!) тюрьмы онъ выходитъ уже кандидатомъ на полученіе желѣзнаго убора съ явромъ, прикованнымъ къ ногѣ... «Эти господа судьи играютъ, говоритъ онъ, съ приговореннымъ на краткій срокъ, какъ кошка съ мышью: цапъ легонько лапою и пусть ползаетъ впереди, рано ли поздно ли побывасть еще у ней въ когтяхъ и на зубахъ.»

«Молодой человѣкъ увлекъ страстями, заглушилъ голосъ чести, забавля бланкетно-родительскія наставленія, которыя еще недовольно твердо укоренились въ его сердцѣ, — совершаетъ проступокъ. Полиція беретъ его и живьемъ опускаетъ въ стокъ нечистоты, — шестуемый *префектурнымъ дело*. Какое сообщество ожидаетъ его? Бѣглецъ и воровъ пойманнныя каторжники, освобожденные каторжники, вторично взятые за преступленія каторжники; а тамъ далѣе — воры, мошенники, шулера всякаго рода; мошенники по призванію; мошенники по ремеслу; урожденные мошенники... порода прожженныхъ, трутни общества; мерзавцы неоправимые: эти хоть и не побывали на каторгѣ, но не уступятъ въ достоинствѣ любому севильному, а давными-давно всякій добрый промыселъ, не только проступокъ, сдѣлался для нихъ невозможнымъ. Что станетъ съ нашимъ неопытнымъ юношей въ этомъ замысловатомъ обществѣ? Тутъ-то впервые прозвѣняютъ у него подъ ушами варварскія рѣчи Картуша и Пулейдѣ, разбойничій *аріо!* Тутъ-то, съ позволенія самихъ блюстителей порядка, въ арестантскомъ складѣ узреть онъ протекцію,

поворотом, всякія дѣлота наготеленныя, заслуженныя преступленіямъ, вѣдѣніямъ искусства... за дѣломъ остается право приказать, загнать, обобрать на сколько угодно несчастнаго, неспособнаго путама мануило замесеннаго въ эту преисподнюю. И горе негодяивому юношѣ, который не завоюетъ на нихъ ладъ, не поддается подъ ихъ рѣчь, ихъ нравы и обычаи!.. онъ скорехонько будетъ глашенимъ прелателемъ, недостойнымъ членомъ братіи. Тогда нѣтъ ему ни хода, ни выхода, всякаго рода щелчки и оскорбленія посылаются на него градомъ... Жаловаться вздумашь — это не поправится приставникамъ, всегда сочувствующимъ старымъ пережиткамъ — мажоранкамъ, возбудить неудовольствіе смотрителя камеры, человека той же масти, какъ и свора, ему порученная: это быльмый, огонь и воду прошедшій воръ. Разнузданность нравовъ, циническая рѣчь и замашки арестантовъ, страшныя и возмутительныя рассказы о разбойничьихъ похищеніяхъ вгоняють въ краску несчастнаго, еще не совершенно утратившаго стыдъ и чистоту мышловъ. Но вскорѣ ему становится стыдно передъ старшими по ремеслу и подвигамъ, онъ бонтся ихъ насмѣшекъ и презрѣнія, ибо — дѣло извѣстное — и въ средѣ галерниковъ всегда есть личности преобладающія, которыхъ уважають и побаиваются, и есть личности загнанныя, презираемыя. Этими-то и объясняется, почему нѣкоторые живутъ на наторгѣ припѣваючи, гораздо лучше, нежели пришлось бы имъ жить на свободѣ, отверженцами общества. И вотъ новый арестантъ начинаетъ брать примѣръ съ образцовыхъ артастовъ, съ колодниковъ наилучшаго тона... усвоиваетъ ихъ нравы, въ два дня изучаетъ въ совершенствѣ ихъ языкъ, и тогда онъ перестаетъ быть простой пѣшкой: свои други, товарищи не стыдятся теперь протянуть ему руку. Забудьте впрочемъ, что на первыхъ порахъ молодой человекъ только изъ тщеславія не хочетъ оставаться въ заднихъ рядахъ честной компаніи, какъ не набившій еще руку въ художествѣ: подражательность его обращена болѣе на форму, а не на сущность дѣла; въ два или три дня не успѣлъ же онъ окончательно развратиться. Но будучи увѣренъ, первый шагъ уже сдѣланъ, а на этой прекрасной дорогѣ остановиться трудно, и воспитаніе, начатое въ префектурѣ полиціи, продолжается въ La Force и оканчивается въ Шуасси или Мѣльвиѣ.»

Выполненіе гола, проведеннаго въ Шуасси, Ласевьеръ торжествовалъ, сознавая свое превосходство надъ товарищами заключенными и вліаніе, которое имѣлъ онъ при своемъ умѣ и образованіи на этихъ грубыхъ и порочныхъ натуръ. Онъ обдумывалъ планы на будущее и заключилъ, что воровство и подлоги обходятся иногда очень дорого; а приносить мало: кровавые замыслы сложились въ

его голова еще до освобождения изъ тюрьмы. Въ тоже время онъ научалъ характеръ товарищей, степень способности ихъ къ преступленіямъ и заранее подобралъ себѣ сообщниковъ.

12 августа 1834 его выпустили. Прежде всего онъ пошелъ, пять и диничъ, къ г. Витуру, высказавъ желаніе обратиться на быстрый путь и сожалѣніе о своемъ темномъ прошедшемъ. Витуру, тронутый такими похвальными побужденіями, снабдилъ его платьемъ и оказалъ нѣкоторое пособіе деньгами, въ видахъ поддержки на стезѣ добра. Впоследствии Ласенеръ увѣралъ, что на вопросъ, какое вознагражденіе могутъ назначить редакторы «Здраваго Смысла» за его статьи и стихотворенія, Витуру отвѣчалъ: право не знаю; какъ отвѣчать вамъ... эти господа не хотятъ положить вамъ болѣе, какъ по пяти франковъ за статью».

— Пять франковъ за статью! говорилъ Ласенеръ, рассказывая объ этомъ, — то есть, полагая по четыре статьи въ мѣсяць, — 20 фр. чѣмъ же тутъ было жить?

Не удивительно, если человѣкъ ожесточится на общество, которое равнодушно обрекаетъ его на голодную смерть. Не въ томъ-то вѣдѣло: можно ли исполнѣ полагаться на слова Ласенера? Точно ли была предложена ему такая жалкая плата?.. Трудно допустить, что бы какая-либо редація приняла въ число сотрудниковъ человѣка, положившаго талантливаго, но который динически говорилъ г. Витуру: «Я неопытный преступникъ: я воръ по ремеслу.»

Онъ тотчасъ же и занялся этимъ ремесломъ: немного спустя послѣ визита къ г. Витуру, совершивъ воровство, и полаяція, потерявши его смѣлъ, явилась за справками къ литератору, тамъ какъ сношенія его съ Ласенеромъ были ей извѣстны. Ласенеръ имѣлъ однако наглость и послѣ того явиться къ редактору, но тотъ принялъ его довольно сухо и спросилъ: куда дѣвались данныя ему платья? на въ отвѣтъ, что они обмѣняны товарищу, онъ по остатку жалости предупредилъ Ласенера, что его отыскиваетъ полиція.

Впрочемъ воровства были невинной забавой для Ласенера. Онъ затѣвалъ кое-что получше; нѣсколько разъ нагѣдывался въ Пуассъ, когда наступалъ срокъ освобожденія того или другого изъ его прежнихъ товарищей, но еще колебался въ выборѣ себѣ подручнаго.

25 ноября выпущенъ былъ оттуда нѣкто Авриль. Ласенеръ встрѣтилъ его у воротъ тюрьмы. У Авриля было заработанныхъ и накопленныхъ за время заключенія 240 фр.; не за уплатою нѣкоторыхъ долговъ осталось только 160. Взяли они мѣсто въ тюрьмѣ на Сен-Жерменъ, «и закусили виномъ».. Тутъ же былъ обдуманъ и знаменитый планъ Ласенера.

По прїѣздѣ въ Парижъ, Авриль заагераосудилъ съ товарищи

душу» и отирались въ благозаведенные, гдѣ оставили 40 фр., а остальные просидѣлъ въ курты. Когда у него не оставалось ни гроша, Ласенерь снова отыскивалъ его.

Что-жъ темой за человѣка этотъ Авриль, что за виновность та-кая? Въ актахъ досуднаго суда департамента Сены и Уазы значится слѣдующее: «Пьеръ-Викторъ Авриль, приговоренный въ Версали, 26 ноября 1829, на пять лѣтъ тюремнаго заключенія; за воровство въ ночную пору.»

«Авриль, ремесломъ кровельщикъ, родился въ Версали, въ ро-ду 18 лѣтъ, росту 1 метр. 65 сантиметр.; волосы русые, брови темныя, лобъ широкій, прикрытый волосами, глаза възрава-сѣрые, носъ большой; ротъ умеренный, подбородокъ круглый, лицо пол-ное, блѣдное; особыхъ примѣтъ не имѣеть.»

«Жизнь велъ праздную,» оговорено въ дополнительной статьѣ акта.

Теперь, въ pendant подручному, приведемъ живоописание того, который самъ-себя почиталъ «царемъ-головкой».

Вотъ обозначеніе примѣтъ мнимаго Галльера, то есть Ласенера, найденное въ арестантскихъ спискахъ Пуассы подъ № 9559:

«Отъ-роду 30 лѣтъ; росту 1 мет. 68 сантиметр.; волосы темные, брови тожь, борода тожь; лобъ высокій, глаза темносѣрыя, носъ крупный, ротъ большой, подбородокъ острый, лице овальное, румя-ное; особая примѣта: шрамъ на лбу близъ праваго виска.»

Эти официальные примѣты, прописанныя въ тюремной книгѣ, дополняютъ подробностями, которыя сообщены впоследствии болѣе пристальными наблюдателями.

Ласенеру въ эпоху его освобожденія изъ Пуассы было 34 года; онъ былъ росту менѣе средняго, сложенія крѣпкаго. Толстая, ко-роткая, жилистая шея обличала физическую силу, смугло-румяный цвѣтъ лица — могучій жолчно-сангвиническій темпераментъ; въ черныхъ волосахъ мѣстами проглядывала сѣдина; голова у него была большая, лобъ широкій и благопріятно-сформированный. Оче-видно было, что мозгъ, органъ мысли, развитъ у него несравненно болѣе, нежели прочія части, выражающіи присущность инстинк-тивныхъ способностей и животныхъ побужденій. Черты лица были тонки и не лишены благородства. На иронической губѣ постоянно дрожала готовый сарказмъ.

Наружность Авриля была блѣдная, довольно кроткая и незначи-тельная; одна только черта рѣзко характеризовала ее: именно на-красна-сѣрые, лукавые и зоркіе глаза, которые отъ прищипыва-стра-сти получали свирѣпое выраженіе; кошачьи глаза, по выраженію Ласенера. Ростомъ былъ онъ нѣсколько менѣе своего товарища и

не тави влогенъ, но глибоки и ловекъ, а въ припадкѣ гнѣва ужасенъ. Въ Пуасси онъ покушался убить приставаща заостренной, подосей, желѣза. У него была врожденная кровожадность, склонность къ убійству. Ласенеръ еще въ тюрьмѣ распознавалъ въ немъ человека съ характеромъ. Тогда же заключенъ былъ и договоръ: дѣйствовать за одно.

Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ достойные друзья остановились на слѣдующемъ предпріятіи. Оба они амали въ Пуасси нѣкоего Жана-Франсуа Шардона, содержащагося за ярежу и развратъ. Но выходя изъ тюрьмы онъ повелъ такую-же заворную жизнь, какъ и прежде, но старался укрыть свои отвратительные нерены подъ личиною набожности; продавалъ стеклянные образы и крестики, прибралъ къ имени своему титулъ *брата милосердія* св. Кавшалы и въ прошеніи, поданномъ на имя королевы Маріи Анеліа, ходатайствовалъ о возобновеніи какого-то страннопріимнаго дома.

Шардонъ жилъ съ матерью, вдовою шестидесяти шести лѣтъ. Она занимала въ Сентъ-Мартѣвской улицѣ, въ пассажѣ Cheval-Rouge № 271, маленькую квартирку въ первомъ этажѣ. Мать получала по-собія — не-бѣдности, но подозрѣвали, что у нея припрятаны деньги и кое-что изъ серебряныхъ вещей. Притомъ носился слухъ, что Шардонъ получилъ или долженъ получить 10,000 фр. изъ рукъ королевы на учрежденіе заведенія, о которомъ онъ входилъ съ просьбою.

Вѣроятно Ласенеръ пошрѣрилъ этимъ вздорнымъ слухамъ и потому рѣшилъ на убійство Шардона и его матери. Для большей вѣрности онъ хотѣлъ имѣть въ этомъ дѣлѣ двухъ сообщаниковъ и предлагалъ тоже тюремному отпущеннику, по имени Фремару, долю добычи за судѣйствіе, но усомнился ли тотъ въ существованіи 10 тысячъ фр. у Шардона, или возмущала его мысль объ убійствѣ, только онъ отказался.

Пришлось подвизаться вдвоемъ. 14 декабря утромъ Аврилъ и Ласенеръ выѣхали изъ меленькой квартиры, которую дней за десять передъ тѣмъ наняли въ улицѣ Сен-Моръ (на концѣ тампль-окаго предместья), у хозяйки по фамиліи Дюфорѣ. Часовъ въ одиннадцать они зашли позавтракать въ маленькій винный погребокъ у заставы ла-шопинетъ. И тутъ они условились, что кому дѣлать по приходѣ въ квартиру Шардона. Ласенеръ занесся любимымъ своимъ оружіемъ: tiercepoint, трехгранымъ терпугомъ, который былъ заостренъ и отточенъ съ обеихъ концевъ, но изъ предосторожности съ одного конца насаженъ на твердую пробку.

Около часа пополудни оба товарища пришли къ пассажу Cheval-

Возле Ласенеръ спросилъ приратинку, дома ли Шардонъ, и по-лучивъ отвѣтъ утвердительный, поднялся до лестницъ вмѣстѣ съ Аврилемъ; но постучавъ, позвонивъ у дверей, они спустились опять внизъ. Въ пассажѣ они повстрѣчали самого Шардона.

— А мы только что отъ тебя, сказали они.

— Такъ пойдемъ теперь вмѣстѣ, отвѣчалъ Шардонъ.

Входящи въ первую комнату, гости и хозяинъ поговорили съ минутою, — какъ вдругъ Авриль схватываетъ Шардона за горло, а Ласенеръ наноситъ ему ударъ тернугомъ сначала сзади, потомъ спереди. Шардонъ упалъ и барахтаясь на полу задѣлъ ногою шкафъ съ посудой, причѣмъ растворилась дверца. Авриль схватилъ въѣздный тутъ большой молотокъ и довершилъ убійство.

Между тѣмъ Ласенеръ вошелъ въ комнату матери Шардона. Дверь была полуотворена; старуха, больная, лежала въ постели. Онъ наноситъ ей нѣсколько ударовъ тернугомъ въ лицо, въ глаза, въ носъ, и какъ она была уже еле-жива, то опрокинулъ на нее тюфяки, отодвинулъ кровать, чтобы добраться до большого шкафа, въ которомъ, какъ онъ подозревалъ, должны находиться деньги; нашолъ въ немъ пятьсотъ фр. монетою, нѣсколько серебряныхъ приборовъ столовыхъ, большой плащъ и черную шолковую шапку. Убійцы раздѣлили добычу: Ласенеръ взялъ деньги, Авриль въз-надся сбыть серебро; Ласенеръ оставилъ за собой плащъ, Аврилю досталась шапка. Передъ уходомъ они замѣтили подъ стекляннымъ колпакомъ статуэтку Мадонны, изъ слоновой кости, и подлагая, что вещь цѣнная, захватили и ее съ собой.

Въ дверяхъ квартиры, только что Ласенеръ хотѣлъ затворить за собою дверь, двое посѣтителей спросили Шардона. Ласенеръ спокойно отвѣчалъ, что тутъ его нѣтъ, и въ то же время держался за дверь, которая не запиралась, потому что на цорогѣ сбился небольшой коврикъ и препятствовалъ свободному ея движенію. Еслибъ посѣтители заглянули въ эту полурастворенную дверь, они могли бы разглядѣть трупъ Шардона.

Изъ пассажа Шваль-Ружъ убійцы отправились въ кафе Бри-Сажэ (*), знаменитый вертепъ, сборное мѣсто воровъ и иныхъ преступниковъ, на тампльскомъ бульварѣ. Уже Ласенеръ щеголялъ въ плащѣ съ мѣховымъ воротникомъ несчастнаго Шардона, а Авриль въ черной шолковой шапкѣ.

Скоро они замѣтили, что руки у нихъ въ крови. Одежда Авриля тоже была покрыта обличительными каплями. Они зашли въ заведе-ніе «Туреджикъ-Банъ» и тамъ смыли слѣды крови. Потомъ отпра-

(*) Въ французскомъ переводѣ: расхиленный колодезь.

вились объѣдать и такъ славно начатый день окончили въ театрѣ Variétés. Вечеромъ Авриль отправился къ своей любовницѣ, а Ласенеръ возвратился на квартиру въ Сен-Морскую улицу.

Убийство Шардонновъ доставило обонимъ пріятелямъ всего пятьсотъ фр. Правда серебро продано было за 200 фр., но Авриль объявилъ товарищу, что получилъ только 20 фр. отъ лица, взяшагося скрыть вещи до времени. Что касается до статуэтки Мадонны изъ еловой кости, то торговецъ древностей на небрежной Вольтера давалъ за нее 3 фр., и потому Авриль счелъ за лучшее истребить ее, а не пускаться въ ходъ за такую ничтожную сумму облачительную вещь.

Объ убійствѣ узнали только 16 декабря. Одинъ изъ домовыхъ жильцовъ, занимавшій квартиру надъ компанію вдовы Шардонъ, хорошо слышалъ, вечеромъ 14, что-то какъ бы въ родѣ хрипа, но объяснилъ эти звуки урчаніемъ и всхлываніемъ тѣста подъ руками хлѣбонекъ, жившаго въ пассажѣ. Старуха Шардонъ умирала очень медленно. Молодой человекъ, брабанецъ, жившій у Шардона, ворочился въ половинѣ перваго ночи. На стукъ его не отозвались и потому онъ ушелъ ночевать въ другое мѣсто. На другой день публичный писецъ, составлявшій для Шардона прошенія, началъ недоумѣвать, отчего такъ долго невидать его. Наконецъ 16 общій говоръ дошелъ до полицейскаго комиссара: онъ отправился на мѣсто и нашолъ обезображенные, кровавые трупы. Шардонъ лежалъ въ кухнѣ, вокругъ него цѣлая лужа крови; трупъ матери, въ смежной комнатѣ, загромозженъ одѣялами, тюфяками и подушками. Онъ еще не совсѣмъ и остылъ. Возлѣ тѣла валялись окрававленный молотокъ, терпугъ и два ножа, изъ которыхъ одинъ на концѣ сложенъ.

Розыски правительства на первыхъ же порахъ пошла неудачно и вызвали множество бесполезныхъ арестованій.

Убийство Шардонновъ не было цѣлю, а только средствомъ. Преступленіе, совершенное изъ такихъ ничтожныхъ видовъ, упрочивало въ глазахъ Ласенера уснѣхъ болѣе широкихъ замысловъ.

15 декабря на деньги, вырученныя въ пассажѣ, Ласенеръ нанялъ, подъ именемъ Магоссье, небольшую квартиру въ улицѣ Монторсейвъ, № 66, изъ двухъ комнатъ и темнаго кабинета, въ четвертомъ этажѣ. Оба злодѣя водворились тамъ 17-го. Движимость въ квартирѣ была ничтожная, но тѣмъ не менѣе они заплатили за постоя впередъ и назвались студентами права.

Все было подготовлено, и Ласенеръ уже подумывалъ, какъ бы завлечь въ квартиру банкирскаго прикащика... Но въ то самое время Авриль поступилъ неосторожно: 20 декабря онъ способствовалъ по-

быть одной публичной женщины, своей любовницы, которая подлежала заарестованію, была взята и тотчас же отправлена въ Префектуру. Узнавши объ этомъ, Ласенеръ поспѣшилъ на вызвучку пріятеля и самъ чуть не былъ задержанъ.

Такъ какъ Аврий сидѣлъ подѣ замкомъ, надо было прискаты другого подручнаго. Подходило 31 декабря, срокъ платежей: времени терять было нельзя. Онъ обратился къ Батону, портному, а на бездѣльи — фигуранту комической оперы, по преимуществу же вору, тоже побывавшему въ Пуасси. Батонъ отказался, но указавъ Ласенеру на нѣкоего Франсуа, котораго отыскивали по важному дѣлу и который въ настоящемъ положеніи за 20 фр. готовъ былъ зарѣзать человѣка. Стараніями Батона устроено было свиданіе Ласенера съ многообѣщающимъ разбойникомъ.

Этотъ Франсуа (Ипполитъ-Мартенъ) повидимому занимался паркетнымъ мастерствомъ; когда-то былъ солдатомъ въ Алжирѣ; росту довольно высокаго; лицо имѣлъ довольно симпатичное; обрамленное огромными рыжими бакенбардами. Новые знакомые скоро сошлись. 30 декабря Ласенеръ выдалъ Франсуа нѣкоторую сумму денегъ въ видѣ жалованья и рассказалъ ему о двойномъ убійствѣ въ пассажѣ Шваль-Ружъ. Съ своей стороны, Франсуа сознался, что онъ доведенъ до отчаянія и что въ случаѣ необходимости у него рука не дрогнетъ.

Настала пора дѣйствовать. У Ласенера все было наготовѣ въ совершенію ножевой продѣлки: оставалось прибрать достойную жертву. 29 декабря онъ явился къ гг. Малле и комп., банкирамъ въ улицѣ Пуассоньерскаго предшѣстья, № 50; рекомендовался отъ имени г. Морена (зная, что того не было въ Парижѣ), прося дисконтировать вексель на Ліонъ.

Г. Малле сначала затруднился этой операціей, но наконецъ уступилъ убѣжденіямъ Ласенера и согласился принять билетъ въ кассу. Тогда Ласенеръ попросилъ банкира продать и другой билетъ на Парижъ, платежъ по которому слѣдуетъ 31 декабря, взятый на имя Магоссье, ул. Монторгѣйль, у Ліонскихъ банкировъ Пикаръ и Делюшъ.

Съ 23 декабря, Ласенеръ возвратился, подѣ именемъ Имберта, въ свою прежнюю квартиру въ Сен-Морской улицѣ. 31 утромъ онъ вышелъ со двора, съ тростью въ рукѣ и книгою подѣ мышкой. Черезъ нѣсколько часовъ онъ уже основался виѣстѣ съ Франсуа въ улицѣ Монторгѣйль. Фамилія Магоссье заранѣе была написана мѣломъ на дверяхъ, и какъ въ домѣ не было пріятнина (портъ), то во второмъ часу минимій Магоссье спустился изъ квартирѣ главнаго жильца, попросилъ прислать соломы для топчана и объявилъ, что

если придетъ конторщикъ отъ банкира, то чтобы его привели къ нему. Говоря это, Ласенерь преспокойно курить трубку, перелстывая принесенную съ собою книгу.

Въ три часа Женеве, такъ звали конторщика, явится. Хотя сцена была уже заранѣе обдуманъ. Франсуа отперъ наружную дверь, выпустилъ конторщика, и самъ предшествуя, повелъ его въ дальнюю комнату квартиры. Тамъ находилась столъ, на столѣ бумага, чернила, перья и мѣшокъ набитый соломой. Вдругъ конторщикъ почувствовалъ толчокъ сзади, какъ бы ударъ кулакомъ. То Ласенерь ударилъ его своимъ классическимъ терпугомъ и такъ сильно, что желѣзо проникло въ грудь и носнулось легкихъ. Въ то же время Франсуа старался схватить несчастнаго за горло, но взялся за это какъ-то неловко; хотѣлъ всунуть ему въ ротъ пальцы, но тотъ уже успѣлъ заричать караулъ, вырвался и заголоветъ еще громче. Видя опасность, убійцы бросились бѣжать, Франсуа впередъ, Ласенерь за нимъ, тоже крича изъ предосторожности: караулъ! рѣжутъ! Добѣжавши до дверей на улицу, Франсуа быстро приперъ ихъ, въ надеждѣ спасти себя, предавая товарища. Уже нѣкоторые изъ сосѣдей сбѣжались на крикъ, но Ласенерь успѣлъ схватить веревочку, на которой держалась защелка, и въ свою очередь выбѣжалъ на улицу, продолжая кричать: караулъ! рѣжутъ!

Конторщикъ инстинктивно намотавъ на руку ремни своей тяжелой сумки, началъ спускаться внизъ, но отъ сильной боли остановился на лѣстницѣ и упалъ на руки жильцовъ, сбѣжавшихъ на его крики. Къ-счастью молодой человекъ (ему всего было осьмнадцать лѣтъ) раненъ былъ не опасно. Но смотря на глубину раны, онъ черезъ нѣсколько дней выздоровѣлъ. Въ тотъ день, когда явился онъ къ Магоссье-Ласенеру, при немъ было въ сумѣ 1200 франк. монетою и 12,000 франк. билетами въ портюель.

Дѣла не удалось; убійцы побѣжали разными дорогами изъ заранѣе условленному мѣсту встрѣчи, а именно къ Батону, въ улицу Лавира. Ласенерь пришелъ первый. Батона не было дома. Ласенерь, въ ожиданіи его прихода, зашелъ въ кабинетъ для чтенія. Нѣсколько спустя пришелъ и Франсуа, въ одно время съ Батовомъ. Когда Ласенерь возвратился изъ бібліотекки, Франсуа былъ пораженъ изумленіемъ.

— Ну, сердечный другъ, сказалъ онъ, вѣдь право я думалъ что тебя задержали.

— Если это не случилось, отвѣчалъ Ласенерь, то ужъ конечно не по твоей милости.

Послѣ неудачнаго покушенія обезрасть родственницу Франсуа, жившую въ Мсен, Ласенерь и помощникъ его поселились въ улицѣ

Темпльскаго предіѣстья № 107, у Симона Шако, пускаршаго жильцовъ, человека сомнительнаго свойства, о которомъ шла недобрая слава. Франсуа записался подъ именемъ Физальё, Ласенерь назвался Батюромъ. Такъ какъ большія предиріятія не удавались, то оставалось пуститься на мелкія. 4 января Ласенерь при помощи Франсуа позвѣтилъ въ магазинъ Ришу, въ улицѣ Ришальё, № 8, столовые часы.

Это было послѣднимъ дѣломъ сообща. 6 и 7 января они оставили квартиру Шако и разстались. Теперь мы встрѣтимъ Франсуа уже въ Пуасси, куда завезли его новыя преступленія. Что касается до Ласенера, то онъ выѣхалъ изъ Парижа, страствовалъ по провинціямъ, ознаменовывая путь своей подлогами и кражами; на нѣсколько дней завернулъ въ Парижъ, опять выѣхалъ и 2 февраля арестованъ въ Бонвѣ (Beaune) за подлогъ, учиненный подъ имя Якова Леви.

Полиція все еще безуспѣшно разыскивала виновниковъ убійства въ пассажѣ Шваль-Ружъ и покушенія на убійство въ улицѣ Монторгейль, а они всѣ трое уже были задержаны. Вдругъ провѣсса слухъ, что одинъ изъ арестантовъ пуассійской тюрьмы сообщилъ свѣдѣнія объ убійцахъ Шардоновъ и Женерё. Этотъ арестантъ былъ Франсуа, который не былъ узнавъ на очевидныхъ ставкахъ, Франсуа называлъ Ласенера, а этотъ Ласенерь былъ не кто иной, какъ Галльяр-Віале, по рестранъ Пуасси, Яковъ Леви по свѣдѣніямъ боевой полиціи.

Съ своей стороны Авриль внезапно прислушался полиціи къ отысканію Ласенера.

— Я знаю его, говорилъ онъ г. Аллару, начальнику управленія по предмету безопасности города Парижа; я сидѣлъ съ нимъ въ Пуасси; на меня онъ рассчитывалъ, замышляя убійство въ Монторгейльской улицѣ.

— Какъ! спросилъ г. Алларъ, и ты Авриль тоже людей рѣжешь?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, проливать кровь не по моей части: мнѣ предстояло только надѣть смоляную маску на лицо кассира и тѣмъ временемъ обобрать его.

Авриль предложилъ заарестовать Ласенера; объявилъ, что въ Куртильё онъ навѣрно его найдетъ, и вызывался на поиски, съ тѣмъ, чтобъ на то время ему была дана свобода. Г. Алларъ дѣйствительно предоставилъ ему производить поиски по видимому на свободѣ, но само-собой разумѣется, за арестантомъ бдительное слѣженіе. Авриль ничего не отыскалъ.

Но Франсуа, который до того говорилъ только какъ нескромный и болтливый свѣдѣтель, дѣлалъ теперь желаніе объясниться съ

г. Алларомъ. Онъ такъ нетерпѣливо ожидалъ этого свиданія, что даже написалъ: «Если вы не придете, то я обращусь къ свѣдѣтельному суду». Г. Алларъ, призвалъ арестанта, и тотъ объявилъ ему: — Я неприкосновененъ къ дѣламъ Шардона и Женевѣ, но Ласенеръ мнѣ признался: онъ убилъ Шардоновъ — сына и мать.

Г. Алларъ не замедлялъ вызвать Ласенера и предъявлялъ ему вouchés свѣдѣнія. Тотъ приполъ повидимому въ сильное негодованіе. — Такъ такъ-то, сказалъ онъ, меня выдаютъ мои же товарищи и соучастники! Хорошо! Теперь, если вы дадите обѣщаніе не открывать источника свѣдѣній, которыя я вамъ сообщу — вы все узнаете. — Судя потому, что уже извѣстно, ваше дѣло довольно ясно. — Знаю, отвѣчалъ Ласенеръ, улыбаясь. — Вы обвиняетесь въ составленіи значительнаго числа подмоговъ. — Ну, объ этихъ дѣлахъ нечего и говорить: сильное беретъ верхъ надъ слабымъ. — У васъ безъ сомнѣнія были сообщники; въ видахъ интересовъ общества ихъ должно назвать. Я буду говорить съ вами напрямикъ, безъ обиняковъ; притомъ вы знаете, что таковъ мой обычай. — Знаю, г. Алларъ, что вы дѣла производите благородно и добросовѣстно. — Если я буду въ состояніи сдѣлать для васъ что-нибудь, разумѣется безъ нарушенія обязанностей на мнѣ лежащихъ, я все сдѣлаю. — Въ такомъ случаѣ я теперь же прошу васъ оказать мнѣ снисхожденіе. — Будетъ оказано, если только это возможно! — Я обремененъ цѣпями; но такъ какъ я бѣжать не намѣренъ, то прикажите снять ихъ съ меня. — Даю вамъ слово, что всѣ подлежащія шфры будутъ къ тому приняты.

Просьба Ласенера, по представленію и настояніямъ г. Аллара, была исполнена, и арестантъ остался тѣмъ очень довольнъ. Съ этого дня онъ началъ мало по малу давать показанія, которыя безпрерывно пополнялись и обнаружили соучастіе Аврѣля и Франсуа. Ласенеръ пошелъ далѣе: г. Алларъ завелъ рѣчь о покушеніи на убійство дѣвочки Жавоттъ, торговки на Сен-Жакскомъ рынкѣ. Ласенеръ простодушнo сознался, что это его работа, что онъ изъ опасенія, чтобъ эта дѣвушка, торгующая краденными вещами, не впутала его въ дѣло, зазвалъ ее къ себѣ и хватилъ тертугомъ. Уларъ приполся какъ разъ въ ожерелье, бывшее на несчастной... Ласенеръ такъ се и оставилъ отъ страха ни живу ни мерту и дѣвушка не рѣшилась объявить о приключеніи. А Ласенеръ спокойно вышелъ со двора и отправился по близости сыграть партію на бильярдѣ. 1 января 1835, т. е. на другой день послѣ покушенія на убійство Женевѣ, Ласенеръ встрѣтилъ помянутую Жавоттъ, вышла отъ Маньи, и выпилъ съ нею въ погребкѣ.

Эти бесполезныя признанія, точность показаній Ласенера о мно-

дѣствіе совершенныхъ имъ кражъ, все приводило къ убѣжденію, что скванное имъ относительно убійствъ въ пассажѣ Шваль-Ружъ и въ улицѣ Монторгейль не подлежитъ сомнѣнію. Впрочемъ слѣдствіе уже исторгло у Франсуа и Авриля кой-какія полупризнанія. Авриль пытался выгородить себя, спутывая числа и мѣста своего пребыванія, но безуспѣшно. Франсуа принужденъ былъ сознаться, что замыслы Ласенера были ему извѣстны. Оба соучастника растерялись, спотыкались въ показаніяхъ, безпрестанно противорѣчили сами себѣ. Арестанты въ Пуасси, которымъ Франсуа сдѣлалъ неосторожныя признанія, были спрошены. Двое показали, будто Франсуа говорилъ, что 30 декабря, наканунѣ приключенія въ Монторгейльской улицѣ, онъ ночевалъ у Галлара (Ласенера) и видѣлъ у него кинжалъ. Легко удостовѣрились, что въ день совершенія преступленія Франсуа носилъ большія рыжія бакенбарды, которыя вскорѣ потомъ обрѣзалъ. Наконецъ старшій приставникъ Пуассійской тюрьмы, Куанье (въ протоколахъ засѣданій произведенный въ директоры) показалъ, что когда объявили Франсуа о препровожденіи его въ Парижъ, онъ неблѣднѣлъ, задрожалъ и коснувшись шеи произнесъ: «Теперь я погибшій человекъ! Знаю, что меня ожидаетъ».

Всѣ трое обвиняемые помѣщены были въ тюрьмѣ La Force; но вслѣдствіе необычайно важныхъ показаній своихъ, Ласенерь былъ предметомъ особеннаго вниманія и попеченія. Его помѣстили въ больницѣ, снабжали и деньгами. Когда Франсуа узналъ о такомъ исключительномъ положеніи Ласенера въ тюрьмѣ, глаза его налились кровью и онъ вскричалъ въ бѣшенствѣ: «Морзавецъ! онъ покупаетъ эти удобства цѣною своей и моей головы.» Затѣмъ, перелезавши все, что попало ему подъ руку, онъ впалъ въ совершенное уныніе и заплакалъ. Франсуа поднялъ всѣхъ арестантовъ на Ласенера. Авриль, котораго соучастіе дознано вполнѣ изъ показаній дѣвки Бастьенъ, любовницы нѣкоего Фрешара (см. выше), разгласилъ арестантамъ, что Ласенерь выдаетъ тайны товарищей и получаетъ за то по десяти франковъ въ недѣлю. Въ тюремной залѣ, гдѣ обыкновенно грѣются арестанты, выставлено было объявленіе, гласившее: «Авриль, низведенный изъ Бисетра признаніями Ласенера.» Во дворѣ арестанты напали на Ласенера и по знаку, подавшему стоявшему у окна въ четвертомъ этажѣ Франсуа, вешадно избили его, повалили и чуть не раздробили ему головы камнями, вышутыми изъ мостовой.

Его высвободили изъ разъяренной толпы и вскорѣ за тѣмъ перевели во флигель долговыхъ арестантовъ. А онъ послѣдовательно и спокойно продолжалъ дѣло мести своимъ сообщникамъ-предателямъ. Онъ боялся собственно только скуки и опасностей...
2

димому его гораздо болѣе занимали мелочи, процессныя неудобства, нежели страшныя и неизбежныя послѣдствія его преступленій, роковая развязка процесса. Онъ находилъ, что судъ идетъ слишкомъ медленно. Эти проволочки его утомляли. Ему ненавистно было выйти на очную ставку съ Жермономъ, дождь въ преступленіяхъ, изъ опасенія, что ставка эта вызоветъ пренія, которыя повлекутъ къ заключенію его въ самой тюрьмѣ. Онъ хотѣлъ *проежить спокойно до близкаго срока его жизни.*

Его стоическія выходки, безмятежное спокойствіе, холодная логика пріобрѣли ему извѣстность и за стѣнами тюрьмы. Озланивала и тревожила многихъ эта нравственная проблема, а онъ охотно сообщалъ дамамъ о натурѣ своей, которую любилъ выставлять какъ исключительную.

Будучи въ La Forge, Ласенеръ держалъ при себѣ козенка; животное какъ-то сдѣлало маленькую неприятность на его постели; онъ такъ ударилъ его объ зомь, что бѣдная тварь тутъ же и задыхалась. «И смотрѣлъ, говорилъ онъ, на агонію животнаго съ участіемъ и состраданіемъ, какого никогда мнѣ не внушали мои жертвы. Видъ трупа, агоніи обыкновенно не производятъ на меня никакого впечатлѣнія. *Убить человека для меня тоже, что выжить стада свиней.*»

Литературныя претензіи преобладали въ немъ надъ всѣми прочими. За нѣсколько дней до открытія по его дѣлу засѣданій ассизнаго суда, неожиданный случай пробудилъ его тщеславіе, и австрское самолюбіе перетянуло даже самолюбіе героя судейско-уголовной драмы, которая начинала разыгрываться.

6 ноября знаменитый книгопродавецъ Пашьеръ, остроумный журналистъ Альтарошъ и типографщикъ Герганъ явились въ ассизный судъ, какъ обвиненные въ изданіи сборника предсудительныхъ пѣсень, сочиненныхъ Ласенеромъ, напечатанныхъ въ разныхъ издавіяхъ и газетахъ парижскихъ и провинціальныхъ. Гг. Альтарошъ и Герганъ были признаны не виновными, Пашьеръ приговоренъ къ наказанію наименьшей степени: къ шести мѣсячному заключенію и 500 фр. штрафа.

Рѣшительно Ласенеръ становился львомъ въ общественномъ мнѣніи. Разносили повсюду каждое его словечко, изумлялись его эффектнымъ теоріямъ. И онъ, довольный такимъ успѣхомъ, рождался и пользовался дарованною ему тюремнымъ начальствомъ полусвободою для расширенія круга своихъ поклонниковъ.

Утромъ 7 ноября Ласенеръ пришелъ въ одну изъ большихъ комнатъ. Тамъ собралось много писателей, юристовъ, врачъ и др. Ласенеръ присѣлъ подлѣ каминна, толковалъ о литературѣ, морали,

политикѣ, религіи. Меткость и находчивость въ сужденіяхъ, твердая, обидчивая память его изумила участвовавшихъ въ разговорѣ.

«Въ политикѣ, какъ и въ игрѣ, говоритъ онъ, можно быть или одураченнымъ или плутомъ.» — Но, возразили ему, существуютъ люди, способные къ самоотверженію, готовые умереть за отстаиваемую ими идею. — Чтожъ въ этомъ удивительнаго? спросилъ Ласенеръ. Политики — страсть поглощающая, какъ и всѣ страсти, а за страсть платятся и головою.

Разговоръ принялъ другой оборотъ. Завели рѣчь о религіяхъ новѣйшаго времени. Надо припомнить, что въ тѣ года во Франціи не было въ нихъ недостатка. Сенсимонисты, тампліеры и дѣсныя многіе были разобравы. — Я раздѣлю мнѣніе тампліеровъ, сказалъ Ласенеръ, о переселеніи души во всѣ тѣла природы. Развѣ начало, одушевляющее всѣ органическія существа, не можетъ, отъ живого существа перейти въ грубую матерію, пребывать въ ней, сообщая ей на вѣкоторое время своего рода жизнь, а тамъ перейти въ другія тѣла, и все это не можетъ ли совершаться не по неизмѣннымъ законамъ, а случайно, непредѣльно во времени и пространствѣ?

Ласенеръ съ особымъ удовольствіемъ развивалъ эту систему пантеистической и матеріалистической философіи, стараясь доказать присущность жизни, чувствительности, можетъ быть и ума во всякомъ органическомъ существѣ, даже во всякомъ сложномъ тѣлѣ, напр. въ камнѣ...

— Безорудное тѣло, замѣтилъ бывший тутъ врачъ, не можетъ жить, чувствовать и мыслить. Чувствительность возможна только въ живыхъ органическихъ тѣлахъ, въ которыхъ всѣ впечатлѣнія идутъ къ общему центру, который приемлетъ ихъ и обращаетъ въ ощущенія; преранте сообщенія — и остановится передача впечатлѣній мозгу, не станеть чувствительности, замолчатъ ощущенія. Такіе примѣры представляютъ намъ апоплексія и послѣдующая за ней парализія. Напрасно будете вы рѣзать, жечь парализованный членъ, — впечатлѣнія уже не передаются мозгу, индивидуумъ ничего не чувствуетъ. *То же явленіе представляетъ человекъ, которому отрубилъ голову...*

Тутъ докторъ остановился; диспутанты какъ бы очнулись; это слово вслѣдствіе всѣхъ опомнилось! Съ невольнымъ трепетомъ взглянули они на эту голову, напередъ-обреченную гильйотинѣ. А Ласенеръ также спокойно, попрежнему, слегка улыбадся...

Изъ больничной приемной Ласенеръ прошолъ въ больничную палату. Тамъ возлѣ его постели лежалъ молодой человекъ, жертва злой легочной чахотки, порожденной самымъ постыднымъ развра-

томъ. Странное сближеніе двухъ приговоренныхъ къ смерти: одинъ блѣдный, измозженный, съ каждымъ взрывомъ кашля выѣсть съ ключьями легкихъ изрыгающій остатки жизни, другой свѣжій, румяный, крѣпкій! — Ласенерь, сказалъ чахоточный, мнѣ очень жаль, что я не на свободѣ; не удастся мнѣ увидѣть твоей казни. А какъ бы хотѣлось посмотрѣть: такъ ли бодро и удало какъ теперь будешь ты поглядывать, всходя на *Карлушкву лисенку* (*). — Могу тебя въ томъ увѣрить, спокойно отвѣчалъ Ласенерь; какъ самый виновный, я буду казненъ послѣдній, и потому чередъ смерти увижу еще казни моихъ сообщниковъ.

Съ такимъ человѣкомъ не было надобности стѣсниться. Поэтому одинъ изъ посѣтителей приемной залы заговорилъ съ Ласенеромъ о его злодѣяствахъ и объ ожидающей его карѣ. Тогда-то завязался оригинальный разговоръ, въ которомъ Ласенерь обнаружилъ замѣчательную гибкость ума и даръ изложенія.

— Ласенерь, вы человѣкъ не-заурядъ, вы надѣлены къ несчастію огромными умственными способностями. Какимъ образомъ собственный вашъ разумъ не протестовалъ противъ нагубныхъ побужденій?

— Въ жизни моей былъ случай, въ которомъ не было для меня другого исхода, кромѣ самоубійства или преступленія.

— Отчего жъ вы не наложили на себя руки?

— Я задалъ себѣ тогда вопросъ: жертва ли я самого себя или жертва общества? и пришелъ къ убѣжденію, что я жертва общества.

— Таково разсужденіе всѣхъ преступниковъ.

Ласенерь не отвѣчалъ.

— Но если бы и дѣйствительно вы были жертвой общества, отчего же вы направляли свои удары только на невинныхъ?

— Это правда, и мнѣ жаль тѣхъ, которыхъ я убилъ, но они были обречены гибели, потому что я рѣшился идти противу всѣхъ.

— И такъ вы составили систему поголовнаго убійства?

— Да, я взбралъ ее, какъ средство самосохраненія и упреchenія собственного существованія.

— Естественнѣе допустить, что человѣкъ, доведенный до крайности, рѣшается совершить одно преступленіе для исхода изъ бѣствія; но вы убивали для того, чтобы цѣною крови устраивать оргіи. Скажите, Ласенерь, испытали ли вы когда-нибудь нечто въ родѣ нравственной лихорадки, френетической, припадочной потребности убійства и наслажденія совершать его?

(*) Escalier de Charlot.

— Нѣтъ.

— Следовательно вы все это дѣлали равнодушно, какъ бы устроивали коммерческую сдѣлку?

— Да.

— Если бы вы по природѣ не были жестоки, какимъ образомъ могли вы задушить всякое чувство?

— Человѣкъ всегда поступаетъ по своему изволенію. Я не жестокъ, но средства должны соответствовать цѣли... сдѣлавшись убійцей по системѣ, я долженъ былъ отречься отъ всякой чувствительности.

— Такъ васъ никогда не мучили угрызенія совѣсти?

— Никогда.

— Никогда болѣзнь не забиралась къ вамъ въ душу?

— Нѣтъ. Я зналъ, что голова моя идетъ ставкой въ этой игрѣ. Я никогда не рассчитывалъ на безнаказанность; дѣйствительно есть нечто, чего нельзя отвергать—это справедливость, потому что *основаніемъ обществу служитъ порядокъ*.

— Но чувство справедливости — не та же ли совѣсть?

— Только не вызывающая угрызеній.

— Я не понимаю одного безъ другого. Мысль о смерти не ужасаетъ васъ?

— Нисколько. Умереть сегодня или завтра, отъ нервнаго удара или отъ удара топора, не все ли равно? Мнѣ тридцать пять лѣтъ, но я пережилъ свыше срока человѣческой жизни, и вида стариковъ, влечущихъ жалкое существованіе, угасающихъ въ медленной, мучительной агоніи, я убѣдился, что лучше покончить съ жизнью *однимъ взмахомъ*, при полномъ обладаніи силами и способностями?

— Еслибъ въ настоящую минуту вы имѣли случай въ избѣжаніе позора и ампюта лишить себя жизни, воспользовались бы вы имъ?

— Нѣтъ. Будь у меня даже самый сильный, я все-таки не принялъ бы его. Притомъ гильотина не одинъ ли изъ лучшихъ ядовъ? Было время зарѣзаться, не начиная рѣзать другихъ. Сдѣлавшись убійцею, я созналъ, что между мною и ампютою заключенъ ненарушимый договоръ, что жизнь моя принадлежитъ не мнѣ, а закону и наладу.

— И такъ вы смотрите на предстоящую казнь, какъ на экзаминацію, какъ на искушеніе своихъ злодѣлій?

— Нѣтъ, какъ на естественный результатъ предшествовавшаго, какъ на расчетъ по игрѣ.

— Что за логика! Неужели вы думаете, Ласенеръ, что съ этой жизнью все кончено?

— Вот о чем я никогда не думалъ.

— Надѣетесь вы выдѣржать характеръ; не обнаружите слабости до послѣдней минуты?

— Я полагаю, что эшафотъ не смутитъ меня. Казнь заключается не столько въ механической совершеи ея, сколько въ ожиданіи и нравственной агоніи, ей предшествующихъ. Притомъ я вѣдую надъ своимъ воображеніемъ и создаю новый міръ, собственно для себя... Если я захочу, то не подумаю о смерти до встрѣчи съ нею.

Послѣ минутнаго молчанія, Ласенеръ прибавилъ: «*Какъ вы думаете, будутъ меня презирать?*»

— Такой человекъ, какъ вы, внушаете только ужасъ.

— И дѣйствительно, почета я ожидаю только отъ людской ненависти! По своимъ понятіямъ одного перенести дѣйствительно невозможно: *презрѣнія другихъ и самопрезрѣнія.*

Сказавши эти слова, Ласенеръ налилъ себѣ вина и примолвилъ съ улыбкою: это не фалервское. Это не

Nata tecum consule Manlio.

Слѣдствіе однако подвигалось. Ласенеръ, постоянно снѣшившій покончить, боялся, что сочетаніе дѣлъ Шардона и Женевѣ вызоветъ отиѣну первоначальнаго приговора. Переносъ дѣла въ другой судъ, возобновленіе процесса, вся эта слѣдственно-судебная, вѣстиво-скучная возня пугала его. Онъ нетерпѣливо ждалъ того дня, когда поставятъ его лицомъ къ лицу съ его соучастниками и сокрушитъ онъ ихъ своей рѣчью и лишитъ всякой возможности оправданія. «Они меня погубили; говорилъ онъ; надо же и отметить.»

Долго-жданый день насталъ. 12 ноября открылись засѣданіи Сенскаго ассизнаго суда, подъ предсѣдательствомъ совѣтника Дюлюи. Г. Партарвѣ-Лафоссъ назначенъ былъ обвинителемъ. На предложеніе избрать себѣ адвоката Ласенеръ отказался, и потому для защиты его былъ назначенъ отъ правительства г. Брошанъ. Г. Лапю и Бидано прѣдоставлена защита прочихъ обвиненныхъ. Лапю былъ соученикъ Ласенера въ Аліксской семинаріи.

Не зная, что Ласенеру назначенъ будетъ оффиціальнѣйшій защитникъ; старшій профессоръ этой семинаріи, съ которымъ онъ уже упоминали, Реффе-де-Люзиньявъ; по старой памяти и сочувствію къ любимому ученику, представилъ ему молодого адвоката, который желалъ начать карьеру дѣломъ значительнымъ. «Накъ тутъ рѣшится, отвѣчалъ Ласенеръ, и не помышлю о защитѣ. Одиъ изъ этихъ господъ назначенъ предсѣдателемъ суда, а другой при

всемъ его ршеніи, не можетъ вѣзаться за мое дѣло безъ согласія перваго. Пусть они уговорятся, а же какъ Пилать «умываю руки» въ этомъ случаѣ.

Пока тянулся процессъ, молодой адвокатъ, заинтересованный дѣломъ Ласенера, опасно захворалъ. Во время болѣзни его непрестанно занимала мысль о несчастномъ, котораго не удалось ему отстаивать предъ судомъ. «Увы, говорилъ онъ, кажется я посиѣю туда прежде него.» Предчувствіе его сбылось: онъ умеръ въскольکو дней спустя послѣ произнесенія приговора. Ласенерь, услышавъ о его смерти, философски замѣтилъ: «Чтожь? видите ли: рано или поздно надо же туда отправиться. Конечно прежде достиженія онъ много выстрадалъ, а буду страдать менѣе, въ этомъ я увѣренъ.»

Всеобщій говоръ объ этомъ странномъ дѣлѣ, многочисленность обнаруженныхъ преступленій, слухи объ интересной личности главнаго преступника, все это заранѣе расшевелило любопытство публики. Элегантныя дамы заняли стулья и даже скамьи въ присутственной залѣ. Молодые адвокаты во множествѣ тѣснились по обѣимъ сторонамъ ассизнаго стола. Когда ввели обвиняемыхъ, взоры всѣхъ устремились на Ласенера, который вошелъ, улыбаясь, и сѣлъ съ выраженіемъ самодовольства. Благородная осанка, безукоризненный покрой платья, свѣжес, молодое лицо, маленькіе усики, кокетливо-подстриженные по послѣдней модѣ, всѣ эти внѣшніе мелочные признаки рѣзко противорѣчили съ грозными обвиненіями и съ внѣшностью двухъ другихъ обвиненныхъ. Авріль и Франсуа съ виду были похожи на простыхъ работниковъ. Первый казался очень унылымъ, второй сидѣлъ неподвижно, потупя голову. Можно было притомъ замѣтить особенныя небывалыя предосторожности, принятыя для предупрежденія стычки между обвиненными. Стража была удвоена и позади каждаго изъ нихъ сидѣло по два полицейскіихъ агента; которые слѣдили за ихъ движеніями.

Занявшій мѣсто, Ласенерь тотчасъ завелъ разговоръ съ адвокатомъ, часто прѣрываемый улыбкой. Онъ показывалъ ему многія бумаги съ видомъ чловѣка совершенно посторонняго, которому даже неизвѣстенъ предметъ востоящаго засѣданія.

Греффе прочелъ записку о всѣхъ въ совокупности преступленіяхъ, въ которыхъ обвинялся Ласенерь, и потому отдѣлено о преступленіяхъ двухъ предполагаемыхъ его сообщниковъ. Затѣмъ послѣдовало чтеніе протокола о вереностъ дѣла въ судѣ и двухъ обвинительныхъ актовъ. Документы эти не содержатъ въ себѣ ничего новаго для читателя; притомъ въ нихъ вкрались многія ошибки, но некомпетъ произведеннаго слѣдствія. Достаточно сказать, что на Ласенера возводилось тридцать обвиненій по различнымъ дѣламъ.

Обвинительный актъ оканчивался слѣдующими словами :

« Все вышеизложенное свидѣтельствуесть о томъ , какъ быстро, начиная съ 1829, преусиѣвалъ онъ на преступномъ поприщѣ; впрочемъ , основываясь на данныхъ , обнаруженныхъ другими , вынѣ производящимся слѣдствіемъ о дѣлахъ Ласенера , прописанное въ настоящемъ актѣ составляетъ одинъ изъ наименѣ ужасныхъ эпизодовъ его жизни. »

Долго тянулось чтеніе бумагъ. Впродолженіе всего этого времени Ласенеръ пребылъ совершенно спокоенъ. Изрѣдка только подергивало его , когда замѣчалъ онъ ошибки , въ которыя впади слѣдователи, но всего болѣе — когда неуважительно отзывались о его литературныхъ произведеніяхъ. Впрочемъ стереотипная улыбочка не сходила съ его лица , даже когда читали о самыхъ крупныхъ его злодѣйствахъ. Когда рѣчь пошла о его сообщникахъ , онъ насѣшливо посмотрѣлъ на нихъ. Настроеніе Авриля и Франсуа было совсѣмъ иное. Они смотрѣли свирѣпо , а по временамъ впадали въ цѣльное отчаяніе.

Когда чтеніе кончилось , Ласенеръ провелъ рукою въ волосахъ и пока дѣлали переключку сорока-деяти свидѣтелей , онъ завелъ вполголоса пріятельскій разговоръ съ жандармомъ , сидѣвшимъ позади его.

Приступили къ допросу главнаго изъ обвиняемыхъ , Ласенеръ облегчилъ председателю его обязанность. Онъ самъ показаніями своими опережалъ вопросы , отвѣты давалъ какъ нельзя болѣе отчетливые. Замѣтны были въкоторыя недомолвки только на тѣ вопросы , которые касались лицъ еще не замѣщенныхъ въ дѣло. Но когда спросили его о приготовленіяхъ къ убійству въ пассажѣ Cheval-Rouge, онъ бойко отвѣчалъ :

— Роли , какъ были розданы , такъ и разыграны. Авриль двинулъ за гордо Шардона , а я между-тѣмъ нанесъ ему ударъ. Такъ какъ раненый еще отбивался , то Авриль схватилъ молотокъ и добилъ его.

Вопросъ. Нанесли вы Шардону нѣсколько ударовъ ?

Отвѣтъ. Да.

В. Упалъ онъ сразу ?

О. Нѣтъ , я ударилъ его нѣсколько разъ , онъ поскользнулся вдоль кровати и — Авриль покончилъ съ нимъ.

В. Нанесъ онъ молоткомъ нѣсколько ударовъ ?

О. Да. Когда я увидѣлъ , что Авриль кончаетъ , я отправился въ комнату старухи , нанесъ ей нѣсколько ударовъ и ; замѣтивъ , что она биться не въ состояшии , выворотилъ потолокъ.

В. Аврилъ помогалъ вамъ въ этомъ убійствѣ?

О. Нѣтъ, я самъ управился.

Когда рѣчь дошла до взлома шкафа, Ласенерь четко и внятно разсказалъ всѣ малѣйшія подробности. Голосъ у него твердый, выраженія на подборъ техническія. Съ такимъ же хладнокровіемъ показавъ онъ и о заходѣ въ турецкія бани, о спектаклѣ въ «Variétés». Какъ только председатель спутается, смѣшаетъ обстоятельства, сопровождавшія различныя преступленія, Ласенерь выводитъ его на вѣрный путь съ утонченнѣйшею любезностью.

В. Въ которомъ часу совершено было убійство въ пассажѣ?

О. Въ часъ безъ пяти минутъ (движеніе въ залъ). Было часъ у церкви св. Николая, когда я взламывалъ шкафъ.

Одинъ изъ свидѣтелей подтвердилъ внослѣдствіи, что въ комнатѣ вдовы Шардонъ можно было разслышать бой часовъ ближней церкви.

Ту-же отчетливость, то-же хладнокровіе обнаружилъ Ласенерь и при разспросахъ о другихъ покушеніяхъ на убійство и кражу, нами уже изложенныхъ.

Допросъ Аврिला имѣлъ совершенно иной характеръ. Обвиняемый блѣденъ, смущенъ. Онъ отвергаетъ рѣшительно все; по его словамъ, квартиру въ улицѣ Монторгёйль нанялъ онъ на свою долю изъ денегъ, заработанныхъ въ Шуасси. Ласенерь тутъ, и внимательно слушаетъ отвѣтъ Аврила. Онъ повторяетъ свои страшныя показанія, и когда председатель сдѣлалъ замѣчаніе, что Ласенерь обвиняетъ одного себя въ убійствѣ вдовы Шардонъ и что послѣ такого нелицепріятнаго признанія нельзя не дать вѣры его показаніямъ, Аврилъ подхватилъ: *комедию корчитъ!*

Этотъ естественный взрывъ чувства вызвалъ приливъ ярости въ Ласенерь.

Послѣ этого допроса, Ласенерь, до того хранившій строгое молчаніе относительно Батона, впервые показалъ: что Батонъ тотъ самый молодой человѣкъ, который отказался отъ *аферы* въ Монторгёйльской улицѣ и свелъ его съ Франсуа. Это была подготовна къ допросу Франсуа.

Франсуа объявилъ, что Ласенера знаетъ только съ 1 января. Отъ неосторожныхъ словъ, сорвавшихся у него въ Шуасси при сборницѣ арестантовъ, отрекся. У Мавъи до 1 января съ Ласенеромъ не ночевалъ. Председатель напомнилъ ему, что на предшествовавшемъ допросѣ онъ сознался, что ночевалъ у Мавъи 31 декабря, вмѣстѣ съ Батономъ, то есть Ласенеромъ. Ласенерь опять впадаетъ въ ярость; прямо объявляетъ самыя мелочныя подробности обо всемъ, что происходило въ эту ночь, проведенную

нмъ виѣстѣ съ Франсуа. Франсуа, доведенный до отчаянія, кричитъ: «о, ч... в..., *господи*хъ Ласенеръ человекъ учевый, этотъ человекъ умѣетъ оправдываться!.. Онъ одинъ стоитъ дороже десятирѣкъ такихъ, какъ я... потомучто я ни читаю, ни пишу не умѣю. Это человекъ, который, какъ говорилъ г. Алларъ, можетъ выворотить меня на изнанку, какъ перчатку.» Ласенеръ заливается хохотомъ.

Такъ окончилось первое засѣданіе суда. Выходя изъ залы, Ласенеръ сказалъ съ нѣкоторымъ фатовствомъ и самодовольствомъ: «не могу же я исполнять должность генеральнаго адвоката въ засѣданіи. Судебныя власти все мнѣ предоставили.»

На другой день, 13 ноября, начался спросъ свидѣтелей. Опытные врачи заключали по числу и свойству ранъ, что убійство въ пассажѣ совершено было по-крайней-мѣрѣ двумя лицами. Опробованный терпугъ съ рукояткою давалъ поводъ полагать, что убійца, нанеся жестоко-сильный ударъ, поранилъ при этомъ и себя. Ласенеръ объявилъ, что предположеніе основательно. Алларъ возопилъ, что такого подтвержденія недостаточно. Ласенеръ, внимательно читавшій № «Здраваго Смысла», показываетъ шрафъ на рубѣ и продолжаетъ читать съ видомъ человека, которому помѣшала изъ-за пустяковъ. Одинъ изъ врачей объявлялъ, что на обонятрूपяхъ найдены нмъ слѣды *рѣзущаго* орудія. Ласенеръ отвѣчалъ: «Ножа не употребили, ограничились терпугомъ.» Но предсвидѣтель настаиваетъ на дѣйствительности замѣчанія врача.

Ласенеръ (*спокойно*). Я все помню, какъ нельзя лучше. Вдова Шардонъ убиты безъ пособія ножа; въ этомъ я твердо убѣжденъ. Никто кромѣ меня не притронулся къ старухѣ; я же отходилъ отъ нея ни на минуту. Согласитесь, что для меня нѣтъ никакого расчета... Нѣсколько спустя Ласенеръ вляется въ судебное-медицинское иреніе о вышеупомянутомъ ножѣ. Невозможно допустить, чтобъ такое крѣпкое орудіе сломилось объ кость. «Притомъ замѣтите, обломленный конецъ ножа найденъ на постелѣ, а еслибъ ножъ надломился объ кость, то кончикъ остался бы въ ранѣ.»

Г. Алларъ изложилъ всѣ факты, намъ уже извѣстные. Спрашиваютъ у свидѣтеля, дѣйствительно ли Ласенеръ давалъ показанія для полученія денегъ? Свидѣтель отвѣчаетъ, что помеченія, которые слыты объ Ласенерѣ, объявляются важностью его показаній, а мѣра эта совершенно въ порядкѣ вещей. Ласенеръ, пользуясь этимъ случаемъ, открыто объявляетъ, что разоблачающія дѣла показанія оны слѣдали изъ нести, когда увидѣлъ, что его вывели.

Квартирная хозяйка *Дюборн* сначала утверждала, что Ласенеръ почевалъ у нея въ ночь 31 декабря. Ласенеръ доказываетъ, что она

ошибается, что онъ ушелъ въ тотъ день утромъ изъ своей квартиры.

Възвѣдъ Фрешара. Появленіе его возбуждало въ присутствующихъ живое любопытство. Показаніе этого человѣка имѣетъ большое значеніе для Авриля. Свидѣтелю двадцать-девять лѣтъ. Онъ почти слѣпъ и приговоренъ къ тяжкимъ работамъ. Приличная вѣнность и изящный способъ выраженія внушаютъ къ нему участіе, особенно въ женской половинѣ публики. Какъ приговоренный къ нозорному наказанію, онъ не можетъ быть спрошенъ подъ присягою, но председатель тѣмъ не менѣе предлагаетъ ему объявить все, что знаетъ по сущей справедливости.

Фрешаръ. Такъ я и буду говорить, мм. гг., и надѣюсь, вы убѣдитесь, что слова мои внушены не тщаніемъ и не ненавистью. Для большей ясности моихъ показаній я долженъ начать съ событій, предшествовавшихъ двойному убійству.

Ласеверъ дѣлаетъ одобрителный знакъ головою, какъ артистъ, довольный игрою своего собрата по искусству.

Фрешаръ продолжаетъ: «въ 1832 я находился въ Пуасси, будучи приговоренъ въ двухлѣтнему заключенію. Въ то время содержался тамъ и Авриль и работалъ въ одной со мной мастерской. Однажды Авриль былъ уличенъ приставникомъ въ открытомъ неповиновеніи. Арестантамъ положительно запрещено имѣть при себѣ или изготовлять вещи для собственнаго употребленія; не смотря на то, Авриль сдѣлалъ себѣ ножъ и не хотѣлъ отдать его приставнику. А какъ тотъ строго настаивалъ, то Авриль выпелъ изъ терпѣнья и ударилъ его, бить ногами и кулаками и наконецъ, схвативши какой то трехгранный напильникъ съ заточенными остріями, бросился на сторожа и хотѣлъ всадить ему свое орудіе въ спину. Подвергавсь опасности навлечь на себя немилость товарищей, я кинулся, чтобы отнести ударъ, и успѣлъ въ томъ, но хватая Авриля за руку, я повалилъ себѣ голову — объ его терпугъ (движеніе въ залѣ).

«Въ 1831 я имѣлъ связь съ женщиной, моею землячкой, моею соотчичкой. Это была одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя рано свѣялись съ преступленіями. Эта женщина (ее звали Англичанкой и кромя того дано было ей и другое знаменательное прозвище *Змѣя*) писала мнѣ, чтобы я былъ терпѣливъ, не унывалъ... Я показалъ эти письма Аврилю. Одиннадцать мѣсяцевъ спустя послѣ моего освобожденія, я встрѣтилъ Авриля на одномъ изъ дальнихъ бульваровъ. Будучи въ ту пору уже почти слѣпъ, я не могъ его сразу узнать, но узналъ тотчасъ, когда онъ назвалъ меня *Брутомъ*. Это прозвище было мнѣ дано въ тюрьмѣ, потому что я часто декламировалъ стихи изъ трагедіи *Смерть Цезаря* (смѣются).

«Въ тотъ день я шолъ съ новой своей любовницей; мы зашли втроемъ въ погребокъ. У Авриля денегъ не было, я его угостилъ. «Это Англичанка», спросилъ онъ, подмигивая мнѣ. Онъ предположилъ, что это та самая женщина, письма которой я показывалъ ему въ Пуасси, и уже не сдерживаясь болѣе, объѣвшя мнѣ, что есть у него въ виду *славное дѣльце*, и въ томъ оно состоитъ, чтобъ ухлопотить Шардона. — Тутъ имѣется въ виду 10,000 Франковъ, сказалъ онъ. Можешь рассчитывать на 3.000, если согласишься быть за компанію. Ласенеръ — а это его изобрѣтеніе — согласишься взять тебя въ товарищи. — Можете себѣ представить, мм. гг., какое впечатлѣніе произвели такія рѣчи на мою любовницу. Волосы стали у ней дыбомъ.

«Что касается до меня, то я объявлялъ ему, что никогда не рѣшусь на убійство. Когда все, что я имѣлъ при себѣ денегъ, было истрачено (смѣхъ), мы вышли изъ погреба.

«Нѣсколько дней спустя, я опять съ нимъ встрѣтился. Я не питалъ къ нему ни ненависти, ни чувства мести. «Ищу работки» сказалъ онъ мнѣ. Я велѣлъ полать ему простенькій обѣдецъ. Еще черезъ нѣсколько дней приходитъ онъ ко мнѣ и приноситъ подъ мышкой пулярку. «Вотъ, говоритъ, тутъ есть изъ чего сдѣлать похлебку; это вчерашній заработокъ». Я принялъ его очень холодно; тѣмъ не менѣе мы выпили по стакану вина. Тогда онъ снова началъ предлагать мнѣ принять участіе въ отправленіи на тотъ свѣтъ Шардона. Я опять отказался и онъ ушолъ, приговаривая: «малодушный, глупый!» и т. п. Еще разъ видѣлъ я его въ улицѣ Фелиппо. Онъ опять завелъ рѣчь о своемъ умыслѣ. Въ этотъ день увидѣлъ я Ласенера, который назначилъ мнѣ свиданіе au Grand Sept; но я туда не пошолъ. И еще разъ заходилъ ко мнѣ Авриль вмѣстѣ съ Ласенеромъ: я принялъ ихъ и предложилъ завтракъ. Съ того времени я его не видалъ. 11 декабря онъ былъ арестованъ, а ко мнѣ приходилъ въ послѣднее передъ тѣмъ воскресеньемъ.»

Ласенеръ подтверждаетъ главные пункты этого показанія, равно какъ числа, которыя имѣютъ особенную важность.

Авриль, котораго это показаніе привело въ бѣшенство, старается его опровергнуть. «Въ словахъ свидѣтеля, говорятъ онъ, много справедливо, но показаніе его исполнено ошибокъ. Я вышелъ изъ Пуасси 25 ноября; невѣроятно, чтобы я, не зная даже чѣмъ и гдѣ онъ, встрѣтилъ его въ самую минуту оставленія тюрьмы и затѣмъ часто бы посѣщалъ его.»

Предсѣдатель. А почему же бы и не такъ? Что могло вамъ помѣшать?

Авриль (въ замѣшательствѣ) это невѣроятно.

Ласенеръ. Пока готовился завтракъ, Аврилъ сказалъ мнѣ, что онъ говорилъ Бруту о дѣлѣ, но что тому оно не понравилось. Въ свою очередь я самъ завелъ съ Брутомъ рѣчь о томъ, и онъ отвѣчалъ: «Право, это дѣло не по мнѣ.» (движеніе въ залѣ).

Аврилъ. Все это чистая ложь. Ласенеръ говоритъ съ цѣлію погубить меня. (Ласенеръ бросаетъ на обвиняемаго насмѣшливый, злостный взглядъ). А притомъ и у Фрешара свой расчетъ такъ показывать.

— А что мнѣ съ того будетъ? спросилъ Фрешаръ.

— Что съ того будетъ? восклицаетъ Аврилъ, а то будетъ, что вотъ теперь онъ приговоренъ къ вѣчной каторгѣ, а благодаря своимъ показаніямъ и не побываетъ на галерахъ. Потому ему смягчатъ, изъ вѣчныхъ сдѣлается срочнымъ, года на два, на три, а тамъ пожалуй и помиловать, и на свободу выпустятъ. Нынче все такъ дѣлаютъ.

— Я приговоренъ на вѣки, это правда, отвѣчаетъ Фрешаръ; но уже девятнадцать мѣсяцевъ, какъ я лишился зрѣнія отъ солнечнаго зноя и работы въ кузницѣ, и конечно правительство дастъ мнѣ убожище въ одной изъ центральныхъ тюремъ. Чтобы избѣгнуть галеръ, мнѣ нѣтъ надобности въ показаніяхъ своихъ клеветать на невиннаго.

— Пусть прочтутъ вопросные пункты Фрешара на слѣдствіи, сказалъ Аврилъ, тогда окажется, что онъ теперь другое говоритъ.

Предсѣдатель приказалъ исполнить требованіе Аврilia, но отвѣты Фрешара въ засѣданія оказались тождественными съ отвѣтами слѣдователю.

Когда дѣло дошло до показаній о приключеніи въ Монторгейльской улицѣ, появленіе молодого Женеве, этой чуднымъ образомъ спасшейся жертвы злодѣевъ возбудило живое вниманіе въ присутствующихъ. Но молодой человекъ, подъ влияніемъ сильнаго впечатлѣнія, ничего не разглядѣлъ явственно и теперь не могъ признать ни одного изъ обвиняемыхъ. Помнить только, что видѣлъ господина съ бакенбардами, въ сюртукѣ, кажется, синемъ, въ шляпѣ; онъ былъ совершенно смущенъ и не могъ дать никакого положительнаго отвѣта.

Предъявляя Ласенеру терпугъ, орудіе злодѣйства, который при паденіи обломился. Онъ мелькомъ взглянулъ на него и призналъ за свой.

Показанія квартирныхъ хозяевъ, по которымъ рассчитывали опредѣлить *datum* дня проведеннаго Ласенеромъ въ сообществѣ Франсуа, слушаны съ большимъ вниманіемъ. *Симоньякъ*, Манья тожъ, не упоминать, выдалъ ли онъ Ласенера; *Симонъ Пажо* утвер-

ждасть, что оба обвиняемые проживали у него только два дня. Ему доказываютъ, по провѣркѣ его книги, что онъ показываетъ ложно, что жильцы выбыли отъ него съ 6 на 7-ое. И еще одно изъ этихъ чиселъ подскоблено. Въ слѣдующемъ засѣданіи постановлено: арестовать Пажо.

Леруа-Андерколь и Александръ-Симонъ, пуассійскіе арестанты, и тюремный приставникъ Куанъ повторили воосторожныя признанія Франсуа.

Но случай наводитъ всеобщее вниманіе на существенную сторону процесса, на страшную ненависть, которую питаютъ другъ къ другу сообвиняемые. Ласенеръ требуетъ прочтенія акта о нападеніи на него арестантовъ по наущенію Франсуа и Авриля. Послѣдній сознается, что онъ поставилъ вывѣску въ залѣ, гдѣ грѣются (chauffoir), и стиснувъ зубы, примолвилъ: «Если бы не надзоръ, а самъ бы съ нимъ перевѣдлся.»

Впрочемъ другое, болѣе важное обстоятельство начинается проявляться. Съ тѣхъ поръ, какъ заподозрили присутствіе всѣхъ трехъ злодѣевъ въ квартирѣ пассажа Cheval-Rouge, особый розыскъ производился о Батонѣ, таинственномъ прискивателѣ подручныхъ Ласенеру; Батонъ, котораго по непостижимому нерадѣнію полиціи тщетно отыскивали нѣсколько дней, найденъ былъ въ пять минутъ, и гдѣ же? въ префектурѣ полиціи. Его привели въ засѣданіе суда.

Для Франсуа подвѣшеніе фантастическаго невидимки Батона было громовымъ ударомъ. Показанія его, исторгнутыя слово за словомъ, пролили новый свѣтъ на все дѣло.

При входѣ въ залъ, Батонъ былъ видимо въ смущеніи и тревожномъ состояніи. Украдкой взглянулъ онъ на скамью осужденныхъ... Ласенеръ ему улыбнулся, Франсуа отвернулся. На первые вопросы, предложенныя предсѣдателемъ Батону о разговорахъ по предмету задуманнаго преступленія, онъ сначала молчалъ, и наконецъ отвѣчалъ: «Я никогда не говорилъ объ этомъ». Но потомъ, уступая настояніямъ, сознался, что онъ представилъ Франсуа Ласенеру. Послѣдній беретъ въ руки вопросныя пункты и доводитъ Батона до сознанія, что именно въ послѣднихъ числахъ декабря, по возвращеніи изъ Иссн, онъ, Батонъ, познакомилъ его съ Франсуа.

Франсуа чувствовалъ, что при такомъ ходѣ допроса ему грозитъ гибель; въ испугѣ онъ вскричалъ: «такъ такъ ты! только ему и просторъ говорить? только его и слушаютъ? Далужди же мнѣ слово вымолвить!»

Одинъ изъ жюри наводитъ вопросы на предварительно-условленныя свиданія у Батона, послѣ покушенія на убійство въ Манто-

гійльской улицѣ. Послѣ долгихъ уклоненій и заикательствъ, Батонъ объявилъ, что Ласенерь сказалъ Франсуа: *не ты меня смручили*.

Такое арко-убѣдительное доказательство исторгло у Ласенера злобно-радостное восклицаніе: онъ съ адской улыбкой посмотрѣлъ на Франсуа. Съ этой минуты показанія Батона сдѣлались точнѣе и подтверждали показанія Ласенера.

Убѣжденіе присяжныхъ и судей, равно какъ и публики, установилось. Г. Партарьё-Лавоссъ произноситъ обвинительный актъ.

Упомянувъ во вступленіи, что въ послѣдніе годы число несмысленныхъ злодѣяній чрезвычайно умножилось, онъ словами подлинныхъ показаній дѣлаетъ характеристику этихъ злодѣяній, совершаемыхъ спокойно, обдуманно, расчетливо, какъ промышленная зора, систематически и безраскаянно.

Потомъ г. Партарьё-Лавоссъ задаетъ себѣ вопросъ: достаточно ли показаній Ласенера для обвиненія Аврила?

«Я предвижу возраженіе, которое безъ сомнѣнія не преминуть сдѣлать принявшіе на себя защиту обвиняемаго. Для обвиненія, снажутъ, нужны доказательства, достовѣрные свидѣтели, а Ласенерь не можетъ быть свидѣтелемъ, такъ какъ онъ самъ обвиняется. Показанія его не имѣютъ силы въ отношеніи къ сообвиняемому.

«Но я не признаю этого довода, какъ основаннаго на устарѣлыхъ теоріяхъ, на забвеніи правъ и обязанностей жюри, жюри, какъ мы понимаемъ его въ настоящее время.

«Нѣтъ, мм. гг., жюри не нуждается ни въ доказательствахъ, ни въ денныхъ, малекающихъ подозрѣніи; ему — такъ говоритъ законъ — ничего не нужно кромѣ глубокаго внутренняго убѣжденія; а въ убѣжденію этому онъ приведется всевозможными путями, не стѣсненный выборомъ и научными терминнами егидственно-судныхъ приемовъ. Таково по-истинѣ всемогущество жюри, внимающаго голосу своей совѣсти.

«Такъ наиримѣръ выслушиваютъ свидѣтеля, который можетъ быть допущенъ къ присягѣ: вы не повѣрите ему, если по нѣкоторымъ признакамъ замѣчено будетъ, что онъ лжетъ, будь то Шажо, или жана Шажо, или Суманьякъ (*); напротивъ того, вы повѣрите обвиняемому, когда этотъ обвиняемый — Ласенерь!

«Конечно Ласенерь не ожидаетъ услышать отъ васъ похвалы... Но какъ бы то ни было, могутъ быть крайніе случаи, исключительныя положенія, когда человекъ можетъ обнаружить правое достоинство, отказавшись отъ всякихъ уклоненій и изворотовъ; со-

(*) Лица привлеченныя по дѣлу Ласенера.

знавъ, что по законамъ нравственнымъ и положительнымъ, послѣ преступленія ничего болѣе не остается, какъ экспіація, принятіе воздаянія.

«Не уступилъ ли онъ побужденію менѣе благородному, желанію мести? Не хотѣлъ ли онъ только низвестъ за собою тѣхъ, которые открыли мѣсто его укрывательства? И въ этомъ отношеніи намъ пріятно было слышать, какъ онъ, внятно и громко объявилъ: да, я показывалъ по внушенію мести». Но мы прибавимъ вмѣстѣ съ нимъ: «господамъ присяжнымъ (jury) предоставлено заключить: не говорилъ ли человѣкъ изъ мести сущей правды?»

«И чтожь? Обнаружена ли хотя одна неточность въ данныхъ имъ показаніяхъ? Былъ ли онъ опровергнутъ хотя однимъ свидѣтелемъ? При всей сложности разбираемыхъ фактовъ замѣчено ли хотя одно разнорѣчіе, хотя бы минутное замѣнательство въ его отвѣтахъ? Нѣтъ, нѣтъ! Все вопіетъ въ этомъ дѣлѣ, что Ласенеръ говоритъ правду?»

«Одно опасеніе могло пробудиться въ васъ: не выставитъ ли себя Ласенеръ, изъ плачевнаго тщеславія, худшимъ, нежели онъ есть? Кто знаетъ? Воображеніе человѣка такъ странно-прихотливо, что быть можетъ нѣкоторые и преступленіемъ способны гордиться. Мы пристально изучали обвиняемаго съ этой точки и, суда по впечатлѣнію, которое онъ произвелъ, ничто не даетъ повода сдѣлать о немъ подобное предположеніе. Онъ постоянно былъ простъ, не заботился объ эффектѣ, что можетъ служить новой гарантіей его искренности.»

Для Франсуа, какъ и для Аврѣля, показанія (Ласенера и Батона) имѣли роковое значеніе. «Въ настоящемъ случаѣ, воскликнулъ Партарь-Лафоссъ, вызовъ Батона прямо свидѣтельствуеть объ участіи Провидѣнія въ разъясненіи темныхъ страницъ процесса. Безъ сомнѣнія онъ не расположенъ былъ къ откровеннымъ признаніямъ; вы видите, и теперь еще стоитъ онъ, блѣднехонекъ, какъ статуя, сознавая свои преступленія, цѣдя слово за словомъ, на нѣсколько разъ повторяемые вопросы предсѣдателя. И что-же? Истина исторгла же у него показанія, изобличающія Франсуа.»

Обвинительный актъ заканчивался краснорѣчивою оцѣнкою главнаго преступника. Приводимъ ее въ сокращеніи.

«Часто обвиняемые, выведенные на эти судебныя скамьи, просятъ, если не о прошеніи вхъ проступковъ, то по крайней мѣрѣ, о смягченіи кары. Всѣ эти приемы невозможны для Ласенера».

Далѣе officialный обвинитель настаиваетъ на томъ, что молодой человѣкъ, отъ природы надѣленный счастливейшими способностями, рожденный отъ честныхъ родителей, писавшій въ стихахъ

заврал, способный съ пользою уногребить свое перо и въ коммерціи и въ политикѣ, и въ литературѣ, предпочесть невнятный трехгранный теругъ; что вообще болѣзнь вѣка въ томъ состоитъ, что въ одинъ день хотятъ достигнуть того, что приобретается многолѣтнимъ трудомъ и терпѣніемъ и т. д. и что чѣмъ выше упелъ законный, тѣмъ онъ виновнѣе: и онъ-то долженъ послужить ужасующимъ примѣромъ для другихъ. Тяжела обязанность судей, но чѣмъ тягостнѣе обязанность, тѣмъ въ большую заслугу вмѣняется ея исполненіе.— Затѣмъ ораторъ просто и ясно настаиваетъ на произнесеніи суроваго приговора.

Г. Брешану, который былъ официально назначенъ защитникомъ Ласенера, предстояла трудная обязанность. Детальныя показанія его кліента, подавляющая масса фактовъ, накопившаяся ему въ обвиненіе, все напередъ говорило, что дѣло — безнадежное. И не смотря на то, талантливый адвокатъ наполь средства попытать невозможное, съ соблюденіемъ притомъ полнаго уваженія къ оскорбленному обществу.

«Во всемъ процессѣ, говоритъ онъ, я вижу только одного виновнаго, который не ищетъ никакой защиты, человѣка, который протягиваетъ голову и говоритъ: возьмите ее, я повиненъ смерти... Этотъ человѣкъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ повѣствуетъ о всѣхъ своихъ злодѣяніяхъ, входитъ въ самыя возмутительныя подробности, чтобы затронуть ваши сердца и вызвать на свою голову кару, ибо въ этой карѣ онъ налѣется обрѣсти конецъ жизненныхъ превратностей. Это самоубійца, который самъ старается вынести силу обстоятельствъ дѣла, подобно тому, какъ человѣкъ, рѣшившійся положить на себя руку, внимательно осматриваетъ оружіе, которое должно ему вслушаться...»

Краснорѣчивый защитникъ признаннаго виновнымъ очень хорошо понималъ, что фактовъ дѣла оспаривать нельзя. Онъ ограничился тѣмъ, что разсказалъ жизнь Ласенера и изъ данныхъ этой жизни вывелъ нѣкоторыя основанія къ снисхожденію. Онъ поставилъ на видъ разореніе отца, которое неминуемо должно было отозваться неблагоприятнымъ образомъ въ судьбѣ юноши; вступленіе Ласенера въ жизнь безъ руководителя, безъ защитника, трудность полученія какой-либо должности или работы, особенно человѣку, слишкомъ развату для принятія должности лакейской, батрацкой, слишкомъ слабую и безпомощную, чтобы создать себѣ положеніе почетное... А тамъ, дальѣе, тлетворное вліяніе тюрьмы и ея гнуснаго населенія... Уступивъ фатальной силѣ; увлеченный ею на стезю преступленій, онъ въ тоже время поставилъ себѣ задачу отмстить обществу, которое его отвергаетъ, признавъ себя въ по-

доосмысли законной обороной против общества. На жизнь смотрит онъ «какъ на войну между обладающимъ и неимущимъ»; на смерть «какъ на возвращеніе въ иракъ хаоса». Уже ничто его не трогаетъ. Горячку отчаянія смѣнила глубокая безчувственность. Сердце его онемѣло; страхъ, какъ и надежда — ему невѣдомы. Онъ убиваетъ безъ содроганія... онъ смѣется надъ закономъ... и только въ борьбѣ находитъ наслажденіе... Имъ тѣни раскаянія... И сонъ его не преслѣдуютъ тяжкія грезы...

«Этого человѣка, восклицаетъ г. Брошанъ, смѣдаемъ жестокой болѣзнию... Прислушайтесь къ словамъ его, когда онъ выставляетъ себя умнѣйшимъ другихъ, и вы сами скажете: *это сумасшедшій!*

«Его равнодушіе при видѣ жертвъ своихъ, это неподдѣльное спокойствіе, эта вѣчная улыбка, самообладаніе, въ слухъ котораго онъ наканунѣ открытія суда въ состояніи былъ сложить пѣсню... невниманіе къ сужденіямъ присутствующихъ, вживой интересъ къ какому-то литературному спору, глубокой атеизмъ, равнодушіе у подножія эшафота... и эта страсть къ литературѣ...

«Все это поражаетъ меня и возмущаетъ... все это для меня необходимо, и самые знаменитые процессы не представляютъ подобнаго примѣра...

«Убѣждаю васъ, внимайте, разберите строго-аналитически всѣ наклонности Ласемера, и если въ тѣмъ, какъ я надѣюсь, вы убѣдитесь, что онъ дѣйствовалъ подъ какимъ-то неотразимо-фатальнымъ вліяніемъ, что смѣдавшій его нравственный недугъ перемѣнилъ его свободную волю, — а при необладаніи свободною волею преступокъ человѣку не вмѣняется, — и тогда вы не будете вправѣ казнить его; это было бы варварство!.. Заприте, закуйте его, поставьте его въ невозможность дѣлать зло... но не убивайте его!..

«Того недостаточно, чтобы казнь послужила назидательнымъ примѣромъ для злодѣевъ, недостаточно и того, что она наведетъ ужасъ и содроганіе на массу общества; необходимо, чтобы казнь отмстила за общество, следовательно, чтобы она дѣйствительно покарала виновнаго. И что же? Смерть не страшна этому человѣку: таково уже свойство его болѣзненной или безаремненно-отдѣльной организаціи! Вы видите, съ какимъ невозмутимымъ спокойствіемъ Ласемеръ ожидаетъ произнесенія нашего приговора, — видите, какъ онъ самъ вводитъ на себя обвиненія, ускорять карающую руку правосудія... пусть же ошибется онъ въ своихъ расчетахъ...

«Въ Монторгейльской улицѣ онъ могъ прочесть (въ книгѣ, которая была при немъ), что убійцы должны быть казнены военнымъ судомъ, такъ какъ чрезъ злодѣянія свои они сдѣлались вражескими сынами и предателями отечества.

«Но онъ забылъ, что въсколькими строками ниже, Жанъ-Жакъ говоритъ: «Никто не имѣетъ права лишать жизни того, кто не можетъ сдѣлаться невольникомъ».

И такъ, ми. гг., припомните слова мои! Надо заключить этого чловѣка въ жизни вѣчной скорби, гдѣ ежедневно онъ извѣдаетъ тысячу смертей. Въ цѣняхъ, въ позорной арестантской одеждѣ, пусть таваетъ мучительную, безнадежную, позорную жизнь! Присильте его къ тяжелой работѣ, которая бы напоминала ему его темное прошедшее!

«Смерть за столько злодѣяній! смерть чловѣку, который смѣется надъ нею, ни во что ставитъ ее!.. Нѣтъ... этого слишкомъ мало!.. *Приговорите его къ жизни!*»

Потомъ, обратясь къ обвиняемому, Брошанъ такимъ образомъ закончилъ рѣчь свою:

«А вы!.. вы, за котораго я предстательствую... вы, взысканный судьбою при самомъ рожденіи, вы, поправшій самые свлщенные законы общества, вы поймете тогда, что есть суровыя мѣры, которыхъ вы еще не предугадывали... Обреченный новымъ, непрестаннымъ тяготамъ и страданіямъ, вы просвѣтите нравственно и въ бѣдствіи, васъ постигшемъ, прозрите персть Божій, вы, расточавшійся въ богохульствѣ... вы преклонитесь предъ его всемогуществомъ и примете всѣ уготованныя вамъ страданія, какъ праведное возмездіе за совершенныя злодѣйства.»

Вотъ все, что могъ сдѣлать адвокатъ талантливый и чистыхъ, благородныхъ убѣжденій въ подобномъ дѣлѣ. Краснорѣчіе Брошана произвело глубокое впечатлѣніе на присутствовавшихъ. Ласенеръ слушалъ Брошана, какъ слушаютъ художественно-литературное произведеніе и граціозно склонился на перила, когда замѣтничъ его, трепещущій, изнуренный, сѣлъ на мѣсто; потомъ съ улыбочной выразилъ ему всю свою признательность.

Рѣчи адвокатовъ Авриля и Франсуа продолжались до позднаго вечера.

На обычный вопросъ предсѣдателя: «Обвиняемый Ласенеръ, не имѣете ли сказать что-либо въ свое оправданіе?» — обвиненный произнесъ тихимъ, спокойнымъ голосомъ, безъ декламациі, безъ колебаній, длинную рѣчь, въ которой изложилъ, объяснилъ, детально и ярко, всѣ факты процесса; не упустилъ ни одного обстоятельства, возстановилъ правду на каждомъ пунктѣ, съ совершеннымъ спокойствіемъ и логичностью генеральнаго адвоката. Не входи въ подробности его разказа объ извѣстныхъ уже намъ кровавыхъ драмахъ, мы приведемъ особенно замѣчательныя мѣста:

«Господа присяжные, такъ началъ Ласенеръ, еслибъ я обвинял-

ся только въ убійствахъ, то въ настоящую минуту не воспользовался бы правомъ говорить и вполне положился бы на рвеніе и талантъ адвоката, назначеннаго мнѣ правительствомъ. И теперь я рѣшаюсь говорить послѣ него не изъ самолюбивыхъ побужденій, но потому что мнѣ остается сказать о такихъ предметахъ, которыхъ онъ въ качествѣ моего защитника не могъ коснуться; объ одномъ сожалѣю: что ему достался кліентъ, не заслуживавшій такой энергической, краснорѣчивой защиты».

Вообще Ласенеръ говорилъ вовсе не съ цѣлью отстоять свою голову, но изъ желанія оправдаться во взводимыхъ на него обвиненіяхъ, какъ на клеветника и корыстнаго донощика. По временамъ Ласенеръ олушевляется, голосъ его дрожить, какъ струна... и это бываетъ именно въ тѣ минуты, когда рѣчь идетъ о взводимыхъ на него обвиненіяхъ въ подкупности и предательствѣ. «Никогда, говоритъ онъ, никогда я не скрывалъ своихъ побужденій: эти побужденія были — мечь! Сообщники выдали меня — я имѣю на то доказательства — и я выдалъ ихъ.»

Говоря такимъ образомъ, могъ ли онъ рассчитывать на помилованіе?

«И какое помилованіе могутъ мнѣ оказать? Пощадить жизнь? О, этой милости я не прошу! Другое дѣло, если бъ мнѣ предложена была жизнь со всѣми наслажденіями, съ деньгами, съ достаткомъ, положеніемъ въ обществѣ... Но жизнь, попросту жизнь!.. вѣтъ, и безъ того я уже давно живу только прошедшимъ. Восемь мѣсяцевъ, каждую ночь, смерть сидитъ у моего изголовья. Ошибаются тѣ, которые думаютъ, что я приму смягченіе приговора. Пощада! Вы не можете оказать, а я не прошу и не ожидаю, ея отъ васъ, и не нуждаюсь въ ней.»

Эта рѣчь произвела глубокое впечатлѣніе на все собраніе. Ласенеръ, спокойный и улыбающійся, сѣлъ, напередъ поклонившись членамъ суда. Засѣданіе приостановлено. Толпа молодыхъ адвокатовъ тѣснится около Ласенера, его поздравляютъ, какъ собрата, который дебютировалъ блестящимъ образомъ. Ласенеръ сдѣлался лучезаренъ, онъ переполненъ довольствомъ. «Повѣрьте, господа, я всегда смотрѣлъ на жизнь, какъ на ратоборство; я велъ игру на пропалую — гдѣ силой взять, гдѣ тонкостью: — проигралъ, обернулся — и все тутъ. Общество не снизошло ко мнѣ, когда я былъ еще годець-на что-нибудь... Кто виноватъ?..»

Франсуа съ затаеннымъ бѣшенствомъ слѣдилъ за этой сценой и наконецъ заголосилъ: «Вотъ такъ ораторъ! Краснобай, краснобай! И они слушаютъ этого подлца!..»

Не успѣвъ г. Ламу произнести нѣсколько словъ въ защиту Франсуа, какъ тотъ перебилъ его:

«Я тоже хочу говорить, всякому своей чередъ!»

«Господа присяжные! ораторъ Ласенеръ пересказалъ вамъ весь юдъ сѣдствія; вы слышали его сладенькій, вкрадчивый голосокъ.. Такъ я же обличу его ложь, его гнусную ложь.»

И послѣ нѣсколькихъ укорительныхъ словъ, лицо Франсуа свело судорогами, онъ стиснулъ зубы и трепеща всѣмъ тѣломъ, обратился къ Ласенеру, который проницески на него поглядывалъ.

«Да, низкій мерзавецъ, ты не-прочь бы всѣхъ живыхъ спровести на тотъ свѣтъ, ты и меня наталкиваешь на эшафотъ. Знаю я тебя: здѣсь ты хорохоришься, прикидываешься молодцомъ, краснобайствуешь. И тебя слушаютъ, тебѣ вдумляются, *эти господа тебѣ хлопаютъ*... Ты не боишься земнаго суда, не боишься и небеснаго: ты имъ все что те *вырушишь*.. но наступить же часъ, когда ты явишься предъ Великимъ Судіей... И мы тамъ будемъ... и господа присяжные будутъ... Отъ васъ, господа, тоже потребуется отчетецъ... Мы всѣ сойдемся! Тамъ, Ласенеръ, поджидаютъ тебя окровавленныя жертвы. Если и суждено мнѣ отправиться туда вмѣстѣ съ тобою, по крайней мѣрѣ совѣсть моя спокойна. Ты корчишь изъ себя неустрашимаго, но я меньше твоего боюсь смерти: двадцать разъ въ честномъ бою я встрѣчалъ ее лицомъ къ лицу.

«Да, тогда я не боялся смерти, но теперь *страшна мнѣ смерть на эшафотъ!*...

«Ты гнусный убійца, подлець! Ты хочешь омыть руки въ крови моей, презрѣнная каналья! Я еще могу поднять руку, въ послѣдній разъ быть можетъ, но еще могу. И вотъ клятва моя, Ласенеръ, слушай: я пойду на смерть, если меня приговорятъ, но пойду безтрезветво, умру, какъ умираетъ невинный. А ты... ты *стусишься*, ты струсилъ въ роковую минуту. Презрѣнный!!!»

Франсуа вторично проситъ позволенія сказать нѣсколько словъ.

«Господа присяжные, еще слово, послѣднее слово, умоляю васъ!»

«Въ прошлый четвергъ, когда привели меня въ засѣданіе, я еще не былъ, но съ того времени сдѣлался преступникомъ, виновникомъ смерти отца и матери! неоправданной матери!..»

«Я убилъ отца, почтеннаго старца... Многие изъ васъ, господа, сами купцы. Вы знали его... Клеветы Ласенера замятали и его честное имя... но это лжець, на все способный... Онъ навелъ туманъ на васъ, многие изъ присутствующихъ готовы рукоплескать ему... Еще разъ повторяю, я не боюсь смерти, спокойно взойду на эшафотъ... но запомните мои слова: не дѣлю спустя послѣ произнесенія приговора, Ласенеръ дастъ волею показанія, вставеть дру-

гихъ лицъ; чтобы продлить себѣ жизнь. Увидите, что я говорилъ правду. Не боюсь смерти, жаю законной кары. Жизнь мнѣ дорога, и въ предсмертный часъ я полагаюсь на совѣсть моихъ присяжныхъ.»

Эта отчаяніемъ вызванная рѣчь, эта энергія въ рекозую минуту, тронула, смягчили присяжныхъ и все собраніе. Даже сарказно-проницательная улыбка Ласенера, и та послужила въ пользу несчастнаго Франсуа, снѣгащагося отвести отъ себя лезвие гильотины.

Въ одиннадцать часовъ вечера жюри уходило для совѣщаній. Въ два часа выносить приговоръ со смягченіемъ для Франсуа Мартэна.

Всели обвиняемыхъ. Число жанлармовъ удвоено; цѣлыхъ шестеро помѣстилось между Ласенеромъ и его сообщниками. Ласенеръ блѣднѣе обыкновеннаго, но выслушалъ жюри съ невозмутимымъ спокойствіемъ. При чтеніи акта осужденія (verdict) Аврилъ, услышавъ, что всѣ взводимыя на него преступленія признаны дѣйствительными, яростно взглянулъ на жюри и сквозь зубы проговорилъ: «Спасибо!» Франсуа закрылъ лицо платкомъ.

Исправляющій должность генеральнаго прокурора предлагаетъ вопросъ объ опредѣленіи рода наказанія.

Франсуа и Ласенеръ молчатъ, но Аврилъ всталъ и смущеннымъ голосомъ произнесъ: «Я осужденъ присяжными и не прощу помилованія, ибо предпочитаю смерть вѣчнымъ кандаламъ, но Боговъ клянусь, это осужденіе — юридическое убійство.»

Предсѣдатель произноситъ смертный приговоръ Ласенеру и Аврилу, Франсуа Мартэнъ присуждается къ каторжной работѣ безъ срока.

Ласенеръ вышелъ изъ зала засѣданія повидимому довольный, ѣлъ съ аппетитомъ и весело говорилъ о дѣлѣ. «Мнѣ жизнь также дорога, какъ мюветка въ пять су.» И вспоминая Аврilia, приподвинулъ: «Онъ толкуетъ, что я продалъ полиціи его голову, но я ничего не просилъ, ничего жъ не получалъ. Въ свою очередь я спрошу: что выручилъ онъ, продавши меня? Если, сказалъ онъ улыбаясь, за обѣ головы назначили одну цѣну, то я конечно въ убыткѣ, потому что Аврилена голова не стоитъ моей: не изъ того матеріала сдѣлана, *тотаръ другой.*»

Онъ объявилъ, что не желаетъ подавать апелляціи, если только Аврилъ и Франсуа не издумаютъ прибѣгнуть къ этому средству. «Въ послѣднемъ случаѣ, говорилъ онъ, я не нахѣренъ оставить работу свою недоконченною. Если приговоръ будетъ отиженъ и дѣло перенесено въ другой ассизный сулъ, я представлю видѣть съ

обвиняемыми и пребуду тѣмъ же обвинителемъ, каковы были до-
вѣнъ.»

Ласенера отправленъ было въ Бисетръ; впродъ до конфирмаціи
приговора, но такъ какъ присутствіе его и Авреля въ Парижѣ
признано было необходимымъ, то обратно перевели ихъ въ тюрьму
Консьержери.

Вотъ какъ писалъ онъ къ старому учителю Алексанской школы:

«Вы убѣждаете меня быть твердо. Помстинѣ, откровенно скажу,
что въ твердости никогда не было у меня недостатка, и я могъ бы
привѣщать къ себѣ стихи Горация. (*)»

... *Si fractus illabatur orbis*
Impavidum foriscent ruinae;

а еще проше:

Aequam memento, rebus in adversis,
Servare mentem, non secus ac bonis.

«Вы видите, дорогой профессоръ, что я еще не совсѣмъ поза-
былъ ваши уроки.»

Реффе-де-Люзиньянъ печатно вступился за своего любимаго
ученика. Въ лионскомъ журналѣ «Réparateur» были приведены при-
знанія Ласенера о непокорности, безнравственности и безбожіи, за
которыя будто бы его изгнали изъ училища; признанія, въ истин-
ности которыхъ есть основаніе сомнѣваться. Профессоръ заставилъ
редакцію помѣстить свое письмо, въ опроверженіе поманутой статьи,
«Никогда, пишетъ онъ, Ласенеръ не былъ мною замѣченъ въ важ-
ныхъ проступкахъ. Онъ не былъ въ короткой дружбѣ съ товари-
щами, которыхъ далеко превосходилъ развитіемъ, но жилъ съ ними
въ ладу и оставилъ по себѣ добрую память въ училищѣ. Никогда
не былъ онъ въ открытой враждѣ съ учителями; не только не
дразнилъ ихъ съ умысломъ, какъ сказано въ лионскомъ журналѣ,
но напротивъ того, отличался любовью къ занятіямъ, кротостью,
успѣхами, а ко мнѣ питалъ особенную привязанность... Достойный
директоръ училища, г. Дюранъ, мой задушевный другъ, никогда
не высказывалъ о Ласенерѣ того мнѣнія, которое приписываетъ
ему «Réparateur»... Изъ уваженія къ истинѣ, я рѣшаюсь возвысить
голосъ за несчастнаго преступника и оградить отъ клеветы тѣ не-
многіе годы его жизни, когда зло еще не коснулось его... Мало
развѣ тяготѣеть на немъ обвиненій? Къ чему же доискиваться при-
чины всѣхъ бурь и крушеній, которыми преисполнена послѣдую-
щая жизнь Ласенера въ его свѣтломъ прошломъ?»

(*) Любимый поэтъ Ласенера.

— Вся эта полемика, возмущенія къ публикѣ, сообщаемыя отъ одного другому подробности справедливыя и ложныя объ этомъ необыкновенномъ чловѣкѣ, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе возбуждали всеобщее вниманіе. Изъ глубины своей темницы Ласенеръ умѣлъ метать искры и ими разжигать это любопытство: написалъ нѣсколько стихотвореній, въ которыхъ проводилъ свои смѣлыя теоріи... Одно изъ нихъ (*A deux amis*) выступаетъ изъ общаго уровня.

Замѣчательно, что произведенія его представляютъ смѣсь рѣчи, антирелигіозныхъ выходокъ à la Voltaire и мрачныхъ думъ, навѣянныхъ тогдашнею романтическою школою. Стихотвореніе «*Un moment de désespoir*» отличается глубиною замысла, силою выраженія; въ немъ ярче, чѣмъ гдѣ-нибудь, отразилась душа поэта-бійцы.

Banni, chassé, proscrit et broyé sous l'offense,

Un bonheur me restait, celui de la vengeance.

Car il est doux, bien doux, de sentir sous ses yeux

Se tordre un ennemi... c'est le plaisir des dieux!

Hair et me venger, c'est tout ce que j'aime.

Въ свою очередь газеты еще болѣе способствовали прославленію эксцентрическаго преступника. Ласенеръ былъ въ модѣ, только и рѣчей было, что о Ласенерѣ. Одинъ журналецъ избралъ его тѣмою для своихъ ежедневныхъ остротъ и даже напечаталъ одну нелѣпую пародію, которую приписывали Ласенеру. Обитатель *Conciergerie* послалъ въ редакцію «*Корсара*» письмо, съ объясненіемъ, что эта пародія не его произведеніе, а чья-то поддѣлка, и приложилъ къ письму подробное оглавленіе мемуаровъ, которые писалъ находясь въ заключеніи. Это тоже пародія, которой нельзя отказать въ остроуміи, соли, ловкости и неподдѣльной веселости.

И что всего страннѣе, въ тоже время ходила по рукамъ, а потомъ появилась и въ журналахъ молитва: *Insomnie d'un Condamné*, авторомъ которой почитали Ласенера. Приволнимъ на выдержку нѣсколько стиховъ; читатель тотчасъ убѣдится, что лира отъявленнаго скептика и резонера не могла звучать на этотъ ладъ:

Elle est longue la nuit, quand le criminel veille

etc. etc. etc.

..... alors il pense

A celui qui punit et qui nous récompense.

etc. etc. etc.

On peut mourir athée, alors que le délire

Dans le livre des cieus nous empêche de lire;

Quand le lit est déjà le funèbre caveau,

Que le sang suspendu dans la veine glacée,
 Au malade expirant ne laisse de pensée,
 Dans le cœur ni dans le cerveau.

Mais lorsqu'on va mourir dans sa jeunesse verte,
 A l'âge où notre vie à peine s'est ouverte,
 Avant que son printemps ait fait place à l'hiver,
 Et Clamart est là, le hideux cimetière!
 Demandant notre chair, notre chair toute entière,
 Pour servir de pâture au ver;

Alors, croyez-le bien, une agonie immense
 Nous rend toute raison et chasse la démence;
 Avant de dire au monde un éternel adieu,
 L'homme veut éviter le céleste anathème,
 Et court à l'échafaud, comme au sanglant baptême
 Qui réconcilie avec Dieu.

Ласенеръ успѣшилъ заявить печатно, что пьеса писана не имъ.

«Во всякомъ другомъ положеніи, я ограничился бы изъясненіемъ признательности поэту, который пишетъ такіе отличные стихи и съ самоотверженіемъ уступаетъ мнѣ свою славу. Ужъ не вознагражденіе ли это за нѣсколько плохихъ виршей, которыми нѣкогда воспользовались издатели безъ моего вѣдома?»

«Я вовсе не раздѣляю мыслей, проведенныхъ въ этомъ стихотвореніи, а самъ я привыкъ писать только то, что думаю. Если въ нѣкоторыхъ еще неизданныхъ пьесахъ и впадалъ я въ крайности, то надѣюсь не по нимъ будутъ судить объ мнѣ — ибо извѣстное дѣло, что такое поэзія (*) — а по мемуарамъ, которые я пишу теперь. Въ нихъ не войдетъ ни одного сомнительнаго факта, ни одной ложной мысли. Такъ не лучше ли обождать произнесеніемъ сужденія о моей личности — если только она стоитъ того — впродъ до выхода изъ свѣтъ этихъ мемуаровъ.»

«Я вовсе не имѣю претензій, говорить онъ въ заключеніи письма, быть проповѣдникомъ атеизма и матеріализма, какъ то, быть можетъ, нѣкоторымъ угодно думать. Я всегда уважалъ чьи-бъ то ни было мнѣнія и искреннія убѣжденія. Но по поводу настоящей выходки, цѣль которой, я полагаю, цѣлѣнн публикѣ, прочитаю необходимымъ объявить, что *мнѣній своихъ* (и скоро предстануть они на судъ потомства), каковы бы они ни были, я никогда не измѣнялъ и не измѣню.»

(*) И поднесъ много найдется во Франціи благонамѣреннѣйшихъ, благодушнѣйшихъ людей, которые убѣждены, что въ поэзіи-то именно и нѣтъ правды! Хороша послѣ того икъ поэзія!.. *Перев.*

«Тѣмъ, по словамъ которыхъ во мнѣ преобладаетъ материализмъ отчаянія, я отвѣчу: придите, взгляните на меня, не въ казематѣ, а въ моей комнатѣ, — и вы удостовѣритесь черезъ нѣсколько минутъ, дѣйствительно ли мое спокойствіе и квіэтизмъ — притворные, и точно ли нѣтъ во мнѣ иного мужества, кромѣ азарта, внушеннаго страхомъ и отчаяніемъ? Спросите о томъ же особъ, которыя удостоили меня своимъ посѣщеніемъ, спросите наконецъ и у тѣхъ, которые не спускаютъ съ меня глазъ денно и ночью... И какъ васъ этотъ вопросъ интересуеетъ, то вѣдайте, что я чувствую себя несравненно спокойнѣе за тюремными замками, въ ожиданіи эшафота, нежели въ средѣ вашего общества, на свободѣ.»

Ласенеръ закончилъ письмо объявленіемъ, что во избѣжаніе подобныхъ мистификацій, до изданія его мемуаровъ, ни одного произведенія его напечатано не будетъ, что всѣ рукописи, которыя думалъ онъ выпустить въ свѣтъ, переданы довѣренному лицу и утверждены его подписью. Такимъ образомъ устранится возможность подложныхъ изданій, будетъ положонъ предѣлъ «шарлатанству» и алчности, которыя въ настоящее время подвизаются съ такою наглостью и безстыдствомъ.

«L'insomnie du Condamné», по словамъ журнала Vert-Vert, отослана Ласенеромъ къ г. Адольфу Лемаркѣ, дѣйствительному автору этого стихотворенія.

Фуроръ, производимый Ласенеромъ, возрасталъ съ каждымъ днемъ. Вырывали изъ рукъ его автографы, портреты его появились во множествѣ, каждое слово его переносили изъ дома въ домъ. Особенно заинтересованы были женщины. Многія просили дозволенія посѣтить его. Одна знатная дама, г-жа Д^{***}, желала имѣть вѣскольکو строчекъ его сочиненія, для собираемой ею коллекціи автографовъ; но редакція записки была не довольно вѣжлива: «Madame D^{***} prie le sieur Lacenaire etc. etc.»

Этотъ титулъ sieur взбѣсмилъ Ласенера и онъ быстро набросалъ колкій отвѣтъ:

«Monsieur Ласенеръ получилъ записку madame D^{***}; но ему остается слишкомъ мало времени, чтобы писать стишки; а какъ онъ самъ составляетъ коллекцію автографовъ, то и не преминетъ помѣстить въ числѣ ихъ записку г-жи D^{***}».

— Тюрьма меня переродила, говорилъ онъ въ сильномъ раздраженіи, смертный приговоръ омылъ меня... теперь я не sieur Ласенеръ (*).

Другой приговоренный къ смерти, сообщникъ Ласенера, Аврилъ,

(*) Такъ значился онъ въ слѣдственныхъ и судебныхъ актахъ процесса.

оставшейся для взоромъ публики на второмъ планѣ, обнаружилъ въ послѣдніе дни жизни искреннее раскаяніе и покорность судьбѣ. Онъ просилъ напечатать въ газетѣ слѣдующее объявленіе, въ успокоеніе гг. жюри.

«И полагаю, что гг. присяжные уснутъ покойнѣе, когда удостовѣрятся, что я дѣйствительно виновенъ. Въ одномъ я раскаиваюсь; зачѣмъ продолженіе процесса я держалъ себя не такъ какъ бы слѣдовало. Я бы долженъ, подобно Ласенеру, во всемъ сознаться, а потому *ложись на клей*, какъ птицъ, тѣхъ, которые на меня пода- зывали.»

Въ тоже время онъ послалъ наивное письмо къ прежнимъ товарищамъ заключенія въ Пуасси, въ которомъ сознается, что со дня произнесенія приговора, онъ чувствуетъ душевное облегченіе и надѣется умереть съ твердостью. «Одного человѣка я жалѣю, говорить онъ въ концѣ письма, — это Франсуа: его приговорили въ вѣчную... и потому онъ еще много будетъ страдать».

Онъ съ набожнымъ чувствомъ слушалъ наставленія о Давбера. «Господинъ аббатъ, сказалъ осужденный, провожая его, — не откажите моей просьбѣ: упомяните завтра въ проповѣди бисетрскимъ арестантамъ, что я раскаивался... скажите имъ, что мой примѣръ долженъ послужить имъ въ назиданіе. Знаю, я очень виновенъ; *и будь я съ молоду разлученъ съ семействомъ, не зашелъ бы я такъ далеко.*»

Но Ласенеръ повелъ себя совершеннымъ отступникомъ. Парижскій архіепископъ предоставилъ знаменитому католическому проповѣднику увѣщаніе упорнаго атеиста. То былъ аббатъ Кёръ (Cœur), не сухой, взворотливый діалектикъ, а старый воинъ, весь проникнутый пастырскою ревностью и человѣколюбіемъ.

Осужденный принялъ аббата довольно почтительно и внослѣдствіи самъ священникъ отзывался о Ласенерѣ, какъ о человѣкѣ, обуздаемомъ духомъ отрицанія, но ума необыкновеннаго.

«Я глубоко тронуть, г. аббатъ, вниманіемъ высокопреосвященнаго и собственно вашимъ. Я не намѣренъ отрицать никакія истины въ религіи, я готовъ внимать вамъ, готовъ увѣровать! Но позволюте предупредить васъ: если вы желаете привести мнѣ пользу и просвѣтити мой разумъ своею бесѣдою, то потрудитесь избѣгнуть пріемовъ обычной проповѣди. Придите въ соображеніе мое исключительное положеніе, какъ человѣка, стоящаго на порогѣ смерти... Но какъ только, вмѣсто строго-логической рѣчи, вы обратитесь ко мнѣ съ проповѣдью, я не въ состояніи буду васъ слушать».

Такимъ образомъ аббатъ Кёръ былъ какъ нельзя лучше преду- вѣдомленъ. Чтобы растшевелить этого великаго грѣшника, нужны

были не тѣ рѣчи, не тѣ доводы, какъ для кроткихъ и внищихъ духомъ. Условное нельзя назвать безусловнымъ... Каждое слово должно быть скрѣплено доказательствами, чтобы устоять противъ безпощадной логики Ласенера.

Аббать уступилъ просьбѣ его и завелъ разговоръ, въ которомъ коснулся блестящихъ способностей Ласенера. Но почтенный священникъ, самъ того не подозревая, далъ противъ себя оружіе. Объясняя приговоренному, что величайшіе люди, прославившіе Францію, были послѣдователями католическаго ученія, онъ привелъ въ примѣръ: Декарта, Паскаля, Боссюа, Массильюна...

— Довольно, господинъ аббать, довольно! вскричалъ Ласенеръ, вставая. Какъ! Я прошу васъ обратить меня къ Богу силою истины и убѣжденія, а вы мнѣ выставляете, какъ авторитетъ въ дѣлѣ вѣры, интриганта, какъ этотъ Массильюнъ, у котораго, ради полученія епископской шапки, хватило цинизма посвятить во епископы кардинала Дюбуа. Тотъ не вѣруетъ въ своего Бога; кто способенъ облечь въ высшій духовный санъ презрѣннаго, въ порокахъ грязнаго лакея, каковъ былъ Дюбуа!..

Аббать Кёръ ушелъ съ сокрушеннымъ сердцемъ. Ласенеръ вѣжливо проводилъ его; но на губахъ дрожала насмѣшливая улыбка.

Послѣдній эпизодъ страшнаго процесса былъ — 26 ноября. Къ отбѣвѣ приговора генеральный прокуроръ Дюпенъ не нашолъ никакихъ основаній. Теперь Ласенеру оставались неизвѣстными только день и часъ его казни.

Френологи, скульпторы также интересовались имъ, какъ и литераторы и духовныя лица. Г. Демутье просилъ дозволенія снять слѣпокъ съ головы Ласенера: тотъ согласился и отъ тюремнаго начальства послѣдовало разрѣшеніе. Приготовленія къ этой работѣ напоминали отчасти сборы на казнь. Съ него сняли часть вѣтъ, выбрали голову. «Прикосновеніе холодной бритвы къ обнаженному темени, говоритъ онъ, произвело на меня такое ощущеніе, какъ бы по тѣлу забѣгали милліоны муравьевъ съ холодными ножками». На шею надѣли вѣдное кольцо (?). Тутъ онъ вдрогнулъ и извѣнился въ лицѣ. Положили его на постель, покрыли лицо слоемъ гипса, а для поддержанія дыханія вставили въ ноздри по перышку.

«Они могутъ похвалиться, писалъ онъ впоследствии, что изрядно помучили мою голову подъ спудомъ. Краска проступила бы у меня на лицѣ, еслибъ я вслухъ повѣдалъ всѣ горячія, чуть-теплыя и холодныя ощущенія, извѣданныя при снимкѣ формы. Но я съумѣлъ отмолчатся...»

«И другая гадлюсинація подступала ко мнѣ. Дыханіе очевидно бы-

до стѣсненія: Я много задушить себя... Всё думалъ бы, что я лежу смирекохонью, а вмѣсто того лежалъ бы трупъ... Много-много, если предсмертныя судороги въ ногахъ приняли бы за движеніе нетерпѣнія. Умереть! умереть почитателемъ науки, отъ руки ученаго, а не палача... гораздо пріятнѣе. Такая казнь не лишена оригинальности: *объ ней бы заговорили.*

«Мнѣ впаало на умъ самому угасить свѣтильникъ жизни. Минуть съ пять я удерживалъ дыханіе, еще немножко — и цѣль была бы достигнута. Но блажное воображеніе помѣшалось... Привидѣлся мнѣ Апрель, съ вытаращенными глазами, весь красный со злости, что monsieur Ласенеръ не сопутствуетъ его на подмогкн... Впрочемъ пусть бы себя Апрель бѣсилъ и недоумѣвалъ: эта мысль отчасти даже потѣшала бы меня... но я вспомнилъ добрѣйшаго М... , который былъ такъ обходителенъ со мною и даже теверъ доставлялъ мнѣ случай облегчить себя смертью... Ему пришлось бы вѣдаться съ юстиціей, бѣдный человекъ лишился бы мѣста, а у него семейство. Да наконецъ и доктора затаскала бы судебная инквизиція! обвинили бы его чуть не въ умышленномъ убійствѣ, а по меньшей мѣрѣ — въ невѣжествѣ и незнаніи пріемовъ... погибла бы его репутація.

«Все это меня разочаровало... я рѣшился жить.»

Демутьѣ разнялъ пополамъ слѣпокъ, осторожно приподнялъ обѣ половинки съ лица преступника. «Палачъ отниметъ ее цѣлкомъ,» замѣтилъ Ласенеръ.

Врачъ, весь проникнутый удачной работой, потиралъ руками отъ радости и въ избыткѣ признательности жалъ руку Ласенеру. «Еслибы онъ зналъ, говоритъ Ласенеръ въ своихъ запискахъ, какое онъ мнѣ оказалъ одолженіе!» — «Добрѣйшій monsieur Ласенеръ, сказалъ докторъ; потрепывая его по плечу, — какъ онъ былъ терпѣливъ!» — «Взялъ я въ руки свою маску, продолжаетъ Ласенеръ въ запискахъ — хотѣлъ было разбить ее... но воздержался, не истребилъ своего лукаваго полиція, чтобъ не огорчить доктора.»

Мы уже видѣли, что мысль о прежнихъ тюремныхъ товарищахъ никогда не оставляла Ласенера. Особенно часто подумывалъ онъ объ Аврилѣ, когда-то правой рукъ его, человекѣ неразвитомъ, но на котораго онъ имѣлъ иногда почти магическое вліяніе. Въ настоящую минуту Апрель находился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, въ одномъ изъ казематовъ Conciergerie. Головы ихъ должны въ одинъ и тотъ же часъ скатиться съ эшафота. Такое возвышенное братство внушило Ласенеру мысль о примиреніи и прощальномъ объѣдѣ, къ чему праздникъ Богоявленія (Jour des Rois), 6-го января, могъ служить предлогомъ. Г. Алларъ разрѣшилъ эту предсмертную

трапезу, и въ послѣдній разъ старые пріатели могли выжить и по-
леть всласть. Имъ отпустили часть жареной баранины, пулярку,
соусъ, десертъ, двѣ бутылки вина, кофе и водки. Ласенерьъ напи-
салъ на этотъ случай бойкую застоляную пѣсню (*Le gobeillon à la
Compiegnoise*), гдѣ тоже не оставилъ въ покоѣ Массильона.

Говорятъ, что во время обѣда кровожадные инстинкты Авриля
внезапно проснулись: онъ съ дикою жадностью сосалъ соевъ недо-
жаренаго мяса. Утверждаютъ также, что Ласенерьъ предупредилъ
г. Аллара, что не смотря на наружное примиреніе за попойкой,
Авриль неминуемо вспомнить, по чьей милости голова его идетъ
подъ гильйотину.

— Авриль проворенъ, какъ тигръ, говорилъ Ласенерьъ, не спу-
скайте съ него глазъ и по первому моему знаку схватите его.

Г. Алларъ находился при свиданіи осужденныхъ. При немъ бы-
ло два жандарма и четыре солдата, вооруженные ружьями со шты-
ками. Ласенерьъ и Авриль отобѣдали весело, разговаривали въ под-
гонеса попріятельски и частые взрывы смѣха повидимому свидѣ-
тельствовали о дружескихъ ихъ отношеніяхъ. Но когда подали ко-
фе, наружность Авриля внезапно измѣнилась, онъ небрежно пока-
чивалъ вилокю, которую держалъ между пальцами и притворно-
спокойнымъ голосомъ произнесъ:

— Какъ бы то ни было, monsieur Ласенерьъ, вы тащите меня на
эшафотъ. Настала предвидѣнная минута: сторожа схватили Авриля
и увели его въ казематъ.

Два дня спустя, 8 января, приговоренные спали крѣпкимъ сномъ,
когда пришло предписаніе объ отправкѣ ихъ въ Бисетръ. Авриль
пожалъ въ чепъ дѣло и — покорился: — Ладно, сказалъ онъ, я
хоть и не колдунъ, а знаю, что завтра утромъ Ласенерьъ и я про-
гуляемся по завѣтной лѣсенкѣ (*). Хотѣлось бы мнѣ только поско-
рѣе покончить.

Ласенерьъ пребылъ также спокоенъ, но не было въ рѣчахъ и
движеніяхъ его той простоты, какъ у Авриля.

Было девять часовъ вечера, когда г. Лебо, директоръ *Compiegnoise*,
вошелъ въ его казематъ и сказалъ ему:

— Такъ-то, Ласенерьъ, но думалъ я, что мы такъ скоро съ вами
разстанемся. Одѣвайтесь; насъ перевезутъ въ Бисетръ.

— Тѣмъ лучше, отвѣчалъ Ласенерьъ, чѣмъ скорѣе — тѣмъ луч-
ше! Завтра, такъ завтра.

Онъ одѣлся. Затѣмъ, съ разрѣшенія директора, написалъ слѣ-
дующія строки, послѣднія въ его жизни:

(*)... nous battons en quatre à l'Abbaye de Mont à Regret.

8 января 1836 г., Консьержери, десять часовъ вечера.

«Меня потребовали въ Бисетръ. Завтра безъ сомнѣнія голова моя упадетъ подъ гильотинной. Поневоля я долженъ оставить неоконченными свои мемуары, которые передаю въ распоряженіе шута. Статьи процесса могутъ послужить мнѣ дополненіемъ. — Прощайте, всѣ любившіе меня, прощайте и прощающіе!.. И вы жѣ, будущіе читатели моихъ записокъ, гдѣ на каждой страницѣ просачивается кровь... вы, которые прочтете ихъ уже тогда, когда пальцы обетреть желѣзо, обликов моею кровью, о! сберегите мнѣ мѣстечко въ вашихъ воспоминавіяхъ! Прощайте!»

Г. Алларъ присутствовалъ при отправкѣ осужденнаго и былъ тронутъ. Ласенеръ открыто и громко говорилъ о справедливости и честности этого чшовника. «Шолоте, г. Алларъ, надо мужаться, сказалъ Ласенеръ; когда-нибудь всѣмъ надо туда отправиться. Завтра или въ другой день, не все ли равно? Дорога указана! Знаете что? Будьте, какъ я, смотрите на предметъ съ веселой стороны. Только не вздумайте занять мое мѣсто.» И Ласенеръ захохоталъ.

Садясь въ салатную корзину, въ которой повезли ихъ въ Бисетръ, Авриль затянулъ *La Parisienne*; Ласенеръ подтягивалъ. На другой день утромъ Авриль переслалъ ему на лоскутикѣ бумаги записочку такого содержанія: «Любезный Ласенеръ, ты человекъ не глупый, напиши-ка мнѣ пѣсенку, которую бы я могъ пропѣть, всходя на эшафотъ. Ласенеръ отвѣчалъ на оборотъ: «Любезный Авриль, я не напишу тебѣ пѣсенки, потомучто передъ казнью поютъ тѣ, которые боятся смерти, и я надѣюсь, ни ты, ни я пѣть не будемъ»

Это было послѣднее проявленіе фаширонства несчастнаго Авриля, который очевидно подлаживался, старался поддѣлаться подъ тонъ своего товарища. Затѣмъ онъ исполнилъ послѣдній долгъ религіа, нанутствуемый отцомъ Азиберомъ.

Аббатъ Монтесъ посланъ былъ къ Ласенеру. Тотъ принялъ его съ церемоніальною учтивостью, но тотчасъ же предупредилъ: «Вы знаете, что все это не сходится съ моимъ взглядомъ на вещи.» Говорили впрочемъ, и мы готовы этому вѣрять, что Ласенеръ просилъ къ себѣ знаменитаго отца Лакордера, который и явился, но уже слишкомъ поздно.

Явилась тюремная прислуга... «Г. Гюго, сказалъ Ласенеръ, написалъ прекрасную книгу: *Послѣдній день приговореннаго къ смерти*, но еслибъ дали мнѣ сроку, я бы перецеголялъ его.»

Въ шесть часовъ съ половиною осужденные были отведены въ капеллу для выслушанія отходной. Авриль былъ сосредоточенъ. Ласенеръ бѣденъ. Ночь была холодная, утро морозное. Авриль мыс-

ленно молился, губы его шевелились, лицо сохраняло строгое выраженіе. Ласенеръ пребывалъ равнодушенъ ко всему окружающему и, не нарушая приличія, былъ похожъ на хорошо воспитаннаго человѣка, который присутствуетъ при совершеніи обряда ненавѣстнаго ему исповѣданія.

По окончаніи службы, Ласенеръ попросилъ чашку кофе и рюмку водки, которые раздѣлилъ съ Аврилемъ. Аврилъ въ свою очередь потребовалъ маленькій стаканъ водки, которою подѣлился съ Ласенеромъ. «На короткое время, которое намъ остается, сказалъ послѣдній, — нечего отставать отъ старыхъ привычекъ,» вынулъ изъ кармана сигару и закурилъ.

Въ тоже время явился палачъ и его помощники. Ласенеръ молча послѣдовалъ за ними. Пришедши въ переднюю экзекуторской конторы (l'avant-grefle), онъ положилъ сигару на печку и сѣлъ на табуретъ, въ ожиданіи предсмертнаго убранства.

«Просту принести мой свій сюртукъ,» сказалъ онъ, — «я желаю надѣть его сегодня.» Въ этомъ платьѣ явился онъ въ Ассизный судъ. Увидавши директора, онъ обратился къ нему: «Г. Бекероль, мое почтеніе! Я просилъ сегодня утромъ чернилъ и бумаги... да позабыли принести... Ну, ужь *de застра*», прибавилъ онъ улыбаясь. Потомъ подошелъ къ главному инспектору тюремъ: «Г. Оливье Дюфренъ, очень радъ васъ видѣть. Благодарю, что вы пожелали присутствовать при моихъ послѣднихъ минутахъ.»

Мрачные сборы окончены. Сначала увелъ Ласенера, потомъ Аврила. «Гдѣ же Ласенеръ? спросилъ онъ, озирая комнату, освѣщенную двумя трепетно-горящими свѣчами, или онъ ужь отправился?» — Одинъ изъ помощниковъ палача отвѣчалъ ему утвердительно движеніемъ головы, такъ какъ имъ положительно запрещено разговаривать съ приговоренными. «А! ну ладно, ладно,» сказалъ Аврилъ, — послѣ чего хранилъ молчаніе, пока продолжалось охлѣванье. Наконецъ дѣло дошло до стрижки волосъ. «Нѣтъ,» сказалъ онъ, избавляю васъ отъ труда, еще третьяго дня я какъ будто смекалъ въ чемъ дѣло и остригся. Вотъ оно что... Такъ дайте-ка мнѣ скрутку мою — холодно сегодня...» Потомъ быстро поднялся съ мѣста: «Идемъ, господа; прощайте, друзья!» сказалъ онъ, обращаясь ко всѣмъ присутствовавшимъ.

Одѣтымъ по установленію преступникамъ слабо связали назадъ руки, послѣ чего ввели ихъ въ контору экзекутора по дѣламъ уголовнымъ.

О настроеніи и физиологическомъ состояніи обоихъ преступниковъ, въ предсмертныя минуты, имѣются любопытныя, прямо научныя свѣдѣнія. Тогда врачемъ въ Бисетрѣ былъ г. Лелю (Lélu), от-

личный аналитикъ, котораго труды пролили новый свѣтъ на таинственныя отношенія мышленія къ организму.

Г. Лелю внимательно слѣдилъ за всѣми движеніями Ласенера. Преступникъ очевидно боролся съ самимъ собою, стараясь подавить въ себѣ подступавшій ужасъ, внушаемый естественнымъ чувствомъ самохраненія, старался казаться спокойнымъ и твердымъ. Онъ вполголоса просилъ кое о чемъ г. Оливье-Дюфрена, частью объ изданіи своихъ мемуаровъ. Потомъ его оставили и никто уже съ нимъ не заговаривалъ, да и самъ онъ не прерывалъ молчанія. Внутренняя борьба, происходившая въ немъ, все болѣе и болѣе становилась замѣтна опытному взору физиолога. Выраженіе лица измѣнилось, щеки попеременно краснѣли и блѣднѣли, смотрѣлъ онъ то смутно, то очень пристально, *губы пересохли* и воспаленный языкъ отыскивалъ во рту слюны, которая не отдѣлялась. «По временамъ, говорить г. Лелю, онъ *звѣвалъ, потягивался* — признакъ замѣченный мною у всѣхъ отправляемыхъ на эшафотъ. Натура очевидно начинала слабѣть, но сила воли все еще не измѣняла ему. Садясь въ карету, которая должна была отвезти его на мѣсто казни, онъ еще нашолъ сказать: «теперь за лошадьми дѣло стало».

На Аврilia г. Лелю обратилъ менѣе вниманія. Лицо приговореннаго было спокойное, *округленное* и не слишкомъ блѣдное. Онъ былъ не такъ озабоченъ, не такъ осаждаемъ мыслями, какъ Ласенерь и *не рисовался*. «Видимый организмъ (*la matière*) этого человѣка не поколебался, настроеніе ума (*la pensée*) было апатически спокойное.»

Карета тронулась; сначала ѣхали крупной рысью, но потомъ, по причинѣ избитой дороги, движеніе экипажа замедлилось. На блѣдномъ небѣ занимался день. Не смотря на оттепель, было холодно. О казни не было обнародовано и гильйотина поставлена наскоро, въ ночь, при свѣтѣ факеловъ. Сотъ пять или шесть народа, не болѣе, столпилось у эшафота, окруженного линіею солдатъ муниципальной гвардіи. Вопреки обыкновенію, женщинъ было немного. Нѣсколько человѣкъ національной гвардіи ушли изъ ближайшаго караула и стояли въ первыхъ рядахъ толпы. «Коли пришли сюда поглазѣть, сказалъ кто-то въ народѣ, такъ не слѣдовало и мундировъ надѣвать.»

Карета пріѣхала; муниципалы разступились. Ласенерь вышелъ первый довольно развязно и помѣстился съ лѣвой стороны, въ сопровожденіи почтеннаго аббата Монтеса, который типетно расточалъ свои увѣщанія. Любимый синій сюртукъ Ласенерь надѣлъ въ накидку. Лицо приговореннаго было блѣдно, но спокойно. Онъ

пристально смотрѣлъ на колыханіе безмолвной толпы... на приготовленія палачей и ихъ помощниковъ.

Въ свою очередь и Авриль вышелъ изъ кареты. На немъ былъ сѣрый арестантскій жилетъ и такіе же панталоны. Онъ тоже былъ спокоенъ, но съ особеннымъ благоговѣйнымъ чувствомъ обнялъ аббата Азибера. Ласенерь смотрѣлъ на эту сцену. Твердымъ шагомъ вошелъ Авриль по ступенямъ эшафота, окинулъ долгимъ взоромъ площадь и отдался въ руки служителей. «Снимите скуфейку, сказалъ онъ, она можетъ помѣшать;» потомъ, уже будучи положенъ на доску, крикнулъ громкимъ голомъ: «Прощай, Ласенерь! прощай, старый дружище!»

Топоръ ударилъ...

Ласенерь старался разглядѣть отскочившую голову Авриля. «Ласенерь, замѣтилъ ему аббатъ Монгестъ, вѣдь это могутъ принять за аффектацію и ужимку». Ласенерь не возражалъ.

Очередь дошла до него. «Мужайся, Ласенерь», сказалъ духовникъ. Обвиненный сдѣлалъ головою знакъ, который можно было перевести такимъ образомъ: «понимаемъ-съ, — мужества хватить».

Онъ взошелъ и вложилъ голову въ кружокъ, алѣвшею кровью Авриля. Тутъ произошло нѣчто ужасное. Въ убійственномъ снарядѣ случилось поврежденіе. Бритва гильйотины туго двигалась... Въ продолженіе *двадцати* секундъ она нѣсколько разъ падала, но не дохватывала шеи. Ласенерь сдѣлалъ отчаянное движеніе, обернулся лицомъ къ рѣзаку и страшно было выраженіе его глазъ, пока наконецъ желѣзо не ударило вмѣру. Было восемь часовъ тридцать три минуты утра.

На другой день въ газетахъ появилось описаніе этой страшной сцены. Только Gazette des Tribunaux сочла долгомъ исказить факты. По словамъ этой газеты гильйотина *скоро* покончила съ Ласенеромъ, который передъ смертью обнаружилъ будто бы смущеніе и страхъ, говорилъ несвязно и трепетно, и взошелъ на эшафотъ поддерживаемый служителями. Редакція въ томъ не виновата. Первоначально была приготовлена вполне обстоятельная статья о казни, но потомъ признано было неудобнымъ обнародовать, что такой великій злодѣй могъ умереть съ твердостью и такъ спокойно.

ЖИТЕЛИ ПЛАНЕТЪ

— Однажды у Гегеля, когда шли ~~послѣ~~ послѣ обѣда, я стоялъ вмѣстѣ съ нимъ у окна; двадцатилѣтній юноша, я съ восторгомъ смотрѣлъ на звѣздное небо и называлъ звѣзды — жилищемъ блаженныхъ. Но учитель забормоталъ про себя! — Звѣзды — гм! гм! Звѣзды — не что иное, какъ лоснящіеся прыщи на лицѣ неба.

Г Е Г Е Л Е

I

Выраженіе Гегеля имѣетъ глубокое значеніе, и можетъ быть мнѣ удастся уяснить его для читателя настоящей статьи. Но, что бы ни говорили Гегель и *вся философія*, не будетъ ли правъ тотъ, кто не станетъ вовсе чтвать настоящей статьи? Какое намъ дѣло до жителей планетъ? Къ чему разсуждать о существахъ, о которыхъ мы не можемъ имѣть точныхъ свѣдѣній, съ которыми не можемъ войти ни въ какія сношенія и отъ которыхъ ни въ какомъ случаѣ намъ не можетъ быть ни тепло ни холодно? Не лучше ли обратить все вниманіе на наши обстоятельства въ сей земной юдоли, о которыхъ мы и безъ того часто разсуждаемъ мало и плохо?

Возраженія справедливыя. Разсужденія о жителяхъ планетъ дѣйствительно могутъ показаться *развратнымъ поползновеніемъ* мыслей, какъ выражался еще старикъ Добантонъ. Но здѣсь является важное затрудненіе. Конечно для всякаго человѣка существуютъ предметы, до которыхъ ему нѣтъ дѣла; но если рѣшать этотъ вопросъ, то нужно уже рѣшать его правильно и систематически; нужно опредѣлить совершенно строго, до чего человѣку должно быть дѣло и до

чего ему не должно быть никакого дѣла. Очевидно вопросъ до такой степени сложный и запутанный, что едвали кто-нибудь рѣшится похвалиться, что нашолъ его рѣшеніе.

Если же кто, не замѣтивъ трудности, питаетъ убѣжденіе, что обладаетъ рѣшеніемъ этого вопроса, то мы такихъ людей не любимъ; потомучто вслѣдствіе этого у нихъ развивается такое расположеніе ума, что они становятся невыносимы, какое бы прекраснѣйшее сердце ни имѣли.

Дѣло въ томъ, что по счастью или несчастью, но только человѣкъ, говоря словами Добантона, развратенъ по самой своей природѣ, т. е. ему *до всего есть дѣло*. Въ этомъ заключается его странность и особенность, которая, какъ легко понять, причинила ему не мало бѣдъ и хлопотъ; но она есть его существенная, коренная принадлежность и можетъ даже служить для его опредѣленія. Человѣкъ есть существо такъ сказать легкомысленнѣйшее въ цѣломъ мірѣ, именно существо, которому до всего есть дѣло.

Вотъ почему отъ древнѣйшихъ временъ человѣкъ постоянно и даже съ особеннымъ любопытствомъ обращался къ задачамъ, по видимому имѣющимъ къ нему самое далекое отношеніе, какое только возможно. Таковы вопросы о началѣ и концѣ міра: въ нихъ человѣкъ отрывается отъ настоящаго и устремляется умомъ въ отдаленнѣйшее прошлое и отдаленнѣйшее будущее. Точно такъ же и вопросъ о планетныхъ жителяхъ. Съ тѣхъ поръ какъ была открыта истинная природа небесныхъ тѣлъ, мысль человѣческая не могла оторваться отъ ихъ загадочнаго міра, отъ ихъ далекихъ и недоступныхъ обитателей. Величайшіе умы послѣднихъ лѣтокъ внесли свои имена въ исторію мѣній о жителяхъ планетъ. О нихъ говорили Кеплеръ, Гюйгенсъ, Лейбницъ, Вольтеръ, Фонтенель, Кантъ и проч.

Ковечны авторитеты вамъ не страшны; мы такъ увѣрены въ склонности къ заблужденіямъ человѣческаго ума вообще, и въ способности къ открытію истины нашего ума въ особенности, что безъ большихъ затрудненій назовемъ пустыми фантазіями и вздоромъ мысли какого угодно авторитета. Другими словами — мы, такъ или иначе признаемъ себя умами, равноправными со всякимъ другимъ умомъ; худо или хорошо, но мы сами судимъ и рѣшаемъ всякой вопросъ и признаемъ за собою власть перевернуть всякое дѣло, кѣмъ бы оно прежде повершено ни было. И слѣдовательно кто бы ни говорилъ о жителяхъ планетъ, можетъ быть мы сочтемъ за болѣе благоразумное — молчать.

Молчаніе есть мудрость тѣхъ, кому нечего говорить. Мудрость эта не постыдная и не маловажная; потомучто она требуетъ ушныя

можно отличать дѣйствительную мысль отъ всего другого, что бредитъ въ головѣ. Но вовсе молчать нельзя, а молчать объ одномъ и говорить о другомъ — очень опасно; потому что не проговориться штъ никакой возможности. Выразивъ опредѣленное мнѣніе о какиъ-нибудь предметахъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно опредѣлимъ взглядъ нашъ на другіе предметы, о которыхъ повидимому умолчали самымъ тщательнымъ образомъ.

Что касается до жителей планетъ, то я надѣюсь убѣдить читателя, что не говорить о нихъ рѣшительно невозможно. Многіе великіе ученые, изъ похвальной осторожности, не говорили о нихъ ни слова; но осторожность пропала даромъ, потому что они рѣшились при этомъ имѣть такія мнѣнія, которыя сейчасъ показываютъ, какъ они думали о планетныхъ жителяхъ.

Такъ напримѣръ великій изъ великихъ знатоковъ неба — Лапласъ почти ничего не говоритъ объ обитателяхъ свѣтилъ. Строгій математикъ, скептикъ и матеріалистъ, онъ любилъ разсуждать точно и признавалъ вполне истинною одну математику. Между тѣмъ въ своей знаменитой книгѣ — *изложеніе системы міра*, въ концѣ, онъ не удержался и сдѣлалъ нѣсколько не-математическихъ соображеній. Вотъ они :

«Астрономія, по достоинству своего предмета и по совершенству своихъ теорій, есть прекраснѣйшій изъ всѣхъ памятниковъ чело-вѣческаго ума, подвигъ, приносящей ему наибольшую честь. Увлеченный обманомъ чувствъ и своего самолюбія, чело-вѣкъ долгое время смотрѣлъ на себя, какъ на средоточіе движенія свѣтилъ, и суетная гордость его была наказана ужасомъ, который они ему внушали. Наконецъ многолѣтніе труды расторгли завѣсу, скрывавшую отъ его взоровъ систему міра. Тогда онъ увидѣлъ, что находится на планетѣ, почти незамѣтной въ солнечной системѣ, которая сама, не смотря на свое громадное протяженіе, есть не болѣе, какъ ничтожная точка въ безконечности пространства. Великія сдѣлствія, къ которымъ привело его это открытіе, легко могутъ вознаградить его за ту степень, на которую оно низвело землю; его собственное величіе доказывается чрезмѣрною малостію основанія, послужившаго ему для измѣренія небесъ.»

«Будемъ тщательно сберегать, постараемся увеличить это сокровище высшихъ познаній, отраду мыслящихъ существъ. Они оказали важную услугу мореплаванію и географіи; но величайшее ихъ благодѣяніе заключается въ томъ, что они разсѣла страхъ, внушаемый небесными явленіями, и искоренили заблужденія, порожденные незнаніемъ нашихъ истинныхъ отношеній къ природѣ,

страхъ и заблужденія, которые тотчасъ же возникли бы снова, если бы угасъ свѣточъ наукъ.»

Съ перваго взгляда эти слова кажутся не болѣе, какъ невинною похвалою астрономіи. Говорить о пользѣ наукъ повидимому есть дѣло позволительное и отнюдь не дерзкое; а между тѣмъ посмотрите, куда это завело Лапласа. Почему онъ думаетъ, что предметъ астрономіи имѣетъ высокое достоинство? Не говоря о человѣкѣ, самое простое животное или растеніе выше всякой планеты и всякой звѣзды, если подъ планетою и звѣздою разумѣть только безжизненную глыбу. Величина не есть достоинство; ея нельзя принимать за *величіе*. Астрономія, говоритъ Лапласъ, открыла человѣку истинную систему міра. Значить ли это, что она способствовала постиженію сущности міра? Нисколько. Прежде думали, что земля неподвижна, а свѣтила движутся около нея; потомъ нашли, что скорѣе можно принять солнце за неподвижное и что земля около него движется. Чтоже тутъ важнаго? вмѣсто одного движенія нужно принять другое — и больше ничего.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь астрономія не доказала, что солнце совершеннѣе, лучше, выше, достойнѣе земли; она доказала только, что оно больше земли. Если человѣкъ, принимая землю за неподвижную, только по *суетной гордости* могъ считать это за ея достоинство и преимущество, то по какому же праву просвѣщенный астрономъ считаетъ солнце выше только за то, что не оно ходитъ вокругъ земли, а земля около него? Со стороны солнца было бы не простибельнымъ увлеченіемъ самолюбія считать себя выше только потому, что около него вертятся планеты.

Точно такъ нельзя согласиться и съ тѣмъ, будто бы астрономія открыла *малость* земля. Такое открытіе рѣшительно невозможно. Лапласъ прямо говоритъ, что земля мала въ сравненіи съ безконечностію пространства. Но спрашивается, что же можетъ быть *велико* въ сравненіи съ этою безконечностію? Какимъ образомъ великій математикъ могъ упустить изъ вида, что великость и малость суть понятія относительныя и что въ сравненіи съ безконечностію нѣтъ ничего ни великаго ни малаго? Если бы наша земля занимала все пространство солнечной системы, то и тогда она была бы, по словамъ самого Лапласа, незамѣтною точкою въ мірозданіи. Слѣдовательно вообще, *какое бы* протяженіе ни занимала земля, она никогда не могла бы быть великою. Лапласъ намекаетъ на то, что будто бы земля представляетъ недостаточно-широкое основаніе *для* *замыренія* небесъ. Но спрашивается, какое же основаніе было бы достаточно-велико? Опять нужно сказать — небеса неизмѣрны, и слѣдовательно никакая мѣрка не была бы какъ разъ вѣроу для ихъ

измѣренія. Скорѣе наоборотъ — изъ того, что мы, сидя на землѣ, успѣли измѣрить небо, совершенно ясно, что земля для этого достаточно велика. Вообще же о землѣ никакъ нельзя сказать, велика ли она, или мала. Если мы не станемъ ее мѣрить совершенно негоднымъ аршиномъ — безконечною, а поищемъ другой мѣры, то весьма легко можетъ оказаться, что земля имѣетъ *надлежащую* величину. Тѣ, которые писали о жителяхъ планетъ, всегда полагали, что должно быть нѣкоторое отношеніе между величиною планеты и величиною ея обитателей. Если мы станемъ разсматривать землю съ этой же точки зрѣнія, то найдемъ, что она достаточно велика въ отношеніи къ человѣческому росту. Людямъ на землѣ просторно, и человѣчество до сихъ поръ не могло пожаловаться на то, что ему мало мѣста. Что же касается до будущаго, то и за него трудно приходится въ особенный страхъ. Три, четыре тысячи мильоновъ легко помѣстятся на земномъ шарѣ, такъ чтобы гуляя не стѣсняли другъ друга; при томъ они составятъ такое многочисленное и разнообразное общество, что мы не вправѣ будемъ жаловаться, если численное увеличеніе его прекратится. Въ самомъ дѣлѣ, вѣроятно со временемъ число рождающихся будетъ равно числу умирающихъ, то-есть размноженіе естественнымъ образомъ уравнивается съ смертною. Пожаловаться на малость земля можно бы было только въ томъ случаѣ, если бы намъ не достало мѣста прежде этого уравниванія.

И такъ — нарасно Лапласъ утверждаетъ, что астрономія низвела землю на какую-то низшую степень достоинства; само собою понятно, что вовсе не во власти астрономіи опредѣлять достоинство свѣтилъ. Между тѣмъ совершенно ясно, что Лапласъ придаетъ этому мнимому опредѣленію особенно важное значеніе. Астрономія оказала великія услуги мореплаванію и географіи, — казалось бы, что важнѣе? Дѣло идетъ о прямой, дѣйствительной пользѣ для человѣчества; но Лапласъ находитъ, что не въ этомъ состоитъ величайшее благодѣяніе астрономіи, а въ томъ, что она *искоренила заблужденія, порожденныя незнаніемъ нашихъ истинныхъ отношеній къ природѣ.*

Что же все это значить? Что разумѣетъ Лапласъ подъ *истинными отношеніями къ природѣ*? Вообще — какая тайная мысль увлекла творца *небесной механики* къ такимъ явно-непоследовательнымъ сужденіямъ?

Мысль о жителяхъ планетъ. Предположите только, что ихъ постоянно имѣлъ въ виду Лапласъ, и слова его легко объяснятся. Въ самомъ дѣлѣ, не въ томъ дѣло, что человѣкъ прежде считалъ землю неподвижною, а въ томъ, что онъ считалъ только одну ее обитаемою, что онъ принималъ свой родъ за единственныхъ жителей

міра, и себя за единственное богоподобное твореніе. Когда же открылось, что небесныя свѣтила имѣють ту же природу, какъ и земля, неизбежно возникло сомнѣніе въ справедливости такихъ убѣжденій. Воображеніе съ неудержимымъ увлеченіемъ стало населять планеты и звѣзды существами, подобными человѣку. Число и совершенство этихъ существъ невольно собразовалось съ величиною и блескомъ ихъ жилищъ. И вотъ откуда происходили тѣ мнѣнія, которыя выражаетъ Лапласъ. Предметъ астрономіи потому высокъ, что эти звѣзды — не просто безжизненныя круглыя глыбы; это цѣлыя міры, исполненныя всѣми богатствами жизни и красоты, такъ что наше понятіе о мірозданіи было бы ничтожно, если бы мы не знали объ этихъ мірахъ. Земля, ставъ изъ средоточія планетыю, не потому потеряла свое достоинство, что сдѣлалась подвижною, а потому что явилась только малымъ звѣномъ въ системѣ планетъ, столько же, или еще болѣе одаренныхъ благами жизни. Не потому земля мала, что она меньше солнца и т. д., но потому что человѣкъ, живущій на землѣ, ничтоженъ въ сравненіи съ тѣми существами, которыя должны населять громадное и благодатное солнце или другія звѣзды. Вотъ какой взглядъ Лапласъ называетъ знаніемъ нашихъ истинныхъ отношеній къ природѣ. Человѣкъ долженъ вообразить себя, что онъ окруженъ безчисленными мірадами міровъ, простирающихся въ безконечность, гдѣ живутъ, мыслятъ и дѣйствуютъ существа безконечно-разнообразныя, чторыхъ совершенство можетъ несравненно превышать всякое человеческое совершенство. Вотъ что открыла астрономія, вотъ ея величайшее благодѣяніе. Человѣкъ не имѣетъ права признавать за собою исключительное богоподобіе, не долженъ имѣть притязаній на абсолютную истину; онъ — песчинка въ океанѣ существованія, и жизнь его, со всѣмъ ея содержаніемъ, съ его знаніемъ и душою — ничтожно, какъ чуть-видная волна въ этомъ океанѣ.

Вы видите, читатель, что все это ясно и послѣдовательно. Если же наоборотъ, на планетахъ нѣтъ жителей, то очевидно земля, какова бы она ни была, есть прекраснѣйшая планета; если звѣзды пусты, то какъ бы они огромны и многочисленны ни были, земля будетъ истиннымъ центромъ мірозданія, и человѣкъ — царемъ природы, главнымъ существомъ міра, цѣлью и смысломъ всего существующаго. Скромныя разсужденія Лапласа о пользѣ астрономіи отвергають подобный взглядъ; онъ говоритъ такъ, какъ будто жители планетъ несомнѣнно существуютъ. Не справедливо ли это? Есть ли дѣйствительно жители на планетахъ?

II

Прежде всего замѣчу, что не только у насъ нѣтъ лжѣдѣльникоу сколько-нибудь важныхъ причинъ принимать ихъ существованіе, но что даже самое легкое, простое и ясное предположеніе будетъ именно отрицаніе этого существованія. Тутъ мы не встрѣтимъ никакого противорѣчія, никакого затрудненія. Обыкновенно, какъ сильнѣйшій аргументъ въ пользу жителей планетъ, предлагаютъ вопросъ: для чего же существуетъ это безчисленное множество небесныхъ тѣлъ? Но вопросъ этотъ такого рода, что вовсе не требуетъ необходимо отвѣта. Если планеты и звѣзды суть пустыя тѣла, то само собою разумѣется, что онѣ нигде не годятся; очень странно было бы, если бы всякая звѣзда, потому только что она толста и тяжела, имѣла претензію непремѣнно быть жилищемъ разумныхъ существъ. Для разумныхъ существъ повсѣмъ нужно было устроить удобное и пріятное жилище; но отсюда не слѣдуетъ, чтобы наоборотъ для звѣздъ непремѣнно нужно было назначать разумныхъ существъ. Нельзя сказать: какъ жалко, что такіе прекрасныя шары остаются безъ обитателей! Потому что чего же имъ жалеть? Звѣзды, если онѣ представляютъ только грубую, мертвую массу, суть нѣчто совершенно ничтожное; онѣ почти тоже, что пустое пространство. Нельзя также говорить, будто бы онѣ стоили природѣ большихъ трудовъ и что безъ жителей всѣ эти труды остаются втуне. Если уже принять такое человѣкоподобное представленіе природы, то скорѣе же можно сказать, что малѣйшая органическая клѣточка ея стоитъ болѣе труда, чѣмъ всѣ звѣзды, взятая вмѣстѣ. Можно сожалѣть о человѣкѣ, у котораго нѣтъ руки или даже одного пальца; но нельзя жалѣть о камнѣ, что у него нѣтъ головы съ мозгомъ: очевидно камень не заслуживаетъ того, чтобы имѣть голову. А такъ какъ звѣзды въ нашемъ предположеніи суть не болѣе какъ камни, хотя и очень большіе, то нѣтъ никакой причины предполагать какую-то несообразность въ томъ, что они лишены разумныхъ обитателей. Жизнь, въ полномъ ея объемѣ, есть нѣчто столь прекрасное и великое, что передъ нею ничтожны ужасующія массы и разстоянія планетъ; такъ-что не будетъ никакой диспропорціи, ничего уродливаго и несообразнаго, если представимъ только одну планету украшенною жизнью и всѣ другія пустыми и безмолвными.

Очевидно напрочь нужно совершенно оборотить: планеты и звѣзды не нуждаются въ жизни, но не нуждается ли жизнь въ пла-

нетахъ и звѣздахъ? То есть — быть можетъ, жизнь такъ разнообразна и богата, что не можетъ помѣститься на одной землѣ. Не заключается ли въ жизни такое глубокое содержаніе, что она не можетъ ограничиться тѣми формами, въ которыхъ проявляется на землѣ, что она должна въ другихъ равныхъ или даже лучшихъ формахъ обнаруживаться на другихъ свѣтилахъ? Можетъ быть, жизнь даже совершенно неисчерпаема, такъ-что сколько бы ни было звѣздъ и планетъ, для нея все будетъ мало, и она никогда не успеетъ выразиться во всей своей полнотѣ?

Такое пониманіе жизни, такое желаніе представлять себѣ иную жизнь, отличную отъ нашей человѣческой — вотъ безъ сомнѣнія главное основаніе, по которому мы населяемъ планеты жителями. Очевидно не астрономія открыла или усилила это стремленіе человѣческаго духа; астрономія разсматриваетъ свѣтила именно только какъ камни, т. е. какъ тѣла тяжолыя, имѣющія взаимное притяженіе; такъ-что она дала только поводъ къ игрѣ нашей фантазіи, указала намъ мѣсто, которое мы могли населить своими созданіями. Если прежде изъ того же стремленія родились олимпійскіе боги, или духи подземные, водяные и воздушные, то нынѣ, когда болѣе точныя изслѣдованія доказали отсутствіе этихъ существъ въ указанныхъ мѣстахъ, мы, сообразуясь съ научными открытіями, нашли, что эта иная, не-наша жизнь, вмѣсто Олимпа, воздуха и воды, можетъ помѣститься на другихъ планетахъ. Мы радуемся, что астрономія развязала намъ руки или, выражаясь другими словами, доказала безконечность мірозданія. Теперь, если бы даже строгія изысканія показали, что на планетахъ нашей солнечной системы вовсе нѣтъ жителей, мы не будемъ нисколько въ затрудненіи: мы поселимъ ихъ на ближайшихъ къ намъ звѣздныхъ системахъ; если же вѣ окажутся пустыми, мы будемъ подвигаться дальше и дальше и будемъ при этомъ находиться въ пріятной увѣренности, что мѣста для нашихъ поселеній всегда хватитъ.

Понятіе объ иной жизни, отличной отъ человѣческой, глубоко и крѣпко коренится въ человѣческомъ духѣ. Какъ легко видѣть, оно имѣетъ значеніе величайшей важности; потому что неразрывно связано съ тѣмъ смысломъ, какой мы придаемъ нашей земной жизни. По этому фантастическія, безконечно-разнообразныя представленія *иной жизни*, которыми отъ древности и до нашихъ дней сопровождается исторія человѣческаго мышленія, всѣ имѣютъ положительное значеніе, всѣ могутъ быть истолкованы какъ свѣтлый или темный фонъ, на которомъ рѣзко рисуются формы нашей земной, человѣческой жизни. Это царство тѣней, эти блестящіе и мрачные призраки толпятся вокругъ человѣка какъ-будто только

для того, чтобы среди нихъ тѣмъ осязательнѣе и выпуклѣе выдѣлалась его дѣйствительная, непризрачная фигура. Такимъ образомъ мы строимъ эти существа на основаніи пониманія нашей жизни, и слѣдовательно вопросъ о жителяхъ планетъ долженъ обратиться въ слѣдующій: — можемъ ли мы такъ понимать нашу жизнь, такъ смотрѣть на нее, чтобы, выходя изъ этого взгляда, можно было правильнымъ образомъ населить планеты?

Вопросъ обширный въ высочайшей степени. Чтобы видѣть, какъ онъ рѣшается и возможно ли его рѣшеніе, мы можемъ впрочемъ остановиться на какомъ-нибудь частномъ случаѣ, взять какой-нибудь отдѣльный образчикъ этой иной жизни, которую мы ищемъ. Другими словами — начнемъ населять планеты, возьмемъ тѣ образы, которые встрѣчаются у писателей или даже стали ходячими мнѣніями, и посмотримъ, возможны ли они.

Помню, въ одномъ многолюдномъ ученomъ засѣданіи зашла рѣчь о томъ, что, можетъ быть, послѣ нашей геологической эпохи, послѣ новаго переворота явятся на землѣ существа болѣе совершенныя, чѣмъ люди. Одинъ изъ членовъ собранія отвергалъ возможность такого событія, но другой, весьма извѣстный профессоръ и притомъ профессоръ зоологій утверждалъ, что это легко можетъ быть. «Почему вы знаете, наконецъ спросилъ онъ, что послѣ насъ на землѣ не явятся напимѣрь люди съ крыльями? Они будутъ летать, а не ходить; а летать гораздо лучше, чѣмъ ходить!»

Вотъ простая и совершенно опредѣленная черта иной жизни. Притомъ крылатый человѣческій образъ не есть открытіе почтеннаго профессора; какъ извѣстно, этотъ образъ есть одна изъ любимыхъ формъ, въ которой человѣкъ воображаетъ высшія существа. Летать, имѣть крылья — всегда было особенно-желаннымъ для людей; не мало высказано было и жалобъ на то, что у насъ недостаетъ крыльевъ.

Но если поэту, художнику или простому мечтателю и позволительно говорить о людяхъ съ крыльями, то на подобныя рѣчи менѣе всякаго другого сорта людей имѣютъ право именно профессоры зоологій. Именно для зоолога *человѣкъ съ крыльями* есть нелѣпость, есть явное противорѣчіе.

Профану въ зоологій позволительно не знать, что крыльямъ птицъ у человѣка соответствуютъ руки, и потому позволительно привѣщивать крылья сзади рукъ; но зоологъ долженъ знать, что вѣтъ и никогда не было позвоночныхъ животныхъ съ шестью членами; слѣдовательно зоологъ, предполагая крылатаго человѣка, долженъ предположить, что этотъ человѣкъ *безъ рукъ*, что его руки

превращены въ крылья. Человѣкъ безъ рукъ! Не правда ли, что это почти то же, что человѣкъ хотя съ руками, но безъ лица? Рука, послѣ лица, есть самая подвижная, самая живая часть тѣла. Пожатіе руки соответствуетъ поцѣлюю; рука, также какъ лицо, выражаетъ душу, и потому въ ней, также какъ въ лицѣ, преимущественно проявляется красота. Безрукій человѣкъ — крайнее безобразіе, не говоря уже о томъ, что быть безъ рукъ значитъ быть калѣкою въ высочайшей степени; потому что рука есть главный органъ дѣятельности.

Нѣтъ и не было позвоночныхъ животныхъ, у которыхъ было бы больше четырехъ членовъ; по этому для зоолога предположеніе шести членовъ странно и дико; правильный и естественный ходъ мыслей внушаетъ ему, что если у позвоночныхъ нѣтъ и не было шести членовъ, то вѣроятно потому, что шести членовъ у нихъ не можетъ быть. Это называется наведеніемъ.

Но оставимъ грубый опытъ и эмпирическіе выводы: путешествуя по планетамъ или переносясь въ грядущія времена, мы очевидно не должны ни чѣмъ стѣсняться. Тутъ мы находимся въ области чистой мысли, въ царствѣ *возможнаго*. И такъ пусть у человѣка будетъ, кромѣ ногъ и рукъ, еще пара членовъ, крылья? Посмотримъ, далеко ли мы улетимъ на этихъ крыльяхъ.

Часто говорятъ: птицѣ даны крылья для того, чтобы она летала. Это совершенно несправедливо; потому что однихъ крыльевъ мало для того, чтобы летать. Чтобы летаніе было возможно, нужно сверхъ крыльевъ особенное устройство цѣлаго тѣла: вся анатомія животнаго должна измѣняться. И дѣйствительно *вся птица* отъ головы до ногъ устроена особеннымъ образомъ, приспособленнымъ къ летанію. Подробности птичьей анатоміи въ этомъ отношеніи представляютъ необыкновенный интересъ. Такъ какъ летаніе есть дѣло трудное, то для достиженія его природа употребила всѣ мѣры, всѣ механическія хитрости, какія только возможны; но необходимости она должна была подчинить этой цѣли всѣ органы. По этому и не вѣрно сказать, что для летанія служатъ одни крылья. Между тѣмъ очень обыкновенно случается, что вздумавши представить какое-нибудь существо летающимъ, мы просто придѣлываемъ ему крылья, не измѣняя нисколько всего остального.

Итакъ — если человѣкъ желаетъ летать, то его тѣло должно быть измѣнено. Укажу здѣсь на одну черту птичьяго тѣла, которая прямо бросается въ глаза. Тѣло птицы существенно отличается тѣмъ, что образуетъ округленную сплошную массу, безъ видимыхъ раздѣленій. Шея съ головою и ноги имѣютъ очень малый размѣръ въ

сравненія съ туловищемъ, въ которомъ сосредоточена вся тяжесть тѣла. По законамъ механики такая форма необходимо требуется для удобства летанія; безъ нея птица не могла бы оправдать своимъ полетомъ. Следовательно, давая крылья человѣку или лошади, невозможно вообразить, что ихъ туловище сохраняетъ прежнюю форму; оне должна сосредоточиться, образовать неподвижную, округленную массу.

Не правда ли, какое страшное безобразіе! Наше чувство вообще невольно возмущается противъ всякаго отступленія отъ прекраснаго человѣческаго образа. Видали ли вы Аполлона Бельведерскаго?

Дукъ звенить, стрѣла трепещеть,
И клубясь издохъ Писонъ,
И твой ликъ побѣдой блещеть,
Бельведерскій Аполлонъ.

Но у него блещеть не только лицо, онъ весь сіяетъ, съ головы до ногъ; олимпийская сила и гордость овѣтится въ каждомъ напряженномъ мускулѣ отъ шеи и до ступней; каждое членовидіе, каждое суставъ, каждый изгибъ дышетъ и говоритъ. Какимъ образомъ могло бы это отразиться на бессмысленно-кругломъ туловищѣ птицы? Куда бы дѣвалась эта красота, это видимое и осязаемое проявленіе силы и смѣлости?

Человѣкъ съ туловищемъ птицы есть неспособность. Но не здѣсь еще кончается его преобразование, если онъ вздумаетъ летать. Читатель чувствуетъ, что мы только слегка касаемся здѣсь вопроса, способнаго къ широкому и математически-строному развитію. Летаніе есть опредѣленный механическій процессъ; онъ возможенъ только при нѣкоторыхъ механическихъ условіяхъ. Выпада эти условія одно за другимъ со всевозможною точностію, мы нашли бы, что тѣло человѣка, чтобы подходить полъ эти условія, должно не только болѣе и болѣе приближаться къ тѣлу птицы. Такимъ образомъ мы убѣдились бы, что летать можетъ только птица, и что человѣкъ и лошадь, чтобы летать, должны превратиться въ птицу.

Увижу здѣсь только на одно обстоятельство; птицы, вообще говоря, гораздо меньше звѣрей. Это не есть капризъ природы, ея произвольное распоряженіе. Нѣтъ, это зависитъ отъ того, что животныя слишкомъ большія, слишкомъ массивныя не могутъ летать, то есть изъ костей и мускуловъ, изъ тяжей и перьевъ невозможно построить летающее существо, котораго вѣсъ былъ бы больше известнаго предѣла. Отсюда слѣдуетъ, что если человѣкъ желаетъ летать, то онъ долженъ уменьшиться до величины нашего пиджачнаго голландера или великана. Меньшая величина подвижному не бѣда; но

виѣсть съ уменьшеніемъ тѣла должно произойти и уменьшеніе мозга, а имѣть въ головѣ мало мозга, какъ извѣстно, есть истинное несчастье, бѣдствіе невознаградимое.

Что же мы выведемъ изъ всего этого? Птицами намъ быть вовсе не хочется, мы хотѣли бы остаться людьми и только получить способность летать. Если же мы готовы отказаться отъ летанья, лишь бы остаться людьми, то спрашивается, ужели человѣческія движенія имѣютъ такое низкое значеніе, что мы должны завидовать движеніямъ птицы, ея полету? Почему упомянутый выше профессоръ зоологіи провозгласилъ съ такою увѣренностію, что летать лучше, чѣмъ ходить?

Рѣшить, что лучше и что хуже — дѣло вовсе не легкое; приниматься за такой вопросъ легкомысленно и торопливо вовсе не слѣдуетъ. Очевидно, преимущество птицы передъ человѣкомъ состоитъ въ скорости передвиженія. Но развѣ скорость есть единственное достоинство движеній? Развѣ можно сказать, что чѣмъ движеніе скорѣе, тѣмъ оно лучше? Скоро, да не споро, тише ѣдетъ — дальше будешь, говоритъ русская пословица. И дѣйствительно достоинство движеній состоитъ главнымъ образомъ не въ скорости, но въ томъ, что содержится въ самыхъ движеніяхъ, что ими достигается. Сила движеній, ихъ свобода, ихъ многообразіе гораздо важнѣе, чѣмъ скорость. И легко убѣдиться, что человѣкъ въ этомъ отношеніи превосходитъ всякую птицу. Принимая въ соображеніе тяжесть человѣка, мы найдемъ, что и поступь его въ высочайшей степени легка и быстра, но сверхъ того нѣтъ ни одного животнаго, которое бы во время передвиженія до такой степени свободно владѣло своимъ тѣломъ, какъ человѣкъ. Птица совершенно поглощена своимъ полетомъ; дѣлать что-нибудь на лету она не можетъ. Между тѣмъ человѣкъ, передвигаясь съ мѣста на мѣсто, въ то же время можетъ свободно и сильно дѣйствовать всѣми верхними частями своего тѣла. Ни одно животное не способно къ такимъ разнообразнымъ движеніямъ, какъ человѣкъ. На этомъ основана гибкость, разнообразное расчлененіе, стройное соотношеніе многихъ частей — тѣ черты, которыми рѣзко отличается человѣческое тѣло и которыя такъ восхищаютъ насъ въ его прекрасныхъ образцахъ. Въ человѣкѣ природа разрѣшила высокую механическую задачу — сочетать наибольшую легкость движеній съ наибольшою ихъ силою и свободою и съ наибольшимъ разнообразіемъ. Птицамъ завидовать намъ не въ чемъ.

Да и за чѣмъ намъ крылья? Такъ иногда вздумается — хорошо бы полетѣть да сѣсть на крестъ Исакія, чтобы взглянуть оттуда на Петербургъ; или вдругъ захочется отъ скуки слетать въ Одессу,

нечаянно влетѣть въ окно къ стариннымъ знакомымъ и спросить ихъ: ну, какъ вы здѣсь поживаете? Но чтобы вообще мы имѣли склонность къ воздушной жизни, этого нельзя сказать. Мы вовсе не желаемъ непрерывно швырять по воздуху, жить воровствомъ, подхватывая себѣ добычу то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, почевать на скалахъ, на деревьяхъ или на вершинахъ церквей и башенъ. Если же такъ, то для чего же бы мы стали подниматься на воздухъ и что бы мы такое важное стали тамъ дѣлать? Очевидно, если бы мы имѣли крылья, то сохраняли бы ихъ только на случай капризовъ или черезъ-чуръ хорошей погоды, а въ обыденной жизни пользовались бы ими развѣ какъ опахалами.

И такъ мы должны отказаться отъ крыльевъ, какъ для существъ новаго геологическаго періода, такъ и для жителей планетъ, если издаемъ населять ихъ не одними птицами, но и человѣкоподобными существами. Впрочемъ бѣда была бы небольшая, еслибы пришлось отказаться отъ однихъ крыльевъ; но читатель вѣроятно замѣтилъ, что мы вообще не смѣемъ измѣнять человѣческаго образа. Не потому только, что всякое измѣненіе было бы безобразіемъ, было бы нарушеніемъ той чарующей красоты, которую нѣкоторые стараются объяснить простою, т. е. пустою привычкою, но также и потому, что измѣняя фигуру, мы существенно нарушаемъ механическія условія строенія тѣла, слѣдовательно искажаемъ всю *физическую* дѣятельность существа. Произвольно измѣняя форму человѣческаго тѣла, не только создадимъ безобразныя чудища, но мы сотворимъ калѣкъ, безильныхъ, немощныхъ уродовъ. Если же при своихъ созданіяхъ мы будемъ строго слѣдовать законамъ механики, то во всякомъ случаѣ мы не можемъ изобрѣсти новые человѣкоподобные или преносходящіе человѣка образы, но непременно придемъ къ формамъ животноподобнымъ, слѣдовательно низшимъ даже въ механическомъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, не нужно обманываться тѣмъ, что животныя часто отличаются страшною силою, быстротою, легкостію движеній. Легко убѣдиться, что здѣсь нѣтъ преимуществъ передъ человѣкомъ, именно потому что въ этихъ свойствахъ обнаруживается механическая *односторонность* животныхъ. Левъ — царь звѣрей, не смотря на то, что есть многія животныя больше, сильнѣе и быстрѣе его. Человѣкъ же имѣетъ преимущество надъ самымъ львомъ: онъ боролся съ нимъ, и истреблялъ его гораздо прежде, чѣмъ поумиѣлъ до того, что выдумалъ пороховъ.

III

И такъ — создать животное, котораго физическая дѣятельность была бы лучше (въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова) человѣческой, невозможно. Изъ легкихъ замѣчаній, которыя я сдѣлалъ выше, видно, что полное доказательство этого положенія должно основываться на законахъ механики. Законы же механики принадлежатъ къ числу *необходимыхъ* законовъ. То есть мы не можемъ вообразить, что гдѣ бы то ни было, на другихъ ли планетахъ нашей солнечной системы, или на другихъ солнечныхъ системахъ въ самой безконечности небесъ, эти законы не соблюдаются. Законы механики въ этомъ отношеніи совершенно похожи на теоремы геометріи. Эти теоремы справедливы вездѣ безъ исключенія. На этомъ замѣчаніи былъ даже нѣкогда построенъ весьма основательный проектъ, имѣвшій цѣлю войти въ прямые сношенія съ жителями луны. Какой-то ученый, и едвали не нѣмецкій, предлагалъ какому-то правительству гдѣ-нибудь на большихъ пространствахъ изобразить яркими огнями какой-нибудь геометрической чертежъ, вапримѣръ чертежъ пифагоровой теоремы. Жители луны, которые вѣроятно не менѣе Пифагора радовались открытію этой теоремы и можетъ быть также принесли за это въ жертву сто лунныхъ быковъ, безъ сомнѣнія узнали бы чертежъ и любезно отвѣчали бы намъ другимъ чертежомъ. Ученый, кажется, прибавлялъ еще, что если бы этотъ способъ не удался, т. е. если бы оказалось, что жители луны не знаютъ геометріи, то мы бы покрайней мѣрѣ убѣдились, что съ ними не стоитъ знакомиться. Прекрасную теорему доказалъ бы тотъ, кто вывелъ бы математически-строго, что форма человеческого тѣла также ясно указываетъ на механическое совершенство человека, какъ чертежъ пифагоровой теоремы указываетъ на самую теорему. Тогда, видя жителей на планетахъ, мы также бы надѣялись найти тамъ человѣческія формы, какъ указанный выше ученый надѣялся, что жители луны знаютъ геометрію.

Для полной ясности нужно впрочемъ прибавить, что человѣческая фигура зависитъ не только отъ механическихъ законовъ, по которымъ построена, но и отъ вещества, изъ котораго построена. Форма и размѣры каждой машины непременно зависятъ отъ ея матеріала; такъ деревянные часы не могутъ быть такъ малы и плоски, какъ металлическіе. По этому для искателей новыхъ формъ остается еще возможность измѣнить человѣческую фигуру, пред-

полагая другой матеріалъ. Можетъ быть, скажутъ они, нервы и мускулы планетныхъ жителей устроены изъ другого вещества, чѣмъ наши, и потому и вся машина ихъ тѣла имѣетъ несравненно высшее достоинство, хотя и построена по тѣмъ же механическимъ законамъ.

Вопросъ трудный; физиологи ничего не знаютъ о связи между сущестію извѣстнаго намъ вещества и сущестію организмовъ; они не могутъ доказать такого положенія: для органической дѣятельности необходимо именно такое вещество, какое мы находимъ въ организмахъ. Какъ-то Молешоттъ вздумалъ выразиться, что для мышленія необходимъ фосфоръ; вѣроятно оно такъ и есть, да бѣда въ томъ, что вѣдь это нужно доказать. А говорить это безъ доказательства значитъ ни больше ни меньше, какъ сказать, что для мышленія необходимо имѣть голову, да при томъ еще не пустую, а съ мозгомъ.

Попробуемъ однакоже рассмотреть болѣе простые случаи. Возьмемъ не физиологовъ, а людей болѣе точныхъ — физиковъ и химиковъ. Повѣрятъ ли они, что въ другихъ мірахъ явленія, ими изучаемыя, совершаются иначе, потому что *вещество тамъ другое*? Напримѣръ, что свѣтъ тамъ иначе преломляется, что различныхъ состояній тѣлъ не три — твердое, жидкое и газообразное, а четыре или пять, что тѣла соединяются химически не въ опредѣленныхъ пропорціяхъ и т. д.? Едва ли ктонибудь не согласится, что подобныя предположенія невозможны. Понятно, что физики и химики, занимаясь болѣе простыми явленіями, яснѣе могутъ видѣть, что эти явленія связаны съ самою сущестію вещества и прямо вытекаютъ изъ нея; они стараются даже на самомъ дѣлѣ вывести изъ этой сущности наблюдаемые ими законы явленій, напримѣръ посредствомъ теоріи атомовъ. Молешоттъ же только похвастался передъ неувѣдущими людьми, давая имъ разумѣть, будто бы физиология также ясно выводитъ мышленіе изъ фосфора, какъ химія выводитъ изъ атомовъ опредѣленныя пропорціи соединений.

Физикъ, принимающій теорію атомовъ, необходимо принимаетъ, что и на отдаленнѣйшихъ звѣздахъ вещество состоитъ изъ атомовъ; химикъ, полагающій, что опредѣленныя пропорціи соединений объясняются свойствами атомовъ, необходимо предполагаетъ, что въ дѣломъ міре частицы вещества соединяются въ опредѣленныхъ пропорціяхъ. Однимъ словомъ, добраваясь до сущности нашего земного вещества, мы вмѣстѣ съ тѣмъ увѣремы, что добраваясь до той единой сущности, которая служитъ основою всего вещественнаго міра. Мы и теперь исповѣдуемъ тоже ученіе, какое проповѣдывалъ Фалесъ, т. е. что всѣ тѣла образованы изъ одного матеріала.

риала, хотя и несогласны съ нимъ въ томъ, что этотъ матеріалъ была вода. Таково неизбѣжное и всегдашнее стремленіе человѣческаго ума, и Мошоттъ былъ бы правъ, если бы сказалъ только, что умъ человѣческой стремится доказать, что и фосфоръ необходимъ для мышленія.

Открыть необходимую связь между явленіями — вотъ общая задача для всего естествознанія. Изъ этого слѣдуетъ, что мы заранѣе убѣждены въ этой связи, но не слѣдуетъ, что мы уже знаемъ эту связь. Сказать, что между всѣми явленіями существуетъ необходимая связь, значитъ сказать, что всѣ они необходимо протекаютъ изъ одной сущности, т. е. сущность непрѣнно полагается единою. Такъ сущность всѣхъ вещественныхъ явленій мы называемъ веществомъ и въ тоже время непрѣнно принимаемъ, что вещество вездѣ одно. Потому мы предполагаемъ, что изъ этого единого развивается все разнообразіе міровыхъ явленій, развивается съ совершенною необходимостію. Слѣдовательно, если на землѣ развились организмы, то необходимость такого развитія заключалась въ веществѣ. Поэтому и обратно органическія явленія необходимо требуютъ извѣстныхъ видоизмѣненій вещества; организмы могутъ быть образованы только изъ того матеріала, который мы въ нихъ находимъ.

Въ этомъ отношеніи обыкновенно дѣлаютъ неосновательное различіе между мертвою и органическою природою, и дѣлаютъ не только простые смертные, но и основательные ученые. Мертвой природѣ мы уже привыкли, хотя и не очень давно, приписывать строгую законность, механическую неизмѣнность дѣйствій. Явленія мертваго міра мы принимаемъ за неизбѣжное обнаруженіе сущности вещества. Между-тѣмъ организмы кажутся намъ чѣмъ-то менѣе правильнымъ; мы не считаемъ ихъ необходимыми въ мірѣ, и необходимо-такими, какъ они есть. Мы готовы принимать ихъ за какую-то случайную игру вещества, за прихоть природы, или же приписываемъ ихъ формы и явленія произволу постороннихъ силъ, какъ будто фантазіи, создавшей образы ихъ по своему желанію и вкусу и потомъ наложившей эти образы на вещество. Понимать мудрость творенія такимъ образомъ весьма несправедливо. Вотъ прекрасное мѣсто изъ *Книги Соломоновой Премудрости*, всего лучше поясняющее вопросъ и знаменитое по своему важному смыслу. Писатель рассуждаетъ о Египетскихъ казняхъ и, обращаясь къ Богу, говоритъ:

«А за безумныя и грѣховныя помышленія ихъ, за то, что они поклонялись безсловеснымъ пресмыкающимся и несмысленнымъ зѣбрамъ, ты послалъ имъ въ отищеніе множество безсловесныхъ

животныхъ. Чтобы они знали, что чѣмъ кто согрѣшитъ, тѣмъ и накажется. Потомучто развѣ не могла всесильная рука твоя, сотворившая міръ изъ безвѣднаго вещества, послать на нихъ множество медвѣдей или лютыхъ львовъ, или же невѣдомыхъ новосозданныхъ звѣрей, исполненныхъ яростію; такихъ, которые дышали бы огненнымъ пламенемъ, или испускали бы злосмradный дымъ, или разсыпали бы изъ очей страшныя искры; даже такихъ, которые могли бы погубить ихъ не только своимъ вредомъ, а однимъ ужасомъ своего вида? Да и безъ того, они могли бы пасть, гонимые только судомъ твоимъ, и быть истреблены и развѣяны однимъ духомъ силы твоей. Но — *вся мѣрою, и числомъ, и въсомъ расположилъ есмь.*» (XI глава). Смыслъ этого прекраснаго мѣста очевидно тотъ, что и животныя, т. е. высшіе и прекраснѣйшіе организмы, созданы по *мѣрѣ, числу и вѣсу*, т. е. по законамъ математически—опредѣленнымъ. Развитие этой мысли неизбежно приводитъ къ признавію *необходимости* животныхъ формъ.

Итакъ, если кто захочетъ воображать себѣ на планетахъ растенія и животныхъ, то строго говоря, онъ долженъ воображать ихъ такими, каковы они на землѣ. Такъ физикъ, представляя атмосферу планеты, принимаетъ, что ея газы слѣдуютъ закону Мариотта и вообще имѣютъ всѣ свойства земныхъ газовъ; такъ химикъ, предполагая, что свѣтъ звѣздъ зависитъ отъ горѣнія, воображаетъ себѣ химическое соединеніе по опредѣленнымъ пропорціямъ; такъ минералогъ, желая представить себѣ минералы планетъ, воображаетъ тѣже кристаллическія формы, какія онъ видѣлъ на землѣ.

Все это не дерзость, не одно пустое самообольщеніе; астрономы, люди, исключительно преданныя небу, спокойно и счастливо идутъ этимъ путемъ. Небесныя явленія они объясняютъ совершенно какъ земныя. Никакой астрономъ не усумнится, что свѣтъ звѣздъ слѣдуетъ тѣмъ же законамъ, какъ свѣтъ стеариновой свѣчки, что законъ тяжести дѣйствуетъ вездѣ одинаково, что плотность и твердость кометъ ничтожна, потомучто въ нихъ мало вѣсу и т. п. Недавно еще явились попытки опредѣлять химическій составъ луны по тѣмъ лучамъ, которые она отражаетъ, и опредѣлить составъ горящихъ веществъ солнца по свѣту этого горѣнія. Наконецъ къ намъ залетаютъ постоянно падающія звѣзды, камни изъ небснаго пространства; химики нашли въ нихъ тѣже вещества, какія они уже знали на землѣ.

Однимъ словомъ — изъ всѣхъ фактовъ астрономія вѣтъ ни одного, который бы отзывался чѣмъ-нибудь совершенно чуждымъ; вѣтъ ни одного, который бы доказывалъ *разнообразіе* міра. Великіе

успѣхи астрономіи напротивъ состоятъ именно въ постепенномъ распространѣніи *однообразія* на все мірозданіе. Чего вы выдумывали люди въ разсужденіи звѣздъ и планетъ! Какихъ стеклянныхъ и веерныхъ небесъ они не воображали вокругъ себя! Что же оказалось? планеты — таже земля; звѣзды — таже солнце; и до безконечности небесъ все таже и таже, все солнце, да планеты, да пространство, не имѣющее конца...

Недовѣріе, которое возбуждаютъ къ себѣ небесныя пространства, ожиданіе въ нихъ чего-то новаго, небывалаго, можно объяснить прямымъ остаткомъ старыхъ привычекъ. Укажу на двухъ философовъ, непростительно увлекшихся такимъ недовѣріемъ; по поговоркѣ: крайности сходятся, въ подобныхъ мнѣніяхъ сошлись Августъ Контъ и Шеллингъ, одинъ — мыслитель наиболѣе скептической, другой — наиболѣе вѣрующій. Контъ утверждаетъ, что человѣкъ неспособенъ понять мірозданіе, что онъ ограниченъ крошечнымъ уголкомъ міра и можетъ здраво судить только о немъ; — это новый, самый современный взглядъ. Къ сожалѣнію, подобный взглядъ можно имѣть не иначе, какъ распространяя его на *все мірозданіе*, и потому Контъ, стараясь защитить свою систему міра, впасть въ крайнюю ошибку. Астрономы открыли, что двойныя звѣзды подчинены законамъ всеобщаго тяготѣнія. Двойныя звѣзды очень далеко; Контъ хотѣлось-бы ограничить человѣка одною солнечною системою; и вотъ онъ упорно отвергаетъ вѣрность астрономическихъ выводовъ и наблюденій и даже выставляетъ вообще всю звѣздную астрономію, какъ пустое и немогущее дать плодовъ занятіе. И выходитъ, что Контъ, отвергая законы движенія двойныхъ звѣздъ, думаетъ, что знаетъ объ этихъ звѣздахъ больше и вѣрнѣе, чѣмъ астрономы, которые ихъ наблюдали.

У Шеллинга цѣль другая. Ему хотѣлось бы доказать, что человѣкъ есть единственное богоподобное существо, центръ міра; а для того, чтобы возможенъ былъ центръ, онъ хочетъ указать на окружность. Шеллингъ стремится найти предѣлы міра, стремится такъ или иначе ограничить его. Поэтому онъ перетолковалъ по своему наблюденіе астрономовъ: ему показалось, что они въ звѣздахъ нашли что-то *непохожее* на нашъ солнечный міръ, и онъ указываетъ на это новое, какъ на признакъ того, что астрономы приблизились къ предѣламъ того міра. Вотъ его собственныя слова:

«Должно порадоваться расширенію средствъ наблюденій, которое, хотя отчасти, нарушило мертвящее умъ и ни къ чему не ведущее однообразіе системы міра, именно вслѣдствіе открытій

«двойныхъ звѣздъ, гдѣ можно видѣть, какъ около покоищейся центральной звѣзды обращается звѣзда не менѣе свѣтлая и не меньшей массы, но равная (если не ошибаюсь, въ одномъ случаѣ даже большая), и какъ въ этихъ странахъ, столь дальнихъ отъ нашей точки зрѣнія, разстоянія по видимому уменьшаются, такъ какъ по Гершелю и Струве, у многихъ двойныхъ звѣздъ разстояніе поперечной звѣзды отъ центральной едва равняется поперечнику послѣдней, а въ другихъ случаяхъ, только малому числу этихъ поперечниковъ.»

Ничего подобнаго не находила звѣздная астрономія, и Гершель и Струве нимало не виноваты въ словахъ Шеллинга. Звѣздная астрономія напротивъ доказала однообразіе міра на столько, на сколько могла доказать. Съ нашей точки зрѣнія, т. е. съ земли, нельзя видѣть планетъ и спутниковъ, которые вращаются около звѣздъ; можно видѣть только самыя звѣзды. Но такъ какъ есть звѣзды обращающіяся одна около другой, то астрономія могла доказать, и дѣйствительно доказала, что движеніе ихъ происходитъ по тому же закону тяготѣнія, какому повинуются солнечная система.

Очевидно астрономія идетъ явно по тому пути, который противорѣчитъ тайнымъ мечтаніямъ Лапласа. Какъ въ геологіи въ настоящее время принято за правило не принимать ни въ какія отдаленнѣйшія эпохи дѣйствія другихъ силъ, кромѣ тѣхъ, которыя мы знаемъ теперь; такъ и астрономія постоянно держится правила не принимать ни въ какихъ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ неба другихъ силъ и иныхъ законовъ, кромѣ тѣхъ, какіе мы встрѣчаемъ на землѣ. И это имѣетъ не тотъ смыслъ, будто мы нашу ничтожную землю хотимъ сдѣлать образцомъ для всего великаго мірозданія, но тотъ, что величіе цѣлаго мірозданія отражается на землѣ, что въ ней вполне выразилась сущность міра.

IV

Легкое и прямое заключеніе, которое выведетъ читатель изъ всего предъидущаго, будетъ то, что если существа другихъ міровъ по вещественной своей природѣ не отличаются отъ существъ земли, то они не могутъ отличаться и по психической природѣ, такъ какъ душевная дѣятельность необходимо соотвѣтствуетъ тѣлесной. Но именно противъ этого заключенія всего сильнѣе вооружается наша мысль.

Человѣкъ недоволенъ своею жизнью; онъ носитъ въ себѣ учительскіе идеалы, до которыхъ никогда не достигаетъ; и потому ему нужна вѣра въ нравственное разнообразіе міра, въ бытіе существъ болѣе совершенныхъ, чѣмъ онъ самъ. Часто раздаются жалобы на физическія бѣдствія нашей жизни; но что онѣ значатъ въ сравненіи съ нашими жалобами на нравственныя бѣдствія, въ сравненіи съ тѣмъ неутолимимъ гнѣвомъ и отчаяніемъ, съ какимъ человѣкъ смотритъ на нравственное ничтожество и уродство человѣка? Вопли Руссо и Байрона, беспощадная иронія Гейне и всѣ другія явленія такого рода имѣли источникомъ не физическое, а нравственное зло человѣчества. И потому если человѣкъ, недовольный своимъ тѣлеснымъ устройствомъ, мечтаетъ иногда о крыльяхъ, то несравненно болѣе онъ склоненъ воображать существа, у которыхъ не было-бы нашихъ нравственныхъ недостатковъ. То есть человѣкъ считаетъ возможнымъ, что сущность его нравственной жизни можетъ проявиться въ несравненно-лучшихъ формахъ, чѣмъ она является на землѣ. Вотъ гдѣ заключается главный корень нашего желанія населить планеты; вотъ отчего и Гейне, говоря съ Гегелемъ, вздумалъ назвать звѣзды жилищемъ блаженныхъ.

Мы улетаемъ мысленно къ счастливымъ жителямъ планетъ, чтобы отдохнуть отъ скуки и тоски земной жизни. Такъ точно прежде любили вспоминать золотой вѣкъ, такъ нѣкогда воображали себѣ Эльдorado, гдѣ побывалъ и Волтеръ, или Новую Атлантиду, куда мысленно плавалъ Баконъ Веруламскій. Такія мечты очень многочисленны; онѣ имѣютъ техническое названіе — *утопій*, по имени острова *Utopia*, подробно описаннаго канцлеромъ Томасомъ Морусомъ въ 1650 году. По самому источнику такихъ созданій воображенія видно, что они выражаютъ болѣе или менѣе высокія стремленія человѣческаго ума, и дѣйствительно часто въ нихъ высказываются возвышеннѣйшія и благороднѣйшія надежды и желанія.

Задача, которую представляютъ всѣ эти созданія нашего ума, чрезвычайно обширна и трудна. Нужно было бы показать, въ какомъ отношеніи находятся всѣ эти предположенія къ самой сущности нашей нравственной природы, возможны ли они по ея законамъ, по ея необходимымъ свойствамъ. Наша духовная жизнь образуется и развивается не менѣе правильно, не менѣе строго-законно, какъ и совершаются какія-нибудь физическія или химическія явленія. Начиная отъ простѣйшихъ ощущеній и до глубочайшихъ мыслей, чувствъ и желаній, психическія явленія тѣсно связаны между собою и вытекаютъ изъ единой сущности. Они не могутъ быть пере-

строиваемы произвольно; они не должны быть понимаемы, какъ частное сочетаніе свойствъ, созданное капризною фантазіею чуждыхъ намъ силъ и вложенное въ насъ извнѣ. Слѣдовательно намъ нужно бы было показать законное и неизбежное ихъ развитіе изъ глубочайшей глубины человѣческой сущности, той таинственной глубины, гдѣ сливаются духъ и тѣло, гдѣ, какъ въ центрѣ тяжести, сосредоточено все наше существованіе.

Вмѣсто того, чтобы прямо взяться за такой вопросъ, для котораго, какъ легко согласиться, никакое время и никакія силы не будутъ слишкомъ великими, мы по прежнему возьмемъ частный прищѣръ, гдѣ бы выразились человѣческія стремленія по *моей* духовной жизни, и постараемся разобрать его.

Знаменитѣйшій изъ писателей, говорившихъ о жителяхъ планетъ, есть безъ сомнѣнія Фонтенель, авторъ *разговоровъ о множествѣ міровъ*. Объ немъ иногда отзываются пренебрежительно, но едва ли это совершенно справедливо. Онъ представляетъ великое и единственное явленіе въ своемъ родѣ, которое останется навсегда поученіемъ для человѣчества. Сочиненія его безсмертны, какъ неподражаемые образцы того, что французы называютъ умомъ, *l'esprit*; самъ Вольтеръ не можетъ соперничать съ нимъ въ этомъ отношеніи, потому что Вольтеръ всегда болѣе или менѣе увлекается чувствомъ или мыслью. Вольтеръ часто наивенъ, простъ, приходитъ въ дѣйствительное затрудненіе передъ вопросомъ и дѣлаетъ искреннія восклицанія. Фонтенель всегда лукавъ и коваренъ, всегда доволенъ своимъ умомъ и своими словами и дѣлаетъ восклицанія только въ шутку.

Въ *третьей вечерѣ* своихъ разговоровъ Фонтенель разсуждаетъ такъ :

«Вѣроятно различія увеличиваются по мѣрѣ удаленія, и тотъ, кто взглянулъ бы на жителя луны и жителя земли, увидѣлъ бы ясно, что они принадлежатъ мірамъ болѣе близкимъ, чѣмъ житель земли и житель Сатурна. Напримѣръ въ одномъ мѣстѣ объясняются посредствомъ голоса, въ другомъ говорятъ только звѣсками, а дальше вовсе не говорятъ. Здѣсь разсудокъ образуется столько однимъ опытомъ; въ другомъ мѣстѣ опытъ даетъ разсудку очень мало; а дальше — старики знаютъ не болѣе, чѣмъ дѣти. Здѣсь будущимъ мучатся болѣе, чѣмъ прошедшимъ; въ другомъ мѣстѣ прошедшимъ больше, чѣмъ будущимъ; а дальше не хлопочутъ ни о томъ, ни о другомъ — и, можетъ быть, несчастливы мѣстѣ нѣкоторыхъ другихъ. Говорятъ, что, можетъ быть, у насъ недостаетъ шестаго чувства, которое открыло бы намъ многое, чего

ямы теперь не знаемъ. Въроятно это шестое чувство находится въ какомъ-нибудь другомъ мѣрѣ, гдѣ недостаетъ одного изъ нашихъ пяти чувствъ. Можетъ быть даже есть множество чувствъ; но въ сдѣлжѣ съ другими планетами на нашу долю досталось только пять, и мы довольствуемся ими за незнаніемъ остальныхъ. Наши науки имѣютъ извѣстные предѣлы, за которые никогда не могъ зайти человѣческій умъ; есть точка, гдѣ онѣ вдругъ измѣняютъ намъ; остальное дано другимъ мірамъ, гдѣ неизвѣстно что-нибудь такое, что мы знаемъ. Одна планета наслаждается пріятностями любви, но во многихъ своихъ мѣстахъ она постоянно опечалена ужасами войны. На другой планетѣ наслаждаются вѣчнымъ миромъ; но посреди этого мира совершенно не знаютъ любви и скучаютъ. Однимъ словомъ, то, что природа дѣлаетъ въ малыхъ размѣрахъ, когда распредѣляетъ между людьми счастье или та-клаты, то безъ сомнѣнія она сдѣлала и въ большихъ размѣрахъ въ отношеніи къ мірамъ; и она строго наблюдала, чтобы былъ приведенъ въ дѣйствіе ея чудесный секретъ, именно — все разнообразить и въ то же время все уравнивать, вознаграждая одно другимъ.»

«*Êtes vous contente, Madame?*» продолжаетъ Фонтенель, обращаясь къ прелестной маркизѣ, которую онъ сдѣлалъ собесѣдницею своихъ разговоровъ. Маркиза отвѣчала, что все это очень темно и неопредѣленно.

Проезъ извѣщенія у маркизы, замѣтимъ, что въ словахъ Фонтенеля многое однако же чрезвычайно ясно. Прежде всего неволью поражаетъ спокойное и даже равнодушное довольство земною жизнью. Гдѣ тутъ стремленіе къ идеаламъ? Гдѣ желаніе вообразить себѣ жизнь, хотя въ чемъ-нибудь высшую, нежели та, которая окружала Фонтенеля? Одной только планетѣ позавидовалъ Фонтенель, именно той, гдѣ не заботятся ни о прошедшемъ, ни о будущемъ. Такая беззаботность есть однако же не повышеніе, а пониженіе жизни. На нашей планетѣ она болѣе свойственна животнымъ, чѣмъ человѣку.

Фонтенель равнодушенъ къ другимъ мірамъ, потому что они равнодушны къ нашему міру. Изъ множества чувствъ у человѣка только пять, науки имѣютъ непереступимые предѣлы, вмѣстѣ съ пріятностями любви существуютъ ужасы войны; для Фонтенеля все это ничего. Ему нравится воображать міръ въ видѣ безконечной перетасовки картъ; его остроуміе совершенно удовлетворено этими разнообразными сочетаніями, и онъ въ восторгѣ называетъ ихъ удивительнымъ секретомъ природы.

Между тѣмъ легко замѣтить еще, что сочетанія, которыя приводитъ Фонтенель, невозможны. Существа, которыя вовсе не говорятъ, не могутъ быть разумными существами; существа, у которыхъ въ старости разсудокъ тотъ же какъ въ дѣтствѣ, необходимо вовсе не имѣютъ разсудка; существа, которыя не думаютъ ни о прошедшемъ ни о будущемъ, не имѣютъ и способности думать. Фонтенель не догадался объ этихъ противорѣчiяхъ, потому что онъ любилъ противорѣчiя, находилъ въ нихъ свое удовольствiе. Между прочимъ въ теченiе своей долгой жизни онъ постоянно писалъ похвальные рѣчи умершимъ ученымъ; въ этихъ рѣчахъ тотъ же духъ, то же стремленiе. Никогда, даже говоря о величайшихъ умахъ человѣчества, Фонтенель не могъ найти точки опоры для своихъ сужденiй, не могъ понять той глубочайшей природы лица, изъ которой объясняются всѣ его дѣйствiя. Поэтому на величайшiе подвиги и заслуги онъ умѣлъ смотрѣть съ дурной стороны и былъ очень доволенъ тѣмъ, что его похвалы походили на насмѣшки.

Фонтенель вѣроятно мечталъ, что самъ онъ до того ловокъ и остороженъ, что не можетъ подвергнуться насмѣшкамъ. Послѣ его *разговоровъ* Вольтеръ написалъ свою сказку — *Микромегасъ*, и въ ней осмѣялъ Фонтенеля. Насмѣшки Вольтера, которыя, какъ говорятъ, сильно огорчали Фонтенеля, были прямо направлены на недостатокъ вкуса въ знаменитыхъ разговорахъ. Дѣйствительно Фонтенель принималъ за изящество какую-то изысканность, вычурную иногда до нестерпимости. Но кромѣ того смыслъ Вольтеровой сказки далеко выше Фонтенелевыхъ разсужденiй. Вольтеръ не совсѣмъ принадлежалъ къ числу людей довольныхъ жизнью; онъ глубоко чувствовалъ этотъ вопросъ и, заговоривъ о жителяхъ планетъ, прямо выставилъ его.

Смѣлость и грація самой сказки, неподражаемое теченiе и блескъ разсказа — совершенно соответствуютъ Вольтерову гению. Я попробую передать нѣкоторые отрывки.

ГЛАВА I

ПУТЕШЕСТВIЕ ОБИТАТЕЛЯ СИРИУСОВА МИРА НА ПЛАНЕТУ САТУРНЪ

«На одной изъ планетъ, обращающихся около звѣзды, называемой Сириусомъ, жилъ молодой человѣкъ, съ которымъ я имѣлъ честь быть знакомымъ во время его послѣдняго путеше-

«ствія въ нашъ маленькій муравейникъ; его звали *Микромегасъ* (*), «нмя очень приличное для всѣхъ великихъ міра сего. Ростомъ онъ «былъ въ восемь лѣтъ; полъ восьмью лѣтъ я разумѣю двадцать че- «тыре тысячи геометрическихъ саженой, въ пять футовъ каждая.

«Изъ числа математиковъ, людей, во всякомъ случаѣ полезныхъ «для общества, въкоторые тотчасъ возмутъ перо и найдутъ, что «такъ какъ господинъ Микромегасъ, обитатель странъ Сиріуса, «имѣеть отъ головы до ногъ двадцать четыре тысячи саженой, что «составляетъ сто двадцать тысячъ королевскихъ футовъ, и такъ «какъ мы имѣемъ только пять футовъ и такъ какъ нашъ земной «шаръ имѣеть девять тысячъ лѣтъ въ окружности, — они найдутъ, го- «ворю я, что шаръ, произведшій Микромегаса, необходимо имѣеть «окружность какъ разъ въ миллионъ шесть сотъ тысячъ разъ боль- «ше, чѣмъ наша маленькая земля. Ничего не можетъ быть проще «и обыкновеннѣе въ природѣ. Владѣнія нѣкоторыхъ нѣмецкихъ «или итальянскихъ государей, которыя можно объѣхать въ полча- «аса, и рядомъ — Турецкая, Русская и Китайская Имперія, пред- «ставляютъ намъ только слабое подобіе тѣхъ ужасныхъ различій, «какія природа положила между существами всякаго рода.

«Такъ какъ ростъ его превосходительства былъ указанной мною «высоты, то всѣ наши скульпторы и всѣ наши живописцы безъ «сомнѣнія согласятся, что его талія могла имѣть пятьдесятъ ты- «сячъ футовъ въ объѣмѣ; размѣры чрезвычайно красивые.

«Что касается до его ума, то онъ — одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ «умовъ, какіе намъ извѣстны; онъ многое знаетъ, кое-что открылъ «самъ: ему не было еще и двухъ сотъ пятидесяти лѣтъ и по обык- «новенію онъ учился еще въ іезуитской коллегіи своей планеты, «когда онъ нашолъ силою своего ума болѣе пятидесяти предложеній «Эвклида. Значить восемнадцатью предложеніями больше, чѣмъ «Блезъ Паскаль, который, найдя тридцать два такихъ предложеній, «шутя, какъ говоритъ его сестра, сталъ потомъ весьма посред- «ственнымъ математикомъ и никуда негоднымъ метафизикомъ. «При выходѣ изъ дѣтства, на четыреста пятидесятихъ годахъ Ми- «кромегасъ много занимался анатоміею тѣхъ мелкихъ насѣкомыхъ, «которыхъ діаметръ меньше ста футовъ и которыхъ нельзя видѣть «въ обыкновенные микроскопы. Муфта его родины, человекъ при- «визчивый и большой невѣжда, нашолъ въ его книгѣ мѣста подозри- «тельныя, злоумышленные, дерзкія, еретическія, или клонящіяся «къ ереси, и сталъ его жестоко преслѣдовать; дѣло было въ томъ,

(*) Съ греческаго — *мало-великій*. *Прим. пер.*

«дѣйствительно ли субстанціальная форма блохъ Сириуса таже самая, какъ и улитокъ. Микромегастъ защищался съ большимъ остроуміемъ; онъ склонилъ дамъ на свою сторону; процессъ тянулся двѣсти двадцать лѣтъ. Наконецъ Муфта заставилъ юрисконсултовъ осудить книгу, которой они не читали, и авторъ получилъ приказъ не являться ко двору въ продолженіе восьми сотъ лѣтъ.

«Его мало огорчило удаленіе отъ двора. Онъ написалъ очень забавныя куплеты на Муфту, на которые тотъ вовсе не обратилъ и вниманія, и пустился путешествовать съ планеты на планету, какъ говорятъ, для *полнаго образованія своего ума и сердца.*»

Прежде чѣмъ послѣдуемъ за нашимъ путешественникомъ, остановимся на томъ времени, которое онъ провелъ въ своемъ отечествѣ. Вольтеръ осмѣиваетъ земную жизнь и осмѣиваетъ чрезвычайно просто — перенося ее на планеты. Въ самомъ дѣлѣ, не смѣшно ли вообразить, что на всѣхъ планетахъ существуютъ иезуитскія collegia, что даже въ странахъ Сириуса многое подвергается такому же преслѣдованію, какъ на землѣ, что и тамъ люди — часто невѣжды, а произносящіе судъ произносятъ его, не зная дѣла, о которомъ судятъ. Выставляя *частныя* обстоятельства своего времени, какъ будто явленія общія и необходимыя, Вольтеръ тѣмъ рѣзче выставляетъ всю ихъ случайность и неразумность.

Но вмѣстѣ съ умышленно-фальшивыми чертами у Вольтера идутъ другія, которыя принимаются за истинныя или вѣроятныя. Таковъ напримѣръ великолѣпный ростъ его превосходительства. Безъ сомнѣнія Вольтеръ считалъ возможною такую огромность живыхъ существъ. Въ то время подобныя понятія господствовали. Великій Лейбницъ въ одномъ изъ своихъ писемъ даже далеко превосходитъ Вольтера. Если не ошибаюсь, онъ выражается такъ: «Я могу даже вообразить себѣ существующимъ гиганта, для котораго вся солнечная система могла бы служить вмѣсто карманныхъ часовъ.» Впрочемъ представленія такого рода можно считать даже обыкновенными для всѣхъ эпохъ и народовъ; они составляютъ естественную ошибку человѣческаго ума. Въ самомъ дѣлѣ постоянно встрѣчаются рассказы и мненія о великанахъ, нѣкогда жившихъ на землѣ и которыхъ одна кость была величиною въ человѣческой ростъ. На востокѣ существуетъ сказаніе о птицѣ Рокъ, которая когда летитъ, то помрачаетъ солнце въ цѣлой странѣ. У сѣверныхъ моряковъ есть преданія объ исполинскомъ сирутѣ, который представляетъ видъ большаго острова, когда спитъ близъ поверхности моря, и который своими руками топятъ корабли, какъ щепки.

Ошибка здѣсь состоитъ въ томъ, что *форму* и *величину* существъ считаютъ совершенно независимыми, и потому данной формѣ придаютъ какую угодно величину. Но, какъ я сказалъ, все связано, все зависитъ одно отъ другого; умъ человѣческой ошибается, если, *не зная* связи, онъ полагаетъ, что *нѣтъ* связи; успѣхи наукъ состоятъ только въ томъ, что показываютъ связь тамъ, гдѣ ея еще не находили.

Связь между величиною и формою несомнѣнна. Ее открылъ и математически доказалъ уже великій дѣятель человѣческаго возрожденія — Галилей. Какъ птица не можетъ быть больше определенной величины, такъ точно и человѣческая форма имѣетъ границы, за которыя не можетъ переходить.

Поясню это еще примѣромъ, самымъ простымъ. Изъ кости вырѣзываютъ шахматныя фигуры иногда очень легкой формы, съ причудливыми кружевными украшеніями. Легко убѣдиться, что размѣры подобной фигуры нельзя увеличивать безъ конца, на примѣръ нельзя построить башни такой формы. Нетолько кость и дерево, но никакой камень и металлъ не будутъ достаточно крѣпки для того, чтобы выдержать *собственную тяжесть*, если изъ нихъ построить такія развѣтвленія и узоры. Поэтому и наши занія, чѣмъ выше, тѣмъ больше приближаются къ одной определенной формѣ, къ фигурѣ пирамиды. То есть мы дѣлаемъ нижнія части шире и плотнѣе, а верхнія тоньше и легче.

Такъ точно и стройная и неподражаемо легкая фигура человѣческаго тѣла не можетъ быть значительно увеличиваема. Известно, что люди особенно высокаго роста тяжелы и медленны въ своихъ движеніяхъ, часто даже слабосильны. Греки, такъ хорошо понимавшіе смыслъ формы нашего тѣла, представили намъ Геркулеса человекомъ средняго роста.

И такъ можно бы догадать, что громадный Микромегастъ, по законамъ механики, невозможенъ. Впрочемъ едвали мы позавидуемъ его превосходительному росту. Вольтеръ далѣе рассказываетъ, что Микромегастъ, попавши на Сатурна, долго смѣялся надъ его маленькими жителями, ростомъ только въ тысячу туазовъ. Конечно можетъ быть такъ водится въ странахъ Сиріуса, но на нашей скромной планетѣ, какъ известно, смѣшонъ былъ бы тотъ, кто будучи высокаго роста, сталъ бы на этомъ основаніи смотрѣть съ высокою на другихъ людей; точно также мы не считаемъ особенно основательнымъ, если люди маленькаго роста считаютъ себя обязанными природою и не могутъ утѣшиться въ этой обидѣ. Въ

вѣтъ Вольтера между прочимъ любилъ высокихъ женщинъ; нынче, какъ извѣстно, значеніе этого свойства нѣсколько ослабѣло.

Гораздо завиднѣе и привлекательнѣе для насъ то, что Вольтеръ рассказываетъ объ умѣ и знаніяхъ Микромегаса. Микромегасъ открылъ самъ, безъ помощи учителя, пятьдесятъ предложеній Эвклида. Замѣтимъ прежде, что въ словахъ Вольтера заключается явное противорѣчіе; онъ говоритъ, что Микромегасъ оказалъ такіе успѣхи, когда ему было *только* 250 лѣтъ, и въ тоже время ставитъ его выше Паскаля. Между тѣмъ, хотя Паскаль самъ открылъ только тридцать два предложенія, но онъ открылъ ихъ, когда ему было 12 лѣтъ; за Паскалемъ притомъ считается еще много совершенно новыхъ открытій, хотя онъ жилъ всего 39 лѣтъ. Очевидно Микромегасъ несравненно тупѣе Паскаля. Вольтеру нужно было дать своему Микромегасу жизнь продолжительную, сколько-нибудь сообразную съ его ростомъ; но онъ не замѣтилъ, что въ тоже время онъ принужденъ замедлить процессъ его мышленія. Двухъ-сотъ-пятидесяти-лѣтній Микромегасъ долженъ быть по уму все еще ребенкомъ, слѣдовательно долженъ развиваться страшно-туго.

Но что бы ни рассказывалъ Вольтеръ, сейчасъ видно, что вопросъ можно поставить прямо. Не имѣемъ ли мы права предполагать такихъ жителей на планетахъ, которые бы всѣ были способны собственнымъ умомъ доходить даже до глубочайшихъ истинъ математики? Если кто вспомнитъ мученія, претерпѣваемые изъ за математики въ нашихъ школахъ, если сообразить, какъ мало учащихъ, которымъ она вполнѣ *дается*, то легко можетъ прійти къ убѣжденію, что есть планета, гдѣ дѣло идетъ счастливѣе, гдѣ умы *выше*, потому что способнѣе къ математикѣ.

Въ отвѣтъ на это напомню *историческое развитіе*, необходимость котораго можно доказать, хотя я здѣсь не стану ея доказывать. Вслѣдствіе историческаго развитія безъ сомнѣнія человѣческія головы должны со временемъ достигнуть несравненно большей способности къ математикѣ, чѣмъ та, которую они обнаруживаютъ въ настоящее время. Но всего важнѣе здѣсь то, что какъ бы высоко ни было развитіе человѣческаго рода, трудно думать и странно желать, чтобы масса людей когда-нибудь состояла изъ Паскалей. Потому что изъ всѣхъ познаній наименѣе завидныя суть именно познанія математическія. Математика есть наука безконечная и въ тоже время такая, что въ ней едвали можно отличить особенныя, какія-нибудь *глубочайшія* познанія. Въ ней нѣтъ тайнъ, въ ней всѣ вопросы одинаково важны, всѣ приемы одинаково строги. Такъ что если мы пожелаемъ на примѣръ, чтобы всѣ люди знали ипогорову

теорему, то за тѣмъ мы никакъ не имѣемъ права смѣлѣе желать, чтобы каждый смертный зналъ интегральное исчисленіе.

Зачѣмъ же мы будемъ желать, чтобы всѣ люди посвящали время своей жизни на такого рода познанія, когда намъ извѣстно при этомъ, что есть вопросы единственные и главнѣйшіе, на примѣръ тотъ, о которомъ говоритъ Лапласъ — *открыть наши истинныя отношенія къ природѣ*, или тѣ, которые указываетъ Кантъ :

- 1) Что я могу знать?
- 2) Что я долженъ дѣлать?
- 3) Чего могу надѣяться?

Мы не позавидуемъ никакимъ жителямъ Сатурна или Сиріуса въ томъ, что у нихъ математика далеко ушла впередъ въ сравненіи съ землею; при томъ мы увѣрены, что съ нашимъ земнымъ умомъ равно или поздно мы найдемъ то самое, что они нашли. Но нами овладѣла бы неутолимая зависть, если бы мы предполагали, что существенные вопросы жизни какой-нибудь огромный Микромегасъ понимаетъ несравненно глубже, чѣмъ мы, маленькіе люди земли.

Посмотримъ, какія способности онъ обнаруживаетъ въ этомъ отношеніи. Вольтеръ рассказываетъ, что послѣ долгихъ странствій по млечному пути, Микромегасъ попалъ наконецъ на Сатурнъ. Здѣсь онъ знакомится съ секретаремъ тамошней академіи наукъ, лицомъ, въ которомъ Вольтеръ представилъ секретаря Парижской Академіи Фонтенеля. За тѣмъ слѣдуетъ —

ГЛАВА II

РАЗГОВОРЪ ЖИТЕЛЯ СИРИУСА СЪ ЖИТЕЛЕМЪ САТУРНА

«Послѣ того, какъ его превосходительство легло и секретарь приблизился къ его лицу, — нужно сказать правду, началъ Микромегасъ, что природа очень разнообразна. Да, отвѣчалъ Сатурнѣцъ, природа подобна цвѣтнику, въ которомъ цвѣты... Ахъ, отвѣчалъ Сиріецъ, подите вы съ вашимъ цвѣтникомъ. Она подобна, снова началъ секретарь, собранію блондинокъ и брюнетокъ, «которыхъ наряды... Что мнѣ за дѣло до вашихъ брюнетокъ? возразилъ Микромегасъ. Ну, такъ она подобна картинной галлерей, въ «которой живопись... Да вѣтъ же, сказалъ путешественникъ, природа просто подобна природѣ. Къ чему вы ищите для нея сравненій? Чтобы сдѣлать вамъ удовольствіе, отвѣчалъ секретарь. Я вовсе не хочу, чтобы мнѣ дѣлали удовольствіе, отвѣчалъ путешественникъ;

«Я хочу, чтобы меня научили; скажите мнѣ сначала, сколько чувствъ имѣютъ люди вашего шара. У насъ семьдесятъ два чувства, сказалъ академикъ, и мы все жалуемся, что ихъ мало. Наше воображеніе идетъ дальше нашихъ потребностей; мы находимъ, что съ нашими семидесятью двумя чувствами, съ нашимъ кольцомъ и пятью лунами, мы очень ограничены, и не смотря на всю нашу любознательность и на довольно большое число страстей, происходящихъ отъ нашихъ семидесяти двухъ чувствъ, у насъ остается вдоволь времени для того, чтобы скучать. Я думаю! сказалъ Микромегастъ: «потому что у жителей нашего шара около тысячи чувствъ и у насъ все-таки остается какое-то смутное желаніе, какое-то темное безспокойство, которое безпрестанно даетъ намъ знать, что мы ничтожныя существа и что есть существа гораздо болѣе совершенныя. Я немножко путешествовалъ; я видѣлъ смертныхъ, которые несравненно ниже насъ, видѣлъ и несравненно высшихъ; но я нигдѣ не нашолъ такихъ, которые бы не имѣли болѣе желаній, чѣмъ потребностей, больше потребностей, чѣмъ удовольствія. Можеть быть, я найду когда нибудь страну, гдѣ всѣмъ довольны, но до сихъ поръ объ этой странѣ никто не могъ сообщить мнѣ положительныхъ свѣдѣній. Сатурніецъ и Сиріецъ пустились послѣ этого въ тысячи предположеній; но послѣ многихъ самыхъ остроумныхъ и самыхъ шаткихъ разсужденій почли за нужное возвратиться къ фактамъ.»

Вотъ прекрасныя слова, въ которыхъ блестящими, легко и точно очерченными образами выраженъ цѣлый взглядъ на жизнь. Странное смѣшеніе пессимизма и оптимизма! Мы недовольны жизнью, и Вольтеръ вѣрно указываетъ причины этого недовольства: именно — мы чувствуемъ, что мы существа ничтожныя, что есть существа несравненно высшія. Но въ тоже время напрасно мы завидуемъ этимъ существамъ, напрасно желали бы помѣняться съ ними участію; потому что эти высшія существа тоже недовольны жизнью! У Вольтера является безконечный рядъ существъ высшихъ и низшихъ; не все ли равно, гдѣ ни быть въ этомъ ряду? На каждой степени таже перспектива — впереди безконечность высшихъ а сзади безконечность низшихъ степеней.

Форма, въ которой Вольтеръ выражаетъ недовольство жизнью, также замѣчательна. Какъ истинный сынъ XVIII вѣка, Вольтеръ принимаетъ за величайшее зло жизни скуку. Между тѣмъ, если бы такъ, то дѣло было бы легко поправить. Сатурніецъ говоритъ, что любознательность и страсти все еще оставляютъ имъ довольно времени, чтобы скучать. Очевидно стоило бы только нѣсколько сократить ихъ

жизни или нѣсколько прибавить имъ страстей, и недовольство исчезло бы. Не ясно ли однако же, что жители Сатурна въ такомъ случаѣ лишились бы благороднѣйшей черты своей жизни? Безъ сомнѣнія они должны бы радоваться тому, что ихъ великая любознательность и ихъ семьдесятъ два чувства не могутъ однако же завертѣть ихъ до совершеннаго одуренія, что у нихъ все еще остается время для того, чтобы оглядѣться и одуматься, чтобы спросить себя, что же я такое въ мірозданіи?

Тотъ же взглядъ видимъ и въ дальнѣйшемъ разсказѣ Вольтера. «Сколько времени вы живете? спросилъ Сиріецъ. Ахъ, очень мало, отвѣчалъ человѣчикъ Сатурна. Точь въ точь какъ у насъ, срамѣтилъ Сиріецъ; мы все жалуемся, что мало. Должно быть это общій законъ природы. Увы! мы живемъ, говорилъ Сатурніецъ, столько пятисотъ большихъ оборотовъ солнца (считая по нашему, это будетъ около пятнадцати тысячъ лѣтъ). Вы видите, что это значитъ умереть почти въ самое мгновеніе рожденія; все наше существованіе — одна точка; наша жизнь одно мгновеніе; нашъ шаръ одинъ атомъ. Едва успѣешь стать нѣсколько свѣдущимъ, какъ является смерть и не даетъ пріобрѣсти опытности. Что касается до меня, то я не смѣю дѣлать никакихъ предположеній о будущемъ, я считаю себя каплею въ безмѣрномъ океанѣ. Въ особенности мнѣ очень совѣстно передъ вами за мою жалкую фигуру въ этомъ мірѣ.

«Микромегасъ отвѣчалъ ему: не будь вы философомъ, я побоялся бы огорчить васъ, сообщивъ вамъ, что наша жизнь въ семьсотъ разъ длиннѣе вашей; но вы очень хорошо знаете, что тогда нужно возвратить свое тѣло стихіямъ и оживить имъ природу въ другой формѣ, т. е. умереть; когда наконецъ приходитъ мгновеніе этой метаморфозы, то совершенно все равно, прожили ли мы одинъ день, или дѣлаю вѣчность. Я былъ въ странахъ, гдѣ живутъ въ тысячу разъ дольше, чѣмъ у насъ, и нашолъ, что тамъ все еще прощутъ. Но вездѣ есть здравомыслящіе люди, которые умѣютъ примириться съ своею долею и благодарить Творца природы.»

Жалобы на краткость нашей жизни — дѣло очень обыкновенное. Если бы онѣ были справедливы, то мы конечно имѣли бы право предполагать на другихъ планетахъ обитателей болѣе долголѣтнихъ, слѣдовательно болѣе пользующихся жизнью. Вольтеръ, какъ видно изъ словъ спокойнаго и мудраго Микромегаса, признаетъ справедливость жалобъ, а между-тѣмъ самый разсказъ до очевидности обнаруживаетъ всю ихъ неосновательность. Безъ сомнѣнія повѣстическія гениіи Вольтера снасъ его отъ односторонности, и онъ, создавая

образы, невольно чертилъ ихъ близко къ истинѣ, которой не подозревалъ. Въ самомъ дѣлѣ, не смѣшонъ ли этотъ легкомысленный секретарь сатурнійской академіи, который называетъ себя атомомъ, хотя онъ растетъ въ тысячу туавовъ, и жалуется, что умереть невыпитымъ, хотя проживеть пятнадцать тысячъ лѣтъ? Очевидный смыслъ всего разсказа тотъ, что краткость жизни есть мечта, что какъ пятнадцать тысячъ лѣтъ можно назвать мгновеніемъ, такъ и мы для красоты рѣчи говоримъ о нашей мгновенной жизни. Къ продолжительности жизни мы должны примѣнить тѣже разсужденія, какія сдѣлали относительно величины земли. Если мы будемъ мѣрять время нашей жизни вѣчностію, то оно всегда будетъ ничтожно, какъ бы длинно ни было. Но такъ какъ въ сравненіи съ вѣчностію всѣ времена равны и слѣдовательно нѣтъ никакой причины называть одно короткимъ, а другое длиннымъ, то чтобы выдти, длинна или коротка наша жизнь, нужно взять другую мѣру. Этою мѣрою можетъ быть ничто иное, какъ *содержаніе* нашей жизни. Можемъ ли мы пожаловаться, что жизнь наша по краткости не можетъ вмѣстѣ всего, что мы способны сдѣлать? Увы! Если принять такую мѣру, то окажется, что для весьма многихъ жизнь черезъ чуръ длинна; по этой причинѣ они приведены даже къ горестной необходимости *убивать* время своей жизни. Съ другой стороны, если представимъ человѣка, исполненнаго всѣхъ человѣческихъ даровъ и постоянно дѣятельнаго, то также можно бы доказать, что время жизни достаточно для того, чтобы онъ обнаружилъ всѣ свои силы и совершилъ всѣ свои подвиги. Положимъ, ревностный христіанинъ помышляетъ о спасеніи души своей; никто не скажетъ, чтобы ему недоставало для этого времени. Ученый стремится вполнѣ овладѣть своею наукою и даже подвинуть ее впередъ; — если онъ ни въ томъ, ни въ другомъ не успѣетъ, то однакоже ни въ какомъ случаѣ онъ не станетъ жаловаться передъ смертію на недостатокъ времени; тутъ, какъ извѣстно, бывають другія причины. На оборотъ, никакъ нельзя поручиться за то, что еслибы удлинить вдвое и втрое жизнь нынѣ живущихъ людей, то отсюда пристекли бы необычайныя улучшенія, великія открытія, блестящія успѣхи и т. д. Едвали даже не было бы хуже, чѣмъ теперь.

И такъ — для того, чтобы пожелать болѣе долгой жизни, мы должны вмѣстѣ пожелать дѣятельности, превышающей человѣческую дѣятельность и необходимо требующей болѣшихъ размѣровъ времени.

Ни о какой дѣятельности мы не можемъ судить такъ отчетливо, какъ о дѣятельности ума. Не даромъ Сатурніецъ, жалуясь

на краткость жизни, указываетъ именно на то, что въ теченіе пятидесяти тысячъ лѣтъ онъ не успѣваетъ приобрести достаточно свѣдѣній. Вѣкъ живи, вѣкъ учиись, говоритъ русская пословица, а дуракомъ умрешь, прибавляетъ она же. И дѣйствительно мы привыкли воображать познанія неисчерпаемымъ океаномъ. «Я похожъ, говорилъ Ньютонъ о своихъ открытіяхъ, на ребенка, собирающаго раковины на берегу моря.» И такъ — повидимому всего яснѣе мы можемъ себя представить на планетахъ повышеніе дѣятельности ума, болѣе глубокія и болѣе обширныя познанія, чѣмъ тѣ, какія можетъ имѣть человекъ. Послушаемъ дальше прерванный нами разговоръ Сирійца и Сатурніица; дѣло идетъ именно объ ихъ познаніяхъ.

«Творецъ (продолжалъ говорить Микромегастъ) щедро разсыпалъ въ этомъ мірѣ разнообразіе, но вмѣстѣ съ нѣкоторою одинокостью. Напримѣръ всѣ мыслящія существа различны, но въ сущности всѣ сходны по дару мысли и желаній. Вещество вездѣ «протяженно; но на каждомъ шарѣ имѣетъ различныя свойства. «Сколько такихъ различныхъ свойствъ вы считаете въ вашемъ вѣществѣ? Если вы говорите о тѣхъ свойствахъ, отвѣчалъ Сатурніецъ, безъ которыхъ, по нашему мнѣнію, этотъ шаръ не могъ бы «оставаться тѣмъ, чѣмъ онъ есть, то мы считаемъ ихъ триста, какъ «напримѣръ протяженность, непроницаемость, подвижность, тяготѣніе, дѣлимость и такъ дальше. Вѣроятно, отвѣчалъ путешественникъ, это малое число свойствъ достаточно для цѣлей, которыя Создатель имѣлъ въ отношеніи къ вашему маленькому живлицу. Во всемъ я удивляюсь его мудрости; вездѣ вижу различія, «но въ тоже время вездѣ гармонію. Вашъ шаръ не великъ, ваши «обитатели тоже малы; вы имѣете мало ощущеній; ваше вещество «имѣетъ мало свойствъ; все это есть созданіе промысла. Какого «цвѣта ваше солнце, если хорошенько разсмотрѣть его? Благое съ «испльнымъ жолтымъ оттѣнкомъ, отвѣчалъ Сатурніецъ, и когда мы «раздѣлимъ его лучъ, мы находимъ въ немъ семь различныхъ цвѣтотвъ. Наше солнце отливаеь краснымъ цвѣтомъ, замѣтилъ Сиріецъ, и простыхъ цвѣтовъ у насъ тридцать девять. Между всѣми «солнцами, близъ которыхъ бывалъ я, нѣтъ ни одного, которое бы «походило на другое, точно такъ какъ у насъ нѣтъ лица, которое «бы не отличалось отъ другихъ лицъ.»

«Послѣ многихъ вопросовъ такого рода, онъ полюбопытствовалъ узнать, сколько считается на Сатурнѣ существенно различныхъ субстанцій. Оказалось, что ихъ считали не болѣе тридцати, «именно слѣдующія: Богъ, пространство, вещество, протяженныя

существа чувствующія, протяженныя существа чувствующія и мыслящія, мыслящія существа непротяженныя, существа взаимно пронизаемыя, существа взаимно непронизаемыя и прочее. Спиредъ, въ странѣ котораго ихъ считалось триста и который открылъ еще три тысячи другихъ во время своихъ путешествій, «безмѣрно удивилъ этимъ сатурнійскаго философа».

Въ этомъ разговорѣ очевидно передъ нами открывается вся мудрость, которою обладаютъ взятыя нами жители планетъ. И дѣйствительно тутъ есть множество вещей, которымъ нельзя не дивиться.

Какъ прежде, такъ и здѣсь Вольтера спасъ его геній. Совершенно ясно, что разговоръ написанъ по тому взгляду на сущность вещей, который принимаетъ философія Локка. Но точно такъ, какъ разговоръ о краткости жизни прямо переходитъ въ насмѣтку надъ этою краткостію, такъ и послѣдній разговоръ, развивая Локково ученіе, въ тоже время представляетъ самую ядовитую пародію на это міровоззрѣніе. Не легко выставить съ такою простотою и выпуклостію характеристическія черты ученія и довести ихъ до той степени ясности, что медкость и фальшивость взгляда дѣлается осязательною сама собою.

Вмѣсто многихъ комментарій, которыя можно бы написать на это замѣчательное мѣсто Микромегаса, приведу здѣсь только два замѣчанія. Сатурніецъ говоритъ, что вещество Сатурна имѣетъ триста *необходимыхъ* свойствъ. Необходимыя свойства суть *существенныя* свойства, принадлежность сущности вещества. Следовательно чѣмъ меньше у насъ такихъ свойствъ, тѣмъ глубже наше познаніе сущности, которой они принадлежатъ. Потомучто познаніе и есть ни что иное, какъ выводъ однихъ явленій изъ другихъ, выводъ второстепенныхъ свойствъ изъ существенныхъ; цѣль познанія — вывести все изъ одного свойства, изъ коренной черты сущности. Такъ Декартъ полагалъ, что коренная черта вещества есть протяженность, и старался вывести изъ нея всѣ остальные черты. Послѣ этого не странно ли, что Вольтеръ, чтобы поразить насъ глубиною познаній Сатурнійца, говоритъ, что тотъ нашолъ триста необходимыхъ свойствъ въ своемъ веществѣ?

Не говорю уже о возможности чего-нибудь подобнаго. Если мы говоримъ, что Сатурнъ состоитъ изъ вещества, то это значитъ, что онъ образованъ изъ матеріала, по сущности (по существеннымъ веществамъ) такого же, какъ и матеріалъ вещей, которыхъ мы касаемся руками. Какія бы особенныя вещественныя явленія ни проис-

ходили на Сатурнѣ, они должны вытекать изъ этой сущности, а не изъ другой.

Еще яснѣе обнаруживается характеръ познаній у жителя Сатурна при перечисленіи субстанцій. У Локка принималось три рода субстанцій — Богъ, вещество и конечныя духовныя существа. Относительно пространства онъ сомнѣвался, субстанція ли оно, или нѣтъ. У Вольтера пространство снѣло причислено къ субстанціямъ и кромѣ того объявляется, что Сатурніецъ знаетъ ихъ тридцать, а Сиріецъ три тысячи триста. Такое обиліе подозрительно столько же, какъ обиліе необходимыхъ свойствъ вещества. Одно то, что Богъ ставится на ряду со всѣми тремя тысячами тремястами субстанціями, есть черта грубаго непониманія. Потому что отъ Бога, по самому понятію этого существа, все зависитъ; все имъ создано и все совершается по его волѣ. Поэтому съ одной стороны Микромегасу нечего хвастаться своими тысячами субстанцій, когда главную и первую субстанцію, передъ которою ничтожны всѣ другія, знаетъ и Локкъ и всѣ мы, обитатели крошечной земли. Съ другой стороны странно, почему Микромегасъ не вздумалъ похвалиться тѣмъ, что онъ лучше ее знаетъ, лучше насъ и лучше Сатурніецъ? Тутъ было бы дѣйствительно преимущество. Въ самомъ дѣлѣ, такъ-какъ понятіе о Богѣ есть центральное понятіе, на которое мы сводимъ всѣ другія, такъ-какъ міръ вполне опредѣляется творческою волею Бога, то всѣ вопросы сводятся на то, чтобы понять, какъ вещи зависятъ отъ Бога. Въ сравненіи съ этимъ считать субстанціи по пальцамъ есть дѣло пустое. Множество субстанцій есть прямой признакъ слабаго познанія; потому что мышленіе, какъ я уже сказалъ, есть сведеніе многого на одно.

Какъ-бы то ни было, но вообще познанія Микромегаса и его пріятеля никакъ не могутъ возбудить въ насъ особой зависти. Въ отношеніи къ этому предмету сдѣлаю здѣсь послѣднее замѣчаніе. Дѣло въ томъ, что хотя познанія дѣйствительно безконечны, но не одинаково любопытны. Имѣть *всѣ познанія* рѣшительно никому не нужно. И это вовсе не потому, чтобы умъ человѣческій не былъ силенъ, или недовольно жаденъ (жадность въ немъ часто доходитъ до истинной прозорливости), но именно потому, что умъ — центральная, сосредоточивающая сила. Въ этомъ его достоинство и могущество. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ всевозможныя познанія, представьте познанія всѣхъ жителей планетъ; что было бы, если бы умъ представлялъ только способность поглощать ихъ одно за другимъ? Работа безъ всякаго конца и цѣли. Вотъ почему умъ останавливается, обзрѣваетъ все, что уже въ его власти, опредѣ-

дѣтъ главныя точки, центральные вопросы, на нихъ устремляетъ все свое вниманіе и слѣдовательно необходимо оставляетъ въ тѣни то, что далеко отъ этихъ вопросовъ. Такъ онъ поступаетъ въ каждой частной наукѣ, въ каждомъ мелочномъ изслѣдованіи; такъ поступаетъ онъ и въ отношеніи къ цѣлой жизни, къ цѣлой области мышленія, ко всему міру. Умъ есть дѣятельность вполне свободная, передъ которою открыты всѣ пути. Никакъ нельзя сказать, чтобы гдѣ-нибудь на планетахъ умъ еще свободнѣе избиралъ предметы и ставилъ вопросы, чѣмъ на землѣ. Не хуже другихъ обитателей міра мы умѣемъ избрать глубочайшую и занимательнѣйшую задачу. Если съумѣемъ и разрѣшить ее, то намъ некому будетъ завидовать.

Съумѣемъ ли? повидимому другой вопросъ. А между-тѣмъ, чтобы не распространяться здѣсь объ этомъ предметѣ, замѣтимъ только, что если мы задаемъ себѣ эти задачи, то вѣроятно мы умѣемъ и находить разгадку этихъ главнѣйшихъ загадокъ. Потому что — дѣло достойное наблюденія, — мы *требуемъ* отъ зрѣлыхъ людей непремѣнно опредѣленныхъ мнѣній, и именно о самыхъ важныхъ вопросахъ. Такъ или иначе, головою или сердцемъ, только нужно, чтобы каждый добылъ ясный отвѣтъ на эти вопросы. Мы презираемъ того, кто не хочетъ пользоваться правомъ имѣть твердое, самостоятельное ихъ рѣшеніе. Все это потому, что величайшіе вопросы суть именно вопросы жизни и смерти, вопросы, по рѣшенію которыхъ *человѣкъ дѣйствуетъ*.

V

Теперь мы достаточно познакомились съ Микромегасомъ. Быть можетъ, читатель найдетъ мечты Вольтера не довольно игривыми и смѣлыми; въ оправданіе можно привести, что Вольтеръ старался быть строгимъ, положительнымъ. Въ своей сказкѣ онъ вовсе не хотѣлъ дать полный разгулъ своей фантазіи; онъ желалъ прямо выразить свой взглядъ на міръ.

Есть мечтанія несравненно болѣе смѣлыя, напимѣръ предположенія объ *аромальной* жизни, принадлежація уже нашему вѣку, и не прошлому. Но вѣдь дѣло не въ смѣлости. Намъ хотѣлось бы найти хоть одну черту, хоть одну точку въ нашей человѣческой жизни, гдѣ бы мы съ увѣренностію могли сказать, что отступленіе отъ нея, иная форма, иное содержаніе дѣйствительно возможны. Изслѣдуя человѣческую природу, мы должны стараться найти, способны ли какія-нибудь ея элементы къ видоизмѣненіямъ,

къ другимъ, равнымъ или даже высшимъ формамъ. Разысканіе должно идти строго и постепенно, а не прыжками на крыльяхъ фантазіи.

Чтобы представить читателямъ — не образецъ подобнаго разысканія, а только вѣчто могущее дать о немъ понятіе, я возьму здѣсь черту, сколько мнѣ кажется, наиболѣе удобную для этой цѣли, именно вопросъ о *вышнихъ чувствахъ*, которыхъ у человѣка считаютъ пять. Фонтенель и Вольтеръ, какъ мы видѣли, совершенно спокойно принимаютъ возможность большаго числа чувствъ; у Сатурнійца ихъ семьдесятъ—два, а у Микромегаса такъ много, что онъ не удостоиваетъ ихъ точнаго счета и говорить, что ихъ у него *около тысячи*. Спрашивается, возможно ли вообще какое-нибудь увеличеніе числа чувствъ?

Вопросъ этотъ тѣмъ важнѣе, что вышнія чувства стоятъ какъ-разъ на границѣ между нашею вещественною и духовною природою; они представляютъ точку ихъ соприкосновенія, и слѣдовательно въ нихъ обнаруживаются свойства и той и другой природы. Если окажется, что новыя чувства невозможны, то мы будемъ имѣть нѣкоторое право заключать, что вообще пиая духовная и вещественная природа для жителей планетъ невозможны.

Вопросъ хорошъ также потому, что кажется чрезвычайно простымъ. Въ самомъ дѣлѣ вѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ предположеніе другихъ чувствъ, сверхъ тѣхъ, какими обладаетъ человѣкъ. Самая легкость, естественность, повидному даже неизбѣжность такого предположенія какъ-будто ручается за его правдоподобіе.

Между прочимъ Августъ Контъ, тотъ философъ, который вслѣдствіи старается ограничить человѣческія познанія и полагаетъ, что мы ничего не можемъ знать о звѣздахъ, — онъ смѣло принимаетъ новыя чувства, и слѣдовательно утверждаетъ за собою право населить отдаленнѣйшіе міры жителями съ иною жизнью, непохожею на нашу. Чтобы имѣть определенное выраженіе такого мнѣнія о чувствахъ, приведу здѣсь его слова.

«Если потеря какого-нибудь важнаго чувства достаточна для того, чтобы совершенно скрыть отъ насъ цѣлый рядъ естественныхъ явленій, то мы имѣемъ полное право думать, что наоборотъ «пріобрѣтеніе новаго чувства открыло бы намъ разрядъ фактовъ», «о которыхъ мы теперь не имѣемъ никакого понятія, если только «не будемъ полагать, что разнообразіе чувствъ, столь различное «въ различныхъ типахъ животности, дошло въ нашемъ организмѣ «до высочайшей степени, какой только можетъ требовать всецѣло»

«ислѣдованіе виѣшняго міра, — предположеніе очевидно произвольное и почти смѣшное.»

Слова эти тѣмъ болѣе достойны вниманія, что едва ли не представляютъ сильнѣйшаго аргумента, на которомъ опирается философія Конта, философія, ограничивающая человѣческій умъ самыми тѣсными границами опыта и наведенія. Но основателемъ ли этотъ аргументъ?

Конечно Контъ совершенно правъ, говоря, что *приобрѣтеніе новаго чувства открыло бы намъ новые факты*, но вѣдь изъ этого не слѣдуетъ, чтобы новыя чувства могли существовать. Если бы они были возможны, то очень хорошо бы было ихъ приобрести; но если ихъ вовсе нѣтъ, то нечего и хвалить ихъ и нечего за ними таяться. Можно пожалѣть о слѣпомъ, потому что ему недостаетъ чувства, которое мы знаемъ, которое дѣйствительно существуетъ. Но какое право имѣлъ бы Контъ жалѣть о человѣкѣ вообще, только на томъ основаніи, что у него не достаетъ чувствъ, которыхъ онъ не знаетъ и которыхъ, можетъ быть, вовсе не существуютъ?

Разсужденія Конта въ этомъ случаѣ совершенно напоминаютъ знаменитый *рогатый* силлогизмъ. Чего ты не потерялъ, то имѣешь? Ивѣю. А роговъ ты не потерялъ? Нѣтъ. Слѣдовательно ты имѣешь рога.

Такъ и Контъ обращается, положимъ, къ слѣпому. Ты могъ бы приобрести чувство, котораго теперь не имѣешь? Могъ бы. Но ты не имѣешь чувствъ, которыя есть у Микромегаса? Не имѣю. Слѣдовательно ты могъ бы ихъ приобрести. Силлогизмъ, который, въ-параллель рогатому, совершенно прилично назвать *слѣпымъ*.

Вообще можно быть лишему только того, что дѣйствительно есть; можно *приобрѣсти* только то, что дѣйствительно существуетъ; поэтому можно и лишиться одного изъ нашихъ дѣйствительно существующихъ чувствъ, можно и приобрести его, если оно было потеряно. Но отсюда никакою логикою невозможно дойти до заключенія, что существуютъ еще многія неизвѣстныя чувства. Если мы ихъ *лишены*, то можетъ быть по весьма простой и уважительной причинѣ — потому что ихъ вовсе нѣтъ.

Такъ-какъ *слѣпой* силлогизмъ имѣетъ большую силу и встрѣчается чрезвычайно часто, и такъ-какъ Августъ Контъ есть философъ, заслужившій отъ многихъ большое уваженіе, то необходимо здѣсь объяснить, какой же дѣйствительный смыслъ имѣютъ его слова. Чтобы найти этотъ смыслъ, нужно, какъ оказывается, перевернуть его разсужденіе вверхъ ногами; тогда мы получимъ слѣдующій совершенно правильный ходъ мыслей.

Смѣшно думать, будто у человѣка есть всѣ чувства, какія возможны. — Вѣроятно есть многія чувства, которыхъ у него нѣтъ.

Но каждое чувство служитъ для воспріятія особаго явленія.

Слѣдовательно у человѣка нѣтъ возможности воспринимать многія явленія.

Такъ слѣпой ляшонъ возможности воспринимать явленія свѣта.

Какъ читатель видитъ, слѣпой служитъ только частнымъ при-мѣромъ и поясненіемъ, а никакъ не доказательствомъ. Главная же сила заключается въ томъ, что смѣшно предполагать у человѣка величайшее развитіе разнообразія чувствъ. Но въ доказательство правоты своего смѣха Контъ очевидно ничего не приводитъ. Въ самомъ дѣлѣ то, что онъ говоритъ о мнимомъ различіи чувствъ въ различныхъ типахъ животности, есть одна изъ тѣхъ грубыхъ промаховъ, которые особенно постыдны для него, какъ для энциклопедиста, именующаго себя *положительнымъ* и ищущаго спасенія въ однихъ опытныхъ свѣдѣніяхъ, въ наукахъ математическихъ и естественныхъ. Дѣйствительно зоологи, побуждаемые слѣдымъ силлогизмомъ, нерѣдко предполагали новыя чувства у животныхъ; впрочемъ они, какъ люди, руководящіеся чистымъ опытомъ, имѣли на это полное право. Но опытъ и показалъ, что нѣтъ животныхъ съ особенными чувствами, что чувства у животныхъ всегда представляютъ только низшую ступень или одностороннее видоизмѣненіе тѣхъ чувствъ, какія есть у человѣка. На эти и подобныя опытыя изслѣдованія даже всего лучше сослаться для того, чтобы доказать столь подозрительное для Конта совершенство чувствъ у человѣка. Органы высшихъ чувствъ суть правки нервной системы, суть части, находящіяся въ тѣснѣйшей зависимости отъ мозга. Глазъ даже есть ничто иное, какъ самый мозгъ, выскунувшійся въ щели черепа и видоизмѣненный для особаго важнаго ощущенія. Слѣдовательно у человѣка, какъ у животнаго, имѣющаго самую совершенную нервную систему, самый большой мозгъ, и органы чувствъ въ своей совокупности должны быть выше, чѣмъ у всѣхъ другихъ животныхъ. Говорю — въ совокупности, потому что легко можетъ быть и дѣйствительно замѣчено у животныхъ, что нѣкоторыя чувства ихъ развиваются сильнѣе, чѣмъ у человѣка. Но это развитіе всегда бываетъ одностороннее, а односторонность, какъ всегда легко доказать, есть недостатокъ, а не совершенство. Извѣстно напримѣръ, что у животныхъ обонаніе бываетъ развито необыкновенно сильно; отъ этого происходитъ, что выборъ пищи или даже взаимное сближеніе опредѣляется запахомъ. О животныхъ говорятъ, что они *нюхаютъ*. Очевидно

однако же, человѣкъ нисколько не теряетъ отъ того, что запахъ не имѣетъ для него такой силы и значенія. Если въ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ зрѣніе, слухъ и даже осязаніе должны играть главную роль, то отъ этого отношенія становятся только полнѣе, глубже и сильнѣе.

Впрочемъ судить о значенія чувствъ для полнаго объема жизни очень трудно. Вообще же можно замѣтить, что первая система, какъ органъ по преимуществу централизирующій и уравнивающій отправления нашего тѣла, необходимо должна установить наиболѣе выгоднѣйшія отношенія между ближайшими подчиненными ей органами. Если механическое устройство нашего тѣла нельзя полагать въ ошибокѣ, то тѣмъ менѣе можно подвергать сомнѣнію превосходство системы нашихъ чувствъ.

Далѣе — наша система не только есть разнообразнѣйшая и наилучшая въ пынѣшнемъ животномъ царствѣ, — нужно прибавить еще, что лучше ея ни у какого будущаго или воображимаго животного и быть не можетъ. Потому что человѣкъ не только есть лучшее изъ животныхъ, но онъ есть послѣднее животное, воплощенный идеалъ животной жизни, вершина, до которой достигло животное царство, какъ до своей цѣли. Такую *непревосходимость* человѣка доказать не легко, но возможно; это доказательство похоже на рѣшеніе математическихъ задачъ о наибольшихъ и наименьшихъ. Говоря о механическомъ устройствѣ нашего тѣла, я привелъ въкоторыя черты доказательствъ, которыя могли бы несомнѣнно привести насъ къ непревосходимости человѣка какъ машины.

Безъ всякаго сомнѣнія полное доказательство совершенства человѣка еще безконечно далеко отъ насъ. Но что мы найдемъ его и слѣдовательно можемъ быть заранѣе увѣрены въ результатѣ, въ этомъ ручается самая наша способность доказывать, наше мышленіе. Лучше самой себя эта способность ничего не знаетъ; она одна вполне самодовольна, вполне обладаетъ собою, ничѣмъ не стѣсняется и сама себя служитъ цѣлью. Она есть чистая дѣятельность, въ полномъ смыслѣ слова богоподобное явленіе нашей жизни. Существо, которое достигло такой дѣятельности, уже не можетъ идти далѣе, не можетъ пріобрѣсти еще высшей дѣятельности. По этому человѣкъ, какъ крайнее существо природы, необходимо есть ее совершеннѣйшее существо. Найти совершенство человѣка есть такая же непремѣнная задача науки, какъ найти причины явленій. Какъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что каждое явленіе имѣетъ свою причину, такъ нельзя сомнѣваться и въ совершенствѣ человѣка.

За тѣмъ можно сдѣлать заключенія въ такомъ порядкѣ :

Человѣкъ есть совершеннѣйшее животное, какое возможно.

Чувствительность или способность воспринимать внѣшнія впечатлѣнія есть коренная, существенная черта животного.

Слѣдовательно разнообразіе воспріятій и всякое другое ихъ достоинство достигло въ человѣкѣ до *наибольшей* возможной степени. Слѣдовательно другихъ чувствъ кромѣ нашихъ быть не можетъ.

Читатель чувствуетъ, что этимъ доказательствомъ дѣло не оканчивается, а только начинается. Въ самомъ дѣлѣ, изъ него видно, что мы должны разсмотрѣть чувствительность или способность воспріятій и найти, какъ она развивается; изъ самой ея сущности мы должны вывести различныя формы, которыя она принимаетъ, и наконецъ показать, что ея формы у человѣка дѣйствительно представляютъ крайнюю степень ея развитія, полное обнаруженіе ея сущности. Такъ-что на этомъ пути предстоитъ намъ обширное поле изслѣдованій, которое едва только почато сравнительною физиологіею животныхъ.

Ограничусь только не многими замѣчаніями. Можно напримѣръ доказать, что внѣшнія чувства представляютъ въ извѣстномъ отношеніи три разряда, что кромѣ этихъ трехъ разрядовъ другихъ быть не можетъ и что всѣ эти разряды есть у человѣка.

Чувства сообщаютъ намъ впечатлѣнія, производимыя внѣшнимъ міромъ. Эти впечатлѣнія могутъ быть ощущаемы нами троякимъ образомъ.

- 1) Или только какъ ощущенія нашего собственнаго тѣла, какъ перемѣны, которыя въ насъ происходятъ.
- 2) Или только какъ явленія, которыя происходятъ внѣ насъ.
- 3) Или наконецъ какъ то и другое вмѣстѣ, какъ внѣшнія явленія, возбуждающія ощущенія въ нашемъ тѣлѣ.

Всего яснѣе это будетъ, если мы разсмотримъ самыя наши чувства. Сообразно съ предъидущимъ внѣшнія чувства будутъ трехъ родовъ.

1) Чувства *субъективныя*. Сюда принадлежатъ вкусъ и обоняніе. Мы ясно чувствуемъ, что различныя вкусы и запахи представляютъ только состояніе нашихъ органовъ, а не внѣшнія свойства вещей. Сахаръ, пока лежитъ въ сахарницѣ, самъ по себѣ не сладокъ; сладость является только, когда онъ на языкѣ; сладкій вкусъ есть состояніе нашего языка.

2) Чувства *объективныя*. Сюда принадлежатъ зрѣніе и слухъ. Видя и слыша, мы не замѣчаемъ въ себѣ никакихъ перемѣнъ или

ощущеній; впечатлѣнія прямо являются намъ какъ ви́шніе предметы. Предметъ видимый или слышимый непосредственно является *внѣ* насъ.

3) Только при одномъ чувствѣ, при осязаніи, мы непосредственно и ясно различаемъ и ви́шний предметъ и ощущение, которое онъ производитъ въ тѣлѣ. Осязаніе поэтому можно назвать *субъекто-объективнымъ* чувствомъ.

Очевидно иныхъ формъ, дальнѣйшаго разнообразія въ этомъ отношеніи быть не можетъ. Каково бы ни было значеніе этого распавенія чувствъ на три рода, для насъ пока важно видѣть его возможность и указать на то, что это *возможное* разнообразіе есть у человѣка.

Теперь нужно бы было, рассматривая каждый разрядъ отдѣльно, точно также найти, на чемъ основано различіе чувствъ, которыя къ нему принадлежатъ, и показать, что дальнѣйшаго различія также быть не можетъ. Вотъ что можно здѣсь привести.

Объективныхъ чувствъ только два — зрѣніе и слухъ. Явное и коренное различіе между ними состоитъ въ томъ, что зрѣніе преимущественно воспринимаетъ *пространственныя* отношенія, а слухъ — *временныя*. Слухъ замѣчаетъ только одни явленія и перемены, совершающіяся въ предметахъ; зрѣніе же воспринимаетъ самые предметы, расположенные вокругъ насъ. Впечатлѣнія слуха измѣнчивы и измѣряются временемъ; образы зрѣнія могутъ быть совершенно постоянны и измѣряются пространствомъ. Слухъ даетъ намъ музыку, гдѣ главное заключается въ различномъ совпаденіи, въ извѣстной продолжительности и послѣдовательности звуковъ; зрѣнію соответствуетъ красота, гдѣ главное въ расположеніи, формахъ и размѣрахъ частей. Наконецъ звуками люди сообщаются между собою; звуки представляютъ выраженіе нашей внутренней душевной жизни. Слѣтъ есть наше главное сообщеніе со ви́шнимъ міромъ, съ природою, существующею внѣ насъ.

Слѣдовательно слухъ и зрѣніе въ своей дѣятельности приспособлены ко времени и пространству. Но извѣстно, что пространство и время суть двѣ существенныя *формы* природы; третьей подобной формы нѣтъ, а слѣдовательно и не можетъ быть новаго объективнаго чувства, которое бы могло стать на ряду съ зрѣніемъ и слухомъ. Здѣсь намъ слѣдовало бы строго доказать, что никакая новая форма въ родѣ пространства и времени невозможна. Но попрось этотъ очень труденъ, и потому удовольствуемся пока тѣмъ,

что мы дошли до него и видимъ связь между ними и нашимъ разборомъ чувствъ.

Субъективныхъ чувствъ обыкновенно считаютъ только два — вкусъ и обоняніе; но очевидно ихъ гораздо больше. Напримѣръ чувство теплоты и холода, чувство сладострастія, голодь и т. д. совершенно входятъ въ разрядъ субъективныхъ чувствъ. Вкусъ и обоняніе можно считать только высшими изъ нихъ. Значеніе ихъ совершенно ясно: они относятся къ тѣмъ веществамъ, которыя мы принимаемъ въ организмъ — вкусъ къ пищѣ и питью, обоняніе къ воздуху. Слѣдовательно различіе ихъ основано на различіи въ состояніяхъ тѣла; жидкому состоянію соотвѣтствуетъ вкусъ, а газообразному — обоняніе. Твердому состоянію не можетъ соотвѣтствовать никакое чувство въ этомъ родѣ, т. е. такое, которое бы подобно вкусу и обонянію распознавало составъ тѣла; потому-что, по известной аксіомѣ, тѣла дѣйствуютъ химически или своимъ составомъ, только находясь въ растворѣ — *contra non agunt nisi soluta*. Теперь, еслибы мы доказали, что больше трехъ состояній тѣла быть не можетъ, то отсюда было бы ясно, что новыя чувства въ родѣ вкуса и обонянія невозможны.

Наконецъ можно догадываться, почему осязаніе есть единственное чувство въ своемъ разрядѣ. Оно даетъ намъ знать границы нашего тѣла; оно отдѣляетъ насъ отъ другихъ предметовъ. Какъ одна граница у нашего тѣла, такъ и ощущеніе этой границы одно.

Такъ-какъ прямая цѣль наша состоитъ не въ томъ, чтобы получить полное доказательство, но въ томъ только, чтобы показать пріемы, которые ведутъ къ нему, то продолжимъ предъидущія разсужденія. Опредѣливши содержаніе каждаго рода воспріятій, можно бы изслѣдовать, на сколько это содержаніе воспринимается. Напримѣръ зрѣніе воспринимаетъ пространственныя отношенія; можно бы спросить себя, *хорошо* ли оно ихъ воспринимаетъ? Представьте себѣ, что передъ вами какой-нибудь обширный и разнообразный видъ. Въ вашихъ взорахъ рисуется огромная картина. Спрашивается, хорошо ли она изображаетъ дѣйствительность? Напримѣръ хорошо ли то, что далекіе предметы кажутся маленькими, а близкіе большими? что одни предметы закрываютъ другіе? и т. д. Мы могли бы даже предложить себѣ самую общую задачу — построить, т. е. изобрѣсти, придумать сообразно съ данными условіями — *наилучшее* зрѣніе. Разрѣшая ее, мы безъ сомнѣнія пришли бы къ той самой формѣ зрѣнія, которая существуетъ у чловека,

Подобному изслѣдованію можетъ быть подвержена дѣятельность и другихъ органовъ чувствъ.

Читатель видитъ, что существуетъ *полная возможность* доказать съ совершенною строгостью, что человѣкъ обладаетъ полнѣйшею системою виѣшнихъ чувствъ.

Въ тоже время совершенно ясно, что только этимъ же самымъ путемъ можно было бы достигнуть и опредѣленія какого-нибудь новаго чувства, если бы только такія чувства существовали. Но мы заранѣе увѣрены въ ихъ невозможности. Человѣкъ есть высочайшее *чувствующее* существо природы; а полагать, что у него недостаетъ какихъ-нибудь чувствъ, значитъ представлять, что не смотря на свое зрѣніе и слухъ, онъ все-таки слѣпъ и глухъ къ ея явленіямъ. Чувствами природа не скупится; тѣже чувства, какія есть у богоподобнаго человѣка, есть и у множества другихъ животныхъ. Очевидно, далеко раньше человѣка она уже достигла полнаго разнообразія чувствъ. При томъ у самыхъ низшихъ животныхъ встрѣчаются уже зачатки даже высочайшаго нашего чувства — зрѣнія. А развѣ можетъ быть что-нибудь совершеннѣе зрѣнія и прекраснѣе свѣта? Развѣ можно представить себѣ чувство, котораго образы были бы еще объективнѣе; котораго впечатлѣнія воспринимались бы еще легче, еще быстрѣе, еще отчетливѣе; которое бы еще свободнѣе могло переноситься отъ кончика нашего собственнаго носа до бесконечно далекихъ звѣздъ?

Свѣтъ есть совершенное подобіе мысли; когда мы хотимъ выразить полное пониманіе чего-нибудь, мы говоримъ, что мы это *ясно видимъ*, и лучше сказать невозможно. Глазь обнимаетъ міръ такъ же легко, какъ обнимаетъ его мысль; при помощи зрѣнія мы такъ же смѣло и свободно двигаемся и дѣйствуемъ среди вещественныхъ предметовъ, какъ смѣло и свободно движется мысль между предметами, которые уже въ ея власти, уже озарены ея свѣтомъ. *Ясность* зрѣнія такова, что очень нерѣдко мы ставимъ ее даже выше прозрачной и невозмутимой ясности мысли; намъ кажется, что мы яснѣе видимъ, чѣмъ мыслимъ.

И такъ, если нужно найти чувство, столь совершенное, что оно подобно самому разуму, то таково именно зрѣніе; при томъ подобіе здѣсь до того строго и точно, что болѣе *умоподобнаго* чувства и вообразить невозможно.

Чувства, какъ для Микромегаса такъ и для васъ, суть ничто иное, какъ прислужники познанія и мышленія. Слѣдовательно лучшаго прислужника, какъ зрѣніе, невозможно найти.

Если же это умоподобное чувство дано даже несмысленнѣйшимъ животнымъ, то нелѣпо воображать, чтобы обладатель разума, человекъ, былъ лишенъ какихъ-нибудь еще чувствъ. Весь смыслъ животнаго царства заключается въ человекѣ; если животныя обладаютъ зрѣніемъ, то они обязаны этимъ только тому, что для разума нужно было зрѣніе. Стремясь къ человекѣ, природа необходимо должна была производить многія человекоподобныя явленія. И теперь, когда она успѣла олицетворить свой идеалъ, мы впадемъ въ грубую ошибку, если будемъ смотрѣть на человека, какъ на попытку выѣсто свободнаго и полнаго созданія, какъ на *пробу пера* выѣсто гармонической поэмы. Сказать, что у человека не всѣ чувства, значить очень унизить человека; не потому только, что отвергается его совершенство, а также и потому, что вышнія чувства не суть что-либо столь трудное и высокое, чтобы природа не могла достигнуть ихъ полнаго разнообразія и достоинства.

VI

Стремленіе унизить человека принадлежитъ уже съ давняго времени къ самымъ распространеннымъ человѣческимъ стремленіямъ. Оно-то, какъ я указалъ и въ отношеніи къ Августу Контю, служить сильнѣйшею опорю убѣжденія въ неполности нашихъ органовъ чувствъ. Оно принимаетъ тысячи формъ и развѣтвленій и обнаруживается въ разнообразнѣйшихъ явленіяхъ умственнаго міра. Человекъ — сынъ праха, рабъ грѣха, червь земли. Взглядъ, породившій эти выраженія, очевидно находитъ глубокий отзывъ въ душѣ человека, потому что также смотритъ на человека и Вольтеръ, также разсуждаетъ и Лапласъ, упрекающій человека въ *суетной гордости*. Что касается до Августа Конта, то онъ есть полный представитель того воззрѣнія, котораго очень часто держатся натуралисты. По его мнѣнію міръ представляетъ безконечное разнообразіе и человекъ есть одно изъ безчисленныхъ существъ природы, въ отношеніи къ цѣлому міру совершенно ничтожное и по своимъ размѣрамъ и по своему содержанію. Въ другихъ мѣстахъ мірозданія, на другихъ планетахъ жизнь міра выражается совершенно другими явленіями, имѣетъ другой смыслъ, другой корень, другую сущность.

Мы видѣли, какую ошибку постоянно дѣлаютъ защитники человѣческаго ничтожества. Величину земли они измѣряютъ безконечностію пространства, время нашей жизни — безконечностію вѣчности. Точно также число нашихъ чувствъ они сравниваютъ съ чи-

словъ чувствъ Микромегаса, наши путешествія съ его прогулкою по млечному пути и т. д. Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ одна и та же ошибка; она же повторяется и во множествѣ другихъ случаевъ и встрѣчается въ безчисленныхъ видахъ.

Приведу здѣсь слова И. В. Кирѣевского, въ которыхъ такое направление мысли получило энергическое и глубокое выраженіе. Онъ говоритъ :

«Нѣтъ такого тупого ума, который бы не могъ понять своей ничтожности ..... ; нѣтъ такого ограниченнаго сердца, которое бы не могло разумѣть возможность другой любви, кромѣ той, которую возбуждаютъ предметы земные ; нѣтъ такой совѣсти, которая бы не чувствовала невидимаго существованія высшаго нравственнаго порядка».

Изъ этихъ словъ видно, что ошибка, о которой мы говоримъ, имѣетъ глубокий корень и основана на чемъ-то существенно-свойственномъ человѣку. И дѣйствительно она составляетъ софизмъ, неизбежно вовлекающій въ себя человѣческой умъ ; его можно назвать самымъ общимъ, самымъ главнымъ софизмомъ человѣчества.

Чтобы изложить его всего проще, замѣтимъ, что онъ опирается на нашей способности отвлеченія, на той самой способности, которая образуетъ языкъ. Языкъ, какъ полный и точный выразитель мысли, необходимо отражаетъ на себѣ и всѣ софизмы мысли. Поэтому мы можемъ вину мысли считать за вину языка, а это особенно удобно потому, что дѣйствительно мы чаще хватаемся за слова, чѣмъ за мысль.

И такъ мы можемъ сказать, что языкъ насъ обманываетъ, что слова суть постоянный источникъ ошибокъ. Въ самомъ дѣлѣ у насъ есть слова — *умъ, сила, время, любовь, чувство* и т. д. Они не выражаютъ ничего дѣйствительнаго и опредѣленнаго ; они значатъ тоже самое, что *нѣкоторый умъ, нѣкоторая сила, нѣкоторое время* и т. д. Между тѣмъ мы употребляемъ ихъ такъ, какъ будто они представляютъ что-то существующее и положительно опредѣленное. Такъ мы сравниваемъ нашъ человѣческій, слѣдовательно дѣйствительный умъ съ *умомъ вообще*, съ возможнымъ умомъ, и говоримъ : какъ слабъ человѣческій умъ. Нашу силу мы сравниваемъ съ *силою вообще* и говоримъ : какъ слабъ человѣкъ ! Нашу любовь, дѣйствительное чувство, мы сравниваемъ съ *любовью вообще* и говоримъ : какъ ничтожна человѣческая любовь ! Очевидно при этомъ мы завидуемъ совершенно-воображаемымъ предметамъ.

Вообще слова закрываютъ отъ насъ дѣйствительный міръ и заставляютъ жить въ воображаемомъ. Каждое слово необходимо

имѣеть неопредѣленность, неограниченный объемъ, и мы воображеніемъ стараемся наполнить весь этотъ объемъ. Возьмемъ на примѣръ слово — *дерево*. Оно представляетъ общій образъ, который мы принимаемъ за дѣйствительную форму вещи. Подъ этотъ образъ подходят не только всѣ деревья, какія мы видѣли, но можетъ подойти и безконечное число деревьевъ, которыя мы выдумаемъ сами; по этому ничто не остановитъ насъ и не помѣшаетъ намъ, если мы вздумаемъ каждую изъ безчисленныхъ планетъ усадить особенными деревьями. Точно такъ слово *цвѣтъ* представляетъ общее понятіе, подъ которое по видимому можетъ подойти безчисленное множество частныхъ понятій. Въ солнечномъ лучѣ семь цвѣтовъ; ничто не помѣшало Вольтеру дать Сиріусу тридцать девять простыхъ цвѣтовъ. Наконецъ тоже самое происходитъ при пониманіи словъ — *внѣшнее чувство*. Подъ этими словами разумѣется нѣчто общее, что есть и въ зрѣніи, и въ слухѣ, и въ осизаніи и проч. Ничто не указываетъ намъ на то, что это общее можетъ проявиться только въ пяти или вообще въ опредѣленномъ числѣ частныхъ формъ, и вотъ мы легко воображаемъ неопредѣленное число чувствъ.

Слѣдовательно все сводится на то, что мы не видимъ связи между общимъ и частнымъ; слова всегда выражаютъ нѣчто общее, отдѣльныя черты, и мы привыкаемъ думать, что подъ это общее могутъ подходить безчисленныя частности. Такимъ образомъ мы готовы признать возможность безконечно разнообразныхъ комбинацій; міръ является хаосомъ, въ которомъ отдѣльныя черты вещей сочетаются по волѣ случая. Таковъ міръ словъ, но не таковъ дѣйствительный міръ. Въ немъ все связано и опредѣлено, все въ строгихъ отношеніяхъ. Науки стремятся именно къ тому, чтобы найти вездѣ эту правильную зависимость. Такъ ботаникъ, изучая растенія, стремится найти такое понятіе о *растеніи вообще*, чтобы изъ него истекали главные роды растеній; ему уже никакъ не придетъ въ голову возможность *золотыхъ яблоковъ*, или чего-нибудь подобнаго. Такъ зоологъ изъ *своего* научнаго понятія о животномъ заключаетъ, что ни крымскія лошади, ни испанскія птицы и спруты невозможны. Физику и физиологу предстоитъ вопросъ, почему цвѣтовъ только семь; этотъ вопросъ очевидно того же рода, какъ тотъ вопросъ, который уже многократно старались разрѣшить физики, именно: отчего зависятъ *три состоянія тѣла* и слѣдовательно почему ихъ ни больше, ни меньше. Точно такъ наконецъ наука стремится и къ доказательству того, что *внѣшнее чувство* можетъ имѣть только формы, которыя есть у человѣка.

Какъ крайній и замѣчательный примѣръ того хаотическаго во-

нтіе о мірѣ, которое рождается отъ миража словъ, приведу здѣсь записку о пространствѣ. Извѣстно, что пространство имѣетъ три измѣренія — длину, ширину и глубину. Въ Аналитической Геометріи Брауна, учебникъ бывшемъ въ большомъ употребленіи у насъ, на одной изъ первыхъ страницъ сказано, что если бы мы имѣли другое устройство чувствъ, то, можетъ быть, пространство имѣло бы для насъ другое число измѣреній, напримѣръ четыре. Безъ сомнѣнія это самое смѣлое предположеніе изъ всѣхъ, которыя я приводилъ. Оно почти похоже на то, какъ если бы сказать: можетъ быть, есть планеты, гдѣ дважды два не четыре, а пять. Въ самомъ дѣлѣ пространство есть нѣчто понимаемое нами также ясно и отчетливо, какъ и *дважды два*; какъ изъ дважды два слѣдуетъ четыре, не больше и не меньше, такъ и изъ понятія о пространствѣ слѣдуетъ, что въ немъ три измѣренія, ни больше ни меньше. Когда мы говоримъ дважды два, мы дѣлаемъ множеніе; точно также мы производимъ въ которое дѣйствіе надъ пространствомъ, когда *ищемъ его измѣреній*; результатъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ непремѣнно будетъ несомнѣнный. Можно въдѣ разсматривать пространство не по тремъ измѣреніямъ. Смотрите на него изъ точки; тогда окажется, что пространство изъ каждой точки идетъ по *всѣмъ* направленіямъ. Въ этомъ состоитъ его существенный характеръ; въ немъ возможны *всѣ* направленія и *всѣ* разстоянія; только потому оно и пространство. Слѣдовательно мы знаемъ не какое-нибудь частное и особенное пространство, но *единственное возможное*.

И потому нельзя предполагать, что на однихъ планетахъ въ пространствѣ считаютъ четыре измѣренія, на другихъ десять, на третьихъ сто, тысячу и т. д.

Впрочемъ, сколько бы мы примѣровъ ни приводилъ, сами по себѣ они не будутъ вполне убѣдительны. Но они могутъ послужить для того, чтобы разъяснить общее доказательство; а общее доказательство можетъ происходить только изъ одного источника, изъ свойствъ самого мышленія, т. е. должно привести насъ къ положенію — *иначе мы мыслить не можемъ*.

И такъ замѣтимъ, что мышленіе возможно только при *опредѣленности* понятій и *необходимости* выводовъ. Поэтому если мы возьмемъ *вещество*, то должны представлять его чѣмъ-то опредѣленнымъ; изъ этой сущности его должны необходимо вытекать его свойства, такія, а не другія. Отъ свойства вещества необходимо завѣстать всѣ его явленія. Если человекъ имѣетъ въ своемъ составѣ извѣстное вещество и извѣстныя вещественныя явленія, то только при этомъ веществѣ и этихъ явленіяхъ человекъ можетъ-быть че-

ловѣкомъ. Мыслить созданіе природы, которое было бы выше чело-
вѣка, невозможно. Слѣдовательно невозможно предполагать, чтобы
на другихъ планетахъ жизнь проявилась совершеннѣе или даже
жначе, чѣмъ на планетѣ, гдѣ высшее существо есть человекъ.

VII

Все предыдущее должно привести насъ къ тому, что если мы
будемъ послѣдовательно проводить взглядъ, господствующій въ со-
временныхъ изслѣдованіяхъ природы, если не увлечемся тѣмъ мнѣ-
ніемъ, которое приводитъ Вольтеръ въ своемъ Микромегасѣ, т. е.,
что будто-бы *возможнаго больше, чѣмъ мы думаемъ*; то мы будемъ
разсуждать слѣдующимъ образомъ :

Лапласъ доказалъ, что солнечная система образовалась посте-
пенно изъ одного туманнаго шара, слѣдовательно въ основѣ всей
системы лежитъ одно и тоже вещество. Но мы видимъ, что образо-
ваніе планетъ шло неодинаковымъ путемъ. Дальнѣйшія планеты,
которыя образовались раньше всѣхъ, очень рыхлы, велики, быстро
обращаются около оси имѣютъ много спутниковъ, а одна даже коль-
цо. За тѣмъ вѣроятно произошлъ сильный переворотъ, и образо-
вался цѣлый поясъ мелкихъ планетъ, которыхъ теперь считаютъ
многими десятками. Послѣ этого перелома началось опять болѣе
правильное образованіе планетъ ближайшихъ къ солнцу, къ кото-
рымъ принадлежитъ и земля. Эти планеты менше первыхъ, но
плотнѣе, обращаются около оси медленнѣе и только одна изъ нихъ
въ видѣ какого-то преимущества имѣетъ спутника, именно земля
имѣетъ луну.

Очевидно планеты перваго и втораго періода, не только по от-
даленности отъ солнца, но и по особенностямъ своего образованія,
можетъ быть, вовсе негодятся для организмовъ. Что организмы суще-
ствуютъ на нѣкоторыхъ планетахъ третьяго періода, напримѣръ
на Марсѣ, это весьма вѣроятно. Но полного своего развитія орга-
низмы достигли только на землѣ; потому что на землѣ явился че-
ловѣкъ, признакъ окончательнаго довершенія органической жизни.
Другія же планеты, не представляя тѣхъ же условій, какъ земля,
между-тѣмъ какъ эти условія необходимы для всецѣлаго развитія
органической жизни, не могутъ имѣть человекъ. Что они пусты,
въ этомъ нѣтъ ничего особеннаго и страннаго; въ этомъ отноше-
ніи солнечную систему можно сравнить съ большимъ деревомъ.
Земля представляетъ прекрасный цвѣтокъ или вкусный плодъ этого

дерева; остальные планеты и солнце — его листья, сучки и стволъ. Сравненіе съ животнымъ еще удобнѣе; земля, говоря по старому, есть сердце солнечной системы, а по новому — полушаріа большого мозга.

Звѣзды суть безъ сомнѣнія другія солнцы. Никакой разницы между ними не замѣчено, и существованіе планетъ около каждой звѣзды почти также вѣрно, какъ сходство свѣта отъ солнца и отъ звѣздъ. Слѣдовательно почти около каждой звѣзды мы можемъ вообразить себѣ планету, находящуюся совершенно въ тѣхъ же условіяхъ, какъ земля; на такой планетѣ необходимо долженъ явиться человекъ. Если же многія звѣзды и не имѣютъ планетъ подобнаго рода, то опять тутъ нѣтъ ничего особеннаго или страннаго. Какъ на землѣ встрѣчаются пустыри и голыя мѣста безъ всякаго признака травы, такъ и въ безконечной области міра легко могутъ встрѣчаться цѣлыя полосы звѣздъ, не успѣвшихъ образовать ни одной планеты, подобной землѣ.

Таковъ самый простой и правильный взглядъ на жителей планетъ. Можно сказать, что это и самый обыкновенный взглядъ. Простые смертные, не увлекаясь ни философскими фантазіями, въ родѣ Вольтера, ни болзливимъ скептицизмомъ ученыхъ мужей, конечно всего естественнѣе предполагали, что если другіе міры населены, то тамъ находится такіа же существа, какъ на землѣ. Весьма замѣчательно, что этотъ взглядъ былъ подробно развитъ еще въ то время, когда только-что взяла перевѣсъ Коперникова система и когда изъ-за нея еще длилась ожесточенная борьба, возбужденная несчастною судьбою Галилея. Имеппо Гюйгенсъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ математиковъ и астрономовъ, написалъ сочиненіе о жителяхъ планетъ; оно долго его занимало и вышло въ свѣтъ только послѣ его смерти, подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

Christiani Hugenii Cosmographos, sive de Terris Coelestibus, earum que ornatu. Hagae Comitum, 1698. То есть:

Зритель міра, или о небесныхъ странахъ и ихъ убранствѣ (*).

Въ этой книгѣ авторъ старается послѣдовательно и строго доказать, что жители иныхъ міровъ должны во всѣхъ существенныхъ чертахъ походить на людей, и точно также другіе организмы должны

(*) Галилей умеръ въ 1642 г. Фонтенелевы разговоры о множествѣ міровъ явились въ 1686 году, и ихъ необыкновенный успѣхъ зависѣлъ также отъ смѣлости его мнѣній для того времени. Гюйгенсъ упоминаетъ объ этихъ разговорахъ; но они ни въ чемъ не могли представить ему пособія или указанія.

походить на нашихъ животныхъ и наши растенія. Соображенія его чрезвычайно прѣсты и часто поражаютъ своею невысказанною мѣткостью. Такъ напримѣръ онъ разсуждаетъ о животныхъ. Животныя планеты, говоритъ онъ, конечно могутъ различаться отъ нашихъ, но эта разница должна быть незначительна въ сравненіи съ тѣмъ различіемъ, которое мы находимъ между разными нашими животными. Въ самомъ дѣлѣ, животныя необходимо должны двигаться; а движеніе можетъ быть только трехъ родовъ: или по воздуху — летаціе, или въ жидкости — плаваніе, или по твердой суши — хожденіе и бѣганіе. Следовательно и на планетахъ должны быть эти же три рода животныхъ, летающія, плавающія и бѣгающія. У летающихъ должны быть крылья, у бѣгающихъ ноги и т. д.

Какъ математикъ и астрономъ, Гюйгенсъ особенно ясно былъ убѣжденъ въ томъ, что и математика и астрономія существуютъ на планетахъ. Что мы считаемъ истиною въ математикѣ, говоритъ онъ, то истина и для цѣлаго міра. Если жители планетъ существа разумныя, то и они должны избрѣсти геометрію, логарифмы и т. д. Они должны наблюдать небо, и эти наблюденія необходимо будутъ похожи на наши. Положеніе и разстояніе свѣтилъ они должны измѣрять углами, какъ дѣлаемъ мы; следовательно у нихъ необходимо для этихъ наблюденій должны быть и такіе же условныя снаряды, раздѣленные на градусы и т. д.

Такими и подобными соображеніями Гюйгенсъ старается доказать, что разумныя жители планетъ должны имѣть руки и ноги и тѣже вышнія чувства, какъ у насъ; что они должны говорить, должны наслаждаться музыкой, жить въ обществахъ и т. п. Доказательства его не всегда сильны и строги; но всегда вѣрны въ основаніи. Онъ ошибается именно тамъ, гдѣ вздумаетъ предположить разницу между людьми и жителями планетъ. Напримѣръ онъ говоритъ, что у этихъ жителей можетъ быть другая форма носа и другое положеніе глазъ; что лицо такого рода для насъ должно казаться отвратительнымъ, но что тамъ, на планетахъ, вѣроятно къ нему привыкли и находятъ его красивымъ. Гюйгенсъ ошибается; потому что и форма носа и положеніе глазъ у насъ неслучайны, но съ величайшею строгостію вытекаютъ изъ всего остального устройства нашего тѣла. Форма для организма есть дѣло существенное, и предполагать случайныя формы въ такомъ организмѣ, какъ человѣкъ, невозможно.

Но вообще книга Гюйгенса, которую мало знаютъ и кажется вообще принимаютъ за неудачную фантазію, непримичную для ученаго мужа, оставляетъ послѣ себя чрезвычайно сильное впечатлѣніе.

Въ то время, когда она писана, естественныя науки еще недавно воднялись и отырывали свою зру первыми, хотя гигантскими шагами. И что же? Читая Гюйгенса, нельзя безъ удивленія видѣть, что всѣ послѣдующія открытія не только не опровергають его взгляда, но могли бы служить для большаго его подтвержденія. Если бы Гюйгенсъ теперь писалъ свою книгу, онъ нашолъ бы для своей мысли несравненно больше доказательствъ; онъ могъ бы развить ее гораздо точнѣе и строже.

Отсюда видно, что мысль Гюйгенса принадлежитъ къ числу тѣхъ простыхъ и вѣрныхъ мыслей, которыя переживаютъ вѣка. Какъ я уже замѣтилъ, до-сихъ-поръ направленіе астрономіи таково, что она все болѣе и болѣе доказываетъ *однообразіе міра*. Не дѣлаетъ ли величайшей чести Гюйгенсу то, что онъ такъ вѣрно и просто понялъ новый духъ, проникавшій въ его время въ изслѣдованія природы?

И такъ, соглашась съ Гюйгенсомъ, мы приходимъ наконецъ къ самому легкому и ясному міросозерданію. До безконечности плутъ системы планетъ; въ этихъ системахъ встрѣчаются планеты подобныя землѣ; на нихъ развивается органическая жизнь и во главѣ ея является человѣкъ. Вездѣ, до самой глубины небесъ, таже геометрія, астрономія и музыка, такіе же глаза и такіе же носы.

Едва ли однако же мы останемся довольны такимъ мірозданіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, отъ насъ и до безконечности небесъ — все одно и то же; какое страшное однообразіе! Къ чему это безчисленное повтореніе однихъ и тѣхъ же явленій? Каждая обитаемая планета есть атомъ, теряющійся въ пучинѣ неба; а все мірозданіе есть безпредѣльное накопленіе такихъ атомовъ, подобныхъ другъ другу; между ними нѣтъ никакой связи, никакого общаго центра; ничего цѣлаго нѣтъ въ мірѣ и нѣтъ никакого смысла въ цѣломъ мірѣ.

Чтобы яснѣе видѣть, въ чемъ здѣсь противорѣчіе, перенесемъ изъ отношеній пространства въ отношенія времени; мы увидимъ, что это тотъ же самый вопросъ. За однимъ поколѣніемъ людей, плетъ другое; за одною жизнью слѣдуетъ новая жизнь; такимъ образомъ и здѣсь намъ является неопредѣленное число повтореній одинаковой жизни. Но извѣстно, что мы не смотримъ на эти повторенія, какъ на смѣну совершенно тождественныхъ явленій; мы обыкновенно думаемъ, что старыя поколѣнія хотя отчасти служатъ для новыхъ, что жизнь не совсѣмъ теряется, но постепенно нарастаетъ, что въ цѣломъ человѣчество дѣлаетъ успѣхи. Только при такомъ взглядѣ исторія получаетъ смыслъ, и жизнь озаряется свѣтомъ и

тепломъ. Въ самомъ дѣлѣ взглядъ, противоположный этому и влѣящій въ исторію вѣчное круженіе около одной точки, есть взглядъ полнаго отчаянія. Жалобу Соломона, что *нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ*, повторили именно люди, мрачно глядѣвшіе на міръ. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть печальнѣе?

Ты правъ, божественный пѣвецъ:
 Вѣка вѣковъ лишь повторенье!
 Сперва свободы обольщенье,
 Гремущи славы наконецъ;
 За славой — роскоши потоки,
 Богатства съ золотымъ ярмомъ,
 Потомъ — изыщные пороки,
 Глухое варварство потомъ....

Мы такъ не думаемъ и, кажется, не ошибаемся. Едва ли можно сказать, что наша эпоха есть повтореніе египетской или греческой или римской эпохи; мы думаемъ, что всѣ онѣ послужили намъ, были опорой для нашей эпохи и что мы сумѣли воспользоваться этою прошлою жизнью. Такъ мы желали бы смотрѣть и на весь міръ, на жителей планетъ. Если бы жители одной планеты имѣли хотя какое-нибудь вліяніе на жителей другой, какъ это предполагалъ между прочимъ Карлъ Фурье, то это было бы болѣе согласно съ нашими понятіями о значеніи жизни.

Принимать, что міръ на всемъ своемъ протяженіи состоитъ изъ безконечнаго ряда отдѣльныхъ повторяющихся явленій, для насъ также странно, какъ принимать, что исторія есть безпредѣльное послѣдовательное повтореніе одинаковыхъ событій. Какъ исторію мы представляемъ себѣ связною, цѣлою, такъ и міръ мы желали бы представлять связнымъ и цѣлымъ.

Собственно говоря, мы теперь сравниваемъ не совсѣмъ однородные предметы; но мы легко можемъ дойти и до точныхъ сравненій. Исторія человѣчества есть развитіе и слѣдовательно когда-нибудь должна довершиться, окончиться. Принимать безконечный прогрессъ невозможно; безконечное путешествіе безъ достиженія цѣли совершенно равняется безконечному круженію или стоянію на одномъ мѣстѣ.

Напротивъ, чѣмъ глубже мы признаемъ прогрессъ, чѣмъ правильнѣе и непрерывнѣе его предположимъ, тѣмъ яснѣе окажется, что онъ долженъ современнымъ завершиться.

И такъ предположимъ, что жизнь человѣчества образуетъ правильный циклъ; представимъ себѣ, что этотъ циклъ окончился, и спросимъ себя, что тогда будетъ? Вопросъ этотъ совершенно оди-

наковъ съ вопросомъ о жителяхъ планетъ ; мы знаемъ цикль органической жизни, которая царитъ на землѣ ; переносимъ мыслью на планеты и спрашиваемъ : что тамъ дѣлается ? Слѣдательно и отвѣтъ будетъ одинаковый. Т. е. не можетъ быть ничего другого, кромѣ новаго появленія той же жизни ; у насъ или на другихъ планетахъ долженъ начаться опять тотъ же цикль и долженъ также развиться и кончиться. Эта мысль о безконечномъ повтореніи тѣхъ же цикловъ жизни также обыкновенна для человѣческаго ума, какъ и мысль о жителяхъ планетъ. Вмѣсто многихъ примѣровъ приведу здѣсь мнѣніе древнихъ стоиковъ , какъ излагаетъ его Немецій. «Стоики говорятъ , что когда планеты по широтѣ и долготѣ придуть въ тѣ созвѣздія , въ которыхъ они находились сначала, при твореніи міра , то произойдетъ всемірный пожаръ и разрушеніе , а потомъ изъ сущности возстанетъ міръ въ прежнемъ видѣ. А такъ какъ звѣзды должны вращаться подобнымъ «прежнему образу», то все бывшее въ предъидущемъ періодѣ , повторится безъ перемѣны. Снова явятся Сократъ и Платонъ , снова явится каждый человѣкъ съ тѣми же друзьями и согражданами. Тѣ же настанутъ повѣрья , тѣ же встрѣчи , тѣ же предприятия , тѣ же построются города и деревни. И такое возстановленіе всего произойдетъ не одинъ разъ , но будетъ происходить многократно, или лучше сказать безъ конца.»

Не смотря на старыя слова и понятія , мысль выражена съ замѣчательною точностію и основательностію. *Звѣзды должны вращаться подобнымъ «прежнему образу»,* это значитъ — должны наступить тѣ же причины и онѣ произведутъ тѣ же слѣдствія. *Явятся Сократъ и Платонъ,* это значитъ — мысль человѣческая пойдетъ тѣми же путемъ и будетъ претерпѣвать тѣже превращенія.

Что же возмущаетъ насъ противъ подобныхъ взглядовъ ? Очевидно — потерянная связь между явленіями , потерянное единство міра. Воображая безчисленное множество планетъ , населенныхъ людьми , мы разрываемъ міръ въ пространствѣ на безчисленныя отлѣльности ; воображая безконечное повтореніе цикловъ жизни , мы разрываемъ время на безконечное число частей , не имѣющихъ одна для другой никакого значенія. Такое пониманіе противно самой сущности человѣческаго ума ; какъ я сказалъ , всѣ цѣли науки сосредоточиваются въ томъ , чтобы найти связь между явленіями , найти ихъ взаимную зависимость и слѣдательно ихъ единство. И если въ чемъ-нибудь другомъ мы готовы допустить безконечное , не имѣющее смысла повтореніе явленій , то такое повтореніе всего мнѣ мы можемъ принять въ явленіяхъ ума , въ духовной человѣ-

ческой жизни, въ глубочайшей жизни человѣчества. Намъ кажется великимъ, неразумнымъ, чтобы духовныя явленія пропадали. Мы съ неистощимымъ презрѣніемъ смотримъ на Китайцевъ за то, что для нихъ пропадаеть вся наша европейская жизнь; что они ея не ищутъ, а отталкиваютъ; а сами мы гордимся тѣмъ, что мы наследники умственной жизни Римлянъ и Грековъ и даже древнихъ Индійцевъ и что теперѣ каждое открытіе, каждая мысль, гдѣ бы она ни родилась, отзываются во всѣхъ концахъ образованнаго міра. Мы стремимся съ жадностію поглощать всѣ явленія духа, каковы бы они ни были.

Такъ точно мы судимъ и о планетахъ. Если тамъ есть иная жизнь, иное проявленіе разума, то величайшая величественность, какая существуетъ въ мірѣ, самая рѣзкая дисгармонія, самое невыносимое противорѣчіе состоитъ въ томъ, что мы не имѣемъ сообщенія съ этою жизнью. Мы чувствуемъ въ себѣ неутолимую жажду иной жизни, мы сознаемъ себя совершенно способными къ ней и готовы, какъ Вольтеръ, дружески, на равной ногѣ разговаривать съ самимъ господиномъ Микромегасомъ и со всякимъ другимъ жителямъ планетъ.

Отправляясь на планеты, мы ищени и искали иной жизни; намъ хотѣлось найти болѣе глубокое выраженіе того, что мы чувствуемъ въ себѣ, болѣе полное воплощеніе нашихъ идеаловъ. Если же этого нѣтъ, если тамъ такіе же люди, то разумѣется для насъ совершенно все равно, живутъ ли они или нѣтъ. Знакомаясь съ новыми лицами, путешествуя по далекимъ странамъ, изучая современные или древніе народы, мы любопытны потому, что надѣемся на новую жизнь, на что-нибудь новое, хотя вытекающее изъ того же источника. Поэтому, если на планетахъ тоже, что на землѣ, намъ и не любопытно и не нужно знакомиться съ ними. У нихъ есть Сократъ и Платонъ; но у насъ они тоже есть; у нихъ геометрія и музыка, но мы точно также занимаемся и геометриєю и музыкою. Повторяются ли эти явленія безконечно или существуютъ только въ одномъ мѣстѣ, для насъ все равно; къ сущности жизни отъ этого ничего не прибавится. Міръ теряетъ всякую стройность и занимательность; разсматривая его въ цѣломъ составѣ, мы получаемъ образъ, который не только не выше, не свѣтлѣе, но несравненно ниже образа человѣчества на землѣ. Міръ не имѣетъ центра и не имѣетъ исторіи; населенныя планеты образуютъ не общество, а стадо; безконечныя циклы жизни образуютъ не исторію, не жизнь, а прозябаніе, растительное повтореніе.

Что же намъ дѣлать для того, чтобы избѣжать этого противорѣ-

чія? Остается одно — уничтожить всѣхъ жителей планетъ. Это мы всегда можемъ сдѣлать и замѣтимъ при томъ, что это есть единственная переменная въ мірозданіи, которая еще остается въ нашей власти. Въ самомъ дѣлѣ, какъ я уже замѣтилъ, предполагать выныя, лучшія или высшія существа есть всегда дѣло трудное и даже невозможное; но предполагать отсутствіе какихъ бы то ни было существъ всегда легко и не заключаетъ въ себѣ ничего невозможнаго. Мы можемъ сказать, что не смотря на безчисленные системы планетъ, ни въ одной изъ нихъ не удалось образоваться такой планетѣ, какъ земля. Въ настоящее время, какъ извѣстно, звѣздная астрономія старается опредѣлить зависимость нашего солнца отъ звѣздъ. Если найдется звѣзда, около которой обращается солнце, и будутъ найдены другія солнца, обращающіяся около той же звѣзды, то мы можемъ сказать, что наше солнце — совершенно особенное и что другія звѣзды, болѣе близкія или далекія въ отношеніи къ центральному солнцу, по самой сущности дѣла не годятся для образованія планетъ, подобныхъ землѣ. Такимъ образомъ, чѣмъ дальше пойдутъ успѣхи звѣздной астрономіи, чѣмъ глубже она успѣетъ проникнуть во взаимную связь цѣлаго мірозданія; тѣмъ яснѣе можетъ обнаружиться, что звѣзды такъ или иначе были связаны съ образованіемъ нашей солнечной системы и что слѣдовательно ихъ можно полагать пустыми.

Что же мы выведемъ изъ всего этого? Очевидно то, что человѣкъ можетъ и даже необходимо долженъ смотрѣть на свою жизнь такъ, какъ будто весь остальной міръ пустъ, и какъ будто за цикломъ жизни человѣчества не послѣдуетъ никакого новаго цикла. Пустота, которую мы такимъ образомъ предположимъ вокругъ себя, не есть что-нибудь страшное и нелѣпое; потому что пустота не требуетъ необходимо содержанія, которое бы ее наполнило, но на оборотъ содержаніе необходимо требуетъ пустоты, требуетъ мѣста, чтобы занять его, т. е. пространства и времени. Одинъ день или часъ жизни значить больше, чѣмъ цѣлая пустая вѣчность, и одно живое существо больше, чѣмъ цѣлое небо мертвыхъ звѣздъ.

Вотъ въ чемъ состоятъ, говоря словами Лапласа, *наши истинныя отношенія къ природѣ*.

Какая гордость! скажетъ читатель. Уже ли человѣкъ можетъ ставить себя такъ высоко? Уже ли онъ можетъ считать себя въ этомъ мірѣ за единственное богоподобное существо? Дѣйствительно гордость велика; но не забудьте, что она прилична только *человѣку вообще*, а не намъ съ вами въ частности. И чѣмъ выше мы будемъ ставить *человѣка вообще*, тѣмъ скромнѣе должны быть сами: но за

то тѣмъ полнѣе и глубже будутъ удовлетворены наши глубочайшія и завѣтнѣйшія стремленія. Если въ насъ существуетъ неутолимая жажда *моей* жизни, то этотъ *человѣкъ вообще*, истинно богоподобный *человѣкъ*, есть неисчерпаемый источникъ для ея утоленія. Мы любимъ жить въ тѣсномъ кружкѣ нашихъ понятій, въ узкомъ мірѣ нашей личности; понятно, что душа бьется и просится изъ этого міра. Постараемся выйти изъ него; вмѣсто того, чтобы путешествовать на планеты, выйдемъ внимательно въ жизнь другихъ людей; мы откроемъ въ ней новые міры, богатые еще невѣдомой для насъ красотой и силой. Точно также, вмѣсто того чтобы мечтать о далекихъ грядущихъ вѣкахъ, мы должны благоговѣнно смотрѣть на доступное намъ будущее. Душа должна быть вполне раскрыта для вѣянія новаго духа, для новыхъ откровеній, для разоблаченія дѣйствительныхъ тайнъ, потому что нѣтъ ничего таинственнѣе будущаго.

И въ подтвержденіе такого взгляда на жизнь можно привести тѣ самыя слова Кирѣевскаго, которыя мы указали выше. Нужно было бы только *измѣнить* ихъ такъ: «Нѣтъ такого тупого ума, который бы не могъ — понять своей ничтожности и преклониться «передъ силою *человѣческаго* генія; нѣтъ такого ограниченного «сердца, которое бы не могло разумѣть возможность другой любви, «несравненно выше и чище той, которую оно само питаетъ; нѣтъ «такой совѣсти, которая бы не могла благоговѣть передъ нравствен- «нымъ величіемъ *человѣка*.»

Н. СТРАХОВЪ

1860 г. 1 Декабря

ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ

(РОД. 12 ОКТЯБРЯ 1664, УМ. 13 ОКТЯБРЯ 1723)

ОТРИЗЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

I

Б Р А К Ъ .

По мѣрѣ того какъ росъ и мужалъ великій Петръ, Софья Алексѣевна яснѣе и яснѣе видѣла непрочность своего положенія; въ тайныхъ совѣтахъ съ Василиемъ Голицынымъ она тщательно обдумывала планъ удержанія за собою господства надъ братьями и властью надъ Россіей.

Мысль объ удаленіи Петра отъ престола, даже объ убіеніи царственного юноши рано стала туманить голову сестры; не разъ сообщала она объ этомъ своему фавориту, но князь Василій Васильевичъ благоразумно удерживалъ ее отъ преступленія, а для упроченія на ея главѣ короны предложилъ женить Ивана Алексѣевича. Царь Иванъ былъ отъ природы *скорбенъ* главою (т. е. глухъ), косноязыченъ, страдалъ цынгой, плохо видѣлъ, и на восемнадцатомъ году отъ рожденія, разслабленный, обремененный немощью духа и тѣла, служилъ предметомъ сожалѣнія и даже насмѣшекъ бояръ, его окружавшихъ... Женить онъ былъ плохой, но, весь во власти Софьи, онъ не противился ея желанію.

Правительница была увѣрена, что Иванъ является неспособнымъ къ брачной жизни; тогда она принудить невѣстку вступить съ кѣмъ-нибудь «въ тайную связь» и подарить такимъ образомъ супруга дѣтми. Предполагалось, что съ появленіемъ ихъ Петръ бу-

дети совершенно устранены от престола, Софья навсегда овладеет и Иваномъ, и Россіей; а если впоследствии со стороны дѣтей больного явится желаніе властвовать именемъ отца, то правительница не затруднится доказать поступокъ царицы, заточить ее въ монастырь, объявить дѣтей незаконными, а скорбною отца женить на другой, которая своимъ бесплодіемъ покажетъ немощь вѣнценосца и справедливость заточенія первой супруги. Желая имѣть всему дѣлу поддержку въ духовенствѣ, Софья рѣшилась возвестить на патриаршіи престолъ архимандрита Сильвестра Медвѣдева, своего умнаго и дѣятельнаго пособника.

На сколько достовѣренъ этотъ обширный замыселъ, переданный греческимъ историкомъ Θεодоzi (1) и нѣкоторыми другими писателями, рѣшить трудно; но нѣтъ сомнѣній, что свадьба Ивана была задумана Софьей и болѣе или менѣе входила въ черту ея дѣйствій противъ Петра.

Женихъ былъ готовъ, дѣло было за невѣстой. По обычаю священной старины, въ царскіе терема свезли дочерей высшей московской аристократіи. Засуетились ихъ родители, закипѣли страсти придворныхъ честолюбцевъ, немощи и скорбь главы Ивана были забыты; всѣ ждали его выбора. Былъ ли онъ заранѣе рѣшенъ Софьей или представлялся на произволъ жениха, — неизвѣстно; какъ бы то ни было, но въ толпѣ юныхъ боярышень подсмѣпывателя очей Ивана остановились на брѣжжаницѣ, полной Прасковѣ Салтыковой.

Подобные выборы невѣстъ, по разсказамъ иностранцевъ, бывали прежде гораздо сложнѣе: боярышнями, свезенными на выборку, отводили покои, каждой отдѣльно; угощали всѣхъ за однимъ столомъ, увеселяли разными забавами. Царь придумывался къ нимъ, прислушивался къ ихъ бесѣдамъ, заговаривалъ самъ, осматривалъ по ночамъ, кто какъ спитъ — спокойно или безпокойно, и наконецъ, *воспылавъ страстию*, отдавалъ избранной платокъ и перстенъ, а остальныхъ щедро одаривалъ платками и разными вещами, затѣмъ распускалъ по домашь. На этотъ разъ воля Софьи и немощь Ивана упростили дѣло, и дводцатилѣтняя Прасковья безъ дальнѣйшихъ испытаній наречена невѣстою восемнадцатилѣтняго царя Ивана (онъ род. 28 августа 1666 г.).

Впрочемъ, если вѣрить портрету, «скопированному» по портрету, хранящемуся въ московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ, то невѣста Ивана была высока, стройна, полна; длинные волосы

(1) Θεοδοzi. Житіе Петра Великаго. Переводъ съ греческаго. Москва. 1788 г. с. 48, 64, 68.

густыми косами ниспадали на круглые плечи; круглый подбородокъ, ямки на щекахъ, косички, красиво завитыя на невысокомъ лбу, — все это представляло личность интересную, веселую и очень милосердную.

Свадьба совершена была со всеми церемоніями, которыми обычно повонно сопровождалась подобныя торжества.

8 января 1684 года, накануне вѣнчанія, была у царя стола для бояръ, боярынь, родственниковъ и свойственниковъ отца и невесты: Иванъ съ Прасковьей сѣдѣли за особымъ столомъ. Царскіи духовникъ, претопицъ, благославля жениха и невесту, велѣлъ имъ поцѣловаться, а бояре и боярыни поклонились съ поздравленіями; послѣ стола невеста отпущена домой, и гости развѣхались.

9 Января 1684 года, въ среду, Иванъ провелъ все утро въ соборахъ: отслужилъ молебень; на гробахъ держивныхъ предѣлахъ отправилъ пѣнье, приложился къ святынямъ и просилъ у Патріарха благословенія на брачную жизнь.

Между тѣмъ кончались приготовленія: уборка палатъ, свадебныхъ столовъ, разставленіе яствъ и проч. и проч., и торжество началось съ выполненіемъ тѣхъ мельчайшихъ обычаевъ, которые освѣднены были въ главахъ дѣйствующихимъ лицъ давностью дѣлъ и вѣковыми употребленіемъ.

Многіе изъ этихъ обычаевъ, по отношенію къ настоящей свадьбѣ, были ничто иное, какъ вытѣяніе пустой формальности; такъ напримѣръ, Прасковья равнодушно могла слушать поученіе вѣнчаннаго ея патріарха: «... у мужа будь въ послушаніи; другъ на друга не пѣвайтесь, искорно выноси гнѣвъ супруга; если онъ за какую нибудь вину поучитъ тебя слегка жезломъ, такъ какъ онъ глава въ домѣ, и проч.» Прасковья не могла не знать, въ какомъ положеніи эта глава; на сколько она въ состояніи была думать, не только управлять ею, и отдавала свою руку не изъ любви и уваженія къ жениху, а потому, что ей и въ голову не должна была придти мысль объ отказѣ: этотъ бракъ возвышалъ ея родителей, родилъ и наконецъ высоко ставилъ ее самое надъ остальными боярынями и боярынями.

Обрядъ вѣнчанія въ соборной церкви совершалъ патріархъ Іоакимъ съ ключаремъ и тремя діаконами. Звонъ былъ въ большой новый колоколъ, и съ прѣсвятѣи государя въ соборъ во все колоколъ; и не умолкалъ до молебна (*).

Послѣ вѣнчанія и свадебнаго стола, именитые гости, проводивъ царя и царицу въ опочивальню, уѣхали за стѣну, въждавъ часъ

(* Дробицъ. Рос. Вѣст. жд. второе, т. XI, с. 196, 197.

боевой, когда дружка принесетъ вѣсть, что у царя доброе совершилось...

«А на утро слѣдующаго дня, какъ велось это обыкновенно, царю и царицѣ готовили мыльни разныя, и ходилъ царь въ мыльню, и по выходѣ изъ нея возлагали на него сорочку и порты, и платье иное, а прежнюю сорочку велѣно было сохранять постельничему... А какъ царица пошла въ мыльню и съ нею ближнія жены, и осматривали ея сорочку, а осмотря сорочку, показали сродственнымъ жонамъ немногимъ для того, что ея дѣвство въ цѣлости совершилось, и тѣ сорочки, царскую и царицину, и простыни, собравъ вмѣстѣ, сохраняли въ тайное мѣсто» и проч.

Нѣтъ причинъ думать, чтобъ всѣ эти формальности не были выполнены, притомъ выполнены удовлетворительно; брачное торжество, по крайней мѣрѣ по наружности, было «въ добромъ совершеніи» и вся родня новой царицы ликовала въ царскихъ теремахъ за свадебными столами; на дворѣ и по сѣнямъ музыканты играли въ трубы, были въ литавры, и пылали разложенные въ различныхъ мѣстахъ на улицахъ и на дворахъ костры: то была иллюминація.

Родня царицы была обширная: Салтыковы принадлежатъ къ древнѣйшимъ и именитѣйшимъ фамиліямъ. Происхождение Салтыковыхъ восходитъ къ XIII вѣку. Предокъ ихъ Михайло Прушанинъ выѣхалъ изъ Пруссіи въ Новгородъ; отъ него пошли въ пятомъ колѣнѣ Морозовы, Чоголоковы, Шестовы и друг.; а въ восьмомъ колѣнѣ отъ Морозова-Салтыка потянулись Салтыковы. Они рано стали играть весьма важную роль на политическомъ, военномъ и гражданскомъ поприщахъ; многіе изъ нихъ были самыми довѣренными и приближенными лицами московскихъ государей. Такъ мы видимъ Андрея Салтыкова оружейничимъ и любимцемъ великаго князя Василья Ивановича; братъ его, Василій Салтыковъ оборонилъ Опочку отъ Константина Острожскаго. Двое Салтыковыхъ пали въ Ливонскихъ походахъ; двое были именитыми боярами при дворѣ Грознаго; племянникъ ихъ — окольничимъ и любимцемъ Годунова; Борисъ Михайловичъ Салтыковъ весьма важнымъ лицомъ при царѣ Михаилѣ, а братъ его, Михаилъ — кравчимъ, окольничимъ и любимцемъ царя Алексѣя, при дворѣ котораго четверо Салтыковыхъ были боярами.

Одинъ изъ Салтыковыхъ, бояринъ Михаилъ Глѣбовичъ, во прозванью Кривой, принималъ значительное участіе въ смутѣ при Деметріѣ, былъ главнымъ водвижникомъ польской партіи и въ 1612 году уѣхалъ съ сыновьями въ Польшу, гдѣ былъ щедро одаренъ королемъ Сигизмундомъ. Сынъ его, Федоръ Михайловичъ, выстроилъ въ отцовскихъ жалованныхъ помѣстьяхъ, близъ Доро-

гобужа, православный монастырь и, принявъ санъ инокъ съ именемъ Сергія, сдѣлался самымъ дѣятельнымъ распространителемъ раскола (ум. въ 1655 году); братъ его Петръ былъ дѣломъ царицы Прасковьи, отецъ которой Александръ при царѣ Алексѣѣ, съ званіемъ Смоленска, принялъ русское подданство. На основаніи некоторыхъ извѣстій, онъ былъ въ Енисейскѣ комендантомъ, откуда вызванъ Софьею Алексѣевной.

Не смотря на то, что непосредственные родоначальники Прасковьи, ея прадѣдъ и дѣдъ были измѣнники отечества, все-таки фамилія Салтыковыхъ была славна заслугами многихъ изъ своихъ представителей; ни въ одной изъ фамилій не было столько бояръ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что правительница одобрила выборъ брата, а можетъ быть и сама сдѣлала его. А. Салтыковъ незадолго до свадьбы сдѣланъ правителемъ и воеводою города Кіева (1). Счастливыи родитель тогда же былъ возведенъ въ санъ боярина, съ повелѣніемъ переимѣнить имя: вмѣсто Александра онъ именованъ Федоромъ (2); вѣроятно въ честь имени покойнаго государя. Переименованный Салтыковъ былъ два раза женатъ: отъ перваго брака съ какой-то Катериной Федоровной родился сынъ Василій Федоровичъ и двѣ дочери — Прасковья и Настасья Федоровны. Второю женою ихъ родители была — Анна Михайловна Татищева (ум. 1702 года) (3). Шесть Салтыковыхъ были боярами и занимали важныя должности при дворѣ царей Ивана и Петра; одинъ изъ нихъ убитъ, по ошибкѣ, стрѣльцами 15 мая 1682 года, и пятнадцать изъ членовъ этой фамиліи владѣли въ то время въ Россіи большими населеными имѣніями.

Семейныя связи новой царицы были весьма значительны: такъ при посредствѣ браковъ своихъ дядей, также роднаго и двоюродныхъ братьевъ, она была въ родствѣ съ Трубецкими, Прозоровскими, Стрѣшневыми, Куракиными, Долгорукими и друг. Родная сестра ея Настасья вышла впоследствии замужъ за знаменитаго князя-кесаря Ивана Федоровича Ромодановскаго.

Всѣ эти связи чрезвычайно важны въ біографіи Прасковьи: онѣ служатъ разъясненіемъ того значенія и почта, какия зачастую, если не всегда, пользовалась Прасковья при дворѣ Петра; ея же родствомъ объяснятся многія событія, съ которыми мы не разъ встрѣтимся въ нашемъ разсказѣ.

(1) *Н. Записки*: Лѣт. и оп. гор. Кіева. Чт. Об. Ист. 1858, т. II, с. 245.

(2) *Дневникъ Гордона*.

(3) *Кн. П. В. Дамуртій*: Рос. Род. кн. 1855, ч. II, с. 68—83.

Много говорить о воспитаніи Прасковьи: нить не приходится; то не было воспитаніе, а питаніе: ее выкорчили полною, статью, съ высокою грудью, открытымъ лицомъ и длинною носото; ватѣтъ выучили довольно плохо русской грамотѣ (она и вполнѣдствіи, какъ ты увидишь, не была мастерица писать); остальное же довершила семейныя зрѣданія и обычая. Она выросла въ предрасудкахъ и суевѣрїи; вѣрила колдунамъ, чудесамъ, вѣщунамъ, и строго выполняла дустыѣ обряды, не видкая въ нхъ сущность и значеніе.

Идя по стоцамъ своихъ предковъ и многочисленной родни, царяца старательно выполняла обрядовую сторону религіи: нѣкоторые изъ ея родныхъ постригались въ монахи, умирали схимниками, — д. вать Прасковья очень чтала духовенство, дружилась съ монахамъ, вела переписку съ нѣкоторыми митрополитами, ѣздила къ нимъ и разсылала подарки. Съ выходомъ за мужъ жизни ея поща обычной колесей: вмѣстѣ съ державнымъ супругомъ она выполняла церковныя требы, не пропускала ни одной службы, посѣщала монастыри, дѣлала вклады, участвовала въ крестныхъ ходахъ, раздавала милостыню нищей братьи и колодникамъ (1).

Жизнь она съ мужемъ, по обычаю, въ разныхъ докахъ, гдѣ посѣщали ее время отъ времени боярыни. Ближніе люди, в. много-муденная родня.

«И на праздники господскіе, и въ воскресные дни, и въ посты, профствуетъ Католихиня, царь и царица оцощиваютъ въ полахъ порознь; а когда случится быти оцощивать имъ вмѣстѣ, ж. въ то время царь профствуетъ по царицу, велитъ быть къ себѣ спать имъ самъ къ ней похочетъ быть. А которую ночь оцощиваютъ вмѣстѣ и на утро ходятъ въ мильню порознь, и ко кресту не приходятъ, понеже поставлено то въ нечистоту и въ грѣхъ...»

Нѣтъ сомнѣнія, что все это выполняли царь и царица, — но дѣтей, какъ и ожидала Софья, не было... Прошло пять лѣтъ брачной жизни, и во все это время только разъ мелькнула у Прасковьи мысль, что она беременна; сама она потомъ рассказывала: «при царѣ-де Иванѣ пучило у меня животь съ годъ и я чаяла себя весь годъ брюхата, да такъ и прошло...» (2).

Однакожь въ концѣ 1688 года для всего двора сдѣлалось извѣстие, что царица Прасковья «прченувѣла». Немоцный царь былъ считаетицъ, довольна была Софья; негодовали одни родные и мать Петра, видѣвшіе въ этой беременности слѣдствіе дитригъ и козней прави-

(1) Др. Рос. Вѣд. изд. 2, т. XI, с. 177, 178, 179, 331, 332. — Дворц. разряды т. IV, с. 842 и друг.

(2) Госуд. Арх. харь. I, писм. в. Прасковья 1719 г., л. 12.

тельницы. Провикая въ ея замышлы (1), Наталья Кириловна убѣдила сына вступить въ бракъ; 27 января 1689 года Петръ обвинчался съ А. О. Лопухиной. — 21-го марта того же года, въ четвергъ ночью, ц. Прасковья разрѣшилась отъ бремени — дочерью. Рано утромъ благовѣсть Успенскаго колокола возвѣстивъ Москвѣ о приращеніи царственнаго семейства; власти съѣхавшій, пришло ц. — и патриархъ отслужилъ молебенъ.

Въ помянутыи день, 25 марта, новорожденная окрещена въ Чудовѣ монастырѣ именемъ *Марья*; службу совершалъ Патриархъ; восприемниками были — царь Петръ и тетка его, Татьяна Михайловна.

Последній фактъ, какъ повиданному ни незначителенъ онъ, однако возбуждаетъ вопросъ: почему восприемницей не была Софья Алексѣевна? Была ли она недовольна рожденіемъ племянницы вмѣсто племянника, или Прасковья, не лишняя природнаго ума и прозорливости, предвидѣвъ будущую участь правительницы, заискивала въ Петрѣ и въ уважаемой имъ теткѣ?

Впрочемъ за столомъ, ради рожденія Марья, въ четвергъ 18 марта, въ Грановитой палатѣ вмѣстѣ съ Патриархомъ, царемъ Иваномъ и другими была Софья; сидѣла по чину, слушала чтеніе патриархаго канархиста, а послѣ стола, «отдѣйствовать Пречистую, или задравныи чашу» (2).

Съ этого времени не проходило почти года, чтобъ царица Прасковья не радовалась мужа рожденіемъ дочери. Такимъ образомъ, 4 июня 1690 года родилась ц. Софья, 20 часа ее крестилъ именемъ Федосьи архимандритъ Чудова монастыря; восприемниками были Петръ и ц. Татьяна, но на обѣденномъ кушаньи ради рожденія, 4 июля, былъ только одинъ царь Иванъ и пилъ задравную чашу отъ духовенства (3).

29 октября 1692 года рано по утру Прасковья родила новую ц. Софью; съ радостною вѣстью поспѣшилъ къ патриарху болгаринъ Федоръ Петровичъ Салтыковъ; свѣдѣвшій послѣ благовѣсту служилъ литургію и дарилъ посланнаго. Во второмъ часу по-полуночи прѣѣхалъ изъ Преображенскаго Певрѣ, и государи многолѣтіе пѣли и замышовались. 8 ноября прѣшніе восприемники были при крещеніи ц. Софьи въ Чудовомъ монастырѣ, а два дня спустя былъ по этому случаю радостный столъ (4).

(1) Голышевъ, изд. 2, т. I, с. 49. — Федосинъ с. 66, 71.

(2) Ар. Рос. Вивліое, изд. второе, ч. 11, с. 182—183.

(3) Ар. Рос. Вивліое, изд. второе, т. XI, с. 186—187.

(4) Тамъ же с. 188—189.

28 янв. 1693 года родилась царевна Анна; въ слѣдующемъ 1694 году 24 сентября царица разрѣшившая послѣдней дочерью: то была царевна *Прасковья*.

Такая плодовитость благовѣрной супруги рождала Ивана Алексѣевича; но родительское сердце большого претерпѣвало также и утраты: изъ пяти дочерей онъ скоро лишился двухъ старшихъ, Марьи и Федосьи (сконч. 13 февр. 1690 г. и 12 мая 1691 г.). При совершеніи погребальныхъ обрядовъ въ Вознесенскомъ монастырѣ присутствовали отецъ и мать (1).

Супруги и послѣ наденія Софьи не играли никакой роли въ управленіи Россіей: Иванъ по скорби главы, Прасковья по ежегодной беремености ни мало не мѣшались въ дѣла, которыми управляли отъ имени юнаго еще Петра его родственники и совѣтники, какъ Русскіе, такъ и вноземцы. За Иваномъ оставался только одинъ титулъ; имя его упоминалось во всѣхъ актахъ государственныхъ; онъ имѣлъ свой дворъ, своихъ камерворцовъ, являлся народу въ торжественныхъ случаяхъ въ полномъ царскомъ облаченіи, занимая участіе въ торжественныхъ пріемахъ пословъ, либо въ церковныхъ празднествахъ. Нельзя согласиться съ г. Устряловымъ въ томъ, что Петръ нѣжно любилъ и глубоко уважалъ своего брата (2). По крайней мѣрѣ письма Петра къ Ивану ничего не заключаютъ въ себѣ особенно-нѣжнаго: эти письма не болѣе, какъ обыкновенныя родственныя посланія, кромѣ впрочемъ одного, въ которомъ Петръ требуетъ устранять отъ правленія «заворное лицо» — Софью (3).

Что Петръ не завывалъ брату глубокаго уваженія, видно ужъ изъ того, что при ирещеніи обоихъ сыновей его, Алексѣя Петровича 23 февр. 1690 г. и Александра Петровича 1 ноября 1692 г., Иванъ Алексѣевичъ не былъ приглашонъ въ воспріемники. Въ первый разъ былъ воспріемникомъ Патріархъ Іоакимъ съ царицей Татьяной Михайловной, а во второй — келарь Троицкій съ царевной Натальей (4).

Между тѣмъ ежегодное рожденіе дочерей у ц. Прасковьи вовсе не доказывало, что здоровье ей мужа оправилось; напротивъ, въ 1696 году царь Иванъ, достигая тринадцатилѣтняго возраста, хотя не обнаруживалъ признаковъ смертельной болѣзни, но уже

(1) Тамъ же с. 203—204, 210—211, 236, 240.

(2) Истор. Петр. Вел. 1853, т II, с. 264, 265.

(3) Тамъ же — 77, 408. — У Голякова см. разглаголюбствования «о нѣжной любви, взаимной снисходительности и чувствительности двухъ братьевъ», т. I. с. 92—93, 235.

(4) Др. Рос. Вивл. изд. второе, т. XI, с. 184 и 185.

тять ее въ своей груди. 6 января онъ ходилъ въ торжественномъ облаченіи за крестами изъ Успенскаго собора на Іордань, устроенную на Москвѣ рѣкѣ; день былъ чрезвычайно теплый, совершенно весенній, былъ дождь и молнія (1); царь былъ съ непокрытой головой, промочалъ ноги и сильно простудился. 21 января Иванъ былъ въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ на панихидѣ по царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ; 26 января въ день имения сестры своей, царицѣ Маріи Алексѣевны, слушалъ обѣду въ дворцовой церкви Іоанна Предтечи; по окончаніи службы принималъ въ передней палатѣ обычныхъ поздравленій, жаловалъ ближнихъ людей орденскими знаками, а стрѣльцкихъ полковниковъ и гостей водкою, а чрезъ три дня его ужь не стало: онъ умеръ скоропостижно (2) 29 января 1696 года, въ-третьемъ часу по-полудни.

Послѣ обычной торжественной церемоніи, на другой же день тѣло Ивана Алексѣевича было отнесено въ соборъ Михаила Архангела; въ теченіе шести недѣль каждый день по десяти царедворцовъ охраняли гробницу. Ивана похоронили подлѣ царя Федора, позади верхаго столба на лѣвой сторонѣ.

Въ скоромъ времени новый ударъ поразилъ Прасковью: потерявъ мужа, она лишилась и отца. Федоръ Салтыковъ скончался 2 февраля 1697 года.

II

ЖИЗНЬ ВЪ МОСКВѢ И ПЕРЕСЕЛЕНІЕ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ

Прасковья осталась съ тремя малютками, но печалей и заботъ ей не предстояло много. Петръ оказывалъ невѣсткѣ уваженіе, выполнялъ ея просьбы; для управленія хозяйствомъ и для удовольствованія ея нуждъ отдалъ въ полное распоряженіе В. А. Юшкова и предоставилъ выбрать мѣсто-жительства. Невѣстка, какъ владѣтельница села Измайлова, выбрала его своею резиденціею.

Эта старинная подмосковная вотчина дома Романовыхъ состояла изъ села, дворцовыхъ алаіи съ двумя церквами и звѣрница съ садами, прудами и мельницами.

Царица-помѣщица занимала громадный, по тому времени, дворецъ; онъ былъ на острову, окруженный прудами и рѣчкой Сереб-

(1) Желябужскій, с. 61.

(2) Туманскій, Рос. Магаз. III, с. 77—89 дворц. записки. Дневн. Гордона. — Желябужскій, изд. 1840, с. 63—279. Др. Р. Вѣст. ч. II, стр. 236.

ровкою; въ длину дворецъ вытягивался на 122 саж., въ ширину на 84 саж., съ двухъ сторонъ готическія башни служили воротами на широкій дворъ; голландскіе часы съ курантами украшали одну изъ вѣздонъ. Покои были въ одно жилье, маленькіе, низменные, со сводами и съ толстыми рѣшотками въ окнахъ. Въ нихъ разѣщались сотни челядинцевъ, составлявшихъ дворъ и свиту царицы; тутъ же были кладовыя, поварни, медоварни и вишневые погреба. На южной сторонѣ дворца надстроены были огромныя брусчатые хоромы съ теремами. Онѣ примыкали къ двухъэтажной дворцовой церкви, въ которой на хорахъ обыкновенно ставшала царица и царь.

У дворца, на холмѣ, подымался памятникъ благочестія царицы Алексѣи, величественный каменный соборъ о пяти главахъ, крытый гонтою, съ высокими крыльцами и окнами съ слюдяными оконницами; у подошвы холма колокольня или звѣрица башня съ пятиблюдными воротами и тутъ же на Серебровскомъ пруду была каменная мельница Серебриха; башня славна была тѣмъ, что въ ея средней палатѣ нѣкогда съѣзжалась царская дума; здѣсь была сула и расправа, и неподалеку, близъ стараго звѣрица, у сѣвѣйшей избы стояла виселица; вѣчего и говорить, что при новой помѣщицѣ великій Петръ часто посѣщалъ Измайлово и звѣрица не была праздно...

Вся обстановка Измайлова была чисто царская, со всѣми возможными удобствами, даже роскошью. Кромѣ названнаго дворца, на берегу Серебровки были еще деревянныя хоромы; подлѣ нихъ разбиты были регулярный и виноградный сады; кромѣ того, въ звѣрицѣ были сады съ прудомъ, на которомъ водились царскія утки — лебеди.

Сады были богаты всякаго рода растеніями: фруктовыми деревьями, цѣлебными травами и кореньями. На птичьей дворѣ, кромѣ лебедей, водились павлины, китайскіе гуси, англійскія куры, утки; на скотномъ дворѣ насчитывались сотни головъ домашняго скота. Въ старомъ дворцовомъ звѣрицѣ были овсян, кабыны, диньбравы, ослы, лошаки и проч.

Было гдѣ погулять, побѣгать и поиграть подроставшимъ царевичамъ: всюду онѣ встрѣчали просторъ, раздолье, полное удовольствіе своимъ желаніямъ. Маленька жила зажиточною помѣщицей: у нея подъ рукой было все, что нужно для самаго обширнаго хозяйства: всевозможные ремесленники, мастера, повара, громадный штатъ прислуги были къ ихъ услугамъ. Царица правила, распоряжалась, судила и рядила, миловала и карала, принимала гостей, угождала ихъ, и жизнь текла въ довольствѣ, сытно и тепло.

свои́мъ соотвѣтственно развитію и потребностямъ измайловскихъ обитателей.

За царскими указивало множество мамушекъ и нянекъ; онѣ гуляли съ ними въ трѣхъ садахъ, посѣщали хозяйственныя заведенія, стеклянныя заводы, славный зооинститутъ; молились въ церковь, забавлялись на прудахъ, которыми насчитывалось до двадцати. Царевны покупали туда шукъ и стержней съ золотыми сережками и сзывали рыбу на кормъ по колокольчику. Подросла, онѣ привывали въ теремахъ свои́хъ къ шитью и азычанью шолоховъ и золотомъ, но руководяще не далось имъ; въ крайней утѣхѣ бытъ извѣстій, чтобъ какая-нибудь изъ трехъ сестеръ сдѣлалась искусницей съ ономъ дѣломъ.

Церковный праздникъ и царскій день ознаменовывался стогомъ крестьянъ и крестьянокъ на широкой дворъ для соборнаго веселья и для забавы помѣщицы съ яччадми; выставлялось ливо, вино, заводились хороводы, сбѣгались толны мальчишекъ и дцаревны разлавали имъ прѣсныя, куски доброй маковой, денежки и полушки (1)...

Свѣтлая сторона жизни матери-помѣщицы ярко рисуется передъ нами; но она не замѣляетъ намъ перевернуть медаль — взглянуть и на черную сторону того же патриархальнаго быта, гдѣ съ неуравновѣсностью и жестокостью клала столь густыя тѣни и на насъ, такая лица, какъ она была Прасковья...

Но эту сторону ея характера мы еще увидимъ, а теперь нельзя не сказать о справедливости особаго такту царицы прицариваться къ обстоятельствамъ. Являла приверженность къ старинѣ, она въ то же время умѣла угодить Петру. Она не входила въ сношенія съ нелюбезнымъ ему сестрами, недосторожно судившими и осуждавшими Петра и его сторонниковъ. Имѣя возможность часто навѣщать заключенную царевну Софью, Прасковья уклонялась отъ этихъ свиданій и не входила ни въ какія козни (2).

Казни стрѣльцовъ и грозная опала, поразившая царскихъ сестеръ въ октябрѣ 1698 года, еще болѣе сдѣлали царицу осторожною въ отношеніи къ петровскимъ реформамъ; не отрѣшаясь вполне отъ святой для нея старины, она въ то же время дѣлала рядъ уступокъ требованіямъ новаго времени, и дѣлала это не по принужденію, а единственно изъ желаній сохранить расположеніе мо-

(1) Воспоминанія о подмосковномъ селѣ Измайловѣ. М. 1837 г. — О хозяйственныхъ заведеніяхъ въ с. Измайловѣ, ст. А. Малюковомъ въ Землед. Журналѣ. М. 1824, 24 М. — Тамже Русс. Старина, М. ч. 4.

(2) Устр. т. III, с. 156,

парха. Такъ, дѣла первой важности — воспитаніе дѣтей своихъ она поручила иностранцамъ: при дочеряхъ ея въ качествѣ учителя нѣмецкаго языка и гувернера рано является заѣзжій нѣмецъ, Іоганнъ-Христофоръ-Дитрихъ Остерманъ, старшій братъ знаменитаго послѣдствіемъ кабинета-министра ⁽¹⁾. Но это близкое родство съ человекомъ замѣчательнымъ, не отразилось на умѣ Іогана Христофора. Это былъ нѣмецъ бездарный, ни къ чему неспособный ⁽²⁾. Петръ не употребилъ его къ какому-либо важному дѣлу, и даже Андрей Остерманъ, при всемъ своемъ значеніи, не находилъ возможнымъ дать ходъ Іогану. «Старшій Остерманъ, такъ отзывались люди, бывшіе его знавшіе, былъ величайшій глупецъ, что не мѣшало ему однако считать себя человекомъ съ большими способностями, вслѣдствіе чего онъ всегда говорилъ загадками. Жилъ онъ очень удивленно и не пользовался уваженіемъ ⁽³⁾».

Но онъ былъ нѣмецъ, нѣмецъ молчаливый, важный; пренебрежительный сознаниемъ собственного достоинства; нѣмцы были въ ходу, нѣмцы были въ силѣ, нѣмцы считались воспитателями наследника престола, и всего этого было достаточно для Прасковьи, чтобъ вручить воспитаніе дочерей Іогану. На сколько въ немъ было педагогическихкихъ способностей, Прасковья не могла знать, а Петръ, не успѣвавшій приглядѣть за обученіемъ собственного сына, не имѣлъ времени полюбопытствовать о воспитаніи племянницъ. При нѣтъ былъ нѣмецъ: мать и дѣла, а болѣе всего самъ наставникъ, были спокойны и довольны.

Но кромѣ нѣмца, для полного развитія дочерей необходимъ былъ французъ, и царица позаботилась пригнать въ 1703 году француза Стефана Рамбурха.

Рамбурху обѣщано 300 руб. въ годъ съ тѣмъ, что бы онъ всѣхъ трехъ царевенъ танцу училъ и показывалъ зачало и основаніе языка французскаго». За аккуратное вознагражденіе учителя поручился Остерманъ.

Новый наставникъ, какъ видно изъ собственноручныхъ его писемъ, зналъ французскій языкъ довольно плохо, но это не мѣшало ему обучать царевенъ втеченіе пяти лѣтъ, до 1708 года. «Зачало и

(1) Генрихъ-Іоганнъ-Фридрихъ Остерманъ былъ представленъ царицѣ своимъ братомъ педагогомъ. — Какъ тебя зовутъ? спросила Прасковья. — Генрихъ, отвѣчалъ нѣмецъ, сынъ Ивана. — И такъ, продолжала Прасковья, ты долженъ называться Андреемъ Ивановичемъ.

(2) *Russische Günstlinge*. Тюбингенъ, 1809 г., стр. 83—85.

(3) *Mémoires du duc de Lihria et de Berwick, écrits par lui-même*. Paris, 1788.

основаніе «французскаго языка» не признались царевнамъ: ни одна изъ нихъ не овладѣла языкомъ на столько, чтобъ писать, даже и объяснялись на немъ плохо. Что же касается до танцевъ, то къ нимъ онѣ оказались положительно неспособными, въ особенности царевна Прасковья, съ малолѣтства дѣвушка слабая и болѣзненная; мать и подруги ея была Катерина.

Кто былъ виноватъ въ неусиѣхахъ царевенъ — онѣ ли сами, непечительная ли мамаша, или учителя, — неизвѣстно; извѣстно только то, что учителямъ стараться было не изъ чего. Раибурхъ втеченіе пяти лѣтъ ни разу не получилъ слѣдуемаго жалованья, не увидѣлъ его и потомъ послѣ «долголѣтнихъ докукъ царицѣ, царевнамъ и государю» (1).

Бѣдному французу было трудно что-нибудь получить отъ бережливой царицы; только одна ревность къ церкви и ея служителямъ вызывали Прасковью на подарки духовенству и церковныя вклады. Такимъ образомъ спальникъ царицы, Юшковъ, лицо близкое, выбранное царевной Софьей, по порученью госпожи, развозилъ дары святителямъ Димитрію Ростовскому (2), митрополитамъ, Иларіюву Суздальскому, епископу Ростовскому Досифею и другимъ.

«Великой государынѣ, благовѣрной царицѣ и великой княгинѣ; Прасковѣ Федоровнѣ, вашъ государскій богомолецъ, смиренный Димитрій, митрополитъ Ростовскій, всесвятаго Бога моля, челомъ бьетъ» (3).

«Во извѣстіе тебѣ, великая государыня, благовѣрная царица и великая княгиня, Параскева Федоровна, доношу, что октября 18 дня отъ вашей государской пресвѣтлости спальникъ Василій Алексѣевичъ Юшковъ въ Ростовѣ вашу государскую милость инѣ возвѣстилъ, и жалованье: презрядныя водки въ четырехъ сосудахъ стеклянныхъ, именуемыхъ бутылкахъ, и капусту красную три кочана объявилъ и вручилъ. Азъ же, смиренный, таковую вашу государскую къ себѣ милость и выше именованное жалованье пріяхъ, благодарственно и смиренно челомъ бью. И кушаю въ здравіе, про ваше государское здравіе. И за сіе ваше государское милостивое кѣ мнѣ, богомольцу вашему, жалованье долженствую азъ о вашемъ го-

(1) Его жалобы и челобитныя въ Госуд. Арх. при Мин. Ин. Дѣлъ. Киб. Ц. кол., к. 65; л. 726; к. 69, л. 118 и 119.

(2) Древн. Росс. Визитю., изданіе 2, т. XVII, с. 67. Въ запискахъ Димитрія Ростовскаго между прочимъ отмѣчено: -20 января 1708 г. въ Ростовѣ была благовѣрная государыня, царица Прасковья Федоровна, а съ ней была Ирина Владиміровна Курбатова съ Иеретинскимъ царевичемъ и проч.

(3) Годъ и число неизвѣстны. Древ. Рос. Визит. XVII, с. 69.

сударскомъ шестолѣтномъ здравіи премилостиваго Господа Бога
Молимъ всегда.»

Вообще надо сказать, что царца обивались письмами со
многими представителями именованнаго духовенства; но эти про-
сы не ограничивались уведомленіемъ о письмахъ того или другого го-
стинца и просьбой благословенія и молитвъ. Іерархи за первое бла-
годарили, благословляли — и обивали молитъ... Впрочемъ по-
падаются и въ этой корреспонденціи письма довольно интересныя.
Такъ напр. въ 1708 г. царца ходатайствовала у Дмитрія Ростов-
скаго за одного попа, пособника раскола. Вотъ что отвѣчала свя-
титель 9 ноября того же года.

«Изволила ты, государыня, по милости своей милосердствовать
о отставномъ вдовомъ попѣ, Давидѣ, села Курбы, дѣлъ его не вѣ-
дая, чтобъ ему прощѣну быть и на своемъ мѣстѣ жить попрежнему.
И я, богомолецъ вашъ, вашему царскому величеству о томъ пошѣ
творю навѣсно, что тотъ пошъ, уже тому назалъ прошло годовъ два,
какъ онъ отъ курбовской церкви отставленъ, а священства не отлу-
ченъ, аще и достоинъ былъ отлученія, и велѣно ему постричься,
въ коемъ себѣ избереть мочастырь, понеже грамота государская у
насъ есть, чтобъ вдовыхъ поповъ постригать; и по той грамотѣ
постричься ему велѣли. А на его мѣсто того жъ часа поставихомъ
попа дного, же и до нынѣ тамо священнодѣйствуетъ безъ порока.
А вдовый пошъ отставленъ по правиламъ за его неистовство и рас-
кольническое противленіе церкви нашей православной, и за хуленіе
книгъ новоисправныхъ, и развращеніе людей простыхъ въ пре-
лестъ раскольническую, и за лживыя его чудеса, и хуленіе на чу-
дотворную икону Пресвятыя Богородицы Тольской, о чемъ все под-
робно розыскивали. Былъ въ то время въ Ярославлѣ бояринъ
Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ, и былъ при немъ тотъ ро-
зыскъ; самъ розыскивалъ, и обрѣлася того попа во всемъ вин-
ность; и велѣлъ бояринъ не держать таковаго развратника, и свя-
тотатца, и хульника. Судивше убо, отставихомъ его отъ церкви;
обаче милосердствуя о немъ, аще и мнѣ много было отъ него доса-
ды: предъ многими бо люди хуля мое смиренное имя, нарицаѣтъ ме-
ня еретикомъ, и римляниномъ, и невѣрныиъ, и многими бравыми
лазательствуя, обаче все то ему прощая Христа ради моего: *кже
ударяемъи противу неутрачяи, и отраща на прощаше.* Взвзя на
везлобіе Спаса моего, тому попу простихъ и священство не заире-
тихъ, и далъ ему волю избрати себѣ гдѣ мѣсто въ монастырь, въ
коемъ либо постричься. А нынѣ, государыня, когда его паки на
прежнее мѣсто въ село Курбу пустить, то гдѣ сего, который нынѣ
тамо служить пошъ, опредѣлить? Какъ его отставить безвинно?

Однѣко утѣшити виноватаго, а неповиннаго плакать заставить праведно ли будетъ? А къ тому и гнѣва Божія на себя боюся, егда волки, въ одеждѣ овчей оуща, иду въ стадо Христово погубляти дуща людскія раскольническими учеными. Еще же и государева гнѣва опасюся, еще грамотѣ его, государевой, иловыхъ именовъ не стригати повелѣвающей, ослушать буду. Моемо убо, ваше царское благородіе, не положите гнѣва на мя, богомольца своего, что не могу содѣлати вещи невозможной. Авъ же, грѣшный, на того пона гнѣва не держу и не иду его, и запрещенія ему отъ меня нѣтъ; а принужденія къ иночеству нѣтъ же, какъ онъ себѣ хочетъ. Овца, не слушающая пастыря, волку корысть, а я чистъ отъ погибелю его. Вашему же царскому величеству шлюко кланяются» (1).

Весьма вѣроятно, что царица ходатайствовала за этого человѣка подѣ влияніемъ вѣкоторыхъ покровителей раскола. Извѣстно, что двоюродный дѣдъ ея, бояринъ Салтыковъ, монахъ Сергій (ум. 1655 г.), былъ ярый расколоучитель и оставилъ учениковъ (2). Дворецкій и служитель этого боярина, Исаія, былъ поборникъ раскола, саврацалъ многихъ, былъ любимецъ и полновластный распорядитель ивѣнній господина. По словамъ своихъ поклонниковъ, Исаія «за множество разума и за доброе ревности дворомъ всѣмъ не только былъ любимецъ и присный совѣтникъ господина, во и самому царскому величеству за благоразуміе познаваемъ бывше...»

Не менѣе глубокое уваженіе питала Прасковья къ Іову митрополиту Новгородскому: «Всеблаженнѣйшій и всепреподобнѣйшій архипастырь, писала къ нему царица, въ дусѣ же свѣтелъ любезнѣйшій нашъ отецъ и сладчайшій учитель преосвященнѣйшій-киръ-Іовъ митрополитъ великаго Новаграда и Великихъ Лукъ. Желанъ отъ души моея да всемогущая и вседержавная трипостасная благодать Божія сохранитъ ваше преосвященство благополучно, мирно, здраво, душеспасительно и многолѣтно!

«При семъ возвѣствую вашему архипастырству, по обѣщанію моему, посланная къ вашей святынѣ съ Аарономъ епископомъ 100 руб. денегъ на строеніе пятибратскаго Созоненскаго монастыря благоволи принять во удобное строеніе того монастыря; по своему разсмотрѣнію, то наше подаваніе истоштити и въ умедленіи сѣя при-

(1) Ар. Рос. Вѣст. 1791 г. XVII. Дневныя записки св. Дмитрія, митрополита Ростовскаго, с. 66—68, М., 1791 г.

(2) Онъ былъ одинъ изъ сильнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ заводчиковъ раскола. Сяглатикъ царя Алексѣя (такъ повѣствуетъ историографъ раскола Дельцовъ) Салтыковъ стоило было силъ, что даже въ присутствіи самого царя торжественно защищалъ двуперстный крестъ.»

сылки не považри, повеже вѣстно вашему преосвященству, что уже не мнѣ и не столько, но сугубо общала дати и угодяла, надежду мнѣ на вице-губернатора Корсакова и объ отдачѣ ить ему и писала, но онъ сего не учинилъ не вѣдаю для чего; и сугубое достальное то самое ить желаю прислати или съ собою привезу, аще Богъ изволитъ и жива буду въ грядущее лѣто.

«Прошу вашего преосвященства, да не оставлева буду я и дщери мои въ вашихъ архипастырскихъ молитвахъ.

«Еще прошу, мадѣяся на вашу архипастырско-духовную любовь, пожалуй батюшка, не прогнѣвайся на Аарона-епископа за укосное вѣды его изъ Москвы; — истинно неоднократно мы его удерживали; но онъ еще и немало печалень былъ о разлученіи вашего архипастырства; но исполняя наше повелѣніе, не дерзнулъ чрезъ наше слово отъѣхать. Паки просимъ, по своему благому состоянію, отпусти ему сей долгъ. Многогрѣшная припадая къ стопамъ твоимъ святыхъ и молитвахъ прошу. Царица Прасковья изъ Измайлова. 14 севр. 1714 г.» (1).

Одно уже это письмо показываетъ, въ какихъ близкихъ и дружественныхъ сношеніяхъ находилась Прасковья съ представителями именитаго духовенства.

Пересылалась она съ нимъ письмами, посылала подарки, ходатайствовала о епископахъ, попахъ да діаконахъ, наконецъ вѣдила къ нимъ сама на поклонъ — молить о благословеніи да внимать ихъ вѣщему слову.

Между прочимъ царица зачастую посѣщала уважаемаго ея митрополита Иларіона Суздальскаго; вѣдила къ нему въ сопровожденіи маютокъ-дѣтокъ, съ дарами и поклономъ, въ Спасокукоцкую и Золотиловскую обители. Въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ царица долго бесѣдовала съ уважаемымъ старцемъ, обнаруживала безпокойство о будущей участи своихъ царевенъ и просила за нихъ молиться.

Въ отвѣтъ на это преосвященный, въ прозорливость и пророчества котораго вѣрила паства, вѣрила и Прасковья, предсказалъ царевнѣ Аниѣ высокую участь: власть и корону.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что Прасковья, съ малолѣтства обыкшая видѣть среди своихъ родственниковъ фанатиковъ, зачастую прибѣгавшихъ къ чудесамъ и чародѣйству для распространенія своего ученія, неволью сохранила слѣпую вѣру въ предсказанія и во все чудесное. Въ низенькихъ покояхъ ея обширнаго дома, въ

(1) Свидѣтельствуемъ нашу признательность М. П. Погодину за сообщеніе этого документа.

таинъ челядницовъ, особливо первое время, по словамъ Татищева, не только были терпимы ханжи, вустосваты и всякіе уроды физическіе и нравственныя, но нѣкоторые изъ нихъ мочитались чуть-чуть не за святихъ; въ штатѣ благовѣрной государыни были гадальщицы и пророки. Въ послѣднемъ званіи состоялъ между прочими отставной подъячій Архипъ Тимофѣвичъ: у него цѣловали руки, просили благословенія, ждали вѣщаго слова и каждому бессмысленному изреченію придавали какое-то таинственное, во всякомъ случаѣ священное значеніе (1). При посвященіяхъ Петра, нинимыхъ пророковъ убирали въ дальніе чуланы; во всѣхъ скрыть было нельзя, и они давали поводъ монарху къ частымъ насмѣшкамъ. «Дворъ мой невѣстки, говаривалъ Петръ, госпиталь уродовъ, ханжей и вустосвятвовъ.»

Но царица умѣла ему угодить въ другомъ, была къ нему предупредительна, во многомъ дѣлала уступки, и Петръ снисходилъ къ ея предразсудкамъ.

Такъ напримѣръ царица частію изъ угожденія государю рѣшилась промѣнять свое привольное Измайлово (2) на неизвѣстный и едва ли любезный для нея Петербургъ. Она не могла не знать тѣхъ неудобствъ и лишеній, съ которыми неминуемо сопряжена была столь дальняя поѣздка по сквернѣйшей дорогѣ въ страну болотную, полудикую, бѣдную, въ конецъ опустошонную продолжительной войной; но толковая женщина не могла не видѣть, что городокъ, возникающій изъ этихъ болотъ, есть любимое созданье Петра, и она торопилась выполнить указъ, неоднократно повелѣвающій именитымъ москвичамъ переселяться на берега Невы (3).

24 августа 1706 года происходило погребеніе любимой тетки государя, царевны Татьяны Михайловны; между прочими членами царскаго семейства шла Прасковья съ старшей дочерью Катериной; вся процессія была «въ печальномъ, смирномъ платьѣ, со свѣщами» (4).

(1) Намъ увѣряли, — не знаемъ, на сколько это справедливо, — что въ одномъ аристократическомъ семействѣ въ Москвѣ сохраняется изъ рода въ родъ бора Тимофѣича, штатнаго пророка царицы Прасковьи.

(2) Кстати замѣтить, что Прасковья была очень встревожена 25 февраля 1700 года. «Часу въ третьемъ случился пожаръ, загорѣлись ея хоромы, — пожаръ съ нуждой удержанъ.» Письмо О. А. Головина къ Петру I. Госуд. Арх. Собраніе Петровскихъ рескриптовъ.

(3) 1708 года марта въ день, по указу государеву, была на постельномъ крмльцѣ сказка: велѣно ѣхать царедворцамъ по домамъ съ Москвы, а первой стать велѣно быть на Москвѣ. *Желлбужскій*, с. 240.

(4) Чинъ погребенія цар. Татьяны Михайловны въ Др. Рос. Вивліюнкѣ, изд. 1, ч. 4, стр. 352—367.

Послѣ печальной церемоніи, сборы въ дорогу услаивались; но они не могли быть скоро конченными, такъ какъ все почти царское семейство разомъ подымалось на переселеніе. Только 22 марта 1708 года безконечныя вереницы колымагъ, повозокъ и подводъ съ царядами, царевнами, боярами и боярынями, съ громадной прислугой и обозами съ вещами, потянулись въ Петербургъ, по дорогѣ, ея проложенной.

При всѣхъ неудобствахъ дальнеѣ поѣздки, она не могла быть особенно скучна ни для царяды, ни для царевенъ; онѣ ѣхали въ большой компаніи; тутъ была царяда Марья Матвѣевна, супруга царя Федора, сестры Петра: царевны Наталья, Марья и Федосья, князь Федоръ Юрьевичъ Ромдановскій, Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ и множество именитѣйшихъ савоениковъ.

Конецъ путешествія совершонъ былъ водою въ угожденіи царю, страстному любителю путешествій водою.

20 апрѣля, въ Шлиссельбургѣ, безконечная флотилія встрѣчена была державнымъ козынномъ. «Я приучаю мою семью къ водѣ, говорилъ Петръ Апраксину, чтобъ не боялись впрелъ моря, и чтобъ не нравилось имъ положеніе Петербурга, окруженнаго водою. Кто хочетъ жить со мною, тотъ долженъ бывать часто на водѣ.»

Въ Шлиссельбургѣ государь пробывъ съ гостями пять дней, показывая имъ все достойное вниманія и заботясь объ устройствѣ торжественной встрѣчи. Флотилія съ царядами и царевнами, вновь встрѣченная государемъ, приплыла къ столицѣ 25 апрѣля 1708 г. Дорогія гости приглашены были въ губернаторскія старыя хоромы, бывшія при вѣздѣ въ городъ. Лишь только пріѣзжіе стали колыматься изъ буеронъ, въ городѣ грянулъ залпъ, другой, третій, загремѣла пальба: то Петербургъ ликовалъ, принимая царственное семейство. Въ губернаторскомъ домѣ загорѣлся пиръ горой, веселились довольно, и только за-полночь разѣхались по домамъ пыльные гости и гостыи. Царяда съ дочерьми осталась ночевать въ губернаторскомъ домѣ. Путешественницы, утомленныя и дорогой и пиромъ, крѣпко и долго спали. Въ десятомъ часу утра ихъ разбудилъ крикъ: пожаръ, пожаръ! Губернаторскій домъ, довольно ветхой и деревянной постройки, былъ охваченъ пламенемъ. Всѣ, бывшія въ домѣ, спаслись, но большая половина верхняго жилья сгорѣла со многими вещами и пожитками ⁽¹⁾.

Государь поспѣшилъ познакомить гостей съ своимъ обширнымъ хозяйствомъ; онъ водилъ и возилъ ихъ по городу, обращалъ вни-

(1) Журналъ 1708 г. Достопамят. вѣдѣствъ о Петрѣ I Великомъ (Москва. 1842 г. ч. VI, № 11.) Журн. Петра I, изд. 1770 г., ч. I-а, с. 150, 151, 154.

наніе на воѣ постройки, на новыя и проектированныя улицы, площади, каналы. Отрекомсидовавъ столицу, Петръ плавалъ съ гостями въ Кронштадтъ; наконецъ изъявилъ желаніе, чтобъ они проводили его въ Нарву, откуда онъ долженъ былъ ѣхать для военныхъ операцій въ Смоленскъ. Царская фамилія выѣхала 25 іюня; монархъ знакомилъ ихъ съ мѣстностью (отраднago въ ней было мало), хвалился новосозданными крѣпостцами, Копорьемъ да Либургомъ; въ Нарвѣ отпраздновали пріѣзжіе день ангела государя. Молебны, пушечная пальба, пиръ, огненные потѣхи — все было, какъ слѣдуетъ. На другой день государь поѣхалъ далѣе, а царицы и царевны вернулись въ Петербургъ, въ то время по укрѣпленный еще за нами полтавскимъ боемъ.

Прасковья съ дочерями отведена была домъ въ полную ея собственность, едва ли не ея же людьми выстроенный на Петербургской сторонѣ, недалеко отъ крѣпости, вверху по Невѣ, близъ Петровскаго домика. На этомъ берегу жилъ государь; недалеко была деревянный домъ князя Меньшикова, съ виду похожій на церковь, мажоранкову дома канцлера Г. И. Головкина, вице-канцлера Остермана, барона Шафирова и другихъ знатныхъ лицъ русскихъ и иностранцевъ (1).

Петербургъ представлялъ новопривѣжнимъ непривлекательное, но любопытное и оригинальное зрѣлище. На обоихъ берегахъ красавицы Невы ежедневно выростали изъ болотъ деревянные, мазаповые, а мало-по-малу и каменные домики; вытягивались амбары, госпитали; разбивались лавочки, образовывались гостинные дворики, возникала торговля. На одномъ изъ подобныхъ дворовъ, на мѣстѣ нынѣшней Троицкой площади, царица и ея дочери могли видѣть самыя разнохарактерныя и разноязычныя толпы народа. Предъ окнами ея дома темла роскошная Нева, покрытая тысячею струею изъ Ладоги, Новгорода и другихъ городовъ, съ товарами и съѣстными припасами.

Если быстро возникали домики да лавки, то частенько и исчезали они въ пожарахъ. Такъ напр. въ 1710 году Прасковья была свидѣтельницаю сильнаго пожара, до тла уничтожившаго сосѣдній гостинный дворъ. Пожаръ не обошелся безъ грабежа, вслѣдствіе чего пепелище скоро украсилось четырьмя висѣлицами. На нихъ, по приговору, изъ 12-ти человекъ осужденныхъ вздернули четверыхъ.

Неселое и недешевое житье было въ Петербургѣ, особливо первые годы по переселеніи. Городъ и его жалкія окрестности были

(1) Описаніе С. Петербурга въ 1710—1711 г. Спб. 1860 г. с. 15—17, 56—58.

опустошаемы пожарами, моровою язвою, наконецъ голодомъ, такъ какъ за неустройствомъ путей сообщенія подвозъ провіанта былъ крайне затруднителенъ и цѣны на все стояли непомерныя. Воля забѣгала въ дома, скотъ падалъ, люди, опухшіе отъ голода и холода, мерли до такой степени, что въ городскихъ домахъ да въ окрестныхъ деревняхъ оставалось въ живыхъ не болѣе трехъ-четырехъ душъ....

Прасковья нелегко было содержать большую дворню трудно перевозимыми припасами; пожары да наводненія пугали ее немало, и нѣтъ сомнѣнія, воспоминаніе о дорогомъ Измайловѣ не разъ отравляло для нея петербургскія удовольствія. Тѣмъ не менѣе надо было покориться необходимости: царица находилась въ прямой зависимости отъ государя; ей дорога была его милость — и тѣмъ дороже, что надо было пристраивать подроставшихъ дочерей.

Судьбу своихъ царевенъ Прасковья благоразумно предоставила Петру, а тотъ распоряжался племянницами сообразно съ планами своей политики. Желанія и нежеланія царевенъ не могли входить въ расчетъ ни матушки, ни дядюшки: первая выросла въ сознаніи необходимости невольнаго брака, а послѣдній хотя и освободилъ царевенъ отъ теремнаго заточенья, но на столько, чтобы онѣ не выходили изъ-подъ его власти и предоставляли ему распорядиться ихъ жизнью.

III

ЦАРЕВНА АННА ИВАНОВНА

Первый женихъ съискался для царевны Анны Ивановны въ лицѣ молодаго герцога Курляндскаго Фридриха Вильгельма, племянника короля Прусскаго.

Объ этомъ бракѣ говорено было еще въ октябрѣ 1709 г. на свиданіи Петра съ королемъ Прусскимъ въ Маріенвердерѣ. Дѣло было тутъ же улажено, оставалось герцогу посвататься. Дорожа могучимъ сосѣдомъ, герцогъ не заставилъ себя долго ждать, и въ іюль 1710 г. его уполномоченные заключили супружескій договоръ. Послѣ ратификаціи договора герцогъ получалъ приглашеніе пріѣхать въ столицу, куда и прибылъ въ сопровожденіи фельдмаршала Шереметьева въ августѣ 1710 г.

Государь принялъ его съ необыкновеннымъ радушіемъ; царевни Анна, по убѣжденію матери, написала къ нему любезное письмо на вѣмецкомъ языкѣ, чѣмъ заявляла успѣхи своего обученія.

Остермана-старшаго; наконецъ Прасковья Федоровна угостила на славу дорогого гостя. Женихъ довольно близко сошелся съ членами царскаго семейства; вмѣстѣ съ ними принималъ онъ участіе во всѣхъ пирахъ, церемоніяхъ и празднествахъ. Въ сентябрѣ въ честь герцога произведены были всѣмъ флотомъ манѣвры. Государь развлекалъ Фридриха то шейерверками, то палубой, то катаньями въ обществѣ дамъ, то гулянками въ средѣ драгихъ собутыльниковъ. Между ними герцогъ явилъ несомнѣнный талантъ — вѣтъ до невозможности; чуть не заливался онъ русскимъ пѣнникомъ, а 10 декабря 1710 г. едва не погибъ, но не отъ пѣнника, а отъ невской воды: въ ночь, при сильномъ морскомъ вѣтрѣ, поднялась страшная буря; вода выступила изъ береговъ, и между прочими строеніями едва не унесла тотъ домъ, гдѣ мирно почивалъ женихъ изъ Курляндіи (1).

Мы не имѣемъ вполне достовѣрныхъ данныхъ, по которымъ могли бы объяснить, почему выборъ герцога упалъ не на пухлую, бойкую, румяную царевну Катерину, а на смуглую, угрюмую и рабоватую Анну. Позволяемъ себѣ только догадываться на основаніи нѣкоторыхъ фактовъ, что со стороны герцога выборъ не былъ произволенъ. Въ немъ не было ничего такого, что могло бы вызвать большую симпатію Прасковьи. Царевна Катерина была любимцею матери, снискала особенное расположеніе дядюшки, — и вотъ царица и царь рѣшились обождать для нея новаго и можетъ быть болѣе удачнаго жениха.

Впрочемъ и настоящая свадьба послужила достаточнымъ предлогомъ для нескончаемаго ряда празднествъ и денныхъ, и ночныхъ, и на землѣ, и на водѣ. По свидѣтельству современника, невѣроятное число пороха растрчено было при этомъ, такъ какъ каждый гость, — а имъ не было числа, — сопровождался 11-ю пушечными выстрѣлами.

Свадьба назначена была 31 октября 1710 г. За нѣсколько дней о ней оповѣстили съ большими церемоніями. Въ день свадьбы, въ девять часовъ утра, самъ государь, въ качествѣ оберъ-маршала, въ сопровожденіи знатнѣйшихъ кавалеровъ, на шляпкахъ отправился къ Прасковьѣ. Впереди гремѣлъ хоръ нѣмецкихъ музыкантовъ, на средней баржѣ красовался царь — въ аломъ кафтанѣ, съ собольими отворотами, серебряной шпагой на серебряной портупеѣ и ордевомъ св. Андрея на голубой лентѣ. На головѣ вмѣсто шляпы былъ напудренный парикъ, а въ рукѣ большой маршальскій жезлъ, у ко-

(1) О паводкѣ см. Журналъ 1710 г.

торого на пестрыхъ лентахъ висѣла кисть, украшенная золотомъ и серебромъ.

А между тѣмъ въ домѣ царицы все уже было готово: невесту окружали мать, сестры, царевны-тетя и знатнѣйшія русскія дамы, всѣ въ нарядномъ вѣмецкомъ платьѣ.

На прибытіи государя, послѣ обычныхъ церемоній, присутствующіе особой процессіей отправились къ шлюпкамъ, гдѣ и разѣстались по церемоніалу. Здѣсь дамы оставались, пока расторонный оберъ-маршалъ не привелъ къ шлюпкамъ жениха и его свиту. Все усѣдись. Музыка гремѣла по прежнему, и флотилія изъ 50-ти разукрашенныхъ судовъ поплыла внизъ по рѣкѣ къ палатамъ князя Меншикова.

И вѣла флотилія, и шли высадившіяся лица на берегу не иначе, какъ по особому установленному церемоніалу. Невѣста была въ бѣлой бархатной робѣ, съ золотыми городками и длинной мантіей изъ краснаго бархата, подбитой горностаемъ; на головѣ красовалась богатая королевская корона. Герцогъ былъ въ бѣломъ, затканномъ золотомъ кафтанѣ.

При входѣ во дворъ дома рота Преображенцевъ отдала честь при звукахъ музыки. Обрядъ вѣнчанія совершонъ былъ архимандритомъ Осодосіемъ Яновскимъ въ полотняной походной церкви, поставленной въ хорахъ Меншикова. Архимандритъ объяснилъ по-латыни жениху сущность обряда, но при совершеніи его нашолъ нужнымъ опустить нѣкоторыя церемоніи...

Послѣ вѣнчанія всѣ отправились обѣдать. Столы были накрыты въ двухъ великолѣпно-убранныхъ залахъ. Въ первой залѣ, гдѣ бывъ церковь Перваго Кадетскаго Корпуса, за свалебнымъ столомъ сидѣли новобрачные подъ лавровыми вѣнками; напротивъ сидѣли сестры невесты, мать-царица, сестры царя и нѣсколько дамъ; остальные гости — а ихъ было не мало — разѣстались также по чинамъ да разрядамъ, и пиръ, искусно управляемый неутомимымъ оберъ-маршаломъ, пошелъ обычной чередой. Царь былъ очень веселъ; тостъ смѣнялся тостомъ, и каждый разъ заздравное питье было сигналомъ залпа изъ 41 пушки, разѣщенныхъ на плацу (плацъ 1-го Корпуса) и на яхтѣ Лизетѣ, которая красовалась на Невѣ.

Обѣдъ смѣнялся танцами; открылся балъ во вкусѣ того времени, съ трубками, пивомъ, водкой, штрафными кубками, которые, придавая развязность гостямъ, заставляли ихъ смѣяться да смѣяться выдѣлывать всѣ антраша нѣмецкихъ да французскихъ танцевъ.

Дамы и кавалеры были неутомимы; только въ третьемъ часу утра прекратился балъ. Новобрачные сѣли за столъ, установленный

поцелуями и виваши; послѣ чего царица Прасковья отвела Анну въ спальню, куда вскорѣ самъ государь проходилъ молодого.

На другой день — другой пиръ. Передъ обѣдомъ государь сорвалъ вѣнокъ, висѣвшій надъ герцогомъ; послѣдній долженъ былъ сдѣлать тоже самое съ вѣнкомъ молодой, но никакъ не могъ слѣдить: руки ли отказывались ему служить послѣ тостовъ; или вѣнокъ въ самомъ дѣлѣ былъ крѣпко связанъ, — какъ бы то ни было, но герцогъ настолько нужнымъ разрѣзать его пожомъ...

Пра украшеніи столовъ Петръ явилъ обычный ему юморъ: такъ на главныхъ столахъ возвышались два громаднѣйшіе пирога, четвертей въ пять. Когда прочее кушанье было снято, великій Петръ вскрылъ пироги, и къ всеобщему восторгу и изумленію изъ нихъ выскочили двѣ разряженныя карлицы. Петръ отнесъ ихъ на свадебный столъ, и здѣсь, по его приказу, карлицы исполнили минутъ. Между тѣмъ тосты продолжались, пальба гремѣла чаще и чаще; затѣмъ начались танцы; а съ наступленіемъ вечера сожжонъ былъ на Невѣ фейерверкъ съ разными аллегорическими фигурами. Огненной потѣхой распорядился самъ Петръ, на этотъ разъ впрочемъ несовсѣмъ удачно: онъ едва не поплатился за неосторожное обращеніе съ огнемъ.

По домамъ разѣхались ранѣе вчерашняго, и герцогъ съ молодой опочили не въ палатахъ Меншикова, а въ своемъ домѣ.

2 ноября 1710 года пасторъ герцога благословилъ бракъ проповѣдью, а въ слѣдующее воскресенье молодой угостилъ пиромъ оберъ-маршала, маршаловъ, родню жены и всѣхъ именитыхъ лицъ (1).

Но этихъ не кончились пиры да забавы, вызванныя свадьбой царской племянницы. Великій Петръ хотѣлъ до сыта распотѣшить герцога Курляндскаго съ его свитой, да потѣшиться и самому съ приближенными.

Потѣха дѣйствительно была курьезна; она являетъ грубость и невѣжество тогдашнихъ нравовъ и довольно сбивчивое понятіе о человѣческомъ достоинствѣ. Несчастный, обиженный природою нравственно и физически, вызывающъ невольное состраданіе, участіе и осторожное съ нимъ обращеніе, чтобы даже словомъ, либо

(1) Юрианы 1710 г. Подробнѣе о брачной церемоніи Анны Ивановны см. въ современномъ и правдивомъ описаніи С. п. Бурга. Описаніе это, относящееся къ 1710—1711 году, напечатано въ Лейпцигѣ въ 1713 г. и нынѣ прекрасно издано въ переводѣ начальствомъ Публичной Библиотеки: Описаніе Спб. и Кронштадта въ 1710—1711 г. переводъ съ нѣмецкаго съ примѣчаніями. Спб. 1800 г.

взглядомъ не напомнить ему его уродства. Въ то же время, когда царя въ полный произволъ одной личности, всѣ остальные старались предъ нимъ. Нравственные и физическіе уроды служили средствомъ къ забавамъ и развлечениямъ : надъ ними остритъ великій Петръ, изъ нихъ сочинялъ для своей утѣхи зрѣлища невиданныя...

Такова была и новая его затѣя, публичная свадьба карлика Екима Волкова. На эту свадьбу свезли изъ Москвы и другихъ мѣстъ, за нѣсколько сотъ верстъ, 72 карлы и карлицы, отобрали ихъ отъ дворовъ и дворишковъ царицы Прасковьи, царевенъ, бояръ и боярынь, которыя вслѣдъ за высочайшимъ дворомъ имѣли обыкновеніе держать шутихъ, дураковъ, дуръ, карловъ и карлицъ.

14 ноября 1710 года, при всемъ царскомъ семействѣ и большомъ стеченіи публики, въ крѣпостной церкви совершенно было бракосочетаніе карлы и карлицы. Всѣ мелкіе обряды, весь порядокъ процессіи до вѣнца, самое вѣнчаніе и послѣ него всѣ чины свадебные были исполнены надлежащимъ образомъ.

Въ церкви женихъ на вопросъ священника: хочетъ ли онъ жениться на своей невѣстѣ? громко отвѣчалъ: «На ней и ни на какой другой». Невѣста на вопросъ: хочетъ ли она выйти за своего жениха и не общала ли уже руки другому? отвѣчала: «Вотъ была бы штука!» Ея «да» чуть можно было разслышать, что возбудило всеобщій хохотъ. Великій монархъ, въ знакъ особенной милости, держалъ вѣнецъ надъ карлицой-невѣстой. Послѣ вѣнчанья, всѣ отправились на шлюбкахъ къ дому князя Меншикова, и въ той же залѣ (нынѣшняя церковь Перваго корпуса), съ тѣми же церемоніями, при той же обстановкѣ пировали маленькіе уродцы; герцогъ и герцогиня были въ числѣ именитыхъ зрителей.

Впрочемъ и зрители были не безъ дѣла: усѣвшись вокругъ столовъ, такъ разставленныхъ, чтобъ отовсюду видалы были карлики и карлицы, гости ѣли, пили, шумно говорили и хохотали, съ любопытствомъ слѣдя за суетней уродцевъ. Ихъ угощала, какъ и на свадьбѣхъ племянница, самъ государь.

Тосты провозглашались въ обычномъ порядкѣ и шутовское собраніе осушало громадные кубки до дна, не уступая въ этомъ самымъ великорослымъ людямъ.

Глядя на эту странную шутку, дѣйствительно нельзя было не найти въ ней, какъ находить это Крузе, историкъ Курляндіи, роль сарказма на бракъ незначительнаго принца съ принцессой могучаго государя. Но проникнуть въ тайныя мысли Петра нѣтъ возможности, и мы, не имѣя ключа къ нимъ, должны остановиться на томъ, что преобразователь потѣшался просто изъ страсти къ потѣхамъ!

искусство для искусства», не придавая шутовской овалъ въ видаго серебрянаго значенія...

Послѣ обѣда карлики очень весело танцовали по-русски до единнадцати часовъ ночи; карлицы были въ нѣмецкихъ платьяхъ и своими прыжками и кривляньями вдоволь натѣшили именитыхъ зрителей. Общій восторгъ овладѣлъ даже нѣмцемъ I. G., который и сохранилъ для насъ эти интересныя подробности; впадая въ какой-то лирической шафосъ, заѣзжій нѣмецъ восклицаетъ: «Трудно представить себѣ, какіе тутъ были прыжки, кривлянья и гримасы! Въ гостя, въ особенности же царя, были въ восторгъ, не могли навеститься, и смотри на поверчанье и ужимка 72 уродцевъ, хохотали до упада». Въ самомъ дѣлѣ, сколько было тутъ забавнаго, въ высшей степени комичнаго?!.. «У много были коротенькія ножки и высокій горбъ, у другого — большое брюхо, у третьяго — ноги кривы и повернуты, какъ у барсуковой собаки, или огромная голова, или кривой ротъ и длинные уши, или маленькіе глазки и расплывшесся отъ жира лицо!..» и т. д. Боже мой, сколько сифиднаго!

Постель новобрачныхъ была устроена въ опочивальнѣ его царскаго величества. Великій государь кажется до конца котѣлъ прослѣдить всѣ явленія интереснаго зрѣлища...

Какъ ни интересно оно было для любознательнаго монарха, считавшаго себя знатокомъ въ изученіи человѣческаго естества, но результатъ первой ночи молодыхъ былъ довольно плачевный (по крайней мѣрѣ для нихъ): молодая умерла осенью 1711 года въ страшнѣйшихъ мученіяхъ отъ родовъ, а мужъ впалъ въ распутство и умеръ позже своей невольной супруги.

Столь же несчастливъ былъ и другой бракъ, бракъ не карловъ по росту, а карловъ по значенію: брачная жизнь Анны Ивановны продолжалась съ небольшимъ два мѣсяца. Въ январѣ 1711 года она отправилась съ мужемъ въ Митава, но 9 числа, почти тотчасъ за воротами Петербурга, на мызѣ Кипень, молодой герцогъ скончался. На основаніи нѣкоторыхъ извѣстій, онъ умеръ отъ непоѣднаго потребленія крѣпкихъ напитковъ, которыми такъ заблужливо угощалъ его самъ Петра и всѣ петербургскіе сановники.

Смерть мужа, по изволенію Петра, не должна была переменить мѣсто жительства Анны. Волею-неволею, но для политическихъ видовъ дяди, племянница должна была поселиться въ Митава и окружить себя нѣмцами: не напрасно же она училась у Дитриха Остермана. Впрочемъ Митава предназначалась не для одной Анны; изъ письма Петра сенату отъ 16 апрѣля 1712 года видно, что онъ думалъ подворить тамъ и ея семейство покойнаго брата.

«Помеже невѣстка наша, писавъ Петръ, царица Прасковья Федоровна съ дѣтми своими въ скоромъ времени побѣдетъ отъезди въ Курляндію и будетъ тамъ жить; а помеже у нихъ людей мало, для того отпустите къ нимъ Михайлу Салтыкова съ женою, и чтобъ онъ ѣхалъ съ Москвы прямо въ Ригу, немѣшкавъ...»

Царица Прасковья съ семьей довольно долго гостила въ Ригѣ; пріѣхала къ ней и гостила по нѣскольکو времени царица Анна. Въ 1714 году мы ее видимъ гостей въ селѣ Измайловѣ, куда часто наѣзжала она маленька изъ немиллага Петербурга. Но этотъ пріѣздъ былъ несчастливъ для царицы; она долго и сильно хворала, такъ что задерживала возвратъ царицы въ Петербургъ. Страхась, дабы не прогнѣвались государь съ государыней за невольную просрочку, Прасковья спѣшила попросить кабинетъ-секретари Макарова замолвить за нее слово: «Алексѣй Васильевичъ, писала мать Анны, здравствуй на множество лѣтъ. Пожалуй, доведи невѣстущиѣ, царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, ежели мой походъ замѣшкнется до февраля или до марта, чтобъ на меня какова гнѣва не было отъ дарскаго величества; во истинно, за великими моими печальми, а печаль моя та, что неможетъ у меня дочь, царица Анна. Прежде немогла 13 недѣль камшиною болѣзнью, о томъ и ты извѣстенъ. А нынѣ лежитъ тяжкою болѣзнью горячкою, — а ежели мнѣ угодно скоро быть и я, хотя болзную повезу; и ты пожалуй, рѣшаша ко мнѣ, какъ ихъ воля мнѣ быть; чтобъ мнѣ ихъ не прогнѣвать. Да еще прошу, пожалуй моему человѣку Андрею Семенову денегъ на что понадобится къ моему дѣлу; при семъ остаюсь царица Прасковья. Измайлово. 15 декабря 1714 года (!).»

Судьба Анны и въ разлукѣ постоянно озабочивала мать. Старушкѣ многое не нравилось при дворѣ царицы; во многомъ желалось переменны, и она смѣло обращалась къ царю съ различными просьбами. Вотъ одна изъ нихъ неизвѣстнаго года и мѣста подачи, но прямо относящаяся до дѣлъ царицы Анны:

«1. Правительствующій сенатъ, не получа указа именнаго изъ походу, никакаго денскаго вспоможенія на пути моеѣ царицы учинить не хочеть, о чемъ прошу указу къ тому сенату.

2. Изъ моеѣ опредѣленной дачи, какъ вамъ извѣстно, бывшую мою царицу отпуская, всячески ее снабдвала, и посуду серебряную съ нею отпустила; а нынѣ мнѣ того учинить мочи нѣтъ.

3. Соизволили писать ко мнѣ, что въ Курляндію все ей, царицѣ моеѣ, опредѣлено; а чѣмъ ей тамъ жить и по обыкноненію бѣд-

(!) Каз. деп. арх. пап. кн. ХХІ, л. 1697.

какому порочною себя сдерживать, о томъ явственно не означено. Прошу о подавниномъ того всего себя увѣдомленію: въ какой-ли князны, или съ подданныхъ того княжества назначенное должное доходы впередъ имать ей?

4. Извольте мнѣ волнно увѣдомить, чтобъ мнѣ и моей царевнѣ впередъ мѣзъ какого недознанія, какой неугодности вамъ не учинить; что ей, царевнѣ, будучи въ томъ княжествѣ, по примѣру за прежнихъ князей всеси себя и чиновно дворство водержать, или просто?

5. Чтобъ мнѣ дозволено было самой проводить царевну куда мѣста на время, и потомъ въ нужные случаи водить къ ней и видѣться, чтобъ при тайной ея новости тамъ во всемъ отвѣсть и утѣшить.

6. Кареть и лошадей мнѣ беремъ на должныхъ людей, по тамошнему чиновному порядку; также ей, царевнѣ моей, безъ особой лачи исправить нечѣмъ. Прошу на то объ узнать.

7. Повелите-ли отчины дать царевнѣ моей по тамошнему старому обыкновенію имать изъ тамошняго жъ шлахетства, по пристоинности дѣла.

8. Прошу вседокучно, по своей крайней милости и по своему слову, перемѣнить оттуда прежняго гофмейстера, бывшаго прежде при царевнѣ моей, который тамъ весьма несносенъ, и тѣмъ насъ не опечалить; а быть на его мѣсто впередъ иному, кому вы соизволите.

На сіе всепокорно прошу о милостивомъ вашемъ рѣшеніи и объ отвѣди къ себѣ, что я и моя царевна здѣсь ожидать будемъ, и для того нарочный съ тѣмъ въ походъ до насъ отъ меня послать (1).

Гофмейстръ, возбудившій неудовольствіе царицы, *несносный* для нея, былъ Петръ Михайловичъ Вестужевъ. Государь самъ назначилъ Вестужева къ курляндскому двору, какъ человѣка расторопнаго и весьма дѣятельнаго исполнителя его распорженій. Герцогиня, столь рано потерявши мужа, оказывала къ Вестужеву самое теплое расположеніе. «Не можно оправдана Анна Ивановна въ любострастіи, пишетъ Щербатовъ, ибо должно, что бывшій у ней гофмейстеръ Петръ Михайловичъ Вестужевъ имѣлъ участіе въ ея милостяхъ...» (2) Но если Щербатовъ, вообще свиходительный къ Аннѣ Ивановнѣ, не рѣшался оправдывать ея связи, то эта связь дѣлалась преступленіемъ въ глазахъ матери. Пра-

(1) Гоеуд. Арх. Наб. дѣл. II келов. кн. 92, л. 425—429.

(2) О поврежденіи нравовъ, стр. 47.

сковью прежде всего поражала въ этомъ дѣлѣ своеволие дочерняго выбора, и она преслѣдовала ее упреками, а въ виденоснаго свояка постоянными просьбами удалить Вестужева.

Просьбы эти большею частью шли чрезъ руки Катерины Алексеевны. На счетъ ея въ народѣ и промежъ солдатства ходили разные толки. «Не подобаетъ какъ монаху, такъ и ей, говорили нѣкоторые, — на царствѣ быть: она неприродная и нерусская, и вѣдаемъ мы, какъ она въ полонѣ взята, и приведена подъ знамя въ одной рубахѣ и отдана была подъ караулъ, а караульный нашъ офицеръ надѣлъ на нее кафтанъ; она съ княземъ Меншиковымъ его величество кореньемъ обвела» и проч. (1) Не одинъ народъ, первое время многіе бояре и боярыни, наконецъ сестры государя съ недоброжелательствомъ смотрѣли на возвышеніе безвѣстной вѣмки: но наша старушка въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ держала себя весьма осторожно: судить да ридить о фавориткѣ не бралась и рано догадалась, какъ надо себя держать. Какъ сама, такъ и чрезъ дочерей своихъ царица рано начала завлечь полное уваженіе къ Катериинѣ: поздравляла ее съ торжественными днями и событіями, молила о милостивомъ словѣ, искала милостиваго расположенія. Подобное обращеніе, особенно въ первое время по возвышеніи Катерины, не могло не нравиться послѣдней, и она постоянно благоволила къ умной царицѣ. Это благоволеніе выражается во многихъ письмахъ къ Прасковьѣ, писанныхъ отъ лица неумѣвшей писать Катерины. Вотъ напримѣръ отвѣтное отъ ея имени письмо на извѣстную уже намъ просьбу:

«Государыня моя, невѣстущка, царица Прасковья Федоровна, здравствуй да множество лѣтъ купно и съ любезными дѣтками своими!

Письма вашего величества чрезъ присланнаго вашего Никиту Евлева исправно дошли, на которыя доношу. Объ отправленіи въ Курляндію дочери вашей, ея высочества царевны Анны Ивановны, отъ его царскаго величества уже довольно писано къ свѣтлѣйшему князю Александру Даниловичу; и надѣюсь я, что онъ для того пути деньгами и сервисомъ конечно снабдитъ, ибо его свѣтлости о томъ указъ посланъ. А когда Богъ дастъ, ея высочество въ Курляндію прибудетъ, тогда ненадобно вашему величеству о томъ мыслить, чтобъ на вашемъ коштѣ ея высочеству, дочери вашей, тамъ себя содержать; ибо уже заранѣе все то опредѣлено, чѣмъ ея домъ со-

(1) Доношеніе дѣльца Федорова на отставнаго капрала и волоколамскаго помѣщика Кобылина. Читеніе въ общ. исторіи. М. 1869, к. Ц. Смѣсь, с. 21.

держать, для чего вашъ Петръ Бестужевъ оставленъ, которому въ лучшихъ городахъ, а именно: въ Либавѣ, Виднавѣ и Митаавѣ всякіе денежные поборы для того нарочно велѣно собирать. Что же въ упоминаете, чтобъ для того всю опредѣленную сумму на ваши комнаты на будущій на весь годъ взять и на расходы употребить въ Курляндіи для тамошняго житья, что я за благо не считаю, ибо я надѣюсь, что и безъ такого великаго убытку ея высочество, дочь ваша, можетъ тамъ прожить, а къ тому же я надѣюсь, что, при помощи Божіей, и ея высочество, царевна Анна Ивановна, скоро жениха съищетъ, и тогда уже меньше в. в. будетъ печали. Что же о Бестужевѣ, дабы ему не быть, а понеже оный не для одного только дѣла въ Курляндію опредѣленъ, чтобъ ему быть только при дворѣ вашей дочери, царевны Анны Ивановны, но для другихъ многихъ его царскаго величества нужнѣйшихъ дѣлъ, которыя гораздо того нужнѣе, и ежели его изъ Курляндіи отлучить для одного только вашего дѣла, то другія всѣ дѣла станутъ, и то его величеству зѣло будетъ противно. И зѣло я тому удивляюсь, что в. в. такъ долго гнѣвство на немъ имѣете, ибо онъ зѣло о томъ печалится, но оправданіе себѣ приносить, что онъ конечно учинилъ то не съ умыслу, но остерегалъ честь дѣтей вашихъ; въ чемъ на него гнѣвъ имѣете (?) Что же изволите упоминать, чтобы быть при царевнѣ Аннѣ Ивановнѣ Андрею Артамоновичу (Матвѣеву) или Львову, и тѣ обязанности его величества нужными и великими дѣлами. А что изволите приказывать о пажахъ, чтобъ взять изъ школьничковъ русскихъ, и я совѣтую лучше изволите приказать взять изъ курляндцевъ, ибо которые и при царевнѣ Екатеринѣ Ивановнѣ русскіе, Чесесовъ и прочіе, и тѣ гораздо плохи. О деревнѣ въ Рижскомъ уѣздѣ для тамошняго бытія вашего величества со временемъ у его царскаго величества просить я буду, и о томъ не оставляю вашему величеству доносить впредь, ибо еще время на то будетъ; однакожь и нынѣ писала я отъ себя къ губернатору рижскому, чтобъ вашему величеству въ раціонахъ на вашу конюшню чинить всякое вспоможеніе. О прочемъ довольно писали мы съ Авдотьей Восейковой, также и словесно приказывали съ Васильемъ Федоровичемъ (Салтыковымъ).» (1)

Царицѣ непременно хотѣлось окружить Анну лицами, выбранными ею самой, болѣе или менѣе близкими, въ родѣ А. А. Матвѣева или Львова; но устроить паденіе Бестужева было дѣломъ невозможнымъ: государь привыкъ къ его расторопности и управлялъ черезъ него всѣми дѣлами Курляндіи. Царевна Анна была гордо-

1) Госуд. Арх. Каб. I пол. кн. 64, л. 736—737.

попней только по жести, а отсюда по пошласти; самая мелкая потребность не только герцогства, но и владѣтельныхъ его удовлетворялась иначе, какъ съ разрѣшенія государя: такъ напримеръ доставка Аннѣ въиторыхъ припасовъ, содержавше ея двора, содержаніе войска, устройство ея дома, оранжерей, даже часть туалета; мелкіе долги и проч., — обо всемъ этомъ Бестужевъ долженъ былъ относиться къ Петру и ждать его повелѣній (1).

Поселеніе царицы въ Митавѣ при дочери не состоялось. Надеждеть, что содержаніе такой большой семьи, какова была у Прасковьи, съ ея дворомъ, показалось бы очень обременительнымъ для курляндскихъ чиновъ, либо, — и послѣднее вѣрнѣе, — сама Прасковья не пожелала перебраться на житье въ иѣмечину, притомъ къ дочери, которой она, какъ оказывается изъ нѣкоторыхъ фактовъ, любила менѣе другихъ. Тѣмъ не менѣе нелюбимая дочь, съ позволенія дяди, довольно часто навѣщала мать. Такимъ образомъ 1714—1715 г., герцогиня Курляндская гостила у матери, и только въ мартѣ 1716 г. должна была, по приказанію государя, вернуться въ свою резиденцію. Въ это время Петръ, въ бытность свою въ Курляндіи, устраивалъ ея дѣла, заставилъ курляндскихъ оберъ-ратовъ утвердить за герцогиней назначенныя ей деревни и *оселить*, чтобъ она поскорѣй къ нимъ пріѣхала (2). Не устранивъ нужнаго ему Бестужева, государь сдѣлалъ однако уступку своей невѣстѣ; назначилъ къ Аннѣ гофмейстерною — госпожу Матвѣеву (3).

(1) Голицковъ, т. VI, с. 339; т. VII, с. 196. До какой степени государь принималъ на себя трудъ управлять дѣлами и хозяйствомъ племянницы, можно видѣть изъ того, что съ его утвержденія отправлялась даже водка по особенной росписи. Вотъ напр. одна изъ писемъ: «Роспись, какихъ водокъ надлежитъ ко двору ея высочества государыни царевны и герцогини Курляндской Анны Ивановны: Ангедиковой одно ведро, лимонной одно ведро, анисовой одно ведро, простаго вина 5 ведеръ. Изъ Гдатскихъ водокъ: цитронной, померанцовой, персиковой, корианевой — по 1-му ведру.» Водку приказано было отпускать по кабачной цѣнѣ. Госуд. Арх. Каб. II полов. л. 435.

(2) Впрочемъ русская партія въ Курляндіи была довольно значительная, по крайней мѣрѣ были курляндцы, которыхъ считали дворянъ, во время отлучекъ герцогини то въ Либлацію, то въ Петербургъ, заявляли оиціальную свою скорбь. Тогда они получали столь же оиціальное утѣшеніе: «Къ Петру Бестужеву. Письмо ваше до его царскаго величества сентября отъ 11-го числа дошло, по которому его царское величество о консуліи, учинившейся въ Курляндіи отъ отъѣзда въ Ригу ея высочества государыни царевны Анны Ивановны извѣствованъ, и указавъ къ вамъ написать, чтобы вы доброжелательнымъ курляндцамъ объявляли въ томъ, что ея высочество имѣеть возвратиться цѣли въ Курляндію и жить тамъ, и что отъѣздъ ея случился только на время, пока посольскій чрезъ Курляндію прѣѣдетъ, и болѣе въ Ригѣ не будетъ мѣшкать, какъ окончится въ Польшѣ сеймъ.» Госуд. Арх. Каб. I пол. кн. 64, л. 162.

(3) Письмо Петра отъ 22 марта 1716 г.

Великій государь распорядился инопла очейъ и рута относительно своей племянницы: въ 1718 году, она вновь гостила въ Петербургѣ; Петръ нашѣмъ нужнымъ ея пребываніе въ Митавѣ, и письмомъ изъ Москвы отъ 26 февраля 1718 г., повелѣлъ Меншикову немедленно отпустить Анну въ Курляндію.

Гораздо мягче распорядился онъ чрезъ жену относительно Прасковья. Царица, живя первое время по вдовствѣ Анны въ Ригѣ, скучала, желала вернуться въ родимое Измайлово и просила на то разрѣшенія. Просьба дошла на имя Катерины Алексѣевны, и отъ имени послѣдней, не безъ вѣдома царя, присланъ былъ довольно деликатный отказъ. Для вдовы государя нужно еще было пребываніе Прасковья въ Ригѣ, и вотъ секретарь его жены пишетъ:

«Милостивая государыня, моя невѣстучка, Прасковья Федоровна, адрасствуй на множество дѣтъ кучко и съ дѣтками своими, новыми дорогами племляницами, царевнами Екатериною Ивановною, Анною Ивановною, Прасковьею Ивановною.

«Письмо вашего величества я получила, за которое благодарствую и доношу, что по тому письму о отбытіи вашемъ изъ Риги я просила, на что получила отвѣтъ, что то исполнится. — Однакоже нынѣ еще нѣкоторое время извольте тамъ побыть, и хотя я вѣрю, что тамошнее житье вашему величеству есть не безсудучно, даче же убыточно, однако уже малое время тамъ извольте пожить, и прошу ваше величество, чтобъ не имѣли въ томъ прискорбности. Также извѣстилась я, что ваше величество имѣете нужду въ деньгахъ, того для доношу: извольте ваше величество на тамошніе свои домовные расходы деньги брать у Бестужева, коликое число потребно.

«Письма твои ровно три до меня дошли, за которыя вамъ благодарствую, и объявляю вамъ, что хотя я довольно о томъ просила, о чемъ вы ко мнѣ писали, но не могла на то рѣшенія получить; однако не извольте о томъ быть печальны, но нѣкоторое время обождите, ибо нынѣшнее время до того не допустить, а послѣ, когда Богъ дастъ добрый случай, потщуся то вамъ исполнить» (1).

Заблудившій монархъ, повелѣвая невѣсткѣ быть тамъ, гдѣ онъ изволятъ нужнымъ, не находилъ нужнымъ спрашивать ея касательно предположеній о новомъ бракѣ Анны. Бракъ этотъ входилъ въ политическіе планы государя на счетъ ближайшаго подчиненія Курляндіи Россіи, а въ эти планы (2) не могла да и не дерзала вмешиваться старушка. Вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, планы

(1) Госуд. Арх. Каб. I полов. кн. 64, л. 131.

(2) Разборъ ихъ, какъ не имѣющій отношенія къ настоящей статьѣ, мы опускаемъ.

разстроились; разстроивались и предположенія и даже концепты новаго супружества. Такъ не исполнились переговоры о бракѣ Анны съ Юанномъ Адольфомъ, герцогомъ Саксенвейсенфельскимъ⁽¹⁾, а вслѣдъ за тѣмъ не состоялся договоръ и двѣ ратификаціи о супружествѣ племянника короля Прусскаго, Фридриха Вильгельма, маркграфа Бранденбургъ-Шведскаго.

Впрочемъ нельзя сказать, чтобъ царевна Анна, любя обязательнаго Бестужева, сама бы не желала законнаго брака. Напротивъ, въ письмахъ своихъ то къ Катеринѣ, то къ Петру, она не разъ заявляла желаніе отдать руку тому, кого благоволитъ назначить дядюшка. Причина такой покорности для насъ дѣлается совершенно понятною, когда мы начинаемъ ближе присматриваться къ жизни царевны. Эта жизнь мало представляла для нея отдаленнаго. Съ одной стороны полнѣйшая зависимость отъ суроваго дяди, невозможности куда-нибудь выѣхать и что-либо сдѣлать безъ его разрѣшенія; съ другой — недостаточность содержанія, — его не хватало при ея немѣнны вѣсти хозяйство; наконецъ безпрестанная воркотня, упреки да брань матушки, какъ въ письмахъ, при разлукѣ, такъ въ устныхъ бесѣдахъ, при свиданіяхъ, — все это преслѣдовало, все тяготило, все отравляло жизнь царевны Анны.

Въ ея митавскомъ дворцѣ, среди нѣмецкаго и довольно безобразнаго двора, зачастую являлся то надсмотрщикъ царскій, то пріѣзжала свойственница, другъ, либо родственникъ царицы Прасковьи; шпионъ слѣдилъ за жизнью герцогини и нерѣдко хулилъ ее потомъ при дворѣ ворчливой старухи.

Нѣкоторые изъ этихъ надсмотрщиковъ и хулителей весьма интересны, и мы считаемъ не лишнимъ познакомиться съ главнѣйшимъ изъ нихъ.

IV

НѢЖНЫЙ БРАТЕЦЪ

«Жену свою до смерти я убить не хотѣлъ, а билъ ее своевручно не мучительски за вины ея, за что надлежало.»

В. О. Салтыковъ.

(Письмо 1720 г. къ Юстицъ-Коллегіи)

Василій Федоровичъ Салтыковъ, братъ царицы Прасковьи, былъ однимъ изъ именитѣйшихъ бояръ стараго покроя. Въ 1690 году

(¹) Смотр. объ этомъ договорѣ въ письмѣ Петра къ П. М. Бестужеву, 1717 г. Голлицъ, VI, с. 271—273; VII, с. 353.

государь сдѣлалъ его кравчимъ при дворѣ невѣстки (1); Прасковья много довѣряла брату и уважала его, часто гостила у него въ Москвѣ и совѣтовалась съ нимъ о всѣхъ домашнихъ дѣлахъ. Схоронивъ первую жену, князю Аграфену Петровну Прозоровскую, въ 1707 г., кравчій женился на княжнѣ Александрѣ Григорьевнѣ Долгоруковой, единственной дочери младшаго брата знаменитаго князя Якова.

Новый бракъ, удовлетворявшій аристократическимъ стремленіямъ Салтыкова, былъ однако несчастливъ. Отношенія мужа къ женѣ много рисуютъ передъ нами характеръ нѣжнаго брата Прасковьи. Въ 1718—1719 годахъ мы видимъ брачную чету въ Митавѣ. Зачѣмъ были они здѣсь — неизвѣстно; извѣстно только изъ жалобъ герцогини, что любезный дялюшка велъ себя относительно ея крайне непочтительно, даже дерзко; колкими замѣчаніями да грубыми вышатаствомъ во все, перѣяко до него не касающагося, дялюшка глубоко оскорблялъ племянницу, не стѣсняясь тѣмъ, было ли то въ семейной кружкѣ, либо въ публикѣ, такъ что Анна частенько проливала горькія слезы... Салтыковъ частію по порученію сестры, частію изъ личныхъ расчетовъ, всячески преслѣдовалъ оберъ-гофмейстера Бестужева, требовалъ у Анны просьбы объ его удаленіи, а между тѣмъ самъ своею семейною жизнью являлъ соблазнъ «на всю Курляндію и Польшу».

Не влюбивъ жену, онъ преслѣдовалъ ее попреками, бранью, побоями; когда Александра Григорьевна жаловалась царевнѣ, либо рѣшалась письменно просить защиты у государыни, Василій Федоровичъ снова давалъ разгулъ своему гнѣву и билъ кияжну по щекамъ, а на смерть. Не желая раздѣлять съ ней брачнаго ложа, братецъ царицы завелъ связь съ служанкою, держалъ ее въ тайнѣ публично, слушалъ разговоры людей своихъ на жену и позволялъ имъ относиться къ ней съ неуваженіемъ. Загнанная, забитая, Александра Григорьевна, если вѣрится ея отцу (2), зачастую мучилась голодомъ, и зачастую падала безъ чувствъ отъ кулачныхъ поученій супруга.

Жена надѣдала своеобразному мужу ревностью, слезливостью и

(1) Ч. В. Долгоруковъ, Росс. Род. Книга, ч. II, с. 72—73 Голицына XIII, с. 206. Байтышъ-Каленскій въ Словарѣ достопамятныхъ людей 1836 г. ч. V, с. 4—6, и Долгоруковъ въ сказаніяхъ о своемъ родѣ 1844 г. с. 87, смѣшали кравчаго Василья Федоровича съ другимъ Васильемъ Федоровичемъ Салтыковымъ. Первый умеръ графомъ, дѣйств. тайн. сов. и орд. св. Андрея кавалеромъ въ 1730 году 3 октября, а послѣдній, племянникъ кравчаго, умеръ въ 1735 году генер.-аншецомъ и св. Андрея кавалеромъ.

(2) Госуд. Арх. Каб. от. II кн. 46, л. 133; кн. XLVI л. 89—92; ЛП л. 214—216; Письма Ан. Ив. 1719, л. 1—2.

постоянными жаждою; сильное желадіе каждаго бы то ни было образом развратиться съ ней привело однажды супруга къ столь жаркому объясненію, что Александра Григорьевна, покрытая пятнами и ранами, замертво упала на землю. Супругу было вѣсегда востыться съ ней: онъ геропался въ Петербургъ, но пріавьму Прасковья, къ ней подъ крыльицко. Василій Федоровичъ бросилъ жену и ускакалъ въ Митаву, вьшла гвѣдомъ и протвѣтъ жанде и протвѣтъ ея заступницѣ, Анны Ивановны.

Дѣйствительно племянница вала подъ свой покровъ заблугу тетку; перевела ее въ свои хоромы и поручила прилежному доктору осмотрѣть тегенькины раны.

Леченіе пошло успѣшно; княжна стала оправляться, — какъ вдругъ вѣжвий братецъ Прасковья прислалъ жемѣ строгій приказъ — немедленно ѣхать въ Петербургъ. Какъ ни боялась Александра Григорьевна бѣшеваго мужа, но, ободренная племянницею, она рѣшилась скрѣться въ Варшаву, къ отцу, дѣйствительному тайному совѣтнику и канцлеру, бывшему тамъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ. Затаявъ намѣреніе отъ дворочисленной днерни, княжна со слезами простилась съ царевичей, испула еѣ, что вепремѣнно поѣдетъ въ Варшаву, и въ сопровождающа челяди отправилась въ путь.

Князь Григорій Федоровичъ Долгоруковъ вналъ и скорбѣтъ о страдальческой жизни дочери; прелумѣдомленный ею, онъ выслалъ на пострѣчу еѣ князя Шейдакова (1). Посланный встрѣтилъ страдальцу въ жилковой корчмѣ, близъ Митавы, на Двицѣ. Онъ немедленно распорядился, чтобъ обозъ съ вещами и дворнею проѣхалъ дагѣ въ Ригу, а барыню съ двумя горничными пересадилъ въ почтовую коляску, заранѣе приготовленную, сѣлъ въ нее самъ и велѣлъ ѣхать назадъ. То была обманъ. Отъѣхавъ нѣсколько, Александра Григорьевна, все еще страшась тирана-мужа, написала къ нему письмо. Запуганная и забитая, она и тутъ не смѣла задрить свою самостоятельность, и причину своего побѣга сваливала на отца. «При отъѣздѣ моемъ въ Ригу, писала она между прочимъ, получила я отъ отца своего присланныхъ людей; приказалъ онъ видѣться съ собой. Не смѣла воли его преслусать; а когда изволите мнѣ приказать быть — я готова. Не надѣюсь я на него за то гвѣбу, повсже имѣла давно отъ васъ позволеніе. А что мое платье и другое осталось по отъѣздѣ вашемъ изъ Митавы, и я ничего не взяла.» Вручивъ Марья Волковой, одной изъ своихъ служанокъ, письмо къ мужу, Александра Григорьевна приказала еѣ ѣхать въ Петербургъ, а

(1) Госуд. Арх. Каб. II пол. кн. LVI л. 193—200.

сама безпрепятственно продолжала путь въ Варшаву, куда и прибыла еле-еле живая отъ физическихъ и душевныхъ страданій.

Видъ дочери жестоко огорчалъ старика-отца. Дылая местию за оскорбленіе чести дочери, за оскорбленіе въ лицѣ ея всей именитой фамиліи, маститый старецъ, министръ и войдтъ, искалъ правды и суда у великаго государя.

«Высокочерзавный царь и всемилостивѣйшій государь, писалъ Григорій Федоровичъ, вѣще величества, милосердая о народѣ своего государства, извольте непрестанно безпокойно трудиться, чтобъ оной изъ прежнихъ азіатскихъ обычаевъ вывести и обучить какъ всѣ народы христіанскіе въ Европѣ обходятся. Того ради изволила въсокимъ своимъ указомъ всѣмъ милостиво повелѣть, ятобъ никто, не зная жениховъ, какъ прежде было, не ходилъ за-мужъ. Зная это, зять мой Василій Салтыковъ, зная любовь мою, своею волею женился и оную немалое время жилъ, какъ и прочіе мужья, въ своей любви, и потомъ ни за что, токмо по заговору своихъ людей, которые и съ прежнею его женою, такъ для своего интересу, чтобъ онымъ всѣмъ его владѣть, соорили. Для чего какою немилостию обратился, и въ такой немилости и въ руганіи отъ людей своихъ оную содержалъ, и безвинно былъ, и голодомъ морилъ, и такое бѣдное мученіе и гоненіе терпѣла, чего и описать невозможно, нто не токмо жена, ни послѣдней подданный сиротѣ вѣстѣ было не мочно; однако она, привращая его къ прежней милости, все то чрезъ натуру терпѣла, и тѣмъ пуще сердце его ожесточила, такъ что не боясь Бога и всенароднаго стыда, въ Митавѣ хотѣлъ убить до смерти, и такъ мучительски былъ, что замерзшую икнулъ, и притомъ токмо напamятовалъ, для чего о несчастливомъ своемъ житіи доносила всемилостивѣйшей государыни, царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, и для чего отъ него прощай-летѣ. А потомъ, что было ее — все ограбилъ. И такъ тѣми своими барбарскими поступками не токмо Курляндію и Польшу безчестно наслумилъ, и въ Петербургъ отъѣхалъ; а какъ потомъ увидѣлъ, что еще жена его въ коронаныхъ ранахъ съ живыми обрѣтается, то велѣлъ людямъ своимъ изъ Митавы больную къ себѣ везть, что уже была и повезена. — И видя она послѣднее свое житіе, причуждена была съ дороги изъ Риги ко мнѣ въ Варшаву уходить и свой несчастливый животъ спасать. Того ради, упалъ до ногъ вашего величества, рабски слезно прошу сотворить со мною милость, чтобъ мнѣ отъ него, Василія Салтыкова, не быть въ поруганіи, и чтобъ несчастливая собственная моя дачь не была отдана ему въ прежнее мученіе, и жить бы оной въ моемъ домѣ. Тако жъ за ее помянутое терпѣнье не токмо ее сущее приданое возвратити, но и изъ

его недвижимаго оную милостиво повелѣли наградить, дабы она, несчастная дочь моя, въ вѣчныхъ слезахъ имѣла себѣ пропитаніе, понеже мужъ ее не токмо хуже вдовы, но и послѣдней сироты учивъ, ибо отъ нея не токмо счастье, радость, здравіе, но и честь навѣки отнялъ. Вашего величества низжайшій рабъ, князь Григорій Долгоруковъ» (1).

Нельзя не замѣтить, что челобитная написана искусно: въ ней видна рука опытнаго старца-дипломата; особенно мастерски написано вступленіе, въ которомъ министръ ловко льститъ одной изъ слабѣйшихъ струвъ Петра, его страсти къ преобразованіямъ.

Старый придворный, пославъ челобитную къ своему повелителю, въ то же время сѣвшилъ побить челомъ и государынѣ; Екатерина обыкновенно была посредницею въ семейныхъ расприхъ тогдашней аристократіи. Отецъ просилъ у нея дозволенія оставить при себѣ дочь; — монархиня, не безъ вѣдома мужа, соизволила разрѣшить; и князь разсыпался въ благодарностяхъ.

«15 сентября 1719 года. Варшава. Премилостивая, великая государыня, царица Екатерина Алексѣевна! писалъ Долгоруковъ. — Вашего величества ко мнѣ отпращенное изъ С. Петербурга высокомиловливое писаніе отъ 10 июля, я здѣсь чрезъ почту всеподданнѣйше получилъ, изъ котораго съ великою радостію усмотрѣлъ, что ваше величество не токмо ко мнѣ недостойному, и къ послѣдней своей рабѣ, къ бѣдственной дочери моей, свою высокую милость не по заслугѣ простирать изволите, и быть оной несчастливой при мнѣ соизволяете, за которую милость навѣки ничѣмъ заслужить невозможно, и не смѣлъ бы повторительно сямъ моимъ дерзновенно трудить ваше величество. Токмо обладаживаесть и придаетъ мнѣ смѣлость наша высокая милость къ бѣдственной дочери моей, которою милостію не токмо во всѣхъ бѣдахъ своихъ всегда радовалась и отъ немилости и мученія безсовѣстнаго мужа своего защищалась. Къ тому жъ усиленно принуждаетъ меня натуральная отеческая неутѣрливость, смотри на сиротство и непрестанныя слезы, и на тырянскія раны и увѣчы несчастливой бѣдной моей дочери, которую безсовѣстнѣйшій мужъ ея непрестанно не токмо маялъ и билъ, и людемъ своимъ ругать велѣлъ и голодомъ морилъ...» Далѣе сановетникъ, все болѣе и болѣе раздражался при воспоминаніи объ обидахъ дочери; повторяетъ нѣвѣстныя вамъ подробности о поведеніи Салтыкова, о заботахъ царевны, наконецъ о бѣгствѣ дочери въ Варшаву... «Упадая подъ ноги вашего величества, заключалъ князь челобитье, слезно прошу сотворить со мною высокую свою ми-

(1) Гр. Арх. Каб. II пол. XLIV, л. 133.

дочь, дабы несчастливую дочь мою на прежнее мученіе и убиство и мнѣ на поруганіе и безчестіе къ безсовѣстному мужу ея не отдавать. А что она принесла за собою въ пришлое, не токмо то ея сущее возвратитъ, но и изъ его недвижимаго, за ея напрасное мученіе и терзніе, для оной пропитанія милостиво приказать награждать, чтобъ она въ вѣчныхъ своихъ слезахъ голодомъ не умерла, понеже мужъ ея не токмо оную всю ограбилъ, и счастье, радость, здоровье, но и честь отъ оной безвѣнно навѣки отвѣлъ и сдѣдалъ не токмо хуже вдовы, но и послѣдней сироты. О чемъ я рабски чрезъ свою нижайшую суплику и у его царскаго величества слезно милости просилъ. Въ чемъ на высокую вашего величества милость, какъ на Бога, надежду имѣю, что по своему во всемъ сирымъ милосердію, бѣдственную дочь мою въ высокой своей милости, для сего рабскаго слезнаго прошенія оставить не изволите. Вашего величества нижайшій рабъ, князь Григорій Долгорукій» (1).

Между тѣмъ нѣжный братецъ успѣлъ уже «намутить» прелдъ Прасковьей на счетъ царевны Анны, ея домашняго быта, двора и неаппетитнаго ему и царицѣ П. Бестужева. Прасковья стала гнѣваться на дочь, не отвѣчала на ея письма, либо отвѣчала упреками, писала сухо... Анна Ивановна огорчалась гнѣвомъ матери; кромѣ того ее смущала мысль: можетъ быть гнѣвается по наговорамъ и державный дялюшка съ государыней. Она трепетала за себя, трепетала еще больше за то, что у нея, чего добраго, отнимутъ наконецъ гофмаршала. Въ минуты тяжкаго раздумья царевна была неожиданно обрадована письмомъ отъ государыни (т. е. отъ ея секретари). Катерина Алексѣевна спрашивала царевну о житьѣ-бытьѣ, предлагала свое пособіе, наконецъ просила сообщить подробности о поведеніи Салтыкова въ Митавѣ. Какъ велика была радость Анны Ивановны, можно заключить изъ ея длиннаго посланія. Оно выведено собственноручными каракульками на большомъ листу сѣрой бумаги порыжѣлыми чернилами.

«Митавъ, 4 іюля 1719 года. Государыня моя матушка тетушка царица Екатерина Алексѣевна здравствуй государыня моя много летъ вкупе съ государемъ нашимъ батюшкой, дялюшкой и государынями нашими сестрицами.

«Благодарствую, матушка моя, за милость вашу, што пожаловала изволила вспомнить меня. Незнаю матушкина мая, какъ мнѣ благодарить за высокую вашу милость, какъ я обрадовалась Богу-васъ свѣтъ мой самое такъ порадуеть, еі еі дарагая мая тетушка я на свете ничему такъ не радавалась, какъ нынче радуясь о милости вѣр-

(1) Госуд. Арх. Каб. II полов. кн. LIII л. 214—216.

шей себѣ і прашу, матушка моя, впродъ меня содержать воевои отъелой милости, ей ей у меня крамѣ тебя свѣтъ мой нидкоі надѣжды; і вручаю я себя вилласть твою матеренскую; і надѣюсь, радость моя, тетушка што не оставишь меня воевои милосте і де марі смерти; изволили вы свѣтъ мой ка мнѣ приказовать, штобы я отъисада про Василю Федоровича, і а донашу. Которой вѣдѣся бытиестію свяею ивогѣ мнѣ противности дѣлалъ, какъ славами такъ и публичными поступками, противъ моей чести; между которыми раза стри со слезами отъ него оташла; а жену отъ свою безо всякой здешиай причины, толка прежнихъ упоминалъ, каторыми здешиыми свайми худыми поступками здешихъ людей весьма удивалъ. — Онъ же сердился на меня за Бестужева, показовия себя, штобы онъ былъ, или кто другой; ово руки, на Бестужева места. И прошу свѣтъ мой до тако недопустить: я отъ Бестужева во всемъ диводне, и въ моихъ здешихъ делахъ, очинь карашо поступаетъ. — Іо похѣдъ Василя Федоровича поступкахъ писать я немогу; і приказала намъ, матушка моя, славами о всемъ донестъ Маррину. І похѣдъ Василій Федоровичъ отъ меня сердцамъ; можна было видѣтъ, што онъ сведжедоі похѣдъ; штобы матушиѣ на меня мутить. Известа свѣта мой вамъ, какъ оне намутили на сестрицу (Катерину Иванову); і какъ онъ прѣхалъ впитербуркъ, і матушка изволите на мнѣ писати не такъ милостива, какъ врежде изволила писавати; а нынче ізволите писати, штобы я не печалилась: «я де не сердита,» ая своей вины ей, ей не знаю; а можна видѣтъ по вѣсьмымъ, што гневна на меня; і мне, свѣтъ мой, печальна, што насъ мутятъ; также какъ праважала сестрицу (Катерину). Окуновъ до Мемля (ее провожалъ) і былъ здесь, і прѣхала отсела въ Питербуркъ; і онъ не мала напрасна на меня намуталъ матушке; і чаю, вы свѣтъ мой, таго Окунева изволите знати; і ни чимъ не магу радовати; толка радуюсь, матушка моя; твоею милостію себѣ. — И виевни (Александра Григорьевна) поехала отъ меня, и мне сказала тихонка, што поедеть втрини вваршаву каду.

«При семъ прошу, матушка моя, какъ у самого Бога, у насъ, дарага моя тетушка, покажи надо мною материнскую милость: попроси, свет мой, милости у дарагова государя нашего, батюшка дядюшка, обн мне, штобы показалъ милость: мое супружественнае делѣ каокончанію привести, дабы я болше всовершения і терпѣни отъ шойхъ владеевъ, есораю кматушке не была; істѣнна, матушка моя, донашу весносна какъ майи ругаюца; еслибы я таперъ была при матушке, чаю бы чуть быма жива отъ ихъ смутакъ; я думаю, і сестрица отъ нихъ, чаю сокрушилась; неоставъ мой свѣтъ ей воевои милосте.

«Также ізволяю, сътъ мой, принизовать казне: волеи нужды мне вчомъ? злесь вамъ, матушка моя, іавесно, што у меня нае-
внать, време, што своимъ вашей выписаны итены; а смелі къ чему
арца: позавель, і я не дмѣю марочныдъ алмазовъ, ит кружень,
и полотень, ии платяя парочстава; і втомъ ка мне івольте учи-
нить, матушка моя, по высокои сиоі иидасть, і злешныхъ пешле-
ныхъ денежъ; а деревенскими доходами, иаслау я могу довь і стоць
двоі дладъ содершати; также определенъ, по, вашему указу; Бесту-
жева сытъ ка мно оберъ-камарамъ юнкерамъ; і живеть другой годъ
безжалостель; і просить у меня иаюванья; ии вы, сътъ мой, какъ
івадите; і пращу матушка моя не прагнаваца на меня, што утру-
дила своимъ письмомъ, наелючи на ипастъ вашу себѣ; еще пра-
щу сътъ мой, штобъ матушка не вѣдала иицего, і дладуе волеи ва-
шу, мать-матушка моя ізволяю самною. При семъ племянница
ваша Анна главеню» (1).

Приведенное нами посланіе, безъ всякихъ комментариевъ, довольно
ярко обрисовываетъ личность царевны. Мы узнаемъ отношенія
царевны къ матери, къ Салтыкову, о которомъ она бормотала много
двастъ, къ Катерины и Петру, своимъ иидаостивдамъ; наконецъ
въ того же письма ясно видны старенія царевны сътъ всякое се-
мѣиіе съ Бестужева, чтобъ отиудъ де, но вызвала его цъ Ми-
тава (2).

Нѣжная заботливость двадцатипятилѣтней царевны о 54-хъ дѣ-
лель любимацѣи сво семействѣ иреглядываетъ въ нѣскольонихъ
письмахъ. Вотъ одно изъ нихъ:

«Митава, 1719 года иелбря 1-го. Государыня моя тетунка і ма-
тушка царица Екатерина Алексѣевна, здравствуй государыня моя на
многия лета икупе згосударитъ нашихъ дѣлелькомъ и батюшномъ
ігосударынемъ нашимъ сестрицами.

«Пращу, сътъ мой тетунка, содержати иенъ пвашей высокои
ипасты, ииторяі мой и иивотъ, и всю мою надомду, і отъ вселъ вра-
тивнестой вадцашение иику; иице пращу вамъ выговори милости

(1) Госуд. Арх. Письм. Выс. особъ. Ан. Ив. 1719 г. л. 1—2.

(2) Гражданная разность 1717 — 25 и 54 неволью заставляетъ сомнѣваться въ
предположеніи Шербатова на счетъ особеннаго расположенія царевны къ ея го-
сударю. Законы любви илюстичимы! Впрочемъ Петръ Михайловичъ иицѣ
дѣлъ дѣрелель, сымовой, почти одиолѣтокъ съ царевной. Самъ онъ родился
въ 1664 г., умеръ въ 1713 г. Отъ жены Авдотьи Ивановны Талыцанной Петръ
Михайловичъ иицѣ дочь Аграфену Петровну, вышедшую за князя П. О. Вол-
ковскаго, и двухъ сыновей: Михайла Петровича, р. 1693—1760, извѣстнаго во-
лосту и льва своего времени, и Алексѣя Петровича, р. 1693—1760, иицѣ
двастъ знаменитаго канцлера.

«Бостужковѣ дочери, кнѣгине Валковскѣи, котораиъ выше отосла послѣла не оставити еіе въашей высокой милости».

«При семъ, матушка моя дарагая, носылаю вашему величеству досканъ сътарной, о котораиъ, съетъ мой, прошу милостиа прити.»

«При семъ пленяица ваша Анна княжесца» (1).

Цюка былъ челомъ Долгоруковъ да писала свою іереміаду герцогиня Курляндская, вѣжній братецъ Прасковьи не оставалси въ бездѣйствіи. Встрѣчая атаку обороной, Салтыковъ притворился, будто ничего не знаетъ, куда и отъ чего скрылась его жена, а въ именномъ повѣдѣніи 7 февраля 1720 года подалъ на высочайшее имя объявленіе.

Въ немъ Василій Федоровичъ обстоятельно разсказываетъ о томъ, какъ послалъ его государь въ Митаву состоять при герцогинѣ и какъ оставилъ онъ ее по указу царицы Прасковьи. «При этомъ отъѣздѣ, я приказалъ женѣ своей Александрѣ, такъ объявляла супругъ, ѣхать за мной въ Петербургъ, какъ можно скорѣй. Для проводовъ оставлены были дворовые люди — Третьяковъ, Гавриловъ, Васильевъ, Веревкинъ, жонка Яковлева да дѣвица Аграфена Іевлева. Всѣ названные служители, кромѣ жены моеѣ да служанки, явились ко мнѣ въ Петербургъ. Ни жены, ни дѣвицы, ни животовъ моихъ, что при нихъ осталось, не оказалось. А куда всѣ они скрылись — про то я не свѣдалъ; вѣдомо же только то, что жена приказу моего не послушала, учинила противное и не хочетъ со мной въ законѣ жить.»

Салтыковъ просилъ въ заключеніе о снѣтѣхъ допросовъ съ своихъ людей: куда и зачѣмъ скрылась жена его, куда дѣла его служанки и проч. Достойно замѣчанія, что въ числѣ представленныхъ ему служителей не было Васильева: онъ умеръ скорѣй по пріѣздѣ. Зная тогдашніе нравы и характеръ брата царицы, невольно останавливаешься на мысли — не испустилъ ли духъ безвѣстный челядинецъ подъ барскими батогами? Не возмездомъ ли на него бояринъ за недосмотръ за бѣглицкой-княгиней?

Но одинъ не въ счетъ, — на смерть Васильева никто не обратилъ вниманія; за то княжескія жалобы не остались втунѣ. На одной изъ нихъ Петръ положилъ резолюцію: «о семъ розыскать и обиженной сторонѣ полную сатисфакцію учинить въ Юстицъ-Коллегіи. А буде за чѣмъ рѣшать будетъ невозможно — учинить намъ доношеніе.» И вотъ дѣло потянулось обычнымъ чередомъ. Однимъ изъ первенствующихъ членовъ коллегіи былъ Авдрей Матвѣевъ, другъ

(1) Госуд. Арх. письма А. И. 1719 г.

и свойственникъ царицы Прасковьи, следовательно на безразличіе разсчитывать было трудно.

В сѣбралѣ спросили людей; они разсказали невѣстныя намъ обстоятельства, сопровождавшія побѣгу ихъ госпожи; она же допросъ съ Шейдикова. Тотъ сознался въ принятій иишь на себя юнкандировкѣ отъ начальника, показалъ и то, каковыи образомъ выполнилъ онъ данное ему порученіе.

«А тебѣ, Шейдикову, увѣчалъ Салтыковъ; безъ нужннвнаго позволенія ни увозить жены, ни ѣхать съ ней въ одной колѣсѣ не надлежало. По уложенію да по артикулу: кто честную жену, либо вдову, либо дѣвку увезетъ, тотъ подлежитъ смертной казни; командирскаго же приказанія въ столь партикулярномъ дѣлѣ слушать не надлежало» (1).

Между тѣмъ князь Долгоруковъ присылалъ письмо за письмомъ: въ каждомъ изъ нихъ онъ повторялъ горькія жалобы на безчеловѣчное обращеніе зятя съ женой; требовалъ дочерняго развода и возврата ея приданого. Всѣ обвиненія теста Салтыковъ совершенно отвергалъ, увѣряя устно и письменно, «что жену безвинно мучительски не билъ, немилостиво съ ней не обращался, голодомъ ея не морилъ, убить до смерти не желалъ и пожитки ея не грабилъ.» Впрочемъ скромный супругъ тутъ же не безъ напвности, сознавался: «только за непослушаніе билъ я жену самъ своеручно; да и вельзя было не бить: она меня не слушала, противность всякую чинила, къ милости меня не приврацала и противъ меня невѣжвила многими досадными словами и ничего чрезъ натуру не терпѣла! Бѣжать же ей въ Варшаву было не пѣзъ чего, а жалобы князя писаны были, безъ сомнѣнія, безъ ея согласія» (2).

Последнее предположеніе Салтыковъ основывалъ на письмѣ, присланномъ къ нему женой съ дороги; письмо это, какъ мы видѣли, мало говорило въ пользу ея дѣла и давало надежное оружіе находчивому боярину.

Въ отвѣтъ на показанія зятя, Долгоруковъ отвѣчалъ, что явную его неправду онъ, за далекимъ своимъ отлученіемъ, нынѣ облпчить не имѣетъ возможности. Ходатая не имѣю; одинъ былъ братъ, и тѣмъ меня Богъ за грѣхи «ограбилъ.» Старый князь пока просилъ государя только объ одномъ: развести его «бѣдственную дочь, чтобъ она на вѣки во слезахъ и цѣ животѣ своемъ была отъ мужа безопасна, а мнѣ, видя ея непрестанныя слезы, съ печалю здѣсь (въ

(1) Каб. дѣл. II пол. №. LVIII, л. 139—139.

(2) Тамъ же; II пол. ч. XLVI л. 80—82, ч. LVI л. 105—200.

Варшавѣ) не усомниться; а эта его, Василья, поруганія и безнравствія безпримѣнно не умереть.»

Снага и сила, нѣжнаго брата, были до такой степени надежны, что вынуждены были взглянуть на возмездное дѣло совершенно покорно и даже отпущиваясь въ отвѣтахъ на обвиненія тещы: «Что, въ челобитной его нацелавъ, говорилъ обвиняемый, что дрыкъ поступковъ моихъ будто и написать невозможно, въ томъ не отвѣчать мѣтъ, да то что въ челобитной не написано невозможно...» «Истедъ же мой, будучи въ Варшавѣ, не вѣдалъ подлинно, какъ жилъ я съ женой въ Митавѣ: видѣть и слышать ему изъ Варшавы въ Митаву далеко и невозможно, а невѣдавъ да неслыхавъ, и челобитной писать не наддежало! Что же до того, чтобъ возвратитъ женѣ ея приданое изъ недвижимаго имѣнія, то ни изъ какихъ указовъ, ни изъ пунктовъ уложенія не видно, чтобъ мужа награждали жонъ за уходы...»

Вообще Василья Оселорвичъ велъ дѣло такъ смѣло, ловко и обстоятельно, что Юстицъ-Коллегія единогласно положила: обвиняемой стороны нѣтъ, такъ какъ взаимно жалуются другъ на друга тещы и зять: обѣ стороны были истцами. Обвиненія князя Долгорукова не доказаны; Салтыковъ же основательно привелъ въ оправданіе собственноручное письмо жены съ дороги въ Варшаву; дѣтъ него видно, что она отъ мужа не отрицается, уѣхала безъ его позволенія, по приказу отцовскому, а пожитки свои добровольно оставила въ Митавѣ. Вслѣдствіе всего этого, заключала Юстицъ-Коллегія, сего дѣла безъ подлиннаго отвѣта жены Салтыкова «раздѣлъ» невозможно; нужны ея собственныя показанія и ея свидѣтелей, а челобитная отца послѣ ея собственноручнаго письма къ маму — недѣйствительна; что же касается до развода, того духовнаго дѣла Коллегія судить не можетъ. Подписали: Андрей Матвѣевъ. Вревенъ. Вольфъ. Іаковъ Масальскій. Стрикъ и Егоръ Кушелевъ.

Эта уклончивымъ рѣшеніемъ Юстицъ-Коллегіи, дѣло перешло въ Сенодъ; но и въ немъ были либо ставленники, либо угольники царицы Прасковьи и ея именитаго брата. Какъ ни торопилъ Долгоруковъ, что ни писалъ онъ то къ государю, то къ его кабинетъ-секретарю, ничто не помогало. Самое заступничество царицы Анны за его дочь не помогло разводу, а только усилило злобу Салтыкова: его рѣзкія замѣчанія о дворѣ герцогини Курляндской, найдя опоры въ царицѣ Прасковѣ, вызвали государя на строгое замѣчаніе ея гофмаршалу: «Понеже слышу, писалъ Петръ 22 мая 1721 года къ Бестужеву, что при дворѣ моей племянницы люди все въ потребные, и есть и такіе, отъ которыхъ стыдъ только; также порядку нѣтъ при дворѣ, какъ въ швейцарьхъ жидованъ, такъ и въ

расправѣ между людьми, на которое отъ царьвико вамъ приказано
двѣтъ, чтобы вы двѣрть въ добромъ смотрѣнн и перады шѣли; и
людей непотребныхъ отпусти въ впродъ не прииди; а выныхъ въ
шриваи, пожеже несправасио: взыщется на васъ.

Съ 1792 годамъ пришло время перомаскаго похода; князья
кнава уфѣжали; Егводъ въ это время могъ рѣшить дѣло въ моего
показу — и вотъ Григорій Федоровичъ сплнить побить неслонъ по
вой неубитной!

«Премилосердая императрица и вѣнъ обидимыхъ милостиво
вать и государыня! Не смѣлъ моимъ рабскимъ прошеніемъ часто
трудить его императорское величество, чтобы извѣстное продолжи
тельное дѣло въ Синодѣ бѣдственной дочери моей окончилось при
вашемъ величествѣ. А вы смѣваюсь, дабы то дѣло, по отше
ствии вашего величества, по волѣ государыни царицы Прасковьи
Федоровны, въ пользу Василья Салтыкова не вершили, что уже у
дочери моей изъ Синода на допросъ мужа ея вышѣ здѣсь и удика
взата; и ежели ваше величество отымите отъ меня руку своей ми
лости и не изволите архіереямъ милостиво то дѣло безъ себя при
казать по правиламъ св. отецъ окончить, а паче докторскою сказ
кою, который дочь мою отъ бою мужа ея въ Митавѣ лечилъ, кото
рая взата у онаго подѣ присягою, не по моему прошепію токмо, но
именному его величества указу для истиннаго въ томъ дѣлѣ свидѣ
тельства, то оно дѣло и паки безконечно будетъ продолжаться.

«О семъ припадая къ ногамъ вашего величества, слезно рабски
прошу сотворить свою высокую милость, чтобы то дѣло изволили
Синоду нынѣ приказать окончить, дабы бѣдственная дочь моя отъ
невласти сильныхъ на вѣки избожена не была. Вашего величе
ства нижайшій рабъ, князь Григорій Долгоруковъ (1).

Чѣмъ же наконецъ кончилась эта семейная драма? Кончилась
она не скоро. Въ 1730 году, семь лѣтъ спустя послѣ смерти отца,
Александра Григорьевна, разведенная наконецъ съ мужемъ, постри
жена по повелѣнію Анны Ивановны (?) въ Нижегородскій дѣвничій
монастырь, и въ тотъ же годъ схоронила мужа. Дѣйствительно ли
это постриженіе было дѣломъ невольнымъ, поступила ли она въ
монастырь прежде или послѣ смерти мужа, — неизвѣстно (2).

Вообще вся тяжба изъ-за развода для насъ важна не столько
сама по себѣ, сколько потому, что ея подробности освѣщаютъ лич
ность единственнаго брата Прасковьи. Самоуправство, хитрость,

(1) Каб. II пол. т. LVIII л. 750.

(2) Единственнымъ плодомъ несчастнаго брака была дочь Аграфена Ва
сильевна Салтыкова, вышедшая за-мужъ за кн. А. Д. Голицына.

пронзительность, грубость обращенія, доходящая до жестокости, — вотъ главнѣйшія черты, резко-выдающіяся въ характерѣ Василья. Въ немъ, какъ мы увидимъ, много общаго съ характеромъ царицы Прасковьи; одна личность дѣйствовала на другую: характеръ Прасковьи округлялся и дополнялся свойствами ея крѣпкого брата; крѣпкій братаецъ, на-оборотъ, много заимствовалъ у сестрицы. А оба вместе — они не могли не дѣйствовать на развитіе умственныхъ и душевныхъ свойствъ будущей императрицы Анны Ивановны и герцогини мекленбургской Катерины Ивановны. Познакомясь съ Анной, мы не можемъ оставить безъ вниманія Катерину.

НИХАНЪ СЕМЕВСКІЙ

Спб. 11 декабря 1860 г.

(Продолженіе слѣдуетъ)

БУДА ДѢВАЛСЯ ПАШИ ДЕНЬГИ?

Въ настоящее время, съ кѣмъ ни заговоришь о чемъ бы то ни было, а изъ десяти случаевъ навѣрное въ восьми или девяти разговоръ переходитъ на *безденежье*. Оно повально: что у него болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. Безденежье — общая наша болѣзнь въ настоящее время, и не страдающіе этимъ недугомъ и не жалующіеся на него составляютъ собою крайне рѣдкія исключенія, да и те почти преимущественно, что каждое изъ такихъ лицъ, довольною собою и своею участію, равнодушно къ участи другихъ. Изъ этого не слѣдуетъ конечно, чтобъ всѣ, жалующіеся на безденежье, забываются объ общемъ благосостояніи. Какъ можно! Всѣ мы или почти всѣ — люди болѣе или менѣе *практическіе*, и потому мыслимъ и дѣствуемъ по правилу: было бы только намъ самимъ хорошо, а тамъ хоть трава не расти. Изъ этого слѣдуетъ только то, что каждый изъ насъ, едва подумаетъ о настоящихъ средствахъ своего существованія, тотчасъ же по необходимости наткнется на безденежье и тѣмъ или другимъ путемъ приходитъ къ убѣжденію, что *денегъ теперь у насъ очень мало*. Таково по крайней мѣрѣ, сколько намъ извѣстно, общее или почти общее мнѣніе.

Въ самомъ дѣлѣ, не только бѣдые, но разнѣру жалованья и вообще доходовъ, чиновники, не только неважные и небогатые промышленники вообще, но и нервостатейные купцы и банкиры, и богатые помѣщики, и всѣ, кромѣ рѣдкихъ исключеній, жалуется теперь у насъ на безденежье. Да и какъ не жаловаться на него — съ *нѣкоторыхъ случаевъ* по крайней мѣрѣ! Есть собственность — недвижимая собственность, дома, помѣстья; есть акціи, облигаціи и государственныя фонды, есть товаръ, есть дѣрные векселя и

заемныя письма, а денегъ нѣтъ какъ нѣтъ или ихъ очень мало, далеко не столько, сколько нужно было бы ихъ имѣть и на жизнь не болѣе роскошную, нежели прежняя, и на промышленные обороты весьма обыкновенные.

Что же за причина тому, что почти ни у кого нѣтъ денегъ или, выражаясь точнѣе, всѣмъ кажется, что ни у самихъ, ни у другихъ, ни въ Россіи вообще нѣтъ надлежащаго количества денегъ, и ихъ у насъ теперь несравненно менѣе, чѣмъ было прежде? Почему жалуются на безденежье и тѣ, доходы и обороты которыхъ даже возросли въ послѣдніе годы? Положимъ, что каждый чиновникъ, кромѣ рѣдкихъ исключеній, получаетъ по прежнему только крайне-необходимое по чину имѣнью; положимъ, что средства или доходы незначительнаго помѣщика и капиталиста, рантѣе (rentier) — не увеличилась противъ прежняго, и потому, такъ или сякъ, легко объяснить ихъ безденежье *дороговизной*; но чѣмъ же объяснить жалобы банкировъ и купцовъ, которые, платя теперь дороже за товары, и продаютъ ихъ теперь по возможности дороже? Неужели выжили теперь изъ обращенія нуть якъ же девять-десятькъ, если только не болѣе? Судя по безденежью, нашихъ денежныхъ знаковъ, рублевъ даже бумажныхъ? Неужели обвѣлиха Россія со времени послѣдней войны? Или наши кредитныя предѣлы основаны нынѣ на началѣхъ несравненно худшихъ, чѣмъ прежде? Если же, какъ само собою разумеется, тѣмъ начала еще не измѣнились покуда, а если прѣвѣтъ лишь незначительно, то врядъ-лижъ худшему, а скорѣй къ лучшему, то чѣмъ же объяснить общее безденежье? Неужели однимъ значительнымъ количествомъ выпущенныхъ во время войны государственныхъ кредитныхъ билетовъ, какъ думаютъ многіе, прѣвѣтъ тѣ, которые хотя и знакомы кое-какъ съ политической экономіей, но оказываются рѣшительно неспособными предлагать къ жизни и разбирать къ ней политико-экономическіе законы и явленія?

На всѣ эти и многія подобныя вопросы можно и должно отвѣчать не иначе, какъ, хотя въ возможно-краткомъ, но тѣмъ не менѣе историческимъ обзоромъ лѣтъ, которыхъ явленій въ нашемъ обществѣ возмѣстятъ за послѣдніе годы.

До послѣдней войны многія наши помѣстья отличались большою отсталостію. Теперь далеко не тѣ. Но многому, а теперь мы еще не далеко ушли; но по крайней мѣрѣ мы начинаемъ поднимать эту созннвную свою отсталость, постигать мользу честнаго труда и всеобщающаго науки, верховодимостью честной и разумной жизни вообще. Съ этой точки зрѣнія, какъ бы дорого ни стоила намъ послѣдняя война, тѣмъ не менѣе она была для насъ, по крайней мѣрѣ

милостью Божьей. Она лишила насъ многихъ рукъ и капиталовъ, она значительно увеличила нашъ государственный долгъ, но за то и уменьшила количество нашихъ правительственныхъ и умственныхъ силъ, заставила насъ серьезно прежнего взглянуть на наши гражданскія и человѣческія права и обязанности, потрясла авторитетъ отсталыхъ предразсудковъ и т. п. Мы далеко не очень зрѣлы и теперь, но несравненно зрѣлые прежняго. — Не слѣдуетъ упускать изъ вида и того, что Россія въ международныхъ отношеніяхъ, какъ одна изъ націй, слѣдалась послѣ войны государствомъ болѣе знакомымъ европейцамъ, нежели была до нея. Не смотрите на временной блескъ ромей разнаго рода Александровъ Македонскихъ и Меттерниховъ; вникайте въ сущность дѣла. Не смотря на паденіе Севастополя и на кое-какія другія неудачи, Россія не пала, а возросла въ глазахъ Европы съ этого времени, — и не случайно, не только въ матеріалъ правительства, но и вообще народы западно-европейскіе почувствовали небывалую дотола сдвинутію къ Россіи. Не смотря на значительное увеличеніе государственнаго долга, нашъ государственный кредитъ, благодаря начинавшимся тогда у насъ преобразованіямъ, получалъ въ глазахъ и западно-европейцевъ основаніе болѣе прочное, нежели прежде, такъ что въ первые два-три года до окончанія войны правительство наше легко могло бы занять на западно-европейскихъ рынкахъ, — для покрытія экстренныхъ расходовъ или для излеченія изъ обращенія лишннихъ кредитныхъ билетовъ, не десятковъ или десятка, а сотни милліоновъ серебра!.. То были по-истинѣ прекрасные дни для Россіи.

Къ числу главнѣйшихъ, по своимъ послѣдствіямъ, результатовъ войны принадлежатъ: во-первыхъ, увеличеніе государственнаго долга, выразившееся, между прочимъ, въ значительныхъ въ военное время выпускахъ кредитныхъ билетовъ; во-вторыхъ, убѣжденіе, проникшее въ это время почти во все наше общество, въ безусловной необходимости развитія нашихъ умственныхъ и матеріальныхъ силъ вообще, усовершенствованія нашихъ путей сообщенія и пр. и пр., и въ-третьихъ, убѣжденіе въ необходимости преобразованія разныхъ частей нашей администраціи вообще и финансовою администраціи въ особенности. Замѣтимъ къ слову, что убѣжденію въ необходимости преобразованія нашей финансовою администраціи доставило бы намъ въ короткое время благотворные и громадные результаты, легко уврачевало бы раны отъ войны, еслибъ наши политико-экономы, начавшіе выступать тогда на поприще общественной жизни, такъ же хорошо сознавали интересы Россіи, историческія условія ея существованія и т. п., какъ хорошо (хоть и относительно только хорошо) знаютъ поли-

тическую экономію и теорію финансовъ. Къ несчастію, подобнаго сознаніе у насъ, по историческимъ причинамъ, крайне-рѣдко и крайне неполно. Къ несчастію также, какъ многіе другіе образованные люди, такъ и большинство нашихъ политико-экономовъ, не понимаетъ еще, что знаніе политическихъ наукъ, соединенное въ человѣкѣ съ способностями ученаго и публициста, достаточно развѣ для исправленія должности секретаря или совѣтника при той или другой части администраціи, но не восполняетъ и не замѣняетъ еще собою тѣхъ рѣдкихъ способностей и качествъ, которыя необходимы для преобразователей администраціи, т. е. для людей истинно-государственныхъ по способностямъ и качествамъ вообще.

Всѣмъ памятно вѣроятно, какъ тотчасъ же по окончаніи войны заговорили всѣ у насъ о вредѣ отъ значительнаго безпроцентнаго государственнаго долга, отъ значительнаго количества кредитныхъ билетовъ, выражающихъ собой у насъ этотъ долгъ. — Кредитные билеты дѣйствительно явленіе нераціональное, если они выражаютъ собою только долгъ казны; но если они, подобно безпроцентнымъ частнымъ банковымъ билетамъ, выражаютъ собою, какъ это и было прежде, а частію и есть еще у насъ, общіе кредитные денежные знаки, пользующіеся общимъ довѣріемъ и заслуживающіе его, то въ такомъ случаѣ они ничѣмъ не хуже и не аномальнѣе билетовъ и наилучшаго по устройству своему банка. Наши кредитные билеты суть *векселя* нашей государственной казны точно такъ же, какъ пользующіеся общимъ довѣріемъ билеты французскаго и англійскаго банковъ суть *векселя* этихъ банковъ, отличающіеся отъ обыкновенныхъ векселей преимущественно своею безсрочностію. И не то можетъ быть вреднымъ, что они билеты или векселя, а не товаръ или деньги; а то, что при излишнемъ, несоразмѣрномъ съ запасомъ звонкой монеты и вообще гарантіею, количества ихъ, во всегда можно, въ случаѣ надобности, тотчасъ же обмѣнять ихъ на товаръ или деньги, или же не всегда можно сдѣлать это безъ нѣкоторой потери. Степень ихъ достоинства обуславливается и опредѣляется степенью легкости такой мѣны, безъ труда и потери времени и денегъ. Возможны случаи, когда члены государства вовсе не видятся въ звонкой монетѣ, когда болѣе или менѣе подобные нашимъ кредитные билеты представляютъ собою только се количество въ казѣ и банкахъ, а потому и пользуются не только полнымъ довѣріемъ всѣхъ и каждого, но и предпочтеніемъ предъ звонкою монетою, какъ болѣе ихъ тяжелою и объемистою. Такимъ *довѣріемъ* и даже *предпочтеніемъ* пользовались нѣкогда и наши кредитные билеты; такимъ же *довѣріемъ* и даже *предпо-*

ншіемъ могутъ пользоваться они еще и въ ближайшемъ будущемъ, если только будутъ приняты надлежащія къ тому мѣры. Наши кредитные билеты и теперь представляютъ собою не просто знаки ссуда и долги государства или казны, а векселя и долги *бюджетнаго, составительнаго государства*. Еслибѣ у насъ было и вавоемъ даже стрѣе былье теперешняго таинич. кредитныхъ билетовъ или еслабѣ вообще государственнаго долга наши банкы вавое и даже стрѣе болѣе теперешняго, то и въ такомъ случаѣ могла бы пизваться въ данное время *неисполнительною* развѣ наша финансовая политика, но отнюдь не Россия, наша государство, какъ жинной, исполненный силъ и средствъ, организовать. И теперь, какъ прежде, земля наша велика и обширна. Хотя и истинно только, но ближе, тѣмъ не менѣе сознаеть что в все наше общество, мѣмъ лучше всего и объясняется, почему, не смотря на разнаго неблагопритныя тому обстоятельства, преимущественно на отсутствіе возможности безъ труда и потерь получать звонкую монету за кредитные билеты, эти билеты все-таки пользуются не только у насъ, но и востію и за границей еще значительнымъ довѣріемъ. Нѣкоторые умные, образованные и практические люди думаютъ даже, что ихъ еще мало у насъ. Это ложное мнѣніе; но ложное мнѣніе не дураковъ и не вѣждъ, а умныхъ и образованныхъ людей, которые потому только впадаютъ въ подобную ошибку, что не видать главнѣйшей причины нашего *безделья*.

Излишній, несообразный съ требованіями народнаго хозяйства, выпускъ кредитныхъ билетовъ, подобный нашему, должна по необходимости произвести и производить вредное вліяніе на всѣ частныя хозяйства и на народное хозяйство вообще, возмущать искусственно цѣну предметовъ купли и продажи и такимъ образомъ разстроивать въ большой или меньшей степени всѣ расчеты и весь экономическій порядокъ. Конечно это зло, и во многихъ другихъ странахъ такое количество кредитныхъ билетовъ, какъ у насъ, могло бы повлечь за собою такіе денежныя и другого рода кризисы, въ сравненіи съ которыми всѣ наши теперешніе кризисы не болѣе, какъ пятна на солнцѣ. Причина тому, что у насъ это зло не такъ значительно по своимъ дурнымъ результатамъ, какъ было бы оно въ другихъ странахъ, заключается въ экономическихъ и другихъ условіяхъ нашего быта и существованія вообще, а въ томъ числѣ и въ вѣкоторыхъ послѣдствіяхъ послѣдней войны. Эта война на надѣхла насъ, между прочимъ, лишнимъ количествомъ кредитныхъ билетовъ, а потому и искусственнымъ возвышеніемъ цѣнъ на всѣ или по крайней мѣрѣ почти всѣ предметы купли и продажи; деньги сдѣлались дешевле, а товары дороже. Но кромя того *осте*

своемъ подлилась дѣла многихъ товаровъ уже потому, что война лишила часть многихъ рабочихъ рукъ, и въ тоже время требовала нашъ и другія затрудненія въ приобретеніи равныхъ предметовъ потребленія, затрудненія, не всегда легко и которыя по необходимости сдѣлаваемо платитъ дорожніе зачеты, предметы искусственныхъ денегъ вымысли, на рынокъ больше, чѣмъ онъ сдѣлалъ дешево; товаровъ же менѣе и добываема ихъ сила доси трудно, они вздорожали. Такимъ образомъ, при разныхъ другихъ условияхъ нашего экономического быта, мы вынуждены введъ войны аукционовъ въ большемъ количествѣ кредитныхъ билетовъ, чѣмъ до нея. Какъ искусственная дешавина денегъ, такъ и дорогавая товаровъ — это — это конечно не исправляется зломъ; но, что, вѣсая зломъ, одно изъ нихъ, какъ своего рода давленіе, встрѣтило въ насъ, какъ то бываетъ вездѣ, сопротивленіе. Такимъ образомъ нашъ экономическій бытъ въ то время менѣе чувствительна на себя бремя лишняго количества кредитныхъ билетовъ, нежели сдѣлало бы тому быть, еслибы — оно поднялась особенно цѣна на товары. Изъ соображеній далеко не все законно экономическимъ соображеніемъ степень зла. Принудивъ и при зрѣлости своей допустить жести въ дурнымъ результатамъ, когда сторонники ихъ прилагаютъ ихъ къ жизни, безъ надлежащей къ тому способности. Успокаивая въ такомъ случаѣ, можно предать неосновательному страху и настрашать не въ мѣру и многихъ другихъ. У страха какъ навѣстие, глаза велики, и дѣйствія воли его единичны, часто бываютъ не мучнее, а иногда такъ исполнителны хуже дѣловый очерта голову. Вѣщью въроетно паритно, какъ въ началѣ вѣстие сетяхъ людей «великая партія порядка» (*le grand parti de l'ordre*) пугалась и пугала всѣхъ во Франціи социализмомъ, республиканизмомъ и даже бонапартизмомъ. Чѣмъ же правѣ были съед толпы: правъ живіемъ этого страха? Известно чѣмъ и поведениемъ Наполеона III, т. е. всѣмъ тѣмъ, что рокова толпа живіемъ и живіемъ — И такъ, по окончаніи войны, Россія, при многихъ другихъ и другихъ условияхъ своего быта и существованія вообще, дула далеко въ большемъ количествѣ кредитныхъ билетовъ, нежели до начала войны. Вѣрно, вліяніе того количества такихъ билетовъ, которое принадлежало потребностямъ народного хозяйства, могло быть только легко парализовано какъ свободнымъ предпріимствомъ и какъ экономическимъ бытиемъ тогда въ нашъ фактъ, но въ рѣшительности, въ томъ американинскимъ внутреннимъ или въ Америку, или же какъ въ внутреннимъ, такъ и въ иностраннымъ займамъ, для извлеченія изъ обращенія лишней лишней части такихъ билетовъ. Операция и трудная и некая страна отъ которой, когда и была бы наша, въ виду дарственной предать и т. д.

миллионамъ бланковъ благоговословіе: вообще, операція, которую явля-
 етъ оправданною бы политическая экономія за результаты которой
 раздѣлились бы дѣльней теперь только благословенія. (См. прим. 1900 г.)
 Мы же, забывъ уже выше, огромное количество кредитныхъ
 билетовъ, выпущенное во время войны, не могли причинить намъ
 на такой степени вреда, какъ какой-либо былъ-было невѣдѣніемъ дру-
 гихъ условій христіанскаго быта и жизни вообще. Вспомните, что
 возможность такого выпуска кредитныхъ билетовъ обусловливалась
 уже и тогда, дакъ теперь, — не одной войной, но и нѣкоторыми
 другими явленіями въ нашей жизни, совершенно чуждыми и не-
 соотносимыми дружимъ государствамъ. Поговорка: «кто русскому
 морозу, русской зодѣй пло-капустѣ», а къ разнымъ другимъ еще
 явленіямъ нашей жизни. Это конечно всегда зло, не должно оты-
 гаться благомъ или добромъ, не можетъ приносить пользы и не
 выиграть никогда собой и тѣмъ добра. Да мы и не думаемъ утѣр-
 пать что-либо подобное. Мы только хотимъ сказать, что степень
 и величіе зла, въ сѣдствіе различныхъ условій быта народовъ,
 должны быть разными. Англія напр., не смотря на громадность
 сѣтворенной и промышленной вообще дѣятельности, пробавляется
 и пумадется въ значительно-меньшомъ количествѣ монеты, и раз-
 ныхъ рода денежныхъ знаковъ, нежели Россія, и эти уже могутъ
 что она значительна-меньше нашего отечества своей территоріей,
 не говоря уже о превосходствѣ ея кредита, путей сообщенія и т. п.
 предъ нашими. Вспомнимъ также, что послѣ войны намъ необхо-
 димо было имѣть, — платя при разныхъ условіяхъ, на-
 шего быта, и въ особенности при прежнемъ устройствѣ и состоя-
 ніи: всепо-кредита: вообще, — намъ необходимо было имѣть на
 большуу противъ прежняго времени думу кредитныхъ билетовъ
 также и потому, что война привела не мало переключеніе капи-
 таловъ вообще, потрясла благосостояніе однихъ, значительно оббо-
 гатила другихъ и т. п. Вспомнимъ еще это, для примѣны, и не-
 мучу страхи въ которыхъ лица на участь Россіи, какъ стремились черезъ
 нуръ думъ притискиваемой бумажными деньгами, были черезъ нуръ
 думъ воле дѣлать. Это лица кажется въ сѣли только долги мазны,
 а о ея доходахъ, о ея кредитѣ и т. п. они и не думали, и не могли
 думать. Въ первое время во оккупации войны, общества наше вообще,
 доваши въ болѣе или менше степени слабилъ стороны свои, а
 между прочимъ и неразрѣзность своей торговли и вообще промышлен-
 ности, делавши однако не сознавая средствъ своихъ въ разлѣ-
 чивъ въ этомъ отношеніи. На изнанку того же въ малодѣлнщій, и
 даже возможной, во историческомъ условіяхъ, степени и моды, и

торые считали и продолжают еще считать себя передовыми людьми по отношению къ такому вопросу. Советуя сохранять своимъ употреблать капиталы преимущественно на промышленныя предприятия, они терзали насъ еще отсутствиемъ всякаго достаточнаго технического образования, а такъ же многими другими условиями, безъ которыхъ невозможно успѣхъ и неслѣбязно незначительную промышленную дѣятельность, въ особенности искусственно возбужденной.

Между тѣмъ въ это же время началось преобразование нашихъ государственныхъ кредитныхъ установлений, которое, какъ известно, прежде всего выразилось въ пониженіи банковаго процента. Въ слѣдствіе этого-то и породилось преимущественно въ большинствѣ нашихъ капиталистовъ пыльное, — впрочемъ конятое и естественное, — стремленіе къ обладанію акціями и обладанію значительныхъ промышленныхъ предприятий. Известно, чѣмъ и какъ разрѣшилась наша акціонерная горячка. Неизвѣстно конечно послѣдствіе ея. Иныхъ результатовъ нельзя было ожидать. Съ разу можно было разглядѣть, при вѣкоторомъ вниманіи къ предмету, что тогда строились у насъ, въ этомъ отношеніи, чѣтырехъ, пяти и чуть-ли не двадцатъ-этажные каменные дома на пражскихъ, египетскихъ, т. е. таврихъ, которые едва держали на себѣ домъ одноэтажные, да и то деревянные. Разумѣется, новыя тутъ въ потерѣ, — примноженіе такъ даже и вѣло выжились, — да и потери многія во всѣ безусловно-безполезны.

Какъ бы то ни было, но наша акціонерная горячка потребовала *довольно* количества прежнихъ денежныхъ знаковъ, при старомъ устройствѣ нашего кредита и прежнемъ вообще порядкѣ вѣщей у насъ. Она потребовала этого уже потому, что значительно увеличилась требованія на трудъ и матеріалы, отчего и трудъ и товарныя или матеріалы поднимались въ цѣнѣ; — въ особенности возросла заработная плата, — явилась таинный образъ большаго возможности для рабочихъ имѣть улучшенную плату и такъ-то, между прочимъ, образомъ поднялась цѣна и на хлѣбъ, преимущественно пшеничный, который потребляется теперь у насъ въ Россіи значительно болѣе прежняго; болѣе чѣмъ до войны. Конечно это послѣднее явленіе отрадно въ высшей степени.

Не всѣ однако капиталисты, какъ известно, бросились тогда на подыску и покупку многообѣщавшихъ акцій. Многие изъ нихъ, частью какъ ионы, болѣе другихъ осторожныя, какъ старыя и традиціонныя; частью и по другимъ причинамъ, предпочитаютъ покупку недвижимой собственности. Между прочимъ и конкурренція такихъ капиталистовъ значительно подняла варту цѣны на поды-

мыя выущества, преимущественно на *ненаселенныя земли и городскія недвижимости*. Начались новыя сельскія хозяйства, улучшенія въ прежнихъ, начались перестройки и новыя постройки, — появилось необыкновенное требованіе на строительные матеріалы, быстро возвышались цѣны на такіе матеріалы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и заработная плата всѣмъ участвующимъ въ постройкахъ, — поднимались по-необходимости и цѣны на квартиры; а это значить, что съ одной стороны — увеличивались доходы однихъ, а съ другой — уменьшались средства другихъ, напримѣръ чиновниковъ, живущихъ только однимъ жалованіемъ. Замѣтимъ кстати, что не отъ Сорокиныхъ могла у насъ завѣстѣ дороговизна квартиръ. Сорокины — сильные и вліятельные люди по своимъ капиталамъ; но это только въ извѣстной, крайне-ограниченной степени: капиталы ихъ все-таки только капля въ морѣ, въ сравненіи съ количествомъ остальныхъ капиталовъ, представляемыхъ столичными домами. Сорокины могутъ сколько душъ ихъ угодно надбавлять цѣны на квартиры въ своихъ домахъ, — въ результатѣ ихъ жажды къ деньгамъ окажется только много пустыхъ квартиръ въ ихъ домахъ и малое доходовъ отъ нихъ. И здѣсь назначаютъ цѣну не Сорокины, а цѣнность и стоимость строеній и требованія на квартиры. Не слѣдуетъ также терять изъ вида, что въ новыхъ и перестроенныхъ старыхъ домахъ вообще дворы, лѣстницы и квартиры чище и роскошнѣе, нежели въ домахъ старыхъ; а чистота и въ особенности роскошь требуютъ расходовъ и платы.

Послѣ всего вышесказаннаго, нужно ли еще доказывать, что въ послѣдніе годы увеличилось и продолжаетъ увеличиваться въ значительной степени требованіе на капиталы, а потому и на денежные знаки вообще, а въ томъ числѣ и на *кредитные билеты*? Еще повѣтвѣе представится намъ это требованіе, когда мы вспомнимъ, что наша звонкая монета продолжаетъ уходить за границу — частью для покрытія разности между большею суммою привозныхъ и меньшею суммою отвозныхъ товаровъ, частью на уплату процентовъ по государственнымъ заграничнымъ займамъ; частью же она вывозится нашими туристами.

Напрасно думаютъ многіе, что звонкой монеты вывозится теперь за границу значительно болѣе прежняго вслѣдствіе устройства новыхъ путей сообщенія, обществъ пароходства и т. н., и что съ этой точки зрѣнія общества желѣзныхъ дорогъ и пароходства представляютъ вообще не совсѣмъ выгодное для насъ явленіе. Для оцѣнки степени выгодъ и невыгодъ отъ вывоза, по такой причинѣ, звонкой монеты, необходимо принять въ соображеніе, что если и увозится такая монета, за то къ намъ везутъ рельсы, пароходы,

машины и проч., что этого рода вещи содѣйствуютъ нашему благо-
состоянію, уменьшаютъ наши расходы на провозъ людей и това-
ровъ, увеличиваютъ нашу производительность и т. п., а потому и
стоятъ того количества золота и серебра, которое мы платимъ за
нихъ иностранцамъ. Вспомнимъ кстати, что не только на русскіе,
но и на иностранные капиталы строятся наши пути сообщенія. По-
ложимъ, что можно было бы устроить у насъ дѣль железныхъ до-
рогъ на одніи иностранные капиталы и что это было бы выгодно
для Россіи; да мало ли что можно было бы еще! На вѣтъ и судъ
вѣтъ. Да и не мѣсто здѣсь обсуждать этотъ вопросъ.

Такимъ образомъ на разные промышленныя предпріятія, зна-
чительныя покупокъ недвижимыхъ имуществъ, по возвышеннымъ
цѣнамъ, постройкѣ и проч. и проч. пошло конечно не только не
мало, но положительно много свободныхъ капиталовъ. Кроме того,
съ умноженіемъ народной промышленности вообще и съ возвыше-
ніемъ цѣны на всѣ почти товары умножилось требованіе у насъ на
денежные знаки, кредитные билеты, и это тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе
уходило звонкой монеты за границу. Вотъ факты и положенія, въ
дѣйствительности и истинности которыхъ сомнѣваться кажется
нельзя.

Между тѣмъ продолжалась у насъ ликвидація государственныхъ
кредитныхъ учрежденій и двинулись внутренніе государственныя
займы 4 и 5 процентные. Такимъ образомъ значительная часть въ
оставшихся еще тогда свободныхъ капиталовъ нашихъ, которая
могла бы быть производительно употреблена на продолженіе нача-
тыхъ промышленныхъ предпріятій или другимъ какимъ-либо про-
изводительнымъ образомъ, пошла на покрытіе части государствен-
наго долга.

Не исключительное конечно, но тѣмъ не менѣе значительное влія-
ніе должны были имѣть и наши внутренніе государственные займы
на тѣ затрудненія, съ которыми сопряжено съ вѣкотораго времени
протеканіе дополнительныхъ взносовъ на разнаго рода акціи и
облигаціи, на паденіе курса какъ этого рода, такъ и всѣхъ другихъ
кредитныхъ бумагъ, на опущаемую нынѣ бѣдность въ свободныхъ
капиталахъ и проч. Свободныхъ капиталовъ требуется въ настоя-
щее время значительно болѣе прежняго, а ихъ теперь значительно
меньше.

Въ планѣ ликвидаціи государственныхъ кредитныхъ учрежде-
ній по необходимости должно было войти въ прекращеніе ссудъ изъ
этихъ учрежденій подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ. Эта
цѣль и осуществлена, какъ извѣстно. Между тѣмъ къ этого рода
ссудамъ уже издавна привыкло наше общество, и на нихъ по необ-

хлебности еще разсчитывали, много какъ изъ прежнихъ, такъ и по-
дытъ землевладельцевъ и домовладельцевъ, когда начинали свои
постройки и проч. Такимъ образомъ, съ одной стороны явилась но-
вая, сильная потребность въ оборотныхъ капиталахъ, а съ другой
значительное уменьшеніе ихъ количества. Припомнимъ кстати, что
наша частный кредитъ не имѣетъ достаточно прочныхъ основаній,
и мы легко поймемъ, почему въ настоящее время падаютъ искусст-
венныя дѣла, на домъ напр., и приближаются къ дѣламъ дѣйстви-
тельнымъ, нормальнымъ. — Чому слѣдуетъ быть, того не мн-
вовать. Прекращеніе суудъ изъ государственныхъ кредитныхъ
установленій составляетъ собою въ то же время и одну изъ глав-
ныхъ причинъ, почему теперь нѣтъ для очень мало цокупателюй дв
важнѣишхъ вещей, а продавцовъ такихъ вещей не мало. Всякое
хозяйство рано или поздно требуетъ значительныхъ капиталовъ, а
когда ихъ нѣтъ, то хозяйства разстроиваются и по возможности пе-
раются въ друіія руки, продаются. Конечно, наша муара финан-
сова, администрація, прекративъ сууды изъ кредитныхъ устано-
вленій, позаботилась объ учрежденіи комиссіи для устройства
земскихъ банковъ; но къ сожалѣнію окончательные результаты за-
дачій этой комиссіи, хотя и можно ихъ предвидѣть, еще не выка-
зываются и принадлежатъ будущему времени; мы же говоримъ
только о близкомъ прошедшемъ и о настоящемъ, и создаемъ въ
своемъ эгоизмѣ; интересуемся болѣе участію современниковъ, не
жели потомковъ.

Прибавимъ къ упомянутымъ агъсь явленіямъ и фактамъ разные
промышленные и политическіе кризисы въ Европѣ и Америкѣ, ко-
торые не могли не отозваться и на нашей промышленности вообще.
Замѣтимъ также, что судя по настоящему политическому гори-
зонту, судя въ особенности по основаніямъ образа дѣвствій одного
западно-европейскаго великаго мужа, трудно предположить, чтобы
горизонтъ этотъ просвѣтлѣлъ въ скоромъ времени, если только не
будутъ приняты къ тому надлежащія мѣры.

Въ такомъ положеніи, въ какомъ находитесь съ нѣкотораго вре-
мени, въ дѣствіе политическаго состоянія Европы, между прочимъ
и наша промышленность, необходима конечно для ея поддержка,
кредитъ, хотя бы только въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ налѣзаетъ
на нее наши прежнія государственныя кредитныя установленія,
нашъ коммерческій банкъ...

У насъ довольно много говорится, а частію и пишется о нашемъ
денежномъ рынкѣ, о нашемъ денежномъ кризисѣ; но этотъ кризисъ
мнѣ кажется дѣвственъ, нежели нашъ коммерческій, промы-
шленный кризисъ, а которому однако говорится и пишется мѣнѣе,

чѣмъ в первомъ. Между тѣмъ онъ несравненно важнѣе для государства, нежели кризисъ денежный, и не столько этия послѣдствія, сколько промышленнымъ кризисомъ обуславливается наше общественное благосостояніе.

Едва ли и въ этомъ отношеніи не ошибается большинство нашихъ политико-экономовъ. Иной благородный, а иногда и учоный по званію мужъ произноситъ не иначе, какъ съ высоты своего величія, слова: ремесленникъ, купецъ, промышленность. Это значитъ, что онъ не понимаетъ значенія ни промышленности, ни силы, ни силы ея; не знаетъ, что это *такая* сила, съ которой слѣдуетъ обходиться *очень осторожно* всѣми остальными силами, — *que c'est une force avec la quelle il faut compter*. Чѣмъ богаче и развитѣе въ всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ просвѣщеннѣе народъ, чѣмъ значительнѣе во всѣхъ значеніяхъ этого слова его промышленность, тѣмъ могущественнѣе оны и въ политическомъ отношеніи. Промышленность — сила не только физическая, матеріальная, но и умственная, нравственная. Конечно, не только каждый мелочной лавочникъ, лобзаникъ, мясникъ, портной, саножникъ и подобный мелкій людъ, но и многомилліонный банкиръ — не болѣе, какъ капля въ морѣ въ сравненіи съ цѣлымъ государствомъ; но всѣ эти оны уже не капля, даже не капля. Это понятно, кажется. Да кто же, такъ или иначе, не промышленникъ, не ремесленникъ, не купецъ въ государствѣ? Кто, кромѣ *бездѣльниковъ*, занимающихся воровствомъ и тому подобными художествами, или проматывающихъ въ праздности и роскоши отцовское достояніе, — кто не трудится, не продаетъ или не иѣняетъ, на деньги или на что-либо другое, своего труда или плодовъ своего труда? Конечно трудъ труду рознь и не чета; но каждый честный и производительный трудъ есть не только трудъ, но и служба родинѣ и даже всему человечеству, хотя этого и не видно невооруженному научной глазу. Потому-то, между прочимъ, и равно почтенъ какъ трудъ государственнаго человѣка, учонаго, литератора, художника, такъ и трудъ лобзаника, саножника, мясника, купца, и безъ промышленныхъ дѣателей страна и бѣдна и голодна, — бѣдна и голодна не только въ матеріальномъ, но и въ умственномъ, нравственномъ отношеніи. Слова: *состояніе промышленности* выражаютъ собою не только число и качество промышленниковъ и степень развитія промышленности, но и степень народнаго благосостоянія вообще, — степень легкости или трудности для рабочихъ, мастеровыхъ, промышленниковъ зарабатывать насущный хлѣбъ, выражаютъ количество капиталовъ и собственности вообще, условия ихъ пріобрѣтенія, — степень цивилизаціи страны. Великіе рязяне, иривля, пренебрегали, да и то безусловно, промышлен-

ностью, но великіе римляне были великіе невѣжды по части вопросовъ о народномъ благосостояніи, и подражаютъ имъ, въ этомъ отношеніи, тоже только не менѣ ихъ великіе невѣжды, какъ бы ни считали они себя образованными и просвѣщенными людьми. Не случайно и не даромъ — чѣмъ лучше во всѣхъ отношеніяхъ государственные люди, тѣмъ болѣе и заботятся о нуждахъ промышленности, о ея развитіи. Не случайно также наибольшее по мѣстнымъ условіямъ развитіе промышленности совпадаетъ съ наибольшимъ развитіемъ личности и съ прочностью обезпеченія ея правъ. Если такъ громадна, въ сравненіи съ другими, промышленная дѣятельность Англіи напр., то это столько же зависитъ отъ историческихъ судьбы и территоріи этой страны, сколько и отъ тѣхъ законовъ, которыми обезпечиваются въ высокой степени имуществомъ и личными права членовъ этой націи, и того уваженія, которымъ пользуются они со стороны англійскаго, а потому и другихъ правительствъ. Известно, что каждый волосокъ на головѣ англійскаго чернорабочаго и всякая мелкая монета въ его карманѣ столько же, по возможности, обезпечиваются законами и правосудіемъ въ Англіи, сколько и баронская личность и милліоны Ротшильдовъ. Да что и крошечная въ сравненіи съ какою-нибудь Китаемъ Англія неизмѣримо богаче и сильнѣе во всѣхъ отношеніяхъ не только одного, но и многихъ Китаевъ, и конечно, не смотря ни на что и ни на кого, и въ политическомъ, какъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, она богаче и могущественнѣе нынѣшней Франціи. Какъ ни велико и ни блестящею относительно, и теперь политическое значеніе этой послѣдней страны, но оно едва ли прочно. Какъ бы геніаленъ ни былъ монархъ, во него войско, напр., требуетъ постоянныхъ расходовъ и доходовъ, а постоянные доходы можетъ давать только промышленность, въ обширѣйшемъ смыслѣ этого слова. Политическое же значеніе Англіи и въ наполеоновскія, какъ во всѣ другія эпохи, постоянно и тѣмъ прочнѣе, что оно есть результатъ всей жизни ея. Скончался или сойдя сегодня съ престола Наполеонъ III, то сегодня же займетъ Франція свое, отнюдь не *первое* мѣсто въ политическомъ мірѣ, а сойдя она со своего *искусственно-высокаго* въ этомъ отношеніи мѣста, и займетъ она свое *естественное* мѣсто, то оплакивать подобный переизворотъ будетъ развѣ большая или меньшая часть ея войска, во отнюдь не вся нація. Паденіе же Англіи будетъ оплакиваемо всѣмъ человѣчествомъ, по крайней мѣрѣ всѣми истинно-просвѣщенными людьми. Но это паденіе невозможно, и во великомъ случаѣ оно можетъ зависѣть не отъ одного и не отъ нѣсколькихъ лицъ, какъ бы сильныя и вліятельны ни были они въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Такая роль и такое положеніе Англіи обуславливаетъ

ся конечно не одними внутренними, а политическими устройством, во всеми элементами ее существования. Вряд ли однако какой-либо из этих элементов, придает ей столько значения, как ее промышленная деятельность. Это понятно. Промышленность столь же необходима для государства, как и территория. Эта последняя — его домъ, а промышленность — та часть его хозяйства, которую определяют въ наибольшей степени и вырабатываются его средства къ существованію. Вотъ, почему, когда промышленность говоритъ: «стѣснена моя деятельность, штокъ мой кредитъ, нѣтъ у меня денегъ», тогда тоже самое повторяютъ и всеяды государства, и твердятъ: «нѣтъ денегъ», «нѣтъ денегъ». Это понятно. Фабрикантъ, заводчикъ, мастерской ограничиваютъ по необходимости свое производство, когда уменьшаются требованія на ихъ произведенія. Или когда нѣтъ или мало денегъ на покупку машинъ и матеріаловъ вообще, на жалованье рабочимъ и служащимъ... Нѣтъ, ни одной вещи въ мірѣ, которая бы не переходила черезъ много жеръ, иногда очень много рукъ, отъ перваго, обладателя, продавцаго, а покупщика. Каждый же переходъ, вещей отъ одного лица къ другому, совершается вообще не иначе, какъ посредствомъ мѣны, купли-продажи, оборота, который, предпринимается и производится съ цѣлю выгоды, барыши для обѣихъ сторонъ. Съ уменьшеніемъ и увеличеніемъ промышленной деятельности, надія совпадаетъ уменьшеніе и увеличеніе требованія на товаръ въ группѣ. — Значитъ и уменьшеніе и увеличеніе вознагражденія за трудъ, а потому и уменьшеніе и увеличеніе доходовъ рабочихъ, мастеровыхъ, купцовъ, заводчиковъ, земледѣльцевъ, дворянъ, священниковъ, дѣлъ и всего. Не только въ нравственномъ, но и въ материальномъ отношеніи, слова: «люди, въ братья» выражаютъ не только глубокую и глубокую прикладную истину, но и истинно философскую. Кто понимаетъ вышесказанное, тотъ пойметъ и все вышесказанное.

Промышленность наша, вообще выходитъ въ послѣдніе годы, въ болѣе аномальномъ состояніи, нежели была она въ болѣе счастливѣе временахъ. Она изъ главныхъ причинъ такой степени аномальности состоянія заключается въ политическомъ состояніи Европы и части Америки и Азии. Со времени воцаренія Николая III, промышленность никогда не знаетъ, на что рассчитывать, на долю чужихъ, безъ надежды же на, миръ, производить, и въ особую силу увеличиваетъ свое производство для промышленности вообще тоже это для земледѣльца, сѣять безъ надежды на урожай, на урожай, и не только, но для отца учить сына безъ надежды, что онъ когда-либо увидитъ свою вибду. Болѣе или менѣе оправдательная рѣчь въ устахъ

предпринималого, необходима для каждого, и малѣйшаго шага нашего. Даже ничтожная дзвоничка за гривеничку, и долженъ быть болѣе или менѣе увѣренъ или по крайней мѣрѣ надѣяться, что онъ несл донесеть, а онъ долженъ надѣяться, что я ему зашачу гривеничекъ. — Живое, безъ такой обоюднои увѣренности или надежды, наша сдѣлка невозможна. Для промышленности увѣренность въ возможность продолженія мира составляетъ въ большей или меньшей степени условіе *quid quod* подъ не только ея процвѣтанія, но и существованія. Война парализируетъ въ большей или меньшей, по дѣлу всегда въ значительной степени, ея дѣятельность. Въ послѣднее же десятилѣтіе почти не было и не могло быть надежды на прочность мира. Никто не знаетъ приложъ, за кого стоитъ императоръ Николай III. Нерасположеніе истыхъ, а въ томъ числѣ и самыхъ дѣятельныхъ англичанъ къ Наполеонамъ вообще, не есть нерасположеніе исключительно-безсознательное. И самый миръ съ Наполеонами дорого стоитъ Англіи, а съ ней и всему человѣчеству, подумаетъ Англія не только въ матеріально-промышленномъ, но и въ другихъ отношеніяхъ великое злое въ семьѣ человѣческой. Не только нерасположеніе, но чуть ли не безъ надежды въ образцованные дѣла у насъ считаютъ Англію главной виновницей войны съ нами, но такъ ли это? Для Англіи нужно не обдѣлываніе, а процвѣтаніе, по крайней мѣрѣ въ матеріальномъ отношеніи, Россіи, какъ и Франціи и другихъ странъ мира. Англія можетъ желать уменьшенія войска и флота русскаго, но это только преимущественно съ экономической точки зрѣнія, а если и съ политической, то разнѣ потому, чтобъ нашъ флотъ и наше войско не дѣйствовали заодно съ французскимъ флотомъ и войскомъ. Для Англіи, для блага ея, для блага всего человечества, а въ томъ числѣ и Франціи, нуженъ миръ. Военная слава такъ дорога, что въ Англіи она дѣлако находитъ покупателей. Если бы, было не такъ, то не слѣдовало бы и считать Англію страной *практической*. Россіи могутъ не любить, даже ненавидѣть *милосердно* англичанъ, но Англія не можетъ не любить Россіи. Подитка Англіи не хитра, а расчетлива. Охотно допускаемъ, что мы, быть можетъ, жестоко ошибаемся: это простиительно не-дипломату. — Какъ бы то ни было, но въ Франціи, и въ Англіи, и въ другихъ странахъ не обезпечены теперь въ прочности мира, а потому и промышленность ихъ въ большей или меньшей степени парализована. Золото, которымъ такъ дорожитъ Франція въ настоящее время, скоро и въ ней исчезнетъ въ значительной степени изъ обращенія, если только не измѣнится въ скорости къ лучшему политическое состояніе Европы.

Существующее положеніе торговли и промышленности вообще

въ европейскиххъ, а частію и другихъ странахъ должно неблагопріятно отзываться и на нашей торговлѣ и промышленности вообще и дѣйствовать на нее, какъ своего рода парализъ. Понятно, что такими образомъ и иностранный кредитъ нашъ тоже страдаетъ отъ того; а нормальный кредитъ въ сравненіи съ аномальнымъ есть тоже для промышленности; что для путешественника отличные, наилучшіе пути сообщенія, желѣзныя дороги на примѣръ, въ сравненіи съ ухабистыми, грязными и топкими какими-нибудь проселочными дорогами. Отсюда значительное уменьшеніе количества и объема нашихъ торговыхъ, внѣшнихъ и внутреннихъ сделокъ, нашей промышленной дѣятельности вообще; — уменьшеніе конечно выгодъ и доходовъ частныхъ лицъ, а частію и казны.

Не менѣе, по чуть ли не болѣе неблагопріятное вліяніе на нашу промышленность произволила, по необходимости, ликвидація нашихъ государственныхъ кредитныхъ установленій. Никто, сколько намъ извѣстно, не сомнѣвается въ благости ея цѣли; но тѣмъ не менѣе, если и можно ожидать пользы отъ нея въ будущемъ, то въ настоящемъ она требуетъ значительныхъ жертвъ. Какъ бы рациональна, съ точки зрѣнія исключительно политико-экономической, ни была такого рода ликвидація, она невозможна безъ затрудненій для народнаго хозяйства вообще. Очень хорошо знаемъ, что окончательное рѣшеніе этого вопроса принадлежитъ будущему; да мы и не считаемъ себя въ правѣ и не думаемъ брать на себя роль судьбы въ такомъ важномъ вопросѣ. Мы высказываемъ только то, что думаемъ, — высказываемъ это между прочимъ съ цѣлію, чтобъ лица лучше насъ знакомыя со всеми условіями народнаго хозяйства, или хотъ одно изъ такихъ лицъ указало намъ, какъ правильно смотрѣть на этотъ вопросъ.

Сущность дѣла по нашимъ понятіямъ состоитъ здѣсь главнѣйше въ томъ, что какъ бы нераціоналенъ ни былъ, по мнѣнію въ которыхъ лицъ, образъ дѣйствій бывшаго Коммерческаго банка, тѣмъ не менѣе его правила и дѣйствія были хорошо извѣстны всему торгующему сословію, и оно соображало въ извѣстной степени свои обороты съ этими правилами. Оно знало, на что рассчитывать и на что не рассчитывать въ этомъ отношеніи. Говорятъ некоторые, что основанія и образъ дѣйствій нынѣшняго Государственнаго банка несравненно рациональнѣе. Основательно или нѣтъ, а большинство нашихъ торговыхъ людей находитъ кредитъ, которыймъ надѣляется нашу промышленность Государственный банкъ, не только недостаточнымъ, но и менѣе рациональнымъ кредитомъ бывшаго Коммерческаго банка.

Какъ бы то ни было, но предъ нами два мнѣнія, два обстоятель-

ства: 1) кредитъ, которымъ надѣлаетъ Государственный банкъ нашу промышленность рациональнѣе и потому достигнетъ своего назначенія; 2) этотъ кредитъ нерациональнѣе и неудовлетворителенъ.

Если основательно первое мнѣніе, то Государственный банкъ дѣлаетъ все, что можетъ и должно, и выданіе его не промышленной дѣятельности торговля благодарна.

Если же основательно второе изъ этихъ мнѣній, а именно, что кредитъ банка истинно нелѣпъ и недостаточенъ, то есть, каковы должны быть между прочимъ результаты его дѣятельности.

Различныя торговцы и мелкіе промышленники кредитуются у оптовыхъ торговцевъ и фабрикантовъ, а эти у банкировъ и Государственного банка. Но, что если банкъ ограничиваетъ или затрудняетъ кредитъ для банкировъ, фабрикантовъ и оптовыхъ торговцевъ, для всѣхъ кому они кредитуютъ, то ограничивается въ большей или меньшей степени и кредитъ всѣхъ промышленныхъ дѣятелей. Эти въ такомъ случаѣ уменьшаютъ свое производство, покупаютъ и продаютъ меньше противъ прежняго, — уменьшается требованіе на товары и трудъ; денегъ у всѣхъ оказывается меньше; безъ сомнѣнія уменьшаются и доходы казны, и инфляція дѣлается безденежной.

Принимая въ вѣстатъ, что огромная часть нашихъ свободныхъ капиталовъ обращена теперь въ пяти-процентныя и другіе государственныя кредитныя бумаги, что государственный банкъ, когда и выдаетъ ссуды подъ эти, какъ и подъ другія бумаги, но по необходимости не въ полномъ ихъ стоимості, что такимъ образомъ въ оборотѣ денегъ должно быть несравненно меньше, нежели при прежнихъ четырехъ-процентныхъ банковыхъ билетахъ, которыя принимались всѣми и ходили какъ деньги, какъ обыкновенныя государственныя кредитныя билеты, съ тою разницей, что приносили проценты, — и мы поймемъ, что у насъ не *денегъ*, а *денегъ въ оборотѣ* должно быть теперь несравненно меньше противъ прежняго.

Манрасво же думаютъ многіе, что главнѣйшая причина нашего безденежья заключается въ невыгодномъ для насъ торговомъ балансѣ. Въ мірѣ нѣтъ ни бѣго невыгодной торговли вообще, кромѣ торговли тѣхъ лицъ, — впрочемъ, много ихъ на нислу, — которыя, правиваясь за торговлю, берутся не за свое дѣло, потому что, и торговля требуетъ заглавій и способностей, — которыя не имѣютъ торговать или почему-либо торгуютъ несчастливо. А если нѣтъ невыгодной торговли, то нѣтъ и невыгоднаго торговаго баланса. Если въ Франціи и Англіи напр. будетъ неурожай въ такой сте-

меня, что нам придется весь хлебъ закупить, положимъ въ Россію, то такой неуроваи (будетъ большаимъ нечастіемъ для Франціи и Англии, но не потому, что намъ придется отправлять за хлебъ свое золото въ Россію, а потому, что значительные капиталы итъ, земли, машины, труды и проч. и проч. не проведутъ къ извѣстному времени; того, чего жаждали: отъ насъ владѣльцы итъ и цѣны государства. Не хлебъ нашъ будетъ конечно, въ такомъ случаѣ бѣдствіемъ для ниихъ; напротивъ они будутъ благодарны и Небо въ Россію, что у этой довольно хлеба, ятобы пользоваться отъ него во время нужды. Но какъ бы ни выгодна фила для многихъ русскихъ така закучка у насъ хлеба, тѣмъ не менѣе бѣдствіе Англии и Франціи отзовется на всей Россіи; однихъ золото, и не в до рогаиной; многихъ предметовъ потребленія и разными другими невыгодами. Такъ и мы не бѣдимъ отъ того, что отдаемъ золото свое: въ англійскіе и бельгійскіе рельсы и машины, а напротивъ богачемъ — между прочимъ потому, что золото, въ себѣ, по тому только хороше, что представляеть себою хорошую монету, хорошии децешный товаръ и а леги оно лежи, а трикакой отъ него проку? Рельсы же на своемъ мѣстѣ: производя вещь, прочи и золото, и притомъ столько, сколько идетъ его на нихъ, да еще хорошии проценты въ добавокъ, и притомъ золотомъ же, въ случаѣ надобности. Если же этого еще не вилать теперь у насъ, если выходящая еще въ постройкѣ наши желѣзныя дороги не производятъ покуда золота; а напротивъ расходуютъ его, такъ это по той же причинѣ, по которой не приноситъ дохода, а только требуетъ расходовъ строителей, но еще не достроенный заводъ, дѣтъ намъ что-либо подобное.

Звонкая монета наша действительно ушла и продолжаетъ по возможности уходить за границу; но гдѣ же наши кредитные билеты и формы такъ же видно въ обращеніи отъ насъ очень мало? Не даромъ же юсятся случаи (1) что некоторые изъ нашихъ фабрикантовъ и купцовъ проситъ Министерство ссѣнковъ о новомъ выпускѣ кредитныхъ билетовъ для оживленія нашего скуднаго деньгами рынка; не даромъ в томъ же готомъ проситъ и други лица, можно бытъ не помыслитъ, что *денга дѣлать малая*, что в самомъ правительствѣ ибжетъ выдѣлывать только золоту, кредитные билеты и т. д. денежныя знаки, но и никакъ не большае количество, которое создается только народнымъ трудомъ, провинциальностью, и сѣтъ алены ег дѣятельности. Гдѣ же значительная часть нашихъ кредитныхъ билетовъ, которой не видно теперь, какъ видно кажется изъ обраче

(1) Акционеръ (приложеніе въ Вѣстникъ Промышленности) 1889, № 47.

нѣтъ. Многіе даже считают ихъ единственными виновниками существующей дороговизны, тѣхъ или финансовыхъ затрудненій нашего денежнаго и коммерческаго кризиса. Гдѣ же она? Гдѣ же она? *Она у насъ, въ Россіи!* Да и гдѣ же видѣть? Мало ли что одно и что не видѣть! Изъ того, что не видѣть, еще не слѣдуетъ, чтобы не было, какъ не все то золото, что блестяще, оттого ли отъ того да, они узнаютъ, наши кредитные билеты? Отъ этого рода денеры не выйдутъ, кромѣ крайнѣ-рѣдкихъ случаевъ въ небольшихъ размѣрахъ, контробандой за границу. Вѣроятно съ званіемъ прогласителъ какъ всѣ наши опытные торговые люди, такъ и тѣ экономисты, которые знаютъ политическую экономію не въ доббину! Если же основательно слытъ, что нѣкоторые изъ нашихъ купцовъ и фабрикантовъ желаютъ новаго выпуска кредитныхъ билетовъ, то вѣроятно не просто новаго выпуска такихъ билетовъ, а выпуска *какой-то*, вѣ вообще разнѣной монеты, въ которой терпятъ еще ощутительный недостатокъ наша промышленность и даже все наше общество при своихъ ежеминутныхъ внутреннихъ оборотахъ и сдѣлкахъ. Наши практическіе люди не могутъ желать просто новаго выпуска кредитныхъ билетовъ. Имъ впередъ извѣстны результаты такого выпуска. Притомъ же, прочитавши послѣдній отчетъ г. Министра Финансовъ, они знаютъ, что выпущено въ послѣднее время на 80 или 90 милліоновъ такихъ билетовъ, но отъ этого вовсе не появилось болѣе прежняго денегъ на рынкѣ, а 90 или хоть только 80 милліоновъ рублей — большія деньги! — Можно конечно выпустить и еще не на 100, а на 1000 милліоновъ кредитныхъ билетовъ, но отъ этого Россія не обогатится конечно, — денежныхъ знаковъ станетъ количествомъ болѣе, а денегъ все-таки будетъ мало, даже и хуже того. — Повторяемъ: *денегъ дѣлать нельзя*: онѣ создаются, производятся единственно народнымъ трудомъ, народной промышленностью, въ общпріишемъ значеніи этого слова.

— Но, спросятъ насъ, если наши кредитные билеты у насъ, то почему же ихъ мало въ оборотѣ и почему всѣ жалуются на безденежье?

— Кредитныхъ билетовъ мало въ оборотѣ и всѣ жалуются на безденежье потому, что малы и малочисленны, относительно и по современнымъ потребностямъ и средствамъ Россіи, наши обороты, стѣснена и ограничена наша торговля и вообще промышленная дѣятельность: а стѣснена она частію вслѣдствіе политическихъ событій, частію вслѣдствіе недостатка въ свободныхъ капиталахъ, но болшую частію вслѣдствіе недостатка въ *кредитѣ*.

— Да правда ли это? А если не такъ?

— А если не такъ, то пусть и намъ и другимъ, думающимъ какъ

РЯДЪ СТАТЕЙ О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

ВВЕДЕНИЕ

I

Если есть на свѣтѣ страна, которая была бы для другихъ, отдаленныхъ или сопредѣльныхъ съ нею странъ болѣе неизвѣстною, неизслѣдованною, болѣе всѣхъ другихъ странъ непонятою и непонятною, то эта страна есть безспорно Россія для западныхъ сосѣдей своихъ. Никакой Китай, никакая Японія не могутъ быть покрыты такой тайной для европейской пытливости, какъ Россія, прежде, въ настоящую минуту и даже можетъ быть еще очень долго въ будущемъ. Мы не преувеличиваемъ. Китай и Японія во первыхъ слишкомъ далеки отъ Европы, а во вторыхъ и доступъ туда иногда очень труденъ; Россія же вся открыта передъ Европою, русскіе держатъ себя совершенно на распашку передъ европейцами, а между-тѣмъ характеръ русскаго можетъ-быть даже еще слабѣе обрисованъ въ сознаніи европейца, чѣмъ характеръ китаецца, или японца. Для Европы Россія — одна изъ загадокъ Сфинкса. Скорѣе изобрѣтется регретиумъ-шобиле или жизненный эликсиръ, чѣмъ постигнется западомъ русская истина, русскій духъ, характеръ и его направленіе. Въ этомъ отношеніи даже луна теперь изслѣдована гораздо подробнѣе, чѣмъ Россія. Покрайней мѣрѣ положительно извѣстно, что тамъ никто не живетъ; а про Россію знаютъ, что въ ней живутъ люди и даже русскіе люди, но какіе люди? — Это до сихъ поръ загадка, хотя впрочемъ европейцы и увѣрены, что они насъ давно постигли. — Въ разное время употреблены были пытливыми сосѣдями нашими довольно большія усилія для узнаванія насъ и нашего быта; были собраны матеріалы, цифры, факты;

Т. I. — Отд. III.

производились изслѣдованія, за которыя мы чрезвычайно благодарны изслѣдователямъ, потому что эти изслѣдованія для насъ самихъ были чрезвычайно полезны. Но всевозможныя усилія вывести изъ всѣхъ этихъ матеріаловъ, цифръ, фактовъ что-нибудь основательное, путное, дѣльное собственно о русскомъ человѣкѣ, что-нибудь синтетически вѣрное, — всѣ эти усилія всегда разбивались о какую-то роковую, какъ будто кѣмъ-то и для чего-то предназначенную невозможность. Когда дѣло доходитъ до Россіи, какое-то необыкновенное тупоуміе нападаетъ на тѣхъ самыхъ людей, которые выдумали пороухъ и сосчитали столько звѣздъ на небѣ, что даже увѣрились наконецъ, что могутъ ихъ и хватать съ неба. Все доказываетъ это, начиная съ мелочей до самыхъ глубокомысленныхъ изслѣдованій о судьбѣ, значеніи и будущности нашего отечества. Кое-что впрочемъ о насъ знаютъ. Знаютъ напримѣръ, что Россія лежитъ подъ такимъ-то градусомъ, изобилуетъ тѣмъ-то и тѣмъ-то и что въ ней есть такія мѣста, гдѣ ѣздятъ на собакахъ. Знаютъ, что кромѣ собакъ въ Россіи есть и люди, очень странные, на всѣхъ похожіе и въ тоже время какъ будто ни на кого не похожіе; какъ будто европейцы, а между-тѣмъ какъ будто и варвары. Знаютъ, что народъ нашъ довольно смѣшанный, но не имѣетъ генія; очень красивъ, живетъ въ деревянныхъ избахъ, но неспособенъ къ высшему развитію по причинѣ морозовъ. Знаютъ, что въ Россіи есть армія и даже очень большая; но полагаютъ, что русскій солдатъ — совершенная механика, сдѣланъ изъ дерева, ходитъ на пружинахъ, но мыслить и не чувствуетъ и потому довольно стоекъ въ сраженіяхъ, но не имѣетъ никакой самостоятельности и во всѣхъ отношеніяхъ уступаетъ французу. Знаютъ, что въ Россіи былъ императоръ Петръ, котораго называютъ великимъ, — монархъ не безъ способностей, но полуобразованный и увлекавшійся своими страстями; что жевецъ Лефортъ воспиталъ его, сдѣлалъ его изъ варвара умнымъ и внушилъ ему мысль завести флотъ и обрѣзать русскимъ кафтаны и бороны; что Петръ дѣйствительно обрѣзалъ бороны, и потому русскіе тотчасъ же сдѣлались европейцами. Но знаютъ и то, что не родился въ Женевѣ Лефортъ, Русскіе до сихъ поръ ходили бы съ боролами, а слѣдовательно не было бы и преобразованія Россіи. Но впрочемъ довольно и этихъ примѣровъ; всѣ остальные познанія тоже, или почти тоже самое. Мы говоримъ совершенно серьезно. Сдѣлайте одолженіе разверните всѣ книги, объ насъ написанныя разными заѣзжими виконтами, баронами и преимущественно маркизами, — книги разошедшіяся по Европѣ въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ; прочтите ихъ внимательно и увидите, правду ли мы говоримъ, шутимъ мы или нѣтъ? И, что всего любопытнѣе, — въко-

торые въ этихъ книгъ замѣнены людьми безспорно замѣчательно умными. Тоже самое безсиліе, какъ и въ этихъ попыткахъ заѣзжихъ путешественниковъ бросить высшій взглядъ на Россію и усвоить ея главную идею, видимъ мы и въ полнѣйшей неспособности почти всякаго иностранца, котораго обстоятельства заставляютъ жить въ Россіи иногда даже пятнадцать и двадцать лѣтъ, хоть сколько-нибудь оглядѣться, прижиться въ Россіи, понять хоть что-нибудь окончательно, выжить хоть какую-нибудь идею подходящую къ истинѣ. Возьмемъ сначала ближайшаго сосѣда нашего, нѣмца. Пріѣзжаютъ къ намъ нѣмцы всякіе: и безъ царя въ головѣ, и такіе, у которыхъ есть свой король въ Швабіи, и ученые, съ серьезною цѣлью узнать, описать и такимъ образомъ быть полезнымъ наукѣ Россіи, и неученые простолюдины съ болѣе скромною, но добродѣтельной цѣлью нечъ булки и контить колбасы, — разные Веберы и Люденсы. Иные даже принимаютъ себя «разъ навсегда за правду и даже за священную обязанность» знакомить русскую публику съ разными европейскими рѣдкостями и потому являются съ великанами и великаншами, съ ученымъ суркомъ или обезьяною, нарочно выдуманною нѣмцами для русскаго удовольствія. Но какая бы ни была разница между ученымъ нѣмцемъ и простолюдиномъ въ понятіяхъ, въ общественномъ значеніи, въ образованіи и въ цѣли посѣщенія Россіи, — въ Россіи всѣ эти нѣмцы немаленько сходятся въ своихъ впечатлѣніяхъ. Какое-то большое чувство недовѣрчивости, какая-то боязнь примириться съ тѣмъ, что онъ видитъ рѣзко на себя не похожаго, совершенная неспособность догадаться, что Русскій не можетъ обратиться совершенно въ нѣмца и что потому нельзя всего иѣрить на свой аршинъ, и наконецъ явное или тайное, но во всякомъ случаѣ безпредѣльное высокомѣріе передъ Русскими, — вотъ характеристика почти всякаго нѣмецкаго человѣка во взглядѣ на Россію. Иные пріѣзжаютъ служить у помещиковъ Буеракиныхъ (*), управлять вотчинами; другіе являются въ видѣ естествоиспытателей, ловятъ русскихъ жуковъ, приобретаютъ этимъ безсмертную славу и обращаются въ какихъ-нибудь засѣдателей. Другіе, съ успѣхомъ засѣдая лѣтъ пятнадцать, рѣшаются наконецъ быть современными и полезными и для этого подробно опишутъ, изъ какихъ горныхъ породъ будетъ состоять доколѣ будущаго памятника тысячелѣтію Россіи. Есть изъ нихъ чрезвычайно добрые; такіе почти всегда начинаютъ спеціально учиться порусски, очень полюбаютъ русскій языкъ и русскую литературу, получаютъ наконецъ употребленіе русскаго языка, ко-

(*) Губернскіе очерки Щедрина.

нечно не безъ тяжкихъ усилій, и, въ припадѣхъ восторга, желаніи привести себѣ, Русскимъ и человѣчеству несомнѣнную пользу, рѣшаются — «перевести Россіаду Хераскова на санскритскій языкъ.» Впрочемъ не всѣ переводятъ Россіаду Хераскова. Иныя пріѣзжаютъ писать свою Россіаду и издають ее уже въ Германіи. Есть знаменитыя сочиненія въ этомъ родѣ. Читаешь эту Россіаду — серьезно, дѣльно, умно, даже остроумно. Факты вѣрны и новы; глубокій взглядъ брошенъ на иныя явленія, взглядъ оригинальный и меткій именно потому, что иныя русскія явленія удобнѣе наблюдать нерусскому, а со стороны, и вдругъ на чемъ-нибудь самомъ важномъ, коренномъ, безъ чего никакія познанія о Россіи, никакіе факты, пріобрѣтенные трудомъ самымъ добросовѣстнымъ, не дадутъ никакого о ней понятія, или дадутъ самое сбивчивое, чтобъ не сказать безтолковое, — вдругъ нашъ учоный становится въ тупикъ, обрывается, теряетъ нитку и заключаетъ такую нелѣпостью, что книга сама вырывается изъ рукъ вашихъ и падаетъ, иногда даже подъ столъ.

Пріѣзжіе французы совершенно не похожи на нѣмцевъ; это что-то обратно противоположное. Французъ ничего не станетъ переводить на санскритскій языкъ, не потому чтобъ онъ не зналъ санскритскаго языка, — французъ все знаетъ, даже ничему неучившись; — во потому во первыхъ, что онъ пріѣзжаетъ къ намъ окинуть насъ взглядомъ самой высшей прозорливости, просверлить орлинымъ взоромъ всю нашу подноготную и изречь окончательное, безапелляціонное мнѣніе; а во вторыхъ потому что онъ еще въ Парижѣ зналъ, что напишетъ о Россіи; даже пожалуй напишетъ свое путешествіе въ Парижѣ, еще прежде поѣздки въ Россію, продастъ его книгопродавцу и уже потомъ пріѣдетъ къ намъ — блеснуть, плѣнить и улѣтѣть. Французъ всегда увѣренъ, что ему благодаритъ некого и не за что, хотя бы для него дѣйствительно что-нибудь сдѣлалъ; не потому что въ немъ дурное сердце, даже напротивъ; но потому что онъ совершенно увѣренъ, что не ему принесли напри- мѣръ хоть удовольствіе, а что онъ самъ однимъ появленіемъ своимъ осчастливилъ, утѣшилъ, наградилъ и удовлетворилъ всѣхъ и каждого на пути его. Самый безтолковый и безиутный изъ нихъ, поживя въ Россіи, уѣзжаетъ отъ насъ совершенно увѣренный, что осчастливилъ русскихъ и хоть отчасти преобразовалъ Россію. Иныя изъ нихъ пріѣзжаютъ съ серьезными, важными цѣлями, иногда даже на 28 дней, срокъ необъятный, цифра, доказывающая всю добросовѣстность изслѣдователя, потому что въ этотъ срокъ онъ можетъ совершить и описать даже кругосвѣтное путешествіе. Схвативъ первыя впечатлѣнія въ Петербургѣ, которыя выходятъ

у него еще довольно удачно, и кстати разсмотрѣвъ при этомъ критически англійскія учрежденія, выучивъ мимоходомъ русскихъ бояръ (les boyards) вертѣть столы или пускать мыльные пузыри, что впрочемъ очень мило и гораздо лучше величавой и чванной скуки нашихъ собраній, онъ рѣшается наконецъ изучить Россію основательно, въ подробностяхъ, и ѣдетъ въ Москву. Въ Москвѣ онъ взглянетъ на Кремль, задумается о Наполеонѣ, похвалитъ чай, похвалитъ красоту и здоровье народа, погрузится о преждевременномъ его развратѣ, о плодахъ неудачно привитой цивилизаціи, о томъ, что исчезаютъ національные обычаи, чему найдетъ немедленное доказательство въ перемѣнѣ дрожекъ-гитары, на дрожки-линейку, подходящую къ европейскому кабриолету; сильно нападеть за все это на Петра Великаго и тутъ же, совершенно кстати, расскажетъ своимъ читателямъ свою собственную біографію, полную удивительнѣйшихъ приключеній. Съ французомъ все можетъ случиться, не причинивъ ему впрочемъ никакого вреда, до такой степени, что онъ послѣ своей біографіи тотчасъ же начинаетъ рассказывать русскую повѣсть, конечно истинную, взятую изъ русскихъ нравовъ, подъ названіемъ Petroucha, имѣющую два преимущества, во первыхъ что она вѣрно характеризуетъ русскій бытъ, а во вторыхъ что она въ тоже время вѣрно характеризуетъ и бытъ сандвичевыхъ острововъ. Кстати ужъ обратитъ вниманіе и на русскую литературу; поговоритъ о Пушкинѣ и снисходительно замѣтитъ, что это былъ поэтъ не безъ дарованій, вполне національный и съ успѣхомъ подражавшій Андрею Шенье и мадамъ Дезульеръ; похвалитъ Ломоносова, съ нѣкоторымъ уваженіемъ будетъ говорить о Державинѣ, замѣтитъ, что онъ былъ баснописецъ не безъ дарованья, подражавшій Лафонтену, и съ особеннымъ сочувствіемъ скажетъ нѣсколько словъ о Крыловѣ, молодомъ писателѣ, похищенномъ преждевременною смертію (слѣдуетъ біографію) и съ успѣхомъ подражавшему въ своихъ романахъ Александру Дюма. Затѣмъ путешественникъ прощается съ Москвою, ѣдетъ далѣе, восхищается русскими тройками и появляется наконецъ гдѣ-нибудь на Кавказѣ, гдѣ виѣтѣ съ русскими пластунами стрѣляетъ черкесовъ, сводитъ знакомство съ Шамилемъ и читаетъ съ нимъ Трехъ Мушкетеровъ...

Повторяемъ, говоря это, мы вовсе не шутимъ, вовсе не преувеличиваемъ. Между-тѣмъ мы сами чувствуемъ, что слова наши какъ-будто отзываются пародіей, карриатурой. Правда вѣдь и то, что нѣтъ такого предмета на землѣ, на который бы нельзя было посмотреть съ комической точки зрѣнія. Все можно осмѣять, скажутъ намъ, сказать то да не такъ, передать почти тѣже самыя

слова, да не такъ ихъ выразить. Согласны, Но возьмите же сами самое серьезное мнѣніе о насъ иностранцевъ; и вы убѣдитесь, что все сказанное нами нисколько не преувеличено.

II

Но надо оговориться. Последніе нелѣпыя возгласы о насъ иностранцевъ были болѣею частію, произнесены въ состояніи неспокойномъ, во время недавнихъ раздоровъ, теперь уже елана Богу окончевныхъ надолго, если не навсегда, во время войны, среди простыхъ боевыхъ криковъ. А впрочемъ, если взять эссенцію всѣхъ прежнихъ мнѣній, до раздоровъ и войны; то выводъ былъ бы почти тотъ же самый. Книги на лицо; можно справиться.

Чтожъ? будемъ-ли мы обвинять за такое мнѣніе иностранцевъ? Обвинять ихъ въ ненависти къ намъ, въ тупости; смѣяться надъ ихъ недалковидностью, ограниченностью? Но ихъ мнѣніе было высказано не одинъ разъ и не кѣмъ-нибудь; оно выйдяривалось всѣмъ западомъ, во всѣхъ формахъ и видахъ, и хладнокровно и съ ненавистью, и крикунами и людьми прозорливыми; и полдецами и людьми высоко-честными, и въ прозѣ и въ стихахъ, и въ романахъ и въ исторіи, и въ premier-Paris и съ ораторскихъ трибунъ. Слѣдственно это мнѣніе чуть ли не всеобщее, а всѣхъ обвинять какъ-то трудно. Да и за что обвинять? За какую вину? Скажемъ прямо: не только тутъ нѣтъ никакой вины, но даже мы признаемъ это мнѣніе за совершенно-нормальное, т. е. прямо выходящее изъ хода событій, не смотря на то, что оно, разумѣется, совершенно-ложное. Дѣло въ томъ, что иностранцы и не могутъ насъ понять иначе; хотя бы мы ихъ и разуверляли въ противномъ. Но неужели жъ разуверять? Во первыхъ по всѣмъ вѣроятностямъ, французы не напишутся на «Время», хотя бы нашимъ сотрудникомъ былъ самъ Цицеронъ, котораго впрочемъ мы бы, можетъ быть, и не взяли въ сотрудники. Слѣдственно не прочтутъ нашего отвѣта; остальныя вѣщцы и подавно. Во вторыхъ, надо признаться, въ нихъ дѣйствительно есть чѣмъоторая неспособность насъ понять. Они и другъ друга-то не всѣмъ хорошо понимаютъ.

Авгличанинъ до сихъ поръ еще не въ состояніи допустить разумности существованія француза; французы платить ему совершенно тою же монетою, даже съ процентами, не смотря ни на какіе союзы, ententes cordiales и проч. и проч. А между тѣмъ и тотъ и другой — европейцы, настоящіе, глазные европейцы, представители европейцевъ. Ихъ жъ было иль разгадать насъ русскихъ, когда

мы и сами—то для себя загадка, по крайней мѣрѣ постоянно задавали другъ другу о себѣ загадки. Развѣ славянофилы не задавали загадокъ западникамъ, а западники славянофиламъ? У насъ даже до сихъ поръ любятъ ребусы. Читайте объявленія объ изданіи журналовъ, и вы въ этомъ совершенно убѣдитесь. И какъ же бы наконецъ они насъ постигли, когда одна изъ главнѣйшихъ нашихъ особенностей именно та, что мы не-европейцы, а они и не могутъ мѣрять иначе, какъ на свой аршинъ. Да главное еще то, что мы сами почти вплоть до сихъ поръ, постоянно и упорно рекомендовали имъ себя за европейцевъ. Чтожъ могли они разобрать въ такой путаницѣ, особенно глядя на насъ? Выговаты ли они, что до сихъ поръ у нихъ недостаетъ даже фактовъ, чтобы составить о насъ безпристрастное мнѣніе. Чѣмъ заявили мы себя особеннымъ, оригинальнымъ? Мы напротивъ даже какъ-то боялись сознаться въ нашихъ оригинальностяхъ, прятали ихъ не только передъ ними, но даже передъ собою; стыдился, что мы еще неслимъ на себѣ хоть какой-нибудь свой отпечатокъ, и никакъ не можемъ стать вполне европейцами, укорили себя за это, а слѣдственно имъ же поддакивали, торопливо соглашались съ нами и даже не пробовали ихъ переубѣдить. Да и кого изъ русскихъ они видѣли? но комъ судили? Правда они встрѣчались со многими изъ нашихъ, цѣлыхъ полтора вѣка сряду; видѣли съ прочими вѣдѣли въ нимъ и господина Гречъ и писали отсюда парижскія письма. Вотъ про господина Гречъ мы знаемъ, что онъ пытался было переубѣдить французовъ, разговаривалъ съ Сент-Бёвомъ, съ Викторомъ Гюго, что является изъ его собственныхъ парижскихъ писемъ. «Я напрямки сказалъ Сент-Бёву», выражается онъ; — «Я напрямки объявилъ Виктору Гюго». Дѣло видите ли въ томъ, что Сент-Бёву или Виктору Гюго, не поминать (недо бы спрасситъ), г. Гречъ сказалъ напрямки, что литература, проповѣдующая безнравственность, и проч. и проч. ошибается и недостойна называться литературой (можетъ быть слова на словахъ тѣ, но смыслъ тотъ же самый. За это ручаемся). Вѣроятно Сент-Бёву недо было ложиться дѣтъ пятьдесятъ г. Гречъ, чтобы слышать отъ чего подобную истину изъ прописей. Это должно быть Сент-Бёвъ, выпучилъ глаза! Впрочемъ успокоимся; французскій народъ чрезвычайно вѣжливый, и мы знаемъ, что г. Гречъ воротился изъ Парижа благополучно и невредимо. Притомъ же мы можемъ быть и не ошибемся, если скажемъ, что по г. Гречу нельзя же было судить о всѣхъ русскихъ. Но довольно о г. Гречѣ. Мы упомянули о немъ только такъ, къ дѣлу! Видели въ Парижѣ, и другіе, кромѣ г. Гречъ, Являлись туда съ незамысловатыхъ временъ и отстаивали наши качалористы, народъ веселый и добро-

душный, изумлявший на наших парадах публику красотой своих форм, обтянутых лосиной, и проводивших потомъ остатокъ дней своихъ уже не въ тягостяхъ службы, а въ свое удовольствіе. Тогда валили за границу и молодые вертопрахи, нигдѣ не служившіе, но сильно заботившіеся о своихъ помѣстьяхъ. Ѣздили туда и коренные наши помѣщики, со веѣми семействами и картонками; добродушно и серьезно взбирались на башни Нотр-Дамъ, осматривали оттуда Парижъ и, въ тихомолку отъ своихъ жонъ, гонялись за гризетками. Доживали тамъ свой вѣкъ оглохшія и беззубыя старухи-барыни и уже окончательно лишались употребленія русскаго языка, котораго впрочемъ не знали и прежде. Возвращались оттуда къ намъ и наши матушкины сынки (что по французски переводятся: enfans de bonne maison, fils de famille), знавшіе всю подноготную о Пальмерстонѣ и о всѣхъ мелкихъ дразгахъ во Франціи, до послѣдней бабьей сплетни, и которые, за обѣдомъ, просили своихъ сосѣдей приказать лакею налить имъ стаканъ воды; единственно для того, чтобъ не проговорить и двухъ словъ порусски, хотя бы и съ лакешью. Объ одномъ изъ такихъ фактовъ лично свидѣтельствуетъ г. Григоровичъ, написавшій недавно «Пахатника и бархатника». Но бывали и такіе изъ нихъ, которые знали по русски, даже занимались зачѣмъ-то русскою литературою и ставили на русскихъ сценахъ комедіи, въ родѣ пословицъ Альфреда Мюссе, подъ названіемъ, ну хоть напри- мѣръ *Раканы* (названіе конечно выдуманное). Такъ-какъ сюжетъ *Ракановъ* характеризуетъ цѣлый слой общества, занимающагося такими комедіями, а вмѣстѣ съ тѣмъ изображаетъ типъ и другихъ произведеній въ такомъ же родѣ, то позвольте вамъ въ двухъ словахъ рассказать его. Когда-то въ Парижѣ, въ прошломъ столѣтіи, процвѣталъ одинъ пошлѣйшій рифмоплетъ, подъ названіемъ *Раканъ*, негодовавшій даже чистить сапоги г. Случевскому. Одна шліотка, маркиза, прельщается его стихами и желаетъ съ нимъ познакомиться. Три шалуна сговариваются между собою явиться къ ней, одинъ за другимъ, подъ названіемъ *Ракана*. Не успѣваетъ она проводить одного *Ракана*, какъ тотчасъ же передъ ней является и другой. Все остроуміе, вся соль комедіи, весь паеосъ ея, заключаются въ остолбененіи маркизы при видѣ *Ракана* въ трехъ лицахъ. Господа, разрѣшавшіеся (иногда въ сорочкѣ отъ роду) такими комедіями послѣ *Ревизора*, совершенно бывали увѣрены, что дарятъ русскою литературѣ драгоценнѣйшіе перлы. И такихъ господъ не одинъ, не два; а ихъ — десяткомъ. Разумѣется никто изъ нихъ ничего не пишетъ. Авторъ *Ракановъ* почти исключеніе; но за то каждый изъ нихъ такъ ужъ съ виду смотритъ, что какъ-будто сейчасъ сочинять *Ракановъ*. Кстати (про-

стите за отступленіе), премиленъкая вышла бы статейка, еслибъ кто-нибудь изъ нашихъ «фельетонистовъ» взялъ на себя трудъ разсказать всѣ сюжеты такихъ комедій, повѣстей, пословицъ и проч. и проч., мелькающихъ даже до сихъ поръ въ русской литературѣ. Становые, отказывающіеся, по принципу, жениться на генеральскихъ дочеряхъ, — развѣ это не тѣже *Ракамы*, разумѣется въ своемъ родѣ и немного только позлокачественнѣе? Я знаю на-примѣръ сюжетъ одной повѣсти о проглоченныхъ кѣмъ-то маленькихъ часахъ, продолжавшихъ чикать въ желудкѣ, — это верхъ совершенства! Разумѣется она написана, или будетъ написана тоже по принципу, именно: что искусство должно служить само себѣ цѣлю. Ужъ наше время такое: даже сочинители *Ракамовъ* не могутъ теперь обходиться безъ «принциповъ» и «современныхъ вопросовъ». Но къ дѣлу. Спрашиваемъ: что могли до сихъ поръ заключить о насъ иностранцы по таннмъ господамъ? Но, скажутъ намъ, — развѣ только одни такіе господа ѣздили къ иностранцамъ? Развѣ не видали, хотъ бы на-примѣръ французы, такихъ-то, или вотъ, пожалуй, такихъ-то? То-то и есть, что они ихъ до сихъ поръ незамѣтили. А еслибъ и замѣтили, то опять стали бы въ тупикъ. Ну, чтѣ бы, на-примѣръ, могли сказать они человѣку, пріѣхавшему Бюгъ знать откуда и который бы имъ адругъ объявилъ, что они отстаютъ, что свѣтъ ужъ теперь на востокѣ, что спасеніе не въ *légion d'honneur* и такъ далѣе и такъ далѣе, въ этомъ родѣ. Они просто бы не стали его слушать.

— Да, вы многое въ насъ проглядѣли, — сказали бы мы имъ, еслибъ только они могли не проглядѣть, ну и... и еслибъ они насъ стали слушать. — Вы совершенно ничего въ насъ не знаете, повторилъ бы мы имъ, не смотря на то, что вашъ Мериме знаетъ даже древнюю нашу исторію и написалъ что-то въ родѣ начала драмы *le faux Demetrius*, изъ которой впрочемъ столько же можно узнать о русской исторіи, какъ и изъ *Марфы-Посадницы* Карамзина. За-мѣчательно, что самъ *le faux Demetrius* вышелъ у него ужасно похожъ на Александра Дюма, не на героя романа Александра Дюма, но на самого Дюма, настоящаго, маркиза *Davis de la Pailletterie*. Ничего-то вы не знаете ни въ насъ, ни въ нашей исторіи, повторилъ бы вы-вши въ третій разъ, и досихъ поръ знаете только одно: что *женевецъ Лесорть* и т. д. и т. д. Этотъ *женевецъ Лесорть* до того необходимъ въ вашихъ повнавіяхъ о русской исторіи, что я думаю каждая дворянчиха въ Парижѣ уже знаетъ его, и вѣроятно при взглядѣ на русскаго, требующаго у ней въ поздній часъ *le cordon a'il vous plait*, бормочетъ про себя: Вотъ не родился въ Женевѣ *женевецъ Лесорть*, то былъ бы ты же сихъ поръ варваромъ, не пріѣхавъ бы

въ Парижъ, au centre de la civilisation, не будешь бы ты теперь меня ночью и не оралъ бы во все горло: le cordon s'il vous plait! Но не смотря на троекратное повтореніе, что вы вовсе ничего о насъ не знаете, мы вовсе не ставимъ вамъ въ вину, что вы знаете только одного Лесфорта. Ну, Лесфортъ вамъ даже простителенъ, потому что многихъ изъ васъ онъ спасъ отъ голодной смерти. Сколько губернеровъ, учителей — всякихъ Сень-Жеромовъ и Монъ-Розей, прѣвѣзжало къ вамъ встарину изъ-за Рейна для образованія Россіи, ровно ничего не зная ни изъ какой науки, кромѣ того, что женевецъ Лесфортъ и т. д., и за это единственное познаніе, которое они передавали дѣтямъ русскихъ (boyards), они получали отъ насъ и деньги и социальное положеніе. Ну к чему, въ самомъ дѣлѣ, стали бы вы изучать насъ? Гдѣ разумное къ тому основаніе? Тамъ развѣ, для искусства? Но вы народъ дѣловый, практичный, и вѣроятно не станете тратить времени на такіе пустяки, какъ искусство для искусства, хотя и посадили Понсара въ Академію (впрочемъ можетъ быть по тому соображенію, что туда ему и дорога). Ну такъ для науки? Да вѣдь въ томъ-то и дѣло, что мы такой народъ, что до сихъ поръ ни подъ какую науку не moldимъ. Вотъ почему, господа, вы до сихъ поръ не знаете, что если бы у насъ только и было, что одна ваша цивилизація, такъ для насъ это было бы ужь самымъ милымъ и даже обидно. Мы ужь это испробовали и теперь знаемъ все это на опытъ.

Вотъ почему мы знаемъ, а вы не знаете, что ваша цивилизація явилась у насъ какъ плодъ натуральный, потребованный нашей почвой, а не потому только, что былъ на свѣтѣ женевецъ Лесфортъ и т. д. Мало того: что цивилизація уже совершила у насъ весь свой кругъ; что мы уже ее выжили всю; приняли отъ нея все то, что слѣдовало, и свободно обращаемся къ родной почвѣ. Нужды нѣтъ, что не велика еще у насъ масса людей цивилизованныхъ. Не въ величинѣ дѣло, а въ томъ, что уже исторически законченъ у насъ переворотъ европейской цивилизаціи, что наступаетъ другой, и важнѣе всего то, что это уже сознали у насъ. Въ сознаніи-то и все дѣло. У насъ сошлись, что цивилизація только приносить новый элементъ въ народную нашу жизнь, нисколько не повредивъ ей, нисколько не укладывая ее съ ея нормальной дороги, а напротивъ расширявъ нашу кругозоръ; уяснивъ намъ же самимъ наши цѣли и дѣлая намъ новое оружіе для будущихъ подвиговъ. Пусть, пусть создающая наша масса невежка; но дѣло въ томъ, что это уже не Ракавы. Поторопимъ, не въ величинѣ дѣло, а въ томъ, что уже совершился процессъ сознанія; объ массѣ этой вы не имѣете еще никакого понятія. Вы до сихъ поръ (исправней и брѣ всѣ ваши вилонты) убѣждены, что

Россія состоитъ только изъ двухъ сословій: les boyards и les serfs. Но вы долго еще не будете убѣждены, что у насъ давно уже есть нейтральная почва, на которой все сливается въ одно цѣльное, стройное, единодушное, сливаются всѣ сословія, мирно, согласно, братски — и les boyards, которыхъ впрочемъ у насъ никогда не было въ томъ смыслѣ, какъ у васъ на западѣ, т. е. въ смыслѣ побѣдителей и побѣжденныхъ, и les serfs, которыхъ опять тоже не было, въ смыслѣ настоящихъ serf'овъ, такъ, какъ вы понимаете это словечко. И все это сливается такъ легко, такъ естественно, мирно, — главное: мирно, и этимъ — именно мы отъ васъ и отличаемся, потому что вы каждый шагъ свой добывали съ бою, каждое свое право, каждую свою привилегію. Если и есть несогласія, то они только внѣшнія, временныя, случайныя, легко устраняемыя и не вѣющія корней въ почву вашей и мы очень хорошо это понимаемъ. И начало этому порядку положено еще давно, съ незапамятныхъ временъ; оно заложено самой природой въ духѣ русскомъ, въ идеалѣ народномъ, и послѣднее внѣшнее къ тому препятствіе уже уничтожается въ наше время премудрымъ и благословеннымъ царемъ, благословеннымъ изъ благословенныхъ павѣки за то, что онъ для насъ дѣлаетъ. Нѣтъ у насъ сословныхъ интересовъ, потому что и сословія-то въ строгомъ смыслѣ не было. Нѣтъ у насъ галловъ и франковъ, нѣтъ денсовъ, опредѣляющихъ внѣшнимъ образомъ, чего стоитъ человѣкъ; потому что у насъ только одно образованіе и одни нравственныя качества человѣка должны опредѣлять, чего стоитъ человѣкъ; это сознаютъ и это въ убѣжденіяхъ, потому что русскій духъ пошире сословной вражды, сословныхъ интересовъ и денсовъ. Новая Русь уже помаленьку оцѣпывается, уже помаленьку сознаетъ себя и опять-таки вужды нѣтъ, что она не велика. За то она, хоть и безсознательно, живетъ во всѣхъ сердцахъ русскихъ, во всѣхъ стремленіяхъ и позывахъ всѣхъ людей русскихъ. Наша новая Русь поняла, что блинъ только есть цементъ, одна связь, одна почва, на которой все сойдется и примирится, — это всеобщее, духовное примиреніе, начало которому лежитъ въ образованіи. Эта новая Русь уже засвидѣтельствовала себя явленіями органическими и цѣльными, а не неудавшимися копіями и пересадками, какъ выдумаете. Она засвидѣтельствовала себя начинающеюся въ молодомъ поколѣніи новою нравственностью, ревниво и строго слѣдящею за собою; она засвидѣтельствовала себя благороднымъ самоосужденіемъ, строгою совѣтливостью, — что есть признаки величайшей силы и неуклоннаго стремленія къ своему идеалу. Каждый день она разъясняетъ себя все болѣе и болѣе свой идеалъ. Она знаетъ, что она еще только-что начинается, но въ дѣлѣ начало-то и главное; всякое дѣло зависитъ отъ пер-

ваго шага, отъ начала ; она знаетъ, что она уже кончила съ вашей европейской цивилизаціей и теперь начинаетъ новую, неизмѣримо широкую жизнь. И теперь, когда она обращается къ народному началу и хочетъ слиться съ нимъ, она несетъ ему въ подарокъ науку, — то, что отъ васъ съ благоговѣніемъ получила и за что вѣчно будетъ поминать васъ добромъ, — не цивилизацію вашу несетъ она всѣмъ русскимъ, а науку, добытую изъ вашей цивилизаціи, представляетъ ее народу, какъ результатъ своего длиннаго и долгаго путешествія отъ родной почвы въ нѣмецкія земли, какъ оправданіе свое передъ нимъ, и передавая ее ему, будетъ ждать, что слѣдуетъ онъ самъ изъ этой науки. Наука конечно вѣчна и незыблема для всѣхъ и каждого въ основныхъ законахъ своихъ, но прививка ея, плоды ея именно зависятъ отъ національныхъ особенностей, т. е. отъ почвы и народнаго характера.

Но позвольте, скажутъ намъ, что же такое ваша-то національность? Что же такое вы сами, русскіе? Вотъ вы хвалитесь, что мы васъ не знаемъ; но знаете ли вы-то себя? Вы собираетесь перейти къ народному началу и объявляете объ этомъ въ газетахъ, разсылаете при афишахъ? Стало-быть признаетесь, что до сихъ поръ не имѣли никакого понятія о вашемъ «народномъ началѣ», а если и имѣли, то имѣли ложное и отвергали его, именно потому что до сихъ поръ не переходили къ нему. Теперь же вздумали и кричите объ этомъ на всю Европу. Позвольте васъ спросить, что дѣлаетъ курица, когда снесетъ яйцо?

Повторяемъ читателю, что все это говоритъ иностранецъ (ну хоть бы наприимѣръ французъ), не настоящій, но воображаемый, безплотный, фантастическій. Никакого француза мы и въ глаза не видали, когда писали нашу статью.

— Вотъ еще, продолжаетъ онъ, въ вашемъ объявленіи вы изволили помѣстить слѣдующее: вы надѣетесь, что русская идея станетъ современемъ синтезомъ всѣхъ тѣхъ идей, которыя Европа такъ долго и съ такимъ упорствомъ вырабатывала въ отдѣльныхъ своихъ національностяхъ. Это что за новость? что вы подъ этимъ подразумѣваете?

— То есть, отвѣчаемъ мы, вы хотите, милостивый государь, чтобъ вамъ объявили прямо и безъ околичностей, во что мы вѣруемъ?

— Нѣтъ, я вовсе этого не хочу, восклицаетъ нашъ французъ съ нѣкоторымъ испугомъ, предчувствуя, что ему опять придется выслушать нѣсколько страницъ; — я вовсе этого не хочу. Я только хотѣлъ...

— Нѣтъ, милостивый государь, прерываемъ мы, вы хотѣли отвѣта и вы выслушаете нашъ отвѣтъ.

— Онъ заслужилъ розга и полючить розга! подхватываетъ Иванъ Карлычъ, вѣролютно вспоминая то время, когда онъ управлялъ вотчинами господина Буеракина. Теперь же Иванъ Карлычъ, вредчувствуя скорую переимѣну въ бытѣ крестьянъ, вышелъ въ отставку и безъ мѣста; онъ впрочемъ надѣется, что его опять позовутъ! Въ настоящую минуту онъ стоитъ подлѣ насъ (тоже въ качествѣ иностранца), курить свою трубочку, съ которой бывало расхаживалъ по крестьянскимъ работамъ, и молча, но очень серьезно прислушивается къ нашему разговору, въ полномъ убѣжденіи, что выражаетъ въ своей физіономіи чрезвычайно много самой тонкой проны.

— Мы вѣруемъ, повторяемъ мы...

Но позвольте, читатель, позвольте намъ еще разъ одно отступленіе; позвольте сказать только нѣсколько постороннихъ словъ, не потому чтобъ они были здѣсь очень необходимы, а такъ... потому что они сами просятся на бумагу. Простите за искренность.

Всегда есть въ ходу нѣсколько такихъ мнѣвій и убѣжденій, въ которыхъ современники какъ-будто боятся признаться и отрекаются отъ нихъ передъ свѣтомъ, не смотря на то, что потихоньку ихъ раздѣляютъ. Особенно это бываетъ въ ниня эпохѣ, такъ что становится замѣтно снаружи даже совершенно постороннему наблюдателю. Мы понимаемъ, что можетъ быть много и хорошахъ къ тому побужденій: можно наприимѣръ слишкомъ бояться за истину, за ея успѣхъ; бояться ее компрометировать, высказавъ ее не впопадъ. Можно быть благородно-мнительнымъ, недовѣрчивымъ. Все это бываетъ. Но часто и даже большею частію мы любимъ *уменьшать* изъ какого-то внутренняго, затаившагося въ насъ іезуитизма, главный рычагъ котораго — наше самолюбіе, раздраженное до тщеславія. Одинъ скептикъ сказалъ, что нашъ вѣкъ есть вѣкъ раздраженныхъ самолюбій. — Обвинять цѣлый свѣтъ — это слишкомъ; но нельзя не согласиться, что все на свѣтѣ снесетъ иной современный человекъ, какое хотите безчестіе, — даже названія подлеца, мошенника, вора, если только эти названія не совсѣмъ ясно, не совсѣмъ осязательно высказаны, облечены, такъ-сказать, въ мягкія свѣтскія формы... Одной только насмѣшкой надъ умомъ своимъ онъ не снесетъ, не проститъ, никогда не забудетъ и съ наслажденіемъ отмстятъ за нее при случаѣ. Спѣшимъ оговориться. Я говорю про многаго современнаго человека, а не про всѣхъ современниковъ. Можетъ быть, это именно оттого происходитъ, что въ наше время всѣ начинаютъ все сильнѣе и больнѣе чувствовать и даже понемногу сознавать,

что всякій человѣкъ во-первыхъ самого себя стóитъ, а во-вторыхъ, какъ человѣкъ, стóитъ и всякаго другого именно потому, что онъ тоже человѣкъ, но имѣя своего человѣческаго достоинства. А потому и начинаетъ требовать отъ профессоровъ гуманности и отъ общества ими руководимаго — къ себѣ уваженія. А такъ какъ сила ума есть единственное неизбежное и неоспоримое преимущество одного человѣка передъ другимъ, то никто и не хочетъ склониться передъ этимъ преимуществомъ до тѣхъ самыхъ поръ, пока одаренные преимуществомъ ученики не перестанутъ гордиться имъ и не будутъ считать скудоуміе за что-то позорное и достойное вѣдой насмѣшки. Вотъ почему никто и не хочетъ быть дуракомъ и такимъ образомъ невольно вылазетъ въ ошибку противъ своего же человѣческаго достоинства. Дуракъ-то именно и не долженъ бы былъ краснѣть за свою глупость, потому что не виноватъ, если природа родила его дуракомъ.... Но видна инициатива должна выйти отъ привилегированныхъ умниковъ; дураку же простительно, если онъ не умѣе умныхъ людей. Я знаю наврѣдъ одного... ну хоть промышленника (вѣдь нынче въ ходу промышленность, даже въ литературѣ. Ктому же промышленникъ — это такое общее, безобидное слово, почти отвлеченное)... Такъ вотъ, еслибъ кто спросилъ этого промышленника, что ему будетъ пріятнѣе: названіе мошенника или дурака? то онъ, я увѣренъ въ этомъ, немедленно согласился бы на мошенника, не смотря на то, что онъ хоть и въ самомъ дѣлѣ мошенникъ, но все-таки гораздо болѣе дуракъ, чѣмъ мошенникъ, и самъ это знаетъ и знаетъ еще, что и всѣ это знаютъ. Вотъ почему люди въ нашъ вѣкъ бываютъ иногда уже слишкомъ робки на выраженіе своихъ убѣжденій, даже самыхъ задушевныхъ. Они именно боятся, что ихъ назовутъ отсталыми, немудрыми. Умъ, умъ, самая тревожная боязнь за свой умъ, — вотъ въ чемъ главное дѣло! Умалчивая о своихъ убѣжденіяхъ, они охотно и съ яростію будутъ подаивать тому, чему престо не вѣрять, надъ чѣмъ въ тихомолку смѣются, — и все это изъ-за того только, что оно въ модѣ, въ ходу, установлено старшими, авторитетами. Какже можно пойти противъ авторитетовъ! А между тѣмъ кто искренно убѣжденъ, тотъ кажется долженъ бы уважать свои убѣжденія; а уважающій свои убѣжденія долженъ хоть что-нибудь для нихъ сдѣлать. Всякій честный человѣкъ обязанъ... и т. д. и т. А Ну, ужъ это пошло у васъ изъ провинсей, скажетъ читатель и пожелай бросить читать.

Въ самомъ дѣлѣ, только что захочешь высказать, по своему убѣжденію, истину, тотчасъ выходитъ какъ-будто изъ провинсей! Что за фокусъ! Почему множество современныхъ истинъ, въ

сказанныхъ чуть-чуть въ патетическомъ тонѣ, сейчасъ же смахиваютъ на прописи? Отчего въ нашъ вѣкъ, чтобы высказать истину, все болѣе и болѣе ощущается потребность прибѣгать къ юмору, къ сатирѣ, къ прописи; подслащать или истину, какъ-будто горькую вишню; представлять свое убѣжденіе публикѣ съ отгѣннымъ какою-то высокоумнаго къ нему равнодушію, даже съ отгѣнными отгѣнкомъ неуваженія, — однимъ словомъ, съ какой-то подленькой уступочной. По нашему мнѣнію, честному человѣку не слѣдуетъ краснѣть за свои убѣжденія, даже еслибъ они были и изъ прописей, особенно если онъ въ нихъ вѣруеть. Мы говоримъ особенно, потому что вѣдь есть и такіе убѣжденные, которые сами въ свои убѣжденія не вѣрують и, убѣждая другихъ, поминутно задають себѣ вопросъ: да ужь не врешь ли ты, братецъ? а между тѣмъ горячатся за эти убѣжденія до ярости, и иногда вовсе не потому чтобы хотѣли обманывать людей. Я зналъ одного господина, одного убѣжденного, который самъ въ этомъ сознавался. Онъ принадлежалъ къ тому разряду безспорно-умныхъ людей, которые всю жизнь только и дѣлають, что одинъ глупости. Кстати: люди ограниченныя, тупые, гораздо меньше дѣлають глупостей, чѣмъ люди умные, — отчего это? И когда мы стали спрашивать этого сознававшегося господина: для чего жь онъ убѣждаетъ другихъ, если самъ не вѣруеть? и откуда онъ беретъ весь этотъ жаръ, всю эту ярость убѣжденія, если самъ въ своихъ словахъ сомнѣвается, — то онъ отвѣчалъ, будто оттого и горячится, что все пробуетъ самого себя убѣдить. Вотъ что значить полюбить идею снаружн, изъ одного къ ней пристрастія, не доказавъ себѣ (и даже болѣе доказывать), вѣрна она или нѣтъ? А кто знаетъ, вѣдь можетъ и правда, что нынѣ всю жизнь горячатся даже съ ивною у рта, убѣждая другихъ, единственно чтобы самимъ убѣдиться, да такъ и умирають неубѣжденные... Но дозволю!.. Мы убѣдили себя окончательно. Пусть же теперь про насъ думаютъ, что мы увлекаемся своей идеей, что она невѣрна, неосновательна; что мы преувеличиваемъ; что въ насъ слишкомъ много юношескаго жара или жажалуй старческаго скудоумія, что въ насъ мало такта и проч. и проч. Пусть думаютъ! Вѣдь мы увѣрены, что не можемъ никому повредить, высказать прямо то, во что вѣруемъ. Отчего же не говорить? Отчего же именно невѣрно молчать?

III

Да, мы вѣруемъ, что русская нація — необыкновенное явленіе въ исторіи всего человѣчества. Характеръ русскаго народа до того не

похожъ на характеры всѣхъ современныхъ европейскихъ народовъ, что европейцы до сихъ поръ не понимаютъ его и понимаютъ въ немъ все обратно. Всѣ европейцы идутъ къ одной и той же цѣли, къ одному и тому же идеалу; это безспорно такъ. Но всѣ они раздѣляются между собою почвенными интересами, исключительнымъ другъ къ другу до непримиримости, и все болѣе и болѣе расходятся по разнымъ путямъ, уклоняясь отъ общей дороги. Повидимому каждый изъ нихъ стремится отыскать общечеловѣческій идеалъ у себя, своими собственными силами и потому всѣ вмѣстѣ вредятъ сами себѣ и своему дѣлу. Потворяемъ теперь серьезно то, что сказали выше въ шутку: англичанинъ до сихъ поръ не можетъ понять никакой разумности во французѣ и обратно французъ въ англичанинѣ, и это не только у нихъ сборное мнѣніе, инстинктивное чувство всей націи, но замѣчается даже въ первыхъ людяхъ, въ предводителяхъ обѣихъ націй. Англичанинъ смѣется надъ своимъ сосѣдомъ при всякомъ случаѣ, и съ непримиримою ненавистью глядитъ на національныя его особенности. Соперничество лишаетъ ихъ наконецъ безпристрастія. Они перестаютъ понимать другъ друга; они раздѣльно смотрятъ на жизнь, раздѣльно вѣруютъ и поставляютъ это себѣ за величайшую честь. Они все упорнѣе и упорнѣе отдѣляются другъ отъ друга своими правилами, нравственностью, взглядомъ на весь Божій міръ. И тотъ и другой во всемъ мірѣ замѣчаютъ только самихъ себя, а всѣхъ другихъ — какъ личное себѣ препятствіе, и каждый отдѣльно у себя хочетъ совершить то, что могутъ совершить только всѣ народы, всѣ вмѣстѣ, общими соединенными силами. Что же? Неужели это только остатки старинныхъ соперничествъ? Неужели причины раздѣленія надо искать во времена Жанны д'Аркъ или крестовыхъ походовъ? Неужели цивилизація такъ бессильна, что не могла одолѣть до сихъ поръ эти ненависти. Не искать ли ихъ скорѣе въ самой почвѣ, а не въ случайностяхъ, въ крови, въ цѣломъ духѣ обѣихъ народовъ? Большею частію такъовы и всѣ европейцы. Идея общечеловѣчности все болѣе и болѣе стирается между ними. У cadaго изъ нихъ она получаетъ другой видъ, тускнѣетъ, принимаетъ въ сознаниі вѣлую форму. Христіанская связь, до сихъ поръ ихъ соединявшая, съ каждымъ днемъ теряетъ свою силу. Даже наука не въ силахъ соединить все болѣе и болѣе расходящихся. Положимъ, они отчасти правы въ томъ отношеніи, что эти-то исключительности, это взаимное соперничество, эта-то замкнутость отъ всѣхъ въ самихъ себя, эта гордая надежда на себя одного — и придаютъ каждому изъ нихъ такія исполнскія силы въ борьбѣ съ препятствіями на пути. Но тѣмъ самымъ эти препятствія все болѣе и болѣе увеличиваются и

умножаются. Вотъ почему европейцы совершенно не понимаютъ русскихъ и величайшую особенность въ ихъ характерѣ назвали безличностью. Мы согласны, что выговариваемъ все это бездоказательно. Доказывать все это теперь мы считаемъ не въ предѣлахъ нашей статьи. Но съ нами согласятся по крайней мѣрѣ, что въ русскомъ характерѣ замѣчается рѣзкое отличіе отъ европейскаго, рѣзкая особенность, что въ немъ по преимуществу выступаетъ способность высоко-синтетическая, способность всепримиримости, всечеловѣчности. Въ русскомъ человѣкѣ нѣтъ европейской углавости, непроницаемости, неподатливости. Онъ со всѣми уживается и во все вживается. Онъ сочувствуетъ всему человѣческому въ различіи національности, крови и почвы. Онъ находитъ и немедленно допускаетъ разумность во всемъ, въ чемъ хоть сколько-нибудь есть общечеловѣческаго интереса. У него инстинктъ общечеловѣчности. Онъ инстинктомъ угадываетъ общечеловѣческую черту даже въ самыхъ рѣзкихъ исключительностяхъ другихъ народовъ; тотчасъ же соглашается, примиряетъ ихъ въ своей идеѣ, находитъ имъ мѣсто въ своемъ умозаключеніи и нерѣдко открываетъ точку соединенія и примиренія въ совершенно-противоположныхъ, соперническихъ идеяхъ двухъ различныхъ европейскихъ націй, — въ идеяхъ, которыя сами собою, у себя дома, еще до сихъ поръ, къ несчастью, не находятъ способа примириться между собою, а можетъ быть и никогда не примирятся. Въ то же самое время въ русскомъ человѣкѣ видна самая полная способность самой здоровой надъ собой критики, самого трезваго на себя взгляда и отсутствіе всякаго самовозвышенія, вредящаго свободѣ дѣйствія. Разумѣется мы говоримъ про русскаго человѣка вообще, собирательно, въ смыслѣ всей націи. Даже физическими способностями русскій непохожъ на европейцевъ. Всякій русскій можетъ говорить на всѣхъ языкахъ и изучитъ духъ каждаго чуждаго языка до тонкости, какъ бы свой собственный русскій языкъ, — чего нѣтъ въ европейскихъ народахъ, *въ смыслѣ всеобщей народной способности*. Неужели же это не указываетъ на что-нибудь? Неужели это только одно случайное, безцѣльное явленіе? Неужели по такимъ явленіямъ нельзя осмыслить и хоть отчасти предугадать хоть что-нибудь въ будущемъ развитіи нашего народа, въ его стремленіяхъ и дѣлахъ? И вотъ эта-то нація, ослепленная обстоятельствами, столько вѣковъ враждебно смотрѣла на Европу и упорно не хотѣла жить съ нею и не предчувствовала своей будущности! Петръ почувствовалъ въ себѣ какимъ-то инстинктомъ новую силу и угадалъ потребность расширенія взгляда и поля дѣйствія для всѣхъ русскихъ — потребность, скрытую въ нихъ безсознательно и безсознательно вырывавшуюся наружу и

которая была въ ихъ крови еще съ славянскихъ временъ. Говорить, что онъ хотѣлъ сдѣлать изъ Россіи только Голландію? Не знаемъ; лицо Петра, не смотря на всѣ историческія разъясненія и изысканія послѣдняго времени, до сихъ поръ еще очень для насъ загадочно. Мы понимаемъ только одно: что нужно было быть самымъ оригинальнѣйшимъ, чтобы, бывъ Московскимъ царемъ, вздумать — не только полюбить, но даже воѣхать въ Голландію. Неужели-жъ одинъ женевецъ Лесорть былъ и въ самомъ дѣлѣ всему причиною? Во всякомъ случаѣ въ лицѣ Петра мы видимъ примѣръ того, на что можетъ рѣшиться русскій человѣкъ, когда онъ выживетъ себѣ полное убѣжденіе и почувствуетъ, что пора пришла, а въ немъ самомъ уже созрѣли и сказались новыя силы. И страшно, до какой степени свободенъ духомъ человѣкъ русскій, до какой степени сильна его воля! Никогда никто не отрывался такъ отъ родной мочвы, какъ приходилось иногда ему, и не поворачивалъ такъ круто въ другую сторону, вслѣдъ за своимъ убѣжденіемъ! И кто знаетъ, господа иностранцы, можетъ быть Россіи именно предназначено ждать, пока вы кончите; тѣмъ временемъ проникнуться вашей идеей, понять ваши идеалы, цѣли, характеръ стремленій вашихъ; согласить ваши идеи, возвысить ихъ до общечеловѣческаго значенія, и наконецъ, свободной духомъ, свободной отъ всякихъ постороннихъ, сословныхъ и почвенныхъ интересовъ, двинуться въ новую, широкую, еще невѣдомую въ исторіи дѣятельность, начавъ съ того, чѣмъ вы кончите, и увлечь васъ всѣхъ за собою. Сравнилъ же нашъ поэтъ Лермонтовъ Россію съ Иллей-Муромцемъ, который тридцать лѣтъ сидѣлъ сидѣмъ и вдругъ пошелъ, только лишь сознавъ въ себѣ богатырскую силу. Къ чему же дѣлаютъ такія богатые и оригинальныя способности русскимъ? Неужели же для того, чтобы ничего не дѣлать? Можетъ быть намъ скажутъ: Откуда вѣвась столько хвастливости, откуда такое высокомеріе? Гдѣ же ваша способность самоосужденія, гдѣ нашъ трезвый взглядъ, которыми вы такъ хвалялись? Но, отвѣтимъ мы, если мы начали съ того, что вынесли столько самоосужденія, которому сами такъ долго себя подвергали, то можемъ вынести и другую правду, хотя бы она была и совершенно обратна самоосужденію. На нашей памяти, какъ мы бранили себя славянами, за то, что не могли сдѣлаться теперешними европейцами. Неужели-жъ нельзя сознаться теперь, что мы тогда говорили вздоръ? Мы не отвергаемъ способности самоосужденія, любимъ ее и именно признаемъ ее за лучшую сторону русской природы, за ее особенность, за то, чего у васъ вовсе нѣтъ. Мы знаемъ, что еще много намъ предстоитъ упражняться въ самоосужденіи, даже, можетъ быть, чѣмъ дальше,

тѣмъ больше. Попробуйте однакожъ затронуть француза, ну хотя въ крабости, или въ его *legion d'honneur's*. Затроньте англичанина хоть-бы въ самой малѣйшей домашней его привычкѣ, и увидите, что они вамъ скажутъ: Почему же не похвалиться, что въ насъ русскихъ нѣтъ такой щепетильности и обидчивости, исключая можетъ быть однихъ такъ называемыхъ литературныхъ генераловъ нашихъ. Мы вѣруемъ въ силу русскаго духа не менѣе, чѣмъ кто-бы-то ни было. Неужели онъ не вынесетъ похвалы? Нѣтъ, господа европейцы! Не спрашивайте пока отъ насъ доказательствъ нашего мнѣнія о васъ и о себѣ и постарайтесь прежде получше узнать насъ, если только вамъ будетъ на это досугъ. Вотъ, вы уверены, что мы свистали при вашихъ неудачахъ, надменно радовались имъ и плевали на ваши усилія, когда вы такъ мужественно и великодушно ринулись было на новый путь прогресса. Нѣтъ, нѣтъ, старшіе братья наши, любезные и дорогие, мы вамъ не свистали, не радовались неудачамъ вашимъ. Мы иногда даже плакали вмѣстѣ съ вами. Вы конечно сейчасъ же удивитесь и спросите: да чего же вы-то плакали? Вамъ-то что было за дѣло? Вѣдь вы тутъ совершенно были съ боку припека? Ахъ, господа, отвѣтимъ мы вамъ, да вѣдь въ томъ-то все и дѣло, что съ боку припека, а между-тѣмъ вамъ сочувствовали! Въ томъ-то вся и загадка. Вотъ вы, напримеръ, откуда-то взяли, что мы фанатики, т. е. что нашего солдата у насъ возбуждаютъ фанатизмомъ. Господи Боже! Еслибъ вы знали, какъ это смѣшно! Есть ли есть на свѣтѣ существо вполне не причастное никакому фанатизму, такъ это именно русскій солдатъ. Тѣ нѣтъ васъ, кто бывалъ и живалъ съ солдатами, знаютъ это до точности. Еслибъ вы знали, какіе это милые, симипатичные, родные типы! О, еслибы вамъ удалось прочесть хоть рассказы Толстаго; тамъ кое-что такъ вѣрно, такъ симпатично схвачено! Да что! неужели Севастополь русскіе защищали изъ религіознаго фанатизма? Я думаю ваши храбрые зуавы хорошею познакомились съ нашими солдатиками и знаютъ ихъ. Много ли они отъ нихъ видѣли ненависти? И какъ хорошо знаете вы тоже нашихъ офицеровъ! Вы задали себѣ, что у насъ всего только два сословія: *les boyards* и *les serfs*; на томъ и сидите. Какіе тутъ *boyards*! Положимъ, что у насъ довольно вѣльно опредѣлены сословія. Но во всѣхъ сословіяхъ нашихъ гораздо болѣе точекъ соединенія, чѣмъ разъединенія, а въ этомъ все и дѣло. Это залогъ нашего всеобщаго мира, спокойствія, братской любви и процвѣтанія. Всякій русскій прежде всего русскій, а вотомъ уже принадлежитъ къ какому-нибудь сословию. Не такъ у васъ, и мы васъ сожалѣемъ. У васъ бываетъ даже совершенно обратно. Изъ сословнаго интереса у васъ пред-

валась иногда въ жертву вся нація и даже очень недавно, даже иногда и теперь, даже навѣрно еще много разъ будетъ. Значить, еще очень сильны у васъ сословія и всякія корпораціи. Вы съ удивленіемъ спрашиваете: но гдѣ же ваше-то хваленое развитіе, въ чемъ прогрессъ вашъ? кажется на дѣлѣ невидно того? Нѣтъ, видно, отвѣчаемъ мы, да вамъ-то невидно; вы не туда смотрите. Довольно ужъ и того, что оно въ духѣ и въ потребностяхъ всего народа; довольно и того, что хоть самое маленькое меньшинство наше начинаетъ соглашаться между собою хоть въ общемъ, хоть въ цѣломъ. Не называйте насъ надменными и недальновидными скороспѣлками. Нѣтъ, мы давно уже во все вглядываемся, все анализируемъ; задаемъ себѣ загадки; тоскуемъ и мучимся разгадками. Анализъ начался у насъ недавно, но по нашему очень давно, и мы даже самимъ себѣ надоѣли этимъ до тошноты. Вѣдь мы тоже жили и много дрожали. А кстати: не рассказать ли вамъ нашу *собственную* повесть, повесть нашего развитія, нашего роста? Разумѣется мы не начнемъ съ Петра Великаго; мы начнемъ съ недавняго времени, именно съ того, когда во все образованное сословіе наше вдругъ сталъ проникать анализъ. Извольте. Бывали минуты, что мы, т. е. цивилизованные, и въ себя не вѣрили. Поль-де-Кока мы еще тогда читали, но съ презрѣніемъ отвергали Александра Дюма и всю компанію. Мы набросались на одного Жоржъ-Занда и — Боже, какъ мы тогда зачитались! Андрей Александровичъ купно съ г. Дудышкинымъ, поселившимся въ «Отечественныхъ Запискахъ» послѣ Бѣлинскаго, еще до сихъ поръ вспоминаютъ Жоржъ-Занда; прочтите объявленіе объ ихъ журналѣ на 61 годъ. Тогда мы смиренно выслушивали ваши приговоры о насъ самихъ и вамъ же усердно поддакивали. Да; мы поддакивали и — не знали, что дѣлать. Отъ нечего дѣлать мы основали тогда натуральную школу. И сколько у насъ проявилось талантливыхъ натуръ! не писателей талантливыхъ, — тѣ особо; а натуръ, талантливыхъ во всѣхъ отношеніяхъ. Господинъ надворный совѣтникъ Щелринъ звасть, что означаетъ это словечко. И какъ эти талантливыя природы ломались и кривлялись тогда передъ нами, а мы ихъ разглядывали, пересуживали, осмѣивали ихъ въ глаза и заставляли ихъ же смѣяться надъ самими собою. И они смѣялись надъ собою, но какъ-то по принципу и съ какой-то отъратительной затаенной злобой. Тогда все дѣлалось по принципу; мы и жили по принципу и ужасно боялись сдѣлать что-нибудь не по новымъ идеямъ. Родилось у насъ тогда какое-то усиленное самообвиненіе и самоуличеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ наперерывъ уличали и обличали другъ друга; и, Господи, какъ они всѣ тогда смелничали! И вѣдь все это было большею частію искренно. Конечно являлись

между ними и промышленники; но были и самые искренніе, такъ, съ дуру, изъ прекраснаго чувства. Случалось, что иной искренній господинъ вдругъ, на единѣ, какъ-нибудь вечеркомъ, вломится въ душу другого искренняго господина и начнетъ ему повѣствовать о своихъ погибельныхъ дняхъ и «какой-дескать я выхожу подлецъ.» Другой разчувствуется и начнетъ съ своей стороны тоже самое. И вотъ пустатся одинъ передъ другимъ наперерывъ, даже клеветнуть на себя отъ излишняго жара, точно хвалатся. И наговорятъ они оба взаимно столько о себѣ самихъ мерзостей, что на другой день даже стыдно имъ встрѣтиться другъ съ другомъ; такъ и избѣгаютъ другъ друга. Были у насъ и байроническія натуры. Онѣ болѣею частію сидѣли сложа руки и... даже ужъ и не проклинали. Такъ только лѣниво иногда ослаблялись. Онѣ даже смѣялись надъ Байрономъ за то, что онъ такъ серлился и плакалъ, что лорду ужъ и совѣтъ неспрашивали. Онѣ говорили, что и не стоило сердиться и проклинять, — что ужъ такъ все гадко, что даже пальцемъ пошевелить не хочется, и что хорошій обѣдъ всего дороже. И когда онѣ говорили это, — мы съ благоговѣніемъ внимали ихъ словамъ, думая видѣть въ ихъ мнѣніи о хорошемъ обѣдѣ какую-то таинственную, тончайшую и ядовитѣйшую иронию. А тѣ уплетали себѣ въ ресторанахъ и жирѣли не по днямъ, а по часамъ. И какіе изъ нихъ бывали краснощекіе! Иные же не останавливались на пропіи жирнаго обѣда и шли все дальше и дальше; они преусердно начали набивать свои карманы и опустошать карманы ближняго. Многіе пошли потомъ въ шулера. А мы смотрѣли съ благоговѣніемъ, разиня ротъ и удивляясь. Чтожъ? говорили мы другъ другу, вѣдь это у нихъ тоже по привычку; надо же взять отъ жизни все, что она можетъ дать. И когда они, на нашихъ глазахъ, моровали платки изъ кармановъ, то мы даже и въ этомъ находили какую-то утонченность байронизма, дальнѣйшее его развитіе, еще неизвѣстное Байрону. Мы ахали и грустно качали головами. — «Вотъ до чего, говорили мы, можетъ довести отчаяніе; человѣкъ сгораетъ добромъ, предисполненъ благороднѣйшаго негодованія, кипитъ жаждой дѣятельности, но дѣйствовать ему не даютъ, его обрѣзали, и вотъ — онъ съ демоническимъ хохотомъ передергиваетъ въ карты и воруетъ платки изъ кармановъ.» И какъ чистосердечны, какъ ясны душой вышли многіе изъ насъ изъ всего этого срама. Куда многіе! — почти всѣ, кромѣ разумѣется Байроновъ. Были у насъ и высоко-чистые сердцемъ, которымъ удалось высказать горячее, убѣжденное слово. О, тѣ не жаловались, что имъ не дадутъ высказаться, что обрѣзаютъ ихъ поле дѣятельности, что антрепренеры высасываютъ изъ нихъ послѣдніе соки, т. е. они и

жаловались, но не складывали рукъ и дѣйствовали какъ могли, а и все-таки дѣйствовали, хоть что-нибудь да дѣлали и... многое, очень многое сдѣлали! Они были невинны и простодушны, какъ дѣти, и всю жизнь не понимали своихъ сотрудниковъ—Байроновъ, и умерли — невинными страдальцами. Миръ праху ихъ! Были у насъ и демоны, настоящіе демоны; ихъ было два, и какъ мы любили ихъ, какъ до сихъ поръ мы ихъ любимъ и цѣнимъ! Одинъ изъ нихъ все смѣялся; онъ смѣялся всю жизнь и надъ собой и надъ нами, и мы всѣ смѣялись за нимъ, до того смѣялись, что наконецъ стали плакать отъ нашего смѣха. Онъ постигъ назначеніе поручика Пропова; онъ изъ пропавшей у чиновника шивели сдѣлалъ намъ ужаснѣйшую трагедію. Онъ разсказалъ намъ въ трехъ строкахъ всего рязанскаго поручика, — всего, до послѣдней черточки. Онъ выводилъ передъ нами приобрѣтателей, кулаковъ, обирателей и всякаго засѣдателя. Ему стоило указать на нихъ пальцемъ, и уже налбу ихъ закидалось клеймо на вѣки вѣковъ, и мы уже наизусть знали: кто они и, главное, какъ называются. О, это былъ такой колоссальный демонъ, котораго у насъ никогда не бывало въ Европѣ и которому вы бы не можете быть и не позволили быть у себя. Другой демонъ, — по другому мы не можемъ быть еще больше любими. Сколько онъ написалъ намъ превосходныхъ стиховъ; писалъ онъ и въ альбомы, по даже самъ Г.— бовъ посовѣстился бы назвать его альбомнымъ котомъ. Онъ проклиная и мучился, и вправду мучился. Онъ металъ и прощаль, онъ писалъ и хохоталъ — былъ всыкодушенъ и смѣшонъ. Онъ любилъ нашептывать странныя сказки заснувшей молодой дѣвочки и смущалъ ее дѣвственную ировь и рисовалъ черезъ ней странныя видѣнія, о которыхъ еще ей не слѣдовало бы грѣзить, особенно при такомъ высоко-нравственномъ воспитаніи, которое она получила. Онъ разсказывалъ намъ свою жизнь, свои любовныя продѣлки: вообще онъ насъ какъ-то мистифицировалъ; не то говоритъ серьезно, не то смѣется надъ нами. Наши чиновники знали его наизусть и вдругъ всѣ начали корчить меществослей, только что выйдуть бывало изъ департамента. Мы не соглашались съ нимъ никогда, намъ становилось и тяжело и досадно и грустно, и жаль кого-то, и злоба брала насъ. Наконецъ ему наскучило съ нами; онъ нигдѣ и ни съ кѣмъ не могъ ужиться; онъ пропалъ насъ и осмѣялъ «насмѣшкой горькою обманутаго сына надъ прозотавшимся отцомъ,» и улетѣлъ отъ насъ,

И надъ вершинами Кавказа
Изгнанникъ рая пролеталъ.

Мы долго слѣдили за нимъ, но наконецъ онъ гдѣ-то погибъ —

безцѣльно, капризно и даже смѣшно. Но мы не смѣлялись. Намъ тогда вообще было не до смѣху. Теперь дѣло другое. Теперь Богъ послалъ намъ благодѣтельную гласность, и намъ вдругъ стало несладко. Мы какъ-то вдругъ поняли, что все это мезистофельство, все эти демоническія начала мы какъ-то рано на себя напустили, что намъ еще рано проклинать себя и отчаяваться, не смотря на то, что еще такъ недавно господишъ Ламанскій среди всего пассажа доложилъ намъ, что мы не соврѣли. Господи, какъ мы обидѣлись! Господишъ Погодишъ прискакалъ изъ Москвы на почтовыхъ, запыхавшись, и тутъ же началъ всевародно утѣшать насъ и разушвется тотчасъ же насъ увѣрилъ (даже безъ большого труда), что мы совершенно соврѣли. Съ тѣхъ поръ мы такіе гордые. У насъ Щедришъ, Розенгеймишъ... Помнимъ мы появленіе г-на Щедрина въ Русскомъ Вѣстникѣ. О, тогда было такое радостное, полное надеждъ время! Вѣдь выбрала же г. Щедринъ минутку, когда явиться. Говорить въ Русскомъ Вѣстникѣ прибавилось вдругъ столько водопечниковъ, что и сосчитать нельзя было, не смотря на то, что почтенный журналъ ужъ и тогда начиналъ толковать о Кавурѣ, объ англійскихъ лордахъ и фермерствѣ. Съ какою жадностью читали мы о Живоглотахъ, о поручикѣ Живогловскомъ, о Поручикѣ Петровичѣ, объ озорникахъ и тамантливыхъ натурахъ, — читали и дивились ихъ появленію. Да гдѣ жъ они были, спрашивали мы, гдѣ жъ они до сихъ поръ прятались? Конечно востояціе живоглоты только носмѣввались. Но всего болѣе насъ поразило то, что г. Щедринъ едва только оставилъ сѣверный градъ, Сѣверную Пальмиру (по всегдашнему выраженію г. Булгарина — миръ праху его!), какъ тотчасъ же у него и замолчали подъ перомъ и Аринушки, и несчастныя съ ихъ крутогоревой нормальщидой, и скитникъ, и макушка Мавра Кузьмовича, и замелькали какъ-то странно, какъ-то особенно... Точно непременно такъ ужъ выходило, что какъ-только выйдешь изъ Пальмиры, то немедленно замѣтишь всѣхъ этихъ Аринушекъ и запоешь новую пѣсню, забывъ и Жоржъ-Завдъ, и Отечественныя Записки, и г. Пашева, и всѣхъ, и всѣхъ. И вотъ разлилась какъ море благодѣтельная гласность; громко звякнула лира Розенгейна; раздался густой и солидный голосъ г. Громеки, мелькнули братья Мелеанты, закинули безсчетные пиксы и зеты, съ жалобами другъ на друга въ газетахъ и современныхъ изданіяхъ; явились поэты, прозаики, и все обвинительные... явились такіе поэты и прозаики, которые никогда бы не явились на свѣтъ, еслибы не было обвинительной литературы. О, не думайте, гг. европейцы, что мы пропустили Островскаго. Нѣтъ; ему не въ обвинительной литературѣ мѣсто. Мы знаемъ его мѣсто. Мы уже говорили не

разъ, что вѣруемъ въ его новое слово и знаемъ, что онъ, какъ художникъ, угадалъ то, что намъ снилось еще даже въ эпоху демоначескихъ началъ и самоуличеній, даже тогда, когда мы читали безсмертныя похождения Чичикова. Грезилось и желалось все это намъ, какъ дожда на сухую почву. Мы даже боялись и высказать, чего намъ желалось. Г. Островскій не побоялся., но объ Островскомъ потомъ. Мы не располагали объ немъ говорить теперь; мы только хотѣли поговорить о благодѣтельной гласности. О, не вѣрьте, не вѣрьте, почтенные ввоземцы, что мы боимся благодѣтельной гласности, только что завели, и испугались ея и причесали отъ нея. Ради Бога, шуще всего не вѣрьте Отечественнымъ Завскамъ, которые смѣшиваютъ гласность съ литературой скамаловъ. Это только показываетъ, что у насъ еще много господъ, точно съ ободранной кожей, около которыхъ только пахнѣ вѣтромъ, такъ ужъ имъ и больно; что у насъ еще много господъ, которые любятъ читать про другихъ и боятся, когда другіе прочтутъ что-нибудь и про нихъ. Нѣтъ, мы любимъ гласность и ласкаемъ ее, какъ новорожденное дитя. Мы любимъ этого маленькаго бѣсенка, у котораго только что прорѣзались его маленькіе, крѣпкіе и здоровые зубенки. Онъ иногда невпопадъ кусаетъ; онъ еще не умѣетъ кусать. Часто, очень часто не знаетъ кого кусать. Но мы смѣемся его шалостямъ, ея дѣтскимъ ошибкамъ и смѣемся съ любовью, что же? дѣтскій возрастъ, простиительно! Грѣшныя люди — мы даже смѣялись за нихъ, когда онъ не побоялся «оскорбить своей насмѣшкой» даже самихъ братьевъ Мелсантовъ, столь почтенныхъ и столь невзвѣжныхъ, которыхъ имя такъ неожиданно вдругъ прогремѣло по всей Россіи... Нѣтъ; мы не боимся гласности, мы не омущаемся ею. Это все отъ здоровья, это все молодые соки, молодая неопытная сила, которая бьетъ здоровымъ ключемъ и рвется наружу!.. все хорошее, хорошіе признаки!..

IV

Но что мы говоримъ о гласности! Всегда, во всякомъ обществѣ, есть такъ называемая золотая посредственность, претендующая на первенство. Эти золотые страшно самолюбивы. Они съ уничтожающимъ презрѣніемъ и съ нахальною дерзостью смотрятъ на всѣхъ неблестящихъ, неизвѣстныхъ, еще темныхъ людей. Они-то первыя и начинаютъ бросать камни въ каждаго новатора. И какъ они злы, какъ тупы бываютъ въ своемъ преслѣдованіи всякой новой идеи, еще неуспѣвшей войти въ сознаніе всего общества. А по-

тѣмъ какіе крикуны выходятъ изъ нихъ, какіе рьяные и вѣсть съ тѣмъ тупые послѣдователи этой же самой идеи, когда она получаетъ преобладающее значеніе въ обществѣ, не смотря на то что они ее и преслѣдовали въ началѣ. Разумѣется они поймутъ наконецъ новую мысль, но поймутъ всегда послѣ всѣхъ, всегда грубо, ограниченно, туго и никакъ не допускаютъ соображенія, что если идея вѣрна, то она способна къ развитію, а если способна къ развитію, то непрерывно современемъ должна уступить другой идеѣ, изъ нея же вышедшей, ее же дополняющей, но уже соответствующей новымъ потребностямъ новаго поколѣнія. Но золотые не понимаютъ новыхъ потребностей, а что касается до новаго поколѣнія, то они всегда ненавидятъ его и смотрятъ на него свысока. Это ихъ отличительнѣйшая черта. Въ числѣ этихъ золотыхъ всегда бываетъ чрезвычайно много промышленниковъ, выѣзжающихъ на модной фразѣ. Они-то и опошлываютъ всякую новую идею и тотчасъ же обращаютъ ее въ модную фразу. Они опошлываютъ все, до чего ни прикасаются. Всякая живая идея въ ихъ устахъ обращается въ мертвечину. Награду же за нее получаютъ всегда они первые, на другой день послѣ похоронъ гениальнаго человѣка, ее провозгласившаго и котораго они же преслѣдовали. Иные изъ нихъ до того ограниченны, что имъ серьезно кажется, что гениальный человѣкъ ничего не сдѣлалъ, а сдѣлали все они. Самолюбіе въ нихъ страшное. Мы сказали уже, что они чрезвычайно тупы и неловки, хотя кажутся толпѣ умными, все больше берутъ рѣзкими и азартными фразами, впадаютъ въ крайности, не понимая ни смысла, ни духовной постройки идеи и такимъ образомъ вредятъ ей даже и тогда, когда искренно раздѣляютъ ее. Напримѣръ: подымется между мыслителями и филантропами вопросъ, ну хоть бы о женщинѣ, объ облегченіи ея участи въ обществѣ, объ уравненіи правъ ея съ правами мужчины, о деспотизмѣ мужа и проч. и проч. Золотые непрерывно поймутъ это такъ, что бракъ немедленно долженъ разрушиться; главное — немедленно. Мало того, — что всякая женщина не только можетъ, но даже *должна* быть невѣрною своему мужу и что въ этомъ-то и состоитъ настоящій нравственный смыслъ всей идеи. Всего смѣшнѣе смотрѣть на этихъ господъ, когда напримѣръ общество, въ какое-нибудь хлопотливое, переходное время, раздѣляется на два убѣжденія. Тогда они не знаютъ къ кому, къ чему пристать; а между тѣмъ нѣрѣдко считаются столпами, авторитетами; нужно высказать свое мнѣніе. Что имъ дѣлать? Послѣ долгихъ колебаній золотой господинъ рѣшаетъ и всегда не въ попадъ. Это уже законъ. Это тоже главнѣйшая черта золотого господина. Такъ и прорвется на чемъ-нибудь самымъ грубымъ, самымъ нелѣ-

ными образомъ, такъ что, случилось, нѣкоторые изъ ихъ рѣшешей перешли въ потомство, какъ примѣръ тупоумія. Но мы отвлеклись отъ дѣла. Не одна гласность преслѣдуется въ наше время. Преслѣдуется и грамотность и даже именно тѣми, которые въ свое время казались намъ въ числѣ людей если не передовыхъ, то не отстающихъ и, главное, *страшно-благоразумныхъ*. Мы говоримъ *страшно*, потому что многіе изъ нихъ до того авторитетно и свысока смотрѣли на всѣхъ людей темныхъ, до того чванились своимъ здравымъ смысломъ и такъ называемымъ яснымъ, *практическимъ* пониманіемъ вещей, что при нихъ даже неловко было сидѣть. Такъ и хотѣлось уйти въ другую комнату. Такой господинъ крѣпится иногда лѣтъ двадцать среди благомыслищихъ и передовыхъ и считается передовымъ, такъ что наконецъ и самъ увѣренъ, что онъ передовой, и вдругъ бракнетъ что-нибудь до того неожиданное, что только одна помѣщица Коробочка могла бы такъ сбрыкнуть въ какомъ-нибудь случаѣ, ну хоть на примѣръ, еслибъ ее пригласили рѣшить вопросъ о европейскомъ финансовомъ кризисѣ. Но мы заговорили о постероннѣ и отвлеклись отъ предмета. Перейдемъ къ дѣлу. Мы заговорили о грамотности.

Извѣстенъ фактъ, что грамотное простонародіе наполняетъ остроги. Тотчасъ же изъ этого выводятъ заключеніе, что не мало грамотности. Логически ли это? Ножъ можетъ обрѣзать, такъ не надо жечь. — Нѣтъ, скажутъ намъ, не «не надо жечь», а надо дѣлать его только тѣмъ, которые умѣютъ владѣть имъ и не обрѣжутся. — Хорошо. Слѣдственно по вашему надо сдѣлать изъ грамотности что-то въ родѣ привилегіи. Но не лучше ли было бы вамъ, господа, обратить сперва вниманіе на тѣ обстоятельства, которыми обставлена въ нашемъ простонародіи грамотность, и посмотреть, нельзя ли какъ устроить эти обстоятельства, а не лишать весь народъ духовнаго хлѣба. Мы признаемъ вмѣстѣ съ вами, что грамотное простонародіе наполняетъ остроги. Но рассмотрите, какъ и отчего это происходитъ? Мы расскажемъ вамъ это такъ, какъ сами поняли, послѣ долголѣтнихъ наблюденій надъ осторожною жизнью. Во первыхъ, въ нашемъ простонародіи грамотныхъ такъ мало, что грамота дѣйствительно даетъ иногда человѣку передъ другими нѣкоторое преимущество, придаетъ ему большее достоинство, болѣе солидности, отличія, возвышенія надъ своей средой. Простонародіе по то чтобы считало грамотнаго лучше себя въ какомъ-нибудь отношеніи, — нѣтъ, оно признаетъ въ грамотномъ только болѣе солиднаго человѣка, чѣмъ оно само, болѣе возвышающагося надъ многими хлопотливыми обстоятельствами обыденной жизни, однимъ словомъ — признаетъ въ грамотности житейскую пользу. Грамот-

наго и бумагой какой-нибудь не надуешь, и въ другомъ чемъ-нибудь не проведешь. Съ своей стороны грамотный какъ-то невольно склоненъ считать себя выше всей окружающей его среды людей темныхъ и неграмотныхъ. Разумѣется болѣе или мѣнѣе. А считая себя выше, онъ уже не совсѣмъ сноенно относится къ этой средѣ, въ которой живетъ вмѣстѣ съ другими. У него естественно рождается мысль, что ему уже и не слѣдуетъ, что онъ и не долженъ третироваться такъ, какъ эти темные люди. — «Онъ дескать темный, а мы народъ грамотный.» — Его такъ и подшываетъ, при случаѣ, *выидти изъ рядовъ*. Къ нему же почти всегда бываетъ нѣкоторый оттѣнокъ уваженія, иногда самый непримѣтный, а иногда и очень сильный, особенно если онъ умѣетъ вести себя, т. е. держать себя солидно, краснорѣчивъ, вѣлѣрѣчивъ, немножко педантъ, презрительно молчать, когда всѣ говорятъ, и заговорить именно тогда, когда всѣ замолчатъ, не зная что говорить, однимъ словомъ, если держитъ себя такъ, какъ держать себя нѣкоторые наши умники и нѣкоторые наши мыслители, переловую, практическіе люди и нѣкоторые литературные генералы, однимъ словомъ — всѣ тѣ, которыхъ вы такъ хорошо знаете. Также важность, тѣже смѣшно-истерпяливыя выходки. Короче, во всѣхъ сферахъ общества одно и тоже, только въ каждомъ словѣ въ своемъ родѣ. Потребность заявить себя, отличиться, выидти изъ ряду вонъ, есть законъ природы для всякой личности; это право ея, ея сущность, законъ ея существованія, который въ грубомъ, неустроенномъ-состояніи общества проявляется со стороны этой личности весьма грубо и даже дико, а въ обществѣ уже развѣвшемся — нравственно-гуманнымъ, сознательнымъ и совершенно свободнымъ подчиненіемъ каждаго лица выгодамъ всего общества и обратно безразличной заботой самого общества о наименьшемъ стѣсненіи правъ всякой личности. Слѣдовательно основаніе одно и тоже, а разница только въ употребленіи правъ своихъ. Взгляните на такъ называемыхъ начетчиковъ между раскольниками и посмотрите, какое огромное деспотическое вліяніе они имѣютъ на своихъ единовѣрцевъ. Даже само общество заключаетъ въ себѣ какую-то инстинктивную потребность выдвинуть изъ среды себя какую-нибудь исключительную личность; поставить ее какъ исключеніе передъ собою, внѣ обычая и принятыхъ правилъ; признать за этой личностью что-то необыкновенное и преклоняться передъ нею. Такиимъ образомъ являются Иванны Яковлевици, Мароуши и проч. Возьмемъ теперь совершенно другой примѣръ. Взгляните на много лакея, двороваго. Хотя онъ гораздо ниже крестьянина-хлѣбопашца въ общественномъ своемъ положеніи, но таки какъ ему кажется, что онъ выше, что

фрактъ, бѣлый офиціантскій галстухъ и лакейскія перчатки благородяъ его передъ мужикомъ, то онъ ужъ и презираетъ его. И не говорите, что эта гадкая, низкая черта свойственна только грубому народу, т. е. отрекаться отъ своихъ и пренебрегать ими при пережвѣт судьбы своей. Черта гадкая, это правда; но за нее некого обвинять. Лакей невиновать, если, по темнотѣ своей, видитъ привилегію въ нѣмецкомъ платьѣ. Для него главное въ томъ, что онъ вошелъ въ соприкосновеніе съ господами, т. е. съ высшими; онъ обезьянничаетъ ихъ манеры, замашки; платье отличаетъ его отъ прежней среды... Такимъ образомъ и грамотность, какъ чрезвычайная рѣдкость въ народѣ, считаетъ себя тоже отличною и привилегированною, и грамотный нерѣдко презираетъ неграмотнаго. Ему хочется показать себя. Онъ становится самонадѣявъ, нетерпѣливъ, превращается въ какого-то деспотика. Ему иногда можетъ показаться, что съ нимъ нельзя поступать такъ, какъ съ другими, темными. Онъ нетерпѣливъ; онъ дерзокъ на словахъ; ему неприлично перенести то, что всѣ переносятъ, — особенно при свидѣтеляхъ; онъ надмененъ. Надменность порождаетъ въ немъ легкомысліе, легкомысліе — заносчивость. Иногда онъ ужъ слишкомъ много на себя понадеется, заберется не по силамъ, и — вдругъ обрывается, даже иногда совершенно нечаянно, и оттого напримѣръ, что въ критическую минуту на него смотрѣли свои, передъ которыми онъ чванился, и ждали, что отъ него въ эту критическую минуту будетъ. Вотъ онъ и показалъ себя и... попалъ въ острогъ. Разумѣется мы говоримъ не про всѣхъ грамотныхъ. Мы говорили отвлеченно; и смѣшно бы было утверждать, что только научится простолюдинъ грамотѣ, такъ ужъ и попалъ въ острогъ. Мы хотѣли только выяснитъ, какимъ образомъ грамотность, какъ своего рода привилегія, можетъ породитъ заносчивость и самонадѣявность, неуваженіе къ средѣ своей и къ своему положенію, особенно если оно не совсемъ пріятное. Мы говорили теоретически и жалѣемъ, что предѣлы нашей статьи не позволяютъ намъ представить нѣсколько примѣровъ, какимъ образомъ происходитъ все это на практикѣ, какъ развивается и къ какому приходитъ концу. Повторимъ опять, что мы говорили не про всѣхъ грамотныхъ; изъ грамотныхъ приходятъ въ остроги уже отчасти самой природой къ тому предназначенные при извѣстной обстановкѣ, т. е. люди отъ природы упрямые, горячіе, нервные, впечатлительные. На нихъ-то грамотность и дѣйствуетъ привилегіальными своими неудобствами именно потому, что у насъ она и есть привилегія...

— Чтожъ изъ этого? скажутъ намъ. — Изъ вашихъ же словъ выходитъ, что грамотность вредна и что наше простолюдые до нея не

дозрѣло. — Напротивъ, отвѣчаемъ мы, — вмѣсто того, чтобъ дѣлать грамотность привилегіей, исключеніемъ, уничтожьте исключительность. Сдѣлайте ее достояніемъ всѣхъ по возможности, и она не породитъ ни въ комъ и ни при какихъ обстоятельствахъ ни высокомерія, ни заносчивости. Не передъ кѣмъ и заноситься-то будетъ, — всѣ будутъ грамотные. А потому, чтобъ уничтожить вредныя послѣдствія грамотности, нужно какъ можно болѣе распространять ее: въ этомъ все лекарство. Тѣмъ болѣе, господа противники грамотности, что вы вашей-то системой (т. е. стѣсненіемъ грамотности) не только не достигните цѣли, но даже противъ себя дѣйствуете. Разсудите: вѣдь вы стѣсненіемъ грамотности никогда не уничтожите ее совершенно. Правительство первое воспротивилось бы вашимъ рьянымъ усиліямъ и защитило бы народъ отъ вашей филантропіи. Слѣдственно все-таки будутъ между народомъ грамотные; а если будутъ, то все-таки будутъ наполнять остроги, слѣдовательно вы никого не излечите, ничего не достигнете. Мало того, тѣмъ вѣрнѣе будутъ наполняться остроги; потому что чѣмъ меньше будетъ грамотности, тѣмъ болѣе будетъ она имѣть видъ привилегіи. Согласитесь еще съ этимъ: грамотность есть первый шагъ къ образованію; какъ же достигнуть образованія безъ этого пернаго шага? Вѣдь не можемъ же мы серьезно представить себѣ, что вы нарочно хотите держать народъ въ темнотѣ, въ порокахъ и въ невѣжествѣ, однимъ словомъ — убить и развратить въ немъ душу? Или можетъ быть это тоже входитъ въ вашу систему? Да, это правда! Нѣтъ человѣка упрямѣе, капризнѣе и вреднѣе много кабинетнаго филантропа! Но довольно. Мы увѣрены съ своей стороны совершенно, что грамотность нравственно улучшить народъ и придастъ ему чувство собственного достоинства, которое въ свою очередь уничтожитъ многія злоупотребленія и безпорядки, уничтожитъ даже ихъ возможность. Все зависитъ отъ обстоятельствъ и все на свѣтѣ измѣняется только сообразно съ обстоятельствами. Была бы только видна въ обществѣ прямая, насущная потребность, продвинулось бы только первое сознаніе этой потребности, — и она немедленно находитъ средство удовлетворить себя. Напротивъ того, никакое даже дѣйствительное улучшеніе не приметя массою, какъ улучшеніе, а напротивъ — какъ притѣсненіе, если въ массѣ не образовалась еще, хоть сколько-нибудь сознательно, потребность этого улучшенія. Такъ и грамотность. Народъ уже созрѣлъ до нея, онъ желаетъ, ищетъ грамотности, и потому она должна и будетъ распространяться, не смотря на всѣ усилія филантроповъ. Взгляните на воскресныя школы. Дѣти наперерывъ приходятъ учиться, иногда даже тихонько отъ своихъ хозяевъ. Родители сами приводятъ своихъ дѣ-

тей къ учителямъ. Да; не смотря на то, что уже давно изучаютъ насъ народъ, что многіе изъ нашихъ литераторовъ посвятили изученію его свои досуги и таланты, мы все-таки до сихъ поръ очень плохо знаемъ народъ. Мы увѣрены, что лѣтъ десять, двѣнадцать назадъ многіе передовые тогдашніе люди не повѣрили бы, что народъ самъ будетъ хлопотать объ основаніи обществъ трезвости и толпиться въ воскресныхъ школахъ. Мы серьезно говоримъ это, потому что наше мнѣніе нынѣ могли бы принять за шутку. Но наше цивилизованное общество достигнетъ наконецъ того, что пойметъ народъ — этого неразгаданнаго сфинкса, какъ выразился недавно одинъ изъ нашихъ поэтовъ. Оно пойметъ народное начало и проникнется имъ. Оно уже сознало, что это необходимо, какъ основаніе нашего будущаго развитія и прогресса; оно сознало, что за нимъ первый шагъ, и — найдетъ наконецъ, какъ сдѣлать этотъ шагъ.

V

И такъ все дѣло теперь въ первомъ шагѣ; все дѣло въ томъ, чтобъ догадаться, какъ сдѣлать этотъ первый шагъ, какъ выговорить это первое слово, чтобъ народъ услышалъ насъ и обратилъ къ намъ свое ухо и недовѣрчивое лицо свое. Разумѣется найдутся еще очень многіе господа, которые расхохотутся на слова наши.

Ну, чтожъ имъ отвѣчать? Мы сами знаемъ, что такихъ господъ — легіонъ, да вѣдь до нихъ намъ и дѣла нѣтъ. Кстати: кто-то удостовѣрялъ, что мы, т. е. именно нашъ журналъ, беремъ на себя примиреніе цивилизаціи съ народнымъ началомъ. Мы считаемъ этотъ отзывъ не болѣе какъ за милую шутку. Не одному человѣку сказать это неизвѣстное слово и разгадать всю эту загадку. Въ программѣ нашего журнала мы только выставили главную мысль, которая будетъ руководить насъ. Мы будемъ искать разгадку вмѣстѣ со всѣми. Мы будемъ только неустанно повторять и доказывать, что искать — надо; будемъ слѣдить, разбирать, обсуживать, спорить и передавать наши результаты публикѣ. Вотъ вся будущая дѣятельность наша. Слово — таже дѣятельность, а у насъ — болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь. Слово, сказанное кстати, полезно; потому и мы имѣемъ надежду, что и мы будемъ полезны. Журналъ нашъ назначается для чтенія образованнаго общества, такъ-какъ за образованнымъ обществомъ до-сихъ-поръ еще первое слово и первый шагъ ко всякой дѣятельности. Мы знаемъ, что для народнаго чтенія у насъ еще до-сихъ-поръ ничего не сдѣлано. Хоть и было бы чтѣ читать, но и то, чтѣ есть, недоступно народу.

Всякую попытку устроить эту недоступность мы встрѣтимъ съ искреннею радостію. Но, повторяемъ, мы и въ мысляхъ не имѣемъ назначать нашъ журналъ прямо для народнаго чтенія. Но довольно объясняться; обращаемся къ нашему дѣлу. Мы потому считаемъ за образованнымъ сословіемъ нашимъ первый шагъ къ новой дѣятельности, что оно первое и отделилось отъ народности. Трудовъ къ сближенію будетъ много; мы всё это чувствуемъ, хотя и не сознаемъ еще ясно, въ чемъ будутъ состоять они. Все дѣло въ устраненіи недоразумѣній. Всякое недоразумѣніе устраняется прямою, откровенностью, любовью. Мы начинаемъ сознавать, что интересъ нашего сословія въ народномъ интересѣ, а народный интересъ въ нашемъ. Такое сознаніе, еслибъ сдѣлалось всеобщимъ, гарантировало бы прочность дѣла. Но если и нѣтъ этого сознанія, то есть слѣды, что оно начинается, а теперь ужъ довольно и этого. Человѣкъ можетъ ошибаться. Мы съ своей стороны знаемъ, что ошибку въ фальшь не ставятъ. Не въ ошибкахъ дѣло. Пусть желающіе сближенія сдѣлаютъ хоть тысячу ошибокъ; главное въ томъ, чтобъ народъ видѣлъ и угадалъ это желаніе, чтобъ онъ понялъ его и оцѣнилъ, — вотъ все, чего надо. Дѣло правое не погибнетъ и отъ вѣсколькихъ ошибокъ. По-крайней-мѣрѣ идея, на которой все основано, останется неизблемой. Не удастся одинъ шагъ, удастся другой. Все состоитъ въ правдивости и прямогѣ побужденія, въ любви. Любовь есть основа побужденія, залогъ его прочности. Любовь города беретъ. Безъ нея же ничего и никто не возьметъ, развѣ силой; но вѣдь есть такія вещи, которыя никогда не возьмешь силой. Любовь памятиѣ всего, всякихъ хитростей и дипломатическихъ тонкостей. Ее мигомъ узнаешь и отличишь. Народъ попятливъ и призывателенъ; онъ знаетъ, кто его любитъ. Въ народной памяти остаются только тѣ, кого онъ любилъ. Примѣръ къ сближенію намъ подалъ самъ Монархъ, устранившій послѣднія фактическія къ этому препятствія, и нѣтъ ничего выше, ничего святѣе Его дѣла во все тысячелѣтіе Россіи. И хотя мы полтора вѣка сряду приучали народъ быть къ намъ недоувѣрчивымъ, но вспомните басню — вѣдь не дождемъ, не вѣтромъ сдернуло плащъ съ ютника, а солнцемъ. Много несчастій произошло на свѣтѣ отъ недовѣрчивости и отъ недосказанности. Недосказанное слово вредитъ и вредило всегда. Неужели одному сословію бояться быть откровеннымъ съ другимъ? Чего бояться? Народъ съ любовью оцѣнитъ въ образованномъ сословіи своихъ учителей и воспитателей, признастъ насъ за настоящихъ друзей своихъ, оцѣнитъ въ насъ не наемниковъ, а пастырей и будетъ уважать насъ. Мы должны наконецъ заслужить отъ него уваженія. И какія великія силы возродятся тогда? Какъ все воз-

растеть, возмужаетъ и обновится! Какъ измѣнятся наши взгляды и такъ называемые законченныя выводы! Куда дѣнутся тогда наши «талантливыя натуры», не находившія себѣ мѣста, наши обѣщавшіеся Байроны, слишкомъ много занимающіе мѣста, потому надо полагать, что надосугѣ они страшно разтолстѣли? Конечно не даромъ жили и вы, господа-Байроны, и не даромъ толстѣли. Вы жили и протестовали; вы заявляли ваши желанія... Мы смотрѣли на ваши скорбныя фигуры и спрашивали: «О чемъ они скорбятъ, чего хотять, чего ищутъ?» — Слѣдственно вы возбуждали наше любопытство; любопытство старалось отыскать отвѣтъ и — находило отвѣтъ. И такъ вы приносили хоть отрицательную пользу, хоть только тѣмъ, что жили между нами. Но теперь полно и вамъ горемычничать; сдѣлайте и вы хоть что-нибудь. Вы все говорите, что у васъ нѣтъ дѣятельности. Попробуйте, не найдете ли хоть теперь? Научите хоть одного мальчика грамотѣ; вотъ вамъ и дѣятельность. Но нѣтъ! вы съ негодованіемъ отворачиваетесь... Какая же это для насъ дѣятельность! говорите вы, злобно улыбаясь: — мы таимъ въ груди нашей исполнскія силы. Мы хотимъ и можемъ сдвигать съ мѣста горы; изъ нашихъ сердець бьетъ чистѣйшій ключъ любви ко всему человѣчеству. Мы хотѣли бы разомъ обняться со всѣмъ человѣчествомъ. Мы хотимъ работы соразмѣрно съ силами нашими; вотъ какой хотимъ мы дѣятельности и гибнемъ въ бездѣйствіи. Нельзя же шагать вмѣсто семи миль по вершку! Великану ль учить мальчика грамотѣ? — Справедливо, господа; но если вы ничего не будете дѣлать, то и умрете ничего не сдѣлавъ; а тутъ все-таки хоть капелька перваго шагу; одинъ атомъ, но все-таки больше, чѣмъ ничего. И знаете ли что? Вы желаете исполнскіей дѣятельности; хотите ли мы вамъ дадимъ такую, которая выше всѣхъ ожиданій вашихъ? Даже горы сдвигать легче, чѣмъ исполнять эту дѣятельность. Вотъ она: пожертвуйте для всеобщаго блага всѣмъ вашимъ великанствомъ; шагайте вмѣсто семи миль по вершку; проникнитесь идеей, что если нельзя шагать дальше, то вершокъ все-таки больше, чѣмъ ничего. Пожертвуйте всѣмъ — и великой природой вашей и великими идеями, помня, что все это для всеобщаго блага; свизойдите, свизойдите до мальчика. Это будетъ колоссальнѣйшая жертва! Мало того: вы люди умные, талантливые, и если пожертвуете собой, свизойдете до обыкновеннаго, до маленькаго, то можете быть тутъ же, съ перваго же шага отыщете еще какую-нибудь дѣятельность, болѣе сильную, а потомъ еще и еще. Въ дѣло только въ началѣ, только начните. Начните какъ а?... Но виноваты, можете быть это не по вашимъ силамъ. Вы пожалуй можете пожертвовать и жизнью; но на такія усилія вы неспособны.

Конечно мы внесемъ только одну десятую долю усилій; народъ самъ доставитъ остальные девять десятыхъ. Но что же, скажутъ намъ, вы хотите сдѣлать съ вашимъ образованіемъ? чего достигнете? Вы хотите перейти къ народному началу и несете народу образованіе, т. е. ту же европейскую цивилизацію, которую сами признали за неподходящую къ намъ. Вы хотите *переевропеить* народъ? — Но возможно ли, отвѣчаемъ мы, чтобъ европейская идея совершенно чуждой ей почвѣ принесла тѣ же результаты, какъ и въ Европѣ. У насъ до того все особенно, все не похоже на Европу во всѣхъ отношеніяхъ: и во внутреннихъ и во внѣшнихъ и во всевозможныхъ, что европейскихъ результатовъ невозможно добыть на нашей почвѣ. Повторяемъ, что подходитъ къ намъ — останется, что не подходитъ — само собою умретъ. Можно ли сдѣлать изъ народа нашего нѣмцевъ? Въ сравненіи съ нимъ мы самое крошечное меньшинство, самостоятельныхъ силъ и средствъ у насъ меньше, чѣмъ во всей громадной народной массѣ; а вотъ мы же были у нѣмцевъ, и въ цѣлыхъ полтора ста лѣтъ, не поддались же европейскому вліянію, не сдѣлались нѣмцами. Значитъ и мы, не смотря на наше меньшинство, на наши малыя силы, на исключительное положеніе наше передъ народомъ, все-таки заключали въ себѣ великія русскія начала общечеловѣчности и всепримиримости и не потеряли ихъ. Они сказались въ насъ, и мы поняли, что не можемъ сдѣлаться нѣмцами, и сами захотѣли воротиться къ родному началу. Мы устыдились своей недѣятельности, своей несамодвижности среди громадной дѣятельности европейскихъ племенъ, и поняли, что въ Европѣ намъ нечего дѣлать. Не безпокойтесь, наука не наложитъ путь на народъ нашъ; она только расширитъ его силы, и онъ скажетъ въ ней свое слово. До сихъ же поръ наука у насъ не прививалась и была у насъ, какъ дорогой оранжерейный цвѣтокъ. Особенной научной дѣятельности общество наше не выказало, ни теоретической, ни практической, потому что было разъединено съ родной почвой, а само по себѣ было слабо. Только казна строила мосты и дороги, да и то болѣею частію заѣзжими инженерами.

Но привьется наконецъ и наука; все это совершится можетъ быть тогда, когда уже насъ не будетъ на свѣтѣ. Мы даже и угадать не можемъ, что тогда будетъ, но знаемъ, что будетъ несовсѣмъ дурно. На долю же нашего поколѣнія досталась честь перваго шага и перваго слова. Новая мысль уже не разъ выражалась русскимъ словомъ наружу. Мы начинаемъ изучать ея прежнія выраженія и открываемъ въ прежнихъ литературныхъ явленіяхъ факты, до сихъ поръ не замѣченные нами, но вполне подтверждающіе эту мысль. Колоссальное значеніе Пушкина уясняется намъ все болѣе и болѣе,

не смотря на нѣкоторыя странныя литературныя мнѣнія о Пушкинѣ, выраженныхъ въ послѣднее время въ двухъ журналахъ... Да, мы именно видимъ въ Пушкинѣ подтвержденіе всей нашей мысли. Значеніе его въ русскомъ развитіи глубоко знаменательно. Для всѣхъ русскихъ онъ живое уясненіе, во всей художественной полнотѣ, что такое духъ русскій, куда стремится всѣ его силы и каковъ именно идеалъ русскаго человѣка. Явленіе Пушкина есть доказательство, что дерево цивилизаціи уже дозрѣло до плодовъ и что плоды его не гнилыя, а великолѣпныя, золотыя плоды. Все, что только могли мы узнать отъ знакомства съ европейцами о насъ самихъ, мы узнали; все, что только могла намъ уяснить цивилизація, — мы уяснили себѣ, и это знаніе самымъ полнымъ, самымъ гармоническимъ образомъ явилось намъ въ Пушкинѣ. Мы поняли въ немъ, что русскій идеалъ — всецѣлостъ, всепримиримость, всечеловѣчность. Въ явленіи Пушкина уясняется намъ даже будущая наша дѣятельность. Духъ русскій, мысль русская выражались и не въ одномъ Пушкинѣ, но только въ немъ они явились намъ во всей полнотѣ, явились какъ фактъ, законченный и цѣлый...

О Пушкинѣ мы хотимъ сказать нѣсколько подробнѣе въ будущей статьѣ нашей и доказательнѣе развить нашу мысль. Въ будущей же статьѣ мы перейдемъ наконецъ и къ русской литературѣ, будемъ говорить о теперешнемъ ея положеніи, о ея значеніи въ теперешнемъ обществѣ, о нѣкоторыхъ ея недоразумѣніяхъ, спорахъ, вопросахъ. Въ особенности хочется намъ сказать нѣсколько словъ и объ одномъ очень странномъ вопросѣ, который уже столько лѣтъ раздѣляетъ нашу литературу на партіи и такимъ образомъ парализируетъ ея силы. Именно о знаменитомъ вопросѣ: искусство для искусства и проч., — всѣ его знаютъ. Нечего выписывать заглавіе. Признаемся заранѣе, мы всего болѣе удивляемся, какъ не надоѣлъ еще этотъ вопросъ публикѣ окончательно и она еще не отказывается читать цѣлыя о немъ трактаты? Но мы постараемся написать наше мнѣніе не въ формѣ трактата.

Подводный камень. Романъ М. Авдѣва. Въ двухъ частяхъ. Современникъ, 1860, № X и XI.

Г. Авдѣвъ принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, произведенія которыхъ приводятъ критику въ особенное затрудненіе. Если мы не ошибаемся, первымъ его произведеніемъ были *Записки Тамарина*. Эти записки представляли точное и подробное подражаніе извѣстному роману Лермонтова: *Герой Нашего Времени*. Мы должны были указать на этотъ подражательный характеръ Записокъ Тамарина именно для того, чтобы объяснить читателямъ затрудненіе, въ которое поставлены теперь. Всего точнѣе мы можемъ выразить его такъ, что произведенія г. Авдѣва всегда составляютъ подражаніе, если не какому-нибудь извѣстному роману, или извѣстной повѣсти, то вообще романамъ и повѣстямъ. Можетъ быть выраженіе покажется страннымъ, но мы именно хотимъ сказать, что напримѣръ *Подводный Камень* не есть романъ, а только подражаніе роману. Писаніе всякихъ повѣствовательныхъ твореній, какъ извѣстно, есть дѣло поэтическаго таланта. Если оно вытекаетъ прямо изъ такого таланта, то оно будетъ явленіемъ естественнымъ и простымъ. Но если оно вытекаетъ прямо и единственно изъ одного желанія подражать, то произведенія его необходимо будутъ сложныя, искусственныя, поддѣльныя.

Разбирать искусственныя произведенія вообще трудно; особенно же трудно, когда они очень похожи на натуральныя. Г. Авдѣвъ принадлежитъ именно къ самымъ искуснымъ подражателямъ. Согласитесь въ самомъ дѣлѣ, что нужно было необыкновенное искусство, чтобы заставить напечатать, читать и даже хвалить такое по-видимому явное подражаніе, такой совершенный сколокъ, какъ *Записки Тамарина*. Еще искуснѣе г. Авдѣвъ въ послѣднемъ произведеніи. Врочитѣ, какія у него великолѣпныя и точныя описанія природы,

полюбуйтесь мѣтко схваченными психологическими чертами, возмите его сравненія; какъ все это отдѣлано! Въ особенности сравненія — просто несравненны! Не могу удержаться, чтобы не привести теперь же одного. Нужно было упомянуть о *слабомъ лучѣ надежды*, в г. Авдѣевъ говоритъ, что эта надежда была едва замѣтна, «какъ «слабый свѣтъ молодого мѣсяца на пасмурномъ небѣ, невидимъ, «не прочеркнулъ сквозь облака ни однимъ лучомъ, но чувствуется «по вѣснымъ очертаніямъ предметовъ, которые начинаютъ прораступать и выдвигаться изъ темноты.»

Не правда ли, какъ это красиво? Но чѣмъ тщательнѣе лѣпить г. Авдѣевъ свою мозаику, чѣмъ правильнѣе располагаетъ свои узоры, тѣмъ сильнѣе онъ дѣйствуетъ на читателей и тѣмъ труднѣе критику опредѣлять и выражать черты искусственности, которою отличается весь романъ.

Начнемъ прямо съ главнаго, съ идеи и сюжета романа. У художника идея воплощается въ сюжетъ; лица создаются живыми, такъ что они не могутъ дѣйствовать иначе, какъ дѣйствуютъ въ романѣ. Иногда, если идея слаба или мелка, какъ напримѣръ часто бываетъ у Диккенса, лица и событія своею глубокою жизненностію совершенно закрываютъ и поглощаютъ ее. У подражателя идея выставляется на-голо и лица дѣйствуютъ какъ на пружинахъ, такъ именно, какъ угодно автору ради его идеи. Поэтому, для того, чтобы всего яснѣе опредѣлить идею романа г. Авдѣева и посмотреть, не искусственно ли она навязана лицамъ, нужно только разсказать дѣйствія этихъ лицъ. Разсказывать вкратцѣ настоящій романъ дѣло трудное; но у г. Авдѣева канва оказывается чрезвычайно простою.

Сороколѣтній холостякъ Соковлинъ, живущій въ деревнѣ, встрѣчается у сосѣдей съ шестнадцатилѣтнею дѣвушкою, Наташею; они полюбили другъ друга. Прежде чѣмъ они успѣли признаться въ этомъ одинъ другому, является въ деревню студентъ Комлевъ, уже прежде знакомый съ Наташею. Соковлинъ воображаетъ, что Наташа любитъ Комлева; онъ уступаетъ ему поприще и запирается дома. Между тѣмъ Комлевъ ясно видитъ, что Наташа любитъ Соковлина; онъ уступаетъ ему поприще и уѣзжаетъ въ университетъ. Когда Соковлину случилось опять побывать въ семействѣ Наташи, онъ наталкивается съ нею на объясненіе въ любви. Соковлинъ рѣшается жениться на Наташѣ, но говоритъ ей: — я старикъ, чувства не зависятъ отъ насъ; если ты, будучи моею женою, полюбишь другого, общайся сказать мнѣ. Наташа общается.

Черезъ шесть лѣтъ Комлевъ заѣзжаетъ къ Соковлину. Послѣ вѣсколькихъ свиданій Наташа влюбляется въ него. Соковлинъ замѣчаетъ это и говоритъ женѣ: что же ты мнѣ не сказала? Нѣ

сколько времени онъ выжидаетъ, но когда страсть жены дошла до крайней степени, до обмороковъ, Соковлинъ ѣдетъ къ Комлеву. Я узналъ отъ жены, говоритъ онъ ему, что вы влюблены другъ въ друга. Хотите вы жениться на ней? Я буду хлопотать о разводѣ. Не хочу, отвѣчаетъ Комлевъ. А, такъ вы хотите — такъ? возражаетъ Соковлинъ. Поговорите съ ней сами. Комлевъ слушается. Они видаются съ Наташей ночью, въ саду, и уговариваются ѣхать за границу. Соковлинъ, когда ему сказала объ этомъ жена, самъ все приготовляетъ къ ея отъѣзду и прощается съ нею. Шестъ или восемь мѣсяцевъ Наташа между прочимъ ѣздитъ съ Комлевымъ по Европѣ. Въ одно прекрасное утро въ Парижѣ Наташа чувствуетъ, что страсть ея прошла. Разстанемся, говоритъ она Комлеву. Какъ знаете, отвѣчаетъ онъ. Наташа собирается ѣхать, Комлевъ пожимаетъ ей руку и увѣряетъ въ своемъ почтеніи. Наташа пріѣзжаетъ къ Соковлину. Тотъ съ радостію принимаетъ ее. Черезъ нѣсколько времени любовь ихъ вполне восстанавливается — и тѣмъ кончается весь романъ.

Да что же это такое? спроситъ читатель. Развѣ такъ бываетъ когда-нибудь? Развѣ можетъ или должно быть что-нибудь подобное? И дѣйствительно, ошибка противъ дѣйствительности нестерпимая, вопіющая. Мы совершенно ручаемся за точность нашего изложенія; мы рассказали именно только то, что *дѣлаютъ* герои романа, опуская совершенно то, что они чувствуютъ; такимъ образомъ и оказалось, что совершенно невозможно подобрать какія бы то ни было чувства, которыя бы подходили подъ эти удивительныя дѣйствія. Живые люди такъ не дѣйствуютъ; такъ могутъ дѣйствовать только фантомы, находящіеся въ полномъ распоряженіи автора, или люди совершенно не владѣющіе собою и слѣпо покорные какому-нибудь предразсудку. Всѣ дѣйствующія лица исповѣдуютъ независимость и свободу чувствъ, необходимость имъ покориться, но доходятъ въ этомъ ученіи до того, что *ради принципа* дѣйствуютъ совершенно вопреки всѣмъ своимъ чувствамъ. Нужно быть сочиненнымъ съ головы до ногъ, для того чтобы, какъ Соковлинъ, ѣхать предлагать свою жену другому. Какой смыслъ и какая нужда была въ этомъ? Зачѣмъ Соковлинъ такимъ нелѣпѣйшимъ образомъ мѣшается въ чужія дѣла? Развѣ не могла Наташа во имя свободы чувства сама оставить мужа и даже сама собраться въ дорогу? Эту несчастную Наташу два раза Соковлинъ уступаетъ Комлеву и два раза Комлевъ уступаетъ Соковлину. Уступка совершается тотчасъ же, безъ всякой борьбы, даже безъ малѣйшаго покушенія на нее. Хоть бы случайно, хоть бы забывшись, кто-нибудь изъ героев повробовалъ потянуться съ противникомъ; ничего подобнаго вѣтъ, Комлевъ и Соковлинъ очевидно ужасно боятся стѣснить сво-

боду чувства Наташи, какъ-будто борьба между ними могла бы быть для нея стѣсненіемъ и не должна бы была напротивъ послужить только средствомъ къ полному раскрытію самого чувства. Они страшно стѣсняють себя, для того чтобы не стѣснять Наташу, какъ-будто каждый изъ нихъ увѣренъ, что примись онъ дѣйствовать на Наташу, то помѣшалъ бы развитію чувства, уничтожилъ бы въ ней любовь къ своему сопернику, и что тогда въ Наташу уже ровно ничего бы не осталось. *Наташа разсматривается какъ маленькая дѣвочка, которую всегда можно смутить и обить в толку.*

Вотъ почему въ романѣ нѣтъ никакого дѣйствія; дѣйствуетъ только одна Наташа, да и та дѣйствуетъ необыкновенно просто, т. е. предается то одному, то другому герою. Герои же не двинуть пальцемъ и только выжидаютъ своего благополучія.

Судя по однимъ событіямъ романа, можно подумать, что въ немъ участвуютъ люди страшно холодные, вродѣ лишищные теплаго чувства. Между тѣмъ, само собою разумѣется, что романъ нацѣленъ описаніями чувствъ и волненій, и что въ этихъ чувствахъ и волненіяхъ и состоитъ все дѣло. Что же они чувствуютъ? спроситъ любознательный читатель. Что чувствуютъ люди, поступающіе такимъ необыкновеннымъ образомъ?

Они чувствуютъ самыя обыкновенныя чувства, или чувства, къ какимъ склонны и всѣ другіе простые смертные; въ этомъ и состоитъ главное противорѣчіе романа. Герои ничего не дѣлаютъ, но они сильно ревнуютъ другъ къ другу, до смерти злы одинъ на другого и даже испытываютъ отъ поведенія Наташи страшную неловкость въ отношеніи къ ней, нѣчто въ родѣ довольно замѣтнаго презрѣнія. Они не смѣютъ прямо упрекнуть ее, даже увѣряютъ ее въ своемъ почтеніи, но упрекъ сильно шевелится у нихъ на душѣ, и потому они становятся въ очень затруднительное положеніе. Соковлину и женѣ просто стыдно другъ другу въ глаза глядѣть; однако же они смотрятъ и даже улыбаются и въ этомъ состоитъ вся драма. Вся драма заключается въ томъ, что люди говорятъ не то, что чувствуютъ, дѣлаютъ не то, что желаютъ, однимъ словомъ — фальшивать на каждомъ шагу. Весь романъ какъ-будто написанъ, чтобы доказать, *какъ неловко бываетъ людямъ, когда они вздумаютъ дѣйствовать неискренно, не по влеченію своихъ чувствъ, а по правиламъ, вычитаннымъ изъ какого-нибудь журнала.* Изображать такимъ образомъ свободу чувства — довольно странно. И въ самомъ дѣлѣ, какая странная судьба, какіе жалкіе люди — эти Соковлинъ и Комлецъ. Въ особенности Соковлинъ — главное лицо романа — представляетъ

огурку, такъ сѣбною несташенною, и терпѣть такую горестную долю, что конечно никто не рѣшился бы похотѣть на него.

Вообще авторъ вывелъ въ своемъ разсказѣ людей болѣе или менѣе уродливыхъ, слѣдовательно не отличающихся глубиною натуры. Кажется г. Авдѣевъ желалъ выставить своихъ героевъ лицами особенными, принадлежащими къ первымъ рядамъ передовыхъ людей. Трудно сказать, глубоко ли ихъ мышленіе, но что касается до чувствъ, то они положительно мелки и ничтожны. Изъ героевъ романа совершенно послѣдователенъ одинъ Комлевъ и безъ сомнѣнія онъ же и самый счастливый. Только позавидовать его счастью довольно мудро. Онъ врожился съ Наташею шесть или восемь мѣсяцевъ и за тѣмъ разстался съ нею безъ малѣйшаго горя. Точно такъ онъ безъ сомнѣнія станетъ жить на вѣсколку мѣсяцевъ со множествомъ другихъ женщинъ и будетъ совершенно доволенъ. Кому это нравится, тотъ легко можетъ устроить такимъ образомъ свою долю, но большаго счастья тутъ очевидно нѣтъ. Что же касается до Соколовна и Наташи, то они все послѣдовательны, тогда какъ извѣстно, что нѣтъ ничего послѣдовательнѣе, какъ сильныя натуры и сильныя чувства. Соколовнѣ вродо смѣшонъ. Когда онъ явился къ Комлеву съ предложеніемъ своей жены, онъ говоритъ ему, что она не принадлежитъ къ «тѣмъ женщинамъ, которыя любятъ и мужа и любовника, или терпятъ одного при другомъ.» Соколовнѣ конечно хотѣтъ такимъ образомъ выставить возвышенность чувства своей жены; какая странная непослѣдовательность! Вѣдь если чувства не заходятъ отъ насъ, то почему же не предложить имъ и въ этомъ случаѣ совершенную свободу? Тѣмъ болѣе, что на дѣлѣ слова Соколовна слѣдамъ не совершенно должны. Когда онъ посадилъ Наташу въ карету, чтобы отпрavitъ къ Комлеву, Наташа обвила руками голову мужа и страстно цѣловала его; это было вечеромъ, а передъ этимъ ночью она также страстно цѣловала Комлеву и на другой день, догнавши его на дорогѣ въ Москву, вѣроятно не отказала же ему въ ласкахъ. Слѣдовательно хоти не одинаково страстно, но она могла лаязать и мужа и любовника въ одно время.

Разставшись такъ трогательно съ женою, Соколовнѣ очель тосковалъ. Одна изъ причинъ тоски та, что «онъ не знаетъ и не позволяетъ себѣ узнавать, гдѣ и какъ живетъ Наташа: счастлива или нѣтъ, близко или далеко.»

Спрашивается, отчего же это? Что ему мѣшаетъ вести съ ней переписку? Если онъ такъ уважаетъ и любитъ жену, если собственноручно отдаетъ Комлеву, то отчего же не писать къ ней?

Мы привели только немногія, бьющія въ глаза черты непослѣ-

достоинства Соковлина. Но если бы самъ авторъ вѣрно оцѣнилъ характеръ и положеніе своего героя, онъ нашолъ бы здѣсь богатый источникъ комическихъ сценъ. Что за безплодная путаница! Какія-безчисленныя противорѣчія между чувствами и дѣйствіями, между мыслями и словами! Человѣкъ ревнуетъ сильнѣйшимъ образомъ и — оставляетъ жену наединѣ съ любовникомъ; чувствуетъ злобу къ Комлеву и — самъ устраиваетъ его блаженство (технической терминъ); возмущенъ до глубины души поведеніемъ жены и — обращается къ ней съ медовыми рѣчами и т. д. Однимъ словомъ — человѣкъ дѣйствуетъ по журналу, и хотя выходитъ ужасно скверно, но показываетъ видъ, что ему ничего, что онъ такъ дѣлаетъ по собственному сердечному влеченію.

Если всѣ отношенія между Соковлинымъ и его женою наташны и фальшавы, то не менѣе неестественности и въ отношеніяхъ Комлева и Наташи; не смотря на то, что они обработаны авторомъ съ самою прилежною тщательностію. На основаніи того, что *чувства отъ насъ не зависятъ*, авторъ заставляетъ Наташу и Комлева влюбиться другъ въ друга почти безъ всякаго повода. Страсть овладеваетъ ими какъ болѣзнь; какъ навожденіе. Комлевъ сначала говоритъ Наташѣ маленкія грубости. Наташа спрашиваетъ его, что это значитъ и отчего онъ не хочетъ быть дружесловнымъ къ ней? Комлевъ отвѣчаетъ: «Ну жели вы думаете, что человѣкъ еще молодой и свободный можетъ встрѣчаться съ женщиной какъ вы, въ дообавокъ съ женщиной, которая ему нравилась; безъ того, чтобы чему не хотѣлось ей любви, когда и безъ того ни одна женщина не встрѣчается равнодушно симпатичную ему женщину!... Но я уважаю вашего мужа и не позволяю себѣ омущать гармонию вашей жизни... Короткость сколько... Теперь хотите вы этой короткости?» Наташа даже немножко обижается этою премудрою рѣчью, въ которой Комлевъ прямо объявляетъ ей, что въ ней можетъ родиться непобѣдимая любовь къ нему, господину Комлеву. Но въ то же время она взглянула на Комлева — и дѣло кончено: отъ этого взгляда страсть родилась и стала возрастать. За тѣмъ по введенному въ романъ порядку, герои ничего не дѣлаютъ; Комлевъ изрѣдка видитъ Наташу, но не наединѣ, и почти не говоритъ съ ней; но страсть растетъ. Такъ что очутившись съ Наташею наединѣ, Комлевъ вдругъ начинаетъ разговоръ такъ:

«Что же? довольно молчать и терпѣть?» Читатель согласится, что подобное объясненіе въ любви чрезвычайно оригинально. Попятно, что Наташа растерялась; она даетъ себя цѣловать, но ничего не отвѣчаетъ Комлеву. За тѣмъ Наташа пишетъ Комлеву записку: «Не ѣздитѣ къ намъ, не пишите ко мнѣ и не ищите случая меня ви-

дѣтъ. «Я васъ прошу объ этомъ, я этого требую.» Комлевъ отвѣчаетъ: «Буду ждать». Лаконизмъ въ полномъ смыслѣ образцовый.

И въ самомъ дѣлѣ, отчего не подождать, когда заранѣе увѣренъ, что страсть непобѣдима и въ свое время выростетъ? Дѣйствительно Наташа и Комлевъ не видятся, а страсть растетъ. Наконецъ она доросла до того, что Комлевъ вдругъ пишетъ Наташѣ: «Я не могу ждать долѣе. У меня нѣтъ силъ. Я или явлюсь къ вамъ, или уѣду, или разобью себѣ голову.» Коротко и ясно. Наташа падаетъ въ обморокъ. Тутъ-то Соковлинъ, до сихъ поръ занимавшійся только печальными наблюденіями надъ возрастаніемъ страсти, вздумалъ отличиться дѣятельностію и поѣхалъ къ Комлеву предлагать жену.

Если судить по обыкновеннымъ понятіямъ, то Комлевъ выражается самоувѣренно до дикой грубости. Но Комлевъ увѣренъ не въ себѣ, а только въ силѣ страсти. Вотъ почему и Наташа не обижается, понимая, что Комлевъ дѣйствуетъ по журналу, и потому не ставя ему лично въ вину его выходки.

Да и вообще всѣ разговоры романа отличаются величайшею искренностию; его герои говорятъ совсѣмъ не по-человѣчески! Они не просятъ, не упрекаютъ, не жалуются, даже не хвалятъ, не ласкаютъ словами. Во всемъ романѣ нѣтъ ни одной вѣжливой рѣчи; ни одного разговора полного любви! И все это для того, чтобы любовь являлась, росла, измѣнялась и пропадала — *независимо* отъ героевъ, чтобы она распоряжалась ими совершенно безъ ихъ собственнаго участія.

Какъ будто въ вознагражденіе за отнятую способность къ простымъ человѣческимъ рѣчамъ, авторъ одарилъ своихъ героевъ способностію говорить тамъ, гдѣ обыкновенные люди молчатъ, и вести такіе разговоры, на которые ни у кого другого языкъ бы не повернулся. Герои романа ужасно любятъ откровенность, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда она совершенно ненужна и неумѣстна. Мужъ спрашиваетъ жену, сильно ли она влюблена въ его друга. Онъ нарочно ѣдетъ поговорить объ этомъ къ любовнику, а тотъ съ своей стороны объясняетъ ему, какъ онъ понимаетъ свою любовь къ его женѣ. Жена не только уѣзжаетъ отъ мужа къ любовнику, но считаетъ долгомъ непременно сперва зайти къ мужу и сказать: другъ мой, я ѣду. Когда Наташа покидаетъ Комлева, она могла бы сдѣлать это тихо, уѣхать тайкомъ, оставить ему письмо и т. п. Нѣтъ, они сперва садятся рядкомъ на диванъ и она говоритъ: другъ мой, страсть моя къ тебѣ прошла. Разстанемся! А онъ, вмѣсто того, чтобы сказать: къ чему же вы мнѣ это говорите? отвѣчаетъ ей:

какъ вамъ угодно; позвольте при этомъ случаѣ ухричь васъ, что я васъ ни мало не презираю.

Что за странная охота къ разговорамъ въ такія минуты! Что это, стремленіе къ разиѣну чувствъ и мыслей, или нѣжное взаимное участіе?

Если подобнымъ образомъ прослѣдить весь романъ, взглядѣтся во всѣ его подробности, то отъ цего живой нитки не останется, — такъ все въ немъ отзывается отталкивающею, нестерпимою искусственностью. Наши отзывы вообще могутъ показаться рѣзкими, но только потому что, какъ мы говорили, трудно довести до осязательной ясности всю дисгармонію произведенія у такого искуснаго рассказчика, какъ г. Авдѣевъ. Легко понять, что чѣмъ незначительнѣе подробность, тѣмъ ближе она къ естественности, слѣдовательно тѣмъ труднѣе указать на ея поддѣльность, хотя для внимательнаго глаза эта поддѣльность стольже нестерпима. Поэтому мы не будемъ долѣе останавливаться на художественной критикѣ, хотя въ этихъ мелкихъ чертахъ и состоитъ наибольшая привлекательность, наибольшій обманъ романа. Рассказъ идетъ легко и разнообразно, читается съ любопытствомъ и можетъ дѣйствительно возбудить въ душѣ, если не живые образы, то покрайней мѣрѣ призракъ. Наблюдательности въ романѣ много, но каждая черта дѣйствительности стоитъ отдалѣно и въ расположеніи ихъ отзывается холодное склеиваніе и недостатокъ жизни, которая бы ихъ связала. Между прочимъ послѣднее замѣчаніе: у г. Авдѣева грунтъ совершенно затушованъ; *среды*, въ которой вращаются герои, невидна, и они дѣлаются точно не на землѣ, а на облакахъ. Авторъ заблаговременно уморилъ мать Наташи; ни у Комлева, ни у Соковлина нѣтъ ни души ни родныхъ, ни знакомыхъ; два три лица, которыя мелькомъ являются, не имѣютъ для героевъ никакого значенія, и наконецъ дворянъ, слуги — мелькаютъ какъ тѣни. Разумѣется среда должна была представить сопротивленіе дѣйствіямъ героевъ; стоя на твердой землѣ, они не могли такъ дѣйствовать; вотъ почему авторъ всѣмъ пожертвовалъ и помѣстилъ героевъ на облакѣ; тамъ ими руководить, ихъ наказываетъ и счастливить только одна сила — любовь. Замѣтимъ, что въ романѣ есть еще ребенокъ, сынъ Наташи отъ Соковлина. Мы объ немъ не говорили по той простой причинѣ, что онъ не имѣетъ никакого вліянія на событія, которыя творятся около него. Странно!

Рассказъ автора, какъ рассказъ не естественный, а сочиненный, отличается величайшею холодностью. Онъ весь въ одномъ тонѣ, онъ не ускоряется ни на волосъ даже въ патетичѣйшихъ мѣстахъ; все

сдѣлано очень старательно; но читатель удивляется, замѣчая, что стараніе было одинаково хладнокровно во все теченіе романа.

Довольно однакожь съ эстетическихъ требованій! Эти требованія, какъ многіе увѣряютъ, есть дѣло проигранное; съ литературнымъ произведеніемъ вѣнче любить приимать извѣстное правило нравственности, т. е. дѣлится благомъ нахроніе, а не выводитъ неіе. И въ самомъ дѣлѣ, не лучше ли издѣлать *ожиданіе* *смерти*, какъ бы и не исполнѣ живымъ произведеніемъ? Кто говоритъ! Дѣла очень хорошее, да только возможно ли это сдѣлать? Живые вопреки не такъ-то легко даются всякому, кто задумаетъ ихъ издѣлать художественно; для этого нужно иа больше иа меньше нѣкъ то, что бы востъ вынуждало икъ вѣлдетвіе живой потребности своего твѣрчества. Сколько трудовъ употребилъ г. Авдѣевъ! А между тѣмъ что же вышло? Мы видѣли, какъ лица онъ вывелъ. Сказать ли теперь, какъ должны были вести себя эти лица съ жизни, если бы ихъ дѣйствія не были сочинены? Отгадать это не такъ трудно.

Въ дѣйствительности, въ настоящей жизни Наташа не удавалась бы влншннею отаровенностью; полюбивши Комлева, она бы скрыла это отъ мужа и имѣла бы съ Комлевымъ тайную связь. Мужъ если бы догадался, скрылъ бы это отъ всѣхъ, поразившая бы помучилась бы, но разумѣется не стала бы бить жени или подавать на нее жалобу въ консисторію. Между ними появилась бы ищолпестъ и неприязнь. Они переселились бы на разные половинны. Не когда Наташа исчерпала бы до глубины всю сухость Комлева, она бы охладѣла къ нему, поссорилась бы съ нимъ и научилась бы бояться дѣлнть своего мужа. Если только дѣло не осталось скрытымъ, то между женой и мужемъ вѣроятно происходили бы сцены горькихъ упрековъ и обвиненій. Не добрый мужъ, замѣтивъ, что все уже кончилось и, также какъ у г. Авдѣева, поинила жену вѣтъ, что она слишкомъ молода, а онъ слишкомъ старъ, могъ бы конечно и помириться съ женою.

Мы предполагаемъ самое лучшее, самое простое окончаніе дѣла. Наташа, если только урокъ жизни былъ довольно памятенъ, можетъ быть на всегда бы успокоилась. Но наг говоримъ о дѣйствительной Наташѣ. Что же насчетъ до Наташи с. Авдѣева, то этого никакъ нельзя сказать. Въ одно прекрасное утро она можетъ вспомнить, что *чувства отъ насъ не зависятъ*, и слѣдовательно влюбиться въ парваго встрѣчнаго. Романъ г. Авдѣева, очевидно не изображаетъ всей судьбы Наташи. Намъ очень страшно, почему Наташа, разлюбивши Комлева, не влюбилась въ какого-нибудь француза. *Любовь къ Комлеву въ романѣ обманывается тѣмъ, что она чужда*

вѣкъ молодой и что она ему нравилась. Какъ же это въ Парижѣ не нашлось молодыхъ людей, которымъ бы Наташа понравилась? Да и вообще ужели одному Комлеву достается счастье быть для нея подводнымъ камнемъ?

Точно также трудно понять, почему романъ г. Андѣева односторонне изображаетъ жизнь. Вѣдь по смыслу его каждая хорошенькая женщина есть подводный камень для всякаго мужчины. Почему же Комлевъ или Соколовъ влюбляются только въ одну Наташу? Вѣдь и у нихъ чувства отъ нихъ самихъ не зависятъ. Следовательно для полноты картины нужно было бы представить напримеръ, что Комлевъ гдѣ-нибудь въ Италіи воспламеняется страстью къ какой-нибудь Анунціатѣ, или что Наташа, возвратившись къ мужу, застаётъ его влюбленнымъ въ жену сосѣда, и уже въ такомъ состояніи, что онъ не можетъ ждать болѣе.

Что же выколотъ изъ всего этого? Намъ кажется во, что если въ произведеніи нѣтъ художественной правды, то и въ немъ не будетъ и никакой правды, никакой идеи, какъ бы старательно ни составлялъ ее авторъ изъ за дѣйствующихъ лицъ. Въ самомъ дѣлѣ чему научаетъ романъ г. Андѣева? Т. е. какое явленіе жизни становится намъ понятнѣе, освѣщается въ своей глубинѣ? Наконецъ тотъ же вопросъ въ простѣйшемъ его видѣ — какимъ лицамъ заставляеть авторъ симпатизировать читателя?

Никакимъ, ни одному лицу. И прежде всего — никакъ не Соколову, главному лицу романа. Даже снисходительный фельетонистъ С. Петербургскихъ Вѣдомостей (11 декабря) не сочувствуетъ его поступку, когда онъ съ радостію принимаетъ возвратившуюся жену. Наташу хвалить тоже невозможно. Ея страсть такъ похожа на вспышку, на неразумное увлеченіе, что конечно она лучше бы слѣдала, если бы обуздала ее и не нарушила ею такъ жестоко своего семейнаго счастья. Комлеву конечно вовсе нельзя сочувствовать; по окончаніи романа никто даже не повѣритъ, что Комлевъ испытывалъ страсть до того сильную, чтобы, какъ онъ писалъ, не могъ болѣе ждать. Читатель остается въ полномъ смыслѣ слова равнодушнымъ зрителемъ этихъ удивительныхъ героевъ, и слѣдовательно ничему отъ нихъ научиться не можетъ.

Мы надѣемся, что насъ не обидятъ подозрѣніемъ, будто бы мы противники свободы чувства. Вопросъ этотъ не принадлежитъ къ тѣмъ, въ которыхъ бы возможно было колебаніе. Не только въ отношеніи къ Соколову, Наташѣ и Комлеву, но и во всѣхъ другихъ случаяхъ безъ исключенія мы желали бы, чтобы люди дѣйствовали по взаимному согласенію, чтобы сила никогда не вѣнчивалась въ опредѣленіе отношеній между людьми, особенно же

силъ лицъ постороннихъ, или сила укоренившихся мнѣній. Но одна свобода еще ничего не значитъ. Еще болѣе, чѣмъ за свободу чувства, мы стоимъ за самое чувство, за его глубину и правду. Мелкія и фальшивыя чувства насъ не поражаютъ, если они пользуются принадлежащимъ каждому чувству правомъ свободного проявленія. Мы нисколько не намѣрены находить непозволительными дѣйствія Соколинныхъ, Наташъ и Комлевыхъ; мы говоримъ только, что эти дѣйствія вытекаютъ изъ мелкаго источника, что они далеки отъ истинной глубины человѣческихъ чувствъ и что если мы ждемъ свободы чувства въ обществѣ, то вовсе не для того, чтобы чаще повторялись подобныя дѣйствія. Отъ свободы чувства мы ждемъ другого. Мы надѣемся, что чувства станутъ сильнѣе, чище, долговѣчнѣе. Свобода принадлежитъ чувствамъ вовсе не потому, что чувства измѣнчивы, капризны, безсчетны и неразумны; но потому, что они бываютъ глубоки, послѣдовательны, проникаютъ собою всю жизнь души и слѣдовательно, хотя бессознательно, но высоко-разумны.

ВЪСЬМО ПОСТОРОННЯГО КРИТИКА ВЪ РЕДАКЦІЮ НАШЕГО ЖУРНАЛА

ПО ПОВОДУ КНИГЪ Г. ПАНАЕВА И «НОВАГО ПОЭТА»

-Оставляя въ сторонѣ всякія личности, обходимъ молчаніемъ все посредственное, если оно не вредно, «Время» будетъ сидѣть за всѣми сколько-нибудь важными явленіями литературы, оставивъ вниманіе на рѣзко выдающихся фактахъ, какъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ, и безъ всякой уклончивости обличать бездарность, злонамѣренность, ложныя увлеченія, неуравновѣшенную гордость и литературный аристократизмъ — гдѣ бы они ни являлись. Явленія жизни, ходячія мнѣнія, установившіеся принципы, сдѣлавшіеся отъ общаго и слишкомъ частаго употребленія кстати и не кстати какими-то ополчившимися, странными и досадными афоризмами, точно также подлежатъ критикѣ, какъ и вновь вышедшая книга или журнальная статья.

(Изъ вашего объявленія)

Милостивый Государь,

Въ литературѣ я человекъ совершенно посторонній. Я не знакомъ ни съ однимъ редакторомъ, ни съ однимъ литераторомъ, ниже публицистомъ, и хоть мнѣ уже не мало лѣтъ, но я даже и въ глаза не видывалъ ни одной изъ этихъ особъ. Мнѣ дѣла вѣтъ ни до ихъ наружности, ни до ихъ положенія въ свѣтѣ: я люблю или не люблю ихъ, хвалю или бравлю ихъ только на основаніи ихъ сочиненій или ихъ журналовъ. А читаю ихъ я очень прилежно, потому что въ моемъ услуженіи мнѣ и дѣлать больше нечего. Ни съ кѣмъ изъ нихъ я никогда не былъ въ перепискѣ, и если теперь рѣшаюсь измѣнить, не скажу этому правилу, а просто факту, — то потому что чувствую въ этомъ потребность. Ктому же я прочелъ вашу программу, въ которой вы съ такой похвальной, а вмѣстѣ съ тѣмъ и странной самоуверенностію говорите о вашемъ безпристрастіи.

Извините меня, милостивый государь, если въ этомъ я позволю себя усомниться. Я не знаю вашихъ лѣтъ, не знаю мой года и думаю, что какъ бы ни зарекался человекъ быть безпристрастнымъ, а все-таки не выдержать. Живой человекъ.

Я же въ дѣлѣ литературы, повторяю, человекъ совершенно посторонній. Личности для меня не существуютъ. Пушкинъ былъ для меня всегда только книгой. Андрей Александровичъ Краевскій не болѣе какъ журналомъ. Г. Катковъ (имени и отчества не имѣю чести знать) тоже. Я пережилъ двѣнадцатый годъ, столь-славный въ нашихъ лѣтописяхъ, и переживаю теперь превращеніе г-жи Евгеніи Туръ въ еженедѣльную газету. Я пережилъ славянофиловъ и западниковъ, время ихъ процвѣтанія и постепеннаго обезсилія, и переживаю теперь основаніе новыхъ журналовъ, которые съ тѣмъ и основываются, чтобъ помирить враговъ, давно уже переставшихъ ссориться. Я пережилъ натуральную школу, это законное чадо западниковъ, и переживаю теперь появленіе полнаго собранія сочиненій г. Ив. Панаева.

Я столько пережилъ, что уже самъ хорошенько не знаю, что и кого я теперь переживаю. «Отечественныя Записки» въ своей октябрьской книжкѣ увѣряютъ меня, что я переживаю литературу скандаловъ.

Обвиненіе во всѣхъ скандалахъ, даже въ зарожденіи, въ основаніи всей литературы скандаловъ обрушивается теперь на голову одного г. Панаева. Обвиненіе нешуточное и вовсе не такого рода, чтобъ можно было перенести его хладнокровно. А впрочемъ можетъ быть г. Панаевъ переноситъ его очень хладнокровно. И въ самомъ дѣлѣ, чтожъ тутъ очень-то горячиться? Правда, обвиненіе это взываетъ къ общественному мнѣнію и исходитъ изъ двухъ самыхъ степенныхъ, самыхъ повидному осмотрительныхъ органовъ нашей журналистики. Шуму по поводу скандаловъ надѣлаю много.

Когда я прочелъ діатрибу «Отечественныхъ Записокъ», мнѣ показалось, что вся наша современная литература, начиная съ г. Гончарова и кончая Марко Вовчкомъ, есть ничто иное какъ огромный скандалъ. У меня есть сосѣдъ по мнѣнію, человекъ добрый, но очень-незлюбившій русской литературы съ тѣхъ поръ, какъ подвѣтъ былъ одинъ извѣстный вопросъ, — такъ онъ теперь все носитъ съ «Отечественными Записками» и вѣсѣмъ тычетъ пальцемъ, смотрите, дескать, полюбуйтесь, вотъ она литература-то скандаловъ. Я бѣ ее еще не такъ отдѣлалъ!

И если подумаешь, что весь этотъ шумъ, всѣ эти обвиненія происходятъ оттого только, что въ фельетонныхъ отдѣлахъ нѣко-

которыхъ журналовъ задѣты двѣ-три личности, уже черезъ-чуръ зарасовавшіеся передъ общественнымъ мнѣніемъ, личности, которыя уже черезъ-чуръ затолклись у насъ передъ глазами, такъ что зарябило у насъ до слезъ, какъ иногда рябитъ, когда долго засмотришься на облако *толкушъ* (*), сплывающихъ передъ вами въ тихій лѣтній вечеръ; — такъ вотъ, если подумаешь только объ этомъ, то вольно скажешь, что молода еще наша литература, если такіе пошлые и почтенные журналы такъ неловко проговариваются. Впрочемъ и то сказать, въ извѣстныя лѣта начинаешь дѣлать престранныя вещи.

Нѣтъ ничего нелѣпѣе и виѣстѣ смѣшнѣе этихъ криковъ о скандалахъ, особенно если взять въ соображеніе, что ихъ выпускаютъ Отеч. Зав. и Библиотека для Чтенія. Я не говорю уже о Петербургскихъ Вѣдомостяхъ; для насъ давно не тайна, что эта газета состоитъ по особымъ порученіямъ и на посылкахъ у Отечественныхъ Записокъ. Осевніе походы ея перешли ей по наслѣдству отъ прежней Сѣверной Пчелы и давно уже перестали удивлять даже насъ провинціаловъ. Впрочемъ эта газета до того уже упала въ общественномъ мнѣніи, что на нее даже никто не отвѣчаетъ. Какія нападки она ни дѣлаетъ на Современникъ или на Русскій Вѣстникъ, эти журналы даже не оборачиваются посмотрѣть, откуда на нихъ сіе? Мало видно дѣлать разныхъ улучшеній, заводить разныхъ корреспондентовъ (впрочемъ надо отдать имъ справедливость, скучноватыхъ) единственно потому, что другая газета въ самомъ дѣлѣ улучшается и грозитъ опасной конкуренціей. Все это внѣшнія улучшенія, и газета по прежнему будетъ падать, если не начнетъ издаваться на прямыхъ, безукоризненныхъ основаніяхъ. Но какъ могли такъ переполошиться Отечественныя Записки, которыя постоянно ратовали за гласность и за свободу мнѣній. Такъ-то вотъ и всегда у насъ. Иной господивъ цѣлую жизнь свою кричитъ о гласности, приобрѣтаетъ себѣ этотъ рангъ литературнаго генерала; начинаетъ смотрѣть такой важной особой; а чуть крошечку кольнуть его, начинаетъ кричать караулъ, скандалъ на всю русскую литературу. По моему мнѣнію у насъ скандалъ скорѣе можно встрѣтить въ такъ-называемой серьезной статьѣ, чѣмъ въ стихахъ и фельетонахъ. И въ самомъ дѣлѣ весь скандалъ, о которомъ раскричались почтенные журналы, сходится на два на три стихотворенія, да на два-три фельетона.

Если эти стихи и статейки — скандалъ, то прямо утверждаю, что есть другіе скандалы гораздо болѣе серьезные. Развѣ не скандалъ

(*). Изъ всѣхъ толкушъ самая скучная есть безъ сомнѣнія литературная толкуша. Что бы г. Панаеву въ панданъ къ своей прекрасной повѣсти: «литературная глян.» описать литературную толкушу.

напримѣръ эта тревожная и, теперь можно сказать утвердительно, несклончаемая переписка г. Каткова съ г-жою Евгенією Туръ? Можно ли такъ зарисоваться передъ общественнымъ мнѣніемъ и смотрѣть на свои домашнія дѣла, на свою домашнюю стирку, какъ на дѣло великой важности, какъ на какое-то чуть не государственное дѣло, въ которомъ каждый изъ читателей непременно обязанъ принять участіе? Развѣ не скандалъ въ своемъ родѣ статья г. Дудышкина о Пушкинѣ, статья, которая сама себя испугалась и поспѣшила уволкнуть? Развѣ не скандалъ нѣкоторыя статьи г. Бова въ «Современникѣ»? Развѣ не скандалъ само объявленіе объ изданіи «Отеч. Зап.» въ будущемъ году? Утверждать, что послѣ Бѣлинскаго началась только серьезная критика и оцѣнка нашихъ писателей, между тѣмъ какъ вся-то эта критика вплоть до 54 года занималась весьма важными спорами о томъ, въ какомъ году родился такой-то писатель и въ какомъ мѣсяцѣ получилъ онъ такую-то награду, — утверждать это, по моему, скандалъ. Развѣ не скандалъ говорить о своей собственной драмѣ, какъ о счастливомъ приобрѣтеніи для журнала? Намъ *посчастливилось*, говоритъ г. Писемскій въ своемъ объявленіи, да еще подписывается подъ нимъ, — *посчастливилось* со-
 вокупить три лучшія произведенія русской литературы за 60-й годъ, и въ томъ числѣ называетъ свою драму. А ученые скандалы «Современника», а ваша серьезная авторитетность, съ которою вы часто говорите о пустякахъ, а ваша лесть перелъ литературными авторитетами — развѣ это не скандалъ? Въдъ бывали примѣры, что иные рецензенты забѣгали къ такому-то литературному генералу, за тѣмъ, чтобъ попросить у него позволенія не совсѣмъ одобрительно отозваться о такомъ-то мѣстѣ или о такой сценѣ его романа или повѣсти. Можетъ быть вы не знаете такихъ рецензентовъ? А я даже видѣлъ карикатуру на этотъ случай. Да чего лучше? Въ «Отеч. Зап.» однажды заразъ прочелъ двѣ критики на повѣсть «Наканунъ» г. Тургенева. Одну, написанную кажется г. Басистовымъ, а другую доставленную самимъ г. Тургеневымъ, а ему вѣроятно откуда-нибудь присланную. Первую я уже позабылъ: въ ней все такіе фимиамы были... Вторая написана была съ достоинствомъ: Въ ней прямо говорилось что худо, что хорошо въ повѣсти г. Тургенева. Чтось бы вы думали, милостивый государь? вездѣ, гдѣ критикъ порицалъ автора «Записокъ Охотвика», вездѣ редакція поспѣшила заявить свое несогласіе. Чего бы ужъ тутъ кажется лебезить редакціи? Г. Тургеневъ самъ прислалъ эту критику въ редакцію, самъ хотѣлъ не скрыть отъ публики не совсѣмъ благосклонныхъ отзывовъ остроумнаго критика — вѣтъ! и тутъ нужно подкурить. А все надежда получить отъ знаменитаго нувелиста... хоть что-ни-

будь, лишь бы только одно имя. И въ самомъ дѣлѣ въ объявленіи объ изданіи «Отеч. Зап.» въ числѣ разныхъ именъ стоитъ и имя г. Тургенева. Не знаю, много ли пишутъ тамъ господа А. и Б., но, по крайней мѣрѣ, знаю, что въ послѣдніе года не встрѣчала въ нихъ повѣстей г. Тургенева, а между тѣмъ имя его съ неутонимаю уворствомъ соврѣняется въ ежегодныхъ объявленіяхъ «Отеч. Зап.» Я ужь думаю, милостивый государь, не участвуетъ ли въ нихъ зашь романистъ подь какимъ-нибудь псевдонимомъ.

Мнѣ приходитъ теперь на мысль, милостивый государь, что если когда-нибудь появится въ печати напимърь переписка покойнаго Блинскаго съ его московскими друзьями, — чтожь? и она будетъ скандаломъ въ нашей литературѣ? Вы, можетъ, скажете: пусть художникъ беретъ свои типы изъ дѣйствительности, но зачѣмъ же публиковать тѣ лица, тѣ факты, которые дали ему первую мысль и побудили его написать свое художественное произведение? Все такъ, отвѣчаю я, не почему жъ не опубликовать в лица, если она дѣйствительно достойны взора или посмѣянія? Отчего не указать на нихъ пальцемъ? Художественное произведение само по себѣ, а гласность сама по себѣ; неужели жъ вы пойдете противъ гласности? Вѣдь кричали-же въ первое время появленія Гоголя, что его лица недѣйствительны, что такихъ лицъ не бываетъ въ натурѣ. И сколько кричали-то! А еслибъ рядомъ съ художественнымъ произведеніемъ была тогда и гласность, публика бы увидела, что правъ Гоголь, а виноваты его обвинители. Вотъ въ этомъ-то смѣхѣ я и говорю, что безъ гласности проиграть и художественное произведение. Неужели жъ, повторяю, эта переписка будетъ тѣмъ родомъ литературы, «въ которомъ играетъ главную роль лицо, а не идея, фактъ, а не творческое созданіе», какъ начинають Отечественныя Записки свое строгое слово? Ну, чтожь, что тутъ лицо, а не идея? что тутъ фактъ, а не творческое созданіе? Никакая литература въ мірѣ не можетъ обойтись безъ этого рода: безъ идеи, а тѣмъ болѣе: литература развивающаяся, богатѣющая, вступающая въ права свои. Творческое созданіе, нѣтъ спора, вещь прекрасная, а стою за те. Но если въ литературѣ будетъ все шито да крыто, если до насъ не будутъ доходить иногда вѣсти о томъ, какъ безачинствуетъ сильный надъ слабымъ, къ какимъ плутишкамъ приближаетъ такой-то спущающій и какъ грабитъ бѣдный людъ, такое-то лицо, неостальное правительство, чтобъ оберегать людей, а не грабить; какъ иногда зарисовывается ослѣпленный счастьемъ такой-то промышленникъ; — то отъ этого, право, потереть и творческое созданіе. Вѣдь изъ лица, живыхъ, сущихъ, богатыхъ, бѣдныхъ, честныхъ и плутишекъ создается все свои типы

видеть суммы фактовъ, выдвигаемыхъ народомъ, создать оное суммъ периодіи? Вы называете это литературою скандаловъ, а я называю это черною работою, стелажамъ, извѣстною и глянной для чуждымъ вамъ творческаго созданія.

Позвольте мнѣ, милостивый государь, прослѣдить по пунктамъ, изд. статью «Отеч. Зап.» Она замѣчательна до многихъ отношеній. Сверхъ того, надобно же наконецъ показать въ некоторомъ журналѣ, что въ наше время трудно уже такъ морочить читающую публику, какъ морочили ее въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. Она уже не та, она много выросла въ послѣдніе года, ея прибыло. Какъ ни скрыты ваши потаенныя нитки, которыми вы двигаете ваши марионетки, она видитъ эти нитки и очень хорошо знаетъ, къ чему все это клонится. Она не виновата, что вы остались тѣ же и при тѣхъ же понятияхъ, мнѣніяхъ и вѣрованіяхъ, что и въ сороковыхъ годахъ. Вѣрно жъ вамъ было не замѣчать ея чуднаго роста. Она уже не прежній ребенокъ: она очень хорошо видитъ и мои осеніе походы, хоть вы прямо и не говорите, что дескать, любезные читатели, не подписывайтесь на такой-то журналъ; изд. прехвой грубой формы вы уже выжили. *Ө. В. Булгаринъ* теперь уже невозможенъ. Видитъ публика и наши журнальныя вражды, подвизаемыя будто бы изъ-за принциповъ науки или искусства, а на самомъ дѣлѣ изъ очень ничтожныхъ цѣлей. Въ *протоколѣ общества любителей изучающимъ литераторамъ и ученымъ* (4 октября), по поводу разныхъ упрековъ обществу, было сказано: ... «такіе упреки, приводимые до общаго свѣдѣнія и остающіеся безъ отвѣта, вредятъ цѣлому обществу въ мнѣніи провинціальныхъ его членовъ и той части публики, которая не посвящена въ тайны петербургской журналистики и петербургскихъ литературныхъ отношеній. Стало бытъ дѣйствительно существуютъ тайны петербургской журналистики и петербургскихъ литературныхъ отношеній. Отзывъ общества я считаю въ этомъ смыслѣ почти официальнымъ уведомленіемъ».

Обращаясь къ статьѣ «Отеч. Зап.» Эта статья, какъ вы уже знаете, написана по поводу сочиненій г. Панаева. Первая часть ея подписана какимъ-то не признаннымъ поэтомъ. Если «Отеч. Зап.» считаютъ скандаломъ стишки въ разныхъ шуточныхъ изданіяхъ и едетонъ Нового Поэта, то эта статейка тоже скандалъ. Она варируетъ въ такомъ тонѣ: *Ахъ, Иванъ Ивановичъ*; какъ вамъ не стыдно, *Иванъ Ивановичъ*; я отъ васъ этого никакъ не ожидалъ, *Иванъ Ивановичъ*; я васъ зналъ еще маленькимъ, *Иванъ Ивановичъ*! и т. д. и не смотря на это, я не назову этой пустынной статейки скандаломъ. Она — статейка неловкая, остроумная и даже дурнаго тона, но не скандалъ, тогда такъ какъ не составляютъ скандала и некие

стишки и фельетоны Нового Поэта. Конечно, помещенная въ серьезномъ отдѣлѣ такого серьезнаго журнала, какъ «Отеч. Зап.», журнала, говорящаго объ всемъ съ нахмуренною бровью, эта статейка какъ-то невольнo рѣжетъ глаза, но пусть ужь она не будетъ скандаломъ. Не всякая дурная шутка составляетъ литературный скандалъ. Привилегія или монополія скандаловъ остается за нашими серьезными журналами. Вотъ послѣсловіе этой статейки, написанное по всѣмъ признакамъ человѣкомъ очень близкимъ къ редакціи, человѣкомъ очевидно очень серьезнымъ, близко подходитъ къ скандалу.

«Этотъ-то родъ литературы, такъ начинается это послѣсловіе, въ которомъ играетъ главную роль *лицо*, а не идея, *фактъ*, а не творческое созданіе, получилъ у насъ широкое примѣненіе и образовалъ цѣлую литературу *скандаловъ*. Скандалы появились — мы уже теперь говоримъ не о г. Панаевѣ и Новомъ Поэтѣ — въ журналахъ толстыхъ и тонкихъ, на столбцахъ газетъ и еженедѣльныхъ изданій.»

Вы говорите не о г. Панаевѣ и не о Новомъ Поэтѣ? — такъ о комъ же? Ужь не объ обличительной ли литературѣ? Въ такомъ случаѣ въ критикѣ «Отеч. Зап.», которая, съ тѣхъ поръ какъ Бѣлинскій похмурилъ этотъ журналъ, сдѣлалась однимъ изъ безцвѣтнѣйшихъ его отдѣловъ, произойдетъ съ будущаго года значительная перемена. Она стало-быть прикинеть къ «Библиотекѣ для Чтенія», и у насъ вмѣсто одного журнала искусства для искусства, двинется ихъ два. Все-таки лучше имѣть хоть одно не совсѣмъ вѣрное направленіе, чѣмъ вовсе не имѣть никакого. Но вѣтъ; не то кажется хотѣть сказать «Отеч. Зап.» Продолжаю дѣлать выписки:

«Ему (т. е. этому роду литературы, гдѣ лицо и т. д.) преданы душой и тѣломъ всѣ бездарности, потому что онъ очень легкокъ; на немъ основываютъ свою репутацію вновь-появляющіеся журналы и газеты, потому что скандалъ заставляетъ говорить о себѣ и привлекаетъ подписчиковъ; къ нему прибѣгаютъ люди, которые и не имѣли его сначала въ виду, но въ разгарѣ полемики не сумѣли сдержаться себя. Городская сплетня, личная клевета заступила мѣсто таланта, и мы присутствуемъ при томъ безобразіи литературныхъ выходовъ, которое служить весьма-прискорбнымъ явленіемъ нашего времени.»

Нѣтъ, тутъ очевидно не обличительная литература. Тутъ опять о стихахъ, и я, на котораго, слава Богу, не пишутъ еще ни стихковъ, ни эпиграммъ, и у котораго потому кровь течетъ правильно и покойно, я никакъ не могу понять ни такого ожесточенія, ни такого преувеличенія. Прочтя вышеприведенныя строки, право подумаешь, что у насъ не осталось уже ни одного таланта и всѣ они пустились писать смѣхотворные стишки на почтеннаго редактора

«Отеч. Зап.» потому что, замѣтите, кто пишетъ подобныя стихи, тотъ ужъ не талантъ. Подумаешь, что вся наша литература: и мужичны-писатели и дамы-писательницы и дѣти-писатели и псевдонимы и анонимы, бросили писать романы, комедіи и новѣсти и стали выдѣлывать только скандалы. Ну, можно ли такъ волноваться изъ-за такихъ нустяковъ? Вся-то эта по вашему литература скандаловъ сводится на нѣсколько стихотвореній, которыя всѣ на перечеть. Надобно ужъ слишкомъ сильно принять къ сердцу нѣсколько куплетовъ, чтобъ изъ-за этого поднять такой гвалтъ. Миѣ, человѣку постороннему и, главное, хладнокровному, хочется сказать почтенному редактору: милостивый государь, вы любите гласность, но крайней мѣрѣ вы съ самаго основанія своего прекраснаго журнала звали къ ней, ждали и звали ее. И вотъ вдругъ, съ началомъ нынѣшняго благословеннаго царствованія, разступились облака, заволакивавшія наше небо, и сквозь нихъ весело проглянулъ голубой клочекъ его. Стало возможнымъ осмѣивать нѣкоторыя лица или всѣмъ надоѣвшія или злоупотребившія законъ и власть нынѣ предоставляемую или наконецъ такія, какъ напримѣръ господинъ Козляиновъ, которые нѣтъ-нѣтъ да и отдуются нѣмку. Виѣсть съ куплетами на этихъ господъ, вѣроятно по ошибкѣ написали нѣсколько куплетовъ и на васъ. Ну, чтожъ что написали — великая важность! Неужели жъ изъ того, что гласность разъ ошиблась, — делай ее. Нѣтъ, милостивый государь, если вы любите гласность, извиняйте и уклоненія ея. Вы конечно не оскорбитесь, если я поставлю лорда Пальмерстона на одну доску съ вами — онъ человѣкъ почтенный во всѣхъ отношеніяхъ — что жъ? онъ не обижается, когда его *продернуть* иногда въ двадцати или тридцати оппозиціонныхъ журналахъ, да осмѣютъ въ десяткахъ путевыхъ, да обругаютъ на чемъ свѣтъ стоитъ въ сотняхъ иностранныхъ — французскихъ, нѣмецкихъ, американскихъ. Попробуйте, что послѣ всего этого продергиванія онъ кушаетъ съ своимъ обыкновеннымъ аппетитомъ, и ночью, когда говоритъ въ палатѣ, голосъ его не дрожитъ и не взволнованъ нисколько. И никогда на умъ ему не вспадетъ желать уничтоженія гласности. И за кого вы стоите, за кого вы ратуете, милостивый государь? За господъ Гусиныхъ, Сорокиныхъ, Козляиновыхъ, Аскоченскихъ, потому что если не считать васъ, милостивый государь, васъ, котораго задѣли можетъ быть по недоразумѣнію, вѣдь куплеты писались только на подобныя лица. Стало-быть все, что вы писали о гласности, всѣ ваши воззванія къ ней, вся ваша жажда ея — все это были слова, слова и слова?.. Стало быть пусть пишутъ про другихъ, вы будете молчать и посмѣемся еще съ пріятелями надъ осмѣянными

людьми, только бы пасть-то по трогали. Нѣтъ, милостивый государь, ваше покаяніе (я старикъ, сохъ съ старикъ, у меня и ноги уже не ходять, и потому я не принадлежу къ вашему покаянію) и безъ того уже много играло словами. Можеть-быть историческая роль его была играть словами, но изъ этихъ словъ растетъ теперь новое покаяніе, для котораго слово и дѣло, можеть-быть, будутъ синонимами и которое понимаетъ гласность нѣсколько шире, чѣмъ вы понимаете ее. Я согласенъ, что вамъ все это крайне неприятно; я знаю изъ разныхъ печатныхъ статей, что вамъ всюду выбираютъ на почетномъ мѣста: вы членъ комитета литературнаго фонда, вы даже назначенъ его, вы главный редакторъ энциклопедическаго лексикона, вы, однимъ словомъ — лицо, а не то что какая-нибудь персона; понимаю, еще разъ понимаю, какъ вамъ все это неприятно, но что жъ дѣлать? укрѣпитесь. Нельзя же вдругъ выкинуть изъ жизни прежнюю либеральную голу, прежнія вѣрованія. Такое ужъ видно время, слава Богу, пришло, что и лицомъ-то нельзя быть безъ этихъ вѣрованій.

Вы тоже неправы, милостивый государь, и съ точки зрѣнія риторикъ и пѣяны. Разверните Кошанскаго, и вы увидите, что эпиграмма, куплетъ и даже трюлетъ (этотъ послѣдній родъ забыть, къ сожалѣнію, съ самаго Карамзина) имѣютъ въ каждой литературѣ право гражданства. Лучшія эпиграммы писалъ Пушкинъ. Право, какъ пораздумаешь, милостивый государь, такъ и выйдетъ, что наше время не выдумало новаго пороха. Наши куплетисты и сатирики должны сознаться, что и они повторяютъ зады, да и вы, милостивый государь, повторяете зады же. Какъ до нихъ писались Пушкинымъ и другими нашими стихотворцами куплеты и эпиграммы, такъ и до васъ Фаддѣй Венедиктовичъ Булгаринъ тоже вотъ сильно возставалъ на этотъ родъ литературы, гдѣ «главную роль играетъ лицо, а не идея и т. д.», какъ вы выразились въ своемъ журналѣ. Вы тоже неправы и тамъ, гдѣ говорите, что этому роду «предела душой и тѣломъ всѣ бездариности, потому что онъ очень легокъ.» Во первыхъ онъ вовсе не легокъ: надо имѣть особый талантъ, чтобъ смѣшнить, особый складъ ума, чтобъ написать нѣчто остроумное и граціозное въ этомъ родѣ, а во вторыхъ должно сознаться, что большая часть стиховъ, написанныхъ въ честь разныхъ лицъ, были и граціозны и остроумны. Вы конечно по щеметливому велѣнію своему не можете быть судьбою въ этомъ дѣлѣ, а то непременно согласились бы со мною. Разумѣется изъ вѣжливости и арталичія, говоря съ вами, я не стану дѣлать выписокъ, но вспоминаю для примѣра ваше будто бы свиданіе съ господиномъ Черейрой въ «Искрѣ», который, сказать кстати, такъ грубо и неформально обо-

шлася съ Редаціею Санкт-Петербургскихъ Вѣдомостей, написать ей такое длинное, но тѣмъ не менѣе не совсѣмъ вѣжливое посланіе. Какъ угодно, а статья Искры въ высшей степени зла и остроумна, а въ этомъ вѣдѣ и заключается все качество виграммы. Позвольте мнѣ припомнить одно стихотвореніе, очевидно написанное не на васъ, хоть тамъ и есть слово «редакторъ», — но мало ли редакторовъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Ктому же для очистки совѣсти я впрочемъ посмотрѣлъ на вашъ портретъ въ изданіи Мюнстера и увидалъ, что волосы ваши прямые и гладкіе, а тутъ воспѣвается какой-то кудрявый редакторъ. Мнѣ потому хочется привести здѣсь эти стихи, что они очень милы и граціозны, а главное не обидны и не злы. Я говорю здѣсь о стихотвореніи:

Блуждаетъ старецъ среброкудрый
Между тиролекъ и цыганъ;
Что ищетъ онъ, редакторъ мудрый,
Что потерялъ въ кафе-шантанъ.

Поетъ и пляшетъ трушпа Лента,
Фохтъ чуднымъ свѣтомъ залитъ садъ,
И точно радужная лента,
Камелий пышныхъ вьется рядъ.

Слѣдующаго куплета не помню, а справиться негдѣ; но вотъ послѣдній:

Предъ нимъ волнуется и свещетъ
Неугомонная толпа,
А онъ, мятежный, Ицку ищетъ,
Чтобъ говорить про откупа.

Какъ угодно, милостивый государь, а это премиленькая пѣщница въ своемъ родѣ. Жаль, что я позабылъ пропущенный куплетъ: въ немъ была пресѣшная переводъ французскаго слова *café-chantant*.

Вы ссоздаётеся также, милостивый государь, что всѣ подобныя вещи заставляютъ говорить о себѣ и привлекаютъ подписчиковъ. Если вы говорите это, то вамъ можно повѣрить на слово, потому что изъ всѣхъ редакторовъ, вы конечно наипытѣйшій. Но вѣдь вотъ что выходитъ изъ этого: если они привлекаютъ подписчиковъ, стало-быть публика ихъ любитъ? Да, это фактъ, но отнюдь не грустный, и публика нельзя винить за это, какъ вы это дѣлаете далѣе въ статьѣ своей. Буду продолжать выписки:

«Городская сплетня, личная клевета заступила мѣсто таланта, и мы присутствуемъ при томъ безобразіи литературныхъ выходовъ, которое слушать весьма прискорбнымъ явленіемъ настоящаго вре-

мени. *Забито честное труженничество, лютъ и пожиму объ идеѣ и искусствѣ — и паясничество назвало себя сатирой.»*

Это безспорно очень краснорѣчиво, но гдѣ же тутъ правда? Какая была у насъ литература, такая и осталась. Въ послѣдніе годы, слава Богу, никто изъ нашихъ талантовъ не умеръ. Всѣ они налицо. Какъ писали прежде, такъ и теперь пишутъ. Новыхъ талантовъ прибавилось немного, стало-быть и въ этомъ отношеніи все у насъ по старому. Кто же изъ нихъ забылъ честное труженничество, кто же изъ нихъ забылъ объ идеѣ и объ искусствѣ? — Вотъ вопросы, на которые трудно будетъ кому-нибудь отвѣтить. Обвинять всю литературу въ скандалахъ и паясничествѣ, это, какъ хотите, немного странно.

«Нѣтъ надобности указывать на мелочи дразговъ, которые писать. Не съ этой цѣлью мы и характеризуемъ ихъ. Явленіе болѣе прискорбно, нежели кажется съ перваго взгляда, и мы полагаемъ, что пораздумать о немъ пора каждому, сколько нибудь уважающему себя литератору.»

Пораздумать, почему не пораздумать. Но вотъ въ чемъ дѣло: литераторъ пожалуй и пораздумаетъ, да и приметъ на свой счетъ все, что вы тутъ наговорили. Вѣдь вы такъ все обобщили, что мнѣ кажется, и я виноватъ въ скандалахъ, что и я только и занятъ, что «дразгами, которыя кишать». Такъ зачѣмъ же кишать эти дразги? Зачѣмъ подавать поводъ къ этимъ дразгамъ? Вѣдь вотъ тотъ редакторъ, о которомъ сложено вышеприведенное мною стихотвореніе, можетъ тоже, какъ и вы, сказать, что это дразги, и обвинить въ этихъ дразгахъ всю литературу. Прекрасно, но зачѣмъ же онъ подастъ поводъ къ этимъ дразгамъ. Зачѣмъ ему искать какого-то Ицку? Чтобъ говорить про откупа? а зачѣмъ ему говорить про откупа? Если онъ редакторъ изданія, претендующаго на современность, такъ онъ долженъ бы говорить противъ откуповъ и чуждаться всякихъ Идекъ. За Идекъ-то надъ нимъ и смѣются. А то онъ будетъ писать одно, а дѣлать другое: тогда-то вотъ и выйдетъ настоящій скандалъ.

Но продолжаю:

«Въ чемъ искать его (этого явленія) причину? Главная причина состоитъ въ разложениі тѣхъ элементовъ нашей литературы, которыми она жила до сихъ поръ. Была она однообразна, сдержана и твердо вѣрива нѣсколькимъ, весьма-немногимъ и самымъ несложнымъ принципамъ. Лишь только началось разложеніе, лишь только начали старѣть начала, которыми жила литература — начались и насмѣшки надъ тѣмъ, что устарѣло.»

И слава Богу! О чемъ же тутъ жалѣть? И прекрасно, что нача-

лись насмѣшки надъ тѣмъ, что устарѣло и что мѣняется. И притомъ, что тѣ *идеялы нашей литературы, которыми она жила до сихъ поръ, разложались*, хотя это простое понятіе могло бы быть попроще выражено. Но такъ-какъ мы всѣ уже привыкли къ ученому слогу «Отеч. Зап.», то понимаемъ его отлично. Не замечаю я только, о чемъ же тутъ жалуютъ «Отеч. Зап.» или въ чемъ обвиняютъ они нашу литературу? Сидѣть надъ тѣмъ, что устарѣло, отжило, но упрямо не сходитъ со сцены, упрямо копошится и аллопочеть у всѣхъ передъ глазами, — право не предосудительно. Гораздо хуже было бы молчаніе или равнодушіе. Когда смѣются, значитъ принимаютъ участіе, значитъ, что мысль о незаконности или несвоевременности того или другаго явленія уже осмыслена общественнымъ сознаніемъ, значитъ, что общество уже оторвало отъ себя это устарѣлое явленіе, какъ вредный паростъ, и смотритъ на него, какъ на предметъ посторонній. Если это явленіе *насмѣло* хочетъ навязывать себя обществу, надо бороться съ нимъ, ну хоть насмѣшкой, если ей одной можно бороться. «Отеч. Зап.» должны бы знать, что орудія для борьбы нельзя выбирать по произволу. Употребляются тѣ, какія употребить можно.

• Но эти насмѣшки (продолжаютъ «Отеч. Зап.») все-таки ограничались бы насмѣшками надъ ученіями, идеями, а не лицами, еслибъ *литературное общество* жило у насъ давно и выработало себѣ извѣстные законы, безъ которыхъ не можетъ жить никакое общество. Этого-то и не было. »

Дѣйствительно такъ; законовъ литературныхъ *литературное общество* не выработало. Но вотъ что: англійское и французское общество выработали себѣ на этотъ счетъ всевозможные законы, — и такіе, передъ которыми преступившіе ихъ отвѣчаютъ въ судѣ, и такіе, передъ которыми оправдываются въ общественной мнѣніи, оправдываются передъ установленными приличіями и наконецъ передъ своей собственной совѣстію. А все-таки и тамъ борьба шла не съ одними ученіями, но и съ лицами. Вспомните напримѣръ все царствованіе Луи Филиппа и все послѣдующее время до возстановленія Имперіи. Вспомните, какъ въ каждомъ номерѣ какого нибудь Фигаро, Шаривари или «Journal roug rige» фигурировали въ карикатурахъ портреты людей съ европейскою извѣстностію. Вспомните насмѣшки надъ Тьеромъ, Гизо, главами соціалистовъ, надъ Прудомъ, Кабе, Пьеронъ-Деру. Это въ шуточныхъ журналахъ; въ серьезныхъ было тоже: доказательство найдете во множествѣ литературныхъ процессовъ того времени. Въ англійской литературѣ чуть ли еще не сильнѣе все это было, да и теперь есть. Да и вы сами, который такъ мудро провозвѣдуете теперь умѣренность, (за настоящую умѣренность,

позвольте утѣшить васъ, и я стою), вспомните ваши древнія распри съ устарѣлыми учениями, вспомните ваши статьи Булгарину или Полевому и т. п., хотя по поводу значенія Гоголя. Барясь съ учениями, вы не шалили и лгали, а это уже не въ шуточномъ отдѣлѣ, котораго у васъ никогда и не было (похвально или не похвально это, не знаю), а въ серьезномъ, въ критикѣ. Пережившая старыя бѣды ваши съ такими прежними недругами, удивляешься возможности нѣкоторыхъ выраженій въ печати и нисколько чувствуешь, что наше время сбѣжало большой шагъ впередъ! Посмотрите, какъ все прилично и чинно въ нашихъ современныхъ критикахъ. Пржеиш брани и слѣдовъ нѣтъ. Позволяются только намеки и то тонкіе и, главное, почти всегда справедливые. Недавно г. Чернышевскій не употребилъ такихъ трюковъ намековъ относительно г. Погодина, и посмотрѣли бы вы, какъ даже у насъ въ захоластьѣ тежало на это палачанин. Воображаю, что было у насъ въ Петербургѣ и въ какое негодованіе должны были прийти вы, милостивый государь. Воображаю потому, что самъ былъ сильно взволнованъ. Нѣтъ, что вы говорите, а у насъ есть общественное мнѣніе и такъ ругаться, какъ ругались нечестно въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, теперь уже невозможно. Произошло сильное смягченіе въ литературныхъ нравахъ.

Прошедшее представляло намъ немного удачныхъ приемовъ борьбы стараго съ новымъ: настоящее, захваченное врасплохъ серьезностію задачи, выказало скоро скромный запасъ своихъ свѣдѣній. Люди опытные и знающіе старались удержаться въ границахъ; люди, болѣе отважные нежели знающіе, болѣе молодые нежели талантливые, *сломались въ насильству надъ наукою и литературою*, который какъ бы ни были ограничены своимъ объемомъ у насъ, все-таки стоятъ недосагаемо выше тѣхъ насмѣшекъ, которыми ихъ подчуютъ. Началось насмѣшки надъ *исторіей*, надъ *литературою*, надъ политическою экономіей и публицистами запада въ то время, когда мы, по нашимъ познаніямъ, были пигмеи передъ этими авторитетами, и кончилось свистомъ, безъ всякихъ разсужденій, надъ лицами, трудившимися надъ исторіей, литературою и политическими науками.

Издѣсь я вижу, милостивый государь, большія натяжки. Накто у насъ, положительно никто не смѣлся, ни надъ литературою, ни надъ исторіей или вообще надъ наукою. Если и были насмѣшки, то не надъ наукою, а надъ какою-нибудь видою, надъ какою-нибудь формою науки. Не соглашаться съ чѣмъ-нибудь, имѣть свое мнѣніе, даже будь оно и неосновательное, не грѣхъ; смѣяться надъ какою-нибудь научнымъ мнѣніемъ еще не значитъ смѣяться надъ самой наукою. Очень позволительно надиримѣръ насмѣяться надъ тѣмъ, что Варяги были Литвины, а не Норманы, или на

оборотъ; смотря потому, кто какого мнѣнія придерживается; но это еще не значитъ, чтобъ смѣящіеся издѣвались надъ исторіей. Точно тоже можно сказать и относительно лицъ, употребляющихъ различныя теоріи въ наукѣ. Г. де-Моллинаръ, г. Костомаровъ, г. Погодинъ, г. Бабстъ, вы сами, милостивый государь, — люди общественные. Въ первый разъ, оставивъ имя свое подъ печатной статьёю, они уже перестали быть людьми частными. Они выступили на всеобщій судъ и осужденіе. Оставьте же полную свободу суду в этомъ осужденіи. Вы журналистъ — такъ вступайтесь за нихъ, боритесь за нихъ, если раздѣляете ихъ возрѣнія, но не говорите, что протѣнники ваши, смѣясь надъ ними, порадаждѣхъ, этимъ самымъ попираютъ науку. Наука стоитъ слишкомъ высоко, чтобъ можно было безнаказанно попирать ее. Попираются разныя ученія науки, а не самая наука. Тоже самое можно примѣнить и къ литературѣ. Неужели смѣяться надъ стихами г. Случевского (у котораго впрочемъ, можетъ быть, и есть дарованіе, но еще не установленнаго) значитъ смѣяться надъ литературой.

Когда вы заговорили о свистѣ, я вспомнилъ одно стихотвореніе въ «Современникѣ» или въ его свистѣ. Въ памяти моей осталось только три или четыре стиха, и то безъ всякой связи съ предъидущими:

...Ученый Бабстъ стихами Розенгейма

Тамъ подирѣвляеть мнѣнія свои...

дальше не помню; или вотъ эти: тамъ, въ Москвѣ, гдѣ

Какъ водопадъ бушуетъ Русскій Вѣстникъ,

Гдѣ Атеней, какъ ручеекъ журчалъ...

Богъ знаетъ почему иногда удержится въ памяти одна какая-нибудь набудъ стихъ, да и то не всегда лучший, между тѣмъ какъ другіе всѣ улечувываются. Это «почему» тоже, милостивый государь, вопросъ, о которомъ Гейне, напримѣръ, написалъ бы чувныхъ двѣтри страницы. Что касается до меня, то я знаю только, что онъ ихъ уже не напишетъ, и потому опять говорю, что вашъ намекъ о свистѣ напомнилъ мнѣ свистокъ, а потомъ и это стихотвореніе. Ужь не изъ него ли вы такъ ополчились? Ну что жъ, что г. Бабстъ подкрѣпляетъ свои мнѣнія стихами г. Розенгейма. Въ этомъ ничего нѣтъ предосудительнаго. Пусть подкрѣпляетъ, хотя мнѣ лично, милостивый государь, нравится болѣе г. Диліеншвагеръ. У всякаго свой вкусъ; и я увѣренъ, что г. Бабстъ, какъ человекъ очень умный; судя по его сочиненіямъ, а главное, какъ человекъ весьма талантливый, только улыбулся, прочитавъ о себѣ это двустипіе. «Русскій же Вѣстникъ» долженъ былъ остаться очень доволенъ тѣмъ, что его сравнили съ водопадомъ.

Но я чувствую, что говорю о пустякахъ. Въ этомъ виновата не-та же серьезная статья... по поводу разныхъ пустяковъ, потому что въ свистѣ, о которомъ вы такъ торжественно говорите и который вы очевидно приберегли къ концу, какъ иной поэтъ приберегаетъ къ концу свой наилучшій стихъ, чтобъ поразить, ошеломить, убѣ-дить слушателя или читателя — ровно ничего не было серьезнаго.

• Какъ только раздался свистъ — его могло остановить общество, могло и поощрить тоже общество. •

А за чѣмъ? позвольте спросить. Зачѣмъ останавливать? Пусть свистнутъ. Они иногда очень смѣшно свистнутъ. И то ужъ хорошо, что покрайней-мѣрѣ можно свистать. И безъ васъ найдется много охотниковъ прекращать, искоренять и очищать. Пусть себѣ сви-стнутъ! Если свистъ будетъ кстати, общество, къ которому вы взываете о приостановленіи его, будетъ въ выигрышѣ. Если же онъ окажется дурнымъ, то, повѣрьте, онъ самъ собою прекра-тится: само общество прекратитъ его. Помойный Булгаринъ сви-сталъ бывало каждую субботу и досвистался до того, что убилъ въ общемъ инѣнн свою газету, хотя на нее и подписывались. Не помню, о чемъ вы хлончете. Знаменитый свистокъ едва ли уже не покончилъ своего существованія. Покрайней мѣрѣ редакция Современника въ объявленіи объ изданіи своего журнала на 1861 годъ необыкновенно робко и то въ выноскѣ и мелкимъ шрифтомъ упоминаетъ о немъ. А далеко ли то время, когда она съ гордостью считала свистокъ своимъ важнѣйшимъ отдѣломъ, употребляла на него лучшія свои силы. Пусть будетъ онъ и важнѣйшій, но зачѣмъ вы-то придаете ему такое огромное значеніе. Вещи часто стано-вятся важными не потому, чтобъ сами по себѣ были важны, а потому что всѣ считаютъ ихъ таковыми. Вы какъ будто боитесь, чтобъ онъ вмѣстѣ съ другими нашими шуточными журналами не увлекъ нашей публики, не совратилъ съ настоящаго пути нашего общества. Пустые страхи. Публика уже не вредный ребенокъ, вѣ-рившій когда-то всякому печатному слову. Въ послѣднія двадцать лѣтъ она кое-что прочла и кое надъ чѣмъ крѣпко задумывалась. Пусть свистнутъ; дайте полную свободу этому свисту; пусть публика прислушается къ нему. Это будетъ полезно и для васъ, писателей и журналистовъ. Вы подумайте, чему она будетъ сочувствовать, отъ чего она будетъ съ омерзениемъ отвращаться. Для васъ тутъ отличный случай узнать ее покороче. Вѣдь что ни говорите, а она еще соннися для васъ, и вы ее почти не знаете. Вы взываете къ обществу и говорите, что общество должно прекратить этотъ свистъ. Оно и прекратитъ его, если онъ часто будетъ свистаться

съ тону и вмѣсто смѣха, то добродушнаго, то волнаго, ставеть подчывать его влощадною бравью и вовсе неостроумными ругательствами. Смѣяться и заставлятъ другихъ смѣяться дѣло вовсе не легкое, милостивый государь. Чтобъ смѣяться, нужно сперва знать, надъ чѣмъ смѣяться, потомучто смѣяться надо всѣмъ безъ разбору значить ни надъ чѣмъ не смѣяться. Вы говорите :

• Какое жѣ наше общество? Достаточно ли оно подготовлено для рѣшенія этого вопроса? Что еслибъ подобный свистъ раздался — не говоримъ въ Германіи и Англии — но даже въ теперешней Франціи, какъ бы взглянуло на свистуновъ долго живущее литературною жизнью общество? Тамъ бы оно отвѣтало личной расправой, которая весьма действительна для лица, скрывающагося подъ псевдонимомъ; а потомъ и общими презрѣніемъ покрыло бы людей, которые глумятся безъ цѣли, смѣются надъ тѣмъ, что ихъ же вскормило. Дѣло литературы есть дѣло общества, и потому *Правительство на западѣ, давъ средства защитить личность, само ни во что не вмѣшивается.*

Въ этомъ дѣлѣ, мнѣ кажется, наше общество на столько же подготовлено, какъ и всякое другое, какъ французское, какъ англійское. Въ послѣдніе прожитые нами съ такимъ волненіемъ годы мы видѣли въ этихъ обществахъ столько неразумнаго смѣха, столько дикихъ вопіющихъ глумленій, что смѣло можно сказать: общество въ этомъ отношеніи вездѣ одинаково. Вся разница нашего общества отъ французскаго или англійскаго, (повторяю, только въ этомъ отношеніи) заключается въ томъ, что у насъ почти нѣтъ партій, по крайней мѣрѣ строго организованныхъ, и наше общество, если и смѣется иногда не впопадъ, то по крайней мѣрѣ безжорыстно. Смѣется, потомучто смѣшно, а не потомучто осмѣванная личность принадлежитъ къ враждебной какой-нибудь партіи. Да и на западѣ, милостивый государь, общество само по себѣ, а судъ самъ по себѣ. И тамъ одно общество не доставитъ еще удовлетворенія обиженному. Нумень еще для этого и судъ. Вы, кажется, принимаете общество за какое-то единичное лицо, которое вдругъ ни съ того ни съ сего придетъ къ обидчику, да и скажетъ ему: какъ вы смѣете, сударь, обижать такого-то? Вотъ я васъ! Неодобреніе, холодности общества въ этомъ случаѣ тоже неудовлетворительны. И тамъ вѣдь не безъ мѣдвнхъ лбовъ, которые не глядятъ ни на какое общественное мнѣніе. Прибѣгать же къ *личной расправѣ*, какъ вы намеряете, вездѣ возможно: это зависитъ отъ воли. Этой личной расправой и объясняются всѣ дуэли, о которыхъ мы, къ сожалѣнію, такъ часто слышимъ. Французскій фельетонистъ больше боится исторій, чѣмъ общественнаго мнѣнія. Посмѣется ли онъ, и то больше ради остраго слова, надъ какимъ-нибудь фантастическимъ

офицеровъ, ну хоть объѣздившея за ширинкой, какъ на другой день десятать уже вовсе не фантастическихъ офицеровъ, а какого-нибудь линейнаго полка съ померомъ, явится къ нему, принять слово его на свой счетъ, войдутъ въ гоноръ и поставятъ его на барьеръ. Тотъ въ токъ тигулярные совѣтники у Гоголя. Вотъ потому-то о французской арміи они говорятъ не иначе, какъ съ извѣщенной похвалою. Личная же расправа — самая печальная, самая смѣшная и самая неудовлетворительная изъ всѣхъ расправъ и бываетъ не въ одной Франціи или Англіи. Кто любитъ ее, тотъ можетъ прибѣгать къ ней вездѣ. Наши будочники въ прежнія времена это хорошо знали, а извѣстники и теперь любятъ этотъ способъ заширенія. Вотъ почему я никакъ не понимаю, какой логикѣ слѣдовали вы, милостивый государь, такъ торжественно объявить, что «тамъ (т. е. на западѣ) общество отвѣтало бы личной расправой, которая весьма дѣйствительна для лицъ, скрывающихся подъ псевдонимами.» Конечно позволительно защитить себя въ крайнемъ случаѣ и крайними средствами, но только тогда, когда вась лишаютъ чести, добраго имени, и лишаютъ несправедливо, то есть прямо клеветаютъ на вась, и когда наконецъ у вась въ виду нѣтъ другого настоящаго удовлетворенія, кромѣ личнаго. Гдѣ же нашелъ вы у вась, чтобы прямо, открыто на кого-нибудь клеветали? Если это и было, то клевета тотчасъ же бывала наказана. Если и было, то по крайней мѣрѣ вовсе не относилось къ литературѣ. Клевета есть подлость и, повѣрьте, в наша литература не смеетъ ея, не позволяетъ ея въ своей средѣ. Если же лицо не оклеветано, если оно дѣйствительно виновато, отвратительно или смѣшно, то оно подвержено общему суду или насмѣшкѣ съ той самой минуты, когда оно дѣлается общественнымъ, то есть заявить себя фактомъ.

Не понимаю я тоже и нашего слѣдующаго вопроса:

Таково ли наше общество? Потребовать отъ него того же, что мы вправѣ требовать отъ общества западнаго, давно осмыслите въ установившихся границахъ, опредѣлившаго себя, свои права и обязанности, мы не имѣемъ никакого права. Наше общество modeling въ литературномъ дѣлѣ до степени невѣроятной, хотя она въ этомъ несколько не виновата. Руководить это общество обязана была литература — а она, какъ барышей и легкой репутаціи, начала угождать ему! Чему угождать? Могъ ли угодить въ Германіи тамошнему обществу тотъ скандалъ, который господствуетъ у насъ? Отвѣчаемъ положительно: нѣтъ! Высота, на которой стоитъ тамъ наука и литература, задавила бы эти неудачныя порожденія бездарности и малограмотности. Въ Англіи — пуританизмъ общества (тоже весьма похвальная черта) и сильно развитая личность уничтожилъ бы его давно; во Франціи личная расправа сократила бы эти формы деморализованности и шаткости. А у

васъ что можете предпринять въ имъ общество, для котораго вы
двигаете и милое и любезное? Чья жь это обязанность? Конечно, не
 правительства, которому не усмотрѣть за всѣми мелочами. Общество
 должно само себя защитить, и т. д., и т. д.

Тутъ я уже не обращаюсь болѣе къ почтеннымъ редакторамъ
 «От. Зап.», а говорю съ вами, милостивый государи, и спрашиваю
 васъ, что это такое? Общество наше молодо, юно, зелено — прекрас-
 но! стало быть и вѣтъ съ него нечего. На вѣтъ и суда нѣтъ. И вотъ
 примеръ: совершенно увѣренъ, что въ этомъ отношеніи наше об-
 щество — какъ и всякое другое общество; но пусть будетъ оно моло-
 до, юно и зелено. Пусть руководить это юное общество должна ли-
 тература. Да вѣдь она же его и руководитъ. Что же послѣ этого дѣ-
 лали «От. Зап.» въ продолженіе столѣтій лѣтъ своего существо-
 ванія? Что же дѣлаютъ другіе наши журналы? Что же дѣлаютъ
 самые скандалы, какъ вы называете ихъ, — какъ не руководить
 этого общества? Чтобы звать, чему смѣяться и на что негодовать,
 оно должно же имѣть примѣры. Читая разные стишки, панфлеты и
 куплеты, оно этому и учится. Для общества это превосходнѣйшая
 школа, точно также какъ и для васъ, господъ журналистовъ и писате-
 лей. Между тѣмъ какъ общество испробуетъ мѣру и силу своихъ
 симпатій и своего отвращенія, вы, милостивые государи, всѣ, и пи-
 сатели и журналисты, вы по привычкѣ къ нѣкоторой свободѣ вы-
 раженія. Вѣдь не даромъ же вы такъ ждали и такъ алкали этой сво-
 боды выраженія. Вы такъ молили о ней всѣхъ боговъ Олимпа. Не-
 ужели и для васъ она будетъ неважнѣйшей каплей?

Нѣтъ, милостивые государи, поучитесь сами извинять нѣкто-
 рыя уклоненія этой свободы выраженія. Иначе и про васъ можно
 будетъ сказать, что вы также молоды, юны и зелены, какъ наша
 литература. Неужели знаменитая фраза: *мы не созрѣли*, несправед-
 ливая въ томъ случаѣ, при которомъ была произнесена, окажется
 справедливою только относительно насъ, предводителей и учителей
 общества, васъ, столбовъ литературы. Общество можетъ быть мо-
 лодымъ, оно даже всегда молодо, потому что всегда обновляется, до-
 лды, умудренныя и убѣжденные временемъ (ибо многіе изъ васъ убѣ-
 дены уже временемъ), вы не можете укрыться подъ это дѣтское и
 смѣшное извиненіе. Личность развитая и просвѣщенная всегда опе-
 режаетъ общество, а вы вѣдь гордитесь именно тѣмъ, что развиты и
 просвѣщены. И потому ваше дѣло вести это общество впередъ, и,
 главное, собою подавать примѣръ уваженія къ гласности. Нѣтъ,
 господа, вы не то чтобъ недозрѣли, а кажется презрѣли. Вы гово-
 рите, что общество наше молодо, что для него явленіе это (т. е.
 скандалы) и ново и неожиданно. Совершенно справедливо. Стало-

быть нечего и претендовать на общество, если оно ошибается, если смѣется надъ тѣмъ, что заслуживаетъ симпатію. А выѣшивать въ это дѣло правительство конечно не для чего, и въ этомъ я совершенно согласенъ съ «Отеч. Зап.»; мнѣ странно, что они даже выразили эту мысль и этимъ показали, какъ будто сами сомнѣваются въ ея непреложности.

Вотъ все, что я хотѣлъ сказать вамъ, милостивый государь, о скандалахъ. Повторяю, скандалы, по моему мнѣнію, не въ стихахъ и не въ фельетонахъ. Если же называть такъ стихи и фельетоны, то ужь скорѣе скандалы въ статьяхъ серьезныхъ и въ журналахъ важныхъ. По крайней мѣрѣ тамъ они и серьезнѣе и важнѣе. Когданибудь я поговорю подробнѣе о нихъ, а теперь и безъ того письмо мое вышло слишкомъ длинно. Если вы найдете его достойнымъ печати, то напечатайте и примите и пр. и пр.

ПОСТОРОННИЙ КРИТИКЪ

Р. З. Что же касается до книгъ гг. Ивана Панаева и Нового Поэта, то я перечелъ ихъ даже съ удовольствіемъ и не нашелъ въ нихъ явнаго скандала. Писано про какихъ-то нехорошихъ редакторовъ, про какихъ-то смѣшныхъ пріятелей. Почему я знаю, кто это? Еслижъ Новый Поэтъ дѣйствительно описываетъ живыя лица, настоящихъ своихъ пріятелей и непріятелей, — то пусть это остается на его совѣсти. Не мое дѣло. Только-бы не клеветалъ и не глумился надъ тѣмъ, что честно и справедливо и не смѣшно. О, тогда это и меня задѣнетъ, хотя и не про меня будетъ писано, — задѣветъ какъ дурной поступокъ, какъ нехорошее дѣло; но мнѣ кажется Новый Поэтъ всегда смѣется надъ тѣмъ, что въ самомъ дѣлѣ смѣшно, а повѣсти г. Панаева большею частію были напечатаны въ «Отеч. Зап.», гдѣ ихъ во время оно весьма хвалили. Онѣ и до сихъ поръ читается съ удовольствіемъ и нисколько не виноваты въ томъ, что г. Панаевъ изъ прежняго сотрудника «Отеч. Зап.» сдѣлался самъ редакторомъ Современника. Отзывать же о нихъ поэтому случаю, послѣ прежнихъ похвалъ, съ обидными насмѣшками — по моему скандалъ; настоящій, крупный, неопровержимый скандалъ.

Ноября 23 дня 1860 г.
Сельцо Спска-Горки.

Пѣсни и Думы изъ Гейне, переводы въ стихахъ А. Магтейселя. Москва. 1860 г.

Г. Гейне — Сборникъ стихотвореній иностранныхъ поэтовъ, въ переводѣ В. Д. Костомарова и Ѳ. Н. Берга. Москва. 1860 г.

Сочиненія Гейне въ переводѣ Петра Вейнберга, съ портретомъ Гейне. Проза и стихотворенія. Петербургъ. 1861 г.

Стихотворенія Гейне, въ переводахъ Ѳ. Миллера, Л. Мея, М. Михайлова, А. Григорьева, В. Крестовскаго, А. Фета и другихъ.

«Развратныя мысли Гейне перепортили все поколѣнiе...»

(изъ одного справочнаго энциклопедическаго словаря)

Не смотря на это знаменательное изрѣченiе, никому изъ иностранныхъ поэтовъ не посчастливилось такъ въ русской литературѣ, какъ Гейне. «Развратныя мысли» этого писателя, въ стихахъ и прозѣ, постоянно являются въ нашихъ журналахъ и газетахъ; мы не знаемъ почти ни одного русскаго поэта, который бы не перевелъ двухъ-трехъ стихотвореній изъ Гейне. Мы знаемъ даже такихъ переподчиковъ, которые больше ничего не ищутъ и не переводятъ, какъ одного Гейне. Казалось бы, что при такомъ изобилiи переводовъ, при такой видимой симпатiи къ произведенiямъ Гейне, мы должны бы совершенно познаться съ своеобразностью, съ оригинальной особенностью характера раздражительной, саркастической музы нѣмецкаго поэта. Но къ несчастью — русскiй Гейне совершенно не похожъ на нѣмецкаго. За немногими исключенiями, онъ является въ русской поэзи чѣмъ-то въ родѣ германскаго Трилунаго, Марко-Вовчкомъ въ стихахъ, унылымъ пѣвцомъ блѣдной луны и румяной розы, влюбленной въ соловья. Русскiй Гейне похожъ на остзейскую нѣмку, сентиментальную, по своему восторженнукъ, которая послѣ запаха дикорнаго кофе — всему предпочи-

тасть запахъ цвѣтовъ, которая по ночамъ говоритъ съ звѣздами о своемъ бѣлокуромъ Генрихѣ, живущемъ въ аптекѣ. Русскій Гейне — это альбомный пѣвецъ, влюбчивый юноша, съ розовой улыбкой и съ розовыми мечтами, но который впрочемъ не прочь иногда и пострадать, и поплакать, и пожаловаться на судьбу. Поэтому, у насъ каждый юный поэтъ, преслѣдуемый рѣчами и вдохновеніемъ домашняго приготовления, начинаетъ пробовать свои силы на Гейне и переводить изъ него, не переводя духу, какую серію стихотвореній — варіацій, которыя писать весьма легко и скоро.

Мы приведемъ здѣсь два стихотворенія, которыхъ пѣмецкій Гейне никогда не писалъ, но которыя, по нашему мнѣнію, совершенно характеризуютъ манеру переводнаго Гейне.

1

Отъ чего ты чахнешь, роза,
И склонилась, какъ въ испугѣ?
— Оттого, что мой румянецъ
Перешолъ къ твоей подругѣ.

Отчего шипы у розы
Умъ не колютъ съ прежней силой?
— Не горюй еще: ихъ иглы
Ты почувствуешь отъ милой.

2

Разуваясь, ходять въ небѣ
Звѣзды ножками босыми,
Чтобъ земля не пробудилась
Подъ туманами ночными.

Я давно люблю васъ, звѣзды,
И во всѣхъ вамъ подражаю,
И теперь, въ глухую полночь,
Садожъ съ себя снимаю.

Проберусь тихонько къ милой
Прямо, на ногу босую,
Чтобъ воснѣ не потревожить
Тетку старую, сѣдую.

Ходять звѣзды-босоножки,
Надъ землею сны вѣютъ протко,

И въ вѣкѣхъ востѣ играть

Подозрительная тетка.

Какъ ни мало въ этихъ двухъ образчикахъ образности насмѣшливыхъ, проиическихъ пѣсень Гейне, но мы знаемъ такіе изъ него переводы, и переводы лучшихъ нашихъ поэтовъ, гдѣ уже рѣшительно дѣлается неудовимымъ всякое сходство перевода съ оригиналомъ. Укажемъ на одинъ такой переводъ даровитаго нашего поэта Д. А. Мей, который переводитъ Гейне такъ :

ДОЛЯ И НЕДОЛЯ

(Изъ Гейне)

Доля — веселая дѣвка:
Все ей смѣшокъ да издѣвка —
Чмокнетъ тебя въ полночь,
Кудри растреплетъ и прочь!

А вотъ Недоля — старуха...
Какъ ни зайдетъ, кропотуха,
Такъ и засядетъ съ тобой;
• Миѣ, дескать, рано домой. •

Въ этомъ, впрочемъ удивительно-прекрасномъ, стихотвореніи нѣмецкій поэтъ, благодаря переводу, является уже не только русскимъ, но нижегородскимъ Гейне, съ типичностью славянскаго гуслира-пѣвца, въ смуромъ кафтанѣ и аломъ кушакѣ.

Вообще, чтобъ говорить о появленіи Гейне на русскомъ парнасѣ, нужно говорить обо всѣхъ нашихъ современныхъ поэтахъ. Какъ ни соблазняетъ насъ эта любопытная тема, разработкой которой мы занялись бы съ любовью, но имѣя въ виду другую цѣль, мы откладываемъ статью о современной поэзіи до другого раза. Впрочемъ исторія, которую мы будемъ рассказывать теперь, не лишена связи съ исторіей цѣлаго ряда нашихъ поэтовъ и, не смотря на свою дѣйствительность, имѣетъ смыслъ поучительной басни. Ея не

темную завязку

Не станемъ мы подробно объяснять,
Чтобъ кой-какихъ допросовъ избѣжать;
За то конецъ не будетъ безъ морали.

Первое ящито небольшого рассказа будетъ одинъ невѣстный иру поэтъ, который, если бы печаталъ въ настоящее время свои стихотворенія, — задалъ бы довольно трудную задачу современно-

му критику и вызвалъ бы не одну статью съ новой терминологіей Ап. Григорьева. — Но поэтъ, выводимый нами, къ несчастію печаталъ мало, хотя писалъ много, и при томъ печаталъ свои стихи давно, въ двухъ-трехъ сборникахъ и двухъ-трехъ почившихъ журналахъ. Имя его въ литературѣ неизвѣстно, потомучто подъ его произведеніями всегда стояли три огромныя звѣздочки. Поэтъ этотъ, извѣстный намъ почти съ самаго начала своего житейскаго поприща, умеръ только въ концѣ прошлаго года въ молчаливой бѣдности, неизвѣстный ни литературному фонду, ни русской академіи, которая въ некрологѣ своего календаря за вышній годъ съ горестью уведомляла о кончинѣ О. Булгарина, литератора, научившаго, по ея мнѣнію, всѣхъ насъ любить все изящное вообще и изящную русскую словесность въ лицѣ Ивана Выжигина въ особенностяхъ. Но, чтобъ не забѣгать впередъ, начнемъ ab ovo нашъ рассказъ о «поэтѣ трехъ звѣздочекъ.»

Въ то блаженное и далекое отъ насъ время, когда «Вѣстникъ Европы» пѣлъ вѣчную память престарѣлому классицизму и юный романтизмъ въ лицѣ «Бѣлой Лизы» Карамзина принимался съ восторгомъ всѣмъ молодымъ поколѣніемъ, — въ Москвѣ, въ приходѣ Николы на курьихъ ножкахъ, плодомъ любви двухъ бѣдныхъ, по благородныхъ супруговъ появился на свѣтъ Божій герой нашего разсказа. Родители, возблагодаривъ судьбу, пославшую имъ дѣтще, принялись за его *воспитаніе*, буквально принимая это слово, т. е. начали его *имтать*, откармливать, какъ-будто готовили сына на жертвенную трапезу какому-нибудь славянскому богу. Такое своеобразное, чисто замоскворѣцкое *воспитаніе* продолжалось до сѣмилѣтняго возраста. Ребенокъ началъ показывать блестящія умственныя способности: онъ отца никогда не смѣшивалъ съ матерью, ѣлъ съ утра до ночи и очень бойко бранился съ дворовыми шальчиками. Всего этого было достаточно, чтобъ восхищенные *папа* и *мама* признавали въ своемъ сынѣ — чуть не генія. Когда маленькому генію исполнило семь лѣтъ, не смотря на слезы матери, отецъ посадилъ его за букварь подъ руководствомъ ученаго, пѣтику и риторику преодолевшаго семинариста. Противъ ожиданія букварь и тайныя русскаго азбуки нашему герою дались очень скоро. Десяти лѣтъ онъ уже читалъ безъ запинки и зналъ, что Александръ Македонскій былъ великій человекъ, а Наполеонъ I — чудовище всего рода человѣческаго. Поступивъ въ гимназію, герой нашъ, котораго мы назовемъ хоть Псевдонимовымъ, на четырнадцатомъ году отъ роду вдругъ получилъ непреодолимую страсть къ *стихословенію*. Этотъ новый даръ долго

оставался для всѣхъ тайной, и только одинъ случай, о которомъ скажемъ послѣ, обличилъ юнаго пѣту. Псевдонимовъ, выучившись съ помощію семинариста читать, съ жадностью началъ поглощать прославленные въ то время романы Анны Радклифъ, Жанлисъ и другихъ, разумѣется въ московскомъ переводѣ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ чрезъ своего наставника познакомился съ стихотвореніями Хераскова и Сумарокова, собственная муза его не давала ему покою, и всѣ его тетради наполнены были первыми опытами въ стихосложеніи. Пѣтушескій даръ Псевдонимова обнаружился слѣдующимъ образомъ. Бывши уже третій годъ въ гимназій (тогда курсъ состоялъ изъ четырехъ только классовъ), онъ находился въ числѣ первыхъ любимцевъ у учителя русской словесности. Никто такъ не писалъ въ классѣ хорошо и правильно сочиненій на заданныя темы, какъ Псевдонимовъ, изумительно хорошо заучившій всѣ правила риторики. Преподаватель русскаго языка, непримиримый врагъ всякой простоты въ слогѣ, ставилъ всѣмъ въ примѣръ высокопарный и кудреватый слогъ сочиненій Псевдонимова, который бывало дѣйствительно, «словечка въ простотѣ не скажешь — все съ ужимкой». Однажды съдѣлавшій наставникъ, приѣхавъ въ классъ, задалъ ученикамъ писать сочиненіе. Это было его любимое занятіе, потому что заставивъ учениковъ писать, онъ дремалъ все время на своемъ широкомъ лубовомъ креслѣ. На тотъ разъ темою сочиненій была задана: *буря на морѣ*. Наставникъ ни сколько не стѣснялся тѣмъ, что его воспитанники видѣли море только на географическихъ картахъ, и ни какихъ бурь на сушѣ и водѣ не испытывали. Написавъ меломъ на доскѣ тему, учитель по обыкновенію задремалъ. Классъ нежъ тѣмъ засуетился: ученики схватились за перья и принялись писать. Тѣ изъ нихъ, которымъ сочиненія всегда писалъ Псевдонимовъ, взявъ за это обѣдъ или ужинъ, на этотъ разъ получили отъ него рѣшительный отпоръ. Зная большой аппетитъ юнаго сочинителя, товарищи рѣшительно не могли понять что дѣлалось съ Псевдонимовымъ. Причина же отказа была слѣдующая: Псевдонимову пришла въ голову смѣлая мысль написать заданное сочиненіе въ стихахъ, чтобъ окончательно поразить и наставника и товарищей! Отогнавъ отъ себя всѣхъ просителей, онъ принялся навизывать стопы и рѣимы. Черезъ полчаса сочиненіе было готово и Псевдонимовъ съ скромнымъ видомъ поднесъ его своему наставнику.

Наставникъ, очнувшись отъ дремоты, принявъ отъ Псевдонимова листъ бумаги и, надѣвъ очки, взглянулъ на сочиненіе.

— Что это? воскликнулъ онъ въ изумленіи. Стихосложеніе? Ты выписалъ откуда нибудь, Псевдонимовъ?

— Это мой пятитический опытъ, отъ началъ потуча глаза Псевдонимовъ, который я осмѣливаюсь поднести вамъ для рѣшенія, достойно ли оно пятитической похвалы и одобренія.

Наставникъ началъ читать, а дремота его рѣшительно оставила.

— Псевдонимовъ, началъ онъ, торжественно вставая съ мѣста; — предсказываю тебѣ, ты пойдешь далеко. Тише, мадъчуганы! обратился онъ къ классу. Слушайте и уважайте священный даръ нашего товарища.

Онъ очирачилъ очки и прочелъ, декламируя въ ночь, слѣдующее:

БУРЯ НА МОРѢ

Въ сугубомъ страхѣ несея ветхій челнъ,
 Гонимъ бурливую напастью грозныхъ волнъ,
 И мнилъ пловецъ, что та бездонна бездна
 Похититъ все, чѣмъ жизнь ему любезна.
 Морская глубь, злобна и разъярена,
 Его пожрать готова какъ гиенна;
 Перуны грозные потоки молній льютъ
 И громы адскіе подъ облакомъ ревутъ.
 Ногода ясная вдругъ сдѣлалась ненасна.
 О, ты, пловецъ! судьба твоя ужасна.
 Но вѣрный Промыслу, онъ Промысломъ спасенъ,
 И лишь съ мольбой дозвѣся въ небу онъ,
 Стихіи яростной замолкли буйны страсти
 И онъ спасенъ былъ гибельной напасти.
 Перуны стихнули, смирились волны грозны
 И лилъ пловецъ спасенный рѣки слезны.

Этотъ первый пятитический опытъ «новаго Ломоносова», какъ называлъ добрый наставникъ Псевдонимова, — привелъ послѣднiя къ рѣшительному сознанию своего новаго призванія. Псевдонимовъ съ этого времени почти пересталъ выражаться презрѣвнiей прозой, а все облекалъ въ поэтическую форму. Нужно ли напр. за обѣдомъ было попросить товарища передать ему кусокъ хлѣба, онъ восклицалъ:

О, школьный другъ, подай мнѣ ради Феба
 Оливъ кусокъ или два ржаного хлѣба,

и проч. въ этомъ родѣ. Когда въ какихъ нибудь торжественныхъ случаяхъ кому-нибудь изъ его со товарищей нужно было написать домой торжественное поздравленіе, то безъ содѣйствія Псевдонимова это не обходилось. Онъ тотчасъ садился и писалъ стихи въ всякій случай, какой бы ни представился. Въ день своего выпуска

въ гимназіи, будучи шестнадцати лѣтъ (герою нашему, не считая и его шестнадцатилѣтій, ничто не помѣшало въ двухъ классахъ просидѣть по два года), онъ въ большой залѣ, при раздачѣ награды, въ виду собравшихся посѣтителей прочелъ прощальную оду къ введенію, собственнаго своего сочиненія. Ода была такъ хороша, что всѣ присутствовавшіе въ залѣ — начальникъ, гости и въ особенности счастливые родители Псевдонимова — пролезли въ залу. Здѣсь мы остановимся, предоставляя далѣе говорить самому поэту, къ составленію записки котораго мы сочли необходимымъ сдѣлать это маленькое приготовленіе. Еще два слова.

Послѣ смерти Псевдонимова въ наши руки попались три огромныя тетради его дневника, веденнаго имъ въ продолженіе тридцати лѣтъ. Въ этомъ дневникѣ писалось имъ все: воспоминанія, конченныя и неоконченныя повѣсти, стихотворенія, мысли, замѣтки изъ его частной жизни, и проч. и проч. Изъ огромныхъ тетрадей Псевдонимова мы выбрали только тѣ характерныя мѣста, въ которыхъ обрисовывается его литературное развитіе въ продолженіе трехъ десятилѣтій. Мы представляемъ здѣсь нѣсколько стихотвореній и прозаическихъ отрывковъ, писанныхъ Псевдонимомъ въ продолженіе всего этого времени. Эти выписки замѣчательны тѣмъ, что на нихъ лежатъ яркіе колориты того времени, въ которое они писаны. Переживая многіе фазы нашей литературы, начиная съ драмы Кукольника, повѣстей Марлинскаго и кончая Случевскимъ и Кусковымъ, — Псевдонимовъ постоянно воссоздавалъ чужіе образы, варіировалъ чужіе мотивы и наивно считалъ свои произведенія плодомъ творческаго самобытнаго дарованія. Мы потому съ особеннымъ интересомъ и изглавляемъ на личность Псевдонимова, что онъ вполне олицетворяетъ въ себѣ типъ поэтовъ, у которыхъ впечатлительность замѣняетъ творческую силу и фантазію, а наивное *передразниванье*, модулированье — всякое самобытное дарованіе. Коли хотимъ, и у послѣднихъ есть своего рода дарованіе и способность изъ десяти чужихъ произведеній и поэтическихъ созданій составить одно свое, какъ будто бы тоже не лишнее поэзіи произведеніе, но отъ этой способности до истинной поэзіи еще очень далеко. Наше время, повидимому не бѣдное поэтами, представляетъ намъ цѣлый рядъ Псевдонимовыхъ, простосердечно, безъ сознанія считающихъ свои *передразниванья* художественными и поэтическими произведеніями. Мы привыкли теперь встрѣчать пародіи не въ одной только Исаевѣ (гдѣ они и называются пародіями), а во всѣхъ журналахъ и сборникахъ. Мы привыкли къ этому невинному похищенію чужой собственности въ поэзіи, не сознаваемой даже самими похитителями; мы видѣли только

на днихъ одну новую комедію, авторъ которой вѣроятно тоже безсознательно, кромѣ чужого сюжета, воспользовался цѣлыми чужими сценами и фразами. Упомянуть обо всемъ этомъ, мы не считаемъ лишнимъ опять перейти къ нашему поэту и къ отрывкамъ изъ его дневника.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ДНЕВНИКА ПСЕВДОНИМОВА

Москва 1834 г. 8 ноября

Мнѣ рѣшительно хочется написать повѣсть. Повѣстей у насъ никто теперь хорошихъ не пишетъ, кромѣ Марлинскаго, да и тотъ давно замолчалъ. У меня есть два сюжета: не знаю, за который вѣзтись. Сегодня я для нѣкоторыхъ соображеній въ шестой разъ пересчитывалъ «Фрегатъ Надежду» — и въ шестой разъ приходилъ въ страшный восторгъ. Когда дочиталъ я до послѣдней страницы, у меня явилась въ головѣ цѣлая сцена для моей новой повѣсти — сцена на морѣ. Меня смутилъ только одинъ вопросъ. Поэта Лидия и княгиню Юлію на кораблѣ застала буря; у всѣхъ открывается морская болѣзнь. Если этой болѣзни подвергнуть княгиню, то это оскорбитъ ее поэтическую личность. Впрочемъ морская болѣзнь бываетъ не со всѣми, и княгиня могла не испытывать ее. Я спѣшу записать эту сцену.

(Изъ этой сцены приводимъ одинъ конецъ ея).

«... Маленькая, обитая бархатомъ каюта, гдѣ сидѣли Лидия и княгиня Юлія, стонала и трещала подъ ударами волнъ. Кровявыми потоками врывалась въ окна молнія, освѣщая блѣдныя, прекрасныя лица любовниковъ. Корабль трещалъ, и поднимаемый норою гигантскимъ валомъ, дрожалъ, какъ преступникъ, ведомый на казнь. Съ обломанной гротъ-мачтой, съ изорванными брамъ-стенъгами, онъ походилъ на обезображенный трупъ, терзаемый моремъ. Все на кораблѣ, съ каждой минутой, съ каждымъ валомъ ждало смерти и гроба въ бездонной пучинѣ. Одни только Лидия и Юлія были восторженны и покойны.

— Юлія, о моя Юлія, говорилъ Лидия, обвивая ее станъ рукою и откидывая назадъ свои черные волосы. Пусть реветъ буря, пусть небеса и море разрываются на части, — но ты около меня — и въ моемъ сердцѣ ясная тишина, майское утро съ благоуханіемъ любви и съ ароматомъ блаженства. Что намъ бояться грозы, смерти? Развѣ твой мужъ — это сухопутное чудовище, этотъ демонъ нашего счастья, не отравляетъ нашу любовь? Развѣ на землѣ, въ городѣ мы не умирали тысячу разъ съ тобою? Чего же бояться намъ смерти, если она на мигъ подаритъ намъ эдемъ наслажденія? Пусть

же лопается небо, пусть все гибнетъ кругомъ, вмѣстѣ съ нами, но, Юлія! эти послѣднія минуты жизни отпразднуемъ брачнымъ пиромъ любви и подлѣ сатанической хохотъ бури сольемся въ одно чувство блаженства и наслажденія. А потомъ, послѣ такихъ минутъ, мы сами, вымывъ въ поцѣлуй, въ страстныхъ восторгахъ все пламя жизни, бросимъ ее въ это бездонное море — наше брачное и могильное ложе. О, не медли же, Юлія, минуты коротки, одно блаженство безконечно...

— О, мой Аркадіи!.. я твоя... И Юлія на огненную поцѣлуи нозта отвѣчала пронзительными лобзаніями, и эти лобзанья были чисты какъ небо и безконечны какъ вѣчность. Пуховая грудь княгини покоилась на груди Лидина, руки его змѣями обвивались вокругъ ея стана и таинственный пиръ любви совершился...

Буря не смолкала и ревѣла съ прежними обшественствомъ. Волны голодными львицами скакали на палубѣ корабля, какъ бы ища особѣ жертвы. Инаѣ, оторвавъ отъ обломка мачты матроса, они уносили его въ море. Изъ каюты на палубу вышли, поддерживая другъ друга, Лидинъ и Юлія. Они оба были блѣды, но ясная улыбка блаженства оживляла ихъ лица. Распущенные волосы Юліи, мокрые отъ дождя, широко разсыпались за ея плечами; полуоткрытая грудь ея еще трепетала отъ недавнихъ восторговъ любви и жемчужный блескъ глазъ вырывался изъ подлѣ толковаго забрала рѣсницъ ея.

— Юлія, воскликнулъ Лидинъ, прижимая ея къ груди своей. Въ моемъ сердцѣ теперь растопленное солнце. Мы испили съ тобою весь нектаръ любви и смерть не пугаетъ насъ. Не будемъ же ждать, какъ трусливые рабы, когда могучая волна внезапно обратитъ изуродованное туловище нашего корабля, не будемъ ждать смерти — а сами пойдемъ къ ней навстрѣчу. Насъ разлучала жизнь, будемъ же въ смерти неразлучны. Прежде чѣмъ налетитъ на насъ зеленый валъ моря — видишь, вонъ бѣжитъ онъ — мы съ тобою уже будемъ тамъ. Жизнь! Миръ! Вы лишаетесь лучшаго своего перла, эго — моей Юліи. Юлія! крѣпче обвей меня рукой своей, поцѣлуй еще разъ и...

Лидинъ и Юлія скользнули съ палубы въ море и въ брызгахъ пѣны, въ круженіи волнъ, черезъ нѣсколько минутъ совершенно исчезли оба.

.....

Къ концу того же дня буря утихла, и разбитый корабль благополучно достигъ берега.

1836 г. мая 11

Здѣсь въ Москвѣ издается журналъ «Телескопъ», въ которомъ какой-то недоучившійся мальчишка, — фамиліи его не припомню — кромѣ Пушкина, котораго онъ ставитъ выше Жуковскаго, признаетъ ни одного таланта и смѣется надъ тѣмъ, что нашего пѣальнаго Кукольника называютъ русскимъ Шекспиромъ. Писать! Что особаго въ его стихахъ! Никакой величественности и слога. А дерзкій писака рѣшается еще называть Пушкина — народнымъ поэтомъ. Я увѣренъ, что придетъ время, когда Пушкина низведутъ съ его пьедестала, и будущій критикъ одѣвнѣтъ его по заслугамъ (*).

Въ Телескопѣ тотъ же самый писака разобралъ стихи и стихотворенія, напечатанныя въ Альманахѣ. Но его мнѣ въ нихъ видно только одно бѣшенство воображенія, а не дарованія. Отдаю же я этого мальчишку при случаѣ.

августа 3

Нѣкоторыя выраженія, которыя мнѣ нужно употребить при случаѣ въ новѣсти или поэмѣ:

Время вѣчностью капало изъ столѣтія въ столѣтіе.

Потъ крови, холодный какъ ледъ океана, выступилъ на челѣ.

Пламень еще дѣвственныхъ желаній былъ уже заклеимецъ самолюбіемъ ничтожества и безчувственности.

октября 27

Прочелъ драму Кукольника Джуліо Мости. Нужно быть гратомъ, обросшимъ мохомъ безстрастія, чтобъ не растаять при чтеніи этого удивительнаго созданія. Вчера вечеромъ я былъ на именинахъ у нашего частнаго пристава. Послѣ ужина меня почти сильно заставили прочесть нѣкоторыя сцены изъ моего «Джуліо Бертини». Прочелъ одну сцену. Всѣ были сильно пьяны и цѣловали меня за прочтеніе. Сейчасъ я написалъ еще одинъ новый монологъ для этой фантастической поэмѣ. Когда я окончу какое-нибудь поэтическое мѣсто въ поэмѣ или страстный монологъ, то такъ устаю, что долго не могу ничего дѣлать. Вдохновеніе утомляетъ, какъ сладостная ласка прекрасной дѣвы. Но когда приходитъ вдохновеніе, тогда, по выраженію Кукольника,

(*). Нельзя не подвѣстятъ, что двадцать пять лѣтъ тому назадъ Псевдонимъ уже предчувствовалъ г. Дудышкина.

Въ груди творца займется небожь сердца
И на землѣ вторая жизнь начнется.

ЛОЛОГЪ ХУДОЖНИКА ВЪ ДРАМѢ ДЖУЛИАНО БЕРТИНИ ИЛИ ТЕРНОВЫЙ
ВѢНОКЪ ГЕНІЯ.

• Я весь въ жару, какъ въ первый день признанья.

Души моея ватянутыя струны
Готовы вдругъ однимъ пѣвучимъ хоромъ
Отвѣтить небесамъ мелодію звуковъ.

Чело горитъ, струится въ жилахъ пламень,

Я чувствую пришествіе вдохновенья

Въ чистаго, великаго искусства

Искусство! (падаетъ на колѣни)

Весь я твой — и ты мое искусство!

Вотъ здѣсь, въ груди божественная искра

Горитъ огнемъ небеснаго велѣнья,

Тревожить, жечь меня, и я, небесъ избранникъ,

Весь трепещу подъ чарой вдохновенья.

(быстро встаетъ и начинаетъ импровизировать)

Я расторгнулъ жизни путы,

Вдохновенный безъ границъ.

Въ тѣ великія минуты

Люди, люди-лилипуты,

Преда мной падите ницъ.

На колѣни! Нископѣный

Для грядущихъ поколѣній

Я пролью за звукомъ звукъ.

Вы — тогда, я — свѣтлый геній,

Я — рождень для вдохновеній,

Вы — для мелкихъ бѣдъ и мукъ.

Для дѣтей погибшихъ міра

Я пою, —¹ смирять лира

Горе, скорби и печаль,

Съ именами Гёте, Данта

Имя новаго гиганта

Люди впишутъ на скрижаль.

Душно, душно!.. міръ мнѣ тѣсенъ...

(обрасываетъ съ себя галстухъ и сюртукъ)

Муза, Муза! лиру мнѣ!

Нужно звуковъ, приемъ мнѣ, пѣсенъ —

Я горю, я весь въ огнѣ.

(Обезсиленный и облитый холоднымъ потомъ, опускается на колѣни, поддерживаемый Музой.)

Кажется эта сцена мнѣ очень удалась. Въ ней есть жаръ и чувство — это уже навѣрно. Вотъ жена частнаго пристава такъ рѣшительная дура, непонимающая красотъ поэзіи; — она все время зѣвала, когда я читалъ Джуліано Бертини. Правду сказалъ Кукольникъ: темно, какъ въ сердцѣ женщины.

1840 г. декабря 3

Меня упрекаютъ за то, что я не печатаю своихъ стиховъ. Для чего я ихъ буду печатать? Чтобы услышать брань глупца и ругательства какого-нибудь доморощеннаго московскаго критика, который какого-то Гоголя превозноситъ до небесъ, а нашего перваго поэта, поэта мысли, какъ называлъ его весьма справедливо г. Шевыревъ — Бенедиктова считаетъ наборщикомъ громкихъ фразъ и звонкихъ рѣемъ. Нѣтъ, рѣшительно ничего не буду печатать. Вотъ въ Петербургѣ теперь издается новый журналъ «Отечественныя Записки» русскимъ писателямъ и ученымъ А. А. Красвскимъ; но и туда ничего не пошлю, строки не пошлю.

Началъ я новое стихотвореніе: Разрушеніе міра. Начало бедно; не знаю какъ только кончить. А ргорос. Мнѣ на дняхъ говорили, что въ моемъ талантѣ есть много родственнаго съ талантомъ Бенедиктова. Можетъ быть. Я самъ начинаю это сознавать.

РАЗРУШЕНІЕ МІРА

(СТИХОТВОРЕНІЕ, КОТОРОЕ НАЙДЕНО НЕКОНЧЕННЫМЪ)

Міръ надтреснулъ сокрушенный.
Вотъ въ разбѣгѣ потрясенный
Пошатнулся — и раскатъ
Росъ могучій, отдаленный,
Распадающихся громадь.
Брызги молній, хохотъ грома,
Всюду ада сиральный слѣдъ,
Въ бѣдвахъ темнаго пролома
Гасли въ судоргахъ погрома
Груды сброшенныхъ кометъ.
Прахъ вселенной неся...

1841 г. февраля 12

На той недѣлѣ меня познакомили съ петербургскимъ литераторомъ П. Съ перваго слова онъ мнѣ не понравился. Онъ тоже о Гоголѣ говорить какъ о гениѣ.

Когда я ему замѣтилъ, что у Гоголя никакого слога нѣтъ и самыя простыя, мелкіе люди выведены въ повѣсткахъ, литераторъ свѣрѣпо взглянулъ на меня и сказалъ :

— Слогъ хорошій можетъ быть у многихъ, даже у писаря другого, а такіе таланты, какъ Гоголь, рождаются вѣками.

Я разумѣется спорить не сталъ съ нимъ ; ясно, что онъ Бѣлинскаго начитался.

Петербургскій литераторъ, узнавши, что я пишу стихи, просилъ меня прочесть что-нибудь.

— Вы печатали гдѣ прежде ?

— Да въ * * * сборникѣ однаъ разъ три стихотворенія помѣстилъ.

— Не помню. Прочтите что-нибудь теперь мнѣ. Меня всѣ стали просить, и я по неволѣ согласился и прочелъ имъ свое последнее стихотвореніе «Балъ.» Я самъ сознавалъ, что мой «Балъ», вышелъ удаченъ и эффектенъ, и потому прочелъ съ увѣренностью.

БАЛЪ

Залить балъ волнами свѣта ;
 Благовоніемъ нагрѣта,
 Зала млѣть, какъ буметь.
 Упоительно-небрежно,
 Зажигательно-мятежно
 Поетъ скрипка и кларнетъ.
 Въ вихрѣ звуковъ, въ морѣ жара,
 Съ сладострастіемъ угара
 Въ вальсъ скользить за парой пара,
 Опьяненія полна,
 Въ ураганъ огнепалачій,
 Душу пламенемъ мутящій,
 Волканически летящій,
 Грудь взрывающій до дна.

Вотъ она, царица бала,
 Раздраженная смычкомъ,
 Быстро сбросивъ покрывало,
 Въ танцѣ бѣшеномъ летала,
 Припада ко мнѣ плечомъ.
 Кудри змѣями сбѣгали,
 Волновались, трепетали
 И, играя предо мной,
 По щекамъ меня хлестали
 Ароматною волной.

Мы неслись — шельмаи люди,
 Рядъ колоннъ и рядъ гостей,
 Фермуары, плечи, груди,
 Лампы, люстры, блескъ свѣчей,
 Косы, жемчугъ, брилліанты,
 Дымки, кружева, атласъ,
 Банты, франты, аксельбанты
 И алмазь горящихъ глазъ.
 Мы неслись — кружилась зала,
 Я дрожалъ, какъ кровный конь,
 Весь былъ жаръ я, весь огонь,
 Въ жилахъ лава пробѣгала,
 И корсетъ ей прожигала
 Воспаленная ладонь.

Когда я кончалъ чтеніе, петербургскій литераторъ съ какой-то странной улыбною сказалъ мнѣ :

— Поздравляю васъ, батюшка. Вы самого Бенедиктова перешагали, и въ васъ онъ найдетъ достойнаго соперника.

Что онъ хотѣлъ сказать этимъ — похвалу или брань, я не помню. Вѣроятно послѣднее.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЧЕРНОВАГО ПИСЬМА ПСЕВДОНИМОВА КЪ ПРИЯТЕЛЮ,
 ИМЯ КОТОРАГО НЕИЗВѢСТНО.

1850, С. Петербургъ

...На кой чортъ ты, любезный другъ, просишь купить и выслать тебѣ стихотворенія Бенедиктова. Это такая трескотня, что оглушить «звончѣе всякихъ трубъ», какъ говоритъ Хлестова въ «Горѣ отъ ума». Геніальная прозорливость Бѣлинскаго, еще десять лѣтъ назадъ, подъ блестящей формой произведеній этого писателя умѣлъ замѣтить отсутствіе всякой поэзіи и содержанія. Читай лучше Некрасова или Майкова — вотъ это поэты. А читалъ ли ты Еврейскія мелодіи Мея — это удивительные стихи! Совѣтую также обратить вниманіе (вѣроятно ты и обратилъ его) на стихотворенія Фета и Щербины. Свежесть и поэзія неоспоримы! А Бенедиктова брось пожалуйста. Посылаю тебѣ при этомъ три мои послѣднія стихотворенія, которыя я посвящаю тебѣ и дарю въ вѣчное владѣніе.

I

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДІЯ

Я приду къ тебѣ съ цѣнницею
 Въ твой далекій вертоградъ,

Лишь за талацей дощницею,
Вмѣстѣ съ тропетной зарницею,
Тѣни ночи низлетѣть.

Въ пору темную, туманную
Не узнаютъ Ноа дочь.
Я походкой неустанною
Подъ одеждой легкотканною
Проберусь къ тебѣ въ полночь.

Я принишу голубадею
Ко щекѣ твоей лицомъ,
И подъ темною ложницею
Буду жечь тебя сторницею
Поцѣлуемъ, какъ огнемъ.

И

ЧУВСТВО ГРЕКА

Мы на ложахъ сидѣли пурпурныхъ
Въ благолатной тѣни сикоморы;
Ароматы курилися въ урвахъ
И гремѣли пѣвучіе хоры.
И Элады живые папѣвы,
Какъ вино, нашу кровь разжигали,
На коврахъ Іонійскія дѣвы
Съ иѣгой южною насъ шекотали.
Цѣловала меня Навзикая,
На груди волновался гиматій,
И устами къ устамъ приникая
Ожидала отвѣтныхъ объятій;
Но ни ласка, ни пѣсня, ни шутка
Мнѣ не милы отъ дѣвы Элады.
Мальчикъ розовый — дивный малютка
Привлекалъ мои жадные взгляды;
Я внималъ, какъ лились по смолка
Его пѣсни согласные звуки,
И рыдала вдали Навзикая,
Опустивъ свои смуглыя руки.

III

Разъ проселочной дорогою
Вхалъ я, — передо мною
Брелъ съ котомкою убогою
Мужичекъ какъ лунъ сѣдой.

На ногахъ лантйиши сматые,
 Весь съ замлатками армякъ.
 Видно доля не богатая
 Тебѣ выпала, бѣднякъ.

Подпираясь палкой длинною, —
 Путь-то, вѣрно, былъ далекъ, —
 Брелъ онъ съ пѣсней заунывною.
 — Дядя, садъ на облучекъ..

Сѣлъ старикъ. Сѣдую бороду
 Только гладить. — Ты куда?
 — Пробираюсь, баринъ, къ городу,
 Ждутъ оброка господа,

— Крѣпко староста наказывалъ...
 Вотъ бреду, болить спина...
 И, склонившись, мнѣ рассказывалъ
 Свою повѣсть старина.

— Погоди, дѣдъ! Съ тяжкой болюю
 Ты не ляжешь умирать.
 На отчизну Божьей волею
 Сходятъ миръ и благодать.

Послѣ лѣтъ долготерпѣнія,
 Безконечнаго труда,
 Подъ лучами просвѣщенія
 Смокветъ лютая нужда.

Въ мужикѣ сердечный пламень я
 Этой рѣчью оживилъ,
 И старикъ честице знаменье
 Съ благочестьемъ сотворилъ.

1858 г. юля 16. Г. Павловскъ

Ни на одного современнаго поэта такъ не нападаютъ теперь, какъ на Фета. Его бранятъ даже тѣ журналы, гдѣ прежде отъ него же приходили въ восторгъ. Недавно въ «Библиотекѣ для Чтенія» было напечатано одно превосходное стихотвореніе, подъ которымъ подписано имя А. Фета. Или это другой, новый поэтъ, или... я уже понять не могу, что значитъ эта *омта*.

(Внизу послѣ этихъ словъ написано стихотвореніе. По многимъ

мѣстамъ измѣненныѣмъ и зачеркнутымъ, нельзя сомнѣваться, что оно тоже принадлежитъ Псевдонимову. Незавѣстно по какому случаю, только это стихотвореніе посвящено г. Фету.)

Д В Ъ Т Ъ Н И

(Посвящается А. Фету)

Двѣ тѣни слетаютъ съ тоскливой любовью
 Ко мнѣ, какъ двѣ чистыя грезы,
 И кротко склоняся къ моему изголовью,
 Льютъ тихія, теплыя слезы.
 Офелія легкой проносится тѣнью...
 И пѣсни и слезы и стоны...
 И вторить печальному долгову пѣнью
 Скорбящая тѣнь Дездемоны.

Въ заключеніе нашихъ выписокъ изъ записной тетради Псевдонимова мы приведемъ еще два стихотворенія, написанныя имъ въ самомъ концѣ послѣдней его тетради, безъ помѣтки числа и мѣсяца. Мы не рѣшаемся утвердительно сказать, что въ этихъ стихотвореніяхъ проглядываетъ сатирическое направленіе, какъ мы сначала думали; потому что нашъ герой могъ и въ этотъ разъ безсознательно и наивно пародировать двухъ новыхъ молодыхъ поэтовъ, увлеченный ихъ дарованіемъ. Пояснительныхъ замѣтокъ при стихахъ рѣшительно нѣтъ никакихъ.

Вотъ эти два послѣднія произведенія неизвѣстнаго поэта трехъ звездочекъ.

I

ВЕСЕННЯЯ ПѢСНЯ

Часто ночью, весной, когда Муза молчитъ
 И перо я грызу до разсвѣта,
 Вдохновеніе вновь у меня закипитъ
 Надъ весенней страницей Фета.

И весеннія пѣсни растутъ и звѣнять
 И щекочатъ подъ мышки поэта.
 Вотъ за образомъ образовъ всталъ цѣлый рядъ
 Надъ весенней страницей Фета.

И испанскій мотивъ и еврейскій напѣвъ
 Такъ и просятся въ формы куплета,

Т. I. — Отд. III.

1/6

Я румянецъ у розъ похищаю для дѣвъ
Надъ весенней страницею Фета.

•Ты поэтъ! Ты поэтъ!• Мнѣ природа кричитъ,
И я слушаю съ трепетомъ это,
А въ груди сердце бьется и бойно стучитъ
Надъ весенней страницею Фета.

II

Подбоченься ходить мѣсяцъ
Голубой, лазурной высью,
Отъ востока и на западъ
Пробѣгая плавной рысью.

И прищуря томно глазки
Со звѣздой звѣзда болтаетъ,
А Меркурію Венера
Подозрительно мигаетъ.

И надъ міромъ усыпленнымъ,
Гдѣ не спать жуки да блохи,
Рѣя плаваютъ въ туманѣ
Лишь одни людскіе вздохи.

Мы кончили наши выписки. Если произведеніи «поэта трехъ звѣздочекъ», писавшаго стихи въ продолженіе послѣднихъ тридцати лѣтъ, по отрывкамъ приведеннымъ здѣсь, выражаютъ въ себѣ характеръ цѣлой фаланги поэтовъ, то цѣль нашей статьи достигнута, и басня наша будетъ понятна.

НАРОДНОСТЬ И ЛИТЕРАТУРА

I

Къ числу несомнѣнныхъ, купленныхъ опытомъ фактовъ нашего времени, принадлежитъ тотъ фактъ, что въ сущности нѣтъ уже болѣе теперь у насъ двухъ направленій, — лѣтъ за десять тому назадъ рѣзко-враждебно стоявшихъ одно противъ другаго, — *западнаго* и *восточнаго*. Фактъ этотъ пора засвидѣтельствовать для общаго сознанія; ибо для сознанія отдѣльныхъ лицъ, для сознанія каждаго изъ насъ, пишущихъ и мыслящихъ людей, онъ уже засвидѣтельствованъ давно. Это засвидѣтельствованіе конечно обошлось весьма многимъ изъ насъ довольно дорого, — потомучто не легко вообще разставаться съ служеніемъ какимъ бы то ни было идолу, — но тѣмъ не менѣе совершилось во всѣхъ добросовѣстно и здраво-мыслящихъ людяхъ. О недобросовѣстно-мыслящихъ, о привилегированныхъ жрецахъ кумировъ и о нездравомыслящихъ, запуганныхъ кумирами до потемнѣнія сознанія, говорить нечего. Засвидѣтельствовать правду всякаго факта и идти отъ него дальше, идти впередъ способны бываютъ только тѣ, кто, вступая на новый берегъ, сами сжигаютъ за собою корабли, да простодушное, тысячеголовое дитя, называемое массою, которая по инстинктивному чувству идетъ неуклонно впередъ. Жрецы постоянно желаютъ воротать мысль назадъ по той простой причинѣ, что имъ это выгодно, что назадъ у нихъ есть теплый и почетный уголокъ; пугливое же нравственное мѣщанство такъ же инстинктивно, по чувству самосохраненія, держится за полы жреческихъ рязъ, какъ инстинктивно, по чувству жизни, по вѣрѣ въ жизнь, влечется впе-

редъ масса. Это — общій законъ, который припомнить однако въ-премѣнно слѣдуетъ, говоря о такомъ значительномъ вопросѣ, какъ вопросъ о народности.

Что самый фактъ перехода вопроса о нашей народности въ совершенно другой вопросъ совершился, это очевидно изъ самаго поверхностнаго взгляда на дѣло. Исключительно-народное воззрѣніе славянофильства не встрѣтило въ массѣ сочувствія и, постигнутое какимъ-то рокомъ, потеряло самыхъ блестящихъ своихъ представителей. Исключительно-западное воззрѣніе, сплотившееся въ немногомъ числѣ своихъ послѣднихъ, запоздалыхъ представителей въ «Атенеѣ» — явилось для публики мрачнымъ воззрѣніемъ кружка и встрѣчено было не только равнодушіемъ, но даже негодованіемъ, когда выставило свои крайнія грани, свое печальное убѣжденіе въ томъ, что австрійскій солдатъ является цивилизаторомъ въ славянскихъ земляхъ. А вѣдь менѣе чѣмъ за двадцать лѣтъ, можно было безнаказанно, въ порывѣ увлеченія теоріею, проповѣдывать наиримѣрь, что Турція, какъ организованное дѣло, какъ государство, должна пользоваться большимъ сочувствіемъ, чѣмъ неорганизованный сбродъ славянства, съ поработщиваго. И тоже менѣе чѣмъ за двадцать лѣтъ слово: «славянофиль» было позорнымъ прозвищемъ!

Въ двадцать лѣтъ много воды утекло. Славянофильство хотя и пало, но пало со славою. Западничество же дошло до грустной необходимости сказать свое послѣднее слово, и слово это — равнодушно, единогласно, такъ сказать всю землю, было отвергнуто съ негодованіемъ. Да и нельзя иначе: славянофильство вѣрило слѣпо, фанатически въ невѣдомую ему самому сущность народной жизни, и вѣра вмѣнена ему въ заслугу. Западничество шло противъ теченія: оно не признало и не хотѣло признать явленій жизни; оно упорно отрицало въ литературѣ и въ быту народномъ то, что на глазахъ всѣхъ и cadaго или выросло или раскрылось могучаго и крѣпкаго въ послѣднее десятилѣтіе. Мимо его прошли намѣренно или ненамѣренно или незамѣченныя силы; имъ слѣпо отрицались такія явленія, какъ значеніе общины, Островскій съ миромъ раскрытой имъ жизни; пѣсни народа, какъ будто подавившіяся изъ подъ снула; рѣчь народная, вливавшаяся жадательной струею въ литературу; поворотъ нравственный къ семейному началу, діаметрально противоположный исключительному протесту и отрицанію сороковыхъ годовъ; возникшая любовь къ преданію, — сильное и быстрое распространеніе изученія роднаго быта; а главнымъ образомъ — западничество не хотѣло обратить даже вниманія на правдивыя и порожденные бодѣе-свободнымъ разсужденіемъ

факторы обличенія петровской реформы, на разоблаченія ея несо-
стоятельности въ началахъ и послѣдствіяхъ, несостоятельности,
за которую мы и наше время являемся неоплатными должниками.
Оно твердило свою старую вѣсню, что Петръ вдвинулъ насъ въ
кругъ міровой общечеловѣческой жизни, — вѣсню, о правдѣ кото-
рой ми одинъ здравомыслящій человекъ съ нимъ и прежде не спо-
рилъ и теперь не споритъ, и не хотѣло дать въ этой общей міровой
жизни права нашей народной особенноти, упорно стремилось за-
ставить насъ вторгаться чужую жизнь и много-много что рабски
продолжать ее въ наукѣ, в ещѣ въ быту общественномъ, — забывалъ,
что въ природѣ вообще нѣтъ и не можетъ быть повтореній, что ни
одинъ листъ не похожъ на другой на деревѣ, что не было племени,
кромя племенъ совершенно отчужденныхъ отъ человѣчества, ко-
торое бы не внесло чего-либо своего въ міровое движеніе. А тутъ
передъ нимъ было не какое-либо видовое племя, а цѣлый особый
отдѣлъ индо-европейской расы — славянство, отдѣлъ столь же
значительный и древній, какъ единство или его любимое герман-
ство.

Кромѣ того, исключительное западничество шло такъ далеко въ
своей вѣрѣ «въ прогрессъ» и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ подчиняло идею
прогресса теоріи, созданной германствомъ и романствомъ, что всю
жизнь предковъ и всякую жизнь, не подходившую подъ эту условную
теорію, ашало какого бы то ни было человѣческаго значенія, от-
числяло прямо къ звѣрству. Свѣжо предаіе, а вѣрится съ трудомъ.
Но доведите даже в теперь любого исключительнаго западника (по-
являются такіе и теперь, но уже рѣдко) до наивной послѣдователь-
ности мысли, и онъ долженъ будетъ сказать вамъ свое затаенное,
злауловное убѣжденіе, что Владиміръ Мономахъ напримѣръ, Мсти-
славъ Мстиславичъ, Проковій Лапузовъ и Мининъ были (по его
мнѣнію конечно) въ сущности не люди, а звѣри, *во-первыхъ* потому
что родились въ XI, XII и XVII столѣтіяхъ, а не въ XIX, *во-вто-*
рыхъ же потому что не имѣли счастья принадлежать къ единственно-
человѣческой германо-романской породѣ... Презрѣніе западниковъ
къ родному быту и къ его преданіямъ точно также доходило и
подчасъ даже доходить теперь еще до положительныхъ нелѣпо-
стей. Весьма недавно высказана напримѣръ была въ «параллеляхъ»
г. Палимпсестова, напечатанныхъ въ «Русскомъ Словѣ», между
множествомъ дѣльнаго, та дикая мысль, что полезно было бы за-
мѣнить пѣсни нашего народа чѣмъ-либо болѣе соотвѣтствующимъ
справедливости».

Такого посягательства на свои коренныя основы не проститъ ни
одинъ народъ, хоть бы даже она была и звѣрица. Такое посягатель-

ство совершаемо было притомъ и совершается во имя узкой теоріи, во имя условнаго идеала образованности и нравственности, — какъ будто бы *онъ* его, этого германо-романскаго идеала, ничего не было въ прошедшемъ и будущемъ для человѣчества.

Западничество съ готовыми мѣрками, со взѣтыми на аркаты давными приступало къ живой жизни. Въ этомъ его сила, въ этомъ же пожалуй и его историческая заслуга. Нѣтъ сомнѣнія, что романо-германскій міръ своимъ долгимъ и славнымъ существованіемъ выработалъ великіе общественные, нравственные и художественные идеалы, какъ нѣкогда выработалъ таковыя же міръ еллино-римскій. Нѣтъ сомнѣнія, что ни въ какой новой жизни идеалы эти не должны пройти безслѣдно; но нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что всякая новая жизнь имѣетъ собственныя могучія силы творчества, носить въ себѣ свои идеалы, которые отрицать ради прежнихъ, готовыхъ и выработанныхъ, какъ бы блестящіе эти прежіе не были, — и грѣхъ, да и фактически невозможно.

На теорію западничества, уничтожавшую жизнь въ крайнихъ логическихъ послѣдствіяхъ своихъ, отвѣчало и славянофильство не меньшими крайностями, въ особенности же въ пылу битвы. Ясное теперь дѣло, что ни широкая и многосторонняя натура Хомяковъ, ни глубокій умъ И. В. Киреевскаго не были чужды пониманія красоты и величія идеаловъ западной жизни, тѣмъ болѣе, что и тотъ и другой, да и все славянофильство, на этихъ идеалахъ воспитались; что съ германскимъ рационализмомъ оба нынѣ спящіе въ могилѣхъ благородные борцы сражались оружіемъ того же рационализма. Но въ пылу битвы, заведенные въ логическія крайности, они, а еще болѣе ихъ слѣпые послѣдователи, отвѣчая на теорію западничества, постоянно завлекались тоже въ теорію, которая въ сущности, какъ и всякая теорія, мало уважала живую жизнь. Имъ выставляли западные идеалы развитія за конечное слово человѣчности. Не мирясь съ такою конечностію, чуя въ жизни нкъ окружающей новыя силы, хотя только что чуя, а не зная ихъ, они доходили путемъ противорѣчій до того результата, что западъ отжилъ, что такъ, но выраженію высокаго хомяковскаго стихотворенія, —

Свѣтила блѣдныя мерцають догорая,

и въ поэтическомъ одушевленіи новою вѣрою взывали:

Проснися, дремлющій востокъ!

Рьяные послѣдователи ихъ фанатически проповѣдывали уже въ видѣ догмата мысль о томъ, что западъ отжилъ, что основы его жизни разбиты или разбиваются, сходясь впрочемъ въ этомъ съ

крайними теоретиками самого запада. Грязные же адепты мракобѣсія и существующаго подхватывали слова, что западъ отжилъ, и переводили ихъ словами, что западъ сгнилъ; изъ чего eo ipso выходилъ странный для многихъ, хотя вовсе не логическій результатъ, что у насъ все процвѣтаетъ, «тишь да гладь, Божья благодать!» На сколько такой выводъ несвойственъ былъ всѣмъ благороднымъ представителямъ славянофильства — оказалось ясно какъ день изъ всей ихъ энергической, хотя и безуспѣшной дѣятельности въ «Сборникахъ» и въ «Бесѣдѣ». Покойный Хомяковъ говорилъ часто, что Англія лучшее изъ *существующихъ* государствъ, а славянство лучшее изъ *возможныхъ*, да вслѣдъ затѣмъ съ злою и грустною ироніей прибавлялъ всегда, что можетъ быть такъ оно и останется лучшимъ изъ *возможныхъ*.

Горькій смыслъ этой ироніи слишкомъ прямо противорѣчилъ непрошеннымъ выводамъ адептовъ мрака, чтобы благородное направленіе славянофильства нужно было оправдывать въ какой-либо связи съ ученіями «Маяка» и иныхъ мрачныхъ изданій.

Западничество, во имя своихъ готовыхъ идеаловъ, отрицало какое значеніе жизни, прожитой нами до петровской реформы; не зная этой жизни и даже чуть-чуть что не хвастаясь своимъ незнаніемъ, оно ругалось надъ нею при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, мѣрило нашу исторію, преданія, сказки, пѣсни, нравственные понятія идеалами германо-романскаго міра и, не находя въ нашемъ ничега подходящаго къ этимъ готовымъ идеаламъ, отворачивалось отъ всего нашего съ омерзеньемъ. Славянофильство, тоже мало зная жизнь народа изъ самой жизни, но за то глубоко знакомое съ исторіею старой письменности и ловившее съ благоговѣніемъ все записываемое, однимъ словомъ — изучавшее родной бытъ, постепенно доходило до теорій, что наша жизнь совсемъ иная жизнь, совсемъ особенная, ничего общаго съ западною жизнью не имѣющая, управляемая совершенно новыми, ни кѣмъ еще не раскрытыми таинственными законами, особыми, новыми нравственными понятіями. Гдѣ таинственность — тамъ вѣра, а пока вѣра не опредѣлилась въ догму, она сопутствуется постоянно фанатизмомъ; какъ положительнымъ, такъ и отрицательнымъ.

Keimt ein Glaube neu,
Wird oft Lieb' und Treu'
Wie ein böses Unkraut ausgeraut, (*)

какъ сказалъ одинъ изъ самыхъ вѣщихъ поэтовъ.

(*) Когда зарождается новая вѣра, то часто любовь и вѣрность вырываются какъ дурная трава.

Но передъ славянофильствомъ опять-таки стоялъ идеалъ, стояла возможность, стояло будущее, долженствовавшее, по его убѣжденію, родиться изъ доселѣ невѣдомой, доселѣ какъ бы шедъ спуюмъ лежавшей жизни. Мракобѣсіе перевело эту мысль на своей языкъ; оно готово было взять существующее, дѣйствительность за идеалъ жизни. Кто читалъ глубокія, хотя небольшія количествомъ французскія брошюры Хомякова, въ которыхъ полемически развивалъ онъ все свое религіозно-философское міросозерцаніе, тотъ вѣроятно сразу понялъ, какая непроходимая бездна отдѣляла славянофильство отъ ученій мрака.

Но славянофильство было теорія и, какъ всякая теорія, влеклось роковымъ процессомъ къ крайнимъ результатамъ. Западничество отвергало все значеніе нашей исторической и бытовой жизни до реформы Петра; славянофильство отвергло всякое значеніе реформы, кромѣ вреднаго, — оно забыло, что еслибъ даже спали мы въ продолженіе болѣе полутораста лѣтъ, мы, спавши, все-таки увидѣли сны, примѣривали себя къ грезившимся намъ идеаламъ, развивали наши духовныя силы или возможности въ борьбѣ хотя бы и съ призраками, — и стало быть просынаемся или проснемся не тѣми, какими являи, а съ извѣстнымъ запасомъ благо или не благо, но все-таки пріобрѣтенныхъ данныхъ, которыя непремѣнно должны лечь въ основы нашей новой жизни, какъ предѣли, его же на предѣши.

Въ пылу битвы за свое отрицаніе реформы, славянофильство само иногда роняло нѣсколько случайныхъ словъ въ защиту такихъ явленій до-петровскаго быта, которыя никакими общечеловѣческими идеалами не оправдываются. Эти слова подхватывали и лету и противники, т. е. западники, и непрощенные товарищи, т. е. идеоты мрака. Тѣ и другіе, съ различными конечно цѣлями, развивали ихъ до крайнихъ крайностей. Явилась напр. въ какомъ-то сельскохозяйственномъ журналѣ злобная выходка противъ русской бѣды. Въ выходкѣ, кромѣ злобы, все было справедливо: антицивизійныя и антинравственныя черты несчастной подруги русскаго человѣка схвачены были съ самою ядовитою мѣткостью и выставлялись на позоръ съ безпощаднымъ цинизмомъ. Славянофильство было оскорблено фешенебельнымъ тономъ этой выходки, оскорблено въ святомъ своемъ чувствѣ; въ любви и уваженіи къ народу; но въ пылу негодованія вооружилось не на тонъ, а на сущность выходки. Вооружившись на тонъ, оно было бы совершенно право; вооружившись на сущность, оно вовлеклось роковымъ процессомъ въ крайность теоріи. Оно вступилось напр. за святость и духовность брачнаго союза, возстало на чувства и пониманіе брачныхъ отноше-

нѣ автора выходки — и увѣ! тутъ ужь дошедши до скандала, могли сѣбѣ вести принципъ славянофильства до той грани, что во всемъ началамъ жизни *мелого* славянскаго міра, брачное сожителство должно основываться не на влеченіи и любви, а чуть ли не на взаимномъ отвращеніи, *pour la mortification de la chair*, а это была уже такая грань, на которой ученіе славянофильства сходилось съ ученіями мрака. Мы взяли одинъ только фактъ, наиболѣе рѣзкій и о которомъ память еще свѣжа, ибо онъ принадлежитъ къ 1856 или 1857 году; а такихъ фактовъ, такихъ роковыхъ увлеченій теоріею, славянофильство имѣетъ за собою довольно. Въ средѣ слѣпныхъ его послѣдователей, даже батоги и пржевъ стараго быта находили защитниковъ, хотя надобно сказать правду, защита эта была всегда вызываема борьбою съ безпощальнымъ отрицаніемъ западниковъ.

Къ этому надобно еще присовокупить, въ видѣ облегчительныхъ обстоятельствъ, какъ для западниковъ, такъ равно и для славянофиловъ, то, что борьба между ними шла не на открытомъ полѣ; что по большей части всѣ важныя и существенныя вопросы науки и жизни должны были высказываться и оспариваться въ какихъ-то, мистическихкихъ формахъ. Зачастую дѣло шло вовсе не о томъ, о чемъ шла рѣчь. Нерѣдко противники не понимали другъ друга, въ особенности же западники славянофиловъ, — чѣмъ только и можно объяснить жесточайшую вражду къ славянофильству Бѣлинскаго, вражду, которая впрочемъ въ послѣднее время его жизни, какъ свидѣлствуютъ нѣкоторые его письма, начинала переходить въ чувство совершенно противоположное.

Хотя Шекспиръ и говоритъ отъ лица своего Эмбарба въ «Антоніи и Клеопатрѣ», что

Время

Всегда на то, что происходитъ въ немъ;

но едва ли есть сомнѣніе и въ томъ, что

бываютъ времена

Совсѣмъ особеннаго свойства,

что бываютъ времена совершенно парализирующія или обезплодворяющія вслннн силы — времена безвыходной тьмы, подземной работы силъ, въ которыхъ нерѣдко то, что должно было бы идти рука объ руку, раздѣленно, толкаетъ одно другое, враждуетъ одно съ другимъ. Такихъ грустныхъ эпохъ не мало въ исторіи человечества.

Дѣло въ томъ, что какъ передъ западничествомъ стоялъ высочайшій, передовой идеалъ жизни, идеалъ честно прожитый сквозъ всю безразсѣчную тьму таинныхъ благородныхъ дѣятельми, каковы

были напимѣръ П. Я. Чаадаевъ, В. Г. Бѣлинскій, Т. Н. Грановскій; такъ и передъ глубокомысленными, даровитыми или высоко-самоотверженными личностями, составлявшими славянофильство, каковы Хомяковъ, Кирѣевскій, Аксаковъ, — стоялъ идеаль, тоже передовой, а вовсе не задній.

II

Исходная точка западничества заключалась въ увлеченіи всѣмъ, что человѣчество выработало великаго и прекраснаго въ XVIII столѣтіи своей обновленной жизни. Кругомъ себя оно не видело не только отраженій этого великаго и прекраснаго, но не слышало даже положительныхъ отзывовъ на него. Исходною точкою и положеніемъ въ настоящемъ опредѣлились и крайнія грани той теоріи, за которую оно должно было схватиться, какъ за единственную доску спасенія. Тамъ — свѣтъ; здѣсь — мракъ безвыходнаго невѣжества; и такъ къ свѣту, на просторъ, какъ ютъ мѣдный всадникъ, въ обяательно-грозной личности котораго трудно разочароваться намъ всѣмъ, даже до сихъ поръ, даже послѣ всѣхъ разоблаченій страшныхъ, окружающихъ ту личность и неотдѣлимыхъ отъ нея фактовъ — и трудно именно потому, что этотъ мѣдный всадникъ все-таки полнѣйшій въ добрѣ и злѣ представитель нашего духа... Такъ и пошло западничество, пошло смѣло, честно, рѣшительно, съ перваго же шага.

Някогда ничего прамѣ и смѣлѣ не сказала оно того, что сказала съ этого перваго шага, въ знаменитомъ письмѣ П. Я. Чаадаева, появившемся, по вѣчной ироніи судьбы, въ журналѣ, котораго редакторъ Н. И. Надеждинъ былъ однимъ изъ поборниковъ славянской народности до того, что готовъ былъ защищать даже кулакъ въ подстрочномъ примѣчаніи къ одной изъ молодыхъ рецензій Бѣлинскаго въ «Молвѣ», однимъ изъ жаркихъ сторонниковъ и ревностныхъ дѣателей славянофильства въ продолженіе всей своей высокополезной жизни. Письмо Чаадаева, помѣщенное въ немъ, какъ любопытное своей новостью исповѣданіе убѣждений, было тою перчаткою, которая разомъ разъединила два, до того если несоединенные, то и неразъединенные лагеря мыслящихъ и пишущихъ людей. Въ немъ впервые *костелечно* поднятъ былъ вопросъ о значеніи нашей народности, самости, особености, до тѣхъ поръ мирно покоившійся, до тѣхъ поръ ни кѣмъ не тронутый и не поднятій.

Для того, чтобы понять дѣйствіе и значеніе письма Чаадаева,

нужно бросить бѣглый взглядъ на исторію отношеній литературы нашей къ народности съ самаго начала ея, нашей гражданской литературы, т. е. съ Тредьяковскаго и Ломоносова.

Прежде всего сказать должно, что до 1836 года, никто изъ писателей и поэтовъ, отъ Ломоносова до Пушкина включительно, не сомнѣвался въ нашей народности, т. е. въ томъ, что мы известная народность, особенность, самость. XVIII столѣтіе въ Европѣ вообще чуждалось вопроса о народностяхъ, проникнутое вѣрою въ прогрессъ и въ отвлеченное человѣчество; но объ насъ даже и этого сказать нельзя. Какъ племя совершенно новое, только что вошедшее въ обще-міровую жизнь, мы болѣе или менѣе создавали себя по вышнѣ и особымъ племенемъ. Иля, въ передовыхъ нашихъ людяхъ мысли и дѣла, по пути петровской реформы, преслѣдуя невѣжество, ханжество и тупую жизнь съ Кантемиромъ, стремились на проломъ къ свѣту и образованію съ Ломоносовымъ, — мы однако съ Щербатовымъ оглядывались и назадъ и отъ «всеобщаго развращенія нравовъ» искали опоръ къ старымъ основамъ жизни; мы съ Фонъ-Визинымъ до циническаго юмора были русскими даже за границей; мы съ великимъ дѣятелемъ прогресса Новиковымъ (предисловіе къ изданію Внеліоѣнки) вынуждали въ стыдъ и поношеніе незначіе жизни и письменности доблестныхъ предковъ. Когда во всей остальной Европѣ царило рабское служеніе французской мысли и рабское подражаніе образцамъ французской литературы; когда никто не думалъ и думать даже не хотѣлъ тамъ о томъ, какъ мыслятъ, чувствуютъ, живутъ, поютъ и вѣрятъ *необразованныя* массы, называемыя «народами»; когда прошедшее Европы, все до эпохи великаго короля, провозглашено было на судъ Вольтера варварскимъ и только интересовало записныхъ ученыхъ, — у насъ Чулковъ и Новиковъ издавали сборники народныхъ пѣсень и сказокъ; да еще издавали, сравнительно съ послѣдующими издателями, крайне добросовѣстно, по возможности мало или даже вовсе ничего не измѣняя; у насъ Новиковъ издавалъ Древнюю Внеліоѣнку не для ученыхъ специалистовъ, а положительно для всѣхъ любящихъ серьезное и разумное чтеніе людей, сначала даже (въ первомъ изданіи) какъ изданіе ежемѣсячное — замѣтьте это и найдите имъ въ остальной Европѣ тогдашней подобное, съ такою именно целью веденное изданіе! Самъ Тредьяковскій, назвавшій нѣсколько разъ народную рѣчь *подлою* рѣчью (помимо того обстоятельства, что слово: подлый, т. е. «подольный», «низменный», не имѣло еще тогда своего теперешняго значенія), самъ Тредьяковскій, говорю я, проговаривался; такъ, болѣе какъ лакей, чѣмъ какъ писатель и ученый. Какъ писатель, онъ изучалъ тщательно и церковный языкъ и на-

родную рѣчь. Демонстраторъ, пламенный поборникъ реформы, былъ въ сѣбѣ съ тѣмъ въ жизни и ученой дѣятельности ярымъ борцомъ за нашу умственную независимость и самостоятельность. Сатирическая литература наша равно относилась съ обличеніемъ и къ явнымъ явленіямъ стараго быта, и къ пустымъ явленіямъ обезьянства и фальшиваго, поверхностнаго образованія, — едва ли даже не вѣнчалъ послѣднихъ явленіямъ не съ болѣею рѣзкостью, — начиная отъ самого Кантемира, первороднаго сына реформы. Великая Императрица собирала русскія пословицы, а въ комедіяхъ своихъ боролась съ обезьянствомъ столько же, сколько и съ прдрассудками стараго быта. Забудьте, повторю, что всѣ эти явленія совершались тогда, когда Германія въ лицѣ Готшеда отказалась исполнить отъ своей умственной самости въ пользу французскаго управленія. Правда, что въ ней уже образовывалась и борьба за самостоятельность въ лицѣ Клопштока и его друзей, клявшихся быть древними германцами передъ Ирминиевымъ столбомъ. У насъ ничего этого не было еще — ни отрицанія нами нашей народности, ни борьбы за нее, — и клятвы юныхъ товарищей Клопштока передъ Irminsäule суждено было у насъ повториться только послѣ 1836 года въ равнозначительныхъ явленіяхъ, каковы: пошение дрянныхъ святославовъ и мурзенокъ.

Такое спокойное отношеніе наше къ нашей народности въ XVIII вѣкѣ вовсе впрочемъ не должно быть вѣнчано намъ въ какую-либо особенную заслугу, и тѣмъ еще менѣе конечно слѣдуетъ изъ этого, чтобы мы опередили остальную Европу въ духовномъ развитіи. Этотъ выводъ былъ бы очень лестенъ для нашей народной гордости, но мало справедливъ.

Значить это просто, что мы были племя еще новое, еще сѣжее, еще — говоря по необходимости философскимъ языкомъ — невышедшее изъ своей непосредственности. Значить это также и то, что реформа вовсе не совершилась ex abrupto и разомъ, что вовсе съ одной стороны не была она для насъ такъ чужда и удивительна, не поразила такъ нашего сознанія, чтобы раздвинуть въ немъ сразу для насъ самихъ два міра — міръ нашей до-петровской и міръ нашей послѣ-петровской жизни; а съ другой стороны, вовсе не такъ цѣльна и мгновенна, чтобы разомъ разрушить наши связи съ старымъ бытомъ. Кто знакомъ съ сочиненіями Посошкова, тотъ знаетъ конечно, какіе реформаторы, даже подчасъ безпощадные, и при Петрѣ и вѣроятно еще до Петра, тащались въ средѣ народа, но знаетъ также и то, что эти реформаторскія стремленія, послѣдовательными въ своемъ утилитаризмѣ до дикости, до проведенія китайскаго уровня и однообразія во всемъ быту, смѣли до крутыхъ мѣръ (иже

сто, другое судей падеть не лиха бѣда), идутъ рука объ руку съ самымъ ужаснымъ и непосредственнымъ націонализмомъ, съ запретительными торговыми системами, съ враждою къ иноземцамъ и съ глумленіемъ надъ ними, въ особенности надъ нѣмцами...

Развѣдиченіе нашего сознанія съ до-петровскимъ бытомъ совершалось постепенно. Въ нравахъ и въ быту общественномъ господствовало рѣшительно двоевѣріе: явленія старой жизни въ самыхъ ужасныхъ ея крайностяхъ шли объ руку съ подражаніемъ Франціи. Образованіе и передовыя понятія рѣшительно брались только на прокатъ; все, что добросовѣстно хотѣло прилагать къ жизни, гибло. Въ литературѣ лирическое, или лучше сказать, хулиливое направленіе воспѣвало «Россия, родъ великодушный»; сатирическое глумилось надъ двоевѣріемъ, и ни передъ лириками, ни передъ сатириками не стояло въ сознаніи никакого опредѣленнаго, живого, такъ сказать, уловимаго идеала ни народнаго, ни общеввропейскаго. Созерцаніе жизни величайшаго лирика той эпохи, Державина, сводится все въ такія общія положенія, которыя на половину тождественны съ началами созерцанія церковной письменности, на половину же внушены идеями проsvѣщенія (der Aufklärung), т. е. общимъ духомъ, общимъ вѣяніемъ столѣтія: таковъ Державинъ парадно въ *возможномъ* построеньѣ; — на распахну же, въ анакреонтическомъ родѣ онъ просто эпикурецъ, да только не эпикурецъ-философъ какъ Гораций, не эпикурецъ по пророжденному художественному наслажденію жизни какъ грекъ Анакреонъ, а просто-на-просто русскій татаринъ, съ сильною чувственною фантазіею восточнаго человѣка, разбавленною грязноватымъ юморомъ непристойныхъ пѣсень и сказокъ-русскаго народа. Увеличайшаго представителя сатирической струи, у Фонъ-Визина идеала тоже нѣтъ: мы видимъ только, что комокъ смѣется, смѣется безощадно и равно-зло надъ ханжествомъ совѣтника и надъ обезьянствомъ Иванушки, смѣется въ этомъ послѣднемъ лицѣ надъ ученіями французскихъ философовъ XVIII вѣка; но во всемъ этомъ онъ смѣется, этого мы не видимъ. Здоровый русскій разсудокъ, врывающій до послѣдней строки все, что писалъ Фонъ-Визинъ — самъ по себѣ сообщаетъ его произведеніямъ только отрицательное свойство. Идеала нѣтъ еще передъ Фонъ-Визинымъ, тогда какъ о Гривобѣловѣ напрямѣръ, и гнѣвъ паче о Гоголѣ, вы уже этого не скажете. Правосудовы и другія честныя лица Фонъ-Визина — чисто азбучныя правила, представители здраваго разсудка — но болѣе, а не какихъ-либо стремленій и идей, живущихъ вродь и цвѣтъ.

И это потому что какъ лирикъ Державинъ, такъ и коникъ Фонъ-

Визитъ по натурѣ художники, т. е. люди съ чутьемъ жизни, съ бессознательно-практическимъ ея пониманьемъ. Чего не было въ жизни, того они и не дали — ни созерцанія, ни идеаловъ.

Искатели идеала, люди съ стремленіями общественными, или въ отчаяніи отодвигали идеалъ назадъ въ прошедшее, какъ Щербатовъ, или предавались безотвѣтнымъ порывамъ къ будущему, какъ Радищевъ. И въ сущности, ни Щербатовъ не былъ отсталымъ, ни Радищевъ передовымъ человѣкомъ. Какъ тотъ, такъ и другой не выносили только двоевѣрія общественнаго и прямо возставляли на то, что имъ, исключительно-честивымъ, но нисколько не даровитымъ, не необыкновеннымъ людямъ, казалось развратомъ и ложью, тогда какъ всѣ другіе беззаботно и слѣпо увлекались окружающей ихъ жизнью и развѣ только глумились во имя здраваго разсудка, т. е. чисто только отрицательно, надъ комическими явлениями общественнаго и нравственнаго двоевѣрія.

Достойно между тѣмъ замѣчанія то обстоятельство, что въ лицѣ Щербатова и Радищева, какъ бы заранѣе обозначались два будущихъ лагера мысли. Честный, хотя почти бездарный историкъ, равно какъ благородный и пламенный, но тоже почти бездарный публицистъ — оба въ сущности искатели идеаловъ, — только у одного идеалъ лежитъ въ прошедшемъ, у другаго — положительно разрозненъ со всякою дѣйствительностью, чѣмъ и объясняется малое сочувствіе къ нему Державина въ его эпоху и Пушкина въ другую.

Указывая на двѣ эти личности, я конечно не хочу сказать, чтобы въ нихъ выразились уже два стремленія послѣдующаго времени, т. е. славянофильство и западничество, хотя нельзя не видѣть и стало быть нельзя не указать на тотъ знаменательный фактъ, что стремленіе къ идеалу съ разу же выразилось у насъ въ двухъ формахъ, въ положительной привязанности къ старинѣ и въ отрицательномъ отношеніи къ дѣйствительности.

Въ сущности, двухъ лагерей еще и не могло тогда образоваться. Взглядъ на жизнь нашего XVIII столѣтія вовсе не былъ такъ разрозненъ со взглядомъ до-петровскаго времени, какъ взглядъ XIX столѣтія. Щербатову было очень легко проникнуться жизненными идеалами времени до реформы; ибо самые эти идеалы еще носились въ воздухѣ. Въ жизни руководились русскіе люди еще всѣ тѣми же нравственными правилами, какъ въ до-петровское время. Другія правила, другіе взгляды брались только на прокатъ... Этимъ объясняется и то, что историческій тонъ Щербатова и Татищева гораздо ближе къ тону нашихъ лѣтописей, чѣмъ тонъ Карамзина; этимъ же объясняется и возможность изданія Новиковымъ памятниковъ древней письменности для общаго чтенія.

И между тѣмъ изъ новиковской школы, по вѣчной проницательности судьбы, вышелъ человекъ, которому суждено было начать въ литературѣ и въ самой жизни раздѣленіе между старымъ и новымъ воззрѣніемъ. Я говорю о Карамзинѣ...

Славянофильство почему-то присвоивало себѣ почти исключительно это великое и почтенное имя; но его точно съ такимъ же правомъ можетъ присвоить себѣ и западничество. Первоначальная дѣятельность Карамзина въ его «писмахъ русскаго путешественника», въ его повѣстяхъ и журнальныхъ статьяхъ, конечно ужъ никакъ не можетъ быть названа славянофильскою, и не даромъ вызвала она такое сильное противодѣйствіе со стороны поборниковъ старины, во главѣ которыхъ стоялъ Шишковъ и которые впрочемъ тоже не могутъ быть названы славянофилами въ смыслѣ современныхъ славянофиловъ. Карамзинъ въ первую и вторую даже эпоху своей дѣятельности, до 1812 года, является первымъ воплощеньемъ живымъ органомъ обще-европейскихъ идей, и его дѣятельность впервые прививаетъ ихъ къ нашей общественной и нравственной жизни. И это по той простой причинѣ, что онъ былъ первый живой и дѣйствительный талантъ въ русской литературѣ, за исключеніемъ комика Фонъ-Визина: одами Державина, хотя и доказывающими несомнѣнное присутствіе огромнаго, но безобразнаго таланта, — можно было восхищаться только по заказу; стало быть въ жизнь, въ плоть, въ убѣжденіе онъ переходили столь же мало, какъ Россіада бездарнаго Хераскова, какъ трагедіи Княжвина. Ничѣмъ этимъ нельзя было жить нравственно, потому что все это только сочинилось, и вся російская словесность до Карамзина, за исключеніемъ комедій Фонъ-Визина и нѣсколькихъ удачныхъ сатирическихъ попытокъ, была рядомъ «выдуманнаго сочиненія.»

Карамзинимъ же и его дѣятельностью общество начало жить нравственно. Онъ внесъ живую струю въ жизнь, какъ живой и дѣйствительный талантъ. Вотъ, кажется мнѣ, простое обстоятельство, которое однако всегда забывали, вчисляя множество заслугъ Карамзина и часто даже ихъ преувеличивая, между тѣмъ какъ одного этого достаточно для того, чтобы поставить Карамзина во главѣ нашего дѣйствительнаго и стало быть народнаго литературнаго движенія. Онъ первый нравственно подѣйствовалъ на общество, далъ литературѣ воспитательное и руководительное значеніе... Его дѣйствіемъ на современниковъ объясняется и фанатизмъ его отчужденныхъ приверженцевъ и поклонниковъ, каковъ напримѣръ былъ еще не очень давно умершій и наивный до смѣшнаго Иванчинъ-Писаревъ.

Для насъ, людей этой эпохи, въ Карамзинѣ почти-что ничего

не осталось такого, чѣмъ бы мы могли нравственно жить хотя одинъ день; но безъ толчка, даннаго литературѣ и жизни Карамзинымъ, мы не были бы тѣмъ, чѣмъ мы теперь.

Струя, которую внесъ Карамзинъ въ общественную жизнь и нравственность, была струя сентиментальная, струя общероденная тогдашней эпохѣ. Нужды нѣтъ, что въ тогдашней общественной эпохѣ эта струя была не одна; нужды нѣтъ, что наравнѣ съ великимъ жемевскимъ чудачкомъ — если не больше — народъ надъ ушами великій отрицатель и пересмѣшникъ, фернейскій философъ; нужды нѣтъ, что благородная муза Шиллера уже сказывалась тогда своими пламенными и юношескими звуками, звывшими къ любви и братству; нужды нѣтъ, что Эммануэль Кантъ, своими категоріями по видимому ограничивая человѣческой разумъ, прокладывая ему широкую дорогу, — нужды нѣтъ, говорю я, что ничего этого не отразилось въ дѣятельности Карамзина. Для пробужденія общества отъ нравственной апатіи было довольно и того, что онъ далъ. «Вольтеріанство» въ азіатскомъ быту перемѣнилось какъ право все дѣлать и ничего нравственно не бояться; стремленія Шиллера были бы непонятны, — а ужъ до Канта куда было какъ далеко!..

Талантъ исполнѣ, талантъ чуткій и глубоко впечатлительный, Карамзинъ вѣроятно безсознательно, какъ всякій талантъ, далъ обществу то, что было ему нужно... Не далѣе, какъ за иѣскольکو десятковъ строкъ, я сказалъ, что для насъ въ Карамзинѣ почти ничего не осталось, но готовъ почти взять назадъ свои слова, какъ только перенесся я въ его эпоху и въ лѣта собственнаго отрочества, какъ только припоминалъ «писыма русскаго путешественника». Бѣлинскій, подъ вліяніемъ тѣхъ великихъ идей, которыми онъ пламенно увлекался, и еще болѣе подъ вліяніемъ необходимости ретоборствовать противъ фанатическихъ поклонниковъ Карамзина, уже иѣсколько смѣшныхъ, но еще существовавшихъ въ его время (въ его время — припомните это! въ тридцатые годы XIX вѣка!), Бѣлинскій, говорю я, попрекалъ эту книгу ея пустотою, вопиалъ на то, что мимо русскаго путешественника проходили незамѣчательными величайшія явленія тогдашней западной жизни, а мелочныя напротивъ занимали у него первый планъ... Все это такъ, все это совершенно справедливо съ нашей, современной, такъ сказать, приподнятой точки зрѣнія, а все-таки «писыма русскаго путешественника» книга удивительная, и читая ее, эту книгу, даже теперь, вы понимаете, что она должна была сдѣлать съ тогдашнимъ обществомъ. *Впервые* русскій человекъ является въ ней во внешне, а душевно и сердечно сочувствующимъ общечеловѣче-

свои жизни, — приходитъ въ эту общечеловѣческую жизнь не дикаремъ, а сыномъ! Вспомните записки Фонъ-Визина о его путешествіи, эти гениально-остроумныя замѣтки дикаго человѣка, человѣка, такъ сказать, съ хвостомъ зифриннымъ, холящаго и дельдянаго свой хвостъ съ примѣрнымъ попеченіемъ, какъ еще многіе въ видѣ дельцѣ его холятъ и дельбуютъ... Въдѣ правдо мало различія въ міросозерцаніи Лихачева и Чесоданова (посланниковъ Алекскѣ Михайловича въ Тоскану и Венецію) и въ міросозерцаніи Фонъ-Визина. Ему также, какъ Лихачеву и Чесоданову, все не-наше кажется чуднымъ и надъ всѣмъ не-нашимъ онъ острится, острится великолѣпно, но грубо... Звуки польскаго языка въ варшавскомъ театрѣ кажутся ему подлыми; о цѣлой великой націи замѣчаетъ онъ только, что «разсудка французъ не имѣетъ, да и имѣть его позволѣ бы за величайшее несчастіе»; въ энциклопедіяхъ видитъ онъ только людей жадныхъ до денегъ изъ чужого кармана...

И вотъ посреди этого общества, котораго талантливейшій выриватель такъ уверно отстаиваетъ свою исключительность и особость, — является юноша съ живымъ сочувствіемъ ко всему доброму, прекрасному и великому, что выработалось въ общечеловѣческой жизни. Этотъ юноша стоитъ въ уровень со всѣми высокообразованными людьми тогдашней Европы, хотя и не понимаетъ еще уелженннхъ мыслителей Германіи, не смѣетъ еще впрядѣ отдаться ея начинающимъ великимъ поэтамъ. Человѣкъ своей эпохи, человѣкъ французскаго образованія, онъ однако, уже достаточно смѣлъ для того, чтобы съ весьма малымъ количествомъ тогдашнихъ образованныхъ людей поклоняться дьямому дикарю Шекспіру, достаточно проникателенъ, чтобы зайдти поклониться творцу «критики чистаго разума» и, хоть о пустякахъ, да поговорить съ нимъ... На все, что нашлось тогда въ воздухѣ его эпохи, отзывался онъ съ сочувствіемъ, и главное-то дѣло, что сочувствіе это было сочувствіе живое, а не книжное... Въ Европу изъ далекой гиверборейской страны впервые пріѣхалъ европеецъ, и впервые же русскій европеецъ перedalъ своей странѣ своимъ русско-европейскія ощущенія, передалъ не поучительнымъ, докторальнымъ трюномъ, а языкомъ легкимъ, общепонятнымъ... Точка, съ которой передаетъ онъ ощущенія, дѣйствительно очень невысока, но зато она вѣрна, она общепонятна, какъ самый его языкъ.

«Шисъма русскаго путешественника», а за тѣмъ сентиментальныя повѣсти и сентиментальныя же разсужденія Карамзина — перевернули нравственныя воззрѣнія общества, конечно той части общества, которая была способна къ развитію. Все это отгавляло по себѣ *слѣды*, чего рѣшительно нельзя сказать о нашей

литературъ послѣ-петровскаго времени до самаго Карамзина... Понятно, что его дѣятельность возбудила сильный антагонизмъ во всемъ; что держалось крѣпко за старыя понятія, антагонизмъ отчасти и правый, но вообще слѣпой.

Антагонизмъ выразился въ Шишковѣ и его послѣдователяхъ. Они стояли за старыи языкъ противъ новаго языка, впервые введеннаго Карамзинымъ, языка легкаго, текучаго, но дѣйствительно на первый разъ лишоннаго имъ всякой энергiи. Великий стилистъ доказалъ имъ впоследствии, въ какой степени мастера онъ владѣть и языкомъ величавымъ и энергическимъ. Шишковъ и его послѣдователи въ сущности сами не знали, за что они стояли. Самъ Шишковъ, какъ извѣстно, былъ одною изъ благороднѣйшихъ личностей той эпохи, но филологъ онъ былъ весьма плохой и постоянно смѣшивалъ славянскiй языкъ съ дѣланымъ и передѣланнымъ языкомъ библейскимъ. Въ сущности, оппозиція шла не противъ языка Карамзина, а противъ новыхъ нравственныхъ понятiй, вносимыхъ имъ въ жизнь общественную. Съ понятiями же этими поборники стараго порядка вещей дѣйствительно не могли не бороться.

Карамзинъ по тогдашнимъ своимъ идеямъ принадлежалъ къ тому же самому направленiю, какъ и благородный, но не практическiй энтузиастъ Радищевъ. Радищевъ не могъ подѣйствовать на жизнь и общество, потому что прямо приступилъ къ нимъ съ самымъ крайнимъ и строгимъ идеаломъ цивилизацiи, съ ея послѣдними по тогдашнему времени требованiями. Карамзинъ, какъ талантъ практическiй, началъ дѣйствовать на нравственную сторону общества и въ этой дѣятельности тоже въ первую эпоху шолъ до крайностей. Его «Софья» возбуждала благочестивый ужасъ, но между-тѣмъ читалась жадно. Его болѣе благоразумныя, чѣмъ эта юношеская драматическая попытка, повѣсти, моральныя разсужденiя и статьи въ сущности имѣли одну задачу — смягчить жестокiе (по выраженiю Кулигина въ «Грозѣ») нравы, его окружавшiе, и въ развитыхъ организацiяхъ общества достигали этой цѣли, даже пожалуй и переступали ея, т. е. не только смягчали, но и размягчали нравы...

Понятно, что поборникамъ старыхъ идеаловъ, поборникамъ «жестокихъ», но крѣпкихъ нравовъ — такое размягченiе казалось растлѣнiемъ, и оппозиція Шишкова, принявшая формы борьбы между старымъ и новымъ слогомъ, имѣла причины болѣе глубокiя, чѣмъ стилистику, причины нравственныя.

Въ этой оппозицiи впервые выразилось нѣчто похожее на такъ называемое славянофильство.

Но хотя наши современныя славяношлы и готовы считать: — дѣйствительно впрочемъ благороднаго и честнаго адмирала, — видѣть въ своихъ отцовъ, но между его стремленіями и нѣкъ стремленіемъ цѣлая бездна. Стремленія Шишкова и его партіи, послѣдовательно оканчивающіяся «Маякомъ» и даже пожалуй «Домашней Бесѣдой», — выходятъ изъ началъ темныхъ и мрачныхъ... Стремленія же И. В. Кирѣевскаго и Комжкова подають руку не «Маяку» и не «Домашней Бесѣдѣ», а тому просвѣщенному и возвышенному направленію, которое въ послѣднее время такъ могущественно заявила себя глубокомысленной и краснорѣчивой книгой энциклопедиста Теодора.

Имѣла ли нѣтъ оппозиція вліяніе на Карамзина — трудно рѣшить, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно совершился переломъ въ его дѣятельности. Поклонникъ Руссо? онъ становится въ своей «Исторіи Государства Россійскаго» совершенно инымъ человекомъ. Будущимъ біографамъ великаго писателя предложитъ трудъ разъяснить эту повстинѣ странную разницу между Карамзинимъ-историкомъ и Карамзинимъ-публицистомъ и журналистомъ.

Трудъ этотъ впрочемъ, какъ мнѣ кажется, вовсе незатруднителенъ.

Карамзинъ, какъ великій писатель, былъ волюгъ русскій человекъ, человекъ своей почвы, своей страны. Сначала онъ приступилъ къ жизни, его окружавшей, съ требованіями высшаго идеала, идеала выработаннаго жизнію остальнаго человечества. Идеалъ этотъ конечно оказался несостоятеленъ передъ дѣйствительностью, которая окружала великаго писателя... Въ этой дѣйствительности можно было или только погибнуть какъ Радищевъ, какъ бѣгъе практическій, чѣмъ Радищевъ, человекъ — Новиковъ, либо.. не то что ей подчиниться, но обмануть ее.

Да... обмануть! Это настоящее слово.

И Карамзинъ это сдѣлалъ. Онъ обманулъ современную ему дѣйствительность.

Онъ сталъ «историкомъ Государства Россійскаго»; онъ, можетъ быть сознательно, можетъ быть нѣтъ, — вопросъ трудный для разрѣшенія, ибо талантливый человекъ самъ себя способенъ обманывать, — онъ подложилъ требованія западнаго человѣческаго идеала подъ данныя нашей исторіи, онъ *первымъ* взглянулъ на эту странную исторію подъ европейскимъ угломъ зрѣнія.

Возрѣніе его было, если вы хотите, неправильно, но оно было цѣльно, было основано на извѣстныхъ крѣпкихъ началахъ, и эти начала — главная причина того, что оно до сихъ поръ еще имѣетъ послѣдователей.

— Карамзинъ смотритъ на событія нашей исторіи точно такъ же, какъ современные ему западные писатели смотрятъ на событія исторіи западнаго міра, иногда даже глубже ихъ: это можно сказать безъ всякаго народнаго пристрастія, потому что современные ему западные историки весьма неглубоко смотрѣли на прошлое... Въ этомъ его слабость и въ этомъ, если хотите, его сила, даже передъ современниками. Въ немъ еще нѣтъ той мысли, что мы — племя особенное, предназначенное къ иному, нежели другія племена человѣчества. Общія его эпохѣ идеи приносятъ онъ съ собою въ русскую исторію, и это самое дѣлаетъ его исторію, помимо ея недостатковъ, однимъ изъ вѣчныхъ памятниковъ нашего народнаго развитія...

Можетъ быть, всѣ изысканія Карамзина неправильны или должны быть дополнены, но всѣ его сочувствія въ высшей степени правильны, потому что они общечеловѣческія. Великая честь Карамзину, что и въ голову ему не приходило оправдывать Мизы Грознаго въ его тиранинствахъ, порицать Тверь и великій Новгородъ въ ихъ сопротивленіи, какъ дѣлаютъ во имя условныхъ теорій наши современные историки... Въ безобразно ли фальшивой (по требованіямъ нашего времени) повѣсти: «Марѳа Посадница», въ краснорѣчивыхъ ли страницахъ о паденіи великаго Новгорода, — Карамзинъ остается вѣрнымъ самому себѣ и общечеловѣческому идеалу... Это великая заслуга, повторю опять, и этимъ отчасти объясняется фанатизмъ къ карамзинскому созерцанію русской жизни благороднѣйшихъ личностей.

Его исторія была, такъ сказать, пробнымъ камнемъ нашего самопознанія. Мы (говоря совокупно, собирательно) съ нею росли, ею вѣрлись съ остальною Европою, мы съ нею входили въ общій круговоротъ европейской жизни.

Не даромъ же легла она какъ тяжелый камень на дѣятельность цѣлыхъ поколѣній, не даромъ же испортила она величайшее созданіе Пушкина: «Бориса Годунова» и образовала цѣлую литературу историческихъ романовъ...

Да! Это была дѣятельность могучая, дѣятельность вполне живая, вполне перешедшая въ жизнь, *переломъ*, перешедшая въ жизнь, послѣ петровской реформы. Пора это сознать, пора воздвигнуть памятники великому мужу, вполне его достойный, памятникъ, который не гласилъ бы о томъ, чего онъ не далъ и дать не могъ, но который за то исчислялъ бы все, что онъ сдѣлалъ для нашего развитія.

Батюшковъ когда-то сравнивалъ Ломоносова съ Петромъ великимъ, но это сравненіе гораздо больше идетъ къ Карамзину, чѣмъ

къ Ломоносову. Карамзинъ былъ первый европеецъ между русскими, и, вѣроятно съ тѣмъ первымъ истинно русскій писатель, за исключеніемъ комика Фонъ-Визина. Это исключеніе я припоминаю постоянно; потому только впрочемъ, что комизмъ есть исключительная, особенная способность русскаго ума, способность одинаково сильная во все времена — у Данила Заточника столько же, какъ у Дениса Фонъ-Визина...

Между тѣмъ, однако, нашъ первый великій писатель является и въ своей первоначальной и въ своей послѣдующей дѣятельности проводникомъ общаго, стало быть западнаго, образованія. Нужно вѣтъ, что только его, чуждый міросозерцанія нашихъ лѣтописей въ первыхъ томахъ его исторій, крѣпнетъ и растетъ въ послѣдующихъ до преобращенія въ лѣтопись въ послѣднемъ; нужно вѣтъ, что тѣмъ болѣе сближается онъ съ старой Русью, тѣмъ болѣе становится онъ русскимъ; онъ все-таки русскій европеецъ, онъ участникъ великой жизни, совершавшейся на западѣ Европы...

Въ этомъ для насъ, потомковъ и наследниковъ великаго мужа, его значеніе. Увы! тщетно хотѣли бы мы возвратиться къ временамъ давно-минувшимъ. Татарское и московское иго, оба въ сущности равносильныя, оторвали насъ отъ нихъ невозвратно; палъ великій Новгородъ, палъ пригородъ его Псковъ, и только созданія вѣданныхъ воевоѣвъ, какъ Мей, напоминаютъ намъ о нихъ славномъ существованіи...

И только Карамзинъ въ настоящее время (подумайте объ этомъ: въ настоящее время!) остается настольною книгою для всѣхъ, кто не утратилъ любви и благоговѣнія къ жизни предковъ...

А между тѣмъ этотъ великій писатель былъ проводникъ европейскаго, общечеловѣческаго развитія, по крайней мѣрѣ въ лучшую, въ не старческую эпоху его дѣятельности...

За нимъ послѣдовалъ другой великій писатель — *Жуковский*. Это свѣтлое и благородное имя, давно, какъ-будто *per tacitum consensum*, по какому-то преднамѣренію — *исчезло* въ нашей литературѣ. О немъ никто не вспоминаетъ, какъ-будто бы его не было. Между тѣмъ этотъ высоко-замѣчательный поэтъ внесъ новую струю въ нашу литературу и посредствомъ ея (благодарность Карамзину, ородившему жизнь съ литературой) въ нашу жизнь. Это была струя романтическая, струя тревожныхъ, едва опредѣленныхъ ощущеній, шевелящихъ и раздражающихъ, ничего не дающихъ и къ чему-то безвѣстному влекущихъ; струя, изливающаяся сладкозвучной, прекрасной, повѣтической рѣчью; струя, родившая насъ со всѣмъ истинно-поэтическимъ, что пережито на западѣ. Жуковский былъ нашъ отзывъ на всю поэзію запада, какъ Карамзинъ былъ

нашъ отзывъ на всю кипучую умственную дѣятельность западной жизни. Въ нихъ обохъ сказались наши силы пониманія, силы сочувствія...

И вотъ вслѣдъ за ними явился «новтъ», явилась великая творческая сила, равная по задаткамъ всему, что въ мирѣ являлось не только великаго, но даже величайшаго: Гомеру, Данту, Шекспиру — явился Пушкинъ.

Я не могу и не хочу здѣсь коснуться значенія Пушкина, какъ нашего величайшаго народнаго поэта, величайшаго представителя нашей народной физиономіи. Я беру здѣсь только моральный процессъ, совершившійся въ его натурѣ и для насъ высоке поучительный: Пушкинъ началъ, не скажу съ подражанія, но съ поклоненія Байрону, съ протеста противъ дѣйствительности, и Пушкинъ же кончилъ «Повѣстями Бѣлкина», «Капитанской дочкой» и проч., стало быть смиреніемъ передъ дѣйствительностью, его окружающей. Еще прежде «Повѣстей Бѣлкина» и «Капитанской дочки» поэтъ, въ Онѣгинѣ, обѣщалъ намъ

Поэму пѣсенъ въ двадцать пять...
Дѣтей условенныя встрѣчи,
У старыхъ липъ, у ручейка, и т. д.

Еще прежде грозилъ онъ намъ, великій протестантъ, давшій намъ «уголовныхъ преступниковъ» (по толкованію «Маяка» и «Домашней Бесѣды») въ видѣ «Плѣнника», «Алеко», «Мазепы», — примиреніемъ съ дѣйствительностью, какова она есть:

Теперь мидѣи мнѣ балабайка,
Передъ порогомъ кабака,
Да пьяный топоть трепака...
Мой идеаль теперь ховяйка,
Да шей горшокъ, да самой большой.

Мы долго ему не вѣрjali въ его разубѣжденіяхъ... Наконецъ онъ выступилъ передъ нами совершенно новый, но однаково великій какъ и прежде, въ своихъ новыхъ созданіяхъ, въ «Капитанской дочкѣ», «Лѣтописи села Горохина»...

Мы взумились. Предъ нами предсталъ совершенно новый членъ вѣкъ. Великій протестантъ умалился до лица Ивана Петровича Бѣлкина, до лица, хотя нѣсколько иронически, но все-таки почтеннаго окружающей его дѣйствительности...

Что же это такое? спрашиваю я васъ, мои читатели, — спрашиваю честно, съ полнымъ желаніемъ, чтобы вы дали мнѣ отвѣтъ и разрѣшеніе... Мнѣ, излагающему передъ вами безъ страха и со-

иѣнія всѣ мои размышленія о нашей литературѣ и о нашемъ общественномъ развитіи...

Пушкинъ, создающій идеалы протеста, «Плѣнника», «Алеко», «Онегинъ», «Мазепу», — и Пушкинъ, пишущій «Лѣтопись села Гороховна», «Повѣсти Бѣлкина», «Капитанскую дочку»...

Но, — и въ этомъ главная сила, — Пушкинъ, въ тоже самое время пишущій «Каменнаго гостя», «Дубровскаго» и множество лирическихъ произведеній, на которыхъ какъ нельзя болѣе очевидно присутствіе протеста...

Пушкинъ былъ весь — стихія нашей духовной жизни, отраженіе нашего нравственнаго процесса, выразитель его, столько же таинственный, какъ сама наша жизнь...

Замѣчательно, что со смерти его собственно начинается раздвоеніе двухъ лагерей.

III

Всѣмъ предшествовавшимъ очеркомъ хотѣлъ я показать только то, что до конца пушкинской эпохи, вопросъ о нашей народности и ея значеніи вовсе даже и не возникалъ въ литературѣ въ тѣхъ формахъ, въ которыхъ возникъ онъ и развился въ эпоху послѣдующую.

Бѣлинскій въ «Литературныхъ Мечтаніяхъ» — своей первой, значительной по объему и содержанію статьѣ называетъ эпоху ему современную романтически-народнымъ періодомъ литературы; по эпитету «народный» не играетъ въ этомъ названіи особенно-важной роли, не имѣетъ особенно-рѣшительнаго значенія, не дѣлитъ еще мыслящихъ людей на два лагеря. И. В. Кирѣевскій, одинъ изъ главныхъ будущихъ поборниковъ славянофильства, выступаетъ на поприще статью о движеніи литературы въ «Дневницѣ» 1834 года, отличающейся только первымъ и притомъ глубокомысленнымъ приложеніемъ идей германской философіи къ разсматриванію развитія нашей умственной жизни, и журналомъ «Европеецъ», котораго продолжать онъ не могъ по независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ, но который и по названію и по направленію, уже рѣзко обозначившемуся съ первой книжки, долженъ былъ основательно, серьезно и глубоко вводить насъ въ кругъ европейской мысли и развитія. Если въ литературѣ и являлась въ то время оппозиція, то въ двухъ, по сущности впрочемъ сходныхъ формахъ: въ оппозиціи Пушкина и его друзей, круга избранныхъ литераторовъ — промышленной литературѣ, въ оппозиціи нѣсколько

аристократической и потому не всегда правдой, — и въ оппозиціи серьезныхъ, дѣйствительно ученыхъ людей, земнородятъ глубочайшихъ мыслителей, во главѣ которыхъ стояли Кирѣевскій и Надеждинъ, каждый впрочемъ по своему и другъ отъ друга независимо, — повелѣнному, наскоро захватанному образованію, представителемъ котораго былъ Н. А. Полевоі. Оппозиція эта — гордая и уединенная въ Кирѣевскомъ и его друзьяхъ, рѣзкая въ Надеждинѣ и его «Телескопѣ», тоже не была во всѣхъ пунктахъ мрана, ибо не признавала огромныхъ заслугъ Полеваго и его направленія. Какъ имъ примкнуть, тогда еще юный, Бѣлинскій, потому что и не къ чему было ему примкнуть, — примкнулъ впрочемъ только тогда, когда Н. И. Надеждинъ изъ ожесточеннаго зомла Пушкина, въ Никодима Непоумки «Вѣстникъ Европы» обратилъ съ первой же книжки своего «Телескопа» въ ревностнаго и почти единственнаго поклонника поэта за его «Бориса», холодно принятаго публикою и журналами.

Но ни одна изъ тогдашнихъ оппозицій и не подымала даже вопроса о народности нашей, т. е. о томъ, дѣйствительно ли мы имѣемъ, можемъ имѣть, выразили ли и выразимъ ли свою самостоятельность умственную и нравственную въ ряду другихъ европейскихъ самостоятельности. Вопросъ этотъ казался легокъ и простъ, именно потому, что никѣмъ еще не было и често поднять, казался даже порѣшеннымъ и порѣшеннымъ такими людьми, какъ Надеждинъ и Бѣлинскій. Эпоху пушкинскую они называли романтически-народною, т. е. считали, что съ нею именно начинается заявленіе нами нашей своеобразности, и кромѣ того еще потому, что современная европейская литература послѣ реставраціи была романтически-народною во Франціи, а въ Германіи стала такою еще раньше. Въ ихъ убѣжденіи было много истиннаго, по крайней мѣрѣ, что касается до народнаго значенія Пушкина, гораздо больше истиннаго, чѣмъ въ новѣйшихъ вопросахъ, заемаемыхъ почтеннымъ критикомъ «Отечественныхъ Записокъ» на счетъ народности Пушкина, но вмѣстѣ съ тѣмъ было много и наивнаго. Историческіе романы, между прочимъ, изъ которыхъ самыя лучшія лажечниковскіе, представляли смѣсь самую странную немногаго правдиваго со многимъ фальшивымъ. Самыя смѣлыя, какъ романы Полеваго, были ничто иное какъ полемическія выходы, облеченные въ рассказы; а самыя добродушные и похваловавшіеся наибольшимъ успѣхомъ за свою яко бы народность — романы Загоскина изображали понятія и нравы екатерининскихъ временъ, съ поддѣлкой подъ языкъ простонародья, безъ малѣйшаго знанія этого языка. Эти безобразныя романы, родившіеся

на Русь только потому, что въ Англіи былъ Валтеръ-Скоттъ. А у насъ появилась исторія Карамзина, считались тогда однимъ изъ признанъ романтически-народнаго направленія. Надъ людьми изъ нихъ, выходившими мѣрами, смѣялись, но о загосудинскихъ и въ особенности о лажечниковскихъ, замечательныхъ дѣйствительно могущественныхъ, хотя какимъ-то страшнымъ, не представлявшимъ никакой соразмѣрности талантомъ, писались цѣлыя и весьма серьезные статьи. Пушкинъ и его кружокъ, подлѣ его конечно вліяніемъ, по какому-то чутью, болѣе чѣмъ по опредѣленному, на наученіи основанному смыслу, мало сочувствовали представленію народности въ тогдашнихъ историческихъ романахъ: что-то говорило имъ, что тутъ есть сильная фальшь, и они, какъ выразился одинъ изъ нихъ, не имѣли ни малѣйшаго удовольствія читать изображенія вранковъ, сватъ по прямой линіи съ кучеровъ ихъ потомковъ. Въ этой срабѣ, отзывавшейся нѣсколько аристократизмомъ; было много вѣрнаго. Еслибъ дѣйствительно народъ, хотя бы даже и современный: купечество, крестьянство, давалъ романстамъ наши краски для изображенія быта, языка и нравственныхъ понятій вранковъ, то въ этихъ краскахъ была бы хоть доля истины; потому что въ народѣ есть органическое единство съ прошедшимъ; но романисты наши собственно съ тѣмъ, что называется народомъ, были вовсе незнакомы. Между тѣмъ вліяніе фальшиво-народнаго направленія было такъ сильно, что даже люди съ сильно-новитцескимъ даромъ и глубокимъ философско-историческимъ смысломъ, приносили ему послѣдныя жертвы, какъ Хомяковъ въ своемъ «Дмитріѣ Самозванцѣ» и «Ермакѣ»; что даже люди, спеціально знакомые съ нашимъ историческимъ бытомъ, какъ Погодинъ, писали историческія драмы, повторяя въ нихъ, не смотря на собственныя основательнѣйшія изученія, помимо можетъ быть своей воли, изображенія отягченныя весьма искусно, хоть и невѣрно, историкомъ Государства Россійскаго.

Въ предшествовавшемъ отдѣлѣ, я съ величайшею искренностью писалъ чуть что не панегирикъ Карамзину; ибо дѣйствительно когда смотришь только на его талантъ и на великое значеніе его дѣятельности въ отношеніи къ нашему духовному развитію — на него нельзя смотрѣть иначе; но что касается до пониманія и представленія нашей народности, то Карамзинъ является по справедливости же главнѣйшимъ источникомъ всѣхъ нашихъ ошибокъ по этой части, всѣхъ нашихъ ложныхъ литературныхъ отношеній къ этому весьма важному для насъ дѣлу. Сила таланта его, какъ историка, такова, что она могла положить свою печать даже на невѣрною

выше Карамзина стоявшую личность — на Пушкина и испортить во многом одно изъ-высшихъ его созданій; что она породила, при пособіи вліянія вальтеръ-скоттовской формы, цѣлую ложную литературу; что она въ наукѣ даже, въ историческихъ изысканіяхъ, могла парализовать такую силу, какъ сила Погодина, и заставить ее дѣлаться въ одномъ и томъ же заколдованномъ кругѣ.

Дѣло въ томъ, что Карамзинъ былъ да и до сихъ поръ есть — единственный у насъ историкъ-художникъ, историкъ отлившіи наши историческіе образы въ извѣстные яркія, ясныя формы.

Формы эти долго тяготѣли надъ нашимъ сознаніемъ. Возстать противъ нихъ пытались скептики, но руководимые однимъ слѣпымъ отрицаніемъ, часто смѣшивимъ до наивности, являвшіеся съ сигналомъ, что у насъ «ничего не было», и нисколько не отличавшіе на вопросъ неминуемый: что же у насъ въ такомъ случаѣ было? ничего не могли сдѣлать. Скептическое направленіе уложилъ на вѣчный покой Погодинъ простымъ афоризмомъ, что множеству нашихъ князей съ ихъ разными семейными связями труднѣе было быть выдуманнѣми, чѣмъ существовать на самомъ дѣлѣ, — хотя этотъ афоризмъ разбивалъ скептиковъ только въ наружномъ проясненіи ихъ мысли, въ томъ, что у насъ чуть ли не до Ивана III ничего не было. Въ сущности же скептики, сами впрочемъ того не зная, хотѣли только сказать, что у насъ ничего не было такого, каковыя дѣлается оно у Карамзина, и въ этомъ были правы, вѣрнѣе и ширѣ на цѣлую половину, если не больше. Пытался возставать на Карамзина Арцыбышевъ — своднымъ и букввальнымъ изложеніемъ лѣтописей; но положительная бездарность и можетъ быть рановременность попытки, сдѣланной до изданія въ свѣтъ главныхъ источниковъ нашей исторіи, были причиною неуспѣха. Пытался наконецъ возставать Полевой — попыткою чисто полемической исторіи. Въ наше и притомъ недавнее время вошло въ моду приданать чрезмѣрное значеніе не только журнальной, но и исторической дѣятельности Н. А. Полеваго, какъ въ эпоху тоже недавнюю, было въ модѣ унижать эту замѣчательную дѣятельность. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что дѣятельность Н. А. Полеваго въ первую, московскую ея половину — остается навсегда въ исторіи нашего развитія; нѣтъ сомнѣнія, что и полемическая ея исторія имѣла большое значеніе, какъ протестъ и отрицаніе; но чтобы она внесла что-либо положительное въ пониманіе нашей народности, въ этомъ да позволено будетъ усомниться. Всѣ приемы Полеваго въ его манерѣ историческаго изображенія — чисто отрицательныя, — подниманіе того, что у Карамзина унижено, и униженіе того, что у Карамзина поднято, — манера до дѣтства, часто до

свѣтлаго отрицательная. Онъ постоянно за тѣхъ, кого Карамзинъ представляетъ въ чорныхъ краскахъ, за Олега Святославича противъ Мепомоха, за Давида Игоревича Волынскаго противъ Василька Ростиславича; въ позднѣйшія времена за Шемяку; за этого послѣдняго въ особенности, такъ что Полевой не удовлетворился одной исторіей и протестовалъ за Шемяку въ романѣ и т. д. Постоянно играя на отрицательной струнѣ, естественно, что Полевой во многихъ случаяхъ является правымъ, но правота его — чисто случайная. Прибавьте къ этому наскоро и едва усвоенныя идеи Тьерри, Нибура и другихъ историковъ, прямо ex abiprio приложенныя къ нашей исторіи, — наглый тонъ самохвальства, тонъ, въ которомъ слышно даже не фанатическое увлеченіе теоріями, а просто желаніе «выкинуть», говоря рядскимъ языкомъ, «особенное колѣнцо», блеснуть самостоятельностью взгляда, пониманія и представленія, — и вы поймете, что не только «Вѣстникъ Европы» скептика Каченовскаго, но даже «Московский Вѣстникъ» Погодина, помѣстившій на своихъ страницахъ жесткую статью Арцыбышева объ исторіи Карамзина и печатавшій отрывки его оппозиціоннаго своднаго историческаго изложенія — разразились при появленіи перваго тома «Исторіи Русскаго народа» статьями яростными до нарушенія всякой благопристойности.

Мы же теперь, далекіе отъ фанатическихъ поклоненій и отъ невинностей той эпохи, можемъ кажется сказать только то, что на удачу, дѣйствуя отрицательно, часто весьма справедливо, Полевой положительныя ложныя формы Карамзина замѣнялъ столь же ложными, только въ другой формѣ, такъ сказать помидиѣе, и, по натурѣ вѣсколько не художникъ, побуждаемый къ таковой замѣнѣ не творчествомъ, а однимъ протестомъ, и притомъ не фанатическимъ, а чисто самолюбивымъ, не сумѣлъ придать своимъ формамъ даже и наружнаго блеска. Дѣло пониманія нашей народности онъ вѣсколько не подвинулъ впередъ, да и карамзинскихъ формъ представленія разбить не могъ. Эти формы продолжали тяготѣть надъ нашимъ сознаніемъ.

Разбить ихъ магическую силу могло только ближайшее и притомъ болѣе общее знакомство нашего сознанія съ непосредственными источниками нашей исторіи и нынѣшняго народнаго быта. Издѣвіе ихъ предоставило это право нашей эпохѣ, считая ее съ конца сороковыхъ годовъ, и освобожденіемъ ея отъ карамзинскихъ формъ пониманія народности мы обязаны ничему иному, какъ именно этому обстоятельству. Труды нашихъ ученыхъ по этой части — сколь эти труды ни важны и ни почтенны, — важны преимущественно тѣмъ, что прямо знакомили насъ съ источниками, и останутся до-

ставленіи истинства не въ теоретическихъ выводахъ, а именно въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ они прямо знакомилъ съ источниками. Дичныхъ образовъ на мѣсто карамзинскихъ труды эти намъ не дали и дать не могли; цѣльслага, художественнаго представленія нашей исторіи и народной физиономіи взамѣнъ прежняго, блестящаго и зоркаго, мы не получили. Одно искусство только, силами ему данными, въ наше время начинаетъ, преимущественно въ дѣятельности Островскаго, выводить передъ насъ образы, на которыхъ лежить ярное клеймо нашей народной особенности въ томъ видѣ, какъ она уцѣлѣла; искусству же будетъ, по всей вѣроятности, принадлежать и честь примиренія нашего настоящаго съ нашимъ прошедшимъ, проведенія между тѣмъ и другимъ леной для всѣхъ органической связи.

Но объ этомъ рѣчь еще впереди.

Дѣло въ томъ, что карамзинскія формы представленія нашей народности въ ея цѣлости и органическомъ единствѣ для насъ разрушены. Мы пошли дальше — и видимъ ясно.

Карамзинъ, какъ талантъ, нуждался въ цѣлостномъ представленіи, и какъ талантъ, взявъ за основу формы для своего представленія формы, которыя представляло ему его время, на которыхъ онъ воспитался, которыми глубоко проникся, формы общезнакомныя доблести, величія, чести и проч. Проникнутой насиковозъ, какъ впечатлительнѣйшая натура своего времени, общими началами европейскаго образованія, онъ къ нашему быту и къ нашей исторіи находился уже совершенно въ иныхъ отношеніяхъ, чѣмъ Татищевъ и Щербатовъ. Тѣ были еще весьма мало, даже почти вовсе неразъединены съ воззрѣніями предковъ, съ началами и, такъ сказать, съ тономъ ихъ быта. Карамзинъ былъ уже человекъ оторванный, человекъ захваченный внутренно общечеловѣческимъ развитіемъ и потому бессознательно послѣдовательно прилагавшій его начала къ нашей исторіи и быту, однимъ словомъ — къ нашей народности, и этимъ объясняется, что онъ, глубоко и добросовѣстно изучавшій источники, имѣвшій ихъ подъ руками болѣе чѣмъ всѣ прежде его писавшіе и почти столько же, сколько мы, — постоянно обманываетъ самъ себя и своихъ читателей аналогіями и постоянно скрываетъ самъ отъ себя и отъ читателей все неадагическое съ началами и явленіями западной, общечеловѣческой жизни... Приступая къ нашей исторіи, онъ какъ-будто робѣетъ съ самаго предисловія, что она не похожа на общеевропейскую, робѣетъ за ея утомительность и однообразіе и спѣшитъ поскорѣе заявить ея блестящія доблестями или трагическими моментами и личностями мѣста...

Онъ никогда почти не ошибается и тутъ въ своемъ указаніи доблестей, въ своемъ чутьѣ трагическихъ и гравіозныхъ моментовъ, въ направленіи своихъ сочувствій; но эти доблести, борьбу и трагическіе моменты описываетъ онъ тономъ, не имъ свойственнымъ, а тономъ свойственнымъ ихъ западнымъ аналогіямъ... Между тѣмъ тонъ его, какъ тонъ челоуѣка высокоталантливаго, оригинальнаго и носитъ на себѣ печать изученія источниковъ, хотя и односторонняго, печать обманувшую всѣхъ забывшихъ уже Татищова и Щербатова, его современниковъ, способную обмануть всякаго незнакомца нисколько въ лѣтописяхъ и памятникахъ. Для всякаго же при малѣйшемъ знакомствѣ съ такими, ну, хоть даже послѣ прочтенія одной только Кіевской (Ипатьевской) да официально Московской (Никоновской) лѣтописи — эта печать исчезаетъ. Доблестныя лица Владиміра Мономаха, двухъ Мстиславовъ и т. д. остаются точно доблестными, но доблесть ихъ получаетъ совершенно иной характеръ, чѣмъ доблести западныхъ героевъ, получаетъ совершенно особенный тонъ, колоритъ. Въмѣсто общихъ, классическихъ фигуръ перелѣ нами встаютъ живые типы, — типы, въ чертахъ которыхъ, въ простодушномъ разсказѣ лѣтописцевъ, мы, не смотря на сѣдой туманъ древности, ихъ окружающій, признаемъ нерѣдко собственные черты народныя. Съ другой стороны перелѣ нами выдвигаются тоже типически такія личности и такія доблести, которыя передъ Карамзинимъ пролились незамѣтными: благодушная и оазаренная сіаніемъ смиренія фигура послѣдняго «законнаго» (по старому наряду) кіевского нарядника; Ростислава Мстиславича, который постоянно, по чувству законности, уступая первенство «стрѣлымъ старѣйшимъ», дѣлается наконецъ великимъ княземъ для того только, чтобы умереть эпически-торжественно... Не говоря уже о томъ, что Карамзинъ, увлеченный, вовсе не помыля федеративной идеи, блестящую минуту развитія которой представляетъ нашъ XII вѣкъ и которую, безъ «понушенія» Божія, въ видѣ татаръ, ждало великое будущее, не помыля городовою жизни и значенія князей, какъ нарядниковъ. Этого и въ наше время многіе изъ историковъ, даже оказавшихъ значительныя услуги наукѣ, не понимаютъ или не хотятъ понять. Карамзинъ, — и въ этомъ его великая заслуга, его бессмертное значеніе, — не приносилъ по крайней мѣрѣ этихъ идоложертвенныхъ требъ, не смотрѣлъ на татарское иго, на паленіе Твери и Новгорода, на Ивана Грознаго и проч. какъ на явленія, существенно необходимыя для нашего развитія. Ко всякому злу, — является ли оно въ видѣ событія или личности, — относится онъ прямо, безъ теорій. Дѣло въ томъ только, что къ доблестямъ и злу относятся онъ съ точекъ зрѣнія, выработанныхъ XVIII вѣкомъ, а не

приравливается къ міросозерцанію лѣтописцевъ. Отъ этого доблести и великія событія получаютъ у него фальшиво-грандіозный характеръ ; къ злу же относится онъ съ тѣмъ раздраженіемъ , съ какимъ лѣтописецъ не относится. Стоитъ припомнить напримѣръ его разсказъ о защитѣ Москвы, оставленной Дмитріемъ въ жертву Тохтамышу, «героемъ» Остеемъ и жителями и сопоставить этотъ величавый разсказъ съ наивнымъ до цинизма разсказомъ Никонской лѣтописи. Героизмъ-то и останется, но подробности, которыя окружаютъ этотъ героизмъ передъ читателемъ , придадутъ ему совершенно особенный характеръ , нашъ народный колоритъ... Съ другой стороны въ исторіи напримѣръ междоусобствъ , — а всѣхъ призвано, что въ послѣднихъ томахъ своихъ Карамзинъ несравненно болѣе, чѣмъ въ первыхъ, проникается духомъ , языкомъ и тономъ лѣтописей, — совершенно правое негодованіе историка на измѣнниковъ («воровскихъ людей» по грамотамъ и лѣтописямъ) опять страдать тономъ своимъ для всякаго, кто знаетъ, какъ напримѣръ лѣтопись на одной страницѣ говоритъ о какомъ-нибудь Заварзинѣ, или о «воровскомъ челоѣкѣ», называя его уменьшительною кличкою, а черезъ страницу величаетъ его уже по имени и отчеству, не помня зла, когда онъ перешолъ на сторону праваго, земскаго дѣла... Но, опять повторю, Карамзинъ, совершенно разорвавшійся съ міросозерцаніемъ быта до реформы, глубоко проникнутый началами общечеловѣческаго образованія, не могъ смотрѣть иначе : въ исторіи междоусобствъ онъ увлекся однимъ только «сказаніемъ» Авраамія Палицына, который, какъ челоѣкъ, по своему времени высокообразованный и стало быть имѣвшій справедливый или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ цѣльный взглядъ на жизнь и событіе, былъ ближе къ нему, чѣмъ простодушные лѣтописцы и современныя грамоты...

Указывая на эти немногія, но, какъ кажется мнѣ, довольно рѣзкія черты непониманія народности нашей Карамзинымъ и фальшивости его представленія народности, я опять долженъ повторить, что фальшивое представленіе было все-таки цѣльное, художественное представленіе, давало образы хотя и отлитые въ общія классическія формы, но отлитые великолѣпно и твердо поставленные... Когда на такого гиганта какъ Пушкинъ, обладавшаго непосредственно глубокимъ чутьемъ народной жизни, могъ подѣйствовать карамзинскій образъ «Бориса», чтожь должны были дѣлать другіе?..

Другіе — преклонялись и jurabant in verba magistri — развивали идеи учителя и совершенно были этимъ довольны, — довольны до того, что одинъ изъ высшихъ представителей нашего сознанія,

Бѣлинскій, въ юношески-пламенной статьѣ своей, называлъ свою, тогдашнюю эпоху литературы романтически-народною, съ ея дѣлами являвшимися и выкренными изъ Карамзина историческими романами, дикими историческими драмами и т. д.

И въ эту-то минуту общаго самообольщенія, раздѣляемаго даже и высшими представителями сознанія, въ минуту юношескихъ вѣрованій въ то, что мы поймали наконецъ нашу народность, входимъ съ нею, очищенною, умытою и причесанною въ общій кругъ міровой жизни, — въ эту минуту явился человѣкъ, который не силой дарованія, но силой убѣжденія, и притомъ чисто-теоретическаго, разсѣялъ разомъ это самообольщеніе, разбилъ безжалостно и безтрепетно вѣрованія и надежды.

Да! теоретики иногда бываютъ очень нужные люди, часто великіе люди, какъ П. Я. Чаадаевъ.

Онъ былъ вдобавокъ еще теоретикъ католицизма, стало быть самый безжалостный, самый послѣдовательный изъ всѣхъ возможныхъ теоретиковъ... Фанатически вѣря въ красоту и значеніе западныхъ идеаловъ, какъ единственно-человѣческихъ, западныхъ вѣрованій, какъ единственно-руководившихъ человѣчество, западныхъ понятій о нравственности, чести, правдѣ, добрѣ, — онъ холодно и спокойно приложилъ свои данныя къ нашей исторіи, къ нашему быту, — и отъ перваго прикосновенія этихъ данныхъ разлетѣлись прахомъ воздушные замки. Ясный и обширный умъ Чаадаева, соединенный съ глубоко-правдивой натурой и нашедшій себѣ притомъ твердыя точки опоры въ теоріяхъ, выработанныхъ вѣками, — съ разу разгадалъ фальшь представленій о нашей народности. Нисколько не художникъ, а мыслитель — аналитикъ, онъ не могъ обольститься карамзинскими аналогіями.

Фанатикъ, какъ всякій неопитъ, онъ имѣлъ смѣлость сказать, что въ насъ и въ нашей исторіи и въ нашей народности — нѣтъ «никакихъ» идей добра, правды, чести, нравственности, что мы — отщепенцы отъ человѣчества. «Никакихъ» на его языкѣ значило — западныхъ, — и въ этомъ смыслѣ онъ былъ *тогда* совершенно правъ. Силогизмъ его былъ простъ.

Единственно-человѣческія формы жизни суть формы, выработанныя жизнью остальнаго, западнаго человѣчества.

Въ эти формы наша жизнь не ложится, или ложится фальшиво, какъ у Карамзина.

Слѣдовательно...

Вотъ именно это слѣдовательно и раздѣлилось на два вывода:

Слѣдовательно, сказали одни, мы не люди, и для того чтобы быть людьми, должны отречься отъ своей самости. Изъ этого сле-

довательно вытекла теорія западничества, бо всѣми ея логическими послѣдствіями.

Слѣдовательно, сказали другіе, болѣе смѣлые и рѣшительные, наша жизнь — совсѣмъ иная жизнь, хоть не менѣе человѣческа, шла и идетъ по инымъ законамъ, чѣмъ западная.

— Два ангера раздѣляясь и каждый повелъ послѣдовательно и честно свое дѣло.

А. ГРИГОРЬЕВЪ

НѢЧТО О ШИЛЛЕРѢ

Поговоримъ о бурныхъ дняхъ Кавказа,
О Шиллерѣ, о славѣ, о любви.

Пушкинъ.

Въ первомъ номерѣ газеты «Вѣкъ», изданія, заслуживающаго во многихъ отношеніяхъ полнаго уваженія, которому мы сочувствуемъ, какъ новому голосу въ нашей литературѣ, и которому потому желаемъ всякихъ успѣховъ, — встрѣчается коротенькая, ничѣмъ не помеченная фраза такого рода: «мы не очень высоко ставимъ Шиллера, какъ поэта», и проч.

Если бы такія слова попались намъ въ «Современникѣ», мы сколько не удивились бы. Но «Вѣкъ»? Ужели и онъ туда же?

Что за странная манера писать! Скажите на милость, кому какое дѣло до того, что «Вѣкъ» не уважаетъ Шиллера? Чему и кого научить «Вѣкъ» этими словами? Они показываютъ только одно притязаніе на авторитетъ, на роль учителя передъ учениками.

«Вѣкъ» заговорилъ о Шиллерѣ по поводу изданія г. Гербеля. Это изданіе должно было привести ему на память, что Шиллеръ принадлежить къ главнымъ любимцамъ нашей молодой литературы и нашей читающей публики, что безъ этого и изданіе Гербеля было невозможно. Но очевидно на эту любовь нашихъ читающихъ и пишущихъ людей къ Шиллеру, любовь, идущую отъ Жуковского и продолжающуюся до нашихъ дней, «Вѣкъ» смотритъ неблагоклонно. Ему вается, изволите видѣть, что любовь пала на чело-вѣка, мало ея достойнаго. Поэтому «Вѣкъ» приимается толковать о томъ, что не дурно бы перевести Гёте, Байрона и проч. Совѣтъ очень хорошій, да только не лишній ли? Такія вещи по совѣтамъ, да по указамъ не дѣлаются. Между-тѣмъ «Вѣкъ», кажется, серьезно думаетъ, что все это передѣлать очень легко, что можно сейчасъ

уничтожить любовь къ Шиллеру и заставить читателей полюбить какого угодно другого поэта. Этотъ взглядъ на литературу свысока, это желаніе учить ее и распорядиться ею — представляютъ и смѣшную и вмѣстѣ несносную черту, которая часто является въ нашей журналистикѣ.

Между-тѣмъ, если на литературу смотрѣть съ уваженіемъ, то дѣло явится совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Мы должны особенно цѣнить Шиллера, потому что ему было дано не только быть великимъ всемірнымъ поэтомъ, но сверхъ того быть нашимъ поэтомъ. Поэзія Шиллера доступна сердцу, чѣмъ поэзія Гёте и Байрона, и въ этомъ его заслуга; отъ этого ему многимъ обязана и русская литература.

Вообще же, если какой бы то ни было гевій находить у насъ сильный отголосокъ, то тутъ остается одно: должно радоваться его влиянію, а не выступать впередъ съ фразами: мы де его не очень цѣнимъ. Если и впередъ какой-нибудь *властитель думъ* овладѣетъ нашими думами, то конечно это будетъ зависть не отъ «Вѣна» или какого-нибудь другого скорого цѣнителя; такіа явленія оправдываются внутреннею жизнью литературы и всего общества.

Вообще многіе поэты и романисты запада являются передъ судомъ нашей критики въ какомъ-то двусмысленномъ свѣтѣ. Не говоря уже о Шиллерѣ, вспомнимъ напримѣръ Бальзака, Виктора Гюго, Фредерика Сулье, Сю и многихъ другихъ, о которыхъ наша критика, начиная съ сороковыхъ годовъ, отзывалась чрезвычайно свысока. Передъ ними былъ виноватъ отчасти Бѣлинскій. Онъ не приходивался подъ мѣрку нашей слишкомъ уже реальной критики того времени. Если самъ Байронъ избѣжалъ жестокаго приговора, то этимъ онъ обязанъ во-первыхъ Пушкину, а во-вторыхъ протесту, который вырывался изъ каждаго стиха его. А то и его бы мы развѣчали. Онъ-то ужъ никакъ не подходилъ подъ мѣрку.

Все это чрезвычайно интересно и современно. Мы скоро надѣемся представить большую статью подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Поэты и романисты запада передъ судомъ нашей критики.*

ВЪЧТО О ЛИТЕРАТУРНЫХЪ МОШКАХЪ И БУКАШКАХЪ

ПО ПОВОДУ ГИРОКЪ Г. ТУРГИНЕВА

И ползали изъ щелей мошки да букашки!

Да! дѣйствительно талантъ обязываетъ, какъ и la noblesse, — noblesse не породы, а природы: обязываетъ честнымъ служеніемъ интересамъ общества, вѣрностью самому себѣ, строгою осмотрительностью къ собственнымъ недостаткамъ, чуткимъ вниманіемъ къ указаніямъ на нихъ другими. Талантъ не есть что-то привилегированное, боящееся свѣта и гласности; высокая степень таланта никого не обязываетъ безмолвнымъ поклоненіемъ: кому больше дается, отъ того должно большаго и требовать. Настоящіе представители истиннаго, высокаго таланта не тѣ тупыя, бессмысленныя личности, которыя кричатъ: «да наши предки Римъ спасли!» которыя отъ всего раздражаются, всего чуждаются и, какъ улитка, прячутся въ свою раковину, этотъ крошечный мірокъ преданія, эту затхлую архивную атмосферу. Они не должны становиться на пьедесталъ и ожидать воскуреній: стояніе на пьедесталѣ, чего добраго, обратить ихъ въ бездушную статую, а еиміамъ воскуреній отуманить и вскружить голову. Талантъ обязываетъ... т. е. писатель нашего времени не долженъ предаваться авторскому сибаритизму, писать что и какъ ему угодно, «все-де примется съ благодарностью; а — талантъ!» Современный талантъ многимъ обязываетъ... Теперь больше, чѣмъ когда-нибудь, публика выше всякаго таланта, а не талантъ выше публики; теперь талантъ существуетъ для публики, а не она для таланта; публика не проститъ таланту никакихъ

Т. I. — Отд. III.

9

нелитературныхъ уклоненій : служить , такъ служи честно ! говорить она и говорить совершенно справедливо .

Но къ сожалѣнію , не всякій талантъ способенъ къ этой отвѣтственности передъ публикой : Богъ знаетъ , какъ это и отчего случается , но только многіе талантливые писатели какъ-то умѣютъ освободиться отъ этой отвѣтственности . Выигрываютъ-ли они черезъ эту свободу въ сочувствіи публики , или проигрываютъ — это другой вопросъ ; но только свобода ихъ несомнѣнна : они пишутъ что имъ вздумается , проводятъ идеи , какія имъ угодно , и публика ихъ читаетъ съ большимъ или меньшимъ удовольствіемъ и не заявляетъ никакихъ требованій ; все обходится благополучно : и публика довольна авторами , и авторы въ восторгѣ отъ публики . Но талантъ все-таки обязываетъ , т. е. не вслѣдствіи , не внѣшній , только скользящій по поверхности жизни , только усвоившій себѣ механизмы авторской концепціи , а талантъ глубокой , для котораго искусство и жизнь одно и то же , который не мудритъ жизнью , не навязываетъ ей своихъ идей , а прислушивается къ біенію ея пульса , къ ея дыханію , къ ея запросамъ .

Изъ современныхъ писателей , г. Тургеневъ , болѣе чѣмъ кто-нибудь другой , поставилъ себя въ такое обязательное отношеніе къ публикѣ . Авторъ *Записокъ Охотника* и *Рудина* тронулъ самую живую струну русской жизни , прикоснулся къ самымъ чувствительнымъ нервамъ ея организма ; русская жизнь подъ перомъ его затрепетала и заговорила языкомъ , понятнымъ обществу : отсюда объясняется сочувствіе публики къ г. Тургеневу , отсюда вытекаетъ та отвѣтственность передъ нею , которою долженъ дорожить онъ , если только не хочетъ лишиться любви ея и названія писателя народнаго , вполне имъ заслуженнаго . Мы не будемъ говорить о совокупности тѣхъ причинъ , по которымъ г. Тургеневъ пользуется такою симпатіею своихъ соотечественниковъ : объясненіе этихъ причинъ , этихъ явленій русской жизни , которыя изображаетъ авторъ , слѣдкомъ далеко повело бы насъ , тѣмъ болѣе , что эти причины очень разнообразны и не освѣщены авторомъ никакой особенной , *посторонней* идеи , какъ поспѣшилъ освѣтить г. Гончаровъ *обломовщиной* картину русской жизни , которую онъ представилъ въ своемъ знаменитомъ романѣ . Хотя безъ всякой *посторонней* идеи , безъ всякой *обломовщины* , намъ понятны тургеневскія картины ; но , повторяемъ , мы не вдаемся въ ихъ объясненія . Намъ кажется , что сочувствіе публики къ г. Тургеневу объясняется не ими , а его героями , т. е. не всѣми конечно , а особенно имъ любимыми героями... Но мы затрудняемся въ названіи типа , который разрабатываетъ г. Тургеневъ ; мы назвали бы этотъ типъ *героемъ нашего времени* , если бы

не имѣли романа Лермонтова, носящаго это названіе. Впрочемъ дѣло не въ названіи: Гамлетъ Щигровскаго уѣзда, Лишній чело-вѣкъ, Рудинъ, Лаврецкій — вотъ герои г. Тургенева, вотъ пред-ставители типа, который онъ обрабатываетъ, типа, который еще долго будетъ любимѣйшимъ типомъ русской публики, потому что въ основаніи его положено много дорогого, много скорбнаго и от-раднаго для русскаго сердца. Но все-таки намъ необходимо дать ка-кое-нибудь названіе этому типу, хотя бы для того только, чтобы избѣгнуть повтореній. Съ большою симпатіею, съ большою художе-ственною свободою, безъ всякой преднамѣренности, созданъ на-шимъ авторомъ типъ Рудина. Мы пользуемся этимъ именемъ для генерическаго названія героев г. Тургенева.

Рудины! Рудинизмъ! Обломовы! Обломовщина! Элисейскія поля Крутогорска съ Зубатовыми и Рогулями! Боже! все это уживается въ нашъ прогрессивный вѣкъ о-бокъ съ желѣзными дорогами, электрическими телеграфами, гигантскими коммерческими предпрія-тіями, свободою труда и торговли! говорятъ нѣкоторые, говорятъ современно-практическіе люди, нѣтъ люди истинно образова-нные, но поклоняющіеся одной матеріальной пользѣ, и если неотвер-гающіе интересовъ духовныхъ, то безразлично смѣшивающіе раз-нообразныя явленія въ области духа, третирующіе литературу, какъ какое-нибудь полицейское учрежденіе, обязанное пещись о благо-устройствѣ и благочиніи! Нѣтъ! рудинизмъ и обломовщина, кру-тогорщина не одно и то же: если послѣднія два явленія нашей жиз-ни возбуждаютъ ужасъ, если они вполне достойны нашего: *regret!* то первое вполне заслуживаетъ нашихъ симпатій, нашего благосло-венія и вѣчной жизни, но только въ обновленномъ видѣ, что и вос-послѣдуетъ, когда прекратятъ дни свои два послѣднія явленія.

Рудинизмъ, какъ и всякое общественное явленіе, имѣетъ свою исторію. Развитіе его имѣло свои фазисы, еще неизслѣдованныя критикой. Съ тѣхъ поръ, какъ началось движеніе *новой* русской мысли, новой, т. е. послѣ-петровской, съ того времени начинается зарожденіе и образованіе тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ въ но-вѣйшее время образовался *рудинизмъ*. Всякая эпоха, всякій народъ, общество, сословіе, индивидуумъ всегда и вездѣ, сознательно или безъ сознанія, живетъ по *идеалу*, т. е. стремится осуществить этотъ идеалъ, который (хорошъ онъ, или дуренъ — это все равно) какъ бы носится въ воздухѣ. Тѣмъ ярче, тѣмъ осязательнѣе этотъ идеалъ является въ литературныхъ произведеніяхъ каждой эпохи, каждаго народа. Этотъ идеалъ осуществляется въ главныхъ ге-рояхъ эпохи, въ этихъ *jeunes premiers*, которыхъ мы назовемъ *ли-тературными героями*. Изслѣдованіе этого типа составляетъ глав-

нѣйшую задачу эстетической критики. Здѣсь мы останавливаемся и пресимъ у читателей позволенія замолвить слово за эстетическую критику.

Изученіе литературы, принявши историческое направленіе, было причиною того явленія, что эстетическая критика очутилась въ страшномъ загонѣ, — явленія, во всякомъ случаѣ, крайне печальнаго. Мы не поборники абсолютно-эстетической критики; мы хорошо понимаемъ, что въ исторіи литературы на ней далеко не уѣдешь, что она часто оказывалась несостоятельною у лучшаго своего представителя въ нашей литературѣ, Бѣлинскаго; но и безъ нея, съ одною критикою исторической, положимъ если и уѣдешь дальше, то зайдешь въ такую сухую и безотрадную литературную пустыню, въ которой окончательно заснетъ самое напряженное вниманіе. Эстетическая критика, говорятъ, теряется въ отвлеченностяхъ; правда, если эта критика абсолютная, какъ мы сказали, и не хочетъ имѣть дѣла съ жизнью, съ исторіей. Но и абсолютно-историческая критика потеряется въ мелочахъ, во вседневности, въ анекдотѣ, въ литературной сплетнѣ. При изученіи литературы и та и другая должны идти объ руку: есть такіе періоды въ исторіи литературы, есть такіе писатели, оцѣнка которыхъ, по теоріи исторической критики, рѣшительно невозможна. Конечно для литературно-историческаго критика такіе писатели, какъ Сумароковъ, Фонъ-Визинъ, Крыловъ, Грибоѣдовъ, Гоголь и другіе, въ произведеніяхъ которыхъ такъ рельефно выступаютъ всѣ насущные интересы жизни, — чистѣйшая находка; но что онъ выжметъ изъ писателей, подобныхъ Жуковскому, Батюшкову, Пушкину, Лермонтову и т. п., безъ пособія эстетической критики? Съ узевскимъ взглядомъ историко-литературной критики ex professo не подойдешь къ такому писателю, какъ напр. Пушкинъ, хотя правда, нѣкоторые господа обходятся безъ идей чисто-эстетическихъ и ко всему подходятъ; но подобная смѣлость еще ничего не доказываетъ, кромѣ, по меньшей мѣрѣ, отсутствія эстетическаго вкуса. Странное явленіе въ нашей современной критикѣ представляетъ эта насмѣшка (шлѣ-подъ тишка) надъ эстетическими идеями, лучшимъ достояніемъ, завѣщаннымъ нашей литературѣ незабвеннымъ Бѣлинскимъ. Практически-соціальное направленіе вѣка, въ высшей степени утѣшительное и благотворное, съ увлеченіемъ принятое современнымъ обществомъ, еще такъ недавно пребывавшимъ въ полнѣйшей инерціи, произвело этотъ антагонизмъ. Но развѣ идеи, идеалы и вообще высшія духовныя стремленія менѣе важны, чѣмъ практически-соціальныя стремленія? Какъ тѣ, такъ и другія, отражались въ

литературныхъ произведенійхъ, только и могутъ быть уловимы со-
вокупными трудами эстетической и исторической критики.

Если справедливо мнѣніе, что мы еще не имѣемъ исторіи; то не
подлежитъ никакому сомнѣнію, что у насъ вовсе нѣтъ исторіи ли-
тературы. Есть болѣе или менѣе удачныя попытки, *начатки* древ-
ней литературы; есть двѣ-три монографіи по исторіи литературы
прошлаго вѣка, но ровно ничего нѣтъ за это столѣтіе. А прошло
шестдесятъ лѣтъ — легко сказать! Подъ прикрытіемъ знаменитыхъ
писателей, подъ свѣію ихъ авторитетовъ, ихъ жизни и дѣятельно-
сти, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ намъ знакомоіи, мы сидимъ
себѣ каждый подъ виноградомъ своимъ и смоковницею, и вообра-
жаемъ, что знаемъ исторію нашей духовной жизни за это столѣтіе,
далеко перешедшее за половину. Мы наивно воображаемъ, что слѣ-
лавъ, при помощи смертей, раздѣленіе литературы по періодамъ: до
1826 года — періодъ карамзинскій, до 1837 года — пушкинскій, до
1852 года — гоголевскій, — мы уже все слѣдали. А между тѣмъ эти
рубрики, эти періоды не болѣе, какъ вѣхи, межевые столбы неиз-
слѣдованнаго и неразработаннаго поля нашей литературы. Мы за-
бываемъ, что по закону какой-то странной необходимости, всѣ
наши литературныя знаменитости задолго до конца своего поприща
сходятъ съ общественной арены и удаляются — одинъ въ область
науки, другой въ міръ высокихъ художественныхъ идеаловъ, гдѣ
спасается отъ криковъ жизни, раздражающихъ его душу, третій —
въ мрачную сферу тупаго мистицизма. Словомъ, почти каждый изъ
нихъ дѣлается какимъ-нибудь и въ чемъ-нибудь специалистомъ, ко-
торому нѣтъ или очень мало дѣла до насущныхъ литературныхъ
интересовъ дня; наборниками этихъ интересовъ являются новые
дѣятеля. По этой причинѣ роковыя цифры: 1826, 1837 и 1852 при-
дется перемѣщать; прибавится новая пустота, новый пробѣлъ въ
исторіи нашей литературы, богатой всевозможными пробѣлами. До
тѣхъ поръ жизнь русскаго духа, жизнь русской мысли (что состав-
ляетъ задачу исторіи литературы) будетъ извѣстна намъ отрывоч-
но и смутно, пока мы не рассмотримъ критически, *sine ira et studio*,
всѣхъ не только второстепенныхъ, но третьестепенныхъ и т. д. пи-
сателей послѣдняго столѣтія. Подобное разсмотрѣніе не могутъ
напр. острожить сочиненія *Бѣлинскаго*, обнимающія собою почти
два десятилѣтія нашей литературы: Бѣлинскимъ, какъ критикомъ-
эстетикомъ, какъ критикомъ-публицистомъ, надобно въ этомъ
дѣлѣ пользоваться съ осторожностію; онъ слишкомъ страстно, по-
этому неизбѣжно и пристрастно, относился къ своему дѣлу. И такъ
только при всестороннемъ эстетико-литературномъ изслѣдованіи
всѣхъ писателей нашего столѣтія могутъ быть разрѣшены тѣ во-

просы, которые сами собою являются предъ всякимъ, серьезно занимающагося литературой; только тогда числа 1826, 1837 и 1852 потеряютъ свое значеніе; только тогда границы періодовъ получатся новыя, вѣроятно по двадцатилѣтіямъ 1800—1820, 1820—1840 и т. д. или нѣсколько иначе; только тогда уяснятся (хотя для этого потребны не одни литературныя изслѣдованія), почему то возвышался, то падалъ въ литературѣ социальный элементъ, то преобладало, то уменьшалось эстетическое направленіе, почему такіе блестящіе таланты, какъ напр. князь Одоевскій, принимали несвойственное искусству, научно-мистическое направленіе; тогда же только объяснятся историческій процессъ такого духовнаго явленія, какъ *литературные герои* и постепенный переходъ ихъ къ *рудинизму*.

По многимъ причинамъ мы лишены въ настоящее время возможности прослѣдить исторически типъ *литературнаго героя*; мы только можемъ намѣтить немногія характерныя черты его. Матеріалы для образованія нашихъ литературныхъ героевъ этого вѣка дала жизнь и литература прошлаго столѣтія, преимущественно лирическая поэзія, громкая торжественная ода, прославляющая *чудо-исполноровъ, полуночныхъ богатырей*, у которыхъ *тьма отъ чела, съ повисста пыль*, которые казалось воплотили въ себѣ всю удачу сказочныхъ богатырей, всѣ доблести народной поэзіи. Дѣйствительно жизнь прошлаго столѣтія выработала *крутннй, физически-несокрушимый типъ*, — типъ съ страшнымъ запасомъ здоровья, жизни, энергіи, воли; типъ, свидѣтельствующій о ширинѣ, о гигантствѣ природы; типъ наконецъ долго, долго носившійся въ воздухѣ, долго, долго бывшій идеаломъ для нашего общества, къ которому устремляло оно и руки и сердца. Если не съумѣла художественно представить этотъ типъ литература первыхъ двухъ десятилѣтій нашего вѣка, то, какъ извѣстно читателю, его подѣлывала и подѣлываетъ литература позднѣйшаго времени. Впослѣдствіи, подъ вліяніемъ событій, происходившихъ въ періодъ времени 1800—1820, физически-несокрушимый типъ во многомъ измѣнился, во многомъ уменьшался: ширь природы осталась, но проявлялась уже не въ такой степени; крѣпость духа также пошатнулась, — горячился больше на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ; но все же и этотъ измѣненный типъ, *типъ ухарства*, имѣлъ въ себѣ много богатырскаго и долгое время былъ (кто знаетъ, можетъ быть и теперь есть) у насъ нормою челоуѣческаго достоинства. Онъ непременно рисовался въ образѣ гвардейскаго или гусарскаго офицера, въ блестящемъ мундирѣ, съ изящными велико-свѣтскими манерами. Онъ преслѣдовалъ двѣ главнѣйшія цѣли — карьеру и любовь. Въ

карьеру, въ заколдованнаго узкаго кружка, въ которомъ онъ вращался, онъ ничего не видѣлъ, ничего не понималъ, ни чему не сочувствовалъ. Яркій образъ его рисовался на фонѣ, изображающемъ прелестнѣйшіе пейзажи самаго идиллическаго характера — аркадская природа, овечки, разряженные поселяне, скачущіе и играющіе и т. п. При такой обстановкѣ жизнь героя была — просто благодать. Свѣтло бы было обращать ему вниманіе на разныя мелочи, когда все ему поклонится и служить! Герой жилъ, какъ подобаетъ герою: онъ наслаждался и любилъ. Зато любовь къ ней была такая любовь; о которой мы не имѣемъ понятія, хотя по свойственной намъ болѣзней скептицизма и заподозрѣваемъ ея чистоту и искренность. Для исторіи этого измѣненнаго типа имѣютъ высокую важность сочиненія Марлинскаго, Загоскина и другихъ писателей 1820—30 годовъ. Литературная смерть этого типа впоследствии шла къ четвертому десятилѣтію текущаго столѣтія; къ убійству его не мало способствовала: *Пакаевъ*, авторъ *Онаира*, *Ахтеона*, *Литературной Тли* и т. п. произведеній, печатавшихся въ «Отечественныхъ Запискахъ» сороковыхъ годовъ. Но не смотря на эту литературную смерть, не смотря на чудовищные образы Скалозуба и Ноздрева (крайніе видоизмѣненія того же типа), онъ, этотъ ухарскій типъ, еще не вымираетъ въ нашей жизни и не скоро умретъ, хотя литература и сорвала съ него покровъ обаянія и разоблачила его скучельную природу. Что дѣлать! въ этомъ случаѣ литература отстала отъ жизни: какъ хотите, а русскій человѣкъ страшно соблазняется шириною натуры; истиннѣйшее чувство народности, говорятъ, равно въ русскомъ человѣкѣ такъ, какъ ни въ комъ другомъ; а вѣдь что вы говорите, въ этомъ типѣ есть много роднаго, старо-русскаго, богатырскаго. О развитіи въ русскомъ человѣкѣ чувства народности не споримъ, но спрашиваемъ: о какой аналогіи и о какомъ именно богатырскомъ типѣ говорятъ поклонники физически-несокрушимыхъ и ухарскихъ типовъ? Если о типѣ сказочной, рукописной литературы, состоящей нѣрѣдко изъ передѣлокъ чужеземнаго, составленныхъ книжонками до-петровскаго времени, то очень можетъ быть, что и найдутся аналогическія черты; если о типѣ литературы народной, *объ удаломъ добромъ молодцѣ*, героѣ русской повѣи, то почти ни одной! Удалый добрый молодецъ не былъ типомъ бездушія, какой-то въ человѣческомъ образѣ деревяшки. Онъ искупалъ грубые порывы своей натуры, своей молодецкой *прыткости* безпоощадною ироніею надъ самимъ собою и надъ окружающимъ его міромъ и какою-то скорбною и вѣжностію (а не безстрастіемъ) своего облика. До недостижимой высоты и нетипично-трагическаго величія вырастаетъ образъ удалаго добраго мѣ-

лодца въ то время, когда приходится ему сложить свою буйную головушку. Припомните предсмертныя картины, эти воспоминающія добраго молодца о родимой сторонущкѣ, о родимой шатушкѣ, о нилыхъ дѣтушкахъ, молодой жевѣ. Степь, которая такъ долго была ареною русской жизни, вѣрныи конь, одинокое дерево, перелетная птица только и слышать это могучее проявленіе человѣческаго чувства, долго подавляемаго, эту исповѣдь безотрадно-прожитой жизни! Что общаго между героями народной поэзіи и нашими литературными типами? — И такъ физически-несокрушимые и ухарскіе типы начали вымирать съ сороковыхъ годовъ; погибли эти *«богатыри — не мы»* — и... *полезли изъ щелей мышки да букашки!*

Начало литературнаго букашества положено Пушкинымъ. Зародышей его можно бы поискать въ романтизмѣ Жуковского, потому что романтизмъ, какъ одухотворяющая стихія поэзіи, носятъ въ самомъ себѣ элементы зарожденія этого букашества; но лучшая сторона романтизма Жуковского съ одной стороны отразилась вполне на Пушкинѣ, а съ другой романтизмъ автора *Пльца съ станъ рускиихъ воиновъ* принесъ въ свою очередь слишкомъ большую дань свосму, далеко не романтическому вѣку. Въ первыхъ произведеніяхъ Пушкина сосредоточивались, какъ въ фокусѣ, всѣ литературныя предшествующія ему направленія; но усвоивъ ихъ себѣ, онъ пошелъ иной дорогой — болѣе русской, т. е. народной. Характеръ пушкинской поэзіи вліялъ только на поэтовъ-стихотворцевъ, между-тѣмъ какъ для разрѣшенія нашей задачи имѣютъ несравненно большую важность повѣсти и романы 1820—30 годовъ. Въ эту эпоху поэзія кажется считалась излишнею роскошью для нашихъ нувелистовъ: они не обращали вниманія на поэтическую традицію, на идеалы, которые разработывалъ Пушкинъ, на жизнь, которую они страшно эксплуатировали. Скудна и монотонна длинная вереница повѣстей и романовъ вышеупомянутой эпохи, болышею частію бездарныхъ; но историкъ литературы найдетъ въ нихъ богатую добычу для разрѣшенія многихъ вопросовъ и, между прочими, занимающаго насъ. Пушкинъ преслѣдовалъ постоянно одинъ типъ, проведя его отъ *Кавказскаго Пльмика* до *Евгенія Опыина* включительно. Типъ этотъ знакомъ каждому; извѣстно, что онъ создавался подъ вліяніемъ байроновскихъ идей и только достигаетъ національнаго значенія въ образѣ Оуѓина. Но вліяніе на Пушкина байронизма нисколько не измѣняетъ сущности дѣла, нисколько не уменьшаетъ великой исторической необходимости въ реакціи *скалозубовщизны*, нисколько не уменьшаетъ историко-литературной заслуги нашего незабвеннаго поэта. Тутъ, какъ и во многомъ другомъ, подражаніе ровно ничего не де-

казываетъ. Мысль, разъ возбужденная, требуетъ жизни: ес не уморишь въ китайскихъ стѣнахъ, не удовлетворишь испорченнымъ воздухомъ; она по преимуществу космополитъ и никакъ не удовлетворяется исключительной народностью: ей хорошо тамъ, гдѣ просторъ, чистый воздухъ. Не могъ и Пушкинъ, какъ великій художникъ, какъ передовой человѣкъ своего вѣка, твердить литературныя зады, не могъ разрабатывать типъ, къ которому безъ сомнѣнія чувствовалъ отвращеніе. Байронъ ли или сама жизнь навели его на мысль заняться обработкою иного идеала, матеріалы для котораго уже носились въ воздухъ въ пушкинское время, уже пригодился Грибоѣдову для Чацкаго, — не все ли равно? Физически-несокрушимый и ухорскій типы требовалось низвергнуть съ пьедестала, требовалось, къ чести нашей цивилизаціи, поставить на его мѣсто типъ современнаго мыслящаго человѣка, каковымъ выработала его русская жизнь, —

И полѣзли изъ щелей мошки да букашки!

Распространившись о значеніи Пушкина въ исторіи занимающаго насъ типа и упомянувъ имя Грибоѣдова, мы обязаны сказать, что незабвенный авторъ *Горе отъ Ума* сдѣлалъ не менѣе своего великаго современника въ этомъ отношеніи. Чацкій едва ли не первый литературный типъ мыслящаго человѣка (что онъ не лѣпо поставленъ въ комедіи, что онъ грѣшитъ въ художественномъ отношеніи, — это другой вопросъ); такъ мошки и букашки — типъ, созданный безъ всякаго иностраннаго вліянія и поставленный болѣе на народную почву, чѣмъ пушкинскіе типы. Но въ исторіи занимающаго насъ вопроса Пушкину все-таки принадлежитъ первое мѣсто: Грибоѣдовъ сразу окончилъ дѣло съ нашими типомъ (а быть можетъ, ранняя смерть помѣшала ему взглянуть на него иначе), — Пушкинъ безпреставно къ нему обращался.

До какой степени народны эти мошки и букашки у Пушкина, что въ нихъ своего и байроновскаго? — мы отвѣчать не будемъ: эти вопросы рѣшилъ прежде насъ Бѣлинскій и, въ художественномъ отношеніи, рѣшилъ превосходно, хотя историко-литературная критика Бѣлинскаго непремѣнно требуетъ повѣрки. Замѣтимъ только, что пушкинскій герой нашего времени, достигнувшій высокохудожественнаго значенія въ образѣ Онѣгина, несравненно симпатичнѣе и народнѣе лермонтовскаго Печорина, этого господина, стоящаго на распутии и протягивающаго одну руку ухорскимъ героямъ тридцатыхъ годовъ, а другую героямъ нашимъ. Исторія нашей литературы сороковыхъ годовъ представляетъ въ высшей степени замѣчательное явленіе: съ этой только эпохи она получаетъ серьез-

ное и истинно-національное направленіе. Не взирая на такіе таланты, какъ Жуковскій, Крыловъ, Грибоѣдовъ, Пушкинъ и Лермонтовъ, Бѣлинскій былъ правъ, задавая себѣ не разъ вопросъ: существуетъ ли у насъ литература? правъ потому, что появленіе блестящей плеяды писателей-поэтовъ, писателей, подготовляющихъ къ посьбу литературную ниву, дѣйствительно въ строгомъ смыслѣ слова не составляетъ литературы, какъ *силы*, какъ стихій жизни, безъ которой послѣдняя не можетъ обойтись. Только съ сороковыхъ годовъ наша литература начинаетъ приобрѣтать значеніе этой общественной силы: сколько жизненныхъ вопросовъ ею поднято! Съ какимъ юношескимъ жаромъ пошли они на защиту того, что прежде было въ загои, на защиту всего мыслящаго и угнетеннаго! Герой времени получилъ совсѣмъ иное значеніе; самый высшій образъ его во многомъ измѣнился; явилась эта скромная, блѣдная фигура въ смиренномъ черномъ фракѣ, съ мыслию во взорѣ, съ печалью на лицѣ, съ несмѣлою и робкою поступью. Почти каждому изъ современныхъ читателей памятно значеніе литературной эпохи сороковыхъ годовъ, а слѣдовательно извѣстны имена писателей, разработывавшихъ типъ *героя нашего времени*, героя мысли, какъ Скалозубъ былъ герой шагистики, Чичиковъ — герой общественной практически-безнравственной дѣятельности. Какъ всякое духовное, общественное явленіе, современный герой, тѣмъ болѣе *наше*, представлялъ такіа неувольнимыя и разнообразныя черты, которыя воплотить въ одномъ художественно-оконченномъ образѣ оказалось совершенно невозможнымъ, и — зачѣмъ не сказать правды! — наши писатели далеко не всѣ уяснили себѣ значеніе этого типа; они колебались, какъ отнестись къ нему — провически ли симпатично; они при созданіи его ни какъ не могли отречься отъ литературныхъ традицій, завѣщанныхъ Пушкинымъ и Лермонтовымъ; никакъ не могли выяснить себѣ всѣхъ его субстанціональныхъ особенностей; никакъ не могли не прилавать ему *разочарованія*; они робко къ нему относились и какъ бы боялись стать на его сторонѣ и сказать: вотъ онъ, каковъ онъ на есть, современный герой нашъ! Словомъ, наши писатели еще не увѣрены въ національномъ значеніи этого типа! Будущему историку литературы послѣднихъ двухъ десятилѣтій предстоитъ трудная, но въ высшей степени интересная задача прослѣдить постепенное развитіе этого типа. По нашему мнѣнію онъ получаетъ наиболѣе вѣрное и національное значеніе, является наиболѣе симпатичнымъ въ *Бельтовѣ* и *Владимирѣ* (въ *Духъ-Судьбахъ Майкова*). Будущій же историкъ литературы вѣроятно разъяснитъ тотъ загадочнѣйшій, съ которымъ встрѣчались и встрѣчаютъ въ наше время

этогъ типъ не только *нѣкоторые*, но сами писатели, даже нѣрѣдко самые творцы типа. Вѣроятво въ нашей уже натурѣ есть стремленіе къ ширинѣ и отвращеніе къ узкости даже въ животной природѣ человѣка. Чтѣ въ самомъ дѣлѣ нашего въ этихъ блѣдныхъ, сухихъ фигурахъ (ихъ и Юлій-Цезарь не любилъ) безсильныхъ и безмочныхъ! Все это *бафронизмъ, геднизмъ* и прочіе заморскіе измы; нѣтъ, довольно! Мы уже и такъ *изсушили умъ наукою безплодной* и заблн въ себѣ этими измами все живое! Развѣ то было прежде! Что это за люди!..

И полѣзли изъ щелей мошки да букашки.

Если существуетъ антагонизмъ противъ литературныхъ мошекъ и букашекъ, противъ *Рудинныхъ* или *нашихъ* героевъ, значитъ во всякомъ случаѣ наше общество въ теперешнее, богатое надеждами время начинаетъ сознавать потребность въ безотлагательномъ явленіи людей не *мысли только*, но *мысли и дѣла*. Лихорадочное ожиданіе подобныхъ людей совершенно понятно и естественно. Намъ только непонятенъ лихорадочно-литературный антагонизмъ противъ тѣхъ явленій нашей духовной жизни, которыя сдѣлали намъ столько добра и блага; непонятенъ тѣмъ болѣе, что явленія эти еще не вымерли и что въ нашей литературѣ еще нѣтъ такого художественнаго образа, въ которомъ бы онѣ были воплощены всецѣло, подобно тому, какъ въ Чичиковѣ воплощено все то, что теперь уже отжило или отживаетъ свой вѣкъ. Говорять, вѣтъ жизни въ нашихъ герояхъ, они не умѣютъ дѣйствовать! Упреки эти отчасти справедливы, но только отчасти.

Г. Тургеневъ много сдѣлалъ для разработки рудинизма. Намъ кажется, что такая разработка составляетъ специальность автора *Записокъ Охотника*, хотя понятіе о специальности по настоящему неприложимо къ такому таланту, какъ г. Тургеневъ. Но какъ дѣлю не въ словахъ, то нельзя не замѣтить, что никто изъ нашихъ писателей не положилъ на созданіе этого типа столько трудовъ, симпатій и горячей любви: отъ *Записокъ Охотника* до *Дворянскаго Гнѣзда* включительно идея цѣлая галлерей портретовъ одного и того же образа, который такъ дорогъ однимъ, такъ скученъ для другихъ. Но нигдѣ этотъ типъ не достигалъ такой художественной цѣлости, доступной для тургеневскаго таланта, такой исторической правдивости, нигдѣ не сопровождался такимъ заступничествомъ автора, какъ въ образѣ *Рудина*. Дальше этого, какъ мы убѣдились, Тургеневъ идти не могъ; для дальнѣйшей разработки (а она по многимъ и многимъ причинамъ необходима) этого типа требуется гениальное

дарованіе, отсутствіе котораго въ современной литературѣ слишкомъ замѣтно.

При внимательномъ чтеніи *Дворянскаго Гильзда*, это произведеніе представляетъ весьма замѣтный переломъ въ авторской дѣятельности г. Тургенева. Лаврецкій смиряется передъ народностью, т. е. *простонародностію*, слѣдовательно низводится съ литературной высоты, на которой стоялъ и (что дѣлать, сознаемся въ своей слабости!) долженъ стоять тотъ типъ, котораго онъ является представителемъ; заявляется важность и необходимость (въ которой никто не думалъ сомнѣваться) въ практической дѣятельности хозяина-землевладельца, за котораго стоятъ всѣ симпатіи автора, и дѣзетъ съ своими практическими стремленіями бюрократическая бесплодность Пашина, поражаемая самымъ тонкимъ юморомъ нашего поэта. Быть перемѣнѣ въ Тургеневѣ! еще тогда думали мы, — предчувствіе насъ не обмануло.

Талантъ обзываетъ, т. е. такой талантъ, какъ г. Тургеневъ: не напрасно и не случайно, думали мы, является каждое новое произведеніе нашего автора; въ основаніе cadaго онъ кладетъ или новую мысль или дальнѣйшее развитіе прежде извѣстной. При первыхъ слухахъ, дошедшихъ до насъ о *Гамлетѣ* и *Донъ Кихотѣ*, т. е. еще въ то время, когда мы полагали, что пьеса эта явится въ формѣ повѣсти, а не критической статьи, мы съ нетерпѣніемъ ожидали ея появленія: что-то скажетъ новаго, думали мы, г. Тургеневъ! Все сказанное имъ должно быть въ высокой степени любопытно по отношенію къ тому типу, который онъ разработываетъ, къ этимъ *мошкамъ* и *букашкамъ*, одной изъ которыхъ далъ онъ имя шекспировскаго героя (*Гамлетъ Щириловскаго ульзда*). Предположеніе наше оправдалось: мы имѣемъ критическую статью автора *Дворянскаго Гильзда*, весьма важную по отношенію субъективнаго воззрѣнія писателя къ разработываемому имъ типу, воззрѣнію, смѣемъ думать, образовавшемуся въ недавнее только время и едва ли существовавшему тогда, когда писался Рудинъ. Гамлетъ, по г. Тургеневу, прежде всего эгоистъ, ни во что не вѣрующій, ни кого кромѣ себя не любящій, даже Офеліи; Гамлеты бесполезны массѣ: они ей ничего не даютъ, они ее никуда вести не могутъ; они презираютъ толпу; они ничего не находятъ, ничего не изобрѣтаютъ и не оставляютъ слѣда за собою, кромѣ слѣда собственной личности, не оставляютъ за собою дѣла; Гамлетъ и Донъ-Кихотъ — двѣ силы, силы *косности* и движенія, *консерватизма* и прогресса, основными силами всего существующаго; «Гамлетъ — отъ малѣйшей неудачи падаетъ духомъ и жалуется;» «Донъ-Кихоты находятъ, Гамлеты разработываютъ». «Прекрасны послѣднія слова Гамлета. Онъ смиряется, ум-

раетъ, приказываетъ Горацію жить, подаетъ свой предсмертный голось въ пользу молодого Фортинбраса, ни чѣмъ не запятнаннаго представителя права наслѣдства (*). (Сравните послѣднюю сцену *Дворянскаго Гильда*). Этотъ взглядъ г. Тургенева важенъ для насъ не по отношенію къ трагедіи Шекспира, а къ занимающему насъ типу, который не мы назвали *Гамлетомъ* или *Гамлетикомъ*. Замѣтимъ мимоходомъ впрочемъ, что мы во многомъ несогласны съ г. Тургеневымъ во взглядѣ на шекспировскаго Гамлета. По нашему мнѣнію критическое изслѣдованіе какого-нибудь типа по драматическому произведенію, особенно по трагедіи, дѣло нелегкое и неблагодарное, тѣмъ болѣе, если этотъ типъ не проведенъ въ цѣломъ ряду пьесъ (а таковъ Гамлетъ): ошибки и натяжки будутъ неизбежны. Другое дѣло въ эпической, спокойной, такъ сказать, продолжительной поэзіи; тамъ критическіе поиски будутъ всегда успѣшнѣе, результаты вѣрнѣе, потому что тамъ типъ берется въ различныхъ положеніяхъ и слѣдовательно вполне выясняется. Правда, не стоитъ онъ въ туманѣ и въ драматической поэзіи; но до него ли, по крайней мѣрѣ на немъ ли одномъ сосредоточивается вниманіе зрителя? А если и на немъ, то возможенъ ли спокойный, критическій и безошибочный анализъ въ то время, когда ужасъ царитъ на сценѣ, когда страшные удары судьбы со всѣхъ сторонъ поражаютъ героя, когда онъ является передъ вами только какъ жертва, обреченная на закланіе? Гамлетъ эгонистъ, Гамлетъ никого не любитъ, Гамлетъ не умѣетъ дѣйствовать! Но Гамлетъ *раздвоенъ въ душѣ*, какъ самъ выражается, и раздвоенъ не по причинѣ своей эгонистической, а глубоко человѣчественной природы:

Я голубъ мужествомъ, во мнѣ нѣтъ жолчи.

Я расточаю сердце

Въ пустыхъ словахъ, какъ красота за деньги!

Какъ женщина, весь изливаю въ клятвахъ.

(Переводъ Кронеберга. Харьковъ 1844). Стр. 92—93.

Вотъ что онъ говорить, идя къ матери:

Будь *человѣчески* жестокъ, о Гамлетъ:

Кинжалы на словахъ, но не на дѣлѣ.

Полицемѣрьте же, языкъ и сердце!

Какъ ни извили бы мои слова,

Исполнить ихъ, душа, не соглашайся (стр. 199).

Онъ раздвоенъ вслѣдствіе сознанія великости идеи, возложенной

(*) - Современникъ - 1860 г. № 1 стр. 257.

на него и горячею любовью къ отцу и безъ сомнѣнія духомъ вѣка, местию, необходимостью мщенія и безсиліемъ собственной вѣрной, христіанской природы. Въ этомъ безсиліи, безъ котораго была бы невозможна трагедія, конечно имѣло важную долю участія размышленіе, *разъдающая* рефлексія, но никакъ не эгоизмъ. Легко обвинять Гамлета въ отсутствіи всякой дѣятельности (въ чемъ впрочемъ онъ самъ себя обвиняетъ), въ отсутствіи всякой любви! Поэтъ поставилъ не гигантскій, а просто человѣчeskій духъ его на такую высоту, раскрылъ міръ этого духа до такихъ мельчайшихъ подробностей, подвергнулъ его такимъ страшнымъ, непосильнымъ ударамъ, что зрителю становится страшно: зритель весь вниманіе, весь слухъ; онъ перестаетъ видѣть блѣдный обликъ Гамлета, онъ видитъ одно безконечное царство духа, объясненное и приведенное въ движеніе величайшимъ изъ поэтовъ міра. Возможно ли при подобномъ положеніи, въ которомъ находился Гамлетъ, дѣйствовать? Что останется отъ человѣка послѣ подобной борьбы? Что бываетъ съ самимъ человѣкомъ, когда совершается эта борьба? Возможно ли допытываться присутствія того или другого чувства въ подобномъ человѣкѣ, когда все духовное существо его охватила могучая сила идеи, противъ которой онъ невластенъ? Гамлетъ не любитъ Офелію! А эти два стиха:

Офелія! о пѣмѣ! Помяни
Мои грѣхи въ твоей святой молитвѣ!

сказанные имъ послѣ знаменитаго монолога: «Быть, или не быть?» Это — не дань поклоненія непорочности, а вопль любви, и великій актеръ потрясетъ ими весь театръ, если пойметъ ихъ значеніе! Оскорбительные намеки Гамлета на счетъ Офеліи во время представленія странствующихъ актеровъ ровно ничего не доказываютъ: Гамлетъ въ то время искусно разыгрывалъ роль помѣшаннаго, и подобныя плоскія шутки, допускаемыя и по духу времени, какъ нельзя болѣе слились къ рѣчамъ безумца. Гамлетъ никого не любитъ! А отца? Припомните первое, а особенно второе явленіе духа въ комнатѣ матери. Развѣ холодному эгоисту принадлежать эти дышащія глубочайшимъ чувствомъ слова:

Смотри, какъ блѣдно взоръ его горитъ!
И камни повали бы горькій смыслъ
Его лица, его обиды тяжкой.
О, не гляди! Твой жалкій, грустный образъ
Смятчить мое суровое рѣшенье,
И я его не совершу; быть можетъ
Слеза, не кровь, моею местию будетъ. (стр. 137).

А вотъ эти четыре слова, повторительныя слова, которыми на-
чинаетъ первый актеръ свой третій монологъ, развѣ могли быть
произнесены холоднымъ себялюбомъ?

ПЕРВЫЙ АКТЕРЪ

Но кто, увы! кто въ скорбномъ одѣяніи
Царицу зрѣлъ...

ГАМЛЕТЪ

Царицу въ скорбномъ одѣяніи? (стр. 89).

А вся сцена на кладбищѣ, проникнутая неизъяснимою скорбью,
и Гамлетъ среди ея, Гамлетъ съ черепомъ бѣднаго Юрика въ ру-
кахъ, Гамлетъ, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь печальный, болѣе чѣмъ гдѣ-
нибудь человѣчный! — Тутъ, въ этой сценѣ, нѣтъ мѣста холодному
себялюбию; здѣсь является великій мученикъ наканунѣ смерти. Если
для насъ бесполезна эта жизнь, эти муки, если подобную жизнь
можно назвать представительницею косности и консерватизма; то
какая же будетъ представлять движеніе и прогрессъ? Жизнь Донъ-
Кихота? — Очень можетъ быть. Соглашаясь съ авторомъ въ эстети-
ческомъ и социальномъ значеніи этого типа, мы должны измѣнить
одно изъ заключительныхъ положеній его статьи; вмѣсто: «Донъ-
Кихоты находятъ — Гамлеты разрабатываютъ», мы скажемъ на-
оборотъ: Гамлеты находятъ, т. е. размышляютъ, подвергаютъ
жизнь анализу, творятъ идеи; Донъ-Кихоты разрабатываютъ, т. е.
дѣйствуютъ и осуществляютъ эти гамлетовскія идеи. — «По мудрому
распоряженію природы, говоритъ г. Тургеневъ, полныхъ Гамле-
товъ, точно также какъ и полныхъ Донъ-Кихотовъ, нѣтъ!»

Вся статья г. Тургенева свидѣтельствуетъ о глубокой симпатіи
автора къ Донъ-Кихоту и проникнута ироническимъ отношеніемъ
къ Гамлету — явленіе въ высшей степени знаменательное: оно *об-
лазываетъ* многихъ г. Тургенева. Мы увѣрены, что такой писатель,
какъ авторъ Рудина, не напрасно, не по критическимъ побужденіямъ
остановился на сближеніи этихъ двухъ типовъ: если г. Тургеневъ
нашелъ въ русской жизни Гамлетовъ, положимъ неполныхъ или
Гамлетиковъ; то онъ попадетъ въ ней, если не настоящихъ Донъ-
Кихотовъ, то хоть *Донъ-Кихотиковъ*. И если въ этомъ дѣйстви-
тельно состоитъ переломъ авторской дѣятельности нашего автора,
то мы съ восторгомъ его привѣтствуемъ. Да спасетъ насъ талант-
ливый писатель отъ этихъ ненавистныхъ практическихъ дѣтелей,
которыхъ намъ навязываютъ, вліяніе которыхъ на общество мы
почитаемъ положительно вреднымъ: что ни говорите, а у насъ ли-
тература имѣетъ громадное вліяніе на воспитаніе молодого поколѣ-

нія, отъ котораго да мимо идетъ ядъ жи!.. Донъ-Кихоты или *донъ-кихотки* все же не физически-несокрушимые типы, не ухорские герои, а оборотная сторона той же самой медали, тѣ же *мошки* да *букашки*. Но дѣйствительно ли въ этомъ именно состоитъ авторскій переломъ г. Тургенева — покажетъ время. Пока же, въ ожиданіи этого будущаго, мы не перестанемъ глубоко сожалѣть о томъ, что прежній типъ брошенъ Тургеневымъ, брошенъ далеко неоконченнымъ, что авторъ сталъ относиться къ нему иронически. Руднизмъ еще долго будетъ предметомъ литературной обработки, до тѣхъ поръ пока онъ не вымереть въ нашей жизни, пока не устранятся многія и многія причины. Типъ этотъ еще совершенно живой, и быть можетъ только въ послѣднее время предвидится возможность его смерти; но самая смерть воспослѣдуетъ только тогда, когда появится у насъ Донъ-Кихоты, т. е. этотъ же самый типъ, только перерожденный, т. е. считающій отрадою жизни не *праздномысліе*, какъ выражается Пушкинъ, а дѣятельность, жизнь во имя гамлетовскихъ идей. Скажите, положи руку на сердце, неужели въ самомъ дѣлѣ желательна эта смерть? Неужели этотъ типъ — какая-то *чорная немочь*, подобная нашимъ общественнымъ язвамъ? Неужели въ немъ нѣтъ ничего дорогаго, *своего*? Всеобщій отрицательный отвѣтъ былъ бы крайне грустенъ. Лучшіе люди тридцатыхъ годовъ благодумнѣе на него смотрѣли: «Въ юности» говоритъ кн. Одоевскій, «когда такъ хочется вѣрить всему высокому и прекрасному, несправедливость людей поражаетъ сильно и наводитъ на душу невыразимое уныніе. Этому состоянію духа должно приписать тотъ байронизмъ, въ которомъ можетъ быть уже слишкомъ упрекаютъ молодыхъ людей, и въ которомъ бываетъ часто виновата лишь доброта и возвышенность ихъ сердца. Люди бездушные никогда и ни о чемъ не тоскуютъ.» (*Сочиненія кн. В. О. Одоевскаго* ч. II Спб. 1844 ст. 8—9). Въ состояніи ли наша жизнь выставитъ Донъ-Кихотовъ не по натурѣ только, а *de facto* — это еще вопросъ, въ положительномъ рѣшеніи котораго мы крѣпко сомнѣваемся. Да не подумаютъ читатели, что мы осуждаемъ любимаго писателя на мовотонную работу; талантъ г. Тургенева — талантъ обязательный: онъ слишкомъ глубоко, онъ съ уваженіемъ смотритъ на русскую жизнь; онъ никакъ не можетъ не коснуться самыхъ важныхъ ея вопросовъ; онъ самъ виноватъ, что начавъ дѣло повидимому совѣмъ о другомъ предметѣ, возвращается снова къ тому, что хотѣлъ бросить, — къ прежде обработываемому имъ типу, къ литературнымъ *мошкамъ* и *букашкамъ*. Пусть извинитъ насъ г. Тургеневъ, но мы боимся, что онъ измѣнитъ своему призванію, этому теплomu и прямому отношенію къ русской жизни, и начнетъ хитрить и мудрить надъ

послѣдней. Если эта болѣзнь основательна, — лучше возвратиться къ прежней дѣятельности; намъ надоѣли литературныя проповѣди и всевозможныя философскія тенденціи. Право, читатель, мы съ вами, говоря словами Чацкаго, вовсе не ребята! намъ надоѣло мудрованіе надъ жизнью, эти нецеремонныя ломки идей и ея смысла. Всѣ жалятся, что у насъ плохо идутъ акціонерныя общества; типы литературныхъ акціонеровъ, созданныхъ досужей фантазіей писателей подъ вліяніемъ практическихъ стремленій вѣка, акціонеровъ, которые русскую жизнь ставятъ ребромъ, которые играютъ въ нее *напрямка*, — просто противны, потому что они ложны, фантомы, если и растутъ на русской почвѣ, то на почвѣ самой негодной, представляющей мерзость заустѣнія. Если болѣзнь наша за г. Тургенева неосновательна — тѣмъ лучше!

Воронежъ

Отчетъ о четвертомъ присужденіи наградъ графа Уварова. Спб. 1860.

Мы намѣрены говорить здѣсь только о той части этого отчета, которая касается премій по драматической словесности. Всѣмъ извѣстно, по крайней мѣрѣ всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что академія присудила большія уваровскія преміи г. Островскому за *Грозу* и г. Писемскому за *Горькую Судьбину*. Объ этихъ драмахъ, и именно о *Грозѣ*, много говорилось и безъ сомнѣнія много еще будетъ говорить; мы не будемъ здѣсь судить объ нихъ, а возьмемъ прямой вопросъ, который возбуждается книжкой съ вышеозначеннымъ заглавіемъ. *Отчетъ* даетъ публикѣ отчетъ о томъ, какимъ образомъ академія поступала, присуждая преміи? Дѣло любопытное.

Г. академикъ К. С. Веселовскій въ рѣчи, торжественно читанной 25 сентября 1860, прямодушно излагаетъ весь ходъ этого дѣла. Мы знакомимся съ нѣкоторыми подробностями, съ нѣкоторыми выволами, для насъ не совсѣмъ понятными.

И дѣйствительно раскрываются тайны необыкновенныя, поразительныя. Г. Веселовскій отъ лица академіи во-первыхъ объявляетъ, что *судить объ изящныхъ произведеніяхъ невозможно*. Въ самомъ дѣлѣ, если онъ не говоритъ этого прямо, то кажется только по требованіямъ красоты слога; но вотъ его собственныя слова:

• Искать въ этой сферѣ непреложнаго мѣрила и положительныхъ законовъ было бы также напрасно, какъ стараться согласить всѣ вкусы. Затрудненіе это, въ наше время, самые даровитые литературные критики сознали уже довольно ясно и преемники тѣхъ самыхъ людей, которые прежде твердили о непреложныхъ законахъ поэзіи или поэтическаго вкуса, теперь скромно отказываются отъ старыхъ притязаній.

Въ наше время уже многіе держатся того мнѣнія, что если высказать свое сужденіе о литературномъ трудѣ легко, то доказать его въ такой мѣрѣ, чтобы оно не могло уже служить источникомъ дальнѣйшаго спора, нѣтъ никакой возможности.

Вотъ глубокомысленныя положенія, которыя рѣдко можно встрѣтить въ такомъ ясномъ и откровенномъ изложеніи. Вкусъ, значить, есть только личное впечатлѣніе (такъ изъясняется далѣе и самъ г. академикъ), нѣкоторая прихоть, не управляемая никакими законами, въ родѣ тѣхъ странныхъ прихотей, которыя бываютъ у беременныхъ женщинъ и иногда сопровождаются даже припадками сумасшествія. Законовъ для вкуса нѣтъ; вкусъ стало быть похожъ на того дурака, для котораго по русской поговоркѣ *законъ не писанъ*. Осмѣлимся замѣтить однакоже, что такія убѣжденія г. академикъ напрасно приписываетъ всей нашей критикѣ. Есть у насъ разныя критики; бываютъ и такія, но вообще сказать о нашихъ критикахъ этого нельзя и заслуга мыслей, выраженныхъ г. Веселовскимъ, должна, хотя отчасти, относиться лично къ нему.

Вотъ и мы не согласны съ г. академикомъ. Намъ весьма удивительно, что онъ стоитъ на такой ложной точкѣ зрѣнія и имѣетъ въ виду такую фантастическую цѣль. Какимъ образомъ онъ могъ имѣть въ виду странное желаніе *согласить все вкусы*? Какимъ образомъ онъ могъ подумать, что *можно что нибудь доказать такъ, чтобы оно не могло уже служить источникомъ дальнѣйшаго спора*? Кто же предастся подобнымъ мечтамъ? И можно ли хоть что-нибудь вывести изъ того, что эти мечты несбыточны?

Если астрономы до сихъ поръ не успѣли убѣдить cadaго жителя сей юдоли, что *земля вокругъ солнца обращается*, то что же ливнаго въ томъ, что мы папримѣръ не можемъ убѣдить какого-нибудь господина NN, господина очень учонаго и почтеннаго, въ достоинствахъ *Грозы*? Между тѣмъ эти достоинства для человѣка понимающаго могутъ быть также несомнѣнны, какъ для г. Веселовскаго обращеніе земли около солнца.

Отъ провинцальности г. академика не могло ускользнуть то обстоятельство, что искусство должно находиться въ нѣкоторомъ правильномъ отношеніи къ природѣ человѣка и къ человѣческой жизни, что жизнь по мнѣнію многихъ управляется глубокими и разумными законами и что слѣдовательно само искусство необходимо получаетъ опредѣленное законоположеніе, непреложныя правила. Въ отвѣтъ на это г. Веселовскій подробно излагаетъ, что *жизнь по его мнѣнію не имѣетъ законовъ*. Вотъ его собственныя слова:

•Драматическая сторона жизни есть вѣчто едва ли доступное для

систематическаго изученія и для вывода постоянныхъ и непреложныхъ законовъ. Въ ней и вокругъ нея группируются самыя разнообразныя, самыя неуловимыя, неопредѣленные и таинственныя элементы въ мѣрѣ психологической и исторической дѣятельности человѣка: прихоти нуса, противорѣчія воли, порывы страстей, борьба личныхъ особенностей характера между собою и съ приговоромъ судьбы, словомъ все, чѣмъ наука еще не овладѣла и можетъ быть никогда не овладѣть.

Поразительная истина! Ясно, что жизнь есть хаосъ, въ которомъ ничего разобрать нельзя. Все неопредѣленно и неуловимо: вездѣ прихоти, порывы и противорѣчія, а надъ всѣмъ царить неуловимая судьба. Очень сожалѣемъ вмѣстѣ съ г. академикомъ, что наука до сихъ поръ еще не овладѣла тайною *приговоровъ судьбы*.

Тогда бы можетъ быть хоть парижская и лондонская академіи сообщили бы намъ что-нибудь объ этихъ приговорахъ.

Чтобы яснѣе выставить всю невозможность суда надъ литературными произведеніями, г. Веселовскій противопоставляетъ этому суду оцѣнку ученыхъ произведеній. Такую оцѣнку, по его словамъ, могутъ сдѣлать только темныя, люди глубоко свѣдущіе, и зато путь передъ ними открытый, прямой и заключенія ихъ безошибочны. И въ этомъ случаѣ къ сожалѣнію мы не можемъ согласиться съ почтеннымъ академикомъ. Конечно онъ не станетъ отрицать того факта, что напримѣръ въ академіяхъ засѣдаютъ люди глубоко свѣдущіе, а между-тѣмъ стоитъ заглянуть въ исторіи академій, чтобы убѣдиться, что очень часто новыя открытія, безсмертные подвиги въ наукѣ встрѣчались этими учеными собраніями съ презрѣніемъ и подвергались жестокому гоненію. Извѣстно (приведемъ хоть одинъ примѣръ), что парижская академія долго отвергала теорію всеобщаго тяготѣнія Ньютона, отвергала простѣйшую и важнѣйшую теорію, образецъ теорій, славу знаменитѣйшаго изъ ученыхъ.

Какъ видно и ученымъ трудамъ, если они выходятъ изъ рядовъ, достается таже судьба, какъ нерѣдко и лучшимъ литературнымъ произведеніямъ; и ихъ также не всѣ умѣютъ цѣнить, и имъ приходится собственною силою пробиваться сквозь равнодушіе и грубое непониманіе.

Очень жаль конечно, что мѣръ ужъ такъ устроены; но только въ немъ нѣтъ готовыхъ масштабныхъ для очень многихъ вещей. Мѣрять достоинство и величіе приходится не аршиномъ, не вѣсами или какимъ нибудь термометромъ, что всякій могъ бы сдѣлать, а какимъ-то мудренымъ процессомъ въ головѣ, такъ что многіе люди, даже очень почтенные и очень ученые, оказываются совершенно неспособными быть судіями дѣлъ человѣческихъ. Что же дѣлать! Такая ужъ видно наша судьба; авось проживемъ и такъ.

Но обратимся къ нашимъ драмамъ. Читатель вѣроятно уже задавалъ себѣ вопросъ: какимъ же образомъ академія, пріямая, что вѣрная оцѣнка ихъ невозможна, однако же оцѣнила ихъ? Да, дѣло мудреное. Вотъ что говоритъ г. Веселовскій, послѣ выписаннаго нами объясненія всей трудности этой оцѣнки.

•Слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что всякая оцѣнка въ сферѣ изящной словесности невозможна? Нѣтъ. Отсутствіе теоретическаго ея основанія не заключаетъ въ себѣ еще достаточной причины отвергать ея чисто практическую возможность. •

Не правда ли, хитро? Теоретически — выходить совершенно невозможно, а практически — очень легко. Между тѣмъ мы можемъ убѣдиться въ этомъ на дѣлѣ, самымъ фактомъ; вѣдь оцѣнила же академія представленныя ей драмы, не имѣя для этого *никакихъ теоретическихъ основаній*. Да, если хорошенько подумать, такъ оно выйдетъ именно такъ; гораздо легче и удобнѣе, не вдаваясь ни въ какія теоріи, поступить прямо практически.

Поэтому намъ кажется крайнею ошибкою со стороны г. академика, что онъ вслѣдъ затѣмъ принимается излагать *основанія* практической оцѣнки; этого вовсе не нужно, это *теорія*! Вотъ что говоритъ г. Веселовскій.

•Вещь хороша, если она лучше другой; дурна — если хуже; хороша, если всѣ или большая часть считаютъ ее хорошею, а если нѣтъ — то дурна. Далѣе этихъ простыхъ, осязательныхъ умозаключеній практическая оцѣнка не идетъ. •

Шаткая, очень шаткая теорія! Мы не можемъ назвать ее хорошею, даже если бы прибѣгли къ тому практическому замѣчанію, что *бываетъ и хуже*. Нѣтъ! хуже этого ничего быть не можетъ. Г. Веселовскій находитъ здѣсь какія-то *умозаключенія*; положительно увѣряемъ, что въ его словахъ нѣтъ и тѣни какого-нибудь умозаключенія. Вещь хороша, если многимъ нравится, — это вовсе не умозаключеніе; умозаключеніе выйдетъ, если скажемъ такъ: вещь многимъ нравится, слѣдовательно есть же въ ней *что-нибудь* хорошее. И затѣмъ, если ужъ пойти путемъ умозаключеній, то отыскивая въ вещи хорошее, но не упуская изъ вида и дурного, можно дойти до того, что вещь окажется въ сущности дурною.

Нѣтъ, ужъ лучше не пускаться въ умозаключенія, а идти прямо практическимъ путемъ.

•Въ практической оцѣнкѣ произведеній изящной словесности, (писать онъ), главнымъ и почти единственнымъ основаніемъ окончатель-

наго сужденія является общее мнѣніе образованнѣйшей части общества, или по крайней мѣрѣ мнѣніе большинства.

Вотъ это ясно; метода какъ нельзя болѣе практическая! Ненужно имѣть своего мнѣнія, а должно подчиняться общему мнѣнію — конечно это легко и удобно. Г. Веселовскій весьма справедливо старается выставить все достоинство этой методы.

• Такое основаніе и такую мѣрку Академическая Комиссія должна была принять въ настоящемъ случаѣ, чтобы добросовѣстно исполнить свой долгъ. »

И далѣе :

• Всякій шагъ за эту черту поставилъ бы ее въ ложное положеніе повѣреннаго, превышающаго точный смыслъ своихъ полномочій, выведъ бы ее на арену литературно-критическихъ споровъ, чуждымъ характеру и назначенію академіи .

Превышеніе полномочій дѣйствительно есть дѣло легкомысленное. Намъ это паномниастъ рѣчь того префекта, который благо-разумно *рѣшился* не привѣтствовать короля пушечными выстрѣлами. Какъ извѣстно, у него на это было множество причинъ; только по одной неловкости онъ выставилъ на первомъ мѣстѣ ту, что у него не было пушекъ.

Что же касается до *арены споровъ*, то замѣчаніе г. Веселовскаго также какъ нельзя болѣе практическое. Академія весьма благо-разумно не вступаетъ на эту пыльную и бойкую арену; чуждаясь споровъ, академія весьма справедливо предпочитаетъ давать публикѣ одни свои рѣшенія и приговоры. Такъ въ прошломъ году три академिका гг. Бэръ, Брандтъ и Миндендорфъ обнародовали въ «Санкт-петербургскихъ Вѣдомостяхъ» свой приговоръ противъ нашего натуралиста Сѣверцова. Хорошо, что г. Сѣверцовъ человекъ не робкій; какъ извѣстно, онъ успѣлъ спастись отъ Коканцевъ; понятно, что ему были ни почемъ трое нѣмецкихъ ученыхъ.

Что же сдѣлала въ настоящемъ случаѣ академія? Какъ она успѣла поймать *общее мнѣніе*?

«Комиссія подвергнула каждую изъ двухъ упомянутыхъ драмъ сужденію избранныхъ ею писателей, занимающихъ по своимъ талантамъ почетное мѣсто въ современной литературѣ.» За тѣмъ г. П. А. Плетневъ подвел *общій итогъ* сужденій.

Что же касается до выбора критиковъ, то намъ кажется, комиссія отступила отъ своихъ мудрыхъ началъ; драмъ она не умѣетъ судить, а критиковъ, какъ оказывается, сейчасъ оцѣнила, сейчасъ

и таланты. Очевидно выборъ критиковъ основанъ на личномъ вкусѣ комиссіи, а слѣдовательно настоятъ полное соштіе, дѣйствительно ли *итогъ* ихъ мнѣній совпадаетъ съ общимъ мнѣніемъ.

Мы можемъ сказать положительно, что выборъ критиковъ былъ какъ-то очень неудаченъ и докажемъ это изъ самаго *Отчета*.

Доставлено было *восемь* пьесъ. Для нихъ было избрано *восемь* критиковъ.

Нѣтъ пьесъ — оказались негодными; мы вполне увѣрены, что это сужденіе было сдѣлано съ полнѣйшею основательностью. Но пьесъ смущаетъ слѣдующее: *объ шестой пьесѣ не было доставлено никакого отзыва*, а потому она была отложена до конкурса будущаго года. Комиссія состояла изъ семи академиковъ; она нашла *восемь*, а потомъ еще *двухъ*, *итого* десять достойныхъ критиковъ; какъ же это случилось, что она успѣла оцѣнить только двѣ драмы, а третью (*Исковитянку* г. Мея) не успѣла? А что если это произведеніе вполне прекрасное? Если ея автору дѣйствительно нужны поддержка и поощреніе? Если онъ трудился, имѣя ихъ въ виду? Годъ — время большое; конечно, если бы академія отложила на годъ только свое сужденіе — съ этимъ можно бы было помириться; но ждать еще годъ преміи — отсрочка весьма печальная.

Затѣмъ изъ остальныхъ *двухъ* пьесъ *Гроза* досталась для разбора *И. А. Гончарову*, а *Горькая Судьбина* *А. С. Хомякову*. Что же вышло? Отзывъ перваго составляетъ только двѣ страницы, а втораго только три. При этомъ г. Гончаровъ извиняется, что онъ боленъ.

Понятно, что академія желала нѣсколько болѣе отчетливыхъ отзывовъ; и вотъ она снова даетъ разбирать *Грозу* г. Галахову, а *Горькую Судьбину* г. Н. Д. Ахшарумову. Послѣдній представилъ довольно полный, но все еще не совершенно-полный разборъ, но г. Галаховъ — опять неудача! проситъ извиненія въ краткости — по случаю своего отъѣзда въ Москву. Такимъ образомъ семь академиковъ и десять критиковъ одну драму совсѣмъ упустили изъ вида и произвели четыре разбора, изъ которыхъ три тощъ такъ, какъ только это допускало самое снисходительное пріличіе.

Но и тутъ еще не кончилось бѣды. Отзывы о драмахъ имѣютъ очень опредѣленную фзіономію. Оба критика *Грозы* находятъ только достоинства и красоты въ драмѣ; оба критика *Горькой Судьбины* сильно упираютъ на важные недостатки драмы. Что же дѣлаетъ академія? Какъ она выводитъ *итогъ*? Послушаемъ г. Веселовскаго.

• Съ перваго взгляда можетъ казаться, что отзывы гг. Хомякова и

Ахшарумова о Горькой Судьбинь въ общемъ нѣтъ выводѣ небогато-приятны для драмы г. Цисемскаго; но тотъ самый фактъ, что у него обращено особенное вниманіе на недостатки разобранной драмы, можетъ съ другой стороны служить доказательствомъ, что недостатки эти и такъ замѣтны, чтобы о нихъ можно было упомянуть въ короткихъ словахъ, какъ они дѣлали это, указывая на явныя, неоспоримыя достоинства драмы.

Какъ вамъ нравится подобная ариметика? Изъ этихъ словъ можно вывести, что достоинства Грозы слишкомъ слабы, потому что критики такъ много говорятъ о нихъ и такъ сильно хвалятъ драму. Намъ кажется, что тутъ опять замѣшалось лжеслово мнѣніе. Дѣло ужасно трудное. Представлены отзывы критиковъ; но въ и объ отзывахъ нужно судить, нужно какъ-нибудь дойти собственнымъ умомъ до результата. Нечего дѣлать, г. Веселовскій рѣшился идти скользкимъ путемъ *собственныхъ умозаключеній* и — видите, поскользнулся очень неловко.

Гаваньскіе чиновники въ домашнемъ быту или Галерная гавань во всеяе время дня и года. (Пейзажъ и жанръ) Ивана Генслера. Библіотека для Чтенія. Полбрь и декабрь 1860.

Если не ошибаемся, это первое произведеніе г. Генслера. Можетъ-быть онъ и прежде писалъ и печаталъ, но такъ какъ вниманіе и читателей и критики остановилось на «Гаваньскихъ Чиновникахъ», то да позволено будетъ намъ считать ихъ его первымъ произведеніемъ. Намъ очень хочется, чтобъ эта статья, новѣсть, рассказъ, — какъ бы мы ни назвали ихъ, читатель, мы назовемъ ихъ вѣрно, потомучто это не рассказъ, не повѣсть и не статья; авторъ называетъ свое произведеніе *пейзажемъ* и *жанромъ*; пусть будетъ по его волѣ и такъ, — намъ очень хочется, чтобъ этотъ пейзажъ и жанръ были первымъ произведеніемъ. Отъ первыхъ произведеній настоящихъ талантовъ вѣтъ всегда такую свѣжестію, и конечно ужъ нашъ журналъ не встрѣтитъ холодно и безучастно первую попытку начинающаго дарованія.

Но не одними же и похвалами. Похвала вещь приторная, сладкая: къ концу ее, если можно. Въ послѣднее время ее отми́ривали нѣкоторымъ нашимъ талантамъ такими пудами, подавали имъ ее чуть не на лонатахъ, такъ что и имъ должна претить ова, а читателямъ и полавно. Будемъ лучше бранить, другими словами — говорить правду. Правда въ большей части случасвъ принимается у насъ за чистѣйшую брань. Попробуйте напримѣръ сказать... ну хоть г. Х., одному изъ извѣстныхъ нашихъ писателей, что прославленный романъ его не выдерживаетъ критики, что герой его утрированъ, что весь романъ растянутъ и, не смотря на прекрасныя детали, скученъ; что героиня его хороша и привлекательна только въ романѣ, благодаря той неопредѣленности очертаній, которая выпала на долю литера-

туры какъ искусства, но что въ жизни героиня эта пренесносѣйшее существо, сущее наказаніе своего мужа. Прибавьте къ этому похвалы нѣкоторымъ второстепеннымъ лицамъ, нѣкоторымъ прекраснымъ страницамъ. Сдѣлайте все это, сдѣлайте это какъ можно мягче и деликатнѣе, и извѣстный литераторъ скажетъ, что его *обругали*, а неизвѣстные рецензенты накинутся на васъ и скажутъ, что вы подыгмаете скандалъ, что разсчитываете на успѣхъ скандала, что для скандала вы отца родного не пощадите и т. п. Угодно доказательство? Вотъ одно.

Въ прошлогодней январьской книжкѣ «Свѣточа» былъ напечатанъ разборъ извѣстнаго романа г. Говчарова «Обломовъ». Разборъ былъ прекрасно написанъ г. А. Милюковымъ, но въ немъ, въ разборѣ г. Милюкова, была высказана извѣстная доля правды, высказана чрезвычайно умѣренно и прилично. Многіе находили даже этотъ разборъ ужь слишкомъ умѣреннымъ. Но «Санктпетербургскія Вѣдомости», эта пила-рыба, этотъ шакалъ (*) «Отечественныхъ Записокъ», сейчасъ заподозрили въ этомъ другой умыселъ, сейчасъ обвинили новый журналъ въ желаніи скандаломъ привлечь къ себѣ подписчиковъ, да помнится, упомянули также и отца родного. Точно въ самомъ дѣлѣ нельзя сказать откровенно большому писателю правду о его произведеніи? Увы, читатель! не знаемъ, какъ дальѣ, но до свѣтъ поръ этого было нельзя. Правда считалась чѣмъ-то колючимъ, хуже терна или шиповника. Высказать правду — значило сдѣлать себѣ въ извѣстномъ писателѣ врага, а его имя стоитъ въ объявленіи. Онъ не дастъ обѣщанной статьи и снесетъ ее туда, гдѣ об немъ говорятъ все неправду. А его статьи, романъ, повѣсть — могутъ дать подписчиковъ. На одной чашкѣ вѣсомъ правда, нелицепріятіе, честность убѣжденія, на другой драгоценная статья и можетъ быть подписчики. Гораздо выгоднѣе говорить неправду, какъ можно больше неправды. Это разъ. А съ другой стороны у насъ въ литературѣ все такъ перезнакомилось и перекумилось, что сказать правду ужь стало просто совѣстно. Смолчать тоже нелезко. Извѣстный писатель написалъ положимъ романъ. За нѣсколько мѣсяцевъ до печати ужь онъ прочелъ его намъ и тѣмъ ужь обязалъ насъ сдѣлать о немъ отзывъ. О немъ ужь пущены фельетонистами слухи въ публичнѣ. Прошу покорно не говорить о немъ, когда вы чуть не каждый день встрѣчаетесь съ авторомъ, который смотритъ на васъ

(*) Пила-рыба постоянно идетъ за котомъ, шакалъ за львомъ. Да не сѣтуютъ на насъ «Отечественныя Записки» за такое сравненіе, тѣмъ болѣе, что умалчивая, мы сравниваемъ ихъ съ котомъ и львомъ нашей журналистики. До мнѣнія же газетъ намъ вѣтъ никакого дѣла; она не самостоятельная газета.

глава какъ предаторъ должнику. А если романъ въ самомъ дѣлѣ не совсѣмъ обыкновенный, такъ и совѣсть покойна. И начинается замышляване вли, какъ говорить одинъ очень милый господинъ, *муссированье* новаго громаднаго произведенія, и до того замышлявають и до того муссируютъ, что это замышляване отъѣзжаетъ наконецъ и въ Сибирь на Кавказѣ и даже въ Остайскіихъ Провинціяхъ, гдѣ какъ извѣстно живутъ вѣицы, печатающіе по-русски.

Въ нашей литературѣ происходитъ теперь тоже, что въ нашихъ деревняхъ, гдѣ все до того переродится и перекумится, что становится невозможень никакой бракъ. Все парни и дѣвки родни другъ другу! Попъ не вѣнчаетъ. Это обстоятельство не мѣшаетъ впрочемъ говорить въ деревняхъ другъ другу правду и иногда самую горькую.

И какъ нашимъ литераторамъ не надоѣсть восхищаться другъ другомъ, добро бы еще за рюмкою вина, когда человѣку такъ хочется всеѣмъ восхищаться, а то на печатныхъ страницахъ! Когда пишешь для печати... не поэму конечно, а просто критику или разборъ, поневоля становишься и хладнокровнѣе и облуманнѣе. Каза-лось бы вовсе не до дифирамбовъ, — нельзя!

Бываютъ и такія исторіи. Большому писателю, отъ разныхъ постороннихъ восхищеній, случается иногда обмолвиться, т. е. написать просто дрянь, какую-нибудь высипреннюю ерунду, повѣсть въ формѣ Французской «провербы», въ которой *кавалеръ* и *дама*, оба въ перчаткахъ, разговариваютъ все о чувствахъ, да, положимъ, о недостаткахъ свѣтскаго воспитанія — однимъ словомъ дичь. И эта-то дичь у журналистовъ идетъ на перебой, кто больше дастъ, и наконецъ достается той или другой счастливой редакціи, которая за нее платитъ такую громадную сумму, что на одинъ печатный листъ драгоценной рукописи можно было бы устроить двадцать воскресныхъ школъ.

Хорошо еще хоть потомъ спохватятся и увидать, что заплати-ли груды золота, выловать, ассигнаціи не за громадное произведе-ніе, а за доморощенное дрянцо, и намскнуть на это въ которой-ни-будь изъ послѣдующихъ книгъ, чтобъ хоть сердце сорвать. Это еще хорошо и очень-много со стороны редакціи. А по большей ча-сти такъ и остается. Какъ провѣриши вначалѣ, въ люпыхахъ, такъ и остается и слыветъ себѣ очень-обыкновенное произведе-ніе громаднымъ. Всего интереснѣе тутъ положеніе публики. Читая въ газетахъ и журналахъ восторженныя толки о новомъ произведеніи, встрѣчая въ нихъ новыя русскія слова, поредававшія изъ себя

ственныхъ имѣть громаднаго произведенія, и затверживая наизусть фамиліи новыхъ русскихъ титловъ, нублака не знаетъ, что и подумать. Взымливанье и муссированье начинается дѣйствовать: Книгу журнала рвутъ, читаютъ, скучаютъ и удивляются громадности новаго литературнаго явленія. Читали ли вы когда-нибудь, читатель, комментаріи на Шекспира или на вторую часть Гётева Фауста? Если читали, то вамъ вѣроятно приходила въ голову, точно также какъ и пишущему это, такая мысль, что Шекспиру и Гёте ковечно и не снились никогда тѣ красоты и намѣренія, которыми такъ щедро одѣляютъ ихъ комментаторы. Точно также и нашему большому писателю никогда не снились тѣ толки, догадки, разъясненія, какія ходятъ въ публикѣ по поводу его произведенія. Послѣ такихъ печатныхъ толковъ, послѣ такого типографическаго муссирования я читать-то нельзя такъ, какъ обыкновенно читаются не-муссированныя вещи. Такъ ужъ настроены умы всѣхъ, что въ каждой фразѣ видятъ вѣчто необыкновенное, намекъ на нѣчто таинственное, сокровенное. А не будь всѣхъ этихъ печатныхъ толковъ, не будь этой насильственной подготовки умовъ, громадное произведеніе прошло бы можетъ-быть незамѣченнымъ.

Говоря это, мы вовсе не намѣрены уличать публику въ легкомыслія, въ податливости на все печатное. Напротивъ, мы думаемъ, что это прирожденная и самая прекрасная, самая уважительная изъ чертъ всякой публики. Безъ этой черты публика не мыслима. Это не отдѣльная личность, отъ которой можно было бы требовать хладнокровнаго обсужденія. Это тысячеголовое существо, которое тогда только и живетъ, когда увлекается; тогда только въ немъ есть залогъ всякаго прогресса, когда его все трогаетъ, все шевелитъ, когда оно бросается съ жаромъ на то, что ему указываютъ его передовые дѣятели.

Не велика бѣда и въ томъ, если эти передовые дѣятели сами увлекаются, что иногда и бываетъ. Для насъ всегда будутъ дороги честныя увлеченія, и если мы будемъ спорить съ ними, то всегда съ уваженіемъ. Мы сами не разъ и не два будемъ увлекаться и горячо увлекаться. Журналъ — не книга; журналъ *можетъ* ошибаться, и непремѣнно ошибается, если онъ только журналъ въ настоящемъ значеніи этого слова, т. е. истолкователь минуты, настоящей минуты, минуты, въ которой мы съ вами живемъ, читатель. Одна книга не ошибается, потому что пишется не подъ обаяніемъ минуты, а уже отнесется къ ней критически.

Не затѣмъ также завели мы рѣчь, чтобъ порицать наши журналы за то, что они увлекаются. Пусть увлекаются, но увлекаются всѣмъ, что достойно увлеченія, а не исключеніями только. Досадны

не увлеченія, а то, что увлеченія эти пристрастны и не безкорыстны. Возьмемъ примѣръ: въ публнкѣ въ концѣ прошлаго года, да и теперь часто, лишь только рѣчь зайдетъ о литературѣ, слышатся такіа фразы:

— Читали вы *Въ ожиданіи Лучшаго*, В. Крестовскаго?

— Читалъ.

— Ну, что?

— Прекрасно! замѣчательное произведеніе.

А между тѣмъ объ этомъ замѣчательномъ произведеніи никто еще изъ нашихъ большихъ журналовъ не сказалъ ни одного слова. А романъ В. Крестовскаго есть явленіе, которое не прошло бы незамѣченнымъ ни въ одной литературѣ, а въ нашей, если взять въ соображеніе нашу относительную бѣдность, такіа романы должны бы производить огромное впечатлѣніе. Ни чуть не бывало. Журналы наши молчатъ, какъ-будто это и не ихъ дѣло. Читающая публика безъ ихъ руководства оцѣнила это прекрасное произведеніе и зачитывалась имъ.

Отчего же это?

Веужели оттого, что у г. Крестовскаго нѣтъ связей, кружка, хлопальщиковъ и пріятелей, готовыхъ перевозносить каждую печатную строку?

Едвали. Мы еще не утратили вѣры въ нѣкоторую искренность нашей журналистики и думаемъ, что кромѣ этой есть и другія причины нѣкоторымъ необъяснимымъ молчаніямъ нашей критики. Главнѣйшая изъ нихъ — рутина. Привыкли къ двумъ-тремъ авторитетамъ, — объ нихъ и говорятъ, на нихъ только и обращаютъ вниманіе. Право подумашь, что всякое новое имя въ тягость нашей критикѣ и она заранѣе боится тяжелой ноши. Да и прежними прославленными уже ею именами она начинаетъ уже какъ будто скучать, тяготиться, и ея увлеченія, о которыхъ мы упоминали, становятся все рѣже и рѣже. Въ послѣднее время у насъ въ литературѣ царствовала какаа-то безмятежная монастырская тишина и чинность. «Отечественныя Записки» разбирали все учебники да лѣтописи, за что имъ вѣроятно были очень благодарны нѣсколько ученыхъ и нѣсколько специалистовъ. Помѣстили было онѣ у себя знаменитую статью г. Дудышкина: *Пушкинъ какъ народный поэтъ*, но лишь только увидали, что статья производитъ шумъ и толки, какъ сейчасъ же поспѣшили ступешваться. Продолженія статьи не вышло. Такъ у насъ боится журналистика настоящаго времени всякаго шума и говора. Одно изъ двухъ: или г. Дудышкинъ былъ убѣжденъ въ вѣрности своего взгляда на Пушкина, или нѣтъ. Если

нѣтъ, то зачѣмъ же было и ставить такое дерзкое положеніе; если да, въ чемъ мы и не сомнѣваемся, то зачѣмъ же было такъ робко ступовываться? Почему не выдержать храбро и честно всѣхъ возраженій, почему не принять всей битвы, которая неминуемо должна была возродиться отъ вопроса, поставленнаго такъ круто и смѣло, и выйти изъ этой битвы или побѣдителемъ или... ну, хоть побѣжденнымъ, и почему въ послѣднемъ случаѣ въ этомъ публично не сознаться? Наконецъ, даже ступовываясь, почему было публично не сознаться въ томъ, что дескать обмолвился человекъ, поспѣшилъ? Въ такомъ сознаніи нѣтъ, по нашему мнѣнію, ничего унизительнаго. Самые умные люди ошибаются, и мы даже думаемъ, что больше всѣхъ ошибаются — умные люди. Они такъ много живутъ умственною жизнью, что соблазны къ ошибкамъ у нихъ на каждомъ шагу и на каждой минутѣ. Одни золотые думаютъ о себѣ, что они непогрѣшительны и, какъ Юпитеры, не могутъ ошибаться. Такъ почему же было не сознаться и предпочесть скандалъ такому сознанію? А рутинна на чтоже? Ошибаться такому серьезному и ученому журналу, какъ «Отечественныя Записки»? — Подите!.. «Русскій Вѣстникъ», журналъ серьезный, мало занимается литературою. Довольно уже и того, что онъ напечатаетъ въ годъ одно замѣчательное беллетристическое произведеніе. Критики у него нѣтъ, или можетъ быть онъ самъ не хочетъ имѣть ее — не знаетъ. Онъ рѣдко вступаетъ въ полемику, но за то даритъ русской публикѣ Бюшера и очень любитъ де-Молинару. Вопросъ объ общинѣ разшевелилъ было его, но не надолго. Въ серьезную полемику вступилъ онъ съ г-жою Евгенією Туръ, но тутъ дѣло шло о личныхъ нуждахъ и интересахъ, и потому кромѣ улыбки и нѣкотораго недоумѣнія эта полемика ничего не возбудила. Одинъ «Современникъ», постоянно чувствующій себя не въ своей тарелкѣ посреди такого чиннаго сонма серьезныхъ и глубокомысленныхъ изданій, прорывался по временамъ, какъ-будто ему ужъ становилось не въ мочь, и номиналъ намъ, что у насъ хоть какая-нибудь да есть литература...

Рутинна, общепринятая правила играютъ еще важную роль въ нашей журналистикѣ. Къ числу такихъ правилъ относится наипрѣдѣльнѣе одно неслѣпѣйшее: не говорить ничего о другомъ журналѣ. Но есть ли возможность какая-нибудь не говорить, когда въ журналахъ заключилась теперь вся наша литература. Книгъ нѣтъ или ихъ очень мало. Въмѣсто книгъ являются только праздные сочиненія и т.-п. книжонки. Пожеланіе приходится ограничиться серьезному журналу разборомъ учебниковъ и чисто-специальныхъ сочиненій, и закъ дѣлаютъ это «Отечественныя Записки», или вовсе отказаться

отъ критики, какъ «Русскій Вѣстникъ». Такимъ образомъ и молчать наши журналы одинъ о другомъ до тѣхъ поръ, пока не разбудятъ ихъ новыя произведенія нашихъ двухъ-трехъ знаменитостей. Тогда молчаніе прерывается и начинается взмыливанье. Тогда какъ-будто какой-то лозунгъ раздается по всей литературѣ: за перья, господа, за перья! И перья точно трещать, какъ-будто обрадовавшись, что вотъ наконецъ отведутъ они свою душеньку и вольно наговорятся о новомъ произведеніи.

Не говорить о журналахъ... но почему? Конечно нехорошо говорить, когда этотъ говоръ поднимется изъ цѣлой поллитературныхъ, какъ это и было прежде, въ концѣ сороковыхъ годовъ, когда были въ модѣ такъ называемыя *журнальныя обозрѣнія*. Эти *обозрѣнія* обозрѣвали большею частію задніе дворы нашихъ тогдашнихъ журналовъ и конечною цѣлью имѣли подличничать. Въ пятидесятыхъ годахъ они начали падать. «Русскій Вѣстникъ» нанесъ имъ окончательный ударъ. Съ тѣхъ поръ они остались въ прежнемъ видѣ въ однихъ «С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Миръ врагу ихъ; пусть они и не воскресаютъ, а остаются тамъ, гдѣ еще удѣлы.

Но какъ же не говорить о журналахъ, когда въ каждомъ изъ нихъ втеченіе года появляются вещи или весьма талантливыя или спорныя? Какъ не остановиться на нихъ критикъ? Богъ знаетъ, явятся ли еще эти вещи отдѣльными книгами. И почему не говорить и не писать о журналахъ, если цѣль этого писанья будетъ чисто-литературная, а не карманная. Последней же цѣли въ настоящее время и быть не можетъ. Тенерешнюю читающую публику ужъ не обманешь прежними «журнальными обозрѣніями». Настали другія времена, и читатели начинаютъ требовать отъ журналовъ серьезныхъ убѣждений, честности приговоровъ и неподкупности ихъ...

Что касается до насъ, то мы будемъ останавливаться на каждомъ замѣчательномъ произведеніи, въ какомъ бы журналѣ оно ни явилось, точно также какъ на каждой спорной статьѣ, и будемъ спорить со всѣми и обо всемъ. Читатели наши увидятъ, что мы не придерживаемся никакихъ партій, никакихъ личностей. За немногими исключеніями мы уважаемъ всѣ серьезныя изданія, потому что всѣ они или по крайней мѣрѣ большая часть ихъ стремятся къ одной цѣли: къ прогрессу нашего общества. И именно потому, что уважаемъ ихъ, и будемъ спорить съ ними: съ противникомъ, котораго не уважаешь, нечего и связываться.

Пора наконецъ сознать, что человѣка или изданіе можно уважать и тогда, когда онъ или оно исповѣдуютъ противныя мнѣнія и

убѣжденія (*). Напримѣръ, мы глубоко уважаемъ «Русскій Вѣстникъ» за честность, прямоту и главное — храбрость своихъ убѣжденныхъ, хотя нисколько не согласны съ нимъ во многомъ.

И такъ будемъ ошибаться, увлекаться и бранить *Гаваньскихъ Чиновниковъ* г. Генслера, т. е. говорить о нихъ правду, на сколько эта правда созвана нами въ настоящую минуту.

Г. Генслеръ знаетъ Гавань, какъ свои двадцать пальцевъ. Даже лучше. Онъ можетъ не знать всѣхъ жилокъ, всѣхъ суставовъ, всѣхъ нервовъ своихъ двадцати пальцевъ (а можетъ быть и знаетъ, если напримѣръ онъ докторъ), но въ Галерной Гавани онъ знаетъ наизусть не только всѣхъ чиновниковъ, чиновницъ и ихъ потомковъ, онъ знаетъ даже, какое вариво бываетъ у нихъ на столѣ въ концѣ и началѣ мѣсяца; онъ знаетъ все, что они дѣлаютъ во всякое время года, днемъ и ночью; мало того, онъ знаетъ, какіе у нихъ коты, кошки, коровы, куры, иногда лошади, подчасъ стрекозы, полъ, осень утки, ночью клопы, днемъ блохи. Онъ все у нихъ выискивалъ и все изучилъ. Даже котовъ, кошекъ, клоповъ, куръ, утокъ онъ, кажется, знаетъ лучше, чѣмъ самихъ чиновниковъ и чиновницъ прелестной Гавани. Много мѣста было ему выказать свое знаніе въ двухъ номерахъ «Библиотеки для Чтенія». И онъ воспользовался этимъ мѣстомъ нельзя сказать чтобъ съ большою экономіей. Онъ заставилъ-таки насъ запастись терпѣніемъ, но мы все читали; по временамъ намъ становилось скучно, но мы все читали, потому что вдругъ мелькнетъ прелестная сценка, живо-схваченная картинка и вполнѣ вознаграждаетъ насъ за скуку. Безпрестанныя переливанья изъ пустого въ пустое, частыя повторенія одного и того же заставляли насъ иногда зѣвать и широко зѣвать, но вдругъ явится какой-нибудь котъ или ворона какаля-нибудь, и зѣвота унималась. Кого не разсмѣшитъ и еще болѣе не порадуетъ вотъ хоть такое мѣсто:

• Последніе дни іюля... да не только последніе, а всего лишь три дня осталось до 1-го августа... (я хотѣлъ сказать: до полученія жалованья).

• Природа уже .. нѣтъ, природа послѣ: прежде должно быть жалованье .. Жалованье гаваньскіе счастливыцы — нѣкоторые — уже получили.

• Вскорѣ зашевелилась вся Гавань... Кажется самыя лачужки заговорили: • Жалованье, жалованье получили мы!»

• Котъ выползъ изъ-подъ печки. Кошурка, супруга его, съ просовья говорить:

(*) Конечно, если только эти убѣжденія не посвящены споспѣшествованію и распространенію тьмы.

— Куда ты, Васильичикъ?

— Да хочу выйдти, посмотрѣть на хозяевъ: жалованье, говорить, получили...

— Да тебѣ-то что? Развѣ ты чиновникъ? Вѣдь не ты получилъ?..

— Аа, нѣтъ, все-таки пріятно...

— Ну, ужь большое жалованье 12 рублей.. не разгуляешься...

— Нѣтъ, ничего, если все донесешь домой, такъ ничего, можно жить... Еслибъ нѣтъ столько дали!.. я сьумѣлъ бы распорядиться, чортъ возьми!..

— Ну, да, замѣтила кошурка, — знаю, чтобы ты сдѣлалъ: завелъ бы сейчасъ шамель.. Свинья..

При такомъ мѣстѣ самый серьезный человекъ, если не расхочется, то ужь навѣрное улыбнется. Или вотъ напримѣръ другое мѣсто, гдѣ описываются тараканы.

• Прусаки (т. е. тараканы) расхаживали и бѣгали по шестку, по посуднику, по всему полу и на столѣ. Въ особенности кишѣли они на столѣ; дожда недобденныя крохи. Тутъ былъ видѣть вполне либерализмъ, непризнание чиновъ и властей, свобода такая, какой нѣтъ и не будетъ никогда ни въ одномъ государствѣ. Каждый здѣсь дѣлалъ что хотѣлъ.. какая бы шальная мысль ни забрела ему въ голову... Коммунизмъ былъ во всемъ разгарѣ — «что мое, то твое». Словомъ, это былъ тотъ общественный рай, та новоустроенная жизнь, о которой такъ мечтаютъ люди и которой удастся имъ хлебнуть — должно быть на другой планетѣ...

• Зато же прусаки и знали себя и то положеніе, которымъ они пользовались. Наѣвшись, они возсѣдали цѣлыми общинами надъ посудникомъ, въ особенности же надъ печкой, и шипѣли и размышляли, что лучше ихъ житья не можетъ быть. «квартира, говорили они, отопленіе и освѣщеніе даровое, столъ даровой и, въ заключеніе, не надо платить повинностей... Одно лишь скверно: мѣсяца три-четыре все идетъ какъ по маслу; умирать не надо. Вдругъ, и всегда къ странному для насъ удивленію, — ставятъ гороховую муку съ бурою, мышьякомъ или сулемою... Согласитесь, что это глупо!.. Ужель они думаютъ, эти гаванцы, что прусаки такой простофанъ, станутъ ѣсть гороховую муку съ ядовитыми веществами? Какъ же! А чутье-то на что? Положивъ, они не въ состояніи отравить; это такъ. Но вѣдь здѣсь надо смотрѣть на мысль, на настрѣненіе... Вѣдь это ужь значитъ посягательство на жизнь!.. Чтожъ мы — люди вредные для общества, возмутители общественнаго порядка и тишины? Если же скажутъ, что мы не платимъ податей, — такъ финляндцы и колонисты тоже вѣдь ничего не платятъ; а мы съ ними прибыли сюда, въ Россію. Имъ даны льготы; а намъ отчего же нѣтъ? Мы тоже иностранцы!.. мы ведемъ свой родъ отъ Германа, точно также, какъ гаванцы чудеснымъ образомъ происходятъ отъ *варлиговъ*, а варяги происходятъ отъ *варлиговъ*, а

варягеръ отъ *фарьмеръ*, а фарьгеръ отъ *фарьмеръ*, а фарьгеръ тоже самое, что по чухонски *рутици*, отъ котораго произошли *рутици*, а значитъ морской разбойникъ; наконецъ отъ *рутици* — очень давно, произойдетъ *русскій*, а отъ этого, почти можно допустить, произошла и вся Русь. Задача очень немудреная. По подобной же лѣстницѣ, поднимаясь выше и выше, мы, жадные прусаки, приходимъ отъ Германна. Сперва Германнъ, потомъ Галль-Саксъ; потомъ Гансъ-Вурстъ; а тамъ уже мы, жадные прусаки. Этакъ можно очень легко добраться до начала всѣхъ вещей; надо только держаться системы одного ученнаго цѣнда, который утверждалъ, что «замокъ» происходитъ отъ «саво-око», а «скипидаръ» отъ «терпивтинъ»; причемъ отъ *варшавскъ-тер-ски*, *пен-ти*, *тин-даръ*... Выйдетъ: скипидаръ. Ну, да прахъ его водами, происхождение! Говоря откровенно, для насъ гораздо еще неприятнѣе мышьяку, — это персидскій порошокъ: если кого-нибудь нелегкая угораздитъ иногда сапнуть имъ по тебѣ со всего плеча, то это дѣйствительно чисто дьявольское навожденіе! Не умрешь — о смерти тутъ и рѣчи не можетъ быть; послѣ оживешь, — это такъ; но вѣдъ ошеломить; вродо дураномъ сдѣлаешься; лежишь на спинѣ и болтаешь ногами, — стыдъ и срамъ! Не вѣсть чѣмъ могутъ подумать.. Страшные люди, эти гаванцы; никакого нѣтъ соображенія!... Они могли бы посудить по себѣ: прилично ли быть къ такому положенію?..

• Тутъ одинъ молодой прусаки пренаивно спробилъ, заглядывая въ глаза рослому прусаку:

— Я, динька, не дальше, какъ сегодня вечеромъ видѣлъ въ такомъ положеніи нашего ховина. Онъ лежалъ у мостковъ, тоже такъ, вверхъ рыльцемъ. Отчего это?

— Да должно быть тоже, душенька, отъ персидскаго порошку.

Неправда ли, какъ все это граціозно, мило и остроумно?

А скука отчего же? отчего же зѣвота?

А вотъ отчего, по нашему мнѣнію. Всѣ эти прелестныя сценки, картинки, пейзажики такъ часты и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ разрозненны, такъ не связаны одни съ другими, что при чтеніи ихъ невольно чувствуешь какое-то однообразіе, монотонность. Такъ много и такъ вдругъ даетъ вамъ ихъ авторъ. Едва успѣете разглядѣть одну сцену, какъ уже является другая. И все это безъ малѣйшей связи. Люди (которыхъ впрочемъ нѣтъ въ разсказѣ: это лѣтніе очерки безъ всякаго характера, даже и внѣшняго — и это главный недостатокъ, главная причина скуки) пересыпаются животными и насѣкомыми, а животныя и насѣкомыя людьми. Такъ продолжать можно до безконечности, и мы рѣшительно не принимаемъ, какія причины заставили г. Генслера остановиться на томъ мѣстѣ, на которомъ онъ остановился. Круглый годъ пройденъ — это развѣ! Но кто же помѣшаетъ талантливому автору начать другой годъ?

потомъ третій и т. д. Исторія можетъ выйти безъ конца и деталей, въ ней будутъ также интересны и нивы. Ночь выдернуть — хвостъ увязъ; хвостъ выдернуть — ночь увязъ и т. д. до безконечности, какъ повѣствуетъ одна дѣтская притча.

Вотъ одно сравненіе, которое кажется намъ очень вѣрнымъ относительно произведенія г. Генслера.

Представьте себѣ огромный холстъ, ну хоть такой, на которомъ написанъ *Послѣдній день Помпеи*. Весь этотъ холстъ разбейте на многое множество маленькихъ квадратиковъ или кубиковъ; и въ каждомъ квадратикѣ, въ каждой кубичкѣ напишите самой тонкой, предѣстной кисточкой то пейзажикъ, то рыбородъ, здѣсь еще мѣстико чорныхъ таракановъ, тамъ прусаковъ; ахъ безмолвная охота на гаваньскихъ утокъ, а вотъ чиновникъ, пробирающійся домой по забору, потрунчато осенью всѣ улицы залиты водой. Тутъ онъ обрушивается въ эту воду, а тамъ выливаетъ изъ сапоговъ эту же самую воду. Тутъ клоны, тамъ блохи. Здѣсь омура вѣтра, тамъ грозовое облако. И такъ далѣе и такъ далѣе, пока всѣ кубички или квадратикки не наполнятся разными сценами и картинками. Повторяемъ, сценки эти и картинки написаны на холстѣ удивительно искусно. И вотъ, представьте себѣ, васъ приводятъ смотрѣть на это произведеніе,

Вы ничего не видите. . .

Вы ничего не видите съ того мѣста, съ котораго обыкновенно смотрятся большія картины. А не забудьте, вы видите передъ собою большую, огромную картину. Вы видите туманъ, косякъ кавай-то, слышите слово, — ничего не видите.

Не будучи близорукимъ, вы подходите на самое близкое разстояніе къ огромной картинѣ и начинаете разсматривать ее на кубичкамъ. Тутъ вами овладѣваетъ другое чувство или ощущеніе. Каждый изъ насъ случалось иногда въ прескучной гостиной, среди совершенно чужихъ людей, изъ которыхъ одни играютъ въ карты, а вы въ нихъ не понимаете ни бельмеса; другіе... ну хоть пляшутъ, а вы дошли уже до тѣхъ лѣтъ или до того состоянія духа, что танцы вамъ противны, и если пускаетесь иногда въ нихъ, то развѣ послѣ ужина, для пищеваренія. Вы страшно скучаете и натываетесь, или лучше сказать инстинктъ самоувеселенія приводитъ васъ къ столу, заваленному всевозможными кипсеками и иллюстрированными изданіями. Въ скучныхъ гостинныхъ безъ такихъ столовъ дѣло никакъ не обходится. И вотъ вы съ жадностью бросаетесь на эти кипсеки, на эти иллюстрированные изданія. Вотъ, думаете вы, нашлось пріятное занятіе. Не нужно маѣ людей. Пусть ихъ себѣ играютъ и пляшутъ, а я вотъ здѣсь вдоволь полюбуюсь и байроновскими жен-

щиями и библейскими женщинами и шекспировскими и разными другими женщинами и разными альбомами, рейнскими и эльбскими видами и проч. и проч. И что же? Просмотрѣвъ довольно внимательно двѣ-три картинки, вы уже съ другими не церемонитесь, а просто перелистываете кипсеки и альбомы и едва разглядываете прелестныя картинки. Глаза у васъ разбѣгаются, впечатлѣніе становится тупѣе и тупѣе. Множество картинокъ васъ охуряетъ: вы спѣшите, вамъ хочется поскорѣе съ ними покончить, и подъ конецъ это занятіе, отъ котораго вы ждали себѣ такъ много удовольствія, до того вамъ наскучаетъ, что вы бросаете всѣ эти альбомы и кипсеки и отъ людей-картинокъ бѣжите къ живымъ людямъ, которые хоть въ карты играютъ, хоть пляшутъ, чужіе вамъ совсѣмъ, да все-таки живые люди.

Вотъ точно также же впечатлѣніе даютъ вамъ и «Гаваньскіе Чиновники».

И все-таки, не смотря на это, мы рады новому произведенію, новому имени въ нашей литературѣ. У г. Генслера талантъ несомнѣнный, юмору много. Еслибъ этотъ талантъ и этотъ юморъ да обратили, вмѣсто всѣхъ гаваньскихъ чиновниковъ, на одно гаваньское семейство и описать всѣ радости и всѣ страданія этого семейства, да заставить его дѣйствовать, произвести, создать въ немъ маленькую или большую драму, — то при такомъ талантѣ и такомъ юморѣ вышла бы прелестная повѣсть, а можетъ быть и прелестный романъ.

А можетъ быть и ничего бы не вышло...

Потому что кромѣ юмора и таланта нужно еще обладать творчествомъ.

А есть ли творчество у автора «Гаваньскихъ Чиновниковъ»? — про то скажутъ намъ его будущія писанья.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О РИСТОРИ

Большая европейская знаменитость, оспориавшая славу у Рашели и по смерти ея единственная артистка, которой геній въ состояніи вливать жизнь въ мертвенныя созданія классической трагедіи — Ристори, съ ноября мѣсяца прошлаго года, отырыла съ своею труппою рядъ представленій въ Петербургѣ. Много толковъ, много сравненій не только съ Рашелью, но даже съ Каратыгиннымъ и Мочаловымъ, она возбудила. Сравненія съ Рашелью были повтореніемъ того, что писали въ свое время въ Европѣ; но сравненія съ нашими трагиками, противоположными по самой сущности своихъ талантовъ, — новыя; иные говорили: это талантъ чисто-внѣшній, это Каратыгинъ въ юнкѣ; другіе — это талантъ неровный, восхитяющій васъ вдохновенными минутами, и притомъ не одними и тѣми же при повтореніи пьесы, и падающій тогда, когда это вдохновеніе простываетъ, какъ это бывало съ Мочаловымъ.

Конечно сравненіе необходимо и неизбѣжно, чтобы составить себѣ полное понятіе о чемъ бы то ни было; но при одномъ сравненіи нѣсколькихъ талантовъ разныхъ странъ и народовъ нельзя оставаться только на одной нейтральной почвѣ искусства, ибо сравненіе укажетъ и на различіе, а различіе объяснится иногда только національностью артиста. Возьмите Ольриджа, Гаазе, Рашель и Ристори, — вы увидите, что часто достоинства ихъ — не что иное, какъ выраженіе, въ высшей степени полное, генія народовъ, которымъ они принадлежать, а недостатки, или что на чужой глазъ кажется недостаткомъ, тоже общія ихъ соотичамъ въ известное время, при известномъ социальномъ положеніи страны. Воспитаніе, среда окружающая артиста, темпераментъ наиболѣе

общій народу, его привычки, мимика и жесты, направлѣніе прѣжняго вкуса общества — все это въ болѣе или мѣнѣе степеня отражается въ игрѣ актера, можетъ быть болѣе или менѣе благоприятно или неблагоприятно для артиста; конечно неизящное въ породныхъ свойствахъ артистъ можетъ облагородить своимъ изящнымъ талантомъ, но рѣдко отъ него можетъ вполне освободиться; одного только онъ не въ сплахъ передѣлать — это самага темперамента, общаго съ своимъ народомъ, характера, который составляетъ его отличительную черту; всякое искусство неизбѣжно носить на себѣ печать народности, и ею отличается отъ искусства другого народа; маленькія голландскія картинки напримѣръ неизмѣрнотщательной отдѣлки невообразимы въ Италіи; точно такъ грація, строгость и высота идеала итальянской живописи, съ Рафаэлемъ во главѣ ея, не могли никогда явиться въ Голландіи. Въ Италіи вы встрѣтите тысячи Фурнаринъ, въ которыхъ геній художника провидитъ уже идеалъ Малонны; во Франціи и Голландіи — и въ Мадоннахъ узнаете трудолюбивыхъ, оравныхъ, болѣею частью съ полными формами, жонъ и дочерей тамошнихъ бургеровъ.

Такъ точно смотри на Растори, и не могу отдѣлаться отъ Италіи. Не говоря уже о ея наружности, самый ея визкій контрастный голосъ, для насъ столь непривычный; переноситъ насъ за По. Во всѣ свои роли она внесла и итальянское міросозерцаніе и всю силу итальянскаго генія. Она велика именно свойствами своей акціи; всѣ ея недостатки — общія современнымъ итальянцамъ. Классическая эпоха думала, что она можетъ создать и выводить на сцену часто людей, не принадлежащихъ ни времени, ни мѣсту: но знаешь, что это тоже было самообольщеніе: она выводила своихъ современныхъ людей. Французская трагедія, подъ именемъ греческихъ героевъ, представляла на сценѣ не болѣе, какъ придворный тогдашній кругъ; остальные европейскія націи, сами подражая ея жизни французамъ, воображали чужаковъ только подъ тогдашними французскими формами. Всѣ идеалы, созданныя Растори, какъ будто сѣли съ картинъ итальянскихъ галлерей, и въ умѣ нашихъ присоединяются прямо къ этому разряду впечатлѣній: знакомы вы съ этими идеалами, нравятся они вамъ (а кто знакомъ съ ними, тотъ не можетъ не любить ихъ). — вы будете благодѣять перекъ артисткой, которая ввела въ нихъ жизнь, сообщила имъ движеніе; чужды вы имъ, — вы поймете артистку только въ половину. Разныя роли ея напоминаютъ стиль то того, то другого итальянскаго художника: есть что-то рафаэлевское въ ея созданіи Маріи Стюартъ; какая-то сдержанность, строгость и, во всѣхъ отдѣлкахъ ея роли, рисунокъ ясный; въ самыхъ душевныхъ страданіяхъ ни одна черта

не оскорбляеть чувства красоты. Елизавета англійская и еще больше Юдифь — это картины Павла Веронеза: тотъ же блескъ, движеніе, венеціанскій колоритъ на всѣхъ сценахъ, на всей роли. Тотъ же характеръ лежитъ и на самой леди Макбетъ: хорошо это или худо въ посидѣнемъ случаѣ — это другой вопросъ, который предоставляемъ рѣшить другимъ. Особенно рельефно выразилась эта національность созданій Ристори въ Федрѣ. Федра — была одна изъ лучшихъ ролей Рашели: болѣе граціи трудно себѣ представить, какъ сколько она внесла въ это созданіе: каждое ея движеніе, каждая поза — граціознѣйшая статуя; но не античная, какъ многіе утверждали безотчетно, а скорѣе грація Шомена (живописца). Во всякомъ случаѣ это была цивилизованная Федра, которая въ дѣтствѣ училась танцовать непрестанно у французскаго танцевальщика, выравнившего всѣ ея дурныя манеры; въ дѣтствѣ это быда шле jolie petite fée со всюю утонченною граціей французской маленькой благовоспитанной дѣвочки высшаго круга; вдругъ возбужденная страсть, какъ реакція природы противъ педагогическаго стѣсненія, напомнила все ея существо: Рашель ушла выпрыгнуть эту страсть съ поразительной силой, но въ формахъ обусловленныхъ воспитаніемъ, въ формахъ французской граціи, доведенныхъ до идеала.

Въ итальянкѣ — грація не прибрѣтенная подъ выправкою балетмейстера: она своя, и заключается въ самой ея натурѣ. Грація Раваля — не есть его вымыселъ: это введеніе въ идеалъ только того, что онъ видѣлъ вокругъ себя; его Мадонны — не эфирныя созданія эфирнаго гения, при всей своей чистотѣ и идеальности выраженія. Въ итальянской женской граціи нѣтъ ничего условнаго; она тамъ общая, и въ высшей аристократіи та же самая, что и въ народѣ: во всѣхъ классахъ — это та же добродушная простота, отсутствіе манерности и откровенность; всѣ отзывы объ итальянкахъ сведутся на одно — всѣ говорятъ: онѣ чрезвычайно натуральны, въ противоположность утонченнымъ или даже наиграннымъ приматами, условнымъ формамъ граціи, натураль французенокъ или жеманницъ вѣткамъ. Мы до того воскоримлемся на французскихъ монятахъ (хотя они совсѣмъ не по русской натурѣ) и такъ долго находились, да еще и находимся подлѣ ихъ вліяніемъ, а артистки русскаго театра до того стараются передать манеры французскихъ актрисъ, что на петербургской сценѣ еще мы не видали русской дѣвушки, съ чисто-русской народною граціей; вотъ почему тамъ поражаетъ васъ г-жа Бороздина (Варвара) на московской сценѣ, въ комедіи Островскаго, выходя нарядъ вамъ русской дѣвушкой, въ которой все граціозно, но въ этой

граціи въ съ удивленіемъ и радостью видите полное отсутствіе старавій французскаго танцмейстера и вліянія французскихъ актрисъ. Вотъ почему также, смотря на артистку сквозь французскую призму, очень многіе недовольны манерами Ристори, которой движенія свободны, жесты сплыны и выразительны, вѣрны положенію, не заучены передъ зеркаломъ, но всѣ подчинены тому настроенію, той страсти, которую она должна изобразить, словомъ — ея жесты суть только дополненіе ея рѣчи. Многіе недовольны излишнею выразительностью этого жеста: но вспомните опять итальянца: онъ, по натурѣ своей, столько же говоритъ жестами, сколько словами; у Ристори они только умѣрены, сообразно ея эстетической натурѣ. Нѣкоторыя особенности народной итальянской миимики она и не изобразила вовсе; напр. въ восторгѣ и прензбытій благодарности къ небу, она посылаетъ ему поцѣлуй, — да и такъ ли онъ дурень, чтобы его надобно было отбросить, хотя французская актриса никогда бы его себѣ не позволила?..

Въ Федрѣ Ристори явилась совершенной противоположностью Рашели: это была женщина греческихъ *среднихъ вѣковъ*: о французскихъ танцмейстерахъ при ея воспитаніи очевидно и помину не было; страсть ея личнѣе не умѣряется! ея движенія быстры, порывисты, необузданны; ея краснорѣчіе — потокъ огненной лавы, не останавливающейся на красивой фривъ и «счастливымъ стилѣ»! Словомъ — она выразила страсть, ярость, бѣшенство, порывистость всей итальянской любящей женщины, которая не видитъ въ ослѣвленіи своемъ преградъ и которую доводить до бѣшенства то, что эта страсть не раздѣлена, а когда она узнаетъ, что у нея есть соперница — это ревность полудикой женщины! Но посмотрите, что изъ этого выходитъ: эта страстная, могучая натура итальянки является въ трагедіи, въ которой авторъ такъ пренебрегалъ естественностью, что на трехъ страницахъ заставлялъ Терамена объявлять отцу о смерти сына; отецъ во все время только качаетъ головою, и — ни одного слова, ни одного выраженія своей горести и отчаянія! Ясно, что Ристори, со своей натуральностью въ этой роли, воссоздавъ идеалъ этой Федры, не по Расину, а по греческимъ трагикамъ, составляла страшный ансонансъ въ этой благоустроенной и вышлифованной трагедіи; она еще болѣе показала ложность этого псевдо-классическаго рода, тогда какъ Рашель почти заставляла съ нимъ примириться и отнести упадокъ его только къ тому, что въ настоящее время нѣтъ довольно талантливыхъ исполнителей.

Натуральность есть отличительное качество Ристори, и проявляется оно въ особенномъ блескѣ тамъ, гдѣ помогаетъ ей хоть сколько-нибудь авторъ. При томъ на итальянской сценѣ эта нату-

ральная Ристори есть вѣчто новое: если во французскомъ актерѣ вы чувствуете, что его выправляетъ танцмейстеръ, то въ итальянскомъ вы чувствуете всегда не менѣе бѣдственное вліяніе учителя декламациі; итальянцы не понимаютъ, что такое значить читать стихи; вѣтъ, они не читають, а декламируютъ стихи. И ихъ декламациа не то что французская: это мы могли всего яснѣе видѣть въ антерахъ второстепенныхъ (каковы всѣ, за исключеніемъ Матерони) въ ристоріевской труппѣ: отбивать двойныя согласныя, напр. *guerra, se poss' io essere...* и мимикой изображать не только смыслъ каждаго образа, но и каждаго слова, т. е. читать почти такъ, какъ у насъ въ шутку читають одну оду, пародируя какого-то профессора, который, при вѣкоторыхъ стихахъ, — закрывалъ лицо руками, а потомъ — приставлялъ къ головѣ своей обѣ раскрытыя ладони. Слѣды этой декламациа очень замѣтны и у Ристори, особенно тамъ, гдѣ авторъ удаляется отъ естественности, и въ пьесахъ писанныхъ стихами, въ которыхъ авторы самыя простыя понятія стараются выразить обыкновенно какъ можно крючковатѣе, употребляя слова и метафоры невообразимыя, переставля притомъ слова самымъ неестественнымъ образомъ. Если въ такомъ духѣ да изложено сюжетъ самъ по себѣ натянутый и неправдоподобный (хоть и истинный), какъ наприм. въ *Каммъ*, которой весь эффектъ авторъ рассчиталъ на мимику Ристори, заставляя ее лицомъ на право выражать любовь, а на лѣво — ненависть; то тутъ вся задача артиста только — жаромъ декламациа заставить васъ повѣрить, что это такъ... Но какъ ни поразительна въ этой пьесѣ у Ристори мимика, все-таки, смотря на нее, какъ-то жалѣешь и ея напрасно истраченныхъ силъ, и автора, и публику, которой это нравится. За то въ пьесахъ, гдѣ авторъ былъ вѣренъ натурѣ, напр. въ «*Елизаветѣ англійской*», писанной прозой, — пьесѣ, которая есть не что иное, какъ драматизированная хроника, гдѣ характеръ королевы — чисто историческій, тамъ строжайшіе судьи Ристори едва ли найдутъ хоть одну черту, сколько-нибудь уклоняющуюся отъ созданнаго ею идеала этой властолюбивой женщины, приносящей въ жертву властолюбію всѣ вѣжливѣшія движенія сердца. Въ комедіяхъ, взятыхъ изъ итальянской жизни, исчезаетъ совершенно актриса — это итальянка, со всей шириною своей природы, съ ея граціею и даже какою-то добродушною грубостью!

Но Италия — вся Италия вполнѣ, съ своимъ Воронезомъ и Рафалемъ, со всѣхъ тѣмъ ея поэтическимъ и гражданскимъ влеченіемъ, которое въ наше время породило столько чисто эстетическихъ лицъ и событій, — словомъ Италия въ разныя свои особенностяхъ выразилась вполнѣ у Ристори въ ея Юдией! Вотъ по-

чему Юдиза была величайшимъ триумфомъ Ристори въ Италіи. И посмотрите, какой свѣтлый, горячій, вдохновенный идеалъ создала она изъ дикой роли! Какіи были у нея минуты чистаго сердечнаго, великаго вдохновенія!

Мнѣ кажется, что смотрѣть на артиста, оторвавъ его отъ родной почвы, и невозможно, и несправедливо; иначе увидимъ въ односторонность исеудо-классицизма. Въдѣ критика настоящаго времени судить же о писателяхъ прошедшихъ вѣковъ въ связи съ исторіей эпохи и народа; ибо иначе ихъ почитать нельзя: нельзя о Данте судить, не изучивъ его значенія для своего времени; даже онъ будетъ иначе непонятенъ. Конечно во всякомъ талантѣ есть нѣчто общечеловѣческое, иначе онъ не былъ бы талантъ; но и это общечеловѣческое выражается въ краскахъ времени, мѣста и народа, слѣдовательно для полной оцѣнки надо принять и то и другое... Но оставая въ сторонѣ эти соображенія, я укажу на тѣ особенности итальянскаго генія, обладаніе которыми дѣлаетъ Ристори выюмъ итальянкою; и мнѣтъ съ тѣмъ это черты, дающія итальянскому генію его общечеловѣческое значеніе. Во-первыхъ Ристори — артистка съ идеаломъ, какъ величайшіе итальянскіе художники, къ семейству которыхъ вы непременно причислите и ее; о Тамберлики (артистѣ безъ идеала), въ какой бы роли онъ ни явился, вы всегда скажете, что это Тамберлика, исполній разныя аріи; о Ристори напротивъ: въ каждой роли у нея олицетворенъ особый идеалъ, не похожій на другой: Медя, Фодра, Леа, Макбетъ, Юдиза и проч. — идеалы, которые не смѣшались между собою. Во-вторыхъ она является въ настоящей полнотѣ своего таланта въ минуты вдохновенія, которыя ярко впечатлѣютъ ея образъ въ извѣстной роли въ вашемъ воображеніи, оставляя въ тѣни нѣста, не отмѣченныя у нея особымъ вдохновеніемъ, въ которыхъ она часто платитъ дань итальянской декламации и рутинѣ... а итальянецъ и великъ именно въ эти минуты вдохновенія: безъ нихъ онъ или ребенокъ, или пошлъ, или добрякъ, или закупоривается въ свою эпикурейскую лѣнь; но ожившись онъ увлекающей его идеей — онъ не только является повтошъ, героемъ, чѣмъ хотите! у него является и благородный жестъ, и блескъ въ глазахъ, и сильно задуманное слово: на какой бы общественной ступени онъ ни стоялъ, онъ всегда чѣмъ-нибудь напоминаетъ Теверицо. Такимъ образомъ — декламация (и опять-таки оговариваюсь — въ пьесахъ итальянскаго репертуара, писанныхъ въ стихахъ) и вдохновеніе — вотъ чѣмъ платитъ дань Ристори: декламациею — современнымъ эстетическимъ возмущеніемъ страны, отъ которыхъ очевидно старается освободиться, а въ вдохновеніи блистательно выражаетъ геній своего народа. Вотъ

почему сравненія ея съ Каратыгинымъ и въ то же время съ Мочаловымъ — оба имѣютъ свое основаніе.

Въ нашемъ обществѣ теперь явленіе Ристори любопытно еще въ другомъ отношеніи. Въ отношеніи къ драматическому искусству у насъ замѣтны два стремленія: съ одной стороны мы воспитаны на французяхъ; еще недавно нашъ театръ былъ скопкомъ съ французскаго; съ другой — у насъ уже укрѣпилось другое спайтельное стремленіе къ созданію народнаго театра; вся мыслящая часть публики теперь будетъ безъ сомнѣнія принадлежать ему; но пока это стремленіе еще ограничивается воспроизведеніемъ драмъ современнаго общества и имѣетъ характеръ такъ сказать этнографическій. Утвердясь окончательно на театральныя подмосткахъ и вытѣснивъ иноземный наплывъ, оно разширитъ и свой репертуаръ, и мы увидимъ безъ сомнѣнія и общечеловѣческіе идеалы, созданные русскимъ гениемъ. Итальянская народность такъ давно и такъ крѣпко сложилась, что къ ней не могло никогда привиться и пустить корни чужое, иноземное, и сложилась притомъ своеобразно и въ параллель другимъ европейскимъ національностямъ, опираясь на рядъ гениальныхъ дѣятелей, чисто итальянскихъ; у нихъ есть своя богатая комедія нравовъ, которой Гольдони и Гоцци-Гально болѣе видныя для иностранцевъ представители, и которая, какъ во Франціи водевилъ, живетъ и развивается постоянно на разныхъ мѣстныхъ комическихъ театрахъ, дѣйствуя на нравы, моды и выражая народное воззрѣніе на всѣ явленія жизни. Въ параллель съ комедіей шла и трагедія, которая имѣетъ свою особенную теорію: хотя итальянцы и называютъ ее классическою, но отнюдь не смѣшиваютъ ея съ таковою же французскою, говоря, что у нихъ — натура, а у французовъ экзакерація и натянутость. Ристори является къ намъ, какъ представительница незнакомой намъ сцены и сложившейся подъ особенными условіями, въ теченіе многихъ вѣковъ, жизни; она застаётъ насъ еще неуспокоившимися въ борьбѣ за эстетическія понятія, застаётъ у насъ и французскій вкусъ, и ревнителей русской народности, и обличителей и поклонниковъ «искусства для искусства», перель которыми разумѣется все національное въ искусствѣ должно исчезать какъ примѣсь, словомъ — застаётъ судій занятыхъ мѣстными интересами, мало знакомыхъ съ умственною и народною жизнью Итали; она производитъ такое же пока впечатлѣніе, какъ въ дрезденской галереѣ Корреджіо, Рафаэль и Тиціанъ, окруженные нѣмецкой жизнью полупровинціального германскаго города... Какъ-то странно поражаетъ, по выходѣ изъ дрезденской галереи, филистерское населеніе, тяжолая архитектура домовъ, самая

даѣтущая и воздѣланная природа безъ легкихъ очерковъ голубыхъ горъ на горизонтѣ, словомъ — практическая обстановка, не идущая вовсе къ этимъ идеальнымъ созданіямъ, заключеннымъ, какъ почетные плевняки, въ свѣтломъ и удобномъ дворцѣ; ихъ становится какъ-то потомъ жаль, и кажется они выиграли бы еще болѣе, если бы стояли гдѣ-нибудь въ Римѣ или во Флоренціи... Такое чувство многажды внушала и Ристори.

ЗАМѢЧАНІЕ

НА «ОТВѢТЪ» Г. ЛАВРОВА

Въ «Свѣточѣ», № 7, была помѣщена моя рецензія на сочиненіе г. Лаврова: *Очерки вопросовъ практической философіи*. Въ декабрьской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» г. Лавровъ напечаталъ возраженіе на эту рецензію, подъ заглавіемъ: *Отвѣтъ г. Страхову*.

Прежде всего замѣчу, что въ моей рецензіи я старался дать своимъ сужденіямъ самый правильный ходъ. Я разсматривалъ сочиненіе г. Лаврова въ его цѣлости и сталъ на ту точку зрѣнія, съ которой должны быть разсматриваемы философскія сочиненія; именно я постарался уяснить себѣ *методъ*, которому слѣдовалъ авторъ. Замѣтивъ недостаточность пріемовъ автора, я выводилъ, какъ слѣдствія этой недостаточности, нѣкоторыя изъ ошибокъ и пропусковъ сочиненія. Такимъ образомъ вся моя рецензія имѣла одну общую цѣль, къ которой были направлены всѣ ея частныя замѣчанія.

Къ сожалѣнію вижу, что я не успѣлъ достаточно ясно указать г. Лаврову на эту цѣль. Это обнаруживается уже въ первыхъ строкахъ *отвѣта*, относящихся ко мнѣ. Г. Лавровъ говоритъ: «общее заключеніе рецензента: у меня нѣтъ ни полноты, ни отчетливости, ни строгаго метода.» Совсѣмъ не то! Совершенно другой смыслъ имѣетъ моя рецензія. Я старался доказать, что у автора *вопервыхъ* нѣтъ строгаго метода, и *потому* нѣтъ ни полноты, ни отчетливости и такъ дальше.

У г. Лаврова есть нѣкоторый методъ. Всякій методъ, какъ бы онъ ни былъ слабъ и мелокъ, всегда будетъ однакоже только *недостаточный*, а не *пребранный*, неполный, а не ошибочный. Слѣдо-

вательно всякій методъ входитъ, какъ подчиненная часть, въ составъ полнаго философскаго метода. Этимъ полнымъ всеобъемлющимъ методомъ, какъ извѣстно, считаетъ себя діалектика Гегеля. Автору *Очерковъ* извѣстно, что я называлъ себя недостойнымъ ученикомъ Гегеля. Всѣ замѣчанія моей рецензій стремились къ тому, чтобы отъ *частнаго* метода г. Лаврова перевести вопросы въ болѣе общій методъ, подвинуть ихъ на болѣе широкій путь діалектики. Такъ какъ г. Лавровъ отвергаетъ систему Гегеля, то я предполагалъ, что онъ тотчасъ же замѣтитъ, что я приступаю къ нему съ требованіями діалектическаго метода, и следовательно отвергаетъ эти требованія, такъ какъ считаетъ свой методъ вполне удовлетворительнымъ. Къ удивленію въ *Отвѣтъ* нѣтъ ничего подобнаго. Всѣ мои требованія признаются; говорится, только, что, они или, въ противность моимъ замѣчаніямъ, выполнены въ самихъ *Очеркахъ*, или же будутъ выполнены и могутъ быть выполнены въ другихъ сочиненіяхъ.

Напримѣръ въ рецензій сказано: «очевидно теорія г. Лаврова «стремится практическія категоріи вывести логическимъ путемъ «изъ самой сущности человѣка. Но выводъ лишонъ полноты. Въ «человѣкѣ г. Лавровъ нашолъ три элемента: стремленіе къ наслажденію, знаніе и творчество. Какая связь между этими элементами? «Г. Лавровъ нѣсколько разъ повторяетъ, что человѣческое существо «представляетъ единство; но онъ только утверждаетъ это, только «выставляетъ какъ фактъ, а не доказываетъ.»

Этими словами я желалъ показать, что авторъ самъ не ушелъ отъ діалектики, что онъ идетъ по ея пути и только не дошелъ до конца. Между-тѣмъ, не смотря на свое отрицаніе Гегеля, не смотря на то, что вопросы о сущности вещей онъ считаетъ неразрѣшимыми, г. Лавровъ принимаетъ мое требованіе и отвѣчаетъ на него такъ:

«Эти обвиненія имѣли бы свою долю вѣрности, если бы я написалъ психологію, антропологію, и т. п. Но изъ странно читать, «когда они относятся къ очерку вопросовъ практической философіи (*).

(*) Здесь г. Лавровъ прибавилъ въ примѣчаніи: «Въ этомъ сл. чл. г. Страховъ поступилъ со мною еще лучше, чѣмъ съ Гаймомъ въ другой своей стать. Г. Страховъ говоритъ: «Если бы книга Гайма была истинно философская, то онъ прямо долженъ былъ бы высказать свои убѣжденія относительно философіи вообще и исторіи философіи въ особенности. Онъ этого не сдѣлалъ. Въ чл. Страховъ, въ сущности: онъ это сдѣлалъ, только въ другомъ мѣстѣ, въ своей статьѣ philosophische in antiken und in der neueren Zeit, въ своей замѣчу, что мое требованіе въ отношеніи къ Гайму основано также на

Мнѣ кажется, г. Лаврову нужно было бы доказывать, что *онъ* никогда ничего не выводилъ изъ сущности человека, и что ни въ психологіи, ни въ антропологіи добратся до этой сущности, а до ея единства невозможно.

Еслибы г. Лавровъ усмотрѣлъ общую мысль моей рецензіи, то *онъ* направилъ бы противъ нея всё свои возраженія. Тогда его отвѣтъ представлялъ бы защиту его метода, имѣлъ бы единство и руководящую нить. Теперь же г. Лавровъ рассматриваетъ каждое положеніе рецензіи совершенно отдѣльно и его возраженія не имѣютъ никакой общей цѣли.

Отсюда ясно, что мнѣ для отвѣта необходимо показывать, въ чемъ возраженія уклоняются отъ того, чѣмъ они должны быть, т. е. отъ защиты метода. Если г. Лавровъ не защищаетъ метода, то *онъ* ничего не защищаетъ, потому что я нападаю прямо на методъ.

Въ рецензіи сказано: «положимъ, что дѣятельность человека опредѣляется тремя элементами г. Лаврова. Для строгости вывода необходимо показать, какому закону слѣдуетъ каждый элементъ въ своемъ развитіи.»

На это г. Лавровъ отвѣчаетъ: «глава очеркъ, я не былъ обязанъ анализировать въ подробности, отчего творчество даетъ въ опредѣленномъ случаѣ опредѣленный результатъ. Очеркъ тѣмъ отличается отъ подробнаго исполненія, что заключаетъ характеристическія черты, а не подробности.»

Здѣсь — я указываю на недостатокъ метода, а г. Лавровъ думаетъ, что я упрекаю его въ неполнотѣ; я требую закона для творчества, а г. Лавровъ говоритъ, что *онъ* не могъ дать всѣхъ подробностей. Развѣ законъ — подробность? Какъ бы легокъ ни былъ очеркъ, *онъ* долженъ, если не разъяснить закона явлений, которыми очерчивается, то хоть указывать, хоть намекать на этотъ законъ, а у г. Лаврова и этого нѣтъ.

требованіи метода. Весьма позволительно каждому утверждать, что система Гегеля или какая-нибудь другая пала и погибла; но ни въ какомъ случаѣ не позволено *разсуждать* неосновательно, неметодически. Можно *поговорить* о Гегелѣ въ цѣломъ томѣ, даже въ нѣсколькихъ томахъ, но *вполнѣ судить философіей' взгляды можно не иначе, какъ на основаніи другого опредѣленного философскаго взгляда*. Такого взгляда у Гайма нѣтъ, хотя *онъ* и написалъ статью *philosophie*. *Онъ* самъ въ введеніи въ своей книгѣ о Гегелѣ подробно говоритъ о томъ, что у него нѣтъ философскихъ убѣжденій, и старается увѣрить читателей, что можно обойтись безъ нихъ.

Читатель видитъ, что мнѣ вовсе не нужно было заглядывать въ энциклопедію Эрша и Грубера. Если бы Гаймъ и ничего прямо не говорилъ объ отсутствіи у него философскаго взгляда, то и тогда это отсутствіе необходимо должно было выказаться, и дѣйствительно ясно высказалось въ его книгѣ.

За тѣмъ въ рецензій я старался показать, что г. Лавровъ не можетъ вывести изъ своихъ началъ категоріи аскетизма. Я говорилъ, что аскетизмъ не вытекаетъ изъ стремленія наслаждаться; г. Лавровъ отвѣчаетъ мнѣ, что аскетизмъ непременно сопровождается наслажденіемъ. Г. Лавровъ очень ошибется, если будетъ предполагать, что я отвергаю истины въ родѣ того, что всякое явленіе имѣетъ свою причину, что удовлетвореніе всякой потребности есть удовольствіе и т. п. Подобныя истины и по моему мнѣнію неопровержимы; но я полагаю, что изъ нихъ ничего нельзя вывести. Изъ положенія — всякое явленіе имѣетъ свою причину, нельзя вывести отвѣта на вопросъ: какія же явленія совершаются? Такъ точно изъ того, что удовлетвореніе потребности составляетъ удовольствіе, нельзя найти, какія потребности имѣетъ человѣкъ.

Все дѣло въ томъ, что напрасно г. Лавровъ соглашается, что онъ *выводитъ* аскетизмъ изъ своихъ началъ. По его методу собственно выводить ничего нельзя; если бы онъ сказалъ, что онъ не выводилъ аскетизма, а взялъ его какъ фактъ, то онъ былъ бы правъ.

Такъ какъ возраженія *Отвѣта* имѣютъ характеръ расходящійся, несосредоточенный, то я считаю возможнымъ удовольствоваться предыдущими замѣчаніями и долженъ теперь перейти къ другимъ, уже мало связаннымъ съ предыдущими.

Г. Лавровъ пишетъ: «При этомъ г. Страховъ говоритъ, что я «пустилъ главное: *стремленіе воли человека къ свободѣ. Воля, не сама по своей сущности, желаетъ своей свободы.* Неужели г. Страховъ находитъ, что это есть философское возраженіе? Или даже хотя бы философское выраженіе? Воля стремится... воля желаетъ... это метафора; это гипостасированіе отвлеченнаго понятія; это антропоморфическій процессъ» и т. д.

Съ своей стороны замѣчу, что подобное возраженіе я нахожу тоже мало-философскимъ. Во первыхъ мои слова суть повтореніе одной изъ главныхъ, существенныхъ формулъ Гегеля: *Der freie Wille, der den freien Willen will* (Rechtsphilosophie, § 27). Сказать, что Гегель не умѣлъ философски выражаться, мнѣ кажется неправильно. Но я за Гегеля не прячусь, этому онъ никогда не училъ. Поэтому во вторыхъ — отчего г. Лавровъ запрещаетъ мнѣ употреблять метафоры? Я до сихъ поръ полагалъ, что мнѣ не воспрещенъ ни одинъ тропъ и ни одна фигура реторики. По г. Лаврову, если принадлежитъ метафора или, какъ онъ дальше говоритъ, поэтическая фраза, такъ ужъ тутъ нечего и говорить, и нѣтъ никакого смысла. Между прочимъ такая обίδα поэтамъ весьма несправедлива.

Въ моей метафорѣ выражается моя мысль, и на нее г. Лавровъ не отвѣчалъ.

Дальше г. Лавровъ пишетъ :

«Но гегельянецъ ли г. Страховъ? Неужели во имя гегелнама онъ призналъ статью Хомякова прекрасною, а логику Карпова истинно-философскою книгою, которая должна совершить у насъ переворотъ (въ обученіи. Это пропущено г. Лавровымъ). Неужели гегельянецъ могъ дерзнуть произнести фразу: *«мы находимся здѣсь въ области мысли, а не въ области дѣйствительности!..»* (Объ атом. теор. вещества, стр. 163)? И тѣнь Гегеля не предстала во гнѣвѣ передъ еретикомъ, оскорбляющимъ самую святыню гегелизма, самые его непреложные догматы? И не отослалъ строгій учитель своего ученика ѣсть хлѣбъ на элевзинскія таинства? «не столкнулъ его на низшія ступени своей діалектической лѣстницы?»

Я нарочно выписалъ все это мѣсто, для того, чтобы показать читателямъ, что г. Лавровъ, говоря о Гегелѣ, употребилъ здѣсь фигуру, называемую — *трололопел*. Впрочемъ я ничего противъ этого не имѣю. Въ отвѣтъ же на обвиненія меня въ измѣнѣ гегелизму, замѣчу, что всѣ они слишкомъ явно падаютъ въ сторону. Почему же я не могу хвалить произведенія столь тщательно обработанныя, какъ статья Хомякова и логика Карпова? Что они не согласны съ моими убѣжденіями — это г. Лавровъ хорошо знаетъ; я потому и заговорилъ объ нихъ, что писалъ *противъ* нихъ. Мы учились когда-то по логикѣ Рождественскаго; логикъ, подобныхъ этой знаменитой логикѣ, на Руси очень много; какъ же было не порадоваться при мысли, что теперь многихъ будутъ учить по логикѣ Карпова, въ которой есть настоящее философское содержаніе, а не одно философское заглавіе. Въ отношеніи къ г. Карпову я пришелъ къ уже заключенію, которое уже давно высказано Бѣлинскимъ;

Бѣлинскій призналъ за нимъ истинный философскій талантъ, хотя, какъ гегельянецъ, онъ не соглашался съ системою г. Карпова.

Что же относится до моего выраженія: *мы здѣсь находимся въ области мысли, а не въ области дѣйствительности*, то хотя оно возбудило нападеніе г. Лаврова, я не думаю, чтобы оно могло возбудить гнѣвъ Гегеля. Выраженіе это не представляетъ ничего особеннаго; оно понятно всякому, кто и вовсе не знакомъ съ философіею; оно могло быть сказано приверженцемъ какой угодно философіи. Смыслъ его такъ простъ и ясенъ, что я не имѣю никакой нужды пускаться въ отгадываніе и опроверженіе того, очевидно

особеннаго смысла, который г. Лавровъ успѣлъ открыть или в мовхъ словахъ или, вѣроятнѣе, въ самой философіи Гегеля.

Не смотря на возраженія г. Лаврова, я рѣшаюсь не отказываться отъ права употребить метафоры и говорить обыкновеннымъ, понятнымъ языкомъ.

Далѣе г. Лавровъ нашолъ въ моей статьѣ еще выраженіе: *сладострастіе мышленія*. Онъ говоритъ: «какъ, *сладострастіе мышленія*? какъ въ мышленіи есть сладострастіе, аналогическое чувствованію наслажденію? Позвольте, г. Страховъ, если вы его признаете «въ высшей сферѣ, о чемъ же вы со мной спорите? Я сильно начинаю сомнѣваться, не шутка ли философствованіе г. Страхова.»

На возраженіе относительно удовольствія я уже отвѣчалъ выше. Здѣсь же сдѣлаю замѣчаніе относительно *шутки*.

Эта новая категорія, подъ которую подвелъ г. Лавровъ мое философствованіе, поставлена имъ очень шатко. Метафора или сивилоха, шутка или серьезная рѣчь — во всемъ этомъ главное и существенное есть смыслъ. Кто ищетъ смысла, для того форма выраженія не можетъ быть главною категорією. Изъ этого ясно, что г. Лавровъ понимаетъ шутку, какъ нечто существенно ничтожное, не какъ оболочку, заключающую ядро, а какъ пустую шелуху. Если же принять этотъ смыслъ, то я объясню себѣ слова г. Лаврова не иначе, какъ тѣмъ, что онъ задумалъ пошутить со мной и дошутил довольно крупно.

И. СТРАХОВЪ

РЯДЪ СТАТЕЙ О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

Г. — БОВЪ И ВОПРОСЪ ОБЪ ИСКУССТВѢ

I

Мы сказали въ объявленіи о нашемъ журналѣ, что наша русская критика въ настоящее время пошлѣветъ и мельчаетъ. Мы съ грустью сказали эти слова; не отрекаемся отъ нихъ; это наше глубокое убѣжденіе. Многие изъ наиболее читаемыхъ русскихъ журналовъ выразили почти ту же мысль въ своихъ осеннихъ объявленіяхъ, при началѣ подписки на журналы на выѣшній 1881 годъ. Не крайней мѣрѣ многие изъ нихъ обѣщали обратить особенное вниманіе на этотъ отдѣлъ въ будущемъ году, следовательно согласились, что до сихъ поръ онъ былъ плоховатъ. Если они исполнятъ свое обѣщаніе, то хорошо сдѣлаютъ. Не думаемъ, чтобъ насъ обвинили въ хвастовствѣ, въ заносчивости, и изъ-за того только, что мы нашими критику измелъчавшеюся, обвинили насъ, что мы часто выставляемъ самихъ себя глашатаями новыхъ истинъ, пророческими новыми идеями и т. д. и т. д. Мы не принимаемъ на себя такой роли. Мы знаемъ только одно: что любимъ свое дѣло и протруиваемъ въ нему горячо и съ уваженіемъ. Нельзя не сознаться, что въ нашей критикѣ давно уже замѣтна какая-то всеобщая апатія, кромѣ можетъ быть одного исключенія. Не такъ впрочемъ думаютъ «Отечественныя Записки.» Они рѣшились объявить, — и кажется безъ малѣйшихъ колебаній, безъ малѣйшихъ угръзеній собою, — что вся блестящая дѣятельность Бѣлинскаго, правда, была блестящая, но... какъ бы это сказать — нѣсколько поверхностна (*entre nous soit dit*) и что настоящая, громадная и спаситель-

ная дѣятельность русской критики началась именно съ того времени, какъ Бѣлинскій оставилъ этотъ журналъ. Мы поминимъ, что къ этому времени (т. е. какъ Бѣлинскій оставилъ этотъ журналъ) относится появленіе въ «Отечественныхъ Запискахъ» статьи г. Дудышкина о Фонъ-Визинѣ. Не съ нея ли «Отечественныя Записки» начинаютъ новую эру русской критики? Правда, сейчасть послѣ Бѣлинскаго занялся въ «Отечественныхъ Запискахъ» отдѣломъ критики Валеріанъ Николаичъ Майковъ, братъ всѣмъ извѣстнаго и всѣми любимаго поэта, Аполлона Николаича Майкова. Валеріанъ Майковъ принялся за дѣло горячо, блестяще, съ свѣтлымъ убѣжденіемъ, съ первымъ жаромъ юности. Но онъ не успѣлъ высказаться. Онъ умеръ въ первый же годъ своей дѣятельности. Много общала эта прекрасная личность и можетъ быть многого мы съ нею лишились. Но со смертію В. Майкова основался въ «Отечественныхъ Запискахъ» г. Дудышкинъ, и мы имѣемъ въ-которое основаніе думать, что съ него-то и начинаеть жолтый журналъ новую блестящую эру своей дѣятельности. «Отечественныя Записки» именно ставятъ себѣ въ особенную заслугу, что послѣ Бѣлинскаго критика приняла у нихъ характеръ по преимуществу историческій, и что Бѣлинскій, который сввергалъ авторитеты и занимался Жоржъ-Зандомъ (слова о Жоржъ-Зандѣ въ объявленіи «Отечественныхъ Записокъ» — возкъ совершенству, такъ кстати они помѣщены!) едва прикоснулся къ исторической части русской литературы. Во первыхъ это несправедливо, а еслибы и было справедливо, то въ двухъ страницахъ Бѣлинскаго (изданіе сочиненій котораго приводится къ окончанію) сказано больше объ исторической же части русской литературы, чѣмъ во всей дѣятельности «Отечественныхъ Записокъ», съ 48 годовъ нашихъ времени. А такъ какъ статья о Фонъ-Визинѣ, считаемо въ «Отечественныхъ Запискахъ» началомъ этой пресловутой исторической дѣятельности, то и дѣятельность эта вѣроятно считается съ г. Дудышкина. Правда, статья о Фонъ-Визинѣ была еще довольно дѣльна, хотя очень скудная. Но послѣ нея наступила въ «Отечественныхъ Запискахъ» такая засуха, что страшно вспомнить объ этомъ времени, даже въ сравненіи съ статьею о Фонъ-Визинѣ. Между-тѣмъ «Отечественныя Записки» называютъ это время самой блестящей эпохой своей дѣятельности, да и въ русской литературы. Они утверждаютъ, что журналъ ихъ обратился къ то время къ народности. Мы припоминаемъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» одну статью о метлѣ, хватѣ и доватѣ и о змеченіи ихъ въ древней русской мифологіи. Свѣдѣнія, сообщенныя авторомъ этой статьи, были доначено полезныя; но во въ такихъ ли

статьяхъ видать «Отечественныя Записки» обращеніе къ народности? Если такъ, то взгляды ихъ и понятіе о народности довольно оригинальны. Оригиналенъ тоже другой взглядъ, выраженный въ объявленіи «Отечественныхъ Записокъ» съ ужасающею откровенностію; именно: что все, что только есть исправно-мыслящаго, движущагося, жаждущаго къ какой-нибудь цѣли въ нашемъ теперешнемъ обществѣ, все — насколько развилось въ немъ сознаніа и смысла, — все это сдѣлалъ «Отечественныя Записки», все это плоды трудовъ ихъ. Такъ какъ онѣ сами начинаютъ немного свысока смотрѣть на Бѣлинскаго, то позволительно заключить, что всѣ эти блестящіе результаты онѣ приписываютъ своей послѣдующей дѣятельности, т. е. начиная съ статей о Фонъ-Визинѣ и о лопатѣ, до чудовищной статьи о Пушкинѣ, помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» прошлаго 1860 года. Впрочемъ прошлогоднее объявленіе объ изданіи «Отечественныхъ Записокъ» принадлежитъ исторіи русской литературы. Оно не умретъ; оно вѣчно, монументально. Мы относимъ его къ литературѣ русскихъ скандаловъ и къ скандаламъ въ русской литературѣ.

Но мы увлеклись. Принимаясь за нашу статью, мы и въ виду не имѣли «Отечественныхъ Записокъ» и ихъ объявленій и вспомнили совершенно нечаянно, не смотря на то, что хотѣли сказать нѣсколько словъ о критической дѣятельности русскихъ журналовъ въ прошломъ году. Мы говоримъ: нѣсколько словъ, потому что написать полный отчетъ всей критической дѣятельности за весь прошлый годъ мы не беремся и готовы считать подобный трудъ въ нѣкоторомъ смыслѣ даже подвигомъ. Правда, въ этомъ отчетѣ намъ пришлось бы указать и на нѣсколько пріятныхъ явленій въ прошлогодней нашей критикѣ... Но хотя мы и не беремся за этотъ подвигъ, мы видимъ, что намъ приходится въ настоящей статьѣ отчасти говорить, по поводу одного вопроса, объ одномъ изъ важнѣйшихъ представителей современной критики, котораго, — въ этомъ надѣ признаваться откровенно, — только одного у насъ теперь и читаютъ, чуть ли не изъ всѣхъ нашихъ критиковъ. Въ самомъ дѣлѣ, исключая три, четыре критическія статьи, мелькнувшія по разнымъ журналамъ за прошлый годъ и нѣсколько замѣчательныхъ публикацій, — всѣ остальные прошли почти не оставивъ по себѣ слѣда. Читаютъ одного г. — бова, который заставлялъ — таки читать себя, и умъ за это одно овъ стоитъ особеннаго вниманія... Но впрочемъ вѣтъ по какому собственно случаю мы хотимъ въ этотъ разъ говорить о г. — бовѣ.

Въ январьской книжкѣ нашего журнала, озаглавивъ наше введеніе въ «Видѣ статей о русской литературѣ», мы общали говорить

о современныхъ литературныхъ явленіяхъ и вопросахъ. Однимъ изъ самыхъ важныхъ литературныхъ вопросовъ мы считаемъ теперь вопросъ объ искусствѣ. Этотъ вопросъ раздѣляетъ насъ изъ современныхъ писателей нашихъ на два враждебныхъ лагеря. Такимъ образомъ разъединяются силы. Нечего распространяться о вредѣ, который заключается во всякомъ враждебномъ разномысліи. А дѣло уже доходитъ почти до вражды.

Разобрать эту вражду и ея причины, разъяснить весь споръ и высказать свое мнѣніе по поводу этого спора — соответствовало бы и цѣлямъ нашего журнала и обязанностямъ, которыя мы сами приняли на себя передъ публикой. Но прежде всего оговоримся: Если мы и вляжемся въ этотъ споръ, то вовсе не претендуя на роль окончательнаго судьи въ этомъ спорѣ. Да и примѣра мы не припомнимъ, чтобъ въ литературныхъ спорахъ нашихъ хоть когда-нибудь одна партія подчинилась другой, согласилась бы съ ней добровольно и по убѣжденію. Всякій литературный споръ кончается у насъ тѣмъ, что или выживаетъ изъ лѣтъ, надобѣдаетъ всѣмъ и каждому и прекращается самъ собою; или одна партія одолеваетъ другую такъ, что другая замолкаетъ, но единственно отъ безсилія и истощенія; замолкаетъ, а не соглашается. Соглашеній мы какъ-то не помнимъ. Если же они и бывали, то такъ рѣдко, что и напоминать не стоитъ.

И потому примирять и соглашать нашихъ спорщиковъ мы не беремся. Да и роль неприятная. Недавно г. Воскобойникову показались, что русскіе литераторы слишкомъ много дерутся (литературнымъ образомъ разумѣется); онъ и тиснулъ довольно забавную статью: «перестаньте драться, гг. литераторы». Вышло такъ, что всѣ, кто только захотѣлъ замѣтить эту статью, напустились на г. Воскобойникова. Въ чемъ другомъ были не согласны, а въ этомъ тотчасъ же между собой согласились. — Просте запросто: мы считаемъ теперешній вопросъ объ искусствѣ чрезвычайно важнымъ; а потому, какъ начинающійся журналъ, хотимъ высказать и свое мнѣніе: какъ мы понимаемъ этотъ вопросъ и какому именно отгѣску въ его рѣшеніи придерживаемся. Такимъ образомъ мы право выскажемъ свои убѣжденія и выкажемъ свое направленіе, тѣмъ болѣе что насъ уже объ этомъ спрашивали. А такъ какъ высказать наши убѣжденія мы не можемъ, не разъяснивъ предварительно, на чемъ остановился этотъ споръ въ нашей литературѣ, то чтобъ опредѣлить современный характеръ этого спора, мы разберемъ предварительно ученія обѣихъ партій, чему и посвящаемъ эту статью. Однимъ изъ главныхъ представителей одного изъ этихъ ученій есть безспорно г. — бовъ, печатающій свои статьи въ «Современникѣ»; вотъ

почему и статью нашу мы назвали: *Г. — бова и вопросъ объ искусствѣ.*

Еще одно замѣчаніе:

Намъ говорить и мы сами недавно читали въ одномъ изъ самыхъ распространенныхъ въ публикѣ журналовъ нашихъ, что партій въ русской литературѣ не существуетъ. Мы полагаемъ, что этотъ журналъ употребилъ слово: «партій» въ смыслѣ различіи личныя, до которыхъ собственно литературѣ не должно быть и дѣла. Разумѣется мы всѣми силами желаемъ повѣрить этому журналу на слово: ибѣ, такъ тѣмъ и лучше. Но партія въ смыслѣ несогласныхъ убѣжденій въ нашей литературѣ существуютъ. У насъ есть Асканенскіе, Чернокнижниковы, — бовы. Даже самъ великодушный Кузьма Прутковъ, въ строгомъ смыслѣ, можетъ тоже считаться представителемъ цѣльной и своеобразной партіи. Вообще каждый журналъ нашъ чего-либо да придерживается. Совершенно же бездѣйствіе журналы у насъ не держатся и умираютъ тихою и спокойною смертію. Разумѣется литературныя партіи наши вообще неясно и какъ-то смутно обрисованы. Отъ иныхъ рѣшительно не дождешься яснаго изложенія ихъ убѣжденій; другія отдѣляются какими-то намеками; третья выражаются какъ-будто по заказу, а между-тѣмъ какъ-будто сами себѣ не вѣрятъ; четвертыя удаляются въ туманную область нахмуренныхъ фразъ; головолomныхъ фразъ, тарбарскаго слога, — разбирай какъ знаешь. Винить за это разумѣется невозможно. Но по поводу вопроса объ искусствѣ, нѣкоторыя изъ журналовъ нашихъ обозначились довольно рѣзко, особенно въ последнее время. Между ними первое мѣсто занимаетъ «Современникъ» съ прошлогодними статьями г. — бова.

Сдѣлавъ такое предисловіе, приступимъ къ самому дѣлу.

И во первыхъ объявляемъ, что не придерживаясь ни одного изъ теперь существующихъ мнѣній и прямо говоримъ, что по нашему мнѣнію, весь вопросъ въ настоящую минуту ложно поставленъ — именно отъ слишкомъ горячаго спора; именно оттого, что дѣло дошло почти до вражды. Мы надѣемся доказать это.

Но представимъ самую сущность вопроса; что именно это за вопросъ и въ чемъ онъ заключается?

Одни говорятъ и учатъ, что искусство служить само себѣ цѣлью и въ самой сущности своей должно находить себѣ оправданіе. И потому вопроса о полезности искусства, въ настоящемъ смыслѣ слова, даже и быть не можетъ. Творчество — основное начало каждаго искусства, есть цѣльное, органическое свойство человѣческой природы и имѣетъ право существовать и развиваться уже потому одному, что оно есть необходимая принадлежность человѣческаго

духа. Оно также законно въ человѣкѣ, какъ умъ, какъ всѣ нравственныя свойства человѣка и, пожалуй, какъ двѣ руки, какъ двѣ ноги, какъ желудокъ. Оно не отдѣлимо отъ человѣка и составляетъ нямъ цѣлое. Конечно умъ напримѣръ — полезенъ, — такъ можно выразиться: плохо безъ ума. Полезны въ этомъ же смыслѣ чело-вѣку и руки и ноги! Въ этомъ же смыслѣ полезно чело-вѣку и творчество.

Но какъ нѣчто цѣльное, органическое, творчество развивается само изъ себя, неподчиненно и требуетъ полного развитія; главное — требуетъ полной свободы въ своемъ развитіи. Поэтому всякое стѣсненіе, подчиненіе, всякое постороннее назначеніе, всякая исклю-чительная цѣль, поставленная ему, будутъ незаконны и неразумны. Еслибъ ограничить творчество, или запретить творческимъ и худо-жественнымъ потребностямъ чело-вѣка заниматься, — ну, чѣмъ бы напримѣръ? — ну, хоть выраженіемъ извѣстныхъ ощущеній; запре-тить чело-вѣку всю творческую его дѣятельность, которую бы воз-буждали въ немъ извѣстныя явленія природы: восходъ солнца, мор-ская буря и проч. и проч., — то все это было бы нелѣпнымъ, смѣш-нымъ и незаконнымъ стѣсненіемъ чело-вѣческаго духа въ его дѣ-тельности и развитіи.

Это говоритъ одна партія, — партія защитниковъ свободы и полной неподчиненности искусства.

«Разумѣется все это было бы нелѣпымъ стѣсненіемъ», отвѣтять утилитаристы (другая партія, учащая тому, что искусство должно служить чело-вѣку прямой, непосредственной, практической и даже опредѣленной обстоятельствами пользой), — «разумѣется всякое по-добное стѣсненіе, безъ разумной цѣли, а единственно по прихоти, — есть дикая и злая глупость. Но согласитесь сами (могутъ они при-бавить) — вдругъ напримѣръ идетъ сраженіе — вы одинъ изъ сра-жающихся; вмѣсто того, чтобъ помогать своимъ товарищамъ въ битвѣ, вамъ, какъ артисту въ душѣ, вдругъ понравилась картина сраженія; вы бросите оружіе, вынимаете карандашъ, бумагу и на-чинаете срисовывать поле битвы. Хорошо вы дѣлаете? Разумѣется вы имѣете полное право предаваться вашимъ вдохновеніямъ; но разумна ли будетъ ваша художественная дѣятельность въ такую ми-нуту?

Однимъ словомъ, заключать они, мы не отвергаемъ вашей тео-ріи о свободѣ развитія творчества; но эта свобода должна быть по крайней мѣрѣ хоть разумная.

Г. Панаевъ, въ началѣ своихъ интересныхъ литературныхъ воспоминаній (Современникъ 1861, книга I) упоминаетъ, что во время его молодости, между петербургскими литераторами одного

круга, существовало убѣжденіе, что литераторы, поэты, художники, артисты не должны заниматься ничѣмъ насущнымъ, текущимъ, — ни политическою, ни внутреннею жизнью общества, къ которому принадлежатъ, ни даже какииъ-нибудь важнѣйшимъ общенароднымъ вопросамъ, а заниматься только однимъ *высокимъ искусствомъ*. Заниматься же чѣмъ-нибудь кромѣ искусства, значить унижать его, низводить съ его высоты, глумиться надъ нимъ. По такому ученію значить надо было добровольно вырвать изъ-подъ себя всю почву, на которой всѣ стоятъ и которою всѣ живутъ, и слѣдовательно улетать все выше и выше въ надзвѣздія, а тамъ разумѣется какъ-нибудь испариться, потому что въдѣ больше-то ничего не оставалось и дѣлать. Эта теорія могла привести прямо къ тому, что наприимѣръ во время двѣнадцатаго года, когда все русское занималось только однимъ спасеніемъ отечества, однимъ литераторамъ и поэтамъ было бы гораздо приличнѣе заниматься — ну, хоть наприимѣръ греческой антологіей. Въ литературной и художественной кучкѣ, о которой рассказываетъ г. Панаевъ, такъ и поступали: вопросами общественными не занимались. Одинъ изъ важнѣйшихъ членовъ этой кучки только и дѣлалъ въ то время, что писалъ драмы изъ жизни итальянскихъ художниковъ.

Возьмемъ еще примѣръ:

Положимъ, что мы переносимся въ восемнадцатое столѣтіе, именно въ день лиссабонскаго землетрясенія. Половина жителей въ Лиссабонѣ погибаетъ; дома разваливаются и проваливаются; имущество гибнетъ; всякій изъ оставшихся въ живыхъ что-нибудь потерялъ — или имѣніе или семью. Жители толкаются по улицамъ въ отчаяніи, пораженные, обезумѣвшіе отъ ужаса. Въ Лиссабонѣ живетъ въ это время какой-нибудь извѣстный португальскій поэтъ. На другой день утромъ выходитъ номеръ лиссабонскаго Меркурія (тогда все издавались Меркуріи). Номеръ журнала, появившагося въ такую минуту, возбуждаетъ даже нѣкоторое любопытство въ несчастныхъ лиссабонцахъ, не смотря на то, что имъ въ эту минуту не до журналовъ; надѣются, что номеръ вышелъ нарочно, чтобъ дать нѣкоторыя свѣдѣнія, сообщить нѣкоторыя извѣстія о погибшихъ, о пропавшихъ безъ вѣсти и проч. и проч. И вдругъ — на самомъ видномъ мѣстѣ листа бросается всѣмъ въ глаза что-нибудь въ родѣ слѣдующаго:

• Шовоть, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Соннаго ручья,
Свѣтъ ночной, ночныя тѣни,
Тѣни безъ-моща,

Рядъ волшебныхъ извѣннй
 Милаго лица,
 Въ дынныхъ тучахъ пурпуръ розы,
 Отблескъ янтара,
 И лобзанія и слезы
 И зари, зари!

Да еще мало того: тутъ же, въ видѣ послѣсловія къ поэмаѣ, приложено въ прозѣ всѣмъ извѣстное поэтическое правило, что тотъ не поэтъ, кто не въ состояннй выскочить внизъ головой изъ четвертаго этажа (для какихъ причинъ? — я до сихъ поръ этого не понимаю; но ужъ пусть это непременно надо, чтобъ быть поэтомъ; не хочу спорить). Не знаю навѣрно, какъ приняли бы свой Меркурій лиссабонцы, но мнѣ кажется они тутъ же казнили бы всенародно, на площади, своего знаменитаго поэта, и вовсе не за то, что онъ написалъ стихотвореніе безъ глагола, а потому что вмѣсто трелей соловья, накануне слышались подъ землею такія трели, а колыханіе ручья появилось въ минуту такого колыханія цѣлаго города, что у бѣдныхъ лиссабонцевъ, не только не осталось охоты наблюдать —

Въ дынныхъ тучахъ пурпуръ розы
 или

Отблескъ янтара,

но даже показался слишкомъ оскорбительнымъ и не-братскимъ поступокъ поэта, воспѣвающаго такія забавныя вещи въ такую минуту ихъ жизни. Разумѣется, казнивъ своего поэта (тоже очень не-братски), они всѣ непременно бы кинулись къ какому-нибудь доктору Панглосу (*) за умнымъ совѣтомъ, и докторъ Панглосъ тотчасъ же и безъ большого труда увѣрилъ бы ихъ всѣхъ, что это очень хорошо случилось, что они провалились, и что ужъ если они провалились, то это непременно къ лучшему. И доктора Панглоса никто бы не разорвалъ за это въ клочки; напротивъ дали бы ему пенсію и провозгласили бы его другомъ человѣчества. Въ такъ все идетъ на свѣтъ.

Замѣтимъ впрочемъ слѣдующее: положимъ лиссабонцы и казнили своего любимаго поэта, но въѣдъ стихотвореніе, на которое они всѣ разсердились (будь оно хоть и о розахъ и янтарѣ), могло быть великолѣпно по своему художественному совершенству. Мало того. поэта-то они бѣ казнили, а черезъ тридцать, черезъ пятьдесятъ лѣтъ поставили бы ему на площади памятникъ за его удивитель-

(*) Докторъ Панглосъ, — смѣльной философъ въ одной сказкѣ Вольтера, доказывающій что все на свѣтѣ происходитъ къ лучшему.

ные стихи вообще, а въѣсть съ тѣмъ и за «пурпуръ розы» въ частности. Выходитъ, что не искусство было виновато въ дѣль лиссабонскаго землетрясенія. Повема, за которую казнили поэта, какъ памятникъ совершенства поэзіи и языка, принесло можетъ быть даже и не малую пользу лиссабонцамъ, возбуждая въ нихъ потомъ эстетическій восторгъ и чувство красоты, и легло благотворной росой на души молодого поколѣнія. Стало быть виновато было не искусство, а поэтъ, злоупотребившій искусствомъ въ ту минуту, когда было не до него. Онъ пѣлъ и плясалъ у гроба мертвеца... Это конечно было очень некорошо и чрезвычайно глупо съ его стороны; но вповать опять-таки онъ, а не искусство.

Однимъ словомъ, утилитаристы требуютъ отъ искусства прямой, немедленной, непосредственной пользы, соображающейся съ обстоятельствами, подчиняющейся имъ, и даже до такой степени, что если въ данное время общество занято разрѣшеніемъ напр. такого вопроса, то искусство (по ученію нѣкоторыхъ утилитаристовъ) и дѣли не можетъ задать себѣ иной, какъ разрѣшеніе этого же вопроса. Если разсматривать это соображеніе о пользѣ не какъ требованіе, а только какъ желаніе, то оно, по нашему мнѣнію, даже похвально; хотя мы и знаемъ, что все-таки это соображеніе не совсѣмъ вѣрно. Если напримѣръ все общество озабочено разрѣшеніемъ какого-нибудь важнаго внутренняго вопроса, то разумѣется пріятно было бы желать, чтобъ и всѣ силы общества согласно направлены были къ достиженію всеобщей дѣли, а слѣдовательно, чтобъ и искусство принялось этой же идеей и тоже послужило бы общей пользѣ. Какое-нибудь общество, положимъ, на краю гибели; все что имѣетъ сколько-нибудь ума, души, сердца, воли, все что сознаетъ въ себѣ челоѣка и гражданина, занято однимъ вопросомъ, однимъ общимъ дѣломъ. Неужели жъ тогда только между одними поэтами и литераторами не должно быть ни ума, ни души, ни сердца, ни любви къ родинѣ и сочувствія всеобщему благу?

Служенье музъ, дескать, не терпите суеты.

Это положимъ такъ. Но хорошо бы было, еслибъ напримѣръ поеты не удалялись въ эфиръ и не смотрѣли бы оттуда свысока на остальныхъ смертныхъ; потому что, хотя греческая антологія и превосходная вещь, но вѣдь иногда она бываетъ просто не къ мѣсту и въѣсто нея пріятнѣе было бы видѣть что-нибудь болѣе подходящее къ дѣлу и помогающее ему. А искусство много можетъ помочь иному дѣлу своимъ содѣйствіемъ; потому что заключаетъ въ себѣ огромныя средства и великія силы. Повторяемъ: разумѣется, этого только можно желать, но не требовать, уже потому одному, что тре-

буютъ большею частію, когда хотятъ заставить насильно, а первый законъ въ искусствѣ — свобода вдохновенія и творчества. Все же вытребованное, все вымученное съ покоишь-вѣку до нашихъ временъ не удавалось и вмѣсто пользы приносило одинъ только вредъ. Защитники «искусства для искусства» собственно за то и сердятся на утилитаристовъ, что они, предписывая искусству опредѣленные цѣли, тѣмъ самымъ разрушаютъ само искусство, посягая на его свободу, а разрушая такъ легко искусство, стало быть не цѣнятъ его, и слѣдовательно не понимаютъ даже, къ чему оно можетъ быть полезно, — они толкуютъ прежде всего о пользѣ. Потому, говорятъ защитники искусства, — еслибъ утилитаристы только знали, какая великая польза заключается въ искусствѣ для всего человѣчества, то они бы нѣсколько болѣе цѣнили его и не обращались бы съ нимъ съ такимъ неуваженіемъ. И въ самомъ дѣлѣ (продолжаютъ они) еслибъ даже смотрѣть на искусство съ одной вашей точки зрѣнія, то есть со стороны одной полезности, то вѣдь еще неизвѣстенъ въ подробности нормальный историческій ходъ полезности искусства въ человѣчествѣ. Трудно измѣрить всю массу пользы, принесенную и до сихъ поръ приносимую всему человѣчеству наиримѣрь Иліадою или Аполлономъ Бельведерскимъ, вещами, пошлѣнному совершенно въ наше время ненужными. Вотъ наиримѣрь такой-то человекъ, когда-то, еще въ отрочествѣ своемъ, въ тѣ дни, когда свѣжи и «новы всѣ впечатлѣнья бытія», взглянулъ разъ на Аполлона Бельведерскаго, и богъ неотразимо напечатлѣлся въ душѣ его своимъ величавымъ и безконечно-прекраснымъ образомъ. Кажется фактъ пустой: полюбовался двѣ минуты красивой статуей и пошелъ прочь. Но вѣдь это любованіе не похоже на любованіе, наиримѣрь, изящнымъ дамскимъ туалетомъ. «Мраморъ сей вѣдь богъ», и вы сколько ни плюйте на него, никогда у него не отнимете его божественности. Пробовали отнять, да ничего не вышло. И потому впечатлѣніе юности можетъ быть было горячее, потрясающее нервы, охлаждающее эпидерму; можетъ быть даже, — кто это знаетъ! — можетъ быть даже при такихъ ощущеніяхъ высшей красоты, при этомъ сотрясеніи нервъ, въ человекѣ происходитъ какая-нибудь внутренняя перемѣна, какое-нибудь передвиженіе частицъ, какой-нибудь гальваническій токъ, дѣлающій въ одно мгновеніе прошедшее уже не прежнимъ, кусокъ обыкновеннаго желѣза магнетомъ. Впечатлѣній на свѣтѣ конечно множество, но вѣдь не даромъ же это впечатлѣніе особенное, впечатлѣніе бога. Не даромъ же такіа впечатлѣнія остаются на всю жизнь. И кто знаетъ? Когда этотъ юноша, лѣтъ двадцать, тридцать спустя, отозвался во время какого-нибудь великаго общественаго событія, въ которомъ онъ былъ важнымъ

перодовымъ дѣятелемъ такимъ-то, а не такимъ-то образомъ; то можетъ быть въ массѣ причинъ, заставившихъ его поступить такъ, а не иначе, заключалось, безсознательно для него, и впечатлѣніе Аноллона Бальнедерскаго, видѣннаго пять двадцать лѣтъ назадъ. Вы смѣетесь? Дѣйствительно все это похоже на бредъ; но во-первыхъ, въ подобныхъ фактахъ, не смотря на всю вашу положительность, вы сами еще ничего ровно не знаете. Можетъ быть впоследствии узнаете (мы вѣримъ въ науку), но теперь покажете не знаете. А во-вторыхъ есть историческіе признаки, есть нѣкоторые историческіе факты, по которымъ можно подумать, что наши мечты и не совсѣмъ вздоръ. Ну, кто бы могъ подумать, что наприимѣръ Корнель и Расинъ отзовутся своимъ вліяніемъ въ такія странныя и рѣзительныя минуты исторической жизни цѣлаго народа, что казалось бы и не мыслимо было сначала, что дѣлать такимъ старымъ молпакамъ, какъ Корнель и Расинъ, въ такія эпохи. Оказалось, что души-то и не умираютъ. А потому, если давать заранѣе цѣль искусству и опредѣлять, чѣмъ именно оно должно быть полезно, то можно ужасно ошибиться, такъ что вмѣсто пользы можно принести одианъ вредъ, а слѣдовательно дѣйствовать прямо противъ себя; потому что утилитаристы требуютъ пользы, а не вреда. И такъ-какъ искусство требуетъ прежде всего полной свободы, а свобода не существуетъ безъ спокойствія (всякая тревога уже не-свобода), то слѣдовательно искусство должно дѣйствовать тихо, ясно, не торопясь, не уклоняясь по сторонамъ, имѣя само себя цѣлью и вѣруя, что всякая дѣятельность его отзовется современнѣмъ человѣчеству несомнѣнною пользою.

Вотъ такъ говорятъ сторонники искусства для искусства своимъ противникамъ утилитаристамъ.

Во всемъ этомъ конечно ничего нѣтъ неваго; споръ старъ, но вотъ что новое: что сами предводители обѣихъ партій говорятъ такъ, а на дѣлѣ поступаютъ обратно-противоположно своимъ же словамъ. Слѣшкомъ ужъ заснорились. Не распространяясь много, покажемъ одианъ приимѣръ:

Обличительная литература возбуждаетъ негодованіе сторонниковъ чистаго искусства. Съ одной стороны это имѣетъ нѣкоторое основаніе: болѣею частью произведенія обличительной литературы до того худы, что болѣе вредны, чѣмъ полезны всеобщему дѣлу, и сами съ своей стороны признаемъ, что нападки на эти произведенія отчасти и дѣльны, то единственно только въ этомъ смыслѣ. Но въ томъ-то и бѣда, что нападки на нихъ влутъ не съ одной этой стороны и не въ этомъ смыслѣ. Негодованіе заходитъ далѣе: обвиняется самъ г. Щедринъ, родоначальникъ обличительной литера-

туры, не смотря на то, что г. Валерьянъ софистици Шваршицъ во многихъ изъ своихъ обличительныхъ произведеній — заслужилъ художникъ. Мало того: гонится весь обличительный родъ искусства, какъ-будто между обличительными писателями даже и не можетъ появиться истиннаго художника, гениальнаго писателя, воистину самая специальность котораго именно и будетъ состоять въ обличеніи. Слѣдственно, изъ вражды къ противникамъ, сторонники староискусства идутъ противъ самихъ себя, противъ своихъ же принциповъ, а именно — уничтожаютъ свободу въ выборѣ влѣкательнаго. А за эту свободу они-то бы и должны стоять.

Съ другой стороны утилитаристы, не посягая явно на художественность, въ тоже время совершенно не признаютъ ея необходимости. «Была бы видна идея, была бы только видна цѣль, для которой произведеніе написано, — и довольно; а художественность дѣло пустое, третестепенное, почти ненужное». Вотъ какъ думаютъ утилитаристы. А такъ какъ произведеніе нехудожественное никогда и ни подъ какимъ видомъ не достигаетъ своей цѣли; мало того: болѣе вредитъ дѣлу, чѣмъ приноситъ пользы; то стало быть утилитаристы, не признавая художественности, сами же болѣе всѣхъ вредятъ дѣлу, а слѣдственно идутъ прямо противъ самихъ себя; потому что они ищутъ не вреда, а пользы.

Намъ скажутъ, что мы это все выдумали, что утилитаристы никогда не шли противъ художественности. Напротивъ: не только шли, но мы замѣтили, что имъ даже особенно пріятно возмѣтиса на иное литературное произведеніе, если въ немъ главное достоинство — художественность. Они напримѣръ неважно въ Пушкина, называютъ всѣ его вдохновенія — вычурами, кривляніями, екусами и фіоритурами, а стихотворенія его — альбомными украшеніями. Даже самое поведеніе Пушкина въ нашей литературѣ они считаютъ какъ-будто чѣмъ-то незаконнымъ. Мы вовсе не преувеличиваемъ. Все это почти ясно выражено г. — бовымъ въ нѣкоторыхъ критическихъ статьяхъ его прошлаго года. Замѣтно еще, что г. — бовъ начинаетъ высказываться съ какими-то особеннымъ нерасположеніемъ и о г. Тургеневѣ, самомъ художественномъ изъ всѣхъ современнѣйшихъ русскихъ писателей. Въ статьѣ же своей: «Черты для характеристики русскаго простонародья» (Современникъ, 1860 № IX), при разборѣ сочиненій Марко-Вовчка, г. — бовъ почти прямо высказываетъ, что художественность онъ считаетъ за чѣмъ, нудемъ, и высказываетъ именно тѣмъ, что не умѣетъ понять къ чему полезна художественность. При разборѣ одной повѣсти Марка Вовчка г. — бовъ прямо признаетъ, что авторъ написалъ эту повѣсть нехудожественно, и тутъ же, сейчасъ же послѣ этихъ

слова, утверждаетъ, что авторъ достигъ вполне этой повѣстью своей цѣли, а именно: вполне доказать, что такой-то фактъ существуетъ въ русскомъ простонародіи. Между тѣмъ этотъ фактъ (очень важный) не только не доказывается этой повѣстью, но даже вполне подвергается сомнѣнію именно потому, что по нехудожественности автора, дѣйствующія лица повѣсти, выставленныя авторомъ для доказательства его главной идеи, утратили подъ перомъ его всякое русское значеніе, и читатель скорѣе согласится назвать ихъ шотландцами, итальянцами, сѣвероамериканцами, — чѣмъ русскимъ простонародьемъ. Какъ же въ такомъ случаѣ могли бы они доказать собою, что такой-то фактъ существуетъ въ русскомъ простонародіи, когда сами они, дѣйствующія лица, не похожи на русское простонародье? Но г. —бову до этого рѣшительно нѣтъ дѣла: была бы видна идея, цѣль, хотя бы всѣ нитки и пружины грубо выглядывали наружу; к чему же послѣ этого художественность? Да и к чему наконецъ писать повѣсти? просто за просто написать бы, что вотъ такой-то фактъ существуетъ въ русскомъ простонародіи — потому-то и потому-то, — и короче и яснѣе и солиднѣе? «А тутъ еще сказки рассказывать! вотъ людямъ-то нечего дѣлать!»

Кстати слѣдаемъ еще одно нота-бене. Чѣмъ познается художественность въ произведеніи искусства? Тѣмъ, если мы видимъ согласіе, по возможности полное, художественной идеи съ той формой, въ которую она воплощена. Скажемъ еще яснѣе: художественность, на примѣръ хоть бы въ романистѣ, есть способность до того ясно выразить въ лицахъ и образахъ романа свою мысль, что читатель, прочтя романъ, совершенно также понимаетъ мысль писателя, какъ самъ писатель понималъ ее, создавая свое произведение. Слѣдственно по-просту: художественность въ писателѣ есть способность писать хорошо. Слѣдственно тѣ, которые ни во что не ставятъ художественность, допускаютъ, что позволительно писать нехорошо. А ужъ если согласятся, что *позволительно*, то вѣдь отсюда недалеко и до того, когда просто скажутъ: что *надо* писать нехорошо. Да чуть ли ужъ и не говорятъ.

Въ этой статьѣ нашей мы намѣрены прослѣдить этотъ критическій разборъ сочиненій Марко-Вовчка, помѣщенный г. —бовымъ въ IX № «Современника» за прошлый годъ. Мы дѣлаемъ это особенно потому, что въ этомъ разборѣ довольно ярко выказывается характеръ литературныхъ убѣжденій г. —бова, а вмѣстѣ и взглядъ его на искусство. А г. —бовъ есть, какъ мы уже сказали, одинъ изъ предводителей утилитаризма. Слѣдственно, изучивъ хоть отчасти г. —бова, мы поймемъ и то, какъ поставленъ въ настоящую минуту вопросъ объ искусствѣ въ нашей литературѣ.

Извѣстно всей читающей русской публикѣ, что Марко-Вовчокъ написалъ двѣ книги разсказовъ изъ народнаго малороссійскаго и изъ народнаго великорусскаго быта. Г. —бовъ разбираетъ одна великорусскіе разсказы, вышедшіе въ переводѣ на русскій языкъ. Всѣ разсказы разобраны имъ съ необыкновенною подробностію, слишкомъ на пяти печатныхъ листахъ мелкой печати. Этотъ разборъ особенно любопытенъ тѣмъ, что въ немъ съ одной стороны выясняется, какъ понимаетъ г. —бовъ назначеніе и цѣль литературы, чего отъ нея требуетъ и какія свойства, средства и силы признаетъ за ней, относительно вліянія на общество. Мы впрочемъ ограничимся только разборомъ одного перваго разсказа; и этого довольно, чтобы ясно понять убѣжденія г. —бова. О самомъ же Марко-Вовчкѣ мы въ настоящей статьѣ не намѣрены говорить подробно. Скажемъ только, что признаемъ за авторомъ большой умъ и превосходныя побужденія, въ сильномъ же литературномъ талантѣ его сомнѣваемся: Мы особенно жалѣемъ, что высказываемъ такое мнѣніе, не доказавъ его. Жалѣемъ еще болѣе, что какъ нарочно принуждены взять именно разборъ перваго разсказа: *Маша*, — надо признаться, — можетъ быть самаго слабаго изъ всѣхъ разсказовъ автора. Но г. —бовъ, при разборѣ этого разсказа, наиболѣе высказался именно съ той стороны, на которую мы хотимъ обратить вниманіе нашихъ читателей.

Разумѣется мы не намѣрены разбирать *всѣ убѣжденія* г. —бова, хотя г. —бовъ, по нашему мнѣнію, стоить подробнаго разбора. Мы во многомъ совершенно съ нимъ несогласны и прямыя его противники; но ужь одно то, что онъ заставилъ публику читать себя, что критическія статьи «Современника», съ тѣхъ поръ, какъ г. —бовъ въ немъ сотрудничаетъ, разрѣзываются изъ первыхъ, въ то время, когда почти никто не читаетъ критикъ, — уже одно это ясно свидѣтельствуетъ о литературномъ талантѣ г. —бова. Въ его талантѣ есть сила, происходящая отъ убѣжденія. Г. —бовъ не столько критикъ, сколько публицистъ. Основное начало убѣжденій его справедливо и возбуждаетъ симпатію публики; но идеи, которыми выражается это основное начало, часто бываютъ парадоксальны и отличаются однимъ важнымъ недостаткомъ, — кабинетностью. Г. —бовъ — теоретикъ, иногда даже мечтатель и во многихъ случаяхъ плохо знаетъ действительность; съ действительностью онъ обходится подчасъ даже ужь слишкомъ безцеремонно: нагибаетъ ее въ ту и другую сторону, какъ захочетъ, только бы поставить ее такъ, чтобы она доказывала его идею. Пишетъ г. —бовъ простымъ, яснымъ языкомъ, хоть и говорятъ про него, что онъ ужь слишкомъ жуетъ фразу, прежде чѣмъ положить ее въ ротъ читателю. Ему все какъ-

будто кажется, что его не понимаютъ. Впрочемъ это еще небольшой недостатокъ. Ясность и простота языка его заслуживаютъ особеннаго вниманія и похвалы въ наше время, когда въ иныхъ журналахъ виѣняютъ даже себѣ въ особую честь неясность, тяжелизну и кудреватость слога, вѣроятно думая, что все это способствуетъ глубокомыслию. Кто-то увѣрялъ насъ, что если теперь кому критику захочется пить, то онъ не скажетъ прямо и просто: принеси воды, а скажетъ навѣрно что-нибудь въ такомъ родѣ:

— Привнеси то существенное начало овлаженія, которое послужитъ къ размягченію болѣе твердыхъ элементовъ, осложнившихся въ моемъ желудкѣ.

Эта шутка отчасти похожа на правду.

Но обратимся къ дѣлу. Почти въ самомъ началѣ своего разбора г. — бовъ говорить:

• Въ малороссійскихъ разсказахъ мы видѣли злоупотребленія помѣщичьей власти, и злоупотребленія нерѣдко довольно крутыя. Это даже подало, говорятъ, поводъ одному извѣстному русскому критику объявить произведенія Марка Вовчка *«мерзостно-отвратительными картинками»*, и, причисливши ихъ къ обличительной литературѣ, *«вслѣдствіе этого отвернуть въ авторъ ихъ всякій талантъ литературный»*. Мы не читали статейки строгаго критика, потому что давно уже перестали интересоваться его литературными приговорами; но тѣмъ не мѣнѣе мы понимаемъ процессъ, посредствомъ котораго онъ составилъ свое заключеніе. Онъ — приверженецъ теоріи *«искусства для искусства»*; разсказы Марка Вовчка нашли себѣ хвалителей тоже въ числѣ приверженцевъ этой теоріи. *«Можете себѣ представить, что именно красилось въ этихъ разсказахъ такимъ хвалителямъ»*. Мы сами слышали, какъ двое художественныхъ цѣнителей восхищались необыкновенною прелестью и поэтичностью одного мѣста, которое, кажется, такъ читается: *«геть, геть, далеко въ полѣ крестъ надъ его могилою видѣется»*. Строгий критикъ, осудившій Марка Вовчка, *«оказался даже нѣсколько благоразумнѣе подобныхъ цѣнителей»*, понявши, что *«геть, геть, далеко въ полѣ»* еще не есть чрезвычайная высота художественности. *«А что онъ ничего другаго не въ состояніи былъ понять въ «Народныхъ Разсказахъ», такъ это опять совершенно естественно, и весьма странно было бы тотъ, кто сталъ бы ожидать отъ него такую поиманья»*. Тогда онъ содѣлался бы отступникомъ теоріи *«искусства для искусства»*; а можетъ ли онъ отступить отъ нея? *«Безъ нея, что бы онъ сталъ дѣлать на свѣтъ, куда бы годился онъ?»*

Остановимся здѣсь. Это мѣсто въ статьѣ г. — бова какъ нельзя лучше оправдываетъ наши предъидущія замѣчанія о взаимныхъ сладкихъ отношеніяхъ обѣихъ литературныхъ партій, т. е. утили-

таристовъ и приверженцевъ искусства для искусства. Вражда, предвзятые недоразумѣнія, крайность обвиненій — вотъ что мы видимъ изъ этой выписки. Прежде всего г. — бовъ обвиняетъ *художественнаго* критика, что онъ, вслѣдствіе полезнаго направленія рассказовъ Марко-Вовчка, назвалъ ихъ *мерзостно-отравительными картинками* и, причисливши ихъ къ обличительной литературѣ, *вслѣдствіе этого* отвергнулъ въ авторѣ великій талантъ литературный. Хотя это обвиненіе и очень рѣзкое, но мы въ этомъ случаѣ почти рѣшаемся вѣрить г. — бову *на слово*, потому что и мы читали статейки *художественнаго* критика. Правда, что этотъ критикъ могъ отвергнуть литературный талантъ въ авторѣ рассказовъ и не по одному только поводу, что эти рассказы обличительные; мы признаемъ, что въ настоящемъ случаѣ онъ могъ основываться и на другихъ данныхъ. Но г. — бовъ прямо подтверждаетъ наши слова, что приверженцы искусства для искусства, изъ ненависти къ утилитарному направленію, не только отвергаютъ обличительную литературу, всю безъ изыатія, но даже отвергаютъ возможность появленія таланта въ обличительной литературѣ. Повторяемъ, что этому можно повѣрить. За то самъ г. — бовъ впадаетъ съ своей стороны въ грубѣйшую крайность: онъ говоритъ, что еслибъ художественный критикъ могъ понять хоть что-нибудь въ рассказахъ Марко-Вовчка, то измѣнилъ бы себѣ, потому что тотчасъ же сталъ бы отступникомъ *теоріи искусства для искусства*.

Въ ослѣпленіи, въ озлобленіи, а потому и въ несправедливости, еще можно обвинить нѣкоторыхъ приверженцевъ теоріи искусства для искусства. Но чтобъ сама теорія искусства для искусства обладала какимъ-то природнымъ свойствомъ дѣлать изъ своихъ приверженцевъ какихъ-то недоумковъ, умныхъ людей обращать въ отупѣвшихъ и ограниченныхъ — это ужъ несправедливо. Мало ли куда можетъ зайти теорія, партія, ученіе въ какой-нибудь данный моментъ! Не принимать же всякое уклоненіе за общее правило!

Но будемъ продолжать наши выписки.

• Но дѣло не въ приговорахъ художественнаго критика: Богъ съ нимъ, — вѣдь его никто не принимаетъ серьезно, стало быть художественныя погѣхи его остаются совершенно безвредными. Мы имѣемъ въ виду другіе толики, другія мнѣнія, о которыхъ считаемъ удобнымъ поговорить теперь, по поводу книжки Марка Вовчка. Мнѣнія эти довольно распространены въ извѣстной части нашего общества, называющей себя образованною, и между тѣмъ они обнаруживаютъ неопытность дѣла и легкомысліе. Мнѣнія, о которыхъ мы говоримъ, касаются характеристики крестьянина и его отношеній къ крѣпостному праву. Крѣпостное право приходитъ къ своему концу. Но сантъ, сѣ-

дѣствовавшіе въ теченіе столѣтій, не проходятъ даромъ, не остаются безъ всякаго слѣда. Какое нибудь иѣстичество держится въ правахъ, спустя два столѣтія послѣ его уничтоженія закономъ; можно ли ожидать, чтобы внезапно пересоздались всѣ отношенія, бывшія слѣдствиемъ крѣпостнаго права? Нѣтъ, еще долго будетъ оно отзываться намъ — и въ книжкахъ, и въ гостинныхъ разговорахъ, и въ цѣломъ устройствѣ нашихъ житейскихъ отношеній. Понятія не только отживающаго поколѣнія, не только того, которое теперь дѣйствуетъ, но и того, которое еще только готовится выступить на общественную дѣятельность, — сложились, если не прямо на основаніи крѣпостнаго устройства, то во всякомъ случаѣ не безъ сильнаго его вліянія. Крѣпостное начало — было узаконено и принято государствомъ. Теперь это начало отвергнуто, и стало быть понятія и требованія, имъ порожденные и воспитанныя, находятъ себѣ осужденіе въ томъ самомъ, что прежде служило имъ оградой. Теперь дѣло литературы — преслѣдовать остатки крѣпостнаго права въ общественной жизни и добивать порожденных имъ понятій. Марко Вовчокъ, въ своихъ простыхъ и *правдивыхъ* разсказахъ, является почти первымъ и *весьма искуснымъ борцомъ на этомъ поприщѣ*. Въ послѣднихъ своихъ разсказахъ онъ даже не старается, какъ въ прежнихъ, выставить передъ нами преимущественно то, что называется обыкновенно злоупотребленіемъ помѣщичьей власти. Что ужъ толковать о злоупотребленіи того, что само по себѣ дурно! Что ужъ говорить о такихъ явленіяхъ, къ которымъ подавало поводъ крѣпостное право, но безъ которыхъ оно могло ивсегда и обходиться! Нѣтъ, авторъ беретъ теперь нормальное положеніе крестьянина у помѣщика, *не злоупотребляющаго своимъ правомъ*, — и кротко, безъ гнѣва, безъ горечи рисуеъ намъ это положеніе. И изъ этихъ очерковъ, — *изъ которыхъ каждый, кто хоть немного имѣлъ дѣло съ русскимъ народомъ, узнаетъ знакомыя черты*, — изъ этихъ очерковъ *возстаетъ передъ нами характеръ русскаго простолюдина*, сохранившій основныя черты свои посреди всѣхъ обезличивающихъ, давящихъ отношеній, которымъ онъ былъ подчиненъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. На нѣкоторыя черты этого характера мы и хотимъ теперь обратить вниманіе.

Эту выписку мы сдѣлали потому, что она служитъ предисловіемъ и введеніемъ г. — бова въ его разборъ Марко-Вовчка. Здѣсь онъ отчасти излагаетъ свой взглядъ на Марко-Вовчка. Обратите вниманіе на строчки, отмѣченныя нами курсивомъ. Г. — бовъ призываетъ, что разсказы Марко-Вовчка *просты и правдивы*, что Марко-Вовчокъ является въ нихъ *весьма искуснымъ борцомъ на этомъ поприщѣ*, и что изъ этихъ очерковъ, — въ которыхъ каждый, кто *хоть немного имѣлъ дѣло съ русскимъ народомъ, узнаетъ знакомыя черты*, — изъ этихъ очерковъ *возстаетъ передъ нами характеръ русскаго простолюдина*. Замѣтьте эти слова г. — бова. Изъ нихъ видно,

что онъ признаетъ за Марко-Вовчкомъ, *кромя ума и знанія дѣла*, и *умѣе излагать свои знанія и наблюденія*, однимъ словомъ—признаетъ за нимъ талантъ литературный.

Затѣмъ у г. — бова слѣдуютъ нѣсколько превосходныхъ страницъ, въ которыхъ излагаются разныя теорія и воззрѣнія, существующія въ настоящее время между нѣкоторыми господами на счетъ русскаго простонародья. Это великолѣпное мѣсто (впрочемъ еще не лучшее въ статьѣ г. — бова) могло бы дать тѣмъ изъ читателей нашихъ, которые незнакомы съ талантомъ г. — бова, понятіе о томъ, чѣмъ, какъ и почему этотъ писатель заставилъ публику читать себя. Не выписываемъ этого мѣста (хотя бы намъ очень хотѣлось выписать его цѣликомъ), потомучто не разбираемъ теперь всего г. — бова, а только взглядъ его на искусство. Постороннія же выписки нарушили бы единство нашей статьи. Но на слѣдующую выписку просимъ обратить особенное вниманіе. Въ ней г. — бовъ разсматриваетъ Марко-Вовчка отчасти и какъ художника, не признаетъ въ авторѣ рѣшительнаго художественнаго таланта, но тутъ же говоритъ, что въ немъ замѣтна широта пониманія той жизни, которую онъ изображаетъ, и что тѣмъ-то эти рассказы и нравятся ему, г. — бову. Мало того, г. — бовъ даже увлекается: какъ умный человекъ, онъ могъ увидать пружины, замѣтить намеки и намѣренія автора; могъ даже, по нѣкоторымъ заутаннымъ и безсвязнымъ черточкамъ, заключить, что авторъ говоритъ или желаетъ говорить о томъ-то и о томъ-то, и вотъ, отъ радости, что заговорили о томъ-то и о томъ-то, онъ до того благодаренъ автору, что готовъ находить въ его рассказахъ и присутствіе русскаго духа, и знакомые образы (простонародья) и проч. и проч., а это уже есть признаки художественности, которой онъ самъ не признаетъ въ авторѣ. Главное дѣло, что г. — бовъ доволенъ и безъ художественности; только чтобъ говорили о дѣлѣ. Послѣднее желаніе конечно похвальное, но пріятнѣе было бы, еслибъ и о дѣлѣ говорили хорошо, а не какъ-нибудь (*).

Но вотъ это мѣсто его статьи :

(*). Спѣшимъ оговориться. Отзываясь такимъ образомъ о сочиненіяхъ Марко-Вовчка, мы имѣемъ въ виду только первую повѣсть въ его рассказахъ изъ великорусскаго быта «Маца». Мы не можемъ не согласиться, что въ другихъ его рассказахъ есть много чрезвычайно талантливыхъ страницъ, хотя въ цѣломъ на одинъ рассказъ не выдержанъ. Дѣйствительность часто идеализирована, представлена неправдоподобно, а между тѣмъ вы сами знаете, что все это, представленное неправдоподобно, дѣйствительно можетъ быть въ жизни, и досадуетъ, что оно не оправдано. Мы впрочемъ говоримъ объ однихъ великорусскихъ рассказахъ и не трогаемъ рассказовъ изъ малорусскаго быта.

• Надо замѣтить прежде всего, что характеры эти не воспроизведены со всей художественною полнотою, а только лишь намѣчены въ коротенькихъ разсказахъ Марка Вовчка. Мы не можемъ искать у него эпопеи нашей народной жизни, — это было бы ужъ слишкомъ много. Такой эпопеи мы можемъ ожидать въ будущемъ, а теперь покаместъ нечего еще и думать о ней. Сознаніе народа далеко еще не вошло у насъ въ тотъ періодъ, въ которомъ оно должно выразить все себя поэтическимъ образомъ; писатели изъ образованнаго класса до сихъ поръ почти всѣ занимались народомъ, какъ любопытной игруппкой, вовсе не думая смотрѣть на него серьезно. Сознаніе значенія народа едва начинается у насъ, и рядомъ съ этимъ смутнымъ сознаніемъ появляются серьезные, искренно и съ любовью сдѣланныя наблюденія народнаго быта и характера. Въ числѣ этихъ наблюденій едва ли не самое почетное мѣсто принадлежитъ очеркамъ Марка Вовчка. Въ нихъ много отрывочнаго, недосказаннаго, иногда фактъ берется случайный, частный, разсказывается безъ полненія его внутреннихъ или вѣшнихъ причинъ, не связывается необходимымъ образомъ съ обычнымъ строемъ жизни. Но строгой оковченности и всесторонности, повторяемъ, невозможно еще требовать отъ нашихъ разсказовъ изъ крестьянской жизни, она еще не открываетъ намъ себя во всей полнотѣ, да и то, что открыто намъ, мы не всегда умѣемъ или не всегда можемъ хорошо выразить. *Для насъ довольно и того, что въ разсказахъ Марка Вовчка мы видимъ желаніе и умѣнье прислушиваться къ народной жизни: мы чуемъ въ нихъ присутствіе русскаго духа, встречаемъ знакомые образы, узнаемъ ту логику, тѣ чувства, которыя мы и сами замѣчали когда-то, но пропускали безъ вниманія. Вотъ чѣмъ и дорожи для насъ эти разсказы; вотъ почему и цѣнимъ мы такъ высоко ихъ автора.* Въ немъ видимъ мы глубокое вниманіе и живое сочувствіе, въ немъ находимъ мы широкое пониманіе той жизни, на которую смотрятъ такъ легко и которую понимаютъ такъ узко и убого многіе изъ образованнѣйшихъ нашихъ экономистовъ, славянистовъ, юристовъ, нувелистовъ и проч. и проч.

А теперь, послѣ этой выписки, мы перейдемъ къ самому разбору г. — бовымъ перваго разсказа Марка-Вовчка: *Маша*. Мы рѣшаемся выписать этотъ разборъ цѣликомъ. Намъ хочется, чтобъ читатель самъ ознакомился съ этимъ разсказомъ, не смотря на то, что передаетъ этотъ разсказъ и дѣлаетъ изъ него выписки самъ г. — бовъ, — сторонникъ, любитель и заступникъ таланта Марка-Вовчка.

• Мы помнимъ первое появленіе этого разсказа, говорить г. — бовъ. Люди, еще вѣрующіе въ неприкосновенность крѣпостнаго права, пришли отъ него въ ужасъ. А въ разсказѣ раскрывается естественное и ничѣмъ незаглушимое развитіе въ крестьянской дѣвчкѣ любви къ самостоятельности и отвращенія къ рабству. Ничего преступнаго тутъ нѣтъ,

как видите; но на приверженцев крѣпостныхъ отношеній подобный рассказъ дѣйствительно долженъ былъ произвести потрясающее дѣйствіе. Онъ засталъ въ ихъ послѣднее убѣжище, которое они считали неприступнымъ. Видите ли, они, какъ люди гуманные и просвѣщенные, согласились, что крѣпостное право въ основаніи своемъ несообразно съ успѣхами современнаго просвѣщенія. Но вслѣдъ за тѣмъ они говорили, что вѣдъ мужикъ еще не созрѣлъ до настоящей самостоятельности, что онъ о ней и не думаетъ, и не желаетъ ея, и вовсе не тяготится своимъ положеніемъ, — развѣ ужъ только гдѣ барщина очень тяжела и прикащики кругъ... «Да и помилуйте, откуда заберется мужику въ голову мысль о свободѣ? Книгъ онъ не читаетъ вовсе никакихъ; съ литераторами незнакомъ; дѣла у него довольно, такъ что утопій сочинять и не досугъ... Живетъ онъ себѣ, какъ жили отцы и дѣды, и если его теперь хотятъ освобождать, такъ это чисто по милости, по великодушію... И повѣрьте, что мужикъ нескоро еще очнется, нескоро въ толкъ возьметъ, что такое и зачѣмъ даютъ ему... Многие, очень многие еще всплачутся по прежней жизни.» Такъ утѣряли умные и просвѣщенные люди, и считали невозможнымъ всякое возраженіе. И вдругъ, представьте себѣ — прямо оспаривается дѣйствительность факта, на который они ссылаются. Имъ рассказываютъ случаи, доказывающій, что и въ крестьянскомъ сословіи естественна любовь къ свободному труду и независимой жизни, и что развитіе этого чувства не нуждается даже въ пособіи литературы. Вотъ какой яростной случай имъ рассказываютъ.

У крестьянской старушки воспитываются двѣ сироты: племянница ея Маша и племянникъ Федя. Федя — какъ быть маляжикъ, веселый, смиренный, покорный; а Маша съ мадрѣства выказываетъ большую своеобычливость. Она не довольствуется тѣмъ, чтобы выслушать приказаніе, а непременно требуетъ, чтобы сказали ей, зачѣмъ и почему; ко всему она прислушивается и присматривается и чрезвычайно рано обнаруживаетъ наклонность имѣть свое сужденіе. Будь бы дѣвочка у строгаго отца съ матерью, у нея эту дурь, разумѣется, мигомъ бы выбили изъ головы, какъ обыкновенно и дѣлается у насъ съ сотнями и тысячами дѣвочекъ и мальчиковъ, обнаруживающихъ въ дѣтствѣ издѣльную шитливость и неумѣстную претензію на преждевременную дѣятельность разсудка. Но къ счастью или несчастью Маши, тетка ея была добрая и простая женщина, которая не только не карала Машу за ея юркость, но даже и сама-то ей поддавалась и очень конфузилась, когда не могла удовлетворить распросамъ племянницы или переспорить ее. Такимъ образомъ Маша получила убѣжденіе, что она имѣетъ право думать, спрашивать, возражать. Этого ужъ было довольно. На седьмомъ году случилось съ ней происшествіе, которое дало особенный оборотъ всѣмъ ея мыслямъ. Тетка съ Федей поѣхала въ городъ; Маша осталась одна караулить избу. Сидитъ она на заваленкѣ и играетъ съ ребятами. Вдругъ проходитъ мимо барыня; остановилась, посмотрѣла и говоритъ Машѣ: «что это такъ разшумѣлась? Свою барыню знаешь?

А? чья ты? Маша оробѣла, что ли, не отиѣтила, а барыня-то ее и выбранила: «дура растешь, не умѣешь говорить». Маша въ слезы. Барыня малко слабеет. «Ну, поди, говоришь во мнѣ, дурочка». Маша войдетъ: барыня приназываетъ ребятишкамъ подвѣста къ ней Машу. Маша ударилась бѣжать, да такъ и не пришла домой. Воротилась тетка съ Ѳедей въ городъ, — нѣтъ Маши; пошли искать, искали-искали, не нашли; ужъ на возвратномъ пути она сама къ нимъ вышла шпъ чего-то комюлянишка. Тетка хотѣла ее домой вести, — нейдетъ. «Меся, говоритъ, барыня возьметъ, не пойду я». Кое-какъ тетка ее успокоила и тутъ же ей наставленіе дала, что надо барыню слушаться, хоть она и сурово прикажетъ.

— А если не послушаешься? промолвила Маша.

— Тогда гора не оберешься, голубчикъ, говорю (*). — Любо развѣ зару-то принимать?..

• А Ѳеда даже смутился, смотреть на сестру во всѣ глаза.

— Убѣжать можно, говоритъ Маша, — убѣжать далеко... Вотъ Троставскіе лѣтось бѣгали.

— Ну, и поймали ихъ, Маша... А которые на дорогѣ померли.

— А поймавныкъ-то въ острогъ посадили, распинали всячески, говорятъ Ѳеда.

— Натерѣлись они и стыда и горя, дитятко, — я говорю; а Маша все свое: «да чего всѣ за барыню такъ стоятъ?»

— Она барыня — толкуемъ ей, — ей права даны, у ней казна есть... такъ ужъ ведется.

— Вотъ что, сказала дѣвочка. — А за насъ-то кто жъ стоитъ?

• Мы съ Ѳедей переглянулись: что это на нее нашло?

— Неразумная ты головка, дитятко, говорю.

— Да кто жъ за насъ? твердить.

— Сами мы за себя, да Богъ за насъ, отвѣчаю ей (стр. 29).

• И съ той поры у Маши только и рѣчей, что про барыню. • И кто ей отдавъ насъ? и какъ? и зачѣмъ? и когда? Барыня рада, говоритъ, а насъ-то сколько! Пошли бы себѣ отъ нея, куда захотѣли: что она слѣзаетъ? Старушка-тетка, разумѣется, не могла удовлетворить Машу, и дѣвочка должна была сама доходить до разрѣшенія своихъ вопросовъ. Между тѣмъ скоро пришлось ей примѣнить и на практикѣ свой образъ мыслей. Барыня вспоминала про Машу и велѣла старостѣ посылать ее на работу въ барскій садъ. Маша уперлась: «не пойду», говоритъ, да и только. Теткѣ стало малко дѣвочку: сказала старостѣ, что больна Маша. За эту отговорку и ухватила дѣвочка: какъ только господская работа, она больна. Ужъ барыня и къ себѣ ее требовала и допрашивала: «чѣмъ больна?» — «Все болитъ», отвѣчаетъ Маша. Барыня побранивъ, погромятъ и прогонятъ ее. А на другой разъ опять тоже.

Сколько на уговаривала Машу братъ ее, сколько ни просила тегна

(*) Рассказъ ведется отъ лица тетки.

— ничто не помогало. Маша не только не хотѣла работать, да еще при этомъ и держала себя такъ, какъ будто бы она была въ полномъ правѣ, какъ будто бы то, что она дѣлала, такъ и должно было дѣлать ей. Она не хотѣла, наприимѣръ, попросить у барыни, чтобъ освободила ее отъ работы. Стоило только поклониться, попроситься, — разсуждаетъ тетка, — барыня ее отпустила бы сама: да не такая была Маша наша. Она, бывало, и глазъ-то на бырыню не подниметь, и голосъ-то глухо звучить... А вѣдь извѣстнѣе нравъ барскій: ты обмани — да поклонись низко, ты злой человѣкъ — да почителевъ будь; просися, молися: ваша, молъ, власть казнить и миловать — простите! и все тебѣ простится; а чуть возмутился сердцемъ, слово горькое сорвалось, — будь ты и правдивъ и честенъ, — милости надъ тобой не будетъ: ты грубиянъ! Барыня наша за добрую, за жалостливую слыла, а вѣдь какъ она Машу донимала! «Погодите, — бывало на насъ грозится, — я васъ всѣхъ проучу!» Хоть она и не карала еще, да съ такими посулами время невесело шло.

А въ Машѣ отвращеніе отъ барской работы дошло до какого-то ожесточенія, вызывало ее на *безсознательный, безумный героизмъ*. Разъ братъ упрекнулъ ее, что она отъ работы отговаривается болѣзнию, а въ пляскахъ да играхъ передъ всей деревней отличается. «Развѣ, говорить, ты думаешь, до барыни не дойдешь? Нехорошо, что ты насъ подъ барскій гнѣвъ подводишь». Послѣ этого Маша перестала ходить на улицу. Скучно ей, тосливо смотреть она изъ окошка на игры подругъ, слеза бѣжитъ у ней по щекъ, а не выйдетъ изъ избы. Тетка стала посылать ее къ подругамъ, братъ сталъ упрашивать, чтобы она перестала сердиться на его попрекъ: «я, говоритъ, — Федя, не сердита, а только ты не упрощивай меня понапрасну, — не пойду». Такъ и не ходила, а по ночамъ не спала да по огороду все гуляла, одна одинешенька; и никому того не сказывала, — да разъ невзначай тетка ее подстерегла... «Богъ съ тобой, Маша, говорить ей тетка. — Жить бы тебѣ, какъ люди живутъ. Отбыла барщину, да и не боишься ничего... А то вотъ по ночамъ бродишь, а днемъ показаться за ворота не смѣешь». — «Не могу, шепчетъ, не могу! Вы хоть убейте меня — не хочу». Такъ и оставили ее.

Между тѣмъ Маша выросла, стала свѣстой, красавицей. Старуха-тетка начинаетъ ей загадывать о замужней жизни и пророчить счастье замужемъ. Но Машѣ и то не по праву: «что жъ замужемъ-то, — одинаково, говорить. — Какое счастье!... Тетка толкуетъ, что не все горе на свѣтѣ, есть и счастье. «Есть да не про нашу честь», отвѣчаетъ Маша. Слушая такія рѣчи, и Федя начинаетъ задумываться. Но Федя не можетъ предаваться своимъ думамъ: онъ отбываетъ барщину. Маша же продолжаетъ упорно отказываться отъ всякой работы. Всѣ на деревнѣ стали дивиться и роптать на бездѣлье Маши, а барыня однажды такъ разсердилась, что велѣла немедленно самою привести изъ себѣ Машу. Привели ее. Барыня бросилась къ ней, бранится и сервитъ ей въ руки суетъ: «выжи мнѣ траву въ двѣтникѣ». Да и стала надъ нею.

• живи! Маша какъ взмахнула серпомъ — прямо себѣ по рукѣ угодила. Кровь брызнула, барыня перепугалась: «ведите ее домой скорѣе! вотъ платочекъ — руку перевязать!» Тѣмъ дѣло и кончилось; Маша не оцѣнила даже барской милости: какъ пришла домой, такъ сорвала съ руки барыниныхъ платочекъ и далеко отъ себя бросила...

• Упрямое сопротивление Машы всякому наряду на работу, ея тоска, ея странные запросы — дурно подѣйствовали на ея брата. И онъ закручинился, и онъ отъ работы отбился. Старуха-тетушка нашла, что парня пора женить, и говорить ему разъ о невѣстахъ. «Кои свои, говорить, не по праву, такъ бы въ Дерновку съѣздилъ, тамъ есть дѣвушки хорошія». — «Дерновскіе всѣ вольные», отозвалась Маша. — «Чтожь что вольные, вразумляетъ тетка... Развѣ вольные не выходить за барскихъ? Лишь бы имъ женихъ нашъ приглянулся». — «Если бы я вольная была, — заговорила Маша, а сама такъ и задрожала, — я бы, говорить, лучше на плаху головою». — Федя очень огорчился этимъ отзывомъ. «Ужь очень ты барскихъ-то обижаешь, Маша, проговорилъ онъ, и въ лицѣ измѣнился: — они тоже вѣдь люди Божіи; только что безсчастные». Да и вышелъ съ тѣмъ словомъ... Тетка начала по обычаю уговаривать Машу, говоря, что кручиной да слезами своей судьбѣ не поможешь, а развѣ что вѣку не доживешь. А Маша отвѣчаетъ, что оно и лучше умереть-то скорѣе. «Что мнѣ тутъ-то, говорить, — на свѣгѣ-то?»

• Такъ живетъ бѣдная семья, страдая отъ неумѣстно-поднятыхъ и незаконно расросшихся вопросовъ и требованій дѣвочки. У дурной помѣщицы, у сердитаго управляющаго подобная блажь была бы конечно очень дурной конецъ. Но разсказъ представляетъ намъ добрую, кроткую помѣщицу, да еще съ либеральными наклонностями. Она рѣшилась дать позволеніе своимъ крестьянамъ выкупаться на волю. Можно представить себѣ, какъ подѣйствовало это извѣстіе на Машу и Федю. Но мы не можемъ удержаться, чтобы не выписать здѣсь вопли двухъ маленькихъ главъ, составляющихъ заключеніе этого разсказа Марка Вовчка.

• А Федя все сумрачнѣй да угрюмѣй, а Маша въ глазахъ у меня таетъ... слегла. Одинъ разъ я сижу подлѣ нея — она задумалась крѣпко; вдругъ входитъ Федя — бодро такъ, весело: «здравствуйте», говорить. Я-то обрадовалась: «здравствуй, здравствуй, голубчикъ!» Маша только взглянула: чего, молъ, веселье такое?

• — Маша, говорить Федя: — ты умирать собираешься, — молада еще видно ты умирать-то.

• Самъ посиживается. Маша молчитъ.

• — Да ты очнись, сестрица, да прислушайся: я тебѣ вѣсточку принесъ.

• — Богъ съ тобой, и съ вѣсточкой, отвѣтила. Ты — себѣ веселись, Федя, а мнѣ покой дай.

• Какая вѣсточка, Федя, скажи мнѣ, спрашиваю.

• — Услышь, тетушка милая! — и обнялъ меня крѣпко-крѣпко и

поцеловать. — Очнись, Маша! за руку Машу схватить и приподнять ее. — Барыня объявила намъ: кто хочет откупаться на волю — откупайся...

• Какъ вскрикнетъ Маша, какъ бросится брату въ ноги! Целуетъ и слезами обливаетъ, дрожить вся, голосъ у ней обрывается: «откуда меня, родной, откуда! Благослови тебя Господи! Милый мой! откупи меня! Господи! помоги же намъ, помоги!..

• Федя-то самъ рѣкою разливается, а у меня сердце покатилося, — стою, смотрю на нихъ.

— Погоди жь, Маша, проговорилъ Федя, — дай опомнится-то; Обсудить, обдумать надо хорошенько.

— Не надо, Федя! Откупайся скорѣй... скорѣй, братецъ милый!

— Помѣхи еще есть, Маша, я вступилась: — придется продать почитай послѣднее. Какъ, чѣмъ кормиться-то будемъ?

— Я буду работать... Братецъ! безуставно буду работать. Я выпрошу, выплачу у людей... Я закабалюсь, куда хочешь, только выкупи ты меня! Родной мой, выкупи! Я вѣдь изныла вся! Я дня веселаго, сна покойнаго не знала! Пожалѣй ты моей юности! Я вѣдь не живу — я томлюсь... Охъ, выкупи меня, выкупи! Иди, иди къ ней..

• Одѣваетъ его, торопитъ, сама молить-рыдаеть... Я и не опомнилась, какъ она его выпроводила... Сама по избѣ ходить, руки ломаетъ... И мое сердце трепещеть, словно въ молодости, — вотъ что затѣвается! Трудно мнѣ было сообразиться, еще труднѣй успокоиться...

• Ждемъ мы Федю, ждемъ не дождемся! Какъ завидѣла его Маша, горько заплакала, а онъ намъ еще издали кричить: «славу Богу!» Маша такъ и упала на лавку, долго, долго еще плакала... Мы утѣшать: «пускай поплачу, говорить, — не тревожьте; сладко мнѣ и любо, словно я на свѣтъ Божій варождаюсь съизнову! Теперь мнѣ работу давайте. Я здорова... Я сильная какая, еслибъ вы знали!..

• Вотъ и откупились мы. Избу, все спродали... Жалко мнѣ было покидать, и Федѣ сгрустнулось: садилъ, растилъ, — все прощай! Только Маша веселая и бодрая — слезки она не выронила. Какое! Словно она изъ живой воды вышла, — въ глазахъ блескъ, на лицѣ румянецъ; кажется, что каждая жилка радостью дрожить... Дѣдо такъ и кипитъ у нея... «Отдохни, Маша!» — «Отдыхать? я работать хочу!» — и засмѣется весело. Тогда я впервые узнала, что за смѣлъ у нея звонкій! Тогда Маша бѣгоручкой слыда, а теперь Машу первой руководѣльницей, первой работницей величаютъ. И женихи къ намъ толпой... А барыня-то гнѣвалась — Боже мой! Сосѣди смѣются: «холопка глупая васъ отуманила! Она нарочно больною притворилась... Вѣдь вы, небось, даромъ почти ее отпустили?» Барыня и въ правду Машей не дорожилась.

• Поселились мы въ избышкѣ ветхой, въ городѣ, да трудиться стали. Богъ намъ помогалъ, мы и новую дѣбу срубили.. Федя женился. Маша замужъ пошла... Свекровь въ ней душа не слышитъ: «она меня

своею дочь родная утѣшаетъ; что это за веселая! что это за работящая! больна съ той поры не бывала.

Къ этому первому разсказу г. — бовъ дѣлаетъ небольшое вступленіе. Но вы уже прочли его. Г. — бовъ утверждаетъ, что при появленіи этого разсказа люди, еще вѣрующіе въ неприкосновенность крѣпостного права, пришли отъ него въ ужасъ и что «въ разсказѣ разсказывается естественное и ничѣмъ не заглушимое развитіе въ крестьянской дѣвочкѣ любви къ самостоятельности и отвращенія къ рабству.» Намъ какъ-то странно слышать про ужасъ людей, еще вѣровавшихъ въ неприкосновенность крѣпостного права и проч. Не понимаемъ, про какихъ это людей говоритъ г. — бовъ и много ли овъ ихъ видѣлъ? И хотя наше замѣчаніе не касается прямо литературнаго вопроса, о которомъ идетъ наша статья, но мы не можемъ удержаться чтобъ не сдѣлать его. Кто хоть сколько-нибудь знаетъ русскую дѣйствительность, тотъ согласится тотчасъ же, что у насъ всѣ, рѣшительно всѣ, и цивилизованные и нецивилизованные, и образованные и необразованные, за немногими, быть можетъ, исключеніями, давнымъ давно и отлично хорошо знаютъ о степени того развитія, о которомъ говоритъ авторъ. Не говоримъ уже о нѣкоторомъ комизмѣ предположенія, что маленькій разсказъ могъ такъ потрясти такую огромную массу людей; мало того: приведемъ ихъ въ ужасъ. «Имъ разсказывается случай, говоритъ г. — бовъ, доказывающій, что и въ крестьянскомъ сословіи естествона любовь къ свободному труду и независимой жизни и что развитіе этого чувства не нуждается даже въ пособіи литературы. Вотъ какой простой случай имъ разсказываютъ.»

Разсказывать такіе случаи и разсказывать съ талантомъ, умѣючи, съ знаніемъ дѣла, — всегда полезно, не смотря на то, что такіе случаи давнымъ давно извѣстны. На то и талантъ у писателя, чтобъ произвести впечатлѣніе. Можно знать фактъ, видѣть его самолично сто разъ и все-таки не получить такого впечатлѣнія, какъ если кто-нибудь другой, человѣкъ особенный, станетъ подлѣ васъ и укажетъ вамъ тотъ же самый фактъ, но только по своему, объяснитъ вамъ его своими словами, заставитъ васъ смотрѣть на него своимъ взглядомъ. Этимъ-то вліяніемъ и познается настоящій талантъ. Но если разсказывать теперь, въ настоящую минуту, о любви къ свободному труду и разсказывать для того, чтобъ доказать, что такой фактъ существуетъ, такъ вѣдь это все равно, какъ еслибъ кто сталъ доказывать, что человѣку надобно пить и ѣсть. Теперь просимъ читателя обратить вниманіе на этотъ самый разсказъ, на этотъ простой случай, какъ выразится г. — Бовъ. Скажите: читали ли вы когда-нибудь, что-нибудь болѣе неправдо-

Подобное, болѣе уродливое, болѣе безтолковое, какъ этотъ разсказъ? Что это за люди? Люди ли это наконецъ? Гдѣ это происходитъ: въ Швеціи, въ Индіи, на Сандвичевыхъ островахъ, въ Шотландіи, на лушѣ? Говорятъ и дѣйствуютъ сначала какъ-будто въ Россіи; героиня — крестьянская дѣвушка; есть тетка, есть барыня, есть братъ Одея. Но что это такое? Эта героиня, эта Маша, — вѣдь это какой-то Христофоръ Колумбъ, которому не даютъ открыть Америку. Вся почва, вся дѣйствительность выхвачена у васъ изъ-подъ ногъ. Нелюбовь къ крѣпостному состоянію конечно можетъ развиваться въ крестьянской дѣвушкѣ, да развѣ такъ она проявится? Вѣдь это какая-то балаганная героиня, какая-то книжная, кабинетная строка, а не женщина? Все это до того искусственно, до того подсочинено, до того манерно, что въ иныхъ мѣстахъ (особенно когда Маша бросается къ брату и кричитъ: «откупи меня!») мы, напримѣръ, не могли удержаться отъ самого веселаго хохота. А развѣ такое впечатлѣніе должно производить это мѣсто въ повѣсти? Вы скажете, что надо уважать ипыя положенія, и за пдею простить нѣкоторую неслучу въ ея выраженіи. Согласны и увѣряемъ васъ, что мы не смѣемъ надъ вещами священными, но и вы согласитесь сама, что нѣтъ такой идеи, такого факта, котораго бы нельзя было опошлить и представить въ смѣшномъ видѣ. Можно долго крѣпиться, но наконецъ и расхохочешься, не утерпишь. Теперь предположимъ, что всѣ защитники настоящаго крестьянскаго быта дѣйствительно, какъ увѣряетъ г. —бовъ, не вѣрятъ, что крестьянинъ желаетъ выйти на волю. Убѣлитъ ли хоть кого-нибудь изъ нихъ подобный разсказъ въ томъ, что они ошибаются? «Да это неправдоподобно!» закричатъ они... но послушаемъ самого г. —бова.

«Фантазія! Идиллія! Мечты золотаго вѣка!» — закричали послѣ этого разсказа практическіе люди съ гуманными взглядами, но съ тайною симпатіею къ крѣпостнымъ отношеніямъ. «Гдѣ это видано, чтобы въ простой мужицкой натурѣ могло въ такой степени развиваться сознаніе личности? Если когда-нибудь и бывало что-нибудь подобное, такъ это эксцентрическій случай, обьявленный своимъ происхожденіемъ какимъ-нибудь особеннымъ обстоятельствомъ. Разсказъ о Машѣ вовсе не представляетъ картины изъ русскаго быта; онъ есть просто заоблачная выдумка. Авторъ взялъ не типъ русской простой женщины, а явленіе исключительное, и потому разсказъ его фальшивъ и лишонъ художественнаго достоинства. Требованіе художественности состоитъ въ томъ, чтобы воплощать», и проч. .

Тутъ почтенные ораторы пускались въ разсужденія о художественности и чувствовали себя совершенно въ своей тарелкѣ.

Но людемъ, не заинтересованнымъ въ дѣлѣ, и въ голову не пришло возражать противъ естественности такого факта, какой разсказанъ въ

Машѣ. Напротивъ, онъ казался нормальнымъ для всякаго, знакомаго съ крестьянской жизнью. Въ самомъ дѣлѣ, неужели возможно отвергать въ крестьянинѣ присутствіе того, что мы считаемъ необходимой принадлежностью человѣческаго смысла у каждаго изъ людей? Это ужъ было бы слишкомъ...

• Но пожалуй, разсуждайте какъ угодно, факты докажутъ вамъ, что такія лица, какъ Маша и Федя, далеко не составляютъ исключенія въ массѣ русскаго народа. •

Пусть почтенный авторъ пускается въ разсужденія и въ доказательства того, что крестьянинъ дѣйствительно можетъ чувствовать потребность самостоятельности и сознать, что свободное состояніе лучше крѣпостного (въ чемъ ровно никто не сомнѣвается), пусть трактитъ на эти доказательства необыкновенное краснорѣчіе, какъ будто дѣйствительно нужно кому-нибудь доказывать, что крестьянинъ можетъ мыслить, и пусть, въ восторгѣ своемъ, даже доказываетъ, что явленіе Маши нормально, и доказываетъ на томъ основаніи, что она могла замѣчать, разсуждать, мечтать, чувствовать и наконецъ сознать свое положеніе. Все это справедливо, г. —бовъ; мы вамъ и безъ краснорѣчія на слово вѣримъ, что все это справедливо, потому что сами знаемъ уже давно, что все это справедливо: крестьянская дѣвушка дѣйствительно можетъ и разсуждать и догадываться и сознавать и чувствовать отвращеніе и проч. и проч. Но развѣ такъ все это должно проявиться, какъ представлено въ повѣсти? развѣ въ ней не представлено все такъ, что вѣроятное сдѣлано невѣроятнымъ, что все это происходитъ на Сандвичевыхъ островахъ, а не въ Россіи. Вы говорите :

• Да, мы находимъ, что въ **Машѣ** рассказанъ не исключительный случай, — какъ претендуютъ землевладѣльцы и художественные критики. Напротивъ, въ личности Маши схвачено и воплощено стремленіе, общее всей массѣ русскаго народа. А если потребность восстано- и
вить независимость своей личности существуетъ, то во всякомъ случаѣ она проявится въ фактахъ народной жизни. •

Позвольте, г. —бовъ. Если мы рѣшились сдѣлать такія длинныя выписки изъ вашей критики, то это вовсе не для того, чтобъ говорить о Маркѣ-Вовчкѣ и о вопросахъ, которые онъ затрогиваетъ въ своихъ рассказахъ. Мы замѣтили въ самомъ началѣ нашей статьи, что нигдѣ такъ ярко вы, предводитель утилитаризма въ искусствѣ, не высказываете вашихъ идей объ искусствѣ, какъ въ этомъ разборѣ. Теперь мы именно пришли къ той цѣли, для которой дѣлали наши длинныя выписки. Мы хотѣли показать, что утилитаристы, презирая искусствомъ и художественностью и не ставя ихъ на первый планъ въ дѣлѣ литературы, идутъ прямохонько противъ са-

Имихъ себя. Мало того: вредять дѣлу, которому сами служатъ, и вы вамъ это докажемъ.

Посмотрите: вы утверждаете, что искусство для искусства дѣлаетъ человѣка даже неспособнымъ понимать необходимость дѣльнаго направленія въ литературѣ; вы сами говорили это художественному критику. Мало того: передразнивая художниковъ, которыхъ вы ставите всѣхъ (замѣтьте: всѣхъ) на одну доску съ плантаторами, вы кричите, будто бы ихними словами, послѣ прочтенія разсказа: *Маша*: «фантазія, идиллія! мечты золотого вѣка! Гдѣ это видано, чтобы въ простой мужицкой натурѣ могло въ такой степени развиваться сознание своей личности?» Отвѣчаемъ: Въ простой мужицкой натурѣ развивались и не такія вещи, да и не въ видѣ исключенія, а чуть не сподрядъ; все это мы знаемъ и всему этому вѣримъ. Но вѣдь видимъ же мы, что вы сами чувствуете всю нелѣпость того, какъ представлено дѣло въ разсказѣ Вовчка, иначе не стали бы вы пускаться въ такую горячую защиту разсказа, въ передразниваніе художниковъ, которыхъ вы выругали плантаторами. Выслушайте-ка теперь насъ, — не совѣты, не приговоры наши, а просто наши соображенія при настоящемъ случаѣ. Мы въ старинномъ спорѣ объ искусствѣ не участвовали, къ литературнымъ партиямъ доселѣ не принадлежали, пришли съ вѣтру и люди свѣжіе, по крайней мѣрѣ безпристрастные. Благоволите же выслушать:

Во-первыхъ прежде всего увѣряемъ васъ, что не смотря на любовь къ художественности и къ чистому искусству, мы сами зчемъ, жаждемъ хорошаго направленія и высоко его цѣнимъ. И потому поймите наше главное: мы на Марко-Вовчка нападаемъ вовсе не потому, что онъ пишетъ съ направленіемъ; напротивъ, мы его слишкомъ хвалимъ за это и готовы бы радоваться его дѣятельности. Но мы именно за то нападаемъ на автора народныхъ разсказовъ, что онъ не умѣлъ *хорошо* сдѣлать свое дѣло, сдѣлалъ его дурно и тѣмъ повредилъ дѣлу, а не принесъ ему пользу. Поймите же насъ, — мы не хотимъ быть дурно понятыми и оклеветанными. Чему вы сами радуетесь въ этихъ разсказахъ? Что въ нихъ дѣльныя мысли; видѣвъ умъ, хорошій, правдивый взглядъ на вещи? такъ? Но предположивъ только, что ваша идея справедлива, то есть что защитники настоящаго крестьянскаго быта, какъ говорите вы, не вѣруютъ, что мужику хочется на свободу, повторимъ: неужели вы убѣдите ихъ этимъ разсказомъ? Вы прямо говорите, что этотъ разсказъ «злетаетъ въ ихъ послѣднее убѣжище», следовательно вѣрите въ его *полезность*. А между-тѣмъ ваши противники прямо отвѣтятъ вамъ: «Вы утверждаете, что это случай повсемѣстный, и выходите изъ себя, чтобы доказать это; то-то и есть, что онъ разсказанъ такъ, что мы ясно

идеи его исключительность, доходящую до нелѣпости, почти невозможную. Ужь если вы, для доказательства вашей идеи, не нашли способа выразить ее въ русскомъ духѣ и русскими лицами, то согласитесь сами, вѣдь позволительно заключить, что и факта такого вѣтъ въ русскомъ духѣ и не возможенъ онъ въ русской дѣйствительности.» Вотъ что вамъ отвѣтять, а слѣдственно разказать, вмѣсто серьезнаго, дѣльнаго впечатлѣнія, возбудить только смѣхъ и напомнить басню: медвѣдь и пустынникъ. «Вы даже не могли представить себѣ русскаго человѣка съ вашей идеей! прибавятъ наши противники. Когда надо было указать, какъ осуществляется ваша мысль на дѣлѣ, въ жизни, русскій человѣкъ ускользнулъ отъ васъ. Вы принуждены были одѣть въ русскіе кафтаны и сарафаны какихъ-то швейцарцевъ изъ балета; это пейзажи и пейзажки, а не крестьяне и крестьянки. У васъ почва выскользнула изъ подъ ногъ, только что вы шагъ первый ступили для доказательства вашего нелѣпаго парадокса. И послѣ этого вы хотите, чтобы мы вамъ повѣрили, когда вы сами, защитники дѣла, не въ состояніи представить себѣ такого дѣла между русскими людьми? Нѣтъ, обманывайте себя, кабинетные мечтатели, а насъ оставьте въ покоѣ». Вотъ что вамъ скажутъ и по своему будутъ правы. А между-тѣмъ вѣдь мысль-то автора разказовъ вѣрна. Представьте же себѣ, что вмѣсто этой балаганной шутихи, вмѣсто этой строки, Маши, вышло бы у автора разказовъ яркое, вѣрное лицо, такъ что вы бы съ разу, на яву, увидѣли то въ дѣйствительности, о чемъ такъ горячо спорите, — неужели вы бы отвергли такой разказъ за то только, что онъ художественъ? Вѣдь такой разказъ былъ бы въ тысячу разъ полезнѣе. Въ сущности вы презираете поэзію и художественность; вамъ нужно прежде всего дѣло, вы люди дѣловые. То-то и есть, что художественность есть самый лучший, самый убѣдительный, самый безспорный и наиболѣе понятный для массы способъ представленія въ образахъ именно того самаго дѣла, о которомъ вы хлопочете, самый дѣловый, если хотите вы, дѣловой человѣкъ. Слѣдственно художественность въ высочайшей степени полезна и полезна именно съ *вашей* точки зрѣнія. Что же вы ее презираете и преслѣдуете, когда ее именно нужно поставить на первый планъ, прежде всякихъ требованій? «Прежде всякихъ требованій — нельзя, говорите вы, потому что прежде всего нужно дѣло»; но вѣдь и о дѣлѣ нужно говорить дѣльно, умѣючи. Вѣдь и въ дѣльномъ человѣкѣ не много пользы, если онъ не умѣетъ высказаться. Это все равно, если у васъ напримѣръ подл командой кучи солдатъ, народъ надежный, хорошій; вдругъ тревога: всѣ вскакиваютъ, надѣваютъ ранцы, аммуницію, хватаются за оружіе; «скорѣе! скорѣе! командуете вы, бросайте ранцы, патро-

вы, не нужно: только опоздаемъ со всѣми лишними сборами; и оружія не нужно, — кто что успѣлъ захватить, съ тѣмъ и маршъ!» Вы дѣйствительно поспѣваете во время на мѣсто, занимаете его, но въ ваши солдаты безъ оружія и безъ амуниціи, куда они годятся? Дѣло-то сдѣлано, да въдъ нехорошо сдѣлано. Или наприимѣръ передъ вами крѣпость; вамъ нужно ее атаковать, и вотъ вы требуете непремѣннымъ условіемъ, чтобъ ваши солдаты всѣ до одного были хромые. Писатель безъ таланта, тотъ же хромой солдатъ. Неужели же вы предпочтете для выраженія вашей мысли заикку?

Но вы улыбаетесь, вамъ смѣшно слушать, что васъ же какъ-будто учать тому, что вы сами не только отлично знаете, но давнымъ давно уже въ своемъ мѣстѣ высказали. Въ одной изъ вашихъ статей вы говорите: «*пожалуй, пусть будетъ* произведение художественное, но будь оно и современное.» И въ другой статьѣ: «Если вы хотите живымъ образомъ дѣйствовать на меня, хотите заставить меня полюбить красоту, — то умѣйте уловить въ ней этотъ общій смыслъ, это вѣяніе жизни, умѣйте указать и растолковать его мнѣ; тогда только вы достигнете вашей цѣли.» Коротко и ясно; вы не отвергаете художественности, но требуете чтобъ художникъ говорилъ о дѣлѣ, служилъ общей пользѣ, былъ вѣренъ современной дѣйствительности, ея потребностямъ, ея идеаламъ. Желаніе прекрасное. Но такое желаніе, *переходящее въ требованіе*, но нашему есть уже непониманіе основныхъ законовъ искусства и его главной сущности — свободы вдохновенія. Это значитъ просто не признавать искусства, какъ органическаго цѣлаго. Въ томъ-то вся и ошибка въ этомъ сбивчивомъ вопросѣ, которая привела насъ къ недоумѣніямъ, несогласіямъ и, что всего хуже, къ крайностямъ. Вы какъ-будто думаете, что искусство не имѣетъ само по себѣ никакой нормы, никакихъ своихъ законовъ, что имъ можно помыкать по произволу, что вдохновеніе у всякаго въ карманѣ по первому востребованію, что оно можетъ служить тому-то и тому-то и пойти по такой дорогѣ, по которой вы захотите. А мы вѣримъ, что у искусства собственная, цѣльная, органическая жизнь и слѣдовательно основные и неизмѣнимые законы для этой жизни. Искусство есть такая же потребность для человѣка, какъ ѣсть и пить. Потребность красоты и творчества, воплощающаго ее, — неразлучна съ человѣкомъ, и безъ нея человекъ, можетъ быть, не захотѣлъ бы жить на свѣтѣ. Человекъ жаждетъ ея, находитъ и принимаетъ красоту *безъ всякихъ условій*, а такъ, потому только, что она красота, и съ благоговѣніемъ преклоняется передъ нею, не спрашивая, къ чему она полезна и что можно на нее купить? И можетъ быть въ этомъ-то и заключается величай-

шай тайна художественнаго творчества, что образъ красоты, созданный имъ, становится тотчасъ кумиромъ, *безъ великихъ условий*. А почему онъ становится кумиромъ? Потому что потребность красоты развивается наиболѣе тогда, когда человѣкъ въ разладѣ съ дѣйствительностью, въ негармоніи, въ борьбѣ, т. е. когда *наиболѣе живетъ*, потому что человѣкъ наиболѣе живетъ именно въ то время, когда чего-нибудь ищетъ и добивается; тогда въ немъ и проявляется наиболѣе естественное желаніе всего гармоническаго, спокойствія, а въ красотѣ есть и гармонія и спокойствіе. Когда же находятъ то, чего добивается, то на время для него какъ бы замедляется жизнь, и мы видѣли даже примѣры, что человѣкъ, достигнувъ идеала своихъ желаній, не зная куда болѣе стремиться, удовлетворенный по горло, впадалъ въ какую-то тоску, даже самъ растревлялъ въ себѣ эту тоску, искалъ другого идеала въ своей жизни, и отъ усвоеннаго пресыщенія, не только не цѣнилъ того, чѣмъ наслаждался, но даже сознательно уклонялся отъ прямого пути, раздражая въ себѣ посторонніе вкусы, нездоровые, острые, негармоническіе, иногда чудовищные, теряя тактъ и эстетическое чутье здоровой красоты и требуя вмѣсто нея исключеній. И потому красота присуща всему здоровому, т. е. наиболѣе живущему, и есть необходимая потребность организма человѣческаго. Она есть гармонія; въ ней залогъ успокоенія; она воплощаетъ человѣку и человечеству его идеалы. «Но позвольте, скажутъ намъ, про какіе идеалы вы говорите? Мы хотимъ дѣйствительности, жизни, вѣнія жизни. У насъ все общество, на примѣръ, разрѣшаетъ какой-нибудь современный вопросъ, оно стремится къ выходу, къ идеалу, который оно само себѣ поставило. Къ этому-то идеалу и поэты должны стремиться. Чѣмъ бы воплощать и уяснять передъ обществомъ этотъ идеалъ, вы вдругъ воспѣваете намъ Діану-охотницу или Лауру у Клавира.» Все это безспорно и справедливо. Но прежде чѣмъ мы отвѣтимъ на это возраженіе, позвольте намъ сдѣлать одно постороннее, побочное замѣчаніе, такъ, чтобъ ужъ разомъ, окончивъ со всѣмъ постороннимъ, перейти къ главному отвѣту на ваше прекрасное и чрезвычайно справедливое замѣчаніе.

Мы уже сказали въ началѣ нашей статьи, что нормальные, естественные пути полезнаго намъ не совсѣмъ извѣстны, по крайней мѣрѣ не исчислены до послѣдней точности. Какъ въ самомъ дѣлѣ опредѣлить ясно и безспорно, что именно надо дѣлать, чтобъ дойти до идеала всѣхъ нашихъ желаній и до всего того, чего желаетъ и къ чему стремится все человечество? Можно угадывать, изобрѣтать, предполагать, изучать, мечтать и рассчитывать, но невозможно разсчитывать каждый будущій шагъ всего человечества, въ родѣ

календаря. Поэтому какъ и опредѣлить *содержаніемъ* *серию*, что вредно и полезно? Но не только о будущемъ, мы даже не можемъ идти точныхъ и положительныхъ свѣдѣній о всѣхъ путяхъ и уклонахъ, однимъ словомъ о всемъ нормальномъ ходѣ полезнаго дѣла и въ прошедшемъ нашемъ. Мы изучаемъ этотъ путь, догадываемся, строимъ системы, выводимъ слѣдствія, но все-таки календаря и тутъ не составимъ, и исторія до сихъ поръ не можетъ считаться *точной наукой*, не смотря на то, что факты почти всѣ передъ нами. И потому какъ наприѣръ вы опредѣлите, вымѣрите и взвѣсите, какую пользу принесла всему человечеству Илліада? Гдѣ, когда, въ какихъ случаяхъ она была полезна, чѣмъ наконецъ, какое именно *вліяніе* она имѣла на такіе-то народы, въ такой-то моментъ ихъ развитія и сколько именно было этого вліянія (пу хоть фунтовъ, пудовъ, аршинъ, километровъ, градусовъ и проч. и проч.)? А вѣдь если мы этого не можемъ опредѣлить, то очень возможно, что можемъ ошибиться и теперь, когда будемъ строго и рѣшительно опредѣлять *люди* занятія и указывать искусству нормальные пути полезности и *настоящаго* его назначенія. А только согласитесь, что можно *ошибиться*, вотъ уже и неизвѣстно станетъ: можетъ быть Лаура-то у Клавира и окажется на что-нибудь полезна? Правда, красота всегда полезна; но мы объ ней теперь умолчимъ, а вотъ что мы окажемъ: (впрочемъ заранѣе предувѣдомляемъ, — можетъ быть мы скажемъ неслыханную, безстыднѣйшую дерзость, но пусть не смущаются нашими словами; мы вѣдь говоримъ только одно предположеніе). Что, скажемъ мы: а ну-ка если Илліада-то полезна сочиненій Марко-Вовчка, да не только прежде, а даже теперь, при современныхъ вопросахъ; полезна какъ способъ достиженія извѣстныхъ цѣлей, этихъ же самыхъ вопросовъ, разрѣшенія настоящихъ задачъ? Вѣдь и теперь отъ Илліады проходитъ трепеть по душѣ человека. Вѣдь это опека такой мощной, полной жизни, такого высокаго момента переломной жизни и, замѣтимъ еще, жизни такого великаго племени, чуждого наше время, — время стремленій, борьбы, колебаній *жизни* (потому что наше время есть время *жизни*), однимъ словомъ въ наше время *наибольшей* жизни, эта вѣковѣчная гармонія, которая воплощена въ Илліадѣ, можетъ слишкомъ рѣшительно подѣйствовать на душу. Нашъ духъ теперь наиболѣе восприимчивъ, вліяніе красоты, гармоніи и силы можетъ величаво и благотѣльно подѣйствовать на него, *полезна* подѣйствовать, влить энергію, поддержать наши силы. Сильное любить славу; кто вѣруетъ, тотъ силенъ, а мы вѣруемъ, главное, хотимъ вѣровать. Вѣдь чѣмъ гнусно занятіе Илліадою и подражаніе ей въ искусствѣ въ наше время, по взгляду противниковъ чистаго искусства? Тѣмъ, что мы, точно мотыльки, точно все

пережившіе, или точно трусы боящіеся нашей будущей жизни, наконецъ — точно равнодушные измѣнившіе тѣхъ жъ. насъ; въ которыхъ еще осталась жизненная сила и которые стремятся впередъ, точно энервированные до отупѣнія, до непониманія, что и у насъ есть жизнь, — въ какомъ-то отчаяніи, бросаема въ эпоху Илліады и создаемъ себѣ такимъ образомъ искусственную дѣйствительность, жизнь, которую не мы создавали и не мы проживали, мечту, пустую и соблазнительную, — и, какъ низкіе люди, заимствуемъ, воруемъ нашу жизнь у давно-прошедшаго времени и прокидаемъ въ наслажденіи искусствомъ, какъ викара негодные поаражатели! Согласитесь сами, что направленіе утилитаристовъ, съ точки зрѣнія подобныхъ упрековъ, въ высшей степени благородно и возвышенно. Оттого-то мы имъ такъ сочувствуемъ; оттого-то ихъ и хотимъ уважать. Бѣда только въ томъ, что это направленіе и эти упреки невѣрны. Не говоря уже о томъ, что мы говорили о потребности красоты, и о томъ, что у человѣчества уже опредѣлились отчасти ея вѣковѣчные идеалы (такъ что все это уже стало всемірной исторіей и связано общечеловѣчностью съ настоящимъ и съ будущимъ, навѣки неразрывно), — не говоря уже о томъ, замѣтимъ утилитаристамъ, что вѣдь можно относиться къ прошедшей жизни и къ прошедшимъ идеаламъ и не наивно, а исторически. При отысканіи красоты человѣкъ жилъ и мучился. Если мы поймемъ его прошедшій идеалъ и то, чего этотъ идеалъ ему стоялъ, то во-первыхъ мы выкажемъ чрезвычайное уваженіе ко всему человѣчеству, облагородимъ себя сочувствіемъ къ нему, поймемъ, что это сочувствіе и пониманіе прошедшаго гарантируетъ намъ же, въ насъ же присутствіе гуманности, жизненной силы и способность прогресса и развитія. Кроме того можно относиться къ прошедшему и (такъ сказать) байронически. Въ мукахъ жизни и творчества бываютъ минуты, не то чтобъ отчаянія, но безпредѣльной тоски, какого-то безотчетнаго полъма, колебанія, недоувѣрія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, умиленія передъ прошедшими, могущественно и величаво законченными сульбами исчезнушаго человѣчества. Въ этомъ энтузіазмѣ (байроническомъ, какъ называемъ мы его), передъ идеалами красоты, созданными прошедшимъ и оставленными намъ въ вѣковѣчное наслѣдство, мы изливаетъ часто всю тоску о настоящемъ, и не отъ безспія перелъ нашею собственною жизнью, а напротивъ, отъ пламенной жажды жизни и отъ тоски по идеалу, котораго въ мукахъ добиваемся. Мы знаемъ одно стихотвореніе, которое можно почесть воплощеніемъ этого энтузіазма, страстнымъ зовомъ, моленіемъ перелъ совершенствомъ прошедшей красоты и скрытой внутренней тоской по такому же совершенству, котораго ищетъ душа, но должна еще долго искать и

долго мучиться въ мукахъ рожденія, чтобъ отыскать его. Это стихотвореніе называется «Диана», вотъ оно :

Д И А Н А

Богиня дѣвственной округлыя черты,
 Во всемъ величїи блестящей наготы,
 Я видѣлъ межъ деревъ надъ ясными водами
 Съ продолговатыми, безпѣтвыми очами...
 Высоко поднялось открытое чело,
 Его недвижностью вниманье облегло, —
 И дѣвъ моленію въ тяжелыхъ мукахъ чрева
 Внимала чуткая и каменная дѣва.
 Но вѣтеръ на зарѣ между листовъ проникъ;
 Качнулся на водѣ богини ясный ликъ;
 Я ждалъ, — она пойдетъ съ колчаномъ и стрѣлами,
 Молочной бѣлизной мелькая межъ древами,
 Взирать на сонный Римъ, на вѣчный славы градъ,
 На желтоводный Тибръ, на группы колоннадъ,
 На стогны длинныя... Но мраморъ недвижимый
 Бѣлѣлъ передо мной красой непостижимой.

Послѣднія двѣ строки этого стихотворенія полны такой страстной жизненности, такой тоски, такого значенія, что мы ничего не знаемъ болѣе сильнаго, болѣе жизненнаго во всей нашей русской поэзіи. Это отжившее прежнее, воскресающее черезъ двѣ тысячи лѣтъ въ душѣ поэта, воскресающее съ такою силою, что онъ ждетъ и вѣрить, въ моленіи и энтузіазмѣ, что богиня сейчасъ сойдетъ съ пьедестала и пойдетъ передъ нимъ,

Молочной бѣлизной мелькая межъ древами...

Но богиня не воскресаетъ и ей не надо воскресать, ей не надо жить; она уже дошла до высочайшаго момента жизни; она уже въ вѣчности, для нея время остановилось; это высшій моментъ жизни, послѣ котораго она прекращается, — настаетъ олимпийское спокойствіе. Безконечно только одно будущее, вѣчно зовущее, вѣчно новое, и тамъ тоже есть свой высшій моментъ, котораго нужно искать и вѣчно искать, и это вѣчное исканіе и называется жизнью, и сколько мучительной грусти скрывается въ энтузіазмѣ поэта! какой безконечный зовъ, какая тоска о настоящемъ въ этомъ энтузіазмѣ къ пропавшему!

Конечно, мы согласны, можетъ существовать и такой гаденскій антологическій червячокъ, который дѣйствительно потерялъ все

чутье дѣйствительности, который не понимаетъ, что у него тоже есть жизнь, который перебрался въ прошедшее и поселился тамъ, гдѣ-нибудь въ антологіи, не полозрѣвая на себя, ни вопросовъ, ни жизненныхъ мукъ, ни злѣшняго прихода. Но, во-первыхъ, вѣдь и М червячку надо жить, а во-вторыхъ: лучше что ли его эти безчисленныя толпы грошовыхъ прогрессистовъ, съ убѣжденіями напрокатъ, съ совѣстью напрокатъ, съ ослабленіемъ надъ тѣмъ, чьего они праха не стоятъ, съ жалкимъ умишкомъ, вскочившимъ на фразу и выѣзжающимъ на ней подбоченясь? Чтожъ дѣлать! И тѣмъ и этимъ жить надо. Дѣйствительность слишкомъ разнообразна. Чтожъ дѣлать!

Теперь приступимъ къ нашему главному и окончательному отвѣту на вашъ справедливый вопросъ о томъ, почему искусство не всегда совпадаетъ своими идеалами съ идеаломъ всеобщимъ и современнымъ; ясиѣ: почему искусство не всегда вѣрно дѣйствительности?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ у насъ готовъ.

Мы сказали уже, что вопросъ объ искусствѣ, по нашему мнѣнію, не такъ поставленъ въ настоящее время, дошолъ до крайности и запутался отъ взаимнаго ожесточенія обѣихъ партій. Тоже самое повторяемъ мы и теперь. Да, вопросъ не такъ поставленъ и по настоящему спорить не о чемъ, потому что:

Искусство всегда современно и дѣйствительно, никогда не существовало иначе и, главное, не можетъ иначе существовать.

Теперь постараемся отвѣтить на всѣ возраженія:

Во-первыхъ, если намъ иногда кажется, что искусство уклоняется отъ дѣйствительности и не служитъ полезнымъ цѣлямъ, то это только потому, что мы не знаемъ навѣрно путей полезности искусства (о чемъ уже мы говорили), и кромѣ того, отъ излишняго жара въ нашихъ желаніяхъ немедленной, прямой и непосредственной пользы; т. е. въ сущности отъ горячаго сочувствія къ общему благу. Такія желанія конечно похвальны, но иногда неразумны и похожи на то, какъ еслябъ дитя, увидя солнце, потребовалъ, чтобъ М ему сейчасъ его сняли съ неба и дали.

Во-вторыхъ потому намъ иногда кажется, что искусство уклоняется отъ дѣйствительности, что дѣйствительно есть сумасшедшіе посты и прозябки, которые прерываютъ всякое сношеніе съ дѣйствительностью, дѣйствительно умираютъ для настоящаго, обращаются въ какихъ-то древнихъ грековъ или средневѣковыхъ рыцарей и прокисаютъ въ антологіи или въ средневѣковыхъ легендахъ.

Такое превращеніе возможно; но поэтъ, художникъ, поступившій такимъ образомъ, есть сумасшедшій виолиф. Такихъ немного.

3) Въ третьихъ, наши поэты и художники дѣйствительно могутъ уклоняться съ настоящаго пути или вслѣдствіе непониманія своихъ гражданскихъ обязанностей, или вслѣдствіе невѣрнаго общественнаго чутія, или отъ разрозненности общественныхъ интересовъ, отъ несозрѣлости, отъ непониманія дѣйствительности, отъ нѣкоторыхъ историческихъ причинъ, отъ не совѣсть еще сформировавшагося общества, оттого, что многие — кто въ дѣсь, кто по-дрова, и потому съ этой стороны призывы, укеры и разъясненія г. — бовъ въ высочайшей степени почтенны. Но г. — бовъ идетъ уже слишкомъ далеко. Тѣ, что онъ называетъ погрешками и альбомными побрякушками, мы, съ другой точки зрѣнія, признаемъ и нормальнымъ и полезнымъ, и такимъ образомъ антологическіе поэты не всѣ до единого сумасшедшіе (какъ признаетъ г. — бовъ), а только тѣ изъ нихъ, которые совѣсть отрѣшили отъ современной дѣйствительности, въ родѣ нныхъ нашихъ барынь, проживающихъ всю жизнь въ Парижѣ и потерявшихъ употребленіе русскаго языка (на чтѣ впрочемъ ихъ добрая воля). «Побрякушки» же тѣмъ полезны, что по нашему мнѣнію мы связаны и исторической и внутренней духовной нашей жизнью и съ историческимъ прошлымъ и съ общечеловѣчностью. Чтожъ дѣлать? безъ того вѣдь нельзя; вѣдь это законъ природы). Мы даже думаемъ, что чѣмъ болѣе человѣкъ способенъ откликаться на историческое и общечеловѣческое, тѣмъ шире его природа, тѣмъ богаче его жизнь и тѣмъ способнѣе такой человѣкъ къ прогрессу и развитію. Нельзя же такъ обстричь человѣка, что вотъ—дескать это твоя потребность, такъ—вотъ нѣтъ же, не хочу, живи такъ, а не такъ! И какіе ни представляйте резоны, — никто не послушается. И знаете еще что: мы увѣрены, что въ русскомъ обществѣ этотъ позывъ къ общечеловѣчности, а слѣдовательно и откликъ его творческихъ способностей на все историческое и общечеловѣческое и вообще на всѣ эти разнообразныя темы, — былъ даже наиболѣе нормальнымъ состояніемъ этого общества, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, и можетъ быть въ немъ вѣковѣчно останется. Мало того: намъ кажется, что этотъ всечеловѣчскій откликъ въ русскомъ народѣ даже сильнѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ народахъ, и составляетъ его высшую и лучшую характерность. Вслѣдствіе петровской реформы, вслѣдствіе нашего усиленнаго переживанія вдругъ многихъ разнообразныхъ жизней, вслѣдствіе инстинкта всежизненности, и творчество наше должно было проявиться у насъ такъ характерно, такъ особенно, какъ и

въ какомъ народѣ. Вѣдь вы возстаете почти противъ нормальнаго нашего состоянія. Вѣдь литературы европейскихъ народовъ были намъ почти родныя, почти наши собственныя, отразились въ русской жизни вволю, какъ у себя дома. Вспомните: вѣдь и вы такъ воспитаны, г. — бовъ. Какъ вы думаете, вѣдь явленіе Жуковскаго невозможно напримѣръ у Французовъ, а Пушкина и подавно. Откажнется ли кто-нибудь изъ европейскихъ самыхъ великихъ поэтовъ на все общечеловѣческое такъ родственно, въ такой полнотѣ, какъ откажнулся представитель нашей поэзіи — Пушкинъ? Поэтому-то отчасти мы и называемъ Пушкина величайшимъ національнымъ поэтомъ (а въ будущемъ и народнымъ, въ буквальномъ смыслѣ слова), потому именно называемъ, что онъ есть полнѣйшее выраженіе направленія, инстинктовъ и потребностей русскаго духа въ данный историческій моментъ. Вѣдь это отчасти современный типъ всего русскаго человѣка, по крайней мѣрѣ въ историческомъ и общечеловѣческомъ стремленіи его. Нельзя же говорить (потому что такъ задалось въ кабинетѣ), что всѣ эти стремленія всего русскаго духа и бесполезны и глупы и незаконны. И неужели вы напримѣръ думаете, что маркизъ Поза, Фаустъ и проч. и проч. были бесполезны нашему русскому обществу въ его развитіи и не будутъ полезны еще? Вѣдь не за облака же мы съ ними пришли, а дошли до современныхъ вопросовъ и, кто знаетъ, можетъ быть они тому много способствовали. Вотъ почему хоть бы напримѣръ всѣ эти антологіи, Иліады, Діаны-охотницы, Венеры и Юпитеры, Мадоны и Данте, Шекспиръ, Венеція, Парижъ и Лондонъ — можетъ быть все это законно существовало у насъ и должно у насъ существовать — во-первыхъ по законамъ общечеловѣческой жизни, съ которою мы всѣ нераздѣльны, а во-вторыхъ и по законамъ русской жизни въ особенности.

— Но что вы насъ учите! скажутъ намъ утилитаристы. Мы очень хорошо и безъ васъ знаемъ, на сколько все это намъ было полезно, какъ связь съ Европой, когда мы двигались въ общечеловѣчество; знаемъ очень хорошо, потому что мы сами изъ всего этого вышли. Но теперь намъ покажѣтся не надо никакого общечеловѣчества и никакихъ историческихъ законовъ. У насъ теперь своя домашняя отирка, черное бѣлье выюласкивается, на бѣло передѣлывается; теперь у насъ повеюду корыта, плескъ воды, запахъ мыла, брызги и замоченный полъ. Теперь надо писать не про маркиза Позу, а про свои дѣла, про извѣстные вопросы, про гласность, про полезность, про Крутогорскъ, про темное царство. Мы отвѣтимъ на это такъ: во-первыхъ опредѣлить, что именно надо и что не надо, на вѣсь или цѣрами, довольно

трудно; можно загадывать, можно рассчитывать, позволительно и законно пробовать на дѣлѣ: такъ ли выйдетъ по расчету? жадать, убѣждать и увѣщевать другихъ къ общей дѣятельности, — все это законно и въ высшей степени полезно. Но писать въ «Современникѣ» указы, но требовать, но предписывать — пишя дескать вотъ непременно объ этомъ, а не объ этомъ, — и ошибочно и бесполезно (хотя ужъ потому одному, что вѣдь не послушаются. Конечно робкаго народу у насъ много; бѣда какъ нинѣ боятся критики! да и самолюбіе: отстать отъ передовыхъ не хочется, — вотъ и пишутъ съ направлениемъ, да такъ-какъ пишутъ-то не по своему влхновенію, то и выходитъ все почти дрянъ; но деспотизмъ нашей критики пройдетъ; станутъ писать по охотѣ, будутъ болѣе сами по себѣ, и можетъ быть и въ обличительномъ родѣ напишутъ что-нибудь прекрасное. Давай-то Богъ!). Ктому же вѣдь можно ошибиться. Вѣдь можетъ-быть именно то, что наши прогрессивные умы считаютъ несовременнымъ и неполезнымъ, и есть современное и полезное. Больной не можетъ быть въ одно и тоже время и больнымъ и врачомъ. Можно сознавать себя больнымъ, сознавать, что мнѣ нужно лекарство, даже вообще можно знать какое именно нужно лекарство, но рецепта до послѣдней точности себѣ самому прописать нельзя. А если поэзія, слово, литература есть тоже лекарство, то вѣдь отчасти есть и мѣрка: что именно въ поэзіи хорошо, а что неподходяще? Эта мѣрка въ томъ: чѣмъ болѣе симпатіи возбуждаетъ въ массѣ поэтъ, тѣмъ стало быть онъ болѣе оправдываетъ свое явленіе. Конечно тутъ могутъ быть большія ошибки, капитальныя уклоненія; примѣры были: масса являла въ данный моментъ и не знаетъ, чего ей нужно, что именно надо любить, чему симпатизировать. Но эти уклоненія сами собою скоро проходятъ в общество всегда само отыскиваетъ потерянный путь. А главное въ томъ, что искусство всегда въ высшей степени вѣрно дѣйствительности, — уклоненія его мимолетныя, скоротечныя; оно не только всегда вѣрно дѣйствительности, но и не можетъ быть невѣрно современной дѣйствительности. Иначе оно не настоящее искусство. Въ томъ-то и признакъ настоящего искусства, что оно всегда современно, насущно-полезно. Если оно занимается антологіей, *стало быть еще нужна антологія*; уклоненія и ошибки могутъ быть, но, повторяемъ, они прехолящи. Искусства же несовременнаго, несоотвѣтствующаго современнымъ потребностямъ и совсѣмъ быть не можетъ. Если оно и есть, то оно не искусство; оно мельчаетъ, вырождается, теряетъ силу и всякую художественность. Въ этомъ смыслѣ мы идемъ даже дальше г. — боя въ его же идеѣ: онъ еще признаетъ, что существуетъ бесполезное

искусство, чистое искусство, не современное и не насущное, и ополчается на-медъ. А мы не признаемъ совсѣмъ такого искусства, и спокойны, — незачѣмъ ополчаться; а если и будутъ уклоненія, то безпоянаться нечего: сами собою пройдутъ, и скоро пройдутъ.

— Но позвольте, спросить насъ, на чемъ же вы основываетесь, изъ чего именно вы заключаете что настоящее искусство никакъ и не можетъ быть несовременнымъ и невѣрнымъ насущной дѣйствительности?

Отвѣчаемъ:

Во первыхъ, по всѣмъ вмѣстѣ взятымъ историческимъ фактамъ, начиная съ начала міра, до настоящаго времени, искусство никогда не оставляло человѣка, всегда отвѣчало его потребностямъ и его идеалу, всегда помогало ему въ отыскиваніи этого идеала, — рождалось съ человѣкомъ, развивалось рядомъ съ его исторической жизнью и умирало вмѣстѣ съ его исторической жизнью.

Во вторыхъ (и главное) творчество, основаніе всякаго искусства, живетъ въ человѣкѣ, какъ проявленіе части его организма, но живетъ нераздѣльно съ человѣкомъ. А слѣдственно творчество и не можетъ имѣть другихъ стремленій, кромѣ тѣхъ, къ которымъ стремится весь человѣкъ. Еслибъ оно пошло другимъ путемъ, значитъ оно бы пошло въ разладъ съ человѣкомъ, значитъ разъединилось бы съ нимъ. А слѣдственно измѣнило бы законамъ природы. Но человѣчество еще покамѣстъ здорово, не вымираетъ и не измѣняетъ законамъ природы (говоря вообще). А слѣдственно и за искусство опасаться нечего, — и оно не измѣнитъ своему назначенію. Оно всегда будетъ жить съ человѣкомъ его настоящею жизнью; больше оно ничего не можетъ слѣдять. Слѣдственно оно останется навсегда вѣрно дѣйствительности.

Конечно въ жизни своей человѣкъ можетъ уклоняться отъ нормальной дѣйствительности, отъ законовъ природы; будетъ уклоняться за нимъ и искусство. Но это-то и доказываетъ его тѣсную, неразрывную связь съ человѣкомъ, всегдашнюю вѣрность человѣку и его интересамъ.

Но все-таки искусство тогда только будетъ вѣрно человѣку, когда не будутъ стѣснять его свободу развитія.

И потому первое дѣло: не стѣснять искусства разными дѣлами, не предписывать ему законовъ, не сбивать его съ толку, потому что у него и безъ того много подводныхъ камней, много соблазновъ и уклоненій, неразлучныхъ съ исторической жизнью человѣка. Чѣмъ свободнѣе будетъ оно развиваться, тѣмъ нормальнѣе разовьется, тѣмъ скорѣе найдетъ настоящий и полезный свой путь. А такъ какъ интересъ и дѣль его одна съ дѣлами человѣка, которому оно

служить и съ которыми соединено нераздѣльно, то чѣмъ свободнѣе будетъ его развитіе, тѣмъ болѣе пользы принесетъ оно члвчеству.

Поймите же насъ: мы именно желаемъ, чтобы искусство всегда соответствовало цѣлямъ чловѣка, не разрезнивалось съ его интересами, и если мы и желаемъ наибольшей свободы искусству, то именно вѣруя въ то, что чѣмъ свободнѣе оно въ своемъ развитіи, тѣмъ полезнѣе оно чловѣческимъ интересамъ. Нельзя предписывать искусству цѣлей и симпатій. Кчему предписывать, кчему сомнѣваться въ немъ, когда оно, нормально развитое, и безъ нашихъ предписаній, по закону природы, не можетъ идти въ разладъ потребностямъ чловѣческимъ? Оно не потерется и не собьется съ дороги. Оно всегда было вѣрно дѣйствительности и всегда шло на ряду съ развитіемъ и прогрессомъ въ чловѣкѣ. Идеаль красоты, нормальности, у здороваго общества не можетъ погибнуть; и потому оставьте искусство на своей дорогѣ и довърьтесь тому, что оно съ нею не собьется. Если и собьется, то *тотчасъ же воротится назадъ*, откликнется на первую же потребность чловѣка. Красота есть нормальность, здоровье. Красота полезна, потому что она красота, потому что въ чловѣчествѣ — всегдашняя потребность красоты и высшаго идеала ея. Если въ народѣ сохраняется идеаль красоты и потребность ея, значитъ есть и потребность здоровья, нормы, а слѣдственно тѣмъ самымъ гарантировано и высшее развитіе этого народа. Частный чловѣкъ не можетъ угадать вполне вѣчнаго, всеобщаго идеала, — будь онъ самъ Шекспиръ, — а слѣдственно не можетъ *предписывать* ни путей, ни цѣлей искусству. Гадайте, желайте, доказывайте, подзываютъ за собой, — все это позволительно; но предписывать непозволительно; быть деспотомъ непозволительно; а вѣдь вотъ хоть бы съ г. Никитинымъ вы, г. — бовъ, обобльсь почти деспотически. — Ципи про свои нужды, опишывай нужды и потребности своего сословія, — долой Пушкина, не смѣй восхищаться имъ, а восхищайся вотъ тѣмъ-то и тѣмъ-то и опишывай то-то. — Да Пушкинъ былъ мое знамя, мой маякъ, мое развитіе, восхищается г. Никитинъ (или мы за г. Никитина); я ищущинъ, — онъ протянулъ мнѣ руку оттуда, гдѣ свѣтъ, гдѣ просвѣщеніе, гдѣ не густутъ оскорбительные предразсудки, по крайней мѣрѣ такъ, какъ въ моей средѣ; онъ былъ мой хлѣбъ духовный. — Не надо, вздоръ! Ципи про свои нужды. — Но вѣдь я самъ нуждающійся, продолжаетъ г. Никитинъ, физическій хлѣбъ есть у меня, но мнѣ излюбенъ хлѣбъ духовный. Не отнимайте же у меня этого хлѣба, желая его всѣмъ. Всѣмъ-то желаете, а какъ къ дѣлу пришлось, у меня перваго и отнимаете. Вы хотите, чтобы я опишывалъ свой бытъ, свои нужды.

я можетъ и буду описывать! Только теперь-то позвольте пожить высшей жизнью. Для васъ она не высшая, вы ее уже презираете, а для меня — знаете, какъ она еще соблазнительна!.. — Мы ручаемся за г. Никитина, прибавляемъ мы тутъ же съ своей стороны, дайте ему пожить теперь, какъ онъ хочетъ. Пушкинъ для него теперь все. Вѣдь и мы къ современнымъ вопросамъ прошли черезъ Пушкина; вѣдь и для насъ онъ былъ началомъ всего, что теперь есть у насъ. А г. Никитину онъ больше чѣмъ родной. Пушкинъ — знамя, точка соединенія всѣхъ жаждущихъ образованія и развитія; по-потому что онъ наиболѣе художественъ, чѣмъ всѣ наши поэты, слѣдовательно наиболѣе простъ, наиболѣе плѣвнтеленъ, наиболѣе понятенъ. Тѣмъ-то онъ и народный поэтъ, что всѣмъ понятенъ. Перейдетъ г. Никитинъ черезъ Пушкина, и если у него дѣйствительно есть талантъ, — повѣрьте, г. — бовъ, дойдетъ, какъ и мы, до современныхъ вопросовъ и будетъ писать съ направленіемъ. А требовать отъ него теперь, вѣдь это... вѣдь это будетъ... какъ бы это выразиться: вѣдь это будетъ кабинетный скачокъ...

Но довольно! Мы не имѣемъ чести знать г. Никитина и социальнаго его положенія; мы знаемъ только, что онъ мѣщанинъ, о чемъ онъ самъ публиковалъ при изданіи своихъ сочиненій. Если г. Никитинъ совсѣмъ не въ такомъ положеніи, въ которомъ мы его теперь представили, то просимъ у него извиненія. Въ такомъ случаѣ, вмѣсто него, мы ставимъ лицо отвлеченное, сочиненное, г. N.

ГАДАТЕЛЬНЫЯ КНИЖКИ И СНОТЪЛКОВАТЕЛИ

Бываютъ странны сны, а на яву еще страннѣе.

Грибоздовъ.

Недавно, какъ-то на праздникахъ, просматривая на прилавкахъ одного книжнаго магазина новыя изданія, я пораженъ былъ огромнымъ количествомъ гадательныхъ книгъ и картъ, сонниковъ, хиромантій и гороскоповъ, въ оберткахъ всѣхъ цвѣтовъ и съ такими заманчивыми заглавіями, какія въ старые годы изобрѣталъ одинъ Александръ Анфимовичъ Орловъ, авторъ «Угнетенной невинности или поросенка въ мѣшкѣ», а въ наше время умѣетъ придумывать только г. — бовъ, извѣстный сочинитель «Темнаго царства». Это цѣлая литература, чрезвычайно богатая и интересная, фантастическая до сумазбродства, дикая до Аскоченскаго, бойкая какъ статьи Воскобойникова, остроумная какъ современные фельетоны, глубокомысленная какъ «Отечественныя Записки». Чего только нѣтъ тутъ! Вотъ гадательныя карты парижской Мареуши Ленорманъ, предсказавшей Наполеону Москву и островъ св. Елены. Вотъ Гороскопъ вѣмецкаго Ивана Яковлевича Брюса, въ которомъ опредѣляется, съ какими темпераментомъ и страстями родятся люди во всѣ времена года. Вотъ наконецъ Сонники, въ которыхъ объясняется, какъ дважды-два — четыре, что значитъ всякій сонъ, со смысломъ и безсмысленный, исключая развѣ одинъ сонъ Обломова, который лѣтъ десять кажется превозносили, но не объяснили наши журналы.

Я обратился къ прикащику съ вопросомъ: для кого издаются и куда сбываются всѣ подобныя книги? Онъ отвѣчалъ мнѣ какъ-то неопредѣленно. Въ это время какой-то партикулярный старичокъ, который тоже внимательно рылся въ книгахъ, оборотился ко мнѣ, поправилъ серебряныя очки на носу и проговорилъ:

— Все больше между чиновнымъ людомъ расходятся-сь. Есть

большіе охотники до такихъ книжекъ... да и не мудрено-съ : люди всѣ человѣки... всякому, какъ любопытному ребенку, заглянуть хочется въ щелку — тамъ-то, тамъ-то, впереди-то что ждетъ...

— Да, но съ успѣхами просвѣщенія это должно кончиться... суетвѣрія исчезнуть...

— Врядъ ли-съ. Вѣдь вонъ Американскіе Штаты... сравните ихъ хоть напримѣръ съ Выборгской Стороной... вѣдь они просвѣщеннѣе, такъ сказать цивилизованнѣе... Не правда ли?

Я согласился на это предположеніе.

— Ну, вотъ видите, а и тамъ столы вертять... тѣни усоншихъ вызываютъ... вонъ и въ Нью-Йоркѣ медиумы есть... А въ гаданья-то умнѣйшія люди вѣрили : вспомните Кромвеля, Катерину Медичисъ, Наполеона... у него вѣдь звѣзда собственная по небу хлѣла...

— Да вѣдь это все обманъ или аллегорія.

— Ну, нѣтъ-съ!.. Вы, если я не ошибся по разговору вашему съ г. книгопродавцемъ, сотрудникъ журнала?

Я признался.

— Такъ вотъ-съ, не угодно ли, я сообщу вамъ самый правдивый разсказъ, какъ много правильнаго говорятъ эти книжки, что вы изволили осудить, и какъ полезно читать ихъ... У меня изложено письменно : признаться, готовилъ помѣстить эту статеечку въ журналъ «Странникъ»... вѣрно изволите знать — г. Гречулевичъ издаетъ... да знаете, тамъ ужъ много въ этомъ родѣ лучше моего сказано... ну, и посоветился послать. Не благоугодно ли вамъ будетъ напечатать? Прикажете прислать?

— Прошу покорно.

Я далъ старику свой адресъ, и на другой день дѣйствительно получалъ по городской почтѣ мелко-исписанный листъ, на которомъ и были два маленькіе разсказа. Помѣщаемъ ихъ въ нашемъ журналѣ.

I

Въ одной изъ темныхъ улицъ Петербургской Стороны зналъ я старушку-чиновницу, Марю Гавриловну, вдовствующую половину одного титулярнаго совѣтника, почившаго на Смоленскомъ кладбищѣ. Она жила въ деревянномъ домякѣ съ сыномъ, золотушнымъ юношей, который служилъ чѣмъ-то въ родѣ писца въ центрѣ столицы. Маленькая пенсія послѣ титулярнаго мужа, да казенный гонорарій сына поддерживали бюджетъ ихъ расходовъ въ такомъ

удовлетворительномъ балансѣ, что старушка раза три въ годъ посѣщала Сберегательную Кассу, гдѣ взносы ея достигали уже послѣдней цѣфы, допускаемой снѣмъ кредитнымъ учрежденіемъ на одно лицо.

Марѳа Гавриловна любила почитать и не пустяки. У какой-то надворной совѣтницы, жившей въ отдаленіи отъ мужа, подъ покровительствомъ одного чиновнаго старичка, пользовалась она прочтеніемъ тетрадки «Домашней Бесѣды», и наконецъ въ собственной библиотекѣ ея было два-три Сонника, Гороскопъ и Гадательная Книжка, которые она и читала съ безкорыстнымъ желаніемъ заглянуть въ замочную щелку будущаго. Что касается до ея сына, то этотъ департаментскій юноша книгъ не читалъ, а болѣе занимался ералашемъ, стремясь по свойственной нашему поколѣнію положительности, извлечь изъ свободнаго времени какую-нибудь практическую пользу.

Старушка, любящая трезво-дѣловымъ лицомъ сына, сѣречно утѣшалась и все чаще и чаще подумывала о пріисканіи ему законной подруги для жизненной стези. Въ гадательной книжкѣ, издаваемой книгопродавцемъ Лисенковымъ, она видѣла, что женщина, родившаяся полъ тѣмъ созвѣзіемъ, подъ которымъ она сама пятьдесятъ лѣтъ назадъ увидѣла свѣтъ, найдетъ полное счастье въ лѣтахъ и достойную, почительнѣйшую невѣстку. Когда сынуку минуло двадцать годковъ и онъ облекся въ рангъ коллежскаго регистратора, Марѳа Гавриловна начала еще чаще и внимательнѣе справляться въ своихъ Гороскопахъ и Сонникахъ. Наконецъ однажды, узнавъ отъ сына, что онъ видѣлъ во снѣ козла, и опасаясь по объясненію Сонника какой-нибудь любовной интриги, столь пагубной въ долодыкъ чинахъ, она пригласила какую-то сваху и поручила ей заняться пріисканіемъ невѣсты по данной инструкціи и программѣ, составленной частію по статьямъ Гороскопа, а отчасти въ духѣ «Домашней Бесѣды».

Прошло съ недѣлю времени, и сваха явилась съ отвѣтомъ.

— Здравствуйте, матушка, Марѳа Гавриловна! сказала она, входя въ комнатку старушки.

— Здравствуй, голубушка... Ну, что? съ добрыми вѣстями? Я сегодня видѣла, мать моя, сына во снѣ... да въ такомъ чистомъ бѣльѣ, словно снѣгъ... Вѣдь это къ женитбѣ?

— Надо быть такъ, матушка. Я къ вамъ съ невѣстами.

— Ну, садись же, рассказывай.

— Да вотъ, сударыня, есть купеческая дочка, шестнадцать лѣтъ... кладовая на Апраксиномъ дворѣ, во-внутри... божьего милосердія въ серебряномъ окладѣ...

— А родилась-то когда? узнала ты?

— Узнала, матушка, какъ приказывали: родилась 5-го апрѣля.

Марѳа Гавриловна достала съ полки Гадательную Книжку, подняла очи съ зеленой тесемочкой на чепчикъ и прочла по толкамъ:

«Овенъ, съ 10 марта по 9 апрѣля. Женщина, родившаяся подъ этимъ созвѣдіемъ, будетъ любить новости, имѣть склонность ко жи и большая охотница до лакомыхъ блюдъ».

— Не годится, мать моя! проговорила она. Еще какія у тебя невѣсты?

— Есть еще чиновница, матушка, — вдова, свой домикъ въ Безломоной улицѣ. Не молода уже, а достаточекъ есть...

— Родилась-то когда, скажи прежде?

— 20-го декабря.

Марѳа Гавриловна чатала:

«Козерогъ. Родившаяся подъ этимъ созвѣдіемъ женщина будетъ часто злословить, и потому въ старости языкъ ея изострится до ядовитости, въ особенности противъ женщинъ».

— Что ты, голубушка, шутишь что ли? Какихъ ты мнѣ суешь невѣсть?

— Да какихъ же вамъ надо, матушка? Домъ свой, салоповъ на льсемъ мѣху...

— Я тебѣ говорила, что мнѣ нужны невѣсты, родившіяся подъ созвѣдіемъ Дѣвы и Близнецовъ, а ты — совѣсти въ тебѣ нѣтъ — наровишь мнѣ подсунуть Козерога.

— Да гдѣ же мнѣ взять дѣвъ и близнецовъ-то, матушка! Я говорю вамъ о хорошихъ невѣстахъ, не о голя какой-нибудь... Что за масть въ дѣвахъ-то вашихъ... выдали мѣ этикихъ пансіонерокъ-то...

— Это ужъ наше дѣло, голубушка.

Старушка вспылила, поссорилась и разошлась со свахою.

Долго искала она невѣсту для сына, но все какъ-то эти личности не подходили подъ правила Гадательной Книжки г. Лисенкова. Наконецъ, если бы старушка знала немного по-гречески, она могла бы воскликнуть вожделенное *эврика!* На той же Петербургской Сторонѣ, немалюко отъ нашей вдовствующей титулярной совѣтницы, жила такого же рода другая чиновная вдовица съ дочерью, даше уже стоявшей на линіи невѣсты. Въ началѣ сентября чиновница, выдавшая иногда Марѳу Гавриловну въ церкви, прислала просить ее съ сыномъ на вечеръ, чайку накушаться и въ карточки поиграть.

— Да что у васъ сегодня? спросила старушка у посланной.

— Рожденіе барышни, сударыня.

Марѳа Гавриловна раскрыла Гороскопъ, приискала нужную страницу и прочла:

«Созвѣздіе Дѣвы, съ 10 августа по 9 сентября. Родившаяся подъ этимъ созвѣздіемъ женщина будетъ цѣломудренна, скромна, застѣнчива и осторожна. На шестнадцать или семнадцатилѣтнемъ возрастѣ выйдетъ замужъ и будетъ имѣть такихъ же милыхъ дѣтей, какъ сама. Словомъ, это такая женщина, которая составитъ полное счастье своему мужу».

Старушка значительно закрыла книгу и задумалась. Вечеромъ она съ особенной заботливостью осмотрѣла на себѣ платье и чепецъ, собственноручно поправила галстукъ на шеѣ сына и обмахнула ему метелкой вицмундиръ. Они отправились и были приняты съ замѣтнымъ почетомъ. Старушка наша очень любезно въ свою очередь поздравила новорожденную хозяйку и потомъ цѣлый вечеръ слѣдила за всѣми ея движеніями. Впечатлѣніе дѣйствительно соответствовало созвѣздію Дѣвы. Вечеръ кончился ужиномъ съ заздравными пожеланіями виновницъ праздника.

— Ну, что, другъ мой? спросила старушка сына, когда они съ ручнымъ фонаремъ добрались домой: — какова на твой взглядъ дѣвушка?

— Стара, маменька.

— Что ты, мой другъ! Посмотри-ка въ Гадательную Книжку. Выдайшь: «Женщина, родившаяся подъ знакомъ Дѣвы, выйдетъ замужъ на 16 или 17 году»... Вѣдь она не вдова.

— Если вы хотите, маменька, отвѣчалъ золотушный регистраторъ, я пожалуй женюсь.

Марѳа Гавриловна уснула въ самомъ розовомъ расположеніи духа и передъ утромъ, когда снятся, какъ извѣстно, самые правдивые сны, достовѣрные какъ рассказы «Странника», — ей приснилось, что она пила изъ серебрянаго стакана баварское пиво. Славный знакъ по гороскопу! На утро рѣшено было сдѣлать предложеніе, и послѣ незначительныхъ переговоровъ дѣло было кончено благополучно.

Свадьбу сыграли.

Оказалось, что невѣста была совершенно создана по Гадательной Книжкѣ: застѣнчива, осторожна, скромна... почти со всѣми признаками Дѣвы и безъ малѣйшихъ знаковъ Козерога. Носились правда, слухи, что молодой супругъ ея нерѣдко говорилъ что-то съ матерью и очень крупно о созвѣздіи Тельца, что молодой было за двадцать пять лѣтъ, но рассказы эти распространяла, вѣроятно по злобѣ, недовольная сваха, да сосѣди, должно думать, изъ любви къ

сплетнямъ, столько свойственной обитателямъ Петербургской Страны.

II

Въ одномъ изъ столичныхъ департаментовъ съ отличіемъ служить въ качествѣ помощника столоначальника молодой коллежскій секретарь Тигрій Львовичъ. Жалованье вполне обеспечивается ему объѣдъ у кухмистра и двухъ-копеечныя сигары. Но кто же не ищетъ лучшаго, кто не алчетъ жизненной манны? Молодой человѣкъ питалъ теплую вѣру въ какое-нибудь случайное обогащеніе — и взялъ билетъ въ лоттерей. Получа его чуть не съ бою, онъ такъ размечтался о будущемъ выигрышѣ, что пересталъ и сомнѣваться въ немъ. Главный выигрышъ, каменный четырехъ-этажный домъ казался ему уже законной, благопріобрѣтенной собственностью, и онъ думалъ только о томъ, продать ли его, или оставить въ своемъ владѣніи.

Не задолго до розыгрыша лоттереи Тигрію Львовичу приснился сонъ. Видитъ онъ, будто у постели его явилась миленькая, молоденькая женщина, съ востренькими глазками, съ пышной темнорусой косой, въ кринолинѣ и легкомъ платьицѣ съ цѣлымъ каскадомъ широкихъ волановъ. Въ рукѣ у нея былъ сакъ-воажъ. Она не подошла, а подкатилась на колесѣ, едва касаясь его изящно-обутой ножкой.

— Кто вы, душенька? спросилъ нашъ чиновникъ.

— Меня зовутъ Фортуной.

— Очень радъ. Что же вы скажете?

— Я съ лоттереей: возьмите билетъ на счастье.

Она вынула изъ мѣшка маленькій свертокъ и положила въ руку молодого своего любимца.

— Позвольте васъ поцѣловать.

— Извольте.

Чинovníкъ поцѣловалъ Фортуну, и она укатилась на своемъ колесѣ. Счастливецъ развернулъ билетъ: на немъ стоялъ № 111, именно тотъ самый, который онъ взялъ съ видами на выигрышъ дома.

Тигрій Львовичъ проснулся.

Въ рукахъ у него въ самомъ дѣлѣ былъ билетъ съ роковымъ, безпронгрывнымъ номеромъ. Только подоидя къ шкатулкѣ, герой нашъ убѣдился, что это вовсе не подарокъ хорошенькой фортуны, а его собственный билетъ, съ которымъ онъ заснулъ на кровати,

мечтая о будущемъ богатствѣ. Однако же сонъ былъ такъ необыкновененъ, что нашъ чиновникъ рѣшился поискать къ нему ключа.

По совѣту своей квартирной хозяйки онъ отправился въ магазинъ Кожанчикова и потребовалъ Гадательную Книжку. Комиссіонеръ «Отечественныхъ Записокъ» величественно отвѣчалъ ему, что у нихъ нѣтъ подобныхъ книгъ. Наконецъ гдѣ-то на Садовой Тигрій Львовичъ купилъ Гороскопъ и Сонникъ. Зайдя въ Балабинъ трактиръ, онъ раскрылъ послѣднюю книжку и прочелъ въ ней:

«Лоттерей и какой-нибудь ея номеръ видѣть къ выигрышу на этотъ номеръ.»

Нашъ герой ушелъ въ восторгѣ. И онъ не ошибся! На дняхъ лоттерея разыгралась, и № 111 выигралъ прелестный портъ-моне.

Враги гг. Аскочевского и Гречулевича, ужели вы я послѣ такихъ фактовъ не увѣруете? Стыдитесь, о маловѣрные!

ВНУТРЕННІЯ НОВОСТИ

Начиная этотъ отдѣлъ, мы вполне сознаемъ его важность и всю трудность исполнить его такъ, какъ-бы мы сами желали. А желанія наши состоятъ въ томъ, что бы изображаемая нами движущаяся картина событій была полна и ясна и чтобы зрители ея не были зрителями равнодушными, т. е. говоря проще — что бы листки этого отдѣла не оставались неразрѣзанными, каковая участь, сколько намъ извѣстно, нерѣдко постигаетъ подобные отдѣлы въ нѣкоторыхъ нашихъ солидныхъ и почтенныхъ журналахъ, — постигаетъ ее смотря на любопытнѣйшіе предметы, о которыхъ тамъ говорится, не смотря на составляемые остроумнѣйшимъ и заманчивѣйшимъ образомъ оголовки этихъ предметовъ... Мы съ своей стороны будемъ всѣми силами стараться, чтобы читатели нашего журнала не оставляли безъ вниманія этого отдѣла, потому что, какъ сейчасъ упомянули, мы придаемъ ему значительную степень важности.

Извѣстно, что русское общество, по причинѣ своего несовершенствѣ (въ которомъ не такъ давно его въ глаза упрекнули), долго не могло само заботиться о всѣхъ своихъ нуждахъ физическихъ и нравственныхъ, а потому ему приходилось только пользоваться отпускаемыми ему благами и — учиться. Оно и училось, но училось рутинно, зазубривая наизусть преподаваемые, большею частью по иностраннымъ методамъ, уроки. Но такъ какъ всякій организмъ, по непреложнымъ законамъ природы, растетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаютъ его нужды и потребности, между тѣмъ всѣ нужды и потребности даже не такого сложнаго организма, каковъ организмъ общества, а каждого недѣлимаго, особенно если онъ молчать, со стороны вѣрно угадать и удовлетворить невозможно;

то и для нашего общества наконецъ должна была миновать злата пора дѣтства, пора безпечныхъ игръ и соннаго бездумья. Вступая въ совершеннолѣтіе, общество наконецъ само стало мало помалу думать и говорить о своихъ насущныхъ нуждахъ, начало само непосредственно заботиться объ ихъ удовлетвореніи. — И вотъ съ этого-то начинается рядъ сюжетовъ, дѣлающихъ журнальный отдѣлъ внутреннихъ новостей особенно важнымъ и любопытнымъ; потому что тутъ должны теперь изображаться первые, еще неровные шаги настоящей, живой общественной дѣятельности; потому что тутъ для насъ (т. е. для каждаго изъ насъ съ вами, читатель) новый, доселѣ невиданный и подлый, необычайной прелести міръ, потому что намъ не могутъ не быть дороги эти первые шаги начинающаго жить своею жизнью и думать своей головою общества; мы не можемъ не слѣдить за ними съ напряженнымъ вниманіемъ, съ теплою любовью, не можемъ оставлять безъ вниманія малѣйшаго проявленія въ немъ прогреса.

Вмѣстѣ съ вызовомъ нашего общества на размышленіе, ему на первый разъ было задано нѣсколько тѣмъ. Оно съ жаромъ бросилось на нихъ и — на первыхъ же порахъ обнаружило въ себѣ всѣ свойства юности: свѣжія силы, пылкость и неопытность. Во всѣхъ его начинаніяхъ рѣзко обозначился недостатокъ знанія практическихъ приемовъ; въ разрѣшеніи общественныхъ вопросовъ — неустоявшіяся понятія, а въ примѣненіи этихъ вопросовъ — раздѣленіе мысли съ дѣломъ. Возникли сильныя разногласія даже тамъ, гдѣ бы имъ и быть совсѣмъ не слѣдовало; возникли странныя противорѣчія... Этими чертами юности характеризуется все послѣднее пятилѣтіе. И хотя многое слѣзано въ этотъ періодъ, много вопросовъ по возможности уяснено, много разногласій сглажено; но многое, оцѣцъ многое и остается еще только предметомъ ожиданій и желаній. Естественно, что когда все поглотившее общественными вопросами, огромное большинство вдругъ будто вступило въ темный, дремучій лѣсъ, гдѣ все для него стало неопредѣленностью, всѣ предметы смѣшались въ безразличную массу деревьевъ, всѣ звуки слились въ однородный шумъ; гдѣ пришлось этому большинству только прислушиваться къ окликающимъ и ауканившимъ его голосамъ путеводителей и отвѣчать имъ тѣмъ же ауканьемъ, не созная ясно и твердо ни направленія предстоящаго пути, ни благомысли, свѣтлой страны, къ которой долженъ привести его этотъ путь и только провинаясь однимъ чувствомъ опасенія, чтобы не сбиться, не заблудиться, не *отстать*... Говоря откровенно, большинство не успѣло еще сложить съ себя *ветхого челоука*, не успѣло утвердить въ умѣ новаго ряда истинъ, сжиться съ ними, не успѣло убрѣ-

дѣтся въ глубинѣ души въ томъ, что для него полезно и что бесполезно. Вотъ отъ чего на каждомъ шагу противорѣчія, вотъ отъ чего разъединеніе слова съ дѣломъ! Все это отъ того, какъ говорить *дядя Пашомъ*, что

Къ старому заданію новая лѣстница
 Въ нѣсколько тысячъ недавно пристроена...
 Новыя лѣстницы, новыя заданія!
 Головы прежнія, грубость завѣтная,
 Деньгамъ почтеніе, сила преданія...

Да! могуча сила преданія, — невозможно было обществу поборотъ ее въ пять лѣтъ! Если теперь прислушаться чуткимъ слухомъ къ настроенію цѣлой массы нашего общества въ отношеніи къ каждому изъ новыя социальныхъ вопросовъ, то непременно почувствуется въ этомъ настроеніи нерѣшительность, неизвѣстность — къ чему пристать и чего держаться...

Первая изъ заданныхъ для общаго размышленія тѣмъ была вмѣстѣ съ тѣмъ и самая капиталная, самая святая тема, какаѣ только могла быть поднята изъ нашей жизни, и крошѣ которой никакаѣ другая не могла въ такой степени и такъ быстро разбудить, оживить и согрѣть всю громадную массу русскаго общества. Это былъ такъ называемый вопросъ объ улучшеніи крестьянскаго быта.

Другой вызывающій и пробуждающій наше общество предметъ касался стороны экономической. Утвержденіе первой сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, образованіе Главнаго Общества желѣзныхъ дорогъ и послѣдовавшее за тѣмъ пониженіе банковыхъ процентовъ послужили началомъ и толчкомъ для усиленной акціонерной дѣятельности, скоро развившейся чуть не до размѣровъ эпидеміи. Съ тою же пылкостью юности все устремилось на это поприще, и здѣсь-то явнѣе чѣмъ гдѣ-либо обнаружилась неопытность, незнаніе практическихъ пріемовъ, а отчасти, можетъ быть, и не твердо сознанныя понятія объ общественной нравственности. Читатели конечно хорошо помнятъ и знаютъ всю исторію громкихъ скандаловъ, совершившихся въ разныхъ акціонерныхъ компаніяхъ, исторію битвъ, знаменовавшихся необыкновеннымъ жаромъ нападающихъ, частію принесшимъ благіе плоды, частію же перегорѣвшимъ безплодно. Въ отлетѣвшемъ теперь отъ насъ году два акціонерныя общества были театромъ такихъ побойщъ: Общество водопроводовъ и — само Главное Общество желѣзныхъ дорогъ. Кто не помнитъ рѣзкихъ статей и даже аршинныхъ прибавленій къ газетамъ, служившихъ вызовомъ на битву; вчужѣ страшно было читать всѣ обвиненія, сыпавшіяся на компанейскія администраціи,

во обвиняемые долго и упорно уклонялись от побойща. Наконец даны были генеральныя сраженія и — сами акціонеры, люди непосредственно заинтересованные въ дѣлѣ, теперь едва ли могутъ вѣрно рѣшить, какіе были существенные результаты этихъ сраженій — за кѣмъ осталось поле и какія существенныя пользы достались выигравшей сторонѣ? Если въ обвиненіяхъ была правда, если зло существовало и если оно открыто и доказано, то оно безъ сомнѣнія и исправлено; но изъ этого не слѣдуетъ, что уже устранена возможность послѣдовательнаго повторенія его, что уже изсякъ самый его источникъ.

О средствахъ осушенія этого источника много было писано, но что именно для этого сдѣлано, мы съ достовѣрностію не знаемъ. Изъ написаннаго между прочимъ нельзя не обратить вниманія на одну небольшую статейку, недавно помѣщенную въ «Указатель Экономическомъ» и подписанную буквами К. Р. Она хороша тѣмъ, что приводитъ факты простые, числовые, слѣдовательно очень ясныя и неподлежащія сомнѣнію и спору. Въ этой статейкѣ только сосчитаны и классифицированы всѣ наши акціонерныя компаніи. Оказывается, что въ настоящее время всего на Руси существуетъ 120 компаній; но изъ нихъ въ статейкѣ перечислены поименно только 90, на томъ основаніи, что остальные тридцать компаній извѣстны только по имени, а другихъ свѣдѣній о нихъ никакихъ нѣтъ. Классификація 90 извѣстныхъ компаній показала:

1) Изъ числа ихъ, половина, т. е. 45 находятся (т. е. большинство акціонеровъ и правленіе) на *самомъ мѣстѣ предпріятія* или вблизи его; остальные 45 распоряжаются предпріятіями *заочно*.

2) Изъ 90-ти компаній, 60 находятся въ Петербургѣ, 16 въ Москвѣ, 7 въ Ригѣ, 1 въ Нарвѣ и только 6 во всей остальной Россіи, слѣдовательно компаніи существуютъ *почти исключительно въ столицахъ*.

3) Изъ 76 компаній, пребывающихъ въ Петербургѣ и Москвѣ, насчитывается до 35 такихъ, которыя выполняютъ предпріятія, составляющія мѣстную потребность самихъ столицъ; а остальные имѣютъ своимъ предметомъ предпріятія, составляющія или потребность другихъ мѣстъ или общую надобность всѣхъ жителей Россіи.

4) Изъ 45 компаній, пребывающихъ на самомъ мѣстѣ предпріятія, находятся въ двухъ нашихъ столицахъ 31; а 45 компаній, *распоряжающихся предпріятіями заочно* — *все въ столицахъ*.

5) Изъ 90 компаній, 76 учреждены лицами, живущими въ столицахъ, и только остальные 14 въ другихъ городахъ Россіи. слѣдовательно «возможность учреждать компаніи принадлежитъ у насъ

почти исключительно лицамъ, живущимъ въ столицахъ, т. е. тамъ, гдѣ дается разрѣшеніе на учрежденіе компаній (разрѣшеніе дается собственно въ Петербургѣ, но Москва причислена сюда же по легкости сообщенія съ Петербургомъ); лица же, живущія въ губерніяхъ, гдѣ подобнаго разрѣшенія нельзя получить, почти вовсе не учреждаютъ компаній».

и б) Населеніе столицъ какъ извѣстно, состоитъ главнымъ образомъ не изъ класса промышленнаго, а между тѣмъ этому населенію преимущественно принадлежитъ акціонерная дѣятельность; собственно же промышленный классъ русскій въ этой дѣятельности почти не участвуетъ.

Послѣ этихъ числовыхъ выводовъ, статья задаетъ слѣдующій вопросъ :

«Что нужно сдѣлать для того, чтобы наши акціонерныя компаніи (большинство акціонеровъ и правленіе) пребывали на мѣстахъ предпріятія и были такимъ образомъ дѣйствительными хозяевами предпріятія; чтобы въ компанейскомъ дѣлѣ исчезъ бюрократизмъ, необходимо существующій, когда распоряженіе предпріятіемъ совершается на одномъ мѣстѣ, а исполненіе распоряженій на другомъ; чтобы акціонеры получили возможность судить о дѣйствіяхъ правленія, не по отчетамъ его, а по самому дѣлу; чтобы компаніи учреждались на мѣстахъ наобности ихъ учрежденія и участниками ихъ были лица тамъ живущія и, уже по этому самому, заинтересованныя въ успѣхѣхъ предпріятія; чтобы къ акціонерной дѣятельности получилъ доступъ капиталъ всей Россіи (а не однихъ ее столицъ); и выгодами, которая дается въ промышленномъ дѣлѣ ограниченная отвѣтственность капиталомъ, воспользовался промышленный нашъ классъ, классъ прежде другихъ производительный?»

На этотъ сложный вопросъ въ той же статьѣ дается слѣдующій простой и краткій отвѣтъ :

«Необходимо такъ устроить, чтобы разрѣшеніе на учрежденіе акціонерныхъ компаній можно было получать не въ однихъ столицахъ, но вездѣ, такъ сказать на мѣстѣ. Это должно быть общимъ правиломъ; изыятіе конечно можетъ быть допущено, смотря по особеннымъ свойствамъ предпріятій.»

Отвѣтъ, не смотря на его краткость, такъ ясенъ и положительный, что къ нему нельзя прибавить ни одного слова. И нельзя не согласиться, что онъ вполне соответствуетъ и удовлетворяетъ вопросу. Ясно, что отвлечь излишекъ акціонерной дѣятельности изъ столицъ въ другіе пункты, въ самыя мѣста, было бы очень полезно. Столичная предпринимчивость, принадлежащая преимущественно классамъ непромышленнымъ, имѣетъ свой особый характеръ :

зѣсь потребность въ томъ или другомъ предіриятіи часто произрится въ головахъ учредителей, и компанія составляется только потому, что этимъ учредителямъ, по ихъ общественному положенію, очень легко выполнить и прожить всѣ необходимыя для этого формальности... Нужно только, чтобъ учредилась компанія и разошлись акціи, а тамъ — какъ пойдетъ самое предіриятіе, это уже на нихъ дѣло, потому что и капиталы не ихъ... Предлагаемое въ отвѣтъ правило можетъ относиться даже и не въ одной акціонерной дѣятельности: нѣкоторые правительственныя распоряженія (какъ напр. сокращеніе переписки, начатое въ Морскомъ Министерствѣ «въ видахъ ограниченія централизаціи», и въ прошломъ 1860 году примѣненное по возможности къ другимъ вѣдомствамъ) — показываютъ постепенное стремленіе къ той же цѣли, которая и должна неизбѣжно со временемъ достигнуться.

Примѣромъ, подтверждающимъ соображенія и заключеніе предложенной нами статейки, въ особенности можетъ служить Общество Волжско-Донской желѣзной дороги, противъ котораго также поднята была страшная буря, долго свирѣствовавшая и теперь еще не совсѣмъ утихшая... Долго имена Кокорева и Гладина мелькали на страницахъ газетъ и журналовъ, въ статьяхъ и подъ статьями, съ обвиненіями и оправданіями; долго читатели пропекались чувствомъ негодованія — то противъ администраціи общества, по поводу изображаемыхъ въ обвинительныхъ статьяхъ страданій рабочихъ, то противъ обвинителей, при явномъ оправданіи, доказывавшихъ, что всѣ или почти всѣ страданія вымышлены. Учредители и правленіе Общества въ Петербургѣ, статьи писались и печатались въ Петербургѣ и Москвѣ, а событія, о которыхъ говорилось въ нихъ, совершались въ низовьяхъ Волги, что очень далеко. Изъ этой дали приходили вѣсти, взаимно одна другой противорѣчившія и — кто же изъ живущихъ въ Петербургѣ или Москвѣ могъ провѣрять эти вѣсти и стать безпристрастнымъ судьей въ дѣлѣ? Кто могъ узнать истину и стать судьей, когда и учредители и правленіе общества, и самъ подрядчикъ Гладинъ, пребывающій почти постоянно въ Петербургѣ, дѣйствуя и распоряжаясь землемъ, легко могли быть обмануты, легко могли ничего не знать о томъ, что дѣлается въ низовьяхъ Волги? Мы, сидя въ Петербургѣ, часто не знаемъ, не только такихъ, совершающихся въ отдаленныхъ краяхъ нашего отечества дѣлъ, которыя обыкновенно причтутся отъ свѣта Божьяго, но даже и такихъ, которыя просятся на свѣтъ. Мы напр. слышали отъ очевидца, прѣѣхавшаго въ сентябрѣ прошлаго года вдоль всей линіи Волжско-Донской желѣзной дороги отъ Царицына до самаго Дона, что дѣло идетъ тамъ превосходно,

работѣ содержится хорошо, имѣютъ здоровый и бодрый видъ, лица строгіея дорѣа ишитъ дѣлательностью, общающю весьма спорое отношеніе дѣла... Этому очевидцу, петербургскому жителю, случилось въ этотъ разъ проѣхать «внизъ по матушкѣ по Волгѣ» отъ Казани до Астрахани на одномъ изъ ходящихъ тамъ трекъ малодесныхъ пароходовъ... Мы только слышимъ жалобы на неаккуратность и неисправность нашего рѣчного пароходства; а этотъ господинъ съ умаленіемъ рассказываетъ о совершеннѣйшихъ удобствахъ, о красотѣ и даже роскоши, которая онъ встрѣтилъ на малодесныхъ пароходѣ. Впрочемъ можетъ быть этому умаленію отчасти способствовало и самый путь, по которому везъ его пароходъ. Видъ низовой Волги и ея береговъ при ясной погодѣ удивительно приятно дѣйствуетъ на душу, особенно того, кто плыветъ по Волгѣ въ первый разъ. Говоримъ по собственному опыту... Чудесная эта рѣка, названная въ пѣсни широкимъ раздольемъ, а чудесный тотъ край, не даромъ называемый *привольемъ*! Тамъ вездѣ какъ-то особенно прозраченъ, в люди какъ-то свѣжѣе... Кстати: тотъ же замѣшилъ недавно по Волгѣ господишь рассказывать, что онъ встрѣтилъ тамъ своего прежнему знакомаго, человека весьма просвѣщеннаго и нѣсколько лѣтъ назадъ въ полномъ смыслѣ слова «ближнѣйшю на брегахъ Невы», а теперь представившагося нашему путешественнику въ видѣ русскаго кушца, со всеми особенностями русскаго купечества — чуйкой, бородой, своеобразной рѣчью и своеобразными пріемами. Преобразившійся объявилъ путешественнику, что онъ принужденъ былъ уѣхать изъ Петербурга на речную для исправленія сильно разстроеннаго стечичней жизнью состоянія, и осматрѣвшись на мѣстѣ, нашелъ, что всего скорѣй и легче можно поправить состояніе и размятаться съ накопившимися долгами, пустившимся въ промышленность, а для успѣшнаго хода избраннаго имъ промысла (торговли гуртами въ завожскихъ степяхъ) оказалось необходимымъ съ владу преобразиться, потомучто туземные обитатели не очень охотно вступаютъ въ торговлю и другія дѣловыя сношенія съ господами нѣмецкаго некроя. И видно потребность въ отсутствіи нѣмецкаго некроя въ самомъ дѣлѣ тамъ очень сильна, потомучто съ преобразившимся господиномъ былъ товарищъ, совершенно подобный ему съ владу, оказавшійся на-настоящимъ, ровнымъ нѣмцемъ.

Не знаю какъ вы, читатель, а мы какъ-то особенно любимъ встрѣчаться съ подобными явлениями, гдѣ человекъ, въ силу разумной прищны, отрѣшается отъ сословныхъ предразсудковъ, которые въ шмидъ людяхъ бывають такъ сильны, такъ неприяты и такъ вредны!

Но, можетъ быть, не было бы у насъ ни скандальнаго, ни бурнаго акціонерныхъ обществахъ; можетъ быть, не возникло бы и нововины тѣхъ общихъ и частныхъ социальныхъ вопросовъ, которыхъ теперь и не перечестъ съ разу; если бы не явилась къ намъ, способствовать нашему пробужденію, дорогая и прежде незнакома намъ гостыя, прозванная «благодѣтельной» гласностью. Мы одна новизна, кажется, не потерпѣла у насъ такихъ перемѣнъ въ положеніи, какъ эта желанная гостыя. Сначала она вступила къ намъ какъ-то робко, заговорила заикаясь и съѣдая половину словъ. Съ перваго взгляда заинтересовались ею, но причина тѣмъ же женской пылкости; но скоро замѣтивъ ея робость и неловкость, подняли бѣдную, какъ говорится, на зубокъ; насмѣшка не пощадилла ея новаго положенія въ обществѣ; стали ловить ее на каждомъ шагу, гдѣ случалось ей обмолвиться; особенно же въ этомъ глотаннѣ словъ нашла что-то очень смѣшное. Она рассказываетъ намъ, говорили насмѣшники, что-то и про кого-то; но о какихъ именно странахъ, и о какихъ существахъ лепочетъ она — повѣсть невозможно. Что *какой-нибудь* чиновникъ беретъ взятки, это мы и безъ нея знаемъ; что *какой-нибудь* смотритель заведенія чинитъ въ свою пользу безгрѣшную экономію, — тоже очень хорошо знаемъ; зачѣмъ же говорятъ она намъ это? Цѣль нѣтъ! Изъ ея рѣчей мы не можемъ сдѣлать никакого употребленія: мы хотѣли бы знать, на кого она жалуется, чтобы поразить того нашимъ отлученіемъ; но вѣдь нельзя же отлучать поголовно всѣхъ чиновниковъ и всѣхъ смотрителей; мы бы и безъ нея это сдѣлали, если бы тутъ была какая-нибудь справедливость. Промиселъ она намъ нима, — мы бы предали это нима стыду и общему презрѣнію, и вышло бы то, что со временемъ существованіе подобныхъ нимъ сдѣлалось бы у насъ невозможнымъ, по крайней мѣрѣ крайне неудобнымъ; потомучтѣ нельзя спокойно существовать въ обществѣ подъ карою стыла и общаго презрѣнія... Вотъ тогда была бы дѣля!

Такъ говорили насмѣшники и недовольные. Гостыя прислушалась, поняла въ чемъ дѣло, оправилась и вотъ — оставляетъ она своимъ робкія движенія и замѣняетъ ихъ смѣлою осанкой, становится сама насмѣшницею. Песлышались въ устахъ ея и нивена собственные, и уже немалое число ихъ произнесла она...

Но... и тутъ бѣда! Нашлись щекотливые господа, которые стали обижаться; стали говорить, что наша «благодѣтельная» гостыя слишкомъ вдается въ частности, заглядываетъ туда, гдѣ ее не спрашиваютъ, — не уважаетъ, дескать, человѣческаго достоинства!.. По этому поводу даже составили особые термины: *дерзкая мордство* и *мордобитіе*...

Истини : позвольте , мы , въ качествѣ очевидцевъ , расскажем вамъ одно небольшое происшествіе , которое привели вамъ на память сказанныя термины , — происшествіе неважное , мелочное , но изъ котораго можно вывести довольно крупное заключеніе .

Прошедшей осенью , незадолго до вожделѣннаго саннаго пути въ Петербургъ , въ одинъ изъ праздничныхъ дней , часа въ три по полудни , на Невскомъ проспектѣ , у Польдейскаго моста , предъ очами тысячи гуляющихъ изящно-одѣтыхъ господъ и госпожъ , происходила слѣдующая сцена . Извозчикъ средней руки держалъ за рукавъ господничка съ бородкой , въ короткомъ пальто и пестромъ кашне . Извозчикъ увлекая его къ своей линейкѣ , приговаривая : «вѣтъ , баринъ , ужъ пожалуйте со мной въ контору.» У влекомаго господина была въ рукахъ трость , а у извозчика на лицѣ кровь . Кто сколько-нибудь знаетъ нравы петербургскихъ извозчиковъ , тому въ голову не придетъ , чтобы извозчикъ могъ рѣшиться , безъ крайней необходимости , нанести какое-нибудь оскорбленіе господину въ такое время , въ такомъ мѣстѣ и при такой публикѣ , какъ мы разсказываемъ . Что же вышло ? Видать сцену мимо идущіе изящно-одѣтые господа , бросаются на извозчика и отбиваютъ у него добычу ; тотомъ одинъ господинъ въ бобрахъ съ яростію начинаетъ срывать съ него номеръ , другой изящно-одѣтый съ меньшей яростію держаетъ его за бороду , приговаривая : «какъ ты смѣешь ! какъ ты смѣешь !» Тщетно молитъ оторопѣвшій извозчикъ : «да помилуйте , господа ! да за что же , господа ?» Господа не выжидали и продолжали своеручную расправу . Наконецъ вида ожесточеніе сердецъ ихъ , извозчикъ вдругъ возопилъ ! «городовой ! городской !..» О , чудо дней нашихъ ! въ лѣто отъ Р. X. 1860-е , извозчикъ спасается подъ защиту полиціи отъ гуляющихъ по Невскому проспекту изящно-одѣтыхъ господъ !.. Городовой явился , словно изъ земли выросъ , и первое слово его было : «драться нельзя , господа.»

Мы не будемъ излагать дальнѣйшаго хода исторіи , потому что онъ всякому долженъ быть понятенъ ; но невольно обращенное къ извозчику восклицаніе : какъ ты смѣешь ? Что же это — какъ смѣешь брать господина за рукавъ ? Да какъ же дѣйствительно , изящно-одѣтый господинъ , смѣетъ брать его не за рукавъ , а за бороду ? Почему бы напр . и не придержать сѣдока , не заплатившаго денегъ ; но взять за бороду , безъ суда , безъ всякаго права , на томъ только основанъ , что вы господинъ , а не извозчикъ !.. И вѣдь ни одинъ изъ гуляющихъ не зрѣлъ стороны этого извозчика ; а кто знаетъ ? можетъ быть тутъ же , даже въ числѣ дѣйствующихъ лицъ , былъ и такой господинъ , который наканунѣ или на другой день весьма

краснорѣчиво и съ увлеченіемъ писалъ объ уваженіи чиноуѣдскаго достоинства... Такъ вотъ какъ крѣпко еще сидятъ въ насъ корни противорѣчій! Невольны повторимъ вслѣдъ за *дядей Павломъ*:

Новыя дѣстницы! новыя заданія! —
 Головы прежнія! грубость завѣтная!..

Но все это нисколько не относится къ гласности. Личность и честь этой гостью нашей достойна быть неприкосновенною. Теперь она у насъ уже не только насмѣшница, но и боливая докладчица обществу о мнѣніи о всякомъ совершающемся на бѣломъ свѣтѣ безобразіи. Безобразія—же на свѣтѣ не мало. Вотъ вы знаете исторію г. Козлянинова съ пѣмкой; но прослѣдили-ли вы эту исторію до конца? Читали-ли напр. московскаго корреспондента въ № 271 Сѣверной Пчелы, гдѣ излагается дѣло въ защиту и пользу г. Козлянинова, и потомъ опроверженіе этой защиты, помѣщенное Львомъ Камбекомъ въ № 280 той-же Сѣверной Пчелы? Читали или не читали, это все равно, но вотъ что главное: защитникъ, предполагая, что можетъ возникнуть вопросъ: отъ чего г. Козляниновъ, если онъ правъ, не отвѣчалъ напавшимъ на него журналамъ, — разрѣшаетъ этотъ вопросъ такъ: а можетъ быть Козляниновъ и не читаетъ журналовъ, или если и читаетъ, то не имѣетъ достаточно уваженія къ нимъ и вообще къ печати; уваженіе—же, дескать, навязать нельзя... Согласитесь—же, что это — безобразіе, даже такая степень безобразія, что и сама гласность, я думаю, отвернется отъ него съ презрительной улыбкой.

Вотъ еще. Въроятно также прочтена всѣми въ газетахъ исторія о крестьянской дѣвчѣ, заѣденной собаками съ какой-то мыши близъ Новгорода. Изъ первыхъ извѣстій невидано было, что это за мышь, кому она принадлежитъ, чьи именно собаки. Какъ-то въ Сѣверной Пчелѣ сдѣланы были намеки на невнимательность губернскаго начальства въ этомъ дѣлѣ, и вотъ въ № 276 той-то газеты является присланное изъ Новгорода объясненіе всего дѣла, и оказывается во-первыхъ, что мышь иежитъ въ трехъ верстахъ отъ Новгорода и принадлежать жеиъ коллежскаго секретаря Борисова, который самъ живетъ въ Петербургѣ и занимается адвокатствомъ; во-вторыхъ, что губернское начальство показало полную внимательность въ дѣлѣ и, не смотря на искусно произведенное вначалѣ сдѣданіе, по которому всѣ выходили правыми, открыло, что собаки принадлежали мышѣ и что даже дѣти г-жи Борисовой забавлялись злостью этихъ собакъ, поощряя ихъ къ нападеніямъ; наконецъ, что симыя эти непосредственныя виновницы несчастія — собаки теперь уже не существуютъ; потомучто когда дѣло

стало принимать опасный оборотъ, хозяева утопили ихъ въ Волкотьдѣ... Ну, какъ не пожелать побольше такихъ ясныхъ и точныхъ свѣдѣній!

Мы сказали, что гласность становится солданою докладчицею общественному мнѣнію... Пусть же она продолжаетъ эту должность! Пусть она доводитъ до общаго свѣдѣнія все, что способно намъ шевельнуть душу, или пролить новый свѣтъ на какіе-нибудь далекіе и темные углы или выдвинуть какія-нибудь черты нашей истинной дѣйствительности, доселѣ не замѣченныя. Почему напр. не узнать всѣмъ такую вѣсть, какую недавно кто-то прислалъ изъ Тулы газетѣ «Наше время». Эта вѣсть въ газетѣ названа: *русскій фетуль*; это — вѣсть о такомъ простомъ и обыденномъ происшествіи, что въ прежнія времена оно не только не было-бы и припечатано въ газетѣ, но и изустно не вышло-бы, можетъ быть, за пределы того мѣста, гдѣ совершилось; а между тѣмъ оно очень вѣрно дѣйствительности, очень характерно и душу шевелитъ и на думы приводитъ. Просимъ читателей прослушать этотъ несложный и интересный рассказъ:

Тульской губерніи, новосильскаго уѣзда, въ селѣ Нижнемъ-Скворчезѣ, крестьянинъ *Абрамъ Быковскій* (13 сентября) поссорился съ своимъ роднымъ братомъ *Сильверстомъ*, который побилъ его такъ, что переломилъ лобную, затылочную и теменную кости. Ближайшаго *Абрема* вынесли изъ избы на дворъ; сынъ его *Илья* тотчасъ повезъ его въ церковь, гдѣ большой исповѣдался и причастился *Св. Таянъ*; потомъ, съ помощью другого крестьянина изъ-за села, уложилъ его въ телегу и повезъ къ становой приставу, для освидѣтельствованія боевыхъ знаковъ, а становой послалъ ихъ для этого въ г. Новосиль къ уѣздному врачу *Снесареву*; врачъ осмотрѣлъ *Быковского* и нашолъ его въ безпамятствѣ, безъ всякаго самосознанія; дыханіе было едва замѣтно и пульсъ едва можно было осязать. *Г. Снесаревъ*, видя опасное положеніе больного, требующаго немедленнаго медицинскаго пособія, велѣлъ крестьянамъ тотчасъ везти его въ городскую больницу и послалъ съ нами свою служанку, а съ нею записку къ подлекарю, чтобъ больной былъ непременно принятъ въ больницу.

Прибывъ туда, крестьяне подлекаря не нашли, а *смотритель Федоровъ*, получивъ записку уѣзнаго врача, потребовалъ еще какихъ-то документовъ. Документовъ никакихъ конечно не было, и *смотритель*, доложивъ предварительно объ этомъ городскому врачу *Забреву*, по приказанію его объявлялъ крестьянамъ, что если хотятъ помѣтять *Быковского* въ больницу, то заплатятъ бы деньги за леченіе или приездомъ бы отношеніе земскаго суда. Денегъ съ

крестьянами не было, поэтому они принуждены были отправиться съ умирающимъ въ земскій судъ за отношеніемъ. Но было уже 5 часовъ по-полудни: въ судѣ они нашли только одного дежурнаго; онъ велѣлъ имъ ѣхать къ исправалявшему въ то время должность исправника, непремѣнному засѣдателю *Дедуцкому*, который, выслушавъ просьбу крестьянъ и осмотрѣвъ больного, послалъ ихъ обратно въ судъ, обѣщая скорѣе туда пріѣхать. Крестьяне поѣхали опять въ земскій судъ; тамъ кто-то сказалъ имъ, что теперь ужь поздно, а завтра (14 сентября) праздникъ, такъ не лучше ли имъ пріѣхать уже 15 утромъ. Не смотря на благой совѣтъ, крестьяне поджидали засѣдателя до позднаго вечера, но не дождавшись, принуждены были ѣхать назадъ домой, гдѣ *Абрамъ Быковскій*, въ ночь съ 14 на 15 число, умеръ...

Говоря о больныахъ и больницахъ, мы не можемъ не указать, какъ на образчикъ солидной и благотворной гласности, на помѣщенную въ IX книжкѣ «Свѣточа» статью: *Очерки больничнаго быта*, въ которой просто, спокойно и, какъ слышали мы отъ людей непосредственно знакомыхъ съ этимъ бытомъ, совершенно вѣрно описано все, что въ нашихъ общественныхъ больницахъ должно подлежать непремѣнному устраниенію или измѣненію. Въ началѣ своей статьи авторъ между прочимъ говоритъ:

«Наши общественныя больницы — вопросъ до сихъ поръ темный или покрайней мѣрѣ весьма члбвнчнвый. Литература молчать о немъ. Заболѣвшій неохотно идетъ въ больницу и неблагоприятно смотритъ на это красивое зданіе — и наоборотъ, съ радостью оставляетъ его, иногда даже недокончивъ леченія.

... Чтѣ страннѣе всего — общество наше, пробужденное нынѣ отъ прежней инерціи, живо обращается къ современнымъ вопросамъ, основываетъ библіотеки, открываетъ училища, учреждаетъ вспомогательныя кассы; а вопросъ о больницахъ остается до сихъ поръ нетронутымъ, и матеріальныя средства больницъ по прежнему скудны, — существующій порядокъ въ нихъ по прежнему все тотъ же. Чѣмъ оправдать или объяснить такое забвеніе такого важнаго предмета? Забыли ли онъ въ самомъ дѣлѣ или загороженъ отъ наблюденій и гласности витайскою стѣною, — и общество дѣйствительно не слышитъ его голоса? Занятые акціонерными предпріятіями, развитіемъ торговли и промышленности, идеями распространенія просвѣщенія, политико-экономическими планами, мы изъ-за этихъ крупныхъ, а отчасти только модныхъ (?) занятій не видимъ серьезности другихъ вопросовъ, каковъ вопросъ объ общественныхъ больницахъ, — и можетъ быть оттого, что такіе вопросы не слишкомъ чувствительно затрагиваютъ насъ самихъ. У насъ вѣдь до сихъ поръ не касались серьезно вопросовъ о тюрьмахъ, о рабочихъ домахъ, объ арестантскихъ ротахъ; только лег-

нѣ, фельетонныя замѣтки шерѣдка замолчали, что подобныя вопросы существуютъ въ сознаниі нашего общества, но не коснулись еще главныхъ струй его сердечности.

Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести еще нѣсколько фразъ автора *Очерковъ*, фразъ, которыя особенно выразительны. Напримѣръ, описывая больничныи воздухъ въ разные периоды сутокъ, онъ между прочимъ рассказываетъ :

«Весьма удачно выражается надзирательница касательно состоянія воздуха въ палатѣ во время ночи. — Какъ, говоритъ она, зайдешь въ палату—то, будто палкой кто ударитъ по головѣ.. А дѣлать нечего: все войди, да посмотри, — да стерпи. — И этимъ воздухомъ больной, безъ разбора болѣзней, не исключая и болѣзней въ легкихъ, дышетъ цѣлую ночь и цѣлыя ночи! Интересно также замѣчаніе одного старичка-болѣзняка, изъ простаго званія, по поводу состоянія воздуха. — Я, говоритъ онъ, все думаю, отчего это такой запахъ? — Ну, отчего же? какъ ты думаешь? спрашиваю его. — Да вотъ я полагаю, что въ палатахъ есть клопы; и вотъ какъ вычищаютъ полы—то, такъ въ ту пору клоповъ—то и придавливаютъ, а оттого и запахъ такой. Да и пахнетъ—то.. какъ будто подъ носомъ кто клопа давитъ. — Предположеніе крайне-наивное, но оно очень хорошо характеризуетъ качество воздуха и степень его силы, — если не всегда, то и не рѣдко.»

Впрочемъ авторъ сознается, что такое состояніе воздуха бываетъ не круглыя сутки: *во время визитаций* (въ 9 часовъ утра и въ 8 вечера) воздухъ довольно чистъ.

Мы тепло вѣруемъ, что и вопросъ объ общественныхъ больницахъ не долго будетъ оставаться забытымъ. Извѣстно, что вопросъ о военныхъ госпиталяхъ (по поводу открывшихся въ послѣднюю войну разныхъ недостатковъ и злоупотребленій) давно поднятъ въ Военномъ Министерствѣ, состояніе ихъ внимательно разсмотрѣно, и принимаются дѣятельныя мѣры къ ихъ улучшенію. Мы даже слышали, что былъ составленъ проектъ радикальнаго преобразованія ихъ, съ введеніемъ, между прочимъ, коллегіальнаго управленія; не знаемъ только, принять ли этотъ проектъ и дѣйствительно ли готовятся радикальное преобразованіе госпиталей.

Такъ какъ въ приведенной нами статьѣ положительно поднятъ вопросъ и объ общественныхъ больницахъ, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ уже не заведетъ въ безгласности, а за тѣмъ послѣдуютъ конечно и мѣры къ его разрѣшенію; потому что теперь голоса, доходящіе изъ общества, уже не остаются неслышанными; къ нимъ, напротивъ, прислушиваются, ими пользуются, даже въ нихъ нуждаются. На это есть у насъ прямыя, фактическія доказательства. Развѣ Министерство Народнаго Просвѣщенія не обнародовало проекта

устава средних и высших учебных заведений для всеобщего обсуждения? Развѣ не обратилось почтовое ведомство къ сочувствію публики, вызывая ее «указывать ему на тѣ случаи, гдѣ вкрадываются случайно какія-либо ошибки или упущенія»? Наконецъ развѣ Министръ Финансовъ не пригласилъ, печатнымъ объявленіемъ, всѣхъ сообщать замѣчанія о причинахъ медленнаго развитія золотого промысла и мысли о томъ, какими мѣрами правительство могло бы поощрить этотъ промыселъ?

Мы выѣмъ также доказательство и на то, что гласности уже дано у насъ право гражданства: это доказываетъ законъ 22 сентября прошедшаго года, изданный въ пополненіе ценсурнаго устава, по поводу того, что въ этомъ уставѣ не заключалось «правилъ о предупрежденіи вреда, могущаго произойти отъ распространенія въ періодическихкихъ изданіяхъ ложныхъ извѣстій и слуховъ, или появленія статей, оскорбительныхъ для правительственныхъ мѣстъ и частныхъ лицъ, посредствомъ немедленнаго опроверженія или разъясненія въ печати такихъ извѣстій, слуховъ и статей, въ тѣхъ самыхъ изданіяхъ, въ которыхъ они появились». Вслѣдствіе этого первымъ пунктомъ новаго закона «издателямъ и редакторамъ журналовъ и газетъ вмѣняется въ обязанность печатать бесплатно въ своихъ изданіяхъ опроверженія на появившіяся въ нихъ неосновательныя извѣстія и слухи или возраженія на статьи, оскорбительныя для какого-либо мѣста или лица, какъ скоро такія опроверженія и возраженія доставлены будутъ мѣстами или лицами, упоминаемыми въ означенныхъ извѣстіяхъ, слухахъ и статьяхъ.» Въ слѣдующихъ за тѣмъ пунктахъ постановлены и особыя на этотъ предметъ правила.

Въ вышеприведенныхъ нами словахъ автора *Очерковъ* *большакино* была есть одна фраза, собственно къ больницамъ не относящаяся, съ которою намъ очень не хотѣлось бы согласиться. Онъ сказалъ, что нѣкоторые изъ вопросовъ, занимающихъ теперь наше общество, суть только «модныя» занятія. Мы слышали, что нѣкоторые такъ смотрятъ на вопросъ, о которомъ мы еще не упоминали, вопросъ самый свѣжій и, послѣ крестьянскаго, самый святой и неотложный. Это — вопросъ о распространеніи грамотности. Говоря точнѣе, названіе «моднаго занятія» относить, можетъ быть, не вообще къ вопросу о распространеніи грамотности, а собственно къ воскреснымъ школамъ. Московскія газеты жалуются на скудость средствъ тамошнихъ воскресныхъ школъ, приписывая эту бѣду совершеннѣйшему равнодушію московской публики къ этому новому дѣлу, и носятя слухи, будто бы равнодушіе-то это происходитъ оттого, что московская публика смотритъ на дѣло воскресныхъ

школы, мать: наскоропереодолитую моду. Нисколько не рудается за справедливость этихъ слуховъ, но — всеужели же дѣло воскресныхъ школъ дѣйствительно только мода? Впрочемъ положимъ, что мода, — чуждъ изъ того? Въ одной газетѣ сосчитано, что теперь въ Россіи: около 200. воскресныхъ школъ, въ которыхъ приближительно до 20.000 учащихся. Между тѣмъ почти въ каждомъ листѣ газеты есть вѣсти о вновь открывающихся воскресныхъ школахъ и о прибывающихъ ученикахъ. Въ такомъ случаѣ — пусть это будетъ мода; да мода-то эта выучитъ грамотѣ десятки тысячъ человѣкъ, и выучитъ ихъ не черезъ полуграмотныхъ пономарей и отставныхъ солдатъ, безсмысленное преподаваніе которыхъ в было еяюю изъ причинъ, введшихъ въ ошибку В. И. Даля и другихъ прогнаниковъ распространенія грамотности, — нѣтъ, она выучитъ ихъ разумно, чрезъ людей просвѣщенныхъ, дѣлавшихъ это дѣло съ толкомъ, съ любовью и съ участіемъ самыхъ теплыхъ желаній; выучитъ не одному механизму чтенія, — какъ учатъ по селамъ и деревнямъ пономари и отставные солдаты, — но и пониманію читаемаго; она улучшитъ, подниметъ нравственно эти десятки тысячъ... Если потомъ и пройдетъ эта мода, то она пройдетъ тогда, когда минетъ въ ней потребность; когда будетъ много не воскресныхъ, а будничныхъ, но подобныхъ воскреснымъ, школъ, и въ нихъ будутъ учиться уже не десятки, а многія сотни тысячъ... Почему же не слѣдовать намъ такой хорошей модѣ, когда мы съ точностію сабуемъ модѣ въ способѣ повязыванія галстуковъ и носенія воротничковъ?.. Наконецъ — если лица, заводящія воскресныя школы и преподающія въ нихъ дѣлаютъ это, только увлекаясь модою (въ чемъ мы впрочемъ сомнѣваемся); то учащіяся-то, эти толпы бѣднѣйшихъ мальчиковъ и взрослыхъ ремесленниковъ, добровольно стекающіяся по праздникамъ въ школы, они тоже увлечены модою? Нѣтъ, ужъ это, воля ваша, совсѣмъ неправдоподобно. Нѣтъ! тутъ есть нѣчто другое, нѣчто, приводящее на память поговорку: гласъ народа — гласъ Божій. Эта поговорка означаетъ, что у народа, взятаго въ цѣломъ, есть инстинктъ для угадыванія истины, для вѣрнаго распознаванія того, что, въ данную минуту, должно пойти ему во здравье и во благо. Не привились бы такъ дружно воскресныя школы, если бы онѣ были порожденіемъ одной своенравной моды!.. Что грѣха таить! если бы, прежде нежели открылась первая воскресная школа, спросили насъ, будетъ ли успѣшно это начинаніе, побѣгутъ ли толпы малолѣтнихъ и взрослыхъ простолюдиновъ по праздникамъ учиться въ школы, — мы, можетъ быть, сильно усомнились бы въ этомъ, потому что... еще разъ искреннее признаніе!.. потому что мы не до-

велью близко знакомы съ внутреннимъ миромъ народной массы, не довольно хорошо знаемъ, что таится въ глубинахъ ея, не на столько изощрили въ себѣ наблюдательность, чтобы въ каждой данной минутѣ вѣрно учуять ростъ ея зрѣющихъ въ ташихъ потребностей. Мы обманулись бы жестоко и непростительно, мы погрѣшили бы противъ народа своимъ сомнѣниемъ, и если есть теперь люди, считающіе воскресныя школы порожденіемъ одной только моды, то они грѣшатъ противъ народа... Благословимъ же того, кому первому пришла мысль ввести эту моду, благословимъ тотъ часъ, въ который оставила его это благодатная мысль!

Противясь съ старымъ годомъ этимъ благословеніемъ, мы несомнѣнно въ новый годъ горячее желаніе, чтобы мода на воскресныя школы распространилась по всей землѣ русской, чтобы держалась она долго и чтобы исчезла въ насъ всякая тѣнь сомнѣнія въ ея благотворности.

Читатели могутъ указать намъ, что обозрѣвая главнѣйшіе изъ поднятыхъ у насъ и занимающихъ общее вниманіе вопросовъ, мы забыли одинъ насущнѣйшій предметъ, близко касающійся всѣхъ и каждого, именно: вопросъ финансовый и вопросъ о созданіи у насъ общественнаго кредита; что въ истекшемъ году возникло одно важное учрежденіе — учрежденіе государственнаго банка, и что много положено трудовъ и сильно подвинуто впередъ дѣло по устройству земскихъ банковъ. Нѣтъ, мы не забыли этого предмета, но онъ такъ важенъ, серьезенъ и сложенъ, что говорить о немъ обстоятельно можно только въ специальной, ему собственно посвященной статьѣ; а здѣсь излагать подробности начатыхъ и еще не конченныхъ работъ, значило бы только напрасно утруждать ваше вниманіе.

ВНУТРЕННІЯ НОВОСТИ

Ходъ дѣла по распространенію грамотности: новыя воскресныя школы и училища. — Содѣйствія и противодѣйствія. — Ремесленники-хозяева и ремесленники-ученики. — Безыменная гласность. — Калужскіе рогожники. — Кончина одного полезнаго изданія. — Акція и безденежье. — Вопросъ о заштатныхъ чиновникахъ. — Сѣзды. — Университетская годовщина въ Москвѣ. — Кончина К. С. Аксакова и В. В. Ганки.

Начнемъ нашу рѣчь съ того мѣста, на которомъ остановились въ прошлый разъ: тамъ мы коснулись вопроса о грамотности и заговорили о воскресныхъ школахъ. Судя по ежедневно-приходящимъ съ разныхъ сторонъ вѣстямъ, кажется можно сказать положительно, что изъ всѣхъ настоящихъ общественныхъ стремленій нашихъ, ни одно не идетъ такъ дружно и не осуществляется такъ быстро, какъ стремленіе — шире и шире разливать средства къ всеобщему образованію. Воскресныя школы и ежедневная училища непрерывно рождаются и возникаютъ, возникаютъ даже въ такихъ далекихъ и скромныхъ углахъ, о которыхъ доселѣ почти и слухомъ не слыхано было... Видно, что мода на нихъ пришла всѣмъ по праву, — и куда только не проникла она! Казанской губерніи въ г. *Чистополье*; костромской губерніи въ г. *Нерехту*; псковской губерніи въ *Опочку* и *Великія-Луки*; на югъ — въ *Ростовъ на Дону* и *Теоносию*; на востокъ — въ *Уральскъ*, *Троицкосавскъ*, *Тобольскъ* и *Иркутскъ*... Не говоримъ уже о тѣхъ пунктахъ, гдѣ начало сдѣлано давно и теперь съ каждымъ часомъ растетъ и укореняется — прибываетъ число школъ, прибываетъ число подвизающихся на поприщѣ... Вотъ послѣднія новости этого рода:

Въ Петербургѣ открыты воскресныя школы — 18 декабря въ здании Военной Академіи; 8 января въ классахъ почтового училища. На Петербургской сторонѣ — бесплатное *ежедневное* училище, со-

держимое частными пожертвованіями и предназначенное два курса въ размѣрѣ гимназическаго.

Въ Кіевѣ въ ноябрѣ прошлаго года открыты: *вторая* женская воскресная школа — при фундуклеевской женской гимназій, и *третья* — на Подолѣ, въ домѣ приходскаго училища, учрежденная дамами и дѣвицами преимущественно изъ *купческаго званія*... Заимѣйте это послѣднее явленіе, о которомъ намъ можетъ быть придется упомянуть ниже. Въ одной кіевской корреспонденціи, извѣщающей объ этомъ, между прочимъ сказано: «открытие школы дамами купческаго званія — фактъ, во всякомъ случаѣ очень замѣчательный. Въ нинѣхъ мѣстахъ купческое сословіе даже не хочетъ дать средствъ на школы, не говоря уже о добровольномъ участіи въ преподаваніи!»

Изъ Кіевской же губерніи, изъ Чигиринскаго уѣзда, нѣкто г. Константинъ Кистеръ пишетъ, что и у нихъ наступило время грамотности для господскихъ крестьянъ; что съ 1 ноября прошлаго года приходскіе священники по всѣмъ деревнямъ господскихъ мѣншій начали усердно хлопотать объ устройствѣ сельскихъ школъ, владѣльцы доставили помѣщенія и школы открыты. «Многіе крестьяне, продолжаетъ за тѣмъ г. Кистеръ, слезно просили помѣщиковъ и священниковъ не брать ихъ дѣтей въ школу, подъ разными предлогами: одинъ, что у него всего только одно дитя, другой, что у него много дѣтей и что ребенокъ, котораго назначаютъ въ школу, у него нянька надъ меньшими, — словомъ, никому не хотѣлось отдавать дѣтей въ школу; однакожь власть помѣщика и голосъ священника поставили на своемъ: школа въ томъ мѣстѣ, гдѣ я живу, открыта. Мнѣ крайне хотѣлось разузнать, отчего крестьяне не съ радостью, а съ недовѣріемъ встрѣтили открытіе школы. Всѣ знаютъ, что зажиточнѣйшіе изъ нихъ отдаютъ своихъ дѣтей на выучку за 20 и болѣе верстъ отъ села, къ дьякамъ-грамотѣямъ, и — вотъ причина: когда стало извѣстно крестьянамъ, что ихъ дѣти будутъ назначены въ школу, крестьяне не могли никакъ придумать, для чего бы это такъ? И послѣ многихъ сходовъ и разсужденій, у нихъ явилось вотъ какое мнѣніе: одни говорили, что дѣтей будутъ грамотѣ учить для того, чтобъ послѣ взять ихъ на фабрики; другіе — что выучивши дѣтей читать и писать, отправятъ куда-то далеко, учителями, къ нехристямъ, — и Богъ вѣсть чего не прилужали»...

Особенное усердіе священниковъ г. Кистера есть два замѣчательныя обстоятельства: одно — что крестьяне и при несуществованіи школъ, все-таки

учать своихъ дѣтей грамотѣ; другое — недовѣріе крестьянина, обнаруживающееся даже въ такомъ дѣлѣ, какъ открытіе школы для его дѣтей... Ниже мы еще столкнемся съ недовѣріемъ русскаго человѣка, — недовѣріемъ другого рода, но все-таки недовѣріемъ къ тому, что выше его, что для него темно.

28 декабря открыта воскресная школа въ Калугѣ; набралось на первый разъ 31 ученикъ, въ числѣ которыхъ человекъ 10 взрослыхъ, совсѣмъ безграмотныхъ. Въ преподаватели вызвались прежде всѣхъ ученики гимназій.

Въ Могилевѣ, гдѣ существуютъ уже четыре мужскія воскресныя школы, женская преобразовалась изъ воскресной въ ежедневную, и въ ней все-таки бесплатно учатъ частныя лица... Такимъ образомъ начинается тотъ переходъ, который можно было предвидѣть заранее: можно было предвидѣть, что воскресныя школы со временемъ будутъ постепенно превращаться въ ежедневныя, или, оставаясь сами воскресными, будутъ вызывать учрежденіе, рядомъ съ ними, школъ ежедневныхъ. Теперь уже говорятъ о предположеніи открыть такія школы въ Кіевѣ и въ Петербургѣ — на Выборгской сторонѣ и за Шлиссельбургской заставой. Эта послѣдняя мѣстность, какъ извѣстно, имѣла огромную потребность въ школѣ, по огромному тамъ числу фабричныхъ людей. Можетъ-быть ни въ одну изъ открывшихся до сихъ поръ воскресныхъ школъ не бѣжали съ такою жадностью и взрослые и малолѣтныя ученики, какъ въ школу за Шлиссельбургской заставой; мѣста не доставало; приходилось расширять помещеніе, и теперь приходится часть учениковъ отдѣлять на вечерніе классы. Наблюдатели увѣряютъ, что мажора обученія тамъ не ослабѣваетъ, а усиливается въ ученикахъ и ученицахъ. «Представьте себѣ, говоритъ одинъ изъ такихъ наблюдателей, — мальчика едва одѣтаго, бѣгущаго что есть мочи по 15-ти градусному морозу въ школу. Подъ одной мышкой его грифельная доска, подъ другой книга. Закочевѣлыя руки мальчика холодеютъ по груди, доска и книга падаютъ на снѣгъ, но мальчикъ летитъ, не замѣчая этого. Какой-нибудь встрѣтившійся крестьянинъ подниметъ уроченное, возьметъ мальчика подъ тулупъ и приведетъ его въ школу.»

Дѣйствительная ли эта картина, или фантастическая, но во всякомъ случаѣ нельзя усомниться въ томъ, что она вѣрно изображаетъ существующее настроеніе.

Въ слухахъ изъ Москвы, умолкаютъ жалобы на скудость матеріальныхъ средствъ тамошнихъ воскресныхъ школъ, которыхъ теперь считается одиннадцать; въ нихъ еще къ ноябрю прошлаго года было 739 учениковъ и 104 преподавателя. Но — все-таки

странно, что о нихъ не слышно никакихъ подробностей; о многихъ изъ провинціальныхъ школъ извѣстно больше, нежели о московскихъ. Отчего бы это?

Дѣло воскресныхъ школъ, начатое въ добрый часъ нѣсколькими отдѣльными лицами, дружно поддержанное общими усиліями многихъ и освященное единодушнымъ общественнымъ мнѣніемъ, теперь наконецъ принимаетъ опредѣленные формы, получаетъ правильную организацію. Совѣтомъ при попечителѣ С. Петербургскаго Учебнаго Округа разсмотрѣны и олобрены *правила для воскресныхъ школъ* этого округа, которыя и обнародованы во всеобщее извѣстіе. Правилами этими между прочимъ установлено: что воскресныя школы могутъ быть учреждаемы какъ по желанію сословій, такъ и частными лицами; что онѣ состоятъ въ вѣдѣніи директоровъ училищъ и подъ непосредственнымъ надзоромъ штатныхъ смотрителей училищъ или другихъ лицъ учебнаго вѣдомства; что часы занятій въ нихъ опредѣляются по взаимному соглашенію между лицами, открывающими школу, и директоромъ училищъ, съ наблюденіемъ, чтобы занятія начинались послѣ поздней обѣды и вообще не лишали учениковъ возможности исполнять религіозныя обязанности и не вредили ихъ физическому развитію; что въ школы принимаются лица всѣхъ возрастовъ; но школы для мужчинъ должны быть помѣщаемы отдѣльно отъ школъ для дѣвицъ, и пр.

Дѣло воскресныхъ школъ, сложившееся въ умѣ и сердцѣ не многихъ начинателей и съ жаромъ подхваченное многими другими, проникаетъ наконецъ въ общее сознаніе; огромная польза ихъ переходитъ наконецъ въ общее убѣжденіе. Петербургская ремесленная Управа особенно показываетъ теплую заботливость объ этомъ дѣлѣ; она, въ отклоненіе разныхъ недоразумѣній, обнародовала на весь 1861 годъ распisanіе дней, въ которые будетъ въ школахъ ученіе, и списокъ помѣщеній всѣхъ школъ открытыхъ въ Петербургѣ, которыхъ насчитывается: 14 мужскихъ и 9 женскихъ. При этомъ Управа дѣлаетъ слѣдующее воззваніе: «Такъ какъ на основаніи 158 статьи Уст. Рем., т. XI Св. Зак., въ означенные дни мастеровые не должны работать, то Управа въполнѣ надѣется, что постоянное и регулярное посѣщеніе школъ въ эти дни учениками и работниками не только не встрѣтитъ никакихъ препятствій со стороны гг. содержателей ремесленныхъ заведеній, но напротивъ того, найдетъ въ нихъ самое искреннее сочувствіе, самую живую и дѣятельную поддержку. Исполняя въ точности эту святую обязанность, мастера тѣмъ самымъ снимутъ съ себя неоднократно высказанный въ печати упрекъ въ несочувствіи ихъ, будто-бы, къ дѣлу распространенія образованія въ рабочемъ классѣ.»

Воззваніе не напрасное! Это доказывають голосá, раздающіеся изъ разныхъ мѣстъ и напоминающіе увлеченнымъ мечтателямъ, что люди — не ангелы. Вотъ напримѣръ въ Харьковѣ 18 сентября прошедшаго года открыта воскресная школа; въ первый день учениковъ явилось 160, а къ 9 октября число ихъ возрасло до 340. Потомъ замѣчена большая неаккуратность въ посѣщеніи ими классовъ и наконецъ изъ 340 учениковъ осталось 270. «Къ числу причинъ неявки учащихъся, говоритъ корреспонденція, принадлежить и невѣжество хозяевъ-ремесленниковъ, которые не отпускають работниковъ въ школу».

Изъ Самары слышатся такія рѣчи: «Не знаю, есть-ли у насъ другой класъ, который въ такой мѣрѣ нуждался бы въ общемъ участіи, какъ бѣдный ремесленный класъ. Я говорю не о тѣхъ антрепренерахъ, которые можетъ быть сами пройдя тяжолую школу, заводять наконецъ мастерскую и берутъ въ кабалу десятокъ, два или даже пѣсколько десятковъ мальчиковъ на шесть и на семь лѣтъ, съ тѣмъ чтобы познать ихъ съ своимъ мастерствомъ и, побоями и лишеніями всякаго рода, приучить къ самой суровой жизни. Объ этихъ-то мальчикахъ хотѣлъ-бы я сказать нѣсколько словъ».

За тѣмъ неизвѣстный корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей» изображаетъ живыми красками положеніе ремесленныхъ учениковъ, въ которомъ есть между прочимъ одна оригинальная черта, именно, что у многихъ мастеровъ мальчикамъ запрещено пѣть. «Пѣть могутъ *молодцы*», говорилъ автору одинъ хозяинъ, «а мальчикамъ какъ можно это позволить! Послѣ того они будутъ и грабить, и пить, и воровать, и все что хотите. Нѣтъ, какъ можно пѣть! Это ужъ послѣднее дѣло! Отъ пѣсни не далеко до пляски, а тамъ — и пошолъ!..»

При такой обстановкѣ, при такихъ понятіяхъ и взглядахъ хозяевъ-ремесленниковъ открылись воскресныя школы. «Мальчики, продолжаетъ корреспондентъ, стали ходить очень охотно: прежде всего ихъ занимало самое ученье и притомъ серьезная сторона его; далѣе они отдыхали въ часы своихъ новыхъ занятій, среди привѣтливыхъ взглядовъ и ласковыхъ словъ, какихъ они никогда ни отъ кого не слышали... Они стали бодрѣе смотрѣть вокругъ себя; въ нихъ стали просыпаться мысль и сознание... Какъ вдругъ хозяева увидѣли, въ какую опасную игру ввели ихъ учредители воскресныхъ школъ. Такъ въ одной школѣ мальчикамъ во время объяснительнаго чтенія прочли страницу изъ ремесленнаго устава; въ другой — медикъ, онъ же и учитель въ школѣ, осматривая больного мальчика, нашолъ у него на спинѣ широкіе рубцы...; въ третьей — ученикъ, идя въ школу, померозилъ себѣ лицо: оказалось, что на немъ не было ничего тепла-

го, кромѣ сюртука и рубашки, которую онъ не мѣнялъ пять недѣль, потому что въ баню ихъ не водятъ. Объ этомъ заговорили въ городѣ. «Худо!» подумалъ ремесленный людъ, и рѣшился запретить мальчикамъ ходить въ школу. «Тамъ, говорятъ, пѣсни поютъ! начнутъ божественнымъ, а кончатъ — какъ на матушкѣ на Невѣ-рѣкѣ. Этакъ пожалуй и пляски заведутъ. Мы будемъ жаловаться начальству. Преосвященный отъ обѣдни ѣдетъ, въ церкви въ колокола звонять, а они тутъ, прости Господи, пѣсни поютъ!..»

Надо полагать, что всего опаснѣе показала себя хозяйкамъ прочтенная *страница изъ ремесленнаго устава*. Въдъ не даромъ-же существовало не очень давно мнѣніе о вредѣ распространенія въ народѣ юридическихъ свѣдѣній. Такъ вотъ гдѣ это мнѣніе встрѣчаетъ наконецъ отзывъ и сочувствіе! Между тѣмъ русскія женщины, какъ видно, нисколько этого мнѣнія не раздѣляютъ: напр. лекціи Петербургскаго Университета посѣщаются весьма многими слушательницами, и нѣкоторыя изъ нихъ, говорятъ, аккуратно *слушаютъ полныя курсы факультетовъ юридическаго и естественнаго*.

Въ другихъ мѣстахъ воскресныя школы встрѣчаютъ и кое-какія другія затрудненія. На примѣръ въ саратовской воскресной школѣ всѣмъ было-бы хорошо, да очень холодно: говорятъ, что бѣдныя дѣти должны тамъ силѣть въ шубахъ, не имѣя никакой возможности выставить даже руки изъ рукавовъ тулупа. А вотъ въ Пензѣ — тамъ другое: тамъ нашлись противники воскресныхъ школъ, основывающіеся на томъ, что въ праздники не слѣдуетъ заниматься дѣломъ...

Къ числу явленій, становящихся преградой на пути разлива образованія, принадлежитъ также полученная не очень давно «С. Петербургскими Вѣдомостями» вѣсть изъ Воронежа. Говоря о бывшемъ тамъ спектаклѣ любителей въ пользу предполагаемой женской гимназіи, корреспондентъ рассказываетъ о томъ, какое понятіе существуетъ у нѣкоторыхъ воронежскихъ господъ на счетъ учрежденія женской гимназіи: эти господа, видите-ли, думаютъ, что пагубно допустить сближеніе дѣвочекъ разныхъ сословій даже въ школѣ; что это поведетъ не къ образованію, а къ порчѣ нравовъ дѣтей *благороднаго происхожденія*. «Сверхъ того, продолжаетъ корреспондентъ, есть у насъ такіе старовѣры, которые думаютъ, что женщины не нужно образованіе. Я, говорить, съ своей женой прожилъ вѣкъ, слава тебѣ Господи, какъ слѣдуетъ; а вѣдь жена-то грамотѣ не знаетъ, да и самъ-то я небожно ученъ... (и т. д. Разсужденія извѣстныя!) А между тѣмъ они (такія сужденія) раздаются въ теплыхъ закоулкахъ, между нашимъ купечествомъ средней руки, которое боится просвѣщенія, какъ сова дневного свѣта, и боится потѣшу,

что образованію женщины необходимо внесетъ новыя начала въ семейную жизнь...»

Это напомнило намъ разсужденія, встрѣченныя нами въ одной газетѣ мѣсяца два назадъ. Обозрѣвая, какъ мы теперь, ходъ дѣла по распространенію грамотности и образованія, газета встрѣтилась съ доказательствомъ того, что потребность образованія мало чувствуется въ сословіи купцовъ, мѣщанъ и цѣховыхъ. Слѣдуетъ вопросъ: какая на примѣръ нужда заставляетъ купца держать дѣтей за прилавкомъ въ то время, когда они должны были бы учиться дома или въ школѣ, приобретать познанія, необходимыя для каждаго человѣка, и приготовляться къ честной жизни и дѣятельности? — И затѣмъ восклицаніе: «нельзя болѣе злоумышленно дѣйствовать противъ образованія!»... А далѣе: «Богъ вѣсть, скоро ли разобьетъ жизнь тѣ нелѣпыя понятія нашего купечества и мѣщанства, которыя заставляютъ эти сословія постоянно сторониться отъ образованія! Оно конечно понятно, отчего они такъ сторонятся: *въ потемкахъ-то лучше вѣсти всякія дѣлшники на ладъ кулакичскій!*...»

Да! Богъ вѣсть, скоро ли разобьетъ жизнь кору *неведѣнія*, покрывающую умышленныя очи большинства русскихъ людей! Читая сейчасъ приведенныя восклицанія, невозможно не повторить того признанія, которое уже было высказано и нами, и прежде насъ, начиная съ смиреннаго признанія Гоголя, всенародно каившагося, къ общему изумленію, въ томъ, что онъ не знаетъ Россіи. Нельзя, говоримъ, не повторить признанія въ томъ, что мы нетвердо знаемъ внутренний міръ нашей народной массы; что этотъ міръ — все еще не нашъ міръ и все еще остается для насъ предметомъ изученія... Дѣло въ томъ, что приписывать сословію нашего купечества и мѣщанства *злоумышленный* обскурантизмъ едва ли уже не слишкомъ жестоко. Всякая злоумышленность заключаетъ въ себѣ *вѣчто* преступное; но тутъ есть ли дѣйствительно элементъ преступности? У кого поднимется рука бросить камень, т. е. подвергнуть уголовной карѣ членовъ купческаго и мѣщанскаго сословія за ихъ дѣйствительно существующій обскурантизмъ? Они учатъ и считаютъ необходимымъ учить своихъ дѣтей читать и писать, потому что ясно понимаютъ и сознаютъ пользу *этой степени* образованія. Объ образованіи же высшемъ они не заботятся, оттого что не сознаютъ его пользы, а не сознаютъ его пользы оттого, что и не знаютъ, въ чемъ оно состоитъ и къ чему ведетъ. Какимъ же образомъ будетъ человѣкъ сердечно стремиться къ тому, чего онъ не знаетъ? Наука для представителя той среды, о которой мы говоримъ, — что-то темное, далекое и совершенно оторванное отъ

почвы, на которой онъ стоитъ. Что касается до образованія нравственнаго, то тутъ темнота еще гуще. — Какъ же это, какими именно образомъ мальчикъ въ школѣ научится быть честнымъ человекомъ, честнымъ дѣятелемъ? Пускай педагогъ добросовѣстно, изъ собственнаго глубокаго убѣжденія разрѣшить и разъяснить этотъ вопросъ мѣщанину; а мѣщанинъ съ своей стороны укажетъ ему на десятки примѣровъ, что вотъ-де Гордей Ильичъ да еще Прохоръ Кузмичъ учили своихъ сынковъ и въ гимназіяхъ и еще гдѣ-то, а что-жъ вышло? Только и научились, что ногой шаркать, да табакъ курить, да болтать такъ, что словечка не поймешь, да подчасъ еще и брезгать нами, темными людьми, родного отца-бородача стыдиться; а сами дѣла-то настоящаго, отцовскаго, все-таки не смыслятъ... Пишущій эти строки позволяетъ себѣ перенестись на минуту во времена собственнаго дѣтства и припомнить себя гимназистомъ. Живо, въ очью рисуется передъ нимъ ироническая, язвительная улыбка нѣкоторой бородатой родни, торговавшей кожевеннымъ товаромъ, и звучать слова: «что, батюшка, давно не видать? али вамъ, ученымъ, не до насъ? Да вамъ-поди и скучно съ нами; вы-же въ школѣ-то и непривычны къ нашему духу: отъ насъ вѣдь больно кожами пахнетъ»... Вникните въ смыслъ этой ироніи: она въ своемъ источникѣ не та ли же самая иронія, съ которою образованный, но не свѣтскій человекъ смотритъ на записного, но нустого льва? Онъ признаетъ преимущество предъ собой послѣдняго, но преимущество это, заключающееся въ одномъ свѣтскомъ лоскѣ, считаетъ ничтожнымъ и вздорнымъ; точно также и кожевникъ признаетъ преимущество надъ собой книжника, но преимуществу этому не даетъ никакой существенной цѣны; а между-тѣмъ и тамъ и здѣсь примѣшивается еще чувство оскорбленнаго самолюбія, вслѣдствіе замѣчаемаго можетъ быть съ противной стороны пренебреженія... Пренебрегаемый изъ гордости не хочетъ гнаться за тѣмъ, кто имъ пренебрегаетъ, и косо смотритъ на преимущества послѣдняго.

То, что наши купцы и мѣщане сторонятся отъ образованія, кажется достаточно объясняется недоувѣріемъ къ пользѣ образованія, по невольнѣю его сущности, — недоувѣріемъ, поддерживаемымъ многочисленными примѣрами неудачныхъ купеческихъ сынковъ, которыхъ пытались отцы *образовать*, но не сумѣли *воспитать*... Но мы имѣемъ еще одно слово противъ существованія тутъ злоумышленности. Русскій человекъ на столько сметливъ, что не можетъ не знать, что много у насъ образованныхъ людей, въ которыхъ образованіе очень легко и мирно совмѣщается съ кулашничествомъ. Неужели они, наши купцы и мѣщане, не знаютъ, какіе есть бле-

стяще-образованные люди, низходящіе до весьма ловкаго веденія своихъ дѣлшекъ на ладъ кулашническій, да еще иногда въ какихъ размѣрахъ! Въ размѣрахъ, истинно достойныхъ образованнаго господина. Чтѣ же послѣ этого бояться образованія, какъ сова боится дневнаго свѣта? Наконецъ — подобная боязнь могла бы быть внушена только яснымъ пониманьемъ значенія и плодовъ истиннаго человѣческаго образованія, которое дѣйствительно должно исторгать изъ каждаго сердца наклонность къ кулашничеству; но такого пониманья въ средѣ, о которой мы говоримъ, нѣтъ и предполагать нельзя. Вотъ хозяева-ремесленники бояться образованія для своихъ работниковъ и учениковъ, но это уже совсѣмъ другое дѣло...

Другое также дѣло, совершенно другое — воронежскіе господа, идущіе противъ сближенія дѣтей благороднаго происхожденія съ дѣтьми происхожденія неблагороднаго. Хотя тутъ также нѣтъ злоумышленности, а есть только *невѣдѣніе*, но невѣдѣніе далеко не столь простительное, какъ невѣдѣніе мѣщанина, сторонящагося отъ образованія... Эта такая тема, на которую можно говорить много, но до которой нельзя коснуться безъ сердечной боли. — Оставляемъ ее до другого раза...

И такъ — многіе хозяева-ремесленники бояться грамотности, а тѣмъ паче образованія, для своихъ учениковъ, и бояться оттого, что грамотность, а потомъ образованіе — непременно будутъ помѣхой ихъ домашнимъ, келейнымъ распорядкамъ, характеризующимъ теверь невеселыми чертами быть ремесленныхъ учениковъ. Стало быть этотъ быть настоятельно просить общаго сочувственнаго вниманія. Вниманіе, вызываемое такою потребностью, уже и обращено мѣстами: мы выѣдемъ изъ двухъ мѣстъ свѣдѣнія о слѣланномъ ооциальномъ осмотрѣ ремесленныхъ заведеній, но результаты осмотра въ томъ и другомъ мѣстѣ — совершенно различны. Наряженныя для того комиссія нашли и донесли: въ Орлѣ—что все обстоитъ благополучно, въ Воронежѣ—что нѣтъ никакого благополучія... Отчего такая противоположность? Дѣйствительно ли орловскіе мальчики-ремесленники счастливѣе воронежскихъ мальчиковъ, или члены орловской комиссіи одушевлены иными взглядами и состоятъ подѣ влияніемъ иныхъ нравовъ и обычаевъ, нежели члены воронежскіе — рѣшить это мы не можемъ и принуждены ограничиться предлагаемымъ фактомъ.

Орловская комиссія нашла: «что помѣщенія и мѣста для рабочихъ, за нѣкоторыми исключеніями, довольно чисты и опрятны; пища людей хороша; одежда соответствуетъ времени года; рабочіе не измураются усиленными работами; въ праздники посылаются къ обѣдинъ, больные отправляются въ городскую больницу; содержа-

тели заведеній довольны поведеніемъ своихъ рабочихъ, а послѣдніе — обращеніемъ съ ними хозяевъ»... Счастливые орловскіе мальчики! какъ имъ хорошо!

Въ Воронежѣ лица, осматривавшія ремесленныя заведенія, обнаружили: «1) неопрятность помѣщенія и содержанія мастеровыхъ, замѣченную въ большей или меньшей степени во всѣхъ ремесленныхъ заведеніяхъ; 2) жестокое обращеніе съ мастерами, которыхъ нѣкоторые хозяева наказываютъ не только розгами, но и ремнемъ и даже плетью о двухъ хвостахъ; 3) принужденіе мастеровыхъ къ работамъ въ праздничные дни; наконецъ 4) неудовлетворительность пищи.»

Донесеніе орловской комиссіи принято конечно къ свѣдѣнію, потому что... что же съ нимъ больше дѣлать? Въ Воронежѣ донесеніе подобной же комиссіи вызвало нѣкоторые энергическія распоряженія. Губернское начальство положило: 1) поступки содержателей ремесленныхъ заведеній, обвиненныхъ въ жестокомъ обращеніи съ мастерами, передать на разсмотрѣніе Ремесленной Управы, съ тѣмъ чтобы она немедленно приняла мѣры къ уничтоженію злоупотребленій; 2) постановленія ремесленнаго устава, въ которыхъ изъяснены взаимныя отношенія между мастерами, подмастерьями и учениками, ихъ правъ и обязанностей, отпечатать въ количествѣ двухъ-сотъ экземпляровъ и выставить эти листы по одному въ каждомъ ремесленномъ заведеніи, для свѣдѣнія всѣхъ ремесленниковъ; 3) въ видахъ возстановленія законныхъ отношеній между мастерами и ихъ учениками на будущее время и улучшенія благосостоянія послѣднихъ, учредить особый комитетъ, изъ чиновника особыхъ порученій, гласнаго Думы и старшины Управы, подъ именемъ: «Комитета для улучшенія быта ремесленныхъ учениковъ», который обязанъ ежемѣсячно производить всезавую ревизію всѣхъ ремесленныхъ заведеній въ Воронежѣ.»

Къ этимъ благимъ распоряженіямъ мы съ своей стороны прибавили бы еще четвертый пунктъ: обязать еодержателей ремесленныхъ заведеній — всѣхъ учениковъ по праздникамъ присылать въ воскресную школу, — хоть бы на первый разъ для того, чтобы второй пунктъ распоряженій губернскаго начальства вѣрнѣе и скорѣе достигъ своей цѣли.

Къ осмотру ремесленныхъ заведеній въ Орлѣ и Воронежѣ послужили примѣромъ столицы, гдѣ подобныя осмотры давно дѣлаются и результаты ихъ, когда они неблагопріятны, публикуются въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ». Неизвѣстно только, въ какой степени эти осмотры и публикаціи достигаютъ своей благодѣтельной цѣли; потому что здѣсь «благодѣтельная» гласность немножко от-

стала въ сравненіи съ ея подвигами въ другихъ сферахъ нашей общественной жизни: здѣсь она упорно остается *безъименною*, т. е. почти тоже, что *безгласною*: мы постоянно читаемъ, что въ *одномъ*, т. е. въ *какомъ-то* заведеніи открыто то и то. Между-тѣмъ это *то и то* простиралось иногда до битья мальчиковъ-портныхъ утюгами, и изъ этихъ *однихъ* или *какихъ-то* мастеровъ еще ни одинъ до сихъ поръ не имѣетъ причины устыдиться передъ очами публики, хоть бы даже передъ очами своихъ *давальцевъ*, какъ они выражаются; потому что давальцы каждаго изъ нихъ лично о немъ ничего не знаютъ... Для насъ ужъ важнѣе извѣстіе воронежское: изъ него по крайней мѣрѣ узнаемъ, что тамъ *во всѣхъ* ремесленныхъ заведеніяхъ вехорошо...

Еще примѣръ такой неполной или безгласной гласности мы на дняхъ прочли въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Примѣръ этотъ сообщенъ кѣмъ-то, открывшимъ свое имя редакціи «Вѣдомостей», но не нашедшимъ возможности открыть его публикѣ; извѣстіе же его состоитъ въ слѣдующемъ. Крестьянинъ, торгующій *въ одномъ* губернскомъ городѣ, прочелъ въ мѣстныхъ «Вѣдомостяхъ», что въ недавно открытомъ женскомъ приходскомъ училищѣ учатся 45 дѣвочекъ, больше изъ бѣдныхъ и небогатыхъ семействъ; что на годовое содержаніе этого училища нужно всего только 150 руб., но что денегъ нѣтъ и придется закрыть училище. Крестьянину это показалось дѣломъ хорошимъ и вѣдороднымъ и онъ положилъ пожертвовать эти деньги на училище. Онъ повезъ деньги, но дорогою ему пришла мысль посоветоваться прежде съ своимъ начальствомъ; а послѣднее нашло, что ему (крестьянину) вовсе не слѣдъ совѣтаться въ чужое дѣло и что гораздо лучше пожертвовать эти 150 руб. на одно училище въ своемъ вѣдомствѣ. Напрасно онъ ссылался на то, что уже пожертвовалъ, сколько могъ, въ пользу этого послѣдняго училища: начальство объявило, что не можетъ позволить ему жертвовать 150 руб. въ пользу женской школы. Жертвователю принужденъ былъ тутъ же дать росписку въ томъ, что *желаетъ* предоставить еще 150 руб. въ пользу училища своего вѣдомства. «Тѣмъ дѣло и кончилось», заключаютъ сообщающіе это изъ непроницаемаго тумана выходящее извѣстіе. И намъ, по прочтеніи его, приходится претерпѣть ту же участь: прочли, пожалуй написали... да тѣмъ дѣло и кончилось! Между тѣмъ настоящая, именная гласность можетъ имѣть очень разнообразное приложеніе въ общественной и даже частной практической жизни. Вотъ напримѣръ нѣкто, занимающійся торговлею въ Кіевѣ и имѣющій много должниковъ между почтенными жителями города, объявилъ въ мѣстной газетѣ, что если слѣдующія ему деньги не бу-

дутъ уплачены къ такому-то времени, то онъ принужденъ будетъ объявить своимъ должникамъ о томъ же вторично *съ припечатаніемъ ихъ именъ*. «И такъ, восклицаетъ кievскій корреспондентъ, — гласность, это величайшее орудіе цивилизованной жизни, можетъ съ пользою служить также при взысканіи старыхъ долговъ!»

Впрочемъ бываютъ случаи, бываютъ явленія, гдѣ и безъ произнесенія имени, безъ прямаго указанія на лицо, гласность производитъ ясное и полное впечатлѣніе и можетъ вести къ благимъ послѣдствіямъ, указывая на то, что мелькаетъ у всѣхъ передъ очами «и чего не зрять равнодушныя очи». Къ числу такихъ явленій принадлежитъ быть и положеніе *калужскихъ рогожниковъ*, описанное г. Трусовымъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (*). Не можемъ не привести сущности этого описанія, тѣмъ болѣе что можетъ быть многомъ изъ нашихъ читателей и неизвѣстно, и слышать не приходилось, что такое — *калужскіе рогожники*. Можетъ быть многіе подумаютъ, что это особенный классъ промышленныхъ людей, специалистовъ по рогожной части? Нѣтъ! изволите видѣть: въ Калугѣ существуетъ нѣсколько такъ-называемыхъ рогожныхъ заведеній. «Эти заведенія, говоритъ г. Трусовъ, по роду условій, на которыхъ происходитъ работа, по составу рабочихъ, представляютъ довольно своеобразную организацію обязательнаго труда крѣпостныхъ людей. Трудъ этихъ людей такъ тяжело и неблагоприятно обставленъ для нихъ, что составляетъ одно изъ грустныхъ явленій отживающаго права.» Дѣло въ томъ, что вотчинныя конторы, для обезпеченія себя въ полученіи съ крестьянъ оброка и казенныхъ податей, заключаютъ условія съ хозяиномъ рогожнаго заведенія чрезъ особаго рядчика, и чрезъ него же получая деньги за проданный трудъ крестьянъ, отправляютъ этихъ послѣднихъ къ содержателю заведенія на всѣ шесть зимнихъ мѣсяцевъ. Билетовъ на прожитіе въ городѣ крестьянамъ не выдаютъ на руки, а посылаютъ прямо къ хозяину, съ которымъ сдѣлано условіе.

Г. Трусовъ осматривалъ одно изъ такихъ заведеній одновременно съ комиссію, нарочно назначенною съ дѣлію изслѣдовать способъ содержанія рабочихъ, условія, на которыхъ идетъ тамъ работа, и — могущія быть при томъ злоупотребленія, какъ со стороны хозяевъ заведеній, такъ и со стороны вотчинниковъ. Вотъ какъ рассказываетъ онъ о своихъ впечатлѣніяхъ:

«Въ одной изъ отдаленныхъ частей города, на грязномъ большомъ дворѣ мнѣ указали на ветхое строеніе, которое я сначала не считалъ за жилье, принявъ его за хлѣвъ или за конюшню: ово со-

(*) Нынешняго года № 7.

стояло изъ низкаго длиннаго корпуса, съ нѣсколькими маленькими окнами, заложеными мочалами и осколками стеколъ. Подойдя туда и спустившись на одну ступеньку, мы протолкнулись въ маленькую дверь и очутились на нѣкоторое время въ клубахъ пара; въ тоже время тяжелый спертый воздухъ далъ намъ сильно себя почувствовать. Острый запахъ мочаль не могъ заглушить другого, болѣе вреднаго животнаго запаха, происходящаго отъ тѣснаго жилья. По мѣрѣ того, какъ паръ разсѣивался и глаза привыкали въ полусумракѣ различать окружающіе предметы, мы увидѣли нѣсколько станковъ, поставленныхъ въ два ряда и загрозоздившихъ всю внутренность избы; между ними валялись большія кучи мочаль и рогожъ, изъ-за которыхъ въ разныхъ мѣстахъ выглядывали блѣдые и переначканные лица мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Сырость, вѣчность и духота не могли не поразить меня, хотя я уже былъ достаточно подготовленъ видѣть все это. Внутренность избы имѣла 16 арш. длины и 9 арш. ширины, потолокъ же касался головъ нашихъ, и въ этомъ пространствѣ двадцать одинъ человекъ работаютъ, ѣдятъ и спятъ...

«Тутъ жили цѣлыя семейства, но встрѣчались и мужья безъ жонъ, и жоны безъ мужей, и молодыя дѣвушки, и мальчики разныхъ возрастовъ, и даже грудныя дѣти. На всѣхъ было бѣлье дырявое и грязное, какъ только могутъ быть грязны тряпки; спали они всѣ на грудахъ мочаль и конечно безъ всякихъ постелей и различія пола и возраста.

«Крестьяне на вопросы наши отвѣчали вяло, апатично и, какъ лицамъ оффиціальнымъ, не совсѣмъ довѣрчиво, поглядывая при этомъ на хозяина, который часто тутъ вертѣлся.

«Рогожное дѣло самое малощѣнное, «пустышное», какъ они сказали, и чтобы выработать 18 или 20 руб. сер., слѣдующихъ съ тѣла и составляющихъ барскій оброкъ, необходима работа трехъ человекъ (одного мужчины и двухъ дѣтей или женщинъ), составляющихъ такъ-называемый станъ, по двадцати часовъ ежедневно въ продолженіе полугода. Выдѣлка рогожъ не требуетъ ни особенныхъ усилій физическихъ, ни большого искусства и знанія; но при употребленіи станковъ самаго патріархальнаго устройства, станъ выдѣлываетъ въ недѣлю рогожъ приблизительно на 2 руб. сер.»

На вопросы о состояніи здоровья крестьяне давали такіе отвѣты: «Ничего, Богъ милостивъ; ну, ужъ конечно къ веснѣ здоровьемъ-то поизносишься».

«Хозяиномъ заведенія, продолжаетъ г. Трусовъ, отозвались также довольными. Это былъ бойкій, сытый купецъ; пересыпая шуточками, такъ неприятно звучащими въ устахъ эксплуататора,

онъ болталъ безъ умолку. Какъ же, помилюйте, у насъ все какъ слѣдуетъ, все въ порядкѣ; я самъ часто прихожу сюда да поучиваю ихъ. У насъ они не то, что у другихъ — шляются по базару да христарядничаютъ: вотъ—де *безсчастныя закабаленныя рогожники*; нѣтъ, у насъ ворота всегда заперты»...

«Тяжело смотрѣть на рубище и изхудалое лицо на улицѣ, когда не знаешь, на сколько такое положеніе заслужено правдностью или порокомъ; но смотрѣть на такое же лицо и то же рубище при почти непрерывной работѣ этого бѣняка, дающей средство не для улучшения его настоящаго положенія, а только для продленія тѣхъ же самыхъ лишеній; смотрѣть на борьбу съ нуждою, несомною безъ надежды когда-нибудь осилить ее, — просто жутко»...

Въ заключеніе г. Трусовъ прибавляетъ, что за нѣсколько дней до посѣщенія имъ рогожнаго заведенія, одна молодая крестьянка, принадлежавшая къ этому заведенію, бросилась въ колодезь, но была вытащена подоспѣвшими во время работниками. Въ показаніяхъ, снятыхъ съ нея при слѣдствіи, значится: «въ колодезь я бросилась собственно для лишенія себя жизни утопленіемъ; поводомъ къ тому послужило, что работа эта показалась для меня очень *тяжела и скучна*, болѣе же къ тому ни какихъ причинъ не было»...

Фактъ такъ простъ и ясенъ, что съ нашей стороны кажется уже не требуется никакихъ послѣсловій. Предоставляемъ каждому читателю проникаться, сообразно съ его личностью, производимымъ этимъ фактомъ впечатлѣніемъ.

Изъ душной атмосферы рогожнаго заведенія переходимъ въ другую, болѣе просторную сферу, гдѣ вѣетъ свѣжій вѣтеръ и гдѣ также играетъ важную роль «величайшее орудіе цивилизованной жизни», т. е. гласность. «Одесскій Вѣстникъ» оплакиваетъ преждевременную кончину изданія, которое по справедливости должно было бы жить и быть однимъ изъ весьма полезныхъ органовъ гласности. Это скончавшееся изданіе — «Листокъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли». Мысль объ изданіи «Листка» была у насъ нова и дѣльна; цѣль ея, при добросовѣстномъ веденіи дѣла, была прекрасна; но видно не вѣдѣвъ она принялась по нраву, и вотъ — «Листку» смерть приключилась, и приключилась не отъ рукъ людей, давшихъ ему жизнь, на которую они собственно только и имѣли право: его уничтожило главное правленіе общества, уничтожило незаконно, безъ уполномочія акціонеровъ, которымъ, какъ родителямъ, безъ сомнѣнія жизнь его была дорога и любезна. И «Одесскій Вѣстникъ» поворачивать: «мы имѣемъ основательныя причины думать, что гг. акціонеры предвидѣли пользу отъ изданія журнала... Не говоря уже о томъ, что при ав-

кураторомъ, систематическомъ изложеніи дѣйствій одесской главной конторы Общества, они могли бы внимательно слѣдить за ходомъ предпріятія, не блуждая во мракѣ совершеннаго невѣдѣнія до прочтенія годового отчета, — «Листокъ» могъ бы приносить еще и ту пользу, что онъ никогда не позволялъ бы служащимъ въ Обществѣ лицамъ уклоняться отъ добросовѣстнаго исполненія своихъ обязанностей. Вліяніе этого органа легко отразилось бы на дѣйствіяхъ тѣхъ лицъ, которые производятъ большія операціи въ родѣ закупки разныхъ матеріаловъ для дѣйствія пароходовъ и проч., на что издерживаются огромныя суммы. Эти операціи, при востановленіи и подробномъ обозначеніи ихъ въ «Листкѣ», могли бы быть разсматриваемы и оцѣниваемы не одною конторою, но и посторонними лицами, болѣе знакомыми съ цѣнами на предметы»...

Все это очевидная правда; правда и то, что «Листокъ» былъ бы полезенъ вообще для публики, особенно для торгующаго сословія, какъ специально-торговый органъ. Все это правда, но — эта правда вѣрно была не по душѣ виновникамъ смерти «Листка», если они рѣшились поднять на него руку. Бываютъ конечно убійства неумышленныя, отъ недоразумѣнія происходящія; но тутъ какъ-то мурено это предположить: правленіе, какъ кажется, не пользуется общественной симпатіей; его не любятъ, на него жалуются, жалуются на своевольныя распоряженія, на грубость съ пассажирами. Прочтите въ № 4 «С. Н. Б. Вѣд.» статью г. Н. Шаурова, изъ Тифлиса, въ которой онъ очень живо изобразилъ неласковое обращеніе служащихъ въ обществѣ лицъ съ пассажирами, а также достаточно влилъ негодованіе на то, что правленіе общества, неизвѣстно по какому благому побужденію, заблагоразсудило узаконить такую вещь: съ пассажира, который опоздалъ взять билетъ въ конторѣ и явился за нимъ уже на самый пароходъ, готовящійся къ отправленію, брать, сверхъ цѣны билета, еще 25% штрафа *съ пользоу... служившихъ съ обществомъ!* Прочтите эту статью, или... не читайте ее, если не желаете утратить симпатію — не къ Обществу конечно, а къ мѣстнымъ распорядителямъ его дѣлами.

Такъ-то дѣйствуютъ иногда администраторы нашихъ акціонерныхъ обществъ, накликая на себя общее недовольство и общія жалобы; а между-тѣмъ акціи падаютъ, и неповиннымъ акціонерамъ ставовятся повесело. Но — точно-ли они, гг. акціонеры, ни въ чемъ противъ самихъ себя не повинны? Вопросъ этотъ давно рѣшаютъ отрицательно, указывая на апатію и беззаботность акціонеровъ. Недавно «Экономическій Указатель», говоря объ упадкѣ акцій, показывалъ обратную сторону медали, т. е. этого грустнаго обстоятельства. Онъ дѣлаетъ вопросъ: что остается акціонерамъ, когда акцій

(по случаю ихъ упадка) нельзя сбывать, — когда, путемъ ихъ перепродажи, нѣтъ возможности получить процента на капиталъ! — И вотъ отвѣтъ въ видѣ полезнаго совѣта: остается одно — «держать ихъ у себя и позаботиться о полученіи прибыли отъ самаго предпріятія, и съ этою цѣлю подумать и потрудиться надъ ними. Другого нѣтъ исхода.»

Таже газета, по поводу того же упадка акцій, переходитъ къ предмету, котораго мы не хотѣли касаться въ нашей легкой статьѣ, относя его къ статьямъ отдѣльнымъ и болѣе специальнымъ. Это — положеніе финансовъ, состояніе нашего денежнаго рынка. На этотъ разъ мы приведемъ замѣтку «Указателя» по связи ея съ другимъ капитальнымъ вопросомъ и потому, что она можетъ имѣть значеніе лишней искорки для освѣщенія этого вопроса. «Указатель», сказавъ, что увеличеніе бумажныхъ денегъ всѣхъ родовъ было одною изъ важныхъ причинъ паденія акцій, и что всѣми ощущается у насъ безденежье, продолжаетъ: «причина такой бѣдности нашего денежнаго рынка объясняется практиками частію — застоємъ на нашихъ мануфактурахъ и особенно на бумагопрядильныхъ фабрикахъ. Спросъ на простые ситцы, расходившіеся въ прошедшіе годы въ огромныхъ количествахъ, весьма уменьшился въ 1860 году. Крестьяне, главные потребители этого товара, сдѣлались въ этомъ году какъ-бы скупѣе, они какъ-бы берегутъ деньги про чорный день. Ясно слѣдовательно, что вопросъ о безденежьи связанъ съ крестьянскимъ вопросомъ, и съ разрѣшеніемъ этого вопроса денежный рынокъ нашъ по всей вѣроятности улучшится.»

Безденежье! Всеобщая дороговизна! Ни въ комъ они конечно такъ болѣзненно не отзываются, какъ въ тѣхъ людяхъ, у которыхъ приходъ, и безъ этихъ обстоятельствъ, весь выводился въ расходъ на предметы крайней необходимости, а съ явленіемъ этихъ обстоятельствъ ни на одну копейку не увеличился. Къ такимъ людямъ прежде всего относится многочисленный классъ чиновниковъ, и объ этомъ-то классѣ, какъ слѣдовало ожидать, поднять въ послѣднее время горячій вопросъ въ нашей литературѣ. Правительство видитъ необходимость сокращать дѣловую переписку, а за этимъ сокращеніемъ должно слѣдовать сокращеніе числа пишущихъ, т. е. чиновниковъ. Что-же можетъ быть лучше этого сокращенія? Но тутъ-то и возникаетъ вопросъ: куда дѣвать заштатныхъ, т. е. слѣдовало-бы въ строгомъ смыслѣ спросить: куда дѣваться заштатнымъ; потому что странно какъ-то слышать первую форму вопроса о людяхъ болѣе или менѣе просвѣщенныхъ, здоровыхъ, владѣющихъ головой и руками. Но — таково-то было до сихъ поръ строеніе нашего общества; такъ-то укре-

вилась въ насъ привычка быть подъ заботливой опекой правитель-ства; такъ-то были мы чужды обычая жить и работать собствен-ной головой, не ожидая свыше никакихъ благъ и милостей, кромѣ должнаго, заслуженнаго существеннымъ трудомъ! Не сложились у насъ такой порядокъ, не сложились бы въ головѣ и странная, не много оскорбительная форма вопроса: куда дѣвать заштатныхъ. При другомъ складѣ общества казалось бы можно было рассуждать такъ: вѣдь не всѣ же чиновники вылиты природой въ одну и ту же форму; вѣроятно у всякаго изъ нихъ есть своя вкусы и наклонно-сти: пусть-же каждый и изберетъ себѣ родъ занятій по вкусу, наклонностямъ, и способностямъ... Люди, разрабатывающіе въ печати этотъ вопросъ въ настоящемъ его видѣ, какъ онъ у насъ сложился, назначаютъ заштатныхъ чиновниковъ — кто непременно въ бібліотекари провинціальныхъ бібліотекъ, кто въ сельскіе учителя, кто въ лавочники, а кто наконецъ и въ земледѣльцы. Одни господинъ даже подтверждаетъ свои мысли объ этомъ пред-метѣ примѣрами; онъ увѣряетъ, что видѣлъ на дняхъ здѣсь въ Пе-тербургѣ двухъ отставныхъ чиновниковъ, изъ которыхъ одинъ, не имѣвшій прежде понятія о земледѣліи, нанялъ клочекъ земли подъ Петербургомъ, сдѣлался страстнымъ фермеромъ, отлично изучилъ это дѣло и — благоденствуетъ; другой принялся изучать столярное ремесло, надѣется также достигнуть въ этомъ дѣлѣ возможнаго со-вершенства и затѣмъ — благоденствовать. Прекрасно! стало быть вопросъ рѣшается? Это ближе всего должны знать сами чиновники.

Изагаая «внутренія новости» мы желаемъ, чтобы чтеніе нашихъ статей имѣло для читателей значеніе, подобное тому, какое для вра-ча имѣетъ прикосновеніе къ пульсу пациента. Здѣсь пациентъ — цѣлое общество, а мы, — и лѣтописцы и читатели, члены того же самаго общества, — мы конечно не врачи, а только любознательные вслѣдователи состоянія общественнаго организма. Состояніе орга-низма недѣлимаго часто опредѣляется весьма слабыми, чуть замѣт-выми симптомами; точно также и извѣстное состояніе обществен-наго организма иногда чувствуется изъ совокупности явленій и фак-товъ, которые сами по себѣ, взятые порознь, весьма неважны. По-этому да не упрекнуть насъ читатели, если мы иногда передадимъ одно впечатлѣніе, производимое совокупностью подобныхъ явленій и фактовъ. Читая напрямѣръ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ отрывочныя свѣдѣнія о сѣздахъ дворянъ на выборы и для обсуж-денія проэктовъ земскихъ банковъ; о сѣздахъ сельскохозайствен-ныхъ (какъ въ Лукояновѣ, Елисаветградѣ и др.); наконецъ даже о предполагаемыхъ сѣздахъ судебныхъ слѣдователей, — невольно нападаешь на мысль, что это плоды новаго, прежде не бывалаго у

насть стремленія къ разъясненію и рѣшенію общественныхъ вопросовъ совокупными силами всѣхъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ. Дѣйствительно, можно было предвидѣть, что губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу положатъ начало этому прекрасному стремленію, стремленію къ единодушію, на недостатокъ котораго, прежде много было жалобъ и безъ котораго не клеилось ни какое общественное дѣло, а о какомъ-либо общественномъ предпріятіи трудно было и помыслить.

Сообщая подобныя впечатлѣнія и соображая все, что выше сообщено, мы чувствуемъ еще одно опасеніе: не упрекнули бы насть читатели въ томъ, что мы не вполне удовлетворяемъ заглавію нашей статьи; что много у насть наговорено такого, что въ строгомъ смыслѣ не можетъ называться *новостями*, а собственно новостей, въ особенности фактическихъ, мало. Въмѣсто отвѣта на этотъ упрекъ, мы приведемъ слова М. П. Погодина, произнесенныя имъ 12 января въ залѣ московскаго благороднаго собранія. Въ этотъ день бывшіе студенты Московскаго Университета праздновали годовщину его основанія; былъ обѣдъ, за которымъ сидѣло 253 человѣка; за обѣдомъ были тосты; первый тостъ, тостъ за здоровье Государя Императора, провозглашенъ г. Погодинымъ, и по этому случаю говорилъ онъ между прочимъ слѣдующее:

«Мы живемъ въ мудреное время. Говорить легко на другой день, а накануне — это совсѣмъ другое дѣло. Мы теперь именно накануне важнѣйшихъ государственныхъ преобразованій и улучшеній: улучшенія крестьянскаго быта, гражданскаго судопроизводства, банковской системы, городского управленія, путей сообщенія и проч. и проч. Что же можно сказать безъ дерзости о такихъ великихъ предпріятіяхъ до ихъ утвержденія, исполненія, повѣрки опытомъ? Можно только молиться, можно только желать, чтобъ все начатое было совершенно успѣшно, согласно съ требованіями закона, разума, права, времени, къ истинной, прочной пользѣ всѣхъ сословій, всѣхъ русскихъ людей, въ равной степени; можно только желать, чтобъ Россія, устроясь или хоть положивъ твердое основаніе внутри того вожделеннаго порядка, за которымъ предки наши, тысячу уже лѣтъ назадъ, ѣздили нарочно за море, заняла вмѣсто въ системѣ государствъ, завѣщанное ей исторіей и назначенное географіей; можно только желать, чтобы всѣ европейскія племена, въ случаѣ вужды, родныя и чужія, находили въ ней свою естественную покровительницу и заступницу, безкорыстную и безпристрастную... чтобъ всѣ честныя и благородныя дѣла европейскія встрѣчались у насть всегда доброжелательный, согласный, сильный отзывъ? Начало такому новому порядку вещей положилъ нынѣ царствующий»

щій Государь Императоръ въ знаменитомъ рескриптѣ объ улучшеніи быта крестьянъ... Позвольте мнѣ, мм. гг., какъ старому школяру, отдать дань педантизму и заключить мое слово строгимъ силлогизмомъ, составленнымъ изъ аксіомъ, съ подтвержденіемъ, по правиламъ реторики, изъ сочиненій славнаго писателя.

«Наука, отъ сотворенія міра, никогда не была, не могла и не можетъ быть, по естеству своему, за тѣсноту, за рабство.

«Университетъ, никакой, никогда, по существу своему, не можетъ измѣнить наукъ.

«Мы всѣ, сколько насъ здѣсь ни есть, принадлежимъ Университету. Слѣдовательно?

«Слѣдовательно, не только по обычаю, но и по логикѣ, по влеченію благороднаго сердца, мы должны воскликнуть многія лѣта Государю, начинающему улучшеніе быта, освобожденіе.

«А вотъ, въ обѣщанное подтвержденіе, и стихи нашего вѣщаго поэта, безсмертнаго Пушкина, пророческіе стихи, которые сорокъ лѣтъ лежали подъ спудомъ и которые нынѣ, въ очью исполняющіяся, вскрыть торжественно мы имѣемъ полное, сладкое право:

Увижу ль, о друзья, народъ не угнетенный
И рабство, павшее по манію Царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли наконецъ прекрасная заря?»

Вообще на этомъ обѣдѣ сказано много хорошо. Укажемъ напр. на рѣчь профессора О. М. Дмитріева. Намѣреваясь предложить Москвѣ, онъ говорилъ объ отношеніяхъ, о связи, существующей между Москвою и Московскимъ Университетомъ; онъ коснулся при этомъ нравственнаго долга, налагаемаго настоящимъ положеніемъ вещей на всѣхъ членовъ общества и на членовъ университетскаго сословія въ особенности. «Въ наше время, сказалъ онъ, общественныя задачи усложнятся; онѣ требуютъ отъ всѣхъ и каждаго особенно строгаго надзора за собою, особаго напряженія силъ. Будемъ надѣяться, что Московскій Университетъ выдетъ съ честью изъ этого новаго испытанія. Преподаватели и студенты, будемъ строго и внимательно слѣдить за собою; не забудемъ, что болѣе, чѣмъ когда-нибудь, мы должны привести на служеніе обществу серьезную мысль, положительныя свѣдѣнія, которыхъ оно въ правѣ требовать отъ насъ, и прежде всего — способность и любовь къ труду. Эта задача не превышаетъ нашихъ силъ. Она въ особенности ясна и понятна Московскому Университету. Въ нашемъ Университетѣ живо доброе преданіе; въ немъ есть духъ никогда не покидавшій его...»

Далѣе г. Дмитріевъ переходитъ къ главной цѣли своей рѣчи: «Стремленіямъ нашего Университета придетъ на помощь в московское общество. Здѣсь его живое отношеніе къ университетской дѣятельности будетъ особенно благотворно. Оно будетъ столько же поддерживать насъ строгостію своего надзора, какъ и теплотой своего участія. Общественное мнѣніе видимо слагается и крѣпнеть въ Россіи. Чѣмъ болѣе оно будетъ развиваться, тѣмъ спасительнѣе скажется связь Университета съ Москвою...»

«Пожелаемъ же Москвѣ все большаго и большаго развитія въ ней общественной жизни. Начало уже положено. Въ послѣднее время литературная дѣятельность Москвы, почти замолкшая прежде, снова оживилась, вступила въ новый періодъ, полный силы и жизни...»

Затѣмъ ораторъ упоминаетъ о готовящихся въ Москвѣ реформахъ: о преобразованіи полицейскаго управленія, о новомъ устройствѣ Думы, по образцу петербургской, съ участіемъ въ ней всѣхъ сословій; наконецъ — о благотворномъ вліяніи, которое уже ощутила Москва отъ недавно возникшаго тамъ (также по образцу петербургскаго) новаго учрежденія — комисіи словеснаго суда для разбора дѣлъ между рядчиками и работниками.

Этотъ университетскій праздникъ не ограничился одними рѣчами: отъ словъ перешли и къ дѣлу. Приведенное г. Погодинымъ четверостишіе Пушкина послужило поводомъ къ открытію подписки на сооружаемый великому поэту памятникъ (читатели наши безъ сомнѣнія уже знаютъ, что послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на сооруженіе А. С. Пушкину памятника, который будетъ поставленъ въ бывшемъ лицейскомъ саду, въ Царскомъ Селѣ. На это открыта офиціально повсемѣстная подписка). Наконецъ, М. Н. Капустинъ объявилъ о намѣреніи профессоровъ устроить публичные курсы въ пользу неимущихъ студентовъ.. Вотъ имена профессоровъ, изъявившихъ желаніе читать публичныя лекціи: И. К. Бабстъ, Г. В. Вызинскій, К. К. Герцъ, Ф. М. Дмитріевъ, М. Н. Капустинъ, Н. А. Любимовъ, Ф. Мильгаузенъ, Н. А. Поповъ, С. А. Рачинскій и Н. С. Тихомировъ.

Отъ этой свѣтлой и полной жизни картины университетскаго праздника мы принуждены прямо перейти къ двумъ печальнымъ вѣстямъ, чтобы ими и заключить нашу статью. Странныя сблуженія бываютъ иногда въ явленіяхъ человѣческой жизни и смерти! Кто рѣшитъ: по одной ли безпричинной случайности, или по какому-нибудь неразгаданному закону люди, связанные между собою духовнымъ родствомъ, верѣяко схлестать со сцены жизни, если не совершенно одновременно, то вскорѣ одинъ послѣ другого? Давно

ли, въскольکو мѣсяцевъ назадъ, весь читающій людь слушалъ разсказы про кончину А. С. Хомякова; теперь еще и еще: 7 декабря на одномъ изъ Ионическихъ острововъ (островъ Занте) умеръ единакомышленный другъ Хомякова, — Константинъ Сергѣичъ Аксаковъ, а 31 того же декабря, въ Прагѣ, умеръ страстный ученый славянистъ и страстный чешскій патриотъ Вячеславъ Вячеславичъ Ганка. Помянемъ этихъ двухъ покойниковъ словами людей, лично и близко знавшихъ ихъ:

«Чище, благороднѣе, невиннѣе Константина Аксакова, говоритъ г. Погодинъ, мудрено было въ нашъ вѣкъ найти человѣка. Сорока слишкомъ лѣтъ, онъ былъ дитя во всемъ, что касалось до жизни, до ея отношеній, условій, свѣтскихъ приличій. Русскій народъ, Москва, грамматика — вотъ его особый миръ. Русскій народъ любилъ онъ отъ всего сердца: онъ благоговѣлъ передъ нимъ или, скажу вѣрнѣе, предъ его идеею, какъ она въ пылкой душѣ его, по лѣтописямъ, грамотамъ, языку, образовалась. Москва въ понятіи его составляла съ русскимъ народомъ одно нераздѣльное цѣлое... Сказать одно слово противъ Москвы, въ какомъ-бы то ни было смыслѣ, — это было самое тяжелое, личное оскорбленіе Константину Аксакову — равна его тѣлу... Рѣчь его въ минуту одушевленія была со властію и отличалась истинными ораторскими достоинствами и движеніями. Вообще онъ говорилъ, особенно безъ приготовленія, гораздо лучше в сильнѣе, чѣмъ писалъ. Убѣжденіямъ своимъ онъ принадлежалъ всецѣло, не думая и не заботясь ни о чемъ больше...»

Теперь въскольکو словъ изъ воспоминаній человѣка, бывшаго лично знакомымъ съ покойнымъ Ганкою. Выписываемъ эти слова, полагая, что они не могутъ не тронуть каждаго русскаго человѣка.

«Въ Москву стремилось постоянно славянолюбивое сердце Вячеслава Вячеславича. Какъ дитя предавался онъ мечтанію о пути на святую Русь, и еще болѣе восторгу, съ какимъ думалъ онъ прожить въскольکو времени среди отчески имъ любимыхъ *Руссовъ*...

«Судьба не привела его увидѣть обѣтованную для него землю. А для Вячеслава Вячеславича Россія была по истинѣ земля обѣтованная. Въ ней видѣлъ онъ спасеніе для цѣлага славянства, которое онъ такъ глубоко носилъ въ своемъ сердцѣ.»

Еще два слова, свидѣтельствующія о причинѣ разстройства здоровья Ганки, вѣроятно ускорившей его кончину.

«Процессъ, начатый съ Кугомъ о подлогѣ Краледворской рукописи и Суда Любушина, въ которомъ такъ нагло обвинялся Вячеславъ Вячеславичъ, былъ дѣломъ чисто-правительственнымъ, и продажный Кугъ явился только орудіемъ нѣмецко-австрійской централизаціи. Правда, процессъ этотъ кончился не только положи-

тельнымъ оправданіемъ Ганки, но и блистательнымъ доказательствомъ дѣйствительности памятниковъ; тѣмъ не менѣ сомнѣваться невозможно, что въ немъ заключалась и первая причина разстройства крѣпкаго здоровья покойнаго... Чехи не могли безъ глубокаго состраданія видѣть, какъ съ каждою педѣлюю, въ теченіе судебного процесса, ихъ благодѣтельный старецъ-патріотъ сгибался ниже и ниже, какъ лицо его осовывалось больше и больше...»

Словомъ — ищущій эти воспоминанія думаетъ, что зародышъ смерти Ганки заключался въ глубокомъ оскорбленіи и огорченіи, нанесенныхъ ему процессомъ съ Кугомъ.

Его похоронили 3 января, въ прагскомъ кремль — Вишеградѣ. Нѣсколько сотъ студентовъ прагскаго университета съ факелами шли впереди погребальной колесницы; за ними шли славяне всѣхъ племенъ, въ національныхъ костюмахъ и также съ факелами. Шолъ также молодой графъ Кауницъ; онъ несъ... Краледворскую рукопись (открытую, какъ доказалъ злополучный процессъ, покойнымъ), — съ положеннымъ на нее лавровымъ вѣнкомъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1860 годъ

Истекающій годъ такъ богатъ событіями , рѣзко измѣняющими весь обычный ходъ дѣлъ въ Европѣ , что въ этомъ отношеніи онъ едва ли уступитъ самымъ бурнымъ годамъ нынѣшняго столѣтія , ознаменованнымъ кровавыми подвигами Наполеона I. Но нынѣшній годъ еще тяжелѣе годовъ наполеоновскихъ погромовъ : побойща десятихъ годовъ заканчивали , по своему , дѣло , и перевороты завершались : такой-то домъ переставалъ королевствовать , такой-то родственникъ получалъ корону , въ странѣ вводился французскій кодексъ , и — все входило въ череду порядка и видимаго покоя — впредь до слѣдующаго погрома. Нынѣшній годъ , напротивъ , все оставляетъ въ видѣ вопроса , въ видѣ задачи , въ добавокъ еще поставленной неясно. Вопросъ итальянскій , вопросъ турецкій , вопросъ сирійскій , вопросъ австрійскій , вопросъ голштинскій , вопросъ савойскій , вопросъ индійскій , вопросъ китайскій , вопросъ суэцкій , вопросъ Соединенныхъ разъединяющихся Штатовъ , — вотъ сколько остается вопросовъ , болшею частію связанныхъ и спутанныхъ между собою , какъ звенья одной чудовищной цѣпи , въ которой каждое звено захватываетъ своимъ заколдованнымъ кругомъ еще множество другихъ звеньевъ , такъ что нѣтъ никакой возможности разсматривать какой-нибудь одинъ вопросъ , не касаясь въ тоже время и многихъ другихъ. Мы скажемъ нѣсколько словъ о каждомъ изъ этихъ вопросовъ , чтобы потомъ , въ слѣдующихъ книжкахъ , какъ можно меньше возвращаться къ давнопрошедшему и слѣдять только за событіями текущими.

Начался этотъ годъ пушечными выстрѣлами : стало быть хуже

этого начала выдумать было нельзя, все равно, предвѣщало ли оно что-нибудь, или ничего не предвѣщало. Это испанцы воевали Мароко, и въ самый день новаго года перешли изъ оборонительнаго положенія къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Случайнымъ поводомъ войны было, какъ извѣстно, оскорбленіе испанскаго флага въ Ангерѣ и нѣсколько нападений мароканцевъ на передовыя посты Сеуты; а настоящая причина состоитъ въ томъ, что тутъ пришли въ близкое соприкосновеніе мусульмане и христіане. Не смотря на всѣ усилія политики, мира тутъ быть не можетъ; бываютъ только болѣе или менѣе продолжительныя перемирія, потому что въ глазахъ сына ислама христіанинъ во всякомъ случаѣ врагъ. По справедливости, нельзя сказать, чтобы Испанія искала войны: только что передъ тѣмъ она заключила миръ съ Мароко по поводу Мелилы, какъ вдругъ новое нападеніе внезапно разбудило въ Испаніи старинную вражду противъ Мавровъ. Вся Испанія единодушно и пылко требовала войны, наказанія невѣрныхъ. Война была объявлена, и корпусъ испанскихъ войскъ высадился въ Сеутѣ.

Это была очень странная война. У испанцевъ было на африканскомъ берегу пристанище, црytonъ, городъ Сеута, на восточномъ концѣ Гибралтарскаго пролива; но далѣе, за стѣнами сеутскихъ укрѣпленій, начинался совершенно невѣдомый край, и въ немъ на каждомъ шагу сопротивленіе мароканцевъ. Ни главнокомандующій, никто другой въ испанскомъ войскѣ не имѣлъ понятія ни о силахъ непріятельскихъ, ни о его оружьи, ни о боевыхъ его приемахъ, ни о самой странѣ, которая должна была служить театромъ военныхъ дѣйствій. Только со стѣнъ Сеуты видѣнъ былъ дикій, гористый, изрытый ущельями, неприступный край, да довольно близко были извѣстны береговые города Мароко. Всего естественнѣе было идти на Тангеръ, въ 44 верстахъ отъ Сеуты, тоже на Гибралтарскомъ проливѣ, только на западномъ его концѣ. Но этому движенію вѣшали соображенія политическія: на эту войну неблагоклонно смотрѣла Англія. Съ вершины гибралтарской скалы она давно ревниво надзираетъ за проливомъ: изъ двухъ сторонъ его, она снисходительно соглашается владѣть только одною, но никакъ не хочетъ допустить мысли, чтобы другая сторона принадлежала какой-нибудь другой европейской державѣ. Французскій ли флотъ явится передъ Тангеромъ, какъ это было пятнадцать лѣтъ тому назадъ, — Англія негодуетъ. Испанія ли хочетъ наказать разбойниковъ — Англія начинаетъ ее стращать и дѣлать мелкія прижимки: сдвигаетъ къ Гибралтару свою эскадру Средиземнаго моря, требуетъ еще до войны письменнаго обязательства не занимать Тангера, доставляетъ оружіе мароканцамъ и требуетъ уплаты стариннаго долга, только что

бы поставить испанское правительство въ финансовое затрудненіе. Испанцамъ пришлось отказаться отъ Тангера и идти по берегу Средиземнаго моря на Тетуанъ, въ тридцати двухъ верстахъ отъ Сеуты. Начался неимоверно трудный походъ. Непріатели сопротивлялись въ горахъ на каждомъ шагу, и на каждомъ привалѣ холера валаля народъ сотнями. «Въ другихъ войнахъ, — пишетъ очевидецъ-волонтеръ, — извѣстно покрайней мѣрѣ число непріятеля и его свойства, извѣстно, какъ его зовутъ, извѣстна его исторія, характеръ, путь, по которому онъ пришолъ, и мѣсто его лагеря. А здѣсь — встрѣчаютъ насъ Мавры, и ничего этого не извѣстно: можетъ быть ихъ сотня двѣ, а можетъ быть тысячь двадцать; видимъ только, что они дерутся какъ сумасшедшіе, какъ дикіе звѣри, въ которыхъ врагъ забрался въ самое логово.»

Вослѣ нѣсколькихъ кровопролитныхъ сраженій, 6 февраля Тетуанъ былъ взятъ, и испанцы приготовились идти на Тангеръ. 25 марта, черезъ день послѣ новой побѣды, подписаны смягченныя по требованію Англии предварительныя условія мира. Въ силу этихъ условій, испанскій округъ Сеуты увеличенъ до горъ, т. е. версты на пять въ ширину, Мароко уплачиваетъ Испаніи двѣсти милліоновъ піастровъ за военныя издержки, а между тѣмъ Тетуанъ съ округомъ остается, въ видѣ залога, въ рукахъ Испаніи. Въ награду за эту экспедицію, главнокомандующій, маршалъ О'Доннелъ получилъ титулъ гранда Испаніи и герцога Тетуанскаго. Такимъ образомъ вопросъ марокскій разрѣшенъ, дѣло кончилось впредь до новыхъ дерзостей и оскорбленій испанскаго флага мароканцами, которые долго еще, и совершенно основательно, будутъ рассчитывать на заступничество Англии.

Какъ бы то ни было, война была для Испаніи полезна, не потому, чтобы Испанія выгодно промѣняла нѣсколько тысячъ убитыхъ и умершихъ въ холерѣ солдатъ на двѣсти милліоновъ піастровъ, что во всякомъ случаѣ убыточно, а потому что войско попробовало свои силы, понюхавъ пороху. Надо признаться, что при пылшемъ порядкѣ вещей въ Европѣ, хорошо обученное и пристрѣленное войско составляетъ одну изъ существенныхъ частей государственнаго организма. Испанское войско давно не воевало; послѣднія его дѣйствія были междуусобныя, и внѣшній походъ составилъ въ этомъ отношеніи хорошую диверсію; сверхъ того придавъ войску необходимый пороховой закалъ, воинственный духъ, и обратилъ его стремленіи на славу оружія. Какъ ни печальна картина войска, идущаго на войну, но если безъ войска обойтись нельзя, то вустъ оно лучше будетъ направлено на защиту страны или ея правъ, чѣмъ на кровавыя междуусобія.

Пока испанцы воевали съ невѣрными въ Африкѣ, проливалъ кровь за вѣру, престолъ и отечество, въ Европѣ все обстоило почти совершенно благополучно. Самый жгучій изъ вопросовъ, итальянскій, былъ на пути къ окончательному разрѣшенію, хотя еще не совершенно было извѣстно, признаетъ ли Европа присоединеніе Романыи и герцогствъ Средней Италіи къ Пьемонту. Ницца и Савойя составляли еще вѣчныя потомственные владѣнія Савойскаго королевскаго дома. Францискъ II, отмѣнившій, по вступленіи своемъ на неаполитанскій престолъ, законъ «о подозрительныхъ» и вообще нѣсколько смягчившій суровость правленія своего предшественника, возвращался мало по малу къ старой системѣ. Франція и Англія въ сердечномъ согласіи отправляли экспедицію въ Китай. Турція продолжала влечить свое печальное существованіе подъ окошко посланниковъ великихъ державъ. Голштинскій вопросъ танулъ уже не первый годъ и — то вспыхивалъ, то готовъ былъ погаснуть. Вопросъ гессенскій танулъ съ 1852 года, благодаря величавой твердости благороднаго и развитаго народа. Замирившая Индія лежала въ крови у ногъ побѣдителей, и лишь порою корчилась въ послѣднихъ судорогахъ. Китайскій богдыханъ спокойно и неограниченно властвовалъ подъ неограниченною властью олигархін и тысячелѣтнихъ преданій. Все обстоило почти благополучно. Но былъ и поводъ, для приведенія всего этого въ движеніе.

Въ декабрѣ еще прошлаго года (2 декабря) папа, потерявшій Романыю, которая была выведена изъ територіи церковнымъ управленіемъ, требовалъ въ письмѣ къ императору Наполеону, чтобы заблудшая провинція была возвращена къ остальному стаду, т. е. требовалъ признанія територіальныхъ опредѣленій, состоявшихся въ вѣвскомъ конгрессѣ. Въ отвѣтъ на это, онъ получалъ отъ императора Наполеона сильно запоздавшее собственноручное письмо отъ 31 декабря съ рѣшительнымъ отказомъ. Въ письмѣ этомъ говорится между прочимъ: «... Событія слѣдуютъ неуклонно своимъ логическимъ ходомъ. Не смотря на всю свою преданность святому престолу, я не избѣгнулъ нѣкоторой отвѣтственности за національное итальянское движеніе, происшедшее вслѣдствіе борьбы съ Австріею. По заключеніи мира, я предложилъ вашему святѣйшеству, для усмиренія Романыи, отдѣлить ее въ административномъ отношеніи и поручить особому свѣтскому губернатору. Конгрессъ, который скоро соберется, не будетъ конечно отрицать права святаго престола на легаціи, однако, вѣроятно, не захочетъ прибѣгнуть къ насилію, чтобы воротить ихъ святому престолу, потому что для этого нужно бы долго занимать легаціи войсками. Такое занятіе будетъ только поддерживать ненависть въ итальянскомъ народѣ,

зависть въ великихъ державахъ, раздраженіе, опасенія, безпокойства. По тщательномъ разсмотрѣніи и соображеніи многихъ встрѣчающихся тутъ затрудненій, я говорю съ сожалѣніемъ, что теперь всего соотвѣтственнѣе съ выгодами святаго престола — пожертвовать возставшими противъ него провинціями. Если ваше святѣйшество, для успокоенія Европы, откажетесь отъ этихъ провинцій, которыя только причиняютъ вамъ затрудненія въ теченіе пятидесяти лѣтъ, и если за тѣмъ вы потребуете, чтобы остальные ваши владѣнія были вамъ обезпечены, то я увѣренъ, что порядокъ будетъ немедленно возстановленъ. Такимъ образомъ ваше святѣйшество доставите признательной вамъ Италіи миръ на многіе годы, а святому престолу обезпечите мирное владѣніе Церковною областью...»

Папа дождался отвѣта цѣлый мѣсяцъ, и потому не мудрено, что онъ зналъ его сущность раньше, чѣмъ получилъ. За такой отвѣтъ, въ день новаго года, папа условно благословилъ императора Наполеона, когда генераль Гойонъ являлся къ нему съ своими офицерами. Провозглашая свое благословеніе войску, его оберегающему, онъ прибавилъ: «Молю также Всевышняго просвѣтитъ главу Французской націи и даровать ему мужество, необходимое для осужденія коварныхъ началъ, которыя несогласны съ церковью и составляютъ памятникъ лицемѣрія и сплетенія самыхъ гнусныхъ противорѣчій. Надѣюсь или, вѣрнѣе, убѣжденъ, что императоръ просвѣтится божественнымъ свѣтомъ и осудитъ эти начала. Могу прибавить, что у меня есть старые документы, которые присланы мнѣ имъ и противорѣчатъ этимъ началамъ. Въ такой увѣренности и на такомъ условіи я благословляю его, равно какъ и августѣйшую его подругу, императорскаго принца и всю націю.»

Это письмо и это благословеніе особенно важны потому, что тѣже тонкія, вѣжливыя, деликатныя и условныя отношенія между папой и императоромъ Наполеономъ остались и до сихъ поръ, если не считать общаго отлученія отъ церкви всѣхъ дѣйствователей, зачинщиковъ и совѣтниковъ, участвовавшихъ въ отдѣленіи областей отъ церковныхъ владѣній.

Между тѣмъ давно принимались уже дѣятельныя мѣры касательно присоединенія къ Франціи Савойи и Ниццы, велись между парижскимъ и туринскимъ кабинетами переговоры, начавшіеся, говорятъ, еще до прошлогодней французско-пьемонтско-австрійской войны; населенія присоединяемыхъ странъ искусно подготавливались къ перемѣнѣ подданства, агенты работали неутомимо, раздувая въ Савойѣ французскій патріотизмъ, объясняя народу — какое счастье жить и процвѣтать подъ твердымъ скипетромъ императора французовъ, устраивались шумныя демонстраціи, подава-

лись прошенія. Слухи о предстоящемъ присоединеніи распространились, и по открытіи англійскаго парламента безпреставно запросы о савойскомъ дѣлѣ не давали министрамъ покою. Вопросъ, окончательно рѣшенный между Франціею и Пьемонтомъ, замаскировывался, но не очень старательно, и слухи о немъ не были скрыты ни отъ кого. Но 17 января губернаторъ Савойи объявилъ депутациі гражданъ, что сардинское правительство никогда не имѣло намѣренія уступать эту область Франціи. Тоже самое въ январѣ утверждалъ публично и первый министръ г. Кавуръ. Ницца протестовала противъ присоединенія официальнымъ образомъ. 4 февраля г. Гренвиль, членъ англійскаго министерства, старался разсѣять опасенія парламента, объясняя, что Франція не желаетъ приобрести Савойю, потому что если это и могло бы случиться, то не иначе, какъ въ случаѣ завоеванія Венеціи въ пользу Сардиніи, что г. Кавуръ на первый запросъ по этому дѣлу отвѣчалъ, что между Франціею и Пьемонтомъ не существуетъ никакого договора, по которому Пьемонтъ соглашался бы уступить Савойю Франціи. Въ нижней палатѣ министры говорили, что императоръ Наполеонъ не рѣшится на расширение предѣловъ Франціи безъ предварительнаго согласія великихъ державъ. Г. Россель сказалъ даже въ парламентѣ, что французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, г. Тувернель, увѣрилъ англійскаго посла въ Парижѣ, г. Коули, что относительно Савойи императоръ Наполеонъ не сдѣлаетъ никакого рѣшительнаго шага, не спросивъ великихъ державъ.

Такимъ образомъ чуть не наканунѣ присоединенія, повсюду расточались увѣренія, что присоединенія не будетъ, что это все только пустые слухи. Но присоединеніе было уже такъ обставлено и подготовлено, что оставалось только задобрить слишкомъ горячихъ противниковъ этого дѣла и подвинуть войска въ новыя провинціи къ тому самому времени, когда процедура, состоящая въ головной подачѣ голосовъ, окончательно завершить дѣло. Императоръ Наполеонъ въ письмѣ къ министру Фульду объявилъ свои намѣренія держаться началъ свободной торговли и въ этомъ смыслѣ заключать новыя торговые договоры съ иностранными державами. Въ концѣ января былъ заключенъ съ Англіею такой договоръ, принятый за Ламаншемъ съ большою радостью, а черезъ мѣсяць послѣ того, 1 марта, императоръ Наполеонъ въ тринной рѣчи объявилъ, что для безопасности Франціи необходимо для нея обладаніе западными отлогостями Альповъ, и что Франція должна увеличиться, потому что увеличился Пьемонтъ. Тотчасъ же Англія охладѣла къ Франціи, сердечное согласіе исчезло, торговый трактатъ, мѣсяць тому назадъ превознесенный до небесъ, сдѣлался

вдругъ предметомъ сильной оппозиціи, газеты полняли шумъ, стали кричать, что Франція уже не союзница Англіи, а 17 марта г. Россель сказалъ публично, что Англія должна будетъ искать новыхъ союзниковъ, если Франція будетъ идти этимъ путемъ присоединительныхъ завоеваній.

Сардинія между тѣмъ увеличивалась въ большей мѣрѣ, чѣмъ это допускалось прошлагоднимъ вилафранкскимъ миромъ и утверждалось цюрихскимъ трактатомъ.

Тоскана, Парма и Романья присоединились къ Пьемонту, и дѣло очевидно велось къ концу одновременно и въ связи съ отдѣленіемъ отъ этого государства Савойи и Ниццы, что особенно ясно видно при сближеніи чиселъ. 1 марта императоръ Наполеонъ сказалъ о необходимости присоединенія Савойи, а 2 марта король Викторъ Эмануэль предложилъ намъ лучше добровольно отказаться отъ Умбріи и Мархій, потому что все равно, этихъ областей уже не воротить подъ власть святого престола. На это папа отвѣчалъ угрозою отлученія отъ церкви. Въ половинѣ марта, при поголовной подачѣ голосовъ, оказалось въ пользу присоединенія Тосканы, Пармы, Умбріи и Мархій къ Пьемонту восемь сотъ тысячъ, а противъ — только шестнадцать тысячъ голосовъ, стало быть несогласныхъ было менѣ двухъ на сто. Присоединеніе совершалось, и папа вѣрекъ отлученіе отъ церкви всѣхъ дѣйствителей, зачинщиковъ, помощниковъ, совѣтниковъ, участвовавшихъ въ возмущеніи, похищеніи церковныхъ владѣній и вторженіи въ нихъ. Сардинское правительство отвѣчало на это отверженіемъ конкордата, заключеннаго Австріею для Ломбардіи, какъ несогласнаго съ пьемонтскою конституціей, а во Франціи запрещено обнародованіе буллы объ отлученіи.

Газеты Швейцаріи и Германіи живо возстали противъ присоединенія Савойи къ Франціи. Швейцарія протестовала воздѣ по нѣскольку разъ, ссылаясь на то, что сѣверная Савойя трактатами 1815 г. объявлена нейтральною. Германскія газеты увѣряли, что Франція хлопочетъ о «естественныхъ границахъ», что захватъ Савойи расширялъ Францію до вершинъ Альповъ, что если допустить такой фактъ, то Франція можетъ расширится и до Рейна, потому что рѣка давно считается естественною границею между Франціею и прирейнскими прусскими областями. На газетные крики французскій министръ иностранныхъ дѣлъ г. Туверсель разослалъ державамъ объяснительный циркуляръ, въ которомъ увѣрялъ, будто присоединеніе совершается совсѣмъ не для того, чтобы расширить Францію до естественныхъ границъ, а такъ только, въ видѣ исключенія, на одинъ только разъ, съ тѣмъ чтобы впредь

никогда болѣе этого не дѣлать. На это г. Россель выразилъ въ нотѣ глубокое сожалѣніе англійскаго правительства въ томъ, что оно никакъ не можетъ раздѣлить воззрѣній Франціи на Савойскій вопросъ, потому что ни Франція, ни Сардинія не имѣютъ права одностороннимъ образомъ рѣшать европейскій вопросъ, что впрочемъ это дѣло не касается непосредственно интересовъ Англии, которая однако надѣется, что Франція откажется отъ исполненія плана, который лишь возбуждаетъ недовѣріе. Г. Тувенель объявилъ, что онъ остался доволенъ этою нотой, потому что въ вой не заключалось собственно никакого протеста, а выражался только неоднородный или, такъ сказать, другой взглядъ на предметъ. Другія державы не протестовали прямо, потому что Пруссія заботилась больше всего о своей зарейнской границѣ, а Австрія ограничилась протестомъ условнымъ, именно оставила за собою право протеста противъ присоединенія Савойи къ Франціи въ такомъ случаѣ, если другія государства объявятъ протестъ противъ присоединенія герцогствъ и Романьи къ Пьемонту. Между Франціею и Пьемонтомъ 24 марта былъ размѣненъ договоръ о присоединеніи, в договоръ этому тоже придана форма условная, какъ будто дѣло еще не совершенно окончательно было подготовлено и рѣшено. Въ договорѣ сказано, что король Сардинскій соглашается на присоединенію Савойи и Ниццы къ Франціи, если на это согласится тамошнее населеніе и сардинскій парламентъ. А 21 марта французская армія, которая еще съ прошлогодней войны занимала верхнюю Италію, двинулась въ обратный походъ, такъ что именно около времени поголовной подачи голосовъ касательно присоединенія Савойи, эта страна была занята многочисленнымъ французскимъ войскомъ, а сардинскія войска изъ нея вышли. Подача голосовъ оказалась благопріятною планамъ Франціи, а сардинскій парламентъ явился не такъ сговорчивъ: оказалась оппозиція немногочисленная, но рѣшительная, такъ что нужно было все искусство г. Кавура, все его краснорѣчіе и все умѣнье управлять преніями и подстроивать себѣ голоса, чтобы наконецъ, 29 мая, договоръ объ отпаденіи Савойи и Ниццы былъ принятъ значительнымъ большинствомъ палаты депутатовъ. Тогда г. Кавуръ напомнлъ, что въ уплату за Савойю и Ниццу онъ можетъ требовать отъ Франціи формальной гарантіи присоединенія Средней Италіи; но гарантія тоже дана была условно: «Франція тогда только признаетъ присоединеніе, когда права прежнихъ князей на вознагражденіе, опредѣленныея цюрихскимъ миромъ, будутъ окончательно устроены новыиъ владѣльцемъ.»

Какъ бы то ни было, совершились три важные переворота вслѣдствіе прошлогодней войны: предѣлы Франціи распространились,

Пьесонть расширился. Церковная Область уменьшилась. Было еще и четвертое послѣдствіе, не менѣе важное: самый популярный герой прошлагодней войны, генераль Гарибальди потерялъ свою родину. Онъ родился въ Ниццѣ (4 іюля 1807), въ парламентѣ былъ представителемъ своего роднаго города, и 24 марта, въ день ратификаціи трактата объ уступкѣ Савойи и Ниццы, онъ переставалъ быть представителемъ, терялъ такъ сказать отечество, страстно имъ любимое, не желая быть подданнымъ императора Наполеона. Это событіе имѣло тоже свои немаловажныя послѣдствія.

Въ молодости, Осипъ Гарибальди вступилъ въ сардинскую морскую службу, и тамъ во многихъ трудныхъ обстоятельствахъ отличался необыкновенною рѣшительностью и стойкостью. Въ началѣ 1834 онъ былъ замѣшанъ въ возстаніи, которое было приготовлено въ Савойѣ извѣстнымъ основателемъ общества юной Италіи, Мадзини. Этотъ знаменитый заговорщикъ, по обычаю своему, былъ позади сформировавшагося отряда и при первой встрѣчѣ съ королевскимъ войскомъ упалъ въ обморокъ и очнулся только въ Швейцаріи, куда свезли его друзья. Онъ никогда не могъ или не хотѣлъ понять, что въ шайкѣ инсургентовъ, не такъ какъ въ правильно организованномъ войскѣ, главнокомандующій не обязанъ себя беречь, а напротивъ, долженъ быть впереди всѣхъ и лично увлекать свой отрядъ. Отрядомъ инсургентовъ, между которыми былъ и морякъ Осипъ Гарибальди, начальствовалъ Раморина, человекъ бездарный, бѣжавшій въ 1830 изъ Польши въ Галицію, обвиненный въ 1833 въ предательствѣ, бѣжавшій изъ Савойи, и въ послѣдствіи, въ 1849, разстрѣленный близъ Турина за неповиновеніе и предательство. Въ первой же встрѣчѣ инсургенты были разбиты, разсѣяны, королевское войско горячо ихъ преслѣдовало, и вмѣстѣ съ товарищами своими Гарибальди едва успѣлъ убѣжать за французскую границу. Такъ какъ онъ былъ человекъ очень бѣдный, то ему приходилось добывать себѣ кусокъ хлѣба службой, и потому онъ поступилъ къ тунисскому бею капитаномъ фрегата. Тамъ служба ему, какъ видно, не понравилась, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ уѣхалъ въ южную Америку. Въ Монтевидео онъ поступилъ на службу республики Уругвай и вскорѣ неутомимая дѣятельность его и таланты доставили ему должность командира эскадры, отправляемой противъ Буэносъ-Айреса. Потомъ Монтевидео былъ блокированъ англійскими и французскими морскими силами, а Гарибальди, который никогда не былъ въ состояніи сидѣть сложа руки, бросился въ сухопутную войну противъ диктатора Розасы. Въ этой войнѣ онъ начальствовалъ небольшимъ отрядомъ, численность котораго измѣнялась отъ 300 до 3000 человекъ. Здѣсь у него была хорошая прак-

тика быстрыхъ партизанскихъ военныхъ дѣйствій, и практика эта хорошо пригодилась ему въ послѣдствіи. Жена его, креолка, дѣлила съ нимъ всѣ опасности и труды смѣлыхъ его походовъ и сраженій. Только что онъ услышалъ о революціи въ Италіи въ 1848 г., какъ бросилъ все и вернулся въ отечество. Въ войнѣ Пьемонта съ Австріей онъ особенно отличился въ южной части Тирола, а потомъ, только что (въ 1849) провозглашена была въ Римѣ республика, онъ былъ допущенъ къ защитѣ вѣчнаго города, въ званіи дивизионнаго генерала. Французская республика посылала войска для уничтоженія римской республики и для возвращенія папѣ свѣтской власти. Когда маршалъ Удино высадился съ войскомъ въ Чивита-Веккіа, Мадзини съ товарищами никакъ не могли увѣрить себя, что онъ пришелъ для восстановленія папской власти. Но дѣло скоро разъяснилось, и Римъ приготовился къ защитѣ. Первые французскіе батальоны встрѣтили римскій авангардъ подъ начальствомъ Гарибальди (30 апрѣля), и были совершенно разбиты и отброшены съ тѣмъ неодолимымъ пыломъ, какой такъ умѣетъ внушить Гарибальди своей вольницѣ. Французы обошли съ другой стороны къ воротамъ св. Панкратія; и здѣсь Гарибальди ихъ отбросилъ.

Между тѣмъ къ Риму приближалось неаполитанское войско: 16.000 человекъ подъ начальствомъ самого короля. Гарибальди, пользуясь небольшою остановкой въ дѣйствіяхъ французовъ, бросился на неаполитанцевъ. Историкъ Фарини писалъ тогда, что въ эту пору неаполитанцы какъ огня боялись Гарибальди. Въ самомъ дѣлѣ по наружности онъ былъ похожъ на предводителя дикаго индѣйскаго племени; онъ былъ вездѣ, являлся всюду самъ, иногда переодѣтый самымъ неожиданнымъ образомъ. Въ минуту опасности онъ отдавалъ приказанія, одушевлялъ свое войско и дрался впереди всѣхъ съ неустрашимостью истиннаго героя. Легионъ его былъ — страшная смѣсь восторженныхъ молодыхъ людей, старыя солдаты чуть не религіозно вѣрующихъ въ своего капитана и — мало сказать правду — нѣкотораго количества негодяевъ, которые только и думали о грабѣжѣ. Офицеры были въ красныхъ рубахахъ, безъ всякихъ украшеній; они бѣгали, бросались въ самый пылъ опасности, иногда кидались на непріятеля верхомъ на неосѣдланыхъ лошадяхъ, и честно дѣлили съ своими солдатами опасности, труды, ночлегъ и пищу. Такой-то, сверхъ того малочисленный, отрядъ вышелъ на встрѣчу правильно организованному и хорошо обученному неаполитанскому войску, разбилъ его и прогналъ.

3 іюня французы снова напали на Римъ, Гарибальди выдержалъ ихъ напоръ, и хотя не могъ вытѣснить ихъ изъ занятыхъ по-

вицій, однако приостановилъ ихъ стремленіе и принудилъ къ правильной осадѣ города. Благодаря Гарибальди, Римъ защищался еще цѣлый мѣсяць; но 30 іюня неутомимый защитникъ былъ приглашенъ въ капитулію, въ учредительное собраніе. Онъ явился покрытый потомъ, пылью, кровью и пороховымъ дымомъ. Его спросили, можно ли еще защищаться? — Какъ же, отвѣчалъ онъ, очень можно, разумѣется. — Однако долго ли еще можно продержаться? — О, еще очень можно держаться по крайней мѣрѣ два три. — Какъ? только-то? — Нѣтъ, потому можно пожертвовать половиной Рима и защищаться въ остальной, только укрѣпивши хорошенько. — А долго ли в тогдѣ еще продержимся? — Еще нѣсколько дней. — Рѣшено было сдать городъ. Тогда Гарибальди собралъ волонтеровъ и предложилъ имъ кинуться въ провинціи, поднять ихъ и потомъ напасть на австрійцевъ. — «Я вамъ предлагаю сказать объ новыхъ битвахъ, новую славу, суровыя трудности и страшныя опасности. Пусть идутъ за мной тѣ, у кого есть сердце, у кого есть надежда на счастье Италіи.» 4800 человекъ вызвалось за нимъ слѣдовать.

Вечеромъ 2 іюля онъ вышелъ изъ Рима съ четырьмя тысячами человекъ пѣхоты и восемьюстами конницы. Жена его Анита была съ нимъ; у нея было уже трое дѣтей, четвертымъ была она беременна. Знаменитый любимецъ римскаго народа Чичеруаккіо служилъ проводникомъ. Три французскіе колонны преслѣдовали Гарибальди; съ юга подвигалось неаполитанское войско, въ легионахъ и въ Тосканѣ скопились тучи австрійцевъ; Гарибальди раздѣлилъ своихъ волонтеровъ на мелкіе отряды, чтобы лучше обмануть бдительность неприятелей, и совершилъ множество самыхъ изумительныхъ маршей и контрмаршей. Тѣсняемый со всѣхъ сторонъ, онъ нашолъ убѣжище въ Сан-Мартино, добравшись туда окольными непроходимыми тропинками, лѣсами, дикими оврагами. 30 іюля онъ распустилъ тѣхъ изъ своихъ товарищей, кого утомила продолжительный безцѣльный походъ. Начальство республики Сан-Мартино вовсе не имѣло желанія посориться съ Австріей изъ за гарибальдійцевъ, и предложило имъ сдаться. Гарибальди не понялъ этого слова. — Кто идетъ за мной, сказалъ онъ, тому я обещаю новыя страданія, еще большія опасности, можетъ быть смерть; но отдаться чужеземцу — никогда! Потомъ онъ вышелъ изъ Сан-Мартино съ женой и съ тремястами товарищами, которые остались вѣрны его знамени.

Австрійцы внимательно занялись ловлею гарибальдійцевъ, положившихъ оружіе; ломбардцевъ отправили въ мантуанскія тюрьмы, а римлянъ отпустили на родину, давъ каждому по тридцати палокъ. Этими родомъ австрійскаго перемирія Гарибальди воспользовался и ускользнулъ. Въ Чезатинѣ 3 августа онъ нанялъ тринадцать ры-

бачныхъ судовъ и поплылъ въ Венецію, которая сопротивлялась еще атакѣ фельдмаршала Радецкаго. Онъ былъ уже въ виду лагуны, когда австрійскіе пароходы замѣтили его и пустились за нимъ въ погоню. Сдѣлался противный вѣтеръ; бѣжать было невозможно. Онъ попробовалъ пробиться сквозь непріятельскія корабли, но силы были слишкомъ неравны. Австрійцы разрѣзали его флотилію и захватили восемь барокъ. Съ остальвыми онъ опять ушелъ, благодаря дерзкому маневру, и 5 августа присталъ къ римскому берегу. Два дня онъ скитался по римскимъ владѣніямъ; вездѣ онъ находилъ пріютъ, не смотря на то, что австрійцы заранѣе объявляли смертную казнь тому, кто его укроетъ хоть на минуту. Жена его не выдержала трудностей такой жизни и умерла. Тогда ему было уже не до защиты; онъ прямо бѣжалъ въ Равенну, въ Тоскану, оттуда въ Геную, потомъ въ Тунисъ и оттуда въ Америку. Понятно, какая участь ожидала Гарибальди, потому что его товарищъ Чичеруаккіо съ дѣтми схваченъ и разстрѣлянъ, хотя они никогда не носили оружія. Дивраги, Уго Басси разстрѣлены безъ суда; послѣдній никакъ не могъ допроситься, чтобъ его исповѣдали и причастили передъ смертью.

Пріѣхавши въ Нью-Йоркъ, Гарибальди завелъ свѣчную лавочку, потомъ перебрался въ 1852 г. въ Калифорнію, откуда уѣхалъ въ Китай, въ качествѣ капитана перуанскаго корабля. Въ томъ же году онъ возвратился въ Перу и сдѣлался главнокомандующимъ тамошнихъ войскъ.

Съ тѣхъ поръ какъ Италия успокоилась, Гарибальди опять вернулся изъ Америки въ 1854 г., чтобы быть на готовѣ въ случаѣ новой борьбы, а покаместъ принялся за свое прежнее ремесло шоряка, чтобы прокормить своихъ дѣтей. Не только друзья, но и непрітели уважали Гарибальди. Еще въ 1856 г. австрійскій генералъ фонъ-Аспръ говорилъ одному Пьемонтскому сановнику: «въ вашей войнѣ за независимость одинъ человекъ могъ быть вамъ полезнѣе всѣхъ; но его не угадали. Это Гарибальди.»

Понятно послѣ всего этого, что когда австрійцы, 20 мая 1859, встрѣтились съ сардинско-французскимъ авангардомъ, Гарибальди былъ невыразимо счастливъ, когда могъ броситься въ Ломбардію въ главѣ отборнаго отряда волонтеровъ. Онъ угрожалъ правому флангу австрійской арміи, взялъ Варезе, производилъ возстаніе въ Вальтеллинѣ, разбивалъ австрійскіе полки и дѣлалъ невыносимую для непріятелей диверсію почти у нихъ въ тылу. Но недолго онъ наслаждался, не болѣе семи недѣль, потому что 8 іюня заключено было перемиріе между французскими и австрійскими войсками, а 11 іюля оба императора имѣли свиданіе въ австрійской главной квартирѣ въ Виллафранко и заключали миръ. Гарибальди съ тоскою,

съ отчаяніемъ долженъ былъ положить оружіе. Въ вознагражденіе за свои подвиги, онъ цютомъ потерялъ свою родину, Ниццу, отошедшую къ Франціи, и этимъ самымъ лишился мѣста представителя въ туринскомъ парламентѣ, такъ какъ ему нечего уже было представлять. Вскорѣ послѣ того онъ оставилъ службу и, сложивъ съ себя званіе генерала въ Пьемонтской арміи, пересталъ принимать участіе въ дѣлахъ, глубоко огорченный уступкою Савойи и Ниццы.

Между тѣмъ Сицилія волновалась. Еще въ прошломъ году, вслѣдъ за окончаніемъ французско-сардинско-австрійской войны, въ Палермо вспыхнуло волненіе въ интересахъ Сардиніи, но было залито кровью. Арестованія сдѣлались постоянною мѣрою страны. Нѣсколько новыхъ возстаній было подавлено, и уже молодой король веневолитавскій велъ съ папою переговоры съ цѣлюю оказать ему вооруженную защиту противъ внутреннихъ безпорядковъ или нападеній изъ Средней Италіи. 2 января король отставилъ министра-президента Филанджіери, отличавшагося снисходительностію къ законнымъ желаніямъ народа, и назначилъ на его мѣсто г. Кассаро. Изъ этого обстоятельства всякій несомнѣнно понялъ, что королю не угодно обращать вниманія на требованія народа. 3 марта въ Мессинѣ убили генераль-прокуроръ, и начались другія преступленія. Въ началѣ апрѣля въ Палермо и Мессинѣ были кровопролитныя драки между народомъ и войскомъ. Даже въ Неаполѣ дошло дѣло до демонстрацій: тюрьмы обѣихъ Сицилій наполнились, а между тѣмъ никакія мѣры не унимали разгоравшагося возстанія...

Чтобы хорошенько выикнуть, чего именно хотѣлось Сициліи, надо нѣсколько возвратиться къ дѣламъ давно минувшихъ дней. Сицилія, въ послѣднее время давшая свое имя королевству обѣихъ Сицилій, уже съ XI вѣка была независимымъ королевствомъ съ представительнымъ правленіемъ. Норманны основали тамъ это королевство въ тоже время, какъ и въ Англіи. Когда подъ управленіемъ Аижуйскаго дома представительныя учрежденія подвергались опасности, произошла знаменитая рѣзня, извѣстная подъ именемъ Сицилійскихъ Вечерень, и корона досталась одной отрасли Арагонскаго дома. Въ началѣ XV вѣка эта династія прекратилась, и короли Арагонскіе присоединили Сицилію къ своимъ владѣніямъ. По утрехтскому миру (1713) Сицилія отдѣлилась отъ Испаніи и досталась Савойскому герцогу Виктору Амедею, который правилъ страшою подъ болѣе или менѣе явнымъ покровительствомъ Англіи; но въ 1735, вслѣдствіе войны, которая нарушила утрехтскій миръ, кардиналъ Альберони посредствомъ искусныхъ интригъ отнялъ Неаполь у Австріи, а Сицилію отъ Савойскаго дома, и отдалъ эти

двѣ страны инфанту дону Карлосу, сыну Филиппа V. Сыновъ донъ Карлоса, Фердинандъ III Сицилійскій и въ тоже время IV Неаполитанскій, подъ вліяніемъ супруги своей, королевы Каролины, бабки Маріа Луизы, императрицы Французовъ, отмѣнили и уничтожилъ представительныя учрежденія, которые до него были уважаемы и охраняемы тридцатью четырьмя королями.

Въ 1812, по случаю войны съ Франціей, англичане возвратили сицилійцамъ ихъ старинныя представительныя учрежденія, называвшіе ихъ подлежащимъ образомъ, сообразно духу времени. Въ 1815, король Фердинандъ II, принявъ титулъ короля Обѣихъ Сицилій, взявъ это выраженіе изъ народнаго языка, и обязался особеннымъ секретнымъ договоромъ съ Австріей не возстановлять въ Неаполѣ представительнаго устройства. Въ договорѣ ничего не было сказано о Сициліи; но король желалъ сдѣлать обѣихъ половинъ своего государства, и потому утверждалъ, будто онъ обязался словомъ и за островъ, точно также, какъ и за твердую землю. Въ 1820, во время неаполитанской революціи, въ которой генералъ Пепе игралъ такую замѣтную роль, Сицилія думала, что время для отложенія отъ Неаполя — самое удобное, но неаполитанскій, очень либеральный тогда, парламентъ въ этомъ случаѣ совершенно сошелся съ королемъ и отказалъ Сициліи въ самостоятельность. Претензіи Сициліи объясняются исторически, но конечно не могутъ быть оправданы съ точки зрѣнія національности. Въ 1821, послѣ Лайбахскаго конгресса, когда въ Неаполѣ былъ возстановленъ порядокъ, австрійскія войска заняли Сицилію. Это поддерживало раздраженіе, и среди множества образовавшихся въ Сициліи партій, ни одна не хотѣла и слышать о Неаполѣ; идеаломъ сицилійцевъ была та политическая комбинація, которая соединяетъ Швецію съ Норвегіей.

Съ вѣстивіемъ на престолъ Фердинанда II, Обѣ Сициліи начали питать нѣкоторыя надежды. Но напрасно. Неаполю было трудно, а Сициліи еще труднѣе, при непостижимой слѣпотѣ чиновниковъ, управлявшихъ островомъ. Напр. сочиненія Альфиери и Макиавели въ Неаполѣ были дозволены, а въ Сициліи конвоировались. Исторія Ботта, напечатанная въ Палермо, была запрещена въ Мессинѣ. Дѣлалось еще множество подобныхъ непостижимыхъ несправедливостей. Путешествуя по Сициліи, всякій былъ пораженъ печальнымъ состояніемъ домовъ и нищетою жителей самой благословенной страны въ мірѣ. Весь край принялъ почти дикій характеръ, вездѣ вонючія болота, развалины, дичь, глушь. Не было ни театровъ, ни благотворительныхъ обществъ, ни дѣтскихъ приютовъ, ни богадѣленъ, ни библиотекъ, ни типографій, ни школъ.

Въ сентябрѣ 1847 жители Мессины были въ восторгѣ отъ либерализма паны Пія IX, кричали по улицамъ безъ всякаго дурного намѣренія, безъ всякой задней мысли: да здравствуетъ Пій IX! Тотчасъ войска стали водворять порядокъ. Завязалась драка; крикуны разбѣжались. Генераль Ланди преслѣдовалъ ихъ въ домахъ, куда они попрятались; войска носили по улицамъ трупы нѣкоторыхъ жертвъ, съ самой веселой военной музыкой. Народъ притихъ, затановъ въ себѣ злобу. Въ январѣ 1848 вспыхнуло народное возстаніе, которое было окончательное подавлено только въ маѣ 1849. Король, занимая Палермо, не отиѣвлялъ и не уничтожилъ ни одной изъ завоеванныхъ сицилійцами привилегій, ни одной изъ старинныхъ льготъ, возвращенныхъ оружіемъ. Онъ обѣщадъ только ввести все это въ полную, законную силу черезъ четыре мѣсяца, нъ теченіе которыхъ ему нужна безпредѣльная власть, для приведенія дѣлъ въ порядокъ и умиротворенія острова.

Эти четыре мѣсяца съ тѣхъ поръ продолжались до нынѣшняго года, когда весь островъ поднялся. Отдѣльныя шайки инсургентовъ дѣйствовали разрозненно, безъ единства, были по частямъ разбиваемы королевскими войсками, и полуподавленное возстаніе только въ рѣдкихъ мѣстахъ являло слабые признаки жизни. Въ это время, 7 мая, Гарибальди и съ нимъ нѣсколько сотъ волонтеровъ съѣхъ на суда въ Генуѣ и отправились въ Сицилію. Неаполитанское правительство было объ этомъ предувѣдомлено, и крейсера его у береговъ Сициліи не спали ночей. Но старый морякъ Гарибальди, опытный въ дѣлахъ партизанской войны точно также на морѣ, какъ и на сушѣ, обманулъ ихъ бдительность и высадился въ Марсалу, на западной сторонѣ Сициліи, 11 мая.

Гарибальди въ нынѣшнемъ году, 4 іюля, минуло 53 года. Онъ невысокъ ростомъ, нѣсколько сутуловатъ, усовъ и борода не брѣветъ, носить длинные волосы, на верхней части головы очень рѣдкіе; ходитъ то въ черномъ сюртукѣ, то въ красной блузѣ. Особья примѣты: нѣсколько шрамовъ отъ ранъ, полученныхъ въ Савойѣ, въ Уругваѣ, въ Римѣ, близъ Венеціи и въ Ломбардіи. Простой народъ въ Италиіи считаетъ его чародѣемъ, потому что онъ имѣетъ обыкновеніе быть всегда впередъ всѣхъ въ смачѣ, среди сабель, штыковъ и пуль, и до сихъ поръ еще не былъ убитъ.

Тотчасъ послѣ высадки, Гарибальди слѣдался центромъ возстанія. 14 и 15 мая онъ разбилъ небольшіе неаполитанскіе отряды между Марсалою и Трапани, 18 сбилъ королевскія войска съ позиціи при Калатафимѣ. Тогда король послалъ своего генерала Ланди въ Палермо съ прокламаціею, которая даровала Сициліи всепрощеніе, представительныя учрежденія и вице-короля. Но было поздно,

Послѣ нѣсколькихъ еще незначительныхъ побѣдъ, Гарибальди осадилъ Палермо, возставшій противъ королевскихъ войскъ, которые заперлись въ замкѣ. Началось страшное бомбардированіе города съ неаполитанскаго флота и изъ замка. Во многихъ мѣстахъ городъ былъ зажженъ, множество зданій разрушено, но пользы отъ этого не оказалось никакой. Генералъ Ланца наконецъ долженъ былъ сдать на капитуляцію: Гарибальди далъ королевскимъ войскамъ, въ числѣ 25,000, свободный выходъ моремъ съ оружіемъ и обозомъ. Король согласился на эту капитуляцію только 6 іюня, а къ 11 числу войска окончательно оставили Палермо. Гарибальди принялъ на островѣ диктатуру во имя короля Виктора Эммануила, организовалъ военное и гражданское управленіе острова и сталъ дѣйствительно готовиться къ продолженію войны и къ помощи своимъ итальянцамъ, возставшимъ въ Калабріи. Францискъ II, одолѣваемый событіями, объявилъ, что онъ утверждаетъ конституцію 1848 года, и составилъ новое министерство Спинелли. Эти мѣры вызвали общее недовѣріе. Между-тѣмъ вотъ сущность новаго уложенія: «Законодательная власть принадлежитъ королю вмѣстѣ съ парламентомъ, состоящимъ изъ двухъ палатъ — пэровъ и депутатовъ. Исполнительная власть принадлежитъ исключительно королю. Законы могутъ быть предлагаемы королемъ и обѣими палатами. Никакой налогъ не можетъ быть постановленъ иначе, какъ закономъ. Смѣта прямыхъ налоговъ ежегодно разсматривается палатами и утверждается большинствомъ голосовъ. — Всѣ граждане равны передъ закономъ и всѣ могутъ быть допускаемы къ отправленію общественныхъ должностей. Личная свобода каждаго обезпечена. Въ случаѣ предупредительнаго ареста, обвиняемый долженъ быть допрошенъ ранѣ истеченія двадцати четырехъ часовъ. Книгопечатаніе свободно; подлежать ценсурѣ только сочиненія, касающіяся религіи. — Господствующая религія есть римско-католическая, и никакая другая религія не терпима. — Перы носятъ это званіе пожизненно. Представители избираются на пять лѣтъ, по одному на 40,000 душъ. Чтобы имѣть право быть избирателемъ и избраннымъ, надо быть гражданиномъ, имѣть не менѣе 25 лѣтъ отъ роду и извѣстный доходъ, опредѣленный закономъ. Сверхъ того, могутъ быть избираемы, независимо отъ ценза, академики, духовныя лица, непринадлежащія къ конгрегациямъ, профессора королевскаго университета и лица, члены муниципальныхъ управленій, отставные чиновники, получающіе не менѣе 125 дукатовъ (132 руб.) пенсіи и отставные военныя офицеры. — Король есть верховный начальникъ государства. Особа его священна, неприкосновенна и всотвѣтственна. Онъ начальствуетъ сухопут-

ными и морскими силами и назначаетъ лица во всѣ должности. Онъ можетъ распустить палату представителей, но въ теченіе трехъ мѣсяцевъ созываетъ другую. Онъ окончательно утверждаетъ законы. — Министры отвѣтственны. Они имѣютъ входъ въ обѣ палаты и могутъ быть ихъ членами. Они могутъ быть подвергнуты обвиненію палатой представителей и судимы палатой перовъ.» Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ тоже самое уложеніе дано было королемъ Фердинандомъ для Обѣихъ Сицилій, но не было исполнено. Можетъ быть, по этому возобновленное уложеніе возбудило общее недовѣріе, и возмущеніе на твердой землѣ продолжалось.

Въ то самое время, какъ Сицилія при помощи Гарибальди отлагалась отъ метрополіи, Европа была поражена ужасомъ по случаю неожиданныхъ и страшныхъ событій въ Сиріи. Мы упоминаемъ о нихъ здѣсь потому, что они точно также неожиданно явились посреди самаго разгара неаполитанскихъ дѣлъ и на время отвлекли вниманіе Европы отъ великаго итальянскаго вопроса. Іюльскія газеты вышшняго года вкривъ и вкось толковали о сирійскихъ дѣлахъ, въ тоже время совершенно вѣрно описывая несказанныя жестокости друзовъ, избивавшихъ маронитовъ въ селахъ и городахъ Сиріи. Корреспонденціи были наполнены самыми ужасающими подробностями; рассказывалось о дѣтихъ, убитыхъ на глазахъ родителей, объ изнасилованныхъ трупахъ, о ссыльномъ мусульманинѣ Абд-эль-Кадерѣ, который оказалъ покровительство христіанамъ, и все это приписывалось прославленному фанатизму мусульманъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла оказывается, что это не совсѣмъ такъ.

Сирія лежитъ полосой вдоль восточнаго берега Средиземнаго моря. Только сѣверная часть этой страны прилегаетъ къ землямъ плодороднымъ, а съ остальныхъ ея сторонъ — море и степи. Но степи эти не такіа безлюдныя и бесплодныя пространства, какъ напр. въкоторыя мѣста Сахары. Сирійскія степи состоятъ изъ необработанныхъ пространствъ, которыя бесплодны только потому, что невѣжественные и лѣнныя жители не заботятся о сохраненіи и надлежащемъ распредѣленіи воды. Гдѣ только дождевая вода стоитъ тамъ нѣсколько времени, вездѣ земля покрывается богатою растительностью. Въ степи есть даже никогда не изсякающіе водоемы, которые составляютъ величайшее богатство кочевыхъ туземцевъ. Степь населена, и жители ея понемногу подвигаются впередъ, захватываютъ землю, по мѣрѣ того, какъ цивилизація отодвигается назадъ. Эти степные кочевники становятся все страшнѣе и страшнѣе для несчастной Сиріи; они занимаютъ уже часть Дамаскаго пашалыка, откуда ихъ не могъ выгнать самъ Мехмедъ-Али.

Онъ жилъ мирно съ ними и выплачивалъ имъ ежегодную подать, или, какъ онъ называлъ, пособіе; они помогали ему сдерживать всеобщее неудовольствіе, бывшее слѣдствіемъ его звѣрскихъ жестокостей. Однако его пріятельскія отношенія со степными племенами не помѣшали кочевникамъ жестоко обобрать его войско, когда оно, разбитое, въ 1840 возвращалось въ Египетъ. Жадность этихъ племенъ невѣроятна; они презираютъ всѣхъ, кто живетъ въ домахъ, и безъ зазрѣній совѣсти грабятъ мусульманъ и христіанъ. У нихъ далеко нѣтъ такъ называемаго *турецкаго фанатизма*, котораго, надо правду сказать, и гдѣ нѣтъ. Меккскій караванъ постоянно долженъ быть на сторожѣ противъ ихъ предпріятій; они еще ни разу не пропускали поклонниковъ, если они не были хорошо вооружены и не заплатили своего выкупа. У бедуиновъ нѣтъ много фанатизма, кромѣ величайшей жадности, и если они охотѣе обираютъ собакъ-франковъ, то это потому, что на востокъ всѣ европейцы слывутъ богачами. Этотъ бичъ подъ турецкимъ правленіемъ постоянно усиливается, потому что у турокъ мало денегъ, чтобы обезоружить ихъ пособіями, и мало силы, чтобы сдерживать ихъ оружіемъ.

При малѣйшемъ умѣнши распорядиться водою, вся страна покрылась бы великолѣпными пашнями, богатыми деревьями, цвѣтущими городами. Вѣдь были же тамъ встарину города, столицы шогунствъ государствъ, какъ напр. Пальмира, гдѣ теперь кочевой дикарь пасетъ нѣсколько голодныхъ коровъ и верблюдовъ.

Вся Сирія теперь стѣснилась въ двухъ цѣпяхъ горъ, которыя тянутся параллельно съ берегомъ Средиземнаго моря, и въ долинахъ этихъ горъ. Это Ливанъ и Антиливанъ. Тамъ, несчитая городовъ береговыхъ, теперь только два значительные города, Алея и Дамаскъ; въ каждомъ изъ нихъ болѣе ста тысячъ жителей, но города видимо разрушаются и представляютъ печальную картину запустѣнія даже въ сравненіи съ тѣмъ, что они были въ прошломъ столѣтіи.

Нагорная часть Сиріи составляетъ естественное убѣжище, куда скрывается побѣжденный отъ завоевателя. Во всѣ времена и во всѣхъ краяхъ земли завоеватели шли равнинами или долинами большихъ рѣкъ, потому что это несравненно легче похода по странѣ гористой. Когда завоеватель только можетъ, онъ избѣгаетъ горъ, которыя тогда укрываютъ побѣжденныхъ. Они тамъ отлагаются слоями, но национальностямъ, которыя очень часто не смѣшиваются между собою. Такъ образовалось населеніе сирійскихъ горъ, съ тою только особенностью, что ни одиѣ горы на свѣтѣ, можетъ быть, не обладаютъ такимъ разнообразіемъ племенъ, религій, язы-

ноя и нравовъ. Сирійскія горы были такъ несчастливы, что въ участи ихъ замѣшаны судьбы почти всѣхъ знаменитыхъ воеводъ, начиная съ Сезостриса до Наполеона и Мехмеда-Али. Почти каждое крупное религіозное, политическое или военное движеніе, имѣвшее замѣтное вліяніе на судьбы человѣчества, отразилось на Сиріи и оставило тамъ свои слѣды. Не удивительно, что два или три милліона жителей Сиріи представляютъ вѣчто весьма похожее на смѣшеніе языковъ послѣ вавилонскаго столпотворенія.

Между различными группами жителей Сиріи самая многочисленная — арабская, но только на равнинахъ и въ долинахъ; въ горахъ арабовъ очень мало. Есть тамъ еще турки, побѣдители; есть туркмены и курды, которые забрели сюда съ плоскогорья средней Азіи; есть левантинцы, потомки европейскихъ семействъ, тамъ осевшихся; между этими послѣдними есть, какъ они увѣряютъ сами, прямыя потомки крестоносцевъ. Есть евреи, числомъ около тридцати тысячъ, есть марониты, друзы, мутуалы, анзаринъ, іезиды и еще съ десятокъ племенъ, между которыми замѣчается одна только общая черта, это — взаимная между ними ненависть.

Турокъ тамъ очень мало, можетъ быть столько же, сколько друзовъ и маронитовъ. Они въ странѣ послѣдніе пришельцы, явились только въ XVI вѣкѣ, когда ихъ воинственный пылъ и сила начали убавляться. Кромѣ городовъ, они жили еще въ двухъ или трехъ колошіяхъ, занятыхъ янычарами, которые погибли лѣтъ сорокъ тому назадъ. Турки никогда совершенно не владѣли Сиріей и заставили признать свою верховную власть только послѣ вѣковой борьбы. Ихъ владычество всегда было скорѣе номинально, чѣмъ дѣйствительно, особливо надъ горными племенами. Джебзаръ-паша и Мехмедъ-Али были, можетъ быть, единственные турки, которые въ самомъ дѣлѣ владѣли жителями горъ, но не иначе, какъ обливал ихъ потоками крови.

Вавилонское смѣшеніе увеличивается въ сирійскихъ горахъ еще отъ огромнаго разнообразія религій; а на востокъ вопросъ религіозный всегда смѣшивается съ вопросомъ политическимъ. Большинство жителей — мусульмане, но они далеко не составляютъ массы и не согласны между собою. Различаются прежде всего мусульмане осѣлые и мусульмане кочевники. Послѣдніе, по своему, истоящіе дѣлства, глубоко презираютъ земледѣльцевъ и особенно горожанъ. Они безъ милосердія грабятъ однихъ при всякомъ удобномъ случаѣ и смотрятъ на другихъ точно такъ же, какъ на евреевъ, или христіанъ, или язычниковъ.

Городскіе и деревенскіе мусульмане боится кочевыхъ и ненавидятъ ихъ. Въ душѣ; а у нихъ есть и нѣчто общее: и тѣ, и другіе,

кроме мутуаловъ, принадлежать къ толку суннитскому, и потому находятся въ постоянной борьбѣ съ мутуалами, которые принадлежать къ восточному мухамеданству, т. е. шииты, и можетъ быть больше уважаютъ христіанъ, евреевъ и друзовъ, нежели мусульманъ суннитовъ. Это племя почти истреблено въ началѣ нынѣшняго вѣка страшнымъ Джезаромъ-пашей; ихъ теперь тысячъ 40 или 50; они живутъ въ большой долинѣ, раздѣляющей обѣ ливанскія цѣпи, посреди не-мусульманъ, почему и не совсѣмъ еще истреблены своими такъ называемыми едиповѣрцами.

Христіанъ въ Сиріи отъ шести до восьми сотъ тысячъ. Всѣ исповѣданія и всѣ секты, порожденныя христіанствомъ, имѣютъ своихъ представителей въ Сиріи. Они живутъ исключительно въ городахъ и между горъ. Греческая и латинская церкви имѣютъ наибольшее число представителей. Есть и протестанты, но съ недавнихъ поръ и ихъ немного; они живутъ подъ покровительствомъ англійскихъ и американскихъ миссіонерскихъ обществъ, считаются народомъ денежнымъ и стараются держаться въ сторонѣ отъ остальныхъ христіанъ.

Марониты, числомъ около 150.000, живутъ въ западной ливанской горной цѣпи; исповѣданіе ихъ, собственно говоря, греческое, но они признали папу своимъ первосвященникомъ (въ 1445 г.), сохранивъ и греческую литургію и многіе уставы, напр. брачную жизнь блага духовенства. Христіане греческой церкви считаются тамъ подъ покровительствомъ Россіи, марониты — подъ покровительствомъ Франціи.

Евреевъ тысячъ тридцать, разсѣянныхъ равномерно по всему краю; они не считаются ни подъ чьимъ покровительствомъ и раздѣлены между собою безчисленными расколами. Тамъ есть представители всѣхъ извѣстныхъ еврейскихъ сектъ; даже есть близъ Напрузы маленькое племя, которое ведетъ свое происхожденіе будто бы прямо отъ древнихъ Самаритянъ.

Есть еще язычники, происхожденіе которыхъ теряется во вѣкѣ времени. Между ними первое мѣсто занимаютъ друзы. Они живутъ, въ числѣ 80—100.000 душъ, въ южной части Ливана, въ веремеску съ маронитами, и живутъ, не смотря на различіе религій, большею частію согласно, имѣя вужду во взаимной защитѣ отъ притѣснителей, хозяевъ страны. Относительно вѣровсповѣданія, друзы составляютъ вѣчто въ родѣ тайнаго общества, сущность котораго для европейцевъ еще до сихъ поръ не раскрыта; вѣрно только то, что они никого въ свою вѣру не стараются обращать и отличаются совершенною терпимостью. Съ мусульманами они, пожалуй, мусульмане; съ христіанами они поклоняются Пречистой

Дѣтъ, но очень тщательно скрываютъ основные положенія своего ученія. Въ ихъ строгой іерархіи только немногія, высшія лица знаютъ основныя начала своей вѣры. Несомнѣнно впрочемъ, что они язычники, и поклоняются божеству въ формѣ тельца. Други считаютъя самымъ возншественнымъ и энергическимъ племенемъ въ Сиріи.

Есть еще язычники назавры или анзавры, измаелиты, которые, говорятъ, празднуютъ свои таинства отвратительнѣйшимъ развратомъ, кведаменен, которые поклоняются черной змѣѣ, и еще нѣкоторыя племена — живые памятники всѣхъ заблужденій чловѣческихъ. Нельзя не упомянуть еще объ іезидахъ, которые живутъ на берегахъ Еврата, но имѣютъ свои вѣтви и въ сирійскихъ горахъ. Исторія іезидовъ точно такъ же, какъ и ихъ ученіе, невзнѣстны. Мусульмане говорятъ, что они поклоняются дьяволу или, пожалуй, началу зла. Вѣрно только то, что они раздѣлены на множество сектъ и что одна изъ нихъ, самая таинственная, называется *катели*, т. е. убиватели, нѣчто въ родѣ *музоов* въ Индіи. Іезиды глубоко ненавидятъ мусульманъ и убиваютъ ихъ всякій разъ, какъ только могутъ это сдѣлать безнаказанно; понятно, что и мусульмане платятъ имъ тѣмъ же. У нихъ даже составилась народная поговорка, выражающая отвращеніе къ іезидамъ и презрѣніе: «въ день послѣдняго суда жиды поскачутъ въ адъ верхомъ на іезидахъ».

Съ XVI вѣка въ Сиріи не было никакого правительства, въ томъ смыслѣ, какой мы придаемъ этому слову. Правда, что Мехмедъ-Али дѣйствительно управлялъ Сиріей въ теченіе девяти лѣтъ; но даже и тѣ ужасныя рѣзни, которыя совершались въ половинѣ истекающаго года, не въ силахъ заставить пожалѣть о времени Мехмедъ-Али, который конечно не позволилъ бы такихъ безпорядковъ. Это былъ самый жестокій чловѣкъ нашего вѣка; когда нужно было водворить гдѣ-нибудь миръ, онъ истреблялъ всѣхъ поголовно, сдѣдствіемъ чего въ самомъ дѣлѣ оказывался миръ. Съ 1840 Сирія перешла подъ непосредственную власть Порты, и населенія вздохнули свободнѣе; но власть порты оказалась только на бумагѣ. Султанъ Махмудъ, начавшій свои реформы истребленіемъ лнычаръ и уничтоженіемъ, такъ сказать, оттоманскихъ феодальныхъ порядковъ, долженъ былъ имѣть на это много энергій. Онъ уничтожилъ древнюю мусульманскую аристократію, но достигнувъ этого, онъ не добился популярности и не основалъ государства. Конечно, разныя снаги, агв, тимаріоты, дерех-бен составили бы весьма важное затрудненіе и очень серьезную оппозицію всѣмъ реформамъ, задуманнымъ султаномъ для введенія Турціи въ европей-

скую семью; но всё эти лица были настоящими, естественными правителями страны, и въ некоторыхъ отношеніяхъ были даже смѣнлившею или централизаціи. Разумѣется, они были неотесаны, грубы, считали силу единственнымъ средствомъ управленія; но не крайней мѣрѣ они, наследственные управители областей, съ некоторыми тоже наследственными правами и привилегіями, нахаживали свою выгоду покровительствовать подчиненнымъ; сверхъ того они противодействовали одинъ другому и часто противились нашимъ и другимъ султанскимъ властямъ. Конечно это было варварство, но не крайней мѣрѣ въ такомъ устройствѣ было хоть какое-нибудь противодействіе.

Теперь на мѣсть всего этого имѣется система, которая на бумагѣ дѣйствуетъ не очень дурно, но на практикѣ — совсѣмъ иначе. Чтобы не было опять этихъ мусульманскихъ бароновъ, этихъ пашей, которые часто возмущались противъ центральной власти, придумана сложная организація, посредствомъ которой власть управленія въ провинціяхъ раздѣлена до вельза, такъ что можно сказать — вовсе нѣтъ власти. Мѣстные аристократія замѣнены во всѣхъ ярусахъ управленія чиновниками, которые переимѣняются каждый годъ и никогда не опредѣляются туда, гдѣ ихъ родина, изъ страха собственности и кумовства. Сверхъ того всѣ чиновники опредѣляются изъ Стамбула и отличаются крайнею степенью необразованности, развратности и подкупности; иначе и быть не можетъ, потому что всѣ мѣста тамъ покупаются или выпрашиваются у паши, который въ данное время почему нибудь имѣетъ силу. Въ странахъ христіанскихъ злоупотребленія излишней централизаціи обуздываются образованностью чиновниковъ, конкурсами на занятіе извѣстныхъ мѣстъ, законами о повышеніяхъ и наконецъ общественнымъ мнѣніемъ, которое до сихъ поръ еще нигдѣ и никогда не было безнаказанно пренебрегаемо. Отъ этого произошло великое зло: центральная власть хотѣла слугъ, которые не могли бы ей ни въ какомъ случаѣ оказывать малѣйшаго сопротивленія. Отъ этого же центральная власть стоитъ одиноко и безпомощно; не на кого и не на что ей опереться. Отъ этого управленіе парализовано на всѣхъ ступеняхъ административной іерархіи, начиная съ нижайшаго казаса до самаго могущественнаго паши.

Въ августѣ истекающаго года въ самомъ Стамбулѣ былъ случай, превосходно характеризующій положеніе всей администраціи. Армянинъ, принадлежавшій къ греческой церкви, перешолъ въ одну изъ протестантскихъ исповѣданій и умеръ. Его родственники рѣшились однако похоронить его на своемъ кладбищѣ, гдѣ покоились уже тѣла многихъ членовъ семейства. Между тѣмъ собрались

большая толпа армянъ греческой церкви, чтобы предохранить священную землю своего кладбища отъ оскорвенія тѣломъ отступника. Дѣло уладилось-бы очень хорошо; родственники покойнаго охотно бы уступили; но вмѣшались протестантскіе миссіонеры, которые смотрѣли на сопротивленіе армянъ, какъ на оскорбленіе своего призванія. Они посовѣтовали родственникамъ не уступать и позвать полицію. Правительство послало двѣсти человѣкъ, надѣясь, что этой силы достаточно будетъ для подавленія сопротивленія; но армянъ было вѣскольکو тысячъ. Они недопустили похоронъ, и полиція вступала съ ними въ тщетные переговоры. Дѣло, не подвигаясь впередъ, тянулось уже четыре дня; наконецъ англійскій посланникъ, г. Больверъ, рѣшилъ принять участіе въ дѣлѣ. Онъ лично явился на мѣсто и пригласилъ полицію дѣлать свое дѣло. Тогда полиція, обезпеченная касательно политическихъ и нравственныхъ послѣдствій дѣла, въ минуту очистила мѣсто, при чемъ вѣскольکو непокорныхъ было порядочно помято. Не будь здѣсь г. Больвера, европейскія газеты прокричали бы, что турецкій фанатизмъ опять разразился страшнымъ кровопролитіемъ и истребленіемъ христіанъ. Дѣло однако этимъ не кончилось. Ночью армяне выкопали гробъ бѣднаго протестанта-армянина и выбросили тѣло на дорогу.

Но куда бы ни двѣдось тѣло армянина, случай этотъ показываетъ совершенное безсиліе турецкихъ властей, и если это такъ въ самомъ Стамбулѣ, то можно себя представить, что же авачитъ турецкая власть въ такомъ далекомъ и необузданномъ краю, какъ Сирія, и какую роль играетъ *мусульманскій* фанатизмъ въ ссорѣ между *христіанами* и *язычниками*, которымъ охотно помогаютъ разбойники кочевники.

Варывъ ненависти между друзьями и маронитами былъ такъ силенъ и кровопролитенъ, что французы вызвались отправить войска на помощь христіанамъ, которымъ грозило поголовное избіеніе. Тотчасъ же англійскія газеты стали обвинять Францію въ честолюбивыхъ замыслахъ на Сирію и въ посягательствѣ на священную власть султана; но извѣстія приходили все грознѣе и грознѣе, кровь лилась рѣкою; турецкія власти въ своемъ безсиліи и равнодушіи, смотрѣли на избіенія, и ничего не дѣлали для прекращенія рѣзни. Даже англичанскіе миссіонеры, которые сначала обвиняли во всемъ греко-римскихъ маронитовъ, когда думали, что дѣло кончится небольшою стычкой, стали находить, что неправы друзья. Правдивыя картины невѣроятныхъ жестокостей смягчили строгости и недовѣріе дипломатіи, и великія державы наконецъ согласились на отправленіе въ Сирію 6000 французскихъ солдатъ, для возстановленія порядка и утвержденія въ странѣ власти султана.

Написать это было очень легко; порядокъ возстановить, при помощи вооруженной силы, весьма нетрудно: нѣсколько казней, нѣсколько десятковъ или сотъ отрубленныхъ и воткнутыхъ на колья головъ порѣшатъ дѣло; посланный для этого самимъ султаномъ Фуадъ-Паша очень хорошо могъ это сдѣлать съ небольшимъ турецкимъ отрядомъ, безъ помощи европейцевъ; но не въ этомъ вопросъ. Потому что будетъ? Останется ли Сирія такимъ же неустроеннымъ пашалыкомъ, какимъ была до сихъ поръ, или великія державы придумаютъ что-нибудь для исправленія нормальной въ Сиріи, да и въ прочихъ турецкихъ областяхъ, безурядицы? Вотъ вопросъ, на который западныя газеты уже отвѣчали на тысячу ладовъ. Однѣ предлагали отдать Сирію Абд-эль-Кадеру подъ верховнымъ владычествомъ порты; другія предлагали образовать изъ нея отдѣльное государство подъ властью принца одного изъ владѣтельныхъ домовъ невеликихъ державъ; г. Стратфордъ Редклифъ, который долго былъ англійскимъ посланникомъ въ Стамбулъ и хорошо знаетъ тамошнее положеніе дѣлъ, предлагалъ въ палатѣ лордовъ — устроить особенную постоянную конференцію изъ представителей великихъ державъ, для рѣшенія всѣхъ вопросовъ по устройству Турціи; а англійскія газеты почти единогласно утверждали и доказывали необходимость сохраненія неприкосновенности и самостоятельности порты. Замѣтить надо, что еслибы географическое положеніе Турціи было нѣсколько иное, напр. еслибы она лежала на границѣ Индіи, то она уже давно была бы присоединена къ какому-нибудь губернаторству, калькутскому или мадрасскому, въ качествѣ простой провинціи, набабства. Но такъ какъ она лежитъ, по несчастію, въ Европѣ и сверхъ того у нея есть могущественные сосѣди, то она — членъ европейской семьи; отъ ея самостоятельности зависитъ равновѣсіе, и никто не имѣетъ права прикоснуться хирургическимъ ножомъ къ этому разлагающемуся тѣлу.

Положеніе дипломата, представителя одной изъ великихъ державъ въ Константинополь, весьма блестяще и въ то же время въ высшей степени деликатно. Чтобы дипломату не попасть въ разставленные на каждомъ шагу сѣти, надо очень много такту и чрезвычайное присутствіе духа. Во всѣхъ другихъ столицахъ (кромѣ еще Рима) есть дворъ, который служитъ центромъ дипломатическихъ сношеній, есть общество, есть такъ называемый свѣтъ, состоящій изъ мѣстной аристократіи политической, финансовой, умственной. Въ этомъ обществѣ дипломаты встрѣчаются между собою потому уже, что самое положеніе ихъ требуетъ уживчивости съ людьми, при чемъ кстати они изучаютъ и тотъ край, въ которомъ живутъ. Такое положеніе посланниковъ очень выгодно и удоб-

но: они могутъ жить какъ простыя смертныя, не находясь постоянно на виду, не поглощаютъ общаго вниманія. Въ Константинополѣ, напротивъ, двора нѣтъ; то, что у насъ называется обществомъ, тамъ не существуетъ, и между иностранцами, живущими тамъ по своимъ дѣламъ, нѣтъ людей свободныхъ и независимыхъ отъ скуднаго султанскаго казначейства. Тамъ приемы есть только у пяти или шести лицъ дипломатическаго корпуса; власть ихъ очень велика, права огромныя, у каждаго есть своего рода гвардія и военные корабли; у нихъ цѣлыя ватаги покровительствуемыхъ и кліентовъ; они очень похожи на владѣтельныхъ принцевъ. Ихъ исключительное положеніе порождаетъ множество столкновеній и непріятностей между ними, а между тѣмъ ни одинъ изъ нихъ не можетъ дѣлать своего дѣла, не выѣшываясь постоянно въ мѣстныя политическія и даже административныя мелочи. Поэтому-то ни султаны, ни кто другой въ Стамбулѣ не считаетъ серьезнымъ всего того, что говорится о самостоятельности и независимости порты. Не смотря на щекотливость политяки касательно этой мнимой независимости и неприкосновенности порты, ничего нельзя было сдѣлать, чтобы порта не разваливалась сама собою. Въ нынѣшнемъ столѣтіи уже отошолъ Египетъ и сдѣлался самостоятельнымъ; Аравія только по имени, и то не вездѣ, признаетъ власть султана, а прошлогодняя рѣзня въ Джеддѣ и расправа за нее англійскихъ и французскихъ кораблей показали, какъ мало тамъ значить вліяніе султана и какъ оно ставится ни во что самими покровителями неприкосновенности этого вліянія. Отошла Греція, при помощи тѣхъ же великихъ державъ, хотя Англія сначала и сильно вредила патріотамъ въ войнѣ за независимость; отошолъ Алжиръ, завоеванный французами, отошолъ Тунисъ, вовсе не признающій теперь султанскаго вліянія, отошло Марокко. такъ что даже англійскія газеты, возставая противъ войны Испаніи съ этой державой, забыли свою любимую тему о неприкосновенности священнои власти султана. Жизнь мало по малу оставляетъ оконечности большаго, умирающаго тѣла, а въ центрѣ она поддерживается только неусыпною заботливостью большаго стамбульскаго консиліума дипломатовъ.

По поводу рѣзни въ Сиріи особенно много кричали французскія газеты о необходимости, во имя цивилизаціи, истребить турокъ или вовсе выгнать ихъ изъ Европы; другія газеты возражали, что требовать этого во имя цивилизаціи именно значитъ — оскорблять самую цивилизацію, которой величайшая обязанность состоитъ въ покровительствѣ слабымъ, въ защитѣ ихъ правъ противъ посягательствъ сильнаго. Опять газеты возражали, что покровительствовать цѣлости Турціи и значитъ именно угнетать сла-

быхъ вѣстѣ съ турецкимъ правительствомъ, которое мѣшаетъ развитію подвластныхъ ему христіанскихъ народовъ. Другія газеты опять на это возражали, что никто не имѣетъ права мѣшкаться во внутреннія дѣла самостоятельнаго государства, на что первыя отвѣчали, что Турція давно не самостоятельна, и въ доказательство приводили нынѣшнее значеніе въ Стамбулѣ дипломатовъ. Договорились наконецъ до того, что Франція отъ этого ничего не выиграетъ, если только не будетъ вознаграждена рейнскою границей. Англійскія газеты во всемъ этомъ видѣли только стремленіе Франціи къ расширенію своихъ границъ, и имѣя въ виду близость Стамбула къ неизбѣжному суецкому пути въ Индію, утверждали, что чувство справедливости, чувство состраданія къ бѣднымъ туркамъ и — что всего важнѣе — европейское такъ называемое равновѣсіе требуетъ сохраненія Турціи въ цѣлости, хотя бы и подъ опекой великихъ державъ. Германскія газеты видѣли въ претензіяхъ Франціи и въ честолюбивыхъ ея замыслахъ въ Сирію — не самую Сирію, а косвенное домогательство естественной границы на Рейнѣ.

Но 6000 французскихъ солдатъ отправились въ Сирію, и мало по маду вся эта газетная суматоха унялась передъ другою важнѣйшею цѣпью событій.

Гарибальди, устроившись въ Сициліи, объявилъ, что онъ этимъ еще не удовольствуется, что ему нуженъ Неаполь, Римъ и Венеція, что онъ доколѣ не вложитъ меча въ ножны, доколѣ хоть одинъ чужеземецъ останется въ его отечествѣ. Онъ дѣлательно готовилъ высадку въ Калабрію, приводилъ въ недоумѣніе своихъ непріятелей особенно тѣмъ, что не скрывалъ своихъ плановъ, объявлялъ ихъ гарантѣе и потомъ имѣлъ странность ихъ исполнять.

Чтобы нѣсколько смягчить готовившійся ударъ, неаполитанское правительство предложило сардинскому союзу, при немъ предпологалось, что это послѣднее правительство не принимаетъ никакого участія въ дѣлахъ, происходящихъ въ Сициліи. Въ самомъ дѣлѣ сардинское правительство публично порицало экспедицію Гарибальди и даже нѣсколько разъ принимало мѣры для воепрешенія волонтерамъ собираться въ Генуѣ и уѣзжать оттуда въ Сицилію; но потомъ, вынужденное уступить общественному мнѣнію, отиѣнило стѣснительныя мѣры и отправление волонтеровъ продолжалось. Сардинская палата единодушно возстала противъ союза съ Неаполемъ; увлеченіе дошло даже до того, что одинъ депутатъ, именно г. Пеполи, грозилъ г. Кавуру обвиненіемъ въ измѣнѣ, если онъ заключитъ такой союзъ. Чтобы не быть въ разладѣ съ своей палатой, г. Кавуръ вынужденъ былъ предложить для союза съ Неаполемъ слѣдующія условія: 1, неаполитанское правительство прерветъ всякія

сношенія съ Австріей; 2, оно дастъ Риму и заставитъ его принять тѣ совѣты, которые само приняло; 3, оно приметъ полную, и нѣкую прямую дѣлю полную независимость Италіи; 4, преобразованія, и нѣ общаго, будутъ дѣйствительно исполнены. Такихъ условій неаполитанское правительство не могло принять, не имѣя совершенно самому себѣ; а на требованіе болѣе сносныхъ условій г. Кавуръ отвѣчалъ: укажите мнѣ только десять членовъ палаты, которые посовѣтовали бы мнѣ принять союзъ съ Неаполемъ, и я тотчасъ его подпишу. Такимъ образомъ союзъ не состоялся, и неаполитанскіе уполномоченные уѣхали изъ Турина, не добившись ничего.

Между тѣмъ 14 іюля въ Неаполѣ появились прокламаціи Гарибальди и Сеттембрини, направленные противъ королевствующей династіи. Гарибальди писалъ въ своемъ воззваніи: «я ромаюсь, но предпочитаю имѣть королей Виктора Эммануила, который поведетъ насъ противъ австрійцевъ.»

Но король, котораго предпочиталъ Гарибальди, не одобрялъ его дѣйствій и написалъ ему письмо, въ которомъ выразилъ это довольно ясно. «Генералъ, вы знаете, что я не одобряю вашей экспедиціи и остаюсь ей совершенно чуждымъ; но теперь многозначительныя обстоятельства, въ которыхъ находится Италія, заставляютъ меня войти съ вами въ правильныя сношенія. Чтобы прекратить междоусобіи между итальянцами, я вамъ совѣтую отказаться отъ мысли высадиться съ вашимъ храбрымъ войскомъ на неаполитанскій материкъ, если король согласится очистить всю Сицилію и предоставитъ сицилійцамъ свободно совѣщаться и располагать своимъ судьбою. Я предоставляю себѣ право свободно дѣйствовать относительно Сициліи, если неаполитанскій король не можетъ принять этого условія. Послушайтесь, генералъ, моего совѣта, и вы увидите, что онъ будетъ полезенъ Италіи, которая докажетъ Европѣ, что она умѣетъ и побѣждать, и хорошо пользоваться побѣдой.»

Въ томъ положеніи, въ какомъ былъ диктаторъ, онъ не могъ остановиться, даже если бы хотѣлъ, потому что онъ былъ на такой стремнинѣ, на которой остановка невозможна. Онъ въ тоже время зналъ, что ему слѣдовало снять съ короля всякую отвѣтственность передъ Европой за вышательство въ дѣла неаполитанскаго королевства, и принять все на себя. Въ этомъ смыслѣ и написанъ его отвѣтъ: «Государь, вашему величеству извѣстно мое глубочайшее уваженіе и преданность особѣ вашей; но положеніе дѣлъ Италіи таково, что въ настоящую минуту я не могу, какъ хотѣлъ бы, исполнить повелѣніе вашего величества. Меня призываетъ и толкаетъ впередъ населеніе Неаполя. Напрасно я стараюсь сдерживать его, сколько могу,

потому что я чувствую, какъ выгодно было бы подождать другой, болѣе удобной минуты; но если бы я сталъ долѣе колебаться, то я подвергнулъ бы опасности все итальянское дѣло и поступилъ бы противъ своего долга итальянца. Позвольте мнѣ на этотъ разъ не повиноваться вашему величеству. Когда я исполню дѣло, возлагаемое на меня желаніями народа, тогда повергну мою шпагу къ стопамъ вашего величества вмѣстѣ съ моимъ повиновеніемъ на весь остатокъ моей жизни.»

Съ 16 августа начались высадки гарибальдійцевъ въ Калабрию и продолжались нѣсколько дней сряду; недовольные присоединялись къ нимъ цѣлыми тысячами, и началось почти триумфальное шествіе Гарибальди на сѣверъ, къ Неаполю, во все не похожее на военный походъ. Вся Европа слѣдила за этимъ шествіемъ съ самымъ напряженнымъ любопытствомъ. Дѣятельность производила на умы неодолимое очарованіе. Гдѣ дѣйствіе, тамъ жизнь. Зритель подчиняется вліянію дѣйствія и будто самъ живетъ этою жизнью. И дѣловой человекъ, и государственный мужъ, и простой работникъ, и дѣла — въ то время принимались за свое дѣло не иначе, какъ съ мѣлою: что-то дѣлаетъ Гарибальди? что онъ потомъ станетъ дѣлать? Туринъ, можетъ быть, всѣми силами хотѣлъ воспротивиться направъ Гарибальди черезъ Мессинскій проливъ, но возможности не было. Надо замѣтить, что Гарибальди обязанъ своими необычайными успѣхами столько же обаянію своего популярнаго имени, сколько прежнимъ распоряженіямъ неаполитанскаго правительства, приготовившимъ народъ къ легкому отпаденію. Уступки, сдѣланныя общественному мнѣнію, не усмирили раздраженнаго и выведеннаго изъ терпѣнія народа, потому что было слишкомъ поздно.

Съ 16 августа начались высадки гарибальдійцевъ; 28 числа неаполитанскіе генералы, послѣ продолжительнаго совѣщанія, посовѣтовали королю уѣхать изъ Неаполя; 3 сентября Гарибальди далъ знать революціонному комитету въ Неаполѣ, что онъ надѣется быть въ столицѣ 7 или 8 сентября и объявить себя диктаторомъ отъ имени короля Виктора-Эммануила; 6 сентября вечеромъ король уѣхалъ въ Гаэту, а Гарибальди въ этотъ день объѣхалъ въ Кавѣ, въ 38 верстахъ отъ Неаполя; 9 числа онъ въѣхалъ въ Неаполь, съ небольшою свитой, безъ войска, и провозгласилъ Виктора-Эммануила наследственнымъ королемъ Италіи. Въ то же время королевскія войска сосредоточились близъ Капуи, соединенной съ Неаполемъ желѣзною дорогою длиною въ 40 верстъ. Посланники прусскій, австрійскій и русскій получали предписаніе сопровождать короля въ Гаэту.

Можно сказать, что Гарибальди въ 24 дня почти безъ выстрѣлъ завоевалъ неаполитанское королевство и его столицу, и этотъ не-

фронтный усилѣхъ долженъ быть объясненъ не столько популярностью сицилійскаго диктатора, сколько соотвѣтственною подготовкою населеній прошедшимъ царствованіемъ. Въ Италіи нѣтъ общаго, народнаго стремленія къ единству, и нынѣшняя итальянская революція, безпорядокъ и безурядица, продолжающіеся до сихъ поръ въ южной Италіи, легли тяжелымъ бременемъ на отвѣтственность короля Виктора Эммануила. Рыцарскій патриотизмъ и пламенная воинская отвага Гарибальди завели его такъ далеко, какъ вовсе того не хотѣлось пьемонтскому правительству, и поставили его въ самое неловкое положеніе. Гарибальди, по мнѣнію своихъ противниковъ, отличный воинъ, необыкновенно искусный партизанъ, человѣкъ привлекательный и чарующій всѣхъ, кто къ нему ни приближается, необыкновенною простотою обращенія, даромъ слова, самою наружностью своею и, главное, искреннѣйшею преданностью своей идее, Гарибальди — далеко не политикъ. Нѣсколько недѣль его управленія въ Сициліи, говорятъ они, показали это несомнѣнно. Онъ не совладалъ съ своею политическою властью на островѣ, десять разъ перемѣнялъ министерство и съ непостижимымъ ослѣпленіемъ повиновался вліянію осторожнаго Мадзини, медлялъ присоединить Сицилію къ Пьемонту. Въ первое время населеніе обвѣихъ Сицилій было поголовно увлечено мыслью объ образованіи одного Итальянскаго королевства. Но это увлеченіе первой минуты ничего не значитъ. Есть времена въ исторіи человѣчества, гдѣ кажется, что дѣлами управляетъ разумъ и ведетъ все къ опредѣленной и предвѣданой цѣли; есть и другія времена, когда роковая необходимость какъ будто все себѣ покоряетъ, и событія, и разумъ, и волю. Въ эти времена событія поминутно ставятъ въ тупикъ всѣ стремленія и выводы разума. Однако никогда не теряющій своихъ правъ разумъ видитъ, что справедливо, что логично, что сообразно съ выгодами человѣчества; но событія, какъ будто одаренныя такими же слѣплыми силами, какъ тѣ, которыя управляютъ неодушевленной матеріей, стремительно идутъ по законамъ необходимости, и свободная сила человѣка теряетъ надъ ними всякую власть. Это времена тяжелыхъ испытаній для разума: тутъ справедливое и мудрое — съ одной стороны, а съ другой — неизбѣжное и необходимое. Легкомысліе или низость сгоняютъ тогда многочисленныя силы подъ знамена политическаго фатализма. Люди стараются угадать, что будетъ, и кидаются къ услугамъ того, что непремѣнно должно случиться. Въ послѣднее время поголовная подача голосовъ показала, что толпа особенно тщеславится тѣмъ, чтобы быть послушною и единодушною, когда дѣлаютъ видъ, будто ее спрашиваютъ, и въ глазахъ этой толпы глупо не становится на сторону факта, кото-

рый совершится или долженъ совершиться. Многие даже очень умныя люди уступаютъ тому же самому фатализму и злеченію, въ ребяческомъ страхѣ попасться въ просакъ передъ сокрушительными событіями. А кто не рискуетъ закурившись броситься въ потокъ обстоятельствъ, и хочетъ видѣть и понимать всю страшную развѣдиду между совѣтами разума и свободы человѣческой съ одной стороны, и требованіями необузданныхъ фактовъ съ другой, тотъ долженъ испытывать ежеминутно внутреннюю борьбу, настоящую прометеевскую муку.

Впрочемъ, событія еще слишкомъ близки къ намъ, чтобы можно было судить о нихъ съ безпристрастіемъ историка. Партія, протѣвшая Гарibaldi, взваливаетъ на него много обвиненій. Вотъ главная изъ нихъ; мы постараемся изложить ихъ какъ можно короче. Г. Кавуръ въ частной бесѣдѣ говорилъ, что «Италія съ Гарibaldi, очертя голову, кидается въ войну съ Австріей, тогда какъ съ нею покамѣстъ намъ еще не справиться. Неаполь, во отпаденіи Сициліи, во всякомъ случаѣ завоеванъ въ пользу итальянскаго дѣла: еслибы король Францискъ II чистосердечно и добровольно объявилъ свое иже уложеніе, то Италія была бы почти избавлена отъ иноземнаго владычества, была бы вся свободна и состояла бы изъ сѣвера и юга въ тѣсномъ между собою союзѣ. Если бы, напротивъ, королю это было неудобно, то возвращеніемъ къ катаріаль и къ старой системѣ онъ сильно облегчилъ бы намъ присоединеніе, которое тогда совершилось бы безъ малѣйшей оппозиціи, съ большою даже легкостью, чѣмъ присоединились Парма и Тоскана. А между тѣмъ Сѣверо-Итальянское королевство успѣло бы укрѣпиться, собраться съ силами, организовать войско, усилить флотъ, достаточный для обезпеченія страны отъ всякихъ случайностей. Въ самомъ дѣлѣ, продолжаютъ противники Гарibaldi — бывшее пьемонтское войско теперь сильно разрознено: отъ него отдѣлена одна изъ лучшихъ его бригадъ, савойская; сверхъ того нѣтъ слѣдствій новыхъ полковъ ломбардскихъ, тосканскихъ и моденскихъ со старыми пьемонтскими, составились новые полки съ нѣсколькими старыми солдатами и большимъ количествомъ новобранцевъ, которые еще далеко ненадежны. Новыя провинціи не успѣли еще привыкнуть къ своему положенію, жители ихъ не успѣли еще осмотрѣться, понять, какъ можно жить самостоятельно и единодушно заботиться о благѣ своей родины. Чтобы все это произошло сколько нибудь въ порядокъ, чтобы разрозненныя политическія и военныя силы получили компактность, организацію, мало не мало времени, когтя бы дѣятельность губернаторовъ даже удесятерилась. Все это необходимо должно было произойти, чтобы сѣверная половина Ита-

ліи стала достойна своего высокаго призванія, и это неизбежно — вопрос времени. Но не давая всему этому созрѣть, Гарибальди съ своею обыкновенною стремительностью сталъ торопить событія, которыя и безъ него пришли бы непременно, только своимъ естественнымъ ходомъ, несравненно прочнѣе, безъ всякихъ опасностей. Прямю, силою воспротивиться Гарибальди — нечего было и думать, потому что тогда Пьемонтъ, и г. Кавуръ, и король Викторъ Эммануилъ совершенно потеряли бы всякую популярность, такъ имъ необходимую для исполненія дальнѣйшихъ плановъ, для того же единства Италіи, для той же свободы всей родины. Да сверхъ того онъ еще сказалъ, что объявить присоединеніе Италіи къ Пьемонту или окончательное присоединеніе ея подъ скипетромъ Виктора Эммануила только «съ высоты Капитолія» и потомъ пойдетъ освобождать Венецію, этотъ «Іерусалимъ, что на лагунахъ». Не вѣрять ему было нельзя, потому что онъ приучилъ Европу къ строгому исполненію своихъ плановъ; онъ даже ошибся однимъ только днемъ, пророча окончательное вступленіе свое въ Неаполь. Такая страшная точность не могла не заставить призадуматься истинныхъ друзей Италіи. Идя на Римъ, онъ долженъ былъ натолкнуться съ своею волиницей на стройное и усиленное французское войско, за которымъ стояла вся вооруженная и страстно любящая воинскую славу Франція. Стало быть бѣда грозила во всякомъ случаѣ, и при успѣхѣ въ Римѣ и при неудачѣ: Франція, прошлогодняя союзница, становилась непримиримымъ врагомъ; а этимъ съ наслажденіемъ должна была воспользоваться Австрія, и тогда — прощай прекрасная Ломбардія, прощай герцогства, Романья, прощай свобода Италіи.

На все это можно было возразить, что Франція въ концѣ прошлаго столѣтія успѣшно боролась противъ цѣлой Европы. Но характеръ и самые способы французской революціи были совершенно иные. Тамъ катастрофа развилась чисто изъ внутренней жизни народа; Франція создавала себѣ новыя внутреннія формы, а существованіе и единство націи еще раньше революціи были упрочены вѣками. Италія въ совершенно другихъ условіяхъ. Національное единство существуетъ тамъ только въ видѣ идеи, въ добавокъ еще очень новой; эта идея — далеко не выводъ изъ всей исторіи Италіи; напротивъ, исторія была противна этой идеѣ въ продолженіе цѣлой полуторы тысячелѣтій. Идея единства Италіи тамъ не *выводъ*, а *способъ*. Итальянцы, вчера только возстававшіе противъ единства, сегодня ухватялись за него, не вслѣдствіе прямой вѣры въ эту идею, а только потому, что единство послѣ опытовъ разрозненныхъ дѣйствій въ 1848 и 49 годахъ казалось имъ единственнымъ практическимъ средствомъ добиться независимости Италіи, избавиться отъ иноземнаго

владычества. Когда Франція, въ концѣ прошлаго столѣтія, должна была выдерживать нападеніе цѣлой Европы, у нея была пылкость и стойкость массъ, воинственные нравы народа и централизація, которой духъ и средства были завѣщаны ей прежними царствованіями. У итальянцевъ ничего этого нѣтъ: массы не одушевлены пыломъ, стойкости въ нихъ нѣтъ, точно такъ же, какъ нѣтъ и воинственнаго жара, какъ убѣдился въ этомъ самъ Гарибальди вездѣ, начиная отъ занятія Палермо до сраженія при Казертѣ и Капуѣ: пріѣзжіе изъ сѣверной Италіи волонтеры дрались какъ львы, а пріставшіе къ нимъ сицилійцы и неаполитанцы разбѣгались отъ перваго выстрѣла. Ни для нападенія, ни для защиты въ Италіи ничто не организовано.

Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ что было дѣлать истиннымъ друзьямъ итальянской свободы? Отвѣтственность за итальянскую революцію передъ лицомъ Европы лежала вся на пьемонтскомъ правительствѣ; оно должно воспользоваться удачами революціи, и на немъ должны тяжело отразиться всѣ ея неудачи. Никогда еще оно не было къ такому критическому положенію. Революціонныя движенія — это извѣстно — слѣпо стремятся туда, куда влечетъ ихъ страсть. Неаполитанскій король падаетъ, его королевство присоединяется, и Италія остается лицомъ къ лицу передъ тщательно вооруженной Австріей — безъ войска, неприготовленная, разрозненная, въ броженіи, въ беспорядкѣ. Слѣдствія такого столкновенія не могли быть сомнительны. Съ другой стороны — отвергнуть всѣ стремленія и желанія итальянцевъ, не принять присоединенія, предоставить Гарибальди развиться объ Гаэту, объ Ламорисьера или объ Гойона — это было невозможно. Тогда настала бы еще большая безурядица, реакція взяла бы верхъ; пьемонтское правительство оттолкнуло бы отъ себя всѣ итальянскія симпатіи, и къ тому же безъ пользы для дѣла, потому что южная Италія опять надолго потрузилась бы въ реакцію и подверглась бы чужеземному вліянію, причѣмъ трудно было бы устоять и средней Италіи; можетъ быть даже само пьемонтское правительство должно было бы пасть, и тогда въ Италіи исчезли бы послѣдніе остающіеся элементы порядка. Надо было рѣшиться не медля, потому что вопросъ шель о независимости Италіи, о нѣкоторой еще возможности спасти дѣло, хотя при помощи англійской политики невмѣшательства, или хотя при помощи какого-нибудь счастливаго обстоятельства, которое могло подвернуться. Король Викторъ-Эммануилъ принялъ рѣшительныя мѣры и двинулъ свои войска въ папскую область. Черезъ день послѣ вступленія Гарибальди въ Неаполь, 11 сентября вошло въ Умбрію 25.000 человекъ, и на другой день еще столько же. Бла-

главнѣйшимъ поводомъ вторженія было то обстоятельство, что въ папскихъ войскахъ нарушается будто бы принятый для Италіи принципъ невмѣшательства, такъ какъ войска эти, подъ начальствомъ французскаго генерала Ламорисьера, состояли изъ ирландцевъ, австрійцевъ, баварцевъ, французовъ и другихъ чужеземныхъ католиковъ. Этотъ поводъ конечно не выдерживаетъ критики, тогда какъ настоящая, необъявленная причина вторженія совершенно извѣщаетъ этотъ поступокъ: пьемонтское правительство есть единственный въ Италіи элементъ порядка, но оно не могло удержать свое вліяніе на порядокъ иначе, какъ безостановочно выполняя программу итальянскаго единства; сверхъ того надо прибавить, что области, въ которыя вступало пьемонтское войско, возстали и отделились подъ начальство короля Виктора-Эммануила.

Въ прокламаціи къ войску король совершенно чистосердечно говоритъ: «Вы идете возстановлять порядокъ и даровать жителямъ право выразить ихъ желанія. Вамъ предстоить освободить Италію отъ скопища чужеземцевъ, искателей приключеній, и удалить изъ центральной Италіи всякій поводъ къ безпокойствамъ. Вы идете не мстить за обиды, нанесенныя мнѣ или Италіи; вы идете только за тѣмъ, чтобы помѣшать народной ненависти проявиться мщеніемъ за разныя неправды. Я намѣренъ уважать мѣстопробываніе папы; я всегда готовъ дать ему, вмѣстѣ съ дружественными и союзными державами, всевозможныя гарантіи независимости и безопасности его особы. Меня обвиняютъ въ честолюбіи. Да, у меня есть честолюбіе; но оно состоитъ въ возстановленіи въ Италіи нравственнаго порядка и въ предохраненіи Европы отъ безпрестанныхъ опасностей революцій и войны.»

Королевскія войска дѣйствовали очень быстро: 18 сентября Ламорисьеръ на нихъ напалъ, но былъ разбитъ на-голову; въ то же время флотъ бомбардировалъ Анкону, занятую папскимъ войскомъ; 29 Анкона слалась, а черезъ нѣсколько времени послѣ того сардинцы завладѣли всею папскою областью, за исключеніемъ Рима и нѣсколькихъ мѣстъ, занятыхъ французами.

Почти всѣ французскія газеты пришли въ неописанное негодованіе: какъ смѣлъ сардинскій генералъ разбить французскаго, хотя послѣдній командовалъ чужимъ войскомъ? Какъ смѣла сардинская пуля смертельно ранить генерала Пимодана, француза, служившаго по найму въ папскомъ войскѣ? Газеты даже стали съ презрѣніемъ отзываться о принципѣ невмѣшательства, угрожая Пьемонту страшной карой Франціи. 8 октября Гарibaldi просилъ короля Виктора-Эммануила поспѣшить прїѣздомъ въ Неаполь, чтобы принять королевство и продолжать военныя дѣйствія противъ неаполитанскихъ

войскъ, которыя съ неслыханными усиліями были отбѣсены наполеонъ отъ Капуи ближе къ Гаэтѣ. 9 октября сардинскія войска пошли въ трехъ мѣстахъ въ королевство неаполитанское и взяли на себя продолженіе дѣйствій гарибальдійцевъ, и только 7 ноября, почти черезъ мѣсяць, король Викторъ-Эммануилъ вошелъ въ Неаполь. Цѣлые двадцать восемь дней онъ медлилъ этимъ окончательнымъ шагомъ, рассчитывая, быть можетъ, на великодушіе Франциска II, который не станетъ держаться долѣе въ Гаэтѣ, если не считать достойною его цѣлью — поддержаніе и продолженіе междуособной войны.

Гарибальди сложилъ съ себя диктатуру и удалился на свой небольшой островокъ Канреру, предоставивъ королю и г. Кауру труднѣйшую половину дѣла, если можно назвать половиною дѣла — все то, что осталось еще совершить въ Неаполитанскомъ королевствѣ для того, чтобы присоединеніе, происшедшее на бумагѣ, перешло въ дѣйствительность. Гарибальди былъ представителемъ движенія Обѣихъ Сицилій; сойдя со сцены дѣйствія въ ту минуту, какъ должно было начаться организованіе, онъ совершенно благоразумно предоставилъ государственнымъ людямъ приводить въ порядокъ, въ систему всю ту неурядицу, которая не могла не произойти по случаю перемѣны династіи; въ тоже время онъ предоставилъ регулярному войску продолжать осаду Гаэты, чего уже онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ предпринять своими волонтерами съ нѣкоторою надеждою на успѣхъ. На своемъ островѣ Канрерѣ онъ не измѣняетъ своей обычной простотѣ, занимается охотою, рыбной ловлей, копаются въ своемъ виноградникѣ. А между тѣмъ въ Гаэтѣ происходитъ день и ночь разрушительная и убійственная канонада. Въ Абруццахъ реакціонеры поднимаютъ народъ во имя короля Франциска II; въ разныхъ провинціяхъ королевства по необходимости пришлось объявить осадное положеніе; то тамъ, то здѣсь открываются заговоры для сверженія сардинскаго правительства; приходится именемъ короля Виктора Эммануила казнить недовольныхъ, арестовать ихъ, изгонять; оказывается, что нѣкоторые люди, какъ напр. Либертини, образуютъ тайные клубы, когда имѣютъ полное право дѣлать это явво. Собирается большая оппозиція въ парламентъ противъ г. Каура; чего именно хочетъ эта оппозиція, она и сама не знаетъ; только во всякомъ случаѣ она *противъ* г. Каура, потому ли, что канрерскій нустышникъ не любилъ этого министра, или потому, что не привыкшіе къ новому порядку люди пытаются свои силы — хоть какими-нибудь споромъ, иногда крайне опрометчивымъ и ни на чемъ не основаннымъ.

Газета Evening Mail, обозрѣвая дѣятельность Гарибальди въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ, съ 11 мая до 7 ноября, прибавляетъ: «Генералъ оказалъ королю Виктору Эммануэлю колоссальную услугу, безъ которой однако же тотъ весьма могъ бы обойтись. Представьте себѣ одного изъ самыхъ приличныхъ джентльменовъ, который въ настоящее время еще не имѣетъ намѣренія жениться, находя, что эта дорогая роскошь для него еще недоступна, что ему надобно прежде завязаться своими собственными дѣлами, чтобы между-тѣмъ невѣста его нѣсколько созрѣла и остепенилась. Но вотъ является услужливый другъ, который утверждаетъ, что пора устроить свадьбу, и на просьбу объ отсрочкѣ, на представленія о всей пользѣ, какая произойдетъ, если подождать извѣстное время, отвѣчаетъ, что на этотъ разъ онъ не послушаетъ, а когда женить друга, то во всю остальную свою жизнь будетъ ему повиноваться. Начинаются пышныя и громкія приготовленія къ свадьбѣ: услужливый другъ повѣстивъ о помолвкѣ по всѣмъ столицамъ, во всѣхъ газетахъ, и такъ ловко повелъ дѣло, что другу его не осталось никакой возможности отказаться, не компрометируя жесточайшимъ образомъ и себя, и свою прекрасную невѣсту. Бракъ совершился, пераоторжими узлы связали обѣ стороны, и услужливый другъ съ спокойнѣйшею совѣстью удалется на островъ Капреру, обѣщая весною женить его еще на другой, и женить непременно. И вотъ нашъ джентльменъ жепать, противъ воли своей, противъ желанія всей своей значительной родни, на красивѣйшемъ и капризнѣйшемъ ребенкѣ въ цѣломъ свѣтѣ. Дѣла его неустроены, во многихъ мѣстахъ есть множество упущеній, а тутъ надо ухаживать за молодой женой, исполнять нѣкоторыя изъ ея безчисленныхъ капризовъ, противъ другихъ бороться; кругомъ долги, кредиторы осаждаютъ домъ новобрачныхъ, и прелестная жена капризничаетъ, падуваетъ очаровательныя губки и грозитъ разводомъ на другой же день послѣ брака. Въ это время услужливый другъ, довольный тѣмъ, что пристроилъ невѣсту за хорошаго человѣка, дѣлитъ свое время между охотой, планами по-вато насильственнаго брака, дружеской бесѣдой и наслажденіями мирной, уединенной и безбрачной жизни. Если къ этому прибавить, что другой джентльменъ, весьма ревнивый и весьма коротко вооруженный, не даетъ браку совершиться вполне, стоитъ у дверей спальни комнаты и все стучится, тоже угрожая изъ Гавты бракоразводнымъ процессомъ, — то выйдетъ, что нашъ джентльменъ не можетъ быть очень благодаренъ своему услужливому другу; но честь и польза дѣла уже не позволяютъ ему отказать отъ совершившагося факта.

Французскій флотъ все продолжаетъ стоять у Гавты, а сардин-

слимъ кораблямъ нѣтъ возможности подступиться, чтобы атаковать крѣпость съ моря. Газта съ сухого пути почти непреступна, осадныхъ работъ обыкновеннымъ порядкомъ производить нельзя, по случаю голой каменистой почвы, такъ что надо было изобрѣсть особенныя машины для взрывовъ каждаго шата этихъ скалъ. Англія совершенно точно исполняетъ свой принципъ невмѣшательства въ итальянскія дѣла, в Франціи тоже, за исключеніемъ ея флота, стоящаго у Газты, подъ командою г. Барбьо-Тинана, и ея войска въ Римѣ и его довольно далекихъ окрестностяхъ, подъ командою генерала Гойона. Англійскіе газеты до крайности недовольны такимъ нарушеніемъ принципа и съ горечью упрекаютъ въ этомъ Францію. Неудовольствіе впрочемъ началось еще съ того времени, какъ прошли слухи о присоединеніи къ Франціи Савойи и Ниццы, а недовѣріе къ Франціи никогда не проходило. Почему-то газеты давно все страшатъ общественное мнѣніе, все пугаютъ читателей возможностью высадки французскихъ войскъ въ Англію. У покойнаго адмирала Непира было заведено — систематически, по нѣскольку разъ въ годъ держать въ палатѣ рѣчь о томъ, что Англія совершенно беззащитна, безоружна, что императоръ Наполеонъ III можетъ высадить въ Англію свое войско съ такою же легкостью, какъ на французскій берегъ, гдѣ ему вздумается. Каждый корабль, который строился во Франціи, казался старому адмиралу цѣлою эскадрой, какою-то ненормальною арматой. Благодаря этому безрерывному напоминанью газетъ и членовъ палаты, въ Англіи заговорили о необходимости укрѣпить берега. Назначена была коммисія для подробнаго обзора англійскихъ береговъ и составленія смѣты построекъ для ихъ укрѣпленія. Дѣло оказалось совершенно невозможнымъ безъ пожертвованія такихъ суммъ, которыя увеличили бы весь бюджетъ военнаго министерства въ нѣсколько разъ, и притомъ не на одинъ, годъ, а на много лѣтъ. Но и послѣ того осталось бы множество пунктовъ, которые были бы еще подвержены опасности высадки, потому что нѣтъ никакихъ средствъ покрыть всѣ берега Англіи цѣлою вѣдлошною цѣпью баттарей, вооружить ихъ надлежащимъ образомъ и снабдить достаточнымъ гарнизономъ. А между тѣмъ разныя мелкія брошюры во Франціи, составляющія не болѣе, какъ книгопродавческія спекуляціи, забавлялись поддразниваніемъ Англіи, и русская пазвнннй хвостъ французскаго тщеславія, дѣстали самолюбію земляковъ своихъ и получали за это отъ продажи брошюръ значительныя барыши. Начались вооруженія медленныя и разорительно дорогія; коммисія о вооруженіи береговъ, рѣшая свою задачу самымъ многостороннимъ образомъ, обратилась съ вопросомъ къ лорду Оверстону. Спрашивалось, какія вѣроатннн слѣдствія по-

жеть имѣть занятіе Лондона непріятельскимъ десантомъ въ такомъ случаѣ, если книги, документы, бумаги и публичныя фонды будутъ спасены, а частная собственность будетъ уважаема непріателемъ; въ отвѣтъ нужно было обозначить, какое вліяніе подобное событіе могло бы имѣть на англійскую торговлю, на благосостояніе другихъ народовъ, и какъ оно отразилось бы на денежномъ и коммерческомъ бытѣ народа нападающаго.

На подобный запросъ никто не могъ отвѣчать съ такимъ знаніемъ дѣла, какъ г. Оверстонъ. Это замѣчательное лицо, можетъ быть, есть самый значительный представитель колоссальной торговли и громаднаго банка Англій. Это одинъ изъ князей-купцовъ, которыми такъ гордятся англичане, возведенный въ санъ пера не только вслѣдствіе великаго богатства его и коммерческаго вліянія, но и вслѣдствіе его высокаго пониманья экономическихъ вопросовъ и необыкновенной ясности ихъ изложенія. Робертъ Пилъ постоянно съ нимъ совѣтовался, и Оверстонъ считается авторомъ хартии, данной великимъ министромъ англійскому банку. Способности этого замѣчательнаго человѣка находятся въ вопіющей противоположности съ запросомъ, который ему былъ сдѣланъ. Съ глубокимъ знаніемъ всѣхъ мельчайшихъ и сложныхъ пружинъ коммерческаго кредита, г. Оверстонъ указалъ на всѣ бѣдствія, какія произошли бы для Англій не только отъ побѣдоноснаго вторженія, но даже отъ серьезной угрозы такого несчастія, отъ перваго успѣшнаго прикосновенія непріятелей къ англійскому берегу въ одной какой-нибудь точкѣ. Онъ въ тоже время указываетъ, какъ отразится такое бѣдствіе на коммерческое благосостояніе другихъ народовъ. «Я не сомнѣваюсь, говоритъ онъ, что слѣдствіемъ удара, нанесеннаго благосостоянію Англій, отразится страшнымъ образомъ во всѣхъ частяхъ свѣта, куда только проникла торговля. Значительная часть производительныхъ силъ земнаго шара питается англійскими капиталами и британскимъ кредитомъ. Нашъ ежегодный вывозъ доходитъ въ годъ среднимъ счетомъ до двухъ съ половиною миллиардовъ; это показываетъ, въ какой мѣрѣ другіе народы нуждаются въ произведеніяхъ британской промышленности, для удовлетворенія своихъ нуждъ или роскоши. Страна, служащая центромъ такихъ колоссальныхъ дѣлъ, не можетъ быть значительнымъ образомъ разстроена безъ того, что бы это не отразилось у всѣхъ народовъ, состоящихъ съ такимъ центромъ въ прямыхъ или косвенныхъ отношеніяхъ. Таковъ благодѣтельный законъ между-народной торговли; всѣ торговыя народы круговой порукой заинтересованы въ томъ, чтобы благосостояніе сосѣднихъ народовъ возрастало, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что ударъ, нанесенный Англій высаткой, болѣе нежели отзовется

во всемъ коммерческомъ мѣрѣ. Но слѣдствія несчастія не могутъ быть заранее вычислены съ точностью; только послѣ нанесенія удара прочіе народы волюнѣ узнаютъ, до какой степени ихъ выгоды связаны съ благополучіемъ Англіи. Поэтому ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ предоставлять нашу безопасность, заботамъ и поздравіямъ симпатіямъ другихъ народовъ. Ихъ помощь является только тогда, когда несчастіе уже совершится. На насъ однихъ должна лежать забота о защитѣ нашего отечества.»

Не только война есть бѣдствіе, но не менѣе тягостное бѣдствіе также — страхъ войны и сопряженныя съ нимъ военныя приготовленія. Народъ, который прежде другихъ примется за правильное и неумертвенное уменьшеніе своихъ войскъ, — чрезвычайно много выиграетъ; и намъ кажется, что именно въ такомъ счастливомъ положеніи находится Россія. У насъ благотворная отмена рекрутскихъ наборовъ на нѣсколько лѣтъ и огромное, уменьшеніе состава нашей арміи показываетъ совершенно правильный, просвѣщенный доклад нашего правительства на экономическіе наши вопросы.

... А Англія вооружается. Армія хороша обученныхъ охотниковъ, доходящая до ста тридцати тысячъ человекъ, 23. іюня проходила передъ королевой церемониальнымъ маршемъ въ Гайпаркѣ. Члены кабинета и самые министры объявляютъ, что, хотя она вооружается противъ Франціи, на случай непріязненныхъ съ ея стороны дѣйствій. Франція, съ своей стороны, держитъ свой флотъ и свои войска въ такомъ положеніи, что они могутъ выступить въ самый удобный походъ въ нѣсколько дней. Это военное положеніе Франціи сильно льститъ туземному народному самолюбію. Между тѣмъ обѣ эти вооружающіяся одна противъ другой державы повидимому совершенно между собой согласны; такъ онѣ вѣстѣ воюютъ Китай, вѣстѣ заключаютъ съ нимъ выгодный миръ, дружно поддерживаютъ существованіе оттоманской перты и безпрекословно согласились не вмешиваться въ дѣла Италіи. Еще въ троичной рѣчи 24 января королева сказала, будто Англія не потерпитъ, что бы итальянцамъ была насильственно навязана какой-либо образъ правленія, что они сами распорядятся своею судьбой. Волюнѣ согласный съ этимъ императоръ Наполеонъ доводитъ своей горюсъ войскъ въ папскія владѣнія до шестидесяти тысячъ и держитъ многочисленную эскадру Барбье-Тивана передъ Гаэтой. Такое противорѣчіе дѣлаетъ съ словами, такое поддержаніе итальянскаго междоусобія вызвало въ послѣднее время энергическіе и рѣзкіе протесты со стороны англійской журналистики. Поддержанное ими и ободренное общественное мнѣніе въ Италіи со дня на день ожидаетъ выхода французской эскадры изъ гаэтскихъ водъ; но оно встрѣчено молчаніемъ. Стан-

ли говорить, что на французской эскадрѣ осталось провизіа только на двадцать дней, что стало быть она вѣроятно уйдетъ около 10 января 1861. Императоръ французскій молчитъ, и ничего не обещая, не делаетъ своихъ шаговъ, 2 января приказываетъ снабдить французскую эскадру провизіаомъ еще на мѣсяцъ. Общественное мнѣніе гнѣветъ передъ рековою силой. Во время пріема въ день нового года, императоръ Наполеонъ между прочимъ отвѣчалъ г. Юули, английскому посланнику, поздравлявшему его отъ имени дипломатическаго корпуса: «Благодарю васъ за выраженныя вами желанія. Я довѣрчиво смотрю на будущее; я убѣждена, что дружеское соглашеніе между державами поддержитъ миръ.» Касательно Басты и Рима ничего не сказано, точно такъ же, какъ грехъ не оказывается, кого она порочитъ, и не разитъ ли кого иудей. Въ отвѣтъ на рѣчь президента законодательнаго корпуса, сказано: «я всегда рачетывалъ на содѣйствіе законодательнаго корпуса.»

Извѣстно, что законодательный корпусъ не вѣлъ на голоса, на значеніе се время переворота 2 декабря. Нѣсколько мѣтъ сряду члены его избранимы между самыми безусловно преданными правительству людьми, но указаніемъ префектовъ, и составили еще гораздо болѣе неподатливую массу, чѣмъ анемичное *chambre inévitable* 7 сентября 1815. Но въ послѣднее время случилось нежданное событіе: не вѣдомымъ причинамъ, дозволено было журналистамъ писать свободно, несли до сихъ поръ висали, а смѣли разсуждать, а не просто соглашаться. Г. Персиваль, бывшій французскимъ посланникомъ въ Лондонѣ, принявъ партію министерства внутреннихъ дѣлъ, разослалъ 8 декабря прокламацию циркуляръ касательно печати. Въ этомъ циркулярѣ министръ возмущаетъ, что онъ долго жилъ въ Англіи и видѣлъ безопасную пользу и проакціонныя услуги, какія могутъ быть оказаны правительству свободною до нѣкоторой степени печатью, и убѣждаетъ, что тамъ самое будетъ и во Франціи. Онъ силится доказать, что въ Англіи печать не вполне свободна, а ограничивается законами.

«Короче сказать, добавляетъ г. Персиваль, духъ англійскаго законодательства относительно печати можетъ быть выраженъ такими образомъ: полная свобода печати не всемъ, что составляетъ выгоду, а не опасность для государства, и отрицаніе всякой свободы, когда рѣчь идетъ о нападеніи на государство. Въ Англіи теперь нѣтъ ни одной партіи, ни одного серьезнаго человѣка, который бы хотъ на минуту подумалъ о сверженіи королевы, или правительства, или парламента, или конституціи; поэтому нечего и стѣснять свободу печати, которая такимъ образомъ становится полезною для всѣхъ и каждого. Не только что некая-иудей партія

предположить себя выкинуть государство въ пользу другой династии или какого другаго учения, въ тоже мгновеніе свобода печати не существуетъ для этой партіи... И теперь, господа, прелесть, мнѣ почти ничего излагать вамъ мои инструкція. Если всѣ партіи, всѣ писатели дѣйствительно подчинятся кореннымъ законамъ нашего общества, поголовной подачѣ голосовъ, положительной троякой Наполеоновъ въ основаніе всѣхъ нашихъ учреждений; если эти партіи, эти писатели, уважая волю французскаго народа, полагаютъ свободу печати только для поддержанія и процвѣтанія государства; тогда они по праву и на дѣлѣ имѣютъ свободу печати, какъ въ Англіи; и законы о предостереженіяхъ становятся мертвою буквой. Пусть изобличаются злоупотребленія въ обществѣ и въ управленіи; пусть обсуживаются административныя распоряженія, раскрываются неправды; пусть движеніе протавополюсныхъ идей, чувствъ, убѣжденій пробуждаетъ повсюду жизнь общественную, политическую, коммерческую и промышленную, кто на это станетъ разумно жаловаться? — Но если всѣ партіи, которыя предполагаютъ не только проводить свои идеи, свои чувства, свои убѣжденія въ управленіе государствомъ, но и опрокинуть самое государство; противопоставить правительству другое правительство, династію другую династію; въ такомъ случаѣ, какъ бы ни были слабы эти партіи; — уваженіе къ народной волѣ, общественная польза и законъ не дозволяютъ поддерживать страсти, враждебныя учрежденному порядку; ибо, не говоря уже объ опасности, все, замедляющее слитіе партій въ одну государственную семью, въ тоже время отсрочиваетъ возможность наслаждаться полною свободой. Неограниченное, диктаторское право министра дѣлать газетамъ предостереженіе до трехъ разъ остается въ нашихъ рукахъ. Но не забудьте, господа, прелесть; что чѣмъ неограниченнѣе и исключительнѣе права администраціи надъ печатью, тѣмъ честиѣе и великатиѣе надо пользоваться этими правами. Помните, что моему министерству эти права даны въ интересахъ не администраціи, а государства. И такъ пусть ваши распоряженія не укрываются за этимъ покровительствомъ, а пусть они подвергаются публичному обсужденію, точно также, какъ и мои. Наконецъ, — вдохновитесь великимъ примѣромъ, какой подаетъ намъ императоръ, и знайте, что свою преданность вы докажете только усердіемъ къ общественной пользѣ.»

— Вслѣдъ за этимъ, по особенному представленію министра, были отмѣнены всѣ предостереженія, до сихъ поръ лежавшія надъ многими газетами, и печать можетъ начать жить новою жизнью впередъ до слѣдующихъ распоряженій. Газеты искренно радуются

этому повсюду; указывая на пользу от обсуждения вопросов величать лицом, которое только считает себя способным къ обсуживанью. Что нужно, что наговорено будет много вздоръ? Чуткое общественное мнѣніе и критика газетъ тотчасъ возмудитъ должное всякому высказанному замѣчанію; она разсортируетъ вздоръ отъ дѣла: вздоръ осѣбитъ, дѣло войдетъ въ сознаніе большинства, и образуется прочное общественное мнѣніе. Всѣмъ извѣстно, какъ безжалостная Аферодита однажды поставила въ туннѣхъ прекрасную и несчастную Психею, задалъ ей работу, какой же мось бы выполнить ни одинъ даровитѣйшій шпестръ съ своимъ софизмомъ. Прибавь очень много Психею, Аферодита взяла: кашеницы, ячменя, проса, пшчу, гороху, чечевицы и бобовъ, сѣнала и сѣна пала все въ одну большую кучу и велѣла все разобрать на отдѣльныя кучи въ тотъ же день къ вечеру, а сама отправилась на свадебный пиръ. Психея стояла молча надъ такимъ многосложнымъ заданіемъ и не рѣшалась приняться за дѣло. Тогда маленький полководецъ муравей, смалившись надъ нею, бросился бѣгать по воѣ стороны, созывать и упрямивать своихъ товарищей: «Дѣлательные питомцы и сыны общей нашей матери земли; спѣшите на помощь въ несчастной дѣвушкѣ!» И вотъ отовсюду носылались и шобѣжали одинъ за другимъ, одни черезъ другихъ, одни на другихъ, одни передъ другими — толпы шестипаго народа и принялись за работу: одинъ въ одинъ шагъ разобрали всю груду до послѣдняго мановаго зерна, разложили все по кучамъ и разошлись. Исторія не упоминаетъ, но весьма вѣроятно, что Психея уже взяла на себя своеобразную редакцію дѣла, поровняла кучи и привезла ихъ въ тотъ видъ, въ какой онѣ должны были быть славы Аферодитѣ. Если бы Апулей жилъ послѣ Гутенберга, то навѣрное прибавилъ бы, что эти усердные, совершенно безкорыстные, стали быть очень дешево обходящіеся работники были переначинами типографскими чертвяками.

Е. Персины правъ, требуя пробужденія во Франціи умственной и общественной жизни, торговли, промышленности, и обращаясь за этимъ къ печати. Жаль только, что въ своемъ циркулярѣ онъ не пояснилъ, почему печать освобождается отъ лежавшихъ надъ нею предостереженій именно теперь. И въ самомъ дѣлѣ общественная и умственная жизнь во Франціи требуетъ пробужденія: общество до крайности измельчало, потеряло всякую упругость; литература занимается камелиями. Послѣ присоединенія Савойи и Ниццы, когда императоръ и императрица французовъ обозрѣвали вновь прибрѣтенныя провинціи, иллюстрированными изданіями были наполнены въ продолженіе слѣдующихъ двухъ мѣсяцевъ

изображеніиъ людей ихъ величества на такомъ-то сээрѣ, постома ея величества, сечинскаго для путешествія по Ледяному Морю въ Савойѣ; причемъ разсказаю очень много, что ея величество на льду ни разу не поскользнулось, а однимъ вѣтъ приближенныиъ даже ужалъ, и этииъ неожиданныиъ событіиъ сильно разоесидилъ все общество. Представлено въ нихъ бымо, и какъ ея величество паволила ткать на законъ-те станіѣ, и какъ ихъ величества встрѣчены были двушниками такой-те деревни, въ туземныиъ постоялахъ, и какъ ихъ величества слушала рѣчь тамого-те мэра. Вообще; если судить по содержанию периодическихъ изданій, то французы безгранично одолены нынѣшней династіи, такъ что условный циркуляръ г. Черныиъ едва ли не лишній.

Остается намъ сказать нѣсколько словъ о Германіи.

Король прусскій, Фридрихъ Вильгельмъ IV, долгое время страдавшій тѣмъ неизлѣчимымъ недугомъ, который и свелъ его въ могилу, скончался 2 января (21 декабря), и на престолѣ вступилъ, подъ именемъ Вильгельма I, принцъ-регентъ, давно уже управлявшій дѣлами и подписавшій самъ регента съ 7 октября 1858. Нынѣшній король прусскій родился 22 марта 1797; теперь ему шестдесятъ четвертый годъ. Въ продолженіе своего регентства онъ показалъ себя нестерпно преданныиъ конституціи и глубоко уважающій законность. По этому Пруссія совершенно оправдана и достойно разсчитываетъ на спокойное и безостановочное продолженіе своего внутренняго развитія при помощи либеральныхъ учрежденій и некровотельствующаго имъ короля.

Австрійская имперія съ 20 октября вдругъ начала заходить у себя равнина преобразованія, вынужденная къ тому крайне разстроеныиъ положеніиъ финансовъ и всеобщимъ неудовольстоиомъ жителей различныиъ земель, составляющихъ эту державу. По послѣднимъ свѣдѣніиъ, въ Австріи 37,754,856 человекъ жителей обоого пола. Изъ нихъ 15,097,000 славянскаго племени (чехи, моравы, словаки, поляки, русины, словенцы, кроаты, сербы, болгары), 8,368,000 руминскаго племени (итальянцы, фриулы, дамыль, молдовады), 7,890,000 нѣмцовъ, 4,947,000 мадаровъ, 1,050,000 евреевъ, а остальное количество (146,000) — албанцы, греки, армяне, цыгане. Такое разнообразіе населеній и разстройство финансовъ составляютъ два важнѣйшія затрудненія австрійскаго внутренняго политики; и то и другое затрудненіе австрійское правительство надѣется отстранить мѣрами, принятыми въ послѣднее время. Еще 5 марта истекающаго года созванъ былъ такъ называемый усложенный государственный совѣтъ, который однако, вслѣдствіе различныиъ препятствій, могъ быть открытъ только 1 мая. Въ

юмъ изъ государственнаго совѣта составленъ былъ комитетъ для разсмотрѣнія емѣтъ доходовъ и расходовъ, съ правомъ окончательнаго заключенія прѣсѣмъ финансовымъ дѣламъ имперіи. Венгерскіе члены этого комитета оказались наиболее понимающими сущность вопроса, потому что открывшіе другіхъ высказали свои убѣжденія касательно всего устройства имперіи и въ особенности своей родины, королевства венгерскаго. Слѣдствіемъ представленій усиленнаго государственнаго совѣта явился знаменитый дипломъ 20 октября, полагающій основаніе новой Австріи. Кромѣ обычнаго предисловія, дипломъ состоитъ изъ слѣдующихъ четырехъ пунктовъ:

«I. Мы и преемники наши будемъ пользоваться правомъ составлять законы, измѣнять ихъ и отбѣгать на инакъ, какъ при содѣйствіи законно собирающихся сеймовъ тѣхъ странъ, къ которымъ законы относятся, и государственнаго совѣта, въ который сеймы присылають членовъ, въ числѣ, нами указанномъ.

«II. Всѣ законодательныя вопросы касательно общихъ для всѣхъ нашихъ королевствъ и земель правъ, обязанностей и выгодъ, именно: касательно пошеты, денегъ, кредита, таможенъ и торговли, касательно банковъ, почты, телеграфовъ и желѣзныхъ дорогъ, касательно обязанности военной службы — будутъ разсматриваться и рѣшаться при содѣйствіи государственнаго совѣта, также какъ и возмѣщеніе существующихъ налоговъ, какъ напр. возвыщеніе цѣны на соль, и заключеніе новыхъ займовъ. Точно такъ же распоряженія касательно существующихъ государственныхъ долговъ, прокулажа, обѣтъ или залога недвижимыхъ государственныхъ имущества не будутъ дѣлаться безъ согласія государственнаго совѣта; наконецъ разсмотрѣніе и утвержденіе смѣты расходовъ на слѣдующіе годы и разсмотрѣніе отчетовъ и финансовыхъ результатовъ за годы истекшіе будутъ производиться при содѣйствіи государственнаго совѣта.

«III. Всѣ прочіе предметы законодательства, не входящіе въ двѣ предъидущія статьи, будутъ разсматриваться и окончательно рѣшаться въ сеймахъ тѣхъ земель, къ которымъ относятся, въ королевствахъ и земляхъ, принадлежащихъ къ венгерской коронѣ — сообразно дѣхъ древнимъ учрежденіямъ, а въ другихъ нашихъ королевствахъ и земляхъ — соотвѣтственно ихъ уставамъ.

«IV. Этотъ императорскій дипломъ будетъ храниться въ архивахъ нашихъ королевствъ и земель, въ надлежащее время имѣетъ быть занесемъ въ число законовъ, и въ подлинникѣ, и на языкѣ каждой земли. Наши преемники, немедленно по вступленіи на престолъ, будутъ рассылать этотъ же самый дипломъ, въ той же формѣ, за

ихъ императорскою подписью, разнымъ королевствамъ и землямъ, гдѣ онъ будетъ заноситься въ собраніе мѣстныхъ законовъ.»

13 декабря, на мѣсто г. Голуховскаго, назначенъ государственнымъ министромъ г. Шмерлингъ; 23 числа онъ обнародовалъ циркуляръ губернаторамъ провинцій. Циркуляръ этотъ служитъ толкованіемъ диплома 20 октября, и по содержанію его видно, что управленіе г. Шмерлинга nebude похоже на управленіе его предшественниковъ.

«Что касается, говорить онъ между прочимъ, до печати, которой надѣо отдать честь какъ одному изъ могущественнѣйшихъ рычаговъ распространенія знаній, мнѣній и идей, составляющихъ ядро здравой образованности, то приняты уже мѣры, для превращенія всякаго предупредительнаго вмѣшательства. Справедливость требуетъ признанія, что во многихъ трудныхъ обстоятельствахъ ежедневная печать съ талантомъ и съ жаромъ держала сторону отечества, и что именно во время прошлогодней войны она счастливо соединила патріотическія чувства съ умѣренностью. Этотъ опытъ внушаетъ довѣріе, и это довѣріе, которое будетъ правительствомъ оказано печати, будетъ способствовать, я надѣюсь, поддержанію умѣренности, неторопливости, сужденій безъ страсти, безъ уличеній, и дастъ ей ту доблестную гордость, до которой можетъ возвыситься умъ, призванный къ наученію миллионѣвъ читателей. Сознаніе независимости дастъ печати глубокое чувство ея исключительной отвѣтственности и предохранитъ ее отъ крайностей и излишествъ... Цѣли, которыхъ мы должны достигнуть и которыя согласны съ движеніемъ впередъ самаго времени, указаны и утверждены дипломомъ 20 октября. Онѣ состоятъ въ облегченіи налоговъ, въ разрушеніи преградъ, стѣсняющихъ промышленную дѣятельность, въ установленіи легкихъ и свободныхъ сообщеній по всему пространству имперіи чрезъ уничтоженіе внутреннихъ таможенныхъ линий, въ свободномъ соревнованіи всѣхъ талантовъ, вслѣдствіе признанія за каждымъ гражданиномъ права на занятіе всѣхъ должностей, безъ привилегій званія и рожденія, въ устраненіи всякаго повода къ враждѣ между сословіями, посредствомъ уравниенія всѣхъ передъ закономъ. Все это поставитъ Австрію, по личной и гражданской свободѣ, на ряду съ народами, которые, опытомъ многихъ вѣковъ, приобрѣли славу служить образцами другимъ народамъ.»...

Благодаря дѣятельности министра, столь просвѣщеннаго, столь ясно понимающаго истинныя современныя потребности австрійскаго государства, можно надѣяться, что Австрія пойдетъ по пути улучшеній и на премя выпутается изъ тѣхъ затруднительныхъ обстоятельствъ, въ которыя она поставлена теперь. Финансовыя дѣ-

трудненія достигли высочайшей степени. Декретомъ 27 декабря принята неожиданная и разорительная для государства мѣра: по добровольному займу 1854 обѣщана уплата процентовъ звонкою монетою, а теперь эти проценты выдаются банковыми билетами съ отвѣтствующимъ лажемъ, который декретомъ же признается въ 40%. Это истинное разореніе, не потому чтобы излишняя сумма, выплачиваемая бумажками, была очень высока, не потому, чтобы владельцы купоновъ этого займа много потеряли, а потому, что кредитъ окончательно подорванъ, государство явно признаетъ себя несостоятельнымъ, а въ финансовомъ отношеніи неисполненіе письменныхъ обязательствъ совершенно опрокидываетъ остатокъ довѣрія. Двѣ предшествовавшія мѣры были уже очень тяжелы, но по крайней мѣрѣ онѣ извинялись крайнею нуждою; это — выпускъ барковыхъ билетовъ малыми купонами и возвышеніе процентовъ по закладнымъ билетамъ. Но вышедшая мѣра ничѣмъ необъяснима. Казначейству нужно было не болѣе десяти милліоновъ флориновъ на уплату процентовъ долга. Для точнаго исполненія обязательствъ, можно было бы достать эту сумму на иностраннѣхъ биржахъ, распорядясь этимъ дѣломъ въ послѣдніе три мѣсяца. Конечно такая мѣра, можетъ быть, возвысила бы лажъ еще процентовъ на пять, и такимъ образомъ казначейство было бы принуждено истратить лишнихъ полмилліона флориновъ, но за то исполнило бы точно свое обязательство. Эти полмилліона флориновъ (325,000 рублей) уже не такая крупная для австрійской имперіи сумма, чтобы министръ финансовъ могъ рѣшиться окончательно разбить остатки австрійскаго кредита, чтобы сберечь 325,000 рублей. Жертва слишкомъ громадная за такую ничтожную сумму, и министръ финансовъ долженъ обладать огромнымъ запасомъ смѣлости, чтобы рѣшиться на такую отчаянную мѣру, не прикрывъ себя при этомъ — согласіемъ государственнаго совѣта. Между тѣмъ тотъ же министръ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, увѣрялъ государственный совѣтъ, что суммы, получаемыя отъ Пьемонта, вслѣдствіе уступки Ломбардіи, совершенно достаточны для уплаты звонкою монетою процентовъ какъ внутреннихъ, такъ и вышедшихъ займовъ. Положительно извѣстно, что пьемонтскія уплаты поступаютъ постоянно съ величайшею точностью, а таможенный доходъ, получаемый тоже звонкою монетою, не уменьшился въ послѣднее время.

Впрочемъ вопросъ объ австрійскихъ финансахъ такъ любопытенъ и поучителенъ, что мы возвратимся къ нему въ одной изъ слѣдующихъ книгъ нашего журнала.

Между тѣмъ французскія газеты и отдѣльныя брошюры напере-

рвынъ стараются увѣрить Австрію, что ей необходимо продать Венеціанскую область, какъ для того, чтобы поправить свои финансы; такъ и для того, чтобы избавить Европу отъ войны, которая готовится на востокъ и до которой по всѣмъ признакамъ Гарибальди отерочили свои подвиги въ Венеціи.

Одна изъ замѣчательнѣйшихъ брошюръ такого содержанія, по крайней мѣрѣ надѣлавшая наиболѣе шуму, называется «Императоръ Францъ Юсіфъ I и Европа». Г. Грангильо, въ своей газетѣ, разбирая всѣ способы, предложенные для устройства итальянско-австрійскихъ дѣлъ, касается и этой брошюры, которая доказываетъ, что «теньеръ нельзя уже ссылаться на акты вѣнскаго конгресса, потому что событія, слѣдовавшія за нимъ въ послѣднія 45 лѣтъ, показали его недостаточность въ настоящее время. Революціи въ Испаніи, во Франціи, въ Греціи, въ Бельгіи, въ Италіи доказали, что опека великихъ державъ не въ состояніи сохранить существующій порядокъ вѣки-вѣчные.» Далѣе авторъ разсматриваетъ финансовое положеніе Австріи въ Венеціанской области: «Въ ней 2,400,000 жителей; доходъ съ различныхъ налоговъ составляетъ 47½ милліоновъ рублей. Долгъ, лежащій на области — 1¼ милл. руб. Вычтя изъ дохода обыкновенный текущій расходъ (на содержаніе путей сообщенія, на сборъ налоговъ, на администрацію; публичные зданія и проч.), много ли останется на содержаніе войска, котораго должно быть на венеціанскихъ земляхъ не менѣе 150,000 человекъ? И безъ того уже въ финансахъ каждый годъ постоянно оказывается недочетъ, а эта прибавка издержекъ невыносима. И не видать этому конца, потому что непріязненная страна, всегда готовая призвать къ себѣ на помощь двадцать четыре милліона братьевъ, не обѣщаетъ возможности уменьшить число войска, а развѣ придется его увеличить. За неимѣніемъ кредита, придется усиливать налоги выше силъ тѣхъ, кто платитъ, разорить такимъ образомъ всѣхъ жителей имперіи и идти вѣрною дорогой къ финансовымъ катастрофамъ. Обладаніе Венеціанскою областью не только изнуряетъ финансы имперіи, но еще и ослабляетъ военную силу. Изъ всего войска въ шесть-сотъ тысячъ Венеція доставляетъ около пятнадцатой доли, даетъ Австріи сорокъ тысячъ солдатъ болѣе нежели сомнительной вѣрности, расположенныхъ во внутреннихъ гарнизонахъ, а между тѣмъ для занятія области требуется полтора-два тысячъ отборнаго войска. Стаго быть и тутъ дефицитъ въ сто-десять тысячъ человекъ, которыми Австрія распорядиться не можетъ, если бы явилась нужда двинуть ихъ на защиту германскаго союза или куда-нибудь еще. Если бы Австрія уступила Венецію Италіи за пять или шесть сотъ милліоновъ, то

войско могло бы быть оставлено на мирную ногу; австрійскіе фонды тогда бы возвысились бы до своей номинальной цѣны, что весьма важно для страны, которая платитъ ежегодно не менѣе 10 процентовъ по своимъ займамъ. У ней двадцать лѣтъ сразу все недочеты, пополняемые постоянно заграничными займами. Когда не достаточно кредита на новый заемъ, Австрія продала французскимъ компаниямъ свои желѣзные дороги, рудники, дѣса; а когда и эти источники истощились, она широко черпала въ своемъ банкѣ подъ залогъ всего, что можно было заложить. Теперь государственный долгъ доходить до двухъ съ половиной миллиардовъ флориновъ (1625 милліоновъ), и всѣ бумаги, его представляющія, уступаются на всѣхъ германскихъ биржахъ съ потерей болѣе 50%. Только что кредитъ возстановится, курсы возвысятся болѣе нежели на два милліона флориновъ; въ то же время поднимется цѣна кредитныхъ бумагъ въ цѣлой германіи, что улучшить положеніе дѣлъ по крайней мѣрѣ на пять или на шесть милліардовъ. Но это еще не все. Уменьшеніе войскъ, которое будетъ весьма удобнымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ уступки Венеціи, дозволить правительству уменьшить подавляющія тягости налоговъ. Нынѣ поземельный налогъ въ Венгріи доходить почти до одной трети всего дохода, а съ разными прибавленіями каждый землевладѣлецъ платитъ въ казну 40% того, что получаетъ. Налогъ съ квартиръ въ Вѣнѣ доходить до цѣлой трети найма за квартиру. Но величайшее бѣдствіе финансовъ — это тягость, лежащая на платящихъ, для покрытія расходовъ по сбору податей: расходъ этотъ поглощаетъ половину всего сбора.»

Всѣ эти, можетъ быть основательные съ одной стороны, съ финансовой точки зрѣнія, доводы подтверждаются еще другими, и французскія газеты истощаютъ все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить Австрію — продать Венеціанскую область, доказывая необходимость этого соображеніями политическими. Германскія газеты, напротивъ, приходятъ отъ всего этого въ негодованіе, считая подобную денежную сдѣлку унижительною для Австріи, для всей Германіи, и предлагаютъ уступку Венеціанской области не иначе, какъ за соразмѣрное территориальное вознагражденіе.

Событія не замедлятъ разрѣшить этихъ споръ.

По послѣднимъ извѣстіямъ, положеніе Венеціи вскорѣ можетъ сдѣлаться весьма сомнительнымъ, такъ какъ 3 января начались между королемъ неаполитанскимъ и Сардиніей переговоры о перемиріи, между тѣмъ какъ Венгрія, настоятельно домогается теперь утвержденія полученныхъ льготъ на болѣе твердыхъ основаніяхъ. Венеціанская область, по извѣстіямъ вѣнской газеты Presse, ста-

новится предметомъ особенной заботливости канихъ-то таинственныхъ агентовъ: il comitato veneto выдаетъ возмутительныя прокламаціи; въ разныхъ мѣстахъ границъ венеціанскихъ схвачено нѣсколько человѣкъ, старавшихся провезти оружіе; агенты стараются поколебать вѣрность венгерскихъ солдатъ; распространяются какіе-то злобѣщія слухи. Говорятъ еще, что полиція открыла очень серьезный планъ возстанія, организованный будто бы по наущенію г. Кавура. Будто бы онъ образовалъ тайное общество, котораго члены будутъ называться *eroi della patria* (герои отечества); ихъ обязанностью будетъ организація возстанія въ разныхъ городахъ Венеціанской области. Сверхъ того вниманіе властей удешетерилось вслѣдствіе распространенія слуховъ, будто на границахъ, по рѣкѣ По, находятся значительныя склады оружія, назначеннаго для ввоза въ Венеціанскую область при первомъ удобномъ случаѣ.

Но всѣмъ этимъ газетнымъ страхамъ вѣрить не должно, потому что открытое, явное вліяніе г. Кавура такъ велико и неодолимо въ Италіи, что ему нѣтъ ровно никакой надобности прибѣгать къ вѣдистой уловкѣ образованія тайнаго общества. Съ другой стороны — депеша изъ Турина отъ 4 января, что лѣвѣи бургонскихъ волонтеровъ отправились съ благословеніемъ папы и съ оружіемъ въ Абруццы; но что въ Фрозиноне генералъ Гойонъ ихъ приказалъ обезоружить, находитъ вѣроятно, что они не могутъ вышиваться въ итальянскія дѣла.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Переговоры передъ Гаэтой. — Австрійскія дѣла. — Принятіе г. Лакордера въ члены Французской Академіи. — Процессъ Бонапартъ-Патерсонъ. — Открытіе палатъ во Франціи и Англии.

Въ январской книгѣ нашего журнала, введенные въ заблужденіе газетными слухами, сообщали мы, будто бы между королемъ Францискомъ II и Сардиніей начались 3 января переговоры о перемиріи. Это извѣстіе оказалось ложнымъ въ томъ смыслѣ, что бывший король неаполитанскій, въ силу дипломатическихъ приличій, никакъ не могъ вступать въ какія бы то ни было сношенія съ своими непріятелями, кромѣ тѣхъ печальныхъ сношеній, которыя произволятся посредствомъ пушекъ и пересылки другъ къ другу ядеръ и бомбъ. Король Францискъ II смотритъ на осаждающее его итальянское войско, какъ на шайку разбойниковъ, отъ руки которыхъ можно умереть, но съ которыми переговариваться нельзя ни въ какомъ случаѣ. Очень многіе французскіе журналы въ восторгѣ отъ короля-рыцаря и отъ супруги его. Въ самомъ дѣлѣ съ военной точки зрѣнія нельзя не воздать должной дани удивленія всѣмъ распоряженіямъ и геройской стойкости молодого короля. Нынѣшняго 16 января ему минуло двадцать четыре года, а онъ одинъ несетъ теперь на себѣ все бремя защиты единственной крѣпости, которая осталась въ его рукахъ. День и ночь бываетъ онъ на батареяхъ, ободряетъ солдатъ, и даже однажды, когда непріятельская бомба упала на площадь, и проходившіе тутъ солдаты очень испугались, король сказалъ: «Ничего, господа, это ничего, бомба; опасности нѣтъ». Молодая королева, которой теперь только левятнадцать лѣтъ, возбуждаетъ въ защитникахъ Гаэты совершенный энтузіазмъ; всѣ, отъ генерала до солдата, рады умереть за нее, и когда она показывается войску, то даже въ итальянскихъ апрошахъ слышны восторженные клики солдатъ.

3 января въ самомъ дѣлѣ начались переговоры о перемиріи, только не прямо между воюющими сторонами, а при посредничествѣ французскаго адмирала. Императоръ Наполеонъ III совѣтовалъ королю Франциску II оставить Гаэту, потому что сопротивленіе сдѣлалось несвоевременнымъ, междоусобная война только поддерживается и разгорается, безъ всякой пользы для дѣла и уже конечно съ величайшимъ вредомъ для самой Италіи. Король принялъ предложенное перемиріе, но не послѣдовалъ совѣту оставить свою крѣпость. Вотъ циркуляръ, посланный министромъ иностранныхъ дѣлъ Козелла представителямъ короля Франциска II при иностранныхъ дворахъ: «Адмиралъ императорекой эскадры, во имя императора французовъ, предложилъ королю перемиріе. Это перемиріе, начавшись 9 нынѣшняго мѣсяца, должно было продолжаться до 19. Адмиралъ объявилъ, что если перемиріе не будетъ принято, то французская эскадра уйдетъ черезъ недѣлю; въ противномъ случаѣ эскадра останется до захода солнца 19 января. Тогда непріязненные дѣйствія должны были возобновиться, а сардинскій флотъ свободно могъ блокировать портъ и бомбардировать Гаэту со стороны моря. Выборъ былъ печальный, потому что и въ томъ и въ другомъ случаѣ флотъ долженъ былъ уйти и всякое сношеніе Гаэты съ остальнымъ міромъ должно было прекратиться. Перемиріе само по себѣ было намъ тоже невыгодно, потому что мы пополнили свои средства защиты и не имѣли возможности ихъ увеличить, между тѣмъ какъ пѣмонтцамъ нуженъ былъ этотъ промежутокъ времени, чтобы перевезти заряды и приготовить, если не окончатъ новыя, сильнѣйшія баттарей. Однако его величество принялъ перемиріе не только изъ челоуѣколюбія, которое обязываетъ отсрочивать кровопролитія всякій разъ, какъ это можетъ быть сдѣлано безъ потери собственнаго достоинства, но особенно потому, что перемиріе желалъ императоръ французовъ. Губернаторъ Гаэты допустилъ всѣ статьи, предложенныя адмираломъ; но присутствіе французскаго офицера, для надзора за дѣйствительностью прекращенія работъ съ обѣихъ сторонъ, составляло условіе, которое намъ легко было принять по нашему прямодушію, но которое не было принято неприятельскимъ главнокомандующимъ. По прошествіи двухъ дней, генералъ Чіалдини объявилъ адмиралу Барбье-Тивану, что повелѣніе короля сардинскаго подтвердило его отказъ въ этомъ случаѣ. Для насъ едвали это не было недостаточнымъ поводомъ, чтобы отказаться отъ перемирія, и хотя всѣ извѣстія подтверждали намъ ежечасныя успѣхи неприятельскихъ работъ, мы уважали перемиріе, которое должно кончиться завтра, и никто не можетъ насъ упрекнуть въ томъ, чтобы мы его не исполнили точнѣйшимъ образомъ. Завтра гаэтскій портъ

будетъ блокированъ и открывается дорога для морскаго нападенія на крѣпость. Завтра тѣ самые корабли его величества, которые чрезъ самое низкое предательство попали во власть короля пьемонтскаго, придутъ также бомбардировать беззащитныя, спасшіяся здѣсь семейства, также какъ и своего законнаго государя и его супругу. Кажется, невозможно допустить, чтобы Европа долѣе присутствовала и не была бы тронута при видѣ признаннаго всѣми державами короля, который лишается своихъ владѣній вслѣдствіе самаго незаконнаго нападенія, подвергается всѣмъ ужасамъ продолжительнаго бомбардированія, когда единственное преступленіе его состоитъ въ томъ, что онъ храбро защищаетъ послѣдній оплотъ монархіи противъ низкаго нападенія. Государи и народы поймутъ наконецъ, что въ Гаэтѣ защищается не одна только корона древней династіи, а вѣчто болѣе, — что здѣсь защищаются трактаты, въ силу которыхъ царствуютъ всѣ государи, защищается общественное право, въ силу котораго всѣ народы живутъ спокойно и независимо. Король рѣшился подвергнуться до конца всѣмъ опасностямъ своего покинутаго положенія. Блокированный и атакованный въ одно и тоже время со стороны моря и съ суши, онъ или похоронится подъ стѣнами крѣпости, или попадетъ въ плѣнъ къ своимъ непріятелямъ. Какова бы ни была участь, ожидающая его въ будущемъ, его величество готовъ ей подвергнуться съ тою великодушною твердостью, которой постоянныя и яркія доказательства онъ представляетъ втеченіе пяти мѣсяцевъ. Нѣтъ нужды протестовать теперь ни противъ настоящихъ событій, ни противъ возможностей въ будущемъ. Законы и общественное сознаніе, нравственное чувство всѣхъ честныхъ душъ протестуютъ за короля въ этихъ критическихъ обстоятельствахъ, и если вся Европа покидаетъ его величество, то по крайней мѣрѣ его величество не покинетъ себя. Онъ сдумаетъ до конца исполнить свои королевскія обязанности. Вы видѣли изъ газетъ, даже изъ тѣхъ, которые горячо защищаютъ дѣло революціи, до какого состоянія доведено королевство неаполитанское и несчастная Сицилія: вездѣ недовѣріе, отсутствіе безопасности, разореніе. Во всѣхъ мѣстахъ на материкѣ населенія встаютъ произвольно, чтобы протестовать, сколько могутъ среди всеобщей безурядицы, въ пользу своего законнаго государя и противъ иностраннаго владычества. Въ самомъ дѣлѣ Пьемонтъ обращается съ ними, какъ съ иностранцами. Его величество оказалъ величайшую снисходительность въ появленіи возстанія, такъ что приказалъ прекратить даже бомбардированіе Палермо, какъ скоро узналъ о немъ; а Пьемонтъ обращается варварски и безчеловѣчно, бомбардируя безъ милосердія по цѣлымъ

днямъ всякій итальянскій городъ, который ему сопротивляется, какъ Капую, Анкону, Молю и Гаэту; пьемонтскіе генералы не имѣютъ другого наказанія для усмиренія недовольныхъ, какъ разстрѣливать ихъ на мѣстѣ. Въ такихъ обстоятельствахъ король, желая — не спасти свою особу, которую онъ втеченіе двухъ мѣсяцевъ подвергаетъ каждый день все новымъ опасностямъ, но желая предохранить отъ униженія и оскорбленій королевское достоинство, котораго онъ представителъ, — имѣлъ бы право надѣяться, что среди неравной борьбы, имъ поддерживаемой, европейскія державы благоволятъ объявить, признаютъ ли онѣ, или не признаютъ имѣющую учредиться безъ правильного объявленія войны блокаду Гаэты эскадрой, которая теиерь находится въ рукахъ Пьемонта. Если блокада будетъ признана, то его величество надѣется по крайней мѣрѣ, что королю сардинскому будетъ адресовано общее требованіе для обезпеченія его величеству свободы, въ случаѣ если случайности отчаянной осады пощадятъ его жизнь, и для предохраненія отъ всякаго оскорбленія особы молодой королевы, которая съ великодушіемъ, достойнымъ ся сердца, не уступила самымъ настоятельнымъ просьбамъ, чтобы посвятить себя трудамъ въ больницахъ, уходу за ранеными, не обращая никакого вниманія на опасности, грозящія самой ея особѣ. Ваше превосходительство можете прочесть эту депешу и оставить съ нея копію г. министру иностранныхъ дѣлъ двора, при которомъ вы акредитованы. Гаэта 18 января 1861».

Мы привели здѣсь цѣликомъ этотъ важный документъ потому, что онъ вполне обрисовываетъ положеніе воюющихъ сторонъ и взглядъ одной изъ нихъ на дѣла и на противную сторону. Другая сторона, какъ всегда случается въ подобныхъ обстоятельствахъ, совершенно другого мнѣнія, и итальянскіе журналы подробно анализируютъ этотъ опытъ сочиненія г. Козелла, виѣстѣ съ другимъ циркуляромъ отъ того же числа. Послѣднимъ документомъ представителя иностранныхъ державъ при неаполитанскомъ дворѣ приглашаются возвратиться въ Гаэту: «Два мѣсяца тому назадъ, сказано въ этомъ циркулярѣ, — его величество, сердце котораго крайне чувствительно къ страданіямъ другихъ, пригласилъ дипломатическій корпусъ жить въ Римѣ, чтобы избавить дипломатовъ отъ страданій и опасностей осады, и испанскій посланникъ оставался одинъ при его величествѣ, рѣшившись съ самаго начала раздѣлить его участь. Одушевленный этими чувствами, его величество не хотѣлъ пригласить ни одного изъ членовъ дипломатическаго корпуса пріѣхать въ Гаэту, не смотря на обстоятельства, со дня на день все болѣе и болѣе критическія, и именно по причинѣ бомбардированія,

начавшагося 1 декабря. — Пока сообщенія были свободны, его величество могъ, по крайней мѣрѣ не непосредственно, оставаться въ сношеніяхъ съ дипломатическимъ корпусомъ, живущимъ въ Римѣ, извѣщая его въ тоже время отъ опасностей; и если бы явилось трудное обстоятельство, которое требовало бы совѣтовъ дипломатическаго корпуса, всегда можно было пригласить его втеченіе нѣсколькихъ часовъ пріѣхать въ Гаэту. Теперь этого уже нельзя. — Послѣ завтра морское сообщеніе будетъ преграждено, всякое сношеніе между королемъ и дипломатическимъ корпусомъ будетъ пресѣчено, а его величество не можетъ и не хочетъ отказаться отъ удовольствія имѣть возлѣ себя представителей различныхъ государствъ, чтобы пользоваться ихъ совѣтами. Вслѣдствіе этого король приглашаетъ представителей союзныхъ и дружественныхъ государей пріѣхать въ Гаэту, гдѣ имъ приготовлены лучшія и безопаснѣйшія помѣщенія. Такъ какъ возможно, что бомбардированіе продолжится, что удлиненная и поквнутая Гаэта наконецъ падетъ, и тогда особы короля, королевы и принцевъ останутся на произволь побѣдителей, то его величество, который хочетъ уступить, какъ прилично королю, и вынести свою участь, какъ прилично королю, имѣетъ нужду въ присутствіи при своей особѣ иностранныхъ посланниковъ, чтобы въслучаѣ нужды прибѣгнуть къ ихъ совѣтамъ и имѣть ихъ неопровержимыми свидѣтелями совершающихся событій».

Конечно, замѣчаютъ на это итальянскія газеты, при большомъ недостаткѣ людей въ Гаэтѣ, на безлюдьи, нельзя удивляться, что некому было составить циркуляръ болѣе логическихъ и, главное, болѣе сообразныхъ съ королевскимъ достоинствомъ его величества. Зачѣмъ *неопровержимыхъ* свидѣтелей? Развѣ г. Казелла думаетъ, что кто-нибудь будетъ сомнѣваться въ словахъ короля? И что за шельмовость — напоминать такъ некстати различныя несообразныя съ истиною извѣстія, сообщавшіяся дипломатическимъ путемъ, касательно успѣховъ усмиренія сицилійскаго возстанія, касательно разбитія шаекъ *искателя приключеній Гарибальди*, касательно содержанія политическихъ арестантовъ и проч. и проч. Пускай бы ужъ напоминала объ этомъ какая-нибудь взбалмошная оппозиціонная газета, а со стороны министра иностранныхъ дѣлъ это вовсе не кстати, особенно и потому еще, что это можетъ навести сомнѣніе и на то, что утверждается въ другомъ циркулярѣ, будто главнокомандующій итальянскимъ войскомъ, обѣщавъ не продолжать осады работы во время перемирія, не сдержалъ слова, и не допустивъ къ себѣ французскаго офицера въ качествѣ надзирателя за своею честностью, продолжалъ работы. Потомъ — странно говорить о беззащитности семействъ, спасшихся въ Гаэту. Кромѣ того,

что имъ дано было разрѣшеніе и назначено время, втеченіе котораго они могли выйти изъ Гаэты, самыя семейства, которыя заперлись въ крѣпости — не беззащитны подъ защитою крѣпостныхъ твердынь. Конечно ихъ положеніе не вполнѣ пріятно и вѣскольکو напоминаетъ положеніе мыши, запертой въ мышеловкѣ, возлѣ которой суетится, наостривъ уши, кошка, не умѣющая отнереть плотно сдѣланнаго инструмента. Непрїятное положеніе, нечего говорить; но вольному воля. И все-таки же это положеніе не беззащитное, далеко не то, въ которомъ были жители Палерно, когда они были осыпаны бомбами изъ цитадели и съ кораблей. То было положеніе въ самомъ дѣлѣ беззащитное; потому что въ городѣ не было пушекъ для отвѣта на бомбардировку, было только народонаселеніе, жаждавшее избавленія и дождавшееся его. Далѣе въ сочиненіи г. Казелла есть замѣчательное противорѣчіе: сказано, что «король рѣшился подвергнуться до конца всѣмъ опасностямъ своего покинутаго положенія.» Прекрасно; съ военной точки зрѣнія это величественно, увлекательно; но вслѣдъ за этимъ сказано, что король желаетъ подвергаться не всѣмъ до конца опасностямъ своего положенія, именно — чтобы его величеству обезпечена была свобода. Конечно, по законамъ всѣхъ на свѣтѣ благоустроенныхъ и даже неблагоустроенныхъ государствъ, междоусобная война нетерпима и наказывается строго; но тѣмъ не менѣе никакой нѣтъ возможности говорить о необходимости виѣшательства иностранныхъ державъ, для «предохраненія отъ всякаго оскорбленія особы молодой королевы.» Какъ бы непрїязненно г. Казелла ни смотрѣлъ на Италію, все-таки онъ долженъ признаться, что страна эта населена не людоѣдами, и какъ бы ни были ожесточены побѣдители въ случаѣ удачнаго приступа, во всякомъ случаѣ особа королевы будетъ окружена всѣмъ тѣмъ почетомъ, каковой подобаетъ коронованной особѣ, съ такимъ трогательнымъ самоотверженіемъ посвящающей себя заботамъ о раненыхъ и больныхъ и ободренію солдатъ, мѣтко стрѣляющихъ въ итальянцевъ.

Газеты говорятъ, что русскій посланникъ получивъ предьявленіе отправиться изъ Рима въ Гаэту; тамъ же находится посланникъ испанскій и австрійскій, а посланникъ саксонскій, занимающій этотъ постъ вѣскольکو въ качествѣ волонтера, предложилъ себя не какъ резидента при особѣ короля, а какъ частнаго человѣка, чтобы только имѣть честь сражаться рядомъ съ королемъ.

По истеченіи срока перемирія, 20 января, итальянскій флотъ занялъ мѣсто французскаго подлѣ Гаэты. Генераль Чіальдини объявилъ, что перемиріе кончалось, и предложилъ королю Франциску II, именемъ короля Виктора-Эмануила: 1) необходимое число

кораблей, чтобы перевести его величество куда ему будетъ угодно; 2) перевести иностранную наемную войска въ ихъ отечество. Король не принималъ этихъ предложеній. 22 числа открытъ былъ страшный огонь изъ крѣпости противъ итальянскихъ амплошей. Въ траншеяхъ было двѣ тысячи пьемонтскихъ рабочихъ, и потому потеря ихъ была весьма значительна; потомъ итальянскія баттарей стали отвѣчать съ большою силой. Среди ужаснѣйшей канонады, выступилъ на сцену смоль адмирала Персано, и впереди всѣхъ завязалъ перестрѣлку парухоль подъ именемъ *Гарибальди*. Но борьба деревяныхъ корабельныхъ стѣнъ противъ гранитныхъ твердыхъ крѣпости никогда не можетъ быть успешна, и пять кораблей, завязавшихъ дѣло съ крѣпостью, одинъ за другимъ должны были отойти, потерѣвъ значительныя поврежденія, однако заставивъ стихнуть огонь тѣхъ баттарей, противъ которыхъ они дрались. По послѣднимъ, дошедшимъ до насъ извѣстіямъ отъ 4 февраля, огонь Гаэты продолжается съ прежней силой, итальянцы ему отвѣчаютъ, но безъ большого успѣха. Генераль Чіальдини объявилъ даже, что у него мало артиллеріи, что онъ не возобновитъ бомбардированія, пока не будетъ достаточно силась для произведенія ощутительнаго дѣйствія.

Между тѣмъ въ Абруццахъ, въ той сѣверной части бывшаго Неаполитанскаго королевства, которая прилегаетъ къ Папской области, продолжается движеніе, которое поддерживается лядою короля, живущимъ въ Римѣ. Мѣсяца два тому назадъ король отослалъ въ Папскую область вначтительный корпусъ войскъ, для него безполезный при защитѣ Гаэты. Корпусъ этотъ состоялъ изъ разныхъ наемныхъ прищамцовъ, но главнѣйшимъ образомъ изъ баварцевъ (супруга короля, Марія Софія Амалія, урожденная принцесса баварская). Тогда папское правительство не амало, что дѣлать съ этимъ войскомъ. Оно пошло въ государство и въ некоторымъ образомъ сдѣлалось само собою. Генераль Гойонъ обезоружилъ баварцевъ, а папское правительство стало ихъ кормить. Между тѣмъ члены королевской фамиліи, оставивше Гаэту, поселились въ Римѣ и стали разжигать междоусобную войну. Баварцамъ некуда было дѣваться, и некуда было ихъ дѣвать: вернуться на родину они конечно не хотѣли, потомучто и не ушли бы оттуда, еслибы имъ было тамъ хорошо; стало быть они очень рады были оставаться въ прежней службѣ, хотя уже такъ сказать частнымъ образомъ. Въ той части Папской области, которая занята французскимъ войскомъ и еще не вошла въ составъ итальянскаго королевства, стали организоваться шайки вольонтеровъ, которые мало по малу, иногда поодиночкѣ, а иногда по нѣскольку человекъ вмѣстѣ, пробираются въ

Абруццы и тамъ собираются въ завѣстномъ мѣстѣ, заранѣе условленномъ. Такимъ образомъ составляются ядра возстаній, для подавленія которыхъ развлекаются силы итальянской арміи. Стычки бывають иногда довольно горячія; случается, что баварцы одерживають верхъ, чаще бываетъ побѣда на сторонѣ регулярнаго войска, и такимъ образомъ междоусобіе поддерживается, такъ что Абруццы теперь составляютъ нѣчто въ родѣ маленькой искусственной Вандеи. Оппозиціонныя газеты указываютъ на частые случаи грабежей и убійствъ, какія бывають теперь въ южной Италіи, и упрекають въ этомъ итальянское правительство, которое будто бы гораздо болѣе заботится о томъ, чтобы дѣлать распоряженія, нежели объ исполненіи этихъ распоряженій. Надо сознаться, что это возможно, что грабежи, убійства, не имѣющія никакой связи съ политическимъ положеніемъ страны, въ самомъ дѣлѣ могутъ повторяться нѣсколько чаще прежняго; но надо объяснять это переходнымъ состояніемъ, въ которомъ находится страна, и тѣмъ еще, что нынѣ дѣйствующіе пьемонтскіе законы не дозволяютъ такой быстрой расправы, какая бывала встарину. Прежде хватали нѣсколько подозрѣваемыхъ людей, сажали ихъ въ крѣпость, допрашивали при помощи шпицрутеновъ, и виноватый, если попадался между подозрѣтельными, или платилъ жизнью за свое преступленіе, или умиралъ въ нездоровой, гнилой тюрьмѣ. Такое сокращенное судопроизводство при сардинскихъ законахъ невозможно. Но все это конечно пройдетъ, какъ скоро народъ привыкнетъ къ новому своему положенію, пойметъ удобства и выгоды этого положенія. Надо надѣяться, что это будетъ скоро, потому что теперь производятся выборы представителей въ новый итальянскій парламентъ, въ которомъ скажется все, и все выйдетъ наружу: окажутся потребности страны, бывшія злоупотребленія, новѣйшія желанія, стремленія и симпатіи. Ходили слухи, что Гарибальди совѣтовалъ своимъ друзьямъ, при избраніи представителей, во всякомъ случаѣ исключить изъ ихъ числа всѣхъ тѣхъ, которые подавали въ Туринѣ голосъ въ пользу отпаденія Савойи и Ниццы и присоединенія этихъ областей къ Франціи. Однако всегда справедливый Гарибальди отвѣчалъ на эти слухи, что подать такой совѣтъ онъ не можетъ, что между восторовавшими въ пользу отпаденія Ниццы есть люди весьма способные, и жалко было бы лишиться ихъ содѣйствія въ нынѣшнихъ трудныхъ обстоятельствахъ страны. Дѣйствительно обстоятельства трудныя, и теперь необходимы всѣ усилія страны и ея государственныхъ людей, для того чтобы произвести столь желаемое слитіе Италіи во едины, и въ тоже время вести мелкую войну съ шайками баварцевъ и вести продолжительную осаду Гаэты. Правительство радо, что въ

послѣднее время избавилось отъ висѣвшей надъ нимъ къ веснѣ бѣды, — отъ похода Гарибальди на Венецію. Оно объявило, что будетъ противиться этому походу всѣми зависящими отъ него средствами и не допуститъ большого сбора волонтеровъ. Генераль Тюрръ ѣздилъ нарочно изъ Турина на островъ Капреру къ Гарибальди; въ чемъ состояла ихъ бесѣда — неизвѣстно; газеты упражняются въ безплодныхъ догадкахъ. Иныя говорятъ, что король Викторъ Эммануилъ посылалъ къ Гарибальди его любимаго товарища по оружію, чтобы уговорить его отложить намѣреніе идти весною на Венецію; другія, что онъ ѣздилъ съ собственноручнымъ письмомъ короля. Какъ бы то ни было, Италия весною вынѣшняго года не прибавитъ себѣ новаго затрудненія войною за Венецію ко всѣмъ существующимъ внутреннимъ затрудненіямъ, и Австрія спокойно будетъ заниматься своими внутренними реформами, начатыми знаменитымъ дипломомъ 20 октября прошлаго года. Правда, у Австріи, кромѣ настоящей есть еще другія Венеція и ихъ не мало.

Припомнимъ, что первое положеніе диплома гласитъ: «Мы и преемники наши будемъ пользоваться правомъ составлять законы, измѣнять ихъ и отмѣнять не иначе, какъ при содѣйствіи законно собирающихся сеймовъ тѣхъ странъ, къ которымъ законы относятся.» Въслѣдствіе этого избирательныя коллегіи стали выбирать на сеймы и въ генеральныя совѣты такихъ лицъ, какія казались имъ лучшими для выполненія ихъ цѣлей, и въ нѣкоторыхъ графствахъ избрано было нѣсколько челоувѣкъ, изгнанныхъ изъ Венгріи по расширеніи ея нашимъ оружіемъ. Сверхъ того, такъ какъ законы о прямыхъ и косвенныхъ налогахъ составляются сеймами, то въ графствахъ положено было — не вносить никакихъ налоговъ до утвержденія ихъ главными собраніями. Сверхъ того, въ ожиданіи законно-учреждаемыхъ судовъ, существовавшіе австрійскіе суды были упразднены или совершенно оставлены безъ дѣла. Наконецъ всѣ графства объявили у себя дѣйствующими законы 1848 года. Эти обстоятельства были причиною того, что въ окрестностяхъ Вѣны собрано было 40,000 челоувѣкъ войска, безпрестанно готоваго выступить въ Венгрію, а между тѣмъ 16 января разослалъ былъ слѣдующій рескриптъ графствамъ и муниципальнымъ начальствамъ Венгріи.

«Когда двѣнадцать лѣтъ тому назадъ мы приняли скипетръ нашихъ предковъ, опустошительная война свирѣпствовала внутри нашей имперіи, почти вездѣ государства и самое общество были потрясены въ своихъ основаніяхъ. Страсти, ослѣпленіе, заблужденіе нѣкоторыхъ людей честныхъ и благонамѣренныхъ, раздраженіе многихъ злыхъ, стеченіе различныхъ и пагубныхъ обстоятельствъ

— потребовали разрѣшенія дѣла оружіемъ. Наша воля состояла въ томъ, чтобы это разрѣшеніе не оставалось постояннымъ основаніемъ положенія имперіи. Мы не могли и не хотѣли покинуть интересы монархіи, которые были защищаемы и упрочены съ такими прискорбными пожертваніями; но мы сильно желали, чтобы при окончательномъ рѣшеніи столь дорогія венгерскому народу и столь глубоко укоренившіяся политическія учрежденія были восстановлены съ возможною скоростью и полнотою; это имѣло быть въ то же время ручательствомъ въ приготовленіи конституціонныхъ учрежденій для другихъ нашихъ народовъ. Для этой цѣли мы обнародовали нашъ дипломъ 20 октября. Но миръ, волюбовная сдѣлка, примиреніе требуютъ взаимной откровенности, серьезной воли и откровеннаго содѣйствія, безъ преступныхъ заднихъ мыслей и безъ торопливости страстей. Мы хорошо ввѣсили и узнали важныя препятствія, мѣшавшія частному восстановленію венгерской конституціи до окончательнаго установленія общаго политическаго положенія; но эти препятствія не помѣшали намъ продолжать восстановление, именно въ дѣлахъ муниципальной дѣятельности, въ томъ убѣжденіи, что довѣріемъ вызывается довѣріе и что наше предупредительность въ пользу благороднаго и политически зрѣлаго народа будетъ справедливо оцѣнена и честнымъ образомъ поддержана. Наше ожиданіе, несовершенно исполнилось. Безъ гнѣва и снисходительно узнали мы о первыхъ актахъ торопливости въ публичной жизни; мы приписали ихъ потоку возбужденія, глупости страстей и заносчивости общественной дѣятельности, отъ которой люди давно отвыкли. Но теперь различныя графства воспользовались избраніемъ въ генеральные совѣты, чтобы допустить въ число ихъ членовъ людей, непримиримыхъ противниковъ нашей монархіи и нашихъ верховныхъ правъ, людей, которые въ сообществѣ съ высшими врагами угрожаютъ спокойствію нашихъ земель предательскими заговорами и дерзкими подстреканіями; — теперь испытываютъ различія общественныхъ мнѣній отказами въ уплатѣ податей, отказами, которые обезсиливаютъ матеріальныя средства государства, смущаютъ народъ и двигаютъ общественное положеніе въ такомъ направленіи, что тайные и явные представители этихъ притязаній сами должны чувствовать, что они не могутъ быть терпимы, — теперь съ нетерпѣливою торопливостію хотятъ обстраничь переходныя условія, необходимыя для поддержанія частныхъ правъ; — многія графства, подъ предлогомъ поддержанія общественного спокойствія, восстанавливаютъ и вооружаютъ народную стражу, такимъ образомъ отягощая народъ, называя жалованье чиновникамъ графства, они не признаютъ мездора нашихъ

властей и презираютъ ихъ, и, забывая свое назначеніе, они не колеблясь присвоиваютъ себѣ почти всю государственную власть, какъ независимыя корпораціи, что далеко заходитъ за границы ихъ законныхъ правъ. Теперь на насъ лежитъ необходимая обязанность рѣшительно воспротивиться этимъ преступнымъ посягательствамъ и не терпѣть, чтобы конституціонная свобода злоупотреблилась въ такомъ направленіи, которое бываетъ началомъ революціи посредствомъ разрушенія общественнаго порядка. Довѣріе нашихъ народовъ къ нашему намѣренію дойдя до правильнаго конституціоннаго положенія было бы поколеблено, если бы мы долѣе свосили эти стремленія къ безначалію, стремленія, которыхъ развитіе всегда влечетъ за собою потерю всякой свободы. Мы твердо держимся постановленій 20 октября, и мы съумѣемъ сохранить для нашихъ народовъ конституціонное развитіе; мы съумѣемъ также сдержать относительно нашего королевства Венгерскаго все, что ему обѣщано. Точно также тверда и наша воля силою воспротивиться революціи, явится ли она открыто, или будетъ лицемерно прятаться подъ маскою законныхъ формъ. Эта сила, мы не сомнѣваемся, найдетъ поддержку въ истинномъ патриотизмѣ всѣхъ добрыхъ элементовъ; они не потерпятъ, чтобы на пути примиренія скоплялись препятствія, вызываемыя страстями или эгоизмомъ нѣкоторыхъ; они постараются не допустить, чтобы правительство вынуждено было опираться на одну матеріальную силу въ ту минуту, когда эта сила должна бы служить только для покровительства развитію нравственнаго. Сообщая такую рѣшимость и такое предостереженіе къ свѣдѣнію всѣхъ графствъ нашего королевства Венгерскаго, и напоминая въ тоже время статью 3 закона 1790, которой постановленія касательно коронованія мы хотимъ скоро исполнить, но которой другія части обезпечиваютъ всѣ обязанности вѣрныхъ подданныхъ и до коронованія, повелѣваемъ: 1) Чтобы вездѣ, гдѣ сдѣлана ошибка выборомъ въ члены генеральныхъ совѣтовъ измѣнниковъ государству и коронѣ, которые живутъ за границей и въ постоянныхъ сношеніяхъ съ иностранными врагами нашей монархіи, и теперь еще виновны въ преступныхъ замыслахъ противъ насъ и противъ государства, — эти избранія считались несуществующими и несостоявшимися. 2) Повелѣваемъ, подъ страхомъ тяжкихъ наказаній, чтобы всѣ попытки, имѣющія цѣлью прямо или непрямо мѣшать возносу прямыхъ и не прямыхъ налоговъ или устанавливать новые налоги, были подавлены и всѣ постановленія въ этомъ смыслѣ были немедленно отиѣнены. 3) Также до обсужденія сеймомъ и до предварительныхъ рѣшеній нашихъ по предложенію нашего великаго судьи, мы объявляемъ несущее

ствующими и несостоявшимися всѣ рѣшенія, которыя отмѣняютъ пока существующія судебныя власти, сообразно постановленію нашему 20 октября, равно какъ и всѣ мѣры, препятствующія издѣтельности. Мы твердо подтверждаемъ присутственнымъ мѣстамъ поддерживать существующіе законы и постановленія, которыхъ окончательная перемѣна, въ интересахъ страны и частныхъ лицъ, не можетъ произойти иначе, какъ по голосамъ сейма, а не по рѣшеніямъ одной партіи, которыя повергнуть страну въ хаосъ, котораго и предвидѣть невозможно. — 4) Такъ какъ мы отложили до сейма 2 будущаго апрѣля пересмотръ я, въ случаѣ нужды, взиманіе или отмѣну законовъ 1847—48 годовъ и примѣненіе ихъ къ нашимъ намѣреніямъ, и такъ какъ возстановленіе на дѣлѣ этихъ законовъ смѣшивается съ вопросами, которыхъ торопливое рѣшеніе угрожаетъ всѣмъ положеніямъ и всѣмъ интересамъ, которые создались временемъ въ Венгріи, точно также какъ и во всѣхъ прочихъ нашихъ земляхъ, которымъ мы обязаны покровительствовать; такъ какъ сверхъ того рѣшеніе вопросовъ касательно возстановленія этихъ законовъ составляетъ предметъ самыхъ зрѣлыхъ обсужденій, не могущихъ принадлежать нѣсколькимъ людямъ или графствамъ; то мы строжайшимъ образомъ запрещаемъ всякую попытку возстановить на дѣлѣ эти законы и повелѣваемъ противиться всякой подобной попыткѣ мѣрами самыми серьезными. Если со стороны графствъ окажется сопротивленіе этимъ повелѣніямъ, засѣданія генеральныхъ совѣтовъ будутъ отмѣнены и распущены и, если нужно, эти мѣры будутъ исполнены матеріальною силой. Всѣ эти рѣшенія возлагаются на насъ заботливостью объ общей благѣ нашихъ народовъ, и если наши отеческія намѣренія будутъ снова разрушены или угрожаемы сопротивленіемъ, то мы должны будемъ прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости, которыхъ хотѣли бы избѣгать. Если собраніе сейма, котораго мы сами весьма желаемъ, такимъ образомъ отсрочится; если разрѣшеніе важнѣйшихъ вопросовъ для полнаго возстановленія конституціоннаго положенія, необходимаго не только въ интересахъ Венгріи, но и всей остальной монархіи, было отерочено на болѣе отдаленное время; то съ спокойною совѣстью мы слагаемъ отвѣтственность за могущія произойти отъ этого неудобства на тѣхъ, кто съ намѣреніемъ или по легкомыслію мѣшаютъ дѣлу спокойнаго умиротворенія. Въ глубокомъ убѣжденіи касательно важности этихъ мѣръ, мы исполняемъ свою обязанность, охраняя отъ новыхъ бурь страну, ввѣренную намъ Богомъ и наслѣдственными правами нашими; опираясь на мудрость истинныхъ патриотовъ, на наше право и на благословеніе Неба, мы съ довѣріемъ ожидаемъ того времени,

когда коронованіе вѣнцомъ нашихъ предковъ подтвердитъ свѣдѣнія нашихъ усилій, направленныхъ ко благу и спокойствію нашего государства.»

Этотъ угрожающій и въ то же время примирительный рескриптъ былъ принятъ въ графствахъ съ подобающимъ уваженіемъ. Въ Пестѣ административный комитетъ выслушалъ императорскій рескриптъ въ глубочайшемъ молчаніи; потомъ постановленъ былъ вопросъ, нужно ли тотчасъ созвать общее собраніе, или оставить рѣшеніе по декрету на волю общаго собранія, уже назначеннаго на 11 февраля. Рѣшено было единогласно, что дѣло не слишкомъ важно и не требуетъ немедленнаго созванія членовъ, а можетъ быть отложено до перваго имѣющаго быть обыкновеннаго собранія.

Такое рѣшеніе объясняется тѣмъ, что комитетъ сознавалъ свою правоту и право дѣйствовать вполне сообразно съ точнымъ смысломъ диплома 20 октября. «Daily News», въ своемъ разборѣ вышеприведеннаго документа, замѣчаетъ, что «тонъ в политикѣ австрійскаго правительства перемѣнился довольно явственно, и причинъ этого не надо искать слишкомъ далеко. На самой срединѣ нынѣшняго кризиса правительство возвращается къ той роковой политикѣ, которая была имъ на минуту оставлена. Не смотря на присутствіе въ кабинетѣ г. Шмерлинга, военная и реакціонная партія подвинула правительство рассчитывать скорѣе на оружіе и на чужеземную помощь, нежели на прямодушную опору подданныхъ. Воинственная рѣчь короля Прусскаго вѣроятно способствовала этой неудачной перемѣнѣ. Но не худо знать обоимъ правительствамъ, что они дѣлаютъ и какую они принимаютъ на себя отвѣтственность передъ лицомъ Европы. Они играютъ въ опасную игру оружіемъ обоюдоострымъ. Они стараются еще разъ подаять національное чувство народовъ, которые были угнетены ими въ видахъ чисто династическихъ. Но уже поздно. Вести войну въ нынѣшнемъ положеніи Европы — довольно легко. Но въ будущей европейской борьбѣ не правители, а народы будутъ заключать миръ».

По прочтеніи рескрипта 16 января въ собраніи графства Штулвейсенбургскаго, положено: «Такъ какъ графство было управляемо въ своихъ актахъ законами конституціонными, именно законами 1847 и 48 годовъ, то оно не считаетъ себя въ правѣ отъ нихъ уклоняться, точно также какъ не желаетъ вати и дальше ихъ. Въ этомъ убѣжденіи, оно спокойно принимаетъ къ свѣдѣнію королевскій рескриптъ, назначая для обсужденія его будущее обыкновенное общее собраніе, или другое общее собраніе, которое можетъ быть для той цѣли созвано особенно».

Въ то же время во всѣхъ вѣнскихъ газетахъ напечатанъ былъ

адресъ Грэнскаго графства, комитетъ котораго собирався подъ предсѣдательствомъ кардинала-принца Шитовскаго. Вотъ этотъ адресъ, который передается здѣсь со всею точностью, какой требуетъ столь важный документъ, и съ тѣмъ скромнымъ вѣрноподданническимъ духомъ, которымъ онъ проникнутъ.

«Государь, съ великимъ смущеніемъ и страхомъ получили мы рескриптъ вашего величества отъ 16 января. Важное и угрожающее королевское предостереженіе вызываетъ насъ на выраженіе нашихъ чувствъ; и свободное слово, почерпнутое въ источникъ истины и многихъ испытанныхъ страданій, возносимое къ королевскому престолу вашего величества, не будетъ потеряно. Если бы даже отличные люди отечества, окружающіе августѣйшую особу вашего величества, сказали вашему величеству все, что народъ выстрадалъ въ эти двѣнадцать горестныхъ лѣтъ, они не могли рассказать всего. Мы, жители этой страны, наиболѣе терпѣли подъ ударами исчезнувшей системы и можемъ рассказать вашему величеству, какъ иностранцы чиновники издѣвались надъ святѣйшими нашими воспоминаніями, какъ наша народность и нашъ родной языкъ были предметами ихъ насмѣшекъ, какъ они насъ разоряли налогами, которыхъ платить было невозможно, и какъ не только мы обѣдѣли отъ налоговъ, — мы теперь вслѣдствіе налоговъ бѣдны, — но и какъ должны были покупать правосудіе, которое по дороговизнѣ своей было недоступно тамъ, гдѣ стоило только быть венгерцемъ, что бы быть обвиненнымъ; какъ агенты по ночамъ забирались въ жилище гражданина, заковывали его въ цѣпи, не смотря на стоны дѣтей, и увозили его въ чужіе края, въ жертву солдатской тиранинн. Народъ вытерпѣлъ невѣроятныя вещи; по этому мудрость вашего величества не осудитъ его, если теперь, послѣ столькихъ несчастій, угнетеній и страданій, исполненный печали при мысли о прошедшемъ и почти безъ надежды въ будущее, хотя нѣсколько избавленный отъ своихъ цѣпей, во мракѣ, — ибо день еще не насталъ, — онъ дѣйствуетъ съ нѣкоторымъ шумомъ. Пусть ваше величество удостоитъ изречь слова, какъ нѣкогда изрекъ Создатель: *Да будетъ свѣтъ!* — и будетъ свѣтъ и жизнь. Пусть ваше величество скажетъ: Народъ, твои желанія будутъ исполнены, законы 1848 будутъ возстановлены, всѣмъ осужденнымъ позволено будетъ воззрѣть на небо, чтобы такое множество гражданъ, послѣ многихъ страданій, могли снова ѣсть хлѣбъ отечества, послѣ горькаго хлѣба изгнанія! Пусть ваше величество скажетъ это откровенно, безъ условій, избѣгая всякихъ полумѣръ, и веселее солнце просіяетъ надъ примиреніемъ между народомъ и государемъ. — Венгерской конституціи тысяча лѣтъ, и Венгрія сохранила ее

только посредствомъ тысячелѣтней борьбы; вѣчная борьба разрушила всякое довѣріе; длинная исторія нарушенія народныхъ правъ сдѣлала народъ недоувѣрчивымъ. Изліяніе сердець нашихъ въ выраженіяхъ почтительныхъ не будетъ противно королевскому достоинству вашего величества. Это слова откровенныя, слова дѣтей, обращенныя къ милостивому отцу: — дипломъ 20 октября, возстановляющій конституцію, ссылаясь на прагматическую санкцію, именно противорѣчитъ этой санкціи, которая, какъ трактатъ, заключенный между двумя сторонами, обязываетъ ваше величество поддерживать древнія конституціонныя права народа, его свободу и независимость, также какъ обязываетъ венгерскій народъ быть вѣрнымъ вашему величеству и наследственнымъ правамъ. Августѣйшій дипломъ нарушаетъ основное право народа, въ поддержаніи котораго присяга Карла III, предка вашего величества, обязательна и для его преемниковъ. Ваше величество повелѣваетъ уплату податей; но именно въ прагматической санкціи постановлено, что одинъ сеймъ имѣетъ это право. Государь, уплата податей и рекрутскій наборъ безъ согласія сейма имѣютъ также свою длинную исторію; послѣднее событіе, въ нее занесенное, есть слово, сказанное народу славнымъ дѣдомъ вашего величества: *Doluit paterno cordi postro*. — Но ваше величество имѣетъ нужду въ деньгахъ для поддержанія государства. Какъ намъ выразиться, чтобы ваше величество признали, что устами вашими говорить добрая воля? Если ваше величество, что несомнѣнно, подтвердите права сейма устанавливать налоги, если до открытія этого сейма изволите объявить, что ожидаете отъ народа немеленной уплаты податей, вмѣсто того чтобы назначать ихъ произвольно, хотя бы и въ видахъ крайней необходимости, — пусть тогда ваше величество удалитъ нѣмецкихъ чиновниковъ и довѣрится народу. И народъ, какъ ни истощенъ, отласть все, что у него остается. — Говорить-ли о дѣлахъ судебныхъ? Ваше величество общаете до постановленія сейма предложеніе великаго судьи. Мы этимъ довольствуемся. Но велики неправды; всякій можетъ въ этомъ убѣдиться, съ какимъ отвращеніемъ народъ смотритъ на суды и иностранныхъ чиновниковъ; онъ скорѣе готовъ вовсе не требовать правосудія, нежели просить его у нихъ. Невыносимы также были притѣсненія жандармовъ и финансовой стражи. Наконецъ мы зываемъ передъ вашимъ величествомъ къ исторіи. Великъ былъ государь и великъ былъ народъ до тѣхъ поръ, пока король воссѣдалъ посреди своихъ. Съ которыхъ поръ затмилась слава народа? Съ тѣхъ поръ, какъ Чела поглотила послѣдняго короля венгерскаго, и Венгрія, подобно столькимъ другимъ любимцамъ, стала заброшеннымъ дѣтищемъ. Ваше величество сами удостоили при-

знать политическую зрѣлость народа; наша страна по своему протажению болѣе, въ два и въ три раза болѣе всякой другой земли вашего величества. Мы не ростовщики, спекулирующіе на милости, мы не эгоисты, въ которыхъ не оживетъ искра энтузіазма и благодарности; нами легко управлять конституціоннымъ порядкомъ. — Пусть ваше величество удостоитъ пріѣхать въ нашу среду, какъ а обязываютъ къ тому статьи 57 закона 1536 года, 18 закона 1546, 7 закона 1741 и 1792. Пусть, для признанія правъ народа, ваше величество закроетъ покрываломъ прошедшія страданія; ваше величество, среди восторженнаго народа, будете у себя дома, и народная любовь будетъ стѣнами, среди которыхъ королевская власть такъ безопасна. Такимъ образомъ во дворцѣ Буды ваше величество оживите для народа счастливыя времена короля Матѳея. Это было бы величественно и достойно короля. Король Матѳеи умеръ четыре вѣка тому назадъ; но онъ и теперь еще живъ въ памяти народа».

Всѣ безъ исключенія графства доставили адреса столь-же искреннныя почтительности, вѣрнополданическихъ чувствъ и въ тоже время твердости, какъ и этотъ, съ тою только разницею, что нѣкоторые адреса составлены нѣсколько болѣе рѣзко и болѣе жестоко, что поставило австрійское правительство въ довольно неудобное положеніе. Одно только графство Сомогжъ (Somogy, а не Сомоги, какъ пишутъ его имя въ газетахъ: гу произносится какъ юж) представило адресъ, гораздо болѣе умѣренный, въ которомъ сказано между прочимъ, что оно далеко даже отъ тѣни сопротивленія, противъ котораго нужно было-бы употребить матеріальную силу. Въ тоже время финансовыя затрудненія увеличиваются, отчасти в потому, что ожидаемые налоги поступаютъ не сполна. Поэтому правительство объявило новой заемъ въ 30 милліоновъ флоринновъ (18 милл. рублей) на весьма тягостныхъ, до крайности паліативныхъ условіяхъ. Выпускаютъ государственныя облигаціи во сто флоринновъ; за каждую желающій можетъ заплатить только 88 флоринновъ. Эти облигаціи даютъ въ годъ 5%, втеченіе пяти лѣтъ, и каждый годъ пятая часть ихъ выкупается или поступаетъ въ казну въ видѣ податей или пошлинъ. Такимъ образомъ тотъ, кому надо бы уплатить въ казну втеченіе пяти лѣтъ 500 флоринновъ, купить теперь пять стофлоринновыхъ облигаціи за 440 флоринновъ, и потомъ уплачивая въ казну по одной облигаціи въ годъ, получить еще на нихъ за это время 75 флоринновъ процентовъ. Такимъ образомъ онъ платитъ теперь 365 флоринновъ вмѣсто уплаты 500 втеченіе пяти лѣтъ. Мудрено придумать спекуляцію разорительнѣе этой: правительство доведено до крайности взять впередъ на слѣдующіе годы часть податей, съ уступкою 27 процентовъ.

Затрудненія увеличиваются тѣмъ еще, что многія національности, входящія въ составъ имперіи, пресятъ своей доли самостоятельности; желаютъ употребить въ судахъ и въ училищахъ свои нарѣчія; сербскій патриархъ Раичичъ энергически протестуетъ противъ присоединенія Баната къ Венгріи, проситъ собранія сербскаго сейма въ одно время съ венгерскимъ, чтобы сербы могли заявить объ извѣщеніяхъ, необходимыхъ для обезпеченія ихъ правъ въ Венгріи.

Такимъ образомъ организуемая Венгрія впадаетъ въ тоже самое невыгодное положеніе, въ какомъ находится Австрія. Здѣсь подъ гнетомъ преобладающаго германскаго племени находятся мадьяры, которые хотятъ всячески отъ гнета избавиться, а между тѣмъ подъ изъ гнетомъ очутятся многочисленныя славянскія племена, которыя точно также будутъ хлопотать о своемъ избавленіи. Въ Венгріи, по претензіямъ мадьяровъ, преобладающимъ языкомъ будетъ венгерскій, прекрасный, богатый оборотами языкъ, по свободѣ, оригинальности оборотовъ и точности (но не по благозвучію) равняющійся развѣ только русскому языку. Венгерскій языкъ, благодаря обыкновенной своеобразности, сохранилъ большую силу и свѣжесть, не ослаблялся, не овѣмечился; но такъ какъ онъ финскаго происхожденія, то у него ничего нѣтъ общаго съ языкомъ все-таки большинства народонаселенія всѣхъ земель, законнымъ образомъ входящихъ въ составъ Венгріи. Стараясь избавиться отъ нѣмецкихъ чиновниковъ и удушающаго иностраннаго элемента, мадьяры сами становятся на мѣсто удушителей относительно большинства. Положивъ, что они народъ политически созрѣвшій и имѣютъ право хлопотать о торжествѣ своего языка; но не менѣе зрѣлы и германцы-явловники, которые до сихъ поръ ими управляли; сверхъ того, отъ этого ни чуть не легче славянскимъ племенамъ, которыхъ въ Венгріи гораздо больше, чѣмъ венгерцевъ, и громогласные стоны мадьяровъ сильно напоминаютъ того судью, у котораго часишки воръ стянулъ, а онъ кричитъ на вора; караулъ.

Вотъ нѣкоторыя данныя для подтвержденія нашихъ словъ:

Королевство венгерское заключало въ себѣ до 1849, кромѣ того, что теперь называется Венгріею, еще Кроацію, Славонію, Далмацію, Трансильванію, Военныя Границы, Воеводину Сербскую, Банатъ Темесварскій, графства Средній Злонокъ, Красна и Зарандъ съ округомъ Кёварскимъ. Это все Венгрія, то королевство, которое хотятъ возстановить мадьяры, что они разумѣютъ подъ именемъ отечества въ своихъ адресахъ. Венгрія въ административномъ смыслѣ съ 1849 года заключаетъ въ себѣ 9 милліоновъ народа, въ которомъ большинство (4,900,000) мадьяры. Но Венгрія въ смыслѣ до 1849 года и въ смыслѣ нынѣшнихъ желаній мадьярскаго наро-

донаселенія, въ настоящее время заключаетъ въ себѣ 16 милліоновъ жителей. Они состоятъ изъ четырехъ племенъ — славянъ, мадяровъ, румыновъ и нѣмцевъ, которыхъ численно относится между собою какъ 9 : 5 : 1½ : ½. Славяне составляютъ большинство (9 милл.); за ними слѣдуютъ мадяры (5 м.), а потомъ уже румыны (1½ м.) и нѣмцы (½ м.). Славянское населеніе почти вавое многочисленнѣе мадярскаго, и мадяры, какъ старинные завоеватели, входятся къ завоеваннымъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ. Такъ какъ здѣсь завоеванное, угнетенное племя находится не въ благопріятныхъ для своего развитія условіяхъ, то оно и развиалось менѣе завоевателей; отъ этого мадяры вообще болѣе образованы, чѣмъ славяне, населяющіе земли венгерскаго королевства, болѣе зрѣлы для политическаго жизни, и при болшей силѣ своей въ умственномъ отношеніи, требуютъ преобладанія своего языка въ судахъ и въ учебныхъ заведеніяхъ. До сихъ поръ преобладающимъ языкомъ былъ нѣмецкій; бѣдные славяне венгерскіе только что немого научились нѣмецкому языку, какъ теперь, если исполнятся требованія мадяровъ, имъ нужно будетъ опять переучиваться и говорить еще на другомъ языкѣ, и все-таки не на родномъ. Газетные слухи приписываютъ Гарибальди равныя намѣренія, которыхъ онъ конечно никому не сообщалъ. Кто говоритъ, что онъ вывухся въ Черногорію и началъ свои дѣйствія оттуда; кто говоритъ, что операционный базисъ его будетъ въ Дунайскихъ соединенныхъ княжествахъ; но что бы онъ ни сдѣлалъ для Венгріи, все же не упрочится окончательно положеніе этой прекрасной страны: въ ней всегда останутся два элемента, враждебные между собою, потому что славянскія племена Венгерскаго королевства уже не до такой степени дикіи и невѣжественны, чтобы не чувствовать своего неудобнаго положенія. Нѣмецкіе чиновники, на которыхъ графства такъ горько жалуются императору австрійскому, совершенно презираютъ управляемыя населенія, но мадяры не только презираютъ славянъ, но почти совершенно не считаютъ ихъ людьми, такъ что участь ихъ ни на волюсь не улучшится, а развѣ только сдѣлается хуже. Теперь они теряютъ шаряду и почти народнѣ съ мадярами, а если Венгрія удегся совершенно выхлопотать самостоятельность, хотя бы и подъ верховнымъ покровительствомъ австрійскаго императора, тогда славяне сильнѣе нивѣшняго почувствуютъ тяжолую руку дрезвнцѣ своихъ побѣдителей. Для нѣмецкаго чиновника все равно — славянинъ или мадяръ, и всякій день случаются приклады, что въ судѣ тяжба между двумя подданными двухъ различныхъ племенъ рѣшается безпристрастно. Это печальное равенство мерзеть закономъ надъ мерзеть силой — исчезаетъ, и мадяры невольные стануть въ и

положеніе, въ которомъ теперь упрекаютъ нѣмцевъ. Какъ бы то ни было, Венгрія не установится окончательно, если даже австрійскому императору угодно будетъ уступить просьбамъ графствъ.

Поговариваютъ теперь объ учрежденіи законодательнаго собранія въ Вѣнѣ для всей имперіи, безъ различія національностей подвластныхъ народовъ; при чемъ съ извѣстнаго числа жителей будетъ избираться по одному представителю. Говорятъ даже, что это собраніе будетъ созвано ранѣе собранія венгерскаго сейма. Тогда, при извѣстной степени автономіи каждаго графства, можетъ-быть при помощи новаго распредѣленія границъ между графствами, сообразно требованіямъ національностей, страна оживетъ и успокоится. Австрія въ этомъ сильно нуждается, потому что броженіе умовъ достигло теперь величайшей напряженности. Вышприведенный рескриптъ 16 января былъ поводомъ величайшей радости для членовъ той партіи въ Италіи, которая называется партіей дѣйствія; они считали этотъ рескриптъ сигналомъ окончательнаго распадения Австріи, но умѣренность и твердость населенія передъ грозой разрушила покаместъ ихъ надежды, и теперь конечно все будетъ зависѣть отъ рѣшительныхъ и быстрыхъ распоряженій императорскаго правительства. Немедленное созваніе въ Вѣнѣ законодательнаго собранія изъ представителей народа, безъ различія національностей, съ подлежащими мѣстными льготами, можетъ-быть предотвратитъ столкновеніе. При этомъ является одно только сомнѣніе: захотятъ ли маляры прислать своихъ представителей на общеимперское собраніе, когда имъ обѣщанъ уже свой мѣстный, туземный сеймъ на 2 апрѣля. Въ этомъ опасеніи, многія нѣмецкія газеты ополчаются на Венгрію, воюютъ съ ней на бумагѣ, блокируютъ ее со всѣхъ сторонъ и проливаютъ великое множество чернилъ въ ожиданіи пролитія крови, какъ будто пролитіе крови когда-нибудь можетъ упрочить какое-нибудь неестественное положеніе, какъ-будто исторія онѣмѣла, или какъ будто витць Александра Македонскаго былъ удачною острою; когда онъ разрубилъ узелъ, который надо было развязать.

Пруссія, между-тѣмъ, при помощи своего конституціоннаго короля и просвѣщенной палаты, вступила въ новый періодъ мирнаго и спокойнаго развитія. Король открылъ палаты тронною рѣчью, исполненною спокойствія, достоинства, съ нѣкоторымъ воинственственнымъ оттѣнкомъ. Онъ объявлялъ о предстоящихъ преобразованіяхъ въ арміи, въ видахъ могущихъ воспослѣдовать столкновеніямъ. Палата депутатовъ въ своемъ адресѣ чрезвычайно удачно смягчила воинственнѣйшій оттѣнокъ двумя-тремя оговорками, изъ которыхъ важнѣйшая, относительно Италіи, прошла только съ незна-

чительнымъ большинствомъ голосовъ (159 противъ 146). Вотъ эта многозначительная оговорка: «Мы не думаемъ, чтобы было въ интересахъ Пруссія и въ интересахъ Германіи — идти противъ успѣховъ упроченія Италіи». — Г. Шлейницъ настойчиво требовалъ, чтобы такая поправка въ адресъ не была принята, потому что она окажется невыгодною въ будущемъ; пренія продолжались цѣлые шесть часовъ, но сторона друзей Италіи восторжествовала, и предложенное измѣненіе 6 февраля было принято. Эта вставка, разумѣется, не можетъ имѣть непосредственнаго вліянія на судьбу Италіи и на рѣшеніе вопросовъ римскаго и венеціанскаго; но тѣмъ не менѣе она нѣсколько ограничитъ воинственный пылъ Германіи, которую австрійское правительство упорно старалось привлечь на свою сторону въ итальянскомъ вопросѣ.

Во Франціи все попрежнему обстоитъ благополучно. Мѣсяцъ тому назадъ мы уже говорили, что циркуляромъ г. Персиньи рѣшено французскимъ газетамъ нѣсколько свободнѣе прежняго излагать свои мнѣнія, и степень этой свободы опредѣлена повидимому довольно ясно, но въ сущности такъ смутно, какъ еслибы все не была опредѣлена. Въ этомъ впрочемъ нельзя винить г. Персиньи; въ своемъ циркулярѣ онъ былъ такъ точенъ, какъ только это возможно по существу дѣла, и изложилъ свои требованія совершенно ясно и удобопонятно. Не менѣе сего автору весьма плохой статьи, г. Ганеско, какъ иностранному подданному, приказано въ 24 часа оставить Францію.

Въ послѣднее время французы, страстные любители зрѣлищъ, были съ большою пріятностью увеселяемы двумя чрезвычайными представленіями. Первое изъ нихъ состояло въ пріемѣ новаго члена въ академію, на мѣсто умершаго Токвиля. Этотъ новый членъ — знаменитый проповѣдникъ Лакордеръ. По обычаю, издревле введенному, новый членъ долженъ расхваливать покойника, на мѣсто котораго онъ поступаетъ; членъ, ему отвѣчающій, долженъ похвалить вновь принимаемаго и тоже отозваться съ похвалою о покойникѣ, чтобы ни тому, ни другому не было обидно. На этотъ разъ все было исполнено такъ, какъ заведено, совершенно благопріично и добпорядочно.

Избраніе Лакордера было уже давно извѣстно; за нѣсколько недѣль до официального пріема, г. Лакордеръ и г. Гизо, который долженъ былъ ему отвѣчать, принялись сочинять свои рѣчи. Г. Гизо не было никакой нужды знать, что скажетъ г. Лакордеръ, потому что его отвѣтъ, собственно не отвѣтъ, а похвальное слово. Наконецъ сочинили. Рѣчи были прочитаны академикомъ и еще кѣмъ слѣдуетъ, обсушены и приняты. Если ужъ академическій обычай

требуетъ такого обсужденія, то оставалось напечатать рѣчи въ газетахъ. Но этого мало: нужно представленіе, толпа, шумъ, чтобы дѣло разыгралось съ надлежащею народностью. На пріемное засѣданіе 24 января собралось множество народа; сама императрица Евгенія пріѣхала и заняла мѣсто, убранное съ надлежащею пышностью, вкусомъ и тѣмъ оттѣнкомъ скромности, какой приличествуетъ академіи, святилищу французской литературы. На это убранство потрачено много вкуса, на что французы, какъ извѣстно всѣмъ носящимъ и неносящимъ кринолины, большіе мастера. При отсутствіи политической жизни во французскомъ обществѣ оно теперь хватается за все, гдѣ можетъ ожидать хоть какого-нибудь проявленія свободнаго слова, а тутъ дѣло само собою просилось въ политику, — одни имена ораторовъ уже кричали о политикѣ. Гизо былъ нѣсколько разъ министромъ при Луи-Филиппѣ, когда трибуна была свободна; Лакордеръ былъ либеральнымъ депутатомъ въ палатѣ 1848 года, а самъ покойникъ, главное лицо предстоявшаго засѣданія, о которомъ преимущественно должна была идти рѣчь, былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ во время республики 1848 и замѣчательнымъ политическимъ писателемъ. Собралось великое множество такъ-называемыхъ «любителей отечественнаго просвѣщенія», а еще болѣе — любителей смотрѣть парады. О билетахъ хлопотали еще больше, нежели у насъ въ древности на первое представленіе Тальони. Набралось столько народа, что сами академики, безъ которыхъ не могло произойти принятіе въ среду академіи, едва могли продраться на свои мѣста. Рѣчи оказались довольно безцвѣтны, и въ нихъ всего любопытнѣе было, что въ академіи доминиканскій монахъ отецъ Лакордеръ былъ съ официально отверстыми объятіями встрѣченъ пуританиномъ-протестантомъ Гизо; но въ наше время на это не нужно даже никакого усилія вѣротерпимости, — такъ вѣротерпимость проникла въ плоть и кровь образованныхъ людей. Въ рѣчахъ было даже и польщено Франціи и ея любви къ воинской славѣ. Говоря о папѣ, который покинулъ Римъ во время республики, Лакордеръ сказалъ: «Святотатственной неблагодарностью заплачено было общему отцу душъ (это папа), и преданный, изгнанный, онъ обратилъ къ Богу свои *взляды несчастія и права* (отецъ Лакордеръ не забываетъ класса реторики). На этотъ разъ, какъ и бывало верѣдко, справедливость времени была вѣрлена оружію Франціи, и наши батальоны возвратили въ Римъ священника, коронованнаго нѣкогда Карломъ великимъ и освященнаго на тронѣ десятикратно-вѣковыми уваженіемъ поколѣній, возвратили подъ знаменами республики (уничтоживъ республику въ Римѣ, забылъ онъ прибавить). Это былъ священникъ, правда, ста-

рецъ слабый и безоружный; можно было противопоставить его коронѣ разсужденія и войска: Франція противопоставила разсужденіямъ безошибочный *инстинктъ* своего политическаго и христіанскаго *генія*, а войскамъ обманчивой демократіи она противопоставила тотъ даръ побѣждать, который данъ ей былъ Богомъ въ тотъ самый день, какъ Кловисъ, ея первый король, преклонилъ голову передъ свободой. — Свобода преподаванія и возстановленіе первосвященника на его *земномъ* престолѣ были геройскими подвигами второй французской республики. Г. Токвилъ, въ качествѣ министра, принималъ участіе въ этомъ двойномъ актѣ мудрости и силы, и безъ сомнѣнія теперь, *въ мозилль*, ничто не дастъ его *совѣсти* болѣе утѣшенія при возвращеніи къ дѣламъ и горестямъ міра сего.»

О непроходимая академическая риторика! Нужна или крайняя бѣдность мысли, или совершенно независимая отъ оратора невозможность сказать что-нибудь лѣльное, чтобы набирать такъ бесплодно и такъ неразборчиво слова, слова и слова. Патеръ говоритъ о какомъ-то *инстинктѣ генія*, какъ-будто геній дѣлаетъ что безотчетно; говоритъ о *земномъ престолѣ* папы, какъ-будто у него есть престолъ и на небѣ; говоритъ о *совѣсти* человѣка *въ мозилль*...

Но вѣтъ возможности, да и не стоитъ терять время на то, чтобы слѣдить за пустозвонною рѣчью достопочтеннаго патера. О Токвилѣ можно говорить, какъ о замѣчательномъ писателѣ; его «Демократія въ Америкѣ» — по справедливости знаменитый пассажиръ устройству Соединенныхъ Штатовъ. Эта книга отличается величайшею любовью автора къ дѣлу, глубокимъ знаніемъ дѣла и поразительною во французѣ простотою и логичностью изложенія. Другая книга: «Старая форма правленія и революція» показываетъ несомнѣнно, что администрація во Франціи совершенно завладѣла всѣми пружинами внутренней политической жизни, еще со временъ Людовика XIV. Говорить же о Токвилѣ, какъ о политическомъ дѣтелѣ, было нечего; это была не сильная его сторона. Съ 1839 онъ сидѣлъ на своей скамьѣ въ палатѣ представителей довольно смиренно, а сдѣлавшись министромъ иностранныхъ дѣлъ во время республики, дѣйствовалъ всегда въ высшей степени умѣренно.

Изъ отвѣта г. Гизо мы видимъ, что новый академикъ въ молодости готовился въ адвокаты, но что знаменитый адвокатъ Берье перемѣнилъ его направиленіе. Онъ сказалъ однажды молодому чело-вѣку: «Я боюсь вашего богатаго и бродячаго воображенія, пылкой смѣлости вашихъ мыслей, ненужной плодовитости вашихъ рѣчей. Въ независимости и въ борьбахъ адвокатуры вы погубите свои природные таланты; вамъ нужно подвергнуть себя какому-нибудь ограниченію, подчинить свой умъ и талантъ сильному и строгому

авторитету. Сдѣлайтесь священникомъ, вы будете замѣчательнымъ проповѣдникомъ.» Знаменитый адвокат угадалъ. Рѣчь Гизо была составлена, какъ всѣ его рѣчи, довольно дѣльно и очень сухо. Хвали новаго академика и покойнаго, онъ сжурился и о самомъ себѣ отозваться съ похвалою, напомнить о своей политической карьерѣ и о томъ, что онъ теперь удалился отъ политическихъ дѣлъ. Не обошлось и безъ риторика. Разсказывая Ламордери, какія хорошія рѣчи онъ держалъ при погребеніи разныхъ знаменитыхъ лицъ, онъ прибавилъ: «Провидѣніе какъ-будто выбирало для васъ покойниковъ, достойныхъ вашего краснорѣчія, и наше краснорѣчіе оказалося достойнымъ этого выбора.»

Но довольно. Безсмертіе Ламордери обезпечено: онъ академикъ, преемникъ его произнесетъ ему со временемъ великолѣпнѣйшія похвалы, и академія будетъ процвѣтать по прежнему, все больше и больше надоедая слушателямъ въ своихъ пріемныхъ собраніяхъ. Супруга императора Наполеона, оставивъ академію, выразилась такимъ образомъ: «я потеряла одну иллюзію и одинъ предрасудокъ.» Къ вечеру, когда слухъ объ этомъ изрѣченіи прошолъ по Парижу, оказалось, что очень многіе изъ слушателей тоже потеряли одну иллюзію и одинъ предрасудокъ. Главная цѣль достигнута: Парижъ былъ занятъ вѣскольکو дней.

Другое зрѣлище, гораздо болѣе трогательное, происходило въ сенатѣ, по поводу измѣненія 42-й статьи конституціи 1852 года. Видѣть его публика не могла, зато могла читать и умиляться. Вотъ въ чемъ дѣло. Декретомъ 24 ноября 1860 (ст. 1) сенату и законодательному корпусу приназано каждый годъ обсуживать адресъ въ отвѣтъ на тронную рѣчь. Статья 4 добавляетъ, что для быстрѣйшаго и полнѣйшаго воспроизведенія преній сената и законодательнаго корпуса, особенный законъ озаботится о томъ, чтобы требованія публичности были удовлетворены стенографіею. До сихъ поръ сенатскія пренія печатались въ Мониторѣ только въ рѣдкихъ случаяхъ и только съ разрѣшенія правительства (законъ 17 февр. 1852). Теперь приказано стенографически передавать всѣ пренія буквально, и правительство предложило на обсужденія сената слѣдующій законъ: «Отчеты о засѣданіяхъ сената и законодательнаго корпуса, составленные секретарями-редакторами подъ начальствомъ предсѣдателя каждаго собранія, каждый вечеръ отдаются въ распоряженіе газетъ. Сверхъ того пренія всякаго засѣданія записываются стенографически и на другой день печатаются подробно въ официальной газетѣ.»

Назначена была коммисія изъ сенаторовъ, для разсмотрѣнія проекта закона, и 26 января сенатъ собрался подъ предсѣдатель-

ствомъ его пр. первого президента Тролона. Г. сенаторъ-секретарь прочелъ письма многихъ сенаторовъ, которые не могли быть въ засѣданіи по дѣламъ службы или по болѣзни. Ихъ пр. г. Барошъ, президентъ государственнаго совѣта, г. Манъ в г. Билью, министры безъ портфелей, г. де Парьё, вице-президентъ государственнаго совѣта, г. Буэнвиллѣ, председатель отдѣленія, заняли мѣста ораторовъ правительства: Его пр. первый президентъ Тролонъ, докладчикъ комиссіи разсмотрѣнія проекта закона, прочелъ свой рапортъ. Въ немъ онъ силится доказать, что Франція пользуется самою большою свободою, какой только можно желать, что въ итогъ даже газеты наслаждались свободою такъ, какъ будто были свободны (*ils ont joui de la liberté comme s'ils étaient libres*, — это подлинныя слова). «Они дѣйствительно свободны всякій разъ, какъ сохраняютъ приличія относительно лицъ, актовъ и учреждений» — прибавляетъ сановитый докладчикъ. Далѣе онъ поясняетъ, почему надо принять предлагаемый законъ; говорить о пристрастіи и недобросовѣстности журналистовъ, которые непременно будутъ искажать пренія, если только позволить имъ рассказывать о нихъ вкратцѣ, и наконецъ читаетъ самый проектъ закона:

«Пренія засѣданій сената и законодательнаго корпуса записываются стенографами и печатаются подробно въ официальной газетѣ на другой день. Сверхъ того отчеты объ этихъ засѣданіяхъ, составляемые секретарями-редакторами, подъ начальствомъ президента каждаго собранія, каждый вечеръ отдаются въ распоряженіе всѣхъ газетъ. Отчетъ газетъ о засѣданіяхъ сената и законодательнаго корпуса будетъ состоять только въ точномъ воспроизведеніи преній, напечатанныхъ подробно въ официальной газетѣ или въ отчетѣ, составленномъ подъ начальствомъ председателя, какъ сказано выше. Тѣмъ не менѣе, когда въ одномъ засѣданіи будетъ обсуждено нѣсколько проектовъ или прошеній, позволено будетъ перепечатывать пренія только объ одномъ изъ этихъ проектовъ или прошеній, но во всякомъ случаѣ безъ сокращенія преній.»

«Докладъ (сказано въ Монитерѣ) былъ принятъ собраніемъ съ живѣйшимъ сочувствіемъ. Многіе сенаторы подходили къ бюро, чтобы поднести докладчику свои поздравленія.»

ПРОЦЕССЪ БОНАПАРТЬ-ПАТЕРСОНЪ.

Есть еще и третье зрѣлище, которое можетъ нѣсколько объяснить спокойствіе Франціи подъ управленіемъ императора Наполеона III, и то, что большинство французовъ находятъ существующій порядокъ вещей во Франціи совершенно удовлетворительнымъ и вполне соответствующимъ современнымъ потребностямъ.

Это удивительное зрѣлище — теперь производящійся процессъ Наполеонъ-Патерсонъ. Дѣло само по себѣ не очень важное, даже исходъ его не очень любопытенъ; важна самая публичность веденія процесса; важно уваженіе къ судобной власти.

Чтобы хорошо ознакомиться съ дѣломъ Бонапартъ-Патерсонъ, надобно начать довольно далеко.

Черезъ годъ послѣ заключенія аміенскаго мира, первый консулъ Наполеонъ Бонапартъ собирался съ силами и приготовлялъ войска для новыхъ подвиговъ, приготовлялъ и флотъ, набирая въ то же время союзниковъ противъ Англіи. Чтобы сойтись ближе съ Соединенными Штатами сѣверной Америки, онъ рѣшился уступить имъ одну изъ богатѣйшихъ французскихъ колоній, Луизиану, за восемьдесятъ милліоновъ франковъ, изъ которыхъ четвертая часть тутъ же еще уступалась для вознагражденія американскихъ купцовъ за потери, понесенныя ими въ корабляхъ и товарахъ, захваченныхъ крейсерами во время предыдущихъ войнъ.

Въ то время, именно въ маѣ 1803, молодой братъ перваго консула, Иеронимъ Бонапартъ, на купеческомъ кораблѣ отправился въ Мартинику и оттуда переѣхалъ въ Соединенные Штаты. Тамъ, входя въ политическіе виды брата, онъ былъ въ сношеніяхъ съ очень многими лицами и, между прочими, познакомился съ Уильямомъ Патерсономъ, однимъ изъ самыхъ богатыхъ и самыхъ почтенныхъ гражданъ Мариланда. Президентъ Джефферсонъ писалъ 4 ноября 1803 къ Ливингстону, посланнику Соединенныхъ Штатовъ въ Парижѣ: «Мистеръ Патерсонъ — предсѣдатель банка въ Балтиморѣ; это самый богатый челонѣкъ въ Мариландѣ, а можетъ быть и во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ, послѣ г. Кароли; это весьма хорошій и всѣми уважаемый челонѣкъ. Жена его — сестра генерала Смита. Стало быть положеніе этого семейства — одно изъ первыхъ въ Соединенныхъ Штатахъ.»

Это письмо, какъ видно, написано было по поводу слуховъ, будто братъ перваго консула намѣренъ жениться на дочери г. Патерсона. Елисавета Патерсонъ была молода, красива, получила блестящее и въ то же время основательное образованіе. Правда это, или нѣтъ, — не въ томъ сила; только 25 октября 1803 гражданинъ Пишонъ, французскій консулъ въ Соединенныхъ Штатахъ, узналъ отъ самого гражданина Иеронима Бонапарта, что онъ чрезъ посредство испанскаго посланника, г. Ирахо, просилъ руки дочери г. Патерсона.

Гражданинъ Пишонъ зналъ перваго консула, и если не предчувствовалъ въ немъ императора; то уже видѣлъ, какъ онъ круто и нецеремонно обращается съ подчиненными, и какъ онъ непреложно

хочетъ все держать въ своихъ рукахъ. Поэтому гражданину Пишону показалось полезнымъ отвратить гражданина Бонапарта отъ этого брака, въ ожиданіи болѣе положительныхъ распоряженій изъ Парижа. По офицерскому диплому, Іерониму Бонапарту было двадцать два года, но на самомъ дѣлѣ ему еще не было девятнадцати лѣтъ, такъ какъ онъ родился 15 декабря 1784. Въ самомъ дѣлѣ ему жениться было нельзя ни по закону 1792, ни по новому кодексу, тогда только-что изданному. Въ послѣднемъ случаѣ необходимо было согласіе родителей, и бракъ могъ быть расторгнутъ по просьбѣ матери, *если она будетъ этого требовать стеченіе слѣдующаго за бракомъ года.* По закону 1792, закону, который тогда въ Америкѣ былъ еще въ дѣйствиіи для французскихъ гражданъ, онъ долженъ былъ доказать метрическимъ свидѣтельствомъ или публичнымъ актомъ, что ему болѣе двадцати одного года, возрастъ, въ которомъ можно жениться безъ согласія родителей.

Все это Пишонъ могъ представлять гражданину Бонапарту и представлялъ г. Патерсону, который былъ озабоченъ и юнымъ возрастомъ молодого моряка, и своимъ незнаніемъ французскихъ законовъ касательно браковъ французозъ за границей.

Одво время Пишону казалось даже, что онъ успѣлъ разстроить свадьбу; 14 декабря, наканунѣ того дня, какъ жениху минуло 19 лѣтъ, былъ у Пишона секретарь гражданина Іер. Бонапарта, съ вѣнциской жениха, который извѣщалъ, что обдумавъ хорошенько дѣло, онъ рѣшился отказать отъ женитьбы. «Я не сомнѣваюсь, гражданинъ министръ (доносить Пишонъ министру иностранныхъ дѣлъ Теллерану), что благодаря моему поведенію въ этомъ затруднительномъ обстоятельствѣ, благодаря тому, что я его оставилъ безъ всякой опоры со стороны дипломатіи, твердымъ тономъ своимъ уделивъ внимательство даже испанскаго консула, гражданинъ Іеронимъ мало по малу доведенъ до своей нынѣшней рѣшимости.»

Но черезъ двѣ недѣли послѣ того была свадьба, которой Пишонъ такъ боялся, и неизвѣстно, произошла ли только перемѣна во взглядахъ семейства Патерсона и Бонапарта, или послѣдній послалъ эту записку Пишону только чтобъ усыпить его бдительность.

Брачный обрядъ совершился въ Балтиморѣ 24 декабря 1803, съ большою торжественностью, самимъ балтиморскимъ епископомъ, на что и имѣется свидѣтельство за его подписью. Передъ совершеніемъ брака былъ заключенъ контрактъ, опредѣляющій дѣла по имуществу. Вотъ главнѣйшія статьи контракта: «Условлено, что бракосочетаніе сказаннаго Іеронима Бонапарта и Елизаветы Патерсонъ будетъ совершенно въ надлежащей законной формѣ, чтобы обезпечить его законность, сообразно законамъ Мариланда и зако-

намъ французской республики; и если когда-нибудь впоследствии возникнетъ сомнѣніе касательно дѣйствительности сказаннаго брака или въ Мариландѣ или во французской республикѣ, то сказанный Иеронимъ Бонапартъ по всякому требованію сказанной Елизаветы Патерсонъ и сказаннаго Уильяма Патерсона, или одного изъ нихъ, обязуется совершить всякій актъ для устраненія затрудненій и для сообщенія союзу сказанныхъ Иеронима и Елизаветы всякой формы и всякой дѣйствительности брака совершеннаго по законамъ...

Черезъ полгода послѣ того, 30 іюня 1804, министръ иностранныхъ дѣлъ пашеть Пашону:

«... Его величество доволенъ вашимъ благоразумнымъ поведеніемъ. Г. Иеронимъ Бонапартъ, вступивъ въ бракъ противъ законовъ Франціи, своего отечества, не могъ надѣяться, чтобы его бракъ былъ признанъ здѣсь дѣйствительнымъ. Его величество не признаетъ брака и не считаетъ его совершившимся...»

Въ эти полгода произошолъ переворотъ; республика превратилась въ имперію, первый консулъ провозглашонъ императоромъ французомъ. Достигнувъ престола, онъ уже разсчитывалъ на устройство членовъ своей фамилии сообразно съ своими планами, Королевство Итальянское онъ предложилъ своему брату Іосифу; сестра Елизавета получила княжества Лукку и Піомбино. Меньше нежели въ годъ усыновленный имъ Евгений Богарне женился на принцессѣ Амаліи Баварской; его братъ Людовикъ Бонапартъ былъ уже королемъ голландскимъ; одна сестра, вдова генерала Леклерка, получила герцогство Гвастала, другая принесла въ приданое Мюрату герцогства Бергъ и Клеве, а молодая Стефанія Богарне вышла за наследнаго великаго герцога баденскаго. Надѣля такъ щедро членовъ своего семейства землями, завоеванными французскою кровью, императоръ былъ недоволенъ бракомъ младшаго брата Иеронима съ дочерью предсѣдателя бальтиморскаго банка; это была, по его мнѣнію, не пара.

22 февраля 1805, стало быть болѣе года спустя по совершеніи американскаго брака, Госпожа Мать (Madame Mère, какъ называли тогда мать императора, Летицію Бонапартъ) передала парижскому нотаріусу Рагидо, свой протестъ противъ брака младшаго сына. Черезъ недѣлю вышелъ декретъ, въ которомъ сказано: «Такъ какъ супружество несовершеннолѣтняго, въ чужихъ краяхъ, безъ оглашенія и безъ согласія отца и матери, недействительно по французскимъ законамъ; такъ какъ главѣ государства принадлежитъ право вступаться во всѣ акты его семейства, предупреждать и подавлять все, что можетъ оскорбить его личное достоинство или величіе престола, — запрещается всѣмъ гражданскимъ чиновникамъ имперіи

принимать въ свои списки актъ мнимаго брака г. Иеронима Бонапарта, брака, въ который онъ вступилъ за границей.» Черезъ три недѣли послѣ этого, вышелъ еще декретъ, которымъ уже окончательно бракъ уничтожается, а дѣти, могущія родиться отъ этого брака, считаются незаконными.

Пока эти акты обнародовались во Франціи, Иеронимъ Бонапартъ съ женой сѣли на корабль въ Соединенныхъ Штатахъ, чтобы ѣхать во Францію. Въ апрѣлѣ 1805 они вышли на берегъ въ Лиссабонѣ. Получивъ извѣстіе объ этомъ, Наполеонъ написалъ морскому министру и министру полиціи, чтобъ они не пускали на берегъ жену брата. «Господинъ Иеронимъ пріѣхалъ въ Лиссабонъ; я приказалъ ему явиться въ Миланъ, черезъ Церпицьянъ, Тулузу, Гренобль и Туринъ. Я намѣренъ, если онъ уклонится отъ этого пути и пройдетъ черезъ Бордо или Парижъ, — приказать его арестовать. Позаботьтесь, чтобъ онъ не жилъ въ Бордо, а чтобы тотчасъ былъ арестованъ и доставленъ съ жандармскимъ офицеромъ въ Миланъ. Если женщина, которая съ нимъ, пріѣдетъ въ Бордо, — не давать ей выходить на берегъ, а приказать вернуться въ Америку. Въ объявленіи, которое будетъ ей сдѣлано, звать ее г-жою Патерсонъ. Вы чувствуете, какъ это дѣло меня интересуетъ. Если эта женщина увернется отъ полиціи и пріѣдетъ съ нимъ въ Парижъ, послать ее въ Амстердамъ и посадить на первый американскій корабль.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, императоръ писалъ своему брату, пріѣхавшему тогда въ Александрію: «Ваше соединеніе съ м-ше Патерсонъ не существуетъ въ глазахъ религіи и въ глазахъ закона. Напишите ей, чтобъ она уѣхала въ Америку. И дайте ей пожизненную пенсію въ 60.000 франковъ, чтобы она ни въ какомъ случаѣ не носила моего имени, на что она и не имѣетъ права, такъ какъ бракъ не существуетъ. Напишите ей сами, что вы не могли и не можете переимѣнить натуры вещей.»

Нельзя не вспомнить, что почти въ тоже самое время другой братъ, Люціанъ, получалъ подобныя же наказы по поводу брака своего съ г-жою Жубертонъ, вдовою маклера. Вотъ отвѣтъ Люціана Бонапарта тому, кто вслѣ съ нимъ переговоры отъ имени брата: «...Вы наконецъ предлагаете мнѣ, какъ я долженъ дѣйствовать: разорвать нашъ трехлѣтній союзъ, привести въ Парижъ мою жену, сдѣлавшуюся наложницей, отдѣлить отъ нея моихъ дочерей, которыя нашли въ ней вторую мать; признать моихъ двухъ дѣтей незаконными!.. И вы находите, что это значитъ очень просто дѣйствовать? И вы находите, что раздѣливъ бѣдное семейство, обезчестивъ свою жену, лишивъ имени своихъ дѣтей, я найду вознагражденіе во всѣ эти низости въ милостяхъ, которыя доставятъ моимъ

дѣтамъ счастье и почетъ!.. Я уважаю въ васъ органъ императора... Но знайте, что я скорѣе убью собственными руками своего сына и свою дочь, нежели рѣшусь выйти до такой подлости...»

Но у Иеронима не было такой силы характера, какъ у Люціана. Онъ ни на минуту не подумалъ открыто воспротивиться волѣ брата. Можетъ быть онъ надѣялся, какъ всѣ слабые люди, что время какъ-нибудь поправитъ его обстоятельства безъ всякой съ его стороны помощи. 5 апрѣля онъ разстался съ женой въ Лиссабонѣ, и съ тѣхъ поръ уже не видался больше. Въ первое время онъ писалъ ей письма, исполненные самой наивной любви, самой трогательной преданности.

Между тѣмъ императоръ хлопоталъ о разводѣ, и писалъ объ этомъ папѣ. Но Пій VII не уступилъ на этотъ разъ, и между прочимъ писалъ въ своемъ отвѣтѣ: «Если бы мы приняли на себя власть, которой не имѣемъ, мы были бы виновны въ самомъ ужасномъ злоупотребленіи передъ Богомъ и передъ всею церковью. Ваше величество, въ своемъ правосудіи, не захотите, чтобы мы произнесли приговоръ, противный нашей совѣсти и неизмѣннымъ правиламъ церкви.»

Между тѣмъ жена Иеронима Бонапарта уѣхала въ Англію. Тамъ, 7 іюля 1805, у нея родился сынъ, окрещенный въ послѣдствіи подъ именемъ Иеронима Наполеона Бонапарта. Этотъ сынъ теперь требуетъ своей законной доли въ наслѣдствѣ своего отца.

Не смотря на множество нѣжныхъ писемъ, посланныхъ женѣ, Иеронимъ Бонапартъ, братъ императора, 12 августа 1807 женился на принцессѣ Фредерикѣ-Екатериинѣ Виртембергской, а въ декабрѣ того же года объявленъ королемъ Вестфальскимъ. Въ слѣдующемъ году онъ писалъ своей первой женѣ: «Присланный тобою портретъ моего сына, моя милая Элиза, доставилъ мнѣ истинное счастье; но исполнены еще не всѣ мои желанія. Событія, происшедшія послѣ нашей разлуки, не могли изгладить тебя изъ моей памяти: уступая политическимъ обстоятельствамъ, мною располагавшимъ, я постоянно сохранялъ къ тебѣ мою любовь и не переставалъ заботиться о твоёмъ счастьи и о счастьи нашего сына. Чтобы обезпечить ея судьбу, я посылаю за нимъ г. Камю. Я знаю, моя многолюбимая Элиза, какъ трудно тебѣ будетъ съ нимъ разстаться...» Потомъ въ другомъ письмѣ, когда г-жа Бонапартъ не согласилась разстаться съ сыномъ, король Иеронимъ предлагаетъ вотъ что: «...Ты будешь имѣть съ сыномъ въ Смалькальденѣ, въ тридцати миляхъ отъ Касселя, прекрасную, удобную, достойную тебя резиденцію. Я тебѣ и сыну дамъ титулъ княгини и князя Смалькальденскихъ и двѣсти тысячъ франковъ годового дохода.»

Во всѣхъ слѣдующихъ письмахъ короля Иеронима видно, что императоръ Наполеонъ строго присматривалъ за своими братьями и не выпускалъ ихъ изъ рукъ; видно, что письма Иеронима были перехвачены и не доходили до его первой жены. Греческія событія 1812, 13, 14 и 15 годовъ не произвели никакой перемены въ участіи г-жи Бонапартъ. Она жила въ Балтиморѣ, воспитывая своего любимаго сына. Въ 1819 она пріѣхала съ нимъ въ Европу и была очень хорошо принята всѣми родными: молодого Бонапарта областали, потому что различія ихъ общественныхъ положеній значительно сгладились послѣ правденія Европы въ старый порядокъ. Въ дѣлахъ имѣется множество писемъ отъ членовъ Бонапартовой фамиліи, и во всѣхъ письмахъ Иеронимъ называется братомъ, племянникомъ и т. д., какъ-будто расторгенія брака не было; особенно отецъ, Принцъ Иеронимъ, и бабка, Госпожа Мать, которая подносила свои письма просто Madame. Семейная переписка продолжалась постоянно и по отъѣздѣ г. Бонапарта въ Америку. Когда принцесса Матильда выходила за г. Демидова, принцъ Наполеонъ прежде всѣхъ объявилъ объ этомъ брату. Отецъ писалъ ему по тому же случаю, посылая письмо г. Демидова. Въ 1837, когда принцъ Людовикъ Наполеонъ пріѣхалъ въ Америку, г. Бонапартъ предложилъ ему свое жилище. Послѣ того велась постоянно дѣятельная переписка между г. Бонапартомъ и членами его семейства. 1 января 1853 онъ поздравлялъ своего двоюроднаго брата, Людовика Наполеона Бонапарта, съ удачнымъ переворотомъ, какой онъ совершилъ въ республикѣ, и съ полученіемъ мѣста императора. Вотъ отвѣтъ отъ 9 февраля 1853:

«Mon cousin, не смотря на ваше удаленіе и долгую разлуку, я никогда не сомнѣвался въ сердечномъ участіи, съ какимъ вы слѣдите за моею судьбой. Поэтому я съ большимъ удовольствіемъ получилъ ваше письмо съ поздравленіями и желаніями. Благодарю васъ за нихъ. Не менѣе порадовало меня извѣстіе о призваніи, какое чувствуетъ вашъ сынъ къ военной службѣ. Когда позволѣтъ вамъ обстоятельства, я буду, повѣрьте, очень радъ васъ видѣть. (подп.) Наполеонъ.»

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Парижъ, въ іюнь 1854 г., Бонапартъ съ сыномъ былъ приглашонъ во дворецъ обѣдать; при чемъ государственный министръ Фульдъ называетъ его въ письмѣ вашимъ императорскимъ высочествомъ. Завязались отношенія самыя дружескія, семейныя. Особымъ декретомъ Иерониму Бонапарту возвращены права француза; другимъ декретомъ сынъ его, г. Бонапартъ, назначенъ подпоручикомъ въ 7 драгунскій полкъ. Съ этимъ чаномъ онъ и уѣхалъ въ Крымъ. Тамъ небольшіе воинскіе подвиги его осо-

было громко раздавались не столько сами по себѣ, сколько потому, что невольно связывались съ именемъ Бонапарта. По этому, или по чему другому, г. Бонапартъ, отецъ молодого офицера, сынъ принца Геронима и Елизаветы урожденной Патерсовъ, уѣзжавшій уже въ Балтиморъ, получая отъ государственнаго министра Фульда въ апрѣлѣ 1855 письмо, уже безъ императорскаго высочества.

«Милостивый Государь, Императоръ приказалъ мнѣ сообщить вамъ его желаніе, чтобы при возвращеніи вашемъ во Францію, вы пріяли титулъ герцога Сартенскаго. Я не имѣю нужды излагать вамъ поводы, почему его величество пріялъ это средство, чтобы положить предѣлъ нѣвѣстнымъ вамъ затрудненіямъ. Намѣреніе императора таково, чтобы сынъ вашъ пріялъ титулъ графа Сартенскаго.»

Это предложеніе не было пріяно. Тогда братъ и сестра г. Бонапарта отъ втораго брака отца, принцъ Наполеонъ и принцесса Матильда, возбужденные пріѣздомъ въ Парижъ короля Виртембергскаго, подали въ семейный императорскій совѣтъ прошеніе противъ г. Геронима Наполеона Бонапарта, рожденнаго отъ перваго брака ихъ отца съ г-жою Патерсовъ. Они требовали, чтобы «Патерсоны не имѣли никакихъ правъ, принадлежащихъ исключительно законному потомству, и чтобы Герониму Патерсону запрещено было впредь носить фамилію Бонапарта.»

Семейный совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ хранителя печати г. Аббатуччи, состоявшій изъ государственнаго министра г. Фульда, президента сената г. Тролона, президента законодательнаго корпуса г. Мориа и президента государственнаго совѣта г. Орвана, внимательно рассмотрѣлъ обстоятельства дѣла, прочталь письма отъ различныхъ членовъ семейства г. Бонапарту, первому сыну бывшаго короля Вестфальскаго, въ которыхъ письмахъ его зовутъ востоянно *любимымъ сыномъ, братомъ, ономъ*, а сами подписываются *любимыми отцомъ, дядей, братомъ* и т. д.; сообразивъ императорскіе декреты и рѣшилъ дѣло съ замѣчательнымъ безразстрастіемъ 4 іюля 1856:

«Такъ какъ нельзя оспоривать силу декрета 2 марта 1805, которымъ бракъ разрушенъ по отношенію къ дѣтямъ рожденнымъ или могущимъ родиться, и заключенъ другой бракъ, семейный совѣтъ удерживаетъ за отвѣтчикомъ фамилію его Бонапартъ, что однако не даетъ ему права пользоваться статьями 201 и 202 наполеонова кодекса.»

Въ первой изъ этихъ статей сказано, что если бракъ уничтожается, то тѣмъ не менѣе гражданскія послѣдствія его не разрушаются, если онъ былъ заключенъ добросовѣстно. Вторая статья

добавляетъ, что если бракъ былъ добросовѣстенъ съ одной то-ко стороны, то его гражданскія послѣдствія имѣютъ силу для этой стороны и для дѣтей, отъ брака происшедшихъ.

Тотъ же семейный совѣтъ на другой день постановилъ — не налагать запрещенія на Пале-Ройяль, жилище принца Наполеона, и на замокъ Вилльжени, запрещенія, требуемаго г-жою Елизаветою Патерсонъ и г. Иеронимомъ Бонапартъ-Патерсономъ. Для полноты дѣла надо вспомнить, что молодой Бонапартъ, внукъ г. Патерсона, въ крымскую компанію получилъ отъ маршала Пелисье орденъ почетнаго легіона, при чемъ названъ Бонапартомъ, а отъ султана орденъ Меджидіе. Правительство дало ему разрѣшеніе принять иностран-ный орденъ, при чемъ онъ названъ Бонапартъ-Патерсонъ. По случаю этого названія, молодой человекъ отъ ордена отказался. Отцу его между тѣмъ опять было сдѣлано предложеніе называться герцогомъ Сартевскимъ. Онъ отвѣчалъ на это императору:

«...Такъ какъ человекъ создаетъ себя не самъ, то родиться незаконнымъ сыномъ — вовсе не безчестный поступокъ со стороны того, кто рождается. Если бы я принадлежалъ къ этому числу, то давно съ благодарностью принялъ бы предложеніе вашего величества. Но такъ какъ я родился законно, всегда признаюемъ законнымъ моимъ семействомъ и правами всѣхъ народовъ, то съ моей стороны было бы верхомъ низости и безчестья принять діаломъ на незаконнорожденность. Я не поднималъ вопроса, но и не боялся его, и если семейный совѣтъ произнесъ приговоръ незаконный и несправедливый, то и онъ остановился передъ невозможностью отнять у человека имя, которое онъ неоспоримо носилъ отъ рожденія до пятидесяти лѣтъ... (подп.) Иеронимъ Наполеонъ Бонапартъ.»

Бывшій король Вестфальскій умеръ въ іюнь 1860. Принцъ Наполеонъ вступилъ во владѣніе его наслѣдствомъ; принцесса Матильда отказалась отъ своей доли и въ замѣнъ ея получила триста тысячъ франковъ годового дохода изъ денегъ, назначаемыхъ на содержаніе императорской фамиліи. Г. Бонапартъ, вмѣстѣ съ своею матерью, объявилъ претензію на наслѣдство, требуя описи, счета, ликвидаціи и раздѣла всего имущества его императорскаго высочества принца Иеронима.

Для полноты дѣла надо замѣтить, что принцъ Иеронимъ оставилъ завѣщаніе, которымъ принцъ Наполеонъ сдѣланъ главнымъ наслѣдникомъ, права принцессы Матильды подтверждены и положена ежегодная пенсія маркизѣ Бартолини, съ которою онъ будто бы соединенъ былъ законнымъ бракомъ, когда вторая жена его, принцесса Виртембергская, въ 1835 умерла.

Теперь, вопросъ о бракъ, заключенный гражданиномъ Иерони-

момъ Бонапартомъ, достаточно ли и законно ли уничтоженъ? — А если и достаточно и законно, то вдова и сынъ могутъ ли требовать гражданскихъ правъ и выгодъ, сопряженныхъ съ бракомъ, *добросовѣстно* заключеннымъ, какъ гласятъ 201 и 202 статьи кодекса? .

25 января предстали передъ оудомъ отвѣтчикъ принцъ Наполеонъ, въ лицѣ адвоката своего г. Аллу, и истецъ г. Иеронимъ Наполсонъ Бонапартъ (Патерсонъ) съ матерью, Елизаветою Бонапартъ, урожденною Патерсонъ, въ лицѣ адвоката своего, знаменитаго Берье. Это было явленіе по истинѣ величественное, и до тѣхъ поръ, пока во Франціи существуетъ прочное и всѣми партіями уважаемое судебное устройство, страна эта не погибнетъ, не смотря ни на какія столкновенія партій, не смотря ни на какія революціи, контръ-революціи, ни на *coup de main*, ни *coup d'état*. Судебное благоустройство страны вынесетъ ее изъ всѣхъ бѣдъ и несчастій.

Народу собралось множество; дѣло сильно интересовало парижанъ, въ особенности высшее общество, а талантъ знаменитаго, хотя и семидесятилѣтняго Берье общалъ слушателямъ много удовольствія и, главное, торжество той стороны, къ которой невольно тяготѣло общественное мнѣніе, — стороны угнетенной, обиженной. Никогда, въ свои лучшіе дни, Берье не былъ такъ счастливо оушевленъ, какъ въ этотъ разъ.

«Милостивые государи (говоритъ Берье), одни имена тяжущихся, которые являются сегодня къ вашему суду, достаточно были бы для того, чтобы дать понять всякому высокое значеніе правосудія, чтобы показать, до какой степени величіе вашей власти должно быть уважаемо. Поэтому не опасайтесь, чтобы я могъ посягнуть на это величіе; чтобы я могъ увлечься другими соображеніями, кромѣ тѣхъ, которые вытекаютъ изъ важности дѣла, которое я имѣю честь защищать.»

Замѣтимъ здѣсь, что Берье извѣстенъ какъ отличный адвокатъ, и сверхъ того какъ упрямѣйшій легитимистъ, который въ правленіе Луи-Филиппа постоянно былъ въ оппозиціи и своими блестящими, пылкими рѣчами въ палатѣ депутатовъ не разъ ставилъ въ затруднительное положеніе министровъ июльской монархіи. Берье, по этому, не могъ никакъ помириться съ нынѣшнею имперіей и безъ всякаго сомнѣнія давно былъ бы сенаторомъ, еслибъ сколько-нибудь уступилъ изъ своихъ легитимистскихъ убѣжденій. Припомнимъ также, что Берье защищалъ нынѣшняго императора Французъ въ то время, какъ тотъ, въ правленіе Луи-Филиппа, высадился на берегъ Франціи въ Булони, хотѣлъ произвести возстаніе и затѣмъ военный переворотъ въ свою пользу, но былъ арестованъ и представленъ къ суду. Какъ адвокатъ, Берье охотно принималъ его

защиту и своимъ краснорѣчіемъ выхлопоталъ ему пожизненное заключеніе въ крѣпости, тогда какъ бунтовщики, вторгающіеся въ отечество съ оружіемъ въ рукахъ съ цѣлью произвести возстаніе противъ законной власти, по закону наказываются смертью. Берье теперь долженъ былъ говорить противъ интересовъ того семейства, которое отчасти ему обязано нынѣшнимъ положеніемъ своего главы. Берье прибавилъ къ своему вступленію: «Самое стеченіе публики къ вашему трибуналу показываетъ, что я здѣсь не для удовлетворенія бесполезнаго любопытства, а для того, чтобъ ограничиться простымъ судебнымъ изложеніемъ и преніемъ чисто-законнымъ.»

Чтобы какъ можно болѣе сократить свою рѣчь, Берье составилъ, по обычаю адвокатовъ, изложеніе дѣла и роздалъ его заранѣе. Берье въ своей рѣчи излагаетъ дѣло, содержаніе котораго мы сообщили выше. Онъ болѣе всего налегаетъ на то обстоятельство, что бракъ не былъ тайный, что гражданинъ Иеронимъ Бонапартъ уѣхалъ изъ Франціи въ 1802 году и слѣдовательно подлежалъ еще закону 20 сентября 1792, а этотъ законъ, для совершенія брака, требуетъ только, чтобы мужчинѣ было не менѣе 15, а дѣвицѣ не менѣе 13 лѣтъ. Далѣе Берье прочелъ множество писемъ отъ членовъ императорской фамиліи къ американскому родственнику, Иерониму Наполеону Бонапарту, и наконецъ разбираетъ рѣшеніе семейнаго совѣта, который призналъ за его кліентомъ право носить имя Бонапарта. Дѣло состояло только въ томъ, чтобы разсмотрѣть, добросовѣстно или недобросовѣстно съ которой-нибудь стороны былъ совершенъ бракъ? Г-жа Патерсонъ, вступавшая въ бракъ въ присутствіи своихъ родителей, мера того города, въ которомъ жила, и мирнаго судьи графства, добросовѣстно ли считала себя въ силу этого брака законною женою гражданина Иеронима Бонапарта? Сомнѣнія въ этомъ быть не можетъ, а между-тѣмъ, хоть и нельзя произносить приговоръ надъ отсутствующимъ, семейный совѣтъ произнесъ свое рѣшеніе, противъ смысла 201 и 202 статей кодекса. Касательно г. Бонапарта дѣло тоже не можетъ считаться рѣшеннымъ. Ему оставляютъ имя Бонапарта, которое принадлежитъ ему законнымъ образомъ, вслѣдствіе семейныхъ отношеній; но изъ этого еще никакъ не слѣдуетъ, что надо признавать его незаконнымъ сыномъ. «Я кончилъ, господа. Вы дополните то, что я пропустилъ, и прочтете документы. Вы будете судить это дѣло такъ, какъ я вамъ его сдаю, съ желаніемъ и съ обязанностью воздать должное женщинѣ брошенной, преданной, недостойнымъ образомъ замѣщенной, являющейся черезъ шестьдесятъ лѣтъ просить правосудія. Вы рѣшите такъ, какъ я надѣюсь. Это великая гарантія для гражданъ, это великолѣпное зрѣлище — видѣть, какъ передъ без-

страстною ясностью суда падаютъ попытки и продѣлки самовластиа. Раскройте законъ, и несправедливыя претензіи изчезаютъ. Претензія принца Наполеона не будетъ принята, — таково будетъ наше рѣшеніе, и я съ радостью его ожидаю. Я самъ тоже старинный помощникъ правосудія, давно стою на этомъ адвокатскомъ мѣстѣ, и не покину его безъ глубокаго уваженія къ правосудію, безъ глубокой довѣрчивости къ суду, потому что эта довѣрчивость укрѣпилась во мнѣ пятидесятилѣтнимъ опытомъ.»

Послѣ Берё, говорилъ защитникъ принца Наполеона, адвокатъ Аллу. Его защита была холодна и — нельзя не признаться — отзывалась нѣсколько тою физической силой, которая стояла у него за плечами :

«Кажется можно сказать, даже послѣ произнесенной рѣчи, что просители не ожидаютъ многого отъ своей просьбы. Если освободить пренія отъ всѣхъ страстей и увлеченій, внесенныхъ сюда могучимъ словомъ достопочтеннаго моего противника, ввести пренія въ ихъ истинныя границы, то дѣло становится слишкомъ просто, чтобы можно было обманываться касательно рѣшенія; наши противники знаютъ это очень хорошо: *предыдущими рѣшеніями* они заключены въ безвыходный кругъ... Принцу Наполеону благоудбно было обратиться къ общественному мнѣнію; такъ какъ онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, чьи частныя дѣла занимаютъ мѣсто въ исторіи, то для него весьма важно, чтобы истина была изложена вся сполна.» (Надо признаться, что г. Аллу началъ свою рѣчь весьма неловко. Никакъ не слѣдовало напоминать о предыдущихъ рѣшеніяхъ: если они окончательны, то дѣло рѣшено заранѣе, нечего и говорить, нечего терять время; если же они могутъ быть перерѣшены судомъ, который еще ни разу не разсматривалъ этого дѣла, то зачѣмъ же такъ неловко прямо выставлять ихъ на первый планъ? Потомъ — зачѣмъ было напоминать суду и общественному мнѣнію, что принцъ Наполеонъ сдѣлалъ имъ великую честь тѣмъ, что обратился къ нимъ?). «Факты американскаго брака *короля* (?) худо извѣстны. Вокругъ этой случайной связи образовалось нѣчто въ родѣ романической легенды, какъ это часто бываетъ съ сердечными исторіями... Я въ свою очередь разскажу факты, чтобы сообщить имъ надлежащій характеръ»... Далѣе онъ старается набросить тѣнь на г-жу Патерсонъ, которая будто бы, вопреки волѣ отца и зная, что женихъ ея не имѣетъ права жениться, рискнула все-таки съ нимъ обвѣнчаться. Онъ больше всего налегалъ на то, что *императорскими декретами* бракъ разрушенъ, что французскій консулъ Пишонъ предупреждалъ семейство Патерсонъ о немнѣиіи гражданномъ Иеронимомъ Бонапартомъ надлежащихъ правъ для вступле-

нія въ бракъ, и что наконецъ сама церковь признала этотъ бракъ расторгнутымъ. Въ подтвержденіе этого онъ приводитъ, что когда принцъ Іеронимъ женился на принцессѣ виртембергской и былъ потомъ провозглашонъ королемъ Вестфальскимъ, самъ папа поздравлялъ его со вступленіемъ въ бракъ и на престолъ... «Теперь пусть рѣшаютъ умы прямые. Совершенно ясно видя факты, вельзя не убѣдиться, что формы, которыхъ держались при расторженіи брака, заключали въ себѣ нѣчто исключительное, швенно вельдствие положенія молодого офицера, на которомъ отражались блескъ и могущество, окружавшіе его брата; но великіе принципы нравственности права, законы страны — остались неприкосновенными. Короче сказать, если и произошло на минуту перемѣщеніе власти, произносившей судебный приговоръ, то не было никакого измѣненія въ правосудіи?»

Тѣмъ засѣданіе и кончилось. Продолженіе преній отложено на недѣлю.

Въ засѣданіи 1 февраля Берье возражалъ съ своею обычною живостью. Жаркая рѣчь оратора вызвала рукоплесканія, такъ что председатель суда употребилъ власть, которую рѣдко употребляютъ судьи, и велѣлъ вывести часть публики. Потомъ выведенные, слишкомъ страстные поклонники г. Берье, были опять допущены слушать г. Аллу.

Опровергая своего противника на всѣхъ пунктахъ, Берье говоритъ, что по закону слѣдовало вести дѣло судебнымъ порядкомъ, что государь не могъ замѣнить собою суда, а декреты, на которые ссылаются, не имѣли бы передъ судомъ никакой силы, если бы существовали. Декретъ, приписывающій императору судебную власть надъ членами его семейства, еще не существовалъ; Іеронимъ Бонапартъ не составлялъ части того, что въ то время называлось императорскою фамиліею; во всякомъ случаѣ декретъ, которымъ государь приписалъ себѣ власть надъ членами своего семейства, не могъ имѣть обратнаго дѣйствія. Ктому же этотъ декретъ никогда не былъ напечатанъ въ Бюллетенѣ законовъ, и конечно остался въ видѣ проекта. Потомъ Берье доходитъ до сближенія, слѣдующаго противною стороною между американскимъ бракомъ Іеронима Бонапарта и бракомъ герцога Беррійскаго, сына графа Артуа, когда тотъ жилъ въ изгнаніи, въ Англии. Берье, какъ истинный легитимистъ, былъ одушевленъ великолѣпнѣйшимъ негодованіемъ противъ этого сближенія, во всякомъ случаѣ печальнаго. Этотъ бракъ во-первыхъ не существовалъ, въ доказательство чего Берье приводитъ письмо капеллана католической церкви въ Лондонѣ; тотъ справлялся съ книгами и утверждаетъ, что нѣтъ никакого елѣда брака герцога Беррійскаго съ Далилою Броунъ.

«Теперь, продолжаетъ Берёе, пусть этотъ принцъ, пораженный кинжаломъ фанатическаго убійцы, передъ смертью, вспоминаетъ о дятати любви своей молодости; пусть онъ проситъ ту, которая была уже почти его вдовою, протянуть великодушную руку этому дятати, все это, положимъ, такъ. Но вы видно не подумали; сколько невыгодныхъ для васъ мыслей поражаетъ подобное сближеніе, особенно когда сравнишь это поведеніе съ поведеніемъ принца Наполеона Бонапарта, который, послѣ столькихъ дружескихъ увѣреній отрывается отъ того, кому онъ расточалъ увѣренія въ своей вѣчной привязанности? Здѣсь думали можетъ-быть, что я буду снисходителенъ къ фактамъ, которые теперь порицаю. Да сохранитъ меня Богъ отъ подобной снисходительности, и чтобы облегчить мою душу отъ такого прискорбнаго сближенія, я скажу, что еслибы принцъ Шамборъ писалъ письма подобныя тѣмъ, которыя я читалъ вамъ въ этомъ дѣлѣ, онъ никого бы не позволялъ поддерживать свое отреченіе отъ родства.»

Эти слова, сказанныя голосомъ страстнымъ и потрясающимъ слушателя до самой глубины души, вызвали громкія рукоплесканія. Берёе окончилъ свою рѣчь слѣдующими словами :

«Г-жа Патерсонъ, которой теперь семьдесятъ три года, проситъ васъ не о томъ, чтобы вы разрушили бракъ принца Геровима съ принцессою виртембергскою, бракъ, въ который она вступила также добросовѣстно, какъ и наша сторона,—она проситъ, чтобы вы допустили ее къ участию въ наслѣдствѣ, на которое она съ сыномъ имѣетъ неоспоримое право, и этимъ провозгласили ея материнскую честь, отомстили бы этимъ самовольные поступки, передъ которыми она должна была склоняться. Мы не нападаемъ на законность нашихъ противниковъ, мы только требуемъ раздѣла.»

Въ отвѣтъ своемъ, г. Аллу опять упрекалъ Берёе въ страстномъ увлеченіи, самъ возражалъ ему на этотъ разъ довольно ловко и блестящимъ образомъ. Вотъ заключеніе его рѣчи :

«Мой противникъ хотѣлъ, кажется, сказать, что его клиентъ во всякомъ случаѣ имѣетъ неоспоримыя права на наслѣдство послѣ своего отца. Если подъ этимъ онъ разумѣетъ права незаконнорожденнаго сына, то мы уступаемъ, замѣчая однакожъ, что никогда бы не рѣшились предложить ему этихъ правъ. Да въ такомъ случаѣ не стоило бы и вести процесса. Короче сказать, господа, здѣсь въ борьбѣ два супружества; примиреніе между этими двумя союзами невозможно: выбирайте между безумнымъ союзомъ, заключеннымъ девятнадцатилѣтнимъ молодымъ человѣкомъ въ путешествіи, въ чужой странѣ, вдали отъ семейства, и союзомъ торжественно освященнымъ всею помпою религіи и согласіемъ семейства, съ благо-

родною принцессою, которой характеръ и добродѣтели мы всѣ здѣсь уважаемъ.»

Судъ отложилъ послѣднее засѣданіе на послѣлю. 8 февраля онъ выслушаетъ заключеніе императорскаго адвоката Мервельё-Дювишью.

Все это прекрасно, и вся Франція съ нетерпѣніемъ ждетъ заключенія суда. Мнѣнія въ обществѣ раздѣлились. Нѣкоторые любители порядка говорятъ, что для окончательнаго рѣшенія дѣла совершенно достаточно двухъ декретовъ Наполеона I, уничтожающихъ бракъ и признающихъ дѣтей — незаконными, такъ что нечего больше толковать. Другіе, менѣе любящіе такой порядокъ, находятъ, что напротивъ, требуемое закономъ обращеніе къ суду не было исполнено въ продолженіе годичнаго срока, и потому слѣдуетъ второй бракъ признать незаконнымъ. Третьи полагаютъ, что судъ во всякомъ случаѣ долженъ показать свою независимость и хотя бы съ нѣкоторымъ насиліемъ совѣсти признать г. Иеронима Бонапарта сонаслѣдникомъ брата его, принца Наполеона. Наконецъ есть еще и четвертое мнѣніе, которое можетъ одержать верхъ въ судѣ: такъ какъ положеніе принца Иеронима, бывшаго Вестфальскаго короля, было совершенно исключительное, вслѣдствіе политическихъ причинъ, то въ пользу его должно сдѣлать исключеніе, не выбирать изъ двухъ браковъ одинъ, какъ это было бы сдѣлано для простаго гражданина, а признать оба брака законными и наслѣдство раздѣлить по закону, какъ между двумя родными братьями.

Открытіе палаты во Франціи и Англии.

Важнѣйшія событія, о которыхъ мы можемъ сообщать нашимъ читателямъ въ вышнѣмъ мѣсяцѣ, заключаются въ открытіи палаты во Франціи и въ Англии. Эти великія событія совершились во Франціи 4 февраля, а въ Англии 5. И въ томъ и въ другомъ собраніи, какъ водится, сказаны были тронныя рѣчи, въ которыхъ тотчасъ же газеты начали отыскивать тѣ вещи, которыя должны быть или могутъ быть подразумѣваемы, начали отгадывать, что императоръ и королева хотѣли сказать тѣмъ или другимъ выраженіемъ, съ какою цѣлью пропустили они то или другое обстоятельство, отгадывать то, что слѣдуетъ читать между строками. Само собою разумѣется, что въ официальной рѣчи, произносимой въ палатѣ, не все можетъ быть сказано прямо, точно и ясно: надо падить многія щекотливыя мѣста партій въ цѣлой Европѣ, и въ тоже время высказываться съ тою ясностью и точностью, какія не могутъ не принадлежать уважающей себя власти.

Особенно англійскія газеты съ увлеченіемъ предаются разбору обѣихъ рѣчей, оцѣнкѣ и сравненію.

Рѣчь императора Наполеона начинается такимъ образомъ :

«Господа сенаторы, господа депутаты, рѣчь при открытіи каждаго засѣданія представляетъ вкратцѣ, въ немногихъ словахъ, акты прошедшіе и проекты для будущаго. До сихъ поръ эта рѣчь, краткая по своему существу, не ставила мое правительство въ довольно близкія отношенія съ двумя великими государственными учрежденіями, которыя были лишены возможности подкрѣплять правительство своимъ согласіемъ или просвѣщать его своими совѣтами. Я рѣшилъ, чтобы каждый годъ вамъ былъ представляемъ общій обзоръ положенія имперіи, равно какъ и важнѣйшія дипломатическія депеши. Вы также можете въ адресѣ выразить свои чувства относительно совершающихся событій, не такъ какъ прежде, не въ видѣ простого пересказыванья тронной рѣчи другими словами, а въ свободномъ и добросовѣстномъ выраженіи вашего мнѣнія. Это улучшеніе полюбѣе познакомитъ страну съ ея собственными дѣлами, съ тѣми, кто ею управляетъ и кто засѣдаетъ въ палатахъ. Это улучшеніе, не смотря на всю его важность, ни въ чемъ не измѣняетъ духа конституціи. Въ старину, вы знаете, право избирателей было ограничено цензомъ. Правда, что палата депутатовъ имѣла болѣе широкія права; но большое число чиновниковъ, бывшихъ членами палаты, давало правительству возможность прямо дѣйствовать на ея рѣшенія. Палата церовъ также вотировала законы, но большинство могло быть перемѣщено посредствомъ пожалованія новыхъ церовъ; наконецъ законы не всегда были обсуживаемы по дѣйствительному ихъ достоинству, а потому, можно ли было поддержать или опрокинуть министерство посредствомъ ихъ принятія или отверженія. Отъ этого мало было прямоудія въ преніяхъ, мало устойчивости въ правительственномъ ходѣ, мало полезнаго труда...»

Газета *Globe* (англійская) замѣчаетъ на это: «Мы не такъ судимъ парламентъ. Императоръ думаетъ, что отвѣтственное правительство ведетъ къ преніямъ непрямодушнымъ, прерываетъ правильнѣйшій ходъ управленія и дѣлаетъ мало полезнаго дѣла. Мы держимся противоположной системы, однако дѣлаемъ довольно хорошо не совсѣмъ дурныя дѣла.» Нельзя также не замѣтить, что здѣсь кроется противорѣчіе: правительство имѣло непосредственное вліяніе на рѣшеніе палаты, а между тѣмъ палата имѣла устойчивость правительственнаго хода. Что-нибудь одно: или палата была свободна, и тогда она могла мѣшать своеволю правительства, или правительство имѣло вѣрное вліяніе на палату, и тогда палата не могла мѣшать никому. Но дагѣ :

«Нынѣче законы приготовляются старательно и зрѣло совѣтомъ,

состоящимъ изъ просвѣщенныхъ людей, которые даютъ свое мнѣніе обо всѣхъ дѣлахъ. Сенатъ, хравитель основныхъ законовъ, консервативная власть котораго употребляется только въ обстоятельствахъ важныхъ, разсматриваетъ законы только по отношенію къ ихъ согласію съ основными учрежденіями. Но какъ истинное верховное политическое судилище, онъ состоитъ изъ опредѣленнаго числа членовъ, которое не можетъ быть увеличено. Правда, законодательный корпусъ не вмѣшивается во всѣ мелочи администраціи, но онъ избирается прямо поголовною подачею голосовъ и не заключаетъ въ своей средѣ ни одного чиновника. Онъ обсуживаетъ законы съ полнѣйшею свободой; если законъ не принять, то это — предостереженіе правительству, принимаемое къ свѣдѣнію; но непринятіе не потрясаетъ власти, не останавливаетъ хода дѣла, не обязываетъ государя принять своими совѣтниками людей, къ которымъ онъ не имѣетъ довѣрія. Таковы главнѣйшія различія между конституціею нынѣшнею и тою, которая была до февральской революціи. При обсужденіи адреса, исчерпайте, господа, всѣ пренія сообразно ихъ важности, чтобы потомъ посвятить себя вполне дѣламъ страны, потомучто если послѣднія требуютъ глубокаго и добросовѣстнаго разсмотрѣнія, интересы (?) въ свою очередь, нетерпѣливо ждутъ быстрого разрѣшенія.»

«Въ своихъ сношеніяхъ съ иностранными державами я старался доказать, что Франція искренно желаетъ мира; что не отказываясь отъ законнаго вліянія, она не имѣетъ претензіи вмѣшиваться ни куда, гдѣ не затронуты ея интересы; наконецъ, что если есть у насъ симпатіи ко всему благородному и великому, то она не колеблется порицаетъ все, что нарушаетъ права человѣка и правосудія. Труднопредводимыя событія усложнили въ Италіи положеніе, и безъ того затруднительное. Мое правительство, въ согласіи съ союзниками, считало, что для предупрежденія еще большихъ опасностей, надо принять начало невмѣшательства, которое оставляетъ всякую землю распорядительницею своихъ судебъ, дѣлаетъ вопросы мѣстными и не даетъ имъ перейти въ европейскія столкновенія. Конечно я знаю, что эта система кажется разрѣшающею многія досадныя излишества, и люди крайнихъ мнѣній желаютъ или чтобы Франція принимала участіе во всѣхъ революціяхъ и держала бы ихъ сторону, или чтобы она стала во главѣ всеобщей реакціи. Я не дамъ себя совратить съ пути ни одному изъ этихъ противоположныхъ стремленій. Для величія страны достаточно — поддерживать право тамъ, гдѣ оно неоспоримо, защищать свою честь тамъ, гдѣ на нее нападаютъ, давать свою опору тамъ, гдѣ ея просятъ въ пользу праваго дѣла. Такимъ образомъ мы поддержали свои права,

заставивъ принять уступку Савойи и Ниццы: эти провинціи теперь безвозвратно присоединены къ Франціи...»

«Прекрасно», замѣчаетъ Evening Mail, «но что же наконецъ? Вмѣшательство или невмѣшательство? И что за права поддержаны присоединеніемъ Савойи и Ниццы? Говорится, что принято начало невмѣшательства. Мы вѣримъ этому слову повелителя французовъ, какъ потому, что намъ хочется этому вѣрить, такъ и потому, что это говоритъ особа, стоящая неизмѣримо высоко, особа, не роняющая словъ своихъ напрасно, особа, которой не совѣмъ ласковыя два слова, сказанныя два года назадъ представителю державы въ 37 милліоновъ жителей, обозначали ни болѣе ни менѣе, какъ потерю прекраснѣйшей провинціи этою первостепенною державой и униженіе этой державы. Черезъ пять словъ говорится, что Франція будетъ поддерживать право тамъ, гдѣ оно неоспоримо, и давать свою опору тамъ, гдѣ этой опоры просятъ въ пользу праваго дѣла. И этому мы обязаны вѣрить по тѣмъ же вышесказаннымъ причинамъ; но это прямо означаетъ вмѣшательство. Такъ чтоже наконецъ? Да, или нѣтъ? Развѣ и да и нѣтъ въ одномъ и томъ же дѣлѣ годятся? Развѣ это не значитъ—ровно ничего не сказать. Плюсъ и минусъ съ сотворенія міра взаимно уничтожаются... А еще вся Европа ожидала французской тронной рѣчи съ нетерпѣніемъ, думая, что она сколько-нибудь объяснитъ значеніе Франціи въ европейскихъ дѣлахъ, объяснить направленіе этихъ громаднѣхъ скопляющихся силъ... Ничего не сказано; сказано только, что присоединеніе Савойи и Ниццы было правомъ, даже однимъ поддержаніемъ правъ. Не слѣдуетъ ли изъ этого прямо, что по заламаншскимъ понятіямъ право и правое дѣло состоятъ въ присоединеніи къ себѣ новыхъ провинцій, что опера будетъ даваться только по поводу подобныхъ правыхъ дѣлъ, особенно если главѣ государства вздумается считать ихъ неоспоримыми. Признаться, не смотря на неодолимое могущество императора французевъ, мы не надѣялись, что онъ будетъ въ такой степени безцеремонно откровененъ въ своей тронной рѣчи. Если допустить даже, что Франція исполнитъ обѣщаніе тронной рѣчи и будетъ вмѣшиваться только въ тѣ дѣла, которыя затрогиваютъ ея интересы, то все-таки не слишкомъ завидная будущность ожидается рейнскіе земли, Германія, Бельгію и вообще все то, въ чемъ могутъ заключаться интересы Франціи. Во всемъ этомъ хорошо только одно, что французскій едоть оставилъ Гаэту, стало быть тутъ исполнено начало невмѣшательства, и сверхъ того Франція, обѣщающая «поддерживать право тамъ, гдѣ оно неоспоримо», не считаетъ болѣе правъ бывшего короля неаполитанскаго неоспоримыми. Это тѣмъ болѣе счастливо въ видахъ челоуѣколюбія, что не послѣд-

нимъ извѣстіямъ изъ Турина отъ 12 февраля, Гаэта требовала перемирія на двѣ недѣли для переговоровъ о сдѣлѣ, а генераль Чильдини не согласился на это, объявляя однакоже, что онъ готовъ на переговоры. Французскому пароходу приказано быть на готовѣ, чтобы принять королевское семейство въ гаэтскомъ портѣ. Надо надѣяться, что кровопролитіе скоро прекратится, а шайки отправляемыя папскимъ правительствомъ въ Абруццы перестанутъ разбойничать.»

Далѣе тронная рѣчь говоритъ объ удачной китайской экспедиціи, о сирійской экспедиціи, объ усиленіи войскъ въ Римѣ, «когда безопасность святаго отца казалась угрожаемой», и наконецъ о Гаэтѣ.

«Въ Гаэту я послалъ мой флотъ въ то время, когда она должна была сдѣлаться послѣднимъ убѣжищемъ короля неаполитанскаго. Оставивъ тамъ флотъ четыре мѣсяца, я отозвалъ его, какъ ни достойно сочувствія столь благородно сносимое королевское несчастіе. Присутствіе нашихъ кораблей заставляло меня вслѣдствіе дѣла отклоняться отъ объявленной мною системы нейтралитета, и давало мѣсто ошибочнымъ заключеніямъ. А вы знаете, въ политикѣ не вѣрять поступкамъ чисто безкорыстнымъ. Таково вкратцѣ изложеніе общаго положенія. Пусть опасенія разсѣются и довѣріе укрѣпится. Отчего бы дѣламъ торговымъ и промышленнымъ не принять новаго развитія?»

На это отвѣчаетъ Times: «Почему довѣріе не возрождается? спрашиваетъ императоръ. Намъ очень легко отвѣчать на этотъ вопросъ. Довѣріе не можетъ возродиться и не возродится, потому что прошедшее не объяснено и будущее тоже не объясняется. Когда могущественный государь возвыщаетъ политику невѣжества, его слова теряютъ всякое значеніе, если видно, съ какою легкостью онъ покидаетъ эту политику только по случаю своихъ симпатій и антипатій; а что касается до будущаго, то кто можетъ быть спокоенъ, слыша, что Франція будетъ дѣйствовать по принципамъ права и справедливости, какъ-будто Савойя и Ницца присоединены къ ней правды и справедливости, или какъ-будто бывали примѣры, чтобы народъ выходилъ на войну, объявляя о своей неправотѣ и несправедливости? Рѣчь, протестующая противъ свободы, которая казалась уже данною, рѣчь, которая говоритъ о застоѣ торговли и объ отсутствіи довѣрія во всѣхъ классахъ; рѣчь, которая говоритъ объ одной только иностранной державѣ, и то случайно, въ которой нѣтъ добраго слова никому, которая не объясняетъ громаднаго увеличенія войска и флота, которая не даетъ отчета о внѣшнихъ сношеніяхъ страны и не даетъ никакого успокоительнаго увѣренія ка-

сательно хорошихъ отношеній съ иностранными державами, въ которой мы напрасно ищемъ хоть малѣйшаго указанія на политику, какой будетъ слѣдовать французское правительство, — рѣчь, въ которой императоръ выражаетъ свое неудовольствіе на начало невѣдательства, и на исключенія, имъ сдѣланныя изъ этого начала, и на состояніе торговли, и на положеніе общественнаго мнѣнія: такая рѣчь не можетъ и не должна никого успокоить. Довѣріе составляется изъ совершенно другихъ элементовъ. Политика ясная и открытая, основанная на принципахъ повятныхъ и хорошо установленныхъ, ясное и открытое сообщеніе видовъ и поводовъ, сообщеніе, которое доказываетъ, что государь въ одно и то же время имѣетъ довѣріе къ себѣ и къ народу, — вотъ условія, необходимыя для коммерческихъ успѣховъ и политическаго спокойствія. Французскій народъ совершенно увѣренъ, что никто на него напрасно не нападетъ. Увѣренъ ли онъ также, что и онъ ни на кого не нападетъ? Если у него нѣтъ этой увѣренности, то развѣ это не вина правительства, не имѣющаго къ своему народу довѣрія, котораго само отъ него ожидаетъ, правительства, которое ставитъ нѣсколько звонкихъ фразъ на мѣсто добросовѣстнаго изложенія политическихъ дѣлъ и своего взгляда на будущее.»

Тронная рѣчь королевы Викторіи несравненно проще и начинается задушевиѣе.

«Милорды и господа, съ большимъ удовольствіемъ я опять нахожусь среди васъ, въ парламентъ, и прибѣгаю къ вашей помощи и вашимъ мнѣніямъ. — Мои отношенія съ иностранными державами по прежнему дружественны и удовлетворительны, и я надѣюсь, что умѣренность европейскихъ державъ помѣшаетъ всякому нарушенію общаго мира. Весьма важныя событія совершились въ Италіи; полагая, что итальянцамъ должна быть предоставлена свобода самимъ устроить свои дѣла, я не считала нужнымъ дѣятельно вмѣшиваться въ ихъ дѣла. Бумаги, къ этому относящіяся, будутъ вамъ представлены...»

Далѣе королева излагаетъ сирійскія и китайскія дѣла, упоминаетъ объ Индіи, Новой Зеландіи, Соединенныхъ Штатахъ, о коммерческомъ трактатѣ съ Австріей, говоритъ о бюджетѣ и о разныхъ предстоящихъ законодательныхъ мѣрахъ. До насъ не дошли еще подробности объ обсужденіи адреса, который былъ предложенъ 5 февраля Кольбрукомъ. Можно только съ большою достовѣрностью разсчитывать, что члены оппозиціи станутъ изъяснять сожалѣніе, что въ тронной рѣчи между многими болѣе или менѣе важными проектами законовъ, не обѣщанъ проектъ закона о парламентской реформѣ, будутъ требовать сокращенія издержекъ на вооруженія, и

особенно много любопытнаго будетъ высказано о Соединенныхъ Штатахъ, положеніе которыхъ составляетъ въ настоящее время предметъ почти жизненной важности для Великобританіи.

Въ Соединенныхъ Штатахъ происходитъ теперь давно грозившій переворотъ, ближайшимъ поводомъ котораго было недавнее избраніе въ президенты г. Линкольна, который долженъ приступить къ отправленію своихъ обязанностей 4 марта, на мѣсто нынѣшняго президента, г. Буханана. Г. Линкольнъ извѣстенъ какъ человѣкъ, считающій невольничество — пятномъ на устройствѣ Соединенныхъ Штатовъ. По случаю избранія Линкольна, тѣ штаты, въ которыхъ допущено невольничество, вздумали отдѣлиться, чтобы составить отдѣльное, самостоятельное государство, и первый примѣръ подала Южная Каролина. Нѣсколько другихъ штатовъ мало по малу присоединились къ Южной Каролинѣ, и по послѣднимъ извѣстіямъ, дѣла тамъ очень дурны. Но предметъ этотъ слишкомъ важенъ и слишкомъ любопытенъ, чтобы говорить о немъ коротко. Мы займемся имъ особенно подробно въ слѣдующей книгѣ.

Для Англіи порядокъ въ Соединенныхъ Штатахъ особенно важенъ потому, что безъ порядка тамъ родится такъ мало хлопчатой бумаги, что цѣна ея непомерно возвысится, да и всѣхъ запросовъ изъ Европы Соединенные Штаты не въ состояніи будутъ удовлетворять. По этому въ Англіи многіе фабриканты будутъ принуждены закрыть свои фабрики, многія сотни тысячъ рабочихъ останутся безъ работы, стало быть безъ хлѣба. Опасное въ этомъ смыслѣ положеніе дѣлъ немедленно было понято въ Англіи. Составился митингъ, на которомъ непреложно доказано, что Англія сама виновата въ своей зависимости отъ Америки въ отношеніи хлопка, потому что у Англіи есть обширныя земли въ Индіи, совершенно годныя для воздѣлыванія хлопка. Въ самомъ дѣлѣ, многіе земледѣльцы въ Индіи предлагали англійскимъ купцамъ — поставлять имъ хлопокъ, и требовали только задатковъ. Но дѣло не пришлось, потому что Америка доставляла хлопокъ въ достаточномъ количествѣ. Рѣшено было устроить общество на акціяхъ съ капиталомъ въ шесть милліоновъ рублей, для поощренія земледѣльцевъ, которые станутъ въ Индіи разводить хлопчатую бумагу; тотчасъ же началась подписка, и дѣло теперь подвинулось на столько, что въ Индію отправлены уже агенты съ деньгами и съ полномочіями.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ СНОВИДѢНІЯ

ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ

— О, да будетъ проклята на вѣки моя должность, — должность фельетониста!..

Не безпокойтесь, господа, это не я восклицаю! Признаюсь, что такое начало было бы слишкомъ эксцентрично для моего фельетона. Нѣтъ, я такъ не воскликну, но, до прїѣзда моего въ Петербургъ, я рѣшительно былъ увѣренъ, что каждый петербургскій фельетонистъ, принимаясь за перо, чтобъ строчить свой еженедѣльный или сжемѣсячный фельетонъ, непременно долженъ такъ воскликнуть, садясь за письменный столъ. Въ самомъ дѣлѣ, разсудите, о чемъ писать? Прїѣхала напр. Ристори, и вотъ-все что ни есть фельетонистовъ тотчасъ же строчить во всѣхъ фельетонахъ, во всѣхъ газетахъ и журналахъ, съ направлеиємъ и безъ направленія, одно и то же: Ристори, Ристори,—Ристори прїѣхала, Ристори играетъ; она въ Каммѣ,—тотчасъ же Камма, Камма, что ни развернете, вездѣ Камма; въ Маріи Стюартъ, — тотчасъ же Стюартъ, Стюартъ и т. д. Такъ и рвутъ другъ у друга новости! А всего досаднѣе то, что они дѣйствительно воображаютъ, что это новости. Возьмешь газету, читать не хочется: вездѣ одно и то же, уныніе нападаетъ на васъ, и только согласишься, что много надо имѣть хитрости, пронырливости, рутинной набивки руки и мысли, чтобъ объ одномъ и томъ же сказать хоть и одно и то же, но какъ-нибудь не въ тѣхъ же словахъ. И тереблать свой умшко несчастные и проклинаютъ свою участь. И сколько можетъ быть драмъ, даже чего-нибудь трагическаго происходитъ гдѣ-нибудь въ сыромъ углу въ пятомъ этажѣ, гдѣ въ одной комнатѣ помѣщается цѣлая семья, голодная и холодная, а въ другой сидитъ фельетонистъ, дрожитъ въ продраннымъ халатишкѣ и пишетъ фельетонъ à la Новый Поэтъ, о камелияхъ, устрицахъ и

пріятеляхъ, теребить свои волосы, грызетъ перо, и все это при обстановкѣ совершенно не фельетонной. Но я увлекся; можетъ быть и на одного такого нѣтъ фельетониста въ Петербургѣ. Можетъ быть они всѣ ѣзжать въ каретахъ и питаются страсбургскими пирогами... Но что? Ужели фельетонъ есть только перечень животрепещущихъ городскихъ новостей? Кажется бы на все можно взглянуть своимъ собственнымъ взглядомъ, скрѣпить своею собственною мыслию, сказать свое слово, *новое слово*. Но Боже мой! что вы говорите! Новое слово. Да разве каждый день можно говорить по новому слову, когда во всю жизнь, пожалуй, его не добьешься, а и услышишь, такъ еще и не узнаешь. Скрѣпить свою мыслью, говорите вы. Но ~~какою же своею мыслию, гдѣ~~ взять свою мысль? Отступите хоть на іоту отъ мыслей антрепренера, онъ тотчасъ же откажетъ вамъ и вышлетъ изъ журнала. Ну, да положимъ мысль и будетъ, но оригинальность, но оригинальность, — гдѣ ее-то взять? Мысль вѣдь это все таки не ваша. На это надо... да, на это надо ума, прозорливости, таланта! Слишкомъ много вы хотите ужъ требовать отъ нашего фельетониста! А знаете ли, что такое иногда фельетонистъ (разумѣется иногда, а не всегда)? Мальчикъ, едва оперившійся, едва доучившійся, а часто и неучившійся, которому кажется, что такъ легко писать фельетонъ: «онъ безъ плана, думаетъ онъ, это не повѣсть, пиши о чемъ хочешь, тутъ посмѣйся, тамъ отзовись съ извѣстнаго рода уваженіемъ, тутъ про Ристори, тамъ про добродѣтель и нравственность, а тамъ про безнравственность, про взятки напимѣрь, ужъ непременно про взятки, и готовъ фельетонъ. Вѣдь мысли теперь продаются совершенно готовыя, на лоткакъ, какъ калачи. Составился бы только печатный листъ, да и дѣло съ концомъ!» Иному современному строчилѣ (вольный переводъ слова: фельетонистъ) и въ голову не приходитъ, что безъ жара, безъ смысла, безъ идеи, безъ охоты — все будетъ рутинной и повтореніемъ, повтореніемъ и рутинной. Ему и въ голову не приходитъ, что фельетонъ въ нашъ вѣкъ — это... это почти главное дѣло. Вольтеръ всю жизнь писалъ только одни фельетоны... Но Боже мой! что я! вѣдь я самъ пишу фельетонъ. Куда я заѣхалъ? Новостей! новостей!

О, господа! Мнѣ до того надоѣли всѣ новости, что я не понимаю, какъ еще васъ отъ нихъ не тошнитъ. Вотъ напимѣрь случилось что-нибудь съ Андрей Александровичемъ! Боже мой! Цѣлые стаи фельетонистовъ налетаютъ со всѣхъ сторонъ какъ хищныя птицы на павшую корову. Каждый хватаетъ свой клочекъ, всѣ клюютъ, клюютъ, щебечутъ, кричатъ, дерутся, какъ воробьи, когда они, цѣлыми тучами вдругъ быстро перелетаютъ съ одного пастна на дру-

вой. Не въ томъ дѣло, что они кричатъ: вѣдь и объ Андрей Александровичѣ можно сказать наконецъ хоть что-нибудь путное; ну, хоть занимательное. Не въ томъ дѣло, а въ томъ... но, господа, позвольте не договаривать въ чемъ. Даже и объ Андрей Александровичѣ не хочется говорить; переживимъ матерью, поговоримъ о другомъ.

Я думаю такъ: еслибъ я былъ не случайнымъ фельетонистомъ, а присяжнымъ, всегдашнимъ, мнѣ кажется я бы пожелалъ обратиться въ Эжена-Сю, чтобъ описывать петербургскія тайны. Я страшный охотникъ до тайнъ. Я фантазеръ, я мистикъ, и, признаюсь вамъ, Петербургъ, не знаю почему, для меня всегда казался какою-то тайною. Еще съ дѣтства, почти затерянный, заброшенный въ Петербургъ, я какъ-то все боялся его. Помню одно происшествіе, въ которомъ почти не было ничего особеннаго, но которое ужасно поразило меня. Я расскажу вамъ его во всей подробности; а между тѣмъ оно даже и не происшествіе, — просто впечатлѣніе: ну, вѣдь я фантазеръ и мистикъ!

Поню, разъ, въ зимній январскій вечеръ, я спѣшилъ съ Выборгской Стороны къ себѣ домой. Былъ я тогда еще очень молодъ. Подойдя къ Невѣ, я остановился на минутку и бросилъ пронзительный взглядъ вдоль рѣки въ дымную, морозно-мутную даль, вдругъ заалѣвшую послѣднимъ пурпуромъ зари, догоравшей въ мгlistомъ небосклонѣ. Ночь ложилась надъ городомъ, и вся необъятная, вспухшая отъ замерзшаго снѣга, поляна Невы, съ послѣднимъ отблескомъ солнца, осыпалась безконечными мирадами искръ игlistаго инея. Становился морозъ въ двадцать градусовъ... Мерзлый паръ валилъ съ усталыхъ лошадей, съ бѣгущихъ людей. Сжатый воздухъ дрожалъ отъ малѣйшаго звука, и словно великаны со всѣхъ кровель обѣихъ набережныхъ подымались и неслись вверхъ по холодному небу столпы дыма, сплетаясь и расплетаясь въ дорогахъ, такъ что казалось новыя зданія вставали надъ старыми, новый городъ складывался въ воздухѣ... Казалось наконецъ, что весь этотъ міръ, со всѣми жильцами его, сильными и слабыми, со всѣми жилищами ихъ, пріютами нищихъ, или разролоченными палатами, въ этотъ сумеречный часъ походитъ на фантастическую, волшебную грезу, на сонъ, который въ свою очередь тотчасъ исчезнетъ и искурится паромъ къ темносинему небу. Какая-то странная мысль вдругъ зашевелилась во мнѣ. Я вздрогнулъ, и сердце мое какъ-будто облилось въ это мгновеніе горячимъ ключемъ крови, вдругъ вскипѣвшей отъ прилива могущественнаго, но доселѣ незнакомаго мнѣ ощущенія. Я какъ-будто что-то понялъ въ эту минуту, до сихъ поръ только ще

взлѣвшееся во мнѣ, но еще неосмысленное; какъ-будто прозрѣлъ во что-то новое, совершенно въ новый міръ, мнѣ незнакомый и извѣстный только по какимъ-то темнымъ слухамъ, по какимъ-то таинственнымъ знакамъ. Я полагаю, что съ той именно минуты началось мое существованіе... Скажите, господа: не фантазёръ я, не мистикъ я съ самаго дѣтства? Какое тутъ происшествіе? что случилось? Ничего, ровно ничего, одно ощущеніе, а прочее все благополучно. Еслибъ я не побоялся оскорбить деликатность мыслей г. — бова, я бы прописалъ себѣ тогда и въ видѣ лекарства — розогъ, такъ, за мрачное направленіе... О, вижу, вижу, какъ встаетъ передо мной тучный образъ покойнаго Фаддея Венедиктовича. О, съ какимъ наслажденіемъ подхватилъ бы онъ въ субботнемъ фельетонѣ мою фразу о розгахъ.

Вотъ, смотрите, читатели и милыя читательницы! восклицалъ бы онъ четыре субботы сряду, сами признаются, что имъ надобно розогъ. Я покрайней мѣрѣ написалъ Выжигина, а они и т. д. и т. д. Но я надѣюсь, что Новый Поэтъ, наслѣдовавшій популярность Фаддея Венедиктовича четырнадцати-лѣтнемъ служеніемъ искусству, не пропишетъ мнѣ розогъ.

И вотъ съ тѣхъ поръ, съ того самаго видѣнія (я называю мое ощущеніе на Невѣ видѣніемъ) со мной стали случаться все такіе странныя вещи. Прежде въ юношеской фантазіи моей я любилъ воображать себя иногда, то Перикломъ, то Мариѣмъ, то христіаниномъ изъ временъ Нерова, то рыцаремъ на турнирѣ, то Эдуардомъ Глэддинггомъ изъ романа «Монастырь» Вальтеръ Скотта, и проч. и проч. И чего я не перемечталъ въ моемъ юношествѣ, чего не пережилъ всѣмъ сердцемъ, всей душою моею въ золотыхъ и воспаленныхъ грезяхъ, точно отъ опіума. Не было минутъ въ моей жизни полнѣе, святѣе и чище. Я до того замечтался, что проглядѣлъ всю мою молодость, и когда судьба вдругъ толкнула меня въ чиновники, я... я... служилъ примѣрно, но только что кончу бываю служебные часы, бѣгу къ себѣ на чердакъ, надѣваю свой дырявой халатъ, развертываю Шиллера и мечтаю, и упиваюсь, и страдаю такими болями, которыя слаще всѣхъ наслажденій въ мірѣ, и люблю, и люблю... и въ Швейцарію хочу бѣжать, и въ Италію, и воображаю перелъ собой Елисавету, Луизу, Амалію. А настоящую Амалію я тоже проглядѣлъ; она жила со мной, подъ бокомъ, тутъ же за ширмами. Мы жили тогда всѣ въ углахъ и питались ячменнымъ кофеємъ. За ширмами жилъ нѣкій мужъ, по прозвищу Млекопитаевъ; онъ цѣлую жизнь искалъ себѣ мѣста и цѣлую жизнь голодалъ съ чахоточной женою, съ худыми сапогами и съ голодными патерными дѣтьми. Амалія была старшая, звали ее впрочемъ не Амаліей, а Надей, ну,

да пусть она такъ и останется для меня навѣки Амаліей. И сколько мы романовъ перечитали вмѣстѣ. Я ей давалъ книги Вальтеръ-Скотта и Шиллера; а записывался въ бібліотеку у Смирдина, но сапоговъ себѣ не покупалъ, а замазывалъ дырочки чернилами; мы прочли съ ней вмѣстѣ исторію Клары Мовбрай и... разчувствовались такъ, что я теперь еще не могу вспомнить тѣхъ вечеровъ безъ перваго сотрясенія. Она мнѣ, за то что я читалъ и пересказывалъ ей романы, штопала старые чулки и крахмалила мои двѣ манжетки. Подъ конецъ, встрѣчаясь со мной на нашей грязной лѣстницѣ, на которой всего больше было яичныхъ скорлупъ, она вдругъ стала какъ-то странно краснѣть, — вдругъ такъ и вспыхнетъ. И хорошенькая какая она была, добрая, кроткая, съ затаенными мечтами и съ сдавленными порывами, какъ и я. Я ничего не замѣчалъ; даже можетъ быть замѣчалъ, но... мнѣ пріятно было читать *Kabale und Liebe* или повѣсти Гофмана. И какіе мы были тогда чистые, непорочные! Но Амалія вышла вдругъ замужъ за одно бѣднѣйшее существо въ мірѣ, человѣка лѣтъ сорока пяти, съ шашкой на носу, жившаго нѣкоторое время у насъ въ углахъ, но получившаго мѣсто и на другой же день предложившаго Амаліи руку и... непреходимую бѣдность. У него всего имѣнія было только шинель, какъ у Акакія Акакіевича, съ воротникомъ изъ кошки, «которую впрочемъ всегда можно было принять за кунницу». Я даже подозреваю, что будь у него кошка, которую нельзя было принять за кунницу, то онъ можетъ и не рѣшился бъ жениться, а еще подождалъ. Помню, какъ я прощался съ Амаліей: я поцѣловалъ ея хорошенькую ручку, первый разъ въ жизни; она поцѣловала меня въ лобъ и какъ-то странно усмѣхнулась, такъ странно, такъ странно, что эта улыбка всю жизнь царапала мнѣ потомъ сердце. И я опять какъ будто немного прозрѣлъ... О, зачѣмъ она такъ засмѣялась, — я бы ничего не замѣтилъ! Зачѣмъ все это такъ мучительно напечатлѣлось въ моихъ воспоминаніяхъ! Теперь я съ мученіемъ вспоминаю про все это, не смотря на то, что женись я на Амаліи, я бы вѣрно былъ несчастливъ! Куда бы дѣлся тогда Шиллеръ, свобода, ячменный кофе, и сладкія слезы, и грезы, и путешествіе мое на луну... Вѣдь я потомъ ѣздилъ на луну, господа.

Но Богъ съ ней, съ Амаліей. Только что я самъ обзавелся квартирой и смиреннымъ мѣстечкомъ, самымъ, самымъ смиреннымъ изъ всѣхъ мѣстечекъ на свѣтѣ, мнѣ стали сниться какіе-то другіе сны... Прежде въ углахъ, въ Амальпны времена, жилъ я чуть не полгода съ чиновникомъ, ея женихомъ, носившемъ шинель съ воротникомъ изъ кошки, которую можно было всегда принять за кунницу, и не хотѣлъ даже и думать объ этой кунницѣ. И вдругъ, оставшись

одинъ, я объ этомъ задумался. И сталъ я разглядывать и вдругъ увидѣлъ какіе-то странныя лица. Все это были странныя, чудовищныя фигуры, волюнъ прозаическія, вовсе не Дошъ-Карлосы и Поэты, а волюнъ титулярныя совѣтники и въ то же время какъ будто какіе-то фантастическіе титулярныя совѣтники. Кто-то гримасничалъ передо мною, спрятавшись за всю эту фантастическую толпу и передергивалъ какія-то нитки, пружинки, и кунолки эти двигались, а онъ хохоталъ, и все хохоталъ! И замерещилась мнѣ тогда другая исторія, въ какихъ-то темныхъ углахъ, какое-то титулярное сердце, честное и чистое, нравственное и преданное начальству, а вмѣстѣ съ нимъ какія-то дѣвочка, оскорбленная и грустная, и глубоко разорвала мнѣ сердце вся ихъ исторія. И еслибъ собрать всю ту толпу, которая тогда мнѣ приснилась, то вышелъ бы славный маскарадъ... Теперь, теперь дѣло другое. Теперь мнѣ снится пожалуй хоть и тоже, но въ другихъ лицахъ, хотя и старые знакомые стучатся иногда въ мою дверь. Приснилось мнѣ недавно вотъ что: жилъ былъ одинъ чиновникъ, разумѣется въ одномъ департаментѣ. Ни протеста, ни голоса въ немъ никогда не бывало; лицо волюнъ безгрѣшное. Вѣдь на немъ почти тоже не было; вѣдундиръ пересталъ исполнять свое назначеніе. Ходилъ мой чудакъ скорбившись, смотрѣлъ въ землю, и когда бывало, возвращаясь изъ должности къ себѣ на Петербургскую, онъ попадалъ на Невскій, то навѣрное на Невскомъ никогда не являлось еущества покорнѣе и безответнѣе, такъ что даже кучеръ, хлестнувшій его одинъ разъ кнутикомъ, такъ, изъ ласки, когда онъ перебѣгалъ черезъ нашу великолѣпную улицу, почти подивился на него, потому что онъ даже не поворотилъ къ нему головы, не то чтобы выругалъ. Дома у него была старая тетка, родившаяся съ зубной болью и подвязанной щекой, и ворчунья жена, съ шестерыми дѣтьми. И когда всѣ дома просили хлѣба, рубашекъ и обуви, онъ сидѣлъ себѣ въ уголку у пѣчки, не отвѣчалъ ни слова, писалъ казенныя бумаги, или упорно молчалъ, опуств глаза въ землю и что-то врѣшптъывал, какъ-будто замалшивалъ у Господа свои прегрѣшенія. Терпѣнія не стало наконецъ ни у матери, ни у дѣтей. Они жили въ мезонинѣ деревяннаго домика, половина котораго уже обвалилась, а другая обваливалась. И когда слезы, попреки и терзанья дошли наконецъ до послѣдней степени, бѣднякъ вдругъ поднялъ голову и проговорилъ какъ Валаамовъ оселъ, но проговорилъ такъ странно, что его отвезли въ сумасшедшій домъ. И могло же войти ему въ голову, что онъ — Гарибальди! Да! всѣ чиновники, его сослуживцы, показали, что онъ уже лѣтъ недѣли заботился объ этомъ; вычиталъ онъ что-то случайно въ подвернувшейся на столѣ газетѣ. Никогда-то онъ почти ни съ кѣмъ ни говорилъ и вдругъ началъ беспокоиться, смущать-

ся, разспрашивать все о Гарибальди и объ итальянскихъ дѣлахъ, какъ Цюврингъ объ испанскихъ... И вотъ въ немъ образовалась мало по малу неотразимая увѣренность, что онъ-то и есть Гарибальди, Флибустьеръ и нарушитель естественнаго порядка вещей. Сознавъ въ себѣ свое преступленіе, онъ дрожалъ день и ночь. Ни стѣны жены, ни слезы дѣтей, ни высокобѣрные лакеи у подъѣздовъ, подставляющіе ему на Невскомъ ногу, ни ворона, сбѣвшая ему одижды на улицѣ на ископанную его шляпу и возбудившая всеобщій смѣхъ его департаментскихъ, ни кнутки лихачей-извозчиковъ, ни пустое собственное брюхо—ничто, ничто уже болѣе не занимало его. Весь Бомій міръ скользялъ передъ нимъ и улеталъ куда-то, земля скользила изъ подъ ногъ его. Онъ одно только видѣлъ вездѣ и во всемъ: свое преступленіе, свой стыдъ и позоръ. Что скажетъ иль превосходительство, что скажетъ самъ Дементій Ивановичъ, начальникъ отдѣленія, что скажетъ наивонецъ Емельянъ Лукичъ, что скажутъ они, они всѣ... Бѣда! И вотъ въ одно утро онъ вдругъ бросился въ ноги его превосходительству: виновать дескать, сознаюсь во всемъ, я—Гарибальди, дѣлайте со мной что хотите!.. Ну, и одѣлаи съ нимъ... что надо было сдѣлать. Когда мнѣ приснился этотъ сонъ, я самъ засмѣялся надъ собою и надъ странностью моихъ сновъ. И вдругъ — сонъ въ руку. Какъ вамъ прѣзится, господа: вычиталъ я недавно изъ газетъ опять одну тайну. Дѣйствительно тайну; въ газетахъ напечатано и истолковано, а все-таки тайну. Открылся вдругъ новый Гарпагонъ, умершій въ самой ужасной бѣдности, на грудахъ золота. Старикъ этотъ, котораго тоже нужно отнести къ замѣчательнымъ субъектамъ доктора Крупова, былъ нѣкто отставной титулярный совѣтникъ Соловьевъ, имѣвшій около восьмидесяти лѣтъ отъ роду. Онъ нанималъ себѣ уголь за ширмой за три рубля. Въ своемъ грязномъ углу Соловьевъ жилъ уже болѣе года, не имѣлъ никакихъ зачатій, постоянно жемолкался на скудость оредовъ и даже, вѣрный характеру своей видимой бѣдности, за квартиру во-время не платилъ, оставшіе послѣ смерти должны за цѣлый годъ. Въ теченіе этого года новый Плюшкинъ постоянно былъ боленъ, страдалъ одышкою и груднымъ разстройствомъ и ходилъ за совѣтами и лекарствами въ Максимилиановскую лечебницу. Онъ отказывалъ себѣ въ свѣжей пищѣ, даже въ послѣдніе дни своей жизни. Послѣ смерти Соловьева, умершаго на локотьяхъ, среди отвратительной и грязной бѣдности, найдено въ его бумагахъ 169,022 р. с. кредитными билетами и наличными деньгами. Газетное объявленіе гласить, что найденныя деньги отданы на храненіе въ департаментъ управы благочинія, а тѣло умершаго подлежитъ вскрытію...

Я раздумывалъ объ этомъ происшествіи и приближался къ го-

стинуому двору. Становился вечеръ; въ магазинахъ, за цѣльными, слегка запотѣвшими стеклами, загорѣлся газъ. Рысаки и ошцоры летѣли по Невскому; тяжело хруста по снѣгу, неселся блестящій кареты, запряженныя гордыми конями, съ гордыми кучерами и надменными лакеями. Изрѣдка раздавался звонкій стукъ подковы, тронувшей сквозь снѣгъ камень; по тротуарамъ валяли прохожіе... была канунъ Рождества... И вотъ передо мною въ толяѣ мелькнула какая-то фигура, не дѣйствительная, а фантастическая. Я вѣдь никакъ не могу отказаться отъ фантастическаго настроенія. Еще въ сороковыхъ годахъ меня называли и дразнили фантазѣромъ. Тогда впрочемъ я не пролѣзъ въ одну щелочку. Теперь, разумеется — сѣдина, житейская опытность и т. д., и т. д., а между-тѣмъ я все-таки остался фантазѣромъ. Фигура, скользящая передо мною, была въ шинели на ватѣ, старой и изношенной, которая непременно служила хозяину вмѣсто одѣяла ночью, что видно было даже съ перваго взгляда. Исковерканная шляпа, съ обломанными полями, сбивалась на затылокъ. Ключики сѣдыхъ волосъ выбивались изъ подъ нея и падали на воротникъ шинели. Старичокъ подпирался палкой. Онъ жевалъ губами и, глядя въ землю, торопился куда-то, вѣроятно къ себѣ домой. Дворникъ, сгребавшій съ тротуара снѣгъ, нарочно подбросилъ прямо на его ноги цѣлую лопату; но старичокъ этого даже и не замѣтилъ. Поровнявшись со мной, онъ взглянулъ на меня и мигнулъ мнѣ глазомъ, умершимъ глазомъ, безъ свѣта и силы, точно предо мной приподняли вѣху у мертвеца, и я тотчасъ догадался, что это тотъ самый Гарпагонъ, который умеръ съ полмилліономъ на своихъ ветошкахъ и ходилъ въ Максимилиановскую лечебницу. И вотъ (у меня воображеніе быстрее) передо мной нарисовался вдругъ образъ, очень похожій на пушкинскаго скуного рыцаря. Мнѣ вдругъ показалось, что мой Соловьевъ лицо колоссальное. Онъ ушелъ отъ свѣта и удалился отъ всѣхъ соблазновъ его къ себѣ за ширмы. Что ему во всемъ этомъ пустомъ блескѣ, во всей этой нашей роскоши? К чему покой и комфортъ? Что ему за дѣло до этихъ лицъ, до этихъ лакеевъ, сидящихъ на каретахъ, до этихъ господъ и госпожъ, сидящихъ внутри каретъ; до этихъ господъ, катающихся на рыскахъ, и до этихъ господъ, бредущихъ пѣшкомъ, до этихъ очаровательныхъ молодыхъ людей, на лицахъ которыхъ написана ненасытная жажда камелій и рублей серебромъ?.. Что ему за дѣло до этихъ камелій, Минянъ и Армансъ?.. Нѣтъ; ничего ему не надо, у него все это есть, — тамъ, подъ его подушкой, на которой наволочка еще съ прошлаго года. Пусть съ прошлаго года: онъ свиснетъ, и къ нему послушно приползетъ все, что ему надо. Онъ захочетъ, и многія лица очаст-

двигать его внимательной улыбкой. Вотъ вино, — оно бы согрѣло его кровь; оно бы помогло ему, в даже мелорогое вино... Не надо ему никакого. Онъ выше всѣхъ желаній... Но когда я фантазировала такимъ образомъ, мнѣ показалось, что я хватилъ не туда, что я обкрадываю Пушкина, и дѣло происходило совсѣмъ другимъ образомъ. Нѣтъ, это было вѣрно не такъ. Лѣтъ шестьдесятъ назадъ, Соловьевъ вѣрно гдѣ-нибудь служилъ; былъ молодъ, юнъ, лѣтъ двадцати. Можетъ быть и онъ тоже имѣлъ увлеченія, развѣзжалъ на извозчикахъ, зналъ какую-нибудь Луизу и ходилъ въ театръ смотрѣть «Жизнь Игрока». Но вдругъ съ нимъ что-нибудь случилось такое, какъ-будто подталкивающее полъ локоть, — одно изъ тѣхъ происшествій, которыя въ одинъ мигъ измѣняютъ всего человѣка, такъ что онъ даже самъ того не замѣтитъ. Можетъ быть съ нимъ была какая-нибудь минута, когда онъ вдругъ какъ-будто во что-то прозрѣлъ и заробѣлъ передъ чѣмъ-то. И вотъ, Акакій Акакиевичъ копить гроши на кувницу, а онъ откладываетъ изъ жалованья и копить, копить на черный день, неизвѣстно на что, но только не на кувницу. Онъ иногда и дрожитъ, и бонится, и закутывается воротничкомъ шишели, когда идетъ по улицамъ, чтобъ не испугаться кого-нибудь, и вообще смотритъ такъ, какъ-будто его сейчасъ расквеля. Проходить годы, и вотъ онъ пускаетъ съ успѣхомъ гроши свои въ ростъ, по мелочамъ, чиновникамъ и кухаркамъ, подъ вѣрнѣйшіе заклады. Копится сумма, а онъ робѣетъ и робѣетъ все больше и больше. Проходить десятки лѣтъ. У него уже таятъ заклады тысячные и десяти-тысячные. Онъ молчитъ и копить, все копить. И сладостно и страшно ему, и страхъ все больше и больше томитъ его сердце, до того, что онъ вдругъ осуществляетъ свои капиталы и скрывается въ какой-то бѣдный уголъ. Онъ держалъ было сначала у себя, въ заплесневелой квартирѣ своей, со стѣнами подъ желтой краской, кухарку и кошку; кухарка была глупа, но честная отъ глупости. А онъ все ее бранилъ и корилъ; ѣлъ картофель, пилъ цикорій, — и поилъ имъ и кухарку, безответную и послушную. Мясо покупалъ онъ только для кошки, въ мѣсяцъ по фунту, и она отъ этого страшно мяукала, и когда мяукала и жалобно смотрѣла въ его глаза, прося говядинки, и терлась около него, подвывая хвостъ строкою, онъ гладилъ ее, называлъ ее Машей, а говядинки все-таки не давалъ. Все богатство его состояло въ стѣнныхъ часахъ, съ гирями на веревкахъ, и отъ нечего дѣлать онъ посматривалъ на эти часы, какъ-будто интересуясь, который часъ. Но оклѣла кошка, за кухаркой прислалъ мужъ изъ деревни, часы давно уже стали и развалились. Старичокъ остался одинъ, осматривалъ, пожевалъ губами и продалъ за два гроша на толкучій свои три про-

валвшіеся стула, ломберный столъ, съ котораго онъ давно уже придумалъ содрать сукно, чтобъ употребить его на внутреннюю подкладку халата, но не употребилъ, а пожевавъ губами, бережно сложилъ и спряталъ въ свой узелокъ. Продалъ онъ и часы и — отправился проживать по угламъ. По угламъ, за ширмами онъ спалъ, бѣлъ картофель, уменьшая каждый день его количество, треталъ и боялся, не доплачивалъ денегъ и, не заплативъ, пореѣзжалъ въ другіе углы, чтобъ не заплатить потомъ и тамъ. И сколько разъ можетъ быть бѣдная нѣмка, его хозяйка, въ папильоткахъ и грязная, приставала къ нему, чтобъ онъ отдалъ ей хоть одинъ грошъ своего долга. Онъ только ахалъ и охалъ, говорилъ ей о благочестіи, о долготерпѣнн и милосердіи, крестилъ себѣ ротъ и засыпалъ тревожно и съ дрожью, чтобъ кто-нибудь не узналъ его тайны, чтобъ хозяйка не провѣдала... И зачѣмъ онъ ходилъ въ Максимилиановскую лечебницу! Зачѣмъ ему было лечиться? Для чего ему была жизнь? И предчувствовала ли онъ, что всѣ его поминію поступать на храненіе въ управу благочинія? Впрочемъ его тѣло хотѣло вскрывать, увѣриться, что онъ былъ сумасшедшій. Мнѣ кажется, что вскрытіемъ не разъясняются подобные тайны. Да и какой онъ былъ сумасшедшій!

И вошелъ въ гостинный дворъ. Подъ арками кишѣла толпа людей, сивозъ которую даже трудно было пробиться. Все это покупало и запасалось на праздники. Подъ арками же преимущественно продавались игрушки и стояли готовые елки всѣхъ сортовъ, и бѣлые и богатые. Предъ грудой игрушекъ стояла одна толстая дама съ лорнетомъ и съ лакеемъ въ какой-то невозможной мнурѣ. Даму сопровождалъ курносый и чрезвычайно потертый молодой человекъ. Дама щебетала и выбирала игрушки; въ особенности ей нравилась фигурка въ синемъ мундирѣ и красныхъ панталонахъ.

— *C'est un Zouave, c'est un Zouave*, пищала дама; *voyez, Victor, c'est un Zouave; car enfin il a... enfin c'est rouge; c'est un Zouave!*

И дама съ восторгомъ купила зуава.

Недалеко отъ нихъ, у другаго вороха игрушекъ, въ толпѣ покупателей стояли господинъ и госпожа и долго выбирали, чтобы купить, чтобъ и хорошо было и подешевле. Послѣднее кажется очень занимало господина.

— Посмотри, душенька, вѣдь щелкаетъ, говорилъ онъ своей подругѣ жизни, показывая ей деревянную пушечку, которая дѣйствительно щелкала. Смотри, видишь — щелкаетъ!

И господинъ нѣсколько разъ щелкнулъ передъ глазами своей озабоченной барыни. Но той хотѣлось игрушку получше; она съ недоумѣніемъ смотрѣла на пушку.

— Лучше бы вотъ хоть эту куклу, сказала она, безнадежно указавъ на нее пальцемъ.

— Эту куклу? ги... проговорилъ господинъ. Отчего же, душенька, смотри — вѣдь шелкаетъ?

Его нахмуренное раздумье, серьезное, озабоченное каждымъ гриппеникомъ лицо свидѣтельствовало, что деньги доставались ему не даромъ. Онъ не рѣшался и, съ нахмуреннымъ видомъ, молча, продолжалъ шелкать изъ пушечки. Я не знаю, что они купили. Я продолжалъ пробираться сквозь толпу, преслѣдуемый памятью Шиллера, продаваемою мальчишками, къ которой присоединился теперь и Викторъ Эммануиль. Изрѣдка въ толпѣ слышался робкій голосъ ребенка, украдкою просившаго милостыню.

— Милостивый государь, извините, что осмѣливаюсь васъ беспокоить...

Я оглянулся. За мною слѣдовалъ одинъ господинъ, въ форменномъ пальто, котораго я подозреваю выгнаннымъ изъ службы. Иначе быть не можетъ. Они всѣ ходятъ потомъ въ форменныхъ пальто, особенно бывшіе подъ судомъ. Это господинъ вершковъ девяти росту, съ виду лѣтъ тридцати пяти и родной братецъ Ноздреву и поручику Живновскому, въ фуражкѣ съ краснымъ околышкомъ, съ отвратительно-свѣжимъ цвѣтомъ лица и съ необыкновенно-тщательно выбритою физиономіей, до того открытой и «благородной», что при взглядѣ на нее у васъ рождалось непреодолимое желаніе плюнуть прямо въ эту физиономію. Я его знаю; онъ уже мнѣ не разъ встрѣчался на улицѣ.

— Преслѣдую васъ нечаяемъ. Самъ давалъ по пятнадцати цѣлковыхъ нуждавшимся. Милостивый государь... съ вашей стороны... если смѣю надѣяться...

Не одного этого господина, давашаго по пятнадцати цѣлковыхъ нуждавшимся (надо было бы узнать, сколько онъ еодралъ съ другихъ нуждавшихся?), я встрѣчалъ на петербургскихъ улицахъ. Или мое такое несчастье, или я имѣю какое-нибудь особенное свойство на нихъ ватыкаться. Я помню еще одного господина, тоже въ форменномъ сѣромъ пальто, необыкновенно чистомъ и новомъ съ великолѣпнѣйшими бакенбардами и съ благородствомъ лица неизобразимымъ. Эта лицо сіяло здоровьемъ, бѣлыя руки блестѣли чистотою. Онъ придрался ко мнѣ на нѣмецкомъ языкѣ, вѣроятно чтобъ не компрометировать себя передъ «публикой»; я не зналъ, какъ отстать отъ него. Такого безстыдства я никогда еще не встрѣчалъ... А какіе бы пѣзъ всѣхъ этихъ попрошайекъ вышли славные накатчики насосовъ, или работники на желѣзныхъ дорогахъ! что за сила, что за здоровье! Но —

благородство препятствует! И какіе должно быть они были въ свое время дантисты...

Но встрѣча съ пальто отвратительно благородной наружности напомнила мнѣ другую встрѣчу лѣтомъ, въ августѣ мѣсяцѣ. Въ тотъ день я имѣлъ двѣ встрѣчи; одна изъ нихъ произвела на меня премиленное впечатлѣніе. Я проходилъ по Фонтанѣ мимо одного барскаго дома. У подъѣзда стояла щегольская двухѣстная карета. Вдругъ швейцаръ отворилъ двери и изъ нихъ вышла молодая и изящная парочка. Дама, одѣтая пышно и богато, прехорошенькая и премоладенская, порхнула въ карету, за нею вскочилъ господинъ, еще очень молодой человекъ, въ блестящемъ военномъ мундирѣ, и только что лакей успѣлъ захлопнуть дверцы, молодой человекъ впился поцѣлуемъ въ губки хорошенькой дамочки, которая съ наслажденіемъ приняла его ласку. Я разглядѣлъ всю эту мгновенную сцену сквозь стекло кареты. Они меня не примѣтили; карета рванулась, а я расхохотался стоя на тротуарѣ. Не было сомнѣнія, что это «молодые», дѣлавшіе визиты. Супруги послѣ медо-ваго мѣсяца въ каретахъ не цѣлуются.

Часовъ въ пять по-полудни того же дня я проходилъ по Вознесенскому проспекту. Вдругъ я услышалъ за собой робкій, слабый голосъ; я обернулся, — передо мной стоялъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати или тринадцати, съ миленькимъ и добрымъ личикомъ, смотрѣвшій на меня просящимъ и стыдливимъ взглядомъ. Онъ что-то говорилъ, но голосъ его прерывался и немного дрожалъ. Одѣтъ онъ былъ бѣдно, но очень чисто, въ лѣтнемъ легкомъ пальто, въ фуражкѣ, но въ довольно худыхъ сапогахъ. Старенькій полковникъ галстучей былъ аккуратно повязанъ у него на шеѣ. По всему было видно, что онъ принадлежалъ къ семейству бѣдному, но честному и выдававшему лучшіе дни. И видно было, что этотъ галстухъ повязала ему сама маменька или старшая сестрица. Воротнички его довольно толстой рубашки были очень чисты. Манеры мальчика были просты и вѣжливы. Въ усталомъ лицѣ его было много благороднаго, искренняго выраженія.

— Извините меня, что я васъ безпокою, сказалъ онъ. Будьте такъ добры, дайте мнѣ пожалуйста что-нибудь... Проговоривъ это, онъ слегка покраснѣлъ.

Я отступилъ на шагъ отъ удивленія. Такъ странною показалась мнѣ его просьба.

— Но кто-же вы? проговорилъ я въ недоумѣніи, — и какъ это вы... просите. Я право не ожидалъ.

— Меня утромъ послали папенька и маменька къ нашимъ роднымъ на Петербургскую сторону. Они думали, что я тамъ могу обѣ-

дать. Но тамъ... я не могъ обѣдать, долго ждалъ и теперь иду домой; я очень усталъ и мнѣ очень хочется ѣсть...

— А гдѣ вы живете?

— У Смольнаго монастыря... Дайте мнѣ шесть копѣекъ, вотъ тутъ въ лавочкѣ есть пироги, я въ окошко видѣлъ; эти пироги по шести копѣекъ, я куплю пирогъ и отдохну въ лавочкѣ, а тамъ опять пойду...

Къ счастью у меня въ карманѣ былъ четвертакъ, и я отдалъ его бѣдному мальчику.

— Скажите, кто же ваши родители? спросилъ я.

— Папенька сперва служилъ, отвѣчалъ мальчикъ, и я ходилъ въ гимназію. Насъ четверо, сестеръ и братьевъ. А какъ папенька вышшняго года потерялъ мѣсто, я ужъ и не хожу въ гимназію; жалованья нѣтъ, и мы теперь... очень бѣдны...

Вся исторія въ вѣсколькихъ словахъ.

Очень бѣдны, очень бѣдны!

Бѣдность конечно фактъ... ну, положимъ такъ — исключительный, спорить не будемъ. Вѣдь есть же и богатые и достаточные люди; у нихъ есть дѣти милые, умные, воспитанные; имъ покупаютъ звувовъ, и звуавы можетъ быть не помѣшаютъ имъ быть очень хорошими людьми современемъ... Вѣдь у насъ чрезвычайно все это странно; по неизвѣстному какому-то закону дѣлается, а долженъ же быть законъ; вѣдь по законамъ же дѣйствуетъ природа и живетъ человѣкъ. А между тѣмъ все таки странно. Изъ мужицкой семьи выходитъ вдругъ поэтъ, да еще какой; изъ спеціального заведенія — мыслитель! И потому я покоенъ за встрѣченнаго мною мальчика. Онъ не пропадетъ; жаль конечно его отца, но онъ какъ-нибудь пріютится, найдетъ себѣ мѣсто, обойдется. Вѣроятно онъ уже человѣкъ законченный. Ктому же вѣдь и не безъ маленькихъ же несчастій на землѣ; да и не онъ одинъ, не такъ ли? Но все таки невыносимо, когда — ну хоть невольно, — подумаешь, сколько грустнаго цинизма, сколько тяжелыхъ впечатлѣній вынесетъ этотъ мальчикъ изъ своего дѣтства. И не отразится ли этотъ цинизмъ въ его нравственномъ развитіи? А если отразится, то чѣмъ? отвращеніемъ ли къ этому цинизму, или однимъ изъ тѣхъ примиреній, которыя губятъ душу на вѣки? Этотъ уже мальчикъ учился, онъ уже многое понимаетъ; онъ краснѣетъ и стыдится. Онъ честенъ и уже мыслитъ, потому что несчастіе учитъ мыслить, да иногда и слишкомъ рано. Что? какъ же отзовется ему потомъ его случайное нищенство? Будетъ ли онъ вспоминать этотъ день съ отвращеніемъ и содроганіемъ или обратится въ дармоѣда въ от-

ставкѣ, въ форменномъ пальто и съ отвратительно-блатородной неружностью? Но... успокоился; къ чему совершенно бесполезные вопросы? Бѣдность всегда исключеніе; всѣ живутъ и живутъ кое-какъ. Общество не можетъ быть все богато; общество не можетъ быть безъ случайныхъ несчастій. Неправда ли? Я вамъ даже могу рассказать одну повѣсть чрезвычайно-оригинальной и даже очень граціозной бѣдности. Но эту повѣсть я оставлю къ концу моего фельетона. Прибавлю только, что еслибъ всѣ были — ну хоть только богаты; то было бы крайне однообразно, кому же бѣдность развиваетъ человѣка, учитъ его иногда добродѣтели... неправда ли? Если бъ на свѣтѣ вездѣ нахло духами, то мы бы и не цѣнили запаха духовъ. О, Кузьма Прутковъ, прими сей афоризмъ въ число знаменитыхъ фразъ, изрѣченныхъ твоею мудростію! Но не о Кузьмѣ Прутковѣ я намѣренъ теперь говорить. Я хочу сказать два слова о нашемъ «Новомъ Поэтѣ» именно по поводу бѣдности. Онъ описываетъ въ своемъ послѣднемъ фельетонѣ безумную петербургскую роскошь и... бѣдность — не въ Петербургѣ, но на Петербургской сторонѣ, близъ Смольнаго монастыря и вообще на оконечностяхъ, — что, какъ извѣстно, уже не Петербургъ. Но упоминая о бѣдности, онъ заявляетъ, что дороговизна петербургской жизни начинается возбуждать нѣкоторыя заботы въ петербуржцахъ, въ людяхъ благонамѣренныхъ и вообще въ тѣхъ гражданахъ Петербурга, которые въ состояніи что-нибудь сдѣлать. Онъ приводитъ на примѣръ слухъ объ учрежденіи комитета народнаго здравія, въ которомъ, за исключеніемъ докторовъ, будутъ засѣдать представители городскихъ сословій, фабриканты и ремесленники. Конечно этотъ комитетъ что-нибудь скажетъ и будетъ дѣйствовать наиболѣе полезнымъ образомъ, да и вообще это прекрасная мысль. Мы любимъ комитеты и уважаемъ ихъ. Посмотрите на Комитетъ литературнаго фонда: какъ много онъ сдѣлалъ для пользы литераторовъ, съ какой необыкновенной быстротой приумножаетъ свой капиталъ, какъ дѣятельны всѣ его члены, какъ замѣтна для всѣхъ ихъ дѣятельность! Вотъ уже новый годъ, а уже было одно публичное чтеніе въ пользу нуждающихся литераторовъ и ученыхъ. Уже составилось, успѣло состояться. — А вѣдь чтенія — важная вещь. Чтенія — одинъ изъ главнѣйшихъ доходовъ литературнаго фонда. Сколько привнесла она прошлаго года денегъ! Кроиѣ «Комитета для народнаго здравія» была еще рѣчь одного инженера г. Васильева, о которой тоже упоминаетъ Новый Поэтъ и которая впрочемъ появилась особой брошюрой. Г. Васильевъ излагаетъ свой взглядъ на современное состояніе вопроса объ улучшеніи Петербурга, и обращаетъ тоже вниманіе и на дороговизну петербургской жизни. Да,

на это можно обратить вниманіе; это даже стоитъ того. Говорятъ, что въ Петербургѣ нельзя теперь тратить меньше полуторы тысячи рублей серебромъ, а меньше тысячи для еемейнаго человѣка почти уже бѣдность. Гдѣ же взять тысячу рублей? Конечно, еслибъ я былъ Иваномъ Александровичемъ Гончаровымъ, я бы написалъ какихъ-нибудь полтора печатныхъ листика, такъ, чего-нибудь въ родѣ отрывка (каждая крупица высококонтантливаго человѣка драгоценна), — и вотъ ужъ у меня и тысяча серебромъ. Но вѣдь не всѣ же Иваны Александровичи Гончаровы!

Наконецъ Новый Поэтъ упоминаетъ и объ мысляхъ г. Лаврова въ Пассажѣ... Ахъ, извините! это уже не для улучшенія Петербурга. Это такъ, для философіи. Чтожъ? и философія можетъ вѣдь послужить къ улучшенію. Она украшаетъ умъ, даетъ ему разныя мысли, ну, и прочее и все остальное. Я вообще ужасно люблю, когда Новый Поэтъ говоритъ на примѣръ о философіи, объ искусствѣ... и вообще про добродѣтель. Правда, его слова объ искусствѣ, по поводу мыслей г. Лаврова, немного... какъ бы это сказать — ну, хоть не много удивятъ г. Лаврова, тѣмъ болѣе что Новый Поэтъ обращается къ нему съ вопросомъ: какъ онъ объ его словахъ думаетъ? Но вѣдь нельзя же человѣку знать все, всю подноготную; судить обо всемъ одинаково удовлетворительно; вѣдь иногда и ошибается человекъ. Повторяю: не будь разнообразія, было бы очень скучно. Почему жъ лишить этого разнообразія и Новаго Поэта? Напротивъ, ему именно надо пожелать вѣкотораго разнообразія, хотя мы все-таки читаемъ его съ величайшимъ удовольствіемъ, даже и въ теперешнемъ видѣ, и получая «Современникъ» — единственный русскій журналъ, въ которомъ *всѣ* статьи можно читать съ любопытствомъ, — мы всегда разрѣзываемъ прежде всего Новаго Поэта и г. — бова.

Въ спорахъ голосисты,
Смѣлы не впадаютъ,
Эти публицисты
Скоро замолчатъ.
Будутъ жить для цѣлей
Мелкой суеты, —
И опять камелій
Станешь пѣть намъ ты.

Не соглашаюсь! Совершенно не соглашаюсь! Это стихотвореніе какъ-то случайно попало къ мнѣ, и я нечаянно его затвердилъ; но — не соглашаюсь! Конечно всякій можетъ имѣть свои мнѣнія. Можно не соглашаться съ г. —бовымъ, но мнѣ кажется, я-бы умеръ со скуки за его статью, еслибъ онъ хотѣлъ на сколько-нибудь

измѣнилъ характеръ своихъ указовъ, отлаиваемыхъ ими по русской литературѣ:

Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ,
 Въ статьяхъ Дудышкина есть чары,
 И поучительны отъ прозы до стиховъ
 Литературныя базары,
 Есть упоеніе въ софизмахъ Гымала,
 Есть перлы въ омутѣ журналовъ,
 Милъ Войскобойниковъ, собирающій во мглѣ
 Большую серію скандаловъ,
 Я это всё люблю, но ты, о, критикъ — бою
 Для сердца ты всего дороже!
 Не мысля я скажу — ты выше всѣхъ умовъ,
 Подумая — скажу я тоже.
 Ты можешь критикой вознестъ или погубить,
 Тобою гордъ журнальный лагерь,
 И равный силами съ тобой лишь, можетъ быть,
 Одинъ Копрадъ Лиліеншвагеръ.

Но кромѣ г. —бова я люблю и «Новаго Поэта», даже больше чѣмъ г. —бова. Меня всегда возмущало, что его считаютъ родоначальникомъ литературныхъ скандаловъ. Не вѣрю и не хочу вѣрить. Имя его въ литературѣ до сихъ поръ безукоризненно и честно. Еще давно, чуть не въ дѣтствѣ моемъ я началъ читать Новаго Поэта. Я всегда любилъ воображать паружность поэтовъ и прозаиковъ, которые произвели на меня впечатлѣніе. Но, странное дѣло, я никакъ не могъ добиться увидѣть портретъ Новаго Поэта. Я отыскивалъ его между портретами г. Краевского, г. Старчевскаго, вообще между портретами всѣхъ русскихъ дѣятелей слова и мысли, изданныхъ г. Мюнстеромъ и которыхъ уже издано теперь можетъ быть до ста лицъ, и никакъ не могъ отыскать въ ихъ числѣ Новаго Поэта. Но довольно о Новомъ Поэтѣ. Меня еще пожалуй обвинять въ пристрастіи. Я вѣдь заговорилъ о немъ собственно по поводу одной оды, *будто-бы*, написанной петербургскими камеліями: чего не сочиняютъ праздные люди! Вотъ эта ода:

О Д А

ПЕТЕРБУРГСКИХЪ КАМЕЛІЙ НОВОМУ ПОЭТУ

Золото, роскошь, уборы алмазные
 Вкругъ разсыплются насъ,
 Вадимъ мы въ оперы — пышныи, праздныи,
 Всѣмъ богачамъ на показъ.

Жемчугъ, кораллы, съ нарядами рѣдкими,
 Лошади, упряжь каретъ —
 Все это далъ намъ своимъ замѣткамъ,
 Новый поэтъ.

Всѣ мы — Шарлоты, Армансы, Амелии —
 Прежде не знали тѣхъ благъ;
 Было въ презрѣннѣ имя Камелии,
 Мы утопали въ долгахъ;
 Вдругъ улыбуясь намъ счастье алмазами,
 Принялъ съ восторгомъ насъ свѣтъ,
 Лишь о камелияхъ вышелъ съ разсказами
 Новый поэтъ.

Сталъ рисовать онъ съ особой любовью
 Невскихъ гетеръ идеалъ.
 Вспрянула старцы съ векипѣшею кровью,
 Кругъ молодежи возстаеъ.
 Зелота въ грудахъ сънесли наши цѣлншванн,
 Бѣдности мнрутъ и сѣбѣ,
 Какъ подносишь намъ вънокъ въ Современникѣ
 Новый Поэтъ.

Пусть врагъ прогресса, развитія женскаго,
 Дерзкій аскетъ насъ клянеть, —
 Новый Поэтъ отъ хулы Аскоченскаго
 Юныхъ камелий спасетъ.
 Пусть публикуетъ занять дѣломъ Италинъ,
 — Възъ порицаетъ весь свѣтъ, —
 Вновь воспоетъ наши идечи и талии
 Новый поэтъ.

Ты, увлеченъ благородною цѣлю,
 Нашъ воспѣвалъ идеалъ,
 И на пирахъ за то каждой камелией
 Пить твой ваздравный бокалъ.
 Если жъ стезю твою литературную
 Кочнишь ты въ старости лѣтъ, —
 Всѣ мы почитамъ тебя мраморной урною,
 Новый Поэтъ.

Шутка, милая шалость! но совершенно неправдоподобная; во
 первыхъ ни одна изъ камелий не станеть сочинять стихи. Вообще
 всѣ подобныя произведенія грѣшатъ своею неправдоподобностію,
 хотя тѣмъ самымъ становятся безобидны. Такъ наприиѣръ извест-
 ная эниграмма въ прозѣ на г. Краерскаго, помѣщенная въ прошло-

годней Искрѣ, если припомните, читатель, упоминала еще о г. Нерейрѣ, г. Дудышкинѣ и сен-симонистахъ. Совершенно неправдоподобная эниграмма! Кстати о г. Краевскомъ: въ одномъ изъ прошлогоднихъ объявленій объ изданіи «Отечественныхъ Записокъ» въ шестьдесятъ первомъ году, сказано, что отдѣломъ критики будутъ завѣдовать съ будущаго года гг. Дудышкинъ и Краевскій. Это объявленіе произвело нѣкоторый говоръ, какъ «известная статья въ «Отечественныхъ Запискахъ» — «литература скандаловъ»; меня даже просили увѣдомить публику, что объявленіе о будущихъ критикахъ г. Краевского должно считать самымъ важнымъ и самымъ назойливымъ литературнымъ скандаломъ за весь прошлый годъ. По моему это уже слишкомъ сильно. Не такъ ли? Почему же г. Краевскому не написать хорошей критики? Онъ редакторъ Энциклопедическаго Лексикона. Онъ уже слишкомъ двадцать лѣтъ издаетъ журналъ. Если онъ до сихъ поръ не писалъ, то еще нельзя сказать, что онъ не напишетъ. А впрочемъ мнѣ кажется, что извѣстіе о будущей критической дѣятельности г. Краевского не совсѣмъ справедливо. Спѣшу оговориться: можетъ быть я ошибаюсь и, во всякомъ случаѣ, съ нетерпѣніемъ буду ждать выхода номера «Отечественныхъ Записокъ», съ статьей почтеннаго редактора. Но мнѣ все-таки кажется, что г. Краевскому теперь не до русской литературы; у него и безъ того много дѣла. — Кромѣ серьезнаго дѣла, у него на плечахъ сорокъ будущихъ томовъ Энциклопедическаго Лексикона. Кромѣ Энциклопедическаго Лексикона нужно поднять «Отечественныя Записки», сдѣлать ихъ поминивѣ, посовременивѣ, развевелить заснувшій журналъ, не то, пожалуй, не будетъ подписчиковъ... Не до литературы ему теперь!

Но не смотря на то, что ему теперь не до литературы, а, чтобъ окончить о г. Краевскомъ, все-таки скажу, что считаю его лицомъ весьма полезнымъ русской литературѣ, и говорю это совершенно серьезно. Если онъ и не писалъ почти ничего въ продолженіе всей своей литературной дѣятельности, то умѣлъ за то издавать журналъ. Теперь это сдѣлалось легче, но прежде было даже и очень нелегко. Журналы получили теперь у насъ высокообщественное значеніе, и г. Краевскій, какъ издатель журнала, дѣйствительно много тому способствовалъ. Онъ взглянулъ между прочимъ на журналъ съ коммерческой точки зрѣнія (какъ и слѣдовало сдѣлать, во времена г. Краевского); въ этомъ чувствовалась настоящая потребность и, положительно можно сказать, онъ первый придалъ издательскому дѣлу серьезную дѣловитость коммерческаго предпріятія и необыкновенную аккуратность. Укажутъ на «Библиотеку для Чтенія», скажутъ что она явилась прежде «Отечествен-

ныхъ Записокъ», и издавалась тоже съ аккуратностію, неслыханною до того въ русской журналистикѣ. Сознаюсь, что первый шагъ важнѣе всего, но за то и второй шагъ имѣеть можетъ быть со-всѣмъ неменьшее значеніе. Успѣхъ перваго шага объясняютъ иногда случайными обстоятельствами, но успѣхъ втораго шага окончательнѣе оправдываетъ дѣло. Онъ доказываетъ всѣмъ не только возможность, но и устойчивость, но и зрѣлость дѣла. Аккуратностію и точностію своего изданія г. Краевскій приучилъ публику вѣрить въ стойкость литературныхъ предпріятій, и эта увѣренность ободрила публику и размножила подписчиковъ. Если г. Краевскій мало сдѣлалъ какъ литераторъ, то сдѣлалъ довольно какъ общественный дѣятель. Ему, какъ аккуратнѣйшему изъ издателей, и поручили теперь изданіе Энциклопедическаго Лексикона. Но г. Краевскому всегда мало одной (и опять таки чрезвычайно важной) заслуги; онъ объявляетъ, что хочетъ писать критики. Съ Богомъ! Но если г. Краевскому вздумается напр. напечатать отъ своего имени въ газетахъ письмо, и въ этомъ письмѣ онъ станетъ объяснять мѣру своего участія въ изданіи Энциклопедическаго Лексикона; скажетъ, что онъ принялъ на себя всю нравственную отвѣтственность за статью будущаго лексикона; что онъ будетъ читать статьи по всѣмъ отраслямъ знанія, — философіи, естественныхъ наукъ, исторіи, литературы, математики; что онъ будетъ исправлять, сокращать и дополнять эти статьи по мѣрѣ надобности; то тогда намъ простиительно будетъ хоть подивиться. Это будетъ даже ужъ слишкомъ неловко. Вотъ это-то и насмѣшить, вотъ это-то и окомпрометируетъ! Я думаю еслибъ самъ Беконъ издавалъ энциклопедическій лексиконъ съ такой отвѣтственностію, то и тотъ насмѣшилъ бы публику. Нельзя же все знать, всѣ науки на свѣтѣ! Нельзя же все умѣть дѣлать. Шекспиръ былъ великій поэтъ, но постройте Петра въ Римѣ онъ бы не взялъ. А. Г. Краевскій даже и не Шекспиръ...

Но, Боже мой, куда я увлекся! Я все забываю, что я фельетонистъ! Взлся за гужъ, — не говори, что не дюжъ! Надобно писать о новостяхъ, а я пишу объ Энциклопедическомъ Лексиконѣ. Новостей! новостей! А теперь къ тому же самое шумное время, середина зимы, Рождество, Новый Годъ, праздники, святки; святки! Кстати: помните ли вы стихотвореніе:

Перекрестокъ, гдѣ ракетка
И стоитъ и спитъ...
Тихо ветхая каютка
За двѣцѣмъ сидитъ.

Кто-то крадется степенной,
 Садки пробѣгутъ...
 И вопросъ раздастся звонкой.
 — Какъ тебя зовутъ?

Одинъ изъ петербургскихъ мечтателей убралъ меня, что тилам градія этого стихотворенія недоступна для коренного петербургскаго поэта и что будте бы въ Петербургѣ оно должно непременно перефразироваться въ такіе стили :

Переулокъ, гдѣ фонтанка
 Мерзлая стоитъ...
 Противъ лавочки шарманна
 Жалобно хрипять.
 Кто-то крадется за будкой;
 Фонари горать....
 И вопросъ раздастся чуткой:
 Кто идетъ? — Солдатъ!

Это стихотвореніе сентиментальнаго мечтателя. А вотъ стихотвореніе другаго мечтателя, мечтателя-прогрессиста, мечтателя-дѣятеля, или дѣятельнаго мечтателя.

Прогрессъ и умъ во всемъ въ насъ влады,
 Всѣ наши страсти холоды,
 Мы въ увлеченіяхъ солидны,
 Мы въ наслажденіяхъ скромны,
 За ближнихъ мы стоимъ горою,
 Но чтя Волтера и Руссо,
 Мы кушать устрицы порою
 Не забываемъ у Дюссо.
 Доходныхъ мѣсть, большихъ претенцій
 Въ душѣ не смѣи разлюбить,
 На чтеніи публичныхъ лекцій
 Талантъ мы рады поощрить;
 На пикникѣ, въ разгарѣ спора,
 Подиберальничать слегка,
 И, бывъ въ восторгѣ отъ Сюзора,
 Къ нему заѣхать съ пикника.
 Насъ занимаютъ вигъ и тори,
 Римъ и парламента авартъ:
 Мы дружно хлопаемъ Ристори
 Въ Медетъ, Камитъ и Стюартъ.
 Насъ равномерно занимаетъ:
 Какъ измѣнилъ свой планъ Казуръ
 И что Каткову отъбѣгаетъ
 Въ Вѣдомостяхъ Московскихъ Туръ,

Что стало съ Ницкой, нашихъ Крезомъ,
 Что говорилъ съ трибуны — — бовъ,
 И какъ съ привознымъ ut'diez-омъ
 Въ послѣдній разъ проѣхъ Кравцовъ.
 Среди благороднаго собранья,
 Межъ танцевъ — толкъ у насъ одинъ,
 Что стоитъ гласнаго изгнанья
 Изъ всѣхъ журваловъ Беллюстинъ.
 Мы признаемъ, что развращаетъ
 Людей невѣжество и тьма;
 Изъ насъ никто ужъ не читаетъ
 Ни Кушнерева, ни Дюма.
 Служа для высшихъ въ жизни цѣлей,
 Мы всѣ тайкомъ со всѣхъ сторонъ
 Содержимъ въ роскоши камелій
 И разоряемъ нашихъ женъ;
 Проводники идей извѣстныхъ,
 Мы о гуманности кричимъ,
 И щедро въ пользу школъ воскресныхъ
 Поемъ и пляшемъ и ѣдимъ.

Мы строимъ павы и гримасы,
 Мы строимъ куры и дома —
 И все въ предѣлахъ новой расы,
 Прогресса, такта и ума.

Но Богъ съ ними, съ мечтателями! Ристори... Но все-таки прежде Ристори, надо бы упомянуть о памятникѣ, который будетъ наконецъ воздвигнутъ Пушкину въ саду бывшаго Александровскаго лицея; все-таки надо бы сказать хоть о книгопродавческой теперешней дѣятельности, хоть о воскресныхъ школахъ, которыя размножаются съ такой быстротою; хоть объ изданіяхъ, предпринимаемыхъ собственно для народнаго чтенія. Наконецъ надо бы достать, хоть изъ подъ-земли, какую-нибудь особенную интереснѣйшую новость, еще неизвѣстную, или мало-извѣстную другимъ фельетонистамъ, чтобъ пощеголять передъ ними; но... но я все это оставляю до другого раза! О памятникѣ я скажу подробнѣе, когда его воздвигнутъ; о книгопродавческой дѣятельности скажу въ своемъ мѣстѣ. О воскресныхъ школахъ мы намѣрены помѣстить особенную статью; объ изданіяхъ, предпринимаемыхъ для народнаго чтенія, — тоже. Что же касается до новости никому неизвѣстной, то я непремѣнно общаюсь ее лобить для слѣдующаго фельетона, если только меня не предупредятъ. Остается теперь только одна Ристори...

Но, господа, мнѣ кажется, что вы уже столько прочли о Ристори, столько слышали о Ристори, что вамъ наконецъ надо читать объ этомъ. Разумѣется не надоѣсть смотрѣть на Ристори, и мы вотъ что думаемъ: мы лучше наглядимся сперва на нее, во всемъ ея репертуарѣ, во всемъ, что она намѣрена играть въ Петербургѣ, и тогда... И тогда мы дадимъ вамъ о ней подробный и окончательный отчетъ. И такъ и объ Ристори кончено. До свиданія, господа, до слѣдующаго раза. Тогда я можетъ быть еще что-нибудь увижу во свѣ, и тогда... Но до свиданья!

Ахъ, Боже мой, и забылъ! Вѣдь я хотѣлъ рассказать мой сонъ о граціозной бѣдности. Вѣдь я обѣщался рассказать этотъ сонъ въ концѣ фельетона. Но пѣтъ! я и его оставлю до будущаго раза. Ужъ лучше все вмѣстѣ. Каковъ рассказъ будетъ — не знаю, но исторія, увѣряю васъ, интересная.

ФЕЛЬТОНЪ

Межъ тѣмъ, какъ Петербургъ шумно и весело провожалъ на покой кости стараго шестидесятаго года, одинъ темный закоулокъ Москвы оплакивалъ свою собственную тяжолую потерю, понесенную имъ въ лицѣ одного изъ лучшихъ своихъ представителей — Ивана Яковлича. Кто не зналъ въ Москвѣ этого прорицателя, сидѣвшаго въ домѣ умалишонныхъ и сводившаго съ ума многихъ, даже не сидѣвшихъ въ этомъ благотворительномъ заведеніи. Иванъ Яковличъ былъ московскимъ львомъ, и ни одна знаменитая личность изъ портретной галлерей Мюнстера не могла бы произвести въ темныхъ закоулкахъ древняго города такого эффекта, какъ личность сподвижника Маруши.

О немъ чудесная молва
По всей Москвѣ давно ходила:
Что будто *вѣща* въ немъ сила
Сокрыта, что его слова,
Хотя безсвязныя сказанья
Вѣщаютъ всѣмъ, но въ нихъ есть смыслъ,
Что онъ — московскій Гостомысль
Съ великой силой прорицанья.
Что всѣмъ, кто дастъ по калачу,
Платокъ на шею, сайку съ медомъ
Да красный лоскутъ кумачу, —
Онъ можетъ всѣмъ передъ народомъ
Раскрыть судьбу...

И этого прорицателя, раздававшего свои предсказанія въ видѣ грязныхъ бумажекъ съ безобразными каракулями, не стало у доброй старушки Москвы. Говоримъ *старушки*, потому что есть еще другая

молодая Москва — Москва «Русского Вѣстника» и англійскихъ проборовъ; «Русской Рѣчи» и западныхъ учений, «Московскихъ Вѣдомостей» и рысистыхъ бѣговъ, Москва театровъ и маскарадовъ, Москва прогресса, свѣта и ума. Этой Москвѣ конечно вѣтъ дѣла до Ивана Яковлича. Но да утѣшатся жаркіе поклонники и почитательницы: у него явился достойный преемникъ, который, какъ это всегда бываетъ, пошолъ еще дальше своего учителя. Ученіе московскаго кудесника какъ видно разлилось повсюду и съ его смертью съ поной силой заявило себя далеко, далеко отъ Москвы-рѣки, въ Шотландіи, въ лицѣ *ученаго* жука, доктора Кеммина. Этотъ новѣйшій прорицатель недавно издалъ брошюру, въ которой спѣшить извѣстить все почтеннѣйшее человѣчество, что у него, человѣчества т. е., отъ старости умъ за разумъ зашолъ и что близка и очень близка кончина міра. Ученый докторъ, посредствомъ своего собственнаго прозрѣнія, дознался даже до точности, сколько еще по метрической книгѣ вселенной осталось просуществовать земному шару; оказалось, что весьма мало — только семь лѣтъ. Въ 1867 году, по его расчету, пятый актъ земной жизни дойдетъ до конца — и занавѣсъ падеть. Все кончится...

И только на другихъ планетахъ,
 Двумя словами можетъ быть,
 Звѣнчать ное-гдѣ въ газетахъ,
 «Что заболѣвъ въ преклонныхъ лѣтахъ,
 Земля велѣла долго жить.»

И такъ, намъ осталось только семь лѣтъ жизни, любезный читатель, по гороскопу шотландскаго оракула. Но семь лѣтъ — исторія еще длинная. Проживемъ же эти годы какъ и слѣдуетъ послѣднимъ могиканамъ земного существованія.

Жизнью пользуйся живущій!.

Будемъ же жить и наслаждаться послѣдними дарами отживающаго міра, забывъ на время и много-ученаго доктора Кеммина, котораго вѣроятно скоро, какъ и покойнаго Ивана Яковлича, посадятъ въ жолтый домъ, и перейдемъ... перейдемъ хоть къ скандаламъ, къ дѣйствительнымъ, настоящимъ скандаламъ, которые если и не предсказываютъ кончины міра, за то навѣваютъ на насъ самыя грустныя, тяжелыя мысли.

Давно ли мы были свидѣтелями того общественнаго негодованія, съ которымъ былъ встрѣченъ дикій поступокъ вѣшневолоцкаго помещика съ дѣвушкой на николаевской желѣзной дорогѣ, какъ вдругъ другая еще худшая исторія разыгралась передъ нашими глазами.

Но что всего безотраднѣе и грустнѣе въ этой исторіи, случившейся въ Харьковѣ — это, что дѣйствующими лицами ея являются люди не изъ среды того вымирающаго, дрожаго поколѣнія озлобленнаго, отсталаго старчества, но изъ поколѣнія молодого, свѣжаго, на которое такъ много надѣются, въ которое все вѣруютъ. Фактъ этотъ печаленъ и долженъ вызвать еще большее негодование со стороны всѣхъ, кто сколько-нибудь любитъ это поколѣніе и возлагаетъ на него наше общее будущее. Харьковское происшествіе, въ которомъ выражается, на сколько развито уваженіе къ женщинамъ въ людяхъ образованнаго женшинства, уже воспѣто однимъ мѣстнымъ обличителемъ. Изъ стихотворенія его, называющагося *Исповѣдь гласности*, мы помнимъ только одно начало, которое я привожу:

Издавна твердятъ журналы:

- Должно чтить намъ волю вѣка,
- Подъ вожомъ стоять за правду,
- И за личность человѣка: —

• Вся въ наукѣ наша сила! •

Но въ одномъ старинномъ градѣ
Такъ искусно свѣтъ науки
Можетъ жить и въ мглѣ и смрадѣ;

Но въ одномъ старинномъ градѣ
Жоны въ рабствѣ господина,
Рядомъ съ истиной — насилье
И безправье и рутинна;

Но въ одномъ старинномъ градѣ
Молодые прогрессисты,
Нынче — грозные витія,
Завтра — грязные давтисты.

И таковъ былъ въ этотъ край,
Въ медицинскомъ факультетѣ,
Незнаестники и гонители
Дать и женщинамъ вѣтъ на свѣтѣ.

Весь его страшился городъ,
Дамы встрѣчи съ нимъ бѣжали,
И во снѣ увидѣвъ даже
Его образъ, — трепетали.

Разъ вошла въ собранье маска...

Но чтобы передать эту исторію съ большей точностью, расскажем ее сами, болѣе солиднымъ образомъ. Въ Харьковскомъ благородномъ собраніи на новый годъ былъ маскарадъ. Въ толпѣ масокъ была одна, одѣтая въ костюмъ карпатской пастушки и обращавшая на себя всеобщее вниманіе и любопытство своей изящной и граціозной фигурой. Время проходило, многія маски уже раздѣхались. Оставшаяся публика сосредоточилась въ верхней залѣ собранія, гдѣ музыка не переставала играть и танцы продолжались. Во время бальныхъ звуковъ польки, маска въ карпатскомъ костюмѣ спустилась въ нижнюю залу, которая была почти совершенно пуста. Но только что она дошла до ея середины, какъ подбѣгаетъ къ ней будущій медикъ, *студентъ медицинскаго факультета, пятаго курса, Стреховъ, и безъ церемоніи хватаетъ ее за ногу.* За эту дикую, бессмысленную дерзость маска въ то же мгновеніе отплатила ему звонкимъ ударомъ по щекѣ. Ударъ этотъ, вызванный благороднымъ негодованіемъ оскорбленной женщины, которой въ Западной Европѣ рукоплескало бы цѣлое общество, — возмутилъ и взбѣсилъ какъ главнаго виновника этой печальной сцены, такъ и его товарищей. Они толпой бросились на слабую женщину, съ рыцарскими криками, что ее надо *побить*. Между тѣмъ вокругъ маски составилъ кружокъ изъ статскихъ и военныхъ, и три французъ, схватившихъ за руки, окружили ее, чтобы защитить отъ новаго оскорбленія. Большинство общества старалось объяснить нападающимъ, что поступокъ съ маской былъ недостойный постоунокъ. Но защитниковъ кулачнаго права вѣрно не такъ легко было уговорить, и съ несчастной жертвы дикаго произвола, къ доверженію оскорбленія, была сдернута маска. Дѣвушка упала въ обморокъ и французы, схвативъ ее на руки, увезли домой. Такъ кончилось это происшествіе, которому намъ не хотѣлось бы вѣрить, изъ любви къ тому большинству молодого поколѣнія, въ которомъ мы привыкли видѣть «нашу славу, нашу силу».

Чѣмъ же оправдываютъ себя виновники этой исторіи передъ харьковскимъ обществомъ, которое все на нихъ возсталло, чѣмъ? Тяжело и грустно повторять. Они, сорвавъ съ дѣвушки маску и узнавъ кто она такая, думаютъ оправдаться тѣмъ, что подъ маской была французенка и при томъ *модистка* изъ моднаго магазина.

Модистка! такъ стало-быть можно модисткѣ дѣлать дерзости и наносить публичное оскорбленіе. И кто же это говорить? Не мраколюбцы «Домашней Бесѣды» и «Странника», не скопцы науки и движенія, а юноши изъ нашего развитаго общества, люди, которые должны споспѣшествовать нашему нравственному движенію.

Мы съ тѣмъ болѣшимъ негодованіемъ указываемъ на этотъ пе-

человѣкъ, что въ немъ замѣшаны люди, принадлежащіе къ молодому поколѣнію. Все это очень грустно; но развѣ среди молодого поколѣнія не можетъ быть той же рутины, фразерства, мелкости и пошлости. Пора намъ о всемъ говорить прямо и откровенно, не дѣлая никакихъ уступокъ и уклоненій. Мы особенно указываемъ на это, потому что эти уклоненія встрѣчаются нынче весьма часто.

Къ намъ зашелъ недавно одинъ поэтъ, еще очень молодой человѣкъ, и потому чрезвычайно неуступчивый въ своихъ мнѣніяхъ. Онъ былъ сильно встревоженъ и взволнованъ. Не прошло и минуты какъ онъ заговорилъ цѣлыми тирадами.

— Что это! началъ онъ, — какія низости, гадости и несправедливости! Не пужно быть френологомъ, чтобъ замѣтить, что на черепѣ современнаго русскаго человѣка развилась неизгладимая шишка подчиненности и зависимости отъ многихъ авторитетовъ, которыхъ значеніе и сила весьма подозрительны. Въ нашей литературѣ и журналистикѣ эта зависимость сдѣлалась очень нерѣдкимъ явленіемъ. Напримѣръ всѣ мы съ благороднымъ негодованіемъ и таковою же смѣлостью готовы безпрестанно уничтожать печатнымъ словомъ какого-нибудь въ литературѣ юродствующаго Асоченскаго, готовы изъ каждой буквы фамиліи Козлянинова сдѣлать позорный пасквиль и прибить его къ столбу общественнаго мнѣнія. Все это, разумѣется, во имя честнаго обличенія и негодованія. А попробуйте во имя того же самаго нравственнаго обличенія обличить какой-нибудь литературный авторитетъ, пожелайте воздѣять по дѣламъ его, — эти же самые обличители какъ Фамусовъ закричатъ: разбой, пожаръ! а сами ничего не сдѣлаютъ для обличенія. Посмѣются, посудадутъ, покачаютъ головами да тѣмъ и ограничатся.

Мы попросили поэта рассказать, что его такъ огорчаетъ, и онъ сказалъ намъ, что былъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ и предлагалъ имъ для печати свои эпиграмы.

Приходитъ онъ въ одну изъ такихъ редакцій и заговариваетъ съ редакторомъ о литературномъ нашемъ подначальствѣ.

Редакторъ началъ быстро моргать и замахать руками.

— Ужъ не говорите! кричалъ онъ, просто ужасно! Никакой свободы мнѣнія и голоса. Одинъ только и есть независимый органъ, это мой. Для меня истина выше всякихъ авторитетовъ.

Поэтъ поймалъ любителя истины на словѣ и прочелъ ему эпиграмы.

Редакторъ присмирѣлъ и его голосъ спустился нѣсколько нотъ ниже.

— Знаете, замѣтилъ онъ, потупясь: ужъ это слишкомъ рѣзко, никакой мягкости нѣтъ.

— Да какой же вы ждете мягкости отъ элиграммы, замѣтить гость съ удивленіемъ. Элиграммъ приличіе и нельзя быть! Въ ней:

Не лицо, а просто литераторъ.

Мы попросили порта прочесть эти элиграммы и тоже отказались ихъ напечатать.

— Какъ? восклицнулъ онъ, — вы отказываетесь? вы, взявшійся обдвигать...

— Обличать, правда, но не оскорблять. Между этими словами лежитъ огромная разница; мы рѣшились обличать все, что оскорбляетъ общество или литературу, а не оскорблять лица.

— Но въ моихъ элиграммахъ нѣтъ лицъ, отвѣчалъ намъ поэтъ, — въ нихъ сказано просто поэтъ, литераторъ; въ нихъ не названы имена.

— Тѣмъ хуже. Знаете ли вы, что значить элиграмма безъ имени? Это тѣже *особыя примѣты*, которыя прописываются на паспортахъ и подходятъ подъ всякія личности. Помните ли вы случай въ нашемъ *литературномъ фондѣ*, когда въ одномъ изъ его отчетовъ напечатано было, что выдано имъ пятьсотъ или триста рублей — не помнимъ хорошеенько — *одному извѣстному литератору*, списавшему своими сощціоніями всеобщее уваженіе и т. д.?

— Что же изъ этого?

— А то, что послѣ этого отчета публика, совершенно не причастная литературѣ, но принимающая въ ней живое участіе, стала ломать голову и доискиваться имени. Мы помнимъ, какъ назывались въ публикѣ имена нашихъ первыхъ, талантливейшихъ литераторовъ. Публика кивала то на того, то на другого. Мы дожились, какъ интриговала всѣхъ фраза въ этомъ отчетѣ о *временномъ стѣснительномъ положеніи* этого одного литератора. *Временно-стѣснительное* положеніе, говорили въ публикѣ; стало-быть онъ находится состояніе? Ктожь бы это? И пошли, и пошли дерсбировать, и утѣряемъ васъ, что не оставилъ ни одного сколько-нибудь громкаго и извѣстнаго имени въ литературѣ. А вы еще хотите печатать безъ имени свои элиграммы. Да знаете ли вы, что послѣ этого въ публикѣ будутъ кивать головою можетъ быть на васъ же самихъ, какъ на героя вашихъ же собственныхъ элиграммъ.

— Ну, ужъ этого не будетъ, отвѣчалъ поэтъ.

— Сомнительно. Факты, выставленные вами въ вашихъ элиграммахъ, принадлежатъ частной жизни. Въ публикѣ о нихъ не знаютъ. Когда вы выпустите ваши печатныя ракеты, догадкамы ковца не будетъ. Станутъ перебирать, дойдутъ и до васъ, особенно

если къ тому времени вы понечастлию прославитесь и станете у всѣхъ на виду.

Поэтъ становился все мрачнѣе и мрачнѣе.

— Знаете ли вы, что если мы напечатаемъ этотъ разговоръ съ вами, то пробѣгая наши строки, читатель уже непременно задастъ себѣ вопросъ, съ кѣмъ это мы такъ разговаривали объ эпиграмахъ и о гласности, и будетъ долго думать и непременно переберетъ у себя въ памяти всѣ знакомыя ему имена нашихъ поэтовъ.

— Стало-быть послѣ этого вы отказываетесь отъ обличенія, сказалъ поэтъ, бывший по видимому очень золъ на воспѣтыя имъ личности.

— Послушайте, ваши эпиграмы прелестны (онѣ точно очень хороши: рифмы удивительныя и закруглены такъ, что хоть бы во Франціи), но повторяемъ вамъ: обличать не значитъ оскорблять. Съ какой стати станемъ мы оскорблять нѣсколько лицъ, которыхъ намъ никакого зла не сдѣлали. Обличенію принадлежатъ факты, или оскорбляющіе общество, какъ напримѣръ та исторія съ маской, о которой мы рассказали выше, или литературу, какъ напримѣръ возмутительныя статьи г. Асоченскаго. Дѣла же и грѣхи частной жизни до тѣхъ поръ, пока само общество не оскорбится ими или пока судъ юридически не выставитъ ихъ наружу, не подлежатъ вѣдѣнію литературы. Иначе это вѣдѣніе очень часто будетъ смахивать на клевету. Мало ли что говорить о людяхъ; у каждого изъ насъ есть враги, готовые распускать о насъ разные слухи. Такъ сейчасъ и ловить ихъ и печатать? Нѣтъ, обличеніе — орудіе острое, съ которымъ нужно обращаться какъ можно осторожнѣе, иначе сейчасъ сами же обрѣжетесь. Право, ужъ лучше оставимъ частную жизнь нашей литературы въ покоѣ, а станемъ наблюдать за печатными строками. Журналъ не Управа, не Земскій или какой-нибудь другой судъ. Да и въ Управѣ и въ Судѣ возникаютъ дѣла только по поводу жалобъ или тяжбъ, или когда есть явное *полмное*.

Такъ и не усилъ мы убѣдить даровитаго поэта.

Доложимъ теперь читателю о новыхъ выборахъ въ члены Комитета нашего литературнаго фонда или «Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.»

По нездоровью, мы не могли быть на этихъ выборахъ. Печатныхъ свѣдѣній о нихъ въ настоящую минуту мы еще не имѣемъ. Знаемъ только, что въ настоящемъ году по уставу Общества должны были выбыть изъ комитета (по жребію) четыре члена. Именно: гг. Краевскій, Глаховъ, Кавелинъ и Никитенко. Комитетъ на мѣсто выбывшихъ четверехъ, назначилъ кандидатами восемь членовъ, именно: гг. Березина, Ковалевскаго П. М.; Калачова, Дав-

рова, А. Н. Майкова, Некрасова, Кн. Одоевскаго, Писемскаго. Изъ нихъ выбраны по большинству голосовъ: гг. Березинъ, Калачовъ, Ковалевскій и Лавровъ. Все это прекрасно, и такъ-какъ съ давнихъ поръ ведется обычай при всѣхъ подобныхъ происшествіяхъ приходить въ умиленіе, то и мы готовы придти въ самое серьёзное умиленіе, потому что много сочувствуемъ Обществу. Намъ съ своей стороны хотѣлось бы сдѣлать только маленькое замѣчаніе, конечно съ позволенія общества.

Въ обществѣ предстояли выборы. Назначены были для выборовъ восемь кандидатовъ. Почему же ни одна изъ нашихъ газетъ не обсудила предварительно этихъ выборовъ, не выбрала изъ восьми человѣкъ своихъ четырехъ кандидатовъ, не поговорила съ читателями о ихъ способностяхъ къ исполненію ихъ будущихъ должностей, однимъ словомъ — почему ни одна изъ нашихъ газетъ не освѣтила предварительно этого важнаго вопроса? Тогда члены собрались бы на выборы уже съ нѣкоторыми успѣхами дѣла и, главное, съ знаніемъ лицъ, предложенныхъ комитетомъ.

Еще одно замѣчаніе.

Теперь обыкновенно всѣ предварительныя свѣдѣнія касательно выборовъ въ общество, т. е. списки кандидатовъ, передаются почему-то въ одинъ магазинъ г. Кожанчикова. Тула, непременно въ магазинъ г. Кожанчикова, должны идти всѣ члены для прочтенія или для приобрѣтенія (конечно бесплатно) этихъ списковъ. Такимъ образомъ относительно общества магазинъ г. Кожанчикова имѣетъ такое же значеніе, какъ въ Парижѣ *кулисы* или *la petite bourse* относительно большой, настоящей Биржи. Мы не имѣемъ никакихъ причинъ не желать всякихъ успѣховъ г. Кожанчикову, но не понимаемъ также, почему эти списки и всѣ свѣдѣнія касательно Общества не передавать и въ другіе книжные магазины, особенно въ тѣ, которыхъ хозяева состоятъ членами общества. Точно также не понимаемъ мы, почему «С. Петербургскія Вѣдомости» пользуются монополіей — первыми печатать всѣ отчеты общества. Мы думаемъ, что и другія наши ежедневныя газеты съ большою готовностію предложили бы обществу у себя мѣсто для его отчетовъ.

Впрочемъ, можетъ-быть, мы ошибаемся; можетъ-быть и въ самомъ-дѣлѣ есть важныя причины, почему все это такъ дѣлается, — причины, которыхъ мы не знаемъ. Но такъ какъ всѣ эти вопросы мы дѣлаемъ съ хорошей цѣлью и, главное, искренно желаемъ блага нашему обществу, то и самая ошибка съ нашей стороны, надѣмся, будетъ сочтена за ошибку только и ни за что другое. Заднихъ мыслей относительно такого учрежденія, какъ «общество», мы не имѣемъ и имѣть не будемъ.

А теперь перейдемъ къ другимъ дѣламъ. Вотъ недавно гласность испугала одного штатнаго смотрителя училища въ Воронежѣ. Этотъ любопытный фактъ мы сѣбѣшимъ рассказать здѣсь. Воронежское начальство разослало по уѣзднымъ училищамъ циркуляръ съ извѣстіемъ, что по произведенному осмотру оказалось, что канцелярская сторона училищъ найдена безукоризненной, за то развитіе учениковъ и ихъ успѣхи — *очень слабы*. Одинъ изъ штатныхъ смотрителей, получивъ этотъ циркуляръ, рѣшительно упалъ духомъ. Онъ зналъ только одно самое дѣйствительное средство, по его мнѣнію — подвинуть впередъ успѣхи учениковъ, но это средство — были розги. Розги — это педагогическая болячка старыхъ педагоговъ: безъ нихъ они не признаютъ воспитанія и возможности чему либо выучить дѣтей. Чтоже теперь дѣлать старому педагогу, теперь, когда розги и ихъ поклонники преслѣдуются всюду общественнымъ мнѣніемъ, журналами и новой педагогикой.

Штатный смотритель, поставленный между двухъ огней, опасаясь строгаго начальства, а еще болѣе суровой гласности, въ нерѣшительномъ, плачевномъ состояніи собралъ педагогическій совѣтъ для рѣшенія вопроса: какъ быть? какъ подвинуть успѣшный ходъ класныхъ занятій? Въ совѣтѣ начались толки и споры. Слово «розги» въ бесѣдѣ повторялось весьма часто, но наконецъ рѣшили все-таки тѣмъ, что къ розгамъ прибѣгать опасно и несвоевременно.

Тогда находчивый смотритель высказалъ слѣдующее мнѣніе. — Господа! вы совершенно правы — къ розгамъ прибѣгать теперь не слѣдуетъ, иначе вооружить противъ себя и начальство и гласность. Жаль, а сѣчь все-таки нельзя. Но такъ-какъ учениковъ нужно же непремѣнно въ страхѣ держать, то... я придумалъ такую мѣру: *сечь ихъ мы не будемъ, а будемъ только... подводить ихъ къ розгь...* И вотъ находчивый смотритель, который все это придумывалъ для того, чтобы своими крутыми мѣрами не вызвать порицаніе гласности, все-таки сдѣлался ея добычей. Какой-то любитель даже воспѣлъ его въ слѣдующихъ строфахъ :

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МѢРА

Романсъ уѣзднаго училища

Въ минуту жизни трудную,
Кляня свой злобный рокъ,
Одну методу чудную
Придумалъ педагогъ.

Хоть *сечь* съ особымъ рвеніемъ
Онъ мальчиковъ не мнилъ,

Но въ розгѣ — за ввущеніемъ.
Ихъ часто подводилъ.

О ты, метода дивная!
Какъ все въ ней глубоко —
И розга прогрессивная,
И на сердцѣ легко...

Такъ всюду, вездѣ ходитъ этотъ «бѣсъ обличенья, бѣсъ сомнѣнья» и зарѣзываетъ сны у многихъ, до тѣхъ поръ спокойно почивавшихъ гражданъ и отцовъ семейства. Помнимъ мы то старое, тихое время, о которомъ съ такимъ сожалѣніемъ говоритъ поэтъ отжившей эпохи.

То былъ тихій застой,
Нашъ смущали покой
Рѣже.
Ахъ, гдѣ та старина,
Други, тѣ времена
Гдѣ же?

Но наконецъ нужно все это оставить и перейти къ Петербургу, къ его жизни, къ его новостямъ. Что новаго? Что новаго? Неужели ничего нѣтъ! И да, и нѣтъ. За летучими новостями, новостями минуты не услѣдишь, ихъ на лету хватаютъ жадные дѣтописцы ежедневныхъ газетъ, одѣваютъ еще наряднѣе, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ, и тотчасъ пускаютъ въ обиходъ, съ приличными аттестатами. За такими новостями намъ и охотиться нечего, да и скучно, признаться. Что новаго въ общественной жизни Петербурга? Все тоже самое сегодня, что и вчера, любезный читатель!

Вчера былъ балъ, а завтра будетъ два,
Тотъ слишкомъ голоденъ, тотъ можетъ ѣсть едва.
Все тотъ же толкъ у дамъ, въ театрахъ скука та же,
И тѣ же чтенія въ штейнбоковскомъ пассажѣ.

Впрочемъ нужно прибавить при этомъ, упомянувъ о литературныхъ чтеніяхъ въ пользу воскресныхъ школъ, что на послѣднемъ изъ нихъ, кромѣ русскихъ литераторовъ, участвовала наша знаменитая гостя Аделаида Ристори, которая прочла отрывокъ изъ Божественной Комедіи Данта. Въ этой же книгѣ нашего журнала мы подробно говоримъ объ игрѣ итальянской артистки на нашей сценѣ, и потому перейдемъ прямо къ нашимъ русскимъ театральнымъ новостямъ.

Русская наша сцена уже давно отличается своей бѣдностью и держится кое-какъ, старыми пьесами, старыми декорациями и ста-

рыми актерами. Даже большая часть бенефисовъ, составляется изъ пьесъ возобновленныхъ и найденныхъ въ древнемъ репертуарѣ. Писателей для сцены у насъ теперь дѣйствительно никого нѣтъ, кромѣ Островскаго и... и только. При такихъ условіяхъ понятно, постановка каждой незначительной новой пьесы возбуждаетъ общее вниманіе и любопытство. Съ такимъ-то точно любопытствомъ было встрѣчено въ Петербургѣ извѣстіе, что въ скоромъ времени появится у насъ новая комедія молодого писателя Н. Потѣхина (брата извѣстнаго писателя А. Потѣхина) подъ названіемъ, «Дока на догу напордъ.» О новой комедіи ходили въ городѣ разные толки и слухи, впрочемъ больше благопріятные. Вообще вниманіе было возбуждено, и публика съ интересомъ готовилась слушать новое произведеніе. Хорошая новая комедія на русской сценѣ явленіе нечастое, и вообще любопытство поватно,

Наконецъ, къ праздникамъ, въ бенефисъ г. Бурдина комедія была поставлена, сыграна, и намъ приходится теперь сказать о ней свое мнѣніе, не совсѣмъ выгодное для комедіи г. Потѣхина, какъ рѣшился онъ назвать свою четырехъ-актную пьесу. Неужели въ самомъ дѣлѣ каждая пьеса, состоящая изъ четырехъ дѣйствій, можетъ называться комедіей? Вообще нужно замѣтить, что новое произведеніе г. Потѣхина отличается огромною смѣлостью и самоувѣренностью. Говорятъ, что смѣлость города беретъ — можетъ быть, да и то не теперь; но ужъ въ созданіи комедіи подобная смѣлость скорѣе повредитъ, чѣмъ доставитъ успѣхъ.

Разкажемъ по возможности кратко содержаніе самой пьесы.

У купца первой гильдіи Григорія Кузьмича Лазуринна (онъ-то *дока* и есть) плута и темнаго пройдохи, занимающагося разными подрядами и оборотами, есть дочь Катя, учившаяся въ модномъ пансіонѣ. Лазуринъ вдовецъ и любитъ свою дочь. Первое дѣйствіе начинается съ того, что отецъ думаетъ отдать дочь замужъ за крестника своего брата, который горячо любитъ племянницу Катю и тоже хлопочетъ о ея бракѣ. Женихъ — необразованъ и Катѣ совершенно не пара, но старикъ-отецъ настойчивъ и день свадьбы назначенъ. Но свадьба эта вдругъ разстроивается, потому что Лазуринъ неожиданно получаетъ милліонъ какимъ-то страннымъ образомъ. Г. Потѣхинъ, какъ замѣтно въ такихъ случаяхъ не скупится и на милліоны очень щедръ. Получивъ милліонъ, Лазуринъ перемѣнилъ свои планы на счетъ дочери и хлопочетъ уже выдать ее замужъ за одного князя, наладю котораго онъ сильно разсчитываетъ по дѣламъ казенныхъ подрядовъ. Молодой, промотавшійся князь Левъ Николаичъ самъ непрочъ получить милліонъ и къ нему въ придачу молоденькую жену. Они знакомятся, князь дѣлаетъ предло-

женіе и получаетъ согласіе. День свадьбы близокъ. За нѣсколько часовъ до вѣнчанія князь имѣлъ довольно трагикомическую сцену съ своей матерью, гордой аристократкой, которая падаетъ въ обморокъ отъ извѣстія, что ея сынъ женится на купчихѣ. — Старуху выносятъ, князь начинаетъ одѣваться. Въ это время къ нему является бывшій женихъ его невѣсты — Паша Расторгуевъ. Старый женихъ молить новаго отказаться отъ свадьбы, увѣряя князя, что Лазуривъ — плуть и приданнаго ему не дастъ. Когда князь рѣзко отказывается странному просителю, тогда Паша проситъ принять пятьдесятъ тысячъ *отступного*. Князь выгоняетъ его — и раздумываетъ. Опасаясь въ самомъ дѣлѣ попасть въ ловушку Лазурива, онъ придумалъ новый планъ, надѣваетъ снова халатъ и садится. Между тѣмъ пріѣзжаетъ шаферъ звать его въ церковь и *между прочимъ* проситъ у жениха трехъ тысячъ *взаимы*. Тотъ ему шутъ общается въ такомъ только случаѣ, если онъ поѣдетъ къ невѣстѣ и объявить ей, что женихъ уже въ церкви. Проходитъ время, онъ сидитъ и ждетъ; наконецъ пріѣзжаетъ отецъ, испуганный скандаломъ и на колѣняхъ проситъ князя ѣхать въ церковь. Князь требуетъ денегъ и впаче не хочетъ ѣхать. Тогда взбѣшонный и пойманный *дока вынимаетъ изъ кармана миллионъ (!?)* и отлетаетъ жениху. Тотъ беретъ, цѣлуетъ отца и тотчасъ же ѣдетъ съ нимъ въ церковь.

Послѣ этой сцены еще идетъ четвертое дѣйствіе, чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ свадьбы, но о немъ мы ужъ совершенно умолчимъ, потому что оно написано безъ всякой видимой надобности.

Вотъ все содержаніе пьесы, которая на самомъ дѣлѣ есть только сколокъ съ разныхъ комедій: въ ней есть сцены и личности изъ комедій Островскаго, изъ «Горе отъ ума», а самое лицо князя Льва Николаича, есть ничто иное какъ копія съ Михаила Васильича Кречинскаго. Сходство перваго съ послѣднимъ до того иногда близко, что смотря на пьесу становится по временамъ совѣстно. Князь безпрестанно, также какъ и Кречинскій, повторяетъ извѣстную фразу въ комедіи Сухово-Кобылина:

— Милліонъ! Эка сила милліонъ!

Въ послѣдней сценѣ, гдѣ князь поджидаетъ къ себѣ Лазурива, онъ также какъ и Кречинскій, ожидающій Расплюева съ солитеромъ, восклицаетъ:

— Вотъ она, вотъ она великая-то минута!

И такого *неловкаго* сходства не мало въ частностяхъ пьесы. Въ цѣломъ же своемъ она рѣшительно не выдержитъ строгой критики. Въ комедіи много случайностей, много произвола; она не имѣетъ у себя ни собственной почвы, ни собственныхъ характеровъ, ни даже

ядеи. Это просто старыи анекдотъ, растянутый на четыре акта и названный авторомъ, комедией.

Впрочемъ при бѣдности нашей сценической литературы все-таки лучше имѣть хоть какую-нибудь лишнюю комедію, если она не вовсе плоха (а плохую — вовсе нельзя назвать новой пьесу), чѣмъ вовсе ничего не имѣть. Если она представляетъ хоть какія-нибудь роли для актеровъ, такъ какъ многія пьесы и этого не даютъ, то мы рады забыть всѣ ея литературные недостатки. Относительно ролей такая бѣдность, что талантливымъ актерамъ просто дѣлать нечего. Чуть-чуть было мы не сказали, что къ счастью ихъ теиерь немного. Избави Богъ отъ такого счастья!

Въ заключеніе помѣщаемъ письмо въ Редакцію «Времени» нашего поэта Я. П. Полонскаго. Предметъ, о которомъ онъ пишетъ и который разбираетъ, очень интересенъ. Статья Теккеря, о которой упоминается въ письмѣ этомъ, уже переводится для нашего журнала и будетъ напечатана въ мартовской книгѣ.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ «ВРЕМЕНИ»

Милостивый государь,

Въ № 4 газеты «Вѣкъ» напечатана статья, подъ заглавіемъ *Столоверченіе и медиумы по новѣйшимъ источникамъ*. Не удивляйтесь, что я, мало того что прочелъ эту статью, намѣреваюсь — не то, чтобъ на нее отвѣчать — она не задаетъ никакого вопроса, — не то, чтобъ возражать — я не спиритуалистъ, не мистикъ и не стану стоять за духовъ, вызываемыхъ г. Юмомъ: нѣтъ, мнѣ хочется сказать автору, что статья его ни на-волось не поколебала бы мой вѣръ въ чудеса г. Юма, если бы я имѣлъ несчастье вѣрить имъ, что вообще статьи, въ которыхъ гг. авторы только острять, и острять съ явной цѣлью показать публикѣ, какъ высоко стоятъ они надъ толпой, способной увлекаться, заблуждаться и вѣрить пустякамъ, и до какой степени они, владѣющіе перомъ, — люди современные, — не достигаютъ цѣли. Въ этихъ владѣющихъ перомъ къ сожалѣнію незамѣтно ни малѣйшаго желанія раскрыть истину или серьезно изобличить обманъ. Имъ даже какъ-буало весело, что сотни тысячъ людей способны заблуждаться, тогда какъ они выше всякихъ заблужденій. Но чтобъ не заблуждаться, надо имѣть или громадный умъ, или вовсе не имѣть его; чтобъ разбить сложившееся вѣрованье, мало ума, нужно невозможно и любви къ тѣмъ, которые иногда, при всемъ своемъ благородствѣ, не только сами заблуждаются,

но и другихъ увлекаютъ... т. е. не вѣдать бы что творить, а потому и достойны не столько насмѣшки, сколько сожалѣнья, и не на столько казни, на сколько прощенья.

Пусть страннымъ и даже дикимъ покажется вамъ письмо мое, но на этотъ разъ пусть я буду похожъ — не на француза, не на немца и даже не на русскаго, а на тѣхъ свободныхъ чудаковъ-эксцентриковъ англо-американской расы, которые *не болтаютъ толстаго слова*. Я знаю наперодъ, что особенно покажется вамъ и страннымъ и дикимъ: это — рѣшимость писать серьезно о вздорѣ. Но что вы называете вздоромъ и что не вздоръ по вашему? Спиритуализмъ въ Европѣ не есть минутная забава или модная болтовня въ гостиницѣхъ, ради развлеченія; это шѣлое ученіе, секта, которая не десятками, а сотнями тысячъ считаетъ своихъ послѣдователей; однихъ медиумовъ въ Америкѣ до 30.000; однихъ журналовъ, не считая книгъ, издающихся спиритуалистами, шѣло можно считать десятками... Стало быть этотъ вздоръ въ некоторомъ родѣ историческое явленіе. Тутъ Юмъ не главное, онъ тутъ далеко не первая спица въ колесницѣ. И кажется эта странная, фантастическая колесница не безъ шума и блеска; она везетъ на себѣ болѣе полумилліона смертныхъ и стало быть никакъ не можетъ быть чѣмъ-то въ родѣ дѣтской игрушечной колясочки, недостойной вниманія современнаго намъ мыслителя. Я нисколько не ставлю себя въ число великихъ мыслителей; но во-первыхъ, я не отказываюсь отъ права мыслить, во вторыхъ не свѣжусь надъ тѣмъ, что любопытно какъ фактъ, или грустно какъ заблужденіе. Я не вѣрю духамъ, послушнымъ Юму, но къ спиритуализму не могу отнестись, какъ къ вздору, потому что вижу въ немъ одно изъ такихъ явленій, которое не безъ значенія въ исторіи общества, намъ современнаго. Я могу не вѣрить, но обязанъ выискивать, почему люди, изъ которыхъ тысячи не глубже меня и вѣроятно не глубже автора статьи, помѣщенной въ «Вѣстѣ», поддаются обману и нѣрѣдко дѣлаются спиритуалистами. Пусть въ одномъ изъ обычныхъ номеровъ *Пумца* представлена женщина съ гусиной головой, и пусть эта гусиная голова, въ значеніи духа, ничѣмъ иное какъ каррикатура на ту самую дѣву, которая пошлетила въ «Корингильскую» оборотнѣ статью свою: *ничѣмъ болѣе чудное, чѣмъ вымыселъ* (stronger than fiction). Я знаю, что даже эти другъ Теккерей, *неумолимаго парамелла обмановъ и неутомимаго солтермана*. Знаю, что Теккерей не стыдится признаваться, что авторъ статьи — другъ его, съ которымъ онъ связанъ двадцать пять лѣтъ, безъ укоризненной приваивости которого онъ шѣло отвѣчаетъ, и съ женой довольно это знать, чтобъ придти къ жужжанію — не отъ Юма ж не отъ его чудотъ, шѣтъ! — а отъ того, что у такого проповѣдателя

ниго человека какъ Теккерей, другомъ, въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ, можетъ быть — дура, гусиная голова. Какъ хотите, а надо признать что-нибудь одно: или Теккерей не великій наблюдатель и сердцевѣдецъ, или другъ его умнѣе такъ, какъ немногія дамы. Будь эта дама жена его — о, тогда ни слова! Мы знаемъ, что и геній можетъ жениться по увлеченію, а Теккерей, также какъ и всякій смертный, ослѣпленный страстью, могъ сначала и не замѣтить, что избранная имъ подруга — рожа, гусиная голова; но какая другая женщина, если только она глупа, въ продолженіе двадцати лѣтъ, при близкихъ отношеніяхъ, спрячетъ свою глупость и тупость отъ такого зоркаго и характернаго господина, какимъ всѣ мы понимаемъ автора «Ярмарки тщесавія». Какимъ образомъ такая глупая барыня можетъ быть не только другомъ, но даже имѣть вліяніе на издателя «Корнвальскаго сборника»? Оглянитесь на себя, на тѣхъ, которыхъ вы считаете умными людьми, и рѣшите сами, возможно ли это? Если это такъ, то дружба и довѣріе Теккеря къ тупоумной женщинѣ, къ гусиной головѣ сами по себѣ — фактъ, достойный удивленія.

Авторъ вышеупомянутой статейки въ четвертомъ номерѣ газеты «Вѣкъ» пишетъ что *намъ, читателямъ, страшно за человека!* Дѣйствительно, ужъ если Теккерей проповѣдуетъ *столоверченье и духопоявленье*, — то какъ не бояться за себя... за васъ, за вашихъ друзей, такихъ умныхъ, такихъ проникательныхъ, но все же не такихъ проникательныхъ, какъ великій романистъ Англии.

Впрочемъ вралъ ли кому нибудь изъ насъ, пишущихъ журнальныя статейки, дѣйствительно когда-нибудь бывасть страшно за человека. — Это фраза, вѣчто въ родѣ риторическаго украшенія, — фраза, пущенная по свѣту Гамлетомъ, говорящимъ басомъ покойнаго Каратыгина или дребезжающимъ голосомъ Макашинова.

Авторъ статейки, помѣщенной въ «Вѣкъ», замѣтно не боится за свою мыслящую голову, — иначе онъ не сталъ бы шутя относиться къ такимъ предметамъ, на которыхъ, какъ видите, легко споткнуться даже и такимъ гениальнымъ людямъ, каковъ Теккерей, отъ которыхъ, по его словамъ, сходитъ съума *милліонъ людей въ Америкѣ и мѣшаются сотни тысячъ англичанъ*. Русскимъ читателямъ конечно пріятно вмѣстѣ съ авторомъ стати думать, что онъ гораздо умнѣе этого милліона, догадавше этихъ сотенъ тысячъ, и что стало-быть его не проведешь. Я, пишущій это письмо, думаю почти также, т. е. что и меня не проведешь, но... имѣть вовсе не смѣшно мое громадное самолюбіе; имѣть рѣшительно хочется всячески обойти его, чтобы разглядѣть ту опасность, которой никогда не увидать и не узнать тотъ, кто ни къ чему не

стремится, ничего не ищетъ и какъ нельзя лучше доволенъ мастерскимъ построениемъ и невозмутимой крѣпостью своей головы.

Цѣль этого письма въ томъ и заключается, чтобъ по мѣрѣ возможности побѣдить свое самолюбіе — заняться вздоромъ и рѣшить вопросъ, почему спиритуализмъ пользуется такимъ успѣхомъ, — потому ли, что человѣкъ такъ созданъ, что способенъ повѣрить всякой нелѣпости, что масса людей суевѣрна и что нѣтъ такого шарлатана проповѣдника, который бы не нашолъ себѣ ревностныхъ поклонниковъ, что люди вообще раздѣляются на слѣпыхъ и зрячихъ, что слѣпыхъ несравненно больше, и что стало-быть легко проводить ихъ за носъ; или потому, что въ спиритуализмѣ есть дѣйствительно нѣчто такое, которое озадачиваетъ — есть такой колоссальный и въ тоже время скрытый обманъ, котораго нѣтъ возможности обнаружить, не смотря на все наше къ нему недовѣріе, такой обманъ, передъ которымъ авторъ статьи, помѣщенной въ «Вѣкъ», кажется пигмеемъ. Этотъ авторъ ничего не опровергаетъ, ничего не разъясняетъ, а между-тѣмъ приводитъ статью, помѣщенную Теккереемъ, какъ «любопытный очеркъ современнаго члромутія, какъ исторію любопытнаго нравственнаго ослѣпленія.» Несомнѣнно успѣхъ спиритуализма основывается и на нашей склонности вѣрить всему на свѣтѣ и на этомъ нѣчто, которое скрывается въ спиритуализмѣ, или какъ обманъ, или какъ новое знаніе.

Почему Юмъ способенъ обмануть меня, васъ, Теккерее, Наполеона и многое множество умныхъ и глупыхъ людей, — а я не могу? Не потому ли, что Юмъ знаетъ то, чего ни я, ни вы не знаемъ, пользуется этимъ знаніемъ и, какъ шарлатанъ, его отъ всѣхъ скрываетъ. Не значитъ ли; что вся задача въ томъ и состоитъ, чтобъ допытаться, дознаться, что это такое? Незвѣстный авторъ статьи, помѣщенной въ «Вѣкъ», говоритъ: *г. Юмъ и его медиумы люди весьма почтенные, ихъ сверхъестественныя дѣла изумительны, необъяснимы, чудны, но не хороши однимъ только: они не возбуждаютъ никакого ужаса.*

Но... зачѣмъ же называть Юма и его медиумовъ людьми почтенными, если они обманщики! Если они обманщики и дѣлаютъ дѣла изумительныя, необъяснимыя — почему не стараться объяснить ихъ, вмѣсто того, чтобы смѣяться надъ тѣми, кто вѣритъ имъ. Зачѣмъ жалѣть, что штуки Юма не возбуждаютъ ужаса (?), или жалѣть навримѣръ о томъ, что *столъ, показывавшій искусство, ужасомъ поразившее зрителей (!), только постоялъ на концѣ лапы, а не перепрыгнулъ черезъ диванъ.* Ясно, что авторъ признаетъ факты, такъ какъ они описаны въ «Коригильскомъ Сборникѣ»; только недоволенъ тѣмъ во-первыхъ, что они его не пугаютъ, не

поражаютъ его воображенія, а во вторыхъ тѣмъ, что они не дѣлаются такъ, какъ бы ему хотѣлось. Что за ребяческое сожалѣнїе! — Положимъ, я поднимаю одной рукой десять пудъ; я слычу! авторъ говоритъ; ну, да, десять пудъ — удивительно! необъяснимо! а зачѣмъ же не сорокъ? Положимъ, я видѣлъ привидѣнїе; ко мнѣ приходитъ врачъ и объясняетъ мнѣ возможность призрака разстройствомъ мозговыхъ нервовъ, галлюцинаціей, приводитъ мнѣ множество доказательствъ. Я совершенно соглашаюсь съ нимъ и успокоиваюсь; но я рассказываю положимъ тоже самое врачу, что видѣлъ самъ, — какъ столъ поднялся на воздухъ, какъ онъ качался, нагибался и какъ, не смотря на это, лампа съ этого стола не повалилась и карандаши не скатились. А онъ мнѣ отвѣтилъ: это не страшно и даже не величаво, — вотъ еслибъ столъ началъ плясать или прыгать... Я бы увидала изъ этого возраженія, что мой врачъ или считаетъ меня неучемъ или и знать не хочетъ ничего такого, чего не нашолъ онъ въ своемъ учебникѣ. Появленіе призраковъ мнѣ объясняетъ современная наука, а тутъ, вмѣсто объясненія, я слышу только дѣтскій смѣхъ.

Представьте себѣ, что я — та самая дама, которая имѣетъ счастье пользоваться цѣлую четверть столѣтія, да еще какого — девятнадцатаго, т. е. самаго безошального столѣтія, — дружбой г-на Теккерей. Представьте себѣ, что авторъ этого письма находится посреди такого общества, которое со всѣхъ сторонъ кишитъ всякаго рода предразсудками, — одни хотять увѣрить меня, что въ Америкѣ нашлись скрижали Моисея и прочтены мармовами, другіе провозглашаютъ скорое свѣто-представленіе, третьи доказываютъ, что антихристъ уже явился, и въ лицѣ такого-то угрожаетъ благоденствію Англіи, четвертые на томъ основаніи, что столы вертятся, убѣждаютъ меня призывать души покойниковъ. Я на столько умственно и нравственно развита, что не только не вѣрю имъ, но глубоко сожалѣю о такихъ жалкихъ, недостойныхъ нашего вѣка заблужденіяхъ. Наконецъ представьте, что мнѣ пришла идея, изъ любопытства или ради развлечения съ двумя-тремя близкими мнѣ знакомыми, сѣсть за столъ, положить на этотъ столъ руки и ждать что будетъ; вдругъ столъ начинаетъ трещать, кружиться, подниматься... что прикажете дѣлать? уйдти или остаться и наблюдать? обмануть ли меня за то, что я увлекуюсь, что я сама хочу видѣть Юма, хочу во что бы то ни стало продолжать мои наблюденія, хочу быть достойною дружбы такого человѣка, какъ Теккерей, — этотъ злой Теккерей рѣшительно засмѣетъ меня, если я безъ всякаго основанія поддамся глупому увлеченію. Нѣтъ, я буду зорко глядѣть, буду слѣдить... и... спасите меня, я чувствую, что умъ мой сталъ въ тупикъ, вооб-

раженіе мое поражено; я, умная женщина, готова вѣрить и въ духовъ и въ тысячи волшебностей.

Какъ вы думаете, еслибы я былъ на мѣстѣ этой дамы, этого ~~двадцати-пяти-лѣтняго~~ друга г. Теккера, спасли ли бы меня шутливыя фельетонныя статейки въ родѣ той, которую прочли мы въ 4 № «Вѣка»? Едва ли! Я очень радъ, что спасать меня не захѣли. Лично мнѣ никакіе подобныя опыты не удавались; стало-быть и не могли увлечь меня. Личное знакомство съ Юмомъ и быть можетъ желаніе быть обманутымъ спасло меня даже отъ желанія видѣть всѣ эти удивительныя и необъяснимыя фокусы; но когда я слышалъ рассказы объ нихъ отъ людей достойныхъ того, чтобы имъ вѣрили, мнѣ стало досадно, что я упустилъ случай... Юмъ жилъ въ Петербургѣ съ женой, въ домѣ графа Кушелева-Безбородко, въ маленькихъ двухъ комнаткахъ; рядомъ съ нимъ жили другіе, — всѣ двери были растворены... Стало-быть еслибъ г. Юмъ вздумалъ дѣлать какія-либо приготовленія къ своимъ фокусамъ, тайна такихъ приготовленій не долго бы оставалась тайной. Тѣмъ болѣе, что въ домѣ не было ни у кого особеннаго расположенія вѣрить этому духо-вызывателю — напротивъ!.. Изъ этого справедливо заключать, что фокусы г. Юма — не такіе, какіе видимъ мы такъ часто на подмосткахъ театра, что это особенныя фокусы, не требующіе подготовленій.

Называя штуки Юма фокусами, я хочу сказать только, что не признаю въ нихъ ничего сверхъестественнаго; но что это такое, въ чемъ заключается ихъ возможность или естественность, какими средствами напр. г. Юмъ заставляетъ быстро двигаться стулья, съ особами, на нихъ сидящими? (одна моя знакомая, а именно жена художника Ч. при этомъ упала въ обморокъ) — понять трудно, объяснить еще труднѣе. Это не ловкость жонглера, вѣтъ! я отъ множества очевидцевъ слышалъ, что Юмъ во время передвижанія стульевъ или полета платковъ сидитъ неподвижно и нерѣдко поодаль, стало-быть весь на виду у всѣхъ. Участвовать у него въ петербургскомъ обществѣ быть не могло, — это можно считать почти навѣрно.

Но предположимъ, что приготовленія къ своимъ фокусамъ г. Юмъ дѣлаетъ такъ ловко, хитро и незамѣтно, что наблюдать за нимъ нѣтъ возможности; не является ли вопросъ — у кого г. Юмъ успѣвалъ выучиться такимъ фокусамъ, въ такіе молодые годы? (Ему не было и двадцати лѣтъ, когда онъ сталъ извѣстенъ). Если онъ выучился, отчего тотъ, который научилъ его, не дѣлалъ самъ такихъ же поразительныхъ фокусовъ, отчего у Юма нѣтъ учениковъ: почему никто не можетъ за деньги купить его секрета, а наконецъ, если это секретъ, отчего другіе медіумы дѣлаютъ почти тоже самое,

отчего наприѣръ не только Юмъ, но и дама съ гусиной головой, другъ Теккеря, безъ его помощи заставляла трещать столъ и полнѣться на воздухъ? Вотъ тѣ вопросы, которые невольно рождаются и которые, нѣтъ сомнѣнія, многихъ ведутъ сначала къ недоумѣнію, а потомъ отъ недоумѣнія къ вѣрѣ.

Вопросы эти могутъ продолжаться безъ конца. Такъ наприѣръ, если каждый медиумъ ничто иное какъ шарлатанъ, неужели никто изъ нихъ (а ихъ въ одной Америкѣ нѣсколько тысячъ) не могъ догадаться, что стоитъ только въ Нью-Йоркѣ или Бостонѣ разослать слѣдующаго рода объявленіе: «Въ такое-то число, въ такое-то время, я нижеподписавшійся буду при всѣхъ дѣлать все, что дѣлаетъ Юмъ и другіе медиумы съ подробнѣйшимъ нагляднымъ объясненіемъ, какъ все это дѣлается, и къ какимъ средствамъ прибѣгаютъ эти господа, чтобы обманывать высокопочтенную республиканскую публику. За входъ червонецъ». Неужели такой догадливый медиумъ въ одномъ Нью-Йоркѣ, въ одинъ вечеръ, не нашалъ бы болѣе денегъ, чѣмъ всѣ другіе медиумы, — товарищи по ремеслу? И не досадно ли, что появленіе одного такого господина передъ публикой разомъ подорвало бы всякую вѣру въ тѣ нелѣпости, которыми наполняютъ спиритуалисты свои періодическія и непериодическія изданія... и почему такого благодѣтельнаго человѣка до сихъ поръ нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ?

Естественныя науки, математика, философія, все противъ того, чтобъ какая-нибудь гармоника или аккордіонъ играли сами собой, безъ всякаго къ намъ прикосновенія, а между тѣмъ въ Европѣ это видѣли и слышали цѣлыя тысячи. Какъ вы разубѣдите ихъ въ чудесномъ, если не покажете имъ, какъ это можно слѣлать, просто, не прибѣгая ни къ чему сверхъестественному.

Фокусники, мы знаемъ, не пользуются ничѣмъ сверхъестественнымъ; они поражаютъ насъ неумовнымъ проворствомъ, ловкостью, и сами сознаются, что они фокусники. Юмъ и медиумы никогда въ этомъ сами не сознаются; они говорятъ: «мы сами не знаемъ какъ, что и почему? Мы удивлены не меньше васъ!» Какъ видите, такихъ людей трудно довести до сознанія; но не ясно ли, что они знаютъ то, чего я не знаю, и что только этимъ знаніемъ они и могутъ морочить современное намъ общество, жаждущее вѣрить хоть во что-нибудь, потомучто утратило всякую вѣру и страшно тоскуеть.

Если мы не считаемъ пустяками побѣду надъ стотысячною арміей, если мы готовы удивляться вождю который хитрыми маневрами смѣшалъ и разбилъ во сто разъ сильнѣйшаго непріятели, — не понимаю, какъ можно, подобно автору статьи, помѣщенной въ «Вѣкѣ», шутя говорить о такой побѣдѣ, гдѣ одинъ или нѣсколько

какихъ-то медиумовъ заставили полмилліона грамотныхъ и по большей части ничему невѣрующихъ, признать свою силу и повѣрить ей.

Повторяю, явленіе спиритуализма любопытно какъ фактъ, или грустно какъ заблужденіе, но нисколько не забавно. Надѣюсь, что за письмо мое вы не обвините меня въ мистицизмѣ; но быть можетъ вы спросите меня, что же я, желающій отъ всей души разоблачить тайну, что же я самъ думаю объ этихъ медиумахъ? Но что вамъ сказать на это? вы знаете, что множество изслѣдованій началось съ предположеній.

Если будетъ доказано, что поднимающіеся столы, предметы переходящіе изъ рукъ въ руки и проч. и проч. фактъ несомнѣнный, а не фокусъ и не обманъ воображенія, — нельзя будетъ не предположить, что медиумы суть ничто иное, какъ такіе исключительные организмы, которые подобно электрическимъ машинамъ или вольтовымъ столбамъ, обнаруживающимъ разныя свойства электричества, служатъ живыми проводниками такой силы въ природѣ, которая до сихъ поръ еще неизвѣстна намъ, и что теперь одни медиумы, пользуясь своими способностями или свойствами своего организма, нашли имъ разнаго рода примѣненія и обманываютъ насъ, другія сами обманываются и фантазируютъ.

Но повторяю, что и это будетъ только предположеніе.

Л. ПОЛОНСКІЙ

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА

Униженные и Оскорбленные. Романъ въ четырехъ частяхъ. Ф. М. Достоевскаго.	
Часть первая	5 ✓
Часть вторая	419
Заключеніе и чудесное бѣгство Жака Казановы изъ Венеціанскихъ темницъ (пломбъ). (Эпизодъ изъ его мемуаровъ)	93
Легенда объ испанской инквизиціи. Поэма. Часть первая. Исповѣдь Королевы. А. Н. Майкова	185
Погибшее, но милое созданье. Разсказъ. В. В. Крестовскаго.	200 ✓
Три разсказа Эдгара Поэ. I. Сердце-Обличитель. — II. Чорный Коть. — III. Чортъ въ ратушѣ.	230 ✓
Солнцская гетера. Стих. В. В. Крестовскаго	257
Облака. Стих. А. Плещеева	260
Женская Исторія. Романъ въ трехъ частяхъ. Часть первая. Юли Жадовской	261 ✓
Спишь ты и не слышавъ. Стих. Л. А. Мей	356
Магдалина. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ. Фридриха Геббеля. Съ нѣмецкаго. А. Плещеева и В. Костомарова	357
Венеція. (Отрывокъ изъ Байрона). Стих. Аполлона Григорьева.	406
Молчаніе. (Изъ Мориса Гартмана). Стих. А. Н. Плещеева.	41.
Дѣшій. Стих. Л. А. Мей	411
Сонъ Негра. Изъ Лонгфелло. (Poems on Slavery). Стих. В. Косто- марова	417
Весенній Привѣтъ. (Изъ Николая Ленау). Стих. А. Н. Плещеева	475
<i>Не смѣйтеся надъ нимъ...</i> Стих. П. Кускова	
Процессъ Ласенера. Изъ уголовныхъ дѣлъ Франціи	

Жители планетъ. Н. Н. Стрхова.	1
✓ Царица Прасковья. Очеркъ изъ Русской исторіи. Статья первая. М. И. Семевскаго.	57
Куда дѣвались наши деньги? І. Шилля	101

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Рядъ статей о русской литературѣ. Введеніе	1
✓ Подводный Камень. Романъ М. Аваѣва	35
Письмо посторонняго критика въ редакцію нашего журнала по по- воду книгъ г. Панаева и «Новаго Поэта». (Отвѣтъ «Отече- ственнымъ Запискамъ» на статью ихъ: литература сканда- ловъ)	46
Пѣсни и думы изъ Гейне, переводы въ стихахъ А. Мантейфеля. Г. Гейне — Сборникъ стихотвореній иностранныхъ поэтовъ, въ переводѣ В. Д. Костомарова и Ѳ. Н. Берга. — Сочине- нія Гейне въ переводѣ Петра Вейнберга, съ портретомъ Гей- не. Проза и стихотворенія. Стихотворенія Гейне, въ перево- дахъ Ѳ. Миллера, Ј. Мея, М. Михайлова, А. Григорьева, В. Крестовскаго и другихъ	65
Народность и литература Аполлона Григорьева.	83
Нѣчто о Шиллерѣ. Замѣтка на одну газетную строчку	113
Нѣчто о литературныхъ мошкахъ и букашкахъ. По поводу героевъ г. Тургенева	115
Отчетъ о четвертомъ присужденіи наградъ графа Уварова	132
Гаванскіе чиновники въ ихъ домашнемъ быту или Газетная га- вань во всякое время дня и года. (Нейзажъ и жанръ). Иванъ Генслера	199
Нѣсколько словъ о Ристори	151
Замѣчаніе на «Отвѣтъ» г. Лаврова. Н. Н. Стрхова.	159
Рядъ статей о русской литературѣ. г. — бовъ и вопросъ объ иску- ствѣ	165
Гадательныя книжки и светолюкователи	206

ВНУТРЕННІЯ НОВОСТИ

Обзоръ современныхъ вопросовъ	1
Акціонерная дѣятельность и статистика русскихъ акціонерныхъ обществъ. — Работы Волжско-Донской желѣзной дороги и рассказы изъ путешествія по Волгѣ. — Краткая исторія гласности. — Чудное происшествіе на Невскомъ проспектѣ. — Не менѣе чудный способъ защиты г-на Козля- нова. — Похождения умирающаго вокругъ уѣздной городской больни- цы. — Вопросъ о больницахъ и признаки водворенія гласности. — Нѣчто по дѣлу воскресныхъ школъ	

Ходъ дѣла по распространенію грамотности: новыя воскресныя школы и училища. — Содѣйствія и противоудѣйствія. — Ремесленники-хозяева и ремесленники-ученики. — Безыменная гласность. — Калужскіе рогожники. — Кончина одного полезнаго изданія. — Акціи и безденежье. — Вопросъ о заштатныхъ чиновникахъ. — Стѣзды. — Университетская годовщина въ Москвѣ. — Кончина К. С. Аксакова и В. В. Ганки 17

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Обзоръ главнѣйшихъ политическихъ событій за весь минувшій годъ 1
 Переговоры передъ Газтой. — Австрійскія дѣла. — Принятіе г. Лакордера въ члены Французской Академіи, — Процессъ Бонапартъ-Патерсонъ. — Открытіе палатъ во Франціи и Англіи 49

ФЕЛЬЕТОНЪ

Петербургскія сновидѣнія въ стихахъ и прозѣ 1
 Разныя разности. — Письмо Я. П. Половцоваго въ Редакцію «Времени» 23

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 9 февраля 1861 года

Ценсоръ *Е. Волковъ*

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЭДУАРДА ПРАЦА

Въ 1 № въ статьѣ «ЖИТЕЛИ ПЛАНЕТЪ» вкрались слѣдующія
опечатки

	<i>Напечатано</i>	<i>Нужно читать</i>
Стр. 20, стр. 15 снизу . . .	1650	1616
• 22, • 7 и 8	они равнодушны	онъ равнодушенъ
